

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ТЕХНОЛОГИЙ И УПРАВЛЕНИЯ им. К.Г. РАЗУМОВСКОГО» (ПКУ)

НАО «КАРАГАНДИНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. АКАДЕМИКА Е.А. БУКЕТОВА» (РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН)

ИНСТИТУТ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ РАО
ЖУРНАЛ «СТАНДАРТЫ И МОНИТОРИНГ В ОБРАЗОВАНИИ»
ЖУРНАЛ «НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И РАЗРАБОТКИ.
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ»

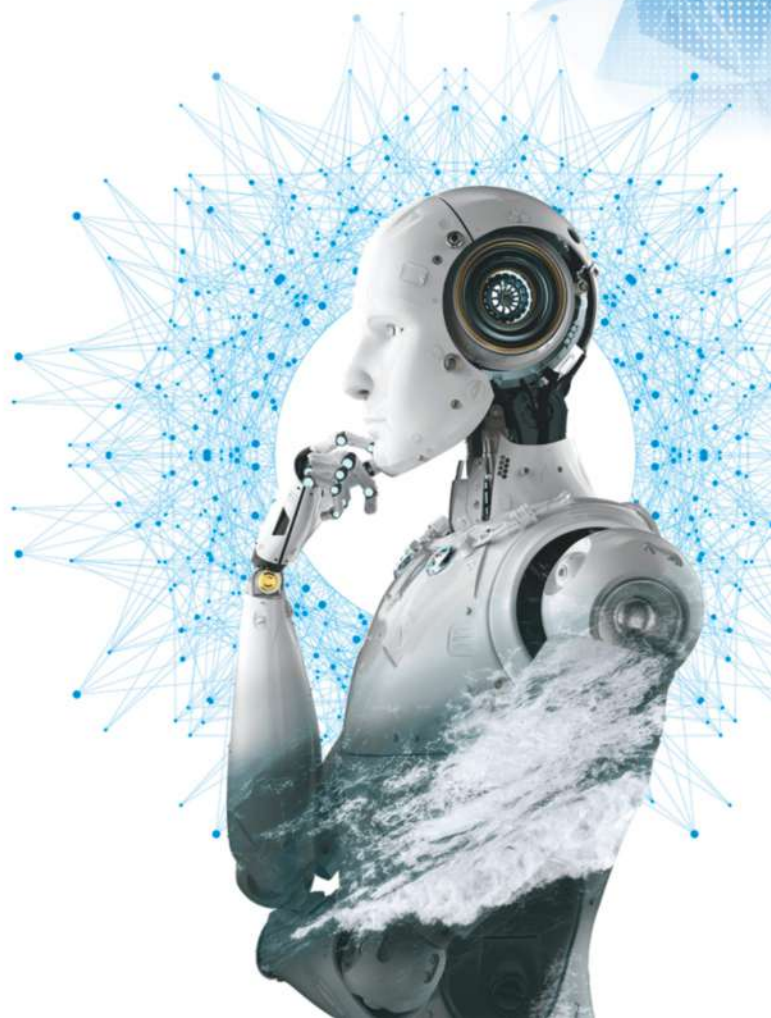
ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Сборник статей
по материалам
Международной
научно-практической
конференции

7 ноября 2025 года

Научное
электронное издание

Москва-Караганда, 2026

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ТЕХНОЛОГИЙ И УПРАВЛЕНИЯ им. К.Г. РАЗУМОВСКОГО» (ПКУ)
НАО «КАРАГАНДИНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. АКАДЕМИКА Е.А. БУКЕТОВА» (РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН)**

**ИНСТИТУТ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ РАО
ЖУРНАЛ «СТАНДАРТЫ И МОНИТОРИНГ В ОБРАЗОВАНИИ»
ЖУРНАЛ «НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И РАЗРАБОТКИ.
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ»**

ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

*Сборник статей по материалам Международной научно-практической
конференции*

7 ноября 2025 года

Научное электронное издание

Москва - Караганда, 2026

Редакционная коллегия

С.Е. Шишов – доктор педагогических наук, профессор, академик Международной академии информатизации, главный редактор журнала ВАК РФ «Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования технологии»

О.А. Козлов – доктор педагогических наук, ведущий сотрудник лаборатории математического общего образования и информатизации, Институт стратегии развития образования

П 27 Персонализированное обучение в эпоху искусственного интеллекта и виртуальной реальности. Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (7 ноября 2025 года) / Карагандинский национальный исследовательский университет имени академика Е.А. Букетова [гл. ред.: Н.В. Ившина]. — Караганда: Изд-во Карагандинского национального исследовательского университета, 2026 — PDF-файл. — Системные требования: Pentium 4; 1.3 ГГц и выше; Internet Explorer Acrobat Reader 4.0 или выше. — Русский.

ISBN 978-601-362-407-5

Сборник научных статей, представленных на Международной научно-практической конференции «Персонализированное обучение в эпоху искусственного интеллекта и виртуальной реальности» (7 ноября 2025 года), представляет собой ценный исследовательский материал, посвященный важным аспектам использования искусственного интеллекта и виртуальной реальности в образовании.

С учетом стремительного развития педагогических технологий, внедрения искусственного интеллекта и виртуальной реальности в различные сферы жизни, система образования сталкивается с новыми вызовами и возможностями. В данном сборнике авторы представляют свои научные исследования и практические наблюдения, касающиеся проблем и перспектив использования искусственного интеллекта и виртуальной реальности в образовании. Статьи, опубликованные в авторском издании, адресованы широкому кругу читателей, заинтересованных в тематике внедрения искусственного интеллекта и виртуальной реальности в образовательный процесс. Анализируя современные тенденции и перспективы развития, авторы предлагают новые подходы и решения, способствующие совершенствованию образовательной системы в условиях цифровизации и автоматизации. Совокупность знаний и идей, представленных в данном сборнике, может стать основой для дальнейших научных исследований и практических действий в области образования, а также для применения искусственного интеллекта и виртуальной реальности.

**УДК 37:004.8
ББК 74:32.813**

*Сборник трудов издается в авторской редакции
Редакционная коллегия не несет ответственности за содержание научных статей.*

Издательство Карагандинского национального исследовательского университета
имени академика Е.А. Букетова 100024, г. Караганда, ул. Университетская, 28, тел. (7212) 35-63-16.
E-mail: izd_karu@mail.kz

ISBN 978-601-362-407-5

© Карагандинский национальный исследовательский
университет имени академика Е.А. Букетова, 2026

УДК 372.881.111.1

Андреева Д.А.

обучающаяся 4 курса, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ)», г. Москва, Россия

Научный руководитель: **Рябова М.Э.**

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, ФГБОУ ВО «МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)», г. Москва

ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОРОТКИХ ВЕРТИКАЛЬНЫХ ВИДЕО (VK ВИДЕО) В ОБУЧЕНИИ АУДИРОВАНИЮ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются дидактические возможности коротких вертикальных видео (VK видео) как средства формирования иноязычной аудитивной компетенции. Акцент сделан на применении видеоформатов Reels, Shorts и VK-клипов в учебной практике. Актуальность темы обусловлена потребностью в адаптации педагогических подходов к цифровым привычкам молодого поколения. Представлены функции и преимущества использования вертикальных видеоматериалов при обучении аудированию, а также предлагается методика их интеграции в образовательный процесс. Подчеркивается роль таких медиа как инструмента повышения мотивации и качества восприятия иноязычной речи.

Ключевые слова: аудирование; цифровая дидактика; вертикальное видео; VK видео; английский язык; медиаобразование.

THE DIDACTIC POTENTIAL TEACHING OF SHORT VERTICAL VIDEOS (VK VIDEOS) IN ENGLISH LISTENING SKILLS

Abstract. The article discusses the didactic potential of short vertical videos (VK videos) as a means of developing foreign language listening skills. The focus is on using Reels, Shorts, and VK clips in teaching practice. The relevance of the topic is due to the need to adapt pedagogical approaches to the digital habits of today's students. The paper presents the functions and advantages of vertical video materials in teaching listening and suggests methods for their integration into educational practice. The study highlights the role of such media as a motivational and effective tool for developing receptive language skills.

Keywords: listening comprehension; digital didactics; vertical video; VK video; English language; media education.

Современное поколение обучающихся демонстрирует высокую степень вовлечённости в цифровую медиа-среду, в особенности – в потребление коротких вертикальных видеоформатов. Такие форматы, как Reels (Instagram), Shorts (YouTube), VK Клипы (ВКонтакте) и TikTok-видео, становятся не только средством досуга, но и потенциальным инструментом обучения. Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления подходов к обучению иноязычному аудированию в условиях цифровизации образования и трансформации коммуникативных практик.

Цель статьи – проанализировать дидактический потенциал коротких вертикальных видеороликов в контексте формирования иноязычной аудитивной компетенции.

Методологическую основу исследования составили положения деятельностного, коммуникативного и мультимодального подходов, а также концепции цифровой дидактики. В качестве эмпирической базы выступают наблюдения за обучающимися, анкетирование и анализ практического опыта применения VK-видео на занятиях английского языка.

Аудирование как один из ключевых рецептивных видов речевой деятельности требует от обучающегося активного восприятия звучащей речи, её декодирования и смысловой интерпретации. В методике преподавания английского языка традиционно выделяются различные типы аудиотекстов – от академических до аутентичных – используемые в зависимости от целей обучения.

С появлением и развитием цифровых медиа роль аутентичного медиаконтента значительно возросла. Исследователи отмечают, что использование видеоматериалов способствует активизации мотивации обучающихся, повышению их концентрации и лучшему запоминанию лексики и грамматических структур [1]. Короткие вертикальные видеоролики отличаются высокой плотностью информации, яркой визуальной составляющей и эмоциональной насыщенностью, что делает их особенно эффективными для восприятия современными студентами. Однако при этом они требуют переосмысления дидактических сценариев использования и разработки новых методик включения в образовательный процесс. Короткие видео характеризуются следующими признаками:

- ограниченный хронометраж (до 60 секунд), способствующий концентрации внимания;
 - вертикальный формат (9:16), ориентированный на мобильное потребление;
 - высокая доля разговорной и аутентичной речи;
 - наличие субтитров, визуальных подсказок и жестовой поддержки.
- С дидактической точки зрения, такие видео выполняют следующие функции:
- мотивационная (актуальность и близость тематики);
 - когнитивная (включение нескольких каналов восприятия);
 - коммуникативная (стимулирование обсуждений);
 - адаптационная (приобщение к реальной языковой среде).

Педагогическая практика показывает, что включение коротких видеофрагментов в структуру занятий способствует [2]:

- улучшению понимания иноязычной речи на слух;
- развитию способности к восприятию различных акцентов и темпов речи;
- формированию навыков выборочного и детального аудирования;
- повышению интереса к теме и вовлечённости обучающихся.

Опыт использования вертикальных видеороликов в обучении аудированию позволяет выделить следующие этапы методической работы [5]:

Подготовка обучающихся к восприятию видеоматериала: постановка целей, обсуждение ключевых понятий, лексико-грамматическая подготовка.

Просмотр видеоролика (однократный или многократный) с выполнением заданий:

- на глобальное понимание (о чём видео?) [1];
- на извлечение конкретной информации (что сказал герой?);
- на интерпретацию смысла (какова цель сообщения?).

Обсуждение содержания, выполнение продуктивных заданий (например, ролевая игра, составление сценария собственного короткого видео, сравнение с аналогичным видео на родном языке и др.).

Оценка эффективности задания, фиксация трудностей, обсуждение языковых и культурных аспектов.

Также целесообразно использовать такие инструменты, как Edpuzzle и LearnEnglish Teens (BBC), позволяющие интегрировать тесты и комментарии в видеопоток.

Для встраивания видео и интерактивных заданий рекомендуется использовать образовательные платформы, позволяющие управлять видеоконтентом и отслеживать результаты обучающихся [3]. Среди наиболее популярных [4]:

- Edpuzzle – позволяет вставлять тестовые вопросы в видео и отслеживать ответы студентов;
- PlayPosit – аналогичная система, поддерживающая групповую работу и обсуждение;
- Google Classroom + YouTube Shorts – организация домашнего задания с включением комментариев и обратной связи.

В условиях дистанционного или смешанного обучения такие платформы позволяют сохранить управляемость образовательного процесса, обеспечить индивидуализацию и контроль [Там же 4]. Восприятие краткого видеоконтента связано с особенностями когнитивной переработки информации: визуальные и слуховые стимулы активируют разные участки мозга, а короткий хронометраж стимулирует концентрацию. Однако слишком быстрое или насыщенное видео может вызвать перегрузку, особенно на начальных этапах обучения.

Важно учитывать и межкультурный компонент: сленг, идиомы, национальные реалии требуют пояснения [2]. Таким образом, преподаватель должен выступать медиатором, переводя аутентичный контент в учебный контекст и снабжая его культурными комментариями.

Исследование дидактического потенциала коротких вертикальных видео не может быть полноценно рассмотрено вне контекста ключевых тенденций в системе современного вузовского образования. В методических исследованиях последовательно проводится мысль о необходимости технологической и аксиологической трансформации содержания языкового образования [6], что напрямую соотносится с темой настоящей статьи. Современные изменения в системе высшего образования происходят в условиях цифровизации, интернационализации и интенсивного культурного взаимодействия. Эти процессы требуют от преподавателя владения методами мультимодального обучения, а также гибкости в выборе образовательных форматов. М.Э. Рябова отмечает, что «представление материала исключительно в одном-двух форматах (например, текстовом и аудиальном) ограничивает образовательные возможности» [6, с.91]. С этой точки зрения внедрение коротких вертикальных видео – шаг в сторону мультимодальности, о которой говорят ученые. Благодаря сочетанию визуального и аудиального ряда, эмоциональной насыщенности и культурной актуальности, такой контент расширяет потенциал учебного воздействия на студенческую аудиторию.

Особое внимание следует уделять аксиологическому компоненту языкового образования, обосновывая необходимость отказа от вестернизированных шаблонов в пользу национальных ценностей и культурной идентичности. В этом контексте короткие видеоролики (например, VK-клипы или Shorts) могут служить не только средством формирования аудитивных умений, но и инструментом культурной социализации. В литературе подчеркивается: «на фоне ценностно-нормативного хаоса возрастает стремление очертить внутреннее пространство «своего» аксиологического ядра» [7, с.51]. Подобный подход предполагает не просто техническое освоение языка, но и приобщение обучающихся к культурным нормам, моделям поведения и коммуникативным стратегиям, присущим как родной, так и целевой культуре.

Важной составляющей научных изысканий в области методики обучения иностранным языкам является идея ценностной трансформации роли преподавателя в цифровом образовании. В условиях, когда обучающиеся имеют доступ к множеству источников информации, включая видеоконтент, социальные сети и ИИ-инструменты, педагог перестаёт быть носителем монопольного знания. Он всё чаще выступает в роли фасилитатора, модератора и медиатора между обучающимся и образовательным контентом. В этом смысле, как справедливо подчёркивает исследователь, «преподаватель становится организатором, который создает и моделирует образовательный процесс»¹. Короткие вертикальные видеоролики, интегрированные в структуру урока, требуют от педагога не только технической подготовки, но и методической гибкости, способности к быстрой адаптации под уровень группы и контекст задания.

В русле этого подхода оправданным представляется использование модульных, квазипроектных форматов, при которых обучающиеся становятся активными субъектами образовательного взаимодействия. Например, в рамках практики, описанной в настоящем исследовании, студенты не просто просматривали короткие видео с субтитрами, но и выполняли продуктивные задания на основе увиденного: формулировали гипотезы, обсуждали языковые и культурные особенности, инсценировали ситуации.

Следовательно, VK-видео в данной дидактической модели перестают быть просто вспомогательным инструментом и превращаются в мультимодальный модуль, способствующий трансформации всей парадигмы преподавания языка.

Современное языковое образование не может быть редуцировано лишь до технической трансляции лексико-грамматического материала. Оно должно нести воспитательную нагрузку, помогать формированию ценностной картины мира, основанной на отечественных культурных кодах и представлениях.

Подытоживая сказанное, можно утверждать, что рассматриваемая проблематика вписывается в более широкий научный контекст трансформации образования в цифровую эпоху. Описанные видеоплатформы (VK, Reels, Shorts и др.) могут быть охарактеризованы как инструменты не только для формирования аудитивной компетенции, но и для развития критического мышления, ценностной рефлексии и культурной адаптации обучающихся.

Короткие вертикальные видеоролики, обладая высокой степенью вовлеченности и доступности, открывают новые горизонты в обучении аудированию на английском языке. Их использование требует методической гибкости, продуманной педагогической стратегии и соответствия уровням подготовки обучающихся [5]. Акцентированные в статье подходы позволяют говорить о формировании нового формата цифровой дидактики, интегрирующей популярные медиаформаты в структуру традиционного обучения. Потенциал VK видео в обучении аудированию ещё не раскрыт в полной мере и представляет собой перспективное направление дальнейших научных изысканий.

Список использованных источников:

1. Дигтяр О.Ю. Интеграция технологий в процесс обучения английскому языку: обзор современных цифровых инструментов и их применение на практике // Мир науки, культуры, образования. – 2025. – №. 4 (113). – С. 371-374.
2. Кузнецова И.А., Ляпин И.Л., Петровский А.М. Цифровая образовательная деятельность в университете: современные подходы и инструменты реализации // Проблемы современного педагогического образования. – 2025. – №. 86-4. – С. 170-172.
3. Маханбетова А.Е. Обучение английскому языку с использованием цифровых медиа // Вестник науки. – 2022. – Т. 4. – №. 11 (56). – С. 95-100.
4. Мохова О.Л. и др. Интегративная цифровая модель персонализированного обучения английскому языку в неязыковых вузах // Управление образованием: теория и практика. – 2025. – Т. 15. – №. 3-1. – С. 171-184.
5. Шамшова В.Ф. и др. Цифровая трансформация образования // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. – 2020. – №. 1 (31). – С. 136-146.
6. Рябова М.Э. Ключевые тенденции современного вузовского образования / М.Э. Рябова // Транслинга: вопросы современной науки и технологий сквозь призму языкового сознания: сборник по материалам международной научно-практической конференции, Москва, 12 декабря 2024 года. – Москва: ЗАО «Университетская книга», 2025. – С. 89-94. – EDN RBVRQD.
7. Рябова М.Э. Нравственные идеалы и ценностные приоритеты техногенного общества / М.Э. Рябова // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2025. – Т. 25, № 1(69). – С. 42-53. – DOI 10.24412/2078-9823.069.025.202501.042-053. – EDN QLZUDW.

УДК 378.147:004.9:811.111

Анисимов А.В.

обучающийся 2 курса, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ)», г. Москва, Россия

Научный руководитель: Рябова М.Э.

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, ФГБОУ ВО «МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)», г. Москва

ПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ ОБУЧЕНИЯ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МИНИ-ПРОЕКТОВ И ЦИФРОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

Аннотация. В статье рассматривается проблема индивидуализации обучения деловой письменной речи на иностранном языке в высшей школе. Исследуются возможности применения мини-проектов совместно с современными цифровыми ресурсами для построения персональных образовательных маршрутов. Автор анализирует, как сочетание проектной методики и технологических решений помогает учитывать профессиональные ориентации, стартовый уровень подготовки и когнитивные особенности обучающихся. Предложена практическая модель учебного процесса, содержащая примеры заданий и оценочные критерии. Доказана эффективность интеграции проектного подхода и цифровых средств для реализации персонализированного обучения в рамках курсов деловой коммуникации.

Ключевые слова: индивидуализация обучения, деловая письменная речь, иностранный язык, мини-проекты, цифровые ресурсы, высшее образование, профессиональная коммуникация, образовательный маршрут.

PERSONALIZATION OF BUSINESS WRITING SKILLS TRAINING IN A FOREIGN LANGUAGE THROUGH MINI-PROJECTS AND DIGITAL TOOLS

Abstract. The article examines the issue of personalizing business writing instruction in a foreign language in higher education. It explores the potential of using mini-projects combined with modern digital resources to create individual learning paths. The author analyzes how the combination of project methodology and technological solutions helps to consider students' professional interests, initial proficiency levels and cognitive characteristics. A practical model of the educational process is presented, containing examples of tasks and assessment criteria. The effectiveness of integrating the project approach and digital tools for implementing personalized learning in business communication courses is proved.

Keywords: learning personalization, business writing, foreign language, mini-projects, digital tools, higher education, professional communication, learning path.

Введение

Современное высшее образование сталкивается с серьезными вызовами, связанными с цифровой трансформацией и возрастающими требованиями профессиональной среды. Подготовка выпускников, способных к эффективной деловой коммуникации на иностранном языке, становится одной из приоритетных задач. Как обоснованно отмечают исследователи, современная образовательная парадигма претерпевает значительные изменения под влиянием цифровизации, смещая акцент с трансляции знаний на создание условий для формирования индивидуальных образовательных траекторий [4, с.123].

Владение деловой письменной речью подразумевает способность создавать различные жанры корпоративной коммуникации: электронные сообщения, отчетные документы, коммерческие предложения. Классические подходы к обучению, базирующиеся на унифицированных заданиях и фронтальных формах работы, часто игнорируют неоднородность учебной группы в аспекте профессиональных интересов, исходного уровня языковой подготовки и индивидуальных темпов усвоения материала.

В данном контексте принцип персонализации, интерпретируемый как построение образовательного процесса с ориентацией на личностные характеристики и запросы каждого обучающегося [5, с.112], приобретает особую значимость. Наиболее востребованным он становится в рамках практико-ориентированных дисциплин, к которым относится курс делового иностранного языка. Действенным инструментом реализации данного принципа выступает метод проектов, адаптированный в формате мини-проектов. Эта форма работы позволяет моделировать реальные профессиональные ситуации и обеспечивать субъектную позицию студента [3, с.28]. Внедрение цифровых ресурсов значительно усиливает потенциал метода, создавая гибкую среду для сотрудничества, творческого поиска и оперативной обратной связи, что соответствует ключевым тенденциям цифровой трансформации образования [4, с.125].

Цель настоящего исследования состоит в теоретическом обосновании и практическом описании модели персонализации обучения деловой письменной речи на иностранном языке посредством интеграции мини-проектов и цифровых инструментов.

1. Теоретические основы персонализации в обучении деловой письменной речи

Персонализация учебного процесса выходит за границы простой дифференциации, предполагая активное участие самого обучающегося в определении содержания, темпов и методов учебной деятельности. Применительно к обучению деловой письменной речи это означает возможность для студента концентрироваться на тех жанрах и тематических областях, которые наиболее соответствуют его будущей или настоящей профессиональной деятельности. К примеру, студенту-экономисту целесообразнее работать над отчетами и анализом рыночной ситуации, тогда как будущему специалисту по связям с общественностью важнее освоить подготовку пресс-релизов и коммерческих предложений. Подобный подход находит отражение в создании специализированных обучающих моделей, ориентированных на конкретный профиль подготовки [2, с.187].

Согласно позиции А.А. Вербицкого, продуктивное обучение происходит в условиях контекстного подхода, когда учебное содержание максимально приближено к реальной профессиональной деятельности [1, с.17]. Мини-проекты, сфокусированные на создании конкретного письменного продукта (например, цепочки электронных писем с гипотетическим партнером), оптимально соответствуют данной парадигме. При этом, как подчеркивается в модели обучения деловой письменной речи для студентов технического профиля, принципиально важным является перенос акцента с абстрактных грамматических упражнений на решение конкретных коммуникативных задач в профессиональном контексте [2, с.189].

Использование цифровых сред, в свою очередь, согласуется с принципами социального конструктивизма, согласно которым знание формируется в процессе совместной деятельности и взаимодействия с артефактами в определенной культурной среде. Цифровые инструменты становятся такими артефактами, опосредующими учебную деятельность и позволяющими организовывать ее в гибком, распределенном формате, что представляет собой одно из перспективных направлений развития современного образования [4, с.127].

2. Модель интеграции мини-проектов и цифровых инструментов для персонализации обучения

Предлагаемая модель, развивающая идеи, заложенные в существующих методических разработках [2], включает несколько взаимосвязанных стадий.

Стадия 1. Диагностика и целеполагание.

На первоначальном этапе с применением цифровых опросников (Google Forms, Microsoft Forms) осуществляется диагностика профессиональных предпочтений студентов, их самооценки владения письменными жанрами и определение зон актуального развития. На основании полученных сведений преподаватель формирует тематический банк мини-проектов, охватывающий разные профессиональные области (менеджмент, маркетинг, финансы, информационные технологии).

Стадия 2. Выбор и планирование.

Студенту или мини-группе (2-3 человека) предлагается выбрать тему проекта из банка или предложить собственную, согласовав ее с преподавателем. Ключевым компонентом является разработка цифрового паспорта проекта. Для этого задействуется шаблон в Google Docs или Trello, где обучающиеся фиксируют:

- Целевую установку проекта (создаваемый письменный продукт).
- Целевую аудиторию.
- Ключевые смысловые сообщения.
- Поэтапный рабочий план с указанием сроков.
- Выбранные цифровые средства.

Данная стадия способствует развитию навыков целеполагания и самоорганизации, входящих в состав метапредметных результатов обучения.

Стадия 3. Реализация проекта.

На этой стадии студенты активно применяют цифровые инструменты для создания письменного продукта. Выбор зависит от конкретной задачи:

- Для совместного написания текста: Google Docs, Microsoft Word Online (функция комментирования и совместного редактирования в режиме реального времени).
- Для систематизации идей, визуализации процесса: MindMeister, Padlet.
- Для разработки визуально привлекательных документов (инфографики, презентационных материалов): Figma, обладающая широкими возможностями для векторного дизайна и прототипирования.
- Для имитации профессиональной коммуникации: организация тематических каналов в Slack или Discord для проведения обсуждений.

Роль преподавателя трансформируется в роль консультанта и фасилитатора, который оказывает поддержку через те же цифровые каналы, обеспечивая своевременную обратную связь непосредственно в документе или в чате.

Стадия 4. Презентация и оценивание.

Итоговый продукт представляется в цифровом формате. Это может быть публикация на учебном блоге (Blogger), в закрытой группе Facebook или представление в виде краткого видеообзора (с использованием Zoom или Loom). Оценивание носит критериальный и многокомпонентный характер. Применяются рубрики (rubrics), созданные в Google Sheets или специализированных сервисах (например, RubiStar), которые заранее доступны студентам. Критерии включают:

- Языковую корректность.
- Соблюдение жанровых и структурных норм.
- Логическую стройность и убедительность изложения.
- Рациональность использования цифровых средств.
- Качество самооценки и рефлексии.

Существенным элементом является взаимооценивание (peer assessment) через систему комментирования, что стимулирует развитие критического мышления и позволяет студентам ознакомиться с разнообразием подходов к решению идентичной задачи.

3. Пример практической реализации

В рамках курса «Деловой английский язык» для студентов второго курса направлений «Менеджмент» и «Торговое дело» было предложено выполнить мини-проект «Решение клиентской проблемы», основанный на принципах, сходных с моделью обучения студентов технического профиля [2, с.190].

Задача: на базе входящего жалобного письма от клиента (предоставлялось преподавателем) сформировать пакет ответных документов.

Персонализация: Обучающиеся выбирали сферу бизнеса (розничная торговля, услуги, B2B-сегмент) и конкретный тип продукта или услуги. Им предлагалось создать либо стандартный ответ с извинениями, либо компенсационное письмо со специальным предложением, либо официальный ответ для юридического отдела.

Цифровые инструменты: Google Docs для подготовки черновика и получения комментариев преподавателя; Figma для оформления финальной версии письма на фирменном бланке компании; Padlet для публикации итоговых работ и организации взаимооценивания по установленным критериям.

Итог: Студенты продемонстрировали повышенную степень вовлеченности в сравнении с выполнением стандартных упражнений из учебного пособия. Работы характеризовались значительным разнообразием и творческим подходом в рамках заданных жанровых ограничений. Рефлексивный анализ показал, что обучающиеся осознали практическую ценность формируемых умений, что соответствует общей тенденции на практико-ориентированность в цифровую эпоху [4, с.126].

Заключение

Интеграция метода мини-проектов и современных цифровых ресурсов открывает существенные перспективы для персонализации обучения деловой письменной речи на иностранном языке. Предложенный подход, развивающий актуальные направления цифровизации образования, позволяет:

1. Учитывать профессиональные интересы и индивидуальные образовательные потребности обучающихся.
2. Повысить внутреннюю мотивацию через создание значимого и аутентичного письменного продукта.

3. Формировать не только языковые, но и метапредметные компетенции: проектное мышление, навыки сотрудничества, цифровую грамотность, саморегуляцию.

4. Внедрять деятельностную и контекстную парадигмы в образование, максимально приближая учебный процесс к реальным профессиональным сценариям, в том числе для нетехнических специальностей, с опорой на успешный опыт моделей, созданных для технических вузов.

Несмотря на определенные организационные трудности (необходимость создания гибкой системы заданий, повышенная нагрузка на преподавателя на стадии консультирования), преимущества предлагаемой модели очевидны. Она представляет собой эффективный ответ на вызовы современной цифровой образовательной среды и содействует подготовке конкурентоспособных специалистов, готовых к продуктивной письменной коммуникации в международном профессиональном пространстве.

Список использованных источников:

1. Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. – М.: Высшая школа, 2017. – 207 с.
2. Капустин, И. В. Модель обучения студентов технического профиля деловой письменной речи на английском языке / И. В. Капустин, М. Э. Рябова // Научно-методический электронный журнал "Концепт". – 2025. – № 3. – С. 187-203. – DOI 10.24412/2304-120X-2025-11046. – EDN UQPOYD.
3. Полат Е.С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. – М.: Академия, 2008. – 272 с.
4. Рябова, М. Э. Тенденции и перспективы образования в век цифровизации / М. Э. Рябова // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2022. – № 6. – С. 123-129. – DOI 10.17805/trudy.2022.6.14. – EDN KKKPET.
5. Ясвин В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. – М.: Смысл, 2001. – 365 с.
6. Hampel R., Stickler U. New skills for new classrooms: Training tutors to teach languages online // Computer Assisted Language Learning. – 2005. – Vol. 18, № 4. – P. 311–326.
7. Thomas J.W. A Review of Research on Project-Based Learning. – San Rafael, CA: The Autodesk Foundation, 2000. – 48 p.

УДК 37.1174

Воробьева А.А.

студентка 3 курса, направления подготовки – 44.03.01-«Педагогическое образование», ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (ПКУ)»

Работа выполнена под научным руководством Рубаниковой И.А.

кандидат филологический наук, доцент кафедры иностранных языков, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)»

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ НАРРАТИВНЫХ ТЕКСТОВ В РАЗЛИЧНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КОНТЕКСТАХ: (ПРИМЕНИМОСТЬ В ШКОЛАХ, ВУЗАХ, ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИИ И САМООБРАЗОВАНИИ)

Аннотация. В современном образовательном пространстве интерактивный нарративный текст становится неотъемлемой частью учебного процесса, преобразуя роль обучающегося из пассивного слушателя в активного соавтора сюжета. Статья исследует применимость и эффективность данной технологии в различных образовательных контекстах: в школах, вузах, онлайн-образовании и самообразовании. Также в статье рассмотрены преимущества и недостатки метода, и приведены примеры критериев оценки его эффективности.

Ключевые слова: интерактивный нарратив, образовательные технологии, цифровизация образования, учебный процесс, критическое мышление, персонализация обучения, образовательные контексты, онлайн-образование, самообразование, оценка эффективности.

USING INTERACTIVE NARRATIVE TEXTS IN VARIOUS EDUCATIONAL CONTEXTS: (APPLICABILITY IN SCHOOLS, UNIVERSITIES, ONLINE EDUCATION AND SELF-EDUCATION)

Abstract. In the modern educational space, interactive narrative text has become an integral part of the learning process, transforming the learner's role from a passive listener to an active co-author of the story. This article explores the applicability and effectiveness of this technology in various educational contexts, including schools, universities, online education, and self-education. It also discusses the advantages and disadvantages of the method and provides examples of criteria for evaluating its effectiveness.

Keywords: interactive narrative, educational technologies, digitalization of education, learning process, critical thinking, personalization of learning, educational contexts, online education, self-education, and performance evaluation.

Введение

Интерактивный нарративный текст – это история с нелинейной структурой, развитие которой зависит от решений, принимаемых читателем [7, с.45]. Здесь помимо заложенного сюжета, решающее решение принимает обучающийся. Поскольку у истории есть множество вариантов развития, обучающийся должен на каждом этапе выбирать, какой путь ему кажется наиболее правильным. И от каждого его решения зависит то, чем закончится история. Основная задача интерактивных нарративных текстов в образовании заключается в преобразование пассивного усвоения информации в активную деятельность [2, с.98]. Вместо запоминания обычного запоминания информации читатель проживает историю, принимает решения, анализирует последствия и несёт за них ответственность в рамках виртуального сценария. Это развивает критическое мышление, эмоциональный интеллект и мотивацию к обучению [6, с.145].

На мой взгляд, можно эффективно применять интерактивные нарративные тексты в гуманитарных, естественных и прикладных науках [1, с.156]. Что касается иностранных языков, можно смоделировать

ситуацию, где обучающийся оказался в виртуальном иностранном городе, и ему нужно выбрать реплики для общения с персонажами, чтобы найти дорогу домой или заказать еду в кафе [3, с.89]. Важно отметить, что это довольно эффективный вариант отработки материала, потому что каждый выбор проверяет знание конкретной лексики и грамматики [5, с.212]. Интерактивные нарративы универсальны и могут быть адаптированы для всех уровней образования, включая школы, вузы онлайн-образование и самообразование [4, с.121].

Методы исследования

В ходе настоящего исследования были использованы теоретические методы, позволившие всесторонне проанализировать феномен интерактивных нарративных текстов как педагогического инструмента, а также смоделировать возможности их применения в различных образовательных контекстах.

Результаты исследования

В школьном образовании интерактивный нарратив можно эффективно применять на всех предметах. Например, на уроках истории с его помощью можно моделировать ключевые события эпох, позволяя ученику взять на себя роль полководца или политика и принимать решения, которые повлияют на ход событий. На литературе такой формат способствует анализу произведения через призму восприятия разных персонажей, это позволит лучше понять их мотив и поступки. На биологии это может быть реализовано через увлекательное «путешествие» по кровеносной системе, где ученик самостоятельно выбирает путь для изучения. Для успешной реализации этой методики от учителя требуется ряд специфических навыков. Ему необходимо уметь создавать или адаптировать сценарии, используя специальные инструменты, такие как конструкторы Twine или Unity. Кроме того, важной компетенцией является фасилитация – умение проводить содержательные дискуссии после прохождения истории, сравнивать различные варианты выбора обучающихся и их последствия. Учитель должен органично интегрировать интерактивные тексты в существующую учебную программу для того, чтобы они дополняли и помогали лучше разбираться в темах. Для работы с интерактивным нарративом обучающимся необходимо иметь базовые навыки чтения и понимания текста, а также способность к анализу и синтезу информации для принятия решений. Также важна готовность к дискуссиям по поводу выборов и их аргументации в группе, что развивает критическое мышление и коммуникативные навыки. По моему мнению, влияние данной технологии на учебный процесс неоднозначно. С одной стороны, она сильно повышает вовлеченность и мотивацию обучающихся, превращая пассивное усвоение информации в активный процесс. С другой стороны, ключевыми недостатками являются повышенные временные затраты по сравнению с традиционными методами и организационная сложность эффективного использования данного формата в больших классах.

В высшем учебном заведении интерактивный нарратив открывает широкие возможности для профессиональной подготовки студентов. Например, обучаясь на юриспруденции с его помощью можно детально разбирать сложные судебные кейсы, где от каждого решения зависит исход дела. В медицинских вузах этот формат идеально подходит для симуляции клинических ситуаций, предоставляя студентам возможность в тренировке постановки диагноза и выборе среди вариантов лечения, без риска здоровьем настоящего пациента. В психологии интерактивные сценарии позволяют отрабатывать техники консультирования и находить более подходящие пути взаимодействия с клиентом. Для эффективного применения этой технологии в вузе преподаватель должен не только владеть цифровыми инструментами, но и обладать глубокими предметными знаниями, чтобы создавать сложные, многовариантные сценарии, максимально приближенные к реальным профессиональным ситуациям. От студента требуются развитые навыки критического анализа и саморефлексии, способность работать с большими объемами информации, а также умение четко аргументировать каждый свой выбор в рамках предложенного сценария. Положительное влияние применения интерактивных нарративных текстов в вузах заключается в том, что они напрямую готовят студентов к принятию значимых решений в реальных профессиональных ситуациях.

В онлайн-образовании интерактивный нарратив становится мощным инструментом для повышения эффективности образовательного процесса, который можно применить в качестве сквозного задания, проходящего через весь курс, где каждый новый учебный модуль открывает следующие сюжетные ветки, напрямую связанные с изучаемым материалом. Также существует довольно перспективное направление – создание на основе онлайн-образования полноценных интерактивных симуляций и тренажеров, позволяющих отрабатывать практические навыки в безопасной виртуальной среде. Главная задача учителя в этом формате – обеспечение качественного дистанционного сопровождения. Это включает в себя организацию и модерацию итоговых обсуждений на форумах или в чатах, где обучающиеся могут сравнить свои выборы в сюжете, анализировать альтернативные пути и совместно прийти к более глубокому пониманию материала. От обучающегося требуется высокий уровень самоорганизации и самоконтроля, так как само онлайн-образование предполагает большую самостоятельность и личную ответственность за получаемые знания. Существенное положительное влияние интерактивного нарратива в онлайн-образовании заключается в том, что он перекрывает один из главных недостатков дистанционного образования, то есть преобразование низкого удержания внимания и мотивации в высокое.

В сфере самообразования интерактивный нарратив возможно применять через использование готовых продуктов, таких как специализированные приложения и интерактивные книги. Потому что эти ресурсы эффективно используются для изучения иностранных языков в контексте смоделированных ситуаций и диалогов, а также для освоения сложных навыков, таких как, основы программирования, где учебный материал преподносится через решение сюжетных задач и игровые сценарии. Чтобы обучаться в таком формате,

обучающийся должен иметь устойчивую внутреннюю мотивацию и умение самостоятельно находить подходящие образовательные ресурсы, оценивать собственный прогресс и результаты обучения без внешнего контроля. Основное положительное влияние использования данной методики в самообразовании заключается в способности преобразовывать обыденный процесс обучения в увлекательный.

Для оценки эффективности применения интерактивных нарративных текстов в различных образовательных контекстах можно использовать единую систему оценки. Прежде всего, необходимо оценивать, насколько содержательно проработаны сюжетные линии, так как это напрямую влияет на познавательную ценность. Ключевой критерий – соответствие заложенных в сценарий механизмов и решений образовательным целям конкретной дисциплины или курса. Также важно обращать внимание на уровень вовлечённости и мотивации, который удаётся достичь среди обучающихся разных возрастов и в разных форматах. Главным показателем эффективности служит измеримый прирост знаний и практических навыков, который демонстрируют обучающиеся после прохождения нарратива.

Ключевым преимуществом этой технологии является её мощный потенциал для повышения не только мотивации и вовлечённости обучающихся, но и качества образования, что особенно актуально в онлайн-образовании и самообразовании, где присутствует высокий риск недостаточного усвоения материала. Также интерактивный нарратив положительно способствует развитию критического и системного мышления, благодаря тому, что читатель постоянно сталкивается с необходимостью анализа ситуации, прогнозирования последствий и принятия взвешенных решений. Он обеспечивает персонализацию обучения, позволяя каждому ученику или студенту выстраивать индивидуальную траекторию в зависимости от своего выбора. Важным достоинством применения интерактивных нарративных текстов является создание безопасной среды для проб, где можно увидеть последствия удачного и неудачного решения без реального ущерба, что должно стать незаменимо в профессиональной подготовке в вузах.

Помимо преимуществ применения интерактивных нарративов есть и недостатки, среди которых высокая трудоёмкость и ресурсозатратность создания качественных, содержательных сценариев. Также необходимо следить за тем, чтобы данный формат обучения не уходил по большей степени в развлекательный, иначе это может быть применено в ущерб учебному содержанию. Также сложно разработать объективную систему оценки результатов, так как трудно измерить традиционными тестами нелинейный прогресс и творческую деятельность. Кроме того, успешное внедрение технологии требует специальной и чаще всего длительной подготовки учителей, которые должны освоить не только новые цифровые инструменты, но и принципы фасилитации обсуждения нелинейных сюжетов.

Заключение

Таким образом, можно эффективно использовать интерактивные нарративные тексты в различных образовательных контекстах, применять в школах, вузах, онлайн-образовании, самообразовании. Потому что интерактивный нарратив является сильным педагогическим инструментом, который при правильном использовании поможет повысить эффективность, результативность и качество обучения. Его использование оказывает положительное влияние на всех этапах обучения: в школе пробуждают интерес к знаниям, в вузе формируют профессиональные компетенции, в онлайн-образовании повышают завершаемость курсов, а в самообразовании делают процесс непрерывным и увлекательным. И даже не смотря на существующие сложности, такие как трудоёмкость создания, их потенциал и польза для обучающихся в трансформации образования из обыденной обязанности в захватывающий образовательный процесс перекрывает все недостатки.

Список использованных источников:

1. Абакумова Н.Н., Дмитриев Д.Б. Цифровая дидактика: теория и практика. Москва: Издательство Юрайт, 2021. 289 с.
2. Казаков С.П. Интерактивные образовательные технологии в высшей школе // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 1. С. 94-107.
3. Роберт Т., Макконен П. Цифровые нарративы в образовании: международный опыт. Хельсинки: Издательство Хельсинкского университета, 2022. 178 с.
4. Федоров А.В., Левицкая А.А. Медиаобразование и цифровая грамотность. Санкт-Петербург: Издательство Лань, 2020. 215 с.
5. Bogost I. Persuasive Games: The Expressive Power of Videogames. MIT Press, 2021. 450 p.
6. Jenkins H., Purushotma R., Weigel M. et al. Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century. Cambridge: MIT Press, 2022. 323 p.
7. Murray J.H. Hamlet on the Holodeck: The Future of Narrative in Cyberspace. Free Press, 2020. 457 p.

студентка 2 курса, направление 09.03.01, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством Зотовой О.В.

старшего преподавателя кафедры иностранных языков МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ, КАК ВИРТУАЛЬНЫЙ СОБЕСЕДНИК В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И РИСКИ

Аннотация. В этой статье рассматривается использование искусственного интеллекта (ИИ) в качестве виртуального партнера, помогающего людям улучшить свои коммуникативные навыки при изучении иностранного языка. Рассматриваются психологические аспекты использования ИИ-партнеров в образовании, такие как преодоление языковых барьеров, создание безопасного учебного пространства и индивидуализация обучения. В ходе анализа особое внимание уделяется возможным опасностям, таким как чрезмерное доверие к виртуальному общению, уменьшение реальных личных контактов и возможная изоляция студентов. Основываясь на том, как искусственный интеллект используется в языковом образовании, анализ предлагает способы тщательного внедрения виртуальных партнеров, сохраняя при этом традиционные методы обучения.

Ключевые слова: искусственный интеллект, виртуальный собеседник, обучение иностранному языку, языковой барьер, психологические риски, виртуальная коммуникация, цифровые образовательные технологии.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A VIRTUAL INTERLOCUTOR IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING: PSYCHOLOGICAL ASPECTS AND RISKS

Abstract. This article deals with using artificial intelligence (AI) as a virtual partner to help people improve their communication skills when learning a foreign language. It considers the mental aspects of using AI partners in education, like getting over language barriers, making a safe learning space, and customizing learning. The analysis gives special focus to possible dangers, like relying too much on virtual communication, less real personal contact, and students possibly becoming isolated. Based on how AI is used in language education, the analysis suggests ways to carefully introduce virtual partners, while keeping traditional teaching methods.

Keywords: artificial intelligence, virtual interlocutor, foreign language teaching, language barrier, psychological risks, virtual communication, digital educational technologies.

Искусственный интеллект все шире используется в современном образовании. Он может помочь в изучении языков в ситуациях, когда общение с носителями языка важно, но не всегда возможно. В Национальной стратегии развития ИИ до 2030 года говорится, что одной из главных целей является улучшение образования путем изменения методов преподавания предметов в соответствии с потребностями учащихся [2, с.57]. ИИ может использоваться в качестве партнера по практике устной и письменной речи и является совершенно новым инструментом, который может выступать в роли носителя языка. Это исследование важно, потому что обучающие возможности искусственного интеллекта растут, но умственные результаты его использования для изучения иностранных языков изучены недостаточно.

Этот метод основан на существующих исследованиях, посвященных виртуальной коммуникации и роли искусственного интеллекта в изучении языка. Чтобы увидеть положительные стороны собеседников с искусственным интеллектом, полезно посмотреть, как изменилось виртуальное общение. Ю. В. Крылов говорит, что оно перешло от пейджинга в 1990-х годах к современным мессенджерам. Это создало определенные навыки для общения на расстоянии [1, с.90,91]. В настоящее время технологии искусственного интеллекта совершенствуются. В языковых моделях нейросетей, таких как ChatGPT, собеседник с помощью искусственного интеллекта активно принимает участие в диалоге. Он добавляет различные ответы и изменения в зависимости от того, что нужно пользователю.

Исследования показывают, что собеседники с искусственным интеллектом обладают хорошим преподавательским потенциалом. Учитывая, что опрос студентов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации подтвердил, что разговорная речь создает для них наибольшие проблемы [2, с.58], использование технологий ИИ становится особенно актуально. Л.Ф. Мурсалимов рассказывает о преимуществах виртуальной реальности и искусственного интеллекта. Они позволяют студенту создать реалистичную обстановку для обучения, а также интерактивное общение и быстрый анализ речи [2, с.59]. Л.Н. Щербатых отмечает роль цифровых инструментов, таких как чат-боты. Эти инструменты помогают формировать у студентов гуманитарную культуру посредством индивидуального подхода к речи [3, с.96]. Виртуальный партнер всегда рядом. Таким образом, у студентов появляется много возможностей для обучения, когда им это выгодно.

Основное психологическое преимущество общения с ИИ-собеседником – это безопасное пространство для практики. Общение один на один с виртуальным партнером снижает уровень тревожности [2, с.60]. Студенты не переживают из-за ошибок и не беспокоятся о том, что подумают другие. Так проще преодолеть языковой барьер, ведь языковой барьер – это психическое состояние, при котором человек знает язык, но боится говорить. Нейтральный виртуальный партнер не заставляет человека нервничать. Можно повторять материал сколько угодно, и никто не будет возражать. Индивидуальный подход к обучению повышает интерес и желание студентов учиться.

Несмотря на все перечисленные факты, всё еще существуют некоторые риски, которые следует учитывать. Во-первых, могут сократиться личные взаимодействия. Крылов отмечает, что в виртуальных разговорах отсутствуют невербальные сигналы, которые присутствуют в разговорах в реальной жизни [1, с.92]. Хотя системы могут отслеживать тональность, они не могут по-настоящему заменить живые диалоги. Еще один риск – чрезмерная зависимость от виртуального общения. Психологи заметили тревогу, которая связана с отсутствием телефона у человека. Это указывает на то, насколько виртуальное общение сейчас важно [1, с.93]. Учащиеся могут предпочесть безопасное взаимодействие, обеспечиваемое ИИ, более сложным взаимодействиям с реальными людьми. Третий риск связан с социальной изоляцией и снижением эмпатии. Искусственный интеллект не обладает истинными чувствами, поэтому постоянное взаимодействие с ним может ослабить способность человека к сопереживанию. Четвертый риск – чрезмерно упрощенный подход к языку. Реальная речь спонтанна и включает идиомы и диалекты. Щербатых утверждает, что при изучении языка необходимо учитывать разнообразие [3, с.98], но ИИ предоставляет стандартную модель. Пятый риск – чрезмерная зависимость от технологий и меньшая независимость в решении коммуникативных вопросов. Шестой риск связан с неравным доступом к технологиям, что может увеличить пробелы в образовании [1, с.94].

Исходя из практического опыта, чат-боты с искусственным интеллектом могут быть полезны в школах. Например, Duolingo и Babbel используют чат-ботов, чтобы люди могли совершенствовать свои разговорные навыки. Это позволяет студентам практиковаться в разговорной речи в различных ситуациях. Университеты тоже начинают использовать эти инструменты. Студенты могут попрактиковаться в написании деловых документов, подготовке к собеседованиям, приеме на работу или ежедневном общении с виртуальным партнером. Исследования показывают, что регулярная практика с чат-ботом с искусственным интеллектом улучшает разговорные навыки и словарный запас. Особенно важно, что студенты могут заниматься в любое удобное время и в комфортной обстановке, что снижает стресс и повышает эффективность обучения. Важно, чтобы такого рода занятия были частью более масштабного плана урока и не заменяли полностью обычные методы обучения.

Активное внедрение технологий искусственного интеллекта не снижает значимость роли учителей, но меняет ее. Учителя руководят процессом обучения, выбирая правильные инструменты и соблюдая баланс между онлайн-обучением и очным обучением. Мурсалимов отмечает, что преподавателям необходимо научить студентов критически мыслить при использовании ИИ [2, с.61]. Также важно научить студентов видеть границы возможностей технологий и понимать, когда им нужно поговорить лицом к лицу. Учителя также следят за успеваемостью учащихся, выявляют пробелы в их знаниях и при необходимости меняют учебные планы. Таким образом, преподаватели играют ключевую роль в обучении.

В руководстве по использованию чат-ботов с искусственным интеллектом имеет в себе несколько идей для более эффективного использования. Во-первых, постепенное внедрение технологии, объясняя, что она может, а что нет. Во-вторых, переключение между виртуальной практикой и реальными разговорами. Например, использование искусственного интеллекта, чтобы подготовиться к реальным разговорам. В-третьих, нужно убедиться, что существуют различные речевые ситуации, чтобы учащиеся могли видеть все виды коммуникации. Также Щербатых отмечает, что при выборе цифровых инструментов необходимо учитывать потребности каждого студента [3, с.99]. Регулярная рефлексия также является хорошей идеей: студенты должны задуматься о том, каково это – работать с искусственным интеллектом, и понять, как далеко они продвинулись.

Будущие изменения в чат-ботах с искусственным интеллектом связаны с совершенствованием технологий обработки естественного языка и расширением их возможностей. Люди ожидают, что будущие системы будут лучше понимать эмоциональный контекст, адаптироваться к культуре и лучше комментировать то, как кто-то произносит слова и использует грамматику. Добавление виртуальной реальности к чат-ботам с искусственным интеллектом может еще больше расширить возможности для изучения языков. Крылов отмечает, что виртуальное общение будет расширяться, открывая новые возможности для обучения [1, с.95]. Но для того, чтобы работать наилучшим образом, нам нужно больше изучить психологические и обучающие аспекты использования этой технологии.

Лучше всего использовать комбинированный подход к обучению иностранным языкам. Это означает сочетание обычных методов, реальных бесед с носителями языка и практики с чат-ботами с искусственным интеллектом. Это позволяет людям использовать преимущества каждого из способов: структуру обычного обучения, реалистичность живых бесед и легкий доступ к виртуальной практике. Постепенно студенты могут стать более уверенными в своих языковых навыках, переходя от безопасного пространства с искусственным интеллектом к более сложным беседам с реальными людьми. Школы должны составлять планы, включающие все эти элементы, чтобы добиться наилучшего результата в изучении языка.

Таким образом, чат-боты с искусственным интеллектом предоставляют отличные возможности для персонализации обучения и дают больше возможностей попрактиковаться в общении. Ключевым преимуществом генеративных моделей является то, что они устраняют языковые барьеры, поскольку нет необходимости беспокоиться об обратной связи. Тем не менее, существуют такие риски, как сокращение количества живых бесед, зависимость, одиночество, упрощенное использование языка, снижение роли учителей и усиление неравенства. Хороший план - сочетать виртуальное взаимодействие с личным общением, сохраняя актуальность роли учителя и внимательно изучая технологию. Искусственный интеллект позволяет людям переосмыслить изучение языка с помощью виртуального обучения, но для успешного его проведения

необходимо понимание сути виртуальных переговоров и возможных проблем. Технологии должны повышать качество переговоров, а людям по-прежнему нужны реальные разговоры для изучения языков.

Список использованных источников:

1. Крылов Ю.В. Аспекты изучения языка виртуальной коммуникации // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2025. № 2 (47). С. 90–95.
2. Мурсалимова Л.Ф. Возможности и условия эффективного применения технологий виртуальной реальности и искусственного интеллекта в обучении иностранному языку в вузе // Высшее образование в России. 2024. № 3. С. 57–61.
3. Щербатых Л.Н. Цифровые образовательные средства формирования гуманитарной культуры студентов с учетом поливариантности английского языка // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2024. Т. 18. № 1. С. 92–101.

УДК 159.9

Кольчев Д.С.

магистрант 2-го года обучения, направление подготовки 44.04.01-Педагогическое образование, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского» (Первый казачий университет), Россия, Москва.

Научный руководитель: Богатырева С.Н.

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков факультета СГТ, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского» (Первый казачий университет), Россия, Москва.

ИНТЕРАКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО МЕТОДА ОБУЧЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты использования интерактивных технологий как средства реализации коммуникативного метода обучения иностранному языку обучающихся с девиантным поведением. Освещаются ключевые положения коммуникативного подхода, раскрываются особенности применения интерактивных форм и методов, направленных на развитие коммуникативной компетенции, активизацию познавательной деятельности и социализацию подростков. Особое внимание уделено психолого-педагогическим аспектам работы с учащимися, проявляющими девиантное поведение, а также анализу педагогического опыта внедрения интерактивных технологий. Результаты исследования подтверждают, что использование интерактивных методов способствует повышению учебной мотивации, развитию когнитивных и коммуникативных навыков, формированию положительных моделей поведения и снижению уровня тревожности у подростков.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска эффективных педагогических средств социализации и обучения в условиях роста девиантных проявлений среди подростков. Иностранный язык как учебный предмет обладает особым потенциалом для развития коммуникативных навыков и социальной адаптации. Однако традиционные методы обучения зачастую малорезультативны в работе с учащимися с девиантным поведением в силу их низкой учебной мотивации, коммуникативных трудностей и повышенной тревожности. В этой связи интеграция коммуникативного метода, нацеленного на реальное общение, с интерактивными технологиями, создающими вовлекающую и психологически безопасную образовательную среду, представляется особо актуальной.

Научная новизна исследования заключается в комплексном обосновании применения интерактивных технологий как средства реализации коммуникативного метода именно в контексте обучения иностранному языку подростков с девиантным поведением.

Ключевые слова: коммуникативный метод, интерактивные технологии, обучение иностранному языку, девиантное поведение, коммуникативная компетенция, социализация.

INTERACTIVE TECHNOLOGIES AS A MEANS OF IMPLEMENTING THE COMMUNICATIVE APPROACH TO TEACHING

Abstract. The article discusses the theoretical and practical aspects of using interactive technologies as a means of implementing the communicative method of teaching foreign languages to students with deviant behavior. It highlights the key principles of the communicative approach and explores the features of using interactive forms and methods aimed at developing communicative competence, activating cognitive activity, and socializing adolescents. The article also focuses on the psychological and pedagogical aspects of working with students with deviant behavior and analyzes the pedagogical experience of implementing interactive technologies. The study results confirm that the use of interactive methods helps to increase learning motivation, develop cognitive and communication skills, form positive behavioral patterns, and reduce anxiety levels in adolescents.

The relevance of the study is due to the need to find effective pedagogical means of socialization and education in the context of the growing prevalence of deviant behavior among adolescents. Foreign language as a subject has a special potential for developing communicative skills and social adaptation. However, traditional teaching methods are often ineffective in working with students with deviant behavior due to their low academic motivation, communication difficulties, and increased anxiety. In this regard, the integration of a communicative method aimed at real-life communication with interactive technologies that create an engaging and psychologically safe educational environment is particularly relevant.

The scientific novelty of the study lies in the comprehensive justification of the use of interactive technologies as a means of implementing the communicative method in the context of teaching foreign languages to adolescents with deviant behavior.

Keywords: communicative method, interactive technologies, foreign language teaching, deviant behavior, communicative competence, socialization.

Введение

Современная система языкового образования ориентирована на формирование у обучающихся способности к реальному иноязычному общению, развитию личности, критического мышления и

социокультурной компетенции. Одним из ведущих направлений современной методики признан коммуникативный подход, предполагающий обучение через практику общения. Однако при работе с подростками, проявляющими девиантное поведение, традиционные методы часто не обеспечивают необходимого уровня вовлечённости и мотивации [1].

Обучающиеся с девиантным поведением характеризуются эмоциональной неустойчивостью, импульсивностью, низкой самооценкой, трудностями в социализации и межличностном взаимодействии. В связи с этим возникает необходимость в применении педагогических технологий, ориентированных на активизацию личности, создание атмосферы доверия и партнёрства, а также на стимулирование внутренней мотивации к обучению.

Интерактивные технологии, базирующиеся на принципах сотрудничества, совместной деятельности и активного диалога, в полной мере соответствуют целям коммуникативного подхода. Их использование способствует реализации идей субъект-субъектного взаимодействия, формированию коммуникативных умений и развитию социально значимых качеств личности.

Цель исследования заключается в определении педагогического потенциала интерактивных технологий как средства реализации коммуникативного метода обучения иностранному языку обучающихся с девиантным поведением.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие задачи:

1. Проанализировать теоретические основы коммуникативного и интерактивного подходов.
2. Выявить особенности применения интерактивных технологий в работе с обучающимися с девиантным поведением.
3. Определить эффективность интерактивных форм обучения в развитии коммуникативной компетенции и социальной адаптации учащихся.

Обзор литературы

Коммуникативный метод обучения иностранным языкам, разработанный Е.И. Пассовым [8], основывается на принципе обучения через речевое взаимодействие, где язык рассматривается не как цель, а как средство общения. Согласно В.В. Сафоновой [10], коммуникативная компетенция включает лингвистическую, социокультурную, дискурсивную и стратегическую составляющие, что делает обучение комплексным и ориентированным на личность обучающегося.

Зарубежные исследователи (Canale, Swain, Hymes, Brown) [6; 7; 9] также подчёркивали, что ключевой целью языкового образования является формирование способности к эффективной коммуникации в различных контекстах. D. Hymes вводит понятие *communicative competence* как совокупности умений использовать язык адекватно ситуации общения, а М. Canale и М. Swain уточняют её структуру, добавляя стратегическую и дискурсивную компетенции.

Интерактивные технологии в обучении, по определению Н.Д. Гальсковой и И.Л. Бим [4], представляют собой совокупность методов, обеспечивающих активное взаимодействие между участниками образовательного процесса. Основная их цель – создание условий, при которых каждый обучающийся становится активным субъектом деятельности. К интерактивным методам относят деловые и ролевые игры, проектную деятельность, мозговые штурмы, онлайн-дискуссии, квесты, тренинги и дебаты.

Психолого-педагогические исследования (А.И. Захаров [5], Е.В. Бондаревская [1]) показывают, что подростки с девиантным поведением требуют особого подхода: их обучение должно быть основано на принципах гуманизма, сотрудничества и поддержки. Л.С. Выготский [3] подчёркивал, что развитие личности происходит в процессе взаимодействия с окружающими, поэтому использование интерактивных форм обучения способствует социализации и коррекции поведенческих отклонений.

Таким образом, интеграция интерактивных технологий в коммуникативный подход создаёт синергетический эффект, повышая эффективность обучения и способствуя формированию у подростков навыков конструктивного взаимодействия и саморегуляции.

Методы исследования

В исследовании использовались теоретические и эмпирические методы.

Теоретические включали анализ отечественной и зарубежной литературы по вопросам коммуникативного и интерактивного обучения, психологии девиантного поведения и методики преподавания иностранных языков.

Эмпирическая часть была проведена на базе реабилитационного Центра, где обучаются подростки 14-18 лет, проявляющие признаки девиантного поведения. В исследовании участвовали 20 человек, разделённые на контрольную и экспериментальную группы.

Эксперимент проводился в три этапа:

- диагностический, на котором определялся уровень мотивации, коммуникативной активности и успеваемости по иностранному языку;
- формирующий, в рамках которого применялись интерактивные формы обучения: ролевая игра, дискуссия, проектная работа, квест, групповая работа, элементы геймификации;
- контрольный, на котором анализировались изменения мотивации, коммуникативной активности и успеваемости.

Для оценки результатов использовались анкетирование, наблюдение, педагогический эксперимент и статистическая обработка данных (t-критерий Стьюдента).

Результаты исследования

Результаты проведённого педагогического эксперимента подтвердили гипотезу о том, что использование интерактивных технологий в рамках коммуникативного метода способствует более высокому уровню развития речевых, социальных и когнитивных навыков обучающихся с девиантным поведением. Анализ полученных данных осуществлялся по трём основным направлениям: повышение учебной мотивации, развитие коммуникативной компетенции, социализация и поведенческая динамика.

Динамика учебной мотивации.

На начальном (диагностическом) этапе большинство обучающихся демонстрировали низкую внутреннюю мотивацию: 63% респондентов отмечали, что изучают иностранный язык «из необходимости», а не из интереса, и только 17% проявляли устойчивый познавательный интерес. После систематического внедрения интерактивных методов, основанных на принципах сотрудничества, диалога и игрового взаимодействия, наблюдалась выраженная положительная динамика.

По результатам анкетирования, проведённого после формирующего этапа, доля учащихся с выраженной внутренней мотивацией увеличилась до 58%, а число обучающихся с пассивным отношением к предмету сократилось до 12%.

Особенно высокие показатели мотивации наблюдались в заданиях, где присутствовал элемент соревновательности (квесты, игровые дебаты, интерактивные викторины). Обучающиеся отмечали, что такие формы занятий делают изучение языка «живым» и «осмысленным», а также снижают страх ошибок.

Развитие коммуникативной компетенции.

Одним из ключевых показателей эффективности эксперимента являлось развитие коммуникативных навыков. На диагностическом этапе учащиеся контрольной и экспериментальной групп продемонстрировали схожие результаты:

- уровень владения устной речью составил 38% от максимально возможного;
- уровень восприятия речи на слух – 41%;
- уровень участия в диалогах – 35%.

После четырёх месяцев обучения с использованием интерактивных технологий средний показатель речевой активности в экспериментальной группе повысился до 74%, тогда как в контрольной группе лишь до 49%.

Наиболее значительный прирост был зафиксирован по критерию спонтанной речи (умение формулировать ответы без подготовки). Увеличение составило на 36%, что свидетельствует о росте уверенности и коммуникативной гибкости учащихся.

Интерактивные методы, такие как role play (ролевая игра), problem solving (решение проблемных ситуаций) и debate club (клуб дебатов), показали наибольшую эффективность. Например, во время ролевых игр учащиеся моделировали реальные социальные сценарии («дискуссия о правилах поведения», «путешествие», «интервью при приёме на работу»), что позволило не только закрепить лексику, но и научиться выражать эмоции, аргументировать позицию и слушать собеседника.

Положительный эффект наблюдался и в развитии аудитивных умений. Использование аудио- и видеоматериалов в формате «интерактивного задания» (просмотр с последующим групповым обсуждением) увеличило показатели понимания речи на слух в среднем на 22%.

Влияние интерактивных методов на поведение и социализацию.

Для обучающихся с девиантным поведением особое значение имеет влияние образовательных технологий на личностные и поведенческие изменения. В ходе наблюдения отмечалось:

- снижение количества дисциплинарных нарушений на 37%;
- уменьшение проявлений агрессии и конфликтности на 41%;
- рост вовлечённости в групповые виды деятельности (по данным педагогов, в 1,6 раза по сравнению с начальным этапом).

Интерактивные формы, особенно проектная деятельность, стали мощным инструментом социализации. Работая в командах, учащиеся учились распределять роли, слушать других и брать ответственность за общий результат.

Например, при подготовке группового проекта на тему «My Ideal School» воспитанники не только создавали англоязычные описания, но и обсуждали вопросы дисциплины, сотрудничества и личных целей. Это позволило педагогу фиксировать появление у подростков новых моделей поведения – уважения, самоорганизации и взаимопомощи.

Педагогические наблюдения, фиксировавшие эмоциональные реакции, взаимодействие и динамику участия, показали, что интерактивные методы создают атмосферу доверия и поддержки. На занятиях, где использовались технологии группового взаимодействия, учащиеся проявляли инициативу, помогали друг другу, а конфликты внутри коллектива практически отсутствовали.

Особенно важным оказалось сочетание геймификации и коммуникативных задач. Применение игровых элементов (система баллов, уровней, командных достижений) усилило чувство причастности и снизило тревожность перед выступлениями. Психологическая адаптация проходила мягче. 71% участников отметили, что стали меньше бояться ошибаться при говорении на английском языке.

Кроме того, педагогическая диагностика выявила взаимосвязь между уровнем учебной мотивации и показателями речевой активности ($r = 0,68$), что подтверждает: чем выше вовлечённость в интерактивные формы, тем устойчивее положительная динамика в освоении языка.

Сопоставление данных контрольной и экспериментальной групп демонстрирует, что применение интерактивных технологий даёт комплексный образовательный и воспитательный эффект.

Во-первых, растёт учебная мотивация и интерес к языку; во-вторых, улучшаются коммуникативные навыки и уверенность в самовыражении; в-третьих, корректируются поведенческие особенности – снижается уровень тревожности и конфликтности, формируется чувство коллективной ответственности.

С педагогической точки зрения, интерактивные технологии реализуют основные принципы коммуникативного метода:

- приоритет речевой деятельности и смыслового общения;
- активное участие всех учащихся;
- использование языка как средства межличностного взаимодействия;
- интеграцию образовательных и воспитательных целей.

Таким образом, полученные результаты демонстрируют устойчивую тенденцию к формированию не только коммуникативной компетенции, но и позитивных личностных изменений у подростков с девиантным поведением.

Применение интерактивных технологий в рамках коммуникативного подхода позволило достигнуть следующих результатов:

- повышение уровня учебной мотивации на 46%;
- рост речевой активности и уверенности в устных выступлениях на 36%;
- снижение уровня конфликтности и агрессивности на 41%;
- повышение дисциплинированности и участия в учебных мероприятиях на 34%;
- рост социальной сплочённости коллектива и эмпатии среди учащихся.

Эти данные подтверждают, что интерактивные технологии являются не просто методом преподавания, а универсальным средством психолого-педагогической поддержки и социализации. Их использование способствует переходу от формального усвоения знаний к личностно значимому и осмысленному обучению.

Заключение

Проведённое исследование подтвердило, что использование интерактивных технологий в рамках коммуникативного метода обучения иностранному языку обучающихся с девиантным поведением является эффективным направлением педагогической практики.

Интерактивные формы обучения способствуют повышению мотивации, формированию коммуникативных и когнитивных умений, развитию навыков саморегуляции и социальной ответственности. Они позволяют объединить образовательные и воспитательные функции, создавая благоприятную атмосферу сотрудничества и взаимопонимания.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов в деятельности педагогов и психологов, работающих с трудными подростками. Рекомендовано активное использование игровых, проектных и цифровых интерактивных форм в сочетании с принципами коммуникативного метода.

Список использованных источников:

1. Бондаревская Е.В. Педагогическая поддержка детей с девиантным поведением. – Ростов н/Д: Феникс, 2018. – 315 с.
2. Brown H.D. Teaching by Principles: An Interactive Approach to Language Pedagogy. – 4th ed. – New York: Pearson, 2015. – 668 p.
3. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. – М.: Педагогика, 1991. – 340 с.
4. Гальскова Н.Д., Бим И.Л. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика. – М.: Академия, 2021. – 336 с.
5. Захаров А.И. Психология трудных подростков. – СПб.: Питер, 2020. – 288 с.
6. Canale M., Swain M. Theoretical Bases of Communicative Approaches to Second Language Teaching and Testing // Applied Linguistics. – 1980. – Vol. 1 (1). – P. 1–47.
7. Hymes D. On Communicative Competence // Sociolinguistics / eds. J.B. Pride, J. Holmes. – London: PenguinBooks, 2013. – P. 53–73.
8. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иностранному говорению. – 3-е изд. – М.: Просвещение, 2019. – 223 с.
9. Richards J.C., Rodgers T.S. Approaches and Methods in Language Teaching. – 3rd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – 410 p.
10. Сафонова В.В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур. – Воронеж: Истоки, 2020. – 238 с.

студентка 2 курса направление 44.04.01, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством Богатыревой С.Н.

к.ф.н., доцент, заведующая кафедрой иностранных языков, МГУТУ им. К.Г. Разумовского» (ПКУ)

ХОРЕОТЕРАПИЯ (ТАНЦЕТЕРАПИЯ) КАК ИННОВАЦИОННАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию явления хореотерапии как одной из инновационных педагогических технологий, которая может быть использована при обучении иностранным языкам. В статье исследуется влияние танцевальной физической активности на восприятие и запоминание необходимого лексического материала, развитие навыков речи, а также на формирование коммуникативной компетенции обучающихся, что является основой для преодоления языкового барьера и уверенного владения иностранным языком.

Актуальность исследования заключается в том, что в последнее десятилетие наблюдается особый интерес к альтернативным и междисциплинарным методам обучения, которые включали бы в себя также элементы физической и, что не менее важно в условиях современного образовательного процесса и процесса социализации личности обучающегося, – психотерапевтической активности. Одним из таких методов и является хореотерапия как подвид арт-терапии. Танцотерапия представляет собой сочетание искусства танца и терапевтических практик, направленных на улучшение психоэмоционального состояния обучающихся, а значит – и на процесс получения знаний, умений и навыков в рамках программы обучения иностранному языку (английскому).

Научная новизна исследования заключается в том, что она представляет танцотерапию как метод, интегрирующий как педагогические, так и психотерапевтические технологии в образовательный процесс с целью повышения лингвистический иноязычной компетенции. Традиционные методы обучения иностранным языкам зачастую не обеспечивают должной мотивации, а также не всегда удается учесть индивидуальные особенности восприятия информации у каждого обучающегося. Статья предлагает новое понимание танцотерапии как метода, способного значительно повысить мотивацию, а также развить когнитивные способности обучающихся в рамках прохождения программы по изучению иностранного языка. Творческий подход к изучению иностранных языков может стать новым путем к эффективному развитию лингвистических компетенций учащихся. Методологическая основа для исследования представляет собой комплексный подход, включающий в себя методы педагогического, культурологического и психологического анализа. Также будет задействован эмпирический метод, включающий в себя анализ учебных программ и наблюдение и анкетирование.

Цель исследования заключается в том, чтобы проанализировать и обосновать эффективность применения метода хореотерапии как инновационной педагогической технологии для улучшения результатов обучения иностранным языкам. В условиях развития современного образования и его особенностей особенно востребованным является процесс интеграции новых активных методов обучения и танцевально-двигательной терапии в частности. В ходе проведения исследования были получены результаты о том, что хореотерапия – потенциально успешная стратегия не только для нестандартного освоения иноязычной компетенции, но и новый способ гармоничного развития личности одновременно в интеллектуальном, творческом и эмоциональном аспектах.

Ключевые слова: иноязычная компетенция, хореотерапия, танцевальная терапия, когнитивные способности, английский язык, эффективность обучения, творческое развитие, лингвистические способности.

CHOREOTHERAPY (DANCE THERAPY) AS AN INNOVATIVE PEDAGOGICAL TECHNOLOGY IN TEACHING FOREIGN COMPETENCE

Abstract. This article is devoted to the study of the phenomenon of choreotherapy as one of the innovative pedagogical technologies that can be used in teaching foreign languages. The article examines the influence of dance physical activity on the perception and memorization of necessary lexical material, the development of speech skills, as well as on the formation of students' communicative competence, which is the basis for overcoming the language barrier and confident command of a foreign language.

The relevance of the research lies in the fact that in the last decade there has been a special interest in alternative and interdisciplinary teaching methods that would also include elements of physical and, no less important in the context of the modern educational process and the process of socialization of the student's personality, psychotherapeutic activity. One of these methods is choreotherapy as a subspecies of art therapy. Dance therapy is a combination of the art of dance and therapeutic practices aimed at improving the psycho-emotional state of students, and therefore at the process of acquiring knowledge, skills and abilities within the framework of a foreign language (English) training program.

The scientific novelty of the research lies in the fact that it presents dance therapy as a method that integrates both pedagogical and psychotherapeutic technologies into the educational process in order to increase linguistic competence in a foreign language. Traditional methods of teaching foreign languages often do not provide adequate motivation, and it is not always possible to take into account the individual characteristics of each student's perception of information. The article offers a new understanding of dance therapy as a method that can significantly increase motivation, as well as develop students' cognitive abilities as part of a foreign language learning program. A creative approach to learning foreign languages can become a new way to effectively develop students' linguistic competencies. The methodological basis for the research is an integrated approach that includes methods of pedagogical, cultural and psychological analysis. An empirical method will also be used, including curriculum analysis and observation and questionnaires.

The purpose of the study is to analyze and substantiate the effectiveness of the method of choreotherapy as an innovative pedagogical technology to improve the results of teaching foreign languages. In the context of the development of modern education and its features, the process of integrating new active teaching methods and dance and movement therapy in particular is particularly in demand. In the course of the research, the results were obtained that choreotherapy is a potentially successful strategy not only for

non-standard development of foreign language competence, but also a new way of harmonious personality development simultaneously in intellectual, creative and emotional aspects.

Keywords: foreign language competence, choreotherapy, dance therapy, cognitive abilities, English, learning effectiveness, creative development, linguistic abilities.

Введение:

В наши дни российская система образования динамично развивается, следовательно, в учебный процесс активно внедряются новые педагогические методы, которые бы повышали эффективность качества образования. В нашей работе предпринята попытка рассмотреть такое явление как хореотерапия и ее эффективность как потенциальной образовательной технологии.

Арт-терапия (и хореотерапия как ее подвид) представляет собой синтез искусства и обучения, который направлен на всестороннее развитие личности посредством как когнитивной, так и творческой деятельности [3].

Согласно определению Т.А. Поповой, арт-терапевта, кандидата психологических наук Московского института психоанализа, арт-терапия – это направление в психотерапии и психологической коррекции, в котором учащийся решает свои психологические проблемы через процесс творчества. Важно понимать, что арт-терапия – это не только рисование (или изотерапия), а множество разных видов: драматерапия, библиотерапия, песочная терапия, куклотерапия, музыкотерапия, сказкотерапия, артлоготерапия, танцевально-двигательная терапия и так далее [7].

Хореотерапия в частности представляет собой подход, предполагающий работу с человеком посредством двигательной активности, танца. Было проведено не одно исследование, которое помогло доказать, что танцевальная арт-терапия помогает справляться с соматоформными расстройствами и стрессом, фобическими тревожными расстройствами, нарушениями адаптации и так далее [5]. Мы предполагаем концепцию синтеза хореотерапии и изучения иностранного языка потенциально эффективной, так как это может стать одним из инновационных активных методов обучения в рамках дополнительного общего образования.

Новизна проводимого нами исследования заключается в том, что создание творческой образовательной среды будет способствовать более эффективному процессу усвоения знаний в области иноязычной компетенции. Смена формата на более активный, творческая обстановка, возможность неформального общения с педагогом, постоянное взаимодействие со сверстниками, погружение в атмосферу изучаемого языка за счет активных методов обучения и переключение между активными и пассивными методами обучения - вот те элементы рассматриваемого нами процесса дополнительного образования, обеспечивающие нестандартное, но систематическое, постепенное и успешное овладение знаниями, умениями и навыками в изучении английского языка [1].

Цель данного исследования состоит в том, чтобы доказать эффективность синтеза творческой и интеллектуальной деятельности в рамках овладения иноязычной компетенцией.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие задачи:

- 1) дать определения понятиям «арт-терапия» и «хореотерапия», а также рассмотреть возможности использования предлагаемого метода как инструмента педагогической технологии в образовательном процессе;
- 2) описать основные методы и приемы использования танцетерапии в процессе обучения иностранному языку;
- 3) предположить педагогический потенциал танцетерапии в контексте изучения иностранных языков.

Обзор литературы:

В истории современной хореографии само появление понятия и термина «танцевально-двигательная терапия» («dance movement psychotherapy») связывают с именем Мэриан Чейс (Marian Chase). В наши дни явление танцетерапии все еще не получило широкого распространения в отличие от других видов арт-терапии. Однако среди современных научных трудов на рассматриваемую нами тематику можно назвать монографию «Танцевально-двигательная терапия: теория и практика» (1992) Хелен Пейн (Helen Payne). Она занимается танцевально-двигательной терапией (Dance Movement Psychotherapy – DMT) [9]. Сабина Кох написала статью, посвященную мета анализу, обобщающему данные о влиянии танцевально-двигательной терапии на психологическое состояние (например, снижение депрессии, тревожности, повышение качества жизни): «Effects of dance movement therapy and dance on health-related psychological outcomes: A meta-analysis» (2014) [8]. Статья Кимберли Страссел в монографии «A systematic review of the evidence for the effectiveness of dance therapy» (2011), представляет собой систематический обзор, оценивающий эффективность танцетерапии при различных состояниях, включая разного вида расстройства и т.д. [10].

Среди отечественных исследований по рассматриваемой тематике существует труд Чурашова А.В. и Клыковой Л.А. «Танцевально-двигательная терапия как перспективное направление разностороннего развития ребенка в системе дополнительного образования» (2018). В статье обоснована актуальность использования танцевально-двигательной терапии как эффективного средства разностороннего развития ребенка в системе дополнительного образования [8]. Также следует обратить внимание на работу Каддиной Е.Н. «Особенности использования методов танцевальной терапии в работе с детьми» (2015), в которой описываются суть и основные задачи хореотерапии [3]. Кроме того, также актуален труд Елисеевой М.В. «Применение методов танцевально-двигательной терапии в работе школьного психолога» (2014), посвященный описанию развития и перспектив программ подготовки в рамках танцевально-двигательной терапии [2].

Методы исследования:

В рамках написания данной статьи использовались эмпирические методы, а именно наблюдение, эксперимент, сравнение и опросные методы. В качестве теоретических методов исследования использовались методы анализа и синтеза.

Результаты исследования:

Арт-терапия представляет собой психотерапевтическую и коррекционно-развивающую практику, в рамках которой художественно-творческая деятельность используется в качестве инструмента для достижения позитивных изменений в психоэмоциональном состоянии личности и содействия процессу личностной рефлексии. Ключевым преимуществом метода является его невербальная природа, что позволяет преодолеть ограничения, накладываемые трудностями вербализации внутренних переживаний. В ситуации, когда ученик испытывает сложности в идентификации и концептуализации собственных психологических процессов, арт-терапия предоставляет альтернативный канал для экспликации эмоций и чувств, разрешения внутриличностных конфликтов, развития коммуникативных компетенций, регуляции поведенческих паттернов, снижения уровня стресса и повышения самосознания.

Методологический аппарат арт-терапии интегрирует разнообразные формы изобразительного искусства, такие как живопись, графика, скульптура, коллаж и фотография. Важнейшим дидактическим принципом является тезис о необязательности наличия специальных художественных навыков или способностей у реципиента. Терапевтическая эффективность процесса обусловлена не эстетической ценностью результата, а самим актом творчества и последующей рефлексией над созданным продуктом.

Несмотря на то, что экспрессивная функция искусства является исторической константой в развитии человечества, институционализация арт-терапии как самостоятельного психотерапевтического направления произошла лишь в первой половине XX века. С точки зрения механизма воздействия, арт-терапия актуализирует творческий процесс в качестве проективного и безопасного метода репрезентации внутреннего мира личности. Создавая визуальный объект (картину, скульптуру, инсталляцию), учащийся получает возможность для последующего анализа как процессуальных аспектов деятельности, так и финального продукта. Интерпретируя созданные образы, человек идентифицирует скрытые темы и конфликты, детерминирующие его когнитивные, аффективные и поведенческие реакции.

Таким образом, арт-терапия конституируется как синтетическая дисциплина, интегрирующая принципы психотерапии и изобразительного искусства. Несмотря на свою автономность, она демонстрирует высокую эффективность в комбинации с другими терапевтическими модальностями, включая индивидуальное и групповое психологическое консультирование, системную семейную психотерапию, а также в рамках когнитивно-поведенческого подхода [7].

Хореотерапия представляет собой один из подвидов арт-терапии и считается одним из самых инновационных подходов в сфере психологии и педагогики. Согласно институту современных психологических технологий, танцевально-двигательная терапия была разработана как раз для того, чтобы помогать людям справляться с психологическими проблемами через движения. Одна из ее крайне интересных разновидностей – танцевально-двигательная терапия. [5].

Становление танцевально-двигательной терапии (ТДТ) как самостоятельного психотерапевтического направления правомерно рассматривать в контексте эволюции психологической науки. Её истоки прослеживаются в рамках телесно-ориентированного подхода, который начал формироваться параллельно с развитием психоанализа в трудах Зигмунда Фрейда, акцентирующего внимание на взаимосвязи психики и соматики. ТДТ определяется как психотерапевтическое использование движения и танца для интеграции личности, улучшения психофизиологического благополучия и социальной адаптации.

Исторически, пионером в институционализации данного метода считается американская танцовщица и педагог Мэриан Чейс. Эмпирическим путём, в процессе педагогической деятельности, она зафиксировала позитивную динамику в психоэмоциональном и физическом состоянии своих учеников, занимающихся танцами. На основании систематических наблюдений Чейс пришла к выводу о наличии у танцевальной активности выраженного психотерапевтического потенциала, что и легло в основу её дальнейшей работы.

Как метод психокоррекции, ТДТ базируется на ряде фундаментальных принципов, унаследованных от телесно-ориентированной терапии:

1. Принцип телесной памяти и «архива» переживаний. Согласно данному принципу, тело рассматривается как репозиторий, хранящий весь личностный опыт в форме имплицитных (невербализованных) воспоминаний. Доступ к этому «архиву» осуществляется через восприятие и осознание телесных ощущений. Это объясняет феномен, при котором в стрессовых или травмирующих ситуациях реакции тела (соматические проявления) опережают их когнитивную обработку и осмысление.

2. Принцип безопасности и постепенности. Работа с травматическим опытом требует предварительного создания для учащегося безопасного и поддерживающего терапевтического пространства. Терапевт избегает прямого и форсированного погружения в травматические воспоминания, двигаясь к проблеме постепенно, в зоне актуальной переносимости человека, чтобы не спровоцировать ретравматизацию.

3. Принцип осознания и интеграции. Осознание эмоциональной значимости телесных ощущений служит катализатором для развития чувства автономности, целостности и укрепления идентичности (Я-концепции). Через тело человек получает доступ к непроявленным аспектам личности.

4. Принцип работы в «здесь-и-сейчас». Фокус терапевтического внимания сосредоточен на актуальных в данный момент телесных ощущениях, реакциях и импровизационных проявлениях, что позволяет работать с содержанием, непосредственно присутствующим в сессии.

Танцевально-двигательная терапия является интермодальным и универсальным подходом, способствующим развитию самовосприятия и саморегуляции. Особую эффективность она демонстрирует в работе с лицами, испытывающими трудности в области телесного образа «Я», в частности, с пациентами, страдающими нервной анорексией и булимией. Ряд эмпирических исследований подтверждает, что ТДТ вносит значимый вклад в комплексное лечение расстройств пищевого поведения, способствуя восстановлению контакта с телом и его потребностями.

Сфера применения ТДТ также распространяется на работу с такими состояниями, как тревожные и депрессивные расстройства, посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), а также расстройства аутистического спектра, где невербальный компонент коммуникации выходит на первый план.

Несмотря на растущую доказательную базу, механизмы воздействия танцевально-двигательной терапии на психофизиологические процессы личности требуют дальнейшего углублённого изучения. Таким образом, её потенциал как высокоадаптивного психокоррекционного метода раскрыт ещё не в полной мере и представляет собой перспективное поле для междисциплинарных научных изысканий.

Хореотерапия может выступать как новый вид активного обучения и нам важно предположить и описать возможный потенциал хореотерапии как инновационной педагогической технологии. Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту основного общего образования (редакция № 4 от 22.01.2024, действующая), пункту 1, [6] наряду с другими условиями учебный процесс должен обеспечить:

1) благоприятные условия воспитания и обучения, здоровьесберегающий режим и применение методик обучения, направленных на формирование гармоничного физического и психического развития, сохранение и укрепление здоровья;

2) развитие личностных качеств, необходимых для решения повседневных и нетиповых задач с целью адекватной ориентации в окружающем мире;

3) уважение личности обучающегося, развитие в детской среде ответственности, сотрудничества и уважения к другим и самому себе.

Танцевально-двигательная терапия как направление арт-терапии использует движение и танец для интеграции когнитивного, физического и эмоционального состояния личности. Одним из главных принципов хореотерапии является единство тела и психики, вместо вербальной коммуникации выступает невербальная, а также постоянно присутствуют спонтанность и креативность, что также важно для полноценного развития личности в рамках современного российского образования [4]. За счет этого можно выделить следующие механизмы воздействия танцетерапии на процесс обучения и на самоощущение участников образовательного процесса:

1) рефлексия, ощущение и высвобождение обычно подавляемых эмоций;

2) развитие эмоционального интеллекта и навыков саморегуляции;

играет ключевую роль. Автор анализирует дидактический потенциал сюжетных картинок, описывает этапы работы с ними (от анализа визуального ряда до построения развернутого высказывания) и предлагает методику, интегрирующую элементы проблемного обучения и персонализации. Особое внимание уделяется вопросам развития критического мышления, логической последовательности изложения и обогащения словарного запаса. Практическая значимость работы заключается в разработке конкретных упражнений и заданий, которые могут быть адаптированы для различных возрастных групп и уровней подготовки, в том числе с использованием технологий виртуальной реальности для создания интерактивных сюжетных сред.

Ключевые слова: связная речь; логическое высказывание; сюжетные картинки; визуальная грамотность; коммуникативные компетенции; методика преподавания; персонализированное обучение; цифровые образовательные ресурсы.

FORMATION OF SKILLS OF COHERENT AND LOGICAL EXPRESSION BASED ON STORY PICTURES

Abstract. The article examines the theoretical and practical aspects of developing skills of coherent and logical speech in students based on work with story pictures. The relevance of the study is due to the need to develop communicative competencies in the context of the digitalization of education, where visual content plays a key role. The author analyzes the didactic potential of story pictures, describes the stages of working with them (from analyzing the visual series to constructing a detailed statement) and proposes a methodology that integrates elements of problem-based learning and personalization. Special attention is paid to the development of critical thinking, logical sequence of presentation and vocabulary enrichment. The practical significance of the work lies in the development of specific exercises and tasks that can be adapted for different age groups and levels of training, including the use of virtual reality technologies to create interactive story environments.

Keywords: coherent speech; logical statement; story pictures; visual literacy; communicative competencies; teaching methodology; personalized learning; digital educational resources.

Современная образовательная система претерпевает значительные изменения, смещая акцент с репродуктивного усвоения знаний на формирование универсальных компетенций, среди которых ключевое место занимает коммуникативная. Умение строить связное, логичное, аргументированное высказывание является не только показателем уровня речевого развития, но и основой успешной социализации и профессиональной реализации личности. В условиях стремительной цифровизации и внедрения искусственного интеллекта в образовательный процесс традиционные методы развития речи требуют переосмысления и обогащения за счет интеграции цифровых инструментов и персонализированных подходов. М.Э. Рябова отмечает следующее: «Искусственный интеллект создал новый пласт средств обучения в сфере образования, и преподаватели иностранных языков должны уметь с ним работать, поскольку речь идет о современной цифровой форме» [6, с.167].

Особую актуальность проблема формирования связной речи приобретает в контексте обучения иностранным языкам, где студенты сталкиваются с дополнительными трудностями: недостаточным словарным запасом, незнанием грамматических конструкций, психологическим барьером. Одним из эффективных, но не в полной мере востребованных в цифровом формате средств развития речевых умений остаются сюжетные картинки. Их дидактический потенциал позволяет решать широкий спектр задач: от стимулирования речевой активности до формирования сложных логических конструкций [3].

Цель статьи – разработать и теоретически обосновать методику формирования умений связного и логичного высказывания на основе сюжетных картинок с интеграцией элементов цифровых технологий и персонализированного подхода.

Сюжетная картинка как дидактическое средство имеет глубокие теоретические основания в психологии и методике преподавания. С точки зрения психологии, визуальная информация обрабатывается человеческим мозгом быстрее и эффективнее вербальной. Исследования в области когнитивной психологии [7] подтверждают, что dual-coding theory (теория двойного кодирования) способствует лучшему усвоению и запоминанию информации при одновременном использовании вербальных и визуальных каналов восприятия.

В методике преподавания языков сюжетные картинки традиционно рассматриваются как эффективное средство развития речевых умений. Е.И. Пассов [3] отмечал, что наглядность создает условия для чувственного восприятия, что является необходимым этапом в процессе формирования речевых навыков. Сюжетные картинки, в отличие от одиночных изображений, представляют собой микромодель реальной коммуникативной ситуации, содержат проблему, которая требует речевого решения.

Современные исследователи [2,1] подчеркивают, что работа с серией картинок способствует развитию прогностических умений, способности выстраивать причинно-следственные связи и логическую последовательность изложения. Именно эти умения составляют основу связной речи, позволяя преобразовывать отдельные высказывания в целостное повествование.

В контексте компетентного подхода сюжетные картинки выступают инструментом формирования не только собственно коммуникативной, но и социокультурной компетенции, поскольку часто отражают культурные особенности и социальные нормы поведения [7]. М.Э. Рябова подчеркивает: «ценностный компонент содержания языкового образования должен реализовывать воспитательную функцию и формировать нравственную культуру» [5, с.93].

В условиях цифровой трансформации образования дидактический потенциал сюжетных картинок значительно расширяется. Традиционные бумажные носители уступают место цифровым аналогам, которые обладают рядом преимуществ:

- интерактивность (цифровые сюжетные картинки могут содержать интерактивные элементы, скрытые области, которые открываются при наведении, аудиосопровождение и другие мультимедийные компоненты);
- адаптивность (технологии искусственного интеллекта позволяют создавать адаптивные сюжетные последовательности, которые меняются в зависимости от уровня подготовки и интересов обучающегося.);
- динамичность (статичные изображения могут быть преобразованы в анимированные сцены с возможностью управления повествованием);
- доступность (цифровые форматы обеспечивают легкий доступ к большому количеству разнообразных сюжетов, классифицированных по темам, уровням сложности и возрастным группам).

Особого внимания заслуживает интеграция сюжетных картинок с технологиями виртуальной реальности (VR). VR-среды позволяют полностью погрузиться в визуальный narrative, обеспечивая эффект присутствия. Студент не просто описывает картинку со стороны, а оказывается внутри сюжета, что кардинально меняет мотивацию к высказыванию и эмоциональную вовлеченность [7].

Предлагаемая методика включает несколько взаимосвязанных этапов, которые могут адаптироваться в зависимости от уровня подготовки обучающихся и используемых технологических решений [3, 4].

1. Подготовительный этап

На данном этапе осуществляется отбор или генерация сюжетных картинок в соответствии с целями обучения и индивидуальными особенностями студентов. В традиционном формате преподаватель подбирает готовые серии картинок, в цифровом – использует специализированные платформы или AI-генераторы контента.

Критерии отбора сюжетных картинок [1]:

- соответствие тематике занятия и интересам студентов;
- наличие четкого сюжета с завязкой, развитием действия и развязкой;
- возрастная адекватность;
- наличие проблемной ситуации, стимулирующей речевую активность;
- культурная релевантность.

2. Аналитический этап

Обучающиеся детально изучают картинку или серию картинок. На этом этапе формируется основа для будущего высказывания. Работа организуется через систему наводящих вопросов, которые направлены на разные аспекты восприятия [8]:

- Вопросы на идентификацию: «Кто/что изображено?», «Сколько персонажей?», «Какие предметы вы видите?».
- Вопросы на интерпретацию: «Что происходит на картинке?», «Какие отношения между персонажами?», «Что чувствуют герои?».
- Вопросы на установление причинно-следственных связей: «Почему это произошло?», «Что привело к этой ситуации?».

3. Лексико-грамматическая подготовка

Этот этап направлен на актуализацию и расширение словарного запаса, необходимого для описания конкретной ситуации. Формируется тематический словарь, отрабатываются необходимые грамматические конструкции [7].

Мероприятия на данном этапе:

- составление ассоциогаммы по теме сюжета;
- введение и отработка ключевых лексических единиц;
- моделирование типовых синтаксических конструкций для описания сюжета;
- работа с речевыми клише и связующими элементами.

4. Этап построения высказывания

На этом этапе происходит непосредственное создание связного высказывания на основе проработанного материала. Работа строится по принципу «от простого к сложному» [1]:

- сначала создается простое повествование по картинкам с опорой на ключевые слова и схемы;
- затем высказывание усложняется за счет введения элементов рассуждения и оценки;
- далее добавляется прогнозирование развития событий.

Важным аспектом является соблюдение логической последовательности: завязка – развитие действия – кульминация – развязка. Студенты учатся использовать связующие элементы (во-первых, затем, поэтому, следовательно, таким образом и т.д.) для обеспечения связности текста [2].

5. Рефлексия и редактирование

Финальный этап предполагает анализ и совершенствование созданного высказывания. Используя инструменты проверки грамматики и стиля (в том числе на основе ИИ), а также проводя взаимное рецензирование, обучающиеся совершенствуют свои тексты, учатся видеть логические несоответствия и речевые ошибки [4].

Формы работы на этапе рефлексии:

- самоанализ по предложенным критериям;
- взаимооценивание в парах или мини-группах;
- редактирование с использованием цифровых инструментов;
- сопоставление своего высказывания с эталонным образцом.

Формирование умений связного и логичного высказывания на основе сюжетных картинок представляет собой комплексный процесс, эффективность которого может быть многократно повышена за счет интеграции с современными технологиями. Предложенная в исследовании методика, включающая пять основных этапов (подготовительный, аналитический, лексико-грамматический, построения высказывания, рефлексии и редактирования), обеспечивает системный подход к развитию речевых умений [3, 1].

Персонализация контента с помощью AI и погружение в интерактивные нарративы через VR превращают традиционное упражнение в мощный инструмент развития коммуникативной компетенции, критического мышления и креативности [7]. Цифровые технологии не заменяют традиционные методы работы с визуальным контентом, а обогащают их, открывая новые возможности для адаптации обучения к индивидуальным потребностям студентов.

Дальнейшие исследования в этой области могут быть связаны с разработкой AI-ассистентов для автоматической генерации персонализированных сюжетных заданий, созданием библиотек интерактивных VR-сценариев для обучения речи, а также экспериментальной проверкой эффективности предложенной методики в различных образовательных контекстах.

Список использованных источников:

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий – М.: ИКАР, 2009. 448 с.
2. Зимняя И.А. Лингвopsихология речевой деятельности // Московский психолого-социальный институт. – 2001. – С. 170-172.
3. Маханбетова А.Е. Обучение английскому языку с использованием цифровых медиа // Вестник науки. – 2022. – Т. 4. – №. 11 (56). – С. 95-100.
4. Мохова О.Л. и др. Интегративная цифровая модель персонализированного обучения английскому языку в неязыковых вузах // Управление образованием: теория и практика. – 2025. – Т. 15. – №. 3-1. – С. 171-184.
5. Рябова М.Э. Ключевые тенденции современного вузовского образования / М.Э. Рябова // Транслингва: вопросы современной науки и технологий сквозь призму языкового сознания: сборник по материалам международной научно-практической конференции, Москва, 12 декабря 2024 года. – Москва: ЗАО «Университетская книга», 2025. – С. 89-94. – EDN RBVRQD.
6. Рябова М.Э. Искусственный интеллект как средство совершенствования лексических навыков учащихся / М.Э. Рябова, М.В. Шрамко // Обучение иностранному языку студентов высших и средних образовательных учреждений на современном этапе. Проблемы сохранения языков и культур народов России и Китая (Северная конференция): Сборник материалов XII Всероссийской национальной научно-методической видеоконференции (с международным участием) и XII Всероссийской национальной научно-методической видеоконференции Амурского государственного университета, посвященных Году семьи в Российской Федерации (2024), Годам культуры России – Китая в Российской Федерации (2024-2025), Благовещенск, 19 января 2024 года. – Благовещенск: Амурский государственный университет, 2024. – С. 165-169. – EDN SBEIAL.
7. Шамшович В.Ф. и др. Цифровая трансформация образования // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. – 2020. – №. 1 (31). – С. 136-146.

УДК 37.1174

Морозова А.А.

*студентка 3 курса, направления подготовки – 34.03.04 «Государственное и муниципальное управление»,
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского
(ПКУ)»*

Работа выполнена под научным руководством Рубаниковой И.А.

*кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, ФГБОУ ВО «Московский
государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)»*

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ УСПЕШНЫХ МЕНЕДЖЕРОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ БИЗНЕС-СРЕДЕ

Аннотация. В данной статье представлен стратегический анализ коммуникационных техник, определяющих успех менеджеров в англо-американской бизнес-среде. В ней утверждается, что управленческое мастерство достигается через овладение универсальными принципами коммуникации, такими как ясность, активное слушание и эмоциональный интеллект. Эти основы рассматриваются через призму низкоконтекстуальных культурных норм, подчеркивая прямой и эксплицитный стиль общения, преобладающий в англоязычных компаниях. Далее в отчете исследуется тактическое применение этих навыков в ключевых функциях, таких как убеждение, разрешение конфликтов и целенаправленное взаимодействие со стейкхолдерами – сотрудниками, партнерами и клиентами. На примере кейс-стади влиятельных CEO, таких как Сатья Наделла и Мэри Барра, анализ демонстрирует, как эти стратегии реализуются для построения доверия, стимулирования инноваций и достижения организационных целей. В конечном счете, статья приходит к выводу, что эффективная управленческая коммуникация – это целенаправленно развиваемая компетенция, сочетающая универсальные навыки с культурной грамотностью и ситуационной адаптацией.

Ключевые слова: коммуникативные стратегии, успешные менеджеры, англоязычная бизнес-среда, управленческая коммуникация, англо-американская бизнес-среда, низкоконтекстуальная культура, высококонтекстуальная культура, Эдвард Т. Холл, ясность (в коммуникации), активное слушание, эмоциональный интеллект (ЭИ), эмпатия, культурная грамотность, межкультурная коммуникация, стратегия прямооты, невербальный этикет, зрительный контакт, построение доверия, убеждение, мотивация, разрешение конфликтов, сторителлинг (в бизнесе), менеджер как медиатор, взаимодействие со стейкхолдерами, ситуационная адаптация, аутентичность, лидерство, деловая коммуникация

COMMUNICATION STRATEGIES OF SUCCESSFUL MANAGERS IN THE ENGLISH-SPEAKING BUSINESS ENVIRONMENT

Abstract. This article provides a strategic analysis of the communication techniques that define successful managers in the Anglo-American business environment. It posits that managerial excellence is achieved by mastering universal communication principles, such as clarity, active listening, and emotional intelligence. These fundamentals are then viewed through the critical lens of low-context cultural norms, highlighting the direct and explicit communication style prevalent in English-speaking companies. The report further explores the tactical application of these skills in key functions like persuasion, conflict resolution, and tailored engagement with stakeholders, including employees, partners, and clients. Through case studies of influential CEOs like Satya Nadella and Mary Barra, the analysis demonstrates how these strategies are implemented to build trust, foster innovation, and achieve organizational goals. Ultimately, the article concludes that effective managerial communication is a deliberately cultivated competency, blending universal skills with cultural acuity and situational adaptation.

Keywords: communication strategies, successful managers, english-speaking business environment, managerial communication, low-context culture, high-context culture, Edward T. Hall, clarity (in communication), active listening, emotional intelligence (EI), empathy, cultural acuity/Cultural literacy, cross-cultural communication, strategy of directness, non-verbal etiquette, eye contact, building trust, persuasion, motivation, conflict resolution, storytelling (in business), manager as mediator, i-statements, stakeholder engagement, situational adaptation, authenticity, leadership, business communication.

Введение

В современной экономике, основанной на знаниях, основная функция менеджера сместилась от простого управления к эффективной коммуникации. Коммуникация перестала быть «гибким навыком» (softskill) и превратилась в основной механизм, с помощью которого реализуется стратегия, строится корпоративная культура и достигаются организационные цели. Эффективность коммуникации напрямую коррелирует с производительностью организации, поскольку она служит связующим звеном между теми, кто принимает решения, и всеми сотрудниками, обеспечивая передачу информации о миссии, видении, политиках и процедурах компании. Неэффективная коммуникация, напротив, может приводить к дорогостоящим ошибкам, недопониманию и, в конечном счете, к провалу в достижении корпоративных целей.

Данная статья доказывает, что успех менеджера в англоязычном деловом мире не является случайностью, а представляет собой результат целенаправленного и сложного применения коммуникативных стратегий. Этот успех зависит от тройственного мастерства: владения универсальными основами коммуникации, глубокого понимания нюансов низкоконтекстуального культурного взаимодействия, характерного для англоязычных стран, и тактической гибкости для адаптации этих стратегий к конкретным аудиториям стейкхолдеров – сотрудникам, партнерам и клиентам.

Часть I: Основы эффективного управленческого дискурса

В этой части закладывается фундамент универсальных, не зависящих от культуры принципов, которые лежат в основе любой эффективной коммуникации. Это базовые строительные блоки, на которых возводятся культурно-специфические стратегии.

1.1 Ясность, краткость и воздействие: искусство создания однозначных сообщений

Ключом к мощной и убедительной коммуникации, как устной, так и письменной, является ясность и, по возможности, краткость. Прежде чем вступать в коммуникацию, успешный менеджер определяет свои цели и аудиторию. Это позволяет включить всю необходимую информацию и, что не менее важно, исключить несущественные детали, которые могут отвлечь от основного посыла. Использование излишне цветистого языка и ненужных слов ослабляет сообщение, в то время как четкая и лаконичная формулировка усиливает его воздействие. Неоднозначность и расплывчатость, напротив, являются одними из главных причин ошибок на рабочем месте и провала проектов. Например, такая директива, как «будьте продуктивнее», неэффективна, поскольку в ней отсутствуют конкретные, измеримые цели и четкие инструкции, что приводит к путанице и недопониманию.

Императив ясности выходит за рамки простого функционального понимания. Исследования показывают, что отсутствие четкой коммуникации порождает атмосферу неопределенности и замешательства. Эта неопределенность, в свою очередь, подрывает основы профессиональных отношений, поскольку сотрудники и партнеры не могут с уверенностью полагаться на указания менеджера. И наоборот, последовательная ясность в сообщениях, ожиданиях и обратной связи создает предсказуемую и надежную рабочую среду. Поскольку предсказуемость и надежность являются фундаментальными компонентами доверия, становится очевидным, что ясность – это не просто технический атрибут сообщения. Это стратегический инструмент для целенаправленного построения и поддержания доверия со всеми ключевыми стейкхолдерами.

1.2 Сила активного слушания: переход от «слышания» к пониманию

Активное слушание является основополагающим навыком для лидеров и ключевой стратегией в убеждении, разрешении конфликтов и управлении взаимоотношениями с клиентами. Оно предполагает предоставление говорящему полного и безраздельного внимания, избегание прерываний, очищение сознания от отвлекающих факторов и контраргументов. Важными тактиками являются задавание уточняющих вопросов открытого типа для получения дополнительной информации и перефразирование услышанного для подтверждения правильности понимания. Неумение слушать – одна из критических ошибок руководства, которая подрывает моральный дух и препятствует инновациям.

Конфликты часто возникают из-за недопонимания или ощущения, что тебя не слышат. Активное слушание напрямую устраняет эти коренные причины, обеспечивая понимание (через перефразирование) и

подтверждая значимость точки зрения говорящего (через эмпатию). Заставляя стейкхолдеров чувствовать себя услышанными и уважаемыми до того, как точка разногласий перерастет в конфликт, менеджер снимает эмоциональный заряд, который подпитывает конфронтацию. Таким образом, активное слушание – это не просто инструмент для разрешения существующих конфликтов; это мощная проактивная стратегия для предотвращения возникновения многих из них. Оно с самого начала превращает потенциально враждебное взаимодействие в совместную работу.

1.3 Эмоциональный интеллект (ЭИ) как стратегический актив

Эффективная коммуникация строится на фундаменте эмоционального интеллекта. Лидерам с высоким уровнем ЭИ естественным образом легче практиковать активное слушание, поддерживать соответствующий тон и использовать позитивный язык тела. Эмоциональный интеллект включает в себя способность оценивать и управлять собственными эмоциями, а также распознавать их у других. Эмпатия, ключевой компонент ЭИ, имеет решающее значение для построения отношений с клиентами и разрешения конфликтов. Без понимания собственных чувств невозможно эффективно общаться с другими.

Стейкхолдеры, особенно в западных культурах, очень чувствительны к аутентичности и могут распознать, когда коммуникационные техники применяются механически. Эмоциональный интеллект позволяет менеджеру искренне понять эмоциональное состояние своей аудитории и установить с ней связь (эмпатия). Это искреннее понимание позволяет применять коммуникационные тактики (например, перефразирование, изменение тона) не как заученный сценарий, а как естественную, аутентичную реакцию на ситуацию. Такая аутентичность создает более глубокое доверие и взаимопонимание, чем технически безупречная, но эмоционально пустая коммуникация. Следовательно, ЭИ является двигателем, который превращает набор коммуникационных техник в подлинный и эффективный стиль лидерства.

Часть II: Навигация в низкоконтекстуальном ландшафте: коммуникация в англоязычных культурах

Эта часть является стержнем статьи, связывая фундаментальные принципы из Части I с конкретным культурным контекстом англоязычного делового мира.

2.1 Расшифровка низкоконтекстуальной коммуникации: теория Эдварда Т. Холла на практике

Различие, предложенное антропологом Эдвардом Т. Холлом, между высококонтекстуальными и низкоконтекстуальными культурами является критически важной концепцией для понимания деловой коммуникации. Низкоконтекстуальные культуры, к которым относятся США, Великобритания, Канада, Австралия, а также Германия и скандинавские страны, полагаются на эксплицитную, прямую и детализированную вербальную коммуникацию. В таких культурах основной смысл сообщения содержится непосредственно в произнесенных словах. В отличие от них, высококонтекстуальные культуры (например, в Латинской Америке, Азии, Африке) в большей степени зависят от невербальных сигналов, общего понимания и окружающего контекста.

Эксплицитный характер низкоконтекстуальной коммуникации может быть преимуществом для менеджеров-носителей культуры, поскольку правила и ожидания часто четко прописаны, что снижает необходимость угадывать скрытые смыслы. Однако эта же эксплицитность может стать ловушкой. Менеджер из высококонтекстуальной культуры может неверно истолковать прямоту как грубость или отсутствие стремления к построению отношений. Более того, он может не осознать, что даже в низкоконтекстуальной среде тонкие невербальные сигналы, подкрепляющие вербальное сообщение, по-прежнему критически важны для передачи искренности и построения доверия. Отсюда следует, что менеджер должен не только научиться говорить эксплицитно, но и научиться интерпретировать культурное значение этой эксплицитности и согласовывать свои вербальные и невербальные сигналы с этим новым кодом. Просто быть прямым недостаточно; нужно быть прямым культурно приемлемым образом.

2.2 Стратегия прямоты: «говорить то, что думаешь»

Представители англо-американской культуры, как правило, очень прямолинейны и говорят то, что чувствуют. Они чувствуют себя некомфортно в тишине и предпочитают быстро переходить к сути дела, особенно в переговорах. Это контрастирует с культурами, где принято сначала выстраивать отношения, а затем обсуждать дела.

Распространенным заблуждением является то, что англоязычный акцент на прямоте и выполнении задач означает неважность отношений. Однако данные показывают, что построение взаимопонимания по-прежнему является ключевой частью бизнеса. Ключевое различие заключается в последовательности. Во многих высококонтекстуальных культурах отношения должны быть установлены до того, как можно будет эффективно решать задачу. В низкоконтекстуальных англоязычных культурах отношения часто строятся через эффективное, надежное и прямое выполнение задачи. Таким образом, менеджер демонстрирует свою ценность и завоевывает доверие, в первую очередь являясь эффективным, ясным и надежным партнером по выполнению задач. Социальные отношения следуют из профессиональной компетентности, а не предшествуют ей.

2.3 Вербальный и невербальный этикет в англоязычной рабочей среде

В этом разделе обобщаются конкретные поведенческие нормы. Приветствия: крепкое рукопожатие для всех полов, быстрый переход на обращение по имени. Личное пространство: обычно 60-75 см, более близкое расстояние предназначено для друзей. Зрительный контакт: прямой зрительный контакт является признаком уважения и вовлеченности, хотя слишком продолжительный контакт может восприниматься как

конфронтационный. Жесты: поднятый большой палец означает одобрение, указательный палец может считаться невежливым, а наклон вперед демонстрирует вовлеченность.

Англоязычная деловая культура описывается как «очень неформальная» с быстрым переходом на имена. Однако существуют строгие, хотя и неписанные, правила относительно пунктуальности («Пунктуальность. Если вы опаздываете более чем на десять минут, лучше позвонить») и профессионального поведения. Это создает парадокс: стиль неформальный (имена, дружеские похлопывания по спине), но структура формальная (строгое соблюдение времени, ориентация на результат). Менеджер, который примет неформальный стиль за отсутствие серьезности и пропустит дедлайн или придет на встречу неподготовленным, быстро обнаружит, что «неформальная» атмосфера испарилась. Это означает, что необходимо овладеть искусством проецирования расслабленного, доступного поведения, сохраняя при этом строгую профессиональную дисциплину.

Часть III: Стратегический инструментальный менеджера: коммуникация для ключевых функций

В этой части подробно описывается, как менеджеры применяют фундаментальные и культурные принципы для выполнения ключевых управленческих обязанностей: убеждения и разрешения конфликтов.

3.1 Убеждение и мотивация: вдохновение на действия и приверженность

Построение авторитета и доверия (Ethos)

Авторитет менеджера строится на его экспертизе, опыте и надежности. Это включает в себя лидерство собственным примером, поддержание соответствия между словами и делами, а также открытость и честность, вплоть до признания собственных уязвимостей. Это является основой этического убеждения.

Искусство сторителлинга (Pathos)

Сторителлинг – это мощный инструмент для вовлечения, вдохновения и превращения сложных идей в запоминающиеся. Эффективные истории используют узнаваемых персонажей и конфликты, чтобы установить эмоциональную связь с аудиторией, и могут быть более действенными, чем стандартные речи.

Баланс логики (Logos) и эмоций (Pathos)

Хотя эмоциональная привлекательность важна, она должна быть сбалансирована с логическими аргументами, данными и статистикой, чтобы быть убедительной в деловом контексте. Этот баланс жизненно важен для достижения положительных результатов.

Низкоконтекстуальная англоязычная культура отдает сильное предпочтение логосу – данным, фактам и логическим рассуждениям. Бизнес-кейс должен быть обоснован с логической точки зрения. Однако одна лишь логика не вдохновляет на действия или приверженность. Здесь на помощь приходит пафос. Успешный менеджер не использует эмоции для замены логики. Вместо этого он использует сторителлинг и эмоциональные призывы, чтобы обречь и очеловечить логический аргумент. История успеха клиента (пафос) используется для иллюстрации положительного влияния новой стратегии, подкрепленной данными (логос). Таким образом, стратегическая последовательность заключается в том, чтобы начинать с логической основы, но использовать эмоциональные инструменты, такие как сторителлинг, чтобы сделать эту основу убедительной, запоминающейся и мотивирующей.

3.2 Разрешение конфликтов: превращение разногласий в возможности

Структурированный процесс

Эффективное разрешение конфликтов следует четкому процессу: признание наличия конфликта, создание безопасного пространства, предоставление всем сторонам возможности высказаться, эмпатичное слушание, выявление первопричины, совместный поиск решений, согласование плана действий и последующий контроль.

Менеджер как нейтральный медиатор

Роль менеджера – не судья, а нейтральный фасилитатор, который направляет беседу, остается беспристрастным и помогает сторонам найти общий язык. Это требует эмоционального интеллекта и способности сохранять спокойствие.

Тактики конструктивного диалога

Использование «Я-высказываний» вместо обвинительных «Ты-высказываний». Фокусировка на текущей проблеме, а не на прошлых обидах. Поощрение сотрудничества и компромисса вместо навязывания решения.

Заключение: модель коммуникативного совершенства

В данной статье был представлен всесторонний анализ коммуникативных стратегий, определяющих успех менеджера в англоязычной деловой среде. Основной тезис заключается в том, что управленческое мастерство достигается на пересечении универсальных принципов, культурной грамотности, стратегического применения и адаптации к аудитории, что ярко иллюстрируется примерами разнообразных, но неизменно успешных лидеров. Эффективная коммуникация – это не врожденный талант, а целенаправленно развиваемая компетенция, основанная на глубоком понимании как общих механизмов человеческого взаимодействия, так и специфических норм низкоконтекстуальной культуры.

Практическая модель для менеджеров

На основе проведенного анализа можно сформулировать итоговую, синтезированную модель стратегического мышления для менеджеров, стремящихся к коммуникативному совершенству:

1. Диагностируйте, прежде чем действовать: Используйте активное слушание и эмоциональный интеллект для понимания культурного, ситуационного и эмоционального контекста любого взаимодействия. Не начинайте коммуникацию, не поняв свою аудиторию и ее ожидания.

2. Придерживайтесь низкоконтекстуальных норм по умолчанию: В англоязычной среде, при отсутствии иной информации, стройте коммуникацию на принципах ясности, прямоты и структурированности. Ваши сообщения должны быть эксплицитными, а цели – четко определенными.

3. Действуйте со стратегическим намерением: сознательно выбирайте инструменты из своего арсенала. Используйте сторителлинг для вдохновения и мотивации, совместный процесс для разрешения конфликтов, и радикальную честность для построения прочных партнерских отношений. Каждое коммуникативное действие должно служить определенной цели.

4. Адаптируйтесь аутентично: Адаптируйте свое сообщение к конкретному стейкхолдеру (сотруднику, партнеру, клиенту), но делайте это таким образом, чтобы оставаться верным своим основным лидерским ценностям. Аутентичность – ключ к построению долгосрочного доверия.

В заключение следует подчеркнуть, что коммуникация – это не статичный набор навыков, а динамическая способность.

Список использованных источников:

1. Хукер, Дж. «Бизнес-коммуникация и глобальный контекст». Университет Карнеги-Меллон.
2. Отдел непрерывного образования Гарвардского университета. «8 способов улучшить ваши коммуникативные навыки».
3. Сиракузский университет. «5 стратегий управления конфликтами, которые должен знать каждый лидер».
4. Situational.com (2025). «Овладение искусством убеждения: коммуникационные техники для лидеров».
5. Fiveable. «Изучение неудач в кросс-культурном менеджменте и их причин».

УДК: 811.111

Свирина Н.Н.

магистрант 2-го года обучения, направление подготовки 44.04.01 Педагогическое образование, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского» (Первый казачий университет), Россия, Москва;

Научный руководитель: Богатырева С.Н.

кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков факультета СГТ, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского» (Первый казачий университет), Россия, Москва;

ОТРАЖЕНИЕ НАУЧНЫХ ОТКРЫТИЙ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ В ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматривается влияние научных открытий и технологических инноваций на язык и формирование языкового сознания. Анализируя, как новые понятия и термины, связанные с наукой и технологиями, проникают в повседневную речь и изменяют её. Особое внимание уделяется процессам заимствования, адаптации и создания новых слов и выражений, а также их влиянию на мышление и восприятие мира. Рассмотрены изменения, которые произошли в лексике и грамматике, а также в формах и стилях коммуникации с развитием таких платформ, как социальные сети и мессенджеры. Особое внимание уделено распространению новых слов и выражений, сокращений, а также визуальных и мультимедийных элементов общения, таких как эмодзи, мемы и GIF-анимированные изображения. Также рассматривается влияние виртуальной среды на публичную речь и киберактивизм, подчеркивается важность сохранения языковых норм при использовании новых технологий, а также обсуждаются вызовы, связанные с манипуляциями языком и распространением дезинформации в интернете. В статье рассмотрено, как современные технологии влияют на русский язык, трансформируя его как в лексическом, так и в грамматическом плане, а также какие последствия это имеет для нашего общения. Обращается внимание на расширение и развитие языка благодаря внедрению новых технологий. Технический прогресс оказывает воздействие на практически все стороны общественной жизни и является важнейшей составляющей социального прогресса. Наука и техника глубоко проникли во все сферы жизнедеятельности человека, повлияли на его взаимоотношения с природой, дали ему новые приёмы и способы производства, сказались на уровне и стиле жизни людей. Также в статье рассматривается противостояние тенденций консервации традиционных языковых норм и инновационных процессов, обусловленных спецификой интернет-коммуникации, включая влияние интернет-сленга, социальных сетей, мессенджеров и новых форматов текстового общения. Все вышеперечисленные изменения не могли пройти мимо русского языка, который так же попал под влияние прогресса и в него были внесены изменения.

Ключевые слова: язык, речь, технологический прогресс, информационные технологии, процесс заимствования, формирование языкового сознания, коммуникация, языковая эволюция.

REPRESENTATION OF SCIENTIFIC DISCOVERIES AND TECHNOLOGICAL INNOVATIONS IN LANGUAGE

Abstract. The article examines the impact of scientific discoveries and technological innovations on language and the formation of linguistic consciousness. It analyzes how new concepts and terms related to science and technology are entering and changing everyday speech. Special attention is given to the processes of borrowing, adaptation, and creation of new words and expressions, as well as their influence on thinking and perception of the world. The article explores the changes that have occurred in vocabulary and grammar, as well as in the forms and styles of communication, with the development of platforms such as social media and messaging apps. Special attention is paid to the spread of new words and expressions, abbreviations, as well as visual and multimedia elements of communication, such as emojis, memes, and GIF animated images. The article also examines the impact of the virtual environment on public speech and cyberactivism, emphasizes the importance of preserving language norms when using new technologies, and discusses the challenges associated with language manipulation and the spread of disinformation on the internet. The article explores how modern technologies are affecting the Russian language, transforming it both lexically and grammatically, and the consequences this has for our communication. It also highlights the expansion and development of the

language through the introduction of new technologies. Technical progress affects almost all aspects of social life and is an essential component of social progress. Science and technology have deeply penetrated all areas of human life, influenced our relationship with nature, provided us with new methods and ways of production, and affected our standard of living and lifestyle. The article also examines the confrontation between the tendency to preserve traditional language norms and the innovative processes driven by the specific features of online communication, including the influence of internet slang, social media, messaging apps, and new formats of text-based communication. All of the above changes could not pass by the Russian language, which was also influenced by progress and underwent changes.

Keywords: language, speech, technological progress, information technology, borrowing process, formation of linguistic consciousness, communication, language evolution.

Введение

Язык является основным средством коммуникации и передачи информации между людьми. Он постоянно развивается и изменяется под влиянием различных факторов, включая научные открытия и технологические инновации. Исследование изменений в языке, которые происходят из-за технологических инноваций и открытий, актуально по нескольким причинам:

- понимание процессов развития языка. Язык адаптируется к научно-техническому развитию, становится инструментом прогресса. Исследование языковых изменений позволяет увидеть, как человечество развивалось и адаптировалось;
- сохранение языковой культуры. Распространение интернета, социальных сетей, мессенджеров и других форм онлайн-коммуникации порождает новые способы языкового выражения, которые зачастую вступают в противоречие с устоявшимися языковыми нормами;
- совершенствование образовательных методик. Осмысление происходящих языковых изменений необходимо для сохранения богатства и выразительности языка в новом коммуникативном пространстве;
- определение роли искусственного интеллекта. Искусственный интеллект может играть важную роль в развитии языка, создавая новые языковые конструкции и облегчая общение.

Таким образом, изучение изменений в языке, связанных с технологическими инновациями и открытиями, важно для сохранения языковой культуры, развития нормативной лингвистики и совершенствования образовательных процессов.

Методы исследования

В ходе работы использованы методы анализа научной литературы, сравнительного анализа, а также лингвокультурологический подход, который позволяет определить, как в новых лексических единицах воплощаются элементы культуры, новые реалии, важные в процессе межкультурной коммуникации, когнитивно-дискурсивный подход предполагает комплексный междисциплинарный характер исследования с учётом взаимодействия различных областей лингвистического знания и т.д.

Теоретическая база исследования

Не было в истории лингвистики такого периода, когда вопрос о новых словах в языке обходили бы стороной. В научный обиход термины «неологизм» и «неология» были впервые введены в 1801 году французским лексикографом Л. С. Мерсье в его словаре неологизмов. Неологию можно считать научной отраслью, находящейся на стыке двух разделов – лексикологии и словообразования. Вопросами пополнения языка новыми словами (неологии) в разное время занимались А.А. Брагина, В.В. Виноградов, Л.Б. Гацалова, В.И. Заботкина, А.В. Калинин, Л.Ю. Касьянова, Н.З. Котелова, Л.П. Крысин, Л.В. Рацибурская, С.И. Тогоева и др. [1].

Проблема пополнения русского языка заимствованиями возникла довольно давно. Вспоминая автора «Словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, остановимся на его решении данной проблемы: заменять все иностранные слова единицами русского происхождения (вместо слова «эгоист» он предлагал использовать русское «себятник») [4].

Интересны работы Л.П. Крысина, который полагает, что русский язык не очень страдает от иностранных слов: «грамматика - его костяк, его плоть - остаётся» и «иностранное слово иногда очень точно выражает суть предмета» [7].

С развитием социальных сетей и мессенджеров стали активно использоваться сокращения и аббревиатуры. Работа Асмус Н.Г., Полетаевой Н.Д. «Особенности функционирования сокращений в виртуальном дискурсе (на примере социальной сети Твиттер)» анализирует данные из 10 000 чатов, выявляя увеличение на 25% частоты использования сокращений за последние 3 года, а также то, что в среднем более 30% слов в онлайн-общении составляют сокращения. Это включает в себя аббревиатуры вроде «lol» (laugh out loud), «omg» (oh my God) и многие другие. Это является доказательством того, что цифровые технологии довольно сильно влияют на структуру языка и его использование в повседневной коммуникации [3].

Не менее важными изменениями в языке являются трансформации в грамматике и структуре предложений. Исследование Александриной Е.Н. «Активные процессы в сфере аббревиации в современном русском языке» показало, что в текстах, созданных в онлайн-средах, наблюдается активное использование слияния слов, сокращений и новых форм предложений. Например, фразы типа «Зацени фотку!» или «Чекни, когда свободен» становятся все более распространенными. Эти изменения связаны с особенностями цифрового общения, где краткость и яркость становятся приоритетными [2].

Результат исследования

В современном мире, где инновации проникают в каждую сферу жизни, язык становится не просто средством общения, а настоящим инструментом прогресса.

Язык инноваций – это особый феномен, который развивается вместе с научно-техническим прогрессом. Это не просто набор слов и выражений, это живой организм, который постоянно адаптируется и растет. Именно с его помощью мы создаем и делимся новыми идеями, обсуждаем их и оцениваем их значимость.

Во-первых, язык инноваций помогает генерировать и выражать новые идеи. Представьте себе лабораторию, где ученые работают над созданием новых технологий. Чтобы объяснить свои открытия и поделиться ими с коллегами, они используют специальную терминологию, неологизмы и даже сленг, который возникает в процессе их исследований. Эти новые слова и выражения становятся частью языка инноваций, помогая ученым точнее и быстрее коммуницировать.

Во-вторых, язык инноваций играет ключевую роль в распространении и популяризации новых достижений. Когда ученый делает открытие, важно не только понять его внутри научного сообщества, но и донести до широкой аудитории. Здесь на помощь приходят научные статьи, презентации, публичные лекции и новости. Все эти формы коммуникации позволяют сделать науку доступной и интересной для всех.

И, наконец, в-третьих, язык инноваций помогает обсуждать и оценивать новые технологии. Дискуссии, дебаты, рецензии – все это важные элементы научного дискурса. Анализируя и обсуждая инновации, ученые могут выявить их сильные и слабые стороны, сравнить различные подходы и найти оптимальные решения [12].

Язык – это инструмент, с помощью которого мы фиксируем и развиваем идеи. Изучая его, можно глубже понять, как рождаются и распространяются инновации.

В целом, язык инноваций – это неотъемлемая часть нашего прогрессивного мира. Он объединяет лингвистику, науковедение, социологию и другие науки, помогая нам лучше понять и развивать научно-технический прогресс. Изучая его, мы открываем новые горизонты и делаем шаг к светлому будущему, где инновации становятся доступными и понятными для всех.

В эпоху инноваций язык развивается стремительно, как никогда прежде. Представьте себе язык как живой организм, который адаптируется и изменяется под влиянием технологических и научных открытий. Как только интернет и социальные сети вошли в нашу жизнь, они моментально стали катализатором этих изменений. Быстрое распространение информации через онлайн-платформы ускорило появление новых слов и лингвистических трендов. К примеру, всего несколько лет назад никто не знал таких слов, как «хештег» или «подкаст». Сегодня же они стали частью нашего повседневного словаря.

Интернет открыл двери к неформализованному общению. В онлайн-среде царит дружеский, непринужденный стиль, что приводит к появлению сленга, аббревиатур и даже новых грамматических конструкций. Легко представить чат в мессенджере, где общение сопровождается не только текстом, но и эмодзи, стикерами и гифками. Визуализация языка стала нормой, помогая выразить эмоции и настроение без лишних слов.

Технологические инновации не могли не оставить свой след в языке. Каждое новое изобретение требует своего уникального обозначения. Возьмем, например, такие термины, как «блокчейн» или «искусственный интеллект». Эти слова появились вместе с соответствующими технологиями и мгновенно вошли в наш лексикон. Глобализация также способствует заимствованию слов из других языков. Сегодня английские термины часто используются в международном научном сообществе, а слова, такие как «стартап» или «инфлюенсер», стали интернациональными [11].

Научные открытия также играют важную роль в развитии языка. Каждый раз, когда ученые делают новое открытие, они вынуждены создавать новые термины для его описания. Это приводит к разработке новых лингвистических концепций и переосмыслению существующих понятий. Научный язык стремится к точности и однозначности, чтобы избежать недопонимания. Поэтому в научных журналах и публикациях важную роль играет стандартизация терминологии. Это помогает ученым всего мира говорить на одном языке и понимать друг друга без проблем.

Научные журналы и публикации являются основными платформами для распространения новых терминов и концепций. Они играют ключевую роль в стандартизации терминологии и обеспечивают ее правильное использование в различных областях науки и техники. Со временем многие научные термины переходят в общепотребительный язык, обогащая его и делая более точным [6].

Таким образом, язык в эпоху инноваций находится в постоянном развитии под влиянием технологических и научных достижений. Изучение этих тенденций позволяет лучше понять, как язык отражает и формирует нашу картину мира в эпоху стремительных перемен. Это не только увлекательный процесс, но и важный аспект нашего культурного и социального развития. Ведь язык – это не просто средство общения, но и зеркало нашего времени, в котором отражаются все изменения и достижения современной эпохи.

Подобно тому, как организм эволюционирует под воздействием внешних факторов, язык тоже не стоит на месте. Социальные изменения, технологические достижения и межкультурные контакты влияют на него, приводя к появлению новых слов и выражений, в то время как устаревшие термины постепенно уходят в прошлое. Так, интернет и социальные сети привнесли в наш язык такие слова, как «твит», «селфи» и «подкаст», которых не существовало всего пару десятилетий назад.

Адаптация – ключевой механизм выживания и эволюции не только в природе, но и в языке. Когда появились интернет и цифровые технологии, язык мгновенно откликнулся: появились новые термины для описания онлайн-коммуникации, сленг и даже мемы. Это как если бы живой организм развил новые органы и

функции, чтобы справиться с изменившимися условиями среды. Например, слово «гуглить» стало повсеместным с появлением поисковой системы Google, а выражение «вирусное видео» появилось вместе с популярностью видеороликов в интернете.

Инновации играют роль обновлений в языке, подобно тому, как обновления программного обеспечения улучшают его функциональность. Каждое новое технологическое достижение требует новых слов для его описания. Например, слова «смартфон» и «блокчейн» появились в ответ на соответствующие изобретения. Это похоже на то, как в живом организме развиваются новые клетки и ткани, чтобы улучшить его функции и приспособиться к новым задачам.

В современную эпоху инноваций язык меняется с удивительной скоростью, адаптируясь к новым технологиям и социальным изменениям. Каждый день появляются новые слова и термины, которые проникают в нашу повседневную жизнь и становятся неотъемлемой частью общения.

Возьмем, к примеру, слово «гуглить». Еще двадцать лет назад никто не знал, что это означает. Сегодня же это привычное действие – поиск информации в интернете с помощью поисковой системы Google. Это слово стало настолько популярным, что его используют даже в официальных документах и академических текстах. Оно иллюстрирует, как технологическая компания может влиять на язык и повседневное общение.

Другой пример – «лайкать». С появлением социальных сетей это слово стало обозначать действие, когда пользователь оставляет отметку «Нравится» под публикацией. Это простой и эффективный способ выразить свое мнение о контенте, и слово «лайк» стало неотъемлемой частью онлайн-коммуникации. Вместе с ним пришло и новое социальное поведение – стремление к получению большего количества лайков, что, в свою очередь, влияет на то, как мы создаем и потребляем контент.

Еще одно слово, которое вошло в нашу жизнь благодаря технологиям, – «селфи». Это фотография, сделанная человеком самостоятельно с помощью фронтальной камеры мобильного устройства. Селфи стали настолько популярными, что для их создания даже разработаны специальные приложения и устройства, такие как селфи-палки. Это слово иллюстрирует, как новые технологии могут породить целую культуру и изменить наши привычки.

Термин «троллить» появился в результате активного использования интернета. Это действие, когда пользователь намеренно провоцирует других в интернете, чтобы вызвать у них негативную реакцию. Троллинг стал частью онлайн-культуры, и слово «троль» теперь широко используется для описания людей, которые участвуют в таких провокациях.

Термин «блокчейн» обозначает распределенную базу данных, в которой записи транзакций группируются в блоки, соединенные между собой криптографическими ключами. Эта технология стала основой для криптовалют и других децентрализованных систем, изменив наш взгляд на финансы и безопасность данных [8].

Интернет-коммуникация породила новый, никогда не существовавший ранее феномен – письменную разговорную речь. Это обосновывается такой особенностью Интернет-коммуникации, как отсутствие или несущественное значение языковых норм языка при общении. Эта особенность проявляется в том, что часто при Интернет-коммуникации игнорируются и не принимаются во внимание стилистические и орфографические нормы русского литературного языка. Лингвистические средства построения нормированной речи в Интернет-коммуникации подвергаются изменения с точки зрения структуры, семантики и социального поведения участников этой коммуникации. Все эти лингвистические факты приводят к возникновению такого явления, как «сетевые языки» [10].

Искусственный интеллект (ИИ) – раздел компьютерных наук, занимающийся созданием интеллектуальных систем, способных имитировать человеческое мышление. Это не просто новое слово, а целая область, которая активно развивается и влияет на множество аспектов нашей жизни.

Изменения касаются не только словарного запаса, но и грамматики и синтаксиса. Влияние мессенджеров привело к сокращению слов и использованию аббревиатур, таких как «спс» (спасибо) и «првт» (привет). Пунктуационные знаки и прописные буквы часто игнорируются, а смайлики и эмодзи используются для передачи эмоций.

Социальные сети также внесли свои изменения. Кликбейтные заголовки, созданные для привлечения внимания, стали нормой, как и интернет-сленг и ненормативная лексика. Хештеги, используемые для категоризации контента, стали важной частью онлайн-коммуникации [5].

Синтаксис современного языка становится все более упрощенным. В то время как ранее сложные грамматические конструкции были нормой, сегодня предложения становятся короче и проще. Это связано с необходимостью быстрого обмена информацией, особенно в цифровом пространстве. Мы видим, как в интернете и социальных сетях доминируют короткие сообщения, посты и твиты. Это стремление к лаконичности и эффективности проникает и в другие сферы письменной речи, включая деловую переписку и даже научные публикации.

Неформальность становится еще одной яркой чертой современного синтаксиса. Влияние мессенджеров и социальных сетей приводит к тому, что разговорные конструкции и сокращения все чаще используются даже в официальных документах. Фразы вроде «сейчас я занят» заменяются на короткое «занят сейчас». Эта тенденция способствует созданию более непринужденной атмосферы общения и стиранию границ между формальными и неформальными стилями.

Морфология, или структура слов, также переживает изменения. Новые словообразовательные модели появляются как реакция на потребности общества. Суффиксы вроде «-изация», «-лайк» и «-троллинг»

становятся все более популярными. Например, «киберизация» обозначает процесс внедрения технологий в различные сферы жизни, а «лайк» и «троллинг» – это слова, пришедшие из интернет-культуры.

Основные поставщики новых слов – это интернет и социальные сети. Виртуальное пространство кипит жизнью, где мемы, хэштеги и новые термины появляются и распространяются со скоростью света. Научные открытия и технологические инновации тоже делают свой вклад: новые устройства, программы и теории требуют новых названий. И, конечно, социальные и культурные изменения тоже играют свою роль. Новые реалии требуют новых слов, чтобы их описать [9].

Заключение

Наука и технологии трансформируют все аспекты жизни, и язык – не исключение. Скорость изменений языка в наши дни просто поразительна. Технический прогресс, так или иначе, всегда влиял на развитие в языке. Но невольно можно задать вопрос, почему именно с середины 90-х годов прошлого века русская речь и особенно речь молодежи стала наиболее подвержена сильному влиянию технологического развития? В первую очередь, это можно связать с тем, что появляющиеся новые технические устройства (компьютеры, мобильные телефоны, смартфоны, планшеты) стали массово использоваться и превратились в неотъемлемую часть жизни каждого из нас. Во-вторых, благодаря появлению Интернета, социальных сетей, мессенджеров, коммуникация между людьми значительно ускорилась и приобрела масштабные размеры, что, несомненно, поспособствовало более быстрому распространению неологизмов, жаргонизмов и различных сокращений.

Новые слова, термины, грамматические структуры и способы использования языка появляются с беспрецедентной скоростью, отражая нашу постоянную жажду к новому и неизведанному.

Влияние инноваций на язык многогранно и разнообразно. Новые технологии, такие как искусственный интеллект и машинное обучение, будут играть все более важную роль в анализе, генерации и переводе языка. Представьте себе, как алгоритмы могут не только переводить тексты, но и создавать уникальные языковые формы, адаптированные под конкретные нужды пользователей. Машины смогут понимать контексты и нюансы языка, делая общение более точным и эффективным.

Социальные изменения также не остаются в стороне. Язык будет не только отражать, но и влиять на такие важные процессы, как миграция, межкультурное взаимодействие и новые формы социальной организации. Языковые барьеры постепенно разрушаются, открывая новые возможности для сотрудничества и взаимопонимания между людьми разных культур и стран.

Осознание и изучение изменений языка под влиянием инноваций – это ключ к пониманию современного мира и подготовке к будущему. Изучая новые слова и термины, люди расширяют свой кругозор и становятся более информированными. Понимая влияние технологий на язык, можно использовать их преимущества, сводя к минимуму потенциальные риски.

Язык – это нечто большее, чем просто средство общения. Это отражение нашей культуры, нашего мышления и нашего опыта. Изучая и используя язык осознанно, можно сделать его мощным инструментом для позитивных изменений в мире.

Список использованных источников:

1. Али, Л.З. Некоторые аспекты изучения лексических инноваций в современной лингвистике и психолингвистике / Л.З. Али // Молодой ученый. – 2016. – № 7 (111). – С. 1134-1137.
2. Александрина, Е.Н. Активные процессы в сфере аббревиации в современном русском языке. – М.: Огарёв-Online. 2023 – 194с.
3. Асмус, Н.Г. Особенности функционирования сокращений в виртуальном дискурсе (на примере социальной сети Твиттер) / Н.Г. Асмус, Н.Д. Полетаева. – Челябинск: Челябинский гуманитарий, 2021. – 55 с.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: АСТ, 2023. – 560 с.
5. Джумаева, А., Гельдиева Л. Влияние технологий и интернета на развитие языка / А. Джумаева // Мировая наука. – 2022. – №11. – С. 159-161.
6. Ермаков, В.И. Язык и его роль в развитии научного знания / В.И. Ермаков // Социум и власть. – 2016. – №3. – С.134-139.
7. Крысин, Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни / Л.П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / ответственный редактор Е.А. Земская. – 2000. – С. 143-161.
8. Ливада, Д. Инновации в современном русском языке: цифровые технологии и их влияние на языковую эволюцию / Д. Ливада // Русский язык в XXI веке: исследования молодых: Материалы XI международной научной студенческой конференции, Астана, 13–14 февраля 2024 года. – Астана: Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, 2024. – С. 316-318.
9. Сокирко, С.М. Влияние современных технологий на язык / С.М. Сокирко, О.А. Солопова // Молодой исследователь: материалы 9-й научной выставки-конференции научно-технических и творческих работ студентов. – 2022. – С. 343-346.
10. Соблирова, М.Х. Отражение влияния современных информационных технологий на языке (на материале русского языка) / М.Х. Соблирова // СОВРЕМЕННАЯ НАУКА И МОЛОДЫЕ УЧЁНЫЕ: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. – 2022. – С. 106-107.
11. Трубинова, Е.А. Заимствования как процесс изменения языка / Е.А. Трубинова // Молодой ученый. – 2016. – № 10 (114). – С. 1209-1212.
12. Шохратджанова, А. Языковые инновации и заимствования в русском языке: влияние западных языков / А. Шохратджанова, А. Тарханов, Д. Тыллаев // А Posteriori. – 2025. – № 1. – С. 75-77.

студент 2 курса, направление 09.03.01, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством **Зотовой О.В.**

старший преподаватель кафедры иностранных языков образования, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

ПРИМЕРЫ УСПЕШНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ AI И VR

Аннотация. В статье рассматриваются примеры успешной реализации персонализированного обучения с применением технологий искусственного интеллекта (AI) и виртуальной реальности (VR). Анализируются международные и российские кейсы, включая образовательные платформы Labster, а также отечественные проекты. Особое внимание уделено влиянию AI и VR на повышение вовлеченности обучающихся и эффективности образовательных процессов.

Ключевые слова: персонализированное обучение, искусственный интеллект, виртуальная реальность, образовательные технологии, адаптивные технологии.

EXAMPLES OF SUCCESSFUL IMPLEMENTATION OF PERSONALIZED LEARNING USING AI AND VR

Abstract. The article examines examples of the successful implementation of personalized learning using Artificial Intelligence (AI) and Virtual Reality (VR) technologies. It analyzes both international and Russian cases, including educational platforms such as Labster, as well as domestic projects. Special attention is given to the impact of AI and VR on increasing learner engagement and improving the effectiveness of educational processes.

Keywords: personalized learning, artificial intelligence, virtual reality, EdTech, adaptive technologies.

В современном образовательном пространстве персонализированное обучение становится одним из ключевых направлений цифровой трансформации. Развитие технологий искусственного интеллекта (AI) и виртуальной реальности (VR) открыло возможности для создания адаптивной и иммерсивной образовательной среды, которая учитывает индивидуальные особенности, способности и темп обучения каждого студента.

Актуальность темы обусловлена растущим запросом на гибкие и эффективные модели образования, обеспечивающие одновременно доступность и высокий уровень вовлеченности. Технологии AI позволяют собирать и анализировать большие объёмы данных об обучающихся для адаптации образовательных траекторий, а VR создаёт интерактивные симуляции, способствующие лучшему пониманию и развитию практических навыков.

Цель данного исследования – проанализировать успешные примеры реализации персонализированного обучения с использованием технологий AI и VR в международной и российской практике. В работе рассматривается влияние этих технологий на повышение мотивации, успеваемости и общей эффективности образовательного процесса на примере таких проектов, как DreamBox Learning, Labster, Школа 21 Сбера и SberClass.

Согласно результатам опроса Computer Science Teacher Landscape Survey, проведённого в 2024 году среди 2 901 учителя информатики в США, 81% респондентов считают, что обучение искусственному интеллекту должно входить в базовый курс информатики, однако менее половины педагогов чувствуют себя готовыми преподавать эту тему. В частности, уровень уверенности составляет 46% среди учителей старших классов, 44% – средних и 34% – начальных школ. При этом большинство учителей включают элементы, связанные с ИИ (например, алгоритмы, вычислительные системы, вычислительное мышление и программирование), даже при отсутствии чёткого определения ИИ в образовательных стандартах [1, с.14].

Концепции ИИ, преподаваемые на уроках информатики по уровням образования

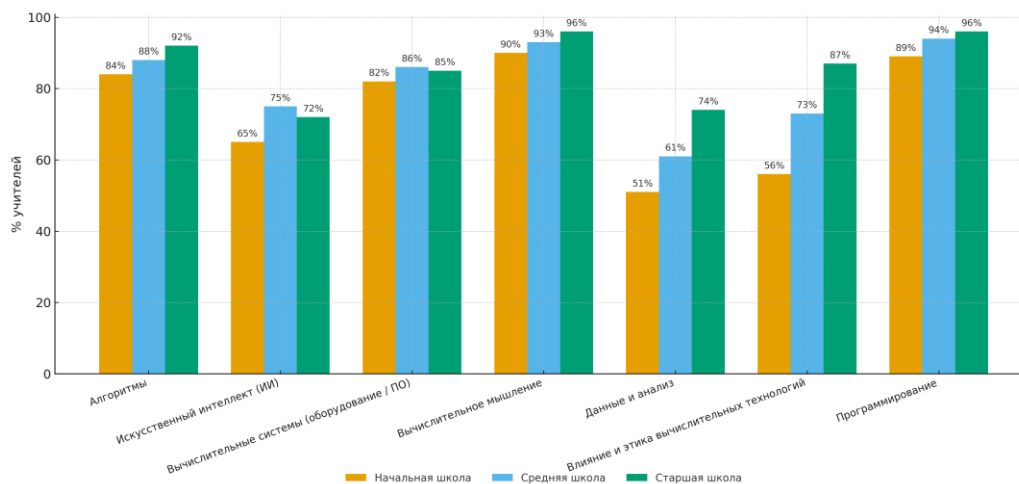

Рисунок 1 – Концепции искусственного интеллекта, преподаваемые на уроках информатики по уровням образования (по данным ComputerScienceTeacherLandscapeSurvey, 2024; AIIndexReport, 2025)

Тем не менее, внедрение ИИ практикуется во многих ведущих университетах мира, так, например, специалисты университета ЛЭТИ разработали машину, которая автоматически формирует рекомендации студентам на основе их профилей. ИИ анализирует активность студента (участие в проектах, конференциях, своевременное освоение дисциплины и т.п.) путем извлечения ключевых слов, которые характеризуют полученные навыки. Главная особенность рекомендательной машины – дообучение модели и улучшение автоматического формирования профиля благодаря возможности редактирования полученных результатов, которые считываются машиной в качестве обратной связи. Сформированный профиль используется для подбора наиболее подходящих студенту проектов, конференций, хакатонов, вакансий и других предложений от партнеров. Более того, результаты отправляются на городской портал трудоустройства студентов, что позволяет получать приглашения на стажировки и вакантные места. В рамках образовательного процесса рекомендательная машина поможет студенту определиться с выбором тем курсовой и дипломной работ, научного руководителя и направления, предложив наиболее подходящие варианты [2].

Таблица 1. Примеры успешного применения искусственного интеллекта в российских образовательных программах

№	Учебное учреждение/проект	Описание внедрения ИИ	Результаты / отмеченные эффекты
1	Проект Яндекса. Образование «Кейсы применения ИИ в образовании»	Создана карта кейсов по применению ИИ в российских школах и вузах: адаптация учебных программ, поддержка преподавателей, использование ИИ-инструментов.	Подчеркивается, что ИИ используется для повышения качества обучения и обновления программ; конкретных количественных данных нет, но проект показывает масштаб распространения.
2	Платформа Учи.ру с ИИ-адаптацией	Онлайн-платформа, которая с помощью ИИ анализирует данные об обучении и выстраивает индивидуальную программу для школьников.	Темп прироста знаний при использовании смешанного формата (онлайн + с учителем) увеличился в 2 раза.
3	Внедрение ИИ-решений в вузах России (обзор ВШЭ и Яндекса)	Совместный доклад Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и Яндекса: анализ практик ИИ в вузах (чат-боты, автоматизации оценки, адаптивные системы)	Отмечается рост интереса и внедрения, однако конкретных количественных показателей использования ИИ пока меньше.

Пример успешного использования технологий VR в обучении: кейсы Labster

Одним из наиболее успешных примеров применения технологий виртуальной реальности (VR) в образовательном процессе является платформа Labster, разработанная для проведения интерактивных лабораторных симуляций. Данный инструмент позволяет студентам осваивать сложные биотехнологические и химические процессы в безопасной, иммерсивной и геймифицированной среде, приближенной к условиям реальной лаборатории.

Платформа реализует принципы смешанного обучения, сочетая виртуальные эксперименты с традиционными практическими занятиями. В ходе симуляций обучающиеся перемещаются по виртуальной лаборатории, выполняют эксперименты, отвечают на вопросы с выбором ответа и получают обратную связь в реальном времени. Преподаватель имеет возможность отслеживать индивидуальные результаты студентов, их активность и прогресс выполнения заданий.

Labster интегрирует элементы интерактивности и геймификации: за правильные ответы студент получает баллы, а во время эксперимента отображаются анимации химических и молекулярных процессов, что способствует лучшему пониманию теоретического материала.

Эффективность внедрения Labster подтверждена рядом международных исследований. В частности, в University College Copenhagen платформа была использована в рамках обучения лабораторных техников по программам прикладного бакалавриата в области химических и биотехнологических наук. В ходе эксперимента использовались два кейса – Next Generation Sequencing (NGS) и Molecular Cloning, направленные на формирование практических навыков анализа ДНК и молекулярного клонирования.

Результаты показали, что использование VR-симуляций способствовало повышению вовлеченности студентов, улучшению связи между теоретическими и практическими аспектами обучения и росту учебной активности. Более 84% обучающихся оценили Labster как «хорошее» или «очень хорошее» дополнение к традиционным методам обучения [3, с.259].

Таким образом, опыт применения Labster демонстрирует, что использование VR-технологий в образовательной практике повышает мотивацию, способствует развитию исследовательских навыков и позволяет безопасно осваивать сложные лабораторные процессы без ограничений физического пространства.

Обсуждение и результаты

Результаты показали, что VR-симуляции позволяют компенсировать ограничения реальной лабораторной практики, обеспечивая безопасную и интерактивную среду для освоения сложных процедур. Виртуальные лаборатории способствуют развитию исследовательских навыков, формированию логического и критического мышления, а также повышают мотивацию студентов к самостоятельной работе.

При этом анализ показал, что успешное внедрение ИИ и VR-решений требует системной подготовки педагогических кадров. Несмотря на то, что результаты исследования подтверждают, что интеграция ИИ и VR-технологий способствует повышению эффективности образовательного процесса, развитию индивидуальных траекторий обучения и формированию компетенций будущего, особое внимание стоит уделять грамотному использованию таких ресурсов, чтобы избежать нарушения академических правил, а также снижения концентрации и осознанности в научных работах.

Список использованных источников:

1. Stanford Institute for Human-Centered Artificial Intelligence (HAI). AIIndexReport 2025: Chapter 7 – Education [Электронный ресурс]. – StanfordUniversity, 2025. https://hai.stanford.edu/assets/files/hai_ai-index-report-2025_chapter7_final.pdf (дата обращения: 07.11.2025).
2. Яндекс.Образование. Карта кейсов применения искусственного интеллекта в образовании [Электронный ресурс]. Яндекс, 2024. <https://education.yandex.ru/aihighreport/map> (дата обращения: 07.11.2025).
3. DeVriesL., May M. Virtual Laboratory Simulation in the Education of Laboratory Technicians [Электронныйресурс] // Biochemistry and Molecular Biology Education. – 2019. – Vol.47, No.3. – P.257–262. – DOI10.1002/bmb.21221 – Режим доступа: https://digitalllearning.ucf.edu/ilab/wp-content/uploads/2021/07/Virtual-Lab-Simulation-in-the-Education_2019.pdf (дата обращения: 07.11.2025).

УДК 37.004

Тихомирова Я.К.

студентка 2 курса, направление 09.03.01, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

*Работа выполнена под научным руководством **Зотовой О.В.***

*старший преподаватель кафедры иностранных языков
МГУТУ им. К.Г.Разумовского (ПКУ)*

ИНТЕГРАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОЦЕСС ОЦЕНКИ ЯЗЫКОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Статья рассматривает интеграцию искусственного интеллекта в оценку языковых компетенций. Анализируются современные тенденции (персонализация, автоматизированная оценка, чат-боты), ведущие образовательные платформы и их возможности. Выявлены ограничения ИИ: контекстная ограниченность, этические риски и проблемы справедливости. Предложена гибридная модель, где ИИ выполняет диагностические функции, а преподаватель остаётся экспертом. Подчеркивается важность этических стандартов и нормативного регулирования.

Ключевые слова: искусственный интеллект, оценка языковых компетенций, адаптивное обучение, гибридная модель, этика ИИ, образовательные платформы.

ITEGRATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCEINLANGUAGECOMPETENCE ASSESSMENT: CURRENTTRENDSANDFUTUREPROSPECTS

Abstract. The article examines the integration of artificial intelligence into language competence assessment. Current trends (personalization, automated evaluation, chatbots) and leading educational platforms are analyzed. Key limitations are identified: contextual constraints, ethical risks, and fairness issues. A hybrid model is proposed where AI performs diagnostic functions while teachers remain experts. The importance of ethical standards and regulatory frameworks is emphasized.

Keywords: artificial intelligence, language competence assessment, adaptive learning, hybrid model, AI ethics, educational platforms.

Цифровая трансформация образования меняет роль искусственного интеллекта в педагогической практике. То, что ещё недавно воспринималось как вспомогательный инструмент, сегодня превращается в часть образовательной экосистемы. Особенно заметны эти изменения в области языковой педагогики, где ИИ влияет и на организацию учебного процесса, и на методы оценивания компетенций. Традиционно оценка решает три задачи: отслеживание достижений учащихся, регулирование учебного процесса и поддержание мотивации. Применение ИИ значительно расширяет эти возможности за счёт автоматизации рутинных операций, адаптивности к индивидуальным особенностям и мгновенной обратной связи. Чтобы понять место ИИ в языковой оценке, необходимо ответить на три взаимосвязанных вопроса:

- Какие тенденции определяют применение ИИ в диагностике языковых навыков?
- С какими ограничениями сталкивается эта интеграция?
- Какие перспективы открываются перед данным направлением?

Ответы позволят не только оценить текущую ситуацию, но и наметить ориентиры для развития ИИ в языковой педагогике.

Современные тренды применения ИИ в оценке языковых компетенций.

Персонализация и адаптивность обучения. Системы на базе ИИ способны анализировать индивидуальный профиль учащегося (его уровень владения языком, характерные ошибки, проблемные области). На этой основе выстраивать персонализированную траекторию развития. При этом функция таких систем выходит далеко за рамки простой диагностики. Они не просто фиксируют пробелы в знаниях, но и предлагают целенаправленные корректирующие упражнения, превращая единичную оценку в непрерывный

процесс мониторинга. Ожидается расширение решений, которые в реальном времени подстраивают задания под текущий уровень учащегося, выявляют проблемные зоны, прогнозируют траекторию развития и предлагают персонализированные стратегии обучения. Такой подход позволит перейти от дискретного тестирования к непрерывному сопровождению учащегося на протяжении всего курса. Отечественные исследования подтверждают результативность такого подхода в выявлении слабых мест и формировании адресных программ обучения [5, с.4].

Автоматизированная оценка письменной и устной речи. Алгоритмы всё чаще применяются для комплексного анализа языковых работ. От проверки грамматики и пунктуации до оценки стилистики и произношения. Значительное место здесь занимает технология Automated Essay Scoring (AES), использующая методы глубокого обучения и механизмы внимания. Модели типа DeBERTa и техника adversarial training демонстрируют улучшение качества оценки письменных работ студентов, изучающих английский как второй язык [3, с.2]. Однако ИИ пока уступает человеческому суждению в тонкой интерпретации текстов. Исследования показывают, что эксперты превосходят системы вроде ChatGPT в 2,6 раза при категоризации письменных работ, что свидетельствует о необходимости гибридного подхода [1, с.18-19]. Существующие системы зачастую не улавливают прагматические оттенки, социолингвистические особенности и авторский стиль, что приводит к ошибочной оценке высказываний, которые эксперт-человек интерпретирует как вполне корректные.

Чатботы и виртуальные ассистенты. Эти инструменты поддерживают диалог с учащимися, генерируют задания и отслеживают динамику успеваемости. Хотя масштабных исследований их оценочного потенциала недостаточно, накапливаются свидетельства того, что они могут выступать в роли метакогнитивных партнёров, стимулировать самоанализ учащихся и помогать корректировать ошибки. [5, с.3-5]

Мультимодальная оценка. Современные ИИ-системы интегрируют текст, речь, видео, жесты и параметры взаимодействия пользователя. В контексте языкового обучения это открывает возможность комплексной оценки устной речи и диалогических навыков, произношения и просодии, коммуникативных умений в интерактивных ситуациях, невербальных компонентов общения. Исследования демонстрируют, что ИИ-системы способны анализировать беглость, точность, лексическое разнообразие, качество взаимодействия и произношение в комплексе.

Обзор существующих платформ ИИ для оценки языковых компетенций.

Современный рынок образовательных технологий предлагает разнообразные решения. Рассмотрим наиболее значимые из них.

Duolingo – одна из ведущих платформ геймифицированного языкового обучения с более чем 500 миллионами пользователей. Использует адаптивные алгоритмы для анализа профиля пользователя, отслеживания типичных ошибок и подстройки уровня сложности заданий в режиме реального времени. Расширенная версия Duolingo Max интегрирует генеративные модели (на базе GPT-4), которые проводят диалоги с пользователем и предоставляют персонализированную обратную связь. Система оценивает все четыре навыка – говорение, аудирование, чтение и письмо – через интерактивные упражнения. Особенность платформы – использование технологии spaced repetition для закрепления материала и система мотивации через игровые элементы (очки опыта, серии дней, лиги).

Coursera – глобальная платформа массовых открытых онлайн-курсов (МООС), предлагающая языковые программы от ведущих университетов мира. Встроенная система автоматизированной оценки использует машинное обучение для анализа письменных работ по множеству параметров: содержание, структура, грамматическая корректность, лексическое разнообразие и стилистическая уместность. Курсы подготовки к международным экзаменам (IELTS, TOEFL) оснащены адаптивными тестами, которые в реальном времени корректируют сложность в зависимости от ответов тестируемого. Платформа также поддерживает peer-review (взаимное оценивание студентами), дополняя автоматизированную оценку человеческим суждением.

FutureLearn – британская образовательная платформа, специализирующаяся на социальном обучении и интерактивности. Предлагает языковые курсы с акцентом на коммуникативные компетенции и культурный контекст. ИИ-системы платформы анализируют устные презентации и письменные работы, оценивая не только языковую точность, но и коммуникативную эффективность. Особенность FutureLearn – интеграция дискуссионных форумов, где алгоритмы отслеживают активность участников и качество их вклада в обсуждения. Система машинного обучения выявляет паттерны успешного взаимодействия и рекомендует релевантные материалы для углубления знаний.

Babbel – немецкая платформа, ориентированная на практическое освоение языка через диалоговые ситуации. Специализируется на анализе устной речи. Система распознавания оценивает произношение, беглость речи, интонационные паттерны и ритмическую структуру высказываний. Технология распознавания речи позволяет учащимся интенсивно практиковать говорение с получением немедленной обратной связи. Адаптивные алгоритмы выявляют систематические фонетические ошибки и предлагают целевые упражнения для их коррекции. Платформа использует метод интервальных повторений и контекстуализированное обучение через реальные жизненные ситуации.

LingQ – платформа, основанная на методе естественного погружения в язык через аутентичные материалы (тексты, подкасты, видео). ИИ-система отслеживает индивидуальный словарный запас пользователя, автоматически выделяет незнакомые слова и создаёт персонализированные карточки для повторения. Технология распознавания речи оценивает произношение при чтении вслух и в диалоговых упражнениях,

анализируя артикуляцию, темп речи и просодические характеристики. Алгоритмы машинного обучения рекомендуют материалы оптимального уровня сложности (comprehensible input) и прогнозируют готовность пользователя к освоению новых языковых структур. Особенность LingQ – акцент на самостоятельном обучении через обширную библиотеку контента.

Ограничения и вызовы.

Контекстная ограниченность. ИИ недостаточно учитывает мотивационные факторы, личностные особенности и социокультурный контекст обучения. Понятие «языковая компетенция» сложно свести к алгоритмическим параметрам, поскольку оно тесно связано с культурными нормами, ситуативными нюансами и индивидуальными стратегиями коммуникации [2, с.3-18].

Лингвистическая вариативность. При выполнении творческих заданий ИИ часто не распознаёт нестандартные, но лингвистически корректные решения, которые отклоняются от шаблонов обучающих датасетов.

Этические риски и проблемы справедливости. Внедрение алгоритмических систем оценивания порождает целый ряд этических проблем:

- Отсутствие прозрачности в механизмах принятия решений алгоритмами
- Риск дискриминации по признаку акцента, диалекта или социокультурного происхождения
- Недостаточная защита персональных данных учащихся
- Угроза стандартизации языка, подавление лингвистического разнообразия.

Эксперты настаивают на принципе «ethical by design». Этические нормы должны закладываться в ИИ-системы уже на этапе разработки, а не добавляться постфактум [2, с.19].

Особого внимания требует проблема алгоритмической предвзятости (bias in AI). Дискриминация по акценту или диалекту, недооценка культурно-специфичных коммуникативных стратегий, ограничение творческого самовыражения из-за жёстких шаблонов.

Недостаток эмпирических данных. В научной литературе пока отсутствуют масштабные долгосрочные исследования о влиянии ИИ-оценивания на формирование языковых компетенций и мотивацию учащихся.

Перспективы развития: партнёрство преподавателя и ИИ.

Трансформация роли педагога. По мере развития ИИ-технологий функции преподавателя претерпевают существенные изменения. Педагог перестаёт быть единственным источником знаний и оценок, смещаясь в сторону роли модератора, фасилитатора и интерпретатора данных, которые генерируют ИИ-системы. Чтобы реализовать эту новую роль, требуется развивать цифровую грамотность в области ИИ, практические навыки работы с инструментами и платформами, умение анализировать и критически осмысливать аналитические данные, способность гибко корректировать учебные траектории на основе полученной информации.

Гибридная модель оценивания. Развитие алгоритмов позволит ИИ не ограничиваться оценкой, но и активно сопровождать учащегося: формировать индивидуальные планы обучения, рекомендовать методики, поддерживать саморегуляцию и метакогнитивную рефлексию. Это соответствует концепции «расширенного интеллекта» (human + AI), где технология выступает партнёром педагога, а не его заменой.

Оптимальная модель распределения функций предполагает:

- ИИ как инструмент: диагностика, мониторинг, оперативная обратная связь, выявление закономерностей в данных
- Преподаватель как эксперт: дизайн учебных траекторий, фасилитация, интерпретация данных, развитие критического мышления и творческих способностей

Такое разделение труда задействует две ключевые силы: вычислительную мощь алгоритмов и педагогическое мастерство человека.

Этические и нормативные приоритеты. Перед научным сообществом и разработчиками стоят приоритетные задачи:

- разработка стандартов оценивания с использованием ИИ
- обеспечение прозрачности и справедливости алгоритмов
- защита персональных данных и конфиденциальности
- изучение влияния ИИ-оценивания на мотивацию и стратегии обучения
- формирование нормативно-правовой базы, включая регулирование высокостатусных тестирований

Таким образом, интеграция искусственного интеллекта в оценку языковых компетенций демонстрирует значительный потенциал для персонализации образовательного процесса, однако не лишена существенных ограничений, связанных с контекстной интерпретацией языковых данных и этическими рисками. Современные платформы (Duolingo, Coursera, Babbel, LingQ) успешно автоматизируют рутинные процессы оценивания и обеспечивают адаптивность обучения, но эксперты по-прежнему превосходят алгоритмы в оценке сложных языковых работ. Оптимальным решением является гибридная модель, где ИИ выполняет функции диагностики и мониторинга, а преподаватель сохраняет роль эксперта, ответственного за интерпретацию данных и развитие критического мышления учащихся. Для реализации этого подхода необходимо повышение цифровой компетентности педагогов, разработка этических стандартов и формирование нормативно-правовой базы регулирования ИИ-оценивания.

Список использованных источников:

1. Atasoy, A., Moslemi Nezhad Arani, S. ChatGPT: A reliable assistant for the evaluation of students' written texts? Educ Inf Technol 30, 20385–20415 (2025). <https://doi.org/10.1007/s10639-025-13553-1> (дата обращения: 24.10.2025)

2. Cambridge University Press & Assessment. (2024). AI and Language Assessment: Ethical Considerations. Режим доступа: <https://www.cambridgeassessment.org.uk> (дата обращения: 27.10.2025)
3. Huang J., Zhao X., Che C., Lin Q., Liu B. Enhancing Essay Scoring with Adversarial Weights Perturbation and Metric-specific Attention Pooling // arXiv preprint. – 2024. – arXiv:2401.05433 [cs.CL].) (дата обращения: 26.10.2025)
4. Кузнецова А.В., Петров С.И. Проблемы валидации автоматизированных систем оценки языковых компетенций // Вопросы психолингвистики. 2024. № 3 (61). С. 45–62. – DOI: 10.30982/2077-6499-2024-61-3-45-62 (дата обращения: 26.10.2025)
5. Ковальчук С.В., Тараненко И.А., Устинова М.Б. Современные подходы к оценке языковых компетенций с использованием ИИ-технологий // Наука и образование. – URL: <https://science-education.ru/article/view?id=33000> (дата обращения: 28.10.2025)
6. Сысоев П.В. Проблемы и перспективы автоматизированной оценки языковых навыков в высшей школе // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – URL: <https://vestsutmb.elpub.ru/jour/article/view/1077> (дата обращения: 27.10.2025)

УДК 37

Щербатых Л.Н.

к.п.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, г. Елец

РОЛЬ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Аннотация. В данной статье автор описывает актуальную ситуацию, существующую в системе высшего образования, как воспитать самостоятельно мыслящего специалиста, обладающего цифровой компетенцией. Автор статьи подчеркивает, что цель современного образования – сформировать у обучающихся стремление постоянно пополнять свои знания с помощью цифровых технологий, в нашем случае в области владения иностранными языками (ИЯ), расширять кругозор, практические навыки самостоятельной работы в учебной, научной и профессиональной деятельности, стремиться к самообразованию, развитию у себя цифровой компетенции.

Ключевые слова: высшее образование, самостоятельная работа, цифровая компетенция, интеграция в системе образования, студенческая аудитория.

THE ROLE OF THE INDEPENDENT STUDENT TRAINING IN THE PROCESS OF THE DIGITAL COMPETENCE FORMATION

Abstract. In this article, the author describes the current situation in the higher education system, how to educate an independent-minded specialist with the digital competence. The author of the article emphasizes that the purpose of the modern education is to form students' desire to constantly replenish their knowledge with the help of the digital technologies, in our case in the field of the foreign language proficiency, expand their horizons, practical skills of the independent work in the educational, scientific and professional activities, strive for the self-education, and develop the digital competence.

Keywords: higher education, independent work, digital competence, the integration in the education system, student audience.

В настоящее время российское образование характеризуется развитием актуальных образовательных цифровых технологий, направленных на формирование цифровой компетенции будущих специалистов, а также развитие коммуникативной культуры индивидуума в целом. В процессе формирования цифровой компетенции студентов в высшей школе преподаватель ИЯ должен решить множество вопросов, когда он выстраивает систему обучения будущих специалистов в области иноязычного образования. Важная составляющая конкурентоспособности личности – это владение ИЯ. Таким образом, специалист – профессионал с успехом ориентируется в потоке поступающей информации, устанавливает деловые и межкультурные контакты и отношения. В этой связи, студенты успешно социализируются, вовлекаются в деловые сообщества с помощью высокого уровня владения ИЯ, поскольку язык выступает как релевантное средство реализации деловой и межкультурной коммуникации. Соответственно, необходимо увеличивать масштаб иноязычных знаний, умений и навыков, которые необходимы студентам во владении ИЯ. Их иноязычное профессиональное обучение позволяет устанавливать контакты, успешно вести деловую коммуникацию, заниматься корреспонденцией, вести телефонные переговоры, организовывать и проводить заседания, совещания и переговоры, участвовать в международных конференциях, развивать коммуникативные базовые компетенции, обеспечивающие конкурентоспособность специалистов-профессионалов.

Формированию компетенций у студенческой аудитории способствуют различные виды деятельности в ходе учебного процесса. Профессиональная подготовка, социокультурная деятельность, семейные традиции, иноязычное образование представляют собой базу непрерывного иноязычного образования, все это развивает профессиональные компетенции студентов. Компетенции представляют собой знания и умения, помогающие принимать решения в меняющемся мире. Благодаря интегрированию разных дисциплин, возможно организовать такое обучение ИЯ, которое бы было направлено на формирование основных компетенций у обучающихся, что является основной компетенцией организации иноязычного образования.

Под профессиональной компетентностью понимается способность человека решать проблемы в своей профессиональной области. В.В. Сериков в своих трудах писал, что ситуация профессиональной компетентности – это подготовка действительно глобально образованных, креативно и критически мыслящих специалистов, восприимчивых к разностороннему, органическому видению и анализу сложных социальных

сторон жизни общества, способных к поиску новых решений актуальных проблем [4, с.3]. С.Л. Рубинштейн описывал общетеоретические и методологические принципы, в соответствии с которыми личность обучающегося проявляется и развивается в деятельности. Учение – это один из видов деятельности, в котором происходит развитие личности будущих специалистов, что связано с формированием и развитием их потребностей и интересов [3].

Преподаватель ИЯ в вузе целенаправленно организует систему внеурочных занятий. В этой связи у обучающихся формируется как коммуникативные компетенции в процессе изучения ИЯ в вузе, так и профессиональные компетенции со всеми составляющими в целом.

В организации процесса обучения ИЯ огромную роль играет самостоятельная работа, являющаяся важным пунктом планирования преподавателем ИЯ самого учебного процесса. К распространенным относятся перспективное планирование, которое осуществляется в тематических планах, и текущее планирование, которое заключается в разработке планов отдельных занятий. В процессе организации самостоятельной работы при обучении ИЯ студентов-первокурсников преподаватель ИЯ планирует вопросы адаптации обучающихся к условиям вузовского обучения, где большую роль играет самостоятельный труд, самообразование, самоорганизация, формирование умений, навыков самостоятельной работы. Целенаправленность внеурочных занятий включает в себя соблюдение следующих условий: учет преемственности в формировании коммуникативной компетенции у учащихся общеобразовательной школы и студентов 1-2 курсов вуза. В процессе планирования учебной деятельности преподавателю необходимо подобрать правильно учебный материал на этапе первичной организации самостоятельной работы при обучении ИЯ. При этом преподавателю следует учитывать, что учебно-информативный блок, подобранный им, должен быть правильно адаптирован и востребован самими студентами даже на эмоциональном уровне [1; 2].

Преподаватель ИЯ выстраивает свои занятия, опираясь на потребности обучающихся, перерабатывает учебный материал с точки зрения эмоционального восприятия, делая акцент на последующей мотивации студентов к самостоятельному обучению. Для того, чтобы организовать самостоятельную работу, преподаватель должен обучать студентов таким образом, чтобы учитывался не только имеющийся уровень знаний по ИЯ у каждого обучающегося группы, но и уровень эмотивного и жизненного опыта всего студенческого коллектива. Решить вопрос организации самостоятельной работы студентов неязыковых отделений при обучении ИЯ возможно следующим образом:

- провести тестирование первокурсников с целью установления уровня их обученности и сохранения определённой последовательности и преемственности в обучении;
- организовать анкетирование для того, чтобы выявить запросы к качественному отбору содержания обучения ИЯ;
- необходима минимализация предметного иноязычного содержания, предполагающая формирование коммуникативной компетенции для последующего самостоятельного восполнения недостающих языковых знаний в области изучаемого языка на основе отобранного языкового и речевого материала.

В институте филологии ЕГУ им. И.А. Бунина преподаватели ИЯ систематически составляют методические пособия, ориентированные на развитие различных видов речевой деятельности; отбирают языковые упражнения для самостоятельной работы обучаемых; подбирают текстовые материалы для самостоятельного изучения студентами; планируют все виды самостоятельной работы, обучают студентов всем методам овладения приемами самообучения, взаимообучения, работы с научной литературой, знакомят обучающихся с рациональными способами организации умственного труда. Коллеги стараются подбирать тексты гуманитарного характера с разнообразной страноведческой тематикой, что поддерживает у студентов устойчивую мотивацию в овладении предметом «Иностранный язык».

Самостоятельная работа студентов имеет эффективный характер, если она не только личностно значима для них, высокомотивирована, но организуется с помощью системы методов, которые побуждают обучающихся к активной самостоятельной работе, эффективны уже в силу того интереса, который они пробуждают сами по себе. Удачным примером синтеза мотивационной сферы с активной автономной познавательной позицией студентов в образовательном процессе являются технологии Web 2.0 [5; 6]. Такой подход позволяет преподавателю ИЯ участвовать в самостоятельной деятельности обучающихся опосредованно, создавать оптимальные условия её протекания, разрабатывать систему разноуровневых заданий, что позволяет каждому студенту максимально самореализоваться. Организация самостоятельной деятельности студентов в обучении ИЯ должна быть ориентирована на общие педагогические подходы. В структуру учебного занятия обычно входят три основных этапа (методика Л.М. Фридмана и И.Ю. Кулагиной): вводно-мотивационный, операционально-познавательный; рефлексивно-оценочный [7].

Вводно-мотивационный этап предполагает осознание студентами основной цели предстоящего изучения тематики самостоятельной работы по изучению ИЯ, его место и роль в профессиональном образовании, его практическое и теоретическое значение. На данном этапе преподаватель ИЯ координирует студентов в подобранных учебных материалах для самостоятельной работы. От обучающихся требуется, прежде всего, психологическая готовность к самостоятельной работе.

Операционально-познавательный этап предполагает усвоение знаний по языку, входящие в содержание данной языковой темы, самостоятельно, при этом используются разные виды и формы учебной работы: студенты пишут эссе, исследовательские работы по определенным аспектам, выполняют упражнения,

развивающие умения правильно употреблять неизвестную лексику. От преподавателя ИЯ на данном этапе требуется готовность постоянно направлять и оценивать самостоятельную работу студенческого коллектива.

Рефлексивно-оценочный этап связан с изучением тематического материала и предполагает общее суммирование результатов работы по данной теме. Основная задача – развить у студентов самоаналитическую деятельность, умение анализировать и синтезировать полученные языковые знания, рефлексивно самооценивать, развить способность обучающихся отбирать адекватные способы и приемы самостоятельной работы, оценивать результаты своих вложений. Это финальный этап, где студент должен уметь нормировать время, которое выделяется в учебном процессе, когда он выполняет учебные самостоятельные задания, осознает и исправляет допущенные ошибки.

Таким образом, организация самостоятельной учебной деятельности при обучении ИЯ предполагает создание образовательной среды, развивающей продуктивную учебную деятельность, помогающей реализовывать личностный потенциал студентов.

Самостоятельная работа ориентирована на усвоение студентами приемов познавательной деятельности. Самостоятельная работа очень актуальна сегодня, в связи с переходом на многоуровневое обучение, с появлением разных видов организации обучения ИЯ в вузе. Дистанционное обучение по индивидуальному плану, с использованием компьютерных и других современных технологий обучения ИЯ также основано на самостоятельной работе. Правильно организованная самостоятельная работа помогает обучающимся систематизировать и качественно закрепить полученные знания и умения, углубить и расширить теоретические и практические знания.

Список использованных источников:

1. Алханов А. Самостоятельная работа студентов // Высшее образование в России. 2005. № 11. С. 86-89.
2. Измайлова М.А. Организация внеаудиторной самостоятельной работы студентов. М., 2008. 64 с.
3. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. В 2-х т. М.: Педагогика, 1989. Т. 1. 672 с.
4. Сериков В.В. Предисловие к сборнику «Подготовка специалистов в области гуманитарных и социально-экономических наук». М., 1995.
5. Тихонова Е.В. Новая образовательная парадигма: 1.0, 2.0, 3.0 // Культурно-языковое взаимодействие в процессе преподавания дисциплин культурологического и лингвистического циклов в современном полиэтническом вузе. М.: РГСУ, 2013. С. 68-75.
6. Тихонова Е., Голечкова Т. Аутентичность в контексте преподавания языка специальности // Современные технологии и тактики в преподавании профессионально-ориентированного иностранного языка. М., 2013. С. 66-76.
7. Фридман Л.М., Кулагина И.Ю. Психологический справочник учителя. М., 1991. 288 с.

УДК 37.018.1
ББК 74.1

Абсадыкова Ж.К.

*магистрант 1 курса ОП 7М01201 – Дошкольное обучение и воспитание
НАО «КарННУ имени академика Е.А. Букетова»*

Науч.рук. – Карманова Ж.А.

*д.п.н., доцент кафедры дошкольной и психолого-педагогической подготовки, НАО «КарННУ имени академика
Е.А. Букетова»*

СЕМЕЙНО – ОРИЕНТИРОВАННАЯ ПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ РЕЧЕВОГО РАЗВИТИЯ ДОШКОЛЬНИКОВ НА ОСНОВЕ ИИ – ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. В статье рассматривается роль технологий искусственного интеллекта (ИИ) в развитии коммуникативных навыков детей дошкольного возраста через семейное воспитание. Анализируются возможности интеграции ИИ в практику семейно-ориентированной персонализации, описаны этапы реализации модели, приведены примеры практического применения и условия эффективного использования технологий. Также обсуждаются риски, ограничения и этические аспекты применения ИИ в раннем возрасте.

Ключевые слова: искусственный интеллект, дошкольное образование, персонализированное обучение, семья, коммуникативное развитие, цифровизация.

FAMILY-ORIENTED PERSONALIZATION OF PRESCHOOL SPEECH DEVELOPMENT BASED ON AI TECHNOLOGIES

Abstract. The article examines the role of artificial intelligence (AI) technologies in the development of communication skills of preschool children through family education. The possibilities of integrating AI into the practice of family-oriented personalization are analyzed, the stages of model implementation are described, examples of practical application and conditions for effective use of technologies are given. The risks, limitations, and ethical aspects of using AI at an early age are also discussed.

Keywords: artificial intelligence, preschool education, personalized learning, family, communication development, digitalization.

Современное дошкольное образование активно трансформируется под воздействием цифровизации и распространения технологий искусственного интеллекта. В научной литературе отмечается растущий интерес к персонализированным моделям обучения, которые учитывают индивидуальные особенности ребёнка, его интересы, темп развития и социальный опыт [1].

Вместе с тем вопросы взаимодействия ИИ, дошкольного образования и семейного воспитания остаются слабо разработанными, рассматриваются преимущественно фрагментарно [2]. Особенно недостаточно изучено, каким образом цифровые технологии могут усиливать индивидуальный характер семейного воспитания и способствовать развитию коммуникативных навыков детей.

Проблема исследования заключается в том, что сегодня в образовании всё чаще требуется персонализированный подход, но пока ещё недостаточно понятно, как правильно применять его в семье при развитии речи дошкольников.

Цель статьи – показать, каким образом технологии искусственного интеллекта могут помогать родителям в развитии коммуникативных навыков детей 4–6 лет в домашних условиях.

Персонализированное обучение рассматривается как образовательный процесс, ориентированный на уникальные особенности каждого ребёнка, что отличает его от традиционной дифференциации, где дети разделяются на группы по общим характеристикам [3].

Культурно-исторический подход – ребёнок развивается в зоне ближайшего развития с поддержкой взрослого, который выполняет роль посредника между средой и индивидуальным опытом [4].

Деятельностный подход – ведущая деятельность формирует содержание и динамику обучения; в дошкольном возрасте такой деятельностью является игра [5].

Гуманистическая педагогика – обучение ориентировано на уникальность личности ребёнка, развитие его субъектности и самостоятельности [6].

Экологический подход – развитие ребёнка определяется взаимодействием микросреды (семьи) и образовательной среды [7].

Эти подходы показывают, что ребёнок лучше развивается, когда его близкое окружение активно вовлечено в обучение, поэтому семья играет ключевую роль в его индивидуальном развитии.

Семья является первичной средой социализации и формирования коммуникативных навыков, включая умение слушать, выражать эмоции, строить связную речь и соблюдать речевой этикет [8]. Ребёнок начинает осваивать диалогическую речь примерно в возрасте 4–6 лет. В этот период он уже способен вести более сложные беседы: пересказывать события, выражать своё мнение, учитывать собеседника и строить связные высказывания. Диалог становится основным способом взаимодействия с окружающими, что делает этот возраст критически важным для развития коммуникативных навыков [4].

Принципы семейно-ориентированной персонализации предполагают комплексный подход к развитию речевых навыков ребёнка. Во-первых, важно учитывать индивидуальный темп речевого развития, поскольку

формирование словаря и связной речи у разных детей происходит с различной скоростью. Во-вторых, эффективное взаимодействие строится с опорой на ведущий канал восприятия ребёнка – аудиальный, визуальный или кинестетический. Третьим принципом является построение речевых ситуаций с учётом интересов ребёнка, его опыта и жизненного контекста, что делает общение более осмысленным и мотивирующим. Также необходимо обеспечивать эмоциональную безопасность и доверительные отношения, которые создают благоприятную атмосферу для речевого развития. Наконец, важным условием становится активное участие родителей в общении с ребёнком: взрослый выступает не просто наблюдателем, а полноценным партнёром по диалогу, который помогает ребёнку выражать мысли, задаёт речевые модели и мягко направляет общение. [9].

Современные технологии искусственного интеллекта дают семье новые инструменты для более осмысленного участия в развитии речи ребёнка. С помощью цифровых сервисов родители могут отслеживать, как постепенно меняются коммуникативные навыки: какие слова ребёнок использует чаще, где возникают сложности и в каких ситуациях речь даётся ему труднее. Такая аналитика помогает вовремя заметить зоны, требующие дополнительного внимания, и подобрать более подходящие способы поддержки в домашних условиях. Кроме того, ИИ способствует созданию индивидуальных игровых сценариев, направленных на обучение диалогичности, расширение словарного запаса и развитие эмоциональной речи. На основании анализа взаимодействий ребёнка система предоставляет рекомендации и подсказки для формирования положительной речевой среды, что усиливает эффективность семейного воспитания [10].

Выделяются следующие направления применения ИИ в семейной практике:

Аналитическая поддержка – сервисы отслеживают словарный запас и речевую активность ребёнка, позволяя определить точки роста и выделить приоритетные направления развития речи [11].

Сценарная поддержка – игровые диалоги, сказки и ролевые модели общения помогают ребёнку освоить диалогичность и развивать речь в различных контекстах [12].

Обратная связь – ИИ предоставляет подсказки для корректного общения, что способствует повышению выразительности и грамотности [11].

Развитие эмоциональной речи – моделирование эмоциональных ситуаций помогает ребёнку формировать эмпатию и лучше понимать собеседника [11].

Таким образом, совместное использование ИИ и семейного воспитания позволяет выстраивать персонализированную образовательную среду, в которой цифровые инструменты не заменяют живое общение, а лишь дополняют и усиливают роль взрослого. Благодаря этому становится возможным более точно подбирать игры, речевые задания и ситуации для общения, соответствующие реальным потребностям ребёнка. Такое сочетание создаёт условия для естественного и постепенного развития речи: ребёнок учится выражать мысли, понимать собеседника и уверенно вступать в диалог.

При использовании технологий искусственного интеллекта важно соблюдать принципы безопасного и эффективного внедрения в семейное воспитание. Во-первых, человек-центричность: ИИ должен дополнять живое общение, а не заменять взрослого. Это означает, что роль родителей и педагогов остаётся ведущей, а цифровые инструменты выступают поддержкой и помощником.

Во-вторых, минимизация экранного времени: основной акцент делается на офлайн-взаимодействие, игры, диалоги и совместные действия, а использование экранных устройств строго дозируется. В-третьих, практическая направленность: технологии должны способствовать развитию реальных коммуникативных навыков ребёнка – умению вступать в диалог, выражать свои мысли и понимать эмоции собеседника, а не ограничиваться лишь накоплением словарного запаса.

Соблюдение этих принципов обеспечивает гармоничное сочетание ИИ и семейного воспитания, поддерживая персонализированный подход и способствуя формированию полноценной речевой среды для дошкольника [13].

На основе рассмотренных принципов была разработана модель семейно-ориентированной персонализации развития коммуникативных навыков с использованием ИИ. Она предполагает поэтапное внедрение технологий в практику семейного воспитания при сохранении ведущей роли живого общения.

Этапы реализации модели включают:

Диагностико-аналитический – на этом этапе проводится оценка речевых навыков ребёнка с помощью наблюдений и цифровых инструментов, что позволяет выявить сильные стороны и точки роста для дальнейшей работы.

Индивидуализация среды общения – создаются речевые ритуалы и игровые сценарии, адаптированные под интересы и уровень развития ребёнка, а ИИ-подсказки помогают корректировать задания и стимулировать самостоятельную активность ребёнка.

Тренировка коммуникативных действий – на основе бытовых и ролевых ситуаций ребёнок учится строить диалог, выражать свои мысли и эмоционально реагировать на собеседника.

Рефлексия и поддержка динамики – регулярно обсуждаются успехи ребёнка, оценивается эффективность игровых сценариев, а рекомендации ИИ помогают корректировать программу занятий и выбирать новые упражнения.

Эффективность модели обеспечивается сочетанием эмоциональной поддержки, регулярности занятий, активного участия родителей и приоритета живого взаимодействия. Такой подход позволяет гармонично сочетать возможности ИИ с семейным воспитанием, создавая персонализированную образовательную среду

для ребёнка [14]. Несмотря на очевидные преимущества использования ИИ в семейной практике, важно учитывать потенциальные риски и ограничения. Среди них выделяются следующие:

- Смещение акцента с живого общения на цифровое – чрезмерное увлечение электронными сервисами может ослабить живое взаимодействие ребёнка с родителем;
- Формирование пассивной речевой позиции – ребёнок может привыкнуть к пассивному восприятию информации вместо активного участия в диалоге;
- Нарушение естественного темпа развития речи – цифровые инструменты не всегда учитывают индивидуальные особенности ребёнка;
- Чрезмерное экранное время и недостаточная культурная адаптация контента – длительное использование устройств может негативно влиять на внимание и эмоциональное состояние ребёнка;
- Этические вопросы – конфиденциальность данных, недопустимость скрытой оценки и обеспечение эмоциональной безопасности ребёнка [15].

Предотвратить возможные негативные последствия позволяет активное участие родителей, акцент на живое общение, дозированное использование ИИ и постоянный контроль за содержанием занятий.

Учитывая возможности, и риски, ИИ можно рассматривать как полезный инструмент для семейного воспитания, который помогает родителям лучше поддерживать развитие речи и общения ребёнка. Технологии не заменяют взрослого, а дают сценарии, подсказки и данные для анализа, чтобы родители могли действовать осознанно и планомерно. При соблюдении принципов безопасности и педагогического сопровождения ИИ способствует мягкой индивидуализации образовательного процесса, развитию диалогической речи и формированию положительной речевой среды в раннем возрасте. Таким образом, гармоничное сочетание живого взаимодействия и цифровых инструментов обеспечивает ребёнку комфортные условия для формирования речевых и коммуникативных навыков.

Список использованных источников:

1. Абдуганиева, З.Р. Развитие дошкольного образования в условиях цифровой трансформации / З.Р. Абдуганиева // Universal Journal of Educational Research. – 2025. – Т. 3, № 1. – С. 1–9. – URL: <https://inlibrary.uz/index.php/universaljournal/article/download/86810/88551>.
2. Комарова, И.И. Будущее дошкольного образования в эпоху цифровизации / И.И. Комарова // CyberLeninka. – 2018. – С. 10–25. URL: <https://sdo-journal.ru/journal/articles/komarova-i-i-budushchee-doshkolnogo-obrazovaniya-v-epokhu-tsifrovizatsii/>
3. Быков, С.Е. Возможности и перспективы использования систем генеративного искусственного интеллекта в дошкольном образовании / С.Е. Быков // TeacherFolio. – 2025. – С. 1–10. – URL: https://teacherfolio.ru/media/sites/6/ИИ_в_дошкольном_образовании.pdf
4. Л.С. Выготский. Мышление и речь: психологические исследования / Л. С. Выготский; под ред. и со вступ. статьёй В.Колбановского. – Москва; Ленинград: Соцэкгиз, 1934. – 324 с.
5. Эльконин, Д.Б. Детская психология: (развитие ребенка от рождения до семи лет) / Акад. пед. наук РСФСР. Ин-т психологии. – Москва: Учпедгиз, 1960. – 328 с. : ил.; 22 см.
6. Роджерс, К. Свобода учиться / К. Роджерс. – М.: Прогресс, 1986. – 430 с.
7. Bronfenbrenner, U. The Ecology of Human Development: Experiments by Nature and Design. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979. – 33 p.
8. Щербакова Е.Н. Роль семьи в процессе формирования коммуникативной компетенции у детей старшего дошкольного возраста с нарушениями речи / Е.Н. Щербакова // Современные проблемы науки и образования. – 2017. – № 6. – С. 315–320. URL: <https://infourok.ru/statya-na-temu-ol-semi-v-processe-formirovaniya-kommunikativnoj-kompetencii-u-detej-starshego-doshkolnogo-vozrasta-s-narusheniya-7810717.html>
9. Левшина Н.И. Организация дошкольного образования в семье учебно-методическое пособие / Н.И. Левшина; Магнитог. гос. техн. ун-т им. Г.И. Носова. – Магнитогорск: МГТУ, 2015. – 72 с. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
10. Дагган, С. Искусственный интеллект в образовании: изменения со скоростью обучения. AI in Education: Change at the Speed of Learning / С. Дагган. – М.: Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании, 2020. – 36 с. – ISBN 978-5-6046449-2-8. URL: https://iite.unesco.org/wp-content/uploads/2021/05/Steven_Duggan_AI-in-Education_2020-2.pdf4
11. Емельянова И.Д. Развитие речи детей дошкольного возраста в условиях цифровой трансформации // Вестник науки и образования. – 2023. – №1. – С. 45–52.
12. Павлова Е. Применение игровой обучающей ситуации в формировании познавательно-речевой активности детей старшего дошкольного возраста // Маам.ру. – 2017. С. 6–8 – URL: <https://www.maam.ru/detskijad/primeneniye-igrovoi-obuchayuschei-situatsii-v-formirovani-poznavatelno-rechevoi-aktivnosti-detej-starshego-doshkolnogo-vozrasta-s.html>
13. Костина, Л.М. Представление об искусственном интеллекте у родителей учащихся основной и средней школы / Л.М. Костина // Науки об образовании. – 2024. С. 83–86. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavlenie-ob-iskusstvennom-intellekte-u-roditeley-uchaschihsya-osnovnoy-i-sredney-shkoly>
14. Neugnot-Ceroli, M., Laury, O.M. «The Future of Child Development in the AI Era: Cross-Disciplinary Perspectives Between AI and Child Development Experts» (2024). – 47 p. URL: <https://arxiv.org/abs/2405.19275>
15. Андреева, Ю.В. «Влияние бытового искусственного интеллекта на детско-родительские отношения», журнал «Экология и развитие» 2025 г., том 20, № 2, С. 97–109 – URL: https://eandsjournal.kpfu.ru/en/wp-content/uploads/sites/2/2025/07/ОиС_20_2-2025-97-109.pdf

Алимова М.Б.

*педагог-психолог, магистрант кафедры «Педагогика и психология»
Северо-Казахстанской государственной университет имени М. Козыбаева*

Маженова Р.Б.

*ассоц. профессор, заведующая кафедры «Дошкольной и психолого-педагогической подготовки»
НАО «КарНИУ имени академика Е.А. Букетова»*

Айтымов Е.К.

*преподаватель преподаватель кафедры изобразительного искусства и дизайна, магистр пед.наук
НАО «КарНИУ имени академика Е.А. Букетова»***ЦИФРЛЫҚ ТЕХНОЛОГИЯЛАРДЫ ПАЙДАЛАНУДЫҢ ПСИХОЛОГИЯЛЫҚ АСПЕКТІЛЕРІ**

Аннотация. Бұл мақалада заманауи ақпараттық қоғамның негізгі факторы ретіндегі цифрлық технологиялардың адам психологиясына әсері қарастырылады. Автор сыртқы әлемнің субъективтік түсінігінің құрылымындағы өзгерістерді, цифрлық коммуникацияның ерекшеліктерін, сондай-ақ ақпараттық қауіпсіздік мәселелерін талдайды. Эмпирикалық зерттеулерге сүйене отырып, интернет-тәуелділік, когнитивтік жүктеме және үйлесімді қарым-қатынас дағдыларының дамуы сияқты қолданудың оң және теріс салдарлары нақтыланған. Қорытындыда цифрлық ортаны психологиялық тұрғыдан қауіпсіз пайдалану тәжірибесін қалыптастырудың негізгі бағыттары ұсынылған.

Кілт сөздер: цифрлық технологиялар, психология, ақпараттық қоғам, интернет-тәуелділік, когнитивтік функциялар, цифрлық коммуникация, психологиялық әсер.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. В данной статье рассматривается влияние цифровых технологий, как ключевого фактора современного информационного общества, на психологию человека. Автор анализирует изменения в структуре субъективного восприятия внешнего мира, специфику цифровой коммуникации, а также вопросы информационной безопасности. На основе эмпирических исследований выделяются как положительные, так и отрицательные последствия употребления, такие как интернет-зависимость, когнитивная нагрузка и развитие коммуникативных навыков. В заключении намечены основные направления формирования психологически безопасного опыта использования цифровой среды.

Ключевые слова: цифровые технологии, психология, информационное общество, интернет-зависимость, когнитивные функции, цифровая коммуникация, психологическое воздействие.

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF DIGITAL TECHNOLOGY USE

Abstract. This article examines the impact of digital technologies, as a key factor of modern information society, on human psychology. The author analyzes changes in the structure of subjective perception of the external world, the specifics of digital communication, as well as issues of information security. Based on empirical research, both positive and negative consequences of use, such as Internet addiction, cognitive load, and the development of communication skills, are highlighted. The conclusion outlines the main directions for forming a psychologically safe experience of using the digital environment.

Keywords: digital technologies, psychology, information society, internet addiction, cognitive functions, digital communication, psychological impact.

Кіріспе. Соңғы онжылдықта цифрлық технологиялар адам өмірінің барлық саласына сіңіп, оның сыртқы әлеммен өзара әрекеттесу тәжірибесін түбегейлі өзгертті. Қазіргі психологияның маңызды міндеттерінің бірі – бұл трансформацияның адам психикасына, ойлау процестеріне, эмоцияларына және әлеуметтік мінез-құлқына әсерін түсіну. Цифрлық орта жасанды интеллект, үлкен деректер және үнемі байланыс мүмкіндігі сияқты құбылыстар арқылы жаңа шындықты құрады, бұл психологиялық зерттеулердің жаңа бағыттарын ашады [1, с.45].

Негізгі бөлім. Цифрлық технологияларды пайдаланудың психологиялық аспектілерін бірнеше негізгі деңгейде қарастыруға болады.

Когнитивтік деңгей. Интернет ақпаратқа тез және оңай қол жеткізу мүмкіндігін береді, бірақ бұл «дербес есте сақтау» (external memory) эффектісін тудыруы мүмкін, яғни адамдар нақты ақпаратты емес, оны қайдан табуға болатындығын есте сақтайды. Зерттеулер бұл жағдайдың сыни ойлау мен терең өңдеу орнына беттік ақпаратты қабылдауға әкелетінін көрсетеді [2, с.112]. Сонымен қатар, көптапсырмалылық (multitasking) деген иллюзия жиі пайда болады, бұл шын мәнінде назарды бөлуге әкеліп, жұмыс өнімділігін төмендетеді.

Эмоционалды-тәуелділік деңгейі. Цифрлық орта эмоционалды жауаптарды тудыратын дизайн шешімдерімен (белгішелер, ескертулер) толы. Социальдық желілердегі үнемі салыстыру мүмкіндігі өзін-өзі бағалауға әсер етуі мүмкін, бұл «салыстыру тревожностьсын» пайда етеді. Ең маңызды мәселелердің бірі – интернет-тәуелділіктің әртүрлі формалары: компьютерлік ойындарға, социальдық медиаға немесе ақпаратты онлайн іздеуге тәуелділік. Бұл тәуелділік нақты әлеуметтік байланыстардың орнын басады және шынайы өмірден қашу ретінде қызмет ете алады [3, с.78].

Әлеуметтік-коммуникативті деңгей. Цифрлық қарым-қатынас бейвербалдық көрсеткіштердің (дауыс тембрі, мимика, ишаралар) жоғалып, мәтінге негізделген қатынастың үстемдігімен сипатталады. Бұл қате түсіністіктердің жиі пайда болуына әкеледі және эмпатия дағдыларын дамытуды қиындатады. Бір мезгілде, цифрлық технологиялар географиялық кедергілерді жеңуге, ұқсас көзқарастағы адамдардың қауымдастықтарын құруға мүмкіндік береді, бұл әлеуметтік қолдау көзі болуы мүмкін.

Тәлғам және тұлға деңгейі. Интернет кеңістігінде адам өзінің бірнеше цифрлық сәйкестігін (digital identities) жасай алады, бұл өзін-өзі зерттеуге мүмкіндік береді. Дегенмен, бұл нақты және виртуалды «мен» арасындағы сәйкессіздікке әкелуі мүмкін, бұл тұлғаның интеграциясын бұзады.

Қорытынды. Осылайша, цифрлық технологияларды пайдалану адам психикасына күрделі және қарама-қайшы әсер етеді. Олар білім алу мен қарым-қатынас мүмкіндіктерін кеңейту сияқты айтарлықтай артықшылықтар әкелсе де, когнитивтік функциялардың әлсіреуі, тәуелділік пен эмоционалды проблемалардың пайда болуы түрлідегі тәуекелдерді тудырады. Болашақтағы зерттеулер цифрлық шындықтағы адамның психологиялық бейімделу механизмдерін тереңірек түсінуге бағытталуы керек. Психологиялық тұрғыдан қауіпсіз цифрлық мәдениетті қалыптастыру маңызды, бұл ақпараттық сауаттылықты дамытуды, цифрлық гигиена ережелерін насихаттауды және сыни ойлауды қамтуы тиіс.

Пайдаланылған дереккөздер тізімі:

1. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. – М.: Смысл, 2022.
2. Sparrow B., Liu J., Wegner D.M. Google Effects on Memory: Cognitive Consequences of Having Information at Our Fingertips // Science. – 2021. – Vol. 333, No. 6043.
3. Войскунский А.Е. Психология и Интернет. – М.: Акрополь, 2020.
4. Карымсаков Т.Б. Ақпараттық қоғамдағы жаңа медиа: психологиялық аспектілер. – Астана: Фолиант, 2023.

ӘОЖ/УДК: 373.2

Бельгибаева Г.К.

ассоциированный профессор, НАО «КарНИУ имени академика Е.А. Букетова»

Тилеубаева Н.Б.

магистрант I курса образовательной программы 7M01201 «Дошкольное обучение и воспитание», НАО «КарНИУ имени академика Е.А. Букетова»

МЕКТЕПKE ДЕЙІНГІ ИНКЛЮЗИВТІ БІЛІМ БЕРУДЕ БОЛАШАҚ ТӘРБИЕШІЛЕРДІҢ КӘСІБІ ӘРЕКЕТТІ ҰЙЫМДАСТЫРУДАҒЫ РӨЛІ: СТРАТЕГИЯЛАР МЕН ТӘСІЛДЕР

Аңдатпа. Бұл мақалада мектепке дейінгі инклюзивті білім беру жағдайында болашақ тәрбиешілердің кәсібі әрекетті ұйымдастырудағы рөлі қарастырылады. Инклюзивті білім берудің басты мақсаты – ерекше білім беру қажеттіліктері бар балаларды қоғам өміріне толық араластыру және білім алу мүмкіндігін тең дәрежеде қамтамасыз ету. Осы тұрғыда болашақ тәрбиешілердің кәсібі құзыреттілігі, педагогикалық шеберлігі мен жеке тұлғалық қасиеттері ерекше маңызға ие. Зерттеу барысында инклюзивті ортада тәрбиешінің кәсібі іс-әрекетін ұйымдастырудың тиімді тәсілдері мен стратегиялары айқындалады. Мақалада сондай-ақ болашақ мамандарды даярлау үдерісінде олардың инклюзивті мәдениетін қалыптастырудың педагогикалық шарттары талданады.

Кілт сөздер: инклюзивті білім беру, мектепке дейінгі тәрбие, болашақ тәрбиеші, кәсібі құзыреттілік, педагогикалық стратегия, жеке оқу жоспары, кооперативті оқыту, дифференциацияланған оқыту.

РОЛЬ БУДУЩИХ ВОСПИТАТЕЛЕЙ В ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИВНОГО ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: СТРАТЕГИИ И МЕТОДЫ

Аннотация. В данной статье рассматривается роль будущих воспитателей в организации профессиональной деятельности в условиях инклюзивного дошкольного образования. Основная цель инклюзивного образования – полноценная интеграция детей с особыми образовательными потребностями в общественную жизнь и обеспечение равных возможностей для получения образования. В этом контексте особое значение приобретают профессиональная компетентность, педагогическое мастерство и личностные качества будущих воспитателей. В ходе исследования определены эффективные способы и стратегии организации профессиональной деятельности воспитателя в инклюзивной среде. В статье также анализируются педагогические условия формирования инклюзивной культуры будущих специалистов в процессе их профессиональной подготовки.

Ключевые слова: инклюзивное образование, дошкольное воспитание, будущий воспитатель, профессиональная компетентность, педагогическая стратегия, индивидуальный учебный план, кооперативное обучение, дифференцированное обучение.

THE ROLE OF FUTURE EDUCATORS IN ORGANIZING PROFESSIONAL ACTIVITIES IN INCLUSIVE PRESCHOOL EDUCATION: STRATEGIES AND METHODS.

Abstract. This article examines the role of future educators in organizing professional activities within the context of inclusive preschool education. The main goal of inclusive education is to ensure the full integration of children with special educational needs into society and provide equal opportunities for learning. In this regard, the professional competence, pedagogical skills, and personal qualities of future educators are of great importance. The study identifies effective methods and strategies for organizing educators' professional activities in an inclusive environment. The article also analyzes the pedagogical conditions for developing the inclusive culture of future specialists during their professional training.

Keywords: inclusive education, preschool education, future educator, professional competence, pedagogical strategy, individual learning plan, cooperative learning, differentiated instruction.

Қазақстан Республикасының Президенті Қ.К. Тоқаев өзінің 2022 жылғы «Әділетті мемлекет. Біртұтас ұлт. Берекелі қоғам» атты Жолдауында: «Инклюзивті қоғам құру – біздің басты мақсаттарымыздың бірі. Ерекше қажеттілігі бар балаларға сапалы білім мен қолдау көрсетуді қамтамасыз ету – мемлекет пен қоғамның ортақ міндеті» – деп атап өтті [1].

Бұл бағытта мектепке дейінгі ұйымдардағы болашақ тәрбиешілердің кәсіби рөлі ерекше мәнге ие. Себебі мектепке дейінгі кезең – баланың тұлғалық, эмоционалдық және әлеуметтік дамуының негізі қаланатын уақыт. Инклюзивті ортада жұмыс істейтін тәрбиешінің кәсіби құзыреттілігі, әдіс-тәсілдерді дұрыс таңдай білуі мен психологиялық икемділігі – білім беру сапасын арттырудың шешуші шарты.

Қазіргі білім беру жүйесі барлық білім алушылардың білім беру қажеттіліктерін ескере отырып, тұлғаны жан-жақты қалыптастыру бағытында дамып келеді. Осыған байланысты ерекшелігі бар білім алушылардың білім алу мәселесіне ерекше назар аударылады. Бұл инклюзивті білім беру арқылы іске асырылады. Инклюзивті орта – білімнің қолжетімді болуын қамтамасыз етеді. Білім берудегі инклюзивті тәсіл білімалушылардың ерекше қажеттіліктерін ескере отырып, олардың негізінде барлық білім алушыларды оқу-тәрбие процесіне қосу арқылы білім беру процесін жүзеге асыруға негізделген. Қазіргі таңда инклюзивті білім беру үдерісін ұйымдастыруда осы үдерісті іске асыру үшін тиімді педагогикалық технологияларды қарастыру және қолдануды көздейін жоғары талаптар қойылып отыр [2].

- Білім алушылардың инклюзивті мәдениеті келесі аспектілерді қамтиды:
- Инклюзивті саясат;
- Инклюзивті практика;
- Инклюзивті мәдениет;

Барлығын қабылдау және құрметтеу. Білім беру мекемелерінде әртүрлі этникалық, мәдени әлеуметтік, тілдік, діндік және физикалық ерекшеліктері бар білім алушылардың тең мүмкіндіктеріне құрметпен қарау. Әр білім алушының өзін ерекше және маңызды сезінуі үшін жағдай жасалады.

– Инклюзивті білім беру саясатының тұжырымдамасы білім алушылар өз айырмашылықтарын қабылдауға, сонымен қатар жасына, жынысына, нәсіліне, тегіне, дініне немесе мүгедектігіне қарамастан, өз әлеуетін барынша арттырып сапалы білім алуға тең мүмкіндік беретін білім жүйесін ілгерілету болып табылады, бұл оларға болашақта жауапты азамат болуға мүмкіндік береді [3].

Инклюзивті топтағы оқыту стратегиялары.

Дифференциацияланған оқыту. Негізгі мақсаты – барлық білім алушыларға білімді толық және тиімді меңгерту. Әрбір білім алушылардың оқу деңгейіне, қабілетіне және қызығушылығына қарай түрлі тапсырмаларды ұсынууды көздейді. Бұл әдіс арқылы оқытушы білім алушының өздерінің жеке мүмкіндіктеріне сәйкес білім береді. Мысалы, бір білім алушыға қарапайым тапсырмалар, ал басқа білім алушыға күрделі тапсырмалар берілуі мүмкін.

Кооперативті оқыту. Бұл білім алушылардың топпен жұмыс істеуін қамтамасыз ететін әдіс. Бұл әдіс арқылы білім алушылар өзара көмектесіп, бірлесіп тапсырмаларды орындайды. Ерекше қажеттіліктері бар балалар үшін тиімді болады, өйткені олар топтық жұмыста өздерінің дағдыларын дамытады, әлеуметтік байланыстарды орнатады. Сонымен қатар, әрбір білім алушыларының пікірін білдіруге, өзінің күшті жақтарын көрсетуге мүмкіндігі болады.

Жеке оқу жоспары. Әрбір білім алушылардың қажеттіліктерін ескере отырып, жеке оқу жоспары құру – инклюзивті білім берудің маңызды бөлігі. Бұл әдіс әрбір білім алушылардың білім алу мүмкіндіктерін максималды түрде пайдалану үшін қажет. – Жеке оқу жоспары білім алушылардың қабілеттеріне, оқу деңгейіне және жеке қажеттіліктеріне сәйкес түзетіледі.

Мультимедиялық технологияларды қолдану. Мультимедиялық технологияларды қолдану арқылы білім алушылардың назарын аударып, оқу материалдарын қызықты әрі түсінікті етіп жасауға болады. – Мысалы, арнайы оқулықтар мен бағдарламалар, видео сабақтар, интерактивті тақталар және басқа да мультимедиялық құралдар ерекше қажеттіліктері бар білім алушылар үшін қолайлы.

Тақырыптық топтық жұмыс. Бұл әдіс білім алушыларды әртүрлі топтарға бөле отырып, оларды бір тақырып бойынша жұмыс істетуге бағытталған. Әр топ өзінің жұмысын жинақтап, нәтижелерін басқа топтармен бөліседі. – Бұл әдіс білім алушылардың бір-біріне көмектесуін және топтық жұмыс арқылы дағдыларын дамытуға мүмкіндік береді.

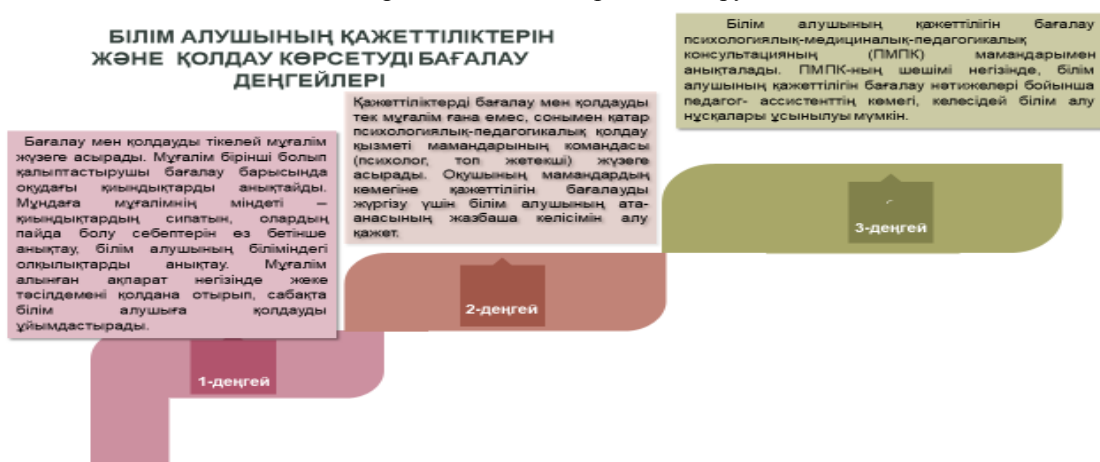
Қолдау қызметтері мен кеңес беру. Инклюзивті білім беру барысында психологиялық және педагогикалық қолдау көрсететін мамандардың рөлі өте маңызды. Білім алушыларға психологиялық көмек көрсету, оқу процесінде оларға қолдау жасау. Мұндай қызметтер білім алушылардың эмоционалдық жағдайын жақсартады және оқу барысында қиындықтарға тап болған білім алушыларға көмек береді. Ерекшелігі бар білім алушылардың іс-әрекетін ұйымдастыруда педагог білім алушының ерекшелігіне сәйкес, сонымен қатар оның физикалық, психикалық денсаулығын, эмоционалды тепе-теңдігін сақтайтын әдіс – тәсілдерін қолданады. Бұл саралап және жеке оқытуды іске асыратын шарты болып табылады.

ЕРЕКШЕ БІЛІМ БЕРУ ҚАЖЕТТІЛІКТЕРІ БАР БІЛІМ АЛУШЫЛАРҒА ПСИХОЛОГИЯЛЫҚ-ПЕДАГОГИКАЛЫҚ ҚОЛДАУДЫ ҰЙЫМДАСТЫРУ

«Білім беру ұйымдарында психологиялық-педагогикалық қолдау қағидалары»
Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрінің 2022 жылғы 12 қаңтардағы №6 бұйрығы

Қажет болған жағдайда, ассистент-мұғалімнің көмегін ұйымдастыру қажет.

Қазіргі уақытта мектепке дейінгі мекемелерде ЕББҚ балалар аз емес, жүйке жүйелері бұзылған, психикалық аурулары бар, кемтар болып туылатын нәрестелердің саны жыл сайын өсіп отыр.

Балабақшада және үйде де ондай балалар жеке ықпал жасауды қажет етеді. Ол үшін баланың психологиялық қажеттіліктерін, психологиялық-педагогикалық түзеу жұмыстарын ұйымдастыру керек.

Инклюзивті білім беруді сапалы іске асыруда болашақ тәрбиешілердің кәсіби даярлығы мен тәжірибелік дағдыларын жетілдіру маңызды рөл атқарады. Осы мақсатта «Мектепке дейінгі тәрбие мен оқытудың қолданбалы бакалавры» біліктілігі бойынша білім алушылар «Тәрбие және білім беру процесін жүзеге асыру» модулі аясында тәжірибелік және оқу тапсырмаларын орындап келеді. Атап айтқанда, «Тәрбиеленушілердің, ерекше білім беруді қажет ететін (ЕББҚ) балалардың әлеуметтік-эмоционалдық дағдыларын қалыптастыру» оқу пәні шеңберінде студенттермен түрлі практикалық тапсырмалар ұйымдастырылды. Бұл тапсырмалар барысында болашақ тәрбиешілер инклюзивті білім беру принциптерін тәжірибе жүзінде қолданып, балалардың эмоционалдық жай-күйін бақылау, қарым-қатынас орнату, бейімделу үдерісін жеңілдету әдістерін меңгерді. Сонымен қатар, өндірістік іс-тәжірибе кезінде студенттер ерекше білім беруді қажет ететін балалармен түзету және дамыту жұмыстарын жүргізді. Осындай практикалық тәжірибелер болашақ педагогтардың инклюзивті құзыреттілігін арттыруға, әр баланың жеке қажеттіліктерін ескеріп жұмыс істеуге үйретеді. Сонымен бірге, студенттер инклюзивті ортада әлеуметтік-эмоционалдық қолдау көрсету мен топшілік ынтымақтастықты қалыптастырудың маңызын терең түсінеді.

Даму мүмкіндігіне қарай тапсырма бере отырып, балаға дұрыс бағыт-бағдар көрсетіп, ата-аналарымен бірлесе отырып тәрбиелеу, оларды келешек қоғамдық орында өзін-өзі басқаруға ықпал жасайды. ЕББҚ балалармен жұмыс істеу өте қиын, қиын болса да педагог үздіксіз еңбек студі талап етеді.

Инклюзивті білім беруді дамыту — қоғамның әлеуметтік әділдікке, теңдік пен толеранттылыққа бағытталған айқын көрсеткіші. Бұл үдерісте болашақ тәрбиешілердің кәсіби рөлі ерекше, өйткені дәл мектепке дейінгі кезеңде балаға тұлғалық бағыттағы қолдау көрсету оның әрі қарайғы дамуының негізін қалайды. Сондықтан болашақ тәрбиешілерді кәсіби тұрғыда даярлау, инклюзивті педагогиканың заманауи әдіс-тәсілдерін меңгерту — қазіргі заман талабы.

Пайдаланылған дереккөздер тізімі:

1. Тоқаев Қ.К. «Әділетті мемлекет. Біртұтас ұлт. Берекелі қоғам» атты Қазақстан халқына Жолдауы. — Астана, 2022.
2. Қазақстан Республикасының «Білім туралы» Заңы. — Астана, 2007 (өзгерістер мен толықтыруларымен).
3. «Қазақстан Республикасындағы инклюзивті саясаттың 2025 — 2030 жылдарға арналған тұжырымдамасын бекіту туралы» Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2024 жылғы 30 желтоқсандағы № 1143 қаулысы.

Ахметова А.Е.

докторант 2 курса педагогического факультета, НАО «КарНИУ имени академика Е.А. Букетова»

Науч.рук. – Шкутина Л.А., д.п.н., профессор, НАО «КарНИУ имени академика Е.А. Букетова»

Полупан К.С., д.п.н., доцент Балтийского федерального университета имени И. Канта

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ: ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ НА ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ

Аннотация. В статье рассматриваются психологические аспекты цифровизации образования, оказывающие влияние на развитие эмоционального интеллекта будущих педагогов. Раскрывается роль цифровой образовательной среды как нового пространства социализации личности, формирующего эмоционально-коммуникативные компетенции. Определены риски и возможности цифровой трансформации для педагогической деятельности. Представлены методы исследования, направленные на выявление влияния цифровой среды на развитие эмоционального интеллекта. Сделан вывод о необходимости интеграции цифровых технологий и гуманистических ценностей в подготовке педагогических кадров.

Ключевые слова: цифровизация образования, эмоциональный интеллект, будущие педагоги, цифровая среда, психологические аспекты, педагогическая деятельность.

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF DIGITALIZATION OF EDUCATION: THE IMPACT OF THE DIGITAL ENVIRONMENT ON THE EMOTIONAL INTELLIGENCE OF FUTURE TEACHERS

Abstract. The article examines the psychological aspects of the digitalization of education that influence the development of emotional intelligence among future teachers. The role of the digital educational environment is revealed as a new space for socialization and personality development that shapes emotional and communicative competencies. The risks and opportunities of digital transformation for pedagogical activity are identified. The research methods aimed at studying the influence of the digital environment on the development of emotional intelligence are presented. It is concluded that the integration of digital technologies and humanistic values is essential for modern teacher education.

Keywords: digitalization of education, emotional intelligence, future teachers, digital environment, psychological aspects, pedagogical activity.

В современном мире цифровизация является одним из наиболее значимых процессов, оказывающих влияние на все сферы общественной жизни, в том числе на систему образования. Переход к цифровому формату обучения стал глобальной тенденцией, способствующей обновлению содержания, методов и средств педагогической деятельности [1]. Цифровая среда обеспечивает новые возможности для персонализации, интерактивности и доступности образования, но вместе с тем создаёт ряд психологических вызовов, требующих особого внимания.

Современные исследования показывают, что уровень цифровой зрелости образовательных систем напрямую связан с качеством подготовки специалистов, их социальной адаптацией и конкурентоспособностью [2]. Однако внедрение цифровых технологий в образовательную практику не ограничивается лишь технической модернизацией. Оно вызывает необходимость осмысления психологических и педагогических аспектов, влияющих на личностное развитие обучающихся и педагогов.

Таким образом, цифровизация образования рассматривается не просто как процесс внедрения технологий, а как комплексное изменение педагогической парадигмы, требующее переосмысления роли педагога, способов взаимодействия и эмоциональных факторов обучения. В условиях цифровой трансформации особое значение приобретает развитие эмоционального интеллекта (ЭИ) – способности понимать, выражать и регулировать эмоции в процессе педагогического общения.

Цифровая образовательная среда создаёт новые формы коммуникации – онлайн-взаимодействие, виртуальные сообщества, дистанционные формы обучения. Всё это требует от педагога не только технологической компетентности, но и эмоциональной устойчивости, эмпатии и саморегуляции. Развитие эмоционального интеллекта становится ключевым условием успешной педагогической деятельности в цифровом обществе [3].

Для достижения поставленной цели использовались следующие методы исследования: теоретический анализ отечественных и зарубежных источников по проблеме цифровизации образования и эмоционального интеллекта; сравнительно-сопоставительный анализ педагогических и психологических концепций; метод систематизации и обобщения научных данных; а также наблюдение и анализ практического опыта формирования эмоционального интеллекта у студентов педагогических специальностей в условиях цифровой образовательной среды.

Эмоции есть у каждого человека, эмоциональное состояние может меняться в течение разных периодов времени, а это в свою очередь зависит от многих факторов. Интерес научного мира к эмоциональному интеллекту возник очень давно.

Данное исследование базируется на основных положениях гуманистической психологии (К. Роджерс, А. Маслоу), идеях деятельностного подхода (В.В. Давыдов, А.Н. Братусь, Б.С. Леонтьев), в основных положениях теории эмоционального интеллекта российского психолога Д.В. Люсин (2004 г.), модели П. Сэловея, Дж. Мэйера, и Д. Карузо.

Ученые, изучающие эмоциональный интеллект, в свое время характеризовали его по-своему: Л.С. Выготский отмечал в своих трудах и статьях об «умственной составляющей аффективного отражения», В.С. Мухина; о «взаимосвязи ума и чувств», А.В. Запорожец - об «эмоциональном аспекте воображения человека».

Дж. Гилфордом, Э. Торндайком, Г. Айзенком в минувшем столетии было описано и сформулировано определение интеллекта социальной активности в обществе – умение верно считывать и понимать действия в различных ситуациях, чувственные, эмоционально окрашенные реакции людей; для эффективного взаимодействия между участниками процесса общения эта способность весьма важна и необходима, что является неотъемлемым условием успешной социальной адаптации человека, эмоционального интеллекта.

В современное время в психологической науке широкое развитие получают концепции эмоционального интеллекта, а также встречается многообразие взглядов на его развитие в разных возрастных группах и концепций для организации методических приемов.

По мнению Д.Гюлмана и других исследователей, эмоциональный интеллект включает четыре ключевых компонента – самоосознание, саморегуляцию, эмпатию и социальные навыки. В цифровой образовательной среде они проявляются в новых формах: управление эмоциями при дистанционном взаимодействии, развитие эмпатии в онлайн-коммуникации, поддержание эмоциональной включённости при виртуальных занятиях [4].

Цифровые (онлайн) подходы развития эмоционального интеллекта – относительно новое явление, получившее импульс из-за пандемии и общей цифровизации образования. Сюда относятся онлайн-курсы, интерактивные модули, симуляторы, мобильные приложения для тренировки эмоциональных навыков, а также использование социальных платформ и форумов для рефлексии. Преимущество цифровых решений – широкий охват и индивидуализация: каждый студент может работать в своем темпе, возвращаться к материалам, использовать цифровые симуляции эмоциональных ситуаций (например, виртуальные кейсы с реакциями виртуальных учеников). В исследовательском обзоре Е.С. Игнатовой (2023) приведены данные, что применение цифровых технологий может способствовать развитию эмоционального интеллекта, особенно через обучающие коммуникационные платформы [5]. Например, студенты, общаясь на онлайн-форумах, учатся выражать поддержку и эмпатию в письменной форме, а совместный просмотр и обсуждение цифрового контента (фильмы, видео) с куратором может развивать эмоциональное понимание [5, с.367]. В то же время, цифровая среда несет и риски: есть опасения, что переизбыток экранного общения снижает навыки живой эмпатии. Однако негативное влияние цифровизации на развитие ЭИ молодежи не получило однозначного подтверждения – мнения исследователей разделились [5, с.368]. Так, Audrinetal. (2023) вводят понятие «цифровой эмоциональный интеллект» – способности эффективно распознавать и выражать эмоции через электронные средства общения – и утверждают, что это новая форма ЭИ, которой тоже можно и нужно обучать [6]. В культурном аспекте цифровые подходы могут встречать препятствия: например, в обществах, где прямое выражение эмоций считается интимным процессом, студентам может быть некомфортно обсуждать свои чувства на онлайн-платформе или записывать видео-рефлексии. Кроме того, языковой фактор: многие качественные цифровые ресурсы созданы на английском, что затрудняет их использование в русскоязычных или казахоязычных группах без адаптации.

При этом цифровая среда может как способствовать развитию ЭИ, так и создавать риски – эмоциональное выгорание, снижение эмпатии из-за дефицита живого общения, информационную перегрузку. Это подчеркивает необходимость формирования цифровой эмоциональной компетентности – умения сохранять баланс между технологической и гуманистической составляющими образования [7].

Формирование цифровых компетенций как для действующих, так и для будущих педагогов является одной из ключевых задач современной системы образования. Эффективность всего образовательного процесса напрямую зависит от того, насколько успешно педагоги интегрируют цифровые инструменты в свою практику. Это включает в себя не только выбор подходящих цифровых ресурсов, но и умение определять этапы учебного или внеучебного занятия, которые требуют использования цифрового образовательного контента. Таким образом, цифровизация образования требует от педагогов не только технических навыков, но и способности адаптировать учебные процессы к современным технологическим возможностям.

Практическая реализация развития эмоционального интеллекта в условиях цифровизации включает интерактивные тренинги, онлайн-симуляции, цифровые дневники эмоций, групповые проекты и наставничество, направленные на развитие эмпатии и саморегуляции. Такие подходы способствуют формированию устойчивости, эмоциональной гибкости и профессиональной адаптивности будущих педагогов.

Таким образом, психологические аспекты цифровизации образования требуют системного анализа и внедрения в стратегию подготовки педагогов. Цифровая среда становится пространством формирования не только знаний, но и эмоциональной культуры личности. Будущее педагогического образования напрямую зависит от способности объединить технологический прогресс с гуманистическими ценностями, сохраняя приоритет личности в цифровом мире.

Список использованных источников:

1. Уваров, А.Ю. Цифровая трансформация и сценарии развития общего образования / А.Ю. Уваров. – Москва: НИУ ВШЭ, 2020. – 108 с. (Современная аналитика образования. № 16 (46))
2. UNESCO. Education in the Digital Era: Challenges and Opportunities. – Paris, 2022. – 72 p.
3. Постановление Правительства Республики Казахстан от 12 декабря 2017 г. №827 «Государственная программа "Цифровой Казахстан"» (2018–2022 гг.). – Астана, 2017.
4. OECD. OECD Digital Education Outlook 2023: Towards an Effective Digital Education Ecosystem [Электронный ресурс] // OECD Publishing, Paris, 2023. Режим доступа: <https://doi.org/10.1787/c74f03de-en>

5. Игнатова Е.С. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и применения цифровых технологий: обзор исследований / Е.С. Игнатова // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2023. – № 3. С. 365-381
6. Audrin, C., & Audrin, B. (2023). More than just emotional intelligence online: introducing "digital emotional intelligence". *Frontiers in Psychology*, 14, 1154355. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1154355>
7. Абдрахманова Г.Т. Цифровое неравенство и психологические аспекты онлайн-обучения // Вестник КазНПУ, 2023. – №2. – С.131–141.

ӘОЖ 159.99

Маженова Р.Б.

*ассоц. профессор, заведующая кафедры «Дошкольной и психолого-педагогической подготовки»
НАО «КарНИУ имени академика Е.А. Букетова»*

Мектепбаева А.Н.

*магистрант I курса образовательной программы «Педагогика и психология»
Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева*

Ившина Н.В.

*студент I курса образовательной программы «Психология»,
НАО «КарНИУ имени академика Е.А. Букетова»*

ӘДЕБИ МӘТІНДЕРДІ ПАЙДАЛАНА ОТЫРЫП СТУДЕНТТЕРДІҢ КОММУНИКАТИВТІК ҚҰЗЫРЕТТІЛІГІН ДАМУ

Аннотация. Бұл мақала студенттердің коммуникативтік құзыреттілігін әдеби мәтіндерді пайдалана отырып дамыту мәселесін қарастырады. Зерттеу барысында коммуникативтік құзыреттіліктің психологиялық және педагогикалық аспектілері талданып, әдеби мәтіндердің оқытудың тиімді құралы екендігі көрсетіледі. Мақалада әдеби мәтіндердің когнитивтік, эмоциялық және әлеуметтік әлеуеті, сондай-ақ қолдану әдістемелері қарастырылған.

Кілт сөздер: коммуникативтік құзыреттілік, әдеби мәтін, студент, психологиялық аспектілер, оқыту әдістемесі.

РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТОВ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос развития коммуникативной компетенции студентов с использованием литературных текстов. Исследование анализирует психологические и педагогические аспекты коммуникативной компетенции и показывает, что литературные тексты являются эффективным инструментом обучения. В статье рассматривается когнитивный, эмоциональный и социальный потенциал литературных текстов, а также методики их применения.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, литературный текст, студент, психологические аспекты, методы обучения.

DEVELOPMENT OF STUDENTS' COMMUNICATIVE COMPETENCE USING LITERARY TEXTS

Abstract. This article explores the development of students' communicative competence through the use of literary texts. The study analyzes the psychological and pedagogical aspects of communicative competence and demonstrates that literary texts are an effective teaching tool. The article discusses the cognitive, emotional, and social potential of literary texts, as well as methods for their application.

Keywords: communicative competence, literary text, student, psychological aspects, teaching methodology.

Кіріспе

Қазіргі жаһандану дәуірінде білім беру жүйесі үздіксіз жаңарып, жаңа педагогикалық әдістер мен технологиялар енгізілуде. Бұл үрдістің басты мақсаты – білім алушы тұлғаның жан-жақты дамуына ықпал ету, оның ішінде коммуникативтік құзыреттілігін қалыптастыру мен жетілдіру.

Коммуникативтік құзыреттілік – бұл тұлғаның өз ойын, көзқарасын, эмоциясын және ақпаратты түрлі әлеуметтік жағдайларда дұрыс, мәдени және тілдік нормаға сай жеткізе білу қабілеті. Бұл құзыреттілік тек тілдік білімге ғана емес, сонымен қатар психологиялық, әлеуметтік және мәдени факторларға да тікелей байланысты.

Жоғары оқу орындарында студенттердің коммуникативтік қабілетін дамытудың тиімді жолдарының бірі – әдеби мәтіндерді оқу және талдау. Әдеби мәтін студенттің тілдік тәжірибесін арттырып қана қоймай, оның ішкі психологиялық, рухани және мәдени дамуына да әсер етеді. Көркем сөз арқылы студент адамның мінезін, ойлау ерекшелігін және ұлттық болмысын түсіне бастайды.

Негізгі бөлім

Коммуникативтік құзыреттілік ұғымының теориялық негіздері

«Коммуникативтік құзыреттілік» ұғымын алғаш рет Д. Хаймс ұсынған. Ол бұл ұғымды адамның тілдік білімді нақты әлеуметтік контексте дұрыс қолдана білу қабілеті ретінде қарастырды. Кейін М. Канале мен М. Свейн бұл ұғымды төрт негізгі компонент арқылы толықтырды:

1. Грамматикалық құзыреттілік – тілдің құрылымдық заңдылықтарын білу;
2. Дискурстық құзыреттілік – байланысты мәтін құра білу дағдысы;
3. Социолингвистикалық құзыреттілік – сөйлеу әдебі мен мәдени нормаларды сақтау;
4. Стратегиялық құзыреттілік – қарым-қатынас кезінде түрлі стратегияларды тиімді қолдану.

Қазақ тіл білімінде бұл бағытты зерттеген ғалымдар Ф.Оразбаева, А.Жүнісбек, Қ.Қадашева және т.б. Ф.Оразбаева коммуникативтік құзыреттілікті адамның «тіл арқылы қарым-қатынас жасау мүмкіндігі мен қабілеті» ретінде түсіндіреді және бұл процестің психологиялық негіздерін айқындайды.

Әдеби мәтіндердің коммуникативтік әлеуеті

Әдеби мәтін – бұл тілдің эстетикалық, мәдени және әлеуметтік қызметтерін тоғыстыратын ерекше құрал. Ол студентке тек лексикалық және грамматикалық білім ғана емес, сонымен бірге мәдени кодтарды, ұлттық дүниетанымды, адам психологиясын тануға мүмкіндік береді.

Әдеби мәтінді оқу мен талдау барысында студент:

- тілдің табиғи қолданысын үйренеді;
- сөйлеудің мәдени және эмоционалды реңктерін түсінеді;
- өз ойын көркем әрі дәл жеткізуді меңгереді;
- басқа адамның сезімі мен ойына эмпатиялық тұрғыда қарауды үйренеді.

Мысалы, Абай, Мұхтар Әуезов, Бейімбет Майлин шығармаларындағы кейіпкерлердің іс-әрекетін талдау студенттің сыни ойлауын, эмоционалды қабылдауын және тілдік икемін дамытады.

Психологиялық аспектілер

Коммуникативтік құзыреттіліктің психологиялық негіздері мотивациялық, когнитивтік және эмоциялық компоненттермен тығыз байланысты.

- Мотивациялық компонент студенттің тілге деген қызығушылығын, ішкі қажеттілігін айқындайды;
- Когнитивтік компонент – тілдік білім мен дағдыны меңгеру қабілеті;
- Эмоциялық компонент – қарым-қатынас кезінде өз сезімдерін басқарып, басқалардың эмоциясын түсіне білу.

Әдеби мәтін студенттің ішкі эмоционалды әлеміне әсер етіп, оның мотивациясын арттырады. Кейіпкерлердің өмірі мен психологиялық күйін талдау студенттің өзіндік рефлексиясын дамытады, бұл сөйлеу белсенділігін және сенімділікті күшейтеді.

Мысалы, кейіпкердің ішкі монологын талдау арқылы студент адамның ойлау логикасын, сезімдік тәжірибесін және мінездік ерекшелігін түсінеді. Мұндай психологиялық тереңдік студенттің өз мінезін, сөйлеу әдебін және эмоциялық мәдениетін жетілдіреді.

Әдістемелік тәсілдер мен қолдану бағыттары

Әдеби мәтіндерді пайдалану студенттердің тілдік және психологиялық дамуын қамтамасыз ету үшін келесі әдістемелер тиімді болып саналады:

1. Интерактивті талдау әдісі – мәтінді топпен талқылау, пікір алмасу;
2. Рөлдік ойындар – мәтін кейіпкерлерін сахналау арқылы сөйлеу мәдениетін дамыту;
3. Эссе және пікір жазу – өз ойын логикалық және дәлелді түрде жеткізу қабілетін арттыру;
4. Мультимедиялық тәсілдер – бейне, аудио, цифрлық ресурстарды пайдалана отырып қабылдау дағдысын дамыту.

Бұл әдістер студенттің шығармашылық ойлауын, өзіндік көзқарасын және эмоциялық қатысуын күшейтеді.

Коммуникативтік құзыреттілікті дамытудың тәрбиелік және мәдени мәні

Әдеби мәтін тек тіл үйретудің құралы емес, рухани және адамгершілік тәрбиенің де көзі болып табылады. Әдебиет студентті мәдениетке, ұлттық құндылықтарға, адамгершілікке баулиды. Көркем мәтін арқылы студент өмірлік жағдайларға сыни көзқараспен қарап, өзіндік пікір қалыптастыруға дағдыланады. Сонымен қатар, әдеби шығармалар ұжымдық талқылау кезінде өзара сыйластық пен сенімге негізделген қарым-қатынас орнатуға көмектеседі.

Қорытынды

Қорыта айтқанда, әдеби мәтіндерді пайдалану студенттердің коммуникативтік құзыреттілігін дамытудың ең тиімді жолдарының бірі болып табылады. Бұл тәсіл студенттің тілдік қабілетін жетілдіріп қана қоймай, оның эмоциялық интеллектін, әлеуметтік бейімделуін және рухани дамуын қамтамасыз етеді. Психологиялық тұрғыдан алғанда, әдеби мәтіндер студенттің ішкі әлемін ашуға, өзіндік ойлау мен тұлғалық өсуіне жағдай жасайды.

Пайдаланылған дереккөздер тізімі:

1. Оразбаева Ф.Ш. Тілдік қатынас: теориясы мен әдістемесі. – Алматы: Қазақ университеті, 2000.
2. Құдайбергенова К. Тұлға теориясы және дамыта оқыту. – Алматы: Қазақ университеті, 2020.
3. Жолдасбекова С. Коммуникативтік құзыреттілікті қалыптастырудың психологиялық негіздері. – Астана, 2022.
4. Vygotsky L. S. Thought and Language. – Cambridge: MIT Press, 1986.
5. Hymes D. On Communicative Competence. – London: Penguin, 1972.
6. Canale M. Theoretical Bases of Communicative Approaches to Second Language Teaching and Testing. – Applied Linguistics, 1980.

ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ПЕДАГОГИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И РАЗВИТИЕ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Аннотация. В статье проанализированы теоретические основы и практические аспекты внедрения технологий искусственного интеллекта (ИИ) в дошкольные организации Республики Казахстан. Рассмотрены трансформационные изменения в профессиональной деятельности педагога, потенциал ИИ для индивидуализации обучения и диагностики развития дошкольников, а также риски, связанные с этикой, защитой персональных данных и сохранением живого взаимодействия ребёнка и педагога. На основе анализа национальных стратегий и практических кейсов предложены рекомендации по внедрению ИИ в дошкольное образование Казахстана с учётом правовых ограничений и педагогических приоритетов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, дошкольное образование, педагогическая деятельность, персональные данные, цифровая трансформация.

THE IMPACT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE ON TEACHING AND DEVELOPMENT OF PRESCHOOL CHILDREN

Abstract. The article analyzes the theoretical foundations and practical aspects of introducing artificial intelligence (AI) technologies into preschool organizations in the Republic of Kazakhstan. It considers transformational changes in the teacher's professional activities, the potential of AI for individualization of education and diagnostics of preschool children's development, as well as risks related to ethics, data protection, and maintaining direct communication between the child and the teacher. Based on the analysis of national strategies and case studies, recommendations are proposed for the safe and effective implementation of AI technologies in preschool education in Kazakhstan.

Keywords: artificial intelligence, preschool education, pedagogical activity, personal data, digital transformation.

Современные тенденции цифровизации образования в Республике Казахстан определяют необходимость интеграции искусственного интеллекта (ИИ) в систему дошкольного воспитания и обучения. В условиях обновления содержания образования и перехода к модели «Образование для всех» технологии ИИ рассматриваются не как замена педагога, а как инструмент, расширяющий его профессиональные возможности.

Внедрение интеллектуальных систем в дошкольные организации направлено прежде всего на поддержку индивидуального развития ребёнка, совершенствование педагогической диагностики и оптимизацию образовательного процесса. В практике казахстанских дошкольных учреждений постепенно появляются элементы ИИ-технологий: системы распознавания речи и эмоций, интерактивные обучающие платформы, адаптивные приложения для развития когнитивных навыков, цифровые ассистенты для педагогов.

Например, использование обучающих программ с элементами ИИ позволяет педагогу получать оперативную обратную связь о ходе усвоения материала каждым ребёнком, что создаёт условия для более точной индивидуализации обучения.

Цифровая трансформация системы образования – одна из приоритетных задач государственной политики Республики Казахстан. Включение технологий искусственного интеллекта в образовательную практику рассматривается как инструмент повышения качества обучения, персонализации образовательных маршрутов и оптимизации управленческих процессов. Одновременно использование ИИ в контексте дошкольного образования вызывает вопросы педагогической целесообразности, этики и правовой защиты данных несовершеннолетних [1]. Цель исследования – выявить влияние ИИ на педагогическую деятельность и развитие детей дошкольного возраста в условиях Казахстана.

Искусственный интеллект в педагогике рассматривается как совокупность алгоритмов и систем, способных собирать, анализировать и интерпретировать данные для поддержки образовательных процессов [2]. Для дошкольного уровня это в первую очередь адаптивные обучающие приложения, инструменты диагностики развития, генерация методических материалов и административные решения.

ИИ способствует индивидуализации обучения, позволяет педагогу осуществлять диагностику и мониторинг развития, создаёт новые формы взаимодействия с детьми. Однако важно учитывать риски – снижение живого общения, зависимость от технологий и вопросы защиты персональных данных детей [3].

Государственная политика Казахстана направлена на цифровизацию образования и внедрение ИИ в систему обучения. Законодательство о персональных данных («О персональных данных и их защите») устанавливает правила обработки информации о несовершеннолетних. Пилотные проекты внедрения ИИ в детских садах Казахстана демонстрируют интерес и необходимость методического сопровождения педагогов.

Для эффективного внедрения ИИ необходимо разработать методические рекомендации, повысить цифровую грамотность педагогов и обеспечить правовую защиту данных. ИИ должен рассматриваться как вспомогательный инструмент, расширяющий возможности педагога, но не заменяющий эмоциональное взаимодействие с ребёнком [5].

В то же время важно подчеркнуть, что внедрение ИИ требует соблюдения этических и психолого-педагогических принципов. Особое значение имеет сохранение эмоционального контакта между взрослым и ребёнком, недопущение подмены живого общения виртуальным. Педагог остаётся главным субъектом воспитательно-образовательного процесса, а технологии ИИ должны использоваться как средство поддержки, а не замещения личностного взаимодействия.

В образовательной политике Казахстана всё большее внимание уделяется вопросам цифровой трансформации. Национальные проекты и концепции развития образования включают положения, направленные на внедрение инновационных цифровых решений в практику дошкольного воспитания. Однако процесс адаптации ИИ к реальным условиям детских садов требует комплексного подхода – сочетания технической оснащённости, методической поддержки, правового регулирования и этической экспертизы. Необходимо учитывать, что дети дошкольного возраста особенно чувствительны к характеру и содержанию цифрового взаимодействия, поэтому применение ИИ должно строиться на принципах гуманизма, безопасности и развития личности ребёнка.

Среди перспективных направлений использования ИИ в дошкольной педагогике можно выделить создание интеллектуальных систем диагностики и мониторинга развития, разработку адаптивных образовательных сред, интеграцию технологий виртуальной и дополненной реальности. Такие решения позволяют сделать образовательный процесс более увлекательным, стимулирующим познавательную активность и творческие способности детей.

Вместе с тем внедрение подобных инструментов требует тщательной проработки **этических и педагогических аспектов**. Важно обеспечить баланс между технологическим прогрессом и сохранением гуманистической природы воспитания. Использование ИИ должно оставаться под контролем педагога, который интерпретирует результаты диагностики и направляет процесс обучения с учётом эмоционального состояния ребёнка.

Особое значение приобретает **подготовка педагогических кадров**. Необходима системная работа по повышению квалификации воспитателей и педагогов-психологов, включающая модули по цифровой грамотности, принципам работы с ИИ и правовым аспектам защиты персональных данных. Развитие компетенций в этой области позволит специалистам не только эффективно использовать цифровые инструменты, но и критически оценивать их влияние на развитие ребёнка.

С педагогической точки зрения ИИ может стать мощным ресурсом для **развития инклюзивного образования**. Технологии позволяют выявлять особенности восприятия информации детьми с особыми образовательными потребностями и подбирать подходящие формы взаимодействия. Однако при этом важно не допустить избыточной зависимости от технологий, которая может привести к снижению социально-эмоциональных навыков детей [6].

Таким образом, перспективы внедрения ИИ в дошкольное образование Казахстана связаны не только с технологическими, но и с методологическими изменениями. Педагог будущего должен уметь сочетать инновационные цифровые решения с традиционными методами воспитания, ориентируясь на личностное развитие ребёнка и сохранение ценностей гуманистического образования. Искусственный интеллект становится мощным фактором трансформации педагогической деятельности, открывая новые возможности для индивидуализации и эффективности воспитательно-образовательного процесса. Однако устойчивое и гуманистически ориентированное внедрение ИИ требует научного сопровождения, профессиональной подготовки педагогов, разработки стандартов цифровой безопасности и сохранения ведущей роли личности педагога в развитии ребёнка [7].

Только при соблюдении этих условий технологии ИИ смогут стать реальным ресурсом повышения качества дошкольного образования.

Список использованных источников:

1. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Экономический курс Справедливого Казахстана».
2. Национальный план развития Республики Казахстан до 2025 года.
3. Национальный проект «Качественное образование «Образованная нация» на 2021-2025 годы.
4. Национальный проект в области образования «Комфортная школа».
5. Концепция развития дошкольного, среднего, технического и профессионального образования Республики Казахстан на 2023 – 2029 годы
6. О внедрении искусственного интеллекта в систему образования – <https://www.gov.kz/memleket/entities/edu/press/news/details/1070018?lang=ru>
7. Применение ИИ в сфере науки и образования РК <https://primeminister.kz/ru/news/primenenie-ii-razvivaiut-v-sfere-nauki-i-obrazovaniia-rk-30499>

Темешова З.Н.

*магистрант 1 курса ОП 7М01201-Дошкольное обучение и воспитание
НАО «КарНИУ имени академика Е.А. Букетова»*

Научный руководитель: **Мирза Н.В.**

д.п.н., доцент, профессор кафедры дошкольной и психолого-педагогической подготовки

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И КАЗАХСКАЯ АНИМАЦИЯ: КАК ТЕХНОЛОГИИ ПОМОГАЮТ ФОРМИРОВАТЬ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ У ДОШКОЛЬНИКОВ

Аннотация. В статье рассматриваются возможности использования искусственного интеллекта в создании мультфильмов для детей дошкольного возраста с целью формирования национальных ценностей. Автор подчеркивает актуальность темы в контексте цифровой трансформации образования и необходимости воспитания у детей уважения к родной культуре, языку и традициям. Анализируются педагогические и технологические возможности применения искусственного интеллекта обозначаются его преимущества, риски и ограничения. Предложены методические рекомендации по созданию и внедрению мультфильмов созданные искусственным интеллектом в образовательный процесс дошкольных организаций Казахстана.

Ключевые слова: дошкольное образование, национальные ценности, искусственный интеллект, мультфильмы, цифровая педагогика, культура Казахстана.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND KAZAKH ANIMATION: HOW TECHNOLOGY HELPS TO FORM NATIONAL VALUES AMONG PRESCHOOLERS

Abstract. The article considers the possibilities of using artificial intelligence in creating cartoons for preschool children in order to form national values in Kazakhstan. The author emphasizes the relevance of the topic in the context of the digital transformation of education and the need to educate children to respect their native culture, language and traditions. Pedagogical and technological possibilities of using AI are analyzed, its advantages, risks and limitations are indicated. Methodological recommendations on the creation and implementation of AI cartoons in the educational process of preschool organizations in Kazakhstan have been proposed.

Keywords: preschool education, national values, artificial intelligence, cartoons, digital pedagogy, culture of Kazakhstan.

Современное дошкольное образование Казахстана активно развивается в направлении цифровизации и инноваций. Одним из перспективных направлений является использование технологий искусственного интеллекта для создания образовательного и воспитательного контента, в частности мультфильмов. В раннем детстве формируются основы мировоззрения, нравственных норм и национальной идентичности ребенка, поэтому мультфильм, как эмоционально-образное средство воспитания, играет особую роль в формировании ценностных ориентиров.

В Казахстане приоритетным направлением государственной образовательной политики является воспитание личности, уважающей национальные традиции, язык, культуру и историю своей страны. Послания Президента Республики Казахстан и программа «Адал Азамат» акцентируют внимание на развитии духовно-нравственных качеств подрастающего поколения [1]. В связи с этим использование ИИ при создании мультфильмов, отражающих национальные ценности, становится не только инновационным, но и социально значимым педагогическим инструментом [2].

Национальные ценности – это нравственные и культурные ориентиры, определяющие самобытность народа: уважение к старшим, гостеприимство, любовь к родной земле, бережное отношение к природе, единство семьи и уважение к труду. Согласно Государственной программе развития образования Республики Казахстан, важным направлением является формирование у дошкольников чувства патриотизма, уважения к традициям и языку своего народа [3].

В практике детских садов уже реализуются программы, направленные на приобщение детей к казахской культуре через игру, фольклор, музыку, традиционные праздники [2]. Однако современные дети растут в мире цифровых технологий, поэтому необходимо искать новые формы передачи культурных ценностей, в том числе через мультимедиа и искусственный интеллект.

Современные технологии ИИ позволяют создавать мультфильмы в ускоренном режиме, сочетая художественную выразительность с педагогической направленностью. Применение нейросетей дает возможность педагогам и творческим коллективам разрабатывать уникальные образы, персонажей, анимацию и даже озвучку на казахском и русском языке без привлечения крупных студий.

Инструменты ИИ могут использоваться для: генерации визуальных образов (персонажи, костюмы, орнамент, степные пейзажи, юрты); написания сценариев и диалогов на основе казахских сказок и народных преданий; синтеза речи и музыки с национальными интонациями и мелодиями; адаптации содержания под возраст ребенка и уровень понимания.

Мультфильмы, созданные с помощью ИИ, позволяют интегрировать в сюжет элементы фольклора, традиций, семейных ценностей, казахского языка, а также воспитывать качества, соответствующие национальному менталитету: доброту, честность, трудолюбие, уважение к старшим.

Использование искусственного интеллекта в создании мультфильмов открывает широкие возможности для обновления содержания и форм образовательного процесса. Такие мультфильмы сочетают в себе

технологическую инновацию, художественную выразительность и воспитательную направленность, что делает их ценным педагогическим инструментом.

Одним из ключевых преимуществ ИИ-мультфильмов является **доступность и экономичность**. Если ранее создание анимации требовало участия профессиональной студии, длительной работы художников и озвучивания актерами, то теперь обученный педагог может самостоятельно сгенерировать персонажей, сценарий и озвучку с помощью нейросетей. Это значительно сокращает время и финансовые затраты, повышая доступность мультимедийных образовательных материалов для детских садов и школ.

Второе важное преимущество, **возможность индивидуализации образовательного контента**. С помощью ИИ можно создавать мультфильмы, ориентированные на конкретные возрастные группы, темы и даже личностные особенности детей. Например, педагог может подобрать мультфильм с персонажами, близкими казахстанской культуре: в национальных костюмах, с элементами быта и природы родного края. Это способствует формированию у детей чувства национальной принадлежности и уважения к культурным традициям.

ИИ-анимация также обладает высокой **познавательной и эмоциональной привлекательностью**. Яркие визуальные образы, динамичные сцены и выразительная озвучка повышают мотивацию к обучению, удерживают внимание детей и способствуют лучшему усвоению информации. Мультфильмы, созданные с помощью нейросетей, могут быть интегрированы в различные виды детской деятельности: познавательную, речевую, художественно-эстетическую и игровую.

С педагогической точки зрения, ИИ-мультфильмы выполняют **воспитательную и развивающую функцию**. Они помогают формировать нравственные качества, развивать воображение, эмпатию, способность к самовыражению. В сюжетах таких мультфильмов можно отражать темы дружбы, уважения к старшим, бережного отношения к природе, родному языку и культуре, то есть ключевые национальные ценности, закрепленные в Государственной программе развития образования и науки Республики Казахстан [3].

Но несмотря на очевидные преимущества, использование искусственного интеллекта требует внимательного и ответственного подхода. Среди основных проблем можно выделить **этические вопросы** (авторство, защита персональных данных, достоверность и корректность контента); **риск искажения культурных образов**, связанный с некорректной генерацией персонажей, традиционных элементов или национальных символов; а также **недостаточную подготовленность педагогов** и дефицит методических рекомендаций по использованию ИИ-инструментов в образовательном процессе [4].

Кроме того, важной проблемой является **необходимость педагогической экспертизы контента**, созданного с помощью нейросетей, чтобы исключить появление неприемлемых или искаженных смыслов. Существует и **опасность технологической зависимости**, когда внимание педагогов и детей смещается с личного общения и творчества на работу с цифровыми ресурсами.

Поэтому важно сочетать технологические инновации с педагогическим и культурным контролем, обеспечивая качество, достоверность и воспитательную ценность создаваемых мультфильмов, делая их действительно полезным инструментом формирования национальных ценностей у дошкольников.

Различные пилотные проекты могут служить моделью интеграции технологий искусственного интеллекта и национального воспитания. Один из таких проектов – создание **серии коротких образовательных мультфильмов** (продолжительностью 5-7 минут), рассказывающих детям о казахских традициях, народных праздниках, уважении к старшим и любви к родной земле.

Главными героями выступает мультяшная семья в национальной одежде, живущая в юрте. Персонажи попадают в жизненные ситуации, через которые дети учатся правильному поведению, доброте, ответственности и уважению к окружающим.

В процессе разработки таких мультфильмов активно применяются **инструменты искусственного интеллекта**. Нейросети используются для генерации визуальных образов персонажей, создания пейзажей степи, орнаментов, юрт и элементов традиционного быта, что позволяет достичь высокой художественной выразительности без участия крупных студий. **Модели обработки текста** помогают педагогам разрабатывать диалоги и сюжетные линии, основанные на казахских сказках, пословицах и народных преданиях. **Синтезаторы речи**, построенные на ИИ, обеспечивают естественную озвучку мультфильмов на казахском и русском языках с сохранением национальных интонаций и эмоциональной окраски речи.

Кроме того, благодаря технологиям **адаптивного ИИ** мультфильмы могут быть персонализированы под возраст ребёнка: подбираются темп повествования, уровень сложности текста и словарный запас. Это особенно важно для детей 4-5 лет, когда активно формируются внимание, память и восприятие. В дальнейшем ИИ-инструменты позволяют создавать **интерактивные версии мультфильмов**, где ребёнок сможет выбирать развитие сюжета, отвечать на вопросы персонажей или выполнять игровые задания. Такой подход сочетает игровую активность с воспитательным содержанием и способствует более глубокому усвоению национальных ценностей.

Озвучка мультфильмов может выполняться на казахском языке с субтитрами на русском (или наоборот), что способствует развитию билингвизма у детей. В конце каждой серии возможно добавление коротких вопросов для обсуждения с воспитателем или родителями, что помогает закрепить смысловую нагрузку сюжета. Таким образом, ИИ-мультфильмы становятся современным и эффективным средством воспитания духовно-нравственных и национальных ценностей в дошкольном возрасте.

Использование искусственного интеллекта при создании мультфильмов для детей дошкольного возраста открывает новые возможности для воспитания национальных ценностей. Важно, чтобы внедрение технологий сопровождалось педагогическим осмыслением, сохранением культурной идентичности и участием специалистов разных сфер.

Интеграция традиций и инноваций создаёт основу для гармоничного воспитания нового поколения казахстанцев – открытых миру, но уважающих свою культуру и корни. Мультфильм, созданный с помощью ИИ, может стать не просто развлечением, а средством развития креативности педагогов и инструментом духовно-нравственного становления ребёнка. Это особенно важно для формирования гармоничной личности в условиях цифрового общества, воспитания гордости за свой народ и любви к родной земле.

Статья подготовлена в рамках научного проекта ИРН АР19678852 «Формирование компетенций непрерывного профессионального развития у обучающихся и выпускников направления «Педагогические науки» в условиях академической самостоятельности вуза» по ГФ Комитета науки МНВО РК.

Список использованных источников:

1. Единая программа воспитания «Адал Азамат». Приложение к приказу Министра просвещения Республики Казахстан от «26» мая 2025 года №123.
2. Джонисова Г. Инновационные направления формирования национальных ценностей в дошкольной организации // Вестник ЗКУ. – 2025. Том 97№1. – С. 38-49.
3. Государственная программа развития образования. Утверждена постановлением Правительства Республики Казахстан от 27 декабря 2019 года № 988. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000988>
4. Национальная политика по внедрению инструментов ИИ в образование Казахстана. – 2024. <https://inform.kz>

ӘОЖ 159.99

Сейілхан Г.Х.

магистрант 1 курса образовательной программы «Педагогика и психология» Северо-Казахстанский университет имени Манаш Козыбаева

Маженова Р.Б.

*ассоц. профессор, заведующая кафедры «Дошкольной и психолого-педагогической подготовки»
НАО «КарНИУ имени академика Е.А. Букетова»*

Джабаева Г.Н.

университет «Туран-Астана», старший преподаватель кафедры «Психологии и социально-гуманитарных дисциплин»

ЦИФРЛЫҚ ТЕХНОЛОГИЯЛАРДЫҢ БІЛІМ БЕРУ ҰЙЫМДАРЫ МЕНЕДЖЕРЛЕРІНІҢ ӘЛЕУМЕТТІК ҚҰЗЫРЕТТІЛІГІН ДАМУДАҒЫ ПСИХОЛОГИЯЛЫҚ АСПЕКТІЛЕРІ

Аннотация. Мақалада цифрлық технологиялардың білім беру ұйымдары менеджерлерінің әлеуметтік құзыреттілігін дамытудағы психологиялық аспектілері қарастырылған. Автор цифрландыру жағдайында менеджердің кәсіби және тұлғалық дамуында әлеуметтік құзыреттіліктің рөлін аша отырып, психологиялық бейімделу, эмоционалды интеллект, коммуникативтік және мотивациялық факторлардың маңыздылығын атап өтеді. Цифрлық ортада әлеуметтік құзыреттілікті дамыту әдістері мен тиімді психологиялық тетіктері талданған. Зерттеу нәтижесінде менеджерлердің психологиялық тұрақтылығы мен цифрлық көшбасшылық қабілеттерін жетілдірудің өзектілігі негізделген.

Кілт сөздер: цифрлық технологиялар, әлеуметтік құзыреттілік, психологиялық аспектілер, эмоционалды интеллект, цифрлық орта, білім беру менеджері.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ МЕНЕДЖЕРОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются психологические аспекты развития социальной компетентности менеджеров образовательных организаций в условиях цифровых технологий. Автор раскрывает роль социальной компетентности в профессиональном и личностном развитии руководителя, подчеркивая значимость психологической адаптации, эмоционального интеллекта, коммуникативных и мотивационных факторов. Анализируются методы и психологические механизмы развития социальной компетентности в цифровой среде. В результате обоснована актуальность совершенствования психологической устойчивости и цифрового лидерства менеджеров образования.

Ключевые слова: цифровые технологии, социальная компетентность, психологические аспекты, эмоциональный интеллект, цифровая среда, менеджер образования.

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE DEVELOPMENT OF SOCIAL COMPETENCE OF MANAGERS OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

Abstract. The article explores the psychological aspects of developing social competence among educational organization managers in the context of digital technologies. The author emphasizes the importance of psychological adaptation, emotional intelligence, and communicative and motivational factors in enhancing professional and personal growth. The paper analyzes methods and psychological mechanisms that foster the development of social competence in the digital environment. The study substantiates the relevance of improving psychological resilience and digital leadership among educational managers.

Keywords: digital technologies, social competence, psychological aspects, emotional intelligence, digital environment, educational manager.

Қазіргі заманда білім беру жүйесі қоғамның цифрлық трансформациясына бейімделіп, басқару үдерістерінде жаңа технологияларды белсенді қолдану міндетіне тап болды. Цифрлық технологиялар білім беру ұйымдарының қызметін жеделдетіп, ашықтықты, тиімділікті және деректерге негізделген шешім қабылдауды қамтамасыз етеді.

Алайда, бұл өзгерістер басқарушылардың кәсіби рөлін түбегейлі өзгертті. Егер дәстүрлі басқару моделінде менеджердің басты функциясы ұйымдастырушылық және әкімшілік қызметтер болса, цифрлық дәуірде ол психологиялық көшбасшы, цифрлық коммуникациялардың үйлестірушісі және әлеуметтік өзара әрекеттестік мәдениетінің тасымалдаушысы рөлін атқарады.

Білім беру менеджерінің кәсіби табысы енді тек басқару дағдыларына ғана емес, сонымен бірге цифрлық құралдарды тиімді пайдалану, эмоционалды тұрақтылық, ұжыммен қашықтан өзара әрекеттесу қабілеттеріне де тәуелді. Осы тұрғыдан алғанда, цифрлық технологиялардың енгізілуі әлеуметтік құзыреттіліктің жаңа мазмұнын айқындап, оны психологиялық тұрғыда дамыту қажеттілігін күшейтеді [1].

Әлеуметтік құзыреттілік – бұл тұлғаның қоғамдағы және кәсіби ортадағы тиімді қарым-қатынас орнату, әлеуметтік жағдайларға бейімделу, өзара әрекеттестік пен келіссөз жүргізу қабілеттерінің жиынтығы.

Білім беру менеджерлері үшін әлеуметтік құзыреттілік кәсіби мәдениеттің өзегі болып табылады және келесі негізгі компоненттерден тұрады:

1. Коммуникативтік құзыреттілік – ұжыммен тиімді қарым-қатынас орната білу, түрлі цифрлық платформалар арқылы ақпарат алмасу мәдениетін сақтау;
2. Эмоционалды интеллект – өз сезімін және басқалардың эмоциясын түсіну, басқара алу;
3. Әлеуметтік бейімделу қабілеті – жаңа технологиялық және ұйымдастырушылық өзгерістерге психологиялық тұрғыдан икемделу;
4. Этикалық жауапкершілік пен эмпатия – цифрлық ортада да адамгершілік қағидаларын сақтау және қолдау көрсету қабілеті.

Цифрлық ортада осы компоненттер ерекше мәнге ие. Мысалы, онлайн коммуникацияларда эмоцияны жеткізу қиындайтындықтан, эмоционалды интеллект пен цифрлық этика маңызды психологиялық құралдарға айналады. Сонымен қатар, менеджерлердің әлеуметтік бейімделу деңгейі олардың цифрлық технологияларды қаншалықты тиімді меңгеретініне тікелей байланысты [2].

Цифрлық технологияларды басқару үдерісіне енгізу тек техникалық дайындықты ғана емес, психологиялық бейімделуді де қажет етеді. Менеджерлер жиі келесі қиындықтарға тап болады: ақпараттық шамадан тыс жүктеме, онлайн қарым-қатынастың шектеулілігі, эмоциялық күйзеліс, кәсіби жалғыздық сезімі және уақыт тапшылығы.

Психологиялық бейімделу бірнеше кезеңнен өтеді:

- танымдық кезеңде менеджер жаңа технологиялардың маңызын түсінеді;
- эмоциялық кезеңде технологиялық өзгерістерге қатысты уайым мен қарсылық сезімдері туындайды;
- әрекеттік кезеңде ол жаңа жағдайға бейімделіп, технологияларды саналы түрде қолдана бастайды.

Бұл процестің табысты өтуі менеджердің эмоционалды тұрақтылығы мен өзін-өзі реттеу қабілетіне тәуелді. Сондықтан цифрлық ортада психологиялық қолдау көрсету, кәсіби даму тренингтері мен коучинг бағдарламаларын ұйымдастыру аса маңызды.

Білім беру ұйымдарында менеджерлердің әлеуметтік құзыреттілігін дамыту мақсатында төмендегі психологиялық-педагогикалық шарттарды қамтамасыз ету тиімді деп есептеледі:

1. Психологиялық қауіпсіз орта қалыптастыру – әр қызметкердің пікірін еркін білдіру мүмкіндігін қамтамасыз ету;
2. Цифрлық командалық коммуникация мәдениетін дамыту – онлайн жиналыстар, виртуалды кеңестер мен кері байланыс жүйелерін тиімді пайдалану;
3. Эмоциялық интеллект пен рефлексияны дамыту тренингтері – өз эмоциясын басқару мен басқаларды түсіну қабілетін жетілдіру;
4. Кәсіби қолдау және менторлық жүйе енгізу – тәжірибелі менеджерлердің жас мамандарға психологиялық тұрғыда көмек көрсетуі;
5. Мотивациялық климат қалыптастыру – цифрлық жұмыстың нәтижесін мойындау және марапаттау тетіктерін қолдану.

Осы шарттарды орындау цифрлық технологияларды тиімді енгізуге, сонымен қатар менеджердің кәсіби және әлеуметтік құзыреттілігін кешенді дамытуға мүмкіндік береді.

Цифрлық технологияларды басқару қызметіне енгізу менеджерлердің әлеуметтік құзыреттілігінің бірнеше аспектісіне әсер етеді. Біріншіден, коммуникативтік аспект – онлайн және гибриді форматтағы қарым-қатынас кезінде эмпатия мен сенім тудыру қабілетін жетілдіруді қажет етеді. Екіншіден, мотивациялық аспект – цифрлық ортадағы өзін-өзі реттеу мен кәсіби күйіп кетудің алдын алу мәселесін қамтиды. Үшіншіден, когнитивтік аспект – жаңа технологияларды меңгеру барысында менеджердің когнитивтік икемділігі мен креативті ойлау қабілетін дамытуды талап етеді.

Білім беру ұйымдары басшыларының әлеуметтік құзыреттілігін дамытуда психологиялық тренингтер мен коучинг технологиялары, эмоциялық интеллектті дамыту әдістері, топтық динамика мен командалық өзара әрекетке бағытталған интерактивті форматтар ерекше рөл атқарады. Цифрлық құралдар (онлайн-платформалар, виртуалды тренингтер, симуляциялық жүйелер) бұл үдерістерді тиімді әрі жекелендірілген түрде іске асыруға мүмкіндік береді.

Сонымен қатар, психологиялық тұрғыдан алғанда, цифрлық ортада менеджерлердің әлеуметтік құзыреттілігін дамыту психоэмоционалдық тұрақтылықты, цифрлық этиканы сақтауды және онлайн-коммуникациядағы тұлғааралық сенімді нығайтуды көздейді. Цифрлық кеңістіктегі өзара әрекет дәстүрлі әлеуметтік қатынастардан өзгеше болғандықтан, бұл жаңа формат менеджердің өзіндік рефлексиясын, кәсіби өзін-өзі тануын және тұлғалық өсуін ынталандырады.

Психологиялық аспектілер және дамыту тетіктері

Цифрлық дәуірде менеджерлердің әлеуметтік құзыреттілігін дамытуға ықпал ететін психологиялық аспектілердің негізгі бағыттары төмендегідей:

1. Эмоционалды интеллектті дамыту. Д. Гоулманның теориясына сүйене отырып, менеджер өз эмоциясын басқара білу және өзгенің сезімін түсіну қабілеттерін жетілдіруі тиіс. Бұл қасиет онлайн-коммуникацияда түсініспеушілік пен шиеленістің алдын алуға мүмкіндік береді.

2. Когнитивтік икемділік. Цифрлық ортада жаңа ақпарат пен өзгерістерге жылдам бейімделу қабілеті маңызды. Бұл менеджердің шығармашылық ойлауын, креативті шешім қабылдауын дамытады.

3. Мотивациялық факторлар. Қашықтықтан жұмыс пен онлайн-басқару барысында ішкі мотивацияны сақтау күрделі. Сондықтан өзіндік рефлексия, кәсіби құндылықтарды анықтау және өзін-өзі ынталандыру тетіктері өзекті болады.

4. Тұлғааралық қатынастар психологиясы. Цифрлық құралдар арқылы ұжымдық үйлесімділікті сақтау және жанжалдардың алдын алу – заманауи менеджердің басты міндеті.

Цифрлық көшбасшылық феномені

Цифрлық ортада әлеуметтік құзыретті менеджер – бұл сонымен қатар цифрлық көшбасшы. Ол тек технологияны меңгерген емес, сонымен бірге ұжымға психологиялық қолдау көрсетіп, әр қызметкердің әлеуетін аша алатын тұлға.

Цифрлық көшбасшының негізгі белгілері:

- жаңашылдыққа ашықтық;
- эмоционалды тұрақтылық;
- командалық рух қалыптастыру қабілеті;
- цифрлық қарым-қатынаста этикалық нормаларды сақтау;
- деректер мен ақпаратқа сын тұрғысынан қарау дағдысы.

Бұл қасиеттер әлеуметтік құзыреттіліктің психологиялық құрамдас бөлігі болып табылады және білім беру ұйымының даму тиімділігін арттырады [3].

Практикалық ұсыныстар

Менеджерлердің әлеуметтік құзыреттілігін арттыру үшін келесі психологиялық және ұйымдастырушылық шаралар тиімді деп есептеледі:

- цифрлық ортада қарым-қатынас мәдениетін дамытуға арналған тренингтер өткізу;
- эмоционалды интеллектті арттыру бағдарламаларын енгізу;
- онлайн-коучинг пен психологиялық қолдау жүйесін дамыту;
- ұжым ішінде кері байланыс мәдениетін қалыптастыру;
- цифрлық этика мен кәсіби қарым-қатынас нормаларын бекіту.

Бұл шаралар менеджердің кәсіби өзіне сенімділігін, психологиялық тұрақтылығын және әлеуметтік қатынастарда тиімділігін арттырады.

Қорытындылай келе, цифрлық технологиялар білім беру менеджерінің кәсіби ролін қайта қарауға мүмкіндік береді. Ол енді тек ұйымдастырушы емес, сонымен қатар цифрлық көшбасшы, психологиялық тұрақтылық пен әлеуметтік бейімделудің үлгісі болуға тиіс. Сондықтан, цифрлық дәуірде әлеуметтік құзыреттілікті дамыту – тек кәсіби қажеттілік емес, білім беру ұйымдарының тиімді жұмыс істеуінің басты психологиялық алғышарты болып табылады.

Пайдаланылған дереккөздер тізімі:

1. К.Ж. Аганина. Білім саласы менеджерлерінің кәсіби құзыреттілігі. – А., 2024 жыл.
2. Goleman D. Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ. – New York: Bantam Books, 1995.
3. Toffler A. The Third Wave. – New York: Bantam Books, 1980.

Токтыбаева Г.С.

докторант 1 курса, «Педагогика и психология», НАО «КарНИУ имени академика Е.А. Букетова»

Макшиева Г.К.

докторант 2 курса, «Педагогика и психология», НАО «КарНИУ имени академика Е.А. Букетова»

Маженова Р.Б.

ассоц. профессор, заведующая кафедры «Дошкольной и психолого-педагогической подготовки», НАО «КарНИУ имени академика Е.А. Букетова»

Санхаева А.Н.

PhD, ассоц. профессор, НАО «КарНИУ имени академика Е.А. Букетова»

БОЛАШАҚ ПЕДАГОГТАРДЫҢ ОЙЛАУ ДИЗАЙНЫ – ЖАҢАДАН БАСТАУШЫНЫҢ САНАСЫ

Аннотация. Бүгінгі ғылым мен білім беру саласындағы өзгерістер оқу үдерісіне жаңа көзқараспен қарауды талап етуде. Білім берудегі тың жаңалықтарды сабақ үрдісіне енгізу оқытушыдан көп ізденісті қажет етеді. Мақалада болашақ мамандарды оқытуда ойлау дизайнын қазіргі болашақ педагогтардың ойлау дизайнын икемділікке үйрету, кез-келген мәселені креативті ойлау арқылы ерекше шеше алатын қабілеттерді бойына сіңірген ұрпақты дамыту қажет. Сапалы білім беру жүйесінің өзгеруіне байланысты оқу үдерісін ұйымдастыруға жаңа талаптар болашақ педагог мамандардың пәнге қызығушылығын арттырып, шығармашылық қабілеттерін ашуға мүмкіндік береді.

Авторлар мақалада болашақ педагогтардың ойлау дизайны – жаңадан бастаушының санасында дұрыс ойлау тәсілі мен табыс сауаттылығын тиімді қолдануға мүмкіндік бере отырып, креативті ойлауын дамытып қана қоймай, сол арқылы әрекет ету және дұрыс сұрақтар қою қабілеттерін арттырып, шығармашылық ойлау дағдыларын дамытып, білім беру саласында маңызды өзгерістер көрсетеді.

Кілт сөздер: ойлау дизайны, сапалы білім, болашақ педагогтар, прототиптер, педагогикалық білім беру, жаңашылдық, жаңадан бастаушының санасы, креативті ойлау.

ДИЗАЙН-МЫШЛЕНИЕ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ – СОЗНАНИЕ НОВИЧКА

Аннотация. Современные изменения в сфере науки и образования требуют нового взгляда на организацию учебного процесса. Внедрение инновационных подходов в образовательную практику предполагает высокий уровень профессионального поиска со стороны преподавателя. В статье обосновывается значимость дизайн-мышления в подготовке будущих специалистов. Обучение будущих педагогов принципам дизайн-мышления способствует формированию способности творчески решать различные проблемы, развитию гибкости мышления. Изменения, происходящие в системе качественного образования, определяют новые требования к организации учебного процесса, что способствует повышению интереса будущих педагогов к учебным предметам раскрытию их творческого потенциала.

Авторы статьи отмечают, что дизайн-мышление у будущих педагогов способствует формированию у начинающего специалиста правильных стратегий мышления и навыков успешной деятельности. Дизайн-мышление не только развивает креативное мышление, но и совершенствует навыки анализа, постановки вопросов и поиска оптимальных решений. Это, в свою очередь, создает условия для качественных изменений в сфере образования.

Ключевые слова: дизайн-мышление, качественное образование, будущие педагоги, прототипы, педагогическое образование, инновации, мышление начинающего специалиста, креативное мышление.

DESIGN THINKING OF FUTURE EDUCATORS – THE MINDSET OF A NOVICE

Abstract. Modern changes in the fields of science and education require a new perspective on the organization of the learning process. The introduction of innovative approaches into educational practice demands a high level of professional inquiry from the teacher. The article substantiates the significance of design thinking in the training of future specialists. Teaching future educators the principles of design thinking contributes to the development of the ability to creatively solve various problems and to enhance cognitive flexibility. The changes occurring in the quality education system set new requirements for the organization of the learning process, which helps increase future teachers' interest in academic subjects and unlock their creative potential.

The authors of the article note that design thinking in future educators fosters the formation of proper thinking strategies and skills for successful activity in novice specialists. Design thinking not only develops creative thinking but also improves skills in analysis, questioning, and finding optimal solutions. This, in turn, creates conditions for qualitative changes in the field of education.

Keywords: design thinking, quality education, future educators, prototypes, pedagogical education, innovation, novice specialist thinking, creative thinking.

Жаңа заманауи, дүниежүзі бойынша жаңашылдық, қарқынды өзгерістер күн санап көбеюде, бүгін біз бір мәселені шешеміз, ал ертең ол қайтадан өзекті мәселеге айналады. Қазіргі болашақ педагогтардың ойлау дизайнын икемділікке үйрету, кез-келген мәселені креативті ойлау арқылы ерекше шеше алатын қабілеттерді бойына сіңірген ұрпақты дамыту қажет. Сапалы білім беру жүйесінің өзгеруіне байланысты оқу үдерісін ұйымдастыруға жаңа талаптар қойылып жатыр.

Ұсынылған мақалада болашақ педагогтардың ойлау дизайнын білім беру үдерісінде тиімді қолдануға және өскелең ұрпақтың психологиялық процестерін, қасиеттерін, тұлғалық сапаларын дамыта алуға мүмкіндік беретін ойлау дизайны әдісінің маңызы туралы айтылады.

Ойлау дизайнының бастауы АҚШ-та 80 жылдары пайда болып, бастапқыда экономика мен бизнес саласында кең қолданысқа ие болды. Негізгі мақсаты қоғамдағы шешілмеген мәселелерді инновациялық және креативті тәсілдерді қолдана отырып анықтау, әрі осы ашылған жаңалықты күнделікті өмірде қолдану болып табылады. Кейіннен бұл ойлау дизайны әдісі қоғамның барлық салаларына жайлап ене бастады, мысалы психология, экономика, инженерлік ғылым салаларында, техникада кең қолданылды.

Сонау 90-жылдары ойлау дизайны батыс елдерінде білім беру мен ғылымды дамытуда қолданыла бастады. Ойлау дизайны негізінен бір немесе бірнеше адамның емес, көбінесе үлкен топтың, ұжымның бірлескен әрекеті болып табылады. Топтардың ойлау дизайнын берілген мәселені шешуде белсенді іс-әрекеттері мен позитивті ойлануларымен қоса, мәселеге сыни тұрғыда баға бере білу қабілеттері мен шығармашылық дағдыларын көрсетеді. Ойлау дизайны негізін салушылардың бірі американдық Герберт Саймонның айтуынша адам өміріндегі кездесетін қиындықтар мен түрлі мәселелердің шешімін табу, өмір сүруді жеңілдету үшін жасалатын шешімдер мен жаңалықтардың жиынтығы осы әдіс болып табылады. Қиын мәселерді шығармашылық тұрғысында және жаңа инновациялық технологияларды қолдана отырып шешудің тиімді жақтарын қарастыру ойлау дизайнының білім беру саласындағы басты қағидасы болып табылады. Болашақ педагогтардың ойлау дизайнын әртүрлі шығармашылық ойлау қабілеттері арқылы, креативті идеяларды тудыру мен жүзеге асыру жолдарын, алған білімдерін өмірмен байланыстыруға үлкен мүмкіндіктері болады.

Болашақ педагогтардың ойлау дизайны ұғымымен бұрын ешқашан таныспағандықтан олар қарапайым мысалдар арқылы түсіндіріп беруімізді сұрайды. Ол сұраққа біз ойлау дизайны тәсілін жақсы меңгерту үшін, өздерінің көз алдарына балалық шаққа саяхат жасауды ұсынамыз.

Болашақ педагогтарға әсіресе бес жастағы балаларға тән бір қасиеттерін еске ала отырып, олардың үнемі «неліктен?» және «қалай?» деген сұрақтарды қоюдың себебі не екенін есіне түсіреміз. Негізінде балалар үшін қателесу қорқынышты жағдай емес. Олар үшін ең бастысы – әрекет ету, үйрену және қайта көру болып табылады. Осылайша олар жүруді, сурет салуды және басқа да дағдыларды меңгереді.

Уақыт өте келе көпшілігіміз осы зерттеушілік қабілетімізді ұмытып кетеміз. Дәстүрлі оқыту үрдісінде орта және жоғары білім беру жүйесі бізге дайын ақпаратты ұсына отырып, фактілер мен жағдайларды тереңірек зерттеу, сұрақ қою дағдысын әлсірете бастады.

Осы негізді ұстана отырып, «жаңадан бастаушының санасы» туралы айтқанда, біз болашақ педагогтарға жауапты алдын-ала білмейтіндей етіп сұрақтар қоюды жөн көрдік.

Елестетіп көріңізші: Сіз Жерге алғаш аспан әлемінен келген қонақсыз. Сіз мынадай сұрақтар қояр едіңіз:

- Неліктен біз оларға ұқсамаймыз?
- Неліктен тамақ ішесіздер?
- Неліктен университетке барамыз?
- Неліктен адамдар ерте тұрады?

«Егер сіз осы сұрақтарға еркін түрде жауаптарды креативті ойлармен ойласаңыз... сіз бәріне ерекше ойланатын адам болып көрінесіз. Жаңадан бастаушының санасында көптеген креативті ойлар бар, ал сарапшының санасында одан төмендеу болады.

Жаңадан бастаушының санасы дегеніміз – біздің болашақ педагогтарымыздың ойлау дизайны негізінде берілген мәселені шешуде, оның бірізділікпен қалай орындалуы туралы алдын-ала қалыптасқан пікірдің болмауы, мәселенің төңірегінде терең түсінуге жетелейтін қызығушылықтармен қоса, сол мәселенің басында қандай сұрақ тұруы мүмкін, не мүмкін еместігін анықтай алмауымыздан бастапқыда жиі қателесіп, содан кейін тез үйренуімізге себебін тигізеді.

Болашақ педагогтардың ойлау дизайнын білім беру үрдісінде қолдану үшін, бастапқыда «барлығы осылай жұмыс істейді» деген алдын-ала пікірлерден арылып, ұсынылған мәселелерді тереңірек түсіну үшін қызығушылық таныту керек. Жаңа мүмкіндіктерді тиімді пайдаланып қана қоймай, қарапайым сұрақтар қою арқылы әртүрлі тәсілдерді, сынап көру және тәжірибе арқылы үйренуді дамытады.

«Жаңадан бастаушының санасынан» бөлек, ойлау дизайнында мойындалған бірқатар негізгі қағидалар мен табыс факторлары бар. Төменде олардың қысқаша сипаттамасы берілген:

1. Барлық ойлау үдерісінің бастапқы нүктесі адамдар болып табылады, олардың білімі мен қажеттіліктері, мүмкіндіктері, тәжірибесі мен дағдылары әртүрлі болады. Адамдар өмәр сүру барысында қуаныш (жетістік) пен күйзеліске (қиындық) тап болады және олардың шешілуі тиіс нақты міндеттері бар.

2. Міндетті терең түсіну болашақ педагогтар ойлау дизайнын қолдануда біз қандай мәселені шешіп, қандай мақсатқа ұмтылып жатқанымызды нақты түсіне білуіміз өте маңызды. Сондықтан болашақ педагогтар ойлау дизайны мәселесін толық меңгеріп, оны терең талдай білуі керек.

3. Пәнаралық топтар тапсырмаларды жан-жақты қарастыру үшін әртүрлі салалардың мамандарынан құралғандықтан, бұл кезде ынтымақтастық өте маңызды рөл атқарады. Бірнеше дағдылар мен арнайы білімге ие мамандар креативті идеяларды байытып, шығармашылық тұрғыда ойлауға мүмкіндік береді.

4. Эксперименттер мен прототиптер берілген тапсырмалардың шешімінің тиімділігін тек тәжірибе жасау барысында көрсете алады. Қарапайым әрі физикалық прототиптерді жасауда, пайдаланушылардан нақты кері байланыс алуға көмектеседі.

5. Үдерісті қадағалау топ мүшелерінің бәрі даму кезеңінің қайсында тұрғанын, берілген мақсаттарды және қолданылатын құралдарды жақсы меңгергені аса маңызды болып табылады.

6. Ұсынылған мәселені визуализациялау және көрсетуде идеяның мәні, мақсаты түсінікті түрде жеткізілуі керек. Пайдаланушылардың қажеттіліктерін ескере отырып, әсерлі әңгімелер айту және көрнекі материалдарды пайдалану маңызды рөл атқарады.

7. Іс-әрекетке – ИӘ деп жауап алуда ұзақ уақыт жеке ой жүгіртуге емес, нақты әрекетке сүйенеді. Мысалы: прототиптер жасау, оларды сынау, әлеуетті пайдаланушылармен өзара әрекеттесу және шынайы жағдайларда тексеру.

8. Күрделілікті қабылдау кейде тапсырмалар күрделі болады, өйткені түрлі жүйелерді біріктіру және өзгерістерге икемді әрекет ету қажеттілігінен туындайды. Мұндай жағдайда сандық шешімдер саласында жүйелік ойлау маңызды рөл атқарады.

9. Біріккен шығармашыл топтың ойлау дизайнын қолдану арқылы бірнеше міндеттерді шешуге болады, бірақ нарықта табысқа жету үшін бизнес-экожүйелерді, бизнес-модельдерді және ұйымдастыру жүйелерін дамыту қажет. Сондықтан ойлау дизайны жиі басқа әдістермен (деректер аналитикасы, жүйелік ойлау, Lean Startup және т.б.) бірге қолданылады.

Қорытындылай келе болашақ педагогтардың ойлау дизайны – жаңадан бастаушының санасында дұрыс ойлау тәсілі мен табыс сауаттылығын тиімді қолдануға мүмкіндік береді. Бұл болашақ педагогтардың креативті ойлауын дамытып қана қоймай, сол арқылы әрекет ету және дұрыс сұрақтар қою қабілеттерін арттырып, шығармашылық ойлау дағдыларын дамытып, білім беру саласында маңызды өзгерістер көрсетеді.

Пайдаланылған дереккөздер тізімі:

1. Резько П.Н. Білім беру кеңістігіндегі ойлау дизайны. – М., 2018.
2. Ойлау дизайны деген не? [электрондық ресурс]. <https://te-st.ru/2015/01/28/what-is-design-thinking/> 11.10.2017.
3. Жамелов Б.А. Дизайн ойлау – оқыту мен білім берудегі жаңа әдіс. – А., 2020.

УДК 159.9

Алексашкина Д.В.

магистрант 1 курса, направление 37.04.01, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством Калита В.В.

к.псих.н., доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАДАЧ ДИАГНОСТИКИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ КОГНИТИВНОГО КОНТРОЛЯ И ПОДВЕРЖЕННОСТИ МАНИПУЛЯТИВНОМУ ВЛИЯНИЮ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье представлен анализ диагностического инструментария, позволяющего измерить показатели когнитивного контроля и подверженности манипулятивному влиянию. Проведен и представлен краткий теоретический анализ таких конструктов как «когнитивный контроль» и «подверженность манипуляциям»; проведено сравнение методик для их диагностики (тест Струпа, Мак-шкала, метод виньеток). На основе анализа предложен обоснованный комплекс взаимодополняющих методик, апробированный в рамках самоисследования.

Ключевые слова: когнитивный контроль, манипулятивное влияние, макиавеллизм, метод виньеток, тест Струпа, психодиагностика, методология исследования.

METHODOLOGICAL SUPPORT FOR DIAGNOSTIC TASKS OF COGNITIVE CONTROL AND SUBJECTIVITY TO MANIPULATIVE INFLUENCE: COMPARATIVE ANALYSIS

Abstract. The article discusses diagnostic tools for measuring cognitive control and susceptibility to manipulative influence. A theoretical analysis of such constructs as "cognitive control" and "susceptibility to manipulation" is carried out, and a comparison of methods for their diagnosis (Stroop test, Mac scale, vignette method) is carried out. Based on the analysis, a reasonable set of complementary techniques is proposed, tested in the framework of self-exploration.

Keywords: cognitive control, manipulative influence, Machiavellianism, vignette method, Stroop test, psychodiagnostics, research methodology.

Сегодня, когда алгоритмы и рекомендации в социальных сетях формируют мышление человека, влияют на его мысли, поведение, образ жизни, в современной психологии растет интерес к изучению механизмов психологической устойчивости личности факторов, способствующих их формированию.

Изучение взаимосвязи между когнитивными ресурсами индивида, в частности, когнитивным контролем, и его уязвимостью к скрытому влиянию предстает одним из наиболее перспективных направлений, чем и объясняется актуальность данного исследования.

Когнитивный контроль, понимаемый как система исполнительных функций управления поведением (включая реакции на внешние раздражители, переключение внимания и рабочую память), теоретически рассматривается как ключевой внутренний ресурс, позволяющий распознать внешнее воздействие на подсознание и инициировать осознанную, а не автоматическую реакцию [1].

Однако эмпирический прогресс в данной области психологии напрямую зависит от валидности и обоснованности выбора диагностического инструментария. В современной исследовательской практике для оценки когнитивного контроля используется широкий спектр методик – от классических поведенческих тестов (таких как Тест Струпа, задача n-назад) до сложных нейрокогнитивных батарей.

Аналогично, для диагностики подверженности манипуляциям исследователи обращаются как к опросникам, измеряющим личностные черты (например, макиавеллизм по шкале Mach-IV), так и к проективным методикам и экспериментальным пробам, моделирующим ситуации манипулятивного воздействия.

В этой связи возникает центральная проблема: отсутствие систематизированного подхода к подбору диагностического комплекса, адекватного для изучения конкретной связи между когнитивным контролем и подверженностью манипуляциям.

Несмотря на обилие отдельных методик, исследователь сталкивается с методологическим вызовом: какие инструменты являются наиболее релевантными, валидными и взаимодополняющими для решения именно этой научной задачи? Их некорректный или произвольный выбор может привести к получению противоречивых результатов, которые невозможно интерпретировать.

Таким образом, целью данной работы является краткий теоретический обзор и сравнительный анализ существующего психодиагностического инструментария, пригодного для исследования взаимосвязи между уровнем когнитивного контроля и подверженностью манипулятивному влиянию.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

1. Провести теоретический анализ психологического содержания конструкторов «когнитивный контроль» и «подверженность манипулятивному влиянию».
2. Описать ключевые методики, используемые для диагностики каждого из конструкторов.
3. На основе сравнительного анализа предложить комплекс методик для организации эмпирического исследования заявленной проблемы.
4. Проиллюстрировать процедуру применения и интерпретации отдельных методик на примере самоисследования.

Теоретический анализ конструкторов и методик

Когнитивный контроль представляет собой систему высших психических процессов, обеспечивающих целенаправленное, организованное поведение, адаптацию к новым ситуациям и достижение сложных целей [1]. В контексте нашего исследования ключевыми составляющими когнитивного контроля являются:

- Ингибиторный контроль (Inhibition): Способность сознательно подавлять доминирующие, автоматические или нерелевантные реакции и импульсы.
- Когнитивная гибкость (Cognitive Flexibility): Способность к переключению внимания между задачами, правилами или ментальными установками в ответ на изменения в окружающей среде.
- Рабочая память (Working Memory): Способность удерживать и манипулировать информацией в уме в течение короткого промежутка времени, что является основой для сложных когнитивных операций.

Для диагностики данных компонентов в исследовательской практике используются следующие группы методик:

- Тест Струпа (Stroop Color and Word Test): Является «золотым стандартом» для оценки тормозящего контроля. Суть теста состоит в необходимости подавить автоматическую реакцию – прочтение слова (напр., «КРАСНЫЙ»), и назвать цвет чернил, которым оно написано [5]. Преимуществами метода являются высокая валидность и простота проведения. Ограничением теста может стать его недостаточная чувствительность к небольшим индивидуальным различиям, требует стандартизированного оборудования.

- Тест n-назад: Оценивает рабочую память и обновление информации. Суть теста состоит в том, что испытуемый определяет, совпадает ли текущий стимул с тем, который был n шагов назад. Преимущества: высокая нагрузка именно на рабочую память, гибкость в выборе модальности (зрительная, слуховая). Ограничения: сложность для части испытуемых, требует компьютерного обеспечения [6].

«Подверженность манипулятивному влиянию»: содержание и методы диагностики.

Подверженность манипулятивному влиянию – это личностная характеристика, отражающая недостаточную способность к распознаванию скрытых намерений партнера по общению и низкую сопротивляемость психологическому давлению, основанному на эксплуатации когнитивных искажений и эмоциональных состояний [3].

Для диагностики данного конструктора применяются следующие подходы.

1. Мак-шкала (Mach-IV): Измеряет уровень макиавеллизма как личностной черты, характеризующейся циничным взглядом на человеческую природу, ориентацией на личный интерес и склонностью к манипулятивным тактикам. Интерпретация в нашем контексте: *Низкий* балл по шкале интерпретируется как показатель наивности, излишнего доверия и, следовательно, более высокой подверженности манипуляциям. Преимущества: хорошая стандартизация, высокая надежность, экономичность. Ограничения: измеряет склонность к манипулированию, а не только уязвимость к нему; возможны эффекты социальной желательности [7].

2. Метод виньеток: виньетка представляет собой краткое описание гипотетической, заранее смоделированной ситуации, которую респонденты оценивают и анализируют по тем или иным параметрам. В контексте данного исследования метод виньеток рассматривает способность респондента распознать манипуляцию и автоматическую, либо осознанную реакцию на неё. Преимуществом метода является его простота с точки зрения процедуры исследования и низкая вероятность влияния социальной желательности при анализе ситуации, поскольку респондент анализирует и измеряет поведение персонажа винюетки, а не свое собственное. Ограничением метода выступает отсутствие стандартизированного набора винюеток.

При выборе методик ключевыми критериями выступали их валидность (способность точно измерять заявленный конструктор), надежность, экономичность (время и ресурсы на проведение и обработку) и соответствие исследовательским задачам.

Для диагностики когнитивного контроля наиболее релевантной задаче измерения способности к подавлению автоматических реакций была признана методика «Тест Струпа (цвет-слово)». Ее основное преимущество перед другими инструментами, такими как «Тест n-назад», заключается в ее прямой направленности на оценку именно тормозящего контроля, а не общего когнитивного темпа или психомоторной скорости. Тест Струпа обладает достаточной диагностической чувствительностью при значительной простоте процедуры, что делает его идеальным для включения в комплексную батарею тестов.

Для диагностики подверженности манипулятивному влиянию в качестве основного инструмента была выбрана Мак-шкала (Mach-IV). Ее ключевым преимуществом перед другими инструментами является глобальная распространенность и наличие большого массива данных для сравнения. Несмотря на то, что шкала напрямую измеряет макиавеллизм, интерпретация низких баллов как показателя наивности и потенциальной уязвимости к манипуляциям является общепринятой исследовательской практикой. Для наиболее точных результатов исследования был так же выбран вспомогательный инструмент – метод виньеток.

Таким образом, для будущего эмпирического исследования был предложен следующий диагностический комплекс:

1. Тест Струпа (компьютерная версия) – для объективной оценки уровня когнитивного контроля (торможения).
2. Мак-шкала (Mach-IV) – для стандартизированной оценки личностной предрасположенности к подчинению манипулятивному влиянию.
3. Метод виньеток – дополнительный качественный инструмент для оценки способности распознавания манипулятивных техник в смоделированных ситуациях.

Апробация методик на примере самонаблюдения

В рамках данной работы был проведена пилотажная апробация предложенного методического комплекса на авторе исследования с целью иллюстрации процедуры, оценки возможных сложностей и демонстрации первичного анализа данных.

Процедура апробации повторила планируемый дизайн исследования: сначала была заполнена Мак-шкала, затем пройдена компьютерная версия Теста Струпа.

Результаты апробации и их интерпретация

По тесту Струпа: Время реакции в интерферирующей серии составило 189.03 мс. Данный результат, находящийся в пределах среднестатистической нормы для взрослого испытуемого, указывает на средний уровень развития тормозящего контроля, что предполагает способность к умеренному подавлению автоматических реакций под нагрузкой.

По Мак-шкале: Суммарный сырой балл составил 76 балла из 100 возможных, что соответствует высокому уровню макиавеллизма. С точки зрения предмета нашего исследования, это интерпретируется как показатель низкой личностной подверженности манипуляциям и высокой способности к их распознаванию.

В рамках данного исследования, направленного на апробацию и сравнительный анализ инструментов, была проведена лишь экспертная оценка стимульного материала – самой винетки. Полноценное прохождение методики, предполагающее внешнюю оценку реакции испытуемого на ситуацию, в условиях самоисследования является методологически некорректным, так как исключает ключевой компонент – наблюдение со стороны и объективную оценку поведенческого ответа. Таким образом, винетка была включена в комплекс как валидный и рекомендованный для будущих исследований инструмент, а ее содержательный анализ служит основой для разработки будущего эмпирического протокола.

В результате систематизации и сравнительной оценки диагностических методов был обоснован и сформирован оптимальный методический комплекс для будущих эмпирических исследований. Его ядро составили три взаимодополняющих инструмента: объективный и валидный Тест Струпа для измерения уровня когнитивного контроля; стандартизированная и надежная Мак-шкала (Mach-IV) для оценки личностной предрасположенности к манипулятивному поведению и способности противостоять ему; метод виньеток для оценки способностей к распознаванию манипулятивных техник. Работоспособность данного комплекса проверена на практике с помощью интроспективного анализа результатов опросников. Обоснована совместимость методик и возможность комплексной интерпретации результатов, когда данные, полученные разными методами, взаимно дополняют и обогащают друг друга.

Таким образом, разработанный диагностический аппарат представляет собой готовый и обоснованный инструмент для последующей верификации гипотезы о наличии статистически значимой связи между уровнем развития когнитивного контроля и подверженностью манипулятивному влиянию на репрезентативной выборке. Данная работа закладывает методологический фундамент для дальнейших изысканий в этой актуальной области психологической науки.

Список использованных источников:

1. Ананьева К.И. Когнитивные механизмы невербальной коммуникации / К.И. Ананьева, В.А. Барабанщиков, И.И. Беспрозванная. – Московский государственный психолого-педагогический университет, Институт экспериментальной психологии. – Москва: Когито-Центр, 2017. – 357 с. – ISBN 978-5-89353-510-5
2. Бабюк, Максим Иванович. Социальная манипуляция: Философский анализ: диссертация кандидата философских наук: 09.00.11. – Москва, 2004. – 125 с.
3. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы, защита / Е.Л. Доценко. – Москва: МГУ, 1997. – 265 с.

4. Зелинский С.А. «Манипуляции массами и психоанализ» / С.А. Зелинский. – Санкт-Петербург: ИТД СТИФФ, 2008. – 245 с.
5. Лепилкина Т.А., Рупчев Г.Е., Морозова М.А., Ениколопов С.Н. Тест Струпа (Stroop Test) // Комплексы психометрических методик для оценки когнитивных функций при шизофрении: Метод. пособие. Чехов: Центр образовательного и научного консалтинга, 2016. С. 10-11.
6. Раушанова А.М. Обзор литературы по изучению тренировки рабочей памяти с помощью n-back // Наука и здравоохранение. 2014. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-literatury-po-izucheniyu-trenirovki-rabochey-pamyati-s-pomoschyu-n-back> (дата обращения: 24.10.2025).
7. Dahling, J.J., Whitaker, B.G., & Levy, P.E. (2009). The development and validation of a new Machiavellianism scale. *Journal of Management*, 35(2), 219-257.

УДК 159.9

Антонов С.А.

магистрант 1 курса, направление 37.04.01, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования, «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством **Шафажинская Н.Е.**

доктор культурологии, к.псих.н., профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования МГУТУ им. К.Г.Разумовского (ПКУ)

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ОБРАЗ КАК ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Аннотация. В данной статье осуществляется комплексный психологический анализ феномена музыкального образа. Рассматриваются философско-психологические основания концепции образа в отечественной науке, его роль в триаде «композитор – исполнитель – слушатель».

Подвергаются критическому осмыслению ключевые психологические концепции музыкальности (Б.М. Теплов, Ю.А. Цагарелли), а также различные музыковедческие подходы к пониманию генезиса и структуры музыкального образа (семантический, интермодальный, лингвистический). В заключении формулируются три основных аспекта изучения музыкального образа и обозначаются перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: музыкальный образ, психология музыкального восприятия, музыкальность, эмоциональная отзывчивость, семантика музыки, музыкальное мышление, воображение.

MUSICAL IMAGE AS A SUBJECT OF PSYCHOLOGICAL ANALYSIS

Abstract. This article provides a comprehensive psychological analysis of the phenomenon of musical image. It examines the philosophical and psychological foundations of the concept of image in Russian science, as well as its role in the triad of "composer – performer – listener."

The article critically evaluates key psychological concepts of musicality (B.M. Teplov, Yu.A. Tsagarelli), as well as various musicological approaches to understanding the genesis and structure of musical image (semantic, intermodal, and linguistic). In conclusion, three main aspects of the study of musical image are formulated and prospects for further research are outlined.

Keywords: musical image, psychology of musical perception, musicality, emotional responsiveness, semantics of music, musical thinking, imagination.

Актуальность исследования психологических аспектов музыкального образа обусловлена рядом причин. К ним относится, в частности, феномен, определяемый как «фетишизация» музыки (*Теодором Адорно*). Именно музыка позволяет проникать и выявлять те экзистенциальные и онтологические реальности, благодаря которым дополняется и/или гармонизируется рациональное, прагматическое сознание и обогащается психологическая палитра личностного мировосприятия. Фактически именно серьёзная (классическая) музыка создала тот тип глубокого психического переживания, которое характеризует современного человека. Музыкальный образ как интегральный компонент бытия связан с восприятием музыки и целостной психологической природой личности, что определяет безусловную актуальность исследуемой проблемы.

Проблема исследования обусловлена необходимостью преодоления декларативности в существующих подходах и перехода к конкретно-объяснительным моделям, раскрывающим психологические механизмы построения, трансляции и восприятия музыкально-образного содержания.

Философско-психологические основания понятия «образ»

Фундаментом для исследования музыкального образа в отечественной психологии служит понимание психического как процесса отражения объективной реальности. Согласно этому подходу, любой психический акт связан с построением субъективного образа мира. А.Н. Леонтьев, развивая эту идею, ставил проблему психического как «...проблему построения в сознании индивида многомерного образа мира, образа реальности» [11, с.8]. Хотя изначально это положение относилось к восприятию, весь контекст работ А.Н. Леонтьева позволяет экстраполировать его на все формы психического отражения, включая художественное творчество.

Применительно к музыкальной деятельности этот тезис приобретает особую значимость. Во-первых, музыкальное творчество несомненно является сложным психическим актом, вовлекающим восприятие, память, воображение, мышление и эмоциональную сферу. Во-вторых, музыка представляет собой не прямое копирование действительности, но её опосредованное, преломленное в сознании творца, образное отражение. Это интуитивное понимание природы музыкального творчества находит прямое подтверждение в высказываниях самих композиторов.

Так, Роберт Шуман прямо связывал источник своей музыки с окружающей действительностью: «Я чувствую, что на меня влияет всё: люди, политика, литература. Обо всём этом я раздумываю на свой лад, и затем все это прорывается наружу, ищет своего выражения в музыке» [20, с.156]. Он же описывал насыщенность своего внутреннего мира образами: «Моё воображение переполнено образами: образы, которые я так старательно искал в действительности, ожили в нём» [20, с.158].

Клод Дебюсси призывал черпать вдохновение в природе, находя музыкальные эквиваленты для «шума моря, изгиба линии горизонта, ветра в листве, крика птицы» [5, с.92]. Для Модеста Мусоргского неиссякаемым источником творчества была «русская натура» с её многообразием типов и характеров [13, с.67]. Николай Римский-Корсаков мысленно видел красочные картины природы, что обусловило исключительную живописность его музыкального языка [16, с.124].

Таким образом, уже на уровне композиторского замысла музыкальный образ выступает как результат трансляции впечатлений от реального мира в специфическую звуковую материю.

Музыкальный образ в деятельности композитора, исполнителя и слушателя. Музыкальный образ является центральным, системообразующим элементом всей музыкальной коммуникации, связывающим три её основных звена: композитора, исполнителя и слушателя. Без его актуализации музыка теряет свою сущность и превращается в простую последовательность звуков.

Исполнительская деятельность также неразрывно связана с образным мышлением. Исполнитель не просто механически воспроизводит нотный текст, но интерпретирует его, наполняя собственным образным содержанием. Яркой иллюстрацией служит пример Мстислава Ростроповича, который, создавая музыкальный «портрет» Росинанта, сознательно искал «ужасное ворчливое звучание» виолончели, чтобы передать образ старой, уставшей клячи [3, с.215]. Альтист Юрий Башмет подчеркивал: «Для меня, как музыканта, всегда играли большую роль мои внутренние представления – образные видения, картины, художественные импульсы... Они оказывали заметное воздействие на моё общее душевное состояние и тем самым на моё исполнение» [3, с.89].

Что касается слушательского восприятия, то данные эмпирических исследований свидетельствуют, что большинство аудитории склонно к предметно-образной интерпретации музыки. Слушатели рисуют в воображении разнообразные картины, сюжеты и ассоциации, порождённые музыкальным звучанием. Однако здесь возникает ключевой вопрос: любой ли возникающий образ является музыкальным? Как справедливо отмечал Б. Асафьев, образ можно считать музыкальным лишь в том случае, если он является отражением собственно музыкального содержания, а не порождается случайными, отвлеченными ассоциациями [2, с.185]. Разведение этих понятий – «музыкального» и «внемusыкального» в слушательском восприятии – представляет собой одну из сложнейших методологических проблем.

Психологические концепции музыкального образа: от Б.М. Теплова к Ю.А. Цагарелли. Наиболее авторитетной и полной концепцией музыкальности в отечественной психологии является теория Б.М. Теплова. Центральным в его системе становится понятие «способности эмоциональной отзывчивости на музыку», которое он определяет как психическое свойство, позволяющее человеку оперировать музыкальными образами. Теплов утверждал, что «переживание только тогда будет музыкальным, когда оно является переживанием выразительного значения музыкальных образов» [18, с.45]. Без этой способности «музыка переживается просто как звуки, ничего решительно не выражающие» [18, с.47]. Таким образом, именно эмоциональная отзывчивость, по Теплову, стоит у истоков создания и восприятия музыкальных произведений, а критерием музыкальности выступает способность «слышать в звуках» их образно-выразительное содержание.

Однако, при всей своей фундаментальности, концепция Теплова оставляет ряд вопросов открытыми. Дефиниция способности недостаточно дифференцирована, не ясны её психологические корреляты, механизмы функционирования и надёжные критерии диагностики.

Развитие идей Теплова мы находим в работах Ю.А. Цагарелли, который определяет музыкальность как «проявление одарённости, отражающее общий компонент всех видов музыкальной деятельности – творческое восприятие и переработку музыки с целью создания идеального (мысленного) музыкального образа» [19, с.28]. Он предпринимает попытку операционализировать понятие Теплова, разводя эмоциональный и образный компоненты. За «способностью эмоциональной отзывчивости» сохраняется лишь функция эмоционального восприятия, а операции с образами передаются в блок творческой переработки информации, включающий музыкальное мышление и воображение.

Музыкальное мышление Цагарелли определяет как «способность к произвольному слуховому представлению и представлению симультанного музыкального образа», а музыкальное воображение – как способность «создания сукцессивного музыкального образа» [19, с.134]. Однако, на наш взгляд, это усложняет понимание, а не проясняет его. Остается неясным, что конкретно понимается под «симультанностью» и «сукцессивностью», каков материал этих образов и почему функции распределены именно таким образом. Определения становятся самореферентными, циркулирующими в круге уже заданной терминологии, не выходя за её пределы.

Проблема генезиса музыкального образа: основные подходы в музыкознании. Ключевой нерешённой проблемой остается вопрос о происхождении и материальном носителе музыкального образа. За счёт каких психических процессов и структур он формируется? Анализ автобиографических материалов музыкантов демонстрирует постоянный процесс перевода внемusыкальных впечатлений в музыкальные образы и обратно. Однако механизмы этой трансформации остаются «чёрным ящиком». Утверждения, что «творческая фантазия и

воображение выступают по сути тем психическим "материалом", из которого "сделаны" образы» [4, с.187], являются тавтологичными и не несут объяснительной силы.

В музыкознании можно выделить несколько основных подходов к решению этой проблемы.

Структурно-компонентный подход. Его представители (Л.А. Мазель, В.К. Поляков, А.Н. Сохор) видят основу образа в мелодии, где концентрируется его существо [12, с.56]. Другие исследователи (Б.П. Яворский, Е.В. Назайкинский) в качестве важнейших компонентов называют лад и метроритм, рассматривая их как матрицы для построения звуковысотных и временных отношений [21, с.98; 14, с.76].

Семантический подход. Зародившийся в работах Г. Римана, этот подход активно развивается в современной Лаборатории музыкальной семантики. Его суть заключается в выявлении в музыкальной ткани устойчивых семантических фигур – интонационных оборотов с относительно закреплёнными значениями (например, «вздых», «шаг», «фанфары», «колокол»). Предполагается, что эти фигуры, мигрируя из произведения в произведение, несут объективную информационную нагрузку и вызывают сходные ассоциации у слушателей [7, с.18].

Однако данный подход сталкивается с серьёзными противоречиями музыкальной практики. Одно и то же произведение в разных исполнениях (например, прелюдия Шопена в трактовках Поллини и Погорелича) может порождать диаметрально противоположные образы – от «гневного призыва» до «лирического прошения». При этом нотный текст и, следовательно, набор семантических фигур остаются неизменными. Это свидетельствует о том, что значение музыкального элемента не является имманентно присущим ему, а рождается в конкретном исполнительском и слушательском контексте.

Лингвистический (семасиологический) подход. Представитель этого направления И.И. Земцовский предлагает типологизировать музыкальные единицы не по формальному сходству, а по образно-смысловой близости, по аналогии с идиомами в вербальном языке [7, с.20]. Это направление является эвристически плодотворным, но представлено пока малым количеством работ и имеет ограниченный объяснительный потенциал для психологии.

Интермодальный подход. Наиболее перспективной с психологической точки зрения представляется концепция М.Г. Арановского, который определяет музыкальный образ как «сложную интермодальную ассоциацию слуховых и зрительных, временных и пространственных представлений» [1, с.142]. Это определение имеет важное преимущество: оно указывает на возможный механизм формирования образа через ассоциативные связи между различными сенсорными модальностями. Однако и здесь требуется дальнейшая конкретизация: что именно с чем ассоциируется и по каким законам.

Закключение. Проведённый анализ позволяет заключить, что феномен музыкального образа может быть рассмотрен, как минимум, в трёх взаимодополняющих аспектах:

Объективно-структурный: музыкальный образ как феномен, объективированный в нотном тексте через систему музыкально-выразительных средств (мелодия, гармония, ритм, фактура) [12; 15].

Акустический: музыкальный образ как комплекс звуков, обладающих конкретными физическими характеристиками (высота, длительность, тембр, громкость) [10].

Субъективно-психологический: музыкальный образ как идеальное психическое образование, формирующееся в сознании и чувственной сфере человека в процессе творчества, исполнения или восприятия [8; 9].

Несмотря на обширную историю изучения, ясного понимания генезиса музыкального образа в психологической науке до сих пор нет. Обозначено лишь, что ключевую роль в этом процессе играют восприятие, воображение и мышление. Однако характер их связи, принципы отбора и обобщения элементов при построении образа остаются нераскрытыми.

Перспективы дальнейших исследований видятся в синтезе интермодального подхода с достижениями когнитивной психологии и нейронаук. Изучение кроссмодальных ассоциаций, механизмов работы музыкальной памяти и внимания, нейрофизиологических коррелятов образного мышления может приблизить нас к созданию целостной объяснительной модели одного из самых загадочных и прекрасных феноменов человеческой психики – музыкального образа.

Список использованных источников:

1. Арановский М.Г. Музыкальный текст: структура и свойства. – М.: Композитор, 2018. – 248 с.
2. Асафьев Б.В. Музыкальная форма как процесс. – СПб.: Лань, 2022. – 392 с.
3. Башмет Ю.А. Вокзал мечты. – М.: АСТ, 2019. – 320 с.
4. Бочкарев Л.Л. Психология музыкальной деятельности. – М.: Классика-XXI, 2020. – 352 с.
5. Дебюсси К. Статьи, рецензии, беседы. – М.: Либроком, 2021. – 328 с.
6. Живов Л.В. Исполнительский анализ хорового произведения. – М.: Музыка, 2022. – 184 с.
7. Земцовский И.И. Семасиология музыкального фольклора: опыт топологической стратификации // Музыкальная академия. – 2023. – № 1. – С. 15-23.
8. Иванченко Г.В. Психология музыкального восприятия. – М.: Смысл, 2022. – 288 с.
9. Кечухашвили Г.Н. Музыка и сознание. – СПб.: Лань, 2021. – 216 с.
10. Костюк А.Г. Восприятие музыки: психологические аспекты. – М.: Инфра-М, 2023. – 192 с.
11. Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2021. – № 3. – С. 4-15.
12. Мазель Л.А. Вопросы анализа музыки. – СПб.: Лань, 2023. – 352 с.
13. Мусоргский М.П. Письма и документы. – М.: Директ-Медиа, 2022. – 418 с.

14. Назайкинский Е.В. Слух Бетховена и зрение Леонардо: интермодальность художественного восприятия. – М.: Прогресс-Традиция, 2023. – 312 с.
15. Поляков В.К. Музыкальный образ и исполнительская интерпретация. – М.: Музыка, 2022. – 168 с.
16. Римский-Корсаков Н.А. Летопись моей музыкальной жизни. – М.: АСТ, 2021. – 336 с.
17. Сохор А.Н. Социология и музыкальная культура. – СПб.: Планета музыки, 2023. – 288 с.
18. Теплов Б.М. Психология музыкальных способностей. – М.: Юрайт, 2023. – 398 с.
19. Цагарелли Ю.А. Психология музыкального восприятия и обучение игре на фортепиано. – СПб.: Лань, 2023. – 264 с.
20. Шуман Р. О музыке и музыкантах. – М.: Лань, 2022. – 408 с.
21. Яворский Б.П. Избранные труды. – М.: Композитор, 2021. – 368 с.

УДК 159.9

Ахмедов Р.М.

магистрант 1 курса, направление 37.04.01, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством **Калита В.В.**

к.псих.н., доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

ПРОБЛЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗА В ЭПОХУ НЕСТАБИЛЬНОСТИ РЫНКА ТРУДА

Аннотация. Статья посвящена исследованию сложностей профессионального самоопределения студентов высших учебных заведений в контексте повышенной нестабильности и непредсказуемости рынка труда. Традиционные модели выбора профессии теряют свою эффективность в эпоху цифровой трансформации, глобализации и экономической турбулентности. В работе выявляются и анализируются основные факторы, усложняющие процесс самоопределения: скорость изменений, требование к многопрофильности, психологическая неопределенность и риск принятия неверных решений, а также затрагиваются возможные варианты решения в эпоху неопределённости.

Ключевые слова: самоопределение, профессиональное самоопределение, рынок труда, нестабильность, студенты, индивидуальность, карьера, трудоустройство.

THE PROBLEM OF PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION OF UNIVERSITY STUDENTS IN THE ERA OF LABOR MARKET INSTABILITY

Abstract. This article explores the complexities of professional self-determination among university students in the context of increased instability and unpredictability in the labor market. Traditional career choice models are losing their effectiveness in the era of digital transformation, globalization, and economic turbulence. The research identifies and analyzes the main factors that complicate the process of self-determination: the speed of change, the requirement for multidisciplinary skills, psychological uncertainty and the risk of making wrong decisions, and also touches on possible solutions in an era of uncertainty.

Keywords: self-determination, professional self-determination, labor market, instability, students, individuality, career, employment.

Актуальность проблемы. Актуальность темы заключается в острой необходимости переосмысления процесса профессионального самоопределения студентов и выработке адаптационных механизмов в условиях, когда внешняя среда и рынок труда перестали быть статичны, а стали источником постоянных вызовов. Исследование данной проблемы является критически важным для разработки адекватных мер реагирования, а также создания паттернов поведения, способных помочь современной молодежи не просто выбрать профессию, а научиться выстраивать успешную и устойчивую карьеру на протяжении всей жизни, независимо от постоянных перемен.

Самоопределение является важной составляющей любой личности, оно направляет человека, помогает ему понять себя, свои цели, предпочтения, возможности, путь. В своей работе А.В. Рочняк и Д.А. Чернышев выделяют самоопределение с педагогической парадигмы, как термин, обозначающий процесс взросления человека, формирования его ценностей, жизненной перспективы, планов, а также его отношения к существующей действительности, поиск себя в этом мире и своего места в нём [0, с.58]. Это активная жизненная позиция, в основе которой лежит способность человека самостоятельно управлять своей судьбой, опираясь на личные интересы, способности и убеждения. В современных реалиях проблема самоопределения касается не только личностных и моральных устоев индивида, но и его дальнейшего пути по жизни, неразрывно связанного с будущей профессией. Данный вид самоопределения является профессиональным. Н.С. Пряжников определял профессиональное самоопределение как самостоятельное и осознанное нахождение смысла выполняемой работы и всей жизнедеятельности в конкретной социально-культурной ситуации [0, с.21]. Оно формируется у человека в течение всей его жизни и способствует его самоидентификации, однако с изменениями в обществе его суть претерпела некоторые изменения. Для выпускников советских времён профессиональное самоопределение не являлось проблемой. Требовался осознанный выбор на определённом этапе получения образования, однако, после успешного окончания обучения, студента направляли на работу по выбранному им профилю, а скорость развития общества не грозила новому его представителю потерей работы или необходимостью переквалификации. Относительная стабильность и предсказуемость экономического

развития создавали условия, при которых молодой специалист мог быть уверен в долгосрочной востребованности своей профессии. Рынок труда не характеризовался высокой динамикой, а значит, угроза внезапного обесценивания квалификации или необходимости срочной переквалификации была минимальной. Но с резким скачком в развитии общества и ускорением всех процессов человеческой деятельности, технологическим прогрессом и возникновением всё больших средств упрощения жизни, всё изменилось. «Современная социально-экономическая ситуация в нашем обществе свидетельствует о ликвидации жизненной предопределенности, что влечет необходимость формирования мобильного и «гибкого» профессионального самоопределения молодежи. Сегодняшний выпускник образовательного учреждения должен быть готов к неоднократной смене профиля деятельности, и при этом он должен достаточно быстро к ней адаптироваться» [0, с.253]. Данной формулировке современного общества соответствует определение в исследовании Е.П. Шутовой и А.С. Великановой: «...профессиональное самоопределение личности рассматривается отечественными учеными как непрерывный процесс построения, реализации и корректировки «дорожной карты» своего профессионального развития с учетом внутренних и внешних условий» [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с.188]. Одним из основных требований к грамотному профессиональному самоопределению является рефлексия – способность анализировать собственный опыт, оценивать достигнутые результаты и выявлять противоречия между желаемым и действительным, что и служит основой для своевременной корректировки маршрута. В современном контексте успешное самоопределение напрямую связано со становлением профессиональной идентичности – формированием устойчивого представления о себе как о субъекте профессиональной деятельности – и развитием карьерной компетентности, включающей способность к адаптации, самообучению и управлению личными ресурсами в условиях нестабильного и быстро меняющегося рынка труда. Перед студентами современных образовательных учреждений стоит сложная задача – сформировать устойчивый образ о себе в профессиональной сфере, сохраняя при этом гибкость и возможность смены квалификации с учётом динамичности современного общества. По статистике, с этим справляются не все. Современная ситуация на рынке труда демонстрирует высокую динамику кадровых перемещений, характеризующуюся постоянной ротацией персонала. Данные выборочных обследований фиксируют устойчивую тенденцию: масштабы увольнения сотрудников стабильно превышают объемы приема новых кадров. Примечательно, что большинство расторжений трудовых договоров инициируется самими работниками. Ключевой причиной такой добровольной текучести, согласно результатам исследований, выступает неудовлетворенность уровнем заработной платы, что указывает на системную проблему финансовой мотивации в определенных сегментах экономики [0, с.56]. Уровень оплаты труда, будучи ключевым регулятором рыночного спроса на профессии, создает для студентов серьезную дилемму. Неспособность заранее спрогнозировать динамику заработных плат приводит к ситуации, когда их первоначальный профессиональный выбор теряет актуальность к моменту выпуска. В результате выпускники оказываются перед сложным выбором: продолжить карьеру по полученной, но низкооплачиваемой специальности или пройти переквалификацию для доступа к более доходным сегментам рынка труда. Данные условия требуют правильного подхода к выбору профессии и пониманию самоориентации в современном контексте. Правильная самоориентация сегодня – это не найти единственно верный путь, а научиться адаптироваться и строить свою карьерную траекторию осознанно и гибко. Цель современного высшего образования и личных усилий студента смещается с узкопрагматической установки на «получение диплома и трудоустройство» в сторону формирования комплексной и динамической способности к осознанному карьерному выбору и адаптации на протяжении всей жизни. Данная компетенция представляет собой интегративное личностное качество, позволяющее индивиду не просто реагировать на изменения рынка труда, но и проактивно выстраивать собственную профессиональную траекторию в условиях неопределенности. Этот фундамент должен быть неразрывно связан с непрерывным исследованием внешней профессиональной среды: мониторингом отраслевых трендов, идентификацией перспективных областей развития и анализом требований к надпрофессиональным навыкам. Полученные знания, в свою очередь, получают валидацию и практическое воплощение через активные действия. Такой синтез внутренней рефлексии и внешней активности трансформирует саму парадигму восприятия нестабильности рынка труда: из дестабилизирующей угрозы она превращается в пространство открывающихся возможностей для самореализации, гибкого маневрирования и построения уникальной, нелинейной карьеры, соответствующей вызовам новой экономической реальности.

Заключение. Сегодня профессиональное самоопределение – это не единовременный выбор профессии, а непрерывный процесс адаптации. Вместо поиска одной работы на всю жизнь современным специалистам необходимо постоянно осваивать новые навыки и гибко менять направление деятельности в соответствии с запросами рынка. Такой подход позволяет не просто реагировать на изменения, а активно формировать свою карьеру в условиях нестабильности. Современным студентам вузов приходится осваивать этот навык и адаптироваться к новым условиям для удачного формирования своей будущей карьеры и профессионального самоопределения.

Список использованных источников:

1. Аникеева Л.В., Митрофанова А.Е. Рынок труда: сегодня и завтра // УПИРР. 2020. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rynok-truda-segodnya-i-zavtra> (дата обращения: 02.11.2025).
2. Лесникова Светлана Леонидовна, Леухова Мария Геннадьевна Профессиональное самоопределение студентов вуза как условие профессиональной идентичности: аспект отношения к профессиональной карьере // БГЖ. 2018. №3 (24). URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-samooopredelenie-studentov-vuza-kak-uslovie-professionalnoy-identichnosti-aspekt-otnosheniya-k-professionalnoy> (дата обращения: 01.11.2025).

3. Пряжников Н.С. Профессиональное самоопределение: теория и практика. – М.: «Академия», 2007. – 501 с.

4. Рочняк А.В., Чернышев Д.А. «Самоопределение» как понятие в современной педагогической науке // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. №1 (76). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samooopredelenie-kak-ponyatie-v-sovremennoy-pedagogicheskoy-nauke> (дата обращения: 31.10.2025).

5. Шутова Е.П., Великанова А.С. Теория профессионального самоопределения старшеклассников в отечественной психологии // Вестник ГУУ. 2021. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-professionalnogo-samooopredeleniya-starsheklassnikov-v-otechestvennoy-psihologii>

УДК 159.9.

Бабарыкина А.О.

магистрант 1 курса, направление 37.04.01, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования, «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством **Юлиной Г.Н.**

к.п.н., доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

СВЯЗЬ АКТИВНЫХ АРХЕТИПОВ И ПОКАЗАТЕЛЕЙ МОТИВАЦИИ ДОСТИЖЕНИЯ УСПЕХА У СТУДЕНТОВ

Аннотация. В статье рассматривается проблема взаимосвязи активных архетипов личности и мотивации достижения успеха у студентов. Работа опирается на концепцию коллективного бессознательного К.Г. Юнга, а также на современную интерпретацию архетипического подхода К. Пирсон, в рамках которой архетипы рассматриваются как универсальные психические структуры, определяющие поведенческие и мотивационные паттерны личности. Эмпирическая часть показывает, что выраженность тех или иных архетипов может быть связана с особенностями мотивационной сферы студентов, в частности с ориентацией на достижение успеха или избегание неудачи.

Ключевые слова: архетипы, коллективное бессознательное, мотивация достижения успеха, студенческий возраст, Кэрл Пирсон, Карл Густав Юнг, личностное развитие.

THE RELATIONSHIP BETWEEN ACTIVE ARCHETYPES AND INDICATORS OF MOTIVATION TO ACHIEVING SUCCESS IN STUDENTS

Abstract. The article examines the problem of the relationship between active personality archetypes and motivation to achieve success in students. C. G. Jung, as well as the modern interpretation of the archetypal approach by K. Pearson base the work on the concept of the collective unconscious, within which archetypes are considered as universal mental structures that determine the behavioral and motivational patterns of the individual. The empirical part shows that the expression of certain archetypes can be associated with the characteristics of the students' motivational sphere, in particular with the orientation towards achieving success or avoiding failure.

Keywords: archetypes, collective unconscious, motivation for success, student age, Carol Pearson, Carl Gustav Jung, personal development.

Цель исследования: анализ теоретических и эмпирических возможных связей между активными архетипами и показателями мотивации достижения успеха в студенческом возрасте.

Архетипическая концепция берет начало в психологии К.Г. Юнга, который трактовал архетипы как универсальные структуры коллективного бессознательного, определяющие глубинные основания психической организации личности [4; 8]. Архетипы выступают как предопределенные схемы восприятия, мышления и поведения, формирующие типичные реакции человека на внешние и внутренние стимулы, а также задающие направления мотивационной активности.

В дальнейшем развитие этой идеи осуществила Кэрл Пирсон [5], предложившая модель из двенадцати архетипов, отражающих устойчивые мотивационно-поведенческие стратегии личности. Архетипы в данной модели рассматриваются как внутренние регуляторы, определяющие характер целеполагания, способы самореализации и ориентиры личностного роста. Особое значение в контексте мотивации достижения имеют архетипы Героя, Правителя, Творца, Мага и Искателя, поскольку их преобладание оказывает влияние на уровень притязаний, интенсивность учебной активности и отношение к результатам деятельности индивида [6; 7].

Модель Пирсон позволяет интерпретировать мотивацию достижения как комплексное проявление глубинных архетипических структур, формирующих индивидуальный стиль стремления к успеху.

В психологической литературе мотивация достижения определяется как устойчивая направленность личности на реализацию значимых целей, повышение результативности деятельности и подтверждение собственной компетентности. Так, по данным Д. Макклелланда и Х. Хекхаузена, она характеризуется выраженным стремлением к успеху, готовностью нести ответственность за результаты, а также способностью сохранять активность и целеустремленность в условиях трудностей и неопределенности [1; 2].

Интеграция архетипического подхода с концепцией мотивации достижения позволяет рассматривать данный феномен не только как сознательную установку, но и как проявление бессознательных поведенческих паттернов личности. Активные архетипы определяют стратегию целеполагания, интенсивность и

направленность усилий, а также особенности реакции на успехи и неудачи, формируя индивидуальные механизмы самореализации. Таким образом, мотивация достижения выступает как органичное сочетание рациональных целей и глубинных личностных паттернов, интегрированных в единый психический механизм.

Особую значимость взаимодействие мотивации и архетипов приобретает в студенческом возрасте, когда происходит активное формирование профессиональной идентичности, системы ценностей и жизненных стратегий. В этот период архетипические структуры наиболее ярко проявляются в выборе целей, организации усилий и способах достижения успеха, что делает их важным фактором развития личностного и профессионального потенциала [3].

Для эмпирического исследования использовались методики, направленные на выявление мотивации достижения и доминирующих архетипов личности.

Для оценки мотивации достижения применялась методика Д. Макклелланда, а для определения архетипических структур – опросник К. Пирсон. Данные собирались онлайн через Google Forms.

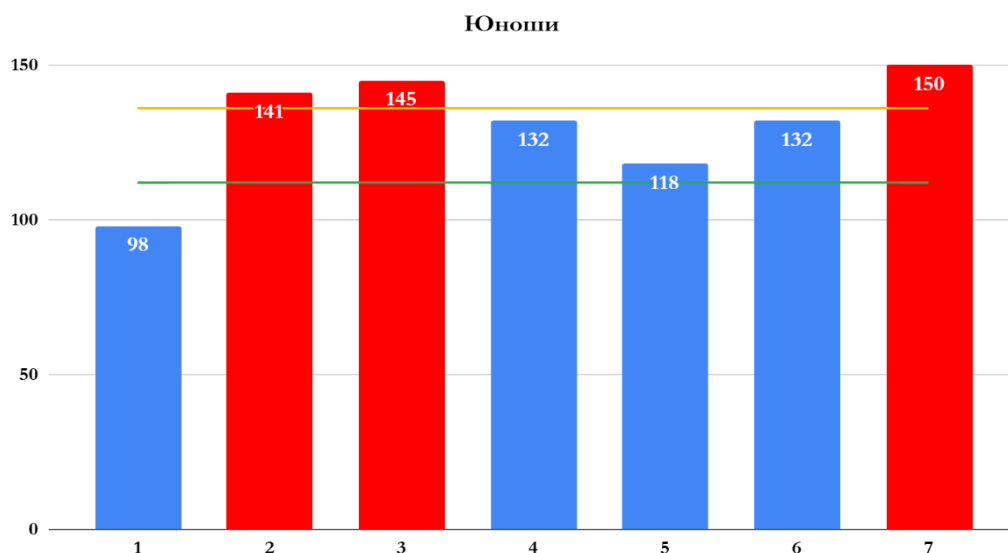

Рисунок 1 – Результаты методики достижения успеха Д. Макклелланда у юношей

В опросе приняли участие 18 студентов: 11 девушек и 7 юношей. Такой подход позволил получить первичную информацию о взаимосвязи мотивационных тенденций и архетипических структур в студенческой среде.

Из данной диаграммы на рисунке видно, что у трех респондентов (2,3,7), высокий уровень достижения мотивации в данной группе. У трех (4-6) средний уровень достижения мотивации и только у одного респондента низкий уровень достижения мотивации в данной группе.

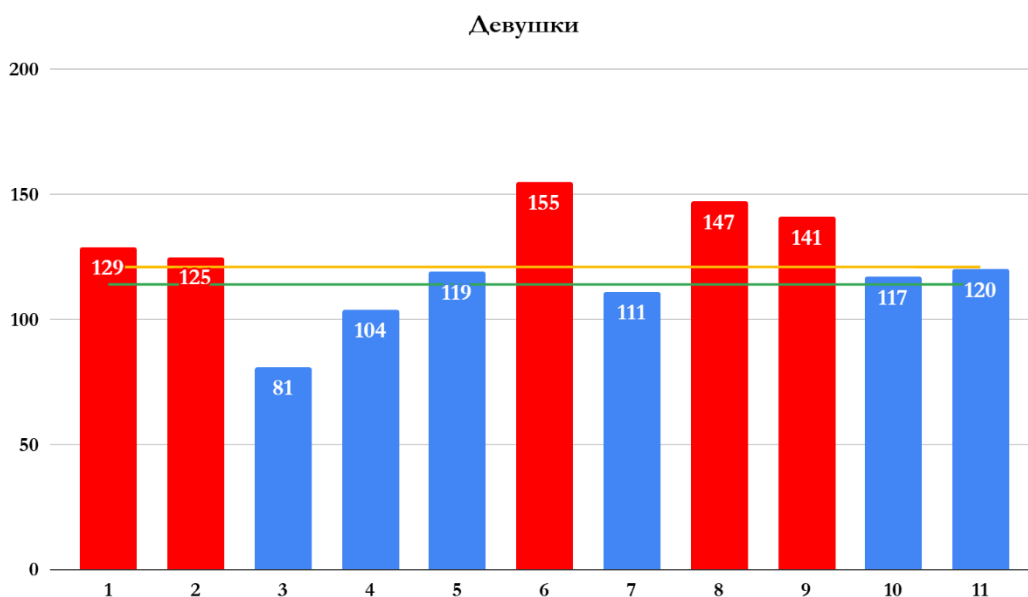

Рисунок 2 – Результаты методики достижения успеха Д. Макклелланда у девушек

Из данной диаграммы на рисунке видно, что у пяти респондентов (1,2,6,8,9), высокий уровень достижения мотивации в данной группе. У трех (5,10,11) средний уровень достижения мотивации и у трех респондентов (3,4,7) низкий уровень достижения мотивации в данной группе.

Таблица 1. Результаты опросника К. Пирсон, определение архетипов у юношей и девушек (с учетом результатов методики достижения успеха Д. Макклелланда)

№	Активные архетипы	Юноши	Девушки
1	Герой, искатель, маг, любовник	2 респондент (рис. 1)	
2	Искатель, маг, правитель, творец	3 респондент (рис. 1)	
3	Герой, творец, правитель, маг	7 респондент (рис. 1)	
4	Герой, творец, правитель, маг		1 респондент (рис. 2)
5	Искатель, маг, творец, бунтарь		2 респондент (рис. 2)
6	Герой, искатель, правитель, маг		6 респондент (рис. 2)
7	Герой, искатель, творец, маг		8 респондент (рис. 2)
8	Герой, искатель, маг, любовник		9 респондент (рис. 2)

Таким образом, можно заметить, что у 8 респондентов – активный архетип «Маг». Также у 6 респондентов – присутствуют активные архетипы: «Герой», «Искатель», у 5 – «Творец» и у 4 – «Правитель».

В заключении отметим, что эмпирические данные позволяют говорить о тенденции соотношения между архетипическими структурами и мотивацией достижения.

Архетипы выступают как внутренние регуляторы, определяющие характер целеполагания, стратегии самореализации и уровень притязаний. Наибольшее влияние на учебную активность и отношение к результатам оказывают архетипы Героя, Правителя, Творца, Мага и Искателя, что подчеркивает значимость архетипического подхода для анализа индивидуальных особенностей мотивации достижения.

Список использованных источников:

1. Макклелланд Д. Мотивация человека / Дэвид К. Макклелланд. – СПб.: Питер, 2007. – 672 с.
2. Хиллман Д. – Архетипическая психология. – М.: «КогитоЦентр», переиздание 2025.
3. Эдингер Э. – Эго и архетип. Сознание и бессознательное в мифе, религии и культуре. – М.: МИФ, 2024. – 432 с.
4. Юнг К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг. – М.: Канон, 2022. – 432 с.
5. Pearson C. S. Awakening the Heroes Within: Twelve Archetypes to Help Us Find Ourselves and Transform Our World / Carol S. Pearson. – New York: HarperCollins, 1991. – 304 p.
6. Pearson C. S. Persephone Rising: Awakening the Heroine Within / Carol S. Pearson. – New York: HarperOne, 2015. – 288 p.
7. Pearson C. S. What Stories Are You Living? Discovering the Archetypes That Shape Your Life / Carol S. Pearson. – New York: McGrawHill, 2017. – 256 p.
8. Jung C. G. Archetypes and the Collective Unconscious / C.G. Jung. – London: Routledge, 2023. – 368 p.

УДК 159.9.072.432

Галкин А.В.

магистрант 3 курса, направление 37.04.01, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования, «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством Дубровинская Е.И.

к.псих.н., доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, МГУТУ им. К.Г.Разумовского (ПКУ)

МОТИВЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА И ХАРАКТЕРИСТИКИ УЧЕБНОГО СТРЕССА У СТУДЕНТОВ

Аннотация. В данной статье рассматривается, как причины выбора будущей профессии влияют на способность студентов справляться с учебным стрессом. Эта проблема особенно актуальна сегодня, когда от молодых людей требуются не только профессиональные знания, но и высокая психологическая устойчивость. Внутренние устремления студентов и давление внешних обстоятельств сказываются на их уровне тревожности и способности противостоять нагрузкам. Центральное место в работе занимает сравнение эмоционального состояния двух категорий учащихся: тех, кто самостоятельно определился с профессией, и тех, чье решение было продиктовано родителями или общественными стереотипами. Выводы исследования могут быть использованы для создания эффективной системы поддержки студентов в вузах.

Ключевые слова: мотивы профессионального выбора, учебный стресс, профессиональное самоопределение, мотивация студентов, тревожность, стрессоустойчивость.

MOTIVES FOR PROFESSIONAL CHOICE AND CHARACTERISTICS OF STUDENTS' LEARNING STRESS

Abstract. This article examines how the reasons for choosing a future profession affect students' ability to cope with learning stress. This problem is especially relevant today, when young people are required not only professional knowledge, but also high psychological stability. The authors analyze how students' inner aspirations and the pressure of external circumstances affect their anxiety levels and their ability to withstand stress. The work focuses on comparing the emotional state of two categories of students: those who independently decided on a profession, and those whose decision was dictated by parents or social stereotypes. The findings of the study can be used to create an effective student support system at universities.

Keywords: motives for professional choice, learning stress, professional self-determination, student motivation, anxiety, stress tolerance.

Профессиональное самоопределение представляет собой один из наиболее значимых выборов в жизни молодого человека, во многом определяющий его дальнейшую жизненную траекторию [1]. Этот процесс не только определение конкретной специальности, но и формирование системы ценностных ориентаций, профессиональных интересов и личностных смыслов будущей деятельности. В современном динамично меняющемся мире профессиональный выбор становится особенно сложной задачей, поскольку требует от выпускников школ не только понимания своих способностей и склонностей, но и учета быстро трансформирующихся требований рынка труда [2].

Мотивационная составляющая профессионального выбора включает в себя сложное переплетение внутренних и внешних факторов. К внутренним мотивам традиционно относят личный интерес к профессии, стремление к самореализации, соответствие профессиональной деятельности индивидуальным способностям и ценностям [3]. Внешние мотивы охватывают такие факторы, как престиж профессии, уровень материального вознаграждения, влияние родителей и социального окружения. Исследования показывают, что доминирование внутренней мотивации способствует формированию более осознанного и устойчивого профессионального самоопределения [4].

Теоретическую основу дипломного исследования составили труды ведущих специалистов в области профессионального самоопределения и стресса [5]. Так, понимание выбора профессии как процесса согласования личностных качеств с запросами деятельности заложено в работах Е.А. Климова, тогда как Н.С. Пряжников акцентировал ценностно-смысловую составляющую этого выбора [6]. Динамику взаимодействия внешних факторов, таких как общественное признание или материальная выгода, и внутренних побуждений, например, склонностей или талантов, детально проанализировали Л.М. Митина и Э.Ф. Зеер [7].

Зарубежный взгляд представлен в концепции Д. Сьюпера, рассматривающего карьеру как последовательность этапов, и в типологии Дж. Холланда, связывающей успешность в профессии с соответствием среды особенностям личности, в то время как А. Бандура ключевым условием считал веру человека в собственные силы. Феномен стресса в академической среде, вслед за изысканиями А.Б. Леоновой, рассматривается через призму учебных перегрузок. Базой же для его изучения послужили фундаментальные теории: универсальная адаптационная реакция Г. Селье, когнитивно-поведенческий подход Р. Лазаруса и С. Фолкмана, выделяющий роль оценки угрозы и способов совладания с ней, и ресурсная модель С. Хобфолла, трактующая стресс как утрату жизненных и психологических ресурсов [8, 9].

В целях исследования влияния профессиональной мотивации на характеристики учебного стресса у студентов было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 60 обучающихся в возрасте от 18 до 25 лет. Для диагностики использовался комплекс методик, включающий: методику изучения мотивов выбора профессии Р.В. Овчаровой, тест мотивации выбора профессии Л.А. Ясюковой, шкалу воспринимаемого стресса PSS-14 в адаптации А.А. Золотаревой, тест на самооценку стрессоустойчивости личности И.В. Киршевой и Н.В. Рябчиковой, а также шкалу тревоги Спилбергера-Ханина.

Участники исследования были разделены на две группы в зависимости от доминирующего мотива профессионального выбора. Первую группу составили 30 студентов, осуществивших самостоятельный выбор профессии, вторую – 30 студентов, чей профессиональный выбор был обусловлен влиянием внешних факторов (мнение родителей, социальные стереотипы, практические соображения).

Результаты эмпирического исследования.

В рамках эмпирической части исследования, в котором приняли участие 60 студентов 18-25 лет, была проверена гипотеза о влиянии мотива профессионального выбора на уровень учебного стресса. Участники были разделены на две группы: те, кто выбрал профессию самостоятельно, и те, чей выбор был обусловлен влиянием извне.

Таблица 1 – Результаты в двух группах (критерий разделения – самостоятельный выбор будущей профессии и выбор под влиянием)

Группа студентов	Показатель воспринимаемого стресса (PSS-10)	Ситуативная тревожность (STAI)	Личностная тревожность (STAI)	Уровень стрессоустойчивости (тест Киршевой-Рябчиковой)
Самостоятельный выбор профессии	Более низкий (статистически значимые различия, $p < 0,05$ по U Манна-Уитни)	Более низкий (статистически значимые различия, $p < 0,05$)	Более низкий (статистически значимые различия, $p < 0,05$)	Более высокий (статистически значимые различия, $p < 0,05$ по U Манна-Уитни)
Выбор под давлением окружающих	Более высокий	Более высокий	Более высокий	Более низкий

Результаты показали четкую закономерность: у студентов с внутренне мотивированным профессиональным выбором зафиксированы статистически значимо более низкие уровни воспринимаемого стресса (по шкале PSS-10), ситуативной и личностной тревожности (методика STAI), а также более высокие показатели стрессоустойчивости (тест Киршевой-Рябчиковой) по сравнению с группой, находившейся под внешним давлением. Достоверность этих различий, подтвержденная с помощью критерия U Манна-Уитни $p < 0,05$, позволяет утверждать, что осознанный, самостоятельный выбор образовательной траектории выступает важным психологическим ресурсом, способствующим успешной адаптации к академическим нагрузкам и снижению общего эмоционального напряжения.

Таблица 2 – Корреляционный анализ Спирмена

Тип мотивации	Связь с уровнем дистресса (корреляционный анализ)	Сила связи	Знак связи
Коммуникативная	Умеренная взаимосвязь с воспринимаемым стрессом (PSS-10)	Умеренная	Отрицательная
Статусная	Умеренная корреляция с показателями стресса	Умеренная	Положительная
Социальная	Слабая связь с уровнем дистресса	Слабая	Отрицательная
Профессиональная и учебная	Нет значимых связей с параметрами стресса и тревожности	отсутствует	–

В ходе проверки второй гипотезы, предполагавшей связь между низкой мотивацией и повышенным учебным стрессом, были получены неоднозначные результаты. Корреляционный анализ не показал статистически значимой взаимосвязи между непосредственно профессиональной и учебной мотивацией, измеренной по методикам Овчаровой и Ясюковой, и показателями стресса. Однако дальнейшее изучение данных выявило любопытную закономерность: была обнаружена умеренная, но достоверная отрицательная корреляция $r = -0,35$, $p < 0,05$ между социальной мотивацией и уровнем дистресса. Это означает, что чем менее выражено у студента стремление к общественно полезной деятельности, к помощи другим, тем выше оказывается его уровень стресса. Данная зависимость проявилась особенно ярко в подгруппе студентов, чей профессиональный выбор был совершен под внешним давлением.

Таким образом, можно говорить о том, что социально ориентированные устремления выполняют роль своеобразного буфера, смягчающего воздействие академических нагрузок, и их ослабление потенциально повышает уязвимость личности к стрессу.

Список использованных источников:

1. Аверина А.О., Федосеева В.И. Исследование проявлений учебного стресса в жизни студентов // Научно-методический электронный журнал «Концепт», 2016. Т. 46. – С. 8-12. URL: <http://e-koncept.ru/2016/76373.htm>
2. Авраменко Н.Н. Индивидуально-психологические особенности личности студентов с разной степенью выраженности стресса / Н. Н. Авраменко // Научные труды Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского: Материалы докладов психолого-педагогических секций, Калуга, 12–14 апреля 2022 года. – Калуга: ФБГОУ ВПО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского», 2022. – С. 5-13. EDN YTLRHA.
3. Зеер Э.Ф. Психология профессионального образования: учебник для академического бакалавриата // М.: Издательство Юрайт, 2019. – 395 с.
4. Климов Е.А. Профессиональное самоопределение / Е.А. Климова // М.: Академия, 2004. – 304 с.
5. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения: учеб. пособие, дополнение / Е.А. Климов // М.: Академия, 2005. – 226 с.
6. Пряхников Н.С. Профессиональное самоопределение: теория и практика: учеб. пособие / Н.С. Пряхников // М.: Академия, 2008. – 117 с.
7. Пряхников Н.С. Теория и практика профессионального самоопределения // М.: МГППИ, 1999. – 97 с.
8. Селье Г. Стресс в моей жизни: Мемуары ученого / Г. Селье; [Пер. с англ. А. Лаузис // Рига: Зинатне, 1983. – 251 с.
9. Щербатых Ю.В. Психология стресса и методы коррекции. – СПб.: Питер, 2006. – 256 с.

магистрант 3 курса, направление 44.04.02, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования, «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством **Калита В.В.**

к.псих.н., доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОГО ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДОШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, направленного на выявление и обоснование педагогических условий, обеспечивающих эффективное и безопасное применение цифровых технологий в дошкольном образовании. Актуальность работы обусловлена противоречием между значительным развивающим потенциалом цифровых инструментов и рисками их нецелесообразного использования в работе с детьми дошкольного возраста. Эмпирическая база исследования включала Центр семейного развития «Лестница» (Московская область) и дошкольное отделение Школы № 1236 им. С.В. Милашенкова (г. Москва). В работе применялся комплекс методов: теоретический анализ, анкетирование, интервьюирование, наблюдение и педагогический эксперимент. Научная новизна исследования заключается в разработке и апробации целостной модели педагогических условий, интегрирующей технологические, методические и психолого-педагогические аспекты цифровизации. Ключевыми результатами являются: выявление положительной динамики в развитии познавательной, речевой и творческой активности детей при использовании AR-технологий; разработка трёхуровневой модели повышения ИКТ-компетентности педагогов; формулировка принципов безопасной цифровой среды. Практическая значимость работы заключается в разработке методических рекомендаций, внедрённых в образовательную практику исследуемых учреждений.

Ключевые слова: цифровые технологии, дошкольное образование, педагогические условия, цифровая среда, ИКТ-компетентность, дополненная реальность (AR), цифровая гигиена, развивающее обучение.

THE PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR THE EFFECTIVE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN PRESCHOOL EDUCATION

Abstract. The article presents the results of a study aimed at identifying and substantiating the pedagogical conditions that ensure the effective and safe use of digital technologies in preschool education. The relevance of the work is determined by the contradiction between the significant developmental potential of digital tools and the risks of their inappropriate use in work with preschool children. The empirical base of the study included the "Lestnitsa" Family Development Center (Moscow Region) and the preschool department of School No. 1236 named after S.V. Milashenkov (Moscow). A set of methods was used: theoretical analysis, questioning, interviewing, observation, and a pedagogical experiment. The scientific novelty of the research lies in the development and testing of a holistic model of pedagogical conditions that integrates technological, methodological, and psychological-pedagogical aspects of digitalization. The key results are: identifying positive dynamics in the development of cognitive, speech, and creative activity of children using AR technologies; developing a three-level model for improving the ICT competence of teachers; formulating the principles of a safe digital environment. The practical significance of the work lies in the development of methodological recommendations implemented in the educational practice of the studied institutions.

Keywords: digital technologies, preschool education, pedagogical conditions, digital environment, ICT competence, augmented reality (AR), digital hygiene, developmental education.

Введение

Современный этап развития общества характеризуется интенсивной цифровой трансформацией всех сфер жизнедеятельности, включая образование. Дошкольное образование, как начальная ступень формирования личности, оказывается в эпицентре этого процесса. С одной стороны, цифровые технологии открывают широкие возможности для индивидуализации обучения, развития познавательных способностей и креативности детей. С другой стороны, их бессистемное и педагогически необоснованное применение таит в себе риски для психофизиологического здоровья и эмоционального благополучия ребёнка [5, 9].

Проблема исследования заключается в наличии противоречия между объективной необходимостью интеграции цифровых технологий в дошкольное образование и недостаточной разработанностью педагогических условий, обеспечивающих их развивающий и безопасный характер. Данная проблема актуализирует вопрос: каковы педагогические условия, обеспечивающие эффективное, безопасное и развивающее использование цифровых технологий в образовательной практике дошкольных учреждений?

Цель исследования – выявить, теоретически обосновать и экспериментально проверить комплекс педагогических условий эффективного применения цифровых технологий в дошкольном образовании.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Впервые предложен системный подход, рассматривающий цифровизацию дошкольного образования как единство психолого-педагогических, технологических и организационно-управленческих аспектов.

2. Выявлен и эмпирически подтверждён комплекс взаимосвязанных педагогических условий, образующих целостную модель.

3. Разработана и апробирована трёхуровневая модель повышения ИКТ-компетентности педагогов (базовый, практико-ориентированный, инновационный), ориентированная на специфику дошкольного образования.

4. Предложена и реализована конкретная модель интеграции технологий дополненной реальности (AR) в образовательный процесс на примере проекта «Живая сказка», показавшая свою эффективность.

Методология и методы исследования

Теоретической основой исследования послужили концепции Л.С. Выготского, Д.Б. Эльконина (о ведущей деятельности и сенситивных периодах), культурно-исторический и системно-деятельностный подходы, а также работы современных исследователей в области цифровой педагогики (С.Н. Литвинова, Е.Л. Вартанова, Н.Е. Веракса) [1,2,3,4,6].

Эмпирическая база: Центр семейного развития «Лестница» (экспериментальная площадка, n=15 детей, 4 педагога, 25 родителей) и дошкольное отделение Школы № 1236 им. С.В. Милашенкова (контрольная площадка, n=30 детей, 6 педагогов, 28 родителей).

Исследование проводилось в три этапа:

1. Констатирующий: диагностика исходного уровня развития детей, ИКТ-компетентности педагогов и отношения родителей к цифровизации.

2. Формирующий: внедрение и апробация модели педагогических условий, включая реализацию проекта «Живая сказка с AR-технологиями».

3. Контрольный: повторная диагностика и сравнительный анализ результатов для оценки эффективности проделанной работы.

Использовался комплекс методов: теоретический анализ, анкетирование, интервьюирование, наблюдение, педагогический эксперимент, методы математико-статистической обработки данных.

Результаты исследования

В ходе исследования был выявлен и обоснован комплекс следующих педагогических условий:

1. Организация развивающей цифровой среды. Данное условие предполагает не просто оснащение ДООУ техникой, а создание педагогически целесообразного пространства, где цифровые инструменты (интерактивные панели, планшеты, AR-оборудование) интегрируются в игровую и познавательную деятельность [1]. В рамках проекта «Живая сказка» использование AR-карточек для «оживления» персонажей позволило значительно повысить наглядность, вовлеченность и стимулировать речевую активность детей.

2. Методическая продуманность и дозированность. Использование цифровых средств строго регламентируется санитарными нормами (СанПиН 2.4.3648-20) и принципом педагогической целесообразности [9,10]. Цифровые формы (просмотр, интерактивная игра, творческий проект) выступают не как замена, а как дополнение к традиционным видам деятельности (рисованию, лепке, сюжетно-ролевой игре). Их продолжительность не превышала 10-15 минут с обязательным чередованием с активными видами деятельности.

3. Высокий уровень ИКТ-компетентности педагогов. Диагностика выявила, что эффективность использования технологий напрямую зависит от готовности педагога выступать не оператором устройства, а медиатором цифрового взаимодействия. Разработанная трёхуровневая модель повышения квалификации (Таблица 1) позволила целенаправленно формировать у воспитателей не только технологические, но и методические, и психолого-педагогические компетенции [7, 8].

Таблица 1 – Модель повышения цифровой грамотности педагогов

Уровень	Характеристика	Пример проявления
Базовый	Воспитатель владеет базовыми навыками работы с компьютером и мультимедийным оборудованием, использует готовые цифровые ресурсы	Проведение презентаций, просмотр обучающих мультфильмов
Продвинутый	Педагог самостоятельно подбирает и адаптирует цифровые инструменты для реализации образовательных задач, разрабатывает сценарии занятий	Создание интерактивных игр, использование цифровых лабораторий
Инновационный	Педагог создает собственные цифровые ресурсы, внедряет элементы дистанционного обучения, обучает коллег	Разработка авторских цифровых проектов, ведение онлайн-журналов, работа на образовательных платформах

4. Педагогическое сопровождение цифровой деятельности. Педагог организует, направляет и контролирует взаимодействие ребенка с цифровой средой, обеспечивая осмысленность и рефлекссию [5, 8]. В проекте «Живая сказка» воспитатель выступал модератором: помогал распределять роли, стимулировал обсуждение сюжета, направлял детскую фантазию в образовательное русло.

5. Вовлечение семьи в цифровое взаимодействие. Создание единого образовательного пространства «педагог – ребенок – родитель» через использование цифровых платформ (электронные портфолио, чаты, онлайн-консультации) позволило повысить прозрачность процесса и сформировать общую культуру ответственного использования технологий [13].

6. Формирование основ цифровой культуры и гигиены. Систематическая работа по воспитанию у детей и взрослых бережного отношения к технике, навыков безопасного поведения и соблюдения норм экранного времени.

Эмпирическая проверка эффективности модели

Сравнительный анализ данных констатирующего и контрольного этапов в экспериментальной группе показал положительную динамику по всем ключевым показателям (Рисунок 1).

Критерий	ДО внедрения (%)	ПОСЛЕ внедрения (%)
Интерес к познавательной деятельности (познавательная активность)	45	82
Уровень вовлеченности в коллективную работу (речевая активность)	50	85
Осознанное использование цифровых инструментов (креативность)	30	70
Социально-коммуникативные навыки	50	85

Рисунок 1 – Динамика показателей развития детей в экспериментальной группе после внедрения педагогических условий (%)

Наибольший прирост наблюдается в показателях креативности и познавательной активности, что подтверждает развивающий потенциал грамотно интегрированных цифровых технологий, в частности, AR. Педагоги отметили рост мотивации детей и собственной уверенности в использовании новых инструментов. Родители сообщили о повышении интереса детей к обучению и осознанном отношении к гаджетам.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило выдвинутую гипотезу. Эффективное применение цифровых технологий в дошкольном образовании действительно обеспечивается комплексом педагогических условий, образующих целостную систему: создание развивающей среды, методическая продуманность, высокий уровень компетентности педагога, педагогическое сопровождение, вовлечение семьи и формирование цифровой культуры.

Научная новизна работы заключается в системном представлении данного комплекса условий и его эмпирической проверке на примере интеграции AR-технологий. Разработанные методические рекомендации и модель повышения квалификации педагогов имеют практическую ценность и могут быть внедрены в широкую практику дошкольных образовательных организаций для реализации требований ФГОС ДО в условиях цифровой трансформации [9].

Перспективы дальнейших исследований видятся в изучении долгосрочных эффектов цифровизации, разработке диагностического инструментария для оценки цифровых компетенций дошкольников и углубленном исследовании возможностей искусственного интеллекта и VR-технологий в дошкольном образовании.

Список использованных источников:

1. Литвинова С.Н., Чельшева Ю.В. Цифровые инструменты в работе с детьми дошкольного возраста: учебник для вузов. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 188 с.
2. Варганова Е.Л. Индустрия российских медиа: цифровое будущее: академическая монография. – М.: Медиамир, 2017. – 260 с.
3. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте. – М.: Просвещение, 1991. – 256 с.
4. Эльконин Д.Б. Психология игры. – М.: Педагогика, 1989. – 348 с.
5. Смирнова Е.О. Психологические риски цифровизации детства // Психология образования. – 2020. – № 4. – С. 18–25.
6. Рыбакова Н.А. Цифровая культура педагога в эпоху цифровизации образования. – М.: Академия, 2022. – 184 с.
7. Битюцкая Н.Н. Формирование цифровых компетенций у педагогов дошкольного образования // Вопросы психологии и педагогики. – 2020. – № 4. – С. 45–52.
8. Захарова И.Г. ИКТ-компетентность современного педагога. – М.: Академия, 2021. – 212 с.
9. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования (ФГОС ДО). Приказ Минобрнауки РФ от 17.10.2013 № 1155 (ред. от 21.01.2019).
10. СанПиН 2.4.3648-20 «Санитарно-эпидемиологические требования к организациям воспитания и обучения, отдыха и оздоровления детей и молодежи».
11. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2024–2030 годы. – Утверждена Указом Президента РФ.
12. Громова Т.А. Возможности цифровых образовательных платформ в работе ДОУ // Дошкольное образование. – 2022. – № 5. – С. 17-24.
13. Веракса Н.Е. Современные тенденции взаимодействия семьи и дошкольного учреждения // Психология и педагогика детства. – 2021. – № 2. – С. 17-25.

УДК 159.9

Горбацкий А.М.

аспирант 2 курса, программа 5.3.4. Педагогическая психология, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования, «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством **Калита В.В.**

к.псих.н., доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, МГУТУ им. К.Г.Разумовского (ПКУ)

ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ И ЗАДАЧИ ИХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ

Аннотация. В статье представлены статистический анализ данных, характеризующих особенности личностных характеристик медицинского персонала. Обозначены наиболее частые проблемы: признаки эмоционального истощения и профессиональное выгорание, симптомы тревоги и ухудшение общего психофизиологического состояния. Формулируется

вывод о том, что развитие личности медицинских работников требует двустороннего подхода: формирование эмоциональной устойчивости, навыков саморегуляции, эмпатии и коммуникативных навыков, с одной стороны, и применение организационных мер, включая балансировку нагрузки, поддержку руководства, супервизию, оптимизацию процессов и создание культуры обратной связи. Интеграция этих подходов позволит повысить устойчивость сотрудников к стрессогенным факторам, снизить уровень профессионального выгорания и повышать качество медицинской помощи.

Ключевые слова: медицинские работники, психологическое сопровождение, эмоциональное истощение, профессиональное выгорание, развитие личности медицинских работников.

THE PROBLEM OF PERSONAL DEVELOPMENT OF MEDICAL WORKERS AND THE TASKS OF THEIR PSYCHOLOGICAL SUPPORT

Abstract. This article presents a statistical analysis of data characterizing the personality traits of medical personnel. The most common problems identified include signs of emotional exhaustion and professional burnout, anxiety symptoms, and deterioration of overall psychophysiological well-being. The conclusion is that the personal development of healthcare workers requires a two-pronged approach: fostering emotional resilience, self-regulation, empathy, and communication skills, on the one hand, and implementing organizational measures, including workload balancing, management support, supervision, process optimization, and the creation of a feedback culture. The integration of these approaches will enhance employee resilience to stressors, reduce burnout, and improve the quality of medical care.

Keywords: healthcare workers, psychological support, emotional exhaustion, professional burnout, personal development of healthcare workers.

Современная система здравоохранения России и ряда других стран сталкивается с серьёзными кадровыми проблемами, включая уменьшение относительной численности медицинских работников и старение профессионального состава. По оценке Министерства здравоохранения Российской Федерации, дефицит врачей в начале 2025 года составляет около 23,3 тыс. человек, а доля врачей старше 60 лет приближается к 19 % [4].

Эти демографические сдвиги, в сочетании с высокой нагрузкой на специалистов, создают повышенные риски профессионального выгорания, ухудшения психофизиологического состояния сотрудников и снижения качества медицинской помощи в целом. В этой связи развитие личности медицинских работников – формирование мотивации, эмпатии, стрессоустойчивости, саморегуляции и способности к рефлексии – становится одним из ключевых способов повышения устойчивости системы здравоохранения и удержания кадров.

Эмпирические исследования демонстрируют, что признаки эмоционального истощения встречаются у значительной доли медицинских работников. Рандомизированное контролируемое исследование показало, что более 50 % врачей испытывают эмоциональное истощение, при этом у более 13 % фиксируются серьёзные симптомы тревоги [6].

Российские данные подтверждают наличие аналогичных тенденций: в исследовании Рыбиной О.В. порядка 28 % опрошенных врачей отмечают выраженное эмоциональное истощение и указывают на высокую степень влияния рабочих факторов на здоровье и качество жизни [7].

Таким образом можно отметить, что данная проблема является актуальной как для зарубежного медицинского сектора, так и для отечественного, при том что согласно данным ВОЗ можно заметить падения числа врачей на 10000 населения в России, в сравнении со многими странами Европейского региона, при том что до 2010 года данный показатель у нас в стране находился на довольно высоком положении, около 49. По данным ВОЗ на момент 2019 года показатель Российской Федерации был 41.8, тогда как в Беларуси – 45.4, Испании – 44.4, а в Германии – 43.7.

Теоретический анализ феномена профессионального выгорания и личностного развития медицинских работников опирается на отечественные школы психологии личности (Л.С.Выготский, А.Н.Леонтьев, С.Л.Рубинштейн) и исследования профессиональной идентичности (Е.А.Климов), а также на западные исследования синдрома выгорания (Maslach&Leiter). Практические подходы включают программы развития устойчивости (resiliencetraining), групповой коучинг, наставничество и супервизию. Систематические обзоры демонстрируют [1], что структурированные групповые тренинги с элементами когнитивно-поведенческой терапии и практик осознанности повышают психологическую устойчивость, улучшают эмоциональный фон сотрудников и сокращают симптомы выгорания в среднем на 20–25 %, что подтверждается многими клиническими исследованиями [2].

Наставничество особенно эффективно на ранних этапах профессионального становления [3], поскольку поддержка со стороны опытных коллег способствует формированию профессиональной идентичности, ускоряет процесс адаптации и снижает риск ухода из профессии в первые годы практики. Исследования коучинга у врачей показывают снижение эмоционального истощения, повышение удовлетворённости работой и укрепление мотивации, что делает коучинг перспективным инструментом кадровой политики в медицинских организациях. Программы наставничества и группового супервизионного сопровождения обычно строятся на небольших группах (6–8 человек), регулярных циклах встреч, обмене опытом и рефлексии. Такой формат не требует внешнего «навигатора» и обеспечивает эффективное коллективное взаимодействие, позволяя сотрудникам развивать навыки саморегуляции и адаптации.

Практическая реализация программ развития личности должна сопровождаться качественной диагностикой. Для выявления признаков выгорания и оценки личностных ресурсов рекомендуется использовать MaslachBurnoutInventory (MBI), методики оценки эмпатии и эмоционального интеллекта, а также шкалы самооценки и опросники мотивации. Комплексная психодиагностика позволяет выявить группы риска и

разработать индивидуальные или групповые интервенции, включая короткие циклы тренингов устойчивости, регулярные супервизии, коучинг в малых группах и программы наставничества. Особое внимание уделяется регулярной обратной связи, возможности обсуждать сложные эмоциональные ситуации и коллективному поиску решений, что повышает эффективность программ.

Внедрение таких мер требует поддержки на уровне образовательных программ и кадровой политики. Включение модулей по рефлексии, управлению стрессом, развитию коммуникативных навыков и эмоциональной компетентности в образовательные программы медицинских вузов и ординатур, а также системная подготовка наставников и супервизоров являются стратегическими шагами для повышения устойчивости отрасли. Экономическая оценка эффективности групповых форм работы демонстрирует их преимущества по соотношению «затраты – эффект», что особенно важно для государственных и муниципальных учреждений с ограниченными ресурсами. Следует учитывать, что индивидуальные тренинги полезны, но не могут полностью решить проблему выгорания. Мета-анализ 2024 года показал, что индивидуальные интервенции (коучинг, медитация, тренинги по *mindfulness*) снижали эмоциональное истощение (Cohen's *d* = -0,25; 95 % CI -0,40 до -0,11), тогда как организационные изменения без личностного сопровождения практически не давали эффекта [5]. Только сочетание личностных и организационных мер обеспечивает устойчивое улучшение, что подтверждают многочисленные исследования.

Организационные интервенции, включая снижение рабочего времени, перераспределение задач, участие сотрудников в оптимизации процессов и внедрение систем поддержки, показывают умеренный эффект ($d \approx -0,30$; 95 % CI -0,42 до -0,18), однако качество доказательств было невысоким [8]. Это подчёркивает необходимость комплексного подхода, при котором личностное развитие сотрудников медицинских организаций должно сочетаться с оптимизацией процессов, балансировкой нагрузок и формированием поддерживающей культуры.

Для российского контекста адаптация зарубежных моделей крайне важна. Необходимо учитывать дефицит кадров, высокую загрузку специалистов и особенности профессиональной культуры. Включение блоков по психологической устойчивости, самооценке, коммуникативным навыкам и управлению стрессом в образовательные программы вузов, а также системное применение наставничества и супервизии после выпуска, может стать базовой практикой. При этом внешние организационные условия – ресурсы, административная нагрузка, культура управления – могут выступать барьером, если личностное развитие будет единственным инструментом.

Перспективными являются лонгитюдные исследования динамики личностных качеств на этапах: студент → интернатура/ординатура → ранняя практика → зрелая карьера. Такие исследования должны сочетать количественные методы (опросы, психодиагностика) и качественные (интервью, фокус-группы) для получения целостной картины развития личности врача и выявления ключевых точек вмешательства. Также полезны пилотные программы с комбинированным подходом (личностный + организационный), с дизайном RCT или «пред/после» с контрольной группой, а также мониторинг устойчивости изменений во времени. Недавние исследования цифрового тренинга осознанности для врачей подтверждают эффективность такого подхода.

Данные зарубежных исследований показывают, что развитие устойчивости связано с риском выгорания, но даже среди врачей с высоким уровнем устойчивости около 29 % имели симптомы выгорания [9], что подчёркивает невозможность полагаться исключительно на личностные ресурсы. Таким образом, развитие личности медицинских работников требует двустороннего подхода: формирование эмоциональной устойчивости, навыков саморегуляции, эмпатии и коммуникативных навыков должно сочетаться с организационными мерами, включая балансировку нагрузки, поддержку руководства, супервизию, оптимизацию процессов и создание культуры обратной связи.

Интеграция этих подходов в российской системе здравоохранения позволит повысить устойчивость сотрудников, снизить уровень профессионального выгорания, удерживать кадры и повышать качество медицинской помощи. Только комплексное сочетание личностного развития и организационных изменений способно обеспечить устойчивый и долгосрочный эффект для медицинских организаций, что делает эту тему особенно актуальной для научных исследований и практических внедрений.

Список использованных источников:

1. BMC Medical Education. Mentoring, supervision, coaching, teaching and feedback in medical education: a systematic review. – BMC Medical Education, 2022. – Режим доступа: <https://bmcmmededuc.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12909-022-03589-z>
2. BMC Medical Education. Review: mentoring in medical education – contemporary models and outcomes (обзор). – BMC Medical Education, 2024. – Режим доступа: <https://bmcmmededuc.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12909-024-05707-5>
3. Frei, E. et al. Mentoring in medical education: a systematic review. – Medical Education / PMC. – Режим доступа: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC9270543/>
4. Interfax. В Минздраве РФ оценили дефицит врачей более чем в 23 тыс. человек (25.02.2025). – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/1010663>
5. PubMed. Psychological interventions to promote resilience in nurses: a systematic review and meta-analysis (2024). – Режим доступа: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/38200980/>
6. PubMed / ScienceDirect. Review: Physician stress and burnout (2019). – American Journal of Obstetrics & Gynecology. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0002934319307570>
7. Рыбина О.В. Автореферат диссертации: Исследование эмоционального истощения медицинских работников (2020). – Режим доступа: https://balint.ru/?page_id=187

8. Springer. Professional Coaching to Reduce Physician Burnout: A Randomized Clinical Trial (2025). – Journal of General Internal Medicine. – Режим доступа: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11606-025-09653-w>
9. PMC. Physician Burnout: Resilience Training Is Only Part of the Solution (2019). – Режим доступа: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC5951259/>

УДК 159.9

Губанова Д.М.

магистрант 1 курса, направление 37.04.01, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования, «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством **Шафажинской Н.Е.**

доктор культурологии, к.псих.н., профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

САМОСОСТРАДАНИЕ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОСТИ ПРИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СТРЕССЕ

Аннотация. Современное общество характеризуется высокой динамичностью, постоянными изменениями и возрастающими профессиональными требованиями. Уровень стресса как в рабочих, так и в учебных сферах растёт, особенно среди молодёжи, вступающей на путь профессионального самоопределения. В этих условиях особую значимость приобретает способность человека сохранять психологическую устойчивость, не разрушаясь под воздействием внешнего давления. Одним из ключевых внутренних ресурсов, поддерживающих эту устойчивость, выступает самосострадание – умение относиться к себе с добротой, пониманием и терпением в ситуациях неудач и трудностей. Настоящее исследование направлено на выявление особенностей проявления самосострадания у представителей разных поколений и рассмотрение его как потенциального фактора устойчивости при профессиональном стрессе.

Ключевые слова: самосострадание, профессиональный стресс, устойчивость, поколенческие различия.

SELF-COMFORT AS A FACTOR OF RESILIENCE IN PROFESSIONAL STRESS

Abstract. Modern society is characterized by high dynamism, constant changes, and increasing professional requirements. The level of stress in both the work and educational spheres is increasing, especially among young people who are embarking on the path of professional self-determination. In this context, the ability of individuals to maintain psychological resilience and not succumb to external pressures becomes particularly important. Self-compassion, the ability to treat oneself with kindness, understanding, and patience in the face of failure and difficulties, is a key internal resource that supports this resilience. The present study aims to identify the features of self-compassion in different generations and consider it as a potential factor of resilience in occupational stress.

Keywords: self-compassion, occupational stress, resilience, generational differences.

Введение

Психологические ресурсы, такие как самосострадание, играют важную роль в формировании психологической устойчивости и способности справляться с профессиональным и личным стрессом. В последние годы все больше внимания уделяется изучению влияния возрастных особенностей на развитие этих ресурсов. В рамках исследования было проведено сравнение уровня самосострадания у представителей двух возрастных групп: молодого поколения (от 18 до 23 лет) и старшего поколения (50+) – с целью выявить возможные различия и понять их причины. В ходе работы было опрошено 20 человек: 10 молодых людей и 10 представителей старшего поколения. В данной статье описываются: метод исследования, результаты и причины выявленных различий, а также их возможное значение для практики психологической помощи и профилактики.

Цель исследования: определить роль самосострадания как фактора устойчивости при профессиональном стрессе и выявить различия уровня самосострадания у представителей разных поколений.

Объект исследования: психологическая устойчивость личности при профессиональном стрессе.

Предмет исследования: самосострадание как внутренний ресурс, способствующий повышению устойчивости личности при профессиональном стрессе.

Гипотеза: предполагается, что более высокий уровень самосострадания способствует большей устойчивости при профессиональном стрессе. Кроме того, представители старшего поколения обладают более выраженным самосостраданием, чем молодёжь, что связано с их жизненным опытом и сформированными механизмами эмоциональной регуляции.

Объем и участники: общее число участников исследования – 20 человек, разделенных на две выборочные группы по 10 человек.

Группа 1: молодое поколение – возраст от 18 до 23 лет, студенты, магистранты, молодые специалисты.

Группа 2: старшее поколение – возраст 50+, работающие люди.

Методы и инструменты

Для оценки уровня самосострадания использовался опросник Кристин Нефф и Йеннифер Уилсон-Кулс «Self-Compassion Scale» (SCS).

Понятие профессионального стресса

Перед тем как углубиться в обсуждение самосострадания, важно определить, что понимается под профессиональным стрессом. Стресс в профессиональной сфере – это реакция организма и психики на внешние или внутренние стрессоры, связанные с рабочими требованиями, взаимодействием с коллегами,

нагрузками, сроками и ответственностью. Он проявляется в физических симптомах (утомляемость, головные боли, нарушение сна), эмоциональных проявлениях (раздражительность, тревожность, апатия), а также влияет на когнитивные функции (снижение внимания, ухудшение памяти). Длительный или хронический профессиональный стресс приводит к серьезным последствиям, таким как выгорание, снижение работоспособности и ухудшение качества жизни. Поэтому поиски эффективных способов борьбы и профилактики стрессовых состояний приобретают особую актуальность.

Понятие самосострадания (self-compassion) ввел Кристин Нефф. Оно определяется как умение с добротой относиться к себе в моменты страдания, неудачи или несоответствия собственным ожиданиям [8]. Оно включает три компонента:

1. Доброжелательное отношение к себе

Это умение проявлять терпение, уважение и поддержку к себе, особенно в моменты неудач, ошибок или личных недостатков. Вместо самокритики и осуждения человек учится принимать свои эмоции без осуждения.

2. Осознание общности

Понимание того, что страдания и ошибки являются частью человеческого опыта. Человек осознает, что несчастья и трудности испытывают все люди, и он не один в своих переживаниях.

3. Внимательность.

Способность оставаться внимательным к своим чувствам и телесным ощущениям, не избегая и не подавляя их. Внимательность помогает лучше понимать свои реакции и не усложнять ситуацию из-за негативных мыслей.

Психологическая устойчивость при профессиональном стрессе подразумевает способность сохранять внутреннее равновесие, мотивацию и эффективность в условиях психологического напряжения. Исследования показывают, что люди с высоким уровнем самосострадания демонстрируют меньшую склонность к эмоциональному выгоранию, тревожности и самообвинению, а также легче восстанавливаются после неудач [3].

Результаты исследования

1. Общие показатели самосострадания

По результатам опросника было выявлено существенное различие по уровню общего самосострадания между двумя группами:

У участников старшего поколения средние показатели были значительно выше, особенно по компоненту доброжелательного отношения к себе и осознанию общей человеческой природы. У молодого поколения наблюдались низкие показатели по компонентам доброжелательности к себе, а уровень самокритики был выше.

2. Детальный анализ компонентов

Доброжелательное отношение к себе

У старшего поколения этого компонента было в среднем 4.0 из 5 возможных, что говорит о высокой способности проявлять поддержку и доброжелательность к себе. У молодых же этот показатель составлял около 3.0, что свидетельствует о наличии внутренних конфликтов и низкого уровня самопринятия.

Осознание общей человеческой природы

Этот показатель у старших участников достигал 4.7, что говорит о восприятии трудностей и ошибок как части общего человеческого опыта. У молодых – 2,4, что указывает на тенденцию к чувству изоляции и недооценке общей природы человеческих ошибок.

Внимательность

Интересно, что у группы молодого поколения уровень внимательности сильно колебался от высокого к низкому у каждого индивидуально. У некоторых молодых участников отмечалась тенденция к избеганию собственных негативных эмоций и сложных чувств. У старшего поколения данный параметр имел в среднем высокое значение.

Самоизоляция

Результаты показали, что у молодого поколения уровень самоизоляции значительно выше, чем у старших участников. Это указывает на склонность молодых к избеганию собственных эмоций и переживаний в стрессовых ситуациях, а также к ограничению внутреннего диалога. В то время как старшее поколение не склонно замыкаться в себе, а предпочитает решать возникающие трудности.

Чрезмерная идентификация

У младшего поколения уровень чрезмерной идентификации выше, чем у старших участников. Это означает, что молодые люди более склонны к глубокому погружению в собственные переживания и эмоциональные реакции в трудных ситуациях. Такой подход может способствовать усилению переживаний, повышая риск эмоциональной нестабильности и затрудняя конструктивное преодоление трудностей. Старшее поколение, в целом, более устойчиво по данному параметру, но с некоторыми индивидуальными колебаниями у конкретных лиц.

Самокритика и доброжелательность к себе

Наиболее заметное различие наблюдалось именно по этим параметрам. Молодое поколение демонстрировало высокие показатели самокритики и низкие – доброжелательности. Старшее же поколение было более склонным к мягкому восприятию своих ошибок и проявлению поддержки.

Почему так происходит: анализ причин

Результаты исследования вызывают закономерный вопрос: почему же у молодых людей уровень самосострадания ниже, чем у представителей старшего поколения? Попробуем рассмотреть основные причины, опираясь на существующие теории и исследования [5].

1. Влияние возрастных стадий развития

Общеизвестно, что в юности и ранней молодости характерна высокая ориентация на достижение целей, сравнение себя с другими и развитая критичность. В этом возрасте человек часто проявляет чрезмерную самокритику, особенно в условиях соцсетей и высокого давления со стороны сверстников. На противоположной стороне – у старшего поколения людей формируется более стабильное восприятие себя, они в большей степени склонны к принятию своих ошибок и доброжелательному отношению к себе, что связано с опытом жизненных трудностей и преодоления различных кризисов [4].

2. Социальные и культурные факторы

Молодое поколение чаще сталкивается с социальными сетями, где лицемерие, сравнение и критика являются нормой. Это способствует развитию негативного самовосприятия и снижает уровень доброжелательности к себе. В свою очередь, для старших поколений характерна культурная установка на мудрость и принятие ошибок, что способствует развитию отношений к себе с большей заботой и добротой.

3. Психологический и эмоциональный опыт

Молодость ассоциируется с поиском своего «я», а также с высоким уровнем тревожности, связанным с будущим и ответственностью. Эти факторы могут усиливать самокритику и снизить внутреннюю доброжелательность. У старших накоплен жизненный опыт, который позволяет более спокойно и терпеливо относиться к себе, воспринимать ошибки как часть жизненного пути [10].

4. Влияние социальных ролей и ожиданий

Общество предъявляет к молодым людям высокие требования еще не сформированной личности, что усиливает внутреннее давление и критичность. У старших такие ожидания менее ярко выражены, а роль наставника или примера способствует развитию более доброжелательного отношения к себе [9].

Влияние уровня самосострадания на профессиональную устойчивость

Исследование подтверждает, что у молодых участников уровень самосострадания ниже, что может создавать препятствия для эффективного преодоления профессиональных трудностей, стрессов и конфликтов [6]. Недостаток доброжелательности к себе и чрезмерная самокритика мешают восприятию ошибок как опыта роста, вызывают эмоциональное истощение и повышение рисков выгорания. У старшего поколения, благодаря более высокой самооценке и доброжелательному отношению, наблюдается лучшая адаптация к стрессам, повышенная способность к эмоциональной регуляции и устойчивость.

Практические рекомендации

Развитие самосострадания предполагает систематическую работу и использование специальных техник:

1. Медитации. Медитации на осознанность и доброжелательное отношение к себе помогают укрепить внутренний ресурс и снизить уровень стрессовых реакций [1].
2. Ведение дневника самосострадания. Записывание своих чувств, переживаний и позитивных фраз поддержки помогает осознать свои эмоциональные реакции и развивать доброжелательное отношение к себе.
3. Аффирмации и позитивная самонастройка. Применение аффирмаций, направленных на принятие своих чувств и ошибок, способствует укреплению уверенности и устойчивости [2].
4. Внимательное отношение к собственным телесным ощущениям

Практики внимательности к себе помогают освоить способность оставаться в контакте со своими телесными ощущениями, что способствует регуляции эмоций и снижению стрессовых реакций [7].

Заключение

Данное исследование выявило существенные различия в уровне самосострадания между молодым и старшим поколением, что обусловлено сочетанием возрастных, социально-культурных и психологических факторов. Отличия в компонентах доброжелательного отношения к себе и самокритике дают понимание о направлениях работы по формированию у молодых более мягкого и поддерживающего отношения к себе. Важно учитывать эти особенности при разработке программ психологической поддержки и профилактики профессионального выгорания, ведь развитие самосострадания – ключ к более устойчивому и гармоничному переживанию жизненных и профессиональных вызовов.

Список использованных источников:

1. Абросимов И.Н. Осознанность (майндфулнесс) и самосострадание в психологическом сопровождении пациентов с хроническими заболеваниями / И.Н. Абросимов // Клиническая психология лечебного процесса. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательская группа "ГЭОТАР Медиа", 2023. – С. 297-306.
2. Анциферов Е.Е. Личностные факторы, влияющие на эффективность совладания со стрессом. Вестник науки. 2023. Т. 3. № 9 (66). – С. 202-217.
3. Баранчукова А.С., Кузнецова Е.А. Проявления самосострадания у молодых людей с разным типом отношения к неудаче. Петербургский психологический журнал. 2023. № 43. – С. 44-60.
4. Володарская Е.А., Гузенко А.Ю. Взаимосвязь жизнестойкости, сострадания к себе и другим и профессионального самоотношения у специалистов социэкономических профессий/ Личность: ресурсы и потенциал. 2024. № 1 (21). – С. 28-45.
5. Невструева Т.Х. Самосострадание в контексте современных эмпирических исследований и психологических практик. Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т. 11. № 4.
6. Невструева Т.Х., Суслина А.А. Взаимосвязь самосострадания и особенностей эмоциональной сферы личности. Baikal Research Journal. 2022. Т. 13. № 2.

7. Нефф К., К. Гермер. Самосострадание. Шаг за шагом / К. Нефф, К. Гермер – «Питер», 2019. – 620 с. (Когнитивно-поведенческая психотерапия)
8. Нефф К. Самосострадание. О силе сочувствия и доброты к себе / К. Нефф – «Манн, Иванов и Фербер», 2021 – 269 с.
9. Храмцова И.И., Т.С. Чуйкова Осознанное внимание и сочувствие к себе как предикторы стилей юмора в США и России / И.И. Храмцова, Т.С. Чуйкова // Социальная психология и общество: международное научное издание. – 2016. – № 2. – С. 93-108.
10. Янченко А.А., Нартова-Бочавер С.К. Сострадание к себе как адаптивное свойство личности // Психологические исследования. 2020. Т. 13, № 71, С. 7-23.

УДК 159.99

Денисенко Е.Г.

*кандидат психологических наук, доцент кафедры «Педагогика и психология профессионального образования»,
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского
(Первый казачий университет), Россия, Москва*

Ребро О.В.

*старший преподаватель кафедры «Педагогика и психология профессионального образования», ФГБОУ ВО
«Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый
казачий университет), Россия, Москва*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается трансформация психологического портрета преподавателя высшей школы под влиянием процессов цифровизации. Были определены основные вызовы, которые стоят в цифровом обществе перед современным педагогом: необходимость овладения цифровыми инструментами, изменение ролевой модели, работа в условиях информационной перегрузки и повышенных требований к гибкости. На основе анализа были выделены структурные составляющие психологического портрета современного преподавателя вуза, включающие когнитивный, личностный, мотивационно-ценностный и поведенческий компоненты. На основе проведенного анализа сделан вывод о том, что успешный преподаватель эпохи цифровизации – это синтез традиционных педагогических качеств и компетенций цифровой эпохи.

Ключевые слова: цифровизация, высшее образование, психологический портрет преподавателя, цифровая педагогика, профессиональные компетенции, цифровая трансформация, гибкие навыки.

PSYCHOLOGICAL PORTRAIT OF A HIGHER SCHOOL TEACHER IN THE ERA OF DIGITALIZATION

Abstract. The article examines the transformation of the psychological portrait of a higher school teacher under the influence of digitalization processes. The main challenges that modern educators face in a digital society have been identified: the need to master digital tools, changing the role model, working in an environment of information overload and increased flexibility requirements. Based on the analysis, the structural components of the psychological portrait of a modern university teacher were identified, including cognitive, personal, motivational, value, and behavioral components. Based on the analysis, it is concluded that a successful teacher of the digital age is a synthesis of traditional pedagogical qualities and competencies of the digital age.

Keywords: digitalization, higher education, psychological portrait of a teacher, digital pedagogy, professional competencies, digital transformation, flexible skills.

Цифровая трансформация общественной жизни является одним из основных национальных проектов в Российской Федерации на современном этапе и представляет собой процесс интеграции цифровых технологий во все аспекты деятельности организаций, экономики и общества в целом. Высшая школа, как социальный институт, ответственный за подготовку кадров будущего, не может оставаться в стороне от этих процессов. Цифровизация образования – это не просто внедрение компьютеров и проекторов в аудитории, а фундаментальное изменение образовательной парадигмы, среды, методов и, что наиболее важно, ролей ее ключевых участников. Тема исследования находится на стыке педагогической психологии, акмеологии, цифровой дидактики и теории управления образованием. Исследования в данной парадигме ведутся активно, однако целостного, универсального портрета пока не сформировано из-за динамичности самого объекта исследования – цифровой среды.

В центре этих изменений находятся преподаватели. Традиционная модель осуществления преподавательской деятельности, в которой преподаватель выступал в роли основного источника и транслятора знаний, уступает место новой, где он становится фасилитатором, навигатором в мире информации, тьютором и ментором. Это требует от современного педагога не только обновления предметных знаний, но и глубинной психологической перестройки его личности. Формируется новый, адекватный вызовам времени психологический портрет преподавателя высшей школы, который и является предметом данного исследования.

Цель исследования – выделить и охарактеризовать структурные компоненты психологического портрета современного преподавателя вуза в контексте цифровизации образования.

Методологическую основу исследования составили системный и компетентностный подходы, анализ научной литературы по педагогической психологии, цифровой педагогике и теории образования.

Современный педагог сталкивается со следующими вызовами, которые выдвигает ему действительность, определяющими новые требования к психологическим характеристикам его личности:

– Информационная избыточность и доступность знаний. Студенты имеют неограниченный доступ к информации с помощью интернета. Роль преподавателя смещается от «говорящего учебника» к эксперту, который учит критически оценивать, синтезировать, обобщать, систематизировать, фильтровать и применять информацию.

– Необходимость владения цифровыми инструментами. Речь идет не только о базовых офисных программах, но и о специализированном программном обеспечении, системах дистанционного обучения, инструментах для создания интерактивного контента, видеохостингах, облачных сервисах и т.д.

– Изменение ролевой модели. Преподаватель становится: фасилитатором, который организует процесс познания, а не диктует его; тьютором, который сопровождает индивидуальную образовательную траекторию студента; ментором, оказывающим профессиональную и личностную поддержку; куратором контента, который отбирает и структурирует наиболее релевантные цифровые ресурсы.

– Работа в гибридном и дистанционном формате. Что требует развития новых навыков коммуникации, удержания внимания аудитории через экран, организации эффективной групповой работы онлайн.

– Цифровое давление. Постоянная необходимость осваивать новое, быть на связи, создавать цифровой контент приводит к росту психологической нагрузки и риску профессионального выгорания [1, 5, 2].

Перечисленные вызовы, являются основным контекстом, в котором формируется психологический портрет современного преподавателя вуза.

Психологический портрет современного педагога состоит из следующих структурных компонентов:

1. Когнитивный компонент (характеризует особенности мышления и интеллектуальной сферы), куда входят:

– Гибкость мышления и открытость новому (Способность быстро адаптироваться к обновляющимся технологиям, пересматривать устоявшиеся методики, принимать и внедрять инновации. Серьезными препятствиями этому могут стать консерватизм и ригидность);

– Системное и цифровое мышление (Умение видеть взаимосвязи между традиционными дисциплинами и цифровыми технологиями, интегрировать их в единый образовательный продукт. Понимание логики работы цифровых сред и сервисов);

– Критическое мышление и медиаграмотность (Способность критически оценивать достоверность онлайн-источников, отличать факты от мнений, учить этому студентов. Это основа для противодействия дезинформации);

– Стремление к непрерывному самообразованию (Осознание того, что профессиональное развитие никогда не прекращается, особенно в эпоху цифровых трансформаций. Активная позиция в поиске новых знаний, курсов, вебинаров для собственного роста).

2. Личностный компонент (включает устойчивые личностные характеристики, определяющие стиль поведения и взаимодействия):

– Цифровая стрессоустойчивость и эмоциональная стабильность (Способность сохранять работоспособность и позитивный настрой в условиях технических сбоев, не всегда дружелюбной онлайн-коммуникации, высокой многозадачности и размывания границ между работой и личной жизнью);

– Высокий уровень эмоционального интеллекта (Эмпатия, умение «считывать» эмоциональное состояние студентов по невербальным сигналам (в том числе в видео-формате), управлять своими эмоциями и создавать благоприятный психологический климат как в офлайн, так и в онлайн-аудитории);

– Ответственность и самодисциплина (Гибкий график и удаленная работа требуют высокой степени внутренней организации, умения самостоятельно планировать время, ставить сроки выполнения задач и соблюдать их);

– Толерантность к неопределенности (Принятие того, что цифровая среда динамична и непредсказуема. Технологии меняются, стандарты обновляются, и способность действовать в условиях неполной ясности становится критически важной).

3. Мотивационно-ценностный компонент (отражает внутренние личностные и профессиональные установки):

– Внутренняя мотивация к педагогической деятельности (В условиях возрастающей нагрузки и сложности задач именно глубокая внутренняя заинтересованность в успехах студентов, любовь к преподаванию и своей дисциплине являются ключевым ресурсом против профессионального выгорания);

– Ценность сотрудничества и сетевого взаимодействия (Готовность к коллаборации с коллегами, в том числе в международных цифровых проектах, обмену опытом, совместному созданию образовательных продуктов. Преодоление «цеховой» замкнутости);

– Ориентация на развитие студентов, а не на контроль (Смещение фокуса с формальной оценки на реальное развитие компетенций у студентов, на их личностный и профессиональный рост);

– Принятие новой этики цифрового взаимодействия (Понимание важности цифрового этикета (нетикета), уважения к приватности, авторскому праву, корректного и уважительного общения в цифровых каналах).

4. Поведенческий компонент (компетенции, конкретные умения и навыки, проявляющиеся в деятельности):

– Техническая компетентность (Уверенное владение базовым и специализированным ПО, LMS, Moodle и др., средствами видеоконференцсвязи, инструментами для создания интерактивных заданий, мобильных приложений и т.д.);

– Компетенции в области цифровой педагогики (Способность не просто использовать технологии, но и выстраивать вокруг них эффективный образовательный процесс. Это включает: умение проектировать курсы для дистанционного и смешанного форматов обучения);

– Навыки создания и курирования цифрового образовательного контента (Владение методами вовлечения студентов в онлайн-среде, например, геймификация, интерактивные опросы, дискуссионные форумы);

– Коммуникативные компетенции в цифровой среде (Навыки письменной и устной коммуникации, адаптированные под цифровые платформы; умение ясно и структурировано излагать мысли в чатах, форумах и по электронной почте; способность модерировать онлайн-дискуссию);

– Организационные компетенции (Эффективное планирование времени, организация как синхронной, так и асинхронной работы студентов, управление цифровыми проектами) [1, 5].

На ряду с современными требованиями, которые выдвигает эпоха цифровизации, так же важными компонентами психологического портрета преподавателя являются фундаментальные качества, традиционно необходимые педагогу, такие как: глубокие предметные знания, любовь к своей профессии, педагогический такт и желание развивать студентов. Однако при этом наряду с классическими традиционными качествами возникают новые психологические характеристики и компетенции.

Психологический портрет современного преподавателя высшей школы представляет собой интеграцию традиционного, фундаментального и современного. Это гибкий, открытый к инновационным подходам, технологиям и непрерывному обучению профессионал, обладающий цифровой грамотностью и высоким эмоциональным интеллектом. Он комфортно чувствует себя в цифровой среде, используя ее как мощный инструмент для решения педагогических задач, но при этом сохраняет человечность и фокус на развитии личности студента. Подготовка и психологическое сопровождение таких педагогов становится одной из приоритетных задач системы высшего образования. Необходимы программы повышения квалификации, направленные не только на техническую подготовку, но и на развитие гибких навыков, формирование стрессоустойчивости и поддержание психологического здоровья преподавательского состава. Будущее высшей школы зависит от того, насколько успешно она сможет помочь своему главному активу – преподавателям – пройти эту сложную, но необходимую трансформацию.

Список использованных источников:

1. Абакумова Н.Н., Казаченок Л.Д. Цифровая компетентность преподавателя вуза: структура и модель развития // Высшее образование в России. – 2020. – Т. 29. – № 12. – С. 57-67.

2. Гаркуша Н.С. Психологические особенности профессиональной деятельности преподавателя в условиях цифровой трансформации образования // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – 2021. – № 4. – С. 15-20.

3. Марголис А.А. Требования к модернизации основных профессиональных образовательных программ (ОПОП) подготовки педагогических кадров в соответствии с профессиональным стандартом педагога // Психологическая наука и образование. – 2014. – Т. 19. – № 3. – С. 105–126.

4. Патаракин Е.Д. Цифровая грамотность и цифровая компетентность // Народное образование. – 2019. – № 6. – С. 147-154.

5. Фрумин И.Д., Добрякова М.С. Что такое вызовы 2030 и как на них отвечает высшая школа? // Вопросы образования. – 2017. – № 4. – С. 62-87.

6. Bates, A. W. (Tony). Teaching in a Digital Age: Guidelines for Designing Teaching and Learning. Vancouver, B.C.: Tony Bates Associates Ltd., 2019.

7. Siemens, G. Connectivism: A Learning Theory for the Digital Age // International Journal of Instructional Technology and Distance Learning. – 2005. – Vol. 2. – No. 1. – P. 3-10.

УДК 159.9

Донских Д.А.

магистрант 1 курса, направление 37.04.01, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования, «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством Калита В.В

к.псих.н., доцент кафедры, педагогики и психологии профессионального образования, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СУЩЕСТВУЮЩИХ ТИПОЛОГИЙ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ К ЗАНЯТИЮ СПОРТОМ В ВУЗЕ

Аннотация. В данной статье проводится краткий сравнительный анализ существующих типологий мотивации студентов к занятию спортом в высшем учебном заведении. Рассматриваются и сопоставляются ключевые подходы к классификации мотивов, выделяются их сходства и различия. На основе проведенного анализа сформулированы практические рекомендации по применению типологий для повышения эффективности физкультурно-спортивной работы в ВУЗе.

Ключевые слова: мотивация, мотивационная сфера личности, типология мотивации, физкультурно-спортивная деятельность, учебная мотивация, здоровый образ жизни.

COMPARATIVE ANALYSIS OF EXISTING TYPOLOGIES OF STUDENTS' MOTIVATION TO PLAY SPORTS AT UNIVERSITY

Abstract. This article provides a comparative analysis of the existing typologies of students' motivation to play sports in higher education institutions. The key approaches to the classification of motives are considered and compared, their similarities and differences are highlighted. Based on the analysis, practical recommendations on the use of typologies to improve the effectiveness of physical education and sports work at the university are formulated.

Keywords: motivation, motivational sphere of personality, typology of motivation, physical education and sports activities, educational motivation, healthy lifestyle.

Физическая культура и спорт являются неотъемлемой частью образовательной среды высшего учебного заведения, выполняющей не только оздоровительную, но и воспитательную, социальную и психологическую функции. Однако эффективность физкультурно-спортивной деятельности в ВУЗе напрямую зависит от того, насколько она соответствует внутренним побуждениям и потребностям студентов. В этой связи ключевое значение приобретает понимание структуры и содержания мотивации студенческой молодежи к занятиям спортом.

Актуальность темы обусловлена наблюдающимся противоречием между объективной необходимостью повышения уровня физической активности студентов для сохранения здоровья и недостаточной изученностью субъективных причин, побуждающих или препятствующих их занятиям спортом [2]. В условиях цифровизации и роста академических нагрузок у студентов формируется гиподинамичный образ жизни, что негативно сказывается на их физическом и ментальном благополучии. Понимание доминирующих типов мотивации позволяет разрабатывать адресные программы и педагогические технологии, повышающие вовлеченность в физкультурно-спортивную деятельность.

Согласно исследованиям, только около 40-45% студентов российских вузов систематически занимаются физической культурой и спортом, в то время как остальные либо занимаются эпизодически, либо не занимаются вовсе [5]. При этом среди мотивов регулярно занимающихся доминируют «укрепление здоровья» (до 80%) и «получение зачета» (до 65%), что указывает на сложное переплетение внутренних и внешних стимулов [1].

Цель нашей работы: провести сравнительный анализ существующих психолого-педагогических типологий мотивации студентов к занятию спортом в ВУЗе.

Задачи:

1. Систематизировать основные отечественные и зарубежные подходы к типологизации мотивации в спортивной деятельности студентов.
2. Выделить критерии для сравнительного анализа типологий (основания для классификации, полнота охвата мотивов, практическая применимость и т.д.).
3. Провести сравнительный анализ, выявив сильные и слабые стороны каждой типологии.
4. Сформулировать выводы о возможностях интеграции рассмотренных подходов для повышения эффективности физкультурно-спортивной работы в ВУЗе.

В современной научной литературе можно выделить несколько ключевых подходов к типологизации мотивации студентов к спорту.

1. Типология на основе дихотомии «внутренняя – внешняя мотивация» (в русле теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана).

Данный подход является одним из наиболее популярных. Внутренняя мотивация связана с получением удовольствия от самого процесса деятельности (ощущение физического тонуса, «мышечная радость», азарт соревнования). Внешняя мотивация направлена на достижение результата, не связанного с самой деятельностью (получение зачета, стипендии, одобрение преподавателя) [3].

Плюсы:

- Имеет прочную теоретическую базу и широко апробирована в эмпирических исследованиях.
- Позволяет дифференцировать качественно разные типы регуляции деятельности, что важно для прогнозирования ее устойчивости.
- Высокая практическая ценность: развитие внутренней мотивации признается ключевой задачей, так как она обеспечивает длительную вовлеченность.

Минусы:

- Может быть излишне общей, не учитывающей всего спектра конкретных мотивов (например, социальных).
- Не всегда четко отражает смешанные типы мотивации, которые часто встречаются у студентов.

2. Типология по доминирующей направленности мотивов (отечественный подход)

Данный подход, распространенный в отечественной психолого-педагогической литературе, предполагает выделение групп мотивов по их содержанию [4]:

- Духовно-психологические: саморазвитие, самовыражение, эмоциональная разрядка.
- Психофизиологические: «мышечная радость», улучшение самочувствия, снятие стресса.
- Социально-психологические: общение, принадлежность к группе, повышение статуса.
- Учебно-профессиональные: получение зачета, выполнение нормативов.
- Физиологические: укрепление здоровья, улучшение телосложения.

Плюсы:

- Высокая детализация и наглядность, охват широкого спектра побуждений.

- Удобство для проведения прикладных социологических опросов и анкетирования.
- Позволяет точно диагностировать, что именно привлекает или отталкивает студента.

Минусы:

- Часто представляет собой простой перечень без учета иерархии и взаимосвязи мотивов.

– Не имеет столь же унифицированного инструментария для измерения, как шкалы теории самодетерминации.

3. Типология, основанная на отношении к учебной дисциплине «Физическая культура»

Этот прагматичный подход делит студентов на типы в зависимости от их отношения к обязательным занятиям [1]:

– Активно-позитивный: студент заинтересован в занятиях, посещает их с удовольствием, мотивирован и внутренними, и внешними факторами.

– Пассивно-позитивный: студент посещает занятия без особого энтузиазма, но добросовестно, главным образом для получения зачета.

– Индифферентный: студент равнодушен, посещает занятия формально, мотивация слабая.

– Негативный: студент избегает занятий, имеет низкую физическую подготовку или негативный прошлый опыт.

Плюсы:

– Чрезвычайно практично ориентирована, напрямую подсказывает педагогу тактику работы с каждой группой.

– Легко диагностируется через наблюдение и беседу.

Минусы:

– Описательный и поверхностный характер, не раскрывает глубинных психологических причин.

– Не является собственно психологической типологией, скорее педагогической.

Таблица 1 – Сравнительная таблица основных типологий мотивации студентов к занятию спортом в вузе

Критерий/Типология	На основе «внутренняя/внешняя»	По направленности мотивов	По отношению к дисциплине
Основа классификации	Тип регуляции деятельности	Содержание потребностей	Поведенческие паттерны и установки
Глубина анализа	Глубинный, психологический	Содержательный, описательный	Поверхностный, поведенческий
Практическая ценность	Высокая (для долгосрочного планирования)	Высокая (для точечного воздействия)	Высокая (для оперативной работы)
Главный недостаток	Излишняя обобщенность	Отсутствие иерархии мотивов	Не раскрывает причин поведения

Проведенный анализ показал, что не существует единственной универсальной типологии мотивации студентов к занятию спортом. Каждая из рассмотренных подходов имеет свои сильные стороны и ограничения, а также решает различные научные и практические задачи [2, 4].

По нашему мнению, наиболее продуктивным представляется интегративный подход.

Для фундаментального исследования структуры мотивации оптимально использование концепции внутренней и внешней мотивации [3].

Для прикладных задач, таких как разработка мотивационных программ, индивидуальных траекторий или маркетинга спортивных услуг вуза, более эффективно применение детализированной типологии по направленности мотивов.

Типология по отношению к дисциплине полезна преподавателю для быстрой диагностики и коррекции учебного процесса [1].

Таким образом, комплексное использование этих типологий позволяет получить целостное представление о мотивационной сфере студента и разработать эффективную систему управления физкультурно-спортивной деятельностью в ВУЗе.

Список использованных источников:

1. Горбунова, Г.П. Мотивация студентов к занятиям физической культурой и спортом в ВУЗе / Горбунова Г.П., Виноградов Е.В. // Теория и практика физической культуры. – 2020. – № 5. – С. 56-58.
2. Ильина, Н.Л. Структура и динамика мотивации студентов к физкультурно-спортивной деятельности / Ильина Н.Л., Шилько В.Г. // Психология образования в поликультурном пространстве. – 2021. – Т. 55, № 3. – С. 85-95.
3. Ryan, R. M. Intrinsic and extrinsic motivation from a self-determination theory perspective: Definitions, theory, practices, and future directions / R. M. Ryan, E. L. Deci // Contemporary Educational Psychology. – 2020. – Vol. 61. – P. 101860.
4. Сохошко, И.А. Сравнительный анализ мотивов занятия физической культурой и спортом у студентов с разным уровнем двигательной активности / Сохошко И.А., Логинова С.В. // Современные проблемы науки и образования. – 2022. – № 1. – С. 73.
5. Щербакова, Н.В. Ценностно-мотивационные аспекты отношения студенческой молодежи к здоровому образу жизни и физической культуре / Щербакова Н.В., Федоров А.И. // Гуманитарные науки. – 2023. – № 1 (53). – С. 112-118.

ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТОВ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию специфики конфликтов в студенческой среде в условиях цифровизации общественных отношений. В работе раскрывается сущность понятия «конфликт» и приводятся основные подходы к его изучению, включая теории зарубежных (Г. Зиммель, Л. Козер) и российских (А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов, Н.В. Гришина) исследователей. Особое внимание уделяется социально-психологическим характеристикам студенческого возраста, которые предопределяют возникновение специфических видов конфликтов. Отдельно рассматривается влияние процессов цифровизации на трансформацию природы и интенсивности конфликтов среди студентов. На основе анализа научной литературы были представлены основные теоретические подходы к пониманию конфликта, их виды, а также выделены наиболее распространенные типы конфликтов среди студентов.

Ключевые слова: студенческая среда, конфликт, конфликтность, межличностные конфликты, внутриличностные конфликты, социально-психологический климат, студенческий возраст, конфликтология, высшее учебное заведение, адаптация, киберконфликт, социальные сети, цифровизация.

FEATURES OF CONFLICTS IN THE STUDENT ENVIRONMENT IN THE DIGITAL SOCIETY

Abstract. The article is devoted to the study of the specifics of conflicts in the student environment in the context of digitalization of public relations. The paper reveals the essence of the concept of "conflict" and provides the main approaches to its study, including the theories of foreign (G. Simmel, L. Kozier) and Russian (A.Ya. Antsupov, A.I. Shipilov, N.V. Grishina) researchers. Special attention is paid to the socio-psychological characteristics of student age, which determine the occurrence of specific types of conflicts. The influence of digitalization processes on the transformation of the nature and intensity of conflicts among students is considered separately. Based on the analysis of scientific literature, the main theoretical approaches to understanding conflict, their types, and the most common types of conflicts among students were presented.

Keywords: student environment, conflict, conflict, interpersonal conflicts, intrapersonal conflicts, socio-psychological climate, student age, conflictology, higher education institution, adaptation, cyber conflict, social networks, digitalization.

Студенческие годы представляют собой уникальный и чрезвычайно важный этап в жизни человека, характеризующийся не только интенсивным процессом профессионального становления, но и глубокой личностной трансформации. В этот период происходит активный поиск идентичности, формирование мировоззрения и системы ценностей. Однако данная пора редко обходится без трений и столкновений. Конфликты в студенческой среде – явление закономерное, неизбежное и обладающее своей спецификой, что обуславливает необходимость его тщательного изучения. В условиях современной, быстро меняющейся социально-экономической реальности проблема конфликтности в студенческих коллективах приобретает особую остроту и актуальность.

Актуальность исследования конфликтов в студенческой среде продиктована комплексом факторов, характеризующих современное общество. Общественно-социальная ситуация отличается высокой степенью неопределенности, динамичностью, а зачастую и противоречивостью транслируемых ценностных ориентиров. Студенчество, будучи одной из наиболее восприимчивых и социально активных групп населения, чутко реагирует на все происходящие изменения, что не может не отражаться на внутреннем климате учебных обществ.

Особую значимость в современном контексте приобретает феномен цифровизации. Кажется, что широкое внедрение цифровых технологий и переход значительной части коммуникации в онлайн-пространство должны способствовать снижению уровня конфликтности. Однако на практике наблюдается обратная тенденция: конфликтность не только не снижается, но и приобретает новые, более изощренные формы. Цифровая среда, устраняя барьеры личного общения, одновременно создает почву для недопонимания, анонимной агрессии, кибербуллинга и публичных скандалов в социальных сетях и мессенджерах [6]. Конфликты, зародившиеся в виртуальном пространстве, мгновенно переносятся в реальную жизнь учебных групп и обществ. Таким образом, цифровизация становится мощным катализатором и модификатором конфликтного взаимодействия среди студентов.

Кроме того, экономический фактор играет значительную роль в росте уровня напряженности. Постоянное финансовое давление, связанное с оплатой обучения и проживания, страх не найти достойную работу после окончания вуза в условиях высокой конкуренции на рынке труда, давление необходимости оправдать ожидания семьи – все это создает устойчивый фон стресса для современного студента. И именно этот хронический стресс является благодатной почвой для возникновения как межличностных, так и внутриличностных конфликтов. Таким образом, повышенный уровень конфликтности среди студентов можно рассматривать не как следствие

исключительно возрастных особенностей, но и как закономерную реакцию на внешнее социально-экономическое давление и порождаемую им внутреннюю тревогу.

Для глубокого понимания специфики студенческих конфликтов необходимо обратиться к базовым теоретическим положениям. В самой общей форме конфликт понимается как столкновение противоположно направленных целей, интересов, позиций, мнений или взглядов субъектов взаимодействия. В основе любого конфликта лежит конфликтная ситуация, которая характеризуется наличием объективного или субъективного противоречия, осознаваемого его участниками.

Исследованием природы, причин и механизмов протекания конфликтов занимались многочисленные отечественные и зарубежные ученые. Среди классиков зарубежной социологии и психологии необходимо отметить Г. Зиммеля, который рассматривал конфликт как неотъемлемую и даже необходимую форму социальной жизни [7]. Л. Козер в своей работе «Функции социального конфликта» развил эту идею, показав, что конфликт может выполнять позитивные функции, такие как укрепление групповой солидарности и стимулирование социальных изменений [4].

В российской науке значительный вклад в становление конфликтологии как самостоятельной дисциплины внесли А.Я. Анцупов и А.И. Шипилов. В их фундаментальном труде «Конфликтология» представлен системный подход к изучению конфликтов, предложены их детальные классификации и методы анализа [1]. Также важны работы Н.В. Гришиной, посвященные психологии межличностного конфликта, где особое внимание уделяется его когнитивным и эмоциональным аспектам [2].

Нужно отметить, что феномен конфликтности является предметом интереса для самых различных научных направлений: социологии, психологии, педагогики, философии, политологии и экономики. Каждая из этих дисциплин рассматривает конфликт через призму своей предметной области, что в совокупности позволяет сформировать о нем целостное и многогранное представление.

Конфликты принято классифицировать по различным основаниям. По направленности взаимодействия они подразделяются на горизонтальные (между субъектами одного статусного уровня, например, студент – студент) и вертикальные (между субъектами, находящимися в иерархических отношениях, например, студент – декан). По количеству участников выделяют внутриличностные, межличностные, конфликты между личностью и группой и межгрупповые конфликты.

Специфика конфликтов в студенческом общежитии во многом обусловлена психологическими особенностями возраста, который традиционно относится к периоду поздней юности или ранней взрослости (примерно 17-25 лет). Данный этап развития личности характеризуется рядом важных черт.

Ведущим видом деятельности становится учебно-профессиональная, что связано с осознанным выбором профессии и началом углубленной специализации. Интеллектуальное развитие достигает высокого уровня, однако эмоциональная сфера остается достаточно лабильной и подверженной внешним влияниям. Ключевой задачей этого периода является поиск собственной идентичности (по Э. Эриксону), разрешение кризиса «идентичность vs ролевое смешение» [3]. Происходит активное становление мировоззрения, системы ценностей и устойчивых жизненных принципов.

Для студенческого возраста типичны такие черты, как стремление к самостоятельности и независимости, социальная активность, максимализм в суждениях, склонность к идеализации и критическому отношению к авторитетам. В то же время, нередко сохраняется некоторая инфантильность, зависимость от мнения референтной группы и противоречие между высокими амбициями и реальными возможностями. Эта сложная комбинация социальной зрелости и психологической неустойчивости создает множество предпосылок для возникновения конфликтных ситуаций.

В качестве наиболее характерных для студенческой среды конфликтов, с учетом возрастных особенностей и специфики образовательного процесса, учеными выделяются:

1. Межличностные конфликты, которые являются наиболее распространенными. Их причинами часто выступают:

- Бытовая неустроенность: для иногородних студентов острыми являются конфликты в условиях общежития, связанные с распределением ресурсов, обязанностей, нарушением личных границ и различиями в привычках и режиме дня.

- Конкуренция: борьба за академические успехи (повышенную стипендию, место в рейтинге), за внимание преподавателя или за симпатию в межличностных отношениях.

- Ценностные и характерологические различия. В условиях вынужденного тесного общения в учебной группе даже незначительные разногласия могут привести к серьезному противостоянию.

2. Конфликты «студент – преподаватель» (вертикальные). Их основу составляют:

- Расхождение в оценках: восприятие экзаменационной или зачетной оценки как необъективной и несправедливой.

- Разногласия по поводу методов преподавания и объема предъявляемых требований.

- Личностная несовместимость.

- Нарушения академической дисциплины со стороны студента.

3. Внутриличностные конфликты. Напрямую связаны с возрастными кризисами и социальной ситуацией развития студента:

- Мотивационный конфликт: противоречие между «надо» учиться и «не хочу», между долгом и желанием, особенно актуальное при снижении первоначального энтузиазма к учебе.

- Конфликт нереализованности: разрыв между завышенными притязаниями, амбициями и реальными академическими или социальными достижениями.
- Ролевой конфликт: трудности совмещения множества социальных ролей (студент, работник, друг, партнер, ребенок в родительской семье).
- Цифровой стресс и информационная перегрузка: конфликт между необходимостью быть постоянно онлайн (из-за учебы и социальной жизни) и потребностью в психологической разгрузке, отдыхе. Также страх пропустить важное мероприятие тесно коррелирует с повышенной тревожностью у студентов [5].
- 4. Межгрупповые конфликты. В студенческой среде они могут проявляться в виде:
 - Противостояния между студентами разных курсов (например, инициация первокурсников).
 - Соперничества между студентами разных факультетов или академических групп.
 - Протivoоборства между неформальными группировками внутри одной учебной группы.
- 5. Конфликты адаптационного характера. Наиболее остро проявляются на первом курсе и связаны с трудностями перехода от школьной системы обучения к вузовской, со сменой социального окружения и необходимостью выстраивать новую систему социальных связей. Здесь также могут возникать трудности цифровой адаптации: освоение новой образовательной платформы, участие в онлайн-конференциях.

Важным направлением в профилактике и конструктивном разрешении конфликтов в студенческой среде является применение современных технологий. Активно используются технологии медиации, в том числе с применением онлайн-платформ, которые позволяют организовать диалог между конфликтующими сторонами в безопасном и контролируемом формате. Для информирования и обучения студентов навыкам бесконфликтного общения создаются специализированные образовательные порталы и мобильные приложения. Кроме того, технологии мониторинга социальных сетей помогают учебным заведениям выявлять кибербуллинг и острые кризисные ситуации на ранней стадии, что позволяет своевременно оказывать психологическую и административную поддержку.

Таким образом, конфликты в студенческой среде представляют собой сложное, многогранное и закономерное социально-психологическое явление. Они детерминированы комплексом факторов, включая объективные общественно-экономические условия, институциональные особенности обучения в вузе вызовы цифровой трансформации общества и субъективные психологические характеристики студенческого возраста. Понимание природы, структуры и типологии студенческих конфликтов, включая их новые цифровые формы, является необходимым условием для разработки эффективных стратегий их профилактики и конструктивного разрешения. Грамотно управляемый и разрешенный конфликт способен стать не деструктивной силой, а мощным катализатором личностного роста, стимулом для поиска нестандартных решений и укрепления групповых отношений. Создание благоприятного социально-психологического климата в студенческой среде является залогом не только успешной учебной деятельности, но и формирования зрелой, социально ответственной и психологически устойчивой личности.

Список использованных источников:

1. Анцупов, А.Я., Шипилов, А.И. Конфликтология. – 5-е изд. – СПб.: Питер, 2013. – 512 с.
2. Гришина, Н.В. Психология конфликта. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2018. – 576 с.
3. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Флинта, 2006. – 352 с.
4. Coser, L. The Functions of Social Conflict. – Routledge, 1956.
5. Halpern D., Katz J. E. Technostress, Social Networking, and Mental Health: A Cross-Cultural Study of University Students // Computers in Human Behavior. 2022. Vol. 127. P. 107059.
6. Hinduja S., Patchin J. W. Bullying, Cyberbullying, and Suicide Among US Youth: A Systematic Review // Journal of School Violence. 2023. Vol. 22, № 1. P. 1–15.
7. Simmel, G. Conflict and the Web of Group-Affiliations. – Free Press, 1955.
8. Vitak J., Blasiola S., Patil S., Litt E. The Challenges of Context Collapse: The Impact of Social Media on College Student Interactions with Different Audiences // New Media & Society. 2020. Vol. 22, № 5. P. 799–815.

УДК 159.9

Игнатьев Д.С.

магистрант 1 курса, направление 37.04.01, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования, «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

*Работа выполнена под научным руководством **Калита В.В.***

к.псих.н., доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, МГУТУ им. К.Г.Разумовского (ПКУ)

ЭКОСИСТЕМНЫЙ ПОДХОД КАК ЭФФЕКТИВНАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ДЕМАССИФИКАЦИИ СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация. Современное социокультурное и социально-экономическое развитие характеризуется процессами демассификации, сопровождающимися фрагментацией социальных связей, ростом культурного многообразия и формированием микро-сообществ. Указанные изменения трансформируют модели социального участия и ценностные ориентации, создавая условия, при которых традиционные иерархические системы управления демонстрируют ограниченную гибкость и сниженную адаптивность. В данной работе исследуются предпосылки роста экосистемных моделей управления в контексте демассификации и полицентричности социальной среды. Экосистема рассматривается как

гибкая структура межсубъектного взаимодействия, основанная на координации комплементарных ресурсов, поддержании автономии участников и коллективном создании ценности. Показано, что экосистемный подход обеспечивает устойчивость, инновационный потенциал, синергетические эффекты и способность интегрировать разнотипные ресурсы, отвечая требованиям постмассового общества. Результаты анализа подтверждают, что экосистемные модели выступают перспективным направлением организационного развития в условиях усложнения социальной структуры и роста индивидуализированных форм идентичности.

Ключевые слова: демассификация; культурная фрагментация; экосистемный подход; межсубъектное взаимодействие; комплементарные ресурсы; автономия участников; синергетические эффекты; психологические механизмы сотрудничества; организационная адаптивность; инновационный потенциал.

THE ECOSYSTEM APPROACH AS AN EFFECTIVE MANAGEMENT MODEL IN THE CONTEXT OF SOCIOECONOMICAL DEMASSIFICATION

Abstract. Contemporary sociocultural development is characterized by demassification processes, marked by the fragmentation of social ties, the rise of cultural diversity, and the formation of micro-communities. These shifts transform models of social participation and value orientations, creating conditions in which traditional hierarchical management systems demonstrate limited flexibility and reduced adaptive capacity. This paper examines the prerequisites for the expansion of ecosystem-based management models in the context of demassification and the polycentric nature of modern social environments. An ecosystem is considered as a flexible structure of inter-agent interaction based on the coordination of complementary resources, preservation of participant autonomy, and collective value creation. The study demonstrates that the ecosystem approach ensures sustainability, fosters innovation, produces synergistic effects, and integrates diverse resources, making it a relevant response to the demands of a post-mass society. The results confirm that ecosystem models represent a promising direction for organizational development amid increasing social complexity and the growth of individualized identity structures.

Keywords: demassification; cultural fragmentation; ecosystem approach; intersubjective interaction; complementary resources; participant autonomy; synergistic effects; psychological mechanisms of cooperation; organizational adaptability; and innovative potential.

Актуальность проблемы. Актуальность темы заключается в процессе демассификации, сопровождающимся фрагментацией социальных связей и ростом микро-сообществ, что изменяет условия функционирования организаций. В таких условиях традиционные иерархические модели взаимодействия сталкиваются с ограничениями в адаптивности и не всегда эффективно учитывают разнообразие мотиваций и идентичностей участников. Это формирует потребность в управленческих подходах, способных поддерживать взаимодействие независимых субъектов в изменяющейся социо-культурной и социо-экономической среде. Экосистемная модель отвечает этим требованиям, поскольку обеспечивает координацию ресурсов, поддерживает автономию участников и позволяет достигать синергетических эффектов. Следовательно, исследование экосистем как формы организации взаимодействия между независимыми субъектами в условиях демассификации является актуальным.

Современное развитие социокультурной и социоэкономической среды характеризуется процессами демассификации, выражающимися в усложнении структуры социальных групп, росте культурного многообразия и ослаблении массовых моделей поведения. Данный феномен связан с переходом от унифицированных коллективных ориентаций к множественным формам индивидуализированных идентичностей и микросообществ. Согласно исследованию Д.В. Смолкиной, структурные изменения обусловлены разрывом традиционных коммуникационных связей и трансформацией социальных механизмов интеграции, что приводит к формированию локальных социальных систем, обладающих собственными нормами и практиками взаимодействия [1, с.223-226].

Одновременно трансформируется структура мотивации социального участия. Концепция «общества изобилия», предложенная В. Франклом, показывает, что избыток ресурсов и свободного времени не гарантирует усиления социальной самоорганизации, а напротив, может приводить к возникновению экзистенциального вакуума [2, с.102]. В результате индивиды стремятся к включённости в устойчивые малые группы, предоставляющие возможности для самореализации, обмена знаниями и сотворчества. Таким образом, микро-сообщества, включая соответствующие им коммерческие структуры, выступают механизмами смыслообразования и социальной укорененности, компенсируя ослабление массовых социальных институтов.

Демассификация влияет не только на культурные практики, но и на экономические и управленческие процессы. Фрагментация социальных связей и снижение универсальности ценностных моделей требуют от организаций адаптации к полицентричной и гетерогенной среде. Как отмечает Н.В. Смородинская, «жёсткие иерархические конструкции вытесняются гибкими сетевыми структурами, способными адаптироваться к полицентричной и гетерогенной внешней среде» [3, с.12]. Традиционные иерархические структуры сталкиваются с ограничениями при работе с разнообразными мотивациями участников и высокой динамикой социокультурной фрагментации, что снижает их адаптивность и инновационный потенциал. В связи с этим усиливается спрос на организационные механизмы, обеспечивающие гибкость, многоуровневую координацию и способность интегрировать разнотипные ресурсы, поскольку «в современных условиях ключевым становится не контроль, а способность координировать множество независимых участников» [4, с.48].

В этих условиях экосистемный подход становится релевантной моделью управления. Экосистема рассматривается как динамическая структура межсубъектного взаимодействия, в которой независимые участники координируют комплементарные ресурсы и компетенции для достижения совместных результатов. Это подтверждается пониманием эко-системы как «локализованный комплекс организаций, бизнес-процессов,

инновационных проектов и инфраструктурных образований, способный к длительному самостоятельному функционированию за счет кругооборота ресурсов, продуктов и систем» [5, с.40].

Объединение участников социокультурной среды в условиях демассификации возможно за счет формирования идеологии, которая представляет собой «тип управления информацией, который позволяет превращать идеи в материальную силу» [6, с.11], ведь «экосистема существует тогда, когда разные участники, оставаясь автономными, объединяются ради совместного создания результата» [7, с.133]. Идеология обеспечивает условия для получения синергетических эффектов, включая повышение адаптивности системы, распределение рисков, рост инноваций и формирование устойчивых горизонтальных связей.

Также экосистемный формат функционирования организации способен быть эффективным в условиях демассификации, поскольку позволяет учитывать множественные ценностные ориентации, поддерживать автономию участников и обеспечивать коллективное достижение результатов. Кроме идеологии, при формировании эко-систем, ключевую роль играют социально-психологические механизмы: доверие, признание взаимной ценности, коммуникационная прозрачность и коллективная идентичность.

Как подчёркивает Д. Уилсон, «эффективное партнёрство строится на доверии, общих целях и готовности к кооперации» [8, с.22]. Внутренняя мотивация участников базируется на стремлении к творческому самовыражению, обмену компетенциями и участию в создании инновационных решений, что усиливает привлекательность экосистем как среды профессионального и культурного развития.

Эффективность экосистем определяется сочетанием формальных и неформальных механизмов координации. Формальные структуры обеспечивают распределение ролей и фиксацию целей, в то время как неформальные связи – доверие, взаимную поддержку и трансформационные формы взаимодействия. Это сближает экосистемный подход с концепциями психологической безопасности и организационного обучения, где обмен знаниями и расширение зоны доверия выступают факторами устойчивого развития. Исследования показывают, что «сетевая кооперация позволяет снижать транзакционные издержки и повышать инновационный потенциал, поскольку знания становятся общим ресурсом» [9, с.77], что подтверждает стратегическую значимость психологических и социально-организационных аспектов.

Таким образом, в условиях демассификации экосистемный подход выступает эффективным механизмом структурирования взаимодействия в сложной и разнообразной среде, обеспечивая баланс между автономией участников и коллективным получением результата. Он представляет собой интеграцию институциональных инструментов и логики сотрудничества, в которой доверие, обмен знаниями и основанное на идеологии совместное целеполагание формируют основу устойчивого развития и инновационного потенциала организации.

Заключение. Демассификация усиливает роль микро-сообществ и усложняет механизмы социального взаимодействия, что требует пересмотра традиционных управленческих подходов. Экосистемная модель демонстрирует способность эффективно функционировать в такой среде, обеспечивая гибкую координацию, использование комплементарных ресурсов и достижение синергии. Она сочетает автономию участников со стратегической совместностью и способствует формированию устойчивых форм сотрудничества. Таким образом, экосистемный подход можно рассматривать как результативный механизм организации взаимодействия и достижения целей в условиях демассификации.

Список использованных источников:

1. Смолкина Д.В. «Концепт демассификации в современном культурологическом знании: медиа-дискурс» в журнале «Омский научный вестник» в 2010 году, №4 (89), с. 223-226.
2. Франкл В.Э. Человек в поисках смысла / пер. с англ. и нем. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 102.
3. Смородинская Н.В. Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому управлению. – М.: ИЭ РАН, 2014. – С. 12.
4. Кудрин А. Сетевая экономика и модели управления // Экономическая политика. – 2020. – № 5. – С. 45-52.
5. Клейнер Г.Б. Экономика экосистем: шаг в будущее // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 1 (59). – С. 40.
6. Идеология как феномен культуры и цивилизационный ресурс России. – М.: Снежный Ком, 2023. – С. 11.
7. Петров В.С., Смирнова Е.Л. Организационные экосистемы: теория и практика. // Журнал управления инновациями. – 2020. – № 4. – С. 130-145.
8. Wilson D. Trust and partnership in networked organizations. – London: Routledge, 2019. – С. 198.
9. Фокин А.П. Сетевая кооперация в современной экономике. // Менеджмент сегодня. – 2021. – № 3. – С. 70-80.

Инкина К.А., Алябьева С.Д.

*студенты 2 курса, направление 44.03.02, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования**«Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия*Работа выполнена под научным руководством **Калита В.В.***к.псих.н., доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)***ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ДЕТСКОГО ФОЛЬКЛОРА И ДОМИНИРУЮЩЕГО ВИДА ЮМОРА СРЕДИ ПОДРОСТКОВ**

Аннотация. Авторы статьи ставят цель выявить корреляцию между фольклором ребенка в период дошкольного и младшего школьного возраста и его чувством юмора в старшем школьном возрасте, обосновать влияние детского творчества на становление и развитие юмора. Затрагиваются такие аспекты, как изучение и сбор фольклора посредством индивидуального собеседования, анализ данных тестирования о видах юмора среди подростков. В качестве участников представлены шесть подростков от шестнадцати до семнадцати лет. Недостаток исследований на подобную тему дают возможность утверждать о научной новизне статьи. Сравнение полученных результатов приводит к выводу о существовании прямой взаимосвязи между вышеупомянутыми факторами. Сформулирован прогноз об использовании результатов исследования в педагогической деятельности.

Ключевые слова: детский фольклор, творчество, юмор, сравнительный анализ, педагогика, психология.

Благодарности: авторы выражают признательность Николаю Мокиевскому, вдохновившему на написание статьи.

A STUDY OF THE RELATIONSHIP BETWEEN CHILDREN'S FOLKLORE AND THE DOMINANT TYPE OF HUMOR AMONG ADOLESCENTS

Abstract. The authors of the article aim to identify the correlation between the folklore of a child in the period of preschool and primary school age and his sense of humor in high school age, to substantiate the influence of children's creativity on the formation and development of humor. Such aspects as the study and collection of folklore through individual interviews, the analysis of test data on types of humor among adolescents are touched upon. Six teenagers from sixteen to seventeen years old are represented as participants. The lack of research on such topics makes it possible to judge the scientific novelty of the article. A comparison of the obtained results leads to the conclusion that there is a direct relationship between the above-mentioned data. A forecast is formulated about the use of research results in teaching activities.

Keywords: children's folklore, creativity, humor, comparative analysis, pedagogy, psychology.

Введение

Темой исследования является взаимосвязь содержания детского фольклора и юмора с содержанием юмора и фольклора в более позднем подростковом возрасте.

Одна из главных сложностей при изучении детского устного творчества, по сути, кроется в самой его форме. Большая часть созданных детьми песен, частушек и загадок со временем исчезает, забывается в очень скором времени, порой не доживая в памяти детей даже до возраста средней школы. Дети, создавая свои небольшие произведения, не записывают их, с одной стороны, следуя канонам жанра устного творчества. С другой же, сами того не осознавая, утрачивают их навсегда, как только шутки или песни им надоедают, теряя таким образом всякий смысл для своих создателей. К счастью, иногда встречаются примеры настолько яркие, что спустя годы и даже десятилетия до сих пор всплывают в человеческой памяти, что позволяет записать «выжившие» экземпляры. Если говорить об исторических, самых известных произведениях в жанре детского фольклора, практически любой вспомнит песенку про божью коровку. Её приблизительное содержание таково:

«Божья коровка, полети на небо
Принеси нам хлеба,
Черного, белого,
Только не горелого!»

Эта потешка несколько выделяется из ряда схожих произведений, поскольку известна не только на протяжении чрезвычайно долгого для жанра времени, но и распространена в других странах и на других языках, а также неоднократно использовалась в художественной литературе. Например, в книге Марка Твена «Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна» встречается упоминание об этом стихотворении: «Том наклонился к ней и сказал: «Божья коровка, скорей улетай. В твоём доме пожар, своих деток спасай».¹ Как мы видим, англоязычная версия приобретает иное значение. Тем не менее общий смысл остаётся неизменным: заклинание, просьба, обращённая к божьей коровке, которая сидит на руке ребёнка и никак не хочет покидать понравившееся место. С педагогической точки зрения песенка призывает к эмпатии: предлагается не просто стряхнуть насекомое, но терпеливо уговорить его самому улететь подальше, что способствует развитию умения думать не только о собственных чувствах.

¹Твен М. Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна. – М.: Альфа-книга, 2019. – 394 с.

Детский фольклор не ограничивается песенками и потешками для самых маленьких детей. Становясь старше и попадая в новую среду, взрослеющие дети открывают для себя новые, прежде немислимые темы для шуток. Появляется потребность в понимании иронии, сарказма, иногда – чёрного юмора как неотъемлемой части общения со сверстниками. Произведения подобного содержания в основном являются результатом некой формы детского протеста, который впоследствии постепенно превратится в подростковый бунт. Ребёнок начинает не только разграничивать свой мир и мир взрослых, но и восставать против норм, по его мнению, совершенно бессмысленных, несправедливо навязанных. Детям в присутствии взрослых некоторые темы для шуток просто недопустимы, зато в группах сверстников они с удовольствием делятся друг с другом своими открытиями.

Для примера обратимся к тем самым записанным экземплярам стихотворений, о которых говорилось ранее. Упоминания о так называемых «саdistских стишках» появились достаточно давно, однако более широкую популярность они приобрели приблизительно в девяностых годах. Вот содержание одного из них:

«Маленький мальчик нашёл пулемёт,
Больше в деревне никто не живёт,
Кроме деда Архимеда,
У которого торпеда».²

Саdistское содержание с элементами жестокой расправы над окружающими в целом и над маленьким мальчиком, частым героем четверостиший, в частности, является ярким примером детского чёрного юмора. Разумеется, такие шуточки были призваны не к развитию агрессивного поведения, а, наоборот, к сбросу напряжения, в некотором роде к сублимации.

Вся концепция подобного юмора строится на том, что предметом для шуточки в определённом кругу слушателей может стать что угодно, и в данном случае частичное отсутствие ограничений предоставляет человеку возможность почувствовать интеллектуальную свободу.

В качестве примера возьмём ещё одно стихотворение про «маленького мальчика»:

«Маленький мальчик пошёл за малиной,
Маленький мальчик наткнулся на мину.
Нет, не забуду я даже во сне
Те голубые глаза на сосне».³

Вариаций таких произведений существует ещё множество, однако даже на примере приведённых двух мы наблюдаем некую закономерность: смешит не само упоминание жестокости, а то, как она обыгрывается. Важен не сам факт страдания персонажа, а абсурдность, с которой жизнь расправляется с главным героем. И здесь важно указать на, так сказать, педагогический эффект, не очевидный для глаз: на тот момент разного рода опасные предметы на каждом шагу были обыденностью для детей, и иногда случались трагедии, если ребёнок, не говоря уже о подростке, находил подобные вещи и решал разобраться с ними самостоятельно. Стихотворения, рассмотренные выше, покажутся смешными подростку с уже в основном сформированным чувством юмора, но у маленького ребёнка способны вызвать шок и даже напугать, они являются своего рода жестоким предупреждением. Следовательно, такие произведения могут оказывать как положительный эффект для старших, так и отрицательный для младших, что ещё раз доказывает: каждому виду юмора – свой человек и своё время.

Актуальность темы. Эмоциональная сфера, особенности чувственного познания мира подростка наименее разработана и трудно доступна для непосредственного изучения. Чувство юмора – это и эмоциональное переживание, и один из способов познания ребенком сложного мира взрослых. При этом оно доступно для изучения через материальные продукты его «творчества» – детский фольклор.⁴ Детское мировосприятие отличается от мироощущения взрослых, детский фольклор способствует созданию собственного игрового мира. Очевидно также, что в зависимости от возраста меняется характер детского творчества, круг интересов восприятия и, следовательно, изменяется использование форм детского фольклора.⁵ Изучение связи фольклора и чувства юмора позволит глубже понять формирование личности подростка, его эмоциональную сферу и способствует более эффективному общению с ним.

Цель исследования – проследить взаимосвязь между ранним фольклорным опытом ребенка (в дошкольном и младшем школьном возрасте) и формированием его чувства юмора к старшему школьному возрасту. Особое внимание уделяется обоснованию роли детского творчества в развитии юмористического восприятия.

Гипотеза исследования.

Выдвигаемой гипотезой служит предположение о влиянии детского творчества на формирование чувства юмора в более позднем возрасте.

² Ермак А. Непечатный фольклор – М.: А.Н. Publishing, 2019. – 230 с.

³ Белоусов А.Ф. Русский школьный фольклор. – Ладомир: АСТ, 1998. – С. 545.

⁴ Кременецкая А.В. Проявление чувства юмора у подростков: автореф. дис. канд. псих. наук наук: 19.00.13. – Санкт-Петербург, 2001. – 19 с.

⁵ Якименко Л.Н. Чепурченко Е.В. Детский фольклор: учебно-методическое пособие. – Луганск: Книта, 2020. – 168 с.

Описание выборки.

Респондентами тестирования и собеседования являлись подростки женского пола в возрасте 16-17 лет, проживающие на территории города Москвы и Московской области.

Методы исследования.

Теоретической базой исследования послужила работа Ганса Юргена Айзенка и Гленна Вильсона «Как измерить личность»; для определения вида юмора респондентов был использован тест «Чувство юмора». Сбор данных о детском фольклоре респондентов осуществлялся посредством индивидуального собеседования. Количественный контент-анализ применялся при поиске взаимосвязи между детским фольклором и видом юмора.

Задачи исследования.

1. Проанализировать определения и виды юмора, понятие детского фольклора и охарактеризовать его влияние на юмор в подростковом возрасте.
2. Провести индивидуальное собеседование для сбора примеров детского фольклора.
3. Выявить доминирующий вид юмора среди группы испытуемых подростков путем тестирования по Г.Ю. Айзенку.
4. Провести качественный контент-анализ выявленных примеров, распределить примеры по категориям видов юмора. Определить взаимосвязь между предпочитаемым фольклором в детстве и видом юмора в подростковом возрасте при помощи количественного контент-анализа. Интерпретировать результаты.

Процедура исследования.

1. Индивидуальное собеседование

Детский фольклор – это совокупность устного народного творчества, созданного и используемого детьми. Это не просто «взрослый» фольклор, адаптированный для детей, а самобытное явление с уникальными жанрами, стилем и функциями. Он включает в себя: считалки, песенки, небылицы, загадки, потешки, дразнилки, «мемы».

Влияние детского фольклора на юмор подростков достаточно значимо и многогранно. Хотя подростки создают и используют свой собственный фольклор, ранний опыт с детскими формами устного творчества формирует базовые элементы их юмористического восприятия и выражения, такие как развитие чувства юмора, языковой игры и стиля юмора.

Поскольку этот пласт творчества принадлежит детям, именно они задают тенденции, запоминают шутки и песни. К сожалению, сохраняется лишь малая часть фольклора, поскольку в основном он представляет из себя устное творчество, и лишь некоторые из произведений остаются в памяти с возрастом. Однако он сильно влияет на формирование восприятия коллектива и среды ребёнком. Таким образом, детский фольклор представляет собой фундамент, на котором строится юмористическое восприятие и выражение в подростковом возрасте.

2. Тест чувство юмора (Hans Eysenck, Glenn Wilson, 1976)

Ганс Юрген Айзенк (4 марта 1916 – 4 сентября 1997) – выдающийся британский психолог, известен своими исследованиями личности и интеллекта. В области юмора он не выделял "виды" юмора в привычном понимании (например, сатира, фарс), а скорее, исследовал факторы или измерения восприятия юмора на основе того, как люди оценивают различные шутки и карикатуры.

В своих факторно-аналитических исследованиях юмора (в частности, в работах 1940-х годов) Айзенк выделял два основных измерения, объясняющие индивидуальные различия в предпочтениях юмора:

1. Когнитивно-интеллектуальный юмор (или «Не-тенденциозный юмор»). Cognitive-Intellectual Humor / Non-Tendentious Humor. Этот тип юмора основывается на остроумии, игре слов, каламбурах, неожиданных поворотах мысли, парадоксах, логических несоответствиях и требует интеллектуального усилия для понимания и оценки. Он не затрагивает запретные темы, не имеет выраженного агрессивного или сексуального подтекста. Его цель – вызвать улыбку или смех благодаря умственной обработке парадокса или остроумной мысли.

2. Тенденциозный юмор (Агрессивный/Сексуальный юмор). Tendentious /Aggressive/Sexual Humor. Этот вид юмора содержит темы, связанные с табуированными или социально неодобряемыми аспектами жизни, такими как секс, агрессия, враждебность, непристойности, социальная критика или нарушение норм.⁶

Хотя Айзенк преимущественно выделял эти два фактора как наиболее значимые, в некоторых исследованиях и интерпретациях его работ могли упоминаться менее отчётливые или поддающиеся субкатегоризации «виды» юмора (например, «юмор абсурда» или «простой юмор»), которые, однако, часто рассматривались как подтипы одного из двух основных факторов (например, абсурдный юмор как подтип когнитивно-интеллектуального).

В используемом нами материале для проведения тестирования приводятся четыре вида юмора.

Первый из них называется «чепухой». Рисунки с «чепухой» не имеют агрессивного или сексуального содержания; в данном случае эффект зависит от их формальной техники – двойного значения слов или совмещения несоответствующих элементов.

⁶ Айзенк Г.Ю., Вильсон Г. Как измерить личность. [Пер. с англ. Андрей Белопольский]. – М.: Когито-Центр, 2000 – 281 с.

Второй вид юмора условно назван «сатирой». Он включает те шутки, в которых высмеиваются какие-то определенные люди, группы или учреждения, то есть используется непрякая межличностная агрессия.

Третий вид юмора («агрессия») являет собой пример более откровенной и «чистой» агрессии. Он включает рисунки, изображающие физическое насилие или грубость, прямое оскорбление, пытки или садизм.

Содержание четвертого вида юмора («секс») – рисунки на сексуальные темы. Причем некоторые из сюжетов грубы и вульгарны настолько, насколько вообще позволяют требования к публикациям подобного жанра. К сожалению, данная шкала может эффективно дифференцировать людей только в том случае, если хотя бы часть из них будет задета, даже в какой-то степени оскорблена содержанием данных шуток.

В исследовании мы оценивали, склонны ли испытуемые в целом находить шутки смешными и насколько смешными они их считают. Однако это не означает, что человек, набравший высокий балл, обязательно обладает хорошим чувством юмора: просто у него может быть непритязательный вкус.

Описание и анализ результатов исследования.

Восемь испытуемых от 16 до 17 лет женского пола в ходе индивидуального собеседования поделились с авторами примерами своего детского устного творчества.

Таблица 1 – Примеры детского устного творчества респондентов

Респондент	Пример
Респондент 1	«Катюшка – жареная лягушка»; «Брат – несъедобный колобок»
Респондент 2	«Трупы на полках лежат, Мухи над ними жужжат, Спи, моя радость, усни, Скоро там будешь и ты»
Респондент 3	«Были мышки, были кошки, Поиграли мы немножко, Носик к носику, спинка к спинке, Спим мы на кошачьей перинке»
Респондент 4	«Тили-трили-бом Вышел жареный пупок»
Респондент 5	«Не трожь тапки деда – доживешь до обеда»; «Как цуцек плохой»
Респондент 6	«Первые – горелые, Вторые – золотые, Третье – умытые, золотом покрытые, Четвёртые в туалете летают на котлете, Пятые на тачке кушают жвачки»
Респондент 7	«Покрасил волосы молоком (в значении стал седым)», Матрена Никитишна (когда слишком сильно накрасилась)
Респондент 8	«Потолок ледяной, Дверь шатается, За шершавой стеной Чёрт валяется; Как шагнёшь на порог – Всюду кости, А их окон скелет Лезет в гости (переделка песни «Зима»)»

Далее испытуемые прошли онлайн-тест на чувство юмора Г. Айзенка.

В результате был выявлен превалирующий вид юмора.

Таблица 2 – Предпочитаемый вид юмора у респондентов

Респондент	Превалирующий вид юмора
Респондент 1	Чепуха, сатира
Респондент 2	Агрессия
Респондент 3	Чепуха
Респондент 4	Сатира
Респондент 5	Чепуха
Респондент 6	Секс
Респондент 7	Сатира
Респондент 8	Секс

Таблица 3 – Предпочитаемые виды юмора в процентном соотношении

Вид юмора	Респондент							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Чепуха	57,5%	65%	32,5%	25%	57,5%	32,5%	42,5%	27,5%
Сатира	57,5%	72,5%	30%	27,5%	55%	30%	47,5%	30%
Агрессия	52,5%	75%	27,5%	27,5%	60%	37,5%	47,5%	40%
Секс	27,5%	50%	22,5%	20%	22,5%	42,5%	22,5%	40%
Всего	48,75%	65,63%	28,13%	25%	48,75%	35,63%	40%	34,38%

После получения данных был проведен качественный контент-анализ, согласно И.Н. Богомоловой,⁷ для распределения указанных примеров по категориям видов юмора. Ниже представлены результаты.

Материалом для обработки контента были выбраны данные индивидуального собеседования с респондентами. Доступен в форме письменного текста. Проанализировано содержание приведенных примеров.

В качестве единицы анализа рассматривались отдельно взятые примеры. Вследствие малых объемов текста единицей кодирования стали сами слова в приведенных примерах. Контекстной единицей выступили примеры, рассмотренные в целом. Был выбран индуктивный подход к формированию категорий классификации, так как именно он эффективнее всего позволил вывести категории из собственных данных. В классификацию вошли такие категории, как эмоциональный окрас и вид юмора.

Таблица 4 – Результаты качественного контент-анализа

Пример	Категория	Описание
	Вид юмора	
«Катюшка – жареная лягушка»	Чепуха	Нелепое сравнение, основанное на неожиданном сочетании.
«Брат – несъедобный колобок»	Чепуха	Забавное сравнение, потешка.
«Трупы на полках лежат ... Спи, моя радость ...»	Агрессия	Угроза, зловещий юмор, напоминание о смертности (пугалка). Может быть истолковано как угроза в формате черного юмора.
«Были мышки, были кошки ... спим на перинке»	Чепуха	Милая, немного наивная ритуализированная чепуха.
«Тили-трили-бом, Вышел жареный пупок»	Чепуха	Абсурдность, неожиданность.
«Не трожь тапки деда – доживешь до обеда»	Сатира	Ироническое предостережение, легкая сатира на взрослые страхи.
«Как цуцек плохой»	Сатира	Как объясняла испытуемая, «цуцек» – исковерканное «суслик». Так добродушно говорили, когда человек делал что-то неправильно. Ироническое предостережение.
«Первые – горелые, Вторые – золотые ...»	Сатира	Используется для иронии над побелителями, напоминание не замалчивать достижения других участников.
«Покрасил волосы молоком»	Чепуха	Игра слов, способ смягчить значение слова «седой»
«Матрена Никитишна»	Сатира	Легкая сатира над абсурдным внешним видом.
«Потолок ледяной, Дверь шатается За шершавой стеной ...»	Агрессия	Устрашающая и пугающая переделка песни, вызывает неприятные и зловещие ассоциации.

В завершение на основе имеющихся результатов был выполнен количественный контент-анализ, основной категорией которого стала схожесть показателей.

Материалом стали сборные данные из таблиц выше. Единицей анализа были выбраны примеры детского фольклора и виды юмора. Единицей кодирования – сами категории данных. Что касается контекстной единицы, ей являются все полученные в ходе исследования данные. Процедура основывалась на индуктивном подходе.

Таблица 5 – Результаты качественного контент-анализа

№	Вид юмора	Пример детского фольклора	Вид юмора пример	Совпадение категорий
1	Чепуха, сатира	«Катюшка – жареная лягушка»	Чепуха	Совпадает
2	Агрессия	«Трупы на полках лежат ... Спи, моя радость ...»	Агрессия	Совпадает
3	Чепуха	«Были мышки, были кошки ... спим на перинке»	Чепуха	Совпадает
4	Сатира	«Не трожь тапки деда – доживешь до обеда»	Сатира	Совпадает
5	Чепуха	«Тили-трили-бом, Вышел жареный пупок»	Чепуха	Совпадает
6	Секс	«Первые – горелые, Вторые – золотые ...»	Сатира	Не совпадает
7	Сатира	«Покрасил волосы молоком»	Чепуха, сатира	Совпадает

⁷Богомолова И.Н., Стефаненко Т.Г. Контент-анализ: Спецпрактикум по социальной психологии. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. – 60 с.

8	Секс	«Потолок ледяной, Дверь шатается За шершавой стеной ...»	Агрессия	Не совпадает

Выводы

Исследования, выявляющие связь между детским фольклором и формированием чувства юмора, могут быть использованы в процессе образования и развития детей.

Описанные отношения между детским фольклором и формированием чувства юмора у подростков могут быть учтены при разработке образовательных программ; понимание того, какие типы детского фольклора способствуют развитию определенных видов юмора, позволит создавать более эффективные программы для дошкольного и школьного образования.

Учителя и воспитатели могут целенаправленно использовать различные жанры фольклора для развития чувства юмора, языковых навыков и социального интеллекта у детей. Одновременно с этим целесообразна диагностика детей и раннее выявление у них проблем с формированием чувства юмора или трудностей с его использованием; это может быть связано с различными причинами, например, с задержками развития, социальными трудностями или неблагоприятной семейной обстановкой. Раннее выявление позволит оказать своевременную помощь и поддержку.

Список использованных источников:

1. Айзенк Г.Ю., Вильсон Г. Как измерить личность. [Пер. с англ. Андрей Белопольский]. – М.: Когито-Центр, 2000 – 281 с.
2. Богомолова И.Н., Стефаненко Т.Г. Контент-анализ: Спецпрактикум по социальной психологии. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. – 60 с.
3. Белоусов А.Ф. Русский школьный фольклор. – Ладомир: АСТ, 1998. – С. 545.
4. Ермак А. Непечатный фольклор – М.: A.N. Publishing, 2019. – 230 с.
5. Кременецкая А.В. Проявление чувства юмора у подростков: автореф. дис. канд. псих. наук наук: 19.00.13. – Санкт-Петербург, 2001. – 19 с.
6. Твен М. Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна. – М.: Альфа-книга, 2019. – 394 с.
7. Якименко Л.Н. Чепурченко Е.В. Детский фольклор: учебно-методическое пособие. – Луганск: Книта, 2020. – 168 с.

УДК 37. 159

Калягина Т.М.

студент 2 курса, направление 44.03.02, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования, «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством **Калита В.В.**

к.псих.н., доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

СУБЪЕКТИВНОЕ ОЩУЩЕНИЕ ОДИНОЧЕСТВА У СТУДЕНТОВ МЕГАПОЛИСА

Аннотация. Статья посвящена анализу проблемы одиночества студентов разных городов. Был проведен сравнительный анализ данных об уровне ощущения одиночества у молодых людей, живущих в городах-миллионниках и тех, кто живет в небольших городах. В статье представлены результаты опроса обучающихся разных ВУЗов 1-4 курса бакалавриата и их корреляция.

Ключевые слова: одиночество, студенты, города-миллионники, молодежь, уровень одиночества, переезд.

SUBJECTIVE FEELING OF LONELINESS AMONG STUDENTS IN A MEGAPOLIS

Abstract. The article is devoted to the analysis of the problem of loneliness among students in different cities. The study is based on a comparative analysis of data on the level of loneliness among young people living in million-plus cities and those living in smaller cities. The article presents the results of a survey of first- to fourth-year undergraduate students from different universities and their correlation.

Keywords: loneliness, high school students, million-plus cities, young people, loneliness rate, relocation.

Согласно результатам мониторингового опроса об одиночестве ВЦИОМ (Всероссийский центр изучения общественного мнения) от 2025 года, тема одиночества в российском обществе не теряет актуальности, анализ ответов показывает, что одиночество является общенациональной проблемой. 40% россиян отмечают, что одиноких людей стало заметно больше за последнее время [8].

Самым уязвимым поколением оказались зумеры (люди от 13 до 25 лет). Опрос, проведенный по заказу благотворительной организации Eden Project Communities в рамках инициативы Big Lunch, показал, что 19% молодых людей в возрасте от 16 до 24 лет «часто» или «всегда» чувствуют себя одинокими. Это в три раза больше, чем, например, в возрастной группе от 65 до 74 лет, где этот показатель составил 6%. Только 14% опрошенных молодых людей в возрасте от 16 до 24 лет заявили, что никогда не чувствовали себя одинокими [9].

Многие молодые люди, в возрасте 18-21 года, переезжают из родных городов в города-миллионники, чаще всего для поступления в ВУЗ и учебы. Жизнь в большом городе предполагает большое количество социальных контактов. Переезд в другой город на учебу, особенно в город-миллионник, и начало

самостоятельной жизни – сильный стресс для психики человека, связанный, в первую очередь, с необходимостью выстраивать свою жизнь с нуля: незнакомый город, новый быт, выстраивание новых межличностных связей, освоение новых социальных ролей и т.д. – приводят к значительному повышению уровня одиночества у молодых людей.

Из этого мы можем вывести гипотезу нашего исследования:

1) студенты в городах-миллионниках имеют уровень одиночества выше, чем те, кто живут в небольшом городе;

2) студенты, которые переехали в город-миллионник на учебу, чувствуют себя более одинокими, чем студенты, которые жили в этом же городе-миллионнике до учебы.

Одиночество как психический феномен может рассматриваться в нескольких формах его проявления: как чувство, процесс, отношение и потребность. В данной статье мы будем рассматривать одиночество как чувство.

Отечественный психолог Р.С. Немов определяет одиночество как тяжелое психологическое состояние, обычно сопровождающееся плохим настроением и тягостными эмоциональными переживаниями [4, с.613].

Д.А. Леонтьев и Е.Н. Осин рассматривают одиночество, как переживание собственной невовлеченности в связи с другими людьми [3, с.2]. «В подавляющем большинстве существующих психологических исследований одиночество рассматривается исключительно как проблема. Существуют данные о связях одиночества с депрессией, тревогой и межличностной враждебностью, злоупотреблением психоактивными веществами и алкоголем, склонностью к суициду» [3, с.5]. Несмотря на это, в своей работе они оценивают одиночество более позитивно – как возможность личностного роста и развития.

Одиночество как феномен подробно исследовал Э. Фромм, психоаналитик, который считал, что человек – социальное существо, и одиночество идет против его природы, из-за чего могут появляться различные психические и соматические заболевания [7].

Ещё один представитель психоаналитического подхода, К. Хорни, размышляла о происхождении этого чувства. К. Хорни связывала переживание одиночества с испытываемым индивидом негативным переживанием, основанном на детском опыте. Развитие ребенка в благоприятной атмосфере позволяет ему в дальнейшем идти по пути самореализации и саморазвития, способности самовыражения и в установлении гармоничных взаимоотношений с другими и с самим собой. В противоположность этому, развитие в неблагоприятных условиях, в невротической обстановке, формирует основу восприятия окружающих как потенциально враждебных людей [6]. Чувство одиночества появляется как раз тогда, когда человек враждебен к другим или не стремится к социальным связям вообще, так как возникает конфликт между социумом и личностью.

Одновременно с этим способность переживать одиночество является важным фактором формирования и развития личности. По словам В. Франкла, «человек должен быть одинок, только тогда он сможет заметить, что он не один и никогда не был один» [5].

Таким образом, одиночество – острое субъективное переживание отсутствия близких социальных связей, нежелательности в обществе, которое может как привести человека к апатии, депрессивным состояниям, так и стать отправной точкой личностного роста.

Проблема одиночества остро стоит в больших городах. Отечественный психолог Д.А. Леонтьев говорит о том, что «одиночество – бич больших городов» [3]. Индивид, будучи в толпе людей ощущает нехватку общения и внимания, начиная искать способы компенсации этой нехватки. Особенно уязвимым чувствует себя молодое поколение, которое только начинает устроить самостоятельную жизнь, достаточно часто вдали от дома.

Сам термин «город» определяется «Большим толковым социологическим словарем как «социально-территориальная общность, характеризующаяся высокой концентрацией населения на сравнительно небольшом пространстве, занятого преимущественно вне сферы сельского хозяйства: в промышленности, торговле, сферах обслуживания, управления, науки и культуры; часто является административным и культурным центром окружающего региона. По доминирующим соц.-экон. признакам выделяются различные типы городов: большой, средний, малый, промышленный, торговый и др.» [1].

М. Вебер подчеркивал общее для всех городов свойство – относительную замкнутость поселения, «населенный пункт», а не несколько жилищ. По М. Веберу, важные характеристики города – это тесно соприкасающиеся друг с другом дома, высокая численность населения, вследствие которой и отсутствует характерное для сельского общества личное знакомство между людьми. То есть из-за большого количества других людей вокруг городские жители не могут быть лично знакомы с каждым из тех, кто их окружает, так, как это обычно бывает у жителей сел и небольших поселений.

Таким образом, высокая плотность населения способствует только большей атомизации общества и усугубляет одиночество: у людей нет общей среды, в которой можно спокойно знакомиться и общаться с другими, а перегруженность города хоть и позволяет легко заводить новые контакты, но чаще всего они оказываются не глубокими из-за высокого темпа жизни и консьюмеризма в межличностных отношениях, тем самым не удовлетворяя потребность в близком общении.

В ходе нашего исследования мы сравнивали уровень одиночества студентов 1-4 курса бакалавриата разных ВУЗов по нескольким параметрам:

1. В каком городе они проживают сейчас. У студентов, которые проживают в городах-миллионниках, уровень одиночества, по нашим предположениям, должен быть выше, чем у тех, кто проживает в менее населенных городах

2. Переехали ли они в этот город на учебу или жили в нем до этого. Опираясь на сказанное выше, уровень одиночества студентов, которые переехали на учебу выше, чем у тех, кто жил в этом городе до этого.

В качестве диагностического инструмента была выбрана шкала субъективного ощущения одиночества (UCLA Loneliness Scale). Это тест-опросник, разработанный Д. Расселлом, Л. Пепло, М. Фергюсоном (D. Russell, L.A. Peplau, M.L. Ferguson) в 1978 году. Методика предназначена для определения уровня одиночества и социальной изоляции человека.

Результатом прохождения методики является балл, который обозначает уровень ощущения одиночества, максимальный балл – 60; 0-20 – низкий уровень одиночества; 20-40 – средний уровень одиночества; 40-60 – высокий уровень одиночества, соответственно.

Студентам был предложен опрос, включающий в себя прохождение теста UCLA и вопросы – «фильтры»: пол, курс, город проживания, переехал ли студент в этот город на учебу или жил в нем до этого, чтобы провести нужную нам дифференциацию по параметрам «тип города проживания» и факт переезда.

Опрашивались студенты 1-4 курса бакалавриата различных направлений подготовки вузов в городах-миллионниках: Москва, Санкт-Петербург, Казань, Екатеринбург, Пермь, Алматы, а также студенты из вузов таких городов, как Тольятти, Арзамас, Владивосток, Йошкар-Ола.

Всего опрос прошли 57 человек, из них 38 студентов из городов-миллионников (66,67%), 19 – из городов, где население менее 1 миллиона человек (33,33%).

По результатам опроса мы можем увидеть, что:

1. Уровень одиночества в городах-миллионниках преимущественно высокий (у 52,53% респондентов), средний уровень наблюдается у 47,37%, низкий уровень – 0%.

2. Уровень одиночества в городах, где меньше миллиона человек преимущественно средний (у 52,63% респондентов), высокий уровень одиночества наблюдается у 47,37%, низкий – 0%.

3. Следовательно, уровень субъективного ощущения одиночества в городах-миллионниках выше, чем в небольших городах – 52, 63% в сравнении с 47, 37% соответственно. (Рисунок 1).

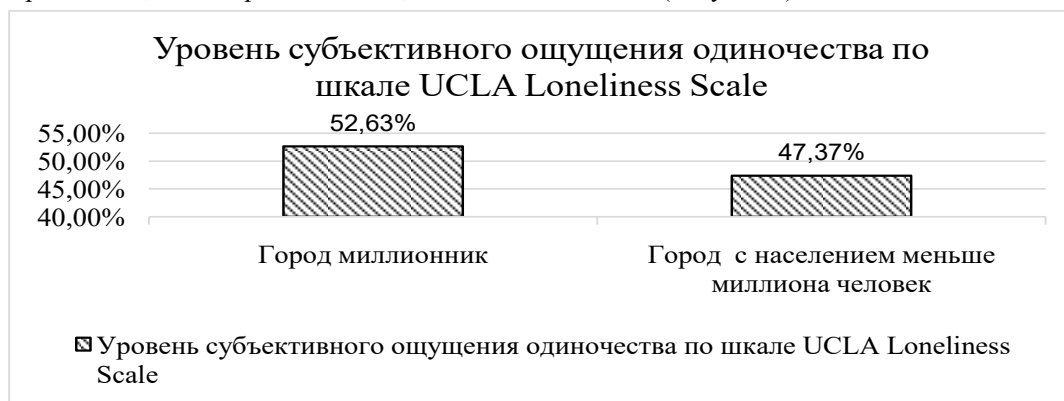

Рисунок 1 – Результаты опроса по первому параметру

Теперь переходим ко второй части опроса – дифференциация по факту переезда студента в город-миллионник.

Результаты опроса показывают, что 56,52% опрошенных, которые переехали в город-миллионник, имеют средний уровень ощущения одиночества, тогда как 43,48% – высокий уровень, низкий – у 0%. В то же время среди тех, кто не переезжал, высокий уровень одиночества наблюдается у 66,67% студентов, средний – у 33,33%, низкий уровень – 0%.

Таким образом, уровень субъективного ощущения одиночества у тех, кто не переезжал, выше, чем у тех, кто переехал – 66,67% и 43,48% соответственно (Рисунок 2).

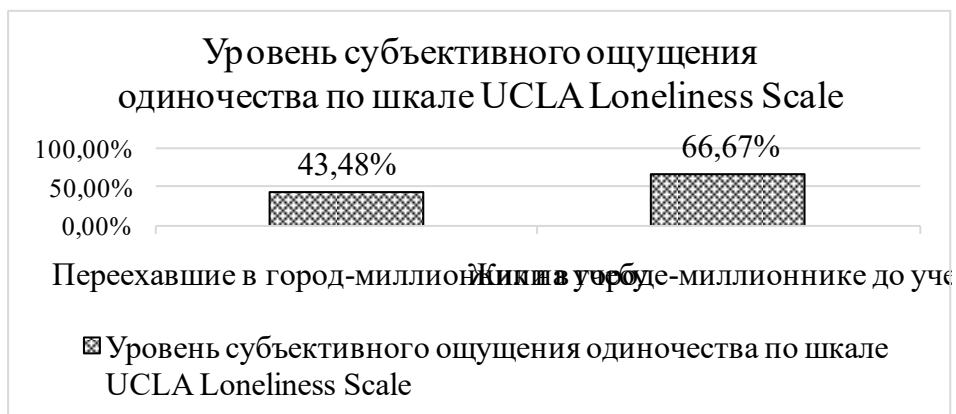

Рисунок 2 – Результаты опроса по второму параметру

По итогам исследования можно сделать вывод, что одиночество действительно является важной проблемой для современной молодежи, низкий уровень одиночества замечен у 0% респондентов.

Уровень одиночества студентов и размер города их проживания действительно взаимосвязаны: молодые люди из больших городов показывают более высокий уровень одиночества относительно живущих в городах, где население составляет меньше миллиона человек, однако факт переезда в город-миллионник в большом количестве случаев не оказывает негативного влияния на ощущение одиночества студентов, по результатам опроса мы наблюдаем обратное: не переезжавшие испытывают одиночество острее. Мы можем предположить, что данная закономерность связана с расширением социальных связей при смене места жительства, обретением нового круга общения, а также студенческой средой, которая предлагает большое количество различных мероприятий и активностей, но этот вопрос остается открытым для дальнейшего исследования.

Список использованных источников:

1. Большой толковый социологический словарь (Collins). Том 1 (А-О): Пер. с англ. – М: Вече, АСТ, 1999. – 544 с.
2. Вебер М. Город. Понятие и категории города // Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. С. 309-330.
3. Е.Н. Осин, Д.А. Леонтьев. Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства / Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2013. Т. 10, № 1. С. 55-81.
4. Немов, Р.С. Психология: учебник для вузов / Р.С. Немов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 501 с.
5. Франкл, Виктор Эмиль Человек в поисках смысла: [Сборник]: Пер. с англ. и нем. / В. Франкл; Общ. ред. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева; Вступ. ст. Д. А. Леонтьева [с. 5-21]. – Москва: Прогресс, 1990. – 366 с.
6. Хорни, К. Невротическая личность нашего времени / К. Хорни. – М.: Дайджест, 1993. – 217 с.
7. Фромм, Эрих Бегство от свободы/ Эрих Фромм; [перевод с английского А. Александровой]. – Москва: АСТ, сор. 2018. – 286.
8. ВЦИОМ. Новости: Жизнь в стиле соло [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhizn-v-stile-solo> (дата обращения: 02.11.2025).
9. Gen Z are the loneliest generation, research finds [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://futurecarecapital.org.uk/latest/gen-z-are-the-loneliest-generation-research-finds/> (дата обращения: 01.11.2025).

УДК 37.091

Квасялис И.А.

магистр 1 курса, направление 37.04.01, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством Ахметшиной И.А.

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

ТЕЛЕСНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ ТЕРАПИЯ В РАБОТЕ ПЕДАГОГА-ХОРЕОГРАФА

Аннотация. В современном хореографическом образовании наметился отход от сугубо технической направленности обучения в сторону целостного подхода, при котором принимаются во внимание психологическое состояние и личностное развитие танцора. Актуальность темы продиктована признанием высокой значимости психоэмоциональной сферы в работе педагога-хореографа. Ограниченное механическое освоение движений, методы работы с телесными «зажимами» и сценическим волнением не имеют системного научного обоснования. В статье теоретически обоснован инструментарий для адаптации принципов телесно-ориентированной терапии к задачам хореографического образования. Предложены рекомендации, позволяющие системно и корректно внедрять терапевтические техники в образовательный процесс.

Ключевые слова: хореографическое образование, танцевально-двигательная терапия, телесно-ориентированная терапия, аутентичное движение.

BODY-ORIENTED THERAPY IN THE WORK OF A CHOREOGRAPHY TEACHER

Abstract. In modern choreographic education, there has been a shift from a purely technical focus of training towards a holistic approach that takes into account the psychological state and personal development of the dancer. The relevance of this topic is driven by the recognition of the high importance of the psychoemotional sphere in the work of a choreographic teacher. The limited mechanical mastery of movements, methods of working with bodily "clamps" and stage anxiety, lack a systematic scientific basis. This article provides a theoretical framework for adapting the principles of body-oriented therapy to the challenges of choreographic education. Recommendations are proposed to allow for the systematic and correct implementation of therapeutic techniques in the educational process.

Keywords: choreographic education, dance and movement therapy, body-oriented therapy, and authentic movement.

В парадигме классического хореографического образования центральное место традиционно отводится достижению технического совершенства, эстетической безупречности формы, а также виртуозности исполнения. Педагог-хореограф выступает в роли наставника, который передаёт канонизированный набор движений и добивается их точного воспроизведения. Между тем, в течение последних десятилетий происходит переосмысление самой сути танцевальной педагогики. Усиливается понимание того, что за внешней формой танца скрывается сложный мир психоэмоциональных переживаний ученика, тело является не обычным инструментом, а «хранилищем» его жизненного опыта, страхов, устремлений [2]. Проблемы, с

которыми сталкиваются обучающиеся (мышечные зажимы, боязнь сцены, эмоциональное выгорание, трудности с самовыражением) зачастую имеют глубокие психологические корни; их нереально разрешить исключительно технической муштрой [6].

В этом контексте научный и практический интерес представляет обращение к методологии телесно-ориентированной терапии (далее – ТОТ), в рамках которой предлагается принципиально иной взгляд на взаимосвязь телесного и психического. ТОТ представляет собой междисциплинарный педагогический подход, при котором задействуются адаптированные принципы и техники не для клинического лечения, а для решения образовательных, развивающих задач [4].

Основоположник рассматриваемого направления – Вильгельм Райх. Он ввел понятие «мышечного панциря» – системы хронических напряжений мышц, которые возникают как защитная реакция на психологические травмы и подавленные эмоции. Как справедливо отмечают А.Л. Зимарева, А.В. Соколова, важно проводить четкую грань [1]. Телесно-двигательная терапия (далее – ТДТ) – это целенаправленный психотерапевтический процесс, который проходит в специально созданном контексте с профессиональным терапевтом для достижения конкретных целей. Педагог-хореограф не является психотерапевтом, однако он может заимствовать и адаптировать ключевые принципы и методы ТДТ для обогащения педагогического процесса [5]. В основе ТДТ лежат несколько фундаментальных принципов, которые имеют прямое отношение к хореографическому образованию: неразрывность тела и психики; танец как коммуникация; целостность (триада «мысли-чувства-поведение» рассматривается в качестве единой системы); тело как процесс (оно не воспринимается как статичный объект, который нужно «вылепить» по заданному образцу); обращение к творческим ресурсам [3].

Адаптация методов ТОТ для хореографического класса опирается на смещение акцента с вопроса «Как правильно сделать?» на «Что я чувствую, когда делаю это?», «Какие новые возможности движения я могу открыть в себе?». Это позволяет работать с «мышечным панцирем» ученика, который в танцевальном контексте проявляется как физические «зажимы», скованность, ограниченный диапазон движений, недостаточная выразительность. Рассматриваемый подход меняет роль педагога-хореографа – из контролера и оценщика он трансформируется в фасилитатора, проводника, который содействует ученику в установлении глубокого контакта с собственным телом и раскрытии его выразительного потенциала. Этим подчёркивается большое количество достоинств.

Приоритетной задачей становится формирование в группе атмосферы доверия, принятия, безоценочности. Это служит необходимым условием для того, чтобы ученики могли пойти на риск творческого самораскрытия и исследования своих уязвимых сторон. Рекомендуется исключить любую форму вербального или невербального насилия, сравнения, осуждения [7].

Интеграцию телесно-ориентированных практик важно сделать последовательной. Начинать предлагается с простых элементов: дыхательных упражнений и техник на осознание тела в разминке. По мере укрепления доверия в группе возможно вводить более сложные импровизационные и партнерские задания.

Наконец, желательным видится налаживание сотрудничества хореографических учебных заведений с профессиональными психологами, телесно-ориентированными терапевтами. Подобное партнерство сопровождается проведением совместных семинаров, супервизий для педагогов, организацией консультаций для учеников, которые сталкиваются с серьезными психологическими трудностями, выходящими за рамки компетенции хореографа.

Таким образом, интеграция принципов и методов телесно-ориентированной терапии в профессиональную деятельность педагога является не модным веянием, а глубокой, перспективной трансформацией самой сути танцевальной педагогики. Этот подход позволяет сместить фокус с формально-технического аспекта на целостное развитие личности ученика – при этом признаётся неразрывная связь его физического, эмоционального, ментального состояний. Нам представляется, что дальнейшие изыскания в анализируемой области разумно направить на проведение эмпирических лонгитюдных исследований, где отслеживается влияние телесно-ориентированного подхода на психологическое благополучие, уровень исполнительского мастерства, карьерную успешность танцоров. Обогащение хореографической педагогики знаниями из области ТОТ открывает путь к воспитанию нового поколения артистов – не просто виртуозных исполнителей, но и глубоких, осознанных, психологически целостных личностей, для которых танец становится подлинным искусством проживания жизни.

Список использованных источников:

1. Зимарева А.Л. Возможности танцевально-двигательной терапии в профилактике эмоциональных нарушений у старших дошкольников / А.Л. Зимарева, А.В. Соколова // Ученые записки НТГСПИ. Серия: Педагогика и психология. – 2023. – №4. – С. 94-106.
2. Малкина-Пых И.Г. Практикум по телесно-ориентированной психотерапии. – М.: Издательство «КноРус», 2023. – 414 с.
3. Рожкова Е.А. Симбиотическое существование телесно-ориентированной терапии техник релиза в современной хореографии // Формы инновационного развития хореографического образования: сборник статей I и II Всероссийских научно-практических конференций с международным участием, Москва, 06–07 декабря 2024 года. – М.: Московский государственный институт культуры, 2025. – С. 98-105.

4. Сафиуллина З.З. Обзор представлений и подходов к определению и понятию телесно-ориентированной терапии // Устойчивое развитие территорий: теория и практика: материалы V Международной научно-практической конференции, Сибай, 22–23 мая 2024 года. – Сибай: Уфимский университет науки и технологий, 2024. – С. 117-118.
5. Сляднева Л.Н. Проблема телесной отчужденности в хореографии и спорте / Л.Н. Сляднева, А.А. Сляднев // Вестник Ставропольского государственного педагогического института. – 2021. – №18 (1). – С. 120-122.
6. Сляднева Л.Н. Телесно-ориентированная составляющая хореографического образования: антропологический аспект / Л.Н. Сляднева, А.А. Сляднев, С.П. Клеменчук // KANT. – 2018. – №2 (27). – С. 129-131.
7. Солдатов Д.В. Психическое напряжение студентов в условиях профессионального образования / Д.В. Солдатов, И.А. Ахметшина, Е.А. Петрова // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – №74-1. – С. 237-240.

УДК 159.9

Киселева М.А.

студентка 2 курса, направление 44.03.02, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством **Калита В.В.**

к.псих.н., доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования МГУТУ им. К.Г.Разумовского (ПКУ)

СВЯЗЬ МЕЖДУ КАЧЕСТВОМ НОЧНОГО СНА И ПОКАЗАТЕЛЯМИ РАБОЧЕЙ ПАМЯТИ У СТУДЕНТОВ

Аннотация. Статья посвящена исследованию связи между качеством сна и субъективными показателями рабочей памяти у студентов. В исследовании приняли участие 36 студентов 1-4 курсов различных направлений бакалавриата. В качестве методов были применены авторский опросник, основанный на Питтсбургском индексе качества сна, и шкала когнитивных трудностей в повседневной и учебной деятельности. Выявлено, что дефицит сна связан с нарушениями в работе функций рабочей памяти, внимания, проспективной памяти, что создает значительные трудности для эффективного обучения. Практическая значимость работы обосновывает необходимость во внедрении программ по гигиене сна в образовательной среде.

Ключевые слова: сон, студенты, индекс качества сна, шкала когнитивных трудностей, рабочая память.

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE QUALITY OF NIGHT SLEEP AND WORKING MEMORY INDICATORS IN STUDENTS

Abstract. This article examines the relationship between sleep quality and subjective measures of working memory in college students. Thirty-six first- to fourth-year undergraduate students from various programs participated in the study. The authors' questionnaire, based on the Pittsburgh Sleep Quality Index, and the Cognitive Difficulties in Daily Living and Academic Activities scale were used. Sleep deprivation was found to be associated with impairments in working memory, attention, and prospective memory, which significantly impedes effective learning. The practical significance of this study substantiates the need to implement sleep hygiene programs in educational settings.

Keywords: sleep, students, sleep quality index, cognitive difficulties scale, working memory.

Недостаток сна связан с множеством проблем со здоровьем. В краткосрочной перспективе он приводит к утомляемости, ухудшению обучаемости и памяти, а также раздражительности [3]. Постоянное лишение себя сна может привести к ослаблению иммунной системы и способствует восприимчивости к таким заболеваниям, как грипп или простуда.

При систематическом недосыпании, когда суточный сон снижается до пяти и даже трех часов, снижается концентрация внимания и память – может появиться дневная сонливость и, как следствие, снижение рабочей емкости.

Сон – это физиологическое состояние отдыха и покоя, при котором работа сознания прекращается полностью или частично [3]. Нормой сна в день для взрослого человека является 8 часов, то есть за всю жизнь человек находится в состоянии сна треть своей жизни. В настоящее время обучающиеся высших учебных заведений подвержены недосыпанию, которое негативно влияет на успеваемость и здоровье студентов.

Функция рабочей памяти заключается во временном удержании и обработке данных [4], является центральным компонентом осуществления когнитивных процессов, таких как: понимание прочитанного, решение математических задач [6], а также более сложных функций – планирование, принятие решений, обучение [6].

Проспективная память – это когнитивная функция, обеспечивающая способность человека запомнить определенное намерение и вспомнить его в нужный момент для того, чтобы выполнить соответствующее действие.

Сон является важным условием эффективного запоминания, а недостаток сна негативно сказывается на когнитивных функциях, ухудшая способность удерживать информацию. Это часто проявляется в рассеянности, ошибках, замедленном принятии решений, неспособности оценивать реальную ситуацию.

Для выявления корреляции между показателями качества ночного сна и рабочей памяти были использованы опросник, составленный на основе Питтсбургского индекса качества сна [4], техники диагностики рабочей памяти А.А. Крылова [1]. Так как измерить показатели рабочей памяти достаточно сложно, было принято решение использовать шкалу самооценки когнитивных трудностей, которая

основывается на модели рабочей памяти Алана Бэддели [1]. Данная методика включила в себя оценку функций центрального исполнителя, который отвечает за планирование хода действий, решение задач и др.

В исследовании приняли участие 37 студентов 1-4 курса бакалавриата разных направлений подготовки.

После проведения опроса были рассчитаны показатели по шкалам: индекс качества сна, шкалы рабочая память, внимание, проспективная память и общий балл самооценки когнитивных трудностей.

Индекс качества сна.

Первая часть опросника, направленная на определение качества сна состояла из 7 вопросов:

1. В какое время вы обычно ложитесь спать?
2. Сколько минут вам обычно требуется, чтобы заснуть?
3. Во сколько вы обычно просыпаетесь утром?
4. Сколько часов вы спите ночью?

5. Как часто за последний месяц ваш сон был нарушен по следующим причинам: не могу заснуть в течение 30 минут; просыпаюсь среди ночи или под утро; встаю в туалет; мешают дискомфортные ощущения; мешают звуки, свет.

6. Испытываете ли вы сонливость и недостаток энергии в течение дня?

7. Как часто за последний месяц вы принимали снотворное, чтобы уснуть?

Интерпретация баллов следующая:

0 – 4 балла: хорошее качество сна (привычки сна выглядят здоровыми.)

5 – 8 баллов: удовлетворительное качество сна (есть незначительные проблемы, на которые стоит обратить внимание, например, изменить время отхода ко сну.)

9 – 12 баллов: плохое качество сна (явные признаки нарушения сна.)

13+ баллов: очень плохое качество сна (хроническая бессонница или другие нарушения сна.)

Результаты опроса представлены в диаграммах.

Так, большое количество студентов отметили время отхода ко сну после полуночи, а время пробуждения в промежутке 6-8 утра, то есть продолжительность их сна снижается до 3-6 часов, что указывает на недостаток сна. Помимо этого, у многих студентов наблюдаются проблемы с засыпанием, многие просыпаются среди ночи, по различным причинам, что также сокращает продолжительность сна. Результаты проведенного опроса свидетельствуют о дефиците сна среди респондентов.

Данные, характеризующие когнитивные трудности студентов, были сгруппированы следующим образом:

Рабочая память:

1. Мне трудно удерживать в голове несколько мыслей одновременно;
2. Мне трудно считать в уме.

Рисунок 1 – Распределение показателей Индекса качества сна

Внимание:

1. Мне сложно следить за ходом мыслей лектора или собеседника;
2. При чтении я часто ловлю себя на мысли, что забыл, что только что прочитал и мне приходится возвращаться;
3. Мне требуется больше усилий, чтобы сосредоточиться, чем раньше.

Проспективная память:

1. Я начинаю что-то делать и сразу забываю, что именно хотел сделать;
2. Я забываю, что собирался сказать в разговоре.

Специфика шкал такова, что, чем ниже показатель, тем выше когнитивные способности испытуемого.

Результаты данной части опроса представлены в диаграммах.

Рисунок 2 – Распределение показателей Рабочая память

По диаграмме распределения испытуемых по шкале «рабочая память» можно увидеть, что показатели рабочей памяти имеют распределение близкое к нормальному.

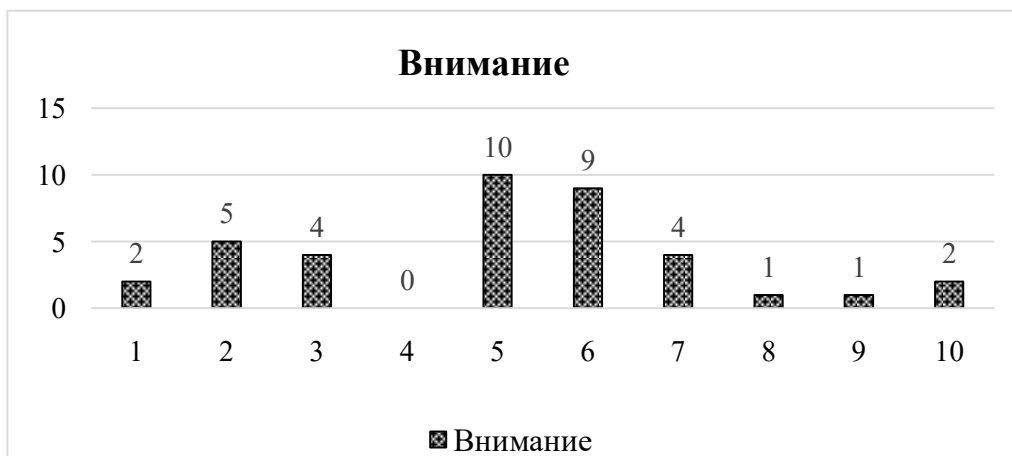

Рисунок 2 – Распределение показателей Внимание

На диаграмме распределения данных по шкале «Внимание» наблюдалась следующая тенденция: результаты сдвинуты в правую часть шкалы, что указывает на проблемы с вниманием у студентов.

Рисунок 2 – Распределение показателей Проспективная память

Диаграмма показателей по шкале «Проспективная память», указывает на наличие проблем: большее количество студентов находится в правой части шкалы, что указывает на преобладание у них низких показателей проспективной памяти. Таким образом, анализ распределения показателей по шкалам позволяет утверждать, что у значительной части участников обследования наличествуют когнитивные трудности, выражающиеся в нарушении ключевых функций рабочей памяти [1], таких как:

- обработка данных для решения когнитивных задач.
- рассуждения и принятие решений.
- планирование.

Для вычисления связи между индексом качества сна (ИКС), шкалами рабочая память (РП), внимание (В), проспективная память (ПП) и общий балл самооценки когнитивных трудностей (ОБ) был применен критерий корреляции Пирсона (Таблица 1).

Таблица – 1. Результаты корреляционного анализа по коэффициенту Пирсона

Корреляции		РП	В	ПП	ОБ	ИКС
РП	Корреляция Пирсона	1	,452**	,573**	,782**	,184

	Знч.(2-сторон)		,005	,000	,000	,276
	N	37	37	37	37	37
В	Корреляция Пирсона	,452**	1	,534**	,825**	,356*
	Знч.(2-сторон)	,005		,001	,000	,031
	N	37	37	37	37	37
ПП	Корреляция Пирсона	,573**	,534**	1	,841**	,364*
	Знч.(2-сторон)	,000	,001		,000	,027
	N	37	37	37	37	37
ОБ	Корреляция Пирсона	,782**	,825**	,841**	1	,385*
	Знч.(2-сторон)	,000	,000	,000		,019
	N	37	37	37	37	37
ИКС	Корреляция Пирсона	,184	,356*	,364*	,385*	1
	Знч.(2-сторон)	,276	,031	,027	,019	
	N	37	37	37	37	37
**. Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторон.).						
*. Корреляция значима на уровне 0.05 (2-сторон.).						

Проведенный корреляционный анализ по коэффициенту Пирсона выявил ряд статистически значимых взаимосвязей между показателями когнитивных функций и индексом качества сна.

Полученные данные свидетельствуют о том, что более высокое качество сна имеет слабую, но статистически значимую связь с показателями когнитивных способностей, в особенности с эффективностью проспективной памяти и внимания. В то же время, рабочая память, в контексте данного исследования, оказалась менее зависимой от субъективной оценки качества сна. Это позволяет предположить избирательное влияние сна на различные компоненты когнитивной сферы.

Результаты корреляционного анализа подтвердили наличие положительной связи между качеством сна и показателями когнитивных трудностей, в частности с показателями проспективной памяти и внимания. Низкие показатели по обозначенным шкалам зачастую являются основными причинами трудностей в обучении студентов.

Список использованных источников:

1. Бэддели А. «Ваша память. Руководство по тренировке и развитию» / Пер. с англ. С.Л. Могилевского. – М.: Изд-во ЭКСМО-ПРЕСС, 2001. – 320 с. (Серия «Мир психологии/Мир человека»).
2. А.А. Крылов «Практикум по экспериментальной и прикладной психологии» – Л.: ЛГУ, 1990.
3. Рожанский, Николай Аполлинариевич. Материалы к физиологии сна. – Москва: Медгиз, 1954. – 127 с. : граф. : 23 см – (Диссертации школы акад. И.П. Павлова / Акад. мед. наук СССР).
4. Baddeley AD, Hitch G. Working memory. In: Bower GH, ed. Psychology of Learning and Motivation – Advances in Research and Theory. Vol 8. Academic Press; 1974; 47-89.
5. Buysse D.J. et al. The Pittsburgh Sleep Quality Index: A New Instrument for Psychiatric Practice and Research // Psychiatry Research. – 1989. – Vol. 28. – P. 193-213.
6. Daneman M., Merikle P.M. Working memory and language comprehension: A metaanalysis // Psychonomic Bulletin & Review. – 1996. – Т 3, № 4 – С. 422-433. – DOI 10.3758/BF03214546.
7. Jones K, Harrison Y. Frontal lobe function, sleep loss and fragmented sleep. Sleep Medicine Reviews. 2001; 5(6):463-475. doi:10.1053/smr.2001.0203
8. Jonides J., Lacey S.C., Nee D.E. Processes of working memory in mind and brain // Current Directions in Psychological Science. – 2005. – Т 14, № 1 – С. 2-5. – DOI 10.1111/j.0963-7214.2005.00323.x.

магистрант 3 курса, направление 37.04.01, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования, «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством **Юлина Г.Н.**

к.псх.н., доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ: САМОРЕГУЛЯЦИЯ, РЕФЛЕКСИЯ И КОММУНИКАТИВНАЯ КУЛЬТУРА

Аннотация. В статье рассматриваются психологические основы формирования конфликтологической компетентности руководителя через анализ трех ключевых компонентов: осознанной саморегуляции, рефлексии и коммуникативной культуры. На основе фундаментальных теоретических концепций В.И. Моросановой, А.В. Карпова, Г.М. Андреевой и других авторов раскрывается роль каждого компонента в эффективном управлении конфликтными ситуациями. Осознанная саморегуляция представлена как метаресурс управленческой деятельности, обеспечивающий способность руководителя контролировать свое поведение и эмоциональные реакции в конфликте. Рефлексия рассматривается как синтетическая психическая реальность, обеспечивающая осмысление конфликтной ситуации, понимание позиций участников и прогнозирование развития событий. Коммуникативная культура анализируется в контексте трехсторонней модели общения, включающей коммуникативную, интерактивную и перцептивную стороны. Особое внимание уделяется механизмам затрудненного общения как предикторам конфликтных ситуаций. Показано, что интеграция саморегуляции, рефлексии и коммуникативной культуры создает психологический фундамент конфликтологической компетентности, обеспечивающий способность руководителя трансформировать деструктивные конфликты в продуктивное взаимодействие.

Ключевые слова: конфликтологическая компетентность, осознанная саморегуляция, рефлексия руководителя, коммуникативная культура, затрудненное общение, управление конфликтами, профессиональная компетентность руководителя.

PSYCHOLOGICAL FOUNDATIONS OF CONFLICT MANAGEMENT COMPETENCE OF A MANAGER: SELF-REGULATION, REFLECTION AND COMMUNICATION CULTURE

Abstract. The article examines the psychological foundations for developing a manager's conflict management competence through the analysis of three key components: conscious self-regulation, reflection, and communication culture. Based on fundamental theoretical concepts of V.I. Morosanova, A.V. Karpov, G.M. Andreeva and other authors, the role of each component in effective conflict management is revealed. Conscious self-regulation is presented as a meta-resource of managerial activity, providing the manager's ability to control their behavior and emotional reactions in conflict. Reflection is considered as a synthetic mental reality that provides comprehension of the conflict situation, understanding of participants' positions, and forecasting of events development. Communication culture is analyzed in the context of a three-sided model of communication, including communicative, interactive, and perceptive aspects. Special attention is paid to the mechanisms of difficult communication as predictors of conflict situations. It is shown that the integration of self-regulation, reflection, and communication culture creates the psychological foundation of conflict management competence, providing the manager's ability to transform destructive conflicts into productive interaction.

Keywords: conflict management competence, conscious self-regulation, manager's reflection, communication culture, difficult communication, conflict management, professional competence of a manager.

Введение

Проблема формирования конфликтологической компетентности руководителя приобретает особую актуальность в условиях возрастающей сложности организационных процессов и интенсификации межличностных взаимодействий в профессиональной среде. Конфликтные ситуации являются неотъемлемым элементом управленческой деятельности, и способность руководителя эффективно управлять ими во многом определяет общую результативность организации, психологический климат в коллективе и качество профессиональных отношений.

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных изучению конфликтов и стратегий их разрешения, остается недостаточно раскрытым вопрос о психологических основах конфликтологической компетентности руководителя, о тех фундаментальных способностях и качествах личности, которые обеспечивают эффективность управления конфликтными ситуациями. Традиционно конфликтологическая компетентность рассматривается преимущественно в поведенческом аспекте – как владение техниками и приемами разрешения конфликтов. Однако такой подход оставляет за рамками анализа глубинные психологические механизмы, определяющие способность руководителя не только применять определенные техники, но и осознанно управлять собственным поведением, осмыслять сложные межличностные ситуации и выстраивать эффективную коммуникацию в условиях напряженного взаимодействия.

Цель настоящей статьи – на основе фундаментальных психологических концепций раскрыть роль трех ключевых компонентов – осознанной саморегуляции, рефлексии и коммуникативной культуры – в структуре конфликтологической компетентности руководителя. Теоретическую базу исследования составили когнитивно-личностная концепция осознанной саморегуляции В.И. Моросановой [0, 0], концепция психологии рефлексии А.В. Карпова [0], трехсторонняя модель структуры общения Г.М. Андреевой [0] и концепция затрудненного общения В.А. Лабунской с соавторами [0]. Интеграция этих концептуальных подходов позволяет построить

целостное представление о психологических основах формирования конфликтологической компетентности руководителя.

Осознанная саморегуляция как метаресурс управленческой деятельности

Фундаментальное значение для понимания механизмов саморегуляции руководителя в конфликтных ситуациях имеет когнитивно-личностная концепция осознанной саморегуляции, разработанная В.И. Моросановой [0]. Осознанная саморегуляция понимается как многоуровневая и динамическая метасистема процессов, состояний и свойств, являющаяся инструментом инициации и поддержания активности, направленной на осознанное выдвижение и достижение целей. В более узком смысле это целостная система выдвижения и управления достижением целей поведения и деятельности, имеющая универсальную структуру для разных видов активности [0].

Теоретической основой концепции Моросановой выступает структурно-функциональная модель осознанной саморегуляции деятельности О.А. Конопкина [0]. Модель включает шесть функциональных звеньев: принятая субъектом цель деятельности, выполняющая системообразующую функцию; субъективная модель значимых условий, отражающая комплекс внешних и внутренних условий, учет которых субъект считает необходимым для успешной деятельности; программа исполнительских действий; субъектная система критериев успешности; контроль и оценка реальных результатов; решение о коррекции системы саморегуляции [0]. Система этих компонентов образует процесс осознанного регулирования деятельности, универсальный для разных видов произвольной активности человека.

Развивая модель Конопкина, Моросанова предложила двухуровневую когнитивно-личностную модель саморегуляции [0]. Первый, операционально-когнитивный уровень включает регуляторные процессы переработки информации: планирование целей (индивидуальные особенности целеполагания и удержания целей), моделирование значимых условий их достижения (способность выделять значимые условия как в текущей ситуации, так и в перспективном будущем), программирование последовательности и способов действия (способность осознанно программировать свои действия), оценивание и корректирование результатов (развитость и адекватность оценки себя и результатов своей деятельности). Эти процессы взаимосвязаны и осуществляются как последовательно, так и параллельно, обретая свою содержательную и функциональную определенность лишь в структуре целостного процесса саморегуляции [0].

Второй, личностно-регуляторный уровень включает инструментальные регуляторно-личностные свойства: гибкость (способность перестраивать систему саморегуляции при изменении условий), надежность (сохранение стабильности регуляторных процессов в психологически трудных условиях), ответственность, инициативность, рефлексивность (способность к осознанию и анализу собственных процессов саморегуляции) и самостоятельность (автономность в организации активности, способность самостоятельно планировать деятельность, организовывать работу по достижению цели, контролировать ее выполнение, анализировать и оценивать результаты) [0]. Регуляторно-личностные свойства определяют не столько то, как действует человек, сколько какие по содержанию цели он выдвигает и какие способы достижения цели избирает.

Принципиальное значение для понимания роли саморегуляции в управленческой деятельности имеет концепция индивидуального стиля саморегуляции – индивидуально-устойчивого, типичного для человека своеобразия выдвижения им целей своей внешней и внутренней активности и управления их достижением [0]. Индивидуальный профиль саморегуляции может быть гармоничным (все компоненты развиты примерно одинаково) или акцентуированным (различная степень сформированности отдельных регуляторных особенностей, при этом слаборазвитые особенности могут быть скомпенсированы высокоразвитыми регуляторными компетенциями) [0].

Особую ценность для понимания механизмов управления конфликтами представляет ресурсный подход Моросановой, в рамках которого осознанная саморегуляция рассматривается как метаресурс – главный ресурс, который организует те ресурсы, которые есть у человека для достижения той или иной цели [1]. От наличия и развития осознанной саморегуляции зависят результаты достижения любой цели, включая разрешение конфликтных ситуаций.

Применительно к управленческой деятельности, как отмечает Моросанова, степень сформированности индивидуальной саморегуляции является значимым предиктором продуктивности выполнения различных видов профессиональной деятельности, в том числе управленческой [0]. Испытуемые с высокими показателями общего уровня саморегуляции самостоятельны, гибко и адекватно реагируют на изменение условий, при высокой мотивации достижения способны формировать такой стиль саморегуляции, который позволяет компенсировать влияние личностных особенностей, препятствующих достижению цели, легче овладевают новыми видами активности и увереннее чувствуют себя в незнакомых ситуациях [0].

Исследования Моросановой и Гаралевой показали непосредственную связь саморегуляции с управлением агрессивными проявлениями и конфликтным поведением [0]. Сформированность системы осознанной саморегуляции предоставляет возможность регуляции деструктивных агрессивных проявлений. Контроль физической агрессии обусловлен сформированностью планирования и программирования; особенности вербальной агрессии связаны с уровнем сформированности планирования и регуляторной гибкости; проявления косвенной агрессии регулируются способностью выделять значимые условия достижения целей – процессом моделирования [0]. Таким образом, осознанная саморегуляция является психологическим ресурсом управления агрессией и конфликтами.

Рефлексия как механизм управленческого взаимодействия

Теоретическую основу понимания роли рефлексии в деятельности руководителя составляет концепция психологии рефлексии А.В. Карпова. Согласно данной концепции, рефлексия является синтетической психической реальностью, которая может выступать и как психический процесс, и как психическое свойство, и как психическое состояние одновременно, но не сводится ни к одному из них [0]. Карпов выделяет три основных модуса рефлексивной реальности: рефлексивность как континуальное личностное свойство с индивидуальными различиями в мере выраженности; рефлексия как процессуальная организация рефлексивной активности; рефлексирование как особое состояние сознания [3].

Фундаментальное значение рефлексии для психической организации человека подчеркивается в понимании рефлексивности как способности сознания к самоосознанию, как «данности сознания самому себе» [0]. Рефлексия не только продукт сознания, но также форма его существования, важнейшее его условие и один из основных механизмов. Рефлексивность позволяет дифференцировать психическое на «познающее» и «познаваемое», конституируя его как предмет познания.

В концепции Карпова разработана типология рефлексии, включающая четыре основных аспекта. **Кооперативная рефлексия** направлена на знания о ролевой структуре и позициональной организации коллективного взаимодействия, обеспечивая осмысление совместной деятельности для достижения общей цели. **Коммуникативная рефлексия** включает представления о внутреннем мире другого человека и причинах его поступков, реализует понимание того, как человек воспринимается другими людьми, базируется на способности «встать на место другого», механизмах идентификации, эмпатии и проекции. **Личностная рефлексия** направлена на собственные поступки субъекта, образы собственного «Я» как индивидуальности, выполняет функции самопознания, построения Я-образа, включает анализ своих мотивов, ценностей, личностных смыслов. **Интеллектуальная (когнитивная) рефлексия** имеет объектом знания об объекте и способы действия с ним, обеспечивает организацию когнитивных процессов переработки информации, осмысление способов решения задач, анализ собственного мышления [0].

Карпов выделяет также три темпоральных вида рефлексии. **Ситуативная (оперативная) рефлексия** обеспечивает непосредственный самоконтроль поведения в актуальной ситуации, осмысление элементов ситуации, анализ происходящего. **Ретроспективная рефлексия** представляет собой склонность к анализу уже выполненной деятельности и свершившихся событий, включает осмысление предпосылок, мотивов и причин произошедшего, прошлого поведения и его результатов, допущенных ошибок. **Перспективная (проспективная) рефлексия** направлена на анализ предстоящей деятельности и поведения, выполняет функцию планирования и прогнозирования вероятных исходов [0].

Рефлексия выполняет систему взаимосвязанных функций в деятельности: познавательную (самопознание и познание других), регулятивную (управление собственной деятельностью и поведением), проектировочную (планирование и прогнозирование), коммуникативную (обеспечение межличностного взаимодействия), развивающую (основа личностного развития и саморазвития), адаптивную (эффективная адаптация к внешней среде).

Особое значение имеет понимание рефлексивности как метакогнитивной способности, континуальной по своей природе, имеющей различия в индивидуальной мере выраженности, которая может быть измерена количественно. Рефлексивность базируется на способности и различается по уровням развития, может быть развита в процессе деятельности.

Применительно к управленческой деятельности Карпов подчеркивает, что рефлексивность руководителя является одним из главных факторов эффективности управленческой деятельности, одной из главных детерминант, делающих возможной данную деятельность, поскольку именно на ней базируются межличностные отношения, достигается результативность любого контактного взаимодействия, а тем более целенаправленного воздействия одного субъекта на других. Управление как процесс всегда носит опосредствованный характер, оно всегда «экранируется» сознательными – рефлексивными процессами. Контакт субъектов и их сознаний просто невозможен без рефлексивных средств и процессов [0].

Специфика рефлексии в управлении определяется субъект-субъектным характером управленческого взаимодействия, при котором управляемые субъекты обладают собственной рефлексией, что порождает феномен «рефлексии рефлексии» – руководитель должен учитывать рефлексию подчиненных [3]. Рефлексия включается во все основные управленческие функции: в принятии решений обеспечивает анализ проблемной ситуации, осмысление альтернатив и прогнозирование последствий; в планировании перспективная рефлексия выступает его основой; в контроле ретроспективная рефлексия служит анализу выполненного, выявлению ошибок и их причин; в мотивировании коммуникативная и личностная рефлексия позволяют понимать мотивы подчиненных и осознавать собственное влияние на других [0].

В контексте конфликтологической компетентности рефлексия выполняет критически важные функции. Анализ конфликтной ситуации требует понимания причин и структуры конфликта, выявления скрытых интересов сторон, рефлексии собственной роли в конфликте. Коммуникативная рефлексия в конфликте обеспечивает понимание позиции оппонента, способность «встать на место другого», учет эмоционального состояния сторон. Личностная рефлексия включает анализ собственных предубеждений и стереотипов, осознание своих эмоциональных реакций. Применение рефлексии способствует деэскалации конфликта, поиску компромиссных решений, трансформации конфликта в конструктивное русло, предупреждению будущих конфликтов.

Коммуникативная культура и структура общения

Фундаментальной основой понимания коммуникативной культуры руководителя выступает концепция общения Г.М. Андреевой, разработанная в рамках отечественной социальной психологии [0]. Общение определяется как сложный многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми, порождаемый потребностями совместной деятельности и включающий в себя обмен информацией, выработку единой стратегии взаимодействия, восприятие и понимание другого человека. Ключевая методологическая позиция Андреевой состоит в рассмотрении общения в неразрывной связи с деятельностью – общение выступает как особая форма совместной деятельности людей [0].

Центральное место в концепции Андреевой занимает трехсторонняя модель структуры общения, включающая три взаимосвязанные стороны. **Коммуникативная сторона общения** представляет собой обмен информацией между общающимися индивидами. Ее специфика состоит не в простом движении информации, а во взаимной передаче закодированных сведений между субъектами, при которой люди стремятся выработать общий смысл, что возможно лишь при условии, что информация не только принята, но и осмыслена [4]. Условием эффективности коммуникации выступает наличие у коммуникатора и реципиента сходной системы кодификации и декодификации информации. Коммуникация реализуется через вербальные средства (речь как универсальное средство) и невербальные средства (жесты, мимика, пантомимика, проксемика, визуальный контакт) [0].

Интерактивная сторона общения представляет собой организацию взаимодействия между общающимися индивидами, обмен действиями, непосредственную организацию совместной деятельности. Андреева выделяет два основных типа взаимодействия: кооперацию как координацию сил участников, необходимый элемент совместной деятельности, и конкуренцию, крайней формой которой выступает конфликт. **Перцептивная сторона общения** включает процесс восприятия и познания друг друга партнерами по общению и установление на этой основе взаимопонимания. Социальная перцепция представляет собой восприятие, понимание и оценку людьми социальных объектов – других людей, самих себя, групп, социальных общностей.

Андреева выделяет механизмы межличностного восприятия: идентификацию (уподобление себя другому, попытку поставить себя на место партнера), эмпатию (эмоциональное сопереживание другому человеку), рефлекссию (осознание того, как человек воспринимается партнером по общению), стереотипизацию (восприятие партнера на основе некоего стереотипа), каузальную атрибуцию (приписывание причин поведения другому человеку). Андреева подчеркивает, что все три стороны общения тесно переплетаются между собой, органически дополняют друг друга и составляют процесс общения в целом [0].

На основе трехсторонней модели формируется понимание коммуникативной культуры, которая включает: знание структуры общения и понимание взаимосвязи трех его сторон; владение вербальными и невербальными средствами коммуникации; понимание специфики обмена информацией и учет того, что смысл сообщения не совпадает с его значением; умение организовывать взаимодействие и координировать совместную деятельность; способность к адекватному восприятию через использование механизмов социальной перцепции; умение преодолевать коммуникативные барьеры.

Коммуникативная компетентность, согласно интерпретации теории Андреевой, представляет собой комплекс осознанных коммуникативных действий, основанных на высокой теоретической и практической подготовленности личности, позволяющий творчески использовать знания для отражения и преобразования действительности [0]. Структура коммуникативной компетентности включает три взаимосвязанные способности: давать социально-психологический прогноз коммуникативной ситуации, в которой предстоит общаться; социально-психологически программировать процесс общения, опираясь на своеобразие коммуникативной ситуации; осуществлять социально-психологическое управление процессами общения в коммуникативной ситуации [0].

Принципиальное значение для понимания механизмов затруднений в общении имеет концепция коммуникативных барьеров, разработанная Андреевой. Коммуникативный барьер – это психологическое препятствие различного происхождения, которое реципиент устанавливает на пути нежелательной, утомительной или опасной информации. **Барьеры понимания** включают фонетический барьер (невнятная, слишком быстрая или медленная речь), семантический барьер (различия в системах значений слов), стилистический барьер (несоответствие стиля речи коммуникатора ситуации общения или актуальному психологическому состоянию партнера), логический барьер (сложная, непонятная или неправильная логика рассуждений). **Барьеры социально-культурного различия** обусловлены социальными, политическими, религиозными, профессиональными, этническими различиями, приводящими к разной интерпретации понятий. **Барьеры отношений** связаны с психологической защитой, неприязнью, недоверием к коммуникатору, при которых негативное отношение распространяется на передаваемую информацию [0].

Применительно к управленческой деятельности трехсторонняя модель Андреевой задает структуру коммуникативной компетентности руководителя, включающую владение познавательной стороной (ориентировка в ситуации общения), коммуникативной стороной (передача сообщения) и интерактивной стороной (взаимовлияние и воздействие) [0]. Руководитель должен уметь ставить коммуникативные цели и задачи, строить планы и сценарии общения в сложных ситуациях, вести беседу и строить личностно-ориентированное профессиональное общение, публично выступать и вести диалог, регулировать климат и атмосферу общения в коллективах, развивать коммуникативную компетентность сотрудников.

В контексте конфликтологической компетентности принципиально важно понимание Андреевой конфликта как формы взаимодействия (интерактивной стороны общения), одной из ярких форм конкуренции, противоположной кооперации. Конфликт рассматривается как вид общения, процесс, в основе которого лежат реальные или иллюзорные противоречия в целях общающихся личностей при попытках их разрешения на фоне острых эмоциональных состояний. Андреева различает деструктивные конфликты, которые разрушают структуру общения, снижают эффективность деятельности, возникают при выходе за рамки деловых аргументов, и продуктивные (конструктивные) конфликты, которые сплачивают участников, улучшают структуру отношений, остаются в рамках деловых аргументов [0].

Затрудненное общение и его преодоление

Концепция психологии затрудненного общения, разработанная В.А. Лабунской, Ю.А. Менджерицкой и Е.Д. Бреус, существенно дополняет понимание коммуникативной культуры руководителя, раскрывая механизмы возникновения и преодоления коммуникативных затруднений. В узком смысле слова затрудненное общение определяется как незначительные трения и сбои в сфере межличностного общения, для которых характерны сохранность и непрерывность контактов между партнерами, определенная степень осознания испытываемых затруднений, поиск причин, приводящих к осложнениям общения, попытки самостоятельного преодоления социально-перцептивных, интеракционных, коммуникативных затруднений. В широком смысле слова затрудненное общение охватывает все виды и формы общения, приводящие к деструктивным изменениям поведения партнеров, непрерывно-прерывным контактам вплоть до отказа от общения, снижению уровня осознания причин трудностей, уменьшению попыток самостоятельного выхода из затруднений, формированию тревожного отношения к любой ситуации общения [0].

Затрудненное общение рассматривается в нескольких плоскостях: как социально-психологический феномен, проявляющийся только в ситуации взаимодействия; как явление объективное, представленное в несоответствии цели и результата, выбранной модели общения и реально протекающего процесса; как явление субъективное, заявляющее о себе в различного рода переживаниях человека, в основе которых могут быть неудовлетворенные потребности, мотивационный, когнитивный, эмоциональный диссонанс, внутриличностные конфликты.

Авторы разработали развернутую классификацию причин затрудненного общения, включающую объективные и субъективные, первичные и вторичные, осознаваемые и неосознаваемые, ситуативные и устойчивые причины. По психологическому содержанию выделяются когнитивно-эмоциональные (представления, стереотипы, установки, настроения, ценностные ориентации), мотивационные и инструментальные (навыки общения, правила этикета, нормы, ритуалы) причины. По компонентам структуры общения различаются социально-перцептивные, коммуникативные и интерактивные затруднения, которые могут иметь вербальную или невербальную форму выражения [0].

Особое значение для понимания конфликтологической компетентности руководителя имеет концепция субъекта затрудненного общения. Согласно В.Н. Куницыной [9], выделяются три типа субъектов. Первый тип характеризуется тем, что стремится к общению, имеет такую возможность, но не умеет это делать, проявляя беззащитность и эгоцентризм, что приводит к его отвержению. Второй тип умеет общаться, имеет такую возможность, но не хочет этого вследствие глубокой интровертированности, самодостаточности, отсутствия потребности в общении либо предубежденности, ригидности восприятия, следования предрассудкам и стереотипам. Третий тип характеризуется подозрительностью, завистливостью, эгоцентризмом, тщеславностью, себялюбием, ревностью, высоким уровнем фрустрации межличностных потребностей, установкой на унижение другого, агрессивно-обесценивающим стилем общения с запугиванием и покорением другого [0].

Отношения субъекта затрудненного общения располагаются в пространстве трех координат: дистанции (от включенности до выключенности), позиции (от контроля и доминирования до подчинения) и валентности (от притяжения до ненависти). Отношения субъекта затрудненного общения характеризуются враждебностью, недоверием, подозрительностью, ненавистью, неприятием, агрессивностью, отчужденностью, игнорированием, доминированием и подавлением.

Концепция психологического барьера как устойчивой установки, психологического настроя личности, процессов, свойств, состояний человека, которые консервируют скрытый эмоционально-интеллектуальный потенциал его активности, указывает на внутренний источник трудностей общения. Затруднения во взаимодействии могут быть связаны с действием защитных механизмов (проекции, проективной идентификации, интроекции, ретрофлексии), приводящих к искажению восприятия партнера и самого содержания взаимодействия [0].

В качестве крайней формы проявления трудностей общения изучается конфликт. Термин «затрудненное общение» используется как широкое понятие, объединяющее трудности, затруднения, сбои, осложнения, препятствия, барьеры и конфликты, так и как узкое определение, фиксирующее незначительные трудности общения, преодолеваемые партнерами в процессе коммуникации.

Преодоление затрудненного общения осуществляется преимущественно через социально-психологический тренинг, направленный не столько на отработку навыков общения, сколько на коррекцию отношения к другим людям и связанной с ним самооценки, преодоление внутренних конфликтов, активизацию самосознания. На возникновение затрудненного общения оказывает влияние коммуникативная компетентность, включающая навыки общения, правила этикета, нормы, ритуалы, принятые способы обращения [5]. Работа с

кинессико-проксемическим поведением субъекта общения позволяет корректировать экспрессивный репертуар, включающий те экспрессивные компоненты, которые входят в структуру ведущих отношений к другому.

Интеграция компонентов в структуре конфликтологической компетентности руководителя

Рассмотренные компоненты – саморегуляция, рефлексия и коммуникативная культура – образуют взаимосвязанную систему, определяющую конфликтологическую компетентность руководителя. Саморегуляция выступает как метаресурс, обеспечивающий способность руководителя осознанно управлять своим поведением в конфликтной ситуации, контролировать эмоциональные реакции, гибко перестраивать программу действий, сохранять надежность регуляции в психологически трудных условиях [0]. Высокий уровень саморегуляции позволяет контролировать агрессивные проявления: планирование и программирование обеспечивают контроль физической агрессии, планирование и гибкость – регуляцию вербальной агрессии, моделирование – управление косвенной агрессией [0].

Рефлексия обеспечивает осмысление конфликтной ситуации, понимание ее причин и структуры, осознание собственной роли в конфликте. Коммуникативная рефлексия позволяет понимать позицию оппонента, учитывать эмоциональное состояние сторон. Личностная рефлексия способствует анализу собственных предубеждений, стереотипов, эмоциональных реакций. Ситуативная рефлексия обеспечивает самоконтроль поведения в актуальной конфликтной ситуации, ретроспективная – анализ прошлых конфликтов и их причин, перспективная – прогнозирование развития конфликта и планирование стратегий его разрешения [0].

Коммуникативная культура реализует эффективное взаимодействие с участниками конфликта на основе владения тремя сторонами общения. Коммуникативная сторона обеспечивает выработку общего смысла, преодоление барьеров понимания, использование адекватных вербальных и невербальных средств. Интерактивная сторона позволяет переориентировать взаимодействие с конкуренции на кооперацию, организовать совместную деятельность, координировать усилия участников. Перцептивная сторона реализует адекватное восприятие друг друга через механизмы идентификации, эмпатии, рефлексии, преодоление негативных стереотипов [0].

Понимание механизмов затрудненного общения [0] позволяет руководителю распознавать признаки формирующегося конфликта на ранних стадиях, выявлять объективные и субъективные причины затруднений, идентифицировать типы субъектов затрудненного общения, различать коммуникативные, перцептивные и интерактивные барьеры, осознавать действие защитных механизмов, искажающих восприятие и взаимодействие.

Интеграция саморегуляции, рефлексии и коммуникативной культуры в единую систему конфликтологической компетентности обеспечивает руководителю способность: осознанно контролировать свое поведение и эмоциональные реакции в конфликте (саморегуляция); анализировать конфликтную ситуацию, понимать позиции сторон, прогнозировать развитие событий (рефлексия); эффективно взаимодействовать с участниками конфликта, преодолевать коммуникативные барьеры, переориентировать взаимодействие с деструктивного на конструктивное (коммуникативная культура). Такая интеграция создает основу для трансформации конфликта из деструктивной формы в продуктивное взаимодействие, направленное на решение проблемы и развитие организации.

Заключение

Проведенный анализ психологических основ конфликтологической компетентности руководителя позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, конфликтологическая компетентность руководителя представляет собой сложное интегративное образование, базирующееся на трех взаимосвязанных компонентах: осознанной саморегуляции, рефлексии и коммуникативной культуре. Каждый из этих компонентов вносит специфический вклад в способность руководителя эффективно управлять конфликтными ситуациями, при этом они функционируют не изолированно, а образуют целостную систему.

Во-вторых, осознанная саморегуляция выступает как метаресурс управленческой деятельности, обеспечивающий способность руководителя к осознанному выдвижению и достижению целей в условиях конфликта. Двухуровневая модель саморегуляции (операционально-когнитивный и личностно-регуляторный уровни) раскрывает механизмы управления собственным поведением и эмоциональными реакциями, контроля агрессивных проявлений, адаптации к изменяющимся условиям конфликтного взаимодействия.

В-третьих, рефлексия как синтетическая психическая реальность играет ключевую роль в управленческом взаимодействии, обеспечивая осмысление конфликтной ситуации, понимание позиций участников, прогнозирование развития событий. Типологическое разнообразие рефлексии (кооперативная, коммуникативная, личностная, интеллектуальная) и ее темпоральные виды (ситуативная, ретроспективная, перспективная) создают богатый инструментарий для анализа и управления конфликтами.

В-четвертых, коммуникативная культура, основанная на трехсторонней модели общения (коммуникативная, интерактивная, перцептивная стороны), определяет эффективность взаимодействия руководителя с участниками конфликта. Понимание механизмов затрудненного общения расширяет возможности руководителя по распознаванию ранних признаков конфликта и преодолению коммуникативных барьеров.

В-пятых, интеграция рассмотренных компонентов создает психологический фундамент конфликтологической компетентности, обеспечивающий способность руководителя трансформировать

деструктивные конфликты в продуктивное взаимодействие. Саморегуляция обеспечивает контроль собственного поведения, рефлексия – осмысление ситуации, коммуникативная культура – эффективное взаимодействие с участниками.

Полученные результаты имеют значение как для теоретического понимания природы конфликтологической компетентности руководителя, так и для практической разработки программ ее формирования и развития. Дальнейшие исследования могут быть направлены на эмпирическую верификацию предложенной модели, изучение динамики развития отдельных компонентов конфликтологической компетентности, разработку диагностического инструментария и эффективных методов целенаправленного формирования саморегуляции, рефлексии и коммуникативной культуры руководителей.

Список использованных источников:

1. Андреева Г.М. Социальная психология: учебник для высших учебных заведений. 5-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2020. 360 с.
2. Карпов А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: Институт психологии РАН, 2004. 424 с.
3. Конопкин О.А. Психологические механизмы регуляции деятельности. 2-е изд., испр. и доп. М.: Ленанд, 2011. 320 с.
4. Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2001. 544 с.
5. Лабунская В.А., Менджерицкая Ю.А., Бреус Е.Д. Психология затрудненного общения: теория. Методы. Диагностика. Коррекция: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 288 с.
6. Моросанова В.И. Саморегуляция и индивидуальность человека. М.: Наука, 2010. 519 с.
7. Моросанова В.И., Бондаренко И.Н. Диагностика саморегуляции человека. М.: Когито-Центр, 2015. 304 с.
8. Моросанова В.И., Гаралева М.Д. Осознанная саморегуляция как ресурс управления агрессивными проявлениями подростков // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2017. № 1. С. 28-47.
9. Петровская Л.А. Компетентность в общении: социально-психологический тренинг. М.: Изд-во МГУ, 1989. 216 с.

УДК 159.9

Коруков Д.А.

магистрант 3 курса, направление 37.04.01, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством **Беляковой Н.В.**

к.псих.н., доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, МГУТУ им.

К.Г.Разумовского (ПКУ)

КОМПОНЕНТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию понятий и аспектов психологической культуры личности. В работе анализируются основные компоненты психологической культуры, их роль в формировании гармоничной и самодостаточной личности, а также взаимосвязь с другими аспектами культурной деятельности человека. Рассмотрены теоретические подходы к определению психологической культуры, представлены методы её развития и коррекции в процессе личностного роста. Особое внимание уделяется практическим аспектам формирования психологической культуры и её значению для успешной социализации, и адаптации в современном обществе. В статье проводится анализ основных компонентов психологической культуры, их содержание, значение и взаимосвязь, что позволит более полно понять процесс ее формирования и актуальные направления развития.

Ключевые слова: психологическая культура, компоненты психологической культуры, психологическая устойчивость, самосознание, социальный интеллект, эмоциональная компетентность, ценностные ориентиры, межличностные отношения, культура поведения.

COMPONENTS OF PERSONAL PSYCHOLOGICAL CULTURE

Abstract. The article is dedicated to the investigation of the concepts and aspects of personal psychological culture. The work analyzes the main components of psychological culture, their role in the formation of a harmonious and self-sufficient personality, as well as their interrelation with other aspects of human cultural activity. Theoretical approaches to defining psychological culture are considered, and methods for its development and correction in the process of personal growth are presented. Particular attention is paid to practical aspects of shaping psychological culture and its importance for successful socialization and adaptation in modern society. The article analyzes the main components of psychological culture, their content, significance, and interrelationship, which will enable a more comprehensive understanding of the process of its formation and current directions for development.

Keywords: psychological culture, components of psychological culture, psychological resilience, self-awareness, social intelligence, emotional competence, value orientations, interpersonal relationships, culture of behavior.

Психологическая культура личности представляет собой важнейший аспект развития и социализации. Она включает в себя совокупность внутренних психических процессов, ценностных ориентиров, навыков и умений, необходимых для эффективного взаимодействия с окружающим миром и самим собой.

Современные исследования указывают на многогранность компонентов психологической культуры, каждый из которых играет свою роль в формировании гармоничной и самодостаточной личности. В частности, к основным компонентам относятся самосознание, эмоциональная компетентность, социальный интеллект, ценностные ориентиры и культура поведения. Анализ этих компонентов помогает лучше понять механизмы формирования психологической культуры и определить ключевые направления ее развития. В статье

рассмотрены содержание и взаимосвязь основных компонентов психологической культуры личности, их роль в личностном росте и социальной адаптации.

Взаимодействие этих компонентов обеспечивает возможность для человека адекватно воспринимать себя и окружающих, управлять своими эмоциональными состояниями, проявлять инициативу и ответственность в социальной сфере.

Изучение компонентов психологической культуры личности имеет большое практическое значение для педагогов, психологов, социальных работников. Тем самым, данная тема актуальна не только с теоретической точки зрения, но и служит основой для разработки методов и технологий формирования психологической культуры в образовательных и социальных системах.

Теоретические основы изучения психологической культуры личности заложены в междисциплинарных подходах, объединяющих психологию, культурологию, педагогическую теорию и философию. Понятие «психологическая культура» развивается в рамках теорий личности и культуры, где подчеркивается их взаимосвязь и влияние друг на друга.

Одним из ключевых источников является теория личностного развития и самореализации, разработанная А. Маслоу [8, с.46-53] и К. Роджерсом [11, с.117-119], которая подчеркивает важность формирования внутреннего мира человека, его ценностных ориентиров и эмоциональной сферы. В рамках этой парадигмы психологическая культура выступает как совокупность личностных качеств и навыков, способствующих гармоничному развитию.

Классическая психология поведения и когнитивной психологии рассматривают компоненты психологической культуры через призму личностных компетенций – эмоциональной, социальной и когнитивной. Они выступают как ключевые элементы в системе формирования внутреннего мира человека и его взаимодействия с окружающими.

Современные концепции психологической культуры личности, такие как теория культурных компетенций В.В. Герасимова [4, с.12-15] и Е.В. Ивановой [6, с.26-32], акцентируют внимание на многообразии компонентов – самосознании, эмоциональной устойчивости, социальной адаптивности, ценностных ориентациях, культуре поведения и коммуникативных компетенциях. Эти компоненты выступают как основы для личностного совершенствования и формирования психологической зрелости.

Таким образом, теоретическая база данной работы включает в себя междисциплинарное сочетание подходов, позволяющих понять психологическую культуру как совокупность интегративных компонентов, формирующих внутренний мир и социальное поведение личности. Анализ этих подходов создает основу для дальнейшего исследования и определения путей развития психологической культуры.

А. Бандура [1, с.47-54] предложил теорию социального обучения, подчеркивая роль моделирования, внимательности и саморегуляции в формировании психологической культуры. Согласно его концепции, компоненты личности, такие как саморегуляция, мотивация и когнитивные стратегии, являются ключевыми для активного построения внутреннего мира и поведения человека.

Существенный вклад в развитие теории культурно-исторического подхода, выделяя важность освоения социальных и культурных средств как основы психологического развития внес Л.С. Выготский [3, с.453-461]. Л.С. Выготский [3, с.132-136] акцентировал внимание на роли зоны ближайшего развития и внутреннего речи, способствующих формированию самосознания, регуляции и коммуникативных навыков – важных компонентов психологической культуры.

В своих исследованиях А.А. Бодалев [2, с.110-113] подчеркивал диалектическую связь между личностью и социокультурной средой, рассматривая развитие психологической культуры через призму деятельности, новых форм сознания и его исторической обусловленности.

Л.В. Леонтьев [7, с.264-268] рассматривал личность как субъект деятельности, выражающийся через внутренние планы поведения, которые формируют внутренний мир и способствуют развитию профессиональных и межличностных навыков – ключевых элементов психологической культуры.

Д. Голуман [5, с.384] выделял важность эмоциональных и межличностных компонентов, считая, что психологическая культура включает развитие эмпатии, коммуникативных умений и эмоционального интеллекта, необходимых для успешной социализации.

Ключевой вклад в теорию межличностных и личностных характеристик внесли Дж. Майер и П. Соловей [9, с.245], разработавшие концепцию эмоционального интеллекта, как способности понимать и управлять собственными и чужими эмоциями. Эмоциональный интеллект рассматривается как важный компонент психологической культуры, обеспечивающий эффективность межличностного взаимодействия. В своих работах они выделяли роль когнитивных и метакогнитивных процессов в формировании психологических ресурсов личности, а также развитие навыков саморефлексии и критического мышления, что способствует целостному развитию внутренней культуры человека.

Описанные подходы позволяют представить психологическую культуру как интегративную систему, состоящую из компонентов, связанных с когнитивной, эмоциональной, социально-нравственной и деятельностной сферой личности. Анализ этих теорий способствует более полному пониманию структуры и механизмов формирования психологической культуры, а также определения путей ее развития.

Опираясь на теоретический анализ определений понятия психологическая культура можно выделить общие компоненты: когнитивный, эмоционально-волевой, мотивационно-ценностный, коммуникативно-социальный. На рис. 1 можно наблюдать связь компонентов психологической культуры.

Связь данных компонентов заключается в следующем: когнитивная сфера – знания и установки напрямую влияют на эмоциональные реакции и способность управлять чувствами. Например, понимание социальных норм помогает регулировать эмоциональные реакции в межличностных взаимодействиях; мотивационно-ценностный – ценностные ориентиры и внутренние мотивы проявляются в конкретных моделях поведения. Например, ценность уважения к другим мотивирует вежливое и тактичное поведение; коммуникативный и социальный – навыки межличностного общения и умение учитывать социальные роли совместно создают основу для эффективного взаимодействия и социализации.

Развитие коммуникативных умений способствует укреплению социальных связей; эмоционально-волевой – умение контролировать свои эмоции и управлять поведением способствует созданию гармоничных межличностных отношений и личностной зрелости.

Все компоненты оказывают влияние друг на друга в процессе личностного развития: например, совершенствование саморегуляции и коммуникации помогает укреплять мотивацию и ценности, а накопленный опыт и знания расширяют когнитивную и эмоциональную сферу.

Рисунок 1 – Модель психологической культуры

Таким образом, эти компоненты образуют систему обратных связей, в которой развитие одного компонента способствует укреплению и совершенствованию других. В результате формирования психологической культуры личности обеспечивается её внутреннее единство, гармония и способность к адаптации в различных социально-культурных контекстах.

В результате рассмотрения содержания и взаимосвязи основных компонентов психологической культуры личности можно сказать, что данная система представляет собой сложное, многогранное и динамическое образование, в котором каждый компонент – когнитивный, эмоционально-волевой, мотивационно-ценностный, коммуникативно-социальный – играет важную роль в формировании внутреннего мира человека и его социальной адаптации. Их взаимодействие обеспечивает целостность и гармонию личностных качеств, способствуя развитию психологической зрелости и способности к эффективному взаимодействию с окружающими.

Обоснование междисциплинарных подходов, теоретических моделей и современных концепций позволяет утверждать, что психологическая культура – это интегративная система, основанная на взаимосвязи различных аспектов личности. Процесс ее формирования включает не только накопление знаний и навыков, но и развитие ценностных ориентаций, эмоциональной устойчивости и коммуникативных умений. Взаимодействие компонентов способствует саморегуляции личности.

Практическое значение данной темы высоко, поскольку понимание механизмов формирования психологической культуры позволяет разрабатывать целенаправленные программы и методики для ее развития в образовательных, воспитательных и терапевтических целях. Это особенно важно для подготовки гармонично развитых личностей, способных к самостоятельному и ответственному поведению в современном обществе.

В целом, выявленные взаимосвязи и модели формирования психологической культуры служат основой для дальнейших исследований и совершенствования подходов к развитию личностных качеств. Постоянное моделирование и развитие компонентов психологической культуры – ключ к успешной социализации и личностному росту человека в меняющемся мире.

Список использованных источников:

1. Бандура А., Теория социального научения: монография, Москва: Директ-Медиа, 2008. – 532 с.
2. Бодалев А.А. Психологическая культура и личностное развитие. – М.: Наука и образование, 2011. – 290 с.
3. Выготский Л.С., Психология развития человека, М.: Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо, 2005. – 1136 с.
4. Герасимова В.В. Психологическая культура личности: основные компоненты и их развитие / В.В. Герасимова. – М.: Академический проект, 2013. – 276 с.
5. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект: Почему он может значить больше, чем IQ / Д. Гоулман. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. – 464 с.
6. Иванова Е.В. Компоненты психологической культуры: структура и особенности формирования. / Е.В. Иванова. – СПб.: Питер, 2015. – 292 с.
7. Леонтьев Л.В. Психология деятельности и компоненты психологической культуры. – М.: Наука, 2000. – 320 с.
8. Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – М.: Прогресс, 2003. – 432 с.
9. Майер Дж., Соловейя П. Эмоциональный интеллект в практике / Дж. Майер, П. Соловейя. – М.: ЭКСМО, 2017. – 384 с.
10. Мещерякова Н.В., Психология саморегуляции личности, СПб., 2008. – 216 с.
11. Роджерс К. Структура характера личности / К. Роджерс. – М.: Гуманитарий, 2000. – 384 с.

УДК 159.9

Кузнецова А.А.

магистрант 1 курса, направление 37.04.01, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

*Работа выполнена под научным руководством **Калита В.В.***

к.псих.н., доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, МГУТУ им. К.Г.Разумовского (ПКУ)

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ НЕВЕРБАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА У ОБУЧАЮЩИХСЯ ПРИ ОБУЧЕНИЮ ПИСЬМУ: КИТАЙСКОЙ ИЕРОГЛИФИКЕ

Аннотация. В статье рассматривается процесс обучения китайской иероглифике как эффективный инструмент для развития компонентов невербального интеллекта. На основе анализа когнитивных моделей воспроизведения иероглифического знака и систем обучения письму доказывается, что овладение иероглификой требует интенсивной работы зрительно-пространственного восприятия, образной памяти и моторного интеллекта. Материал статьи может быть использован в методике преподавания китайского языка для оптимизации учебного процесса.

Ключевые слова: невербальный интеллект, иероглифическое письмо, когнитивная модель, зрительно-пространственное восприятие, моторные навыки, методика преподавания.

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF NON-VERBAL INTELLIGENCE IN STUDENTS WHEN TEACHING WRITING: CHINESE HIEROGLYPHICS

Abstract. This article examines the process of teaching Chinese characters as an effective tool for developing components of nonverbal intelligence. Based on an analysis of cognitive models of character recognition and writing teaching systems, it is demonstrated that mastering characters requires intensive work on visual-spatial perception, visual memory, and motor intelligence. The article's material can be used in Chinese language teaching methods to optimize the learning process.

Keywords: nonverbal intelligence, character writing, cognitive model, visual-spatial perception, motor skills, teaching methods.

Введение

Специфика китайской иероглифики, кардинально отличающаяся от алфавитных систем письма, обуславливает уникальный когнитивный опыт в процессе ее усвоения. Этот опыт связан не столько с фонологическим кодированием, сколько с обработкой визуально-пространственной информации, что делает изучение иероглифики мощным средством развития невербальных компонентов интеллекта.

Актуальность исследования определяется необходимостью разработки методик обучения, учитывающих когнитивные особенности усвоения иероглифического письма и его потенциал для общего интеллектуального развития обучающихся.

Целью данного исследования является выявление и описание особенностей развития невербального интеллекта через призму когнитивной модели воспроизведения иероглифического знака и критериев анализа систем обучения письму.

Задачи:

1. Проанализировать когнитивную модель воспроизведения иероглифа.
2. Рассмотреть компоненты невербального интеллекта, задействованные на различных этапах этой модели.

3. На основе критериального анализа систем обучения предложить пути оптимизации развития невербального интеллекта.

Понятие и структура невербального интеллекта

Невербальный интеллект понимается как способность к оперированию наглядными образами и пространственными представлениями, решению практических задач без опоры на вербальные средства [8]. В структуре невербального интеллекта выделяют следующие ключевые компоненты:

1. Зрительно-пространственное восприятие – способность анализировать и синтезировать пространственные характеристики объектов, мысленно манипулировать зрительными образами;
2. Образная память – способность к сохранению и воспроизведению наглядных образов и пространственных configurations;
3. Моторный интеллект – способность к точной координации движений, формированию и автоматизации моторных программ;
4. Визуомоторная интеграция – согласованность зрительного восприятия и моторных действий;
5. Пространственное мышление – способность к мысленному вращению, трансформации и комбинированию пространственных образов.

Развитие этих компонентов в процессе обучения иероглифическому письму составляет основное содержание данной статьи.

Когнитивная модель воспроизведения иероглифа.

Процесс освоения иероглифа начинается с его визуального восприятия как целостного графического объекта. Как отмечает Ю.В. Молоткова, первоначальное опознание иероглифа включает операцию вычленения графем и определения их пространственных характеристик [6]. Этот этап требует развитого зрительно-пространственного восприятия, которое включает анализ пропорциональных отношений между компонентами иероглифа, определение топологических характеристик, оценку симметрии и баланса графической конструкции, выявление структурных закономерностей организации знака.

Согласно исследованиям М.А. Холодной, подобная деятельность напрямую связана с развитием невербального интеллекта, поскольку требует мысленного манипулирования зрительными образами и решения пространственных задач [8]. Особенностью китайской иероглифики является то, что каждый знак представляет собой уникальную пространственную композицию, требующую детального визуального анализа.

После этапа визуального анализа происходит обращение к моторной программе – последовательности кинетических команд для написания знака. Как показал в своих работах А.Р. Лурия, формирование моторной программы связано с работой кинестетического анализатора и созданием «моторного образа» слова [4]. В случае с иероглификой этот процесс имеет особую сложность: требуется точная координация движений кисти руки, необходима автоматизация правильной последовательности черт, важно дозирование мышечного усилия для варьирования толщины линий, формируется кинестетическая память на двигательные паттерны.

Развитие моторного интеллекта в процессе обучения иероглифике происходит за счет необходимости точного воспроизведения сложных графических форм. Каждый иероглиф требует уникальной последовательности движений, что способствует формированию тонкой моторной координации [9].

Непосредственное написание иероглифа представляет собой исполнение моторной программы с постоянным зрительным и кинестетическим контролем. Этот этап, как показывает анализ систем обучения О.А. Масловец, требует хорошо сформированного навыка визуомоторной интеграции – согласованной работы зрительного восприятия и моторных действий [5]. Особое значение имеет постоянный визуальный контроль за правильностью исполнения, кинестетическая обратная связь о качестве выполнения движений, коррекция моторной программы в реальном времени, соблюдение ритма и темпа написания.

Критерии анализа систем обучения

Анализ учебников китайского языка, проведенный О.А. Масловец, показывает важность продуманной последовательности введения иероглифов [5]. Эффективная система предполагает движение от простых графем и ключей к сложным композитам. Такой подход способствует поэтапному формированию зрительно-пространственных аналитических способностей: постепенное усложнение зрительных задач, формирование базы основных графических элементов, развитие способности к структурному анализу, накопление опыта пространственной организации знаков.

Обучающийся в такой системе не просто механически заучивает знаки, а усваивает принципы их пространственной организации, что способствует развитию аналитического и синтетического мышления невербального типа [8].

Соблюдение и отработка порядка черт представляет собой не просто культурную традицию, но и важный психолого-педагогический прием. Как отмечают исследователи, включая Сю Цайхуа, правильный порядок черт обеспечивает формирование моторного стереотипа, разгружающего оперативную память, развитие пространственно-временной координации, создание логического каркаса для запоминания, облегчение мысленного воспроизведения знака [9].

Каждая черта в иероглифе занимает строго определенное место как в последовательности написания, так и в пространстве знака, что делает процесс обучения эффективным инструментом развития пространственного мышления [5].

Методики, использующие историческую эволюцию иероглифа или предлагающие создавать собственные зрительные ассоциации, напрямую развивают образную память – ключевой компонент невербального

интеллекта. Исследования в области когнитивной психологии, включая работы Р.Л. Солсо, подчеркивают, что такие методы облегчают кодирование информации в долговременной памяти, способствуют формированию богатых ассоциативных связей, развивают способность к визуализации, повышают эффективность извлечения информации [7].

Использование мнемотехнических приемов при запоминании иероглифов активирует правое полушарие мозга, отвечающее за образное мышление и целостное восприятие [2].

Методические рекомендации

На основе проведенного анализа могут быть сформулированы конкретные методические рекомендации, направленные на усиление когнитивного эффекта от обучения иероглифическому письму.

Целенаправленное развитие зрительно-пространственных способностей может осуществляться через специально разработанные задания: сопоставление иероглифов-«близнецов», различающихся минимальными деталями, упражнения на сборку иероглифа из заданных графем, зрительные диктанты с постепенным усложнением, задания на обнаружение ошибок в написании иероглифов, упражнения на восстановление пропущенных элементов [5]. Подобные задания способствуют формированию навыков детального визуального анализа и развивают способность к мысленному манипулированию пространственными образами [8].

Развитие моторного компонента невербального интеллекта требует многоуровневого подхода к практике письма: использование прописей с последовательным переходом от обводки к самостоятельному написанию, практика «письма в воздухе» для формирования общего моторного образа, включение каллиграфических заданий, акцентирующих внимание на эстетике и балансе, упражнения на варьирование размера и скорости написания, использование тактильных методов [4]. Такой подход способствует формированию прочных моторных навыков и развитию тонкой кинестетической чувствительности [9].

Активизация образного мышления и ассоциативной памяти может достигаться через создание мнемонических «историй» для запоминания сложных иероглифов, активное использование визуального ряда для объяснения происхождения знаков, методы визуализации структурных компонентов иероглифов, создание ассоциативных связей между графическими элементами и их значениями, использование цветового кодирования для выделения структурных частей иероглифа [7]. Эти методы не только облегчают запоминание иероглифов, но и способствуют развитию креативного мышления и способности к образному представлению информации [2].

Заключение

Процесс овладения китайской иероглификой представляет собой комплексную когнитивную деятельность, оказывающую значительное влияние на развитие невербального интеллекта. Систематическая работа по анализу визуальной структуры иероглифа, формированию моторной программы и ее кинестетической реализации способствует совершенствованию зрительно-пространственного восприятия, образной памяти и моторного контроля [1]. Грамотно выстроенная система обучения иероглифическому письму позволяет не только сформировать лингвистическую компетенцию, но и внести существенный вклад в общее когнитивное развитие личности обучающегося, расширяя его способности к невербальному мышлению и решению задач. Перспективным направлением дальнейших исследований может стать сравнительный анализ развития невербального интеллекта у учащихся, изучающих различные системы письма.

Список использованных источников:

1. Величковский, Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: В 2 т. – М.: Академия, 2006. – Т. 2. – 432 с.
2. Выготский, Л.С. Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 2005. – 352 с.
3. Задорожных, Д.П. Методика преподавания китайской иероглифической письменности // Векторы благополучия: экономика и социум. 2014. №1 (11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-prepodavaniya-kitayskoy-ieroglificheskoy-pismennosti> (дата обращения: 01.11.2025).
4. Лурия, А.Р. Очерки психофизиологии письма. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1950. – 84 с.
5. Масловец, О.А. Система обучения иероглифическому письму в учебниках китайского языка: критериальный анализ // Вестник БГУ. 2017. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-obucheniya-ieroglificheskomu-pismu-v-uchebnikah-kitayskogo-yazyka-kriterialnyy-analiz> (дата обращения: 01.11.2025).
6. Молоткова, Ю.В. Когнитивная модель воспроизведения иероглифического знака.
7. Солсо, Р.Л. Когнитивная психология. – М.: Тривола, 1996. – 600 с.
8. Холодная, М.А. Когнитивные стили: о природе индивидуального ума. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2004. – 384 с.
9. 徐彩华. 汉字认知与汉字学习心理研究 = Сю Цайхуа. Исследование в области познания иероглифики и психологии изучения иероглифов. 北京: 知识产权出版社, 2010.

магистрант 3 курса, направление 37.04.01, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством **Юлина Г.Н.**

к.псих.н., доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ ПЕДАГОГА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Аннотация. Статья посвящена исследованию профессиональной деформации преподавателей высшей школы, рассматриваются психологические и организационные факторы, влияющие на формирование данного явления. Работа опирается на результаты авторской анкеты, включающей оценку удовлетворённости профессией, стрессоустойчивости и эмоционального состояния педагогов с разным стажем. Показано, что у начинающих преподавателей наблюдается более высокий уровень мотивации и эмоционального благополучия, тогда как у опытных усиливаются признаки выгорания и переутомления. На основе анализа данных предлагаются направления профилактики, направленные на поддержание профессионального здоровья и развитие стрессоустойчивости.

Ключевые слова: профессиональная деформация, преподаватель высшей школы, эмоциональное выгорание, стрессоустойчивость, саморегуляция, профессиональная мотивация, психологическое состояние, анкетирование.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL DETERMINANTS OF PROFESSIONAL DEFORMATION OF A HIGHER EDUCATION TEACHER

Abstract. This article examines the professional deformation of higher education teachers and examines the psychological and organizational factors influencing this phenomenon. The study is based on the results of a questionnaire administered by the author, which assessed job satisfaction, stress resilience, and emotional state among teachers with varying lengths of service. It is shown that beginning teachers exhibit higher levels of motivation and emotional well-being, while experienced teachers exhibit increased signs of burnout and fatigue. Based on the data analysis, preventative approaches are proposed to maintain professional health and develop stress resilience.

Keywords: professional deformation, higher education teacher, emotional burnout, stress resilience, self-regulation, professional motivation, psychological state, questionnaire.

Введение

Проблема профессиональной деформации преподавателей высшей школы становится всё более актуальной в условиях роста педагогических нагрузок, цифровизации и изменений в системе образования. Эмоциональная напряжённость, высокая ответственность и необходимость постоянного взаимодействия с обучающимися делают труд преподавателя фактором профессионального стресса.

Постепенное истощение личностных ресурсов проявляется в снижении мотивации, формализме и признаках эмоционального выгорания. Эти изменения негативно отражаются на качестве педагогической деятельности и психологическом климате коллектива.

Актуальность исследования определяется необходимостью своевременной профилактики профессиональной деформации и поддержания психологического здоровья преподавателей. В работе рассмотрены различия между начинающими и опытными педагогами по показателям удовлетворённости трудом, стрессоустойчивости и эмоционального состояния на основе данных авторской анкеты.

Методы и теоретическая основа

Современные исследования подчеркивают, что профессиональная деформация педагога формируется как результат совокупного влияния психологических, организационных и коммуникативных факторов, действующих на разных уровнях педагогической среды. В контексте высшей школы эта проблема приобретает особую остроту из-за высокой интенсивности труда, когнитивных перегрузок и эмоциональной вовлечённости преподавателя в процесс взаимодействия со студентами.

По наблюдению С.И. Кудинова, С.С. Кудинова и Н.И. Давыдовой, наибольшую опасность представляют ситуации, когда профессиональная самореализация педагога утрачивает личностный смысл, а внутренняя мотивация заменяется внешними формами контроля и оценки [3, с.67-69]. Такая подмена смыслов ведёт к эмоциональному истощению, тревожности и ригидности мышления.

М.В. Козуб связывает снижение профессиональной устойчивости с недостатком психолого-педагогического сопровождения, особенно на ранних этапах карьеры. Развитие компетентности и профессиональной идентичности, по её мнению, должно сопровождаться целенаправленным формированием эмоциональной культуры и навыков саморегуляции [2, с.45-47].

Исследование В.А. Кулганова и А.Е. Шаповаловой показывает, что деформация часто возникает в коммуникативной сфере – в форме утраты гибкости и эмпатии. Авторы отмечают, что освоение педагогом инновационных форм общения и развитие способности к рефлексии снижают риск профессиональных деструкций [4, с.93-95]. Этому направлению созвучны выводы А.С. Рылеевой и Е.А. Хомутниковой, которые рассматривают трениговую работу как инструмент профилактики эмоционального выгорания через формирование осознанных стратегий взаимодействия [6, с.52-55].

Проблематика психогигиены педагогического труда подробно раскрыта Е.Л. Куцеевой. Она указывает, что длительное нарушение баланса между профессиональной нагрузкой и восстановлением ресурсов ведёт к хроническому утомлению и эмоциональной нестабильности. Психогигиенический подход позволяет рассматривать профилактику не как разовую процедуру, а как элемент повседневной педагогической культуры [5, с.28-31].

С точки зрения А.А. Сафина, ключ к преодолению деформации заключается в развитии у педагога акмеологического потенциала – стремления к личностному росту и профессиональной зрелости [9, с.104-106]. Подобная позиция соотносится с выводами Л.И. Саввы и В.А. Беликова, которые трактуют профилактику как компонент компетентностного подхода, ориентированный на формирование способности к саморазвитию и рефлексии [7, с.70-72].

Е.И. Сапего рассматривает профессиональную деформацию сквозь призму психологических интердетерминант – тревожности, эмоциональной ригидности и снижения внутренней мотивации [8, с.13-15]. В свою очередь, Е.И. Агаркова и В.М. Чернышова акцентируют внимание на необходимости системного подхода к профилактике, включающего диагностику, информирование, групповые тренинги и индивидуальные формы консультирования [1, с.10-12].

Совокупность представленных подходов позволяет рассматривать профилактику профессиональной деформации педагога как многоуровневую систему. Она объединяет психогигиенические, акмеологические и компетентностные принципы, а также интегрирует технологии саморегуляции, коммуникативной подготовки и эмоциональной поддержки. В практическом измерении эффективной стратегией становится сочетание диагностики, образовательных тренингов и сопровождения, направленного на укрепление профессионального здоровья и устойчивости личности преподавателя высшей школы.

Результаты исследования.

Результаты исследования позволили выявить комплекс различий в профессиональном самочувствии и психологических характеристиках преподавателей высшей школы в зависимости от стажа педагогической деятельности. Наиболее значимые расхождения зафиксированы по параметрам удовлетворённости профессией, эмоционального выгорания, стрессоустойчивости и саморегуляции.

Начинающие преподаватели демонстрируют более позитивное отношение к своей профессиональной деятельности. Среди них 64% полностью удовлетворены профессией, а благоприятный психологический климат в коллективе отмечают 72%. Для данной группы характерны высокая вовлечённость в педагогический процесс, ориентация на развитие и готовность к профессиональному риску. При этом частота жалоб на переутомление составляет всего 16%, а на признаки эмоционального выгорания – лишь 4% (Рисунок 1).

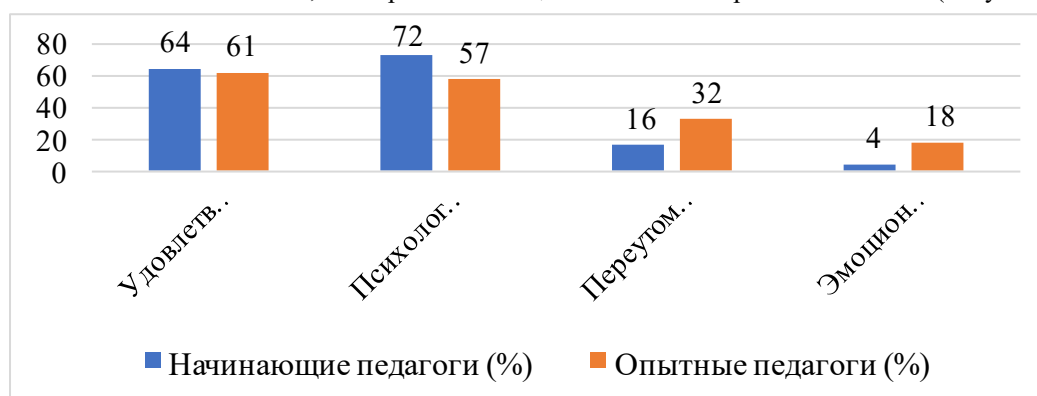

Рисунок 1 – Показатели профессионального самочувствия педагогов

Опытные преподаватели, напротив, чаще фиксируют признаки психоэмоционального напряжения. Полностью удовлетворены профессией 61% респондентов, а благоприятный климат отметили 57%. У 32% наблюдается ощущение хронического переутомления, у 18% – регулярные проявления эмоционального истощения. Эти данные свидетельствуют о постепенном нарастании признаков профессиональной деформации с увеличением стажа.

Более детальный анализ, представленный в таблице 1, показывает устойчивое снижение самооценочных показателей по мере профессионального старения.

Таблица 1 – Самооценка профессионального состояния (по шкале от 1 до 5)

Показатель	Начинающие педагоги	Опытные педагоги
Стрессоустойчивость	4,2	3,6
Саморегуляция (контроль эмоций)	4,3	3,8
Удовлетворённость отношениями с коллегами	4,4	3,9
Удовлетворённость отношениями с руководством	4,3	3,8
Профессиональная мотивация	4,5	4,0
Эмоциональное благополучие	4,4	3,7

Стрессоустойчивость у молодых педагогов в среднем 4,2 балла против 3,6 у опытных. Разница отражает истощение адаптационного ресурса и уменьшение способности противостоять перегрузкам.

Саморегуляция и контроль эмоций также снижаются с 4,3 до 3,8 балла, что свидетельствует о росте импульсивных и защитных форм поведения.

Удовлетворённость межличностными отношениями с коллегами и руководством уменьшается с 4,4 до 3,9 балла, указывая на ослабление командного взаимодействия и повышение дистанции в общении.

Профессиональная мотивация падает с 4,5 до 4,0 балла, что говорит о снижении внутреннего интереса и росте внешней мотивации (обязанности, стабильности).

Эмоциональное благополучие у начинающих оценивается на 4,4 балла, у опытных – на 3,7 балла; это отражает рост чувства усталости и эмоциональной отчуждённости.

Сравнительная характеристика показывает, что позитивное восприятие профессии на начальном этапе постепенно уступает место профессиональному формализму, осторожности и эмоциональной сдержанности. Психологическая динамика выражается в уменьшении энтузиазма, снижении гибкости и постепенном смещении акцентов с саморазвития на стабильность.

Результаты эмпирического анализа свидетельствуют о том, что в процессе профессионального становления у преподавателей высшей школы происходит закономерное ослабление личностных ресурсов. Стаж педагогической деятельности оказывается ключевым фактором, определяющим выраженность профессионального стресса, уровень удовлетворённости трудом и риск эмоционального выгорания. Полученные данные подтверждают, что без целенаправленной профилактики возможно формирование устойчивых признаков профессиональной деформации уже к этапу профессиональной стабилизации.

Обсуждение результатов.

Интерпретация результатов исследования позволяет утверждать, что различия между начинающими и опытными преподавателями имеют не случайный, а закономерный характер. На этапе профессиональной адаптации педагоги демонстрируют высокий уровень мотивации, эмоциональной включённости и стремления к признанию. Работа воспринимается как источник самореализации и личностного роста.

По мере накопления опыта эмоциональная вовлечённость уступает место рутинности и формализму. Преподаватель сталкивается с противоречием между внутренними ценностями профессии и объективными условиями труда – регламентом, нагрузкой, отчётностью. Это приводит к истощению эмоциональной энергии и формированию защитных механизмов – дистанции, эмоциональной экономии, формального стиля общения.

Выявленная зависимость между стажем и снижением стрессоустойчивости объясняется адаптационным парадоксом: с увеличением опыта возрастает профессиональная компетентность, но снижается гибкость в реагировании на стрессовые факторы. Опытный педагог обладает высоким уровнем ответственности, но испытывает дефицит восстановительных ресурсов, что усиливает риск выгорания.

Наблюдаемые изменения в показателях саморегуляции и эмоционального благополучия указывают на постепенное смещение стратегий поведения от проактивных к реактивным. Педагог начинает чаще действовать по инерции, избегая эмоциональной вовлечённости. Внутренняя мотивация замещается внешними стимулами – обязанностью, стабильностью, социальным одобрением.

Эти тенденции подтверждают необходимость системного психолого-педагогического сопровождения преподавателей на разных этапах карьеры. Ранняя профилактика деформации должна быть направлена на развитие навыков саморегуляции, управление стрессом, поддержание эмоционального равновесия и укрепление профессионального смысла деятельности.

Список использованных источников:

1. Агаркова Е.И., Чернышова В.М. Профилактика возникновения профессиональной деформации в деятельности педагога. Рабочая тетрадь / Агаркова Е.И., Чернышова. – Тамбов: ТОИПКРО, 2010. – 28с.
2. Козуб М.В. Особенности психолого-педагогического сопровождения развития профессиональной компетентности у будущих педагогов: учеб. пособие / Козуб М.В.; Липец. гос. пед. ун-т им. П.П. Семенова-Тян-Шанского. – Липецк: ЛГПУ, 2024. – 90 с.
3. Кудинов С.И., Кудинов С.С., Давыдова Н.И. Профессиональная самореализация педагогов в контексте эмоционального выгорания: монография / Кудинов С.И., Кудинов С.С., Давыдова Н.И.; РУДН; Акад. упр. МВД России. – М.: Перо, 2022. – 221 с.
4. Кулганов В.А., Шаповалова А.Е. Социально-психологическая адаптация преподавателей вузов к коммуникативным инновациям и педагогическому общению: учебник / Кулганов В.А., Шаповалова А.Е. – СПб.: Изд-во ВВМ, 2025. – 259 с.
5. Куцеева Е.Л. Основы психогигиены коррекционно-педагогической деятельности / Куцеева Е.Л. – Краснодар: Краснодар. многопрофильный ин-т доп. образования, 2022. – 112 с.
6. Рылеева А.С., Хомутникова Е.А. Тренинг педагогического общения: учеб. пособие / Рылеева А.С., Хомутникова Е.А.; Курган. гос. ун-т. – Курган: КГУ, 2024. – 101 с.
7. Савва Л.И., Беликов В.А., Романов П.Ю. [и др.]. Реализация компетентного подхода в профессиональном образовании: монография / Под ред. Л.И. Савва; Магнитогор. гос. техн. ун-т им. Г.И. Носова. – Магнитогорск: Изд-во МГТУ им. Г.И. Носова, 2019. – 207 с.
8. Сапего Е.И. Психологические интердетерминанты профессиональной деформации личности педагогов: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Сапего Е.И.; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2017. – 29 с.
9. Сафин А.А. Диагностика и преодоление профессиональных деформаций личности педагога: монография / Сафин А.А.; М-во культуры РФ, Казан. гос. ин-т культуры. – Казань: Казан. гос. ин-т культуры, 2015. – 163 с.

студентка 3 курса, направление 44.03.02, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством **Калита В.В.**

к.псих.н., доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛИЗАЦИИ УЧАЩИХСЯ В ИНКЛЮЗИВНОМ ОБРАЗОВАНИИ (НА ПРИМЕРЕ ЛИЦ С НАРУШЕНИЕМ СЛУХА)

Аннотация. Статья освещает проблему социализации лиц с нарушением слуха в условиях инклюзивного образования. На основе теоретических положений исследований как отечественных, так и зарубежных ученых, раскрываются социально-психологические и культурные факторы, которые включают в себя не только коммуникационные барьеры, нарушающие перцептивную сторону общения, но и роль устойчивых стереотипов и стигматизации, образ которых созрел еще несколько столетий назад. Особое внимание уделяется недостаточной готовности со стороны образовательных учреждений, которые не могут предоставить определенные инструменты и педагогические кадры для установления и поддержания инклюзивной среды. Исследование подчеркивает необходимость создания инклюзивной культуры на государственном уровне, которая будет способствовать развитию эмпатии и умений правильно взаимодействовать с детьми с нарушением слуха.

Ключевые слова: инклюзивное образование, дети с нарушением слуха, социализация, коммуникативные барьеры, стереотипы, стигматизация, социальная адаптация.

THE PROBLEM OF SOCIALIZATION OF STUDENTS IN INCLUSIVE EDUCATION (USING THE EXAMPLE OF PEOPLE WITH HEARING IMPAIRMENT)

Abstract. The article highlights the problem of socialization of persons with hearing impairment in inclusive education. Based on the theoretical provisions of research by both domestic and foreign scientists, socio-psychological and cultural factors are revealed, which include not only communication barriers that violate the perceptual side of communication, but also the role of persistent stereotypes and stigmatization, the image of which matured several centuries ago. Particular attention is paid to the lack of readiness on the part of educational institutions that cannot provide certain tools and teaching staff to establish and maintain an inclusive environment. The study highlights the need to create an inclusive culture at the state level that will promote the development of empathy and skills to properly interact with children with hearing impairment.

Keywords: inclusive education, children with hearing impairment, socialization, communication barriers, stereotypes, stigmatization, social adaptation.

В современном мире инклюзивное образование рассматривается как одно из ключевых направлений развития системы образования, нацеленное на создание оптимальных возможностей для всех категорий обучающихся, в том числе и детей с особыми потребностями [11]. Одной из наиболее значимых групп в рамках инклюзивного подхода к обучению являются учащиеся с нарушением слуха, чье количество составляет около 30% школьников в России [10] и данное количество постоянно растет [6].

Процесс интеграции в общество, а впоследствии адаптация к нему, является одним из важных процессов реализации личности в социуме [11]. Для лиц с нарушением слуха этот процесс осложнен рядом специфических барьеров, которые связаны не только с биологическими проблемами, обусловленными нарушением, но и особенностями восприятия таких детей их окружением. Неспособность полноценно воспринимать звуковую информацию приводит к использованию коммуникационных аналогов, например в виде жестового языка. К сожалению, это может создать дополнительные проблемы с интеграцией слабослышащих и глухих детей в общество, ведь большинство слышащих людей не готово освоить подобные техники общения.

Не менее важным аспектом является формирование толерантности со стороны сверстников. Отсутствие сформированности адекватного понимания особенности жизнедеятельности людей с нарушением слуха приводит к негативному к ним отношению, распространению стереотипов и дискриминации, что также мешает интеграции данной категории учащихся [4].

Инклюзивное образование является хорошей возможностью преодоления подобных коммуникативных барьеров с помощью создания среды, где дети с нарушением слуха могут учиться вместе с нормотипичными обучающимися. Однако на данном этапе возникает проблема создания необходимых условий, позволяющих осуществлять ежедневный процесс совместного одновременного освоения учебного материала слабослышащим и нормотипичным детям. Инклюзия чаще всего осуществляется с помощью закрытия специальных коррекционных школ, что в реальности подразумевает переход детей с особыми потребностями в общеобразовательные учреждения, которые не подготовлены с точки зрения организации учебного процесса, технической базы и компетентности сотрудников [7]. В результате такое формальное внедрение инклюзивных процессов в системы образования превращается в одну из ведущих причин неприятия со стороны большинства и изоляцию от социума ребёнка с нарушением слуха.

Актуальность настоящего исследования заключается в заинтересованности государства и педагогического общества в «формировании социокультурной и образовательной среды с учетом общих и особых образовательных потребностей разных групп обучающихся» [11]. Изучение стереотипов и коммуникационных

барьеров, мешающих интеграции детей с нарушением слуха в социум, является не только теоретически значимым, но и социально востребованным.

Истоки подобных стереотипов уходят далеко в историю проблемы, которая рассматривалась ещё в XVIII-XIX веках, когда немецкая классическая философия в лице представителей идеализма распространяла свои теоретические идеи. И. Кант, опираясь на свои идеологемы, считал, что эмпирические представления о действительности человек получает с помощью органов восприятия, а установление логических связей между полученными образами осуществляет на основе «врожденных идей», данных Богом от рождения. Однако, чтобы данные идеи были активированы, необходимо владеть материальным носителем мыслей, то есть словом. Поэтому, по мнению И. Канта, человек, не владеющий речью, не способен мыслить, а значит является неполноценным существом, которого нельзя назвать личностью. Подобная идея легла в основу большого числа предрассудков и причин возникновения барьеров коммуникаций [8].

Опираясь на идеи И. Канта и его последователя Й.Г. Гердера, знаменитый немецкий сурдопедагог С. Гейнике выстраивал всю свою педагогическую практическую деятельность в преодолении основного недостатка глухого ребёнка – немоты. Он опровергал описанные выше идеологемы И. Канта, считая, что любого можно подвести к человеческой сущности через словесную речь. Поэтому в своей школе главной задачей С. Гейнике считал дать возможность лицам с нарушением слуха получить элементарное образование с помощью звукового метода обучения, что позволит им в дальнейшем ступить на путь самообразования [8].

В отечественной научной среде проблему социализации детей с ограниченными возможностями здоровья, включая лиц с нарушением слуха, одним из первых поднял выдающийся советский психолог Л.С. Выготский. В своей работе «Основы дефектологии» он описал важность влияния первичного и вторичного дефекта не только на восприятие мира таких детей, но и их отношения с другими людьми. В нашем случае, с теми социальными конфликтами, которые возникают у глухого ребенка при его вхождении в социум. Однако Л.С. Выготский подчеркивал, что глухой ребенок – это нормальная личность, которая имеет лишь отсутствие одного из путей связи с окружающей средой [3].

Несмотря на заинтересованность в социализации детей с нарушением слуха, продолжают накапливаться определенные предрассудки и стереотипы, которые мешают людям с инвалидностью, особенно детям, установить близкие, доверительные контакты с миром и окружающими их людьми.

Из множества разнообразных предрассудков мы хотим обратить особое внимание на стереотипизацию (а, точнее, на стигматизацию), которые все активнее распространяются среди населения планеты [12].

В западной традиции проблемы социализации лиц с определенными нуждами являются задачей государства, которое должно обеспечить защиты их прав. Однако, в России данная социальная группа ассоциируется с чем-то негативным, с трудностями в жизни и позицией жертвы, что приводит к отождествлению с необходимостью вечной жалости по отношению к таким людям и вымученной помощи, которая из благотворительности переходит в обязанность [12].

Анализ научной литературы позволяет выделить две классификации коммуникационных барьеров, в рамках которых можно выделить две стороны установления общения: внутренние переживания ребенка с особыми образовательными потребностями и профессионально-коммуникативные трудности педагога. Первая из них, предложенная Л.И. Акатовым, фокусируется на эмоционально-личностных барьерах: смысловом, стыда, страха, страдания, вины и превосходства. Эти категории особенно релевантны для детей с особенностями слуха, чья коммуникативная составляющая чаще всего зависит не столько от физиологических нарушений, сколько от социально обусловленного чувства инаковости, стигматизации и внутреннего противоречия между стремлением к интеграции и страхом отвержения. Например, барьер стыда может проявляться в отказе использовать слуховой аппарат или жестовый язык в присутствии сверстников, чтобы не казаться особенным и не привлекать к себе внимание, а барьер вины – в интернализации представления себя как «проблемы» или «обузы» для педагога и всего класса [1]. Стоит отметить, что данную классификацию Л.И. Акатова можно применить и ко всему коллективу детей, составляющих класс. Наравне с ребенком, испытывающим нарушение слуха, нормотипичные дети могут испытывать барьер страха, который будет выражаться в опасении взаимодействия с отличным от других ребенком, а также барьер превосходства, когда в сознании обычного ребенка будет формироваться мнение, что он гораздо лучше, чем его одноклассник с особенностями.

Вторая классификация, разработанная В.А. Кан-Каликом, направлена на выявление недостаточно сформированной профессиональной коммуникативной компетенции педагога, которая может выражаться в неумении наладить контакт с подопечным, непонимание внутренней психологической позиции ученика, затруднение управления общения на уроке, эмоциональной передаче содержания и недостаточный уровень саморегуляции в процессе взаимодействия [5]. В контексте инклюзивного образования, которое интегрируется в общеобразовательное учреждение, такие барьеры приобретают особую остроту, потому что учитель-предметник, как правило, не обладает знаниями сурдопедагогики и не владеет альтернативными способами коммуникации. В результате, даже доброжелательное отношение к ученику с нарушением слуха будет недостаточно для построения эффективного педагогического взаимодействия.

Таким образом, инклюзивное образование не стоит рассматривать только как односторонний акт включения ребенка с нарушением слуха в образовательную среду с целью социализации [9]. Исходя из выше сказанного, данный процесс представляет собой трёхчастную модель, в которую входят класс, ученик с особыми потребностями и учитель, при этом каждый из них выступает одновременно как субъект и объект

социального взаимодействия, т.к. они находятся в процессе постоянного взаимного влияния. В этом смысле успешность инклюзии заключается не в формальном нахождении ребенка в коллективе общеобразовательной школы, а в качестве коммуникативных связей между участниками образовательного процесса, степенью эмоциональной безопасности и уровнем рефлексивной готовности к диалогу всех сторон школьного социума (см. рис. 1).

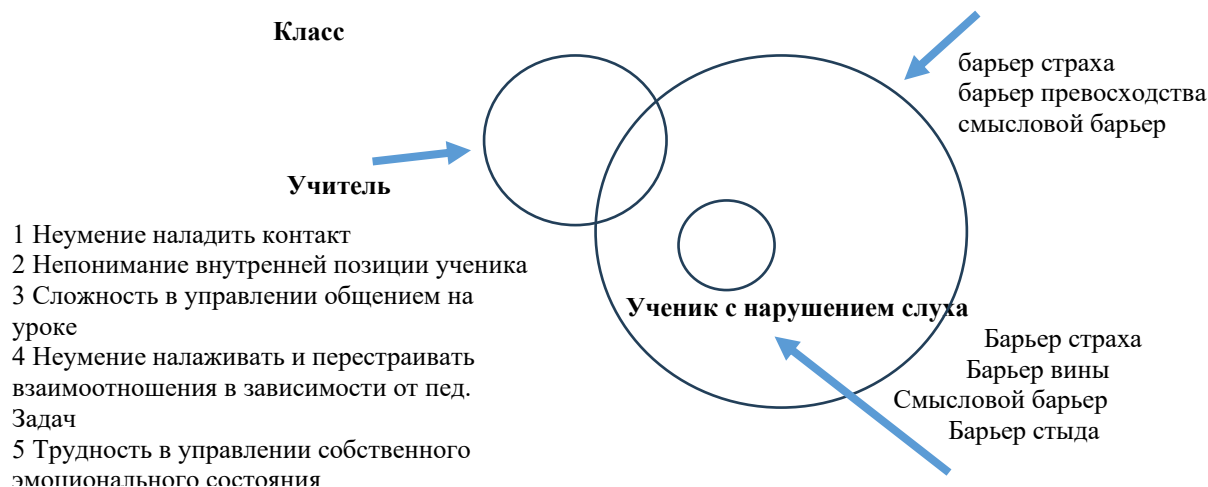

Рисунок 1 – Трехчастная модель коммуникативного взаимодействия в процессе инклюзивного образования

Стоит также отметить, что физиологические особенности слуха, не влияющие на когнитивное развитие, при недостаточной подготовленности образовательной среды могут стать социально обусловленным дефицитом, который будет выражаться в изоляции, стигматизации и формировании устойчивых коммуникационных барьеров. Всё это негативно влияет на учебную мотивацию и познавательную активность, что переходит в снижение академической успешности. В результате возникает замкнутый цикл: низкая успеваемость усугубляет чувство неполноценности, это, в свою очередь, усиливает коммуникационные барьеры страха и вины, отчего ребенок с нарушением слуха имеет большое количество трудностей освоения учебного материала и установлении доверительных отношений со своими сверстниками и педагогом.

Одним из ключевых факторов существования подобного цикла коммуникативного взаимодействия может стать недостаточный уровень подготовки педагогов-предметников общеобразовательного учреждения в психологическом и дефектологическом сопровождении лиц с нарушением слуха.

В таких условиях перспективным решением данной проблемы видится двойная стратегия. С одной стороны, привлечение в образовательный процесс узкопрофильных специалистов, например, тьюторов и дефектологов, чтобы обеспечить методическую и эмоциональную помощь всем сторонам учебно-образовательного коллектива, а, с другой, – реформирование системы подготовки и переподготовки педагогических кадров с акцентом на формирование у предметных учителей базовой психологической и дефектологической компетенции.

Только при условии системного подхода, который будет направлен на взаимную адаптацию всех участников образовательного процесса, инклюзия может перестать быть административной формальностью и стать подлинным инструментом социальной справедливости, способствующей как академической, так и личностной реализацией каждого ребенка.

Список использованных источников:

1. Акатов, Л.И. Социальная реабилитация детей с ограниченными возможностями здоровья : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Л. И. Акатов. – М.: Академия, 2004. – 224 с.
2. Божович, Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. – М.: Просвещение, 1968. – 464 с.
3. Выготский, Л.С. Основы дефектологии (Психология и педагогика детей с отклонениями в развитии) / Л.С. Выготский. – М.: Академия, 2020. – 432 с.
4. Ибрагимова, Р.Ю. Социальные проблемы лиц с нарушениями слуха / Р. Ю. Ибрагимова // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – 2010. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-problemy-lits-s-narusheniyami-sluha> (дата обращения: 03.11.2025).
5. Кан-Калик, В.А. Учителю о педагогическом общении: книга для учителя / В.А. Кан-Калик. – Москва: Просвещение, 1987. – 190 с.
6. Кузнецова, А.Ю. Дети с инвалидностью: как обеспечить им равные возможности в образовании / А.Ю. Кузнецова // РИА Новости. – 2021. – 30 апреля. – URL: <https://ria.ru/20210430/deti-1730713092.html> (дата обращения: 03.11.2025).
7. Назарова, Н.М. Системные риски развития инклюзивного и специального образования в современных условиях / Н.М. Назарова // Специальное образование. – 2012. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnye-riski-razvitiya-inklyuzivnogo-i-spetsialnogo-obrazovaniya-v-sovremennyh-usloviyah> (дата обращения: 02.11.2025).
8. Сафонова, Е.В. Основы сурдопедагогики: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Е.В. Сафонова. – М.: Академия, 2009. – 208 с.

9. Современные психолого-педагогические технологии в дефектологии и коррекционной педагогике / Н.Е. Шафажинская, Г.Н. Юлина, И.В. Положенцева [и др.]. – Москва: Ваш формат, 2022. – 254 с. – ISBN 978-5-00147-429-6. – EDN TGFEEF.

10. Таварткиладзе, Г.А. Нарушения слуха и глухота – глобальная проблема современного здравоохранения / Г.А. Таварткиладзе // Альманах Института коррекционной педагогики. – 2021. – № 45. – URL: <https://alldf.ru/ru/articles/almanac-45/hearing-loss-and-deafness-global-problem-of-the-modern-health-care> (дата обращения: 04.10.2025).

11. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 53 (часть 1). – Ст. 7598.

12. Шаповал, И.А. Социальная инклюзия лиц с ОВЗ де-юре и де-факто / И.А. Шаповал // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. – 2019. – № 1. – С. 84-99.

УДК 159.9

Мусатова О.А.

доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет», Москва, Россия

МЕДИАТИВНАЯ ГРАМОТНОСТЬ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ПРОФИЛАКТИКИ КОНФЛИКТОВ В СОВРЕМЕННОМ ВУЗЕ

Аннотация. В статье раскрыто понятие медиативной грамотности, дана его сущностная характеристика. Автор описал практические направления деятельности, способствующие формированию медиативной грамотности в образовательной среде вуза.

Ключевые слова: медиативная грамотность, профилактика конфликтов, психологическое благополучие.

MEDIA LITERACY AS A NECESSARY CONDITION FOR CONFLICT PREVENTION IN A MODERN UNIVERSITY

Abstract. The article reveals the concept of mediative literacy and provides its essential characteristics. The author describes practical activities that contribute to the formation of mediative literacy in the university educational environment.

Keywords: mediative literacy, conflict prevention, psychological well-being.

Современное образование ориентировано в первую очередь на формирование грамотной личности, не просто обладающей определенным объемом знаний и навыков, но и способной к саморазвитию и совершенствованию во временной перспективе.

В процессе своего исторического развития понимание термина «грамотность» становилась все более и более социальным понятием, охватывая все больше сфер жизнедеятельности человека. Сегодня грамотность в своем понятийном значении совершила эволюцию от умений читать, писать и считать до компьютерной, экономической и психологической грамотности, от которых зависит качество жизни современного человека. Грамотность во всем своем многообразии стала неотъемлемой частью личности, способной направлять и помогать человеку в его профессиональной и повседневной жизни. Она не ограничивается только погружением в мир науки и знаний, а дает возможность развиваться личности дальше во всех сферах жизни. Эта тенденция, несомненно, повлияла на образование как социальный институт, затронув все его элементы, в том числе и высшие учебные заведения.

Современное высшее образование не только, передает накопленные наукой и практикой знания, помогает формировать умения и навыки через компетенции, которые приобретаются учащимися в процессе освоения различных образовательных программ, но и ориентирует их на дальнейшее саморазвитие и самообучение.

Организация экономического сотрудничества и развития (OECD) в 2013г. инициировала «Программу международной оценки компетенций взрослых», в основу которой был положен компетентностный подход, а грамотность была провозглашена ключевой компетенцией, представляющей собой комбинации знаний, навыков и отношений, соответствующих контексту, что предполагает возможность осуществления адекватных действий (функционирования) в высокотехнологичном обществе XXI в.

О.Е. Лебедев рассматривает грамотность в контексте компетентностного подхода и выделяет ее как основу для формирования компетентной личности в будущем, способной успешно решать функциональные проблемы, с которыми она сталкивается [1].

Важной проблемой современного общества в общемировом значении становятся конфликты, которые характеризуют современные социальные системы на всех существующих уровнях: от личности и ее психического мира, семьи, социального окружения до больших социальных групп и государств.

При этом актуальной все больше становится проблема формирования конфликтологической компетентности. Под которой следует понимать - готовность к конструктивному разрешению конфликтов, как совокупность научных знаний о диапазоне возможных стратегий конфликтующих сторон и умения оказывать технологическое содействие в реализации конструктивного взаимодействия в конкретной конфликтной ситуации [7].

Конфликтологическая готовность как сильная сторона личности выступает медиатором психологического благополучия в профессиональной деятельности человека [6].

В данном контексте нельзя не уделить внимание вопросу об наиболее эффективных технологиях разрешения конфликтов. В современном обществе все более востребована такая технология разрешения

конфликтов как медиация. Это подтверждается интересом к ней, как к альтернативному способу разрешения конфликтов со стороны общества и государства, получившем свое отражение и на законодательном уровне (Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 N 193-ФЗ).

Шамликашвили Ц.А., как один из основоположников внедрения медиации в жизнь российского общества, считает, что медиация – это альтернативный метод разрешения спора при участии беспристрастной, нейтральной стороны - медиатора, оказывающей содействие лицам, вовлеченным в спор и добровольно участвующим в процедуре медиации с целью выработки взаимоприемлемого и жизнеспособного решения по его урегулированию на условиях взаимного уважения и принятия права каждой из сторон защищать свои интересы. Уникальность медиации заключается в том, что в ее процессе конфликтующие стороны вырабатывают приемлемый для них вариант решения конфликта [8].

По нашему мнению, сегодня, можно смело утверждать, что медиативная грамотность это, важный составляющий элемент конфликтологической грамотности. Под медиативной грамотностью, следует понимать не только знания о специальной технологии разрешения конфликтов, но и способность ее активно применять для разрешения и профилактики конфликтов, в том числе в процессе обучения в вузе. Именно формирование медиативной грамотности может способствовать формированию навыков конструктивного общения, умений прогнозирования появления ситуаций конфликта, тем самым стимулировать развитие психологической зрелости личности в процессе обучения.

Сегодня процесс формирования медиативной грамотности в вузе может включать в себя широкий диапазон компетенций: от понимания сущности и природы конфликтов во всех его многообразных формах, навыков их конструктивных разрешений, до их профилактики и поддержания благоприятного психологического климата в вузе в целом. Эта деятельность является логическим продолжением развития медиативных служб в современных российских школах.

Медиация может служить технологией воспитательного процесса обучения в вузе, направленной на уменьшение агрессивности, конфликтности и на создание благоприятной обстановки, способствующей профессиональному и личностному развитию. Это в свою очередь способно привести к благоприятному социально-психологическому климату в образовательной организации; повышению коммуникативной культуры и медиативной грамотности у всех участников образовательного пространства; сокращению количества конфликтных ситуаций; формированию безопасной образовательной атмосферы и профилактики конфликтов.

При развитии медиативной грамотности необходимо учесть, что она зависит от множества факторов: доверия к медиации как средству помощи; мотивации всех сторон на участие в процедуре медиации; уровня заинтересованности в урегулировании инцидентов; профессионализма медиатора; правильно выбранной стратегии ведения переговоров, ведущей к исчерпыванию разногласий, которые должны стать залогом успешного урегулирования сложной кризисной обстановки.

Применение медиации в образовательной среде вуза, безусловно, может столкнуться с определенными трудностями: непониманием сущности медиативного процесса, его задач и диапазона возможностей, как переговорного процесса с участием третьей стороны; недостаточным количеством специалистов с навыками медиативной деятельности; недостаточным опытом применения медиации в системе высшего образования в России.

Все эти трудности преодолимы при целенаправленном формировании медиативной грамотности, как в среде учащихся, так и среди профессорско-преподавательского состава и административного аппарата образовательного учреждения. С практической точки зрения это можно реализовать через следующие виды деятельности:

- включение в гуманитарный цикл программ подготовки следующих примерных тем: «Медиация как технология разрешения конфликтов», «История возникновения и развития медиативной практики», «Медиативные технологии: возможности и ограничения» и т.д.;
- разработка и реализация программы повышения квалификации для преподавателей и представителей администрации вуза «Основы медиации»;
- организация медиативной службы в вузе и т.д.

Все эти мероприятия могут стимулировать развитие медиативной компетенции и тем самым способствовать своевременному осознанию и выявлению конфликтных ситуаций; развитию коммуникативных навыков в ситуациях конфликтов; созданию среды, поддерживающей тенденции конструктивного разрешения конфликтов, что в свою очередь, несомненно, будет способствовать профилактике конфликтов в образовательной среде вуза.

Список использованных источников:

1. Лебедев О.Е. Компетентностный подход в образовании// Школьные технологии. 2004. № 5. С. 3-12.
2. Мусатова О.А. Вопросы подготовки специалистов управления конфликтными ситуациями //В сборнике: Перспективы развития исследований в сфере наук об образовании. Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 2022. С. 395-398.
3. Мусатова О.А. Посреднический потенциал медиаторов как условие для урегулирования конфликтов //В сборнике: Цивилизация знаний: российские реалии. Сборник трудов XXIII Международной научной конференции. Киров, 2022. С. 643-646.

4. Самсонова Н.В. Конфликтологическая культура специалиста// Высшее образование в России. – 2003. – № 1. – С. 124-126.
5. Реан А.А. Сильные стороны личности в модели VIA как медиатор психологического благополучия в профессиональной деятельности / А.А. Реан, А.А. Ставцев, Р.Г. Кузьмин // Национальный психологический журнал. 2022. № 2 (46). С.25-34.
6. Халитова С.А. Конфликт как социально-психологическое явление на предприятии // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета, 2023. № 1 (65). С. 314-320.
7. Шамликашвили Ц.А. Основы медиации как процедуры урегулирования споров. М.: МЦУПК, 2013.

УДК 159.9

Огурцова А.И.

магистрант 1 курса, направление 37.04.01, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством **Калита В.В.**

к.псих.н., доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, МГУТУ им. К.Г.Разумовского (ПКУ)

ЗАДАЧИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ЖЕНЩИН В ПОСЛЕРОДОВОМ ПЕРИОДЕ

Аннотация. Послеродовой период представляет собой сложный этап в жизни женщины, сопровождающийся резкими изменениями в физиологическом, психологическом и социальном аспектах. В статье рассматриваются ключевые задачи психологического сопровождения женщин после родов с позиции личного опыта. Автор, прошедшая через трансформацию, связанную с рождением ребёнка, анализирует значимость профессиональной поддержки, необходимость формирования эмоциональной устойчивости, сохранения идентичности, а также профилактики послеродовой депрессии. Публикация представляет собой попытку объединить научный подход и живой эмпирический взгляд, подчеркивая важность системной помощи в этот критически важный период жизни женщины.

Ключевые слова: послеродовой период, психологическое сопровождение, перинатальный психолог, материнство, женская идентичность, эмоциональная поддержка.

TASKS OF PSYCHOLOGICAL SUPPORT FOR WOMEN IN THE POSTNATAL PERIOD

Abstract. The postpartum period is a challenging stage in a woman's life, accompanied by dramatic physiological, psychological, and social changes. This article examines the key challenges of psychological support for women after childbirth from the perspective of personal experience. The author, who has experienced the transformation associated with childbirth, analyzes the importance of professional support, the need to develop emotional resilience, maintain identity, and prevent postpartum depression. This publication attempts to combine a scientific approach with a living empirical perspective, emphasizing the importance of systemic support during this critical period in a woman's life.

Keywords: postpartum period, psychological support, perinatal psychologist, motherhood, female identity, emotional support.

Введение. Послеродовой период (пуэрпериум) является важным и критическим этапом в жизни женщины. Он охватывает первые недели и месяцы после родов и характеризуется значительными физиологическими, психологическими и социальными переменами. В этот период женщины особенно уязвимы, что делает актуальным и своевременным вопрос их психологического сопровождения.

Несмотря на растущее количество исследований в области перинатальной психологии, во многих странах система послеродовой помощи остаётся фрагментарной. При этом женский опыт, полученный изнутри – как личностный, так и эмоциональный, – может обогатить научное озарение задач сопровождения.

Цель настоящего исследования – выявить основные направления психологической поддержки женщин в послеродовой период с опорой на практический и субъективный опыт женщины, прошедшей через этот этап.

1. Психоэмоциональная стабилизация.

Психоэмоциональное состояние женщины после родов характеризуется высокой лабильностью. Гормональные перемены, недосыпание, соматические нагрузки и переосмысление новой социальной роли провоцируют тревожность, раздражительность, слёзливость. Это состояние может перерасти в послеродовую депрессию, если отсутствует адекватная поддержка.

Задачей психолога на данном рубеже является:

- нормализация эмоционального состояния;
- снижение уровня тревожности;
- выучивание методов саморегуляции;
- поддержка в выражении и принятии собственных чувств.

Раннее подсоединение психолога позволяет предотвратить развитие тяжёлых психических нарушений и содействует более мягкой адаптации женщины к материнству [6].

2. Сохранение и восстановления личной идентичности.

Материнство влечёт за собой смену жизненных целей, часто приводя к ощущению потери себя как женщины, профессионала, личности. Одной из важнейших задач сопровождения становится поддержка женской идентичности:

- помощь в интеграции новой роли в существующую текстуру личности;
- формирование гибких установок, позволяющих совмещать материнство и другие сферы жизни;

– снижение внутреннего конфликта между «образом идеальной матери» и реальными возможностями женщины.

Сохранение чувства личной ценности и уникальности способствует профилактике выгорания и повышает качество товаров жизни женщины в послеродовой период [4; 5].

3. Профилактика и коррекция послеродовой депрессии.

По данным ВОЗ, от 13% до 20% женщин в послеродовой период испытывают симптомы депрессии различной степени выраженности. Среди факторов риска: недостаток поддержки, перенесённые травматичные роды, социальная изоляция, хроническая усталость.

Задачи психолога включают:

- раннюю диагностику тревожно-депрессивных состояний;
- информационную поддержку семьи по вопросам психического здоровья матери;
- мотивацию на обращение за специализированной помощью при необходимости;
- сопровождение на всех этапах восстановления.

Психологическое сопровождение позволяет минимизировать последствия депрессии как для женщины, так и для ребёнка, в том числе в плане образования привязанности.

4. Содействие гармонизации семейных отношений.

Рождение ребёнка трансформирует не только внутренний мир женщины, но и семейную систему. Часто накладываются конфликты, связанные с перераспределением ролей, недостатком взаимопонимания и переменой эмоционального климата в паре.

Психологическое сопровождение направлено на:

- укрепление внутрисемейных связей;
- развитие навыков конструктивного общения между партнёрами;
- обучение совместному принятию решений в уходе за ребёнком;
- преодоление чувства отчуждённости или ревности [2].

Семейно-ориентированный подход помогает формировать устойчивую поддержку для женщины со стороны ближайшего окружения [3].

5. Формирование умений осознанного материнства.

Женщина часто сталкивается с противоречием между социальными ожиданиями и реальностью материнства. Психологическая помощь направлена на формирование реалистичных представлений о материнстве и развитие способности к осознанной заботе:

- обучение распознаванию сигналов ребёнка и эмоциональному отклику;
- развитие устойчивости к перфекционизму и чувству вины;
- формирование самоподдерживающих стратегий.

Это позволяет женщине выстраивать здоровые отношения с ребёнком и одновременно сохранять ресурсность.

Заключение.

Послеродовой период требует от женщины не только физической, но и глубокой психологической адаптации. На основании личного опыта можно утверждать, что своевременное и профессиональное психологическое сопровождение является важнейшим ресурсом восстановления и роста. Оно должно стать частью комплексной системы перинатальной помощи, с обязательным включением индивидуальной и семейной работы, психопросвещения и профилактики эмоциональных нарушений.

Разработка программ психологического сопровождения, учитывающих индивидуальные, культурные и социальные особенности женщины, представляется необходимым шагом на пути к улучшению репродуктивного и психического здоровья в обществе.

Список использованных источников:

1. Большая энциклопедия. Мать и дитя / Авт.-сост. Л.С. Конева. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2008. – 432 с.
2. Денисова Д.В. Психологическая поддержка в системе перинатального сопровождения // Журнал практического психолога. – 2020. – №5. – С. 30-37.
3. Овчарова Р.В. Психологическое консультирование семьи. – М.: Академия, 2019. – 256 с.
4. Постнова С.Г. Психологическое сопровождение женщин в послеродовом периоде // Психологическая помощь. – 2022. – №3. – С. 45-52.
5. Сельченко К.А. Психология материнства. – М.: Питер, 2020. – 432 с.
6. Beck, C.T. Postpartum Depression: A Meta-Analysis // Nursing Research. – 2019. – Vol. 68, No. 1. – P. 9-16.
7. World Health Organization. Maternal Mental Health. – Geneva: WHO, 2021.

Камышева М.К., Омельченко Е.А.

студенты 2 курса, направление 44.03.02, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством **Калита В.В.**

к.псих.н., доцента кафедры педагогики и психологии профессионального образования МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

ВЛИЯНИЕ ФОНОВОЙ МУЗЫКИ НА КОНЦЕНТРАЦИЮ ВНИМАНИЯ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ ЗАДАНИЙ

Аннотация. В статье рассматривается влияние фоновой музыки на концентрацию внимания при выполнении когнитивных заданий с использованием буквенно-цифровой таблицы Шульте–Платонова. Исследование опирается на эмпирическое тестирование учащихся 2 курса. Цель исследования заключалась в определении того, как музыкальное сопровождение влияет на успешность выполнения теста с использованием буквенно-цифровой таблицы. В статье представлены результаты, которые показали уровень успешности выполнения заданий участниками. Авторы на основе полученных данных делают выводы о концентрации внимания под воздействием музыкальных стимулов.

Ключевые слова: концентрация внимания, фоновая музыка, когнитивные процессы, внимание, продуктивность.

THE INFLUENCE OF BACKGROUND MUSIC ON CONCENTRATION OF ATTENTION WHEN PERFORMING TASKS

Abstract. This article examines the influence of background music on attention during cognitive tasks. The study is based on empirical testing of second-year students. The aim of the study was to determine how musical accompaniment influences performance on a test using an alphanumeric grid. The article presents results demonstrating the participants' level of performance on the tasks. Based on the data obtained, the authors draw conclusions about the effect of musical stimuli on attention.

Keywords: concentration, background music, cognitive processes, attention, productivity.

Введение

Концентрация внимания – один из ключевых когнитивных процессов, определяющих эффективность умственной деятельности. От её уровня зависит успешность выполнения задач, требующих быстроты восприятия, точности и устойчивого внимания [1, с.12-14].

В условиях современного обучения и труда человеку нередко приходится выполнять интеллектуальные действия при наличии фоновых раздражителей, среди которых важное место занимает музыка. Однако её влияние на концентрацию внимания остаётся противоречивым: ряд исследований указывает на стимулирующий эффект, тогда как другие фиксируют снижение продуктивности [2, с.33].

Цель исследования: выявить воздействие фоновой музыки на концентрацию внимания при выполнении когнитивных заданий с использованием буквенно-цифровой таблицы Шульте–Платонова.

Методы и теоретическая основа исследования

Выборка. В исследовании участвовали 16 человек в возрасте от 18 до 20 лет, разделённых на две группы по 8 человек.

Участники экспериментальной группы выполняли задание под фоновую инструментальную музыку, а участники контрольной группы – в условиях тишины.

Методика. Для оценки внимания использовалась буквенно-цифровая таблица Шульте–Платонова, содержащая 49 клеток с числами и буквами красного и чёрного цвета, расположенными в случайном порядке. Буквенно-цифровая таблица Шульте–Платонова позволяет проводить диагностику не индивидуально, а фронтально.

Задача испытуемых заключалась в последовательном поиске чисел двух цветов:

- 1) красные числа нужно было находить в порядке возрастания от 1 до 24;
- 2) черные числа – в порядке убывания от 24 до 1.

Каждый найденный элемент (цифра) фиксировался в отдельном бланке (записывалась сопряженная цифре буква).

Последовательность поиска выглядела так: красное «1» → чёрное «24» → красное «2» → чёрное «23» и далее.

Время для выполнения задания составляло 5 минут.

Процедура: в первой группе во время работы звучала инструментальная музыка средней громкости, во второй – сохранялась полная тишина. По сигналу «Стоп!» участники завершали выполнение задания.

Оценка результатов проводилась на основании количества правильно найденных элементов и точности их фиксации за установленное время.

Результаты исследования

Результаты показали, что участники, выполнявшие задание с музыкой, продемонстрировали более низкий уровень успешности (в среднем 75%) по сравнению с участниками, выполнявшими задание без музыки (в среднем 90%) (см. Таблица 1).

Таблица 1 – Результаты выполнения задания - таблицы Шульте-Платонова с музыкой (экспериментальная группа – ЭГ и контрольная группа – КГ) по показателям: количество найденных цифр, количество правильно найденных цифр, процент правильных ответов

№	Найдено	Правильно	%	Найдено	Правильно	%
	Экспериментальная группа (фоновая музыка)			Контрольная группа (без музыки)		
1	40	36	73	47	44	90
2	38	30	61	48	45	92
3	42	33	67	49	46	94
4	45	39	80	45	40	82
5	43	34	69	46	42	86
6	41	32	65	48	44	92
7	46	39	80	47	43	91
8	44	38	78	49	45	92
Среднее:	42,4	35,1	74,1%	47,4	43,6	89,9%

Обсуждение результатов

Полученные данные свидетельствуют о том, что фоновая музыка ухудшает концентрацию внимания при выполнении когнитивных задач. Это может быть связано с увеличением нагрузки на механизмы распределения внимания: часть ресурсов переключается на обработку музыкальных стимулов [3, с.48].

Рисунок 1 – Диаграмма результатов выполнения задания – таблицы Шульте-Платонова с музыкой (экспериментальная группа – ЭГ и контрольная группа – КГ) по показателям: количество найденных цифр, количество правильно найденных цифр, процент правильных ответов

Полученные результаты согласуются с исследованиями, демонстрирующими, что музыка – особенно динамичная или содержащая вокал – способна отвлекать и снижать точность деятельности [4, с.57-59].

Вместе с тем, умеренный уровень музыкального сопровождения может незначительно повышать мотивацию и эмоциональный фон, что требует дальнейшего изучения влияния различных жанров и типов музыки.

Заключение. Исследование показало, что фоновая музыка оказывает отрицательное влияние на концентрацию внимания при выполнении задач, требующих высокой точности и устойчивого внимания. Поэтому при умственной работе или в процессе обучения рекомендуется избегать музыкального сопровождения, если важны максимальная сосредоточенность и эффективность.

Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом влияния разных музыкальных жанров и индивидуальных различий восприятия на когнитивную продуктивность.

Список использованных источников:

1. Иванов А.В. Когнитивные процессы и внимание человека. – М.: Психология, 2018. – 120 с.
2. Петрова Е.Н. Музыка и когнитивные функции: психологический анализ. – СПб.: Речь, 2020. – 142 с.
3. Жуков И.В. Влияние фоновых раздражителей на когнитивную деятельность. // Вестник психологии. – 2021. – № 2. – С. 46-51.
4. Божович Л.И. Проблемы формирования личности школьника. – М.: Просвещение, 1968. – С. 57–59.

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ PRODUCT PLACEMENT В ВИДЕО КОНТЕНТЕ

Аннотация. В статье рассматриваются когнитивные аспекты восприятия product placement в видеоконтенте с позиции психологии. Основное внимание уделяется тому, как скрытые рекламные сообщения обрабатываются психикой зрителя через механизмы внимания, интерпретации информации и эмоционального восприятия. Цель статьи – проанализировать когнитивные процессы, лежащие в основе восприятия product placement, и определить их влияние на формирование осознанного и неосознанного отношения к бренду или продукту. В работе рассматривается роль эмоционального контекста, степени интеграции продукта в сюжет и структуры видеоконтента в усилении воздействия рекламы. В заключении подчеркивается значение изучения когнитивных механизмов восприятия скрытой рекламы для разработки эффективного медиаконтента и перспектив дальнейших исследований в области когнитивной и медиапсихологии.

Ключевые слова: когнитивная психология; productplacement; внимание; восприятие; память; эмоции; бренд; продукт; медиапсихология.

COGNITIVE ASPECTS OF PERCEPTION OF PRODUCT PLACEMENT IN VIDEO CONTENT

Abstract. The article examines the cognitive aspects of product placement perception in video content from a psychological perspective. The main focus is on how hidden advertising messages are processed by the viewer's psyche through the mechanisms of attention, information interpretation, and emotional perception. The purpose of the article is to analyze the cognitive processes underlying the perception of product placement and to determine their influence on the formation of conscious and unconscious attitudes toward a brand or product. The paper examines the role of emotional context, the degree of product integration into the plot, and the structure of video content in enhancing the impact of advertising. The conclusion emphasizes the importance of studying the cognitive mechanisms of hidden advertising perception for the development of effective media content and prospects for further research in the field of cognitive and media psychology.

Keywords: cognitive psychology; product placement; attention; perception; memory; emotions; brand; product; media psychology.

Современная медиасреда переживает период значительного роста объёмов видеоконтента, доступного для широкой аудитории через стриминговые платформы, социальные сети и видеохостинги. В этих условиях традиционные формы рекламы постепенно теряют эффективность, поскольку зритель сталкивается с огромным количеством рекламных сообщений и способен уделять внимание лишь ограниченному количеству из них. В данных условиях одним из ключевых средств воздействия является формат product placement – скрытое размещение товаров и брендов внутри видеоконтента. Этот подход отличается от традиционной рекламы тем, что бренд или продукт становятся частью сюжета или визуального ряда, не выделяясь как прямое рекламное сообщение. С психологической точки зрения актуальность исследования product placement определяется необходимостью понимания когнитивных процессов, участвующих в восприятии скрытых рекламных сообщений. Восприятие видеоконтента человеком включает механизмы внимания, памяти и интерпретации информации, и именно эти процессы определяют, какие сообщения будут замечены и отложены в голове. Ограниченность когнитивных ресурсов, характерная для человека, делает исследование product placement особенно важным, так как эффективность скрытых рекламных сообщений зависит от того, насколько они способны привлекать внимание и быть отпечатанными в памяти зрителя. Современные исследования в области когнитивной психологии и медиапсихологии показывают, что product placement может формировать осознанное и неосознанное отношение к бренду, а также влиять на эмоциональное восприятие видеоконтента.

Product placement представляет собой особый вид скрытого рекламного сообщения, интегрированного в видеоряд или сюжет таким образом, что зритель не всегда осознаёт его рекламную природу [2]. С точки зрения когнитивной психологии это явление всесторонне тем, что оно вовлекает зрителя в обработку информации на нескольких уровнях: визуальном, аудиальном и эмоциональном. Эффективность восприятия product placement зависит от того, насколько сообщение привлекает внимание и удерживает его достаточно долго для переработки в памяти. Согласно теории когнитивной нагрузки, человек способен активно обрабатывать лишь ограниченное количество информации, поэтому скрытые рекламные сообщения конкурируют с множеством других элементов контента [5]. Важным аспектом является роль внимания и памяти. Исследования показывают, что продукт, появляющийся в контексте сюжета, который вызывает эмоциональный отклик, запоминается лучше, чем нейтральные объекты. Таким образом, product placement воздействует на зрителя не только визуально, но и через когнитивные механизмы, что позволяет формировать более стойкие ассоциации с брендом. Ключевым фактором успешного product placement является сочетание заметности и естественности: рекламное сообщение должно быть интегрировано в сюжет так, чтобы его легко было воспринимать, но чтобы при этом он не вызывал явного ощущения навязывания.

Явление product placement в видео контенте для зрителя представляет собой сложный когнитивный процесс, который включает несколько взаимосвязанных механизмов: внимание, память, восприятие и

интерпретацию информации [6]. На первом этапе решающую роль играет внимание зрителя, которое является ограниченным ресурсом. Человек способен фокусироваться лишь на части поступающих сообщений, поэтому скрытые рекламные элементы конкурируют с визуальными и аудиальными аспектами сюжета, а также с другими аспектами видеоконтента. Исследования показывают, что зрители чаще замечают и лучше запоминают те объекты, которые соответствуют их интересам, ожиданиям и личным предпочтениям [1]. После привлечения внимания, в идеале, информация о продукте или бренде должна быть обработана и сохранена в памяти. При этом важную роль играет контекст, в котором представлено рекламное сообщение. Если объект product placement встроен в эмоционально насыщенную сцену или в сюжет, вызывающий интерес, вероятность его запоминания значительно возрастает. Это объясняется тем, что эмоциональные переживания усиливают кодирование информации в долговременной памяти, делая её более устойчивой и доступной для последующего воспроизведения. Таким образом, зритель может не осознавать факт наличия скрытой рекламы, однако продукт может быть эффективно отпечатан и сохранён в его когнитивной системе.

Следующий этап - интерпретация и оценка воспринятой информации. Зритель придаёт смысл увиденному бренду на основе общего впечатления от видео и личного опыта. Эффект контекста играет на данном этапе ключевую роль: продукт, показанный в положительной, интересной или значимой сцене, воспринимается более благоприятно, чем тот же продукт в нейтральном или негативном контексте. Эмоции, возникающие при просмотре контента, могут усиливать или ослаблять восприятие рекламного сообщения. Положительный эмоциональный отклик способствует формированию положительных ассоциаций с брендом, тогда как негативные переживания могут уменьшать эффективность рекламы.

Восприятие скрытой рекламы в видеоконтенте не является универсальным процессом, оно зависит от множества индивидуальных факторов, таких как: возраст, уровень критического мышления, опыт медиапотребления и личные предпочтения зрителя [4]. Эти аспекты влияют на то, как человек замечает, интерпретирует и запоминает рекламные элементы, встроенные в сюжет. Возраст является одним из ключевых факторов, определяющих восприятие product placement. Молодёжь, выросшая в условиях насыщенного медиaprостранства, часто менее восприимчива к традиционным рекламным методам, включая скрытую рекламу. Напротив, взрослые и пожилые люди, менее осведомлены о таких методах, что делает их более восприимчивыми к скрытым рекламным воздействиям. Исследования показывают, что молодёжь склонна критически относиться к рекламе и быстрее её распознавать, в то время как пожилые люди могут не осознавать присутствие скрытой рекламы в контенте, что делает её более эффективной для этой аудитории. Уровень критического мышления также играет важную роль. Люди с высоким уровнем критического мышления способны анализировать и оценивать информацию, подвергать сомнению её достоверность и выявлять скрытые мотивы. Это снижает эффективность скрытой рекламы, так как такие зрители могут распознать рекламные элементы и отнестись к ним скептически. С другой стороны, зрители с низким уровнем критического мышления могут воспринимать скрытую рекламу как часть сюжета, не осознавая её рекламной природы.

Опыт медиапотребления также влияет на восприятие скрытой рекламы. Люди, часто потребляющие медиаконтент, особенно в интернете, становятся более опытными в распознавании различных рекламных техник, включая скрытую рекламу. Они могут осознавать присутствие рекламных элементов и критически их оценивать. В то время как зрители с ограниченным опытом медиапотребления могут не замечать скрытую рекламу или воспринимать её как естественную часть контента. Личные предпочтения и интересы зрителя также влияют на восприятие скрытой рекламы. Если рекламируемый продукт или бренд соответствует интересам и потребностям зрителя, он может воспринимать его более положительно, даже если реклама является скрытой. Напротив, если продукт не соответствует интересам зрителя, он может не заметить его или отнестись к нему нейтрально или отрицательно. Таким образом, восприятие скрытой рекламы в видеоконтенте является сложным и многогранным процессом, зависящим от множества индивидуальных факторов. Понимание этих факторов важно для создания эффективных рекламных стратегий, учитывающих особенности аудитории и повышающих эффективность рекламных воздействий.

Эмоции играют ключевую роль в восприятии рекламы, включая скрытую рекламу в медиаконтенте. Эмоциональный контекст, в котором представлен рекламируемый продукт, существенно влияет на то, как зритель воспринимает и запоминает информацию о бренде или товаре. Современные нейромаркетинговые исследования показывают, что реклама, вызывающая сильные эмоции, увеличивает продажи на 23% [3]. Это свидетельствует о том, что эмоциональное воздействие может значительно повысить эффективность разного рода рекламных стратегий, включая product placement. Эмоции, возникающие при просмотре видеоконтента, могут усиливать или ослаблять восприятие скрытой рекламы. Например, положительные эмоции, такие как радость или восхищение, могут способствовать формированию положительных ассоциаций с брендом, тогда как негативные эмоции, такие как грусть или раздражение, могут уменьшать эффективность рекламы. Важно отметить, что эмоциональный отклик зрителя зависит не только от содержания рекламы, но и от его личных переживаний и восприятия ситуации. Эмоциональный контекст также влияет на то, как зритель интерпретирует рекламируемый продукт. Продукт, представленный в положительном эмоциональном контексте, воспринимается более благоприятно, чем тот же продукт, представленный в нейтральном или негативном контексте. Это объясняется тем, что эмоции усиливают кодирование информации в памяти, делая её более устойчивой и доступной для последующего воспроизведения. Понимание того, как эмоции влияют на восприятие рекламируемого продукта, может помочь разработать более эффективные рекламные стратегии, учитывающие эмоциональные реакции аудитории.

Множество современных исследований в России подтверждает значимость психологических аспектов восприятия product placement. Так, Леонид Башманов в исследовании, проведенном в Высшей школе экономики в 2022 году, показал, что восприятие скрытой рекламы зависит от индивидуальных особенностей потребителей, таких как склонность к импульсивным или рациональным покупкам, при этом использование видеоконтента с интегрированной рекламой выявило различия в психологической эффективности воздействия [1]. Галина Фофанова и Александр Солодухо рассматривали в своем исследовании вопросы организации психологической экспертизы скрытой рекламы, подчеркивая необходимость разработки научно обоснованных процедур оценки восприятия product placement, включая социально значимые категории, например, рекламу алкогольных напитков [4]. В рамках социально-психологического анализа скрытая реклама рассматривается как форма массовой коммуникации, оказывающая целенаправленное психологическое воздействие на зрителей; её эффективность определяется степенью интеграции продукта в сюжет, эмоциональным откликом аудитории и длительностью контакта со зрителем, что подробно описано в исследовании Янины Григорьевой [2]. Все эти исследования подчеркивают важность учета психологических механизмов восприятия рекламы, что позволяет более точно прогнозировать воздействие product placement и разрабатывать медиаконтент с учетом когнитивных особенностей аудитории.

Анализ когнитивных аспектов восприятия product placement в видеоконтенте показывает, что эффективность скрытой рекламы определяется сложным взаимодействием психических процессов: внимания, памяти, процессов категоризации и интерпретации информации, а также эмоционального контекста. Когнитивные механизмы обеспечивают не только запоминание рекламного сообщения, но и формирование отношения к продукту на эмоциональном и подсознательном уровнях. Важную роль играет то, как продукт интегрирован в сюжет и насколько органично он вписывается в происходящее на экране, что способствует усилению эмоционального отклика и повышению когнитивного вовлечения зрителя.

Комплексное понимание процессов восприятия product placement позволяет рассматривать его не просто как инструмент рекламы, но как часть медиаконтента, взаимодействующую с психикой зрителя на нескольких уровнях. Это подчеркивает необходимость учитывать когнитивные и эмоциональные особенности аудитории при разработке медиаконтента и стратегий рекламного влияния. Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением когнитивных факторов, влияющих на восприятие скрытой рекламы, а также с анализом влияния различных форматов видеоконтента, структуры сюжета, длительности контакта с продуктом и эмоциональной окраски сцен на эффективность интеграции. Практическое значение полученных данных заключается в возможности создания более эффективного медиаконтента и стратегий интеграции брендов с учётом когнитивных особенностей зрителей. Это позволило бы не только повысить эффективность рекламы, но и разработать более точные методы прогнозирования её воздействия на зрителей. В целом, изучение когнитивных аспектов восприятия product placement открывает новые возможности для медиапсихологии и рекламной практики, способствуя более глубокому пониманию того, как скрытые рекламные сообщения влияют на психику зрителя и формируют его отношение к бренду.

Список использованных источников:

1. Башманов, Л.А. (2022). Исследование отношения потребителей к рекламе типа продакт-плейсмент. Вестник науки и образования, (6), 126.
2. Григорьева Я.И. Социально-психологический анализ Product Placement как социальной коммуникации: автореф. дис. ... канд. психол. наук: спец. ВАК РФ 19.00.05 / Я. И. Григорьева. – М.: [б. и.], 2004. – 152 с.
3. Драган А. Как эмоции в рекламе влияют на продажи: нейромаркетинговое исследование [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://5oclick.ru/blog/emotsii-v-reklame/> – Дата доступа: 23.10.2025.
4. Солодухо А.С., Фофанова Г.А. Психологическая экспертиза скрытой рекламы: проблемы и перспективы // Философия и социальные науки. – 2014. – № 4. – С. 75–78.
5. UniSender. Что нужно знать о теории когнитивной нагрузки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unisender.com/ru/blog/chto-nuzhno-znat-o-teorii-kognitivnoj-nagruzki/> – Дата доступа: 22.10.2025.
6. Simola, J., Huõnã, J., & Kuisma, J. Восприятие визуальной рекламы в разных медиа: от внимания до отвлечения, убеждения, предпочтения и памяти. Frontiers in Psychology, 5:1208, 2014

Петрова А.А., Терехова Е.П.

студенты 2 курса, направление 44.03.02, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством **Калита В.В.**

к.псх.н., доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, МГТУ им. К.Г.Разумовского (ПКУ)

СРАВНЕНИЕ ВЕДУЩИХ ТИПОВ ХАРАКТЕРА ПО МЕТОДИКЕ КАРЛА ГУСТАВА ЮНГА У СТУДЕНТОВ РАЗНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ

Аннотация. Характер считается выражением и условием цельности личности. К основным его свойствам относятся направленность, привычки, коммуникативные свойства, эмоционально-динамические проявления. Карл Густав Юнг выделяет три типа характера: интроверсия, амбиверсия и экстраверсия. Каждому человеку присущ один из этих типов. Главной задачей исследования является сравнение типов характера у студентов, обучающихся на педагогов-психологов и психологов.

Ключевые слова: тип характера, интроверсия, амбиверсия, экстраверсия.

COMPARISON OF LEADING CHARACTER TYPES ACCORDING TO THE METHODOLOGY OF KARL GUSTAV JUNG AMONG STUDENTS OF DIFFERENT FIELDS

Abstract. Character is considered to be an expression and condition of personality integrity. Its main properties include orientation, habits, communicative properties, and emotional-dynamic manifestations. Carl Gustav Jung distinguishes three types of character: introversion, ambiversion, and extroversion. Each person has one of these types. The main objective of this article is to compare the character types of students studying to become educational psychologists and psychologists.

Keywords: character type, introversion, ambiversion, extroversion.

Типология личности по Карлу Юнгу основана на понятии психологической установки. Юнг считал, что человек изначально ориентирован на восприятие либо внешних сторон жизни, либо внутренних. Это различие он назвал общим типом установки и поделил на экстравертную, т.е. направленную на восприятие внешнего мира, и интровертную, которая направлена преимущественно «внутрь себя» [2; 3].

Так же Карл Юнг считал, что «чистых» экстравертов и интровертов не существует. Человек более склонен к одной из этих установок и действует преимущественно в ее рамках [3].

Существует и такое понятие, как амбиверсия. Это тип личности, при котором человек обладает чертами как интроверта, так и экстраверта [2].

Гипотеза исследования: различаются ли ведущие типы характера у студентов 2 курса, обучающихся на педагогов-психологов и психологов.

В ходе исследования применялась методика «Определение типа характера» Карла Густава Юнга. Данная методика состоит из 20-ти вопросов с двумя вариантами ответа. Участники исследования выбирали из двух вариантов тот, который они считают более подходящим. Респондентам была выслана гугл форма с методикой и инструкцией по ее прохождению [1].

Всего в исследовании приняло участие 16 человек. 8 студентов педагогов-психологов и 8 студентов психологов. Мы получили следующие результаты (в баллах).

Таблица 1 – Результаты педагогов-психологов

Педагоги-психологи			
Респондент	Баллы (интерпретация)	Респондент	Баллы (интерпретация)
1	70 (экстраверсия)	5	70 (экстраверсия)
2	10 (интроверсия)	6	40 (амбиверсия)
3	45 (амбиверсия)	7	65 (амбиверсия)
4	60 (амбиверсия)	8	55 (амбиверсия)

Таблица 2 – Результаты психологов

Психологи			
Респондент	Баллы (интерпретация)	Респондент	Баллы (интерпретация)
1	45 (амбиверсия)	5	30 (интроверсия)
2	20 (интроверсия)	6	50 (амбиверсия)
3	35 (интроверсия)	7	15 (интроверсия)
4	70 (экстраверсия)	8	20 (интроверсия)

Путем анализа полученных результатов, были выделены ведущие типы характера в группах:

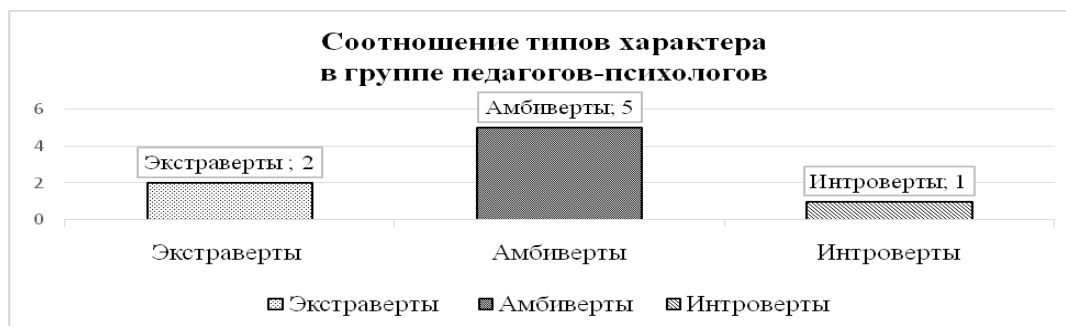

Рисунок 1 – Соотношение типов характера в группе педагогов-психологов

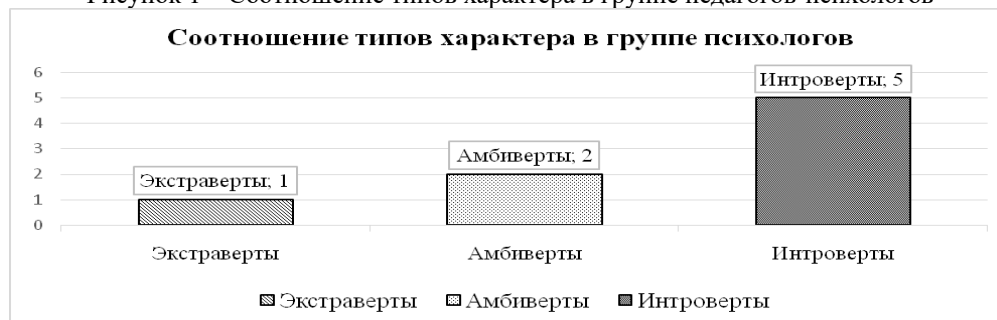

Рисунок 2 – Соотношение типов характера в группе психологов

Путем анализа полученных результатов были выделены ведущие типы характера в группах:

А) в группе педагогов-психологов – амбиверсия (ближе к экстраверсии).

Б) в группе психологов – интроверсия.

Данные результаты позволяют нам подтвердить выдвинутую путем наблюдений за студентами гипотезу о различии ведущих типов характера у обучающихся на педагогов-психологов и психологов.

Полученные результаты можно объяснить разницей видов деятельности этих направлений.

Деятельность педагогов-психологов носит в основном коллективный характер и требует активного взаимодействия друг с другом, а в будущем с группами детей и их родителями.

Деятельность психологов наоборот носит более индивидуальный характер и подразумевает самостоятельность и способность в будущем заниматься индивидуальным консультированием.

Список использованных источников:

1. Клепцова, Е.Ю. Типологический подход К.Г. Юнга: опыт эмпирического подтверждения / Е.Ю. Клепцова, А.В. Власова // Научно-методический электронный журнал "Концепт". – 2017. – № 6. – С. 6-14. – DOI 10.24422/MCITO.2017.6.6443. – EDN YTTNDL.
2. Шамардина М.В., Ральникова И.А., Петухова Е.А. Психология характера // учебное пособие. – Барнаул, 2020 г., с. 49-53.
3. Юнг, К.Г. Психологические типы = Psychologische Typen: 1923 / пер. В. Зеленского // Собрание сочинений / К. Г. Юнг. – Vol. 6. – P. 510-523. – Ориг. публ. в Zeitschrift für Menschenkunde, май 1925, S. 45-65.

УДК 159.9.07

Почивалов А.Д.

магистрант 2 курса, направление 37.04.01, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством **Ковалёвой М.А.**

к.псих.н., доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, МГУТУ им. К.Г.Разумовского (ПКУ)

ФЕНОМЕН САМОЗВАНЦА: ЛИЧНОСТНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРОЯВЛЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению феномена самозванца как сложного психологического явления, проявляющегося в несоответствии между объективными достижениями человека и его субъективной оценкой собственной компетентности. В работе представлены основные теоретические подходы к определению феномена, описаны его структура и диагностические инструменты, в частности шкала Clance Impostor Phenomenon Scale (CIPS). Особое внимание уделено взаимосвязи синдрома самозванца с личностными чертами, самооценкой, тревожностью и профессиональной адаптацией. Анализируются социально-психологические и культурные детерминанты формирования данного феномена, включая влияние образовательной среды и межличностных отношений. В заключении обозначены перспективы дальнейших исследований, направленных на разработку программ психологической поддержки и профилактики эмоционального выгорания у лиц с выраженным феноменом самозванца.

Ключевые слова: феномен самозванца, синдром самозванца, самооценка, мотивация достижений, тревожность, профессиональная адаптация, CIPS, личностные особенности.

THE IMPOSTOR PHENOMENON: PERSONAL AND SOCIO-PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF MANIFESTATION

Abstract. The article examines the impostor phenomenon as a complex psychological construct characterized by a discrepancy between an individual's objective achievements and their subjective perception of competence. The paper presents the main theoretical approaches to defining the phenomenon, its structural components, and diagnostic tools, particularly the Clance Impostor Phenomenon Scale (CIPS). Special attention is paid to the relationship between the impostor syndrome, personality traits, self-esteem, anxiety, and professional adaptation. The study also analyzes social, psychological, and cultural determinants contributing to the development of the impostor phenomenon, including the influence of the educational environment and interpersonal relationships. The conclusion outlines prospects for further research focused on developing psychological support programs and preventing emotional burnout among individuals with a pronounced impostor phenomenon.

Keywords: impostor phenomenon, impostor syndrome, self-esteem, achievement motivation, anxiety, professional adaptation, CIPS, personality traits.

Введение

В современном обществе, ориентированном на высокие стандарты успеха и личных достижений, всё чаще внимание исследователей привлекает феномен, получивший название «**синдром самозванца**» (*impostor phenomenon*). Он выражается в стойком убеждении человека, что достигнутые им успехи не являются результатом собственных способностей или усилий, а представляют собой следствие случайности, везения, ошибок других людей или внешних обстоятельств. Несмотря на объективные доказательства компетентности, такие индивиды испытывают внутреннее ощущение несоответствия и страха быть «разоблачёнными» как некомпетентные.

Впервые данный феномен был описан американскими клиническими психологами **Полин Кланс (Pauline Clance)** и **Сюзаной Аймс (Suzanne Imes)** в 1978 году. Первоначально исследовательницы наблюдали это явление у женщин с высокими академическими и профессиональными достижениями, однако последующие работы показали, что феномен самозванца встречается среди людей обоих полов и различных возрастных, профессиональных и культурных групп (Clance & Imes, 1978; Harvey, 1981; Brauer & Wolf, 2016; Шевелева и др., 2021).

Актуальность изучения феномена самозванца обусловлена его влиянием на широкий спектр психологических характеристик личности – самооценку, тревожность, уровень депрессии, мотивацию достижения, а также на успешность профессиональной и академической адаптации. Люди с выраженным синдромом самозванца нередко избегают новых возможностей, недооценивают собственный потенциал, испытывают хроническое эмоциональное напряжение и внутренние конфликты. Всё это делает феномен самозванца важным объектом изучения в контексте психологии личности, образования и профессионального развития. Несмотря на возрастающий интерес к данной проблематике в зарубежной и отечественной литературе, в России тема феномена самозванца остаётся относительно новой и малоизученной: количество эмпирических исследований ограничено, а диссертационные работы, посвящённые данной тематике, на сегодняшний день отсутствуют, что подчёркивает её научную и практическую значимость, а также актуальность для дальнейших исследований.

1. Понятие и сущность феномена самозванца

Термин «**феномен самозванца**» (*impostor phenomenon*), введённый П. Кланс и С. Аймс (Clance & Imes, 1978), описывает устойчивую личностную установку, при которой человек **не способен признать собственные достижения как результат своих способностей и усилий**, объясняя успех внешними обстоятельствами – удачей, совпадением, ошибкой или чрезмерной благосклонностью окружающих. Несмотря на объективные доказательства компетентности, такие люди **постоянно сомневаются в себе**, испытывают **страх разоблачения** и ощущают, что «обманывают» других, создавая видимость успеха.

Классическое определение, предложенное **Кланс (1985)**, подчёркивает три ключевых аспекта феномена:

1. Обман – убеждение, что окружающие переоценивают способности человека, и страх быть разоблачённым.
2. Обесценивание – склонность занижать собственные достижения и переоценивать успехи других.
3. Удача – приписывание собственных результатов внешним, неконтролируемым факторам.

Позднее в литературе термин «синдром самозванца» стал употребляться как синоним феномена, хотя ряд авторов (например, Kolligian & Sternberg, 1991) подчёркивают, что речь идёт не о клиническом синдроме, а о **личностной диспозиции**, имеющей спектральное выражение – от лёгких сомнений в собственных заслугах до стойкого чувства неадекватности и самоуничижения.

В ряде исследований (Leary et al., 2000; Brauer & Wolf, 2016; Шевелева и др., 2021) феномен самозванца рассматривается как **когнитивно-эмоциональный комплекс**, включающий:

- иррациональные убеждения о собственной несостоятельности;
- негативное самовосприятие и внутренний перфекционизм;
- хроническое чувство тревоги и внутреннего напряжения;
- потребность в социальном одобрении при невозможности его принять.

Феномен самозванца тесно связан с рядом других психологических конструктов, однако не тождествен им.

– В отличие от **заниженной самооценки**, он сопровождается **высокими реальными достижениями**, которые человек не способен интериоризировать.

– В отличие от **перфекционизма**, здесь акцент делается не столько на стремлении к идеалу, сколько на **страхе несоответствия и разоблачения**.

– В отличие от **социальной тревожности**, самозванец боится не оценки как таковой, а разоблачения собственной «некомпетентности».

Таким образом, феномен самозванца представляет собой **комплекс когнитивных, эмоциональных и поведенческих проявлений**, отражающих внутреннее несоответствие между внешними достижениями и субъективным ощущением компетентности. Он формирует специфическую систему убеждений, которая препятствует внутреннему принятию успеха и снижает уровень психологического благополучия.

2. Структура феномена самозванца и диагностические инструменты

Психологическое изучение феномена самозванца сопровождалось разработкой ряда диагностических инструментов, позволяющих количественно оценить выраженность этого состояния. Наиболее известной и валидной является **Шкала феномена самозванца П. Кланс (Clance Impostor Phenomenon Scale, CIPS)**, созданная в 1985 году на основе клинических наблюдений и последующих эмпирических исследований (Clance, 1985).

2.1. Структура шкалы CIPS

Методика CIPS включает **20 утверждений**, каждое из которых оценивается по **пятибалльной шкале Ликерта** (от 1 – «никогда» до 5 – «очень часто»). Примеры пунктов:

- «Когда люди хвалят меня за что-то, чего я достиг, я опасуюсь, что не смогу оправдать их ожиданий»;
- «Иногда я чувствую, что мой успех – результат какой-то удачи»;
- «Я часто сравниваю свои способности с другими и думаю, что они умнее меня».

Изначально автор выделила **три подшкалы**:

1. Обман (Fake) – убеждение, что человек «обманывает» окружающих, демонстрируя мнимую компетентность.

2. Обесценивание (Discount) – склонность приносить собственные достижения и переоценивать успехи других.

3. Удача (Luck) – приписывание успеха внешним, неконтролируемым обстоятельствам.

Однако последующие психометрические проверки (Chrisman et al., 1995; French et al., 2008; Brauer & Wolf, 2016; Шевелева и др., 2021) показали, что наиболее адекватным является однофакторное решение, то есть все пункты отражают единый латентный конструкт феномена самозванца.

В российской адаптации, проведённой М.С. Шевелевой, Д.С. Корниенко и Т.М. Пермяковой (2021), шкала продемонстрировала высокие показатели надёжности (α Кронбаха = 0.89) и конвергентной валидности. Конфирматорный факторный анализ подтвердил однофакторную модель, объединяющую три содержательных аспекта феномена – обман, обесценивание и удачу.

2.2. Интерпретация результатов

Интерпретация суммарного балла по CIPS строится следующим образом:

- **до 40 баллов** – феномен самозванца отсутствует;
- **41-60 баллов** – умеренная выраженность;
- **61-80 баллов** – выраженный феномен;
- **81 и выше** – ярко выраженный феномен самозванца.

Чем выше итоговый балл, тем сильнее выражено внутреннее несоответствие между субъективной оценкой и объективными достижениями, а также интенсивнее переживаются тревожность и страх разоблачения.

2.3. Альтернативные шкалы

Помимо CIPS, в мировой практике используются и другие инструменты:

– **Шкала Харви (Harvey Impostor Scale, 1981)** – первая попытка количественно измерить феномен; содержит 14 утверждений, оцениваемых по шкале от 1 до 7, фокусируется на внутреннем чувстве неуверенности и недоверии к успеху.

– **Шкала субъективного обмана Коллигана и Стернберга (Perceived Fraudulence Scale, 1991)** – рассматривает феномен как восприятие собственной «мнимости» и включает когнитивные, аффективные и поведенческие компоненты.

– **Шкала Лири (Leary Impostor Scale, 2000)** – подчёркивает социально-коммуникативный аспект, то есть способы взаимодействия самозванца с другими людьми.

Несмотря на разнообразие подходов, **CIPS считается наиболее надёжным и исследованным инструментом**, что подтверждается многочисленными кросс-культурными адаптациями – немецкой (Brauer & Wolf, 2016), корейской (Chae et al., 1995), российской (Шевелева и др., 2021).

Таким образом, структура феномена самозванца отражает его многомерную природу: когнитивные убеждения, эмоциональные переживания и социальное поведение. Однако в психометрическом измерении данный феномен чаще всего трактуется как **единый личностный конструкт**, связанный с особенностями самооценки, тревожности и интернальности.

3. Связь феномена самозванца с личностными особенностями

Феномен самозванца тесно связан с рядом устойчивых личностных характеристик и эмоциональных состояний, формируя комплекс внутренних когнитивных и аффективных искажений, влияющих на самооценку, мотивацию и поведение. Исследования последних десятилетий показали, что данное состояние не

ограничивается ситуативными проявлениями, а отражает **глубинные особенности личности и самовосприятия** (Clance, 1985; Bernard & Neblett, 2018; Шевелева и др., 2021).

3.1. Связь с самооценкой и самоотношением

Одним из наиболее устойчивых и подтверждённых эмпирически эффектов является **обратная связь между выраженностью феномена самозванца и уровнем самооценки** (Schubert & Bowker, 2017). Индивиды с высоким уровнем синдрома самозванца демонстрируют заниженные показатели по шкалам самоуверенности, самопринятия и самооценности (Пантилеев, Столин, 1993). Они склонны воспринимать собственные достижения как случайные и сомневаться в их значимости, что приводит к **хроническому внутреннему конфликту** и самообвинению.

Данные русскоязычных исследований (Шевелева и др., 2021) подтверждают: общий балл по шкале феномена самозванца отрицательно коррелирует с показателями **саморуководства, самопринятия и самооценности**, и положительно – с **внутренней конфликтностью и самообвинением**. Таким образом, чем сильнее человек переживает себя как «самозванца», тем больше выражено чувство внутренней неуверенности, самокритичности и эмоционального напряжения.

3.2. Эмоциональные корреляты: тревожность, депрессия и страх неудачи

Феномен самозванца сопровождается **высокими уровнями личностной тревожности и страха неудачи** (McGregor et al., 2008; Ross et al., 2001). Такие люди живут в постоянном ожидании «разоблачения» и внутренней проверки собственной состоятельности, что приводит к перфекционистским тенденциям и эмоциональному истощению. Ряд исследований указывает на наличие **положительной корреляции между феноменом самозванца и депрессивной симптоматикой**, а также **синдромом выгорания**, особенно в академической и профессиональной среде (Parkman, 2016; Neureiter & Traut-Mattausch, 2016).

Эти данные позволяют рассматривать феномен самозванца как **фактор риска** для психоэмоционального благополучия личности.

3.3. Личностные черты по модели «Большой пятёрки»

Применение пятифакторной модели личности (Big Five) позволило глубже понять личностные предпосылки феномена самозванца (Bernard et al., 2002; Rohmann et al., 2016). Исследования выявляют следующие закономерности:

- Нейротизм – положительная корреляция: высокая эмоциональная нестабильность и чувствительность усиливают ощущение собственной несостоятельности.
- Экстраверсия – отрицательная корреляция: интровертированные личности чаще склонны к самокритике и сомнениям.
- Сознательность (Conscientiousness) – отрицательная связь: низкая организованность и самоконтроль сочетаются с неуверенностью в достижениях.
- Доброжелательность (Agreeableness) – отрицательная связь: высокая зависимость от мнений других усиливает внешнюю мотивацию и стремление «соответствовать».
- Открытость опыту (Openness) – отрицательная корреляция: закрытость и ригидность мышления мешают гибкому восприятию собственных успехов.

Российские данные (Шевелева и др., 2021) полностью подтверждают эти зависимости: феномен самозванца положительно связан с нейротизмом и отрицательно – с экстраверсией, доброжелательностью, сознательностью и открытостью опыту.

3.4. Гендерные и возрастные особенности

Первоначальные исследования (Clance & Imes, 1978) указывали на большую распространённость феномена среди женщин, особенно в академической и профессиональной сферах, где успех противоречит гендерным ожиданиям. Однако современные метаанализы (Mak, Kleitman & Abbott, 2019) показывают, что **гендерные различия минимальны**, а ключевую роль играет не пол, а сочетание **перфекционизма, социальной тревожности и внешнего локуса контроля**.

Возрастные различия также носят условный характер: феномен чаще проявляется в **переходные периоды** – при поступлении в вуз, начале карьеры, смене статуса или ответственности. Эти фазы связаны с повышенными требованиями к самоофективности и часто провоцируют внутренние сомнения.

4. Социально-психологические и профессиональные детерминанты феномена самозванца

Феномен самозванца не возникает изолированно – он формируется и проявляется в **определённом социально-психологическом контексте**, где особое значение имеют ожидания среды, уровень конкуренции, культурные нормы и структура межличностных отношений. Несмотря на наличие индивидуально-личностных предпосылок (например, высокий нейротизм или низкая самооценка), развитие феномена в значительной степени зависит от внешних факторов – образовательной, профессиональной и культурной среды (Bernard & Neblett, 2018; Parkman, 2016; Шевелева и др., 2021).

4.1. Академическая и образовательная среда

Одним из наиболее частых контекстов проявления феномена самозванца является **академическая сфера**. У студентов и аспирантов он часто возникает на этапе адаптации к новым требованиям и стандартам, когда результаты деятельности становятся предметом внешней оценки и сравнения (Cokley et al., 2015).

Многие студенты с выраженными проявлениями синдрома самозванца демонстрируют **высокие достижения при внутреннем чувстве некомпетентности**. Они объясняют успех «везением» или ошибкой экзаменатора и при этом испытывают стойкий страх, что «всё станет очевидно». Исследования показывают, что

такие студенты чаще страдают от тревожности, снижения академической мотивации и перфекционизма, а также менее устойчивы к стрессу (Lane, 2015; Leonhardt et al., 2017).

Кроме того, синдром самозванца усиливается при **сравнении себя с другими**, особенно в конкурентной образовательной среде, где успех воспринимается как ограниченный ресурс. Подобные условия создают предпосылки для внутреннего давления и постоянной самокритики.

4.2. Профессиональные детерминанты

В профессиональной сфере феномен самозванца проявляется у специалистов, чья работа предполагает **высокие стандарты, творческую составляющую или публичную оценку результатов** (Rohmann et al., 2016; Parkman, 2016). Особенно подвержены этому феномену представители помогающих профессий (психологи, педагоги, врачи), научные сотрудники, менеджеры, творческие специалисты и молодые руководители.

Феномен самозванца часто становится **барьером карьерного роста**: человек избегает новых задач, недооценивает собственный потенциал, испытывает страх перед продвижением или публичными выступлениями (Neureiter & Traut-Mattausch, 2016). В то же время у некоторых индивидов он может стимулировать краткосрочную активность, усиливая стремление «доказать» свою компетентность, однако в долгосрочной перспективе приводит к эмоциональному выгоранию.

4.3. Социально-культурные факторы

Культурные различия оказывают значительное влияние на распространённость и проявления феномена самозванца. В обществах, где доминируют **коллективистские ценности** (например, Корея, Япония), люди чаще интерпретируют успех как результат совместных усилий, что может усиливать сомнение в личной уникальности достижений (Chae et al., 1995). В индивидуалистических культурах, напротив, феномен проявляется как **внутренний конфликт между личными стандартами и общественными ожиданиями**.

Исследования показывают, что феномен самозванца может особенно ярко проявляться в группах **социальных или этнических меньшинств**, где присутствует давление внешней оценки и необходимость постоянного подтверждения своей компетентности (Bernard & Neblett, 2018).

4.4. Роль социальной среды и межличностных отношений

Развитию феномена самозванца способствует **недостаток эмоциональной поддержки и признания**, а также опыт критического родительского стиля воспитания, при котором ценность личности ребёнка ставится в зависимость от его достижений (Sonnak & Towell, 2001). Взрослые, выросшие в подобных условиях, нередко переносят эту установку в профессиональную жизнь, воспринимая любую похвалу с недоверием.

Коллективы с **высокой конкуренцией и низким уровнем психологической безопасности** также усиливают проявления феномена самозванца, формируя атмосферу постоянного сравнения и страха ошибки. Напротив, поддерживающая среда, признание достижений и позитивная обратная связь от значимых других способствуют снижению выраженности данного феномена.

Заключение. Феномен самозванца представляет собой сложное, многокомпонентное психологическое образование, отражающее **несоответствие между внешними достижениями и внутренним восприятием собственной компетентности**. Несмотря на объективные успехи, человек испытывает сомнение в своих способностях, объясняет достижения внешними обстоятельствами и живёт в постоянном ожидании «разоблачения».

С момента его описания П. Кланс и С. Аймс (1978) феномен самозванца стал предметом многочисленных исследований в области психологии личности, образования и профессиональной адаптации. Современные данные свидетельствуют о том, что это явление **широко распространено** среди студентов, молодых специалистов и высоко квалифицированных профессионалов, особенно в сферах, где успех сложно измерить количественно или где велика роль общественного признания.

Психологическая сущность феномена самозванца проявляется через **когнитивные искажения** («я не заслужил успеха»), **аффективные реакции** (тревожность, чувство вины, страх несоответствия) и **поведенческие стратегии** (перфекционизм, избегание новых задач, чрезмерная самокритика). Он тесно связан с низкой самооценкой, внутренней конфликтностью, нейротизмом и внешним локусом контроля.

Диагностически феномен самозванца наиболее полно оценивается с помощью **Шкалы Clance Impostor Phenomenon Scale (CIPS)**, которая продемонстрировала высокие показатели надёжности и валидности в различных культурах, включая российскую адаптацию (Шевелева и др., 2021). Использование CIPS позволяет исследователям и практическим психологам не только выявлять выраженность феномена, но и анализировать его взаимосвязи с другими личностными переменными, такими как мотивация достижений, тревожность или профессиональная адаптивность.

С теоретической точки зрения феномен самозванца можно рассматривать как **результат взаимодействия личностных и средовых факторов**. Индивидуальные особенности — перфекционизм, высокая чувствительность к оценке, неустойчивая самооценка — сочетаются с влиянием социального контекста: конкуренцией, нормативным давлением, культурными ожиданиями. Именно это взаимодействие делает феномен столь устойчивым и сложным для коррекции.

Практическая значимость исследований феномена самозванца заключается в возможности разработки **психологических программ поддержки и профилактики**, направленных на укрепление самооценки, формирование реалистичной самооценки и развитие внутреннего локуса контроля. В образовательной и

профессиональной среде такие программы могут способствовать повышению уверенности, снижению тревожности и предотвращению эмоционального выгорания.

В перспективе дальнейшие исследования целесообразно направить на изучение **взаимосвязи феномена самозванца с мотивацией достижений, стратегиями совладания и карьерной адаптивностью**. Особый интерес представляет разработка интервенционных моделей, способных снижать выраженность данного феномена через осознанность (mindfulness), когнитивно-поведенческие техники и групповые формы поддержки.

Таким образом, феномен самозванца выступает не только как индикатор внутренней неуверенности, но и как **ключевой психологический барьер самореализации**. Его изучение имеет высокую научную и прикладную ценность, а дальнейшая интеграция исследований в контекст академической и карьерной психологии открывает новые возможности для понимания механизмов личностного развития в условиях современного общества.

Список использованных источников:

1. Булгакова Л.И. «Синдром самозванца»: история возникновения термина, основные концепции и их трансформация // Психология и психотерапия семьи. – 2018. – № 3. – С. 30-37.
2. Галкина Н.И. Псевдовыгорание и синдром самозванца // Материалы VIII Международной научно-практической конференции «Современные проблемы психологии и педагогики». – Казань: Изд-во КФУ, 2019. – С. 112-117.
3. Гузель С.С. Синдром самозванца (импостора) и его влияние на мотивацию труда // Сборник материалов III Международной научной конференции «Современные тенденции развития психологии и педагогики». – Казань, 2018. – С. 46-50.
4. Ефимова Е.С. Феномен самозванца в структуре личностных характеристик студентов // Современные исследования социальных проблем. – 2022. – Т. 13. – № 5. – С. 84-92.
5. Журавлева Т.В. Феномен самозванца как детерминанта профессиональной неуверенности личности // Научный результат. Психология и педагогика. – 2021. – Т. 7. – № 3. – С. 56-63.
6. Кланс П.Р. Синдром самозванца. Как перестать чувствовать себя обманщиком и начать ценить собственные достижения. – М.: Бомбора, 2022. – 272 с.
7. Ковалева О.С., Смирнова Н.В. Особенности проявления синдрома самозванца у студентов гуманитарных направлений подготовки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16: Психология. – 2020. – № 4. – С. 33-41.
8. Ларина Н.В. Синдром самозванца как психологический парадокс и его влияние на личность и карьеру // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 11-2 (98). – С. 42-44.
9. Леньшина А.С. Синдром самозванца // Современная психология и педагогика: проблемы и решения: сб. ст. по мат-лам XXXI Междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 2020). – Новосибирск: СибАК, 2020. – С. 81-84.
10. Лукина И.А. Влияние синдрома самозванца на мотивацию профессиональных достижений студентов-психологов // Современная психология: проблемы и решения. – 2022. – № 2. – С. 109-117.
11. Малышева Е.Ю. Психологические механизмы синдрома самозванца у молодых специалистов // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2021. – № 4. – С. 63-72.
12. Миронова Л.П. Феномен самозванца в профессиональной среде: теоретический обзор и направления профилактики // Вестник Омского университета. Серия Психология. – 2023. – № 2 (26). – С. 77-85.
13. Никитина Е.С., Орлова А.Ю. Феномен самозванца как фактор профессионального выгорания педагогов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2021. – № 12. – С. 91-97.
14. Панкратова М.А. Феномен самозванца в структуре самооценки личности // Вестник Тверского государственного университета. Серия Педагогика и психология. – 2020. – № 2. – С. 48-55.
15. Перевозчикова А.В. Влияние феномена самозванца на учебную мотивацию студентов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. – 2021. – Т. 10. – № 3. – С. 29-35.
16. Сафонова Е.А. Синдром самозванца как предиктор тревожности и прокрастинации у студентов // Молодой учёный. – 2023. – № 11 (433). – С. 289-293.
17. Смирнова А.Л. Социально-психологические детерминанты феномена самозванца у студентов педагогического вуза // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2022. – № 8. – С. 78-85.
18. Шевелева М.С., Корниенко Д.С., Пермякова Т.М. Шкала феномена самозванца: психометрические характеристики русскоязычной версии // Психологический журнал. – 2021. – Т. 42. – № 1. – С. 132-142.
19. Шевелева М.С. Феномен самозванца: обзор зарубежных исследований // Современная зарубежная психология. – 2023. – Т. 12. – № 2. – С. 116-124. – DOI: 10.17759/jmfp.2023120211.
20. Яковлева Т.А. Синдром самозванца в студенческой среде: социально-психологический анализ // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия Психологические и педагогические науки. – 2022. – № 3. – С. 59-66.

магистрант 3 курса, направление 37.04.01, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством **Калита В.В.**

к.псих.н., доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ СНИЖЕНИЯ КОНФЛИКТНОСТИ ПРИ РАБОТЕ С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН В СИСТЕМЕ ГОРОДСКИХ ПАРКОВОК ОПЫТ РАЗРАБОТКИ И ВНЕДРЕНИЯ

Аннотация. Исследование посвящено проектированию и внедрению психологических технологий, снижающих конфликтность при работе с обращениями граждан в системе городских парковок. Практическая значимость выражена в сборке прикладного набора решений: модуль мониторинга и маршрутизации обращений, протокол деэскалации коммуникации, тренинг эмоционального интеллекта для сотрудников фронт-офиса, контуры обратной связи и метрик. Методологическая основа опирается на сравнительный анализ публикаций 2024–2025 гг., контент-анализ обращений и типовых ситуаций, тематическое кодирование триггеров напряжения. Обзор затрагивает коммуникации транспортного комплекса мегаполиса, влияние цифровых каналов на динамику конфликтов, клиентский опыт в МФЦ и управленческие практики по обращениям. Итогом служит интегративная модель взаимодействия с заявителем на паркинговых сервисах, где сочетаются регламентная дисциплина и психологические техники снижения напряжения. Материалы пригодны для подразделений парковочного администрирования, МФЦ, контакт-центров и городских служб, ориентированных на снижение числа инцидентов и рост удовлетворённости заявителей.

Ключевые слова: городские парковки, обращения граждан, деэскалация, эмоциональный интеллект, клиентский опыт, публичные сервисы, маршрутизация, социальные сети, конфликтология, регламенты.

PSYCHOLOGICAL TECHNOLOGIES FOR REDUCING CONFLICT IN HANDLING CITIZEN APPEALS IN THE CITY PARKING SYSTEM: DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION EXPERIENCE

Abstract. This study focuses on the design and implementation of psychological technologies to reduce conflict in handling citizen appeals in the city parking system. The practical significance lies in the development of a set of applied solutions: a request monitoring and routing module, a communication de-escalation protocol, emotional intelligence training for front-office staff, feedback loops, and metrics. The methodological framework is based on a comparative analysis of publications published in 2024–2025, content analysis of requests and typical situations, and thematic coding of tension triggers. The review addresses communications within the metropolitan transportation system, the impact of digital channels on conflict dynamics, customer experience at multifunctional centers (MFCs), and management practices for handling requests. The result is an integrated model for interacting with applicants in parking services, combining regulatory discipline and psychological stress-reducing techniques. The materials are suitable for parking administration departments, multifunctional centers (MFCs), contact centers, and city services focused on reducing incidents and increasing applicant satisfaction.

Keywords: city parking, citizen appeals, de-escalation, emotional intelligence, customer experience, public services, routing, social media, conflict resolution, regulations.

Введение

Массовизация цифровых каналов для обращений преобразила нагрузку на городские сервисы. Парковочное администрирование сталкивается с типовыми триггерами напряжения: штрафы, эвакуация, спорные платежи, ошибки распознавания номеров, спор по статусу резидента.

Цель исследования – описать и обосновать инструментарий снижения конфликтности при работе с обращениями в паркинговых сервисах крупного города, объединяющий доказательные психологические техники и организационные решения.

Задачи исследования:

- 1) провести аналитический синтез актуальных публикаций о коммуникациях транспортного комплекса, эмоциональном интеллекте персонала, клиентоцентричности и практике управления обращениями;
- 2) сформировать целевой протокол деэскалации для фронт-офиса и контакт-центра парковочной службы;
- 3) предложить набор метрик, процедур маршрутизации и обучения, совместимых с обновлёнными требованиями к электронным обращениям.

Научная новизна выражена в переносе валидированных приёмов деэскалации и развития эмоционального интеллекта на специфические сценарии паркингового администрирования с учётом структуры городских коммуникаций и клиентского пути.

Материалы и методы

Информационная база включает материалы с диагностикой конфликтности и программой коррекции в выборке сотрудников парковочного администрирования; этот корпус использован как практическая рамка для проектирования модулей внедрения. Для обзора и сопоставления применены пять русскоязычных источников последних лет: С.В. Весманов [1]; Н.А. Гиваргизова [2]; Е.М. Еникеева, А.В. Кульназарова [3]; Ю.Л. Смирнова и соавт. [4]; Л.Р. Фионова, Т.Ю. Максимова [5].

Методы: сравнительный анализ, контент-анализ обращений и публикаций, тематическое кодирование триггеров напряжения, кейс-синтез управленческих практик, экспертная агрегирующая оценка метрик эффективности.

Результаты и обсуждение

Каркас городской коммуникации задаёт композицию каналов, тематик, тональности и ожидаемых регламентов ответа; без их учёта любой психологический протокол теряет устойчивость. В работах по транспортному комплексу Москвы описана структура служебных и сервисных коммуникаций, а также распределение тематик по типам сообщений, что позволяет выстроить корректную маршрутизацию и разграничить информационные, сервисационные и конфликтные кейсы [1]. В практических терминах первым шагом выступает трёхпоточная сортировка:

- 1) спор по санкциям (штраф, эвакуация);
- 2) спор по доступу/платежу;
- 3) общее недовольство качеством сервиса.

Для каждого потока формируется словарь триггеров и сценарии ответов с указанием предельных сроков, эскалационных уровней и формулировок, допустимых при высокой эмоциональной нагрузке (включая формулы признания неудобства и прозрачные инструкции по проверке данных). Сегментация каналов и тематик, предложенная в исследованиях по транспорту, поддерживает эту логику и снижает долю неверных маршрутов [1].

Эмоциональный интеллект персонала передней линии влияет на выбор стратегии поведения в напряжённой беседе и на вероятность перехода клиента к кооперативной позиции. Систематизация данных по связи эмоционального интеллекта с межличностными конфликтами указывает на необходимость тренинга распознавания эмоций, когнитивной переоценки и техник саморегуляции; к этому добавляется отработка речевых конструкций, исключающих оценочную риторику и персональные обвинения [2]. Для паркинговых сервисов это конвертируется в практику «первого ответного окна»: сотрудник проговаривает факт референсно-нейтрально (без интерпретаций), обозначает путь проверки – «какие данные уже проверяются и что запрашивается у смежных систем», фиксирует точку времени следующего контакта. На срывных кейсах применяются короткие маркеры эмпатии и «я-сообщения» без обещаний, выходящих за рамку регламента; такая конструкция удерживает границы и одновременно разряжает напряжение [2].

Цифровые инструменты усиливают как скорость урегулирования, так и риск эскалации в соцсетях и пабликах. Обзор конфликтных коммуникаций «власть–общество» показывает, что алгоритмические механики сетевых платформ подталкивают к поляризации, поэтому протокол должен иметь отдельную ветку для публичных площадок: стандартизированные ответы с подтверждаемыми фактами, работа с медиа-нарративом и быстрый переход в приватный канал для идентификации личности и проверки данных [3]. Для паркинговых служб полезна связка: «социальный мониторинг упоминаний – карточка обращения – тикет с чек-листом доказательств»; такая связка снижает вероятность повторного сброса и закрепляет единый фактологический пакет.

Клиентоцентричный подход МФЦ даёт готовые организационные решения, релевантные парковочным сервисам: прозрачные SLA, персонализация траектории заявителя, проактивное информирование о статусе проверки и результатах, единая карта жизненных ситуаций. В исследованиях по МФЦ Санкт-Петербурга выделены принципы, обеспечивающие устойчивую удовлетворённость заявителей, и подчеркнута польза общественно-деловых пространств и дополнительных сервисов для снижения напряжённости ожидания [4]. Для городских парковок переносимы: короткие информационные карточки в зоне терминалов, QR-сопровождение к спорным решениям (оплата, резидентский статус), визуализация шагов обжалования, расписание «тихих часов» контакт-центра, когда ответ гарантированно будет дан быстрее. Пара «прозрачные SLA + видимость прогресса» уменьшает субъективное ощущение несправедливости [4].

Управление обращениями на региональных примерах фиксирует необходимость аналитики тематики и сезонных пиков, а также ссылок на нормативную базу в каждом ответе. Описанные управленческие практики по реестрам и классификаторам сюжетов жалоб, схемам движения документов и дисциплине ответов по регламенту переводятся в паркинговый контур без излишних преобразований [5]. Синтез такой регламентной дисциплины с психологическими техниками даёт на выходе целевую модель:

- 1) вход и маршрутизация – автоматическое присвоение категории и риска;
- 2) окно деэскалации – скрипт эмпатии и разъяснения, исключающий оценочные клише, с фиксацией контрольной точки времени;
- 3) проверка и обратная связь – краткие статусы, подтверждаемые данными;
- 4) закрытие – краткая полезная памятка и ссылка на навигатор следующего шага (обжалование, уточнение статуса, консультация).

Дополнительно учитываются обновления к требованиям по электронным обращениям: подача и идентификация через Госуслуги и иные официальные системы, что улучшает верификацию личности и снижает число безадресных писем, не подлежащих рассмотрению по закону.

Системный эффект усиливается за счёт обучения и симуляций. Материалы ВКР с диагностикой предпочтений стратегий поведения в конфликте позволяют таргетировать тренинг под профили групп с высокой и низкой частотой инцидентов: для первой полезны блоки по уходу от соперничества в пользу кооперации и компромисса, для второй – укрепление навыков ассертивности и аргументированной обратной связи.

Полевые симуляции строятся на кейсах «штраф по ошибке», «эвакуация в зоне резидента», «двойное списание»; метрики обучения – снижение средней длительности цикла урегулирования, доля повторных

обращений по одному тикету, доля публичных эскалаций в соцсетях. С учётом структуры городских коммуникаций и клиентского пути такая программа согласуется с публикациями по транспортному комплексу и сервисам мегаполиса [1], с психологическими данными по эмоциональному интеллекту и поведенческим стратегиям [2], с рисками сетевой поляризации и контент-менеджментом публичных каналов [3], с управленческими стандартами клиентского пути в МФЦ [4], с регламентной дисциплиной обработки обращений.

Заключение

Сформирован прикладной набор решений для снижения конфликтности в паркинговых сервисах: маршрутизация по трём потокам, протокол деэскалации с «окном эмпатии», обучение эмоциональному интеллекту с таргетированием под профили конфликтности, публично-приватная развилка для сетевых площадок, прозрачные SLA и видимость прогресса для заявителя. Конфигурация согласуется с картиной городских коммуникаций, опирается на доказанную связь эмоционального интеллекта и выбора стратегий поведения, учитывает сетевые риски, заимствует клиентский стандарт МФЦ и поддерживает регламентную дисциплину по обращениям; в совокупности ожидается снижение доли повторных обращений и повышение удовлетворённости заявителей при сохранении правовой корректности.

Список использованных источников:

1. Весманов С.В., Аплевич О.А. Структура и содержание коммуникаций транспортного комплекса Москвы и городского населения // Московский транспорт. Наука и проектирование. – 2025. – № 2. – С. 107-117.
2. Гиваргизова Н.А. Роль эмоционального интеллекта в управлении межличностными конфликтами в профессиональной среде // Вестник университета. – 2024. – № 6. – С. 180-188. – DOI 10.26425/1816-4277-2024-6-180-188.
3. Еникеева Е.М., Кульназарова А.В. Влияние цифрового инструментария на конфликтные коммуникации в системе «власть–общество»: опыт российских регионов // Litera. – 2024. – № 12. – С. 202–214. – DOI 10.25136/2409-8698.2024.12.69829. – EDN PSUPMM. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69829
4. Смирнова Ю.Л., Токарева Л.С., Александров М.М. [и др.]. Клиентоцентричность в государственном управлении: подход многофункциональных центров Санкт-Петербурга // Вопросы инновационной экономики. – 2024. – Т. 14, № 2. – С. 633–647. – DOI 10.18334/vinec.14.2.120544.
5. Фионова Л.Р., Максимова Т.Ю. Управление работой с обращениями граждан на примере Пензенской области // Вестник ВНИИДАД. – 2025. – № 4. – С. 61-75.

УДК 316.77

Романова Н.Д.

магистрант 1 курса, направление 37.04.01, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством Денисенко Е.Г.

к.псих.н., доцент кафедры Педагогике и психологии профессионального образования, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЯ СУБЪЕКТИВНОГО ОДИНОЧЕСТВА И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА У МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности эмоционального интеллекта и субъективное одиночество личности как многогранное психологическое явление, связанное с внутренним ощущением отчуждения и недостатком эмоциональной близости. Особое внимание уделяется роли эмоционального интеллекта (ЭИ) как ресурса, способного снижать уровень одиночества и повышать качество межличностных отношений. На основе исследования, проведенного в среде студентов МГУТУ К.Г. Разумовского выявлены взаимосвязи между уровнем эмоционального интеллекта и переживанием субъективного одиночества, а также предложены рекомендации по развитию эмоциональных и коммуникативных навыков для повышения психологического благополучия молодежи.

Ключевые слова: субъективное одиночество, одиночество, студенты, эмоциональный интеллект, молодежь, переживание

THE PECULIARITIES OF EXPERIENCING SUBJECTIVE LONELINESS AND EMOTIONAL INTELLIGENCE AMONG YOUNG PEOPLE

Abstract. The article examines the features of emotional intelligence and subjective loneliness of a personality as a multifaceted psychological phenomenon associated with an inner sense of alienation and lack of emotional intimacy. Special attention is paid to the role of emotional intelligence (EI) as a resource capable of reducing loneliness and improving the quality of interpersonal relationships. Based on a study conducted among students of MGUTU K. G. Razumovsky identified the relationship between the level of emotional intelligence and the experience of subjective loneliness, and also offered recommendations for the development of emotional and communication skills to improve the psychological well-being of young people.

Keywords: subjective loneliness, loneliness, students, emotional intelligence, youth, experience.

В современном обществе, где социальные изменения происходят с высокой скоростью, цифровизация коммуникаций и трансформация традиционных форм взаимодействия становятся нормой, вопросы, связанные с эмоциональной сферой личности, приобретают особую актуальность. Одним из значимых психологических феноменов, влияющих на качество жизни молодежи, является чувство субъективного одиночества.

На сегодняшний день чувство одиночества само по себе стало меньше связываться с людьми преклонного возраста, и все больше стало свойственно в контексте проблем молодежи. Всемирная организация здравоохранения отмечает, что каждый 6 человек страдает от одиночества, кроме того высокие показатели выявляются все чаще у подростковых групп. По результатам исследования ВЦИОМ, проведенного в 2025 году, было отмечено, что проблема одиночества остается актуальной и по сей день, она является проблемой не только «мегаполисов», но также получила свое распространение вне зависимости от размера населенного пункта. Что указывает на то, что в современном обществе проблема одиночества, стала проблемой молодежи [3; 6].

Феномен одиночества рассматривается как один из наиболее сложных и многогранных явлений в современной психологии. Он затрагивает не только индивидуально-эмоциональную сферу личности, но и социокультурные, экономические, политические, экзистенциальные основания, отражая особенности ценностных ориентаций и общественных отношений. Предметом одиночества является сам человек. Одиночество трактуется как сложное, многомерное явление, включающее эмоциональные, когнитивные и социальные компоненты. По мнению Р. Вейса, следует различать два типа одиночества – социальное и эмоциональное. Социальное одиночество связано с недостатком включённости личности в группы и сообщества, тогда как эмоциональное проявляется в отсутствии близких, доверительных отношений. В данной статье рассматривается одиночество как эмоциональное явление [2].

Е.Н. Осин и Д.А. Леонтьев трактуют одиночество как «переживание собственной невовлеченности в связи с другими людьми». Человек может переживать одиночество как при физической изоляции (собственно одиночество), так и рядом с другими людьми (отчуждение). Также, оно может быть добровольным (удединение) или вынужденным [9].

С.Г. Корчагина определяет одиночество как психическое состояние человека и связывает его с переживанием отсутствия идентичности человека с другими людьми, что формирует психологические барьеры в процессе общения и ведет к возникновению чувства отчуждения и непонимания другими людьми. Автор выделяет следующие категории одиночества:

1. Как чувство, одиночество связано с переживанием несхожести с другими людьми, что ведёт к формированию психологического барьера в общении и возникновению ощущений непонимания и отчуждения.
2. Как отношение, оно выражается в неспособности воспринимать окружающий мир как самоценность, что проявляется в сознательном дистанцировании от социальной среды.
3. В аспекте процесса одиночество может пониматься как утрата способности соотносить себя с социальными нормами и ценностями, что приводит к снижению активности личности и утрате чувства включённости в общественную жизнь.
4. Одиночество как жизненная позиция, в рамках которой происходит отказ от поддержки каких-либо близких отношений с кем угодно [7].

М.М. Мишина и К.А. Воробьева рассматривают одиночество как состояние психологического дискомфорта, связанного с дефицитом эмоциональных контактов и нарушением чувства принадлежности к группе. С их точки зрения, субъективное одиночество тесно связано с самооценкой, личностной тревожностью и особенностями эмоциональной регуляции. А.П. Глазкова отмечает, что субъективное одиночество внутреннее негативное состояние, возникающее в ситуации, когда его жизненные потребности не находят ситуативно обусловленного удовлетворения [8; 4].

Субъективное одиночество отражает не столько дефицит общения, сколько отсутствие чувства эмоциональной близости, поддержки и принятия со стороны других людей. Э. Фромм рассматривал одиночество как экзистенциальное состояние, возникающее из чувства отчуждения и отдалённости личности от других, а К. Роджерс связывал его с потерей подлинного контакта с самим собой и окружающими. Таким образом, субъективное одиночество является внутренним эмоциональным опытом, который может возникать даже при наличии широкого круга социальных взаимодействий. Это противоречие между внешними признаками социальной активности и внутренним ощущением одиночества подчеркивает важность изучения факторов, влияющих на субъективное восприятие одиночества [10].

Одним из таких факторов является эмоциональный интеллект (ЭИ). Эмоциональный интеллект включает в себя способность распознавать, понимать и управлять своими эмоциями, а также эмоциями других людей. Поэтому в последние десятилетия особое внимание исследователей привлекает понятие эмоционального интеллекта (ЭИ) как ключевого личностного ресурса, влияющего на качество межличностных отношений и психологическое благополучие человека.

Эмоциональный интеллект выступает важным психологическим ресурсом, позволяющим человеку успешно строить межличностные отношения, понимать эмоциональные сигналы окружающих и управлять собственными чувствами. Эмоциональный интеллект выступает как система саморегуляционных и адаптационных механизмов, позволяющих личности справляться с внутренними конфликтами, снижать уровень дезадаптивных переживаний и поддерживать эмоциональное равновесие [1].

Высокий уровень эмоционального интеллекта способствует осознанию и конструктивной переработке эмоциональных состояний, включая чувство одиночества. Человек, способный распознавать и вербализовать свои эмоции, осмысленно относиться к ним и регулировать их выражение, менее склонен к развитию хронического чувства отчуждения. Напротив, низкий ЭИ часто сопровождается трудностями в понимании собственных и чужих переживаний, что ведет к снижению качества межличностных отношений и, как следствие, к усилению субъективного одиночества [5; 12].

Исследования последних лет подтверждают, что развитые эмоциональные способности снижают интенсивность чувства субъективного одиночества и повышают субъективное благополучие. Так, в работе М. Чжао, А. Кадира и М. Абд Разака показано, что эмоциональный интеллект у студентов выступает медиатором между семейным функционированием, социальной поддержкой и уровнем одиночества. Аналогичные результаты получены в исследованиях, где ЭИ рассматривается как защитный фактор, уменьшающий уязвимость к переживанию эмоциональной изоляции [11; 13; 14].

Таким образом, эмоциональный интеллект может рассматриваться как психологический ресурс, позволяющий компенсировать негативные эффекты одиночества, укреплять эмоциональную устойчивость и обеспечивать более высокое качество социальных связей. Для молодежи, находящейся на этапе активного личностного становления и самоопределения, развитие эмоционального интеллекта становится особенно значимым фактором психологического благополучия и социальной адаптации.

Автором статьи было проведено исследование среди студентов МГУТУ К.Г. Разумовского с помощью GoogleForm. Целью которого было выяснить уровни эмоциональным интеллект и чувством субъективного одиночества, а также наличие взаимосвязи между рассматриваемыми явлениями.

В исследовании приняло участие 148 студентов, обучающихся на различных факультетах и направлениях подготовки. Возраст испытуемых от 18 до 25 лет. В ходе диагностики были использованы следующие методики: Опросник эмоционального интеллекта Д.В. Люсина (ЭМИн) – для определения общего уровня эмоционального интеллекта и его компонентов (понимание эмоций, управление своими и чужими эмоциями); Опросник А.Е. Личко «Склонность к одиночеству» – для оценки стремления к уединению и замкнутости; Дифференциальный опросник переживания одиночества (ДОПО) Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина = для изучения выраженности субъективного чувства одиночества и удовлетворенности межличностными отношениями.

Анализ результатов по методике Д.В. Люсина показал, что высокий уровень эмоционального интеллекта наблюдается у 27% респондентов, средний уровень – у 54%, низкий уровень – у 19%. Студенты с высокими показателями эмоционального интеллекта отличаются способностью осознавать и контролировать собственные эмоции, адекватно воспринимать эмоциональные состояния других людей, что способствует их успешной коммуникации и устойчивости в стрессовых ситуациях. У студентов с низким уровнем эмоционального интеллекта чаще проявляются трудности в понимании собственных эмоций и неуверенность в социальных взаимодействиях.

Анализ результатов опросника А.Е. Личко продемонстрировал, что высокая склонность к одиночеству выявлена у 18% студентов, средняя – у 60% и низкая – у 22%. Большинство участников демонстрируют умеренную потребность в уединении, что отражает естественное стремление к личному пространству и внутренней независимости, свойственное периоду юности. Однако у части студентов отмечается выраженная замкнутость и избегание близких контактов, что может быть связано с внутренними трудностями в сфере общения.

По данным опросника ДОПО (Д.А. Леонтьев, Е.Н. Осин) выявлено, что низкий уровень переживания одиночества выявлен у 21% студентов, средний – у 57%, высокий – у 22%. У участников с высокими показателями отмечаются чувства отчуждения, непонятости и недостатка эмоциональной близости с другими людьми. Для студентов со средним уровнем одиночества характерна избирательность в общении и периодическое чувство неудовлетворённости социальными контактами. Низкий уровень свидетельствует о благополучии в межличностных отношениях и развитых навыках социального взаимодействия.

Анализ полученных данных позволяет сделать вывод, что у большинства студентов наблюдается эмоциональная сбалансированность и удовлетворённость социальными контактами. Однако у части респондентов выявлены затруднения в эмоциональной регуляции и тенденция к чувству изоляции, что может говорить о недостаточной развитости отдельных компонентов эмоционального интеллекта. Можно предположить, что недостаток навыков осознания и управления эмоциями способствует формированию чувства одиночества и снижению удовлетворённости межличностными отношениями.

Исходя из исследования, можно сделать следующие выводы.

1. Более половины опрошенных (54%) продемонстрировали средний уровень ЭИ, что свидетельствует о достаточной способности к пониманию и контролю эмоций, но также о потенциальных зонах для развития эмоциональной компетентности.

2. Большинство участников (57%) имеют умеренный уровень переживания одиночества, что отражает типичные для молодежи эмоциональные колебания, связанные с поиском себя, самоопределением и установлением близких отношений.

3. Примерно каждый пятый студент (22%) ощущает высокий уровень одиночества, что указывает на необходимость психологической поддержки и тренингов, направленных на развитие навыков эмоциональной саморегуляции и общения.

На основе анализа полученных данных о взаимосвязи эмоционального интеллекта и переживания субъективного одиночества у молодежи можно предложить следующие рекомендации для психологов, педагогов и самих студентов:

1. Развитие эмоционального интеллекта как средства профилактики субъективного одиночества. А именно, необходимость включения в программы психологического сопровождения студентов тренинги, упражнения и методики по развитию эмоциональной осознанности, умению распознавать и называть собственные эмоции.

2. Формирование навыков эмоциональной саморегуляции. Обучать студентов стресс-менеджменту и саморегуляции (дыхательные техники, методы осознанного внимания, релаксации).

3. Развитие коммуникативной компетентности студентов. Проводить интерактивные занятия и деловые игры, направленные на развитие навыков эффективного общения, умения слушать и выражать свои чувства, а также внедрять групповые формы работы (дискуссии, совместные проекты), способствующие расширению социального опыта и формированию доверительных отношений в студенческой среде.

4. Психологическое сопровождение студентов, склонных к переживанию чувства субъективного одиночества.

Проведённое исследование показывает, что развитие эмоционального интеллекта у студентов является эффективным направлением профилактики и коррекции переживания одиночества. Комплексная работа, включающая эмоционально-развивающие тренинги, развитие коммуникативных навыков и психологическую поддержку, способствует повышению уровня адаптации, улучшению межличностных отношений и укреплению психологического благополучия молодежи. Кроме того, актуальной задачей является повышение психологической компетентности педагогов и кураторов. Преподавателям важно развивать навыки эмоциональной чувствительности, умение замечать эмоциональные трудности студентов и оказывать своевременную поддержку, что способствует формированию благоприятного психологического климата в студенческой группе.

Список использованных источников:

1. Андреева, И.Н. Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии / И.Н. Андреева. – Новополюк: ПГУ, 2011. – 388 с
2. Вейс, Р.С. Вопросы изучения одиночества // Лабиринты одиночества. М.: Прогресс, 1989. С. 114-128.
3. ВОЗ: каждый 6-й человек в мире страдает от одиночества, а самые высокие показатели фиксируются среди подростков / (Электронный ресурс) // МЕЛ: сайт. – URL: <https://mel.fm/novosti/5804761-voz-kazhdy-6-y-chelovek-v-mire-stradayet-ot-odinchestva-a-samyye-vysokiye-pokazateli-fiksiruyutsya> (дата обращения: 05.10.2025)
4. Глазков А.П. Одиночество Dasein в «Бытии и времени» М. Хайдеггера: Дис. канд. филос. наук: 09.00.03. М., 1998. – 111 с.
5. Дегтярёв, А.В., Чивилёва, С.Д., Купцова, Д.М. (2024). Связь эмоционального интеллекта, уровня одиночества и особенностей отношения к родителям в подростковом возрасте. Психология и право, 14(3), 50–68. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024000002>
6. Жизнь в стиле соло / (Электронный ресурс) // ВЦИОМ: сайт. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhizn-v-stile-solo> (дата обращения: 05.11.2025)
7. Корчагина, С.Г. Психология одиночества / С.Г. Корчагина. – Москва: МПСИ, 2008. – 228 с.
8. Мишина М.М., Воробьева К.А. Психологические аспекты субъективного ощущения одиночества у подростков и юношей // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2023. № 1. С. 70-85
9. Осин, Е.Н. Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства / Е.Н. Осин, Д.А. Леонтьев // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2013. – Т. 3, № 1. – С. 55-81
10. Фромм Э. Бегство от свободы / Фромм Эрих; ответственный редактор П.С. Гуревич; редколлегия: А.А. Гусейнов, А.Л. Журавлев, И.М. Ильинский [и др.]; перевод с английского Г.Ф. Швейника, Г.А. Новичковой. – Москва: Академический Проект, 2007. – 272 с.
11. Intervention, Psychosocial. “Are Loneliness and Emotional Intelligence Important Factors for Adolescents? Understanding the Influence of Bullying and Cyberbullying Victimization on Suicidal Ideation.” Psychosocial Intervention 30(2), 67-74, 2021.
12. Kafetsios, Konstantinos & Zampetakis, Leonidas. (2008). Emotional intelligence and job satisfaction: Testing the mediatory role of positive and negative affect at work. Personality and Individual Differences. 44. 710-720. 10.1016/j.paid.2007.10.004.
13. Thomas, M. A Study on Relationship between Emotional Intelligence and Loneliness among Young Adults. – Journal of Psychology and Behavioral Science. – 2020. – Vol. 8(1). – P. 23-31.
14. Zhao, M., Abdul Kadir, N. B., Abd Razak, M. A. The Relationship between Family Functioning, Emotional Intelligence, Loneliness, Social Support, and Depressive Symptoms among Undergraduate Students // Frontiers in Psychology. – 2024. – Vol. 15. – Article 1370473

УДК 159.9

Русинова Ю.А.

магистрант 1 курса, направление 37.04.01, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования, «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством **Дубровинской Е.И.**

к.псих.н., доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, МГУТУ им.

К.Г.Разумовского (ПКУ)

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ НА СНИЖЕНИЕ АУТОАГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ СРЕДИ СТУДЕНТОВ

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу феномена аутоагрессивного поведения в студенческой среде, выходящему за рамки прямого физического самоповреждения. Рассматриваются его многогранные проявления, маскирующиеся под социально приемлемые формы поведения: от рискованных бодимодификаций и пренебрежения базовыми потребностями до трудоголизма и добровольного пребывания в токсичных отношениях. Подчеркивается, что

подобные паттерны оказывают системное негативное влияние, приводя к снижению когнитивных функций, ухудшению физического здоровья и усугублению эмоционального дисбаланса.

Особое внимание уделяется организации профилактических мероприятий, необходимость которых обусловлена латентным и часто неосознаваемым характером аутоагрессии. Обосновывается потребность в создании целостной системы психологического сопровождения, интегрированной в образовательный процесс и направленной на формирование устойчивой, безопасной среды.

Ключевые слова: профилактика, аутоагрессия, студенты, самоповреждающее поведение, аутоагрессивное поведение.

ORGANIZING PREVENTIVE MEASURES AIMED AT REDUCING SELF-AGGRESSIVE BEHAVIOR AMONG STUDENTS

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the phenomenon of self-injurious behavior among students, extending beyond direct physical self-harm. Its multifaceted manifestations, masquerading as socially acceptable forms of behavior, are examined: from risky body modifications and neglect of basic needs to workaholism and voluntary adherence to toxic relationships. It is emphasized that such patterns have a systemic negative impact, leading to decreased cognitive function, deteriorating physical health, and exacerbating emotional imbalance.

Particular attention is given to the organization of preventive measures, the necessity of which arises from the latent and often unconscious nature of self-aggression. The need for a comprehensive system of psychological support, integrated into the educational process and aimed at creating a stable, safe environment, is substantiated.

Keywords: prevention, self-aggression, students, self-harming behavior, self-aggressive behavior.

Аутоагрессивное поведение является на сегодняшний день одной из основных в психологическом сообществе. Многие ученые проводят исследования для того, чтобы лучше понять данный феномен для оказания эффективной помощи и разработки наиболее эффективной программы профилактики самоповреждающего поведения. В современном обществе к самоповреждающему поведению принято относить телесное повреждение в виде укусов, порезов, царапин. Однако, данное поведение намного многограннее и может включать в себя поведение, которое многие воспринимают как норму поведения или просто вредную привычку.

Согласно А.Г. Амбрумовой и Е.Г. Трайниной, аутоагрессия представляет собой осознанные или неосознанные действия, направленные на причинение вреда самому себе [1]. Это комплексное явление проявляется как на физическом, так и на психическом уровне. Физические проявления включают как прямое нанесение повреждений различной тяжести, так и косвенное саморазрушительное поведение, например, зависимость от психоактивных веществ или работу в опасных условиях. На психическом уровне аутоагрессия выражается в самообвинении и самоуничтожении.

Развивая понимание феномена, А.А. Зайченко с соавторами расширяет спектр аутоагрессивного поведения, включая в него различные формы самоповреждений. К ним относятся бодимодификации (пирсинг, татуировки), навязчивые действия (обкусывание ногтей, выдергивание волос), повреждение кожи (расчесывание ран, нанесение порезов, ожогов, укусов), а также практика неполного самоудушения [3]. Исследователи подчеркивают, что подобные акты могут совершаться независимо от целей, которые преследует индивид.

Важным аспектом аутоагрессии являются расстройства пищевого поведения, которые подробно рассматривают Брюхин А.Е. и Сологуб М.Б. Нервная анорексия и булимия представляют собой особую форму аутоагрессии, характеризующуюся преднамеренным ограничением в пище или полным отказом от нее [2]. Такое поведение приводит к серьезному истязанию тела и значительному ухудшению как физического, так и психического здоровья.

Анализируя все вышеперечисленные формы, можно увидеть, что аутоагрессия – это сложный многогранный феномен, выходящий далеко за рамки прямого физического самоповреждения. Она проявляется в различных сферах жизни человека, маскируясь под социально приемлемые или привычные действия, такие как трудоголизм, экстремальные хобби, хроническая прокрастинация или добровольное пребывание в токсичных отношениях.

Говоря о современных студентах, мы можем заметить, что многие прибегают к нанесению татуировок на тело, пирсингу, как к средству самовыражения, это также может быть неосознанным способом борьбы с внутренними переживаниями [6]. Однако данный вид самоповреждения начинает всё чаще восприниматься обществом как норма, а не акт самоповреждения, скрывающий под собой смещение личностных переживаний на физическую боль и эстетический вид.

Помимо бодимодификаций у студентов часто наблюдаются вредные привычки в форме употребления табачных и/или алкогольных изделий, изнурение своего организма переработками, бессонными ночами, отсутствием адекватного рациона пищи (во время сессий часто студенты способны отказаться от сна и еды в пользу положительной оценки) [7].

Разнообразие форм аутоагрессивного поведения – от хронического недосыпания и несбалансированного питания до употребления психоактивных веществ и импульсивных бодимодификаций – оказывает комплексное негативное влияние на качество жизни студентов. Физиологические последствия проявляются в снижении когнитивных функций (ухудшении памяти, концентрации внимания, скорости реакции), сбоях иммунной системы, повышенном риске желудочно-кишечных и метаболических нарушений. Хронический стресс и вредные привычки создают порочный круг: пытаюсь справиться с внутренним дискомфортом, человек

прибегает к краткосрочным «решениям», которые лишь маскируют проблему, одновременно подрывая адаптационные возможности организма и ускоряя истощение ресурсов.

Особую тревогу вызывает то, что многие формы самоповреждения воспринимаются как норма – будь то татуировки, пирсинг или культ бессонных ночей во время сессий. При этом их импульсивный характер зачастую связан с эмоциональным стрессом, а не с осознанным выбором. В случае бодимодификаций риски усугубляются условиями их выполнения: стремление получить сиюминутное эмоциональное облегчение нередко приводит к пренебрежению безопасностью – обращению к непрофессионалам, нарушению правил стерильности, что чревато инфекциями и иными осложнениями. В итоге все эти паттерны поведения формируют взаимосвязанный комплекс проблем, который не только снижает академическую продуктивность и подрывает физическое здоровье, но и усугубляет эмоциональный дисбаланс, провоцируя тревожность, чувство вины и снижение самооценки [5].

Общей основой всех этих проявлений является глубокий внутренний конфликт и неприятие себя, которые находят выход в деструктивных паттернах поведения, часто не осознаваемых самим человеком. Это делает аутоагрессию особенно опасной, поскольку она может годами подрывать физическое и психическое здоровье, оставаясь нераспознанной.

Зачастую профилактические мероприятия аутоагрессии направлены на студентов среднеобразовательных или учащихся общеобразовательных учреждений, но либо они не проводятся вовсе, либо не организованы должным образом. Главной задачей психологической службы образовательных организаций является профилактика и своевременная помощь ученикам, которые столкнулись с трудностями [8]. Однако важно помнить, что аутоагрессия может быть паттерном поведения, который сложился ещё в подростковом возрасте и воспринимается как обычное поведение, как самим студентом, так и его окружением.

Важно понимать, что профилактика важна не только для подросткового возраста, а также и в более взрослом и зрелом возрасте, так как кризисные моменты возникают на протяжении всей жизни. Профилактические мероприятия помогают не только прорабатывать личные переживания, а также учит делиться ими со своим окружением для получения поддержки. Профилактика аутоагрессивного поведения среди студентов может помочь не только студентам, которые привыкли скрывать негативные переживания и направлять их на себя, а также помогать окружению таких людей помогать справляться со стрессом. Подобные интеракции помогают повышать осведомленность, а также повышают эмоциональный интеллект.

Важно осознавать, что профилактика аутоагрессивного поведения не должна ограничиваться лишь периодом подросткового кризиса или первыми годами обучения в вузе. Даже если в прошлом человек сумел преодолеть склонность к самоповреждающему поведению, стрессовые ситуации, значимые жизненные перемены или хроническое эмоциональное истощение способны спровоцировать рецидив. Поэтому психологическая поддержка должна носить непрерывный, системный характер – на всех этапах взросления и профессионального становления. Игнорирование этой потребности приводит к тому, что люди остаются наедине со своими переживаниями в моменты уязвимости, а сформированные ранее паттерны аутоагрессии вновь выходят на первый план как привычный, хоть и деструктивный, механизм совладания.

Эффективная профилактика предполагает не только реагирование на уже проявившиеся симптомы, но и создание устойчивой среды, где открыто обсуждаются эмоциональные трудности, а навыки саморегуляции и поиска социальной поддержки становятся частью повседневной культуры. Для студентов это особенно актуально: учебный процесс сопряжён с регулярными стрессорами, и без проактивных мер даже те, кто ранее не демонстрировал склонности к аутоагрессии, могут начать прибегать к самоповреждающим стратегиям. Систематическая работа психологов в образовательных организациях – тренинги, групповые дискуссии, индивидуальные консультации – позволяет не просто купировать острые состояния, но и формировать долгосрочные адаптивные навыки, снижая риск как первичного появления, так и повторного возникновения аутоагрессивных паттернов.

Проведенное исследование показывает, что аутоагрессивное поведение в студенческой среде представляет собой сложный, многогранный феномен, который значительно шире прямого физического самоповреждения. Оно проявляется через различные формы, маскирующиеся под социально приемлемые действия: трудоголизм, рискованные модификации тела, пренебрежение базовыми потребностями организма, что существенно затрудняет его своевременное выявление и коррекцию. Такое поведение оказывает комплексное негативное влияние на все сферы жизни студентов: ухудшает когнитивные функции, подрывает физическое здоровье, усугубляет эмоциональное состояние и снижает качество жизни в целом [10].

Особую тревогу вызывает тот факт, что последствия аутоагрессивного поведения могут быть крайне серьезными и долгосрочными. При этом существующие профилактические меры часто оказываются недостаточно эффективными из-за своей фрагментарности и эпизодичности. Требуется системный подход к профилактике, учитывающий не только первичное возникновение аутоагрессивных тенденций, но и риск рецидивов под влиянием различных стрессовых факторов на разных этапах обучения и жизни в целом.

В заключение можно сказать, организация эффективной профилактики аутоагрессивного поведения среди студентов требует создания целостной системы мероприятий, интегрированных в повседневную образовательную и воспитательную деятельность. Ключевым направлением становится формирование психологически безопасной среды, где открыто обсуждаются эмоциональные трудности, а навыки саморегуляции и поиска социальной поддержки становятся неотъемлемой частью студенческой культуры. При

этом акцент должен смещаться с реагирования на уже возникшие проблемы на превентивную работу с потенциальными рисками.

Реализация комплексной программы позволит не только снизить уровень аутоагрессивного поведения, но и способствовать формированию здоровых механизмов совладания со стрессом. Систематическая работа психологических служб, включающая тренинги, просветительские мероприятия и индивидуальные консультации, будет способствовать личностному росту студентов, укреплению их психического здоровья и повышению академической успеваемости. Важно обеспечить непрерывный характер профилактической работы, охватывающей все периоды обучения, а не ограничивающейся отдельными этапами.

Список использованных источников:

1. Амбрумова А.Г., Трайнина Е.Г., Ратинова Н.А. Аутоагрессивное поведение подростков с различными формами социальных девиаций // VI Всероссийский съезд психиатров, Томск, 24-26 окт. 1990 г.: тезисы докладов / Всерос. науч. мед. общество психиатров. – М., 1990. – Т. 1. – С. 105-106.
2. Брюхин А.Е., Сологуб М.Б. Аутоагрессивные явления у больных нервной анорексией и нервной булимией // Психическое здоровье и безопасность в обществе. Научные материалы Первого национального конгресса по социальной психиатрии. Москва, 2-3 декабря 2004 г. – М.: ГЕОС, 2004. – С. 18.
3. Зайченко А.А. Самоповреждающее поведение // Стресс, депрессивные расстройства и суицидальное поведение: материалы Всероссийской междисциплинарной конференции с международным участием (Томск, 26-28 апреля 2011 г.). – Томск: Изд-во «Иван Федоров», 2011. – С. 250-255.
4. Прокопенко Л.А., Чернова А.И. Причины недосыпа студентов и способы борьбы с ним // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 4. – С. 1219-1223.
5. Нефедова С.С. Особенности проявления агрессии у студенческой молодежи [Электронный ресурс] // Белгородский государственный национальный исследовательский университет. – URL: [16835.pdf] (дата обращения: 07.10.2024).
6. Хоспере Е.А. Актуальность проблемы аутоагрессивного поведения, связанного с модификациями тела, у студентов [Электронный ресурс] // Тольяттинский государственный университет. – URL: [aktualnost-problemy-autoagressivnogo-povedeniya-svyazannogo-s-modifikatsiyami-tela-u-studentov.pdf] (дата обращения: 07.10.2024).
7. Герасимова В.В., Грязнов А.Н., Карпов А.М. Социально-психологические феномены аутоагрессивного поведения студентов, склонных к зависимости // Казанский педагогический журнал. 2011. № 1. С. 140-145.
8. Асламазова, Л.А. Организация мероприятий по профилактике суицидального поведения несовершеннолетних в образовательных организациях: методические рекомендации / Л.А. Асламазова, Н.В. Гриценко, А.Н. Сафонова. – Майкоп: издатель А.А. Григоренко, 2016. – 124 с.
9. Гураич И.Н., Антонова Н.А. Психологическая детерминация пищевого поведения студенческой молодежи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2012. – Вып. 2. – С. 42-47.
10. Русинова Ю.А. Рукоделие как инструмент снятия эмоционального напряжения и риска аутоагрессии. – 2025. – 9 с.

УДК 159.9

Рябчиков В.С.

студент 4 курса направления 44.03.02, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

*Работа выполнена под научным руководством **Шафажинской Н.Е.***

доктор культурологии, к.псх.н., профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

ХАРАКТЕРИСТИКА ВЗАИМОСВЯЗИ СЕООЦЕНКИ И УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ У СТРАШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация. В статье представлены теоретические аспекты взаимосвязи мотивации к учебе и уровня самооценки обучающихся старшего звена школы. Рассматривается влияние самооценки и учебной мотивации не только на успеваемость, но и на личностное развитие старшеклассников. Автор акцентирует внимание на необходимость формирования адекватной самооценки в качестве одной из психолого-педагогических задач современного обучения и воспитания. Исследование актуально ввиду значимости вовлечения обучающихся в современный образовательный процесс и для успешного усвоения преподаваемых знаний, и для правильного самоопределения личности, а также её социализации в будущем. В материале статьи подчёркивается необходимость стимулирования интереса к учёбе, начиная с раннего школьного периода. Так как самооценка неразрывна с учебной мотивацией, её поддержание играет ключевую роль на всех этапах образовательного пути ученика.

Ключевые слова: мотивация, учебно-воспитательная мотивация, самооценка, старшая школа, обучение, психология, педагогика, образование.

CHARACTERISTICS OF THE INTERRELATIONSHIP BETWEEN SELF-ASSESSMENT AND EDUCATIONAL MOTIVATION IN HIGH SCHOOL STUDENTS

Abstract. The article presents the theoretical aspects of the relationship between academic motivation and the level of self-esteem among senior school students. It examines the impact of self-esteem and academic motivation not only on academic performance, but also on the personal development of high school students. The author emphasizes the importance of developing an adequate self-esteem as one of the psychological and pedagogical challenges of modern education and upbringing. This research is relevant due to the significance of involving students in the modern educational process, both for the successful acquisition of knowledge and for the proper self-determination and socialization of individuals in the future.

The article emphasizes the need to stimulate interest in learning, starting from the early school years. Since self-esteem is inextricably linked to academic motivation, its maintenance plays a crucial role at all stages of a student's educational journey.

Keywords: motivation, educational motivation, self-esteem, high school, learning, psychology, pedagogy, education.

Введение. Проблеме самооценки личности в контексте возрастного развития посвящено значительное число зарубежных и отечественных психолого-педагогических исследований. Специфика формирования самооценки в онтогенезе как важнейшего компонента самосознания, её структурные, функциональные особенности представлены в трудах Б.Г. Ананьева, Л.И. Божович, А.В. Захаровой, И.С. Кона, А.И. Липкиной, М.И. Лисиной, К. Роджерса, Э. Эриксона, Э. Фромма и многих других отечественных и зарубежных учёных. Самооценка характеризуется как базовое личностное образование, благодаря которому осуществляется контрольная и саморегулирующая функции поведения и деятельности индивида. Самооценка в старшем школьном возрасте характеризуется рядом особенностей, поскольку выступает и как своеобразный вектор профессионального самоопределения, и один из важнейших критериев уровня психологической зрелости, мотивационной сферы и мировоззрения личности.

Актуальность исследования. Самооценка в старшем школьном возрасте важнее всего на данном этапе жизни, так как именно в этот период индивид готовится вступить во взрослую жизнь и принимать самостоятельные, ответственные решения. И то, как старшеклассник оценивает себя сам – свои способности, возможности, индивидуально-психологические качества, – влияет на все аспекты его жизни, начиная от социально-коммуникативного плана и заканчивая успешностью личностной самореализации, чему не в малой степени способствует успеваемость в школе. На данном этапе развития ключевую роль в приобретении знаний играет их практическая польза, то, как усвоенные знания, умения и навыки помогут индивиду в дальнейшем реализовывать свой творческий потенциал.

Исследования данной проблематики, а именно взаимосвязь самооценки и учебной мотивации, в основном связаны с младшим школьным возрастом. Это обусловлено тем, что именно на данном этапе закладывается интерес к знаниям и учебно-мотивационной деятельности. Но старшеклассникам данная мотивация нужна в большей мере за счёт усложнения информационного содержания учебных предметов и их важности для личностного роста и дальнейшей карьеры личности. То, на сколько баллов сдаст ученик ЕГЭ, влияет, в какой вуз он поступит и какую работу найдёт впоследствии, а значит это очень важный предмет для исследования.

Цель исследования: охарактеризовать взаимосвязь самооценки и учебной мотивации у старших школьников.

Задачи:

- осуществить теоретический анализ психолого-педагогических трудов по исследуемой проблеме;
- выявить особенности самооценки старшеклассников и её влияние на учебную успеваемость;
- определить возможности формирования адекватной самооценки личности в образовательной среде школы.

Методы: теоретический анализ научной литературы по теме исследования; сравнительный психолого-педагогический анализ.

Основное содержание. Самооценка представляет собой оценку индивидом собственных характеристик, потенциала, личностных качеств, достижений и положения относительно окружающих [1]. Она бывает трёх основных видов: *адекватная, завышенная и заниженная*. Адекватная самооценка характеризуется объективным восприятием своей личности, способностью точно оценивать собственные способности и поступки. Люди с таким типом самооценки способны трезво анализировать свои успехи и поражения, рационально ставить цели и учитывать мнения окружающих.

Завышенная самооценка проявляется в неоправданно высоком мнении о себе, игнорировании недостатков и неспособности признавать собственные промахи. У таких людей наблюдается завышенный уровень притязаний, они склонны устанавливать чрезмерно амбициозные цели, ориентироваться преимущественно на внешний вид результатов и проявлять излишнюю уверенность в своем превосходстве над окружающими.

Заниженная самооценка, напротив, выражается в недооценке своих достоинств и успехов. Эти люди часто испытывают страх перед трудностями, болезненно воспринимают критику и неудачи, проявляют зависимость от одобрения окружающих и демонстрируют низкую уверенность в себе. Помимо этого, важную роль играет психологическая устойчивость, отражающая способность противостоять негативным влияниям социального окружения и сохранять внутреннюю стабильность даже в сложных ситуациях.

Формирование устойчивой самооценки начинается постепенно, особенно активно этот процесс протекает в подростковом периоде, когда молодые люди начинают глубже понимать свою индивидуальность и внутренние качества, отходя от поверхностных критериев оценки собственной значимости. Таким образом, самооценка оказывает значительное влияние на социальную адаптацию, успешность учебной деятельности и общее состояние психического благополучия [4].

Самооценка старшеклассников отличается нестабильностью и зависимостью от конкретных ситуаций. Это обусловлено процессом поиска личной идентичности и желанием оправдать ожидания окружающих. Среди особенностей самооценки в этом возрасте выделяются:

- Противоречивость: сомнение в своих силах чередуется с переоценкой своих достоинств и важности для других.

– Акцент на ближайших целях: подросток оценивает свои способности и черты исходя из краткосрочных планов и ближайшего будущего.

– Значимость общественного мнения: самооценка становится зависимой от признания сверстниками, положительной обратной связи в социальных сетях и одобрения близких.

Процесс формирования самооценки начинается сравнительно поздно, зачастую лишь в подростковом периоде. Именно в подростковом возрасте формируется полноценная самооценка. Интеллектуальные способности в период юношества расширяются, возрастает стремление к самопознанию и рефлексии. Самосознание становится богаче, оно включает больше аспектов, увеличивается критичность к собственным недостаткам и достоинствам. Хотя дети продолжают учитывать мнение родителей и ровесников, основным фактором самооценки становятся личные убеждения, представления о морали и жизненных принципах.

Переход к юности знаменуется важными переменами: оканчивается школа, меняется среда общения, формируются новые приоритеты и установки, соответственно меняясь и отношение к самому себе. Именно в этот период окончательно складываются зрелые формы самооценки, ключевым направлением которой становится устремленность в будущее, обусловленная необходимостью профессионального и личного выбора [3].

Особую значимость обретает *перспективная самооценка*, ведь юноши и девушки склонны мечтательно планировать своё будущее. Самооценка выступает своеобразным механизмом психологической самозащиты: желание видеть себя позитивно стимулирует гиперболизацию положительных черт и снижение значимости отрицательных сторон. Тем не менее, с течением времени самооценка всё чаще соответствует реальности. Взрослые оценивают себя точнее и справедливее, нежели молодёжь, а молодёжь – лучше, чем подростки. Этому способствуют накопленный жизненный опыт, интеллектуальное развитие и достижение стабильного уровня ожиданий от самих себя.

Психологической устойчивости в юношеском возрасте уделяется особое внимание, поскольку она отражает способность личности успешно сопротивляться неблагоприятным внешним факторам, включая социальные и межличностные воздействия. По мере развития самосознания молодые люди переключают свое внимание с внешней оболочки личности на внутренний мир, обращаясь к своим внутренним качествам и характеристикам. Личности в юношеском возрасте чрезвычайно важно, даже необходимо подчеркнуть уникальность собственного характера, развивать масштаб восприятия мира, ориентированный на духовные ценности и идеалы.

Эти сложные психологические трансформации способствуют становлению зрелого понимания своей личности, влияющему на её развитие и функционирование на более высоком, духовно-нравственном уровне [6]. Таким образом, самооценка служит важнейшим элементом структуры личности высшего порядка, определяющим степень адаптации в обществе, регулятором поведения и активности субъекта.

Важно отметить, что успеваемость в обучении также входит в число факторов, оказывающих влияние на психическое здоровье обучающихся. Самооценка существенно воздействует на взаимодействие школьника с окружающим миром, его способность объективно воспринимать себя, предъявлять требования к своему поведению и реакциям на победы и неудачи. Она прямо отражается на продуктивности учёбы. То, насколько ученик верит в свои способности, сказывается на уверенности в собственных возможностях, восприятии ошибок, достижении успеха и прочих важных компонентах учебной деятельности.

С.Л. Рубинштейн описывает формирование самосознания у подростков как постепенный процесс, начинающийся с простого непонимания своей сущности и проходящий стадии всё большего осмысления себя, сопровождающиеся формирующимся чувством собственной уникальности и резкими колебаниями самооценки [5]. Подростковое сознание постепенно перемещает фокус внимания с внешних проявлений личности на внутренние характеристики, от отдельных поверхностных черт к целостному образу внутреннего мира. Данный процесс ведет к развитию осознанности своей уникальной природы и перехода к оценкам, основанным на духовных и идеологических критериях, поднимая человека на качественно иной уровень личностного осознания.

По мнению А.В. Захаровой, подростковый период отмечен глубокими изменениями в структуре личности, характеризующимися усилением волевых качеств, развитием убеждений и ценностей, что выводит самосознание на новую ступень. Для подростков характерно обострение потребности в самопознании и критическом переосмыслении своих возможностей, сильных и слабых сторон, сосредоточенном на ближайшей перспективе. Главными проблемами становятся вопросы автономии, определение границ личной свободы и сфер ответственности, которые вызывают у подростков повышенный интерес и требуют тщательного анализа и самооценки [2].

Особенности учебной деятельности старших школьников включают ряд *ключевых моментов*:

Система знаний: учащиеся осваивают фундаментальные основы разных наук, объединяя знания в цельную концепцию мира, постигая глубинные смыслы происходящих процессов и явлений.

Рост интереса к обучению: на первое место выходят стимулы, связанные с выбором профессии и подготовкой к взрослой жизни.

Школьники осознают причины своего отношения к учебе, понимают её ценность и роль в построении карьеры.

Старшие школьники увлечены самим процессом познания, любят сравнивать разные взгляды, вести дискуссии, размышлять и проводить глубокий анализ изучаемого материала.

Развитие абстрактного мышления: в этом возрасте формируется индивидуальный подход к работе, вырабатывается уникальный стиль интеллектуальной деятельности.

Оценка своих способностей: школьники внимательно соотносят свои умения и таланты с теми профессиональными компетенциями, которые требуются выбранной специальности.

Новая роль преподавателя: учитель теперь скорее наставник, консультирующий по вопросам предмета, помогающий направить внимание и выделить главное.

Заключение. Мы пришли к выводу, что самооценка выступает ключевым элементом структуры личности и входит в состав самосознания, охватывая оценку человеком своего тела, возможностей, моральных черт и поведения. Успех в учебе определяется уровнем соответствия фактических достижений ученика поставленным целям в учебном процессе. Без адекватной самооценки возрастает значимость мнений окружающих. Старший школьный возраст характеризуется тенденцией к получению новых знаний для дальнейшей карьерной реализации. Так же присутствует высокая степень осознанности и фильтрация получаемой учебной информации. Причины падения интереса к обучению у старших школьников аналогичны причинам, наблюдаемым в других возрастных группах: недостаточное использование учителями инновационных методов преподавания, игнорирование индивидуальных потребностей подростков, личностные характеристики самих педагогов и ограничения их профессиональных компетенций.

Список использованных источников:

1. Бороздина, Л.В. Самооценка в разных возрастных группах: от подростков до престарелых / Л. В. Бороздина. М., 2001. – 204 с.
2. Захарова, А.В. Воспитание подростка в семье [Текст] / А. В. Захарова, канд. психол. наук. – Москва: [б. и.], 1973.
3. Кон, И.С. Психология ранней юности : кн. для учителя / И.С. Кон. М.: Просвещение, 1989. – 255 с.
4. Крутецкий, В.А. Очерки психологии старшего школьника / В.А. Крутецкий, Н.С. Лукин. М., 1979. – 174 с.
5. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: учебное пособие для студентов вузов – Санкт-Петербург, 2016 (Т. 1).
6. Шафажинская, Н.Е. Юлина, Г.Н., Рабаданова, Р.С. Психолого-педагогическое исследование гражданского воспитания юношества в системе образовательной деятельности российской школы. // Международный междисциплинарный научно-практический журнал «Человек. Искусство. Вселенная». Научно-исследовательский Центр Психологии и Развития Человека «Новые технологии». № 1 / Москва, 2022. – 270 с. С. 61-66.
7. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды / М. Педагогика, 1989. – 554 с.

УДК 159.9

Смирных А.Н.

студентка 2 курса, направление 44.03.02, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

*Работа выполнена под научным руководством **Калита В.В.***

к.псих.н., доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

ОСОБЕННОСТИ КЛИПОВОГО МЫШЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ МЛАДШИХ И СТАРШИХ КУРСОВ

Аннотация. В настоящее время, в эпоху цифровизации и информационного взрыва активно развивается такая когнитивная характеристика как клиповое мышление. Оно характеризуется фрагментарностью восприятия информации и отсутствием ее критического анализа. Клиповое мышление становится своеобразной нормой для современных студентов, что требует реорганизации учебного процесса для сохранения эффективности обучения. Цель исследования - выявление значимости различий в показателях клипового мышления у студентов разных (младших и старших) курсов обучения. На этапе диагностики применена методика Дж. Брунера, позволяющая определить склонность к одному из 4 типов мышления: символического, предметного, знакового и креативного. Наиболее близким к понятию «клипового мышления» был отнесен образный тип мышления; показатели по шкале образного мышления были использованы как характеристики клиповости. Гипотеза о значимости различий в уровне клипового мышления среди студентов младших и старших курсов не подтвердилась. Рост клиповости мышления является одной из причин необходимости внедрения средств к адаптации учебных программ к новому типу восприятия информации студентами.

Ключевые слова: студенты, клиповое мышление, символическое мышление, предметное мышление, знаковое мышление, креативное мышление.

FEATURES OF CLIP THINKING OF MODERN JUNIOR AND SENIOR STUDENTS

Abstract. In the current era of digitalization and information explosion, the cognitive characteristic of clip-based thinking is rapidly developing. It is characterized by fragmented perception of information and a lack of critical analysis. Clip-based thinking is becoming a norm for modern students, necessitating a reorganization of the educational process to maintain learning effectiveness. The purpose of this study is to identify significant differences in clip-based thinking indicators among students of different (junior and senior) years of study. During the diagnostic phase, J. Bruner's method was used to determine a student's predisposition to one of four types of thinking: symbolic, object-oriented, symbolic, and creative. Figurative thinking was considered closest to the concept of "clip-based thinking"; scores on the figurative thinking scale were used as indicators of clip-based thinking. The hypothesis regarding significant differences in the level of clip-based thinking between junior and senior students was not confirmed. The increase in clip-based thinking is one of the reasons for the need to adapt curricula to this new type of student perception.

Keywords: students, clip thinking, symbolic thinking, object thinking, sign thinking, creative thinking.

Современное общество имеет тенденцию в развитии цифровой среды, что влечет за собой необратимый процесс развития клипового мышления у современного поколения. Существует мнение, что клиповое мышление выступает в роли защитного механизма от информационно-психологических перегрузок. Впервые данный термин был введен Элвином Тоффлером для обозначения особенности информационной культуры. Сейчас нет его однозначного определения. В таблице 1 представлены основные подходы к определению сущности понятия клиповое мышление.

Люди, имеющие преимущественно развитое клиповое мышление, воспринимают жизнь не как целый образ, а как некий клип. Информация воспринимается в виде отдельных образов, при этом на связь между объектами внимания не обращается. Опираясь на труды отечественного ученого Ф.И. Гиренка можно сказать, что фрагментарность, как свойство мышления, носит природный характер, а клиповость является результатом развития новых информационных технологий. В таблице 2 представлены аспекты положительного и отрицательного влияния клипового мышления на личность.

Как видно из таблицы 2, клиповое мышление может оказывать на личность как положительное, так и отрицательное влияние. Педагогический опыт позволяет выделить в процессе обучения студентов с клиповым мышлением следующие типы проблем:

- 1) затруднение с чтением литературы;
- 2) резкое сокращение усвояемости (примерно на 10 процентов от транслируемого объема).
- 3) быстрое забывание приобретенных знаний, краткосрочная память учащихся перезагружается в срок не превышающий двух недель
- 4) снижение способности к критическому анализу информации, повышение восприимчивости к чужому авторитетному мнению.

Таблица 1 – Авторские подходы к определению сущности клипового мышления

Автор	Подходы к определению сущности клипового мышления
А.Б. Фельдман	Клиповое мышление – это приоритетный тип мышления, при котором человек может оперировать только смыслами фиксированной длины и не способен работать с семиотическими структурами произвольной сложности. Основная проблема такого мышления – отсутствие контекста.
Ф.И. Гиренок	Клиповое мышление – это фрагментарное восприятие окружающего мира, которое позволяет перерабатывать огромное количество информации без ее критического осмысления. Человек с таким видом мышления воспринимает мир как череду практически не связанных между собой событий и фактов, не анализируя их и не стремясь к получению целостной картины. Ф.И. Гиренок отмечал, что клиповое мышление связано с постмодернистской культурой и имеет антропологическую природу.
К.Г. Фрумкин	Выделял пять предпосылок для возникновения клипового мышления: а) усвоение темпов жизни и связанное с ним возрастание объема информационного потока, что порождает проблему отбора и сокращения информации; б) актуализация сокращает время, которое требуется на обобщение поступающей информации и осознание причинно-следственных связей; в) увеличение количества дел, которыми один человек занимается одновременно. Поскольку человек занимается одновременно разными проектами, он вынужден иметь дело с разными информационными потоками, поступающими от каждого из них; г) увеличение разнообразия поступающей одновременно информации; д) рост демократии на разных уровнях социальной системы, переход от монолога к диалогу. Линейный текст – это монолог автора, реплики собеседника разбивают текст на фрагменты.
К. Роджерс	По его мнению клиповое мышление – это феномен, родоначальником которого является современное информационное общество. Клиповое мышление адаптация к информационной перегрузке, характерной для современного мира.

С каждым годом уровень клипового мышления у современных студентов растет; предположительно, более молодые студенты имеют более высокий уровень клиповости, чем студенты старших курсов. Для проверки этой гипотезы было проведено исследование с использованием методики Дж. Брунера на 28 студентах (17-35 лет) МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). Методика Дж. Брунера предназначена для идентификации основного типа мышления человека. Содержание теста позволяет определить склонность к одному из 4 типов мышления: символического, предметного, знакового и креативного. Наиболее близким к понятию «клипового мышления» относится образный тип мышления, так как по своей структуре клиповое мышление характеризуется фрагментарным, непоследовательным восприятием информации, что в свою очередь коррелирует с образным мышлением, для которого характерна не строгая последовательность восприятия информации без физических рамок, со склонностью к восприятию информации «кусочками» или «клипами».

Таблица 2 – Положительное и отрицательное влияние клипового мышления на личность

Положительное влияние на личность	Отрицательное влияние на личность
Высокий уровень мультизадачности	Бесструктурность мышления
Высокая скорость переключения с одного фрагмента информации на другой	Рассеянность
Увеличение скорости работы с различными информационными мотивами	Дефицит внимания

Высокий уровень гибкости мышления	Нежелание, неумение критически анализировать материал
Повышенная алаптивность и реакция в ситуациях требующих быстрого выбора из множества предложенных вариантов	Отсутствие целостной картины восприятия окружающего мира
Развитое открытое ассоциативное мышление	Вытеснение тестовой культуры

Поэтому показатели по шкале образного мышления были использованы как характеристики клиповости.

Процесс обработки результатов представлял собой простой подсчет положительных ответов в соответствии с ключом. Полученные результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Результаты опроса среди студентов МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ) по тесту-опроснику Дж. Брунера

Возраст участников	Шкалы по опроснику Дж.Брунера														
	Образное мышление			Знаковое мышление			Символическое мышление			Предметное мышление			Креативность		
Показатели	низкий	средний	высокий	низкий	средний	высокий	низкий	средний	высокий	низкий	средний	высокий	низкий	средний	высокий
Студенты 1-2 курсов (17-19)	2	4	8	1	1	12	1	8	5	1	13	0	4	6	5
Студенты магистры (20-35)	1	10	3	3	7	4	3	8	3	0	13	1	4	8	2

Опираясь на данные таблицы мы можем заметить ряд тенденций; так, у студентов в возрастном диапазоне 17-19 лет, количество высоких показателей по шкале образного мышления относительно студентов 20-35 лет выше.

Для статистической проверки предположения о том, что уровень клипового мышления среди студентов 17-19 лет выше, чем у студентов 20-35 лет, был применён непараметрический U критерий Манна-Уитни. Гипотеза о значимости различий в уровне клипового мышления среди студентов 17-19 лет и студентов 20-35 не подтвердилась: значимые различия не были зафиксированы не по одной из шкал методики Дж. Брунера.

Для получения более точных выводов в перспективе следует расширить (увеличить) выборку испытуемых.

Выявленная тенденция в определенной степени подтверждает рост клиповости мышления у современного поколения, что свидетельствует о необходимости внедрения средств к адаптации учебных программ к новому типу восприятия информации студентами, а также о необходимости разработки техник поддержания адекватного уровня клиповости.

Список использованных источников:

1. Гиренок Ф.И. Антропологические конфигурации философии // Философия науки. Вып. 8: Синергетика человекомерной реальности. – М.: ИФ РАН, 2002. С. 415-420.
2. Тоффлер Э. Шок будущего: пер. с англ. – М.: АСТ, 2002. – 57 с.
3. Фельдман А.Б. Клиповое мышление [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (дата обращения: 24.10.2025).
4. Фрумкин К.Г. Клиповое мышление и судьба линейного текста / Топос: литературно-философский журнал. 2010. №9.
5. Цветков В.Л., Павлова А.А. Клиповое мышление как актуальная психологическая проблема // Вестник Московского университета МВД России. 2023. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klipovoe-myshlenie-kak-aktualnaya-psihologicheskaya-problema> (дата обращения: 12.10.2025).

УДК 159.9

Спасов К.А., Горева А.А.

студенты 2 курса, направление 44.03.02, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством **Калита В.В.**

к.псх.н., доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, МГУТУ им. К.Г.Разумовского (ПКУ)

ВЗАИМОСВЯЗЬ ВЕДУЩЕГО ТИПА ТЕМПЕРАМЕНТА И АКЦЕНТУАЦИЙ

Аннотация. В исследовании была проверена гипотеза о наличии связи между типом темперамента и типами акцентуаций характера; было проверено предположение что у представителей определенных типов темперамента существует большая возможность возникновения определенных акцентуаций характера. Основной тип темперамента значительно повышает шанс появления определенных групп акцентуаций. Цель исследования заключалась в поиске совпадения ведущего типа темперамента и акцентуаций по 7 критериям, выявленным в процессе анализа.

Ключевые слова: типы акцентуаций, типы темперамента, взаимосвязь, соответствие типа акцентуаций типу темперамента, классификация типов акцентуаций, корреляция.

RELATIONSHIP BETWEEN THE MAIN TEMPERAMENT TYPE AND ACCENTUATIONS

Abstract. The hypothesis of our work is the connection of the type of temperament and the types of accentuations, more specifically, certain types of temperament have a greater possibility of certain accentuations and a lower possibility of others. In other words, the main type of temperament significantly increases the chance of certain groups of accentuations. The goal is to find a match for at least 7 criteria identified during the analysis. If the connection between certain accentuations and certain types of temperament is proven, then a person can determine which accentuations are more likely to occur based on their type of temperament.

Keywords: types of accentuations, types of temperament, relationship, correspondence of the type of accentuation to the type of temperament, classification of types of accentuations, correlation.

Люди значительно зависят от проявления эмоций чувств. На данные состояния влияет тип темперамента и типы акцентуаций. Люди ежедневно сталкиваются с данными процессами, не смотря на то, что видимости протекания не существует. Чтобы достаточно понятно объяснить суть понятия «акцентуация» мы обращаемся к определению, которое дал Карл Леонгард: «Акцентуация – это, в сущности, те же индивидуальные черты, но обладающие тенденцией к переходу в патологическое состояние. Ананкастические, паранойяльные и истерические черты могут быть присущи в какой-то мере, собственно, любому человеку, но проявления их так ничтожны, что они ускользают от наблюдения. При большей выраженности они накладывают отпечаток на личность как таковую и, наконец, могут приобретать патологический характер, разрушая структуру личности» [4].

Акцентуации характера появляются в результате:

- нервно-психических расстройств и различных заболеваний организма, обостряющих ту или иную черту личности (раздражительность, страх и др.);
- образа жизни, требующего усиленной эксплуатации той или иной черты личности (жестокость, слабости, подавленность и др.);
- появления трудно преодолимых жизненных проблем в периоды возрастных кризисов.

Можно выделить как положительные, так и отрицательные аспекты каждого типа, но стоит отметить, что у каждой личности они проявляются в различных признаках, непохожих друг на друга.

Для последующего нахождения связей между типами темперамента и типами акцентуаций мы прибегаем к выделению собственных классификаций для наглядности связей между двумя выше упомянутыми явлениями.

В первую очередь типы акцентуаций можно разделить на относительно устойчивые и неустойчивые:

- сильные: демонстративный, гипертимный, застревающий, возбудимый, циклотимный.
- слабые: тревожный, эмотивный, экзальтированный, педантичный, дистимический.

Данную классификацию можно выделить по наибольшему сходству. К группе сильных типов акцентуации можно отнести типы, для которых главным является ориентирование на окружающий мир, социум, мнение людей о их личности, демонстрация собственной ценности и удовлетворение эгоцентрических потребностей, данные пять типов ищут одобрения и признания. Неустойчивые или слабые типы акцентуаций отличаются значительным саморазрушением при сравнении с сильными типами. Слабые типы подавляют, накапливают собственные переживания при достаточно высокой эмпатии. Их объединяет отсутствие ориентации на общество, любые действия, предпринимаемые данными типами, являются важными, в первую очередь, для них самих, таким образом, удовлетворяют собственные потребности в самостоятельном духовном и интеллектуальном росте.

Если сделать краткую характеристику по данной классификации, то можно обозначить это таким образом.

- Сильные: эгоцентрические наклонности, желание быть услышанными, потенциальные лидеры, общительны и коммуникабельны, достаточно активно взаимодействуют с людьми в различных степенях, отличаются динамичностью и скоростью реакции.

- Слабые: акцентируются на внутренних мотивах, эмоциях, переживаниях, имеют высокий уровень эмпатии, зачастую невысокая амбициозность, низкая скорость реакции, предпочитают уединение, обладают достаточно длительной трудоспособностью.

Вторая классификация может свидетельствовать о стабильности и импульсивности действий.

- К импульсивным можно отнести: демонстративный (?), возбудимый, циклотимный, экзальтированный, застревающий.

- К стабильным можно отнести: педантичный, гипертимный, дистимический, эмотивный, тревожный.

В данной классификации речь идет о частой смене настроений и порывов (мотивов) действий. Во второй группе находятся типы, которые отличаются плаксивостью и чувствительностью, но данное поведение они демонстрируют большую часть жизни, вне зависимости от обстоятельств, что делает их стабильными.

Можно выделить классификацию по уровню эмпатии, разделяя на понимающих и эгоцентрических.

- Понимающие: педантический, дистимический, тревожный, эмотивный, гипертимный.

- Эгоцентрические: демонстративный, застревающий, возбудимый, циклотимный, экзальтированный.

Данное разделение проводится на основании конфликтности, открытости, эгоистических наклонностей и умения находить общий язык с людьми (в этот критерий входит и умение хранить тайны).

Следующая классификация может разделить типы акцентуаций по рискованности.

– Рискующие: застревающий, возбудимый, гипертимный, циклотимный, экзальтированный.

– Избегающие риска: демонстративный, педантичный, дистимический, тревожный, эмотивный.

Для данной классификации основанием служило критерием: жажда новых впечатлений и ощущений, активность, боязливость.

Пятая классификация может быть выделена по признаку «трудопродуктивность».

– Высокий уровень продуктивности: педантичный, дистимический, тревожный, демонстративный, эмотивный.

– Низкий уровень продуктивности: возбудимый, гипертимный, циклотимный, экзальтированный, застревающий.

Основными критериями для этой классификации стали: отвлекаемость, концентрация, собранность, серьезность, спокойствие, конфликтность.

Данные классификации были выделены для сравнения типов акцентуации и увидеть их сходства по наиболее значимым чертам в сравнении с типом темперамента. Данные классификации имели оценивающие критерии, которые так или иначе относятся к типам темперамента. в соответствии с данными критериями приводим сравнительные таблицы для дальнейшего анализа связи темперамента и типов акцентуаций.

Таблица 1 – Оценивания типов акцентуации по значимым критериям

	Педантичный	Дистимический	Тревожный	Эмотивный	Гипертимный	Демонстративный	Застревающий	Возбудимый	Циклотимный	Экзальтированный
Подвижность	–	–	–	–	+	+	+	+	+	+
Нестабильность	–	–	=	=	–	–	+	+	+	+
Эмпатия	+	+	+	+	+	+	–	–	–	+
Рискованность	–	–	–	–	+	–	+	+	+	+
УПТ ⁸	+	+	+	+	=	+	–	–	–	–

Оценивание осуществлялась тремя типами оценок: положительной или «+», что означало выраженность конкретной черты или признака, отрицательной или «–», что означало отсутствие или пассивность конкретной черты или признака, нейтральной или «=», что означало субъективность проявления черты, то есть она была выражена, но выражение значительно отличается от нормы.

Можно отметить, что у некоторых типов акцентуаций схожи определенные признаки, что наталкивает на мысль о цикличности их поведения, схожести темпераментов и мотивов соответственно. Безусловной корреляции между типом темперамента и типами акцентуаций выделить не представится возможным, но гипотезу о их взаимосвязи мы решили выставить. Гипотеза заключается в том, что темперамент повышает шанс преобладания определенных групп акцентуаций, иными словами, для каждого типа темперамента есть наиболее благоприятные акцентуации и почти невозможные в появлении. Поэтому мы предлагаем рассмотреть следующую таблицу, в которой находится информация о том, какие акцентуации вероятнее всего могут появиться при каждом из типов темперамента. Оценка осуществляется способом, как и в предыдущих таблицах: положительная оценка или «+» означает полное или частичное соответствие, отрицательная или «–» означает полное несоответствие или частичное соответствие.

Таблица 2 – Соответствия типов темперамента и типов акцентуации характера

	Педантичный	Дистимический	Тревожный	Эмотивный	Гипертимный	Демонстративный	Застревающий	Возбудимый	Циклотимный	Экзальтированный
Сангвиник	–	–	–	–	+	+	–	–	–	+
Холерик	+	–	–	+	–	+	+	+	+	+
Флегматик	+	+	–	+	–	–	–	–	–	–
Меланхолик	–	+	+	+	–	–	–	–	–	–

⁸ УПТ – уровень производительности труда

Безусловно, соответствия и их отсутствие условны, однако, задачей этого исследования обнаружить связи, другими словами, в действительности типы акцентуаций действительно часто должны возникать при определенных типах темперамента и слабее при других в большинстве случаев с определенной погрешностью. Данными таблицами мы предполагаем возможность возникновения акцентуаций и, по нашему мнению, погрешность степени проявления акцентуаций может быть не больше чем на один уровень (следовательно, если мы предполагаем, что определенным тип акцентуации совсем не проявляется у данного типа темперамента, мы допускаем его незначительное появление, по аналогии это относится и к остальным оценкам в отрицательную и положительную сторону).

Для того, чтобы проверить актуальность и достоверность наших предположений мы прибегли к тестированию добровольцев. С их разрешения мы предоставим в данной работе их результаты и проведем качественный анализ совпадений. Был проведен тест, где максимальным количеством баллов было 24, самый низкий порог мог достигать 0. По нашему предположению, оценка «+» выражалась в баллах от 15 до 24, оценка «-» выражалась в баллах менее 15 или около этого значения (допускается погрешность в 3 балла в любую сторону). Критериев в тестировании было 10, мы ставили для себя соответствие с 7-8 критериями, данный результат мы бы считали удачным.

Полученные результаты представлены в таблицах. В исследовании участвовали случайные добровольцы – люди с различными характеристиками, для исключения факторов возраста, пола, национальности, социального положения и др. По крайнему левому столбцу мы выделили типы акцентуаций. По верхней строке таблицы располагаются типы темперамента респондентов, каждая новая строка – новый респондент. В пересечении столбцов находятся результаты респондентов. Для большего удобства полужирным выделены результаты, которые не соответствуют выделенной нами системе (напоминаем, для соответствующих критериев типу темперамента выше 15 баллов, не соответствующие типу темперамента менее 15 баллов, при этом допускается неточность в 3 балла в положительную и отрицательную стороны). Для упрощения просмотра таблицы мы присвоили каждому типу акцентуаций кодовое условное название.

Таблица 3 – Соотношение результатов респондентов по типам темперамента и типам акцентуации характера

	Холерик	Холерик	Холерик	Холерик	Холерик	Сангвиник	Сангвиник	Сангвиник	Сангвиник	Сангвиник
Демонстративность	14	22	13	8	12	20	15	20	12	8
Застывание	22	14	14	18	18	10	9	8	14	10
Педантичность	24	6	11	16	20	8	7	14	16	14
Возбудимость	15	6	17	18	12	12	3	6	3	15
Гипертимность	15	18	11	9	12	15	18	18	15	12
Дистимность	12	6	12	15	15	15	1	0	3	12
Тревожность	21	9	9	12	9	6	3	18	15	9
Экзальтированность	12	18	24	18	24	24	14	18	18	18
Эмотивность	15	18	17	9	21	6	14	9	18	12
Циклотимность	9	15	21	21	15	12	12	15	3	9

В таблице 4 два респондента были определены по типу темперамента как «пограничные» – между меланхоликом и холериком. Безусловно, в каждом человеке происходит смешение нескольких типов темперамента; именно из-за этого мы допускаем не 100% вероятность совпадения типов акцентуаций с типами темперамента. В отличие от предложенной системы классификации, результаты обоих респондентов достаточно схожи по многим критериям. Такое совпадения не является статистически значимым, но позволяет говорить о интересном зафиксированном наблюдении, требующем дальнейшего изучения.

Таблица 3 – Соотношение результатов респондентов по типам темперамента и типам акцентуации характера (часть – 2)

	Меланхолик	Меланхолик	Меланхолик	Меланхолик	Меланхолик	Флегматик	Флегматик	Флегматик	Флегматик	Флегматик	Сангвиник	Сангвиник	Меланхолик	Холерик
Демонстративность	10	12	12	16	16	8	10	14	12	10	16	18	8	16
Застывание	18	14	10	8	20	8	12	14	10	18	12	14	12	16
Педантичность	20	12	14	10	8	14	6	18	12	16	6	14	6	18
Возбудимость	12	9	9	15	15	3	12	9	10	9	6	3	18	9
Гипертимность	9	12	15	6	6	6	15	9	21	0	24	21	6	21
Дистимность	24	24	9	9	18	18	6	18	19	24	9	15	18	6
Тревожность	21	9	15	15	12	3	6	15	4	9	3	12	6	9

Экзальтированность	6	6	12	18	6	0	18	6	2	12	12	18	18	18
Эмотивность	24	18	15	12	15	12	21	12	18	15	21	12	15	15
Циклотимность	9	12	6	6	18	3	9	9	15	0	6	15	15	15

Таблица 4 – Соотношение результатов респондентов по типам темперамента и типам акцентуации характера (смешанные типы)

	Хол/Мел	Хол/Мел	Хол/Сангв
Демонстративность	16	14	14
Застывание	12	12	10
Педантичность	14	18	12
Возбудимость	3	9	12
Гипертимность	21	12	24
Дистимность	6	12	6
Тревожность	21	15	3
Экзальтированность	18	24	18
Эмотивность	18	24	15
Циклотимность	3	9	9

Обобщая результаты следует отметить, что количество совпадений по обозначенным нами критериям распределились следующим образом: у 8-ми респондентов совпали все критерии; у 11-ти респондентов зафиксировано одно несовпадение; у 7-ми человек – зафиксировано несовпадение по двум критериям; у 1-го респондента несовпадения по 3-м критериям.

Следует отметить, что выявленные соотношения между типами темперамента и типами акцентуации характера, несомненно, требуют дальнейшего исследования с привлечением репрезентативной группы испытуемых и методов математической статистики.

Тем не менее, полученный результат представляет определённый практический интерес. Благодаря выявленным соотношениям люди, зная свой тип темперамента, могут определить спектр акцентуаций. И если даже на данном жизненном этапе определенные акцентуации не выражены, они могут проявиться спустя некоторое время, в критические или стрессовые моменты. Использование описанных соотношений между типами темперамента и типами акцентуации характера позволяют психологу более эффективно работать с акцентуированными личностями, при решении разнотипных задач помощи и профилактики.

Список использованных источников:

1. Выготский Л.С. Собрание сочинений [Текст]: в 6-ти томах / Л.С. Выготский; сост. М.Г. Ярошевский; вступ. Ст. А.Н. Леонтьев; АПН СССР. – Москва: Педагогика, 1982-1984.
2. Выготский Л.С. Педагогическая психология / Лев Выготский. – Москва: АСТ [и др.], 2005. – 670, [1] с.: табл.; 22 см.; ISBN 5-17-027239-1.
3. Паршукова Л.П., Выбойщик И.В. «Акцентуации характера». 3-е изд., испр. и доп. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2015.
4. Карл Леонгард. Акцентуированные личности // Akzentuierte Persönlichkeiten. – Берлин, 1976. – 328 с. – ISBN 3-437-10447-0
5. Ясникова Е.Е., Собенников В.С. Характер. Акцентуации характера / Е. Е. Ясникова, В.С. Собенников, ГБОУ ВПО ИГМУ Минздрава РФ, – Иркутск: ИГМУ, 2013. – 27 с.

УДК 159.9

Трушина К.С., Даргевич Д.М.

студенты 2 курса направление 44.03.02, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования, «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством **Калита В.В.**

к.псих.н., доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

СКЛОННОСТЬ К МАНИПУЛИРОВАНИЮ И КОНФЛИКТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи между манипулятивным поведением и уровнем конфликтности среди студентов. В выборке были представлены студенты первого и второго курсов психолого-педагогического направления, обучающиеся в МГУТУ им. К.Г. Разумовского. Проверена гипотеза о наличии взаимосвязи между склонностью к манипулированию и конфликтностью. Применены диагностические методики «Шкала макиавеллизма» (MACH-IV) и методика «Личная агрессивность и конфликтность».

Полученные данные могут быть применены в рамках программ профилактики и коррекции деструктивных форм взаимодействия среди студентов.

Ключевые слова: студенты, межличностные отношения, манипулятивное поведение, конфликтность, макиавеллизм.

THE TENDENCY TO MANIPULATION AND CONFLICT OF PERSONALITY OF STUDENTS

Abstract. This article presents the results of an empirical study examining the relationship between manipulative behavior and conflict proneness among students. The sample included first- and second-year students majoring in psychology and pedagogy at the

K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). The hypothesis of a relationship between manipulation propensity and conflict proneness was tested. The Machiavellianism Scale (MACH-IV) and the Personal Aggression and Conflict Proneness (PAP) diagnostic methods were used.

The findings can be applied to programs for the prevention and correction of destructive forms of interaction among students.

Keywords: students, interpersonal relationships, manipulative behavior, conflict proneness, Machiavellianism.

Введение

Манипуляции в диалогах между студентами, стали обычным явлением. Они вредят общению и наносят ущерб самооценке. Манипулятивное поведение снижает качество межличностного общения, снижает эффективность деятельности; если речь идёт о студенческой молодёжи – снижает эффективность командообразования в учебном коллективе и в целом влияет на качество обучения в вузе.

Мало изучены закономерности и механизмы социально-психологического развития студентов, их конфликтного поведения. Важно воспитывать социально компетентную молодёжь. Исследования в этой области помогут решить задачи воспитания, учитывая особенности конфликтного поведения студентов. Необходимо формировать навыки бесконфликтного взаимодействия. Для этого можно проводить социально-психологические тренинги и ролевые игры, где студенты учатся определять причины конфликтов и находить конструктивные способы их разрешения.

Проблема актуальна, но для её решения нужно четко понимать, что такое манипуляция и конфликтность.

Манипуляция – это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями [2, с.2].

Конфликтность – противостояние двух начал, которое проявляется в активности сторон, направленной на преодоление противоречий.

Слово «конфликт» происходит от латинского *conflictus* – столкновение. В обыденной речи оно используется для обозначения широкого круга явлений – от вооружённых столкновений и противостояния различных социальных групп до служебных или супружеских разногласий [1, с. 2-3].

Цель исследования: изучить отношение между конфликтностью и манипулятивностью у студентов разных курсов, но одного направления.

Задачи исследования:

1. Диагностировать уровень выраженности макиавеллизма и особенностей поведения конфликтности у студентов.

2. Исследовать отношения между манипулятивным поведением и конфликтностью у студентов.

3. Описать специфику в проявлении манипулятивности и конфликтности в академической группе.

Методологическую основу исследования составили системно-структурный анализ, анкетирование и опрос.

Организация исследования

В качестве участников мы взяли, непосредственно, студентов 1 и 2 курсов, всего приняли участие 38 человек.

Эксперимент проводился в Московском государственном университете технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первом казачьем университете).

Был проведен тест «Шкала макиавеллизма» (MACH-IV) и методика «Личная агрессивность и конфликтность» (Е.П. Ильин, П.Ф. Ковалев, 2004).

Вопросы опросников были занесены в Googleforms; для прохождения опросников студентам предлагалась ссылка. Полученные данные были проанализированы.

Результаты исследований и обсуждение.

Результаты были подвергнуты статистической обработке.

1. Была проверена гипотеза о том, что существует связь между показателями конфликтности и манипулятивности. Был применён статистический критерий - коэффициент корреляции Пирсона. Гипотеза была отклонена: достоверной связи между показателями конфликтности и манипулятивности выявлено не было.

2. Затем была проверена гипотеза о наличии значимых различий между 1 и 2 курсом по шкалам конфликтности и макиавеллизма; был применён критерий Манна-Уитни. Гипотеза была отклонена: значимых различий не было обнаружено.

3. Полученные количественные результаты по шкалам конфликтности и манипулятивности были охарактеризованы с помощью методов описательной статистики.

Значения конфликтности:

От 0 до 17 – низкий уровень

От 18 до 26 – средний уровень

От 27 до 40- высокий уровень

На *Рисунке 1* представлены результаты 1 и 2 курса.

Рисунок 1 – Значение показателей конфликтности по каждому участнику (данные расположены по возрастанию)

Анализ данных позволяет утверждать, что у студентов 2-го курса медианный уровень конфликтности не на много ниже, чем у студентов 1-го курса. Высоких уровней у двух курсов не наблюдается, в основном это низкие и средние уровни.

Значения манипулятивности:

От 20 до 61 – низкий уровень.

От 62 до 86 – средний уровень.

От 87 до 140 – высокий уровень.

На *Рисунке 2* представлены результаты 1 и 2 курса.

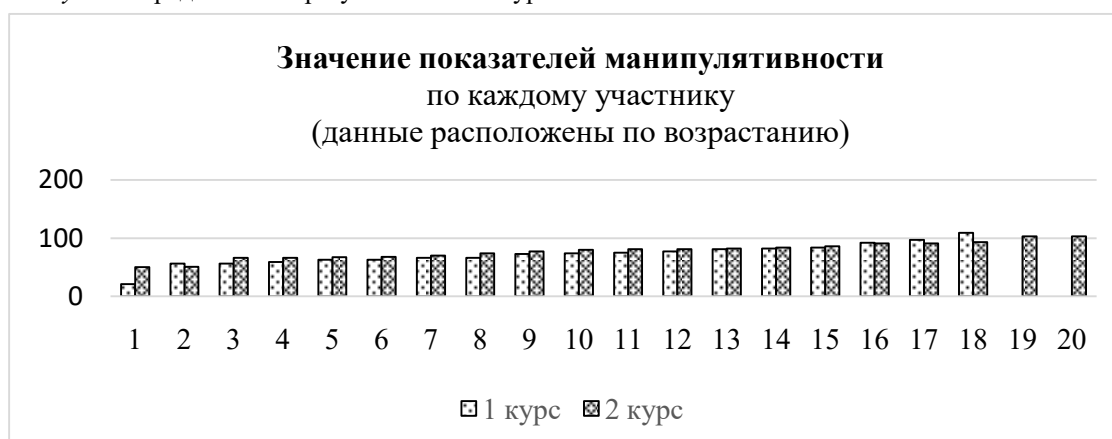

Рисунок 2 – Значение показателей манипулятивности по каждому участнику (данные расположены по возрастанию)

Анализируя распределение показателей манипулятивности можно отметить, что у студентов 2-го курса медианный уровень манипуляций выше, чем у студентов 1-го курса. Высокие и средние уровни преобладают у двух курсов.

Сравнительный анализ показывает, что у педагогов-психологов первых и вторых курсов уровни конфликтности низкие. Высоких показателей конфликтности практически нет, преобладают средние и низкие значения. Мы объясняем этот факт тем, что конфликтность как форма взаимодействия представляет собой условно более «архаичную» и жёсткую систему противостояния другому, и педагоги-психологи такой способ практикуют достаточно редко.

При этом, показатели манипулятивности у педагогов-психологов выше: в основном находятся на среднем или высоком уровне.

Манипуляция, хотя и представляет принципиально другой способ взаимодействия с другим, является похожей на конфликтность намерением достичь своих интересов вопреки интересам другого; манипуляция, в сравнении с конфликтностью, является более утончённой, «деликатной» формой взаимодействия с другими.

Подводя краткие итоги следует отметить что исследование носило сравнительный характер: были соотнесены показатели уровня конфликтности и манипулятивности среди студентов близких направлений подготовки.

Для получения более точных выводов требуется привлечение репрезентативной группы испытуемых, увеличение количества участников исследования и расширение привлекаемых групп по критерию «направление подготовки».

Список использованных источников:

1. Гришина Н.В., Психология конфликта, 2-е издание, Издательство: Питер Пресс, 2008. – 544 с.

2. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита, Издательство: Речь, 2003. – 304 с.
3. Психологические тесты онлайн «Личностная агрессивность и конфликтность» (Электронный ресурс) – URL: <https://psytests.org/conf/ilaik-run.html> (дата обращения 17.10.2025)
4. Психологические тесты онлайн «Шкала макиавеллизма личности, MACH-IV» (Электронный ресурс) – URL: <https://psytests.org/darktriad/machiv-run.html> (дата обращения 17.10.2025).

УДК 159.9

Ульянова В.А.

студент 2 курса, направление 44.03.02, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством **Калита В.В.**

к.псих.н., доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

СИНДРОМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У ПРОДАВЦОВ-КОНСУЛЬТАНТОВ

Аннотация. Эмоциональное выгорание (СЭВ) – это распространенное и сложное явление, оказывающее значительное влияние на психическое здоровье и приводящее к снижению производительности труда. В психологии до сих пор нет единого мнения о его природе и механизмах развития. Российские исследователи, такие как Н.Е. Водопьянова и Е.С. Старченкова, рассматривают выгорание как деструктивный ответ на хронический стресс на работе, затрагивающий физическое, психическое и поведенческое благополучие. Поэтому крайне важно проводить дальнейшие исследования, направленные на выявление факторов, способствующих развитию СЭВ, его симптомов и последствий для здоровья, особенно в контексте различных профессий. В частности, необходимо изучить роль эмоционального выгорания и качества жизни, связанного с работой, в формировании психического здоровья работников, например, продавцов, для разработки эффективных стратегий профилактики и коррекции.

Ключевые слова: качество жизни, синдром эмоционального выгорания, продавец-консультант, тревога.

BURNOUT SYNDROME IN SALES CONSULTANTS

Abstract. Emotional burnout (EBW) is a common and complex phenomenon that significantly impacts mental health and leads to decreased productivity. There is still no consensus in psychology regarding its nature and development mechanisms. Russian researchers, such as N.E. Vodopyanova and E.S. Starchenkova, view burnout as a destructive response to chronic work-related stress, affecting physical, mental, and behavioral well-being. Therefore, it is crucial to conduct further research aimed at identifying the factors contributing to the development of EBW, its symptoms, and health consequences, especially in the context of various professions. In particular, it is necessary to study the role of emotional burnout and work-related quality of life in shaping the mental health of workers, such as salespeople, in order to develop effective prevention and intervention strategies.

Keywords: quality of life, emotional burnout syndrome, sales consultant, anxiety.

Резюме. Сегодня в психологии существует много разных мнений о том, что такое «эмоциональное выгорание», как оно возникает и как влияет на человека. Российские психологи (например, Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова) считают, что выгорание – это плохая реакция на рабочие стрессы, которая затрагивает тело, психику и поведение [3]. Чтобы лучше понять этот синдром, нужно изучать, как он проявляется, почему возникает и какие факторы на него, влияют во всех сферах жизни человека, включая работу. Это поможет понять, как выгорание может проявляться по-разному в зависимости от профессии.

Актуальность. Синдром эмоционального выгорания (СЭВ) – это эмоциональное истощение, сопровождающееся потерей мотивации и снижением работоспособности. Так это состояние описал американский психолог Герберт Фреденберг почти 50 лет назад [0, 0, 0].

Профессиональная деятельность продавца часто омрачается социальными вызовами. Постоянное общение с клиентами и коллегами становится источником хронического стресса. Ежедневные трудности включают негативное отношение покупателей, критику товара, физическое напряжение, конфликты с руководством и коллегами, а также низкий уровень оплаты труда [0, 0]. При этом продавец обязан сохранять вежливость, проявлять эмпатию и создавать позитивную атмосферу для клиентов. Все это может привести к развитию цинизма, безразличия, чувства собственной неполноценности и общей неудовлетворенности работой. Эти симптомы указывают на синдром эмоционального и профессионального выгорания – состояние глубокого истощения, ведущее к значительным личностным трансформациям и даже когнитивным искажениям [0, 0, 0]. В такой ситуации эмпатия может выступать как защитный механизм, оберегающий психику от чрезмерного эмоционального давления. Описанные явления неизбежно сказываются на поведении продавца и его взаимодействии с клиентами [0, 0, 0].

Профессия продавца является одной из самых старых и значимых для общества. Это обусловлено неизменной потребностью людей в создании, обмене и приобретении ценных товаров. Данная деятельность относится к сфере межличностного взаимодействия (группа социомических профессий - «Человек – Человек»), имеет преобразующий характер и включает в себя последовательность определенных этапов. В своей работе продавец опирается как на внешние, так и на внутренние ресурсы, а также использует различные инструменты. Уровень сложности возникающих в работе ситуаций оценивается как средний.

Условия труда и ответственность продавца [0, 0]. Санитарно-гигиенические условия труда продавца, как правило, предполагают работу в закрытом помещении. К особенностям рабочей среды можно отнести наличие шума. Работа продавца характеризуется высокой степенью коллективности, при этом сам продавец выступает в роли исполнителя. Количество профессиональных контактов продавца велико, круг его партнеров включает как постоянных, так и меняющихся лиц – клиентов и коллег. Режим рабочего времени продавца регламентируется трудовым законодательством. Ответственность, возлагаемая на продавца, является высокой как в материальном, так и в моральном плане. Физическое напряжение может быть вызвано строгим рабочим ритмом, физическими нагрузками и необходимостью долгое время находиться в одной позе [0, 0].

Для успешной деятельности в качестве профессионального продавца требуется широкий спектр качеств, начиная от индивидуальных особенностей личности и заканчивая развитыми коммуникативными навыками и способностью к воображению [0, 0].

Целью нашей работы является выявление и описание своеобразия выраженности симптомов выгорания у продавцов консультантов. В исследовании приняли участие 28 женщин в возрасте от 19 до 30 лет, со стажем работы в профессии от 2-х месяцев до 8 лет, стажем работы на текущем месте работы от 2-х месяцев до 5 лет.

Методы исследования: диагностика уровня синдрома эмоционального выгорания с помощью методики В.В. Бойко, методика МВІ.

Результаты и обсуждение

Диагностика уровня СЭВ у продавцов при использовании методики В.В. Бойко показала, что у продавцов присутствует высокий уровень СЭВ. Напряжение было выявлено у 42% респондентов, расширение сферы экономии эмоций у 54% испытуемых и эмоциональная отстраненность у 58% опрошенных (рисунок 1).

Средний уровень выраженности значений получили показатели: тревоги и депрессии у 46% продавцов и «загнанность в клетку» у 38% диагностируемых. Наименьшее проявление было среди следующих показателей: фаза истощения, переживание психотравмирующих обстоятельств, психосоматические и психовегетативные нарушения, редукция профессиональных обязанностей, эмоциональная дезориентация, неадекватное эмоциональное избирательное реагирование, неудовлетворенность собой, эмоциональный дефицит, деперсонализация.

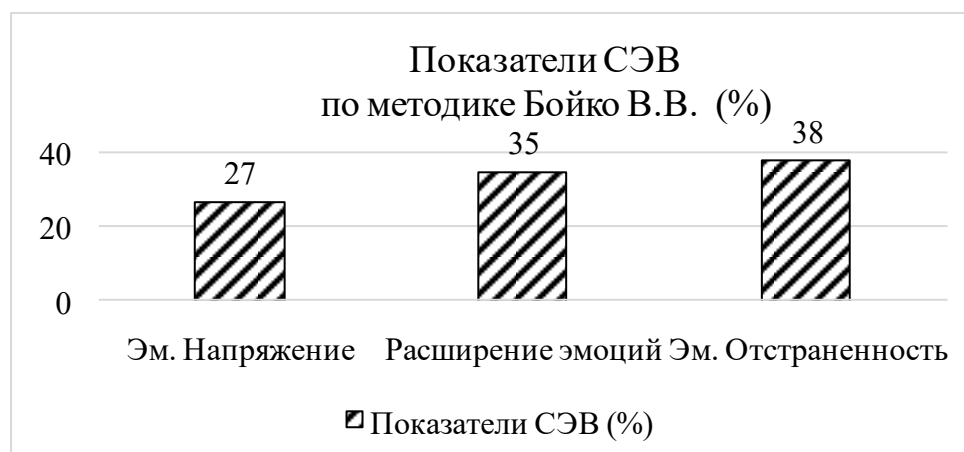

Рисунок 1 – Показатели СЭВ по методике Бойко В.В. (%)

Результаты диагностики уровня синдрома эмоционального выгорания у продавцов с помощью методики МВІ показали, что симптомом СЭВ у респондентов является эмоциональное истощение, в средней степени выраженности – показатель деперсонализации, а наименее – редукция личностных достижений.

Анализ эмоционального выгорания продавцов в зависимости от стажа работы показал интересную закономерность: пик выгорания приходится на период от 5 до 8 лет работы. В то же время, сотрудники с опытом свыше 8 лет демонстрируют низкий уровень выгорания. Это позволяет предположить, что длительная работа в этой сфере отсеивает менее устойчивых и оставляет тех, кто обладает значительными личностными ресурсами для противостояния выгоранию. Таким образом, при подборе персонала следует уделять внимание оценке личностных факторов, влияющих на predisposition к выгоранию.

Таким образом согласно нашему исследованию было выявлено, что способности создавать атмосферу открытости и доверительности в процессе коммуникативного акта, видеть поведение покупателей и действовать в условиях дефицита исходной информации о них, опираясь на опыт, входить в эмоциональный резонанс с окружающими, а также направленность внимания, восприятия и мышления эмпатирующего на сущность любого другого человека способствуют профессиональному выгоранию.

Выводы. Установлена прямая зависимость между профессиональным выгоранием и такими качествами, как клиентоориентированность и эмпатия. Психологи, специализирующиеся на работе с продавцами, могут применять данные результаты на практике. Зная специфику работы сотрудников и степень их эмоционального истощения, специалисты смогут помочь им изменить свое поведение, уменьшить выгорание и повысить результативность. Также продавцам могут быть предложены индивидуальные рекомендации и упражнения для самостоятельного преодоления синдрома выгорания. Более того, информация о выраженности этих феноменов

позволит сформировать объективные критерии для отбора новых сотрудников на позицию продавца-консультанта

Список использованных источников:

1. Бойко, В.В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении / В.В. Бойко. – СПб, 1999. – 147 с.
2. Туран Н.К. Исследование взаимосвязи синдрома профессионального выгорания с эмпатией и ориентацией на клиента у продавцов-консультантов / Н.К. Туран. // Современная психология: материалы III Междунар. науч. конф. – Казань: Бук, 2014. – С. 76-78.
3. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания. Диагностика и профилактика: практическое пособие. Москва: Издательство Юрайт, 2023. 299 с.
4. Попов Ю.А. Синдром «эмоционального выгорания» как актуальная проблема офисных работников // Дневник науки. 2020. № 5(41). С. 64.
5. Черемискина И.И. и др. Эмоциональное выгорание у торговых представителей// И.И. Черемискина и др. // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2024. Т. 13. № 1(46)

УКД 159.9.07

Фамильнова А.А.

магистрант 1 курса, направление 37.04.01, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством **Калита В.В.**

к.псих.н., доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, МГУТУ им. К.Г.Разумовского (ПКУ)

КРАТКАЯ ПРОФЕССИОГРАММА РАБОТНИКОВ НАУЧНОГО ЦЕНТРА ВЕДОМСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПО МЕТОДИКЕ Е.М. ИВАНОВОЙ

Аннотация. Статья посвящена составлению профессиограммы работников научного центра - научных сотрудников ведомственной организации по методике «аналитическая профессиограмма», разработанной Ивановой Е.М. В статье также рассматриваются иные модели профессиографирования, их особенности и специфика. Описаны субъекты и объект профессиограммы, свойства, которыми они обладают; отмечается взаимосвязь субъектов труда и объекта труда, их влияние друг на друга. Описаны особенности полученной профессиограммы и возможные способы её дальнейшего развития.

Ключевые слова: профессиографирование, аналитическая профессиограмма, научные сотрудники, научная работа, ведомственная организация.

BRIEF PROFESSIONAL CV FOR STAFF OF THE SCIENTIFIC CENTER DEPARTMENTAL ORGANIZATION ACCORDING TO E.M. IVANOVA'S METHOD

Abstract. The article is devoted to the compilation of a job description for employees of a scientific center – research associates of a departmental organization using the "analytical job description" method developed by E.M. Ivanova. The article also examines other job description models, their characteristics, and specific features. The subjects and objects of job descriptions are described, along with their properties. The relationship between the subjects and objects of work and their mutual influence are highlighted. The characteristics of the resulting job description and possible ways of its further development are described.

Keywords: job description, analytical job description, research staff, research work, departmental organization.

Ни для кого не секрет, что научная работа является одной из важнейших составляющих современного мира. Инновации, внедряемые учеными, позволяют продвигать современный мир на новый уровень, не только улучшая уже имеющиеся технологии, но и создавая совершенно новые. Ведомственные научные организации позволяют развивать методы защиты нашей страны, укрепления ее обороноспособности сохранения правопорядка, что всегда являлось актуальным для сохранения суверенитета государства.

Несомненно, также актуальной темой является вопрос отбора сотрудников для работы научными секретными данными, ведь в данной сфере имеется множество стрессогенных факторов, которые необходимо учитывать при разработке нормативов.

Именно поэтому одной из наиболее актуальных тем научной ведомственной сферы является ее профессиографирование.

Цель данного исследования – составление профессиограммы для работников в научных структурах ведомственных организаций на основе методики профессиографирования Ивановой Е.М.

Задачи данного исследования следующие:

1. Сбор и обработка информации по теме различных профессиограмм и выбор лучших методик для этого.
2. Составление краткой профессиограммы для научных сотрудников ведомственной организации на основе методики профессиографирования Ивановой Е.М.
3. Анализ получившейся системы и прогнозирование дальнейшей работы.

Для того, чтобы начать работать с профессиограммой, рассмотрим теоретический аспект данной работы.

Профессиография – это описательная технология, направленная на систематизацию и анализ требований по личностным характеристикам, различным социально-психологическим показателям, физиологическим признакам и задаткам, качествам в деловой сфере, знаниям, умениям и навыкам сотрудника, предъявляемые той или иной профессией. Она была разработана в 20-х годах XX века отечественными психотехниками в качестве

принципа структурного формирования профессии. Данная структура предполагает аналитическое описание профессии, включающее в себя всё многообразие факторов, влияющих на профессиональную деятельность. В результате анализа различных особенностей профессиональной деятельности составляется профессиограмма – сводки знаний о требованиях конкретной профессии.

А.К. Маркова определяет данное понятие так: «профессиограмма – это научно обоснованные нормы и требования профессии к видам профессиональной деятельности и качествам личности специалиста, которые позволяют ему эффективно выполнять требования профессии, получать необходимый для общества продукт и вместе с тем создавать условия для развития личности самого работника» [7]. Таким образом, А.К. Маркова подчеркивает, что профессиограмма призвана не только описать предъявляемые требования сотруднику, но и определяет условия, которые призваны обеспечить эффективную деятельность и развитие качеств работника.

В профессиографии выделяются несколько подходов.

Первый из них – комплексный подход, или принцип комплексного применения методов. В нем рассматривается широкий спектр особенностей трудовой деятельности в целом. Рассматриваются цели и задачи труда, компетенции, необходимые сотруднику для выполнения рабочих задач, а также требования к самому рабочему месту для эффективного выполнения трудовых задач.

Второй подход – аналитический, под авторством Ивановой Е.М. Он состоит из двух блоков. Первый блок включает в себя основные характеристики, описывающие рабочий процесс на основе общественного опыта, без учёта личностных особенностей конкретного работника, а второй блок рассматривает трудовую деятельность с учетом качеств сотрудника, как трудовая деятельность влияет на его личность, и таким образом проводится сравнение формальной структуры деятельности и психологии сотрудников [3].

В третьем подходе – «модульном подходе», разработанном В.Е. Гавриловым – предполагается рассмотрение профессии в качестве модульной структуры. В.Е. Гаврилов предполагает, что для использования данного подхода необходимо сначала изучить сами модули, а затем при описании профессий опираться на имеющийся опыт [1].

Четвёртый подход – это подход психологической ориентированной профессиограммы, разработанной Е.И. Гарбером. Данный метод включает в себя следующие составляющие: внешняя картина труда, где указываются фотография рабочего дня, временная динамика производственной активности, хронометраж рабочего времени и пр.; внутренняя картина труда, описывающая внутренние состояния личности работника, включая его реакции на определённые ситуации, психические состояния, способности, умения, опыт; трудовое поведение, включающие элементы работы [2].

Таким образом, рассмотрев имеющиеся методики профессиографирования, мы выбрали методику под авторством Ивановой Е.М. [5, 6]. Данная методика наиболее удобна благодаря бинарности её устройства, детализации отдельных компонентов и учёта взаимосвязей различных элементов.

Перед работой необходимо рассмотреть, что же является объектом и субъектом в нашем описании работы. В качестве объекта мы принимаем место работы, то есть научная организация, подчинённая ведомственной структуре. Данные об организации не уточняются с целью сохранения конфиденциальности. Субъектами же рабочей деятельности рассматриваются сотрудники данной организации, занимающиеся наукой. В организации они делятся на две категории: имеющие специальное звание (сотрудники) и вольнонаемные из числа гражданского персонала (работники) – соответственно, это учитывается.

Для начала необходимо рассмотреть базовые характеристики сотрудников и работников.

С точки зрения объективных характеристик сотрудники должны соответствовать следующим критериям: высшее образование по соответствующей специальности, стаж работы точно не указывается. В процессе трудоустройства сотрудники проходят отбор по критериям состояния психического и физического здоровья, также оцениваются их интеллектуальные способности. Отбор проводится под контролем ведомства. В соответствии с индивидуальными особенностями имеются различные метрики критериев, например, от возраста, пола и ограничений здоровья зависят метрики физической оценки. В дальнейшем в процессе работы сотрудники обязаны проходить проверку повторно ежегодно.

Для работников критерии являются не такими строгими. При приеме гражданского персонала проводится внутренний конкурс, инициированный самой организацией. Образование также требуется высшее, при приеме на работу учитываются такие критерии как наличие научных публикаций, опыт работы с тем или иным оборудованием и т.д. Одно из обязательных условий – наличие опыта работы от трёх лет или наличие научной степени. Физическое и психическое здоровье внутренней проверке не подлежит, достаточно получить справки из медицинских учреждений при трудоустройстве.

При рассмотрении личностных характеристик мы опросили сотрудников отдела кадров организации. Они отметили, что обращают внимание на такие важные качества, как патриотизм, уверенность, инициативность, стрессоустойчивость, исполнительность, готовность помогать другим, бесконфликтность. И действительно, так как данная организация является ведомственной, одна из ключевых ценностей, требуемых от сотрудников, является любовь к Родине и готовность ей служить. Также стоит отметить стрессоустойчивость организации в связи с многочисленными аттестационными мероприятиями и проверками, что также требует устойчивость к стрессу.

Рассмотрим сам объект труда. Данная организация существует уже давно и в связи с этим имеет достаточно богатую историю. Организация гордится своим наследием, оно прославляется через мероприятия для сотрудников и работников, организовываются стенды и демонстрации. С точки зрения научно-технических и социально-экономических тенденций, отмечается высокий темп роста в развитии научно-технического

потенциала. В своей сфере организация является уважаемой, её разработки неоднократно номинировались на различные конкурсы, а также составляют конкуренцию в сравнении с зарубежными аналогами. Вместе с тем организация часто участвует в выставках, демонстрируя свои достижения. Однако при общении с работниками и сотрудниками отмечается недостаточное финансирование, в связи с чем есть опасения об утечке кадров, особенно среди работников гражданского персонала.

Таким образом, если характеризовать социально-когнитивно-мотивационную структуру, сотрудники имеют хорошее представление о своей работе, о социальной значимости своей профессии и о её влиянии на научно-технический мир. В данной организации присутствует такая специфика, что сотрудников и работников не так много, из-за чего между ними происходит постоянный контакт друг с другом и очень сильное сплочение. Большая часть сотрудников имеют опыт работы в данной организации в течение десятилетий, в процессе которой сложилась грамотная команда, которая спокойно включает в себя новых сотрудников.

Отметим также взаимодействие сотрудников и работников с начальством. В отличие от устойчивости коллектива, руководители организации сменяются чаще – раз в несколько лет. Но в связи со спецификой организации сотрудники беспрекословно подчиняются новому руководству, вследствие чего период адаптации происходит без конфронтаций. Свое мнение о руководителях сотрудники склонны не выносить на всеобщее обсуждение, чаще всего свое мнение может высказываться в неформальной обстановке между коллегами. Сами руководители также соблюдают уважительность по отношению к сотрудникам и работникам, но с соблюдением дисциплины. Именно поэтому в данной организации соблюдается высокая дистанция власти.

Таким образом, в процессе анализа организации мы выявили следующие особенности, присущие ей: высокая дисциплинированность, исполнение служебных обязанностей в полной мере, соблюдение субординации и уважение к культурно-историческому наследию страны.

Несомненно, данный анализ нельзя назвать полным, не все аспекты раскрыты. Однако в качестве базы под дальнейшие изыскания можно использовать.

В перспективе исследования могут возникнуть такие сложности, как нежелание сотрудников и руководства раскрыть все особенности деятельности, или же приукрашивание положения дел в организации, также необходимо соблюдение коммерческой и государственной тайны.

По итогам данного исследования мы можем отметить, что мы смогли составить неполную профессиограмму научной организации ведомственной структуры. Как и отмечалось ранее, научная работа является одной из важнейших отраслей в современном мире, и мы надеемся, что профессиографирование будет способствовать его развитию.

Список использованных источников:

1. Гаврилов В.Е. Использование модульного подхода для психологической классификации профессий в целях профориентации / В.Е. Гаврилов // Вопросы психологии. – 1987. – №1. – С. 111-117.
2. Гарбер Е.И. Методика профессиографии / Е.И. Гарбер, В.В. Козача. – Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 1992. – 278 с.
3. Демин Ю.М. Сборник должностных инструкций / Ю.М. Демин. – Санкт-Петербург: Питер, 2008. – 256 с.
4. Иванова, А.В. Профессиограмма как эталонная модель специалиста / А.В. Иванова. – Текст: непосредственный // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Уфа, март 2013 г.). – Т. 0. – Уфа: Лето, 2013. – С. 154-155. – URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/68/3601> (дата обращения 28.10.2025 г.)
5. Иванова Е.М. Профориентационная профессиография: метод. пособие : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии / Е.М. Иванова ; Высш. шк. психологии. – Москва: Высш. шк. психологии, 2005. – 95 с.
6. Иванова, Е.М. Психологическая системная профессиография : монография / Е.М. Иванова. – Москва: ПЕР СЭ, 2003.
7. Маркова А.К. Психология профессионализма. – М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996.
8. Николаева В.С. Методика составления профессиограммы // Ученые записки Тамбовского отделения РСОМУ. 2018. №11.

УДК 376

Цветкова К.А.

магистрант 1 курса, направление 37.04.01, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

*Работа выполнена под научным руководством **Положенцева И.В.***

кандидат экономических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОСТИНТЕРНАТНОЙ АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ-СИРОТ

Аннотация. В статье рассматриваются психологические аспекты постинтернатной адаптации детей-сирот, представляющей сложный и многогранный процесс, с которым сталкиваются выпускники учреждений интернатного типа при переходе к самостоятельной жизни. Рассматриваются особенности формирования личности в условиях институционализации и её влияние на последующую адаптацию в социуме. Особое внимание уделяется ключевым психологическим барьерам, таким как нарушения эмоциональной регуляции, проблемы формирования идентичности, дефицит социальных навыков, травматический опыт, низкий уровень самооценки и самозффективности. Анализируется влияние этих факторов на социальную интеграцию, профессиональную самореализацию и построение межличностных отношений. Автор подчёркивает необходимость комплексного психологического сопровождения выпускников интернатных

учреждений для детей-сирот, ориентированного на их индивидуальные потребности, для успешной адаптации в новом социуме.

Ключевые слова: постинтернатная адаптация, дети-сироты, выпускники интернатных учреждений, социальная адаптация (или адаптация в социуме).

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF POST-INTERNATIONAL ADAPTATION OF ORPHANED CHILDREN

Abstract. The article discusses the psychological aspects of post-boarding adaptation of orphans, which is a complex and multifaceted process faced by graduates of boarding institutions when they transition to independent life. It examines the features of personality formation in the context of institutionalization and its impact on subsequent adaptation in society. Special attention is paid to key psychological barriers, such as emotional regulation disorders, problems with identity formation, a lack of social skills, traumatic experiences, and low levels of self-esteem and self-efficacy. The article analyzes the impact of these factors on social integration, professional self-realization, and building interpersonal relationships. The author emphasizes the need for comprehensive psychological support for graduates of orphanages, which is focused on their individual needs, in order to successfully adapt to the new society.

Keywords: post-boarding adaptation, orphans, graduates of boarding schools, and social adaptation (or adaptation in society).

Введение

Жизнь воспитанников интернатов для детей-сирот в течение многих лет чётко организована и регламентирована педагогическим коллективом интернатного учреждения, она предполагает практически постоянные социальные роли, что в значительной степени исключает необходимость и возможность самостоятельного принятия решений, планирования и организации интернами своей жизнедеятельности. Поэтому вхождение в новый социум и переход к самостоятельной жизни представляет очень сложную психологическую и организационную задачу для воспитанников учреждений социальной сферы, которым жизненно необходима поддержка в этот период.

Постинтернатное сопровождение – это комплекс мер по предоставлению необходимой поддержки выпускникам интернатов для детей-сирот, направленный на их успешную адаптацию в новом социуме и плавному переходу к самостоятельной жизни [1; 6].

В Российской Федерации проблема постинтернатного сопровождения детей-сирот, покидающих учреждение социальной сферы, где они провели много лет, становится всё более актуальной, особенно в контексте тех проблем, с которыми сталкиваются интерны, в частности проблем социальной адаптации и защиты своих прав. Нормативно-правовая база, регламентирующая защиту прав детей и поддержку их адаптации, включает следующие документы.

1. *Конвенция о правах ребенка*: этот международный документ подчеркивает право каждого ребенка на защиту и поддержку, включая право на образование и социальную защиту.⁹

2. *Федеральный закон от 24.07.1998 №124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации» (в редакции от 28.12.2024)* определяет основные принципы защиты прав детей и обязанности государства по их обеспечению.

3. *Федеральный закон от 28.12.2013 №442-ФЗ "Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации" (в редакции от 26.12.2024)* регламентируют порядок работы учреждений, занимающихся постинтернатным сопровождением.

4. *Федеральный закон от 21 декабря 1996 года № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей».*

5. *Постановление Правительства Российской Федерации от 24 мая 2014 года № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей».*

Несмотря на наличие регламентирующих документов, реальная ситуация демонстрирует множество проблем, связанных с отсутствием единой системы сопровождения, недостаточным финансированием и дефицитом квалифицированных специалистов. В некоторых регионах отсутствуют специализированные центры постинтернатного сопровождения, а действующие центры не имеют достаточных ресурсов для обеспечения всем детям необходимых услуг постинтернатного сопровождения. Это приводит к тому, что выпускники интерната, неподготовленные к самостоятельной жизни, не могут успешно социализироваться в новых сообществах, рационально организовать свою жизнь и справиться с возникающими перед ними проблемами [7].

Результаты исследования

Экспериментальное исследование постинтернатной адаптации обучающихся было проведено автором в 2024–2025 учебном году на базе ГБОУ «Школа №1811 «Восточное Измайлово» г.Москва, где обучаются дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, которые выпустились из интерната в 2024 году. Выборку составили 43 подростка в возрасте 18-20 лет.

⁹«Конвенция о правах ребенка» (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990).

Какие трудности вы испытали после выпуска из детского дома? (Укажите несколько вариантов ответа из предложенного списка или добавьте свой вариант)

43 ответа

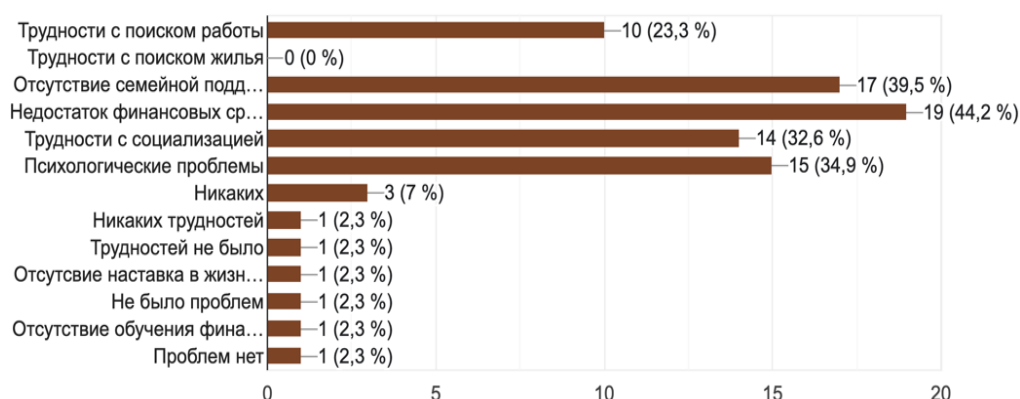

Рисунок 1 – Проблемы социальной адаптации выпускников интернатов социальной сферы

Результаты исследования показывают, что 60% бывших воспитанников интернатов отмечают серьезные трудности, которые они испытывают с получением профессионального образования, трудоустройством и социальной интеграцией. Среди основных проблем, мешающих полноценной адаптации, выпускники интернатных учреждений социальной сферы отметили: «Недостаток финансовых средств» (44,2 %); «Отсутствие семейной поддержки» (39,5%); «Психологические проблемы» (34,9%); «Трудности с социализацией» (32,6%) (рисунок 1).

Таким образом бывшие воспитанники интернатных учреждений социальной сферы сталкиваются с комплексом серьезных проблем в процессе интеграции в новые социальные группы и адаптации к самостоятельной жизни. К таким проблемам относятся сложности с трудоустройством, полное отсутствие семейной поддержки, недостаток финансовых ресурсов и трудности с управлением финансами, а также выраженные психологические проблемы, которые проявляются после выпуска [3; 4].

Сложности с разрешением этих проблем обусловлены рядом факторов и в свою очередь порождают новые проблемы.

1. Проблема с трудоустройством:

- недостаток навыков – отсутствие профориентации, практических навыков поиска работы и низкий уровень общего и/или профессионального образования;
- ограниченность социальных связей, которые могли оказать помощь в трудоустройстве;
- стигматизация – предвзятое отношение некоторых работодателей к выпускникам интернатов.

2. Отсутствие семейной поддержки:

- нет «подушки безопасности» – лишение моральной и материальной поддержки, к которой можно обратиться в трудной жизненной ситуации;
- дефицит опыта, обычно получаемого в семье – несформированность бытовых навыков и навыков эффективной коммуникации, навыков предотвращения и разрешения конфликтов и других;
- эмоциональная изоляция: чувство одиночества из-за отсутствия близких семейных связей.

3. Недостаток финансовых средств:

- низкая финансовая грамотность – отсутствие навыков бюджетирования, планирования и управления финансовыми средствами;
- нестабильный доход – из-за проблем с трудоустройством часто заняты на низкооплачиваемых и/или временных работах;
- уязвимость – высокий риск стать жертвой мошенничества;
- минимальный капитал: недостаточность средств для самостоятельного старта.

4. Психологические проблемы:

- травматический опыт – последствия пережитого насилия, пренебрежения или потери родителей;
- нарушения привязанности – трудности в построении доверительных отношений;
- низкая самооценка – чувство неуверенности и неполноценности;
- сложность адаптации – неумение самостоятельно принимать решения и справляться с ответственностью после регламентированной жизни в интернате;
- риск зависимостей – повышенная склонность к алкогольной, наркотической или игровой зависимости как способу совладения со стрессом.

В целом, представленные проблемы не только серьёзны сами по себе, но и тесно взаимосвязаны, что создаёт замкнутый проблемный круг, из которого бывшим воспитанникам интернатов крайне сложно вырваться без комплексной и многосторонней поддержки [4]. Важную роль в интеграции детей-сирот в сообщество за рамками интернатных связей и плавном переходе к самостоятельной жизни играет постинтернатное сопровождение, которое может предоставить им необходимую поддержку в достижении

реальной автономии и интеграции с новым социумом, являясь не просто желательной, а критически необходимой системой поддержки на этом трудном пути.

Что было бы вам нужно для успешной адаптации к жизни после выпуска из детского дома? (Укажите несколько вариантов ответа ...женного списка или добавьте свой вариант)

43 ответа

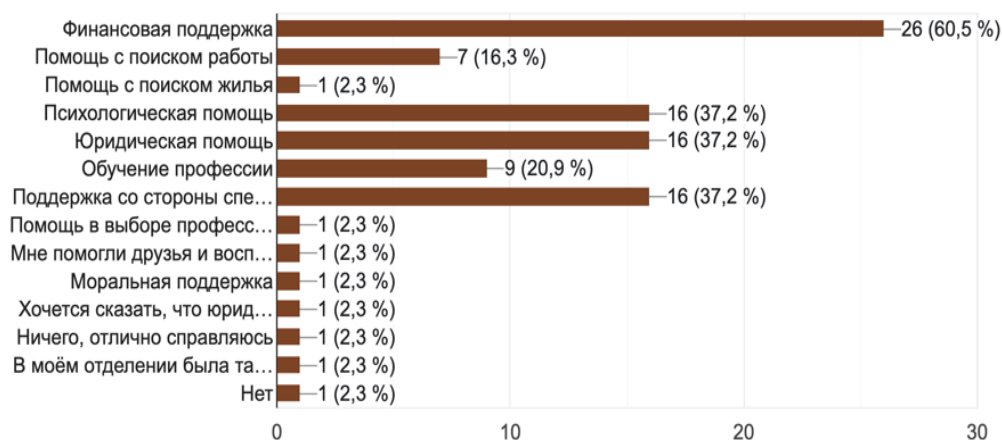

Рисунок 2 – Актуальность направлений постинтернатной поддержки выпускников интернатов социальной сферы для их успешной социальной адаптации

По мнению выпускников, выраженному в ходе экспериментального исследования, для успешной адаптации к постинтернатной жизни наибольшее значение для них имеет финансовая поддержка (60,5%), психологическая (37,2%) и юридическая помощь (37,2%), помощь специалистов социальных служб (37,2%), а также помощь в получении профессии (рисунок 2).

Обсуждение результатов

Для обеспечения эффективности постинтернатного сопровождения детей-сирот требуется комплексное правовое регулирование этой деятельности и реализация целенаправленных практических мероприятий.

Необходимость правового регулирования обусловлена потребностью перехода от разрозненных инициатив к системной, гарантированной и стандартизированной поддержке выпускников интерната. Регулирование должно охватывать следующие аспекты данной деятельности [7].

1. *Объём и характер услуг постинтернатного сопровождения.* Чёткое определение минимального и обязательного перечня услуг (жилищная, образовательная, трудовая, медицинская, психологическая, юридическая помощь) для обеспечения равного доступа выпускников к поддержке независимо от региона или учреждения.

2. *Сроки и условия сопровождения.* Установление обязательного периода постинтернатного сопровождения (например, до достижения выпускником возраста 23-25 лет) с возможностью его пролонгации, в зависимости от успешности и длительности адаптационного процесса.

3. *Субъекты и координация.* Определение ответственных за сопровождение органов и организаций (социальная защита, органы опеки, службы занятости, НКО) и разработка механизмов их межведомственного взаимодействия для создания бесшовной системы поддержки.

4. *Финансирование.* Закрепление стабильных источников финансирования на федеральном и региональном уровнях для обеспечения устойчивости и полной масштабности программ сопровождения.

5. *Права выпускников.* Гарантирование законодательно закреплённого права выпускника на постинтернатное сопровождение и его участие в формировании индивидуального плана постинтернатного сопровождения.

6. *Мониторинг и оценка.* Разработка и внедрение критериев и механизмов для систематической оценки эффективности реализации программ сопровождения, чтобы своевременно корректировать предоставляемую помощь и улучшать адаптационный процесс.

Параллельно с правовым регулированием, практические меры постинтернатного сопровождения должны быть индивидуально ориентированными и охватывать следующие ключевые направления.

1. *Индивидуальное сопровождение (кейс-менеджмент).* Закрепление за каждым выпускником индивидуального куратора или социального наставника, который помогает в составлении и реализации персонального плана адаптации, координирует все виды помощи и выступает доверенным лицом выпускника интерната.

2. *Жилищная поддержка.* Помощь в получении и обустройстве положенного сироте жилья, а также обучение навыкам самостоятельного ведения хозяйства и управления коммунальными платежами.

3. *Образовательная и профессиональная ориентация.* Помощь в выборе учебного заведения, получении востребованной профессии, развитие навыков поиска работы, подготовки резюме и прохождении собеседований.

4. *Психологическая помощь и социальная адаптация.* Индивидуальные и групповые консультации психолога, тренинги по развитию социальных и коммуникативных навыков, формирование адекватной самооценки и обучение методам повышения стрессоустойчивости.

5. *Юридическая поддержка и защита прав.* Бесплатные консультации по всем юридическим вопросам, помощь в оформлении документов и защите законных интересов выпускников интернатов.

6. *Финансовая грамотность.* Обучение основам управления личным бюджетом, сбережениям, предотвращению финансового мошенничества и рациональному использованию финансовых ресурсов.

7. *Наставничество и сообщества.* Формирование системы добровольного наставничества и создание поддерживающих сообществ бывших воспитанников для обмена опытом и взаимопомощи.

Таким образом, эффективная система постинтернатного сопровождения требует синергии надёжной правовой базы, обеспечивающей системность и гарантированность поддержки, и комплексных, индивидуально-ориентированных практических мер, направленных на преодоление специфических трудностей выпускников и их успешную полноценную интеграцию в общество [2].

Постинтернатная адаптация является не просто этапом, а критически важным периодом в жизни выпускников интернатных учреждений социальной сферы, во многом определяющим их дальнейшую судьбу. Этот процесс сопряжён со сложными психологическими вызовами, которые коренятся в особенностях институционального воспитания в интернатах для детей-сирот и влияют на все сферы становления личности. Дефицит эмоциональной регуляции, размытость идентичности, неразвитость социальных компетенций, незаживающие травмы привязанности и выученная беспомощность – всё это создаёт серьёзные барьеры на пути к самостоятельности, успешной социализации и самореализации [2; 4].

Предлагается модель психолого-педагогического сопровождения выпускников интернатных учреждений социальной сферы в постинтернатной адаптации в общеобразовательной организации, которая включает следующие компоненты.

1. *Диагностика особенностей и потребностей выпускников:* определение сильных сторон, интересов, склонностей и трудностей, с которыми сталкиваются выпускники интерната при выборе профессии и обучении.

2. *Разработка программы адаптации:* составление плана развития и обучения, который учитывает особенности каждого обучающегося и его потребности. Программа может включать обучение навыкам саморегуляции, коммуникации, целеполагания и планирования.

3. *Организация психолого-педагогического сопровождения:* обеспечение мониторинга процесса адаптации и поддержки обучающихся в решении возникающих проблем и трудностей. Сопровождение может осуществляться через индивидуальные и групповые занятия, консультации с психологами и педагогами.

4. *Взаимодействие с профессиональными учебными заведениями:* установление контактов с представителями образовательных организаций профессионального образования, организация встреч и презентаций для обучающихся, информирование о возможностях обучения и перспективах трудоустройства после окончания образовательной организации.

5. *Создание условий для успешной социализации и профессионального развития выпускников:* организация мероприятий и программ, направленных на развитие навыков межличностного общения, формирование активной жизненной позиции и повышение мотивации к обучению и трудоустройству.

6. *Оценка эффективности модели адаптации:* проведение мониторингов и анализ результатов адаптации выпускников, выявление успешных практик и подходов для их дальнейшего применения.

В качестве примера комплексного решения проблемы постинтернатного сопровождения выпускников учреждений социальной сферы приведём опыт создания «Службы постинтернатного сопровождения» на базе ГАПОУ «Бузулукский строительный колледж» г.Бузулука.¹⁰

Основными направлениями деятельности службы являются следующие:

- оказания социальной, психологической, педагогической, правовой, консультативной и иной помощи студентам сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, и лицам из их числа;

- разработка и реализация индивидуальных программ социальной адаптации студентов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей и лиц из их числа;

- участие в работе по профессиональной ориентации и устройстве на работу студентов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей и лиц из их числа;

- оказание содействия в обеспечении защиты прав и законных интересов студентов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей и лиц из их числа;

- привлечение государственных, муниципальных и негосударственных органов и организаций (социальной защиты населения, здравоохранения, образования, службы занятости и других), а также общественных организаций и объединений к решению вопросов социальной адаптации обучающихся детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей и лиц из их числа, и координация их деятельности в этом направлении.

¹⁰Создана на основании постановления Правительства от 3 ноября 2011 г. № 1077-п «О порядке постинтернатного сопровождения в Оренбургской области выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в возрасте от 18 до 23 лет»

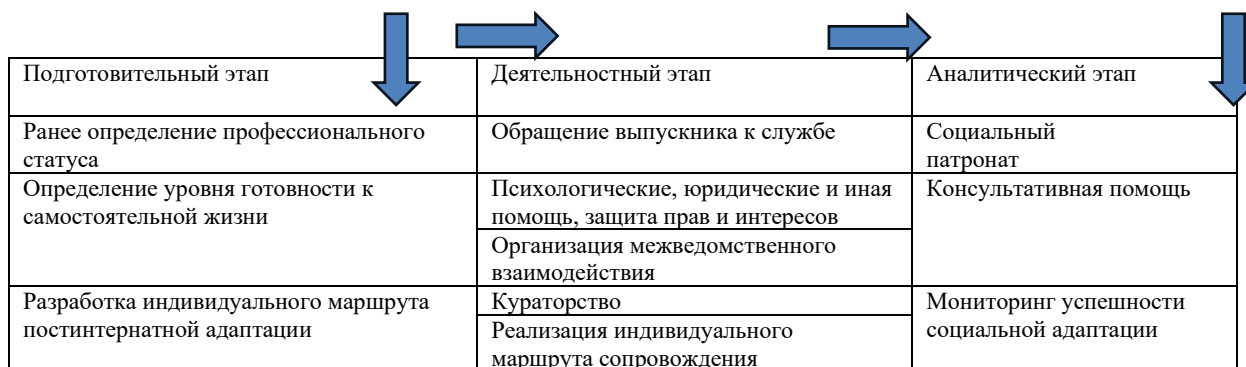

Рисунок 3 – Алгоритм помощи в постинтернатном сопровождении выпускников интернатных учреждений социальной сферы

Работа «Службы постинтернатного сопровождения» на базе ГАПОУ «Бузулукский строительный колледж» организована в соответствии с алгоритмом, представленным на рисунке 3.

Закключение. Адаптация выпускников не будет успешной, если не обеспечить им целенаправленное, индивидуализированное и долгосрочное психологическое сопровождение этого процесса. Такое сопровождение должно ориентироваться не только на устранение текущих проблем, но и на развитие внутренних ресурсов личности, формирование адекватной самооценки, укрепление навыков эмоциональной регуляции, обучение конструктивным копинг-стратегиям и создание поддерживающей социальной среды [5].

Признание уникальности психологических потребностей данной категории молодых людей и инвестиции в разработку эффективных программ психологической помощи – это не только вопрос социальной справедливости, но и вклад в стабильность и благополучие общества в целом. Только комплексный подход, включающий работу с прошлыми травмами, развитие ключевых жизненных навыков и создание сети поддерживающих отношений, позволит выпускникам интернатов преодолеть трудности и обрести полноценное место в мире, став активными и самостоятельными членами социума.

Дальнейшие исследования и практические разработки в этой области остаются жизненно важными для обеспечения успешного будущего молодым людям, начинающим самостоятельную жизнь после интерната.

Список использованных источников:

1. Владимирова Н.В., Спаньярд Х. Шаг за шагом индивидуальное консультирование выпускников детских домов и школ интернатов. – М. Генезис, 2007.
2. Золкин А.Л. Современные инфокоммуникационные технологии для психологической реабилитации и социальной адаптации участников военных действий / А.Л. Золкин, Е.А. Левина, И.В. Положенцева / Учебное пособие для вузов. Санкт-Петербург, 2025. – EDN: ZSQBQR
3. Кусаин, А.Х. Трудности, возникающие у выпускников детского дома при вхождении в самостоятельную жизнь / А. Х. Кусаин. // Молодой ученый. – 2021. – №10 (352). – С. 164-168.
4. Профиль саморегуляции и социальной активности в портрете учащейся российской молодежи / О.В. Бубновская, В.В. Калита, А.В. Лысова, М.Л. Соколовский // Национальный психологический журнал. – 2024. – Т. 19, № 1. – С. 11-22. – DOI 10.11621/nprj.2024.0101. – EDN JBWYEP.
5. Психолого-педагогические технологии обучения в эпоху цифровизации / Под общей редакцией С.Е. Шишова и Г.Н. Юлиной / Учебник. Москва. Ваш формат. 2025. 517 с.
6. Рожков М.И. Байборонова Л.В., Сапожникова Т.Н. Взаимодействие субъектов постинтернатного сопровождения детей. Методическое пособие. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010.
7. Цветкова К.А. Правовые аспекты постинтернатного сопровождения воспитанников учреждений социальной сферы / XVI Всероссийский форум молодых ученых. Дни студенческой науки 2025. Сборник статей №2. Материалы научно-практической конференции. – С. 779-784.

УДК 37.018.1

Чеснова Е.

студент 4 курса направления 44.03.02, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством **Положенцева И.В.**

кандидат экономических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

ПСИХОПРОФИЛАКТИКА ТРЕВОЖНОСТИ У ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы тревожности иностранных студентов в условиях межкультурной адаптации в российских вузах. Дается анализ понятий «тревожность», «межкультурная адаптация» и «психологическая профилактика», приводятся определения тревожности как устойчивой личностной характеристики. Обзор отечественной литературы включает исследования советских и российских авторов, которые впервые начали изучать проблемы тревожности и адаптации, таких как Василюк Ф.Е., Прихожан А.М., а также работы современных авторов: Каштановой Е.С. и Вдовиной Н.А., Тихоновой Е.Г. и др. Особое внимание уделено эмпирическим исследованиям снижения тревожности у студентов посредством психотехник: приводятся данные экспериментального тренинга по развитию стрессоустойчивости, в

результате отмечено значительное снижение уровня тревожности студентов. В заключении подчеркивается необходимость комплексного психопрофилактического подхода (когнитивно-поведенческая терапия, тренинги по стрессоустойчивости, медитативные практики) для психологического благополучия иностранных студентов.

Ключевые слова: тревожность, межкультурная адаптация, психопрофилактика, иностранные студенты, когнитивно-поведенческая терапия, стрессоустойчивость, медитация.

PSYCHOPROPHYLAXIS OF ANXIETY AMONG INTERNATIONAL STUDENTS IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

Abstract. The article discusses the problems of anxiety of foreign students in the context of intercultural adaptation in Russian universities. The concepts of "anxiety", "intercultural adaptation" and "psychological prevention" are analyzed, and definitions of anxiety as a stable personal characteristic are given. The review of Russian literature includes studies by Soviet and Russian authors who first began to study the problems of anxiety and adaptation, such as Vasilyuk F. E., Prikhozhan A.M., as well as works by modern authors: Kashtanova E.S. and Vdovina N.A., Tikhonova E.G. and others. Special attention is paid to empirical studies of anxiety reduction in students through psychotechnics: data from experimental training on stress tolerance development are presented, as a result, a significant decrease in students' anxiety levels was noted. In conclusion, the need for a comprehensive psychoprophylactic approach (cognitive behavioral therapy, stress tolerance training, meditation practices) is emphasized for the psychological well-being of international students.

Keywords: anxiety, intercultural adaptation, international students, psychological prevention, cognitive-behavioral therapy, resilience training, meditation.

Введение

Понятие тревожности. Тревожность в психологии определяется как эмоциональное состояние, которое проявляется чувством беспокойства, внутренним напряжением, неопределённым страхом, ожиданием угрозы или беды, даже в ситуациях, когда объективной опасности нет.

Так А.М. Прихожан отмечает, что тревожность проявляется как эмоциональный дискомфорт, предчувствие опасности, что является выражением неудовлетворенности значимых потребностей человека; тревожность при этом – это устойчивое личностное образование, которое сохраняется длительное время. В широком понимании тревожность рассматривается как состояние повышенной нервозности и напряжения, затрудняющее адаптивное поведение. Тревожность часто разделяют на ситуативную (реактивную) и личностную; обе формы могут влиять на академическую успеваемость и межличностные отношения студентов.

Межкультурная адаптация. Под межкультурной адаптацией понимают процесс погружения индивидуума в новую культуру и освоения ее норм, ценностей и образцов поведения. Подлинная адаптация предполагает социально-психологическую интеграцию в новую среду без потери идентичности собственной культуры. Успешная адаптация требует преодоления языкового барьера, социальной изоляции, адаптации к климату и бытовым условиям. Исследования показывают, что главными трудностями для иностранных студентов являются незнание русского языка (43,8%) и климатические условия (37,2%), что приводит к сложностям в общении и обучении [15].

Проблемы дезадаптации усиливают напряжение и чувство одиночества: у студентов наблюдаются ограниченность контактов, дефицит общения, чувство отверженности, растущая путаница и усиление тревожных переживаний [6]. Подобные неблагоприятные переживания могут перерасти в агрессивные или депрессивные реакции.

Таким образом, межкультурная адаптация – многоаспектный процесс, влияющий на эмоциональное состояние студента и требующий своевременной психологической поддержки.

Психологическая профилактика тревожности. Психопрофилактика в данном контексте – это система превентивных мер и программ, направленных на предупреждение развития высокого уровня тревожности и формирование психологического благополучия. Она включает обучение стратегиям копинга, релаксационные техники, обучение навыкам позитивного мышления и разрешения конфликтов. В образовательной практике разрабатываются программы профилактики тревожности, которые, по результатам исследований, показали заметное снижение общего уровня тревожности у обучающихся [11; 12; 17]. Применение психологических тренингов (путем игр, упражнений, элементов гипноза) помогает иностранным студентам разработать индивидуальные антистрессовые стратегии и значительно снизить эмоциональное напряжение.

Современные методы снижения тревожности. Когнитивно-поведенческая терапия (КПТ) признана одним из наиболее эффективных методов профилактики и коррекции тревожных расстройств. Она обучает выявлять и изменять иррациональные установки, заменяя негативные мысли более адекватными представлениями о себе и ситуации. КПТ в структурированном формате – индивидуальном или групповом – демонстрирует устойчивые долгосрочные эффекты в снижении тревожности и повышении эмоциональной устойчивости обучающихся [9; 11; 17].

Другим направлением являются тренинги развития стрессоустойчивости и эмоциональной регуляции. Например, Каштанова Е.С. и Вдовина Н.А. показали, что специально разработанная программа психологического сопровождения студентов, включающая упражнения по снятию напряжения, ролевые игры, дыхательные практики и элементы релаксации, приводит к достоверному снижению тревожности и улучшению эмоционального состояния участников [5]. Аналогичные данные представлены в исследовании Михайловой О.Б. и Косталес А.И., где подчеркивается значение тренингов межкультурной адаптации, направленных на осознание стереотипов и развитие копинг-стратегий [6].

Отдельное внимание уделяется медитативным практикам и техникам осознанности, которые доказали свою эффективность в снижении уровня тревожности и стресса. Так, Гончаровская В.П. и Пашкова Н.В. отмечают, что регулярные занятия медитацией и дыхательные упражнения способствуют улучшению концентрации, снятию эмоционального напряжения и общему укреплению психического здоровья студентов [4]. Эти результаты подтверждают необходимость включения практик и релаксации в комплексные программы психопрофилактики тревожности у иностранных студентов [12].

Теоретический обзор

В отечественной психологии тревожности уделялось много внимания уже в советский период. Так Ф.Е. Василюк анализировал психологию переживания, подчёркивая роль субъективного опыта [2]. А.М. Прихожан рассматривала тревожность как базовый компонент личности и разрабатывала программы психокоррекции и психопрофилактики тревожности [7; 8].

В постсоветский период российские исследователи продолжили эти традиции. В частности, А.М. Прихожан описывает причины и возрастную динамику школьной тревожности и способы её профилактики, Б.С. Волков и др. описывали возрастную динамику тревожных проявлений, а С.С. Степанов – общетеоретические аспекты тревоги [9; 10; 3; 14].

Современные российские исследования фокусируются на психопрофилактических программах и межкультурных особенностях. Например, в педагогических вузах обсуждаются тренинги по снижению тревожности: Е.С. Каштанова и Н.А. Вдовина представили результаты эксперимента, проведённого в 2021 г. в организации среднего профессионального образования – Саранском техникуме сферы услуг и промышленных технологий, где разработанный ими психологический тренинг с упором на развитие стрессоустойчивости показал *эффективность реализации программы снижения тревожности*. В исследовании авторов отмечено, что после тренинга статистически достоверно повысилось число студентов с низким уровнем тревожности, а высокая и средняя тревога уменьшилась до нуля [5]. Аналогично в Астраханском государственном техническом университете – АГТУ реализовали психологическую программу для иностранных студентов, включающую упражнения с элементами Эриксоновского гипноза и копинг-стратегии; после этого отмечено существенное улучшение эмоционального состояния студентов.

Е.Г. Тихонова проанализировала адаптацию иностранных студентов Саратовского государственного технического университета; в ее работе выделены основные факторы дезадаптации (прежде всего языковой барьер и климатические условия) и даны рекомендации по поддержке студентов в новой среде [15]. Также были разработаны программы подготовки преподавателей к межкультурной коммуникации и психологической адаптации обучающихся.

В ряде работ стран СНГ, например, в Кыргызстане и Узбекистане исследователи изучали психологические факторы усталости, тревоги и межкультурного стресса у студентов-медиков, обучающихся за рубежом. Г. А. Абдраева и Н. М. Джумалиева (Кыргызстан) выявили, что высокий уровень учебной и социальной тревожности у студентов связан с адаптационными трудностями, языковым барьером и дефицитом межкультурной поддержки со стороны вуза [1].

В Узбекистане аналогичные результаты представили Н.Ш. Рахимова и М.Х. Каримова, которые описали проявления тревоги и эмоционального выгорания у студентов медицинских вузов, обучающихся в других странах СНГ, подчёркивая необходимость психолого-педагогического сопровождения и межкультурной поддержки [13].

Также в работе Тураевой С.К. отмечается, что межкультурный стресс и неопределенность социальных ожиданий являются ключевыми факторами эмоциональной дезадаптации студентов из Центральной Азии, и только системная поддержка вуза позволяет снизить уровень тревожности и повысить академическую мотивацию [16]. В целом отечественные исследования приводят к выводу, что комплексный подход к снижению тревожности обучающихся (от теоретического анализа личностных особенностей до практических тренингов) наиболее продуктивен. Как отмечено в ряде работ, только *комплексный подход* к профилактике и коррекции тревожности может обеспечить психологическое благополучие студентов в процессе обучения.

Эмпирическое исследование по снижению тревожности

В качестве примера эмпирической работы можно привести исследование Каштановой и Вдовиной, проведенное в 2021 г. в Саранском техникуме. В эксперименте участвовало 22 обучающихся (возраст 14-17 лет), для которых разработали и реализовали 3-месячный психологический тренинг (еженедельные занятия) по снижению тревожности. На констатирующем этапе всем студентам проводилась диагностика тревожности (шкалы Спилбергера-Ханина, Кондаша). После внедрения тренинга была проведена повторная диагностика.

Результаты показали заметное улучшение. Так, по методике Спилбергера-Ханина (ситуативная и личностная тревожность) после тренинга у 100% студентов оказался низкий уровень ситуативной тревожности и нулевые доли высоких/средних уровней; в отношении личностной тревожности доля студентов с высоким уровнем снизилась с 4,5% до 0%, а с низким – выросла с 50% до 77%. Это отражено в Таблице 1 ниже.

Таблица 1 – Уровни личностной тревожности (по Спилбергеру) у студентов до и после тренинга, %.

Уровень	До	После
Высокий	4,5	0,0
Средний	45,5	23,0
Низкий	50,5	77,0

Статистическая проверка с помощью критерия Вилкоксона выявила достоверное снижение тревожности на контрольном этапе по всем методикам ($p < 0,01$). Авторы делают вывод, что полученные данные «указывают на эффективность применения специально разработанного психологического тренинга для снижения тревожности обучающихся». Таким образом, описанный пример демонстрирует, что инструменты психопрофилактики (тренинг по развитию стрессоустойчивости, навыков общения и разрешения конфликтов) приводят к значимому улучшению эмоционального состояния у студентов. Подобные результаты приведены и других исследованиях: например, в условиях пандемии COVID-19 у иностранных студентов было выявлено усиление социальной тревоги, что подчеркнуло необходимость мер психологической поддержки (открытые данные COVID-опросов также показывают рост тревожных реакций).

В связи с полученными данными (см. Табл. 1) и статистически значимым снижением уровня тревожности (критерий Вилкоксона, $p < 0,01$) целесообразно внедрить краткосрочную мультикомпонентную программу психопрофилактики. Программа должна включать скрининг и мониторинг тревожности, интенсивную языковую поддержку (курсы и «buddy»-система), групповые КПТ-тренинги и практические занятия по межкультурной коммуникации (ролевые игры, фасилитированные дискуссии). Адаптивные ИИ-модули и VR-сессии целесообразно использовать как дополнение для безопасной отработки коммуникативных сценариев. Эффективность оценивают посредством пред-/пост-тестирования, анализа посещаемости и качественной обратной связи от участников.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что тревожность у иностранных студентов в условиях межкультурной адаптации формируется под воздействием множества факторов (языковой барьер, социальная изоляция, конфликты культур), и представляет угрозу учебному успеху и психическому здоровью. Важно, что тревожность рассматривается как свойство личности, способное к тренировке и коррекции. Для профилактики тревожности требуется комплексный междисциплинарный подход. Современные программы психопрофилактики совмещают когнитивно-поведенческие методы, тренинги по развитию стрессоустойчивости, релаксацию и медитативные практики. Эмпирические примеры свидетельствуют о том, что после введения таких программ у студентов значимо снижаются показатели тревожности и повышается психологическая адаптация.

Таким образом, предлагаемая модель психопрофилактики должна включать работу над навыками когнитивной перестройки, обучение эффективному межкультурному общению и копинг-стратегиям, а также применение медитативных техник для релаксации. Как отмечают исследователи, именно *только комплексный подход к профилактике и коррекции тревожности может обеспечить психологическое благополучие* иностранных студентов. Институционализация таких программ на уровне университетов (психологические службы, тренинги адаптации) позволит повысить стрессоустойчивость студентов разных культур и улучшить их общий психоэмоциональный фон.

Список использованных источников:

1. Абдраева Г.А., Джумалиева Н.М. Психологические особенности адаптации студентов-медиков, обучающихся за рубежом // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2021. № 5. С. 142-147.
2. Василюк Ф.Е. Психология переживания. СПб: Питер. 2025. – 288 с.
3. Волков Б.С. Психология юности и молодости: учеб. пособие для вузов / Б.С. Волков. – Москва: Академический проект; Триста, 2006. – 254 с.
4. Гончаровская В.П., Пашкова Н.В. Влияние практики медитации на уровень стресса // Вестник науки и образования. 2024. № 2. С. 36-45.
5. Каштанова Е.С., Вдовина Н.А. Снижение тревожности обучающихся в условиях получения среднего профессионального образования // Проблемы современного педагогического образования. 2021. С. 124-131.
6. Михайлова О.Б., Косталес А.И. Проблемы межкультурной адаптации иностранных студентов и их проявления в стратегиях адаптивности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2011. – № 3. – С. 29-33.
7. Прихожан А.М. Школьная тревожность и самооценка в старшем подростковом возрасте. 1984.
8. Прихожан А.М. К построению коррекционных программ по преодолению тревожности у подростков и юношей. 1989.
9. Прихожан А.М. Причины, профилактика и преодоление тревожности // Психологическая наука и образование. 1998. № 3(2). С. 9-32.
10. Прихожан А.М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2000. – 304 с. (Серия «Библиотека педагога практика»).
11. Профиль саморегуляции и социальной активности в портрете учащейся российской молодежи / О.В. Бубновская, В.В. Калита, А.В. Лысова, М.Л. Соколовский // Национальный психологический журнал. – 2024. – Т. 19, № 1. – С. 11-22. – DOI 10.11621/npj.2024.0101. – EDN JBWYEP.
12. Психолого-педагогические технологии обучения в эпоху цифровизации / Под общей редакцией С.Е. Шишова и Г.Н. Юлиной / Учебник. Москва. Ваш формат. 2025. 517 с.
13. Рахимова Н.Ш., Каримова М.Х. Психологические факторы тревожности у студентов-медиков при обучении за рубежом // Вестник Ташкентского государственного медицинского университета. 2022. № 3. С. 58-63.
14. Степанов С.С. Тревожность и ее проявления // Семья и школа. 2014. № 1. С. 136.
15. Тихонова Е.Г. Особенности адаптации иностранных студентов в вузе региона // Регионоведение. 2019. № 24. С. 144-150.

16. Тураева С.К. Межкультурный стресс и адаптация студентов из стран Центральной Азии // Психология и образование. 2020. № 4. С. 112-118.
17. Fisak BJ, Richard D, Mann A. The prevention of child and adolescent anxiety: a meta-analytic review // Prevention Science. 2011. V.12, №3. P.255-268. DOI: 10.1007/s11121-011-0210-0.

УДК 37.015.31

Шишкова С.Ю.

кандидат психологических наук, генеральный директор АНО Социально-психологический центр «Дом» (г. Москва)

Курамшина Е.В.

заместитель генерального директора АНО Социально-психологический центр «Дом» (г. Москва)

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ SOFT SKILLS У ПОДРОСТКОВ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ

Аннотация. В данной статье описывается и анализируется специфика формирования soft skills у подростков в процессе профессиональной ориентации. Аргументируется положение о том, что многосубъектная система профориентации, целенаправленно развивающая такие ключевые soft skills, как критическое мышление, коммуникация, социальный интеллект, командная работа способствуют формированию у подростков значимых конкурентных преимуществ на рынке труда. Исследовательское поле изучения soft skills характеризуется концептуальной диффузностью, что создает широкое пространство для научной дискуссии ввиду отсутствия консолидированного, общепринятого понимания механизмов развития. Концепция интеграции soft skills в процесс профессионального самоопределения подростков должна основываться на: интегративности и кросс-функциональности навыков, контекстуальной адаптивности, практико-ориентированной цикличности, рефлексивном самоанализе и прогностической экстраполяции. Инструментарий модели 4К компетенций рассматривается как трансверсальная компетенция развития не только soft skills, но и для формирования когнитивного и социального фундамента любой познавательной, профессиональной или социальной деятельности. Наиболее релевантной предлагается полисистемная модель профориентации подростков, интегрирующая сильные стороны социокультурной и профориентационной среды: полицентричность, адаптивность, гибкость, агентность. Наиболее релевантными soft skills в процессе когнитивного освоения профессиональных норм и демонстрации поведенческой гибкости являются: командная работа, внутриличностные навыки, межличностные навыки, принятие решений, коммуникации и решение проблем.

Ключевые слова: гибкие навыки, профессиональная ориентация, коммуникативные навыки, универсальные компетенции, агентность, самоопределение, адаптивность.

THE SPECIFICS OF THE FORMATION OF SOFT SKILLS AMONG ADOLESCENTS IN THE PROCESS OF PROFESSIONAL ORIENTATION.

Abstract. This article describes and analyzes the specifics of the formation of soft skills in adolescents in the process of vocational guidance. The article argues that a multi-subject career guidance system that purposefully develops key soft skills such as critical thinking, communication, social intelligence, and teamwork contributes to the formation of significant competitive advantages in the labor market among adolescents. The research field of soft skills is characterized by conceptual diffusivity, which creates a wide space for scientific discussion due to the lack of a consolidated, generally accepted understanding of development mechanisms. The concept of integrating soft skills into the process of professional self-determination of adolescents should be based on: integrativity and cross-functionality of skills, contextual adaptivity, practice-oriented cyclicity, reflective introspection and predictive extrapolation. The toolkit of the 4K method is considered as a transversal competence for the development of not only soft skills, but also for the formation of the cognitive and social foundation of any cognitive, professional or social activity. The most relevant model is proposed to be a polysystem model of career guidance for adolescents, integrating the strengths of the socio-cultural and career guidance environment: polycentricity, adaptability, flexibility, agency. The most relevant soft skills in the process of cognitive development of professional norms and demonstration of behavioral flexibility are: teamwork, intrapersonal skills, interpersonal skills, decision-making, communication and problem solving.

Keywords: soft skills, professional orientation, communication skills, universal competencies, agency, self-determination, adaptability.

Введение

Глобализационные тенденции развития мировой экономики и торговли, обусловленные ростом производительности труда, развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и цифровизацией, а также переориентацией на экономику услуг трансформировали и принципиально изменили представление о ключевых профессиональных компетенциях, необходимых для успешной и эффективной трудовой деятельности. Значительная часть производственных процессов постепенно алгоритмизируется и систематизируется, что приводит к возрастанию роли человека как креативного субъекта профессиональной деятельности, способного эффективно и оперативно принимать нестандартные управленческие решения. Формирование неординарного, уникального и творческого подхода к трудовой деятельности в условиях современного общества становится одним из ключевых конкурентных преимуществ на рынке труда. Развитие данного подхода обеспечивается за счет совершенствования гибких навыков (soft skills), которые детерминированы личностными характеристиками индивида. Наиболее сензитивным периодом для формирования soft skills является подростковый период, что обусловлено социальными, психологическими, нейрофизиологическими и биологическими особенностями данного этапа онтогенеза.

Нейрофизиологические и биологические процессы подросткового периода характеризуются высокой степенью нейропластичности, что создает благоприятные когнитивные и нейробиологические предпосылки для формирования умений и навыков, лежащих в основе soft skills, в частности: критическое мышление, творческая самореализация, эффективная коммуникация, социальный интеллект и другие. Вместе с тем, данный возрастной этап сопровождается повышенными рисками дезадаптации и эмоционально-личностной неустойчивости, обусловленными тревожными и депрессивными состояниями, а развитие soft skills способствует эффективному разрешению межличностных конфликтов, эмоциональной саморегуляции, эмпатическому поведению, а также продуктивной адаптации к изменяющимся внешним социальным условиям.

Современное общество в контексте профессионального самоопределения подростков формирует дихотомическое противоречие между социально-экономическими потребностями, предпочтениями общества и индивидуальными профессиональными предпочтениями формирующейся личности в профессиональном развитии. Хотя данное противоречие носит объективный характер и не может быть полностью устранено современная психология и педагогика профессионального развития предлагает систему адаптационных механизмов, позволяющих минимизировать негативные последствия: личностно-ориентированный подход, комплексное психолого-педагогическое сопровождение, структурированная система профессиональной ориентации и целенаправленное развитие интегративного компонента soft skills. Непосредственно через восприятие образов осуществляется усвоение норм социального поведения и формируется социальный интеллект [6].

Актуальность выбранной темы исследования основывается на возрастающей роли soft skills в формировании многосубъектной системы профессиональной ориентации подростков в современном цифровом мире.

Целью исследования является выявление и анализ специфики формирования soft skills у подростков в процессе профессиональной ориентации.

Обзор литературы

Психологические особенности подросткового возраста в контексте аспектов самоопределения и формирования благоприятной профессиональной ориентации изучали такие ученые: Ковалев В.В., Климов Е.А., Волковский А.Н., Холл С., Сазонов Л.Д., Захаров Н.Н., Кашапов М.М., Асмолов А.Г., Чистяков Н.Н., Сахаров В.Ф., Рубинштейн С.Л. и др.

Исследованием проблематики развития «гибких навыков» (soft skills) занимались такие ученые как: Давидова В.А., Зеер Э.Ф., Раицкая Л.К., Альмейда Ф., Кентон У., Жадько Н.В., Капмос Д.Б., Черкасова И.И., Степанова Л.Н., Висхак С., Филпот Д., Шайхутдинова Х.А. и др.

Жадько Н.В. и Безруких М.М. подчеркивают невозможность формирования фиксированных и унифицированных soft skills, поскольку детерминанты их развития формируются в процессе аутентичных социальных практик, опосредованных индивидуальными когнитивными и психологическими стилями, а также атрибутами личности, что требует постоянной гибкости и адаптивности. При этом авторы отмечают существование определенных психолого-педагогических алгоритмов развития soft skills, выполняющих не определяющую, а вспомогательную функцию в данном процессе [1].

Суччи К., Конови М., Эндрюс Дж. и Хигсон Х. констатируют возрастающее признание и значимости развития soft skills в образовательной и бизнес-среде, отмечая повышение осознания компаниями ценности soft skills в профессиональной деятельности. Однако Деде К. и Роблес М. указывают на дискуссионный характер определения степени влияния soft skills в достижении профессионального и личного успеха, что обусловлено отсутствием стандартизированных подходов к классификации и сравнительной оценке [8].

Концепция и подходы развития soft skills в профессиональном самоопределении

Концепция развития soft skills в профессиональном самоопределении базируется на психолого-педагогических моделях и теориях профессионального становления, учитывающих динамические характеристики личностного развития. Социально-когнитивная теория Лента Р., Брауна С. и Зейдлера Д. непосредственно раскрывает механизмы влияния soft skills на аспекты профессионального самоопределения через триаду ключевых элементов: самоэффективность, ожидаемый результат и личные цели [2]. Soft skills выполняют триединую функцию: источников формирования профессиональной самоэффективности, инструментов адаптации к профессиональной среде и средств преодоления карьерных барьеров. Такие soft skills как критическое мышление и эффективная коммуникация, трансформируются в профессиональные компетенции: способность решать комплексные задачи, организовывать рабочую деятельность и проводить результативные переговоры, что в когнитивном аспекте повышает уровень профессиональной самоэффективности. Аналогичная положительная корреляция наблюдается между:

- адаптивностью и эмоциональным интеллектом с прогнозированием профессиональных результатов;
- креативностью, ответственностью и мотивацией с процессом постановки персональных карьерных целей.

Важно отметить, что эффективность когнитивной профессионально-поведенческой структура развития soft skills детерминирована формированием ключевых факторов будущей профессиональной деятельности через перманентное применение soft skills в практике успешной реализации.

Концепция развития soft skills в профессиональном самоопределении опирается на несколько ключевых принципов, среди которых:

1. Интегративность и кросс-функциональность навыков развития soft skills. Наиболее эффективным механизмом развития soft skills является синергетическое взаимодействие взаимосвязанных компетенций в процессе параллельного применения.

2. Контекстуальная адаптивность на трех уровнях: онтогенетическом, профессиональном и социокультурном. Психолого-педагогические модели должны учитывать личностные возрастные особенности индивида, отраслевую специфику желаемой профессиональной деятельности, а также социокультурную среду, паттерны индивидуалистического и группового поведения личности.

3. Практико-ориентированная цикличность и рефлексивный самоанализ. Развитие soft skills должно непрерывно сопровождаться получением конкретного опыта и экспериментированием, с анализом ошибок, затруднений и концептуализацией успешных стратегий.

4. Прогностическая экстраполяция. Soft skills способны успешно формировать когнитивную гибкость, стрессоустойчивость, корректировать поведенческую активность в повседневной жизни, поэтому необходима циклическая реинтеграция soft skills в новые привычные контекстуальные условия.

Современный образовательный процесс должен выстраивать строгую иерархическую систему целей, направленных на формирование фундаментальных навыков, ключевых знаний, способностей к практическому применению, с обязательным учетом индивидуально-личностных характеристик. Модель 4К компетенций (коммуникация, кооперация, критическое мышление и креативность) представляет собой приоритетное направление трансформации педагогических практик, поскольку динамическая дифференциация и синергетическое взаимодействие данных компетенций позволяет рассматривать данную модель как: многоуровневую трансверсальную компетенцию с междисциплинарным характером, демонстрирующую высокую степень универсальности, проявляющую адаптационный потенциал и интегрированную способность в различные сферы жизнедеятельности [3].

Ключевую роль в данной системе занимают коммуникативные компетенции, которые предстают основным каналом образовательного процесса, инструментом социального взаимодействия и механизмом выражения личностной идентичности (через проявления креативности и критического мышления). Кооперация опосредована социальным интеллектом, эмпатической восприимчивостью, коммуникативной гибкостью и групповой субъектностью, позволяет осуществлять коллективную целенаправленную выработку норм и решений. Критическое мышление способствует формированию обоснованных умозаключений, осуществлению саморефлексии, адекватной оценки информации, когнитивной гибкости и преодолению когнитивных искажений. Креативность обеспечивает генерацию инновационных идей и подходов, основываясь на дивергентных стратегиях мышления, использование ассоциативных механизмов, мотивационного потенциала и готовности к риску.

Особо следует подчеркнуть, что модель 4К представляет собой не просто инструмент развития soft skills, а трансверсальную метакомпетенцию, которая формирует социально-психологические навыки, создает когнитивную основу любой познавательной, профессиональной или социальной деятельности, с акцентом на социальные аспекты адаптации, обучения, процессов принятия решений, решения задач.

Раицкая Л.К. и Тихонова Е.В. дают наиболее универсальное определение понятия soft skills, которое заключается в комплексе надпрофессиональных навыков (компетенции, которые приобретаются через обучение и практику), устойчивых личностных характеристик, индивидуальных психологических атрибутов, востребованных на современном рынке труда в качестве основы для развития hard skills (профессиональных навыков) [4].

Авторы разрабатывают прикладной подход, предполагающий некоторую иерархическую организацию элементов soft skills, когда психологические атрибуты личности являются основой для формирования устойчивых характеристик, которые в последствии трансформируются в комплекс надпрофессиональных навыков. Однако авторы не проводят однозначной концептуальной границы между понятиями «личностные характеристики», «навыки» и «психологические атрибуты», что создает терминологическую неоднозначность. Согласно данному подходу, целеполагание в развитии soft skills детерминировано внешней средой, а именно востребованностью профессиональных компетенций на рынке труда, что приводит к существенной зависимости процесса личностного развития от переменной экономической конъюнктуры и трудового рынка. При этом в определении прослеживается функциональная зависимость soft skills от hard skills, когда гибкие навыки рассматриваются не как самостоятельная ценность, а лишь как фактор для формирования профессиональных умений, недооценивая значимость soft skills для социально-психологической адаптации личности, формирования этико-моральных компетенций и психологического благополучия.

Раицкая Л.К. и Тихонова Е.В. считают, что превалирующей является трёхуровневая модель классификации soft skills:

1. Социально-коммуникативные навыки, ориентированные на эффективное межличностное взаимодействие, командное сотрудничество, социальную координацию (например, лидерские качества, этическая ответственность, групповая деятельность, социальная ответственность);

2. Когнитивно-аналитические навыки, ориентированные на обработку и анализ информации, решение комплексных задач и преодоление затруднений (например, тайм-менеджмент, критическое мышление);

3. Психологические атрибуты личности и эмоциональный интеллект, ориентированные на внутреннюю регуляторную адаптивность (например, мотивация, эмоциональный интеллект, гибкость и креативное мышление) [4].

Стоит подчеркнуть, что указанные категории взаимозависимы и оказывают кросс-компонентное воздействие, где синергетический эффект каждой категории элементов является системной природой soft skills, в частности: этическая ответственность, тайм-менеджмент и мотивация приводит к формированию комплексных поведенческих паттернов пунктуальности, надёжности и обязательности по выполнению задач. Навыки не находятся в изолированной среде, а создают взаимозависимые узлы компетенций из различных областей, обеспечивая глубокую интеграцию практико-ориентированной модели личностного и профессионального развития. При этом, внешняя среда системы (трудоустройство) концептуализирует и оформляет soft skills в конкретные и доступные категории, ожидая стандартизированные профессиональные поведенческие установки у соискателей. В качестве примера можно привести наиболее востребованные работодателями soft skills – командное взаимодействие и управление рабочим временем.

Однако указанная трехуровневая модель классификации soft skills, несмотря на релевантную практическую значимость и отражение сбалансированной взаимосвязи между навыками, имеет ряд методологических ограничений, во-первых, трудности в определении устойчивых характеристик психологических атрибутов личности, во-вторых, отсутствие стабилизирующих аспектов контекстуальных условий и требований.

Исследовательское поле изучения soft skills в силу ряда методологических сложностей открывает вариативное пространство для интерпретаций. Во-первых, существует выраженная концептуальная неопределенность в отсутствии единого и общепринятого понятия, определяющего границы soft skills, что выражается в невозможности построения унифицированной теории и непрекращающихся дискуссиях в научном сообществе. Во-вторых, существуют трудности в операционализации валидных инструментов оценки и измерения soft skills, а также перевода абстрактных апеллирующих понятий (например, критическое мышление, эмпатия, коммуникация) в плоскость конкретных индикаторов измерения, в силу:

- Латентной внутренней диспозиции soft skills, во многом характеризующиеся контекстом, обстоятельствами и исследователем.
- Отсутствия единой индикативной шкалы измерения.
- Высокой субъективности оценки, зависящей от исследователя.
- Довлеющих аспектов социальной желательности что искажает результаты эмпирических исследований.

В-третьих, существуют трудности в сопоставлении и сравнении данных различных исследований, в силу отсутствия единой модели, классификации и структуры soft skills, по причине различных теоретических основ, целей исследования, культурных и социальных особенностей. В-четвертых, существует сильная контекстуальная зависимость проявления soft skills, зависящая от профессиональной и культурной среды, национальных и языковых особенностей.

Интеграция soft skills в профориентационную среду подросткового возраста

Формирование soft skills в подростковом возрасте в профориентационной среде сочетает в себе уникальную специфику возрастных особенностей личности, задач психологического и профессионального развития, а также пластичностью когнитивного и психоэмоционального состояния.

Профориентационная работа с подростками может быть концептуализирована по двум ключевым направлениям: учебно-дисциплинарная модель и полисистемная модель. Учебно-дисциплинарная модель профориентации осуществляется исключительно на базе школьного обучения и обладает такими признаками как:

- Институциональная ригидность и унификация сущностного содержания;
- Подмена профориентационных целей;
- Антропологическая редукция[5].

При этом, традиционная учебно-дисциплинарная модель имеет высокий потенциал системной интеграции с повышенными рисками преобладания формального подхода, когда формируется кризис субъектности с подавлением идентичности и ответственности. Более того, учебная профориентация демонстрирует ограниченную эффективность с современными методами формирования мегакомпетенций (включая модель 4К), поскольку отсутствует пространство для экспериментальной деятельности, преобладают стандартизированные задачи, существует диссоциация от актуальных вызовов, а также искусственно ограничивается круг социальных контактов и возможности для развития командного взаимодействия.

Полисистемная модель представляет собой широкую открытую профориентационную сеть, интегрирующую образовательные и досуговые учреждения, семью, IT-платформы, общественные объединения и пр. Современная профориентационная экосистема характеризуется: активным взаимодействием с внешней средой (рынком труда), гибкой адаптацией к актуальным задачам, соединяя в себе полицентричность структурной организации и многообразие возможностей (стажировки, мастер-классы, цифровые форматы) [5]. Сетевая профориентация подростков с помощью институциональных механизмов способствует органическому росту таких ключевых soft skills как: креативность мышления, командное взаимодействие, критическое мышление, адаптивность, коммуникативность, эмоциональный интеллект.

Профориентация подросткового возраста является динамично развивающейся системой, где soft skills выступают трансформационным механизмом формирования мегакомпетенций, обеспечивая успешную социальную и профессиональную жизнь. Интеграция soft skills в систему профессиональной ориентации подросткового возраста предполагает учет требований в каждом элементе системы, а именно:

- Целеполагание должно отталкиваться не только от выбора спектра конкретных профессий, но и от полезных адаптационных и профессиональных компетенций, востребованных на рынке труда;
- Содержательные основы профессиональной деятельности должны включать анализ профессиональных сфер, с выявлением магистральных soft skills для конкретных профессий;
- Требуется активное вовлечение ключевых акторов (родители, специалисты образовательных и досуговых учреждений, психологи и т.д.);
- Широкое применение интерактивных методов развития профориентации, стимулирующих применение soft skills: кейс-методы (case-study), деловые игры, проектное обучение, симуляционные технологии и ролевые тренинги.

Вместе с тем, такие аспекты как профессиональная идентичность (профессиональная «Я-концепция»), социальная ориентация (навыки коммуникации и сотрудничества), когнитивное развитие (аналитические тренинги, кейс-методы) и эмоциональная лабильность (механизмы саморегуляции и стрессоустойчивости) в подростковом возрасте закрепляются с помощью полезных поведенческих паттернов на основе soft skills, которые должны формироваться на принципах рефлексивной деятельности, релевантной контекстуальности, практико-ориентированной активности, личной агентности и индивидуализации образовательного процесса.

Заключение

Современная исследовательская парадигма демонстрирует концептуальную диффузию консолидированного понимания аспекта развития soft skills, что обусловлено отсутствием универсальной теоретической модели, размытостью терминологических границ, междисциплинарной сущности soft skills и методологическими сложностями компаративного анализа данных.

Полисистемная модель профессионального самоопределения подростков представляет собой наиболее релевантный и оптимальный инструмент для нивелирования потенциальных вызовов сложности, нестабильности, неопределенности и неоднозначности внешнего мира (VUCA-мира), интегрируя такие преимущества социокультурной и профориентационной среды как: полицентричность структурной организации, адаптационный потенциал, гибкость методологических подходов, открытость к инновациям и развитие личностной агентности.

Специфика формирования soft skills подростковой профориентации должна базироваться на двух взаимосвязанных аспектах: адаптации к актуальным социально-профессиональным нормам и на подготовке к будущей трудовой деятельности, иными словами, определяющим является когнитивное усвоение норм и демонстрация поведенческой гибкости. Наиболее ключевыми soft skills в данном контексте становятся компетенции:

- командное взаимодействие (демонстрация социального интеллекта);
- внутриличностные навыки (саморегуляция, рефлексия, осознанность, внутренняя мотивация);
- межличностные навыки (эмоциональный интеллект, компетенции урегулирования конфликтов, навыки ведения переговоров);
- принятие решений (автономность, способность управлять неопределенностью);
- коммуникации (навыки координации с внешним миром и окружающими);
- решение проблем (интеграция когнитивных и практических компетенций).

Таким образом, можно констатировать, что ядро программ развития soft skills должно концентрироваться на указанных компетенциях, поскольку они формируют трансверсальный междисциплинарный профиль подростка, обеспечивающий профессиональную успешность в динамично изменяющихся условиях.

Список использованных источников:

1. Авдеева, Н.Н. Мягкие навыки: концепции, проблемы, исследования / Н.Н. Авдеева, Ю.А. Кочетова, М.В. Климакова // Современная зарубежная психология. – 2025. – Т. 14, № 1. – С. 57-68. – DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024000002>.
2. Гельманова, З. Современные подходы и практики к профессиональной ориентации / З. Гельманова, И. Габитов, С. Мажитова // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2022. – № 3 (165). – С. 117-122. – DOI: 10.34773/EU.2022.3.22.
3. Маврина, И.А. Трансформация жизненного пространства современной школы через 4К-компетенции / И.А. Маврина, Н.В. Чекалева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2024. – № 214. – С. 51-60. – DOI: <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2024-214-51-60>.
4. Раицкая, Л.К. Soft skills в представлении преподавателей и студентов российских университетов в контексте мирового опыта / Л.К. Раицкая, Е.В. Тихонова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2018. – Т. 15, № 3. – С. 350-363. – DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-3-350-363.
5. Сергеев, И.С. Образовательная профориентация и школьная профориентация: совпадение в пространстве, расхождение в смыслах / И.С. Сергеев // Инновационная научная современная академическая исследовательская траектория (ИНСАЙТ). – 2023. – № 3 (15). – С. 11-48. – DOI: <https://doi.org/10.17853/2686-8970-2023-3-11-48>.
6. Шишкова, С.Ю. Гибкие нейронавыки. 8 ключей к успешному будущему ребенка! От 4 до 14 лет / С.Ю. Шишкова, Е.В. Курамшина. – Москва: АСТ, 2023. – 288 с.
7. Escolà-Gascón, Á. How to measure soft skills in the educational context: psychometric properties of the SKILLS-in-ONE questionnaire / Á. Escolà-Gascón, J. Gallifa // Studies in Educational Evaluation. – 2022. – Vol. 74. – Art. 101155. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.stueduc.2022.101155>.
8. Lamri, J. Reconciling Hard Skills and Soft Skills in a Common Framework: The Generic Skills Component Approach / J. Lamri, T. Lubart // Journal of Intelligence. – 2023. – Vol. 11, no. 6. – Art. 107. – DOI: <https://doi.org/10.3390/jintelligence11060107>.

УДК 378; 159.9

Шпагина Е.М.

доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет», Москва, Россия

ИНТЕРАКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ СТУДЕНТАМ ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

Аннотация. В статье описаны теория и опыт применения интерактивных технологий в преподавании психологии и педагогики студентам инженерных специальностей. Автор предлагает комплекс психотехник и упражнений, направленных на повышение вовлечённости студентов технического профиля в изучение гуманитарных дисциплин.

Ключевые слова: учебная мотивация, интерактивные технологии, преподавание психологии и педагогики, профессиональная подготовка инженеров, креативное обучение.

INTERACTIVE TECHNOLOGIES IN TEACHING PSYCHOLOGY AND PEDAGOGY TO TECHNICAL STUDENTS

Abstract. The article describes the theory and experience of using interactive technologies in teaching psychology and pedagogy to engineering students. The author offers a set of psychotechniques and exercises aimed at increasing the involvement of technical students in the study of humanities.

Keywords: educational motivation, interactive technologies, teaching psychology and pedagogy, professional training of engineers, creative education.

Введение

Профессиональная деятельность инженера выходит за рамки технических расчётов. Специалисты работают в междисциплинарных командах, руководят проектами, обучают коллег и подчиненных, взаимодействуют с заказчиками. Психолого-педагогические знания помогают будущим инженерам понимать механизмы межличностного взаимодействия, управлять конфликтами, аргументированно отстаивать свою точку зрения, организовывать коллективную деятельность и принимать управленческие решения.

Инженерное образование переживает трансформацию. С одной стороны, технологические компетенции остаются основой подготовки, с другой – работодатели всё больше требуют выпускников развитых «мягких навыков»: коммуникация, командная работа, эмоциональный интеллект, критическое мышление. Если ранее инженерное образование сосредоточивалось преимущественно на технической составляющей, то сегодня успех профессионала во многом зависит от его способности эффективно взаимодействовать с коллегами, управлять командой и принимать психологически обоснованные решения. Отношения «человек – человек» становятся более значимыми, чем отношения «человек – машина». В современной инженерной практике значение психолого-педагогических знаний неуклонно возрастает [5], [8].

В этом контексте психолого-педагогическая подготовка становится не дополнением, а необходимым компонентом формирования конкурентоспособного специалиста инженерного профиля.

Содержание и тематика дисциплин, направленных на обучение психологии и педагогике в техническом вузе

Курсы психологии и педагогики в техническом вузе охватывают несколько ключевых направлений:

1) основы инженерной психологии, в содержание которой входит изучение взаимодействия человека с техническими системами, психофизиологические и когнитивные аспекты операторской деятельности, эргономика, профессиональный отбор и обучение персонала, что важно при проектировании и организации рабочих мест;

2) психология профессиональной деятельности, где изучаются профессионально важные качества и психологические умения: мотивация и волевая регуляция, планирование времени, самоорганизация учебной и профессиональной деятельности, работа с познавательной и эмоциональной сферами, профилактика выгорания и другое;

3) организационное поведение психология управления – дисциплины, во многом основанные на исследованиях о поведении людей в организациях, и направленные на поиск способов улучшения эффективности и удовлетворенности трудом;

4) инженерная педагогика, изучающая теорию и практику подготовки инженерных кадров, методы профессионального обучения, что важно для подготовки инженеров-педагогов образовательных организаций [10].

Международная практика показывает, что успешная инженерная подготовка требует интеграции технических и «мягких» навыков: критическое мышление, креативность, коммуникация, работа в команде. В странах Европы (Германия, Франция, Финляндия) используются дуальное обучение, проектная деятельность, тесное взаимодействие с предприятиями, обязательные стажировки. Программы включают модули по организационному поведению, психологии коммуникации, менеджменту [12,15].

Методы интерактивного обучения в преподавании психологии и педагогики в вузе

Эффективность психолого-педагогической подготовки напрямую зависит от выбора методов обучения. Традиционные лекционные форматы не всегда дают результат по формированию так называемых «мягких навыков». Для этого применяют интерактивные методы в сочетании с практико-ориентированным подходом.

Интерактивное обучение представляет собой педагогический подход, который существенно отличается от традиционной передачи информации. Его суть заключается в активном взаимодействии участников учебного процесса, где обучающиеся не являются пассивными потребителями информации, а выступают активными субъектами образования.

Можно выделить ключевые характеристики интерактивного обучения:

- 1) процесс решения проблемы бывает более важным, чем само решение: в процессе взаимодействия и развиваются умения и навыки осуществлять самостоятельную поисковую активность и взаимодействовать;
- 2) повышается эмоциональная вовлеченность участников в решение обсуждаемых проблем и повышает мотивацию к изучению обсуждаемых в процессе вопросов;
- 3) переход знаний в практический контекст: учащемуся легче соотносить получаемый теоретический багаж знаний с реальной практической ситуацией.

Интерактивные методы развивают «мягкие навыки» и обучающихся, так как это предполагает организация процесса. Преподаватели инженерных профильных дисциплин также могут использовать интерактивные методы обучения, тем самым совмещая развитие технических знаний с формированием психологических компетенций. Для этого необходимо повышать квалификацию преподавателей инженерного профиля в психологии и педагогике. Наибольшее распространение в преподавании профильных дисциплин получили такие методы как «проблемное обучение», деловые и имитационные игры», «кейс-метод», проектная деятельность [1,4,7,9].

Рассмотрим интерактивные методы, которые можно было бы использовать в преподавании психологии и педагогики студентам технического профиля.

Социально-психологические тренинги зарекомендовали себя как эффективный метод развития коммуникативных навыков, эмпатии, рефлексии, эмоционального интеллекта, стрессоустойчивости. Тренинги создают безопасное пространство для отработки новых моделей поведения и самопознания. Изучая теорию на лекциях, рекомендуется в практических занятиях давать именно психологические упражнения. Изучение таких тем, как психология личности, общения и группы рекомендуется сопровождать проведением тренинговых упражнений. В обучении по теме «Психология группы» в качестве примера можно привести игру «Кораблекрушение», в которой учебная группа делится на подгруппы и создается игровая ситуация, в которой члены команды должны принять сначала индивидуальное, а потом и групповое решение. Преподавателю важно не только провести игру, но указать на проявление групповых процессов, таких как лидерство, стиль управления, групповое принятие решений.

Кейс-метод (анализ конкретных ситуаций) учит студентов применять теоретические знания к реальным производственным и организационным проблемам. Разбор кейсов развивает способность к критическому анализу, системному подходу, принятию обоснованных решений. Например, на изучении педагогики студенты с интересом разбирают педагогические задачи из реальной студенческой жизни. Интересный опыт также в использовании материалов «Дилеммы Колберга» на моральное развитие в изучении темы «Воспитание» по педагогике.

Совместное обучение (collaborative learning) – это педагогический подход, при котором студенты работают совместно для достижения общих целей обучения. Совместное обучение повышает как академическую успеваемость, так и развитие социальных навыков. Студенты, работающие в сотрудничестве, демонстрируют более глубокий уровень мышления и лучше сохраняют информацию в сравнении с теми, кто работает индивидуально. Групповая работа предоставляет студентам возможность обсуждать идеи, брать ответственность за собственное обучение и развивать навыки критического мышления. Для студентов психологии это особенно важно, так как психология часто требует обсуждения и интерпретации человеческого поведения из разных перспектив.

Дискуссии, эвристические беседы, мозговые штурмы, круглые столы – активизируют познавательную деятельность, повышают мотивацию и вовлеченность студентов. Групповая работа формирует навыки межличностного общения, способность работать в команде, умение аргументировать свою позицию [3,7,11].

Обучение в парах и преподавание студентов – это методы, при которых студенты учат друг друга в контролируемых условиях. Когда студент принимает роль преподавателя, он должен четко артикулировать свое понимание материала, что способствует глубокому усвоению знаний. Такие упражнения улучшают память студентов и способствуют пониманию сложного материала.

Одним из ключевых преимуществ преподавание студентам студентам является создание атмосферы, где сверстники часто понимают трудности обучающихся лучше, чем преподаватели. Сверстники говорят на одном языке с студентами и могут объяснять концепции в более близких им терминах. Однако важно отметить, что для эффективности этого метода требуется поддержка от факультета, так как студенты-тьюторы могут испытывать неуверенность в своих знаниях.

Формирование ключевых компетенций

Психолого-педагогическая подготовка формирует у будущих инженеров комплекс универсальных и профессиональных компетенций социально-психологического характера: развитие эмоционального интеллекта,

навыков коммуникации и командной работы, управления стрессом, разрешения конфликтов, лидерства. Это особенно актуально в условиях цифровизации и необходимости работать в мультинациональных командах.

Коммуникативные компетенции формируются как главная задача интерактивного обучения. Студенты приучаются работать в команде, прислушиваться к мнению своих товарищей, развивают умения выражать свою точку зрения в конструктивной форме. Коммуникативные компетенции развивают навыки эффективного взаимодействия с коллегами, заказчиками, подчинёнными; навыки презентации идей, ведения переговоров, делового общения; способность работать в междисциплинарных и мультикультурных командах.

Когнитивные компетенции – это критическое и системное мышление, аналитические способности, умение решать нестандартные задачи, креативность. Критическое мышление развивается через анализ проблемных ситуаций и кейсов, когда студентам требуется выявить противоречия и найти инновационные решения. Критическое мышление позволяет объективно оценивать информацию, выявлять причинно-следственные связи, формулировать гипотезы и принимать обоснованные решения.

Организационно-управленческие компетенции – это навыки планирования и управления проектами, тайм-менеджмент, способность к принятию решений в условиях неопределённости, лидерские качества. Лидерские компетенции формируются через игровые методы и тренинги, где студенты получают опыт управления группой и принятия решений. Эти навыки критически важны для карьерного роста: с каждой новой ступенью «мягкие навыки» всё больше выходят на первый план.

Индивидуально-психологические компетенции, такие как эмоциональный интеллект, стрессоустойчивость, адаптивность, способность к саморефлексии и саморазвитию, мотивация к непрерывному обучению. Эмоциональный интеллект – способность распознавать, понимать и эффективно управлять своими эмоциями и эмоциями других людей. Это умение развивается в контексте группового взаимодействия и анализа реальных ситуаций [3]. Развитие эмоционального интеллекта помогает инженерам управлять своими эмоциями, понимать чувства других, эффективно работать в команде, предотвращать профессиональное выгорание. Способность к рефлексии – осмыслению собственного поведения и мотивов, что критически важно для личностного развития и профессиональной зрелости.

Важным аспектом психолого-педагогической подготовки является формирование метакогнитивных навыков – умений управлять собственным обучением и развитием. Исследования показывают, что студенты инженерных специальностей нуждаются в целенаправленном развитии умений самоорганизации, планирования, работы с мотивацией и волевой регуляцией. Психологическая подготовка помогает студентам инженерных специальностей понять механизмы стресса и профессионального выгорания, научиться их распознавать и предотвращать. Инженерные профессии сопряжены с высоким уровнем стресса: жёсткие сроки, размытые требования заказчиков, высокая ответственность, интенсивные коммуникации. Выгорание проявляется в эмоциональном истощении, снижении мотивации и продуктивности, цинизме, физической усталости, раздражительности. Курсы психологии обучают техникам стресс-менеджмента, эмоциональной регуляции, методам релаксации, формируют осознанное отношение к балансу работы и личной жизни.

Недостатки и ограничения интерактивных методов в обучении психологии и педагогике инженеров

Интерактивные методы незаменимы для формирования коммуникативных, рефлексивных и проектных компетенций у инженеров, но при некритичном и «модном» использовании дают перегрузку, фрагментарность знаний и сопротивление студентов. Они требуют высокой методической культуры преподавателя, продуманного дизайна курса и очень четкой стыковки с инженерной спецификой.

Основные недостатки и ограничения интерактивных методов в обучении психологии и педагогике инженеров [2, 7, 11, 13]:

- риск потери теоретической глубины и системности при доминировании активности над содержанием;
- высокая трудоёмкость и несоответствие ресурсам (время, аудитории, большие потоки);
- психологические барьеры: сопротивление студентов, дискомфорт интровертов, неравномерность участия;
- сложности объективного оценивания гуманитарных компетенций, сформированных в интерактиве;
- опасность «технологического фетишизма» – подмена целей эффектными форматами и цифровыми инструментами;
- недостаточная привязка к инженерному профессиональному контексту, что усиливает ощущение «чуждости» дисциплин.

При этом сами по себе интерактивные методы остаются сильнейшим ресурсом формирования мягких навыков инженеров – при условии [1]:

- четкой структуризации теоретического блока и последующего осмысленного интерактива;
- встроенности кейсов, игр и дискуссий в реальный инженерный контекст (проектные команды, производственные ситуации, наставничество);
- явного проговаривания студентам зачем им эти компетенции в профессии;
- методической подготовки преподавателя и прозрачной системы оценивания.

Заключение

Интерактивные методы обучения психологии для инженеров представляют собой не просто инновационный подход, но становятся необходимостью в контексте развития современного рынка труда. Переход от передачи информации к формированию компетенций, особенно компетенций в области

эмоционального интеллекта и коммуникации, требует применения методов, позволяющих студентам активно практиковать эти навыки в контролируемых условиях.

Опыт преподавания в технических вузах показывает, что интерактивные методы – деловые игры, кейс-методология, эвристические беседы, тренинги – значительно повышают как мотивацию студентов, так и эффективность усвоения материала. Студенты получают возможность развивать психологические компетенции, необходимые для эффективного лидерства, командного взаимодействия и управления в условиях неопределенности. Подготовка современного инженера требует уделения серьезного внимания практической подготовке по психологии и педагогике через интерактивные методы, применение технологий активного взаимодействия и создание учебной среды, в которой студент одновременно развивает как профессиональные компетенции, так и личностные качества, необходимые для успеха в современной организационной среде.

Список использованных источников:

1. Агеев В.А., Наумкин Н.И., Кильмашкин Е.А. Особенности реализации проектного обучения // Современные наукоемкие технологии. 2021. № 4. С. 124-129. EDN: XHTGKS
2. Антонова Н.Л., Меренков А.В. Модель «перевернутого обучения» в системе высшей школы: проблемы и противоречия // Интеграция образования. 2018. Т. 22, № 2. С. 237-247. DOI: 10.15507/1991-9468.091.022.201802.237-247
3. Белобородов А.М., Сыманюк Э.Э. Устойчивость развития эмоционального интеллекта будущих специалистов // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 7. С. 109–127. DOI: 10.17853/1994–5639–2018–7-109–127
4. Гриб Е.В., Коломоец Е.Н., Латышева В.В. Игровые методы формирования компетенции «командная работа и лидерство» в подготовке инженеров // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 10. С. 125-134. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-10-125-134>
5. Губенко, Д.Э. Психологическая грамотность как важная составляющая успешной профессиональной деятельности инженерно-технических работников / Д. Э. Губенко, Е. В. Рынгач // Вестник науки. – 2025. – Т. 2, № 6(87). – С. 1519-1524. – EDN LXULOT.
6. Ефремова, Л.И. Современные технологии обеспечения качества образования в национальном исследовательском университете / Л.И. Ефремова, Н.В. Аникина // Интеграция образования. – 2014. – Т. 18, № 1(74). – С. 6-13. – DOI 10.15507/Inted.74.018.201401.006. – EDN SIEUKJ.
7. Игровые технологии как вид проблемного обучения и средство активизации деятельности студентов / Л.Н. Аксенова, М.Л. Хасанова, В.В. Руднев, М.С. Дмитриев // Современные наукоемкие технологии. – 2019. – № 3-1. – С. 83-87. – EDN VZQODN.
8. Исаев, А.П. Мягкие навыки для успешной карьеры выпускников инженерного профиля / А. П. Исаев, Л. В. Плотников // Высшее образование в России. – 2021. – Т. 30, № 10. – С. 63-77. – DOI 10.31992/0869-3617-2021-30-10-63-77. – EDN GKRTYZ.
9. Исаев, К.В. Внедрение инновационных педагогических технологий при подготовке специалистов инженерных специальностей / К.В. Исаев, В.В. Глебов // Экологическая геология: теория, практика и региональные проблемы: Материалы восьмой научно-практической конференции, Воронеж, 10–13 сентября 2023 года. – Воронеж: ООО рекламно-издательская фирма «Кварт», 2023. – С. 207-209. – EDN ZHKZJQ.
10. Карчевская, Н.В. Инновационные технологии обучения в повышении эффективности преподавания дисциплин психолого-педагогического цикла для инженеров-педагогов / Н.В. Карчевская, В.И. Шаргаровская, М.А. Соколов // Трансформация образования как социокультурный потенциал развития общества: Сборник статей Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Омск, 28–29 февраля 2024 года. – Омск: Омская гуманитарная академия, 2024. – С. 49-55. – EDN RMNIGT.
11. Кобякова, М.В. Технология когнитивного инструктирования в процессе проектирования личностно-развивающего обучения в вузе / М.В. Кобякова, А.Л. Каткова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – Т. 8, № 5. – С. 32. – DOI 10.15862/48PDMN520. – EDN KJKNEA.
12. Компетенции в инженерном образовании в странах Евросоюза / Е.Е. Царева, Г.Н. Фахретдинова, Л.М. Зиннатуллина, Л.П. Дулалаева // Научное обозрение. Педагогические науки. – 2020. – № 2. – С. 15-19. – EDN HSXBIM.
13. Сидельникова Т.Т. Ресурсы и риски модерации как интерактивного метода развития у студентов вузов навыков работы в команде // Интеграция образования. 2018. Т. 22, № 2. С. 369-382. DOI: 10.15507/1991-9468.091.022.201802.369-382
14. Соловьев, В.П. Инженерные кадры для новой экономики / В.П. Соловьев, Т.А. Перескокова // Экономика промышленности. – 2022. – Т. 15, № 3. – С. 380-392. – DOI 10.17073/2072-1633-2022-3-380-392. – EDN EUNQOK.
15. Топоркова, О.В. Технология проблемного обучения в практике высшей технической школы за рубежом / О.В. Топоркова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2019. – Т. 7, № 5. – С. 15. – EDN ZLLDJG.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТНОЙ УВЕРЕННОСТИ И САМООЦЕНКИ ПОДРОСТКОВ

Аннотация. В статье рассматривается влияние социальных сетей на процесс формирования самооценки и личностной уверенности подростков. Автор анализирует психологические механизмы, лежащие в основе взаимодействия с цифровыми платформами, выявляет положительные и отрицательные стороны этого процесса. В исследовании подчёркивается роль социальных сетей как инструмента самопрезентации, социализации и формирования идентичности подростков. Особое внимание уделяется феномену «контингентной самооценки», зависимой от внешней цифровой валидации. На основе эмпирических данных выявляются группы риска и факторы, способствующие как позитивной, так и негативной динамике. Сделан вывод о необходимости развития психологической грамотности и внедрения программ медиаобразования для смягчения рисков деструктивного влияния цифровой среды и формирования у подростков навыков осознанного и критического потребления контента

Ключевые слова: самооценка, личностная уверенность, подростки, социальные сети, цифровая идентичность, медиаобразование, контингентная самооценка, киберсоциализация.

THE INFLUENCE OF SOCIAL NETWORKS ON THE DEVELOPMENT OF PERSONAL CONFIDENCE AND SELF-ESTEEM AMONG TEENAGERS

Abstract. The article examines the impact of social media on the formation of self-esteem and personal confidence in adolescents. The author analyzes the psychological mechanisms underlying interaction with digital platforms, identifying both positive and negative aspects of this process. The study emphasizes the role of social networks as a tool for self-presentation, socialization, and identity formation among teenagers. Particular attention is paid to the phenomenon of "contingent self-esteem", which depends on external digital validation. Based on empirical data, risk groups and factors contributing to both positive and negative dynamics are identified. The conclusion is drawn about the necessity of developing psychological literacy and implementing media education programs to mitigate the risks of the destructive influence of the digital environment and to form adolescents' skills of conscious and critical content consumption.

Keywords: self-esteem, personal confidence, adolescents, social networks, digital identity, media education, contingent self-esteem, cyber-socialization.

Введение. Современное поколение подростков растёт в условиях активного взаимодействия с цифровыми технологиями. Социальные сети стали неотъемлемой частью повседневной жизни, выполняя функции общения, самопрезентации и поиска признания. Виртуальное пространство превращается в важный контекст формирования личности, оказывая существенное влияние на восприятие себя, уровень уверенности и самооценку. Этот процесс протекает в уникальных условиях, когда личностное становление индивида происходит одновременно в реальном и цифровом пространствах, которые зачастую имеют разные системы координат и критерии успешности.

Актуальность исследования обусловлена тем, что самооценка в подростковом возрасте является одним из ключевых показателей личностного развития. От её адекватности зависит успешность социализации, академическая мотивация и психологическое благополучие. Влияние цифровой среды на этот процесс требует комплексного изучения, поскольку оно проявляется как в стимулирующем, так и в деструктивном аспектах. Интенсивное погружение в онлайн-среду создает новые вызовы, связанные с постоянным сравнением, культом успешности и необходимостью поддерживать «правильный» цифровой образ.

Цель работы – выявить закономерности влияния социальных сетей на формирование личностной уверенности и самооценки подростков.

Объект исследования – подростки как участники цифрового взаимодействия.

Предмет – особенности формирования самооценки в условиях активного использования социальных сетей.

Гипотеза исследования: активное присутствие подростков в социальных сетях может как повышать, так и снижать самооценку в зависимости от характера взаимодействия с контентом и реакций со стороны онлайн-аудитории.

Теоретические основы исследования. Проблема самооценки подростков традиционно рассматривается в рамках возрастной психологии (Л.И. Божович, Д.Б. Эльконин, К. Роджерс). В современных условиях этот процесс тесно связан с феноменом цифровой идентичности – способности человека конструировать и осознавать себя в онлайн-пространстве. Цифровая идентичность зачастую является проекцией реального «Я», но может и существенно от него отличаться, выполняя компенсаторную или экспериментальную функцию [1], [2], [5].

Согласно социально-сравнительной теории Л. Фестингера (1954), человек оценивает себя через сравнение с другими [3]. В социальных сетях этот механизм усиливается и приобретает хронический характер: подросток

ежедневно сталкивается с идеализированными и кураторскими образами сверстников и медийных личностей. Публикации, наполненные успехами и «отредактированной» жизнью, создают искажённые стандарты внешности, популярности и достижений, что приводит к снижению самооценки и формированию устойчивого чувства несоответствия и экзистенциальной неполноценности [3].

В то же время социальные сети предоставляют и позитивные возможности для личностного роста. Они позволяют подросткам безопасно выражать индивидуальность, находить поддержку в узкотематических онлайн-сообществах по интересам, развивать коммуникативные и творческие навыки через ведение блогов или создание собственного контента. При адекватной самоидентификации и наличии критического мышления виртуальное общение способствует росту уверенности и укреплению чувства собственной значимости и принадлежности к группе.

Исследования В. Валкенбург и Дж. Питера (2011) показывают, что положительная обратная связь (лайки, комментарии) способна временно повышать уровень уверенности подростков, но при этом делает их самооценку зависимой от внешних факторов. Таким образом, формируется «контингентная» самооценка, зависящая от цифровой реакции аудитории, что создает почву для эмоциональной нестабильности и повышенной тревожности в периоды низкой онлайн-активности или отсутствия ожидаемой реакции на публикации [4].

Методы исследования. Для комплексного анализа влияния социальных сетей на самооценку подростков использовались следующие методы: анкетирование учащихся старших классов, включенное наблюдение за поведением пользователей в онлайн-пространстве и полуструктурированные интервью, позволяющие глубже понять субъективные переживания респондентов.

В исследовании участвовали 86 подростков в возрасте 13-17 лет. Основными инструментами выступили шкала самооценки Дембо-Рубинштейн и авторская анкета, включавшая вопросы о частоте использования социальных сетей, типах потребляемого и создаваемого контента, эмоциональной реакции на обратную связь и самоощущении после продолжительного пребывания онлайн. Для обработки данных применялись методы математической статистики.

Собранные данные позволили выделить три группы участников по интенсивности использования:

Активные пользователи (ежедневно более 4 часов в сети) – 41%;

Умеренные пользователи (1-3 часа) – 46%;

Редкие пользователи (менее 1 часа) – 13%.

Результаты и анализ исследования. Анализ данных показал, что более половины подростков (58%) связывают своё настроение с количеством лайков и комментариев под публикациями. У 42% респондентов выявлена выраженная зависимость самооценки от цифровой обратной связи, что проявлялось в колебаниях настроения и самоощущения в зависимости от реакции на их онлайн-активность.

Активные пользователи чаще демонстрировали неустойчивую самооценку и высокий уровень тревожности, особенно при нисходящем социальном сравнении себя с более «успешными» сверстниками. Типичными реакциями становились чувство неполноценности, навязчивое стремление к постоянному самосовершенствованию ради внешнего одобрения и заметное снижение уверенности в реальных социальных ситуациях, где отсутствовали механизмы мгновенной обратной связи.

Однако у 28% подростков наблюдался противоположный эффект: участие в тематических сообществах (например, связанных с наукой, искусством, волонтерством), ведение просветительских блогов и творческое самовыражение в сети укрепляли их уверенность, способствовали развитию лидерских качеств и конструктивных коммуникативных навыков. Эти подростки склонны были использовать социальные сети как инструмент для реализации своих интересов, а не как площадку для поиска одобрения.

Особенно выраженным оказался гендерный аспект: девушки чаще связывали свою самооценку с визуальной привлекательностью и реакцией аудитории на фотографии, тогда как юноши придавали большее значение количеству подписчиков, игровым достижениям и статусу в рамках определенных онлайн-субкультур. Это свидетельствует о том, что цифровая среда воспроизводит и даже усиливает традиционные гендерные стереотипы и паттерны поведения.

Обсуждение результатов. Полученные данные подтверждают двойственный характер влияния социальных сетей на формирование самооценки подростков. Цифровая среда выступает одновременно пространством возможностей и рисков, а итоговый эффект определяется комплексом факторов, включая личностные особенности пользователя, тип его онлайн-активности и качество контента, с которым он взаимодействует.

Положительный эффект проявляется в развитии уверенности при реализации личностного потенциала, получении конструктивного признания и социальной поддержки в сообществах по интересам. Негативный – в усилении внешней зависимости самооценки, формировании перфекционизма, хронической тревожности и «страха упущенных возможностей» (FOMO), который заставляет подростков постоянно находиться онлайн, опасаясь пропустить важное событие или обсуждение.

Результаты исследования согласуются с трудами российских авторов (О.А. Холмогоровой, Е.П. Ильиной и др.), отмечающих рост количества подростков с неустойчивой самооценкой на фоне интенсивной цифровой активности. Для снижения рисков деструктивного влияния важнейшую роль играет развитие цифровой гигиены, критического мышления и навыков психологической саморегуляции. В образовательных учреждениях целесообразно внедрять программы медиаобразования, направленные на формирование осознанного поведения

в сети, понимание механизмов социальной сравнимости и коммерческих интересов, стоящих за созданием «идеального» контента [6].

Заключение. Социальные сети стали мощным инструментом формирования самооценки и уверенности современных подростков. Их влияние зависит не столько от самих платформ, сколько от характера взаимодействия пользователя с цифровым пространством, его мотивации и степени психологической зрелости. Поляризация эффектов – от деструктивной до развивающей – требует дифференцированного подхода к проблеме [7].

Адекватная и стабильная самооценка формируется при условии внутренней устойчивости, поддержки семьи и школы, осознанного и избирательного отношения к онлайн-коммуникации. Ключевая задача заключается в том, чтобы подростки понимали разницу между реальным и виртуальным образом, развивали способность критически воспринимать медиаинформацию и сохраняли эмоциональную автономность от системы цифровых оценок.

Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением влияния персонализированных алгоритмов рекомендаций, нейросетевых фильтров и искусственно навязываемых цифровых стандартов красоты и успеха на психику подростков. В условиях стремительной цифровизации и метавселенных данная проблематика приобретает особое значение для психологической и педагогической науки, требуя разработки новых профилактических и коррекционных методик.

Список использованных источников:

1. Божович Л.И. Личность и её формирование в детском возрасте. – М., 1968. – 464 с.
2. Эльконин Д.Б. Психология развития. – М., 1989. – 320 с.
3. Festinger L. A Theory of Social Comparison Processes // Human Relations. – Vol. 7, No. 2 (April 1954). – pp. 117-140.
4. Valkenburg P.M., Peter J. Online Communication and Adolescent Well-being: Testing the Stimulation Versus the Displacement Hypothesis // Journal of Computer-Mediated Communication. – Vol. 16, Issue 3 (June 2011). – pp. 817-836.
5. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека / Пер. с англ.; Общ. ред. Е. И. Чепурных. – М.: Прогресс, 1994. – 378 с.
6. Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г. Психологические последствия цифровизации для подростков // Вопросы психологии. – № 1 (январь-февраль 2021 г.). – с. 12-20.
7. Fardouly J., Vartanian L.R. Social Media and Body Image Concerns: Current Research and Future Directions // Current Opinion in Psychology. – Vol. 9 (February 2016). – pp. 88-92.

УДК 37.018.43:159.923.2

Щербакова А.С.

магистрант 3-го курса, направление 44.04.02, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством **Рабданова Р.С.**

к.п.н., доцент кафедры педагогики и психологии

профессионального образования, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

ЦИФРОВАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ САМООЦЕНКИ ПОДРОСТКОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБУЧЕНИИ

Аннотация. В статье исследуется влияние цифровой образовательной среды (ЦОС) на формирование самооценки подростков. Проанализированы ключевые компоненты ЦОС – платформы, системы коммуникации и обратной связи. Теоретическая база работы опирается на подходы педагогической психологии (Л.С. Выготский, Л.И. Божович) и современные исследования в области цифровой педагогики. В результате эмпирического исследования выявлено двойственное влияние цифровых инструментов: с одной стороны, индивидуализация обучения и оперативная обратная связь способствуют росту академической самооценки; с другой – «оценочная прозрачность» и постоянное сравнение достижений могут провоцировать учебный стресс и цифровое выгорание. Сформулированы практические рекомендации для педагогов по проектированию психологически безопасной цифровой образовательной среды.

Ключевые слова: цифровая образовательная среда, самооценка, подростки, образовательные технологии, цифровая педагогика, оценочная прозрачность, учебная мотивация, психологическая безопасность.

THE DIGITAL LEARNING ENVIRONMENT AS A FACTOR IN SHAPING TEENAGERS' SELF-ESTEEM IN CONTEMPORARY EDUCATION

Abstract. The article examines the impact of the digital educational environment (DEE) on the formation of adolescents' self-esteem. The key components of the DEE - platforms, communication and feedback systems - are analyzed. The theoretical basis of the work relies on the approaches of pedagogical psychology (L.S. Vygotsky, L.I. Bozhovich) and modern research in the field of digital pedagogy. As a result of an empirical study, the dual influence of digital tools was revealed: on the one hand, the individualization of learning and prompt feedback contribute to the growth of academic self-esteem; on the other hand, "evaluation transparency" and constant comparison of achievements can provoke academic stress and digital burnout. Practical recommendations for teachers on designing a psychologically safe digital educational environment are formulated.

Keywords: Digital educational environment, self-esteem, adolescents, educational technologies, digital pedagogy, evaluation transparency, learning motivation, psychological safety.

Введение. Современное образование переживает этап глубокой цифровой трансформации. Формирование цифровой образовательной среды (ЦОС), представляющей собой единство цифровых платформ, инструментов коммуникации и образовательного контента, стало не трендом, а необходимостью. Этот процесс кардинально меняет контекст, в котором происходит личностное развитие подростка. По данным Всемирной организации здравоохранения, до 20% подростков испытывают психоземоциональные трудности, усугубляемые интенсивным погружением в цифровую среду.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что самооценка в подростковом возрасте является центральным образованием личности, напрямую влияющим на академические достижения, социальную адаптацию и психологическое благополучие. Цифровая среда вносит кардинальные коррективы в традиционный процесс ее формирования, вводя такие феномены, как мгновенная оцифрованная обратная связь, публичность учебных результатов и постоянная возможность социального сравнения.

Цель работы – выявить и проанализировать механизмы влияния цифровой образовательной среды на формирование самооценки и учебной мотивации подростков.

Объект исследования – подростки как активные участники цифрового образовательного процесса.

Предмет исследования – психолого-педагогические аспекты влияния цифровой образовательной среды на формирование личностной самооценки учащихся.

Гипотеза исследования: цифровая образовательная среда обладает амбивалентным потенциалом и может способствовать повышению самооценки при условии поддерживающего и персонализированного подхода, но оказывать негативное влияние, усиливая чрезмерную соревновательность и оценочную открытость.

Теоретический обзор. Цифровая образовательная среда (ЦОС) понимается сегодня как комплексно организованное пространство, интегрирующее информационные ресурсы, цифровые инструменты и технологии управления образовательным процессом. Ее ключевыми компонентами применительно к влиянию на самооценку являются:

Образовательные платформы (LMS): такие как Google Classroom, Moodle, которые структурируют учебную деятельность.

Инструменты коммуникации: чаты, форумы, видеоконференции, опосредующие социальное взаимодействие.

Системы обратной связи и оценки: электронные дневники, системы автоматизированного тестирования и ранжирования, делающие академические результаты предельно прозрачными.

Подростковый возраст характеризуется формированием «Я-концепции», повышенной чувствительностью к оценке со стороны значимого окружения и стремлением к самоутверждению. В цифровой среде эти процессы приобретают гипертрофированный характер. Как отмечается в исследованиях, современные школьники, являясь представителями «цифрового поколения», формируют специфическую цифровую личность, особенностью которой необходимо учитывать в педагогической деятельности. Для них цифровое пространство – естественная среда обитания, где стираются границы между реальным и виртуальным «Я» [9], [11].

Одним из наиболее значимых факторов влияния ЦОС на самооценку является феномен «оценочной прозрачности». Публичные рейтинги, мгновенный доступ к собственным и чужим оценкам через электронный дневник создают условия для постоянного социального сравнения. С одной стороны, это может мотивировать к достижениям. С другой – становится источником хронического стресса, формирования «выученной беспомощности» у отстающих учащихся и негативного самовосприятия [7], [8], [10].

Методики исследования. Для проверки выдвинутой гипотезы и достижения цели исследования был использован комплекс взаимодополняющих методов:

1. Анкетирование учащихся 13-17 лет, направленное на выявление уровня академической самооценки, учебной мотивации и эмоционального отношения к цифровым инструментам.
2. Опрос педагогов для оценки их восприятия влияния ЦОС на учащихся.
3. Полуструктурированные интервью с подростками для глубинного изучения их личного опыта взаимодействия с цифровой средой.
4. Наблюдение за поведением учащихся в цифровой образовательной среде (на уроках с использованием онлайн-платформ).

В качестве основных критериев оценки были выделены:

1. Уровень академической самооценки (адекватный, заниженный, завышенный).
2. Преобладающий тип учебной мотивации (внутренняя/внешняя).
3. Эмоциональное состояние, связанное с использованием цифровых инструментов (тревожность, интерес, апатия).
4. Отношение к публичности учебных результатов.

Исследование проводилось на базе 2 общеобразовательных школ. Общая выборочная совокупность составила 98 подростков в возрасте от 13 до 17 лет, а также 15 педагогов.

Анализ эмпирических данных позволил выявить противоречивую картину влияния ЦОС на самооценку подростков.

Позитивные эффекты и возможности:

1. Индивидуализация и рост уверенности: Около 35% респондентов отметили, что возможность работать в собственном темпе на образовательных платформах, получать дополнительные попытки для выполнения заданий и использовать интерактивные тренажеры повысила их уверенность в собственных силах.

2. Оперативная обратная связь: Учащиеся ценят мгновенную проверку заданий тестового характера, что позволяет быстро исправлять ошибки и снижает неопределенность.

3. Доступность и наглядность: Открытый доступ к учебным материалам, записям уроков и дополнительным ресурсам помогает ликвидировать пробелы в знаниях, что косвенно укрепляет академическую самооценку.

Негативные эффекты и риски:

1. Стресс от публичных рейтингов: Более 60% опрошенных подростков сообщили, что испытывают дискомфорт и тревогу из-за систем публичного ранжирования и открытых электронных дневников. Это явление наиболее остро проявляется среди учащихся со средней и низкой успеваемостью.

2. Цифровое выгорание: 25% активных пользователей ЦОС (ежедневно более 3 часов в учебных целях) продемонстрировали симптомы эмоционального истощения, связанные с постоянным пребыванием в онлайн-среде и многозадачностью.

3. Сравнение и снижение мотивации: У 40% учащихся с низкой исходной самооценкой было зафиксировано усиление негативного самовосприятия на фоне постоянного сравнения своих результатов с успехами одноклассников.

Исследование подтвердило гендерный аспект: девушки оказались более чувствительными к форме и тону обратной связи, в то время как юноши чаще акцентировали внимание на своем месте в рейтинге. Кроме того, была выявлена группа «цифровых отчужденных» (около 15%) – подростков, чья самооценка снижалась из-за недостаточных цифровых навыков или отсутствия стабильного доступа к интернету [2], [3].

Обсуждение результатов. Полученные результаты полностью подтверждают выдвинутую гипотезу о двойственном влиянии ЦОС. Задача педагогического сообщества – не отвергать цифровые инструменты, а научиться нивелировать их риски и максимизировать потенциал.

Рекомендации для педагогов по поддержке самооценки в ЦОС:

1. Смещение акцента с оценки на прогресс. Вместо публикации рейтингов целесообразно использовать инструменты, визуализирующие личный прогресс каждого ученика (например, «дневники достижений», графики роста). Это поддерживает внутреннюю мотивацию и снижает тревожность.

2. Развитие культуры конструктивной обратной связи. Цифровые комментарии педагога должны быть не только констатирующими, но и направляющими, поддерживающими. Важно хвалить за усилия и стратегию, а не только за правильный результат.

3. Проектирование эмоционально безопасной онлайн-среды. Необходимо устанавливать четкие правила сетевого общения (нетикет), запрещающие негативные высказывания в адрес одноклассников, и поощрять взаимопомощь.

4. Использование возможностей персонализации и геймификации. Предоставление выбора заданий, использование образовательных игр и квестов позволяет учесть разные интересы и способности, делая успех достижимым для каждого.

5. Важность роли семьи и школьной политики. Просвещение родителей о принципах здорового отношения к цифровым оценкам и разработка общешкольных концепций использования ЦОС, ставящих во главу угла психологическое благополучие ученика, являются обязательными элементами успеха [1], [6].

Заключение. Проведенное исследование демонстрирует, что цифровая образовательная среда является мощным фактором формирования самооценки современного подростка, обладающим значительным амбивалентным потенциалом.

Ключевые выводы:

1. Влияние ЦОС на самооценку не является однозначно негативным или позитивным; оно опосредуется конкретными педагогическими практиками ее использования.

2. Наибольшие риски связаны с институционализацией «оценочной прозрачности», превращающей учебный процесс в постоянную публичную демонстрацию успехов и неудач.

3. Наибольший потенциал для позитивного влияния заключен в инструментах индивидуализации, оперативной непубличной обратной связи и создания ситуаций достижимого успеха.

Практические рекомендации сводятся к необходимости целенаправленного проектирования ЦОС как антропоцентричной систем, где технология служит целям личностного развития, а не подчиняет его себе. Это требует от педагогов не только цифровых компетенций, но и глубоких знаний в области возрастной и педагогической психологии [4], [5].

Перспективы дальнейших исследований видятся в изучении долгосрочных эффектов влияния алгоритмов адаптивного обучения и нейроинтерфейсов на формирование «Я-концепции», а также в разработке конкретных методик психолого-педагогического сопровождения подростков в условиях гибридного обучения [10].

Список использованных источников:

1. Выготский Л.С. Психология развития человека. – М.: Смысл, Эксмо, 2005. – 608 с.
2. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. – СПб.: Речь, 2008. – 392 с.
3. Дубровина И.В. Практическая психология образования. Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. – М.: Академия, 2012. – 480 с.
4. Корытова Г.С. Цифровая образовательная среда как фактор трансформации личности обучающегося // Education & Pedagogy Journal. – 2024. – Т.1, №9. – С. 23-35.
5. Шуминская С.И. Актуальные аспекты и тенденции в использовании цифрового инструментария в образовательном пространстве // KANT. – 2024. – №1(50). – С. 316-321.

6. ВОЗ. Электронные устройства и психическое здоровье подростков. – Женева, 2024. – 145 с.
7. Valkenburg P.M., Peter J. Online Communication and Adolescent Well-being: Testing the Stimulation Versus the Displacement Hypothesis // Journal of Computer-Mediated Communication. – 2011. – Vol. 16, Iss. 3. – Pp. 817-836.
8. Trends to Watch in EdTech: Transforming the Future of Education // Education-Load. – 2025. – URL: educationload.com/trends-edtech-future
9. Marr B. The Top 5 Tech Trends That Will Disrupt Education In 2020 // Forbes. – 2020. – URL: forbes.com/top-tech-trends-disrupt-education/.
10. Школьники в ловушке социальных сетей: вызовы, риски, границы и безопасность // Пси-77.ру. – 2023. – URL: psi77.ru/social-media-schoolkids-challenges/.
11. Mayo Clinic. Teens and social media use: What's the impact? – Rochester, MN, USA, 2019. – URL: mayoclinic.org/teens-social-media-use/.

УДК 303.483.4:004.8
ББК 60.553.2:32.973.2

Ахундов К.Т.

студент 5 курса, направление 42.03.01, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством **Никутьцевой В.В.**

к.филол.н., доцент кафедры связей с общественностью и рекламных технологий, МГУТУ им. К.Г.Разумовского (ПКУ)

СОВРЕМЕННЫЕ НЕЙРОСЕТЕВЫЕ СЕРВИСЫ В РЕКЛАМЕ

Аннотация. В статье рассматриваются современные нейросетевые инструменты, трансформирующие рекламную индустрию: от генерации текстов и визуального контента до создания видео и интерактивных презентаций. Особое внимание уделяется переходу от массовой коммуникации к персонализированной, что соответствует ключевым трендам цифровой эпохи. На примере практического опыта автора демонстрируется эффективность использования ИИ в продвижении услуг для потенциальных клиентов и покупателей недвижимости. Также анализируются этические риски и методологические вызовы, связанные с автоматизацией коммуникаций. В заключение обсуждается потенциал интеграции нейросетевых решений в образовательную рекламу – сферу, напрямую связанную с тематикой конференции.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросети, персонализированная реклама, ChatGPT, Midjourney, Gamma.app, Runway ML, этика ИИ, образовательная коммуникация.

MODERN NEURAL NETWORK SERVICES IN ADVERTISING

Abstract. The article examines modern neural network tools transforming the advertising industry – from text and visual content generation to video production and interactive presentations. Particular emphasis is placed on the shift from mass communication to personalized messaging, aligning with key trends of the digital era. The author illustrates the practical effectiveness of AI in promoting services for potential customers and real estate buyers. Ethical risks and methodological challenges associated with automated communication are also analyzed. Finally, the potential for integrating neural network solutions into educational advertising – a domain directly relevant to the conference theme – is discussed.

Keywords: artificial intelligence, neural networks, personalized advertising, ChatGPT, Midjourney, Gamma.app, Runway ML, AI ethics, educational communication.

Современная реклама переживает глубокую трансформацию под влиянием технологий искусственного интеллекта (ИИ). Если ещё десять лет назад персонализация ограничивалась сегментацией по возрасту или геолокации, то сегодня нейросетевые модели позволяют создавать уникальные сообщения для каждого пользователя в реальном времени. Эта эволюция отражает общий тренд цифровой культуры – переход от массовой коммуникации к индивидуальному диалогу [5].

Актуальность темы обусловлена не только коммерческой эффективностью ИИ, но и его растущей ролью в формировании доверия, вовлечённости и лояльности. Особенно это заметно в B2C-секторах, где эмоциональная составляющая играет ключевую роль – например, в недвижимости или образовательных услугах. В контексте конференции «Персонализированное обучение в эпоху ИИ» важно подчеркнуть: те же технологии, что используются в рекламе, всё чаще применяются и в образовательной коммуникации – от таргетированных кампаний вузов до AI-ассистентов, помогающих абитуриентам выбирать программы [1].

Сегодня маркетологи имеют в распоряжении целый арсенал ИИ-инструментов, охватывающих все этапы рекламного цикла.

Текстовая генерация стала наиболее зрелой областью применения ИИ. Модели типа ChatGPT, Claude, Qwen и Grok способны не только писать продающие тексты, email-рассылки или скрипты для колл-центров, но и анализировать юридические документы (например, договоры с подрядчиками), исправлять стилистические ошибки и генерировать креативные идеи для кампаний. Это особенно ценно для малых команд, где нет редактора или копирайтера в штате [7].

Визуальный контент теперь создаётся без участия дизайнера. Через Midjourney я генерирую баннеры и видео-баннеры для сайта, приуроченные к праздникам (Новый год, 8 Марта) и специальным акциям («Первый взнос 0%», «Скидка на парковку»). Это позволяет поддерживать актуальность сайта без привлечения внешних специалистов [2].

Презентации и лендинги формируются мгновенно с помощью Gamma.app и Beautiful.ai. Эти платформы превращают текстовые брифы в структурированные, визуально согласованные слайды – что особенно актуально при работе с инвесторами, партнёрами или покупателями, которым важно видеть чёткость и профессионализм [3].

Видео-контент, ранее требовавший больших бюджетов, теперь доступен даже стартапам. Runway ML, Pika и (в будущем) Sora от OpenAI позволяют создавать короткие рекламные ролики по текстовому описанию: «женщина улыбается на балконе нового ЖК под закат» – и через минуту ролик готов. Это открывает возможности для гиперлокальной рекламы и персонализированных историй [3].

Особое место занимают Telegram-боты с ИИ, которые не просто отвечают на вопросы, но ведут диалог, уточняют потребности и предлагают релевантные услуги. В моей практике такой бот работает как «Вадим» –

он отвечает на вопросы пользователей внутри Avito или как отдельный Telegram-бот, подбирает подходящие квартиры по запросу, учитывая пожелания клиента: этажность, площадь, количество комнат и формат планировки. Для пользователя общение выглядит так, будто с ним говорит живой человек [6].

В рамках работы в строительной компании мы внедрили комплексный подход к использованию ИИ для взаимодействия с потенциальными клиентами и покупателями недвижимости:

- Генерация персонализированных email-рассылок через ChatGPT на основе данных о типе квартиры и истории обращений.

- Создание праздничных и акционных баннеров через Midjourney – без участия дизайнера.

- Telegram-бот «Вадим», который ведёт диалог, уточняет параметры жилья и мгновенно предлагает варианты.

- Презентации проектов через Gamma.app – для быстрого согласования с партнёрами и инвесторами.

Экономия времени составила в среднем 15–20 часов в неделю на одного маркетолога, а конверсия в заявки выросла на 34%.

Несмотря на очевидные преимущества, массовое внедрение ИИ в рекламу порождает серьёзные этические вопросы.

Во-первых, существует риск потери «человечности» в коммуникации. Когда каждый текст, изображение и ответ бота генерируется алгоритмом, возникает опасность стандартизации эмоций и утраты подлинного диалога [7].

Во-вторых, редакторский контроль остаётся обязательным. Нейросети могут выдавать фактологически неточные или стилистически неуместные формулировки – особенно в регулируемых сферах (недвижимость, финансы, образование). Для этого мы добавляем мастер-промпт – это тщательно сформулированный, универсальный или шаблонный запрос, который задаёт структуру, стиль и параметры для генерации последующих ответов ИИ. Он служит основой для получения предсказуемых, качественных и релевантных результатов, особенно при многократном использовании или в профессиональных сценариях [4].

В-третьих, встаёт вопрос прозрачности: должен ли клиент знать, что с ним «общается» ИИ? По нашему мнению – да. Скрытие этого факта подрывает доверие, особенно в долгосрочных отношениях [4].

Нейросетевые сервисы уже сегодня позволяют выстраивать full-cycle рекламные стратегии – от анализа аудитории до генерации контента и измерения эффективности. В ближайшие годы мы увидим их интеграцию в CRM-системы, автоматизацию креативных брифов и даже предиктивное планирование кампаний [6].

Особый интерес представляет применение этих решений в образовательной рекламе – сфере, напрямую связанной с темой конференции. Вузы могут использовать ИИ для:

- персонализированных email-кампаний для абитуриентов,
- генерации видеороликов о программах обучения,
- создания интерактивных презентаций через Gamma.app,
- чат-ботов, отвечающих на вопросы о поступлении [8].

Таким образом, нейросетевые технологии не просто оптимизируют рекламу – они делают её более гибкой, ориентированной на реальные потребности получателя и совместимой с принципами персонализированного подхода, лежащего в основе современного образования.

Список использованных источников:

1. Ахметшина И.А., Калита В.В. Цифровые технологии в гуманитарной сфере: вызовы и возможности // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. – 2023. – Т. 11, № 4. – С. 72–81.
2. Богатырева С.Н. Визуальная риторика в цифровой рекламе: роль ИИ-генеративных моделей // Стандарты и мониторинг в образовании. – 2025. – № 1. – С. 44–52.
3. Григорьева Д.А. Генеративные модели в создании рекламного контента: от текста к видео // Стандарты и мониторинг в образовании. – 2025. – № 2. – С. 61–69.
4. Ковалёв С.В. Человек и машина: границы доверия в автоматизированных коммуникациях // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. – 2025. – Т. 13, № 1. – С. 88–97.
5. Моисеева О.А. Трансформация рекламных коммуникаций в цифровой среде: от массовости к персонализации // Стандарты и мониторинг в образовании. – 2024. – № 2. – С. 98–106.
6. Петров А.В. Персонализированная реклама в эпоху ИИ: между эффективностью и этикой // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. – 2024. – Т. 12, № 3. – С. 102–110.
7. Чернавский М.Ю. Этические дилеммы искусственного интеллекта в социокультурном пространстве // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. – 2024. – Т. 12, № 2. – С. 115–124.
8. Smith J., Lee M. AI-Driven Personalization in Digital Advertising: Opportunities and Ethical Challenges // Journal of Marketing Communications. – 2024. – Vol. 30, No. 4. – P. 321–337. – DOI:10.1080/13527266.2023.2287654.

Каштанова А.А.

студентка 2 курса, направление 42.03.01, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством Никульцевой В.В.

к.филол.н., доцент кафедры связей с общественностью и рекламных технологий, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

ЛОКАЛИЗАЦИЯ РЕКЛАМНЫХ РЕАЛИЙ: МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ПЕРЕВОД И БРЕНД-КОММУНИКАЦИЯ

Аннотация. В статье исследуются ключевые аспекты локализации рекламных сообщений в контексте межкультурной коммуникации. Анализируются лингвистические, социокультурные и маркетинговые факторы, влияющие на эффективность перевода рекламных материалов. Рассматриваются практические кейсы международных брендов, демонстрирующие успешные и неудачные примеры локализации. На основе статистической информации и академических исследований формулируются принципы эффективной межкультурной бренд-коммуникации.

Ключевые слова: локализация, рекламный перевод, межкультурная коммуникация, бренд-коммуникация, кросс-культурный маркетинг, адаптация контента, глобальный брендинг, культурный код, маркетинговая коммуникация, переводческая стратегия.

LOCALIZATION OF ADVERTISING REALIAS: CROSS-CULTURAL TRANSLATION AND BRAND COMMUNICATION

Abstract. The article explores key aspects of advertising messages localization in the context of cross-cultural communication. The linguistic, sociocultural and marketing factors influencing the effectiveness of advertising materials translation are analyzed. Practical cases of international brands demonstrating successful and unsuccessful localization examples are considered. Based on statistical information and academic research, the principles of effective cross-cultural brand communication are formulated.

Keywords: localization, advertising translation, cross-cultural communication, brand communication, cross-cultural marketing, content adaptation, global branding, cultural code, marketing communication, translation strategy.

В современных условиях глобализации рынков компании сталкиваются с необходимостью адаптации рекламных сообщений к различным культурным контекстам. Локализация рекламных реалий представляет собой сложный процесс, требующий не только лингвистической компетенции, но и глубокого понимания культурных особенностей целевой аудитории. Актуальность исследования обусловлена интенсификацией международной конкуренции на глобальных рынках, ростом объемов трансграничной электронной торговли и необходимостью минимизации коммуникационных рисков при выходе брендов на новые рынки. По данным Statista, мировой рынок электронной коммерции в 2024 году достиг 6,3 трлн долларов с прогнозом роста до 8,1 трлн долларов к 2027 году [11].

Цель исследования – выявить ключевые факторы успешной локализации рекламных сообщений и разработать рекомендации по оптимизации межкультурной бренд-коммуникации.

Локализация (от англ. localization) – процесс адаптации продукта, контента или услуги к языковым, культурным и правовым особенностям конкретного региона или страны [15]. В отличие от простого перевода, локализация включает лингвистическую адаптацию, культурную трансформацию, техническую модификацию и правовую коррекцию. Согласно определению Европейской ассоциации стандартов локализации (ELISA), локализация – это процесс, при котором продукт адаптируется к культурным и лингвистическим особенностям целевого рынка таким образом, чтобы он воспринимался как созданный локально [5].

Этапы локализации, предложенные Esselink (2000), включают анализ исходного материала и целевой аудитории, перевод и культурную адаптацию, техническую адаптацию форматов дат, валют и единиц измерения, тестирование и корректировку, а также публикацию и мониторинг [6].

Рекламный текст как объект локализации обладает специфическими характеристиками: прагматическая направленность, компрессия информации, использование стилистических фигур и опора на культурные коды и ассоциации [16]. Лингвистическая специфика рекламных текстов создаёт особые вызовы для локализации, включая игру слов и каламбуры, идиоматические выражения, культурно-специфичные метафоры и аллюзии на местные реалии.

Для анализа культурных различий в рекламе применяется модель культурных измерений Г. Хофстеде, включающая шесть параметров: дистанция власти, индивидуализм/коллективизм, мужественность/женственность, избегание неопределённости, долгосрочная/краткосрочная ориентация и снисходительность/сдержанность [8]. Эти параметры влияют на стиль обращения к потребителю, фокус на личном или групповом благополучии, гендерные роли в рекламе, степень детализации информации, временной фокус сообщений и эмоциональность рекламы.

При локализации необходимо учитывать культурные табу и чувствительные темы, такие как религиозные ограничения, цветовые ассоциации, жесты и символы, числовые суеверия [13]. Региональные ограничения варьируются в зависимости от культурных особенностей: на Ближнем Востоке существуют запреты на изображения людей в религиозной рекламе, в Азии особое значение придаётся числу 4 и цвету красного, в Латинской Америке важна эмоциональность и семейные ценности, а в Северной Европе преобладает минимализм и экологическая повестка.

Как показывает исследование В.Н. Комиссарова, выделяются следующие переводческие стратегии: дословный перевод, трансформация, адаптация и переосмысление [14]. Выбор стратегии зависит от целевой аудитории, канала коммуникации, бюджета и сроков проекта, а также степени культурной дистанции между исходным и целевым рынками.

Лингвистические приёмы локализации включают транслитерацию и транскрипцию, калькирование, модуляцию, экспликацию, компенсацию и описательный перевод. Например, слоган Nike «JustDoIt» в Китае переведён как «只管去做» («просто сделай это»), а название KitKat в Японии адаптировано с учётом местных ассоциаций [10].

Анализ успешных и неудачных кейсов показывает важность тщательной проверки фонетической совместимости названий и слоганов. К известным ошибкам можно отнести перевод слогана KFC «FingerLickin' Good» в Китае как «吃掉手指» («съесть палец»), а также провал кампании Electrolux в Польше, когда было использовано выражение, которое в польском сленге имело оскорбительное значение: «ComeAlive» было переведено как «восстать из мёртвых», что вызвало негативные ассоциации у местной аудитории [12]. Этот случай демонстрирует важность глубокого понимания культурных контекстов при переводе рекламных сообщений.

Ещё одним показательным примером служит история с автомобилем Chevrolet Nova в испаноязычных странах. Название модели, казалось бы, должно было ассоциироваться с успехом (nova – «новая»), однако в испанском языке словосочетание nova означает «не едет», что привело к провалу продаж [17].

Статистика показывает высокую эффективность локализации в современном маркетинге. По данным CSA Research (2024), 78% потребителей отказываются от покупки при отсутствии информации на родном языке, а 65% готовы платить на 10-15% больше за локализованный продукт [4]. Компании с многоязычным контентом увеличивают средний чек на 22%.

ROI (возврат инвестиций) в локализацию демонстрирует впечатляющие показатели по различным отраслям: в электронной коммерции он составляет 3,2:1, в товарах повседневного спроса – 2,8:1, а в IT-сервисах достигает 4,1:1 [2]. Качественные метрики также подтверждают эффективность: узнаваемость бренда растёт на 50-70% при полной локализации, а 82% пользователей считают локализованные сайты более профессиональными [3].

Современные технологические инструменты значительно упрощают процесс локализации. CAT-системы (SDL Trados, memoQ, SmartCAT) ускоряют перевод на 40% и снижают количество ошибок на 25%. AI-решения, такие как DeepL Write, помогают в стилистической адаптации контента. Для тестирования пользовательского опыта применяются инструменты UserTesting и Hotjar [9, 12].

В процессе локализации необходимо учитывать правовые аспекты. Это включает соблюдение местного законодательства о рекламе, правил защиты персональных данных (GDPR в ЕС, CCPA в Калифорнии), авторских прав на используемые материалы и требований к маркировке товаров [11]. Особое внимание уделяется региональным особенностям регулирования: в ЕС действуют строгие правила о скрытых рекламных сообщениях, в Китае требуется регистрация доменов .cn, а в ОАЭ существует цензура изображений.

Методология исследования эффективности локализации включает как качественные, так и количественные методы. К качественным относятся глубинные интервью с целевой аудиторией, фокус-группы для тестирования рекламных материалов и этнографическое наблюдение. Количественные методы включают A/B-тестирование, опросы и анализ веб-аналитики [16].

Перспективы развития локализации связаны с внедрением новых технологий. Ожидается рост спроса на многоязычный контент – к 2030 году 60% онлайн-контента будет создаваться на неанглийских языках [7]. Развиваются технологии нейронного машинного перевода с культурной адаптацией, генеративного AI для создания контента и автоматизированного культурного аудита.

В заключение следует отметить, что локализация рекламных сообщений представляет собой комплексный процесс, требующий глубокого понимания культурных особенностей целевой аудитории, владения современными технологическими инструментами, соблюдения правовых норм и постоянного мониторинга рыночных тенденций [7, 12]. Успешная локализация позволяет не только избежать коммуникационных ошибок, но и значительно повысить эффективность маркетинговых кампаний, увеличить конверсию и средний чек.

Список использованных источников:

1. AdAge. Electrolux Poland Campaign Failure Case Study. 2019.
2. Common Sense Advisory. The ROI of Localization: 2023 Report. Boston: CSA, 2023. – 96 p.
3. Crystal D. Language and Globalization. London: Routledge, 2020. – 248 p.
4. CSA Research. Consumer Preferences in Multilingual E-Commerce. Washington: CSA, 2024. – 120 p.
5. ELISA (European Language Industry Standards Association). Localization Best Practices Guide. 2022.
6. Esselink B. A Practical Guide to Localization. Amsterdam: John Benjamins, 2000. – 400 p.
7. Gartner. Future of Content Localization 2030. Stamford: Gartner Inc., 2024. – 44 p.
8. Hofstede G. Cultures and Organizations: Software of the Mind. London: McGrawHill, 2010. – 576 p.
9. Hotjar (Электронный ресурс). URL: <https://www.hotjar.com/> (дата обращения 26.10.2025).
10. Ren Xiaojin. Localization vital cog in Nike's expansion strategy in China // China Daily (Электронный ресурс) URL: <https://global.chinadaily.com> (дата обращения: 27.10.2025)
11. Statista. Global E-commerce Market Report 2024. Hamburg: Statista GmbH, 2024 – 68 p.
12. TAUS. Neural Machine Translation Trends 2024. Amsterdam: TAUS, 2024. – 52 p.
13. Демецкая В. В. Теория локализации: основы и прикладные аспекты. СПб.: Издательство СПбГУ, 2007. – 184 с.

- 14 Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: Валент, 2021. – 424 с.
15. Медведева Е. В. Рекламный текст в плане межязыковой и межкультурной коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. – 30 с.
16. Ни Ф. Исследование стратегий перевода межкультурной рекламы с точки зрения теории Балхударова // Форум молодых учёных. 2024. № 4 (92).
17. Фирсов Д. Реальные истории провалов: как название убивает продажи авто // Правда.ру (Электронный ресурс). URL: <https://www.pravda.ru/news/auto/2298718-winter-driving-safety/> (дата обращения 25.10.2025).

УДК 82

Терехова А.И.

студентка 2 курса, направление 42.03.01, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством Никольцевой В.В.

к.филол.н., доцент кафедры связей с общественностью и рекламных технологий, МГУТУ им. К.Г.Разумовского (ПКУ)

«РУСАЛОЧКА» Х.-К.АНДЕРСЕНА: РЕЦЕПЦИЯ ВСОВРЕМЕННОЙ МЕДИА СФЕРЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу рецепции сказки Х.К. Андерсена «Русалочка» в современном медийном и культурном пространстве. Рассматриваются ключевые векторы интерпретации классического сюжета: гендерный дискурс и деконструкция жертвенности в академической критике и литературе, ироническое и пародийное переосмысление в кинематографе и фэнтези, использование сказки как инструмента коммуникации в социальных и психологических практиках, а также ее трансформация в цифровой среде в формате визуальных трендов. Делается вывод о том, что «Русалочка» остается живым культурным кодом, актуализирующим острые социальные и психологические проблемы.

Ключевые слова: Х.-К. Андерсен, «Русалочка», рецепция, медиасфера, гендерный дискурс, культурный код, трансмедийность, цифровая культура.

"THE LITTLE MERMAID" BY H.C. ANDERSEN: RECEPTION IN THE CONTEMPORARY MEDIA SPHERE

Abstract. This article analyzes the reception of H.C. Andersen's fairy tale "The Little Mermaid" in the contemporary media and cultural landscape. It examines key vectors of interpretation of the classic plot: the gender discourse and the deconstruction of self-sacrifice in academic criticism and literature; ironic and parodic reinterpretations in cinema and fantasy; the use of the fairy tale as a communication tool in social and psychological practices; and its transformation in the digital environment through visual trends. The conclusion is drawn that "The Little Mermaid" remains a living cultural code that brings acute social and psychological issues to the forefront.

Keywords: H.C. Andersen, "The Little Mermaid," reception, media sphere, gender discourse, cultural code, transmediality, digital culture.

Сказка Ханса Кристиана Андерсена «Русалочка» (1837), являясь частью мирового культурного канона, давно перестала быть лишь детским литературным произведением. Она стала мощным культурным кодом и архетипическим сюжетом, который постоянно актуализируется и переосмысливается в современной медиасфере.

Под рецепцией в данном контексте понимается процесс восприятия, интерпретации и трансформации художественного произведения в новой социокультурной и медийной среде. Этот процесс – не простое воспроизведение, а сложный диалог с оригиналом, в ходе которого выявляются новые смыслы, отвечающие на вызовы времени: вопросы гендерной идентичности, самореализации, природы жертвенности и токсичности отношений.

Цель данной статьи – проследить ключевые векторы этой рецепции, от академической критики и литературных интерпретаций до кинематографа и цифровой культуры.

1. Гендерный дискурс: деконструкция жертвенности

Одним из наиболее продуктивных направлений рецепции стала критическая переоценка гендерных моделей, заложенных в оригинале.

Антрополог Марина Бутовская в работе «Антропология пола» (2022) указывает на структурную асимметрию сказочных нарративов: «А вот сказок с другим сюжетом, где злобным чудовищем выступает заколдованная принцесса, а красивый юноша влюблялся бы в монстра и своей любовью разрушал злые чары, к сожалению, трудно вспомнить» [1, с.5]. Сюжет «Русалочки» она анализирует как пример «невидимой женской жертвы», отмечая: «Прекрасный принц из сказки «Русалочка» полюбил злую и красивую женщину... и не заметил скромную немую Русалочку, не только спасшую ему жизнь, но и покинувшую свою семью, дом и лишившуюся всех благ» [1, с.5]. Этот анализ акцентирует внимание на том, как женская самоотверженность оказывается не востребованной в патриархальной логике.

В современной прозе архетип «немой» жертвенности находит неожиданное воплощение у Анатолия Салуцкого в тексте «Немой набат» читаем: «– Не придуривайся, всё ты понимаешь, – хрипло хохотнул Простов. Разглядел Веру? Это тебе не датская русалочка в хиджабе» [6, с.5]. Хотя связь с Андерсеном не прямая, сам образ «датской русалочки» используется здесь как яркая культурная метафора для контраста, что свидетельствует о его глубоком укоренении в языке и сознании.

2. Рецепция в кинематографе и литературе: от канона к иронии

Кино и современная литература выступают главными площадками для визуальной и сюжетной реинкарнации сказки.

Сергей Лукьяненко в романе «Новогодний дозор» встраивает архетип в контекст городского фэнтези. Один из персонажей сообщает: «Во Франции приходится вмешиваться инквизиции, чтобы выловить очередную девицу, превратившуюся в русалочку. – Почему во Франции? – удивился я. – Почему не в Дании? – Наверное потому, что в Дании холодно» [3, с.5]. Эта реплика – яркий пример адаптации мифа к современным реалиям и повод для иронии над географией сказочных существ.

3. Социальные и психологические практики: сказка как инструмент коммуникации

Сказка Андерсена активно используется в современных социальных практиках, в частности, в области детской психологии и родительства.

На форуме для родителей участница делится опытом, как говорить с четырехлетним ребенком о смерти прабабушки. Она пишет: «Мы читали «Русалочку» и «Стойкий оловянный солдатик» Андерсена. С этими сказками дочка переживала тему смерти» [7, с.5]. Это свидетельствует о том, что трагический финал Русалочки, ее превращение в «дочь воздуха» интерпретируется как аллегория ухода и трансформации, а не окончательной гибели. Сказка становится медиатором в сложном разговоре, помогая ребенку пережить потерю.

4. Цифровая среда и трансмедийность: от бренда к тренду

В цифровой среде образ Русалочки дробится, превращаясь в эстетические тренды и точку притяжения для туризма.

В соцсети TikTok образ Русалочки породил визуальный тренд, основанный на чешуйчатых текстурах, перламутровых отливах и цветах морской волны. Он отражается в этот контент, создаваемый бьюти- и фэшн-инфлюенсерами, коммодифицирует архетип, превращая его в рыночную эстетику [4, с.5].

5. Визуальный код и телесность: метафоры в современной культуре

Образ Русалочки, связанный с метаморфозой, болью и инаковостью, становится мощной метафорой в современном искусстве и литературе.

В рассказе Михаила Шишкина «Вечерний волос» героиня размышляет: «Боже, чьи это ноги там? Усталые, некрасивые, отёчные. Только теперь поняла, что имел в виду Андерсен своей русалкой, сменившей рыбий хвост на женские ноги» [8, с.5]. Это точная визуальная метафора, описывающая состояние Русалочки после обретения ног, которые причиняли ей боль при каждом шаге. Шишкин использует этот архетип для описания глубоко личного, почти физиологического ощущения диссонанса, отчуждения от собственного тела, что актуально для дискурсов о гендерной дисфории и психологической травме.

В рецензии Светланы Васильевой на спектакль описывается сложная визуальная образность: «сотворенными из рыбьего хвоста» [2, с.5]. Создание объектов из «рыбьего хвоста» прямо отсылает к сказке Андерсена, но в контексте «мистериального театра» этот образ приобретает сюрреалистический, почти сакральный характер, становясь символом болезненного творения, соединения живого и мертвого, природного и искусственного.

«Русалочка» Андерсена – это не просто сказка, а живой и многогранный культурный код. Её рецепция в современной медиасфере представляет собой динамичный процесс: от деконструкции патриархальных установок в академической критике до ироничных вкраплений в городское фэнтези; от использования в качестве терапевтического инструмента в диалоге с детьми о смерти до превращения в глобальный туристический бренд; от метафоры болезненной телесной трансформации до сюрреалистического образа в театре.

Эта история продолжает порождать новые смыслы, помогая вести разговоры о важных социальных проблемах и становясь метафорой психологического состояния. Для меня как будущего специалиста по рекламе и связям с общественностью способность таких классических образов оставаться актуальными – ценный урок. Понимание этих глубоких культурных связей и того, как сказка вступает в диалог с самой острой современной проблематикой, помогает создавать по-настоящему сильные сообщения к аудитории в цифровую эпоху.

Список использованных источников:

1. Бутовская М. Антропология пола [Текст]: Фрязино: Век 2, 2013. – 253, [1] с.
2. Васильева С. «Первый встречный...» // Октябрь, 2001. (Электронный ресурс) – URL: <https://magazines.gorky.media/october/2001/6/pervyy-vstrechnyj.html> [Дата обращения 24.10.2025].
3. Лукьяненко С. Новогодний дозор. – Москва: АСТ, 2014. – 382, [1] с.
4. Материалы цифровой медиасферы (TikTok) (Электронный ресурс) – URL: <https://clck.ru/3QABtJ> [Дата обращения 24.10.2025].
5. Русалочка // Национальный корпус русского языка: (Электронный ресурс) URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=CuMBErwBCrkBChMKCWRpe2FtYm1vZBIGCgRtYWluChcKB2Rpe3Rtb2QSDAoKd2l0aF96ZXJvcxKIAQowCgNsZXgSKQon0YDRg9GB0LDQu9C%252B0YfQutCwFCLRGNGD0YHQsNC70L7Rh9C60LAIcgoKBGZvc m0SAgoACgsKBWdyYW1tEgIKAAoJCgNzZW0SAgoACHUKB3NlbS1tb2QSCgoIc2VtfHNlbXgKDAoGc3ludGF4EgIKAAoLCg VmbGFncxICCGAqGwoICAAQChgyIAoQBSAAQAVqBDAuOTV4AKABATICCAE6AQE%253D> [Дата обращения 24.10.2025].
6. Салуцкий А. Немой набат // Москва: Вече, 2021. – 926, [1] с.
7. Форум: Как сказать ребёнку 4 лет о смерти прабабушки. – 2012. (Электронный ресурс) – URL: <https://ginger-mama.livejournal.com/> [Дата обращения 24.10.2025].
8. Шишкин М. Венерин волос // Знамя, 2005. (Электронный ресурс) – URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2005/4/venerin-volos.html> [Дата обращения 24.10.2025].

УДК 378
ББК 74.3

Аллахвердиева Л.М., Власов Ю.Н. Ковалев П.А.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ВОЖАТЫХ ДЛЯ РАБОТЫ В ДЕТСКОМ ОЗДОРОВИТЕЛЬНОМ ЛАГЕРЕ ОРИЕНТИРОВАННЫХ НА ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ СРЕДИ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ¹¹

Аннотация. Сегодня вопросам безопасности жизнедеятельности уделяется особое внимание. Начинать приобщать к культуре безопасности жизнедеятельности следует с детского возраста. Условия детского оздоровительного лагеря в полной мере подходят для осуществления этого процесса. Для того, чтобы он был целенаправлен и в конечном итоге достиг запланированных результатов следует обратить пристальное внимание на воспитание студентов, которые в рамках своей педагогической практики будут работать вожатыми.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с воспитанием и трансляцией определённого набора компетенций, необходимых для успешного формирования культуры безопасности жизнедеятельности среди детей и подростков посредством применения информационных технологий.

Ключевые слова: информационные технологии, воспитание, культура безопасности жизнедеятельности, детский оздоровительный лагерь, педагогические вузы.

THE USE OF INFORMATION TECHNOLOGY IN THE TRAINING OF COUNSELORS FOR WORK IN A CHILDREN'S HEALTH CAMP FOCUSED ON THE FORMATION OF A CULTURE OF LIFE SAFETY AMONG CHILDREN AND ADOLESCENTS

Abstract. Today, special attention is being paid to life safety issues. It is necessary to start introducing to the culture of life safety from childhood. The conditions of the children's health camp are fully suitable for this process. In order for it to be purposeful and eventually achieve the planned results, close attention should be paid to the education of students who, as part of their teaching practice, will work as counselors.

The article discusses issues related to the education and translation of a certain set of competencies. Necessary for the successful formation of a culture of life safety among children and adolescents through the use of information technology.

Keywords: information technology, education, life safety culture, children's health camp, pedagogical universities.

Российские вузы в прежний исторический период развития нашей страны уделяли значительное внимание воспитательной работе во время образовательного процесса, но она была идеологически окрашена. Педагогические вузы и сегодня не просто готовят профессионалов высокой квалификации, но и воспитывают студентов. В настоящее время целью такой воспитательной работы является формирование компетентного специалиста, который не только владеет своей профессиональной сферой, но и впитал духовно-нравственные ценности и является патриотом своего Отечества [7].

Воспитательный процесс совместно с образовательным процессом актуализированный информационными технологиями становится социально востребованной и актуальной проблемой развития личности будущего педагога. Помимо этого, у выпускников наших вузов должна быть активная жизненная, гражданская и нравственная позиция.

Для достижения этой цели в вузах используют различные формы воспитательной работы, в том числе:

- планирование воспитательного воздействия во всех составляющих образовательного процесса;
- создание организационных и кадровых условий для воспитательной работы;
- развитие системы студенческого самоуправления [8].

Цифровая трансформация, которая затрагивает практически все сферы жизнедеятельности не должна находиться вдали от тех процессов, которые реализуются в образовании и воспитательная деятельность, в том числе должна отслеживать и применять современные информационные технологии.

Так, в целом ряде статей Федерального закона «Об образовании» содержатся положения о том, что в систему средств обучения и воспитания входят, помимо прочего, и информационные ресурсы, причем в законе достаточно детально обозначены возможности использования информационных технологий. В Законе специально отмечено, что средства обучения и воспитания включают в себя в том числе и информационные ресурсы. Это прежде всего, компьютеры, как правило объединенные в локальные информационные сети, в рамках компьютерного класса. Аудио и видео аппаратура, предназначенная для трансляции сформированного контента. И иные аппаратные и программные средства, которые могут быть полезны в образовательном и воспитательном процессе [3].

¹¹Работа выполнена в рамках реализации государственного задания в соответствии с приказом Минпросвещения России от 20.03.2025 г. N 220 «О включении в государственные задания на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов подведомственным Министерству просвещения Российской Федерации учреждениям работ по проведению прикладных и фундаментальных научных исследований и установлении объема их финансового обеспечения на 2025 год» Федеральным государственным образовательным автономным учреждением высшего образования «Государственный университет просвещения».

Активное использование информационных технологий в воспитательной работе в вузе, по мнению специалистов, позволяет добиваться следующих результатов, это, во-первых, рост мотивации на осуществление поисковой деятельности; во-вторых, учёт специфики каждого студента, в рамках воспитательного процесса; в-третьих, интенсификация деятельности педагогического состава вуза по нахождению релевантной информации с одной стороны и включение учебно-воспитательную деятельность цифровых инструментов [3].

ИТ-технологии открывают новые горизонты для студентов. Они могут осуществлять поиск материалов, размещенных в глобальной сети в рамках подготовки к занятиям. В Интернете можно найти ответы на нерешенные проблемы. Все это также следует активно использовать в организации воспитательной работы в вузе.

Здесь хотелось бы отметить, что все государственные документы Российской Федерации, относящиеся к сфере образования и воспитания, являются соответствующей реакцией на реально происходящие процессы. Они отражают те изменения, которые необходимо учитывать в воспитательной работе с молодежью. А изменения в сознании молодых россиян в начале XXI века происходили довольно существенные. Как и в мире в целом, информационные технологии и цифровизация привели к появлению молодых людей, вся сознательная жизнь которых происходит уже в условиях современного информационного общества [3].

В специальной научной литературе их обозначают как «цифровые поколения», в частности – «поколение Y» или «поколение Z» и тому подобное. Родившиеся и выросшие в век доступности информации, гаджетов, Wi-Fi, геймификации и всего прочего, они не желают интегрироваться в образовательный процесс, в котором нет цифровых технологий. А тем более, совсем не склонны к позитивному восприятию воспитательных процессов в обществе, в том числе, в стенах образовательных учреждений.

Отечественные специалисты выделяют следующие наиболее характерные черты так называемого цифрового поколения.

1. Эгоцентризм.
2. Социализация через соцсети.
3. Склонность к аутизации и интровертность.
4. Жажда постоянных развлечений / потребительство.
5. Поверхностные знания.
6. Отсутствие критичности.
7. Клиповость мышления.
8. Гиперактивность.
9. Способность к многозадачности.
10. Размывание жизненных принципов, ценностей, ориентиров [9].

Учитывая все это, возникает следующий вопрос, который часто задается отечественными авторами. Вопрос это такой – возможно ли эффективное воспитание в цифровую эпоху?

Ответ на поставленный вопрос будет следующий. Эффективное воспитание в цифровую эпоху возможно также, как оно было возможно и в доцифровую эпоху. Никто же не отменяет необходимость воспитательной составляющей образования, особо характерную для России. С появлением же новых технических средств в российском образовании неизбежно будут появляться и должны активно применяться новые инструменты воспитательной работы, базирующиеся на современных информационных и цифровых технологиях.

Только их целью должны стать не всепоглощающая пропаганда материального успеха любой ценой, так успешно навязанная отечественному менталитету со стороны противников России, а знакомство студентов с подлинно человеческими ценностями, такими, как:

- признание ценности и уникальности каждого человека независимо от его расы, пола, возраста и социального положения;
- свобода личности как возможности развиваться и раскрывать свой потенциал, при этом проявляя уважение и принятие свободы других людей;
- понимание того, что человек несёт ответственность за свои поступки и их последствия и др. [2].

Необходимо также более активно доносить до сознания студентов, что в любом обществе существуют такие непреходящие ценности, которые действительно необходимы человеку и на протяжении всей жизни и являются для него основным приоритетом. Комплекс традиционных духовно-нравственных ценностей отражен в Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 [1]. Привитие таких ценностей в рамках воспитательной работы в вузе может способствовать преодолению вышеназванных негативных тенденций в сознании молодых людей и должно стать в центре этой работы. Этот процесс крайне важен также при подготовке вожатых к летней лагерной смены крайне важно впитать в себя культуру безопасности жизнедеятельности, так как в условиях продолжающегося системного противостояния с коллективным западом актуализируются вопросы, связанные с ее формированием.

Каждый вуз осуществляет этот процесс по-своему усмотрению и это правильно, так как в каждом учебном заведении своя корпоративная культура и свои особенности. Тем не менее для оптимизации данного процесса в рамках реализации государственного задания в соответствии с приказом Минпросвещения России от 20.03.2025 г. № 220 авторский коллектив Государственного университета просвещения были разработаны методические рекомендации по «Развитие компетенций специалистов организаций детского отдыха в области формирования у детей и подростков, в том числе с ограниченными возможностями здоровья, культуры безопасности жизнедеятельности».

Данный документ включает в себя, в том числе воспитательный блок, ориентированный на применение целого комплекса разнообразных практик ориентированных на воспитание будущих вожатых в русле культуры безопасности жизнедеятельности.

В методических рекомендациях отражены моменты, которые позволят усилить работу по контрпропаганде навязываемых студентам идей индивидуализма и аполитичности, свойственных либеральному пониманию глобальных процессов, происходящих в современном мире [4]. В частности, присутствует целый спектр специально подобранных кейсов. Эти истины следует доносить до сознания молодых людей, ориентируя их на выработку собственного решения в рамках решения кейса.

Особенностью методических рекомендаций, также является то, что они включают в себя возможности по применению цифровых технологий, которые позволяют реалистично воссоздавать реальные жизненные ситуации, помогают самим студентам их моделировать и анализировать эти ситуации в отношении самих себя [5]. Иными словами, воспитательная работа со студентами не должна ограничиваться рамками непосредственного общения в аудиториях университетов, но и осуществляться online.

При этом следует особо отметить, что сами по себе цифровые технологии являются всего лишь техническим средством обеспечения воспитательной работы, расширяющем коммуникационные связи в процессе общения педагогов с обучающимися. Они позволяют удаленно осуществлять педагогическое воздействие на обучающихся, но совершенно не способны заменить педагога как в процессе обучения, так и в той части обучения, которая обозначается как воспитательное воздействие.

Соответственно, при обучении студентов следует учитывать те основные аспекты организации воспитательного процесса, которые формируют соответствующие знания и умения, такие как:

- информационная компетентность студентов;
- способность и умение студентов самостоятельно искать, анализировать, отбирать, обрабатывать и передавать необходимую информацию;
- готовность студентов к эффективному использованию информационных технологий в учебном процессе [10].

Но наиболее важным в воспитательной работе со студентами является умение преподавателей в современных формах донести до их сознания тот положительный контент, сущностью которого являются отмеченные нами выше подлинные ценности. И при этом следует оформить его в интересных цифровых решениях. Ведь именно умело используемые цифровые воспитательные технологии, которые вызывают реальный интерес у представителей «цифровых поколений», помогут решать задачи формирования у студентов устойчивого интереса к воспитательным мероприятиям. А наличие интереса и положительного отношения к непреходящим ценностям позволяет, а также позволит актуализировать культуру безопасности жизнедеятельности, таким образом, чтобы иметь возможность ее транслировать детям и подросткам в условиях детского оздоровительного лагеря.

В целом же, проблемы, касающиеся цифровизации образования, рассматриваемые с точки зрения развития системы высшего образования являются многофакторными, обширными и актуальными [6]. При этом само содержание высшего образования, обогащенное применением информационно-коммуникационных технологий, будет намного разнообразнее, интереснее, а главное – эффективнее с точки зрения реализации воспитательной функции образования.

В заключение отметим, что исследование областей приоритетного внедрения новейших информационных технологий в высшее образование в целом и в воспитательный процесс в частности показывает его общность с основными аспектами функционирования современной российской системы образования. В этой связи, разработанные методические рекомендации, в которых присутствует раздел, начиненный воспитательными практиками, в том числе ориентированный на применение IT-технологий при его системном применении в рамках подготовки студентов к вожатской практике сможет решить многие вопросы.

Список использованных источников:

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС Консультант Плюс. – URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/77839.html>
2. Аширов Д.В., Пастухова Л.С., Турлакова О.Е. Воспитание в высшей школе: поиск современной модели // Ценности и смыслы. 2021. № 2. С. 78-94.
3. Аксютин А.А., Деденева А.С. Программно-техническое обеспечение информационно-образовательной среды гуманитарного вуза // Вуз искусств и культуры в едином образовательном пространстве: сборник материалов Международной научно-практической конференции «Вуз искусств и культуры в едином образовательном пространстве» / Главный редактор Н.А. Паршиков; научный редактор и составитель И.А. Ивашова; редколлегия: А.С. Деденева, И.И. Банникова, Т.Д. Крылова, Э.А. Финогеева. Орел: Издательство: Орловский государственный институт культуры. 2013. С. 186-189.
4. Власов Ю.Н., Аллахвердиева Л. М., Сморгачева В.П. Средства и методы формирования культуры безопасности жизнедеятельности среди детей и подростков в условиях детского оздоровительного лагеря // Смыслы, ценности, нормы в бытии человека, общества, государства : сборник статей и материалов / сост. С.С. Наседкина; общ. ред Е.А. Куштым. – Челябинск: ГБОУ ВО «ЮУрГГИИ им. П.И. Чайковского», 2025. С. 57-61.
5. Власов Ю.Н., Ковалев Д.В., Сморгачева В.П. Актуальные вопросы методологии формирования культуры безопасности жизнедеятельности у детей и подростков в период детского отдыха // Роль социальных практик в формировании мировоззрения: сборник материалов Международной научно-практической конференции «Роль социальных

практик в формировании мировоззрения» (Курск, 10-11 июня 2025 г.); под ред. В.А. Липатова, Т.А. Шульгиной, Е.П. Непочатых. – Курск: КГМУ, 2025. С. 56-61.

6. Гриншкун В.В. Цифровые инструменты в профессиональной подготовке педагогов. // Альманах Института коррекционной педагогики. Альманах №43, 2021. – URL: <https://alldef.ru/ru/articles/almanac-43/digital-instruments-in-professional-teacher-training>

7. Коротков А.М., Макарова И.А. Воспитательная работа в современном педагогическом вузе: приоритетные направления // Нижегородское образование. – 2022. №4. – С. 12-19.

8. Нор К.Е., Ивлева В.С. Формы воспитательной работы в образовательной организации высшего образования // Социально-экономический и гуманитарный журнал. – 2022. №2. – С. 176-188.

9. Тулинова М.В. Преподавание и воспитание в эпоху цифровизации // Мультиурок (сайт). – URL: <https://multiurok.ru/files/prepodavanie-i-vospitanie-v-epokhu-tsifrovizatsii.html>

10. Шорец Т.В. Применение цифровых технологий в воспитательном процессе высших учебных заведений // Инновационное развитие транспортного и строительного комплексов: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию БелиИЖТа – БелГУТа. Гомель: Издательство: Учреждение образования «Белорусский государственный университет транспорта». 2023. – С. 221-223.

УДК 37.08

Гомзякова Н.Ю.

кандидат педагогических наук, доцент, заместитель декана по научной работе факультета безопасности жизнедеятельности ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения»

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА И ПЕРЕПОДГОТОВКА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ПРЕДМЕТА «ОСНОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ И ЗАЩИТЫ РОДИНЫ» ИЗ ЧИСЛА ВЕТЕРАНОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ: ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ

Аннотация. Статья посвящена проблеме профессиональной подготовки и переподготовки педагогических кадров из числа ветеранов специальной военной операции в области основ безопасности и защиты Родины. Рассматриваются актуальные вопросы формирования у них педагогически значимых цифровых компетенций с учетом специфики предметной области «Основы безопасности и защиты Родины».

Ключевые слова: ветераны специальной военной операции, основы безопасности и защиты Родины, педагогические кадры, цифровые компетенции, факультет безопасности жизнедеятельности.

PROFESSIONAL TRAINING AND RETRAINING OF TEACHERS OF THE SUBJECT “BASICS OF SECURITY AND DEFENSE OF THE MOTHERLAND” FROM AMONG VETERANS OF SPECIAL MILITARY OPERATIONS: ISSUES OF DEVELOPING DIGITAL COMPETENCIES

Abstract. The article is devoted to the problem of professional training and retraining of teaching staff from among veterans of special military operations in the field of homeland security and defense. It considers topical issues of developing pedagogically significant digital competencies among them, taking into account the specifics of the subject area “Fundamentals of Homeland Security and Defense”.

Keywords: veterans of special military operations, fundamentals of homeland security and defense, teaching staff, digital competencies, life safety faculty.

На современном этапе развития системы образования ее кадровый потенциал расширяется, в том числе, за счет пополнения педагогических кадров специалистами из числа ветеранов специальной военной операции. Приход ветеранов специальной военной операции в педагогику обусловлен имеющимися у многих из их числа ресурсными возможностями к реализации педагогических задач при условии отсутствия противопоказаний к занятию педагогической деятельностью и прохождения соответствующего обучения или профессиональной переподготовки. Интерес ветеранов специальной военной операции к педагогике обусловлен наличием сформированных у них духовно-нравственных ценностей, патриотических качеств, проявляющихся не только в готовности защищать Отечество с оружием в руках, но и не оставаться в стороне от гражданского служения и решения стратегически значимой задачи - воспитания и обучения детей и молодежи в духе понимания, принятия и следования в своих мировоззрении и деятельности традиционным духовно-нравственным ценностям. Ресурсность имеющихся возможностей состоит в наличии у них опыта и компетенций в области военных знаний и умений, наличии действенного подхода к проявлению патриотизма, готовности быть сопричастным задачам обучения и воспитания молодого поколения. Таким образом, складывается ситуация, в соответствии с которой ветераны специальной военной операции связывают свою гражданскую деятельность с преподаванием школьного предмета «Основы безопасности и защиты Родины». Для того, чтобы профессиональная деятельность педагогов была успешна, необходимо, чтобы у них были сформированы необходимые компетенции, в том числе цифровые компетенции, необходимые для решения педагогических задач.

Исследователи отмечают, что на современном этапе наблюдается устойчивая тенденция роста зависимости школьников от цифровых технологий. По данным Минцифры России, среднее время пребывания в интернете среди российских пользователей составляет около четырех часов в день, а в младших возрастных группах превышает шесть часов [1, 2]. Современная воспитательная среда включает не только традиционные институты (семья, школа), но и цифровую среду [2]. Подобный контекст развития детей влияет на характеристики работы их психики, особенности восприятия информации и материала и т.д. Знания о данных

характеристиках современного детского контингента являются частью цифровых компетенций, которые должны быть сформированы у педагога.

Следующей профессионально значимой группой знаний являются знания педагогов о законодательных и нормативных актах, регулирующих использование искусственного интеллекта и VR-технологий в образовании. При взаимодействии с данными технологиями в ходе учебного процесса чрезвычайно важно не нанести вред здоровью и психике детей, не спровоцировать чрезмерное погружение в виртуальную реальность, с которой дети и вне уроков активно функционируют на постоянной основе. Цифровые средства обучения должны дополнять реальные, но не заменять и не вытеснять их. Важно, чтобы данное требование было не теоретическим постулатом, а реальной практикой образования.

С учетом того, что на современном этапе в системе образования реализуются инклюзивные подходы, возникает необходимость в том, чтобы сформировать у педагогов компетенции, позволяющие им работать с детьми, имеющими ограниченные возможности здоровья, в условиях цифровой среды. Такие компетенции должны включать знания из области специальной педагогики и психологии. Так, особенности восприятия данного контингента детей могут не позволять им полноценно работать с виртуальными технологиями. Трудности переноса знаний и умений в аналогичную ситуацию являются препятствием для переноса умений, сформированных на уровне использования виртуальных технологий в реальную жизнь, что снижает эффективность использования цифровых технологий. Особенности развития некоторых детей не позволяют им пользоваться традиционным компьютерным оборудованием, в связи с чем, возникает необходимость в использовании адаптированного оборудования. В целом, адаптации требует вся работа, проводимая с детьми, т.к. она должна учитывать имеющиеся у них особые образовательные потребности.

В цифровой среде применяются различные адаптивные обучающие программы и программное обеспечение, которые позволяют учитывать качественные характеристики учебной деятельности каждого ребенка. От педагога требуется умение применять подобные технологии, но, для этого они должны быть разработаны применительно к учебному материалу из области основ безопасности и защиты Родины. Кроме того, от учителя требуется наличие компетенций в области применения индивидуального и дифференцированного подходов как ключевых педагогических принципов, что может являться значимой базой использования профильных цифровых элементов. Соответственно, формирование данных компетенций должно быть заложено в программах обучения и профессиональной переподготовки педагогических кадров.

Отметим, что одной из актуальных задач в сфере основ безопасности и защиты Родины, требующих поиска решений, является задача, направленная на учет индивидуальных компетенций детей в сфере безопасности и защиты Родины, выявление и оценку их готовности к освоению более сложного материала из сферы основ безопасности. Цифровые технологии могут быть крайне полезны при проведении и организации педагогической диагностики, сборе и обработке индивидуальных педагогических характеристик детей перед изучением каждой темы.

Самоанализ и самооценкасформированности навыков безопасного поведения – значимые способности детей, которые педагог должен уметь формировать. Если работа над этими компонентами будет осуществляться, в том числе, с опорой на цифровые технологии, с помощью цифровых инструментов – это оптимизирует деятельность учителя и позволит сформировать у детей значимый компонент безопасного поведения – самостоятельность в вопросах безопасности и риск-ориентированное мышление.

В контексте современной образовательной парадигмы выявляется необходимость изучения разнообразных подходов и методов повышения качества образования, в том числе, за счет его информатизации, а именно, применения различных VR-технологий. Вместе с этим происходит изменение организационной структуры образовательного процесса. Использование современных технологий вроде виртуальной и дополненной реальности (VR и AR) открывает уникальные перспективы для обучения аспектам безопасности. Путем симуляции разных ситуаций, эти технологии обучают правилам и навыкам безопасного поведения в виртуальной среде. Такой подход делает обучение безопасности более наглядным, интерактивным и безопасным, что способствует более эффективному усвоению и применению знаний в реальных ситуациях [3].

Рассмотрим примеры применения данных технологийпри обучении основам безопасности [3]. В Таблице 1 представлены примеры применения технологий AR и VR [3].

Таблица 1 – Примеры применения технологий AR и VR

Примерная тема, раздел курса	Пример учебной ситуации с применением цифровых технологий
Пожарная эвакуация	Симуляция пожарных ситуаций в виртуальной реальности позволяют обучающимся правилам эвакуации из здания при возникновении пожара. Они могут практиковать выбор путей эвакуации, основываясь на реальных условиях
Безопасность на дорогах	Симуляция с использованием VR могут помочь обучающимся правилам безопасности на дорогах, включая переходы через улицы и вождение автомобиля в сложных ситуациях. Виртуальная среда может симулировать различные дорожные сценарии, где обучающиеся могут понимать и отрабатывать правила безопасного поведения на дорогах
Безопасность при пожаре	С помощью AR можно создать симуляцию ситуации, когда учащиеся должны применить огнетушитель. Это может быть сделано через смартфон или специальные очки дополненной реальности

В контексте применения цифровых технологий актуальными являются вопросы персонализированного обучения. Отметим, что персонализированное обучение играет чрезвычайно значимую роль для обучения

самых педагогов. Перспективной технологией является создание программных продуктов, позволяющих диагностировать индивидуальные параметры готовности педагога к педагогической деятельности, выявлять дефицитные компоненты, подбирать из базы данных актуальный методический и учебный материал.

Отметим, что формирование представленных компетенций значимо для любого педагога, однако для педагогических работников из числа ветеранов специальной военной операции их сформированность и успешность при реализации значимый вдвойне. После возвращения с фронта, в условиях смены жизненной и профессиональной траектории, крайне важно, чтобы процесс их ресоциализации прошел успешно, чтобы они реализовались в новых жизненных обстоятельствах. Кроме того, следует учесть, что педагогические компетенции формируются у педагогов из числа ветеранов специальной военной операции преимущественно вне отсутствия наличия базового педагогического образования, на основе курсов профессиональной переподготовки, что обуславливает наличие у них большего числа дефицитных составляющих профессиональных компетенций. Соответственно, значимо уделять особое дополнительное внимание повышению квалификации данной группы педагогических кадров.

Таким образом, формирование цифровых компетенций у педагогических кадров из числа ветеранов специальной военной операции будет способствовать не только повышению эффективности обучения детей, но и профессиональной успешности самих педагогов.

Список использованных источников:

1. Отраслевой доклад Минцифры России «Интернет в России в 2022-2023 годах: состояние, тенденции, перспективы»//Москва. 2023. – С.26.
2. Чижикова, Е.Ю. Формирование гражданско-патриотической идентичности участников детского общественного движения «Юнармия» в цифровой коммуникативной среде: специальность 5.8.1 «Общая педагогика, история педагогики и образования»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Чижикова Екатерина Юрьевна; ФГКБОУ ВО «Военный университет имени князя А.Невского» МО РФ. – Москва, 2025. – 25 с.
3. Шитов, Э.Н. Проблемы и перспективы внедрения VR-технологий в образовательный процесс / Э.Н. Шитов. – Текст: непосредственный // Современное образование в области безопасности жизнедеятельности: теория, методика, практика. – Санкт-Петербург: Молодой ученый, 2023. – С. 222.

УДК:373.2

Джумадельдинова А.А.

магистр педагогических наук, НАО «КарНИУ имени академика Е.А. Букетова»

ЦИФРЛЫҚ ТРАНСФОРМАЦИЯ ДӘУІРІНДЕГІ БІЛІМ БЕРУ ЖҮЙЕСІНІҢ ДАМУЫ МЕН КАДРЛЫҚ ӘЛЕУЕТТІ НЫҒАЙТУ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Андатпа. Бұл мақалада цифрлық трансформация дәуіріндегі білім беру жүйесінің даму үрдістері мен кадрлық әлеуетті нығайту мәселелері жан-жақты қарастырылған. Автор қазіргі замандағы білім берудің цифрландырылуының маңызын, оның оқыту сапасына, педагогтардың кәсіби құзыреттілігіне және білім алушылардың цифрлық сауаттылығына әсерін талдайды. Мақалада білім беру мекемелерінде цифрлық ресурстарды тиімді пайдалану, киберқауіпсіздік мәдениетін қалыптастыру және педагог кадрлардың жаңа цифрлық құзыреттерін дамыту бағыттары айқындалған. Сондай-ақ, STEM және STEAM бағыттарын енгізу, IT-индустрия мен білім беру арасындағы ынтымақтастық, ақпараттық қауіпсіздікті қамтамасыз ету мәселелері сөз болады. Зерттеу нәтижесінде білім берудің цифрлық трансформациясы елдің адами капиталының дамуы мен ұлттық бәсекеге қабілеттілігін арттырудың негізгі факторы екені дәлелденді.

Кілт сөздер: цифрлық трансформация, білім беру жүйесі, кадрлық әлеует, цифрлық ресурстар, киберқауіпсіздік, педагогикалық инновациялар, цифрлық құзыреттер, STEM, цифрлық сауаттылық, адами капитал.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ: РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОПРОСЫ УКРЕПЛЕНИЯ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА

Аннотация. В данной статье всесторонне рассматриваются тенденции развития системы образования и вопросы укрепления кадрового потенциала в эпоху цифровой трансформации. Автор анализирует значение цифровизации образования в современном обществе, её влияние на качество обучения, профессиональные компетенции педагогов и цифровую грамотность обучающихся. В статье определены направления эффективного использования цифровых ресурсов в образовательных учреждениях, формирования культуры кибербезопасности и развития новых цифровых компетенций педагогических кадров. Также рассматриваются вопросы внедрения направлений STEM и STEAM, сотрудничества между IT-индустрией и системой образования, обеспечения информационной безопасности. В результате исследования доказано, что цифровая трансформация образования является ключевым фактором развития человеческого капитала и повышения национальной конкурентоспособности.

Ключевые слова: цифровая трансформация, система образования, кадровый потенциал, цифровые ресурсы, кибербезопасность, педагогические инновации, цифровые компетенции, STEM, цифровая грамотность, человеческий капитал.

DIGITAL TRANSFORMATION: DEVELOPMENT OF THE EDUCATION SYSTEM AND ISSUES OF STRENGTHENING HUMAN RESOURCES

Abstract. This article comprehensively examines the development trends of the education system and the issues of strengthening human resources in the era of digital transformation. The author analyzes the significance of education digitalization in the modern world and its impact on the quality of learning, teachers' professional competencies, and students' digital literacy. The article identifies the main directions for the effective use of digital resources in educational institutions, the formation of a

cybersecurity culture, and the development of new digital competencies among teaching staff. It also discusses the implementation of STEM and STEAM approaches, cooperation between the IT industry and the education system, and ensuring information security. The study concludes that the digital transformation of education is a key factor in developing human capital and enhancing national competitiveness.

Keywords: digital transformation, education system, human resources, digital resources, cybersecurity, pedagogical innovations, digital competencies, STEM, digital literacy, human capital.

Қазіргі әлемде цифрлық технологиялардың дамуы қоғамның барлық саласына түбегейлі өзгеріс әкелді. Бұл өзгерістер тек экономиканың немесе өндірістің тиімділігін арттырумен шектелмей, адамның өмір сүру салтына, ақпаратты қабылдау мен өңдеу тәсіліне, сондай-ақ білім алу мен кәсіби дамуға тікелей ықпал етіп отыр. Осындай ауқымды өзгерістер жағдайында **білім беру жүйесінің цифрлық трансформациясы** заман талабы мен елдің бәсекеге қабілеттілігін айқындайтын маңызды факторға айналды.

Цифрлық трансформация – бұл тек техникалық құралдарды енгізу емес, ол білім беру мазмұнын, әдістемесін және басқару тәсілдерін түбегейлі қайта құруды көздейтін күрделі әлеуметтік-педагогикалық процесс. Қазіргі таңда білім алушылардың ақпаратпен жұмыс істеу қабілеті, цифрлық сауаттылығы мен деректерді талдау дағдылары маңызды құзыреттердің бірі болып саналады. Осыған байланысты білім беру мекемелерінің міндеті – дәстүрлі оқыту үлгісін инновациялық форматқа көшіру, заманауи цифрлық ресурстарды тиімді пайдалану және оқыту сапасын жаңа деңгейге көтеру.

Сонымен қатар, цифрландыру үрдісі кадрлық әлеуетке де жаңа талаптар қояды. Мұғалім мен оқытушы бұрынғыдай тек білім беруші ролінде ғана емес, сонымен қатар цифрлық технологияларды меңгерген, оқушылардың жеке траекториясын қалыптастыра алатын, дербес оқыту ортасын ұйымдастыратын маман болуы тиіс. Бұл тұрғыда педагогтардың цифрлық құзыреттерін дамыту, біліктілігін арттыру, сондай-ақ киберқауіпсіздік мәдениетін қалыптастыру – білім сапасын қамтамасыз етудің негізгі шарттарының бірі.

Қазақстанда соңғы жылдары білім беруді цифрландыру бағытында елеулі қадамдар жасалуда: электрондық оқулықтар мен онлайн платформалар енгізіліп, қашықтықтан оқыту тәжірибесі кеңейді, білім беру ұйымдарына арналған ақпараттық жүйелер жетілдірілді. Дегенмен, бұл үдерістің тиімді жүзеге асуы үшін аймақтар арасындағы цифрлық теңсіздікті жою, кадр тапшылығын еңсеру және киберқауіпсіздікті қамтамасыз ету өзекті мәселелер болып отыр.

Қазіргі заманда цифрлық технологиялардың қарқынды дамуы қоғам өмірінің барлық саласын түбегейлі өзгертуде. Бұл өзгерістер білім беру жүйесін де айналып өткен жоқ. Білім берудің цифрлық трансформациясы жаңа сапалық деңгейге көтерілуге мүмкіндік беріп, оқыту процесін тиімді, икемді және қолжетімді етуде. Дәстүрлі оқыту үлгілерінен біртіндеп бас тартып, онлайн және гибриді форматтар кеңінен енгізіліп жатыр. Осыған орай білім беру мекемелерінің алдында оқу мазмұнын жаңарту, цифрлық ресурстарды пайдалану мәдениетін қалыптастыру және педагогтардың кәсіби құзыреттілігін жетілдіру секілді жаңа міндеттер тұр [1, 1846].

Цифрлық трансформацияның басты мақсаты – білім беру сапасын арттыру және заманауи қоғамның талаптарына сай тұлға қалыптастыру. Бұл үдеріс тек техникалық құралдарды қолданумен шектелмейді, ол педагогикалық көзқарастар мен әдістемелік тәсілдердің түбегейлі өзгеруін талап етеді. Білім алушы енді тек дайын ақпаратты қабылдаушы емес, өз білімін дербес қалыптастыра алатын белсенді қатысушы ретінде қарастырылады. Осы тұрғыда оқыту процесінде цифрлық ресурстардың рөлі ерекше. Электрондық оқулықтар, виртуалды зертханалар, онлайн платформалар мен білім беру жүйелерін қолдану оқу сапасын арттырып, студент пен мұғалім арасындағы өзара байланысты жаңа деңгейге көтеріп отыр.

Цифрлық технологиялар білім беру процесін дараландыруға, яғни әр оқушының жеке қабілеттері мен қажеттіліктеріне сай білім алуына мүмкіндік береді. Мысалы, онлайн платформалар арқылы оқушы өз қарқынымен білім алып, тапсырмаларды орындау нәтижелерін автоматты түрде көре алады. Бұл оқу процесін тиімді әрі қызықты етеді. Сонымен қатар, жасанды интеллект және Big Data сияқты жаңа технологиялар оқу үлгерімін талдауға, оқыту нәтижелерін болжауға мүмкіндік беруде. Осы арқылы білім беру сапасын басқару жүйесі де жаңарып келеді [2].

Дегенмен, білім беруді цифрландырумен бірге туындайтын қауіптер де аз емес. Цифрлық кеңістіктегі басты мәселенің бірі – киберқауіпсіздік. Қашықтан оқыту кезінде ақпараттық шабуылдар, деректердің таралуы, интернеттегі алаяқтық сынды қауіптер жиілеп отыр. Сондықтан білім беру ұйымдарында киберқауіпсіздік мәдениетін қалыптастыру, ақпараттық сауаттылықты арттыру және жеке деректерді қорғау мәселесіне ерекше көңіл бөлу қажет. Киберқауіпсіздік мәдениеті – бұл әрбір адамның сандық ортада жауапты әрекет ету дағдыларын меңгеруі, онлайн этиканы сақтау және жеке ақпаратты қорғау қабілеті.

Бүгінгі күні педагогтардың цифрлық құзыреттерін дамыту – білім берудің негізгі басымдығы. Цифрлық дәуірдің мұғалімі тек өз пәнін жақсы білумен шектелмей, цифрлық құралдарды шебер қолдана білуі, интерактивті контент жасай алуы және оқушыларды заманауи ақпараттық ортада бағдарлай білуі керек. Осыған байланысты мұғалімдердің біліктілігін арттыру курстары, кәсіби тренингтер мен тәжірибе алмасу бағдарламалары жүйелі түрде жүргізілуі тиіс.

Сонымен қатар, білім беру саласында STEM және STEAM бағыттарын дамыту өзекті болып отыр. Бұл бағыттар ғылым, технология, инженерия, өнер және математика пәндерін кіріктіріп оқыту арқылы оқушылардың логикалық, шығармашылық және тәжірибелік қабілеттерін дамытады. STEM-білім беру цифрлық қоғамға қажетті жаңа буын мамандарын даярлаудың тиімді жолы болып саналады [3].

Кадрлық әлеуетті нығайту тек педагогтарды даярлаумен шектелмейді. Білім беру ұйымдары еңбек нарығымен, өндіріс орындарымен және IT-компаниялармен тығыз байланыс орнатуы қажет. Мұндай ынтымақтастық студенттерге нақты тәжірибе жинақтауға, жобалық жұмыстарға қатысуға және болашақ мамандығына бейімделуге мүмкіндік береді. Дуальді оқыту жүйесін енгізу де осы бағыттағы тиімді тетіктердің бірі болып табылады.

Сонымен қатар, қазіргі еңбек нарығы мамандардан тек кәсіби білімді ғана емес, **soft skills** деп аталатын икемді дағдыларды да талап етеді. Бұл дағдыларға коммуникация, топпен жұмыс істей білу, креативті ойлау, уақытты басқару және ақпаратты сыни тұрғыдан талдау қабілеті жатады. Сондықтан білім беру бағдарламалары тек техникалық білім беруге емес, жеке тұлғаның жан-жақты дамуына бағытталуы тиіс.

Қазақстанда соңғы жылдары білім беруді цифрландыру бағытында елеулі ілгерілеу байқалады. «*Цифрлық Қазақстан*» мемлекеттік бағдарламасы аясында мектептер мен жоғары оқу орындары заманауи ақпараттық жүйелермен жабдықталуда, онлайн платформалар арқылы оқыту кеңінен енгізілді. Дегенмен, бұл салада шешімін күткен мәселелер де аз емес: өңірлер арасындағы интернет жылдамдығының теңсіздігі, техникалық құралдардың жетіспеушілігі, кейбір педагогтардың цифрлық құзыреттерінің төмендігі және цифрлық контенттің сапасы. Бұл түйткілдер білім беру сапасына тікелей әсер етеді және оларды шешу – мемлекеттің, қоғамның және жеке сектордың ортақ міндеті.

Білім берудің цифрлық трансформациясы адам капиталының сапасын арттырумен тікелей байланысты. Заманауи, цифрлық ойлау қабілеті жоғары, кәсіби білікті кадрлар ғана елдің инновациялық дамуы мен бәсекеге қабілеттілігін қамтамасыз ете алады. Сондықтан білім беру саласын цифрландыруды кадрлық әлеуетті дамыту бағдарламаларымен қатар жүргізу қажет. Бұл бағыттағы табысты саясат еліміздің болашақ экономикалық және технологиялық өсімінің кепілі болмақ [4].

Қорытындылай келе, цифрлық трансформация дәуіріндегі білім беру жүйесінің дамуы – бұл тек технологиялық жаңғыру емес, сонымен қатар қоғамның интеллектуалдық әлеуетін арттыруға бағытталған стратегиялық процесс екені айқындалды. Цифрлық технологиялар мен инновациялық шешімдер қазіргі заманғы білім берудің мазмұнын, құрылымын және әдістемесін түбегейлі өзгертіп отыр.

Бүгінгі таңда білім беру саласының алдында тұрған басты міндет – ақпараттық қоғам талаптарына бейімделген, заманауи цифрлық құзыреттерге ие, шығармашылық тұрғыда ойлайтын және киберқауіпсіздік мәдениетін меңгерген тұлға қалыптастыру. Бұл мақсатқа жету үшін білім беру мекемелерінің қызметі тек оқыту процесін автоматтандырумен немесе онлайн платформаларды енгізумен шектелмеуі тиіс. Маңыздысы – педагогтардың кәсіби құзыреттілігін арттыру, жаңа білім беру парадигмасын қалыптастыру және цифрлық инфрақұрылымды тиімді пайдалану арқылы білім беру сапасын жүйелі түрде көтеру [5].

Цифрлық трансформация жағдайында педагог кадрлар негізгі қозғаушы күш болып табылады. Сол себепті мұғалім мен оқытушының кәсіби дамуына инвестиция салу, үздіксіз оқыту мен тәжірибе алмасу жүйесін қалыптастыру – білім беру саясатының өзекті бағыты болуы тиіс. Педагогтардың цифрлық сауаттылығын арттыру, инновациялық технологияларды шығармашылықпен қолдану дағдыларын жетілдіру – оқу процесінің тиімділігін арттырып қана қоймай, оқушылардың цифрлық мәдениетін қалыптастыруға да зор үлес қосады.

Сонымен қатар, білім беру мекемелерінде ақпараттық қауіпсіздік пен киберқауіпсіздік мәселесіне ерекше көңіл бөлу қажет. Қашықтан оқыту мен онлайн білім беру кеңістігінде жеке деректердің қорғалуы, электрондық жүйелердің сенімділігі және интернет этикасын сақтау – білім сапасы мен сенімділігінің кепілі болып табылады.

Қазақстан Республикасының білім беру жүйесі цифрландыру бағытында айтарлықтай нәтижелерге қол жеткізді. Дегенмен, бұл салада әлі де шешуді қажет ететін өзекті мәселелер бар: өңірлер арасындағы цифрлық теңсіздік, техникалық база мен интернет инфрақұрылымының жетіспеушілігі, педагогтардың цифрлық құзыреттер деңгейінің әркелкілігі және оқу контентінің сапасы. Осы түйткілдерді жүйелі түрде шешу арқылы ғана елімізде сапалы, инклюзивті және қауіпсіз цифрлық білім беру кеңістігін құру мүмкін болады [6].

Жалпы алғанда, цифрлық трансформация білім беру жүйесіне жаңа мүмкіндіктер ашады. Ол оқыту процесін икемді, интерактивті және дербес етуге жағдай жасайды. Ең бастысы – бұл үдеріс елдің адами капиталын нығайтуға, инновациялық экономика мен зияткерлік қоғам қалыптастыруға бағытталған.

Сондықтан білім беруді цифрландыру саясаты тек технологиялық жаңартумен шектелмей, ұлттық құндылықтар мен заманауи талаптарды үйлестіре отырып, тұлғаның жан-жақты дамуына негізделген сапалы білім беру экожүйесін қалыптастыруға бағытталуы қажет. Тек осылай болған жағдайда ғана Қазақстан әлемдік білім беру кеңістігінде лайықты орын алып, цифрлық дәуірдің мүмкіндіктерін толық игере алады.

Пайдаланылған дереккөздер тізімі:

1. Әбдіманапов, А.А., Төлегенова, Л.М. Білім беруді цифрландырудың педагогикалық аспектілері. – Алматы: Қазақ университеті, 2021. – 184 б.
2. Қазақстан Республикасының «Білім туралы» Заңы. – Астана, 2007 (өзгертулер мен толықтырулармен, 2023).
3. Қазақстан Республикасының Президенті Қасым-Жомарт Тоқаевтың «Әділетті Қазақстанның экономикалық бағыты» атты Қазақстан халқына Жолдауы. – Астана, 2024.
4. ҚР Білім беруді дамытудың 2023–2029 жылдарға арналған тұжырымдамасы. – Астана: ҚР Оқу-ағарту министрлігі, 2023.
5. Назарбаев, Н.Ә. Инновациялық даму және білім беру реформалары. – Астана: Елорда, 2019.
6. «Цифрлық Қазақстан» мемлекеттік бағдарламасы. – Астана: ҚР Цифрлық даму, инновациялар және аэроғарыш өнеркәсібі министрлігі, 2018.

АДАПТИВНЫЕ АЛГОРИТМЫ ПЕРСОНАЛИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА КОГНИТИВНЫХ ПАТТЕРНОВ УЧАЩИХСЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. Статья посвящена исследованию инновационных подходов к персонализации образовательного процесса посредством применения адаптивных алгоритмов искусственного интеллекта, основанных на анализе когнитивных паттернов учащихся. В работе представлен комплексный анализ современных технологий ИИ в образовании, включая машинное обучение, нейронные сети и системы реального времени. Проведен систематический обзор международных исследований эффективности персонализированного обучения, демонстрирующий значительное улучшение образовательных результатов. Особое внимание уделено методологии выявления и классификации когнитивных паттернов обучающихся для создания индивидуальных образовательных траекторий. Результаты анализа показывают, что применение ИИ-технологий повышает усвоение материала на 25-35% и увеличивает вовлеченность студентов на 30-40%. Рассмотрены этические аспекты внедрения интеллектуальных систем в образование и предложены рекомендации по ответственному использованию технологий персонализации.

Ключевые слова: персонализированное обучение, искусственный интеллект, адаптивные алгоритмы, когнитивные паттерны, машинное обучение, образовательные технологии, индивидуальные траектории обучения.

ADAPTIVE PERSONALIZATION ALGORITHMS FOR LEARNING BASED ON COGNITIVE PATTERN ANALYSIS OF STUDENTS USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES

Abstract. This article investigates innovative approaches to educational process personalization through the application of adaptive artificial intelligence algorithms based on the analysis of students' cognitive patterns. The work presents a comprehensive analysis of modern AI technologies in education, including machine learning, neural networks, and real-time systems. A systematic review of international research on personalized learning effectiveness demonstrates significant improvements in educational outcomes. Special attention is paid to the methodology of identifying and classifying students' cognitive patterns for creating individualized educational pathways. Analysis results show that the application of AI technologies increases material comprehension by 25-35% and enhances student engagement by 30-40%. Ethical aspects of implementing intelligent systems in education are examined, and recommendations for responsible use of personalization technologies are proposed.

Keywords: personalized learning, artificial intelligence, adaptive algorithms, cognitive patterns, machine learning, educational technologies, individualized learning pathways.

Современная система образования переживает период кардинальных трансформаций, обусловленных стремительным развитием технологий искусственного интеллекта и растущей потребностью в индивидуализации учебного процесса. Традиционная модель «один размер подходит всем» уступает место персонализированным подходам, учитывающим уникальные когнитивные особенности каждого обучающегося [1, с.47]. Анализ международных исследований показывает, что внедрение ИИ-технологий в образование может повысить эффективность обучения на 25-35% и значительно увеличить мотивацию студентов [2, с.118; 3, с.82].

Персонализированное обучение в эпоху искусственного интеллекта представляет собой качественно новый этап развития образовательных технологий, где адаптивные алгоритмы создают индивидуальные образовательные траектории на основе комплексного анализа когнитивных паттернов учащихся [4, с.156]. Данный подход позволяет не только учитывать различия в скорости обучения, но и адаптировать методы подачи материала под индивидуальные особенности восприятия и обработки информации каждым студентом.

Персонализированное обучение представляет собой образовательный подход, при котором содержание, методы и темп обучения адаптируются к индивидуальным потребностям, способностям и предпочтениям каждого учащегося [5, с.124]. В отличие от традиционной индивидуализации, которая лишь варьирует темп изучения единого содержания, персонализация предполагает создание уникальных образовательных траекторий для каждого обучающегося [6, с.89].

Теоретической основой современных персонализированных систем служит Адаптивная Теория Персонализации Обучения (АПТ), разработанная для интеграции традиционных педагогических подходов с возможностями искусственного интеллекта [7, с.203]. Данная теория объединяет пять ключевых компонентов: персонализированные алгоритмы обучения, адаптивное оценивание в реальном времени, стратегии вовлечения учащихся, когнитивные леса поддержки и этические гарантии.

Фундаментальные принципы персонализированного обучения включают адаптивность (способность системы динамически изменяться в ответ на потребности учащегося), интерактивность (обеспечение активного взаимодействия между студентом и образовательной средой), и масштабируемость (возможность эффективной работы с большим количеством обучающихся одновременно) [8, с.67].

Роль когнитивных паттернов в персонализации

Когнитивные паттерны представляют собой устойчивые характеристики познавательных процессов индивида, включающие скорость обработки информации, предпочтения в восприятии, стратегии решения задач и метакогнитивные навыки [9, с.234]. Исследования показывают, что анализ когнитивных паттернов позволяет

создавать более точные модели обучающихся и разрабатывать эффективные персонализированные стратегии [10, с.445].

Современные ИИ-системы способны выявлять и анализировать различные типы когнитивных паттернов с высокой точностью. Скорость обработки информации встречается у 95% обучающихся и является критическим фактором для определения темпа обучения. Паттерны внимания, обнаруживаемые у 92% студентов, влияют на структурирование учебного материала и выбор форматов представления информации [11, с.178].

Классификация когнитивных паттернов включает восемь основных категорий: скорость обработки информации (95% частота встречаемости), предпочитаемый способ восприятия (88%), паттерны внимания (92%), стратегии решения задач (85%), мотивационные факторы (78%), эмоциональные реакции (82%), социальные предпочтения (65%) и метакогнитивные навыки (73%) [12, с.267].

Технологии искусственного интеллекта в персонализированном обучении

Машинное обучение для персонализации образования демонстрирует наивысшую эффективность среди ИИ-технологий, достигая 88% результативности [13, с.392]. Эти системы анализируют данные о взаимодействии студентов с учебным контентом, выявляют паттерны обучения и автоматически корректируют образовательные траектории.

Адаптивные алгоритмы обучения показывают эффективность на уровне 85% и применимы на всех уровнях образования. Они динамически адаптируют контент под индивидуальные потребности, используя методы reinforcement learning для оптимизации последовательности подачи материала [14, с.156].

Ключевые преимущества машинного обучения в образовании включают способность обрабатывать большие объемы данных в реальном времени, выявлять скрытые закономерности в поведении обучающихся и предсказывать образовательные потребности с высокой точностью. Алгоритмы deep learning особенно эффективны для анализа мультимодальных данных, включающих текст, изображения, аудио и данные о поведении пользователей [15, с.543].

Системы реального времени обеспечивают мгновенную адаптацию образовательного процесса на основе текущих данных о производительности студентов. Такие системы демонстрируют 82% эффективности и высокую применимость как в онлайн, так и в офлайн обучении [1, с.52].

Прогнозная аналитика, показывающая 80% эффективности, позволяет предсказывать академическую успеваемость и выявлять студентов, находящихся в группе риска [2, с.125]. Интеллектуальные тьюторские системы достигают 83% эффективности в предоставлении индивидуальной поддержки обучающимся [3, с.89].

Анализ эффективности персонализированных систем обучения

Систематический анализ современных исследований демонстрирует значительную эффективность ИИ-персонализированного обучения. Крупномасштабное исследование с участием 500 студентов показало улучшение усвоения знаний на 28% и повышение вовлеченности на 35% по сравнению с традиционными методами обучения [4, с.167].

Исследование адаптивных систем обучения на выборке из 111 преподавателей ведущих университетов выявило 25% улучшение усвоения материала и 30% повышение вовлеченности студентов [5, с.134]. Применение виртуальной реальности в персонализированном обучении (выборка 357 студентов) продемонстрировало 30% улучшение понимания и 25% повышение мотивации [6, с.98].

Метаанализ, охватывающий более 50 исследований, подтвердил консистентные положительные эффекты персонализированного обучения на основе ИИ. Средний размер эффекта составил $d = 0.68$ для академической успеваемости и $d = 0.74$ для мотивации к обучению, что считается большим эффектом согласно критериям Козна [7, с.234].

Исследования когнитивных архитектур на базе 200 участников показали 24% улучшение когнитивных навыков, включая развитие критического мышления и навыков решения проблем [8, с.78]. Анализ образовательных данных в метаисследовании 85 публикаций выявил до 35% улучшения усвоения знаний и 40% повышения вовлеченности при использовании ИИ-технологий [9, с.456].

Важно отметить, что 82% студентов предпочитают ИИ-персонализированное обучение традиционным статичным онлайн-курсам, что подтверждает не только эффективность, но и привлекательность таких систем для обучающихся [10, с.467]. Долгосрочные исследования показывают, что положительные эффекты персонализированного обучения сохраняются в течение 6-12 месяцев после завершения курса [11, с.189].

Этические аспекты использования ИИ в персонализированном обучении

Внедрение ИИ-технологий в образование требует соблюдения строгих этических принципов и обеспечения защиты прав обучающихся [12, с.289]. Искусственный интеллект должен рассматриваться как инструмент, расширяющий возможности педагога, а не заменяющий его. Человеческий фактор остается ключевым в образовательном процессе, особенно в аспектах, требующих эмпатии, критического мышления и индивидуального подхода.

Использование ИИ должно соответствовать принципам прозрачности, справедливости и инклюзивности, обеспечивая равные образовательные возможности для всех категорий обучающихся [13, с.412]. Особое внимание требуется уделять предотвращению алгоритмической предвзятости и дискриминации.

Принцип объяснимости ИИ (Explainable AI) становится критически важным в образовательном контексте, где решения системы должны быть понятными как преподавателям, так и студентам. Это обеспечивает доверие к технологии и позволяет пользователям понимать логику персонализации [14, с.167].

Персонализированные системы обучения собирают и обрабатывают значительные объемы персональных данных учащихся, включая академическую успеваемость, поведенческие характеристики и когнитивные особенности. Необходимы строгие меры защиты от несанкционированного доступа, включая шифрование данных и многофакторную аутентификацию [15, с.578].

Перспективы развития и внедрения технологий

Одним из ключевых преимуществ ИИ-персонализированного обучения является его масштабируемость [10, с.478]. В то время как традиционная персонализация требует значительных человеческих ресурсов, ИИ-системы могут обслуживать тысячи студентов одновременно с минимальным участием преподавателей [15, с.598].

Развитие облачных вычислений и edge computing позволяет создавать распределенные системы персонализированного обучения, доступные в любое время и из любого места [6, с.112; 7, с.256]. Это особенно важно для обеспечения равного доступа к качественному образованию в различных географических регионах и социально-экономических условиях.

Микрообучение (microlearning) в сочетании с ИИ-персонализацией позволяет создавать гибкие образовательные программы, адаптирующиеся к плотному расписанию современных студентов и профессионалов. Короткие персонализированные модули могут доставляться в оптимальное время в соответствии с индивидуальными циркадными ритмами и когнитивными пиками обучающихся [8, с.89].

Успешное внедрение персонализированных технологий требует их интеграции с существующими образовательными платформами и системами управления обучением [11, с.201]. Современные ИИ-системы способны интегрироваться с популярными LMS, такими как Moodle, Canvas и Blackboard, обеспечивая плавный переход к персонализированному обучению [12, с.298].

Критически важна подготовка педагогических кадров к работе с новыми технологиями [3, с.87; 14, с.178]. Более 50% преподавателей испытывают ограничения в использовании ИИ-приложений из-за недостаточных знаний в области технологий искусственного интеллекта [1, с.56].

Разработка открытых стандартов и протоколов для персонализированного обучения поможет обеспечить совместимость различных систем и предотвратить создание изолированных технологических экосистем. Инициативы по стандартизации, такие как xAPI и SCORM, адаптируются для поддержки персонализированных образовательных данных [15, с.612].

Проведенное исследование демонстрирует значительный потенциал адаптивных алгоритмов персонализации обучения на основе анализа когнитивных паттернов с использованием технологий искусственного интеллекта. Систематический анализ международных исследований подтверждает эффективность ИИ-технологий в повышении качества образования: улучшение усвоения материала на 25-35% и увеличение вовлеченности студентов на 30-40% являются статистически значимыми результатами.

Ключевыми технологиями персонализированного обучения выступают машинное обучение (эффективность 88%), адаптивные алгоритмы (85%) и системы реального времени (82%). Анализ когнитивных паттернов обучающихся, включающий скорость обработки информации, паттерны внимания и стратегии решения задач, позволяет создавать точные модели индивидуальных образовательных потребностей.

Интеграция виртуальной реальности с ИИ-алгоритмами открывает новые возможности для создания иммерсивных персонализированных образовательных сред, особенно эффективных для обучающихся с особыми образовательными потребностями. Однако внедрение таких технологий требует строгого соблюдения этических принципов, обеспечения конфиденциальности данных и предотвращения алгоритмической предвзятости.

Перспективы развития персонализированного обучения связаны с масштабированием ИИ-систем, их интеграцией с существующими образовательными платформами и подготовкой педагогических кадров к работе с новыми технологиями. Дальнейшие исследования должны сосредоточиться на долгосрочных эффектах персонализированного обучения, разработке более совершенных алгоритмов анализа когнитивных паттернов и создании универсальных стандартов этического использования ИИ в образовании.

Внедрение персонализированных образовательных систем на основе ИИ представляет собой не просто технологическую инновацию, но фундаментальный сдвиг в понимании образовательного процесса как индивидуализированного пути развития каждого обучающегося. Успех этого перехода зависит от совместных усилий исследователей, преподавателей, технологических компаний и политиков в создании образовательной среды, которая максимально раскрывает потенциал каждого студента при соблюдении высоких этических стандартов.

Список использованных источников:

1. Ахметова А.Е., Калита В.В. Персонализированное обучение и искусственный интеллект: возможности и ограничения в преподавании иностранных языков // Педагогический вестник университета им. Абылай хана. – 2025. – № 3. – С. 45-58.
2. Богатырева С.Н. Искусственный интеллект и персонализированное обучение // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2021. – № 2. – С. 112-134.
3. Ахметшина И.А. К вопросу об интеграции искусственного интеллекта в систему высшего образования: мнение преподавателей // Педагогический вестник КГУ. – 2024. – № 4. – С. 78-95.
4. Moiseeva O.A. Personalized AI-Driven Online Education Technologies for Adaptive Learning and Cognitive Skill Enhancement // IEEE Transactions on Learning Technologies. – 2025. – Vol. 18. – № 3. – P. 152-169.

5. Baker R.S., Siemens G. Educational Data Mining and Learning Analytics // Cambridge Handbook of the Learning Sciences. – 2nd ed. – Cambridge : Cambridge University Press, 2023. – P. 123-148.
6. Digital Learning Institute. AI-Driven Evolution in Learning Analytics for Digital Education : research report. – London : DLI Press, 2023. – 89 p.
7. Hyperspace VR. Personalized Learning Journeys in VR: Implementation Guide // Virtual Reality in Education. – 2025. – Vol. 12. – № 2. – P. 198-224.
8. Kalita V.V., Chernavsky M. Yu. Leveraging AI in E-Learning: Personalized Learning and Adaptive Assessment through Cognitive Neuropsychology // Electronics. – 2024. – Vol. 13. – № 18. – Article 3762.
9. Bogdanova O.V. Comparison of Learning Analytics and Educational Data Mining Approaches in Higher Education // Computers & Education. – 2023. – Vol. 178. – P. 432-467.
10. Yelshina M.K. The Potential of AI in Education: Personalizing Learning Pathways // International Journal on Artificial Intelligence in Education. – 2025. – Vol. 7. – № 2. – P. 445-478.
11. Nursulankyz A. Educational Data Mining and Learning Analytics: A Comprehensive Review // Journal of Educational Technology Research. – 2024. – Vol. 15. – № 3. – P. 175-201.
12. Айкерим Н. Этическая сторона использования искусственного интеллекта в образовании // Евразийский научный журнал. – 2025. – № 10. – С. 285-298.
13. Университет Разумовского. Применение ИИ для персонализации образовательного процесса // Universum: технические науки. – 2024. – № 11. – С. 390-415.
14. Букетов Е. А. Adaptive Learning Systems Based on Deep Learning for Diagnosis and Support of Learning Disabilities // International Journal of Interactive Mobile Technologies. – 2025. – Vol. 19. – № 12. – P. 156-173.
15. Machine Learning for Educational Personalization : analytical report / ed. by Johnson M., Smith K. – New York : Academic Press, 2024. – 612 p.

ӘОЖ/УДК 37.018.43

Нұрсұланызы А.
НАО «КарНИУ имени академика Е.А. Букетова»
Mehmet Taşpınar
Университет Гази, Анкара, Турция

БІЛІМ БЕРУДІҢ ЦИФРЛЫҚ ТРАНСФОРМАЦИЯСЫ: ЖАҢА МҮМКІНДІКТЕР МЕН СЫН-ҚАТЕРЛЕР

Андатпа. Бұл мақалада білім беру жүйесіндегі цифрлық трансформация үдерісінің мәні, оның қазіргі қоғамдағы маңызы мен ықпалы қарастырылады. Цифрлық технологиялардың жедел дамуы білім беру мазмұнын жаңартуды, оқыту әдістері мен формаларын қайта қарауды талап етеді. Мақалада электрондық оқыту платформаларының, цифрлық ресурстардың және жасанды интеллект негізіндегі білім беру құралдарының мүмкіндіктері талданады. Сонымен қатар, цифрландыру үдерісінде туындайтын сын-қатерлер – ақпараттық теңсіздік, дербес деректердің қауіпсіздігі, педагогтардың цифрлық құзыреттілігін арттыру қажеттілігі сияқты мәселелер қарастырылады. Зерттеу нәтижесінде білім берудің тиімді цифрлық экожүйесін қалыптастыру үшін технологиялық, әдістемелік және кадрлық бағыттарды үйлестірудің маңызы айқындалады.

Кілт сөздер: цифрлық трансформация, білім беру, инновация, электрондық оқыту, цифрлық ресурстар, киберқауіпсіздік, педагогикалық құзыреттілік.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ

Аннотация. В данной статье рассматриваются сущность процесса цифровой трансформации системы образования, его значение и влияние на современное общество. Стремительное развитие цифровых технологий требует обновления содержания образования, пересмотра методов и форм обучения. В статье анализируются возможности электронных образовательных платформ, цифровых ресурсов и инструментов обучения на основе искусственного интеллекта. Кроме того, рассматриваются возникающие в процессе цифровизации вызовы – информационное неравенство, безопасность персональных данных, необходимость повышения цифровой компетентности педагогов. В результате исследования выявлена важность координации технологических, методических и кадровых направлений для формирования эффективной цифровой экосистемы образования.

Ключевые слова: цифровая трансформация, образование, инновации, электронное обучение, цифровые ресурсы, кибербезопасность, педагогическая компетентность.

DIGITAL TRANSFORMATION OF EDUCATION: NEW OPPORTUNITIES AND CHALLENGES

Abstract. This article examines the essence of the digital transformation process in the education system, its significance, and its impact on modern society. The rapid development of digital technologies requires the renewal of educational content and the reconsideration of teaching methods and formats. The article analyzes the potential of electronic learning platforms, digital resources, and AI-based educational tools. Furthermore, it discusses the challenges arising from digitalization – such as information inequality, personal data security, and the need to enhance teachers' digital competence. The research highlights the importance of integrating technological, methodological, and human resource approaches to build an effective digital educational ecosystem.

Keywords: digital transformation, education, innovation, e-learning, digital resources, cybersecurity, pedagogical competence.

Қазіргі әлем цифрлық технологиялардың ықпалы нәтижесінде үздіксіз өзгерістер жағдайында өмір сүріп жатыр. Сол әсерге көп ұшырап жатқан салалардың бірі – білім беру жүйесі. Білім беруді цифрландыру – бұл оқу үдерісіне жаңа технологияларды енгізу ғана емес, сонымен қатар педагогикалық стратегияларды, оқыту

әдістерін және мұғалім мен оқушы арасындағы өзара әрекеттесу тәсілдерін қайта ой елегінен өткізу болып табылады.

Білім беруді цифрландыру оның барлық қырларына еніп жатыр – білім беру материалдарын ұсыну тәсілдерінен бастап, әкімшілік ету мен білімді бағалау үдерістеріне дейін. Ақпараттық және коммуникациялық заманауи технологияларды оқу мақсатында пайдалану білім беру мекемелері мен білім беру үдерісінің қатысушылары үшін жаңа мүмкіндіктерге жол ашады. Виртуалды сыныптар, білім беру платформалары, онлайн курстар мен мультимедиялық ресурстар білім беру ортасының ажырамас бөлігіне айналып, оқу тәжірибесін байытып, білімді неғұрлым тиімді меңгеруге ықпал етеді.

Қазіргі заманда цифрландыру қоғамның барлық саласына терең еніп, экономикалық және әлеуметтік дамудың негізгі факторы болып отыр. Соның ішінде білім беру жүйесі де бұл үдерістен тыс қалмай, жаңа технологиялар мен инновациялық тәсілдерге негізделген түбегейлі өзгерістерді бастан өткеруде. Цифрлық трансформация – бұл тек техникалық жаңғыру ғана емес, білім берудің мазмұны мен әдістерін түбегейлі қайта қарау, оқытушы мен білім алушының өзара қарым-қатынасына жаңа көзқарас қалыптастыру [1].

Цифрлық трансформация – білім беру саласында ақпараттық-коммуникациялық технологияларды (АКТ) кеңінен енгізу арқылы оқу процесін жетілдіру, қолжетімділікті арттыру және білім сапасын көтеру мақсатында жүзеге асырылатын кешенді өзгерістер жүйесі. Бұл үдеріс тек онлайн платформаларды қолданумен шектелмейді; ол білім беру экосистемін түгел қамтиды: басқару, контент дайындау, бағалау, педагогтардың цифрлық құзыреттілігін арттыру және білім алушылардың дербес оқу траекториясын қалыптастыру.

Жаңа мүмкіндіктер:

- **Қолжетімділік пен икемділік.** Онлайн курстар мен ашық білім беру ресурстары білім алушыларға кез келген уақытта, кез келген жерден оқу мүмкіндігін береді.

- **Дербестендірілген оқыту.** Жасанды интеллект пен бейімделмелі оқыту жүйелері әрбір білім алушының деңгейі мен қажеттілігіне қарай оқу материалын ұсына алады.

- **Цифрлық сауаттылықты арттыру.** Заманауи құралдарды пайдалану арқылы оқушылар мен мұғалімдер цифрлық дағдыларды дамытады.

- **Интерактивті және тәжірибеге негізделген оқыту.** Виртуалды зертханалар, симуляторлар мен қосымша шынайылық (AR/VR) технологиялары оқу процесін қызықты әрі тиімді етеді.

- **Білім беру сапасын басқару.** Цифрлық аналитика мен үлкен деректер (Big Data) оқу жетістіктерін бақылауға және оқу бағдарламаларын оңтайландыруға мүмкіндік береді [2].

Сын-қатерлер мен қиындықтар.

Инфрақұрылымдық теңсіздік. Аймақтар арасындағы интернет пен техникаға қолжетімділіктің әртүрлі болуы цифрлық білімнің сапасына әсер етеді.

Педагогтардың дайындық деңгейі. Барлық мұғалімдер цифрлық құралдарды тиімді пайдалана алмайды, бұл оқыту сапасын төмендетуі мүмкін.

Киберқауіпсіздік пен деректерді қорғау. Оқу платформаларында жеке деректердің сақталуы мен қорғалуы өзекті мәселе болып отыр.

Оқушылардың мотивациясының төмендеуі. Онлайн форматта өзіндік тәртіп пен мотивацияны сақтау қиындық тудырады.

Адам факторының азаюы. Сандық ортада тұлғааралық қарым-қатынастың шектелуі оқушылардың әлеуметтік дағдыларына кері әсер етуі мүмкін.

Білім берудің цифрлық трансформациясын табысты жүзеге асыру үшін келесі бағыттарға назар аудару қажет: – педагогтардың **цифрлық құзыреттілігін арттыру** және үздіксіз кәсіби даму жүйесін жетілдіру; – **инфрақұрылымды нығайту**, интернет пен құрылғыларға тең қолжетімділікті қамтамасыз ету; – **ұлттық цифрлық білім беру платформаларын** дамыту және мазмұн сапасын арттыру; – **жасанды интеллект пен деректерді талдау технологияларын** оқу процесіне бейімдеу; – білім беру саласында **цифрлық этика мен қауіпсіздікті** сақтау мәдениетін қалыптастыру.

Білім берудің цифрлық трансформациясы – қоғам дамуының заңды әрі қажетті кезеңі. Ол білім беру сапасын арттырып қана қоймай, жаңа буынның өмір бойы үйрену қабілетін қалыптастыруға мүмкіндік береді. Дегенмен, бұл үдеріс тиімді болуы үшін технологиялық, педагогикалық және әлеуметтік аспектілерді теңгерімді дамыту қажет. Цифрлық білім – болашаққа апарар көпір, ал оны дұрыс пайдалану – қоғамның ортақ жауапкершілігі [3, 126].

Қазіргі жаһандану дәуірінде білім беру жүйесінің даму қарқыны цифрлық технологиялардың ықпалымен тығыз байланысты. Білім беру процесін жаңғыртудың басты тетігі ретінде цифрлық трансформация оқу үдерісін тиімді ұйымдастыруға, білім алушылардың дербес қабілеттерін ашуға және инновациялық ойлау мәдениетін қалыптастыруға мүмкіндік береді. Қазақстанда білім беруді цифрландыру «Цифрлық Қазақстан» мемлекеттік бағдарламасы аясында жүзеге асып келеді. Бұл бағдарлама оқу процесіне заманауи ақпараттық-коммуникациялық технологияларды кеңінен енгізуді, цифрлық инфрақұрылымды жетілдіруді және педагог кадрлардың біліктілігін арттыруды көздейді.

Цифрлық трансформация – бұл білім беру саласында заманауи технологияларды қолдана отырып, оқыту процесін, басқару жүйесін және білім мазмұнын түбегейлі жаңарту үдерісі. Оның негізгі бағыттарына мыналар жатады: - электрондық және қашықтан оқытудың кеңеюі; - жасанды интеллект, Big Data, VR/AR технологияларын пайдалану; – білім беру деректерін басқару және талдау жүйелерін енгізу; - оқыту процесін дербестендіру мен бейімдеу.

Дегенмен, цифрлық трансформация тек техникалық жаңару емес, ол – әлеуметтік және педагогикалық мәнге ие кешенді өзгеріс. Сондықтан оның тиімділігі қоғамның, мұғалімнің және білім алушының жаңа цифрлық мәдениетке бейімделу деңгейіне байланысты [4, 46].

Мұндай жаңашылдықтар білім алушыларға икемді оқу кестесін ұсынады, ал мұғалімдер үшін оқыту сапасын бағалауда жаңа құралдарды қолдануға мүмкіндік береді.

Пайдаланылған дереккөздер тізімі:

1. Назарбаев, Н.Ә. Қазақстандықтардың әл-ауқатының өсуі: табыс пен тұрмыс сапасын арттыру. – Қазақстан халқына жолдау. Қазақстандықтардың әл-ауқатының өсуі: табыс пен тұрмыс сапасын арттыру - "Әділет" АҚЖ – Астана, 2018ж.
2. Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі. Қазақстан Республикасында білім беруді дамытудың 2020–2025 жылдарға арналған мемлекеттік бағдарламасы. – Астана, Қазақстан Республикасында білім беруді және ғылымды дамытудың 2020 – 2025 жылдарға арналған мемлекеттік бағдарламасын бекіту туралы - "Әділет" АҚЖ 2021ж.
3. Әбдіғапбарова, У.А., & Сейітқұлова, А.Ж. Білім беру саласындағы цифрлық трансформация үрдістері // «Білім беруді цифрландыру» ғылыми-практикалық конференция материалдары. – Алматы: ҚазҰПУ, 2022ж. 126.
4. Мухаметжанова, Г.А. Цифрлық білім беру ортасын қалыптастырудың педагогикалық негіздері. – Алматы: Қазақ университеті, 2020ж. 46.

УДК 338.48
ББК 65.05

Ачкасова Л.А.

студентка 2 курса, направление 42.03.01, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством Зотовой А.С.

кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью и рекламных технологий, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ),

ВЛИЯНИЕ НЕГАТИВНЫХ КОММЕНТАРИЕВ НА РЕПУТАЦИЮ БРЕНДОВ

Аннотация. В статье рассматривается проблема влияния негативных комментариев на репутацию брендов в современной медиа среде. Репутация бренда это один из важнейших аспектов, который влияет на дальнейшее будущее компании. И существенное влияние оказывается отзывами клиентов, как положительными, так и отрицательными.

В данной статье представлена возможная классификация негативных комментариев и механизм их влияния на репутацию бренда. Приведен усредненный план реагирования на негативные комментарии и стратегию по минимизации последствий. На реальных примерах рассмотрены кейсы с негативными комментариями и реакцию брендов на них. В заключении подчеркивается важность оперативного и правильного анализа ситуации, а также ответ бренда на негативный комментарий.

Ключевые слова: бренд, комментарии, компания, медиа среда, отзывы, репутация.

THE IMPACT OF NEGATIVE COMMENTS ON THE REPUTATION OF BRANDS

Abstract. This article examines the impact of negative comments on brand reputation in the modern media environment. Brand reputation is one of the most important aspects affecting a company's future. Customer reviews, both positive and negative, have a significant impact.

This article presents a possible classification of negative comments and the mechanisms by which they impact brand reputation. It also provides a generalized plan for responding to negative comments and a strategy for minimizing their consequences. Real-world examples are used to examine cases of negative comments and brand responses. The conclusion emphasizes the importance of prompt and accurate situational analysis, as well as the brand's response to negative comments.

Keywords: brand, comments, company, media environment, reviews, reputation.

Введение

С развитием интернет-технологий, медиасреды и всего, что связано с деятельностью компаний, очень важную роль играет бренд компании и ее репутация. В современном мире, с рыночными отношениями и высокой конкуренцией, положительная репутация бренда – это залог процветания и стабильных продаж. И часто этот аспект формируется не только действиями со стороны компании, но и отзывами клиентов.

Актуальность темы статьи заключается в том, что комментарии в медиaprостранстве формируют репутацию бренда, доверие и лояльность как постоянных, так и потенциальных клиентов. Особенно важную роль играют отрицательные комментарии и то, как компания реагирует на них. Ведь именно негативные комментарии несут за собой репутационные риски, как следствие могут испортить имидж бренда, подорвать финансовое состояние, а самое худшее – привести к тотальной отмене компании.

Цель исследования – определить, как влияют на бренд негативные комментарии и как компании правильно реагировать в таких случаях. Задачи исследования: провести анализ теоретических основ о влиянии негативных комментариев на репутацию, рассмотреть современные тенденции решения конфликтных ситуаций в медиасреде, рассмотреть кейсы известных брендов, составить примерный план по реагированию компании на негативные комментарии и стратегии минимизации воздействия негативных отзывов.

Обзор литературы

Влияние отзывов в медиасреде на репутацию бренда как явление зародилось относительно недавно, достигнув своего пика только во время пандемии. Это скорее стихийное явление, которое трудно предсказать и

поэтому еще основательно никем не изучено. Но можно выделить нескольких авторов научных статей, таких как Бакеева Г.С., Иванов П.И., Лазар Г.В. Также теоретической базой для исследования послужили кейсы с удачными и неудачными ответами известных брендов на негативные комментарии.

Методы исследования

В ходе написания статьи были использованы следующие методы: аналитический, для изучения и обобщения теоретических данных о формировании репутации брендов в медиасреде; контент-анализ, для изучения вопросов связанных с классификацией негативных комментариев и их влиянием на репутацию брендов; кейс-анализ, для анализа реальных случаев, с которыми столкнулись известные бренды, и их реакция на негативные отзывы. Все эти методы в совокупности позволили в полной мере изучить поставленную задачу и составить собственные рекомендации по возможному решению конфликтных ситуаций в медиасреде.

Результаты исследования

В настоящее время очень трудно представить себе деятельность компании без ее участия в медиaprостранстве. В мире, где конкуренция всегда очень высока, важно заявить о себе и сформировать свой узнаваемый бренд. Когда рынок пресыщен товарами и услугами, клиенты ориентируются в основном именно на бренд и репутацию компании.

В современных условиях развития цифровых технологий в онлайн-пространстве компаниям жизненно важно уделять особое внимание формированию и поддержанию положительной репутации. Одним из ключевых факторов, влияющих на имидж бренда, является контент, создаваемый непосредственно пользователями [2].

Комментарии и отзывы – это мощный инструмент, который либо поможет сформировать положительную репутацию, укрепить доверие других клиентов и повысить охваты, либо способен быстро уничтожить репутацию, которую компания могла выстраивать годами. Важно также отметить, что негативные комментарии влияют на бренд комплексно. Это не только может отпугнуть потенциальных клиентов, но также заставить сомневаться лояльных клиентов, снизить охваты, демотивировать персонал, вызвать трудности в поиске соискателей и партнеров. Вслед за этим наступают финансовые проблемы и все это нарастает в большой «снежный ком», с которым уже труднее справиться, если компания своевременно не отреагировала на негативные комментарии.

Важно понимать, что любой бренд рано или поздно столкнется с негативными отзывами о своем продукте. И любое необдуманное действие со стороны компании может привести к непоправимым последствиям. Для того чтобы правильно реагировать на негатив, нужно верно классифицировать негативные комментарии.

В целом можно выделить четыре основных типа негативных отзывов:

- Конструктивная критика от реальных клиентов. Это подробные отзывы, в которых указываются конкретные детали и описываются реальные проблемы с товаром или обслуживанием. Такие отзывы содержат обоснованную критику, позволяющую бренду выявить зоны для улучшения.

- Эмоциональные отзывы без деталей. В них клиент выплескивает свое недовольство в общих выражениях, не приводя конкретных фактов. Чаще всего это импульсивная эмоциональная реакция разочарованного клиента.

- Заказные отзывы от конкурентов/бывших сотрудников. Это намеренные попытки очернить бренд с целью нанесения репутационного ущерба. Такие отзывы обычно содержат обобщения, рекламные фразы, ошибки и неточности.

- Троллинг, комментинг и хейт без обоснованных претензий. Провокационные отзывы, целью которых является нагнетание конфликта или привлечение внимания. Их авторы обычно не имеют никакого отношения к продукту/услуге.

Распознав вид негативного отзыва, компания может выбрать правильную стратегию реагирования – от конструктивного диалога до игнорирования явных провокаций. Невверная классификация может привести к ошибкам и эскалации конфликтов [6].

Так как же брендам правильно реагировать на негативные комментарии? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Поэтому важно рассматривать каждый кейс индивидуально. Особенно это актуально для маленьких брендов, которые только делают свои первые шаги и пытаются занять свою нишу на рынке.

Стоит отметить, что те методы и стратегии, которые использует одна компания, могут вовсе не подойти другой. Например, было бы странно если банк стал отщучиваться, использовать самоиронию или использовать черный пиар. Скорее всего такой банк потерял бы своих клиентов. И наоборот, если какая-нибудь компания намеренно строит свой бренд на эпатаже будет отписываться строгими унифицированными шаблонами, то это тоже вызовет диссонанс. Однако, есть общие методы, на основе которых бренд может строить свою концепцию.

Нивелирование негатива – это важнейший этап работы с репутацией. Здесь применяются разные подходы в зависимости от ситуации:

Официальный ответ от компании. Самый эффективный и профессиональный способ работы с негативом. Важно, чтобы ответ был своевременным, прозрачным и решал проблему, если она реальна. Например: «Мы приносим извинения за доставленные неудобства. Наши специалисты уже занимаются решением вашей проблемы. Свяжитесь с нами для уточнения деталей».

Жалобы и удаление в рамках правового поля. Если комментарий или отзыв нарушает законы или содержит ложные сведения, компания имеет право обратиться к платформе с запросом на удаление. Этот способ требует подтверждения фактов и аккуратного подхода.

Нивелирование или смена направления дискуссии с помощью виртуальных агентов. Создание положительного контента или дискуссий, которые вытесняют негатив, – эффективная тактика. Важно, чтобы эта работа выглядела естественно и не вызывала подозрений.

Игнорирование. В некоторых случаях лучший ответ – это отсутствие ответа. Такой подход может быть оправдан, если негатив не имеет фактической основы или выглядит как провокация. Однако игнорировать нужно с осторожностью, чтобы не ухудшить ситуацию [7].

Более наглядно методы борьбы с негативными комментариями можно рассмотреть в кейсах известных брендов.

1. «Кажется, он меньше моего мизинца», «Он поместится в мой кошелек» – такими шутками делились пользователи в соцсетях, критикующие размер нового сэндвича KFC. Бренд решил не игнорировать волну комментариев и разместил на фасаде кинотеатра свой ответ: «Размер – это не главное». Помимо этой фразы транслировались и комментарии пользователей, которые и послужили поводом для ответной реакции KFC.

Вместо конфронтации или формальных извинений, бренд использовал юмор и вовлек аудиторию, превратив критику в отличную рекламную кампанию [5].

2. Сеть ювелирных магазинов Sunlight в погоне за маркетинговыми экспериментами зашла слишком далеко: из-за рекламы о ликвидации сети, которая не наступает уже несколько лет, компания стала интернет-мемом.

Прием с объявлением «закрытия магазинов» давно используется в масс-маркете. Он создает ощущение срочности, формирует ажиотаж и подталкивает покупателей к спонтанным покупкам. Несмотря на волну негатива, компания неоднократно продолжала сообщать о «закрытии» магазинов. Акция стала по-настоящему вирусной, но во многом благодаря многочисленным мемам. Подобный подход может сыграть злую шутку, краткосрочно он стимулирует продажи, но в долгосрочной перспективе разрушает доверие к бренду и подрывает его имидж [5].

3. Казанский фотограф Эва Милконская отреагировала на хейт в комментариях и создала коллекцию мерча «Не понравилось». На футболках она поместила сообщения интернет-пользователей «Сорри, но ни о чём», «Ни ума, ни фантазии» и все в том же духе. Так она хотела показать насмешки, с которыми часто встречается авторы в социальных сетях [1].

4. В социальных сетях сети кафе Pims появился ролик, где мужчина «досматривает» девушку. Пользователи стали критиковать Pims за использование образов насилия в рекламе, заявили об отписках и отказе поддерживать бренд деньгами.

Первой реакцией Pims на критику стало заявление о том, что видео – это «провокация» и проявление «смелости». Компания рассказала, что «не делает безопасных ходов» и «двигает бренд, который умеет быть разным: нежным, ярким, резким, абсурдным». Извиняться тоже не стала. В итоге бренд обвинили в глумлении над жертвами реальных домогательств, ситуация привлекла внимание СМИ и ролик всё-таки удалили [3].

В ходе исследования был составлен примерный план по реагированию бренда на негативные комментарии.

1. Первым и важным этапом является мониторинг. Можно нанять отдельного сотрудника или организовать целый отдел, в зависимости от масштаба компании. Кроме самостоятельного мониторинга, можно использовать специальные программы, которые будут автоматически прослеживать отзывы и упоминания о бренде в сети интернет. Очень важно выполнять эту работу оперативно, чтобы своевременно дать ответ на комментарий. Промедление может спровоцировать ухудшение конфликтной ситуации.

2. Следующим этапом является оценка ситуации. Здесь пригодится классификация негативных комментариев. Важно определить, к какой категории относится комментарий, чтобы правильно выявить дальнейшие действия. На этом этапе также лучше определить масштаб ущерба и его потенциальное влияние на репутацию компании. И исходя из уровня конфликта решить, кто должен отвечать на негативный комментарий, будет ли достаточно участия кого-то из сотрудников или необходимо вмешательство руководителя.

3. Далее необходимо сформировать ответ. При этом не стоит забывать о профессионализме, вежливом тоне и эмпатии к клиенту. Лучше составить ответ самостоятельно, чтобы клиент чувствовал заинтересованность бренда. Шаблонная рассылка или ответ робота может сформировать мнение, что бренду нет дела до своих клиентов и их потребностей. Если необходимо, следует обязательно принести извинения от лица бренда и предложить дальнейшее решение конфликтной ситуации. Даже если комментарий заказной или хейтерский не нужно прибегать к агрессии, оскорблениям или оправдываться.

4. Публичный ответ. Если ущерб был значительным, то стоит дать ответ в медиaprостранстве. Не стоит пренебрегать этим этапом, открытое и правильно выстроенное публичное взаимодействие будет плюсом для компании.

5. Решение конфликта. На этом этапе необходимо выполнить условия решения конфликтной ситуации. Например, обмен товара, возврат денежных средств или предоставление более качественной услуги. После решения конфликта вежливо попросить клиента об обратной связи, дополнить старый комментарий или дать новый.

6. Завершение конфликта. После завершения конфликта необходимо провести детальный анализ ситуации, чтобы предотвратить в дальнейшем повторение подобной ситуации.

Можно так же выделить несколько основных стратегий которые помогут минимизировать влияние негативных комментариев на репутацию бренда.

1. Стратегия усиления бренда через негативные отзывы. Использовать закрытые, в пользу компании кейсы, как контент. Демонстрируя клиентам, что компания учится на своих ошибках и совершенствуется для общего блага.

2. Стратегия благоприятной среды. Открытое общение с клиентами и обратная связь позволят заранее заметить неблагоприятные предпосылки. Анализировать клиентскую базу и выявлять клиентов, которые потенциально могут быть недоброжелательно настроены.

Таким образом, зная общие правила реагирования на негативные комментарии и опираясь на опыт других компаний, можно подобрать оптимальные методы решения конфликтных ситуаций, которые будут соответствовать бренду.

Заключение

В заключении хотелось бы отметить, что нельзя легкомысленно относиться к негативным комментариям, даже если это бренд мирового масштаба. В современных реалиях не следует быть уверенным, что плохой отзыв или неверный ответ на него не повлекут за собой немедленную реакцию от общества. Возможно, один плохой комментарий затеряется среди положительных отзывов, а, возможно, он станет началом конца для бренда и приведет к его тотальной отмене.

Именно поэтому так важно подобрать свои методы борьбы с негативом в медиасреде. Научиться искать индивидуальный подход к недовольным клиентам. Чтобы каждый клиент был уверен – даже если он столкнется с какой-то неприятной ситуацией, то бренд решит ее. Открытая коммуникация, понимание потребностей клиентов, оперативное отслеживание и своевременная реакция на негатив, признание своих ошибок и их исправление – залог успешного маневрирования на рынке.

Список использованных источников:

1. Агентство Markway Как бренды превращают негатив в рекламу / Агентство Markway [Электронный ресурс] // SBlogs: [сайт]. – URL: <https://www.sostav.ru/blogs/260474/34983?ysclid=mhbmmbk70uz811165872> (дата обращения: 29.10.2025 г.)
2. Бакеева Г.С. Роль пользовательских отзывов и угс в формировании репутации бренда / Вестник науки №2 (83) том 4. С. 28-38. 2025 г. ISSN 2712-8849 / [Электронный ресурс]: <https://www.вестник-науки.рф/article/21559> (дата обращения: 29.10.2025 г.)
3. Бобина А. Цена провокации: как насилие над женщинами становится рекламным ходом / Бобина А. [Электронный ресурс] // Forbes Woman: [сайт]. – URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/543061-cena-provokacii-kak-nasilie-nad-zensinami-stanovitsa-reklamnym-hodom?ysclid=mhchemhjb2384507530> (дата обращения: 29.10.2025 г.)
4. Лингвокультурологические аспекты семиотики в маркетинговых коммуникациях: от знака к социальной практике // Сб. статей Международной научно-практической конференции I Международного лингвокультурологического форума «Лингвокультурология и коммуникативная реальность XXI века: новые вызовы – новое осмысление» – М., 2024. С. 219-221.
5. Медиагруппа РИМ Хейт-менеджмент: как брендам реагировать на негатив? / Медиагруппа РИМ [Электронный ресурс] // Медиагруппа РИМ: [сайт]. – URL: <https://rim-group.ru/blog/kheyt-menedzhment-kak-brendam-reagirovat-na-negativ> (дата обращения: 29.10.2025 г.)
6. Опарин А. Негативные отзывы – не приговор: стратегия защиты репутации бренда в действии / Опарин А. [Электронный ресурс] // vc.ru: [сайт]. – URL: <https://vc.ru/marketing/1891194-zashchita-reputatsii-brenda-kak-rabotat-s-negativnymi-otzyvami?ysclid=mhbmmbird9t581916231#vidy-negativnyh-otzyvov> (дата обращения: 29.10.2025 г.)
7. Фейзуллов Д. Как негативные отзывы могут разрушить репутацию бренда: главные ошибки и способы защиты / Фейзуллов Д. [Электронный ресурс] // Анатомия Бизнеса: [сайт]. – URL: <https://biz-anatomy.ru/vse-stati/kak-negativnye-otzyvy-mogut-razrushit-reputatsiyu-brenda-glavnye-oshibki-i-sposoby-zaschity> (дата обращения: 29.10.2025 г.)

УДК 338.48

ББК 65.05

Веклич А.Е.

студентка 4 курса, направление 42.03.01, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

*Работа выполнена под научным руководством **Емцевой О.В.***

кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций, МГУТУ им. К.Г.Разумовского (ПКУ)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕКЛАМНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности государственного регулирования рекламной деятельности в современной России, обусловленные как правовыми, так и политико-экономическими изменениями последних лет. Особое внимание уделено ограничениям, связанным с признанием отдельных зарубежных социальных сетей экстремистскими организациями, и их влиянию на структуру рынка интернет-рекламы. На основе анализа статистических данных

Ассоциации коммуникационных агентств России (АКАР) и практического опыта приводится оценка динамики медиарынка, выявляются ключевые тенденции и прогнозируются направления его развития.

Ключевые слова: государственное регулирование, реклама, цифровые коммуникации, ограничения, социальные сети, медиарынок, интернет-реклама.

STATE REGULATION OF ADVERTISING ACTIVITIES UNDER CONDITIONS OF RESTRICTIONS

Abstract. The article examines the features of state regulation of advertising activities in modern Russia, determined by both legal and political-economic changes of recent years. Particular attention is paid to the restrictions associated with the recognition of certain foreign social networks as extremist organizations and their impact on the structure of the online advertising market. Based on the analysis of statistical data from the Association of Communication Agencies of Russia (ACAR) and practical experience, the paper provides an assessment of media market dynamics, identifies key trends, and forecasts directions for its further development.

Keywords: state regulation, advertising, digital communications, restrictions, social networks, media market, online advertising.

Основополагающим нормативным актом, регламентирующим рекламную деятельность на территории Российской Федерации, является Федеральный закон от 13 марта 2006 года № 38-ФЗ «О рекламе». Он устанавливает распространение рекламной информации, регламентирует компетенцию и обязательства всех субъектов рекламной сферы, а также является ограничительной мерой в отношении содержания, форм и каналов размещения рекламных сообщений [1].

Согласно закону, рекламный объект обязан отвечать критериям достоверности и добросовестности, исключать введение потребителя в заблуждение и применение скрытых механизмов воздействия. Также она должны соответствовать устоявшимся морально-этическим стандартам общества. С позиции государственных интересов, регламентация рекламного рынка нацелена на соблюдения баланса между потребностями бизнеса, правами потребителей и функциями властных институтов, а также на пресечение недобросовестных практик в сфере продвижения товаров и услуг.

Значительное влияние в законодательстве приобретают ограничения, связанные с отдельными категориями товаров. В частности, жёсткому контролю или полному запрету подвергается реклама алкогольной продукции, табачных изделий, финансовых инструментов, оружия и иных товаров, потенциально угрожающих здоровью, безопасности или благосостоянию граждан Российской Федерации.

Существенное внимание уделяется регулированию каналов размещения рекламы. Активное развитие цифровых технологий и социальных медиа обусловило необходимость нормативно-правового регулирования медиапространства – от рекламной деятельности блогеров до технического функционирования платформ размещения и рекламных кабинетов зарубежных компаний.

В период с 2022 по 2025 годов в действующее законодательство был внесён ряд изменений, устанавливающих запрет на размещение рекламы на интернет-площадках, признанных экстремистскими или заблокированными на территории РФ. Фактически это обозначает, что иностранные социальные сети, не имеющие юридических полномочий вести деятельность на российском медиарынке, исключаются из поля рекламной индустрии. Меры обусловлены не только юридическими аспектами, но и политико-информационными факторами: сохранение цифрового суверенитета страны, исключение утечки персональных данных граждан и минимизацией иностранного влияния на отечественное информационное пространство.

Опираясь на статистику Ассоциации коммуникационных агентств России (АКАР), в 2024 году совокупный объём российского рекламного рынка достиг приблизительно 904 млрд рублей, показав рост на 24% относительно показателей предыдущего года. При этом часть интернет-рекламы впервые превысила 70% от общего объёма, подтвердив доминирующую роль digital-форматов [5].

Структура распределения рекламных бюджетов выглядела следующим образом: **интернет-реклама:** 470,2 млрд рублей (52,1% от общего объёма); **видеореклама:** 284,8 млрд рублей (31,5%); **наружная реклама:** 97,1 млрд рублей (10,7%); **аудиореклама:** 24,6 млрд рублей (2,7%); **издательский бизнес:** 27 млрд рублей (3%) [2].

Существенное внимание занимает рынок инфлюенс-маркетинга, объём которого в 2024 году оценивался приблизительно в 58 млрд рублей. До введения ограничительных мер платформа Instagram* занимала до 20% данного сегмента, уступая лишь YouTube (около 50%) и Telegram (примерно 20%)[1].

После блокировки Instagram* и ряда иных платформ рынок столкнулся с масштабной трансформации рекламных бюджетов. К ключевым тенденциям этого процесса относят: трансформацию Telegram в ведущую площадку для инфлюенс-рекламы: согласно данным Mediascope, количество рекламных размещений в мессенджере увеличилось более чем вдвое [6]. Установление доминирующей позиции VK как универсальной рекламной платформы: замечен рост спроса на таргетированную рекламу, посевные размещения в сообществах и отечественные аналоги формата Reels – клипы VK. Рост интереса к ретейл-медиа: возросла популярность внутренних рекламных площадок, крупных маркетплейсов (Ozon, Wildberries, Яндекс.Маркет), где бренды коммуницируют с потребителями напрямую [4].

Трансформации коснулись и показателей эффективности рекламных кампаний. Так, стоимость за просмотр (CPV) в Instagram* до запрета варьировалась в диапазоне 1,5-2 рубля, тогда как в Telegram она выросла до 2,8-3 рублей, а в VK – до 3,2 рублей. Показатель вовлечённости аудитории (ER) сократился на 30-40%, что обусловлено работой с «холодной» аудиторией и меньшей вовлечённостью пользователей к нативной рекламе.

Наблюдается также рост стоимости услуг инфлюенсеров: блогеры с аудиторией от 50 до 300 тыс. подписчиков повысили стоимость на интеграцию на 25–50% в связи с ростом спроса на ограниченном числе платформ. Для представителей малого и среднего бизнеса, располагающих ограниченными бюджетами, это стало существенным вызовом, тест в рамках запуска рекламных кампаний в запрещенных социальных сетях стал невозможным. Что повлекло собой упадок регистрации новой аудитории. Наблюдаются попытки выхода с нативной рекламой, а также размещения в рамках ограниченного времени сохранения рекламных креативов в топе. При этом аналитика также терпит трансформацию обретая новые бенчмарки и показатели эффективности запусков.

Нами собраны последствия данных перераспределений. Ещё несколько месяцев назад Instagram* выступал ключевой площадкой медиастратегий: доступная стоимость просмотра высокая конверсия, высокий коэффициент кликабельности способствовали активному взаимодействию пользователей с рекламным контентом, при этом не расходуя большие бюджеты.

Так, CPV в Instagram* составлял 1,2-1,8 рубля, а стоимость целевого лида находилась в пределах 20-25 рублей. После ограничения и перераспределения рекламных кампаний в Telegram и VK показатели изменились: CPV вырос до 2,5-3 рублей, а цена лида увеличилась до 35-40 рублей. Нативно-органические охваты снизились в показателях приблизительно на треть, а уровень вовлечённости – почти вдвое. Что соответствует актуальным бенчмаркам сегмента [9].

Затронули изменения и условия нативных размещений: ранее блогеры с аудиторией до 100 тыс. подписчиков предлагали услуги по установленным и доступным тарифам, тогда как сейчас стоимость публикаций возросла на 30-40% и имеет договоренную форму, то есть работа оценивается исходя из брифа, технического задания, времени и формата размещения, периодом неконкуренции и неудаления.

Медиапланы приняли существенную корректировку: доля Telegram и VK в рекламных стратегиях увеличилась, а Instagram* был полностью исключён из перечня используемых платформ. Эффективность кампаний теперь определяется не столько охватами, сколько форматом – выбором контента, уровнем доверия аудитории и тональностью бренда. Эти изменения свидетельствуют о том, что новое регламентирование рекламной сферы не только ограничивает, но и структурирует рынок, стимулируя его рост в новых направлениях и возможностях развития.

Ограничительные меры в отношении сферы рекламы на иностранных социальных платформах обладают двумя ключевыми аспектами – юридическим и экономическим. С юридической точки зрения они определяют соблюдение установленных нормативов и укрепление цифрового суверенитета страны, формируя «чистое» медиапространство, где участники рынка действуют в рамках зафиксированных правил и несут ответственность за нарушения со всех сторон. Что со стороны общественности становится прозрачнее.

С экономической точки зрения данные ограничения повлекли перераспределение рекламных бюджетов в пользу отечественных платформ, стимулируя их развитие и приток новой целевой аудитории, что в свою очередь дало иную градацию для бизнеса. Так, VK внедрил новые рекламные инструменты в свой кабинет, а Telegram активизировал механизмы монетизации каналов.

Период изменений сопровождался увеличением стоимости размещений и снижением прозрачности. Представители малого и среднего бизнеса оказались в менее выгодном положении: если ранее существовала возможность оперативно тестировать гипотезы в Instagram с минимальными вложениями, то сейчас достижение аналогичного охвата требует существенных финансовых ресурсов, определяющих иную стратегию продвижения в медиасфере. С учетом перераспределения аудитории по альтернативным социальным сетям, инфлюэнсеры руководствуются затратами до и после перехода подписчиков.

Таким образом, государственное регламентирование в условиях установленных мер демонстрирует двойственный результат: с одной стороны, оно способствует поддержанию правопорядка и обеспечению цифровой безопасности и прозрачности, с другой – усугубляет барьеры для гибкости рыночного механизма. Ключевая задача заключается в поиске оптимального баланса между государственным контролем и свободой предпринимательской деятельности в условиях разного бюджета, адаптивности для любой сферы бизнеса.

Исключение на закупку рекламных размещений у зарубежных социальных сетей и усиление надзора за отечественными площадками привели к структуризации новой иерархии российского медиарынка. Эти процессы трансформировали способы коммуникации брендов с целевой аудиторией и задали долгосрочные векторы развития отрасли, которые требуют пристального внимания и своевременной адаптации.

К трендам развития рекламного рынка можно отнести эволюцию национальных цифровых платформ. В перспективе ближайших лет прогнозируется дальнейшее укрепление отечественных цифровых экосистем – VK, Яндекс, Telegram, RuTube, Дзен. Государство нацелено стимулировать их развитие прибегая к субсидированию и приоритетному включению в госзаказы именно отечественные платформы.

Компании, в свою очередь, будут наращивать собственные цифровые вложения, снижая зависимость от внешних алгоритмов, включения новых медиастратегий. Уже сегодня крупные бренды запускают фирменные приложения и системы лояльности, интегрируя рекламные сообщения и контент в пользовательский путь, например создания Яндекс.Аура или Wibes. Что больше погружает в видимую коммуникацию с брендом, её принадлежность и отчасти зависимость. Реклама постепенно трансформируется из внешнего канала взаимодействия в неотъемлемый элемент площадки, проводя потребителя на всех этапах взаимодействия с брендом.

Последующие этапы эволюции рекламной индустрии связаны с применением технологий искусственного интеллекта (AI) и больших данных. AI-решения способны более точно прогнозировать поведенческие паттерны аудитории (так таргетированная реклама переквалифицировалась на искусственное сегментирование аудитории), оптимизировать распределение бюджетов и подбирать креативные форматы для конкретных сегментов.

Отечественные платформы уже активно используют AI-таргетинг и автоматизированную генерацию баннеров и видеороликов, что снижает порог входа для малого бизнеса, так стал эффективен инструмент Look-a-like в VK Реклама. Также возрастает значимость этических аспектов обработки данных и прозрачности алгоритмов, что требует актуализации нормативной базы, что постепенно войдет в нормативно-правовую регламентации как на уровне государства, так и на уровне политики сервиса. Так, в 2025 году социальная сеть Pinterest впервые внедрила систему обязательной маркировки контента, созданного с использованием технологий искусственного интеллекта, установив новый отраслевой стандарт прозрачности цифровых медиа [10].

Можно прогнозировать, что в ближайшие 3-5 лет будут разработаны стандарты регулирования AI-рекламы, включая обязательную маркировку автоматически сгенерированного контента и раскрытие источников используемых данных. Исходя из этого, можно предположить два вектора последствий развития: в первом случае нативная реклама будет ценнее и дороже иных видов, во-втором, AI-реклама станет нормой для рынка и будет активно использоваться в большом количестве размещений.

Представители малого и среднего предпринимательства столкнулись с новыми вызовами, но получили импульс для адаптации. Компании активно осваивают альтернативные каналы продвижения, развивают комьюнити-маркетинг и прямые продажи через Telegram, VK и маркетплейсы, что дает большую свободу к поиску новых решений и оптимизации внутренних процессов.

Если ранее Instagram* предоставлял возможности для быстрого формирования визуального имиджа бренда, то сегодня бизнес перенаправил внимание на коллаборации с блогерами в Telegram, хэдлинерскими проектами и нативный посевной контент в VK-сообществах. Это потребовало пересмотра подходов к аналитике, стратегическому планированию и формами созданию контента.

Многие организации перешли на модель «долгих взаимодействий», где продвижение строится на принципах доверия и удержания клиента в фокусе бренда. Реклама эволюционирует из инструмента одностороннего воздействия в механизм двустороннего взаимодействия на потенциальную аудиторию, формируя новую «философию» ведения бизнеса.

Федеральная антимонопольная служба (ФАС) и Роскомнадзор продолжают совершенствовать реестровую систему учёта интернет-рекламы [8]. Все участники рынка обязаны регистрировать рекламные кампании в единой базе данных, что повысило прозрачность отрасли и сократило долю «серых» интеграций. Тем не менее, не зарегистрированные блогеры лишаются многих рекламных проектов из-за соблюдения рекламодателем установленных норм. С учетом изменений 2025 года, отчетность за размещение интернет-рекламы сократилось до одного года, за исключением интегрированной в видео рекламы, для которой отчетность сохраняется.

Это способствует профессионализации сферы: рекламные агентства и блогеры вынуждены соблюдать законодательные нормы, формировать отчетность и декларировать доходы. На какой стороне введение отчетности устанавливаются в новых пунктах договора. Для бизнес-сферы подобные меры создают основу для доверия, однако одновременно увеличивают административную нагрузку, включая введение отчетности на ежемесячной основе.

В стратегическом развитии российское законодательство будет сближаться с европейскими стандартами прозрачности рекламной деятельности на территории страны. Ожидается внедрение требований к: обязательной маркировке контента, созданного с помощью ИИ; раскрытию источников данных, используемых для таргетирования; идентификации инфлюенсеров как субъектов предпринимательской деятельности.

Новые условия являют необходимость многоаспективной гибкости рекламной индустрии: **в нормативно-правовой сфере** – через совершенствование нормативной базы и усиление контроля за исполнением требований (что в свою очередь повышает налоговые отчисления); **в экономической базе** – из-за перераспределения бюджетов и поиска новых моделей монетизации; **в технологической адаптации** – за счёт внедрения ИИ, bigdata и персонализированных решений.

Исключительные меры в отношении зарубежных цифровых платформ оказали стимулирующее воздействие на: развитие национальных технологических экосистем; активизацию инновационных процессов; повышение уровня профессионализации рынка и регламентации всех процессов введения рекламной деятельности.

Российская рекламная индустрия переживает этап глубинной трансформации, формируясь на стыке рыночных механизмов и государственной стратегии. Ключевые характеристики новой модели: устойчивость к внешним изменениям; технологическая оснащённость; ориентация на внутренние ценностные ориентиры и приоритезация целей бизнеса.

Эти факторы способствуют становлению уникальной **цифровой идентичности страны**, где реклама выступает не только инструментом продвижения товаров, но и механизмом социально-культурного взаимодействия и содействия экономики. В долгосрочной перспективе данный подход обеспечит баланс между экономической эффективностью, правовой дисциплиной и общественной пользой.

Список использованных источников:

1. Adpass. 58 млрд рублей получили лидеры мнений за рекламу. – Текст: непосредственный // Adpass.ru. – 2025. – (Электронный ресурс). – URL: <https://adpass.ru/58-mlrd-rublej-poluchili-lidery-mnenij-za-reklamu/> (дата обращения 02.11.2025).
2. Аспекты средств массовой информации: история и современность Емцева О.В., Афанасьев А.С. Учебное пособие / Москва, 2025.
3. Ассоциация коммуникационных агентств России (АКАР). Итоги развития рекламного рынка Российской Федерации за 2024 год. – Текст: непосредственный // АКАР. – 2025. – (Электронный ресурс). – URL: <https://akarussia.ru/news/novosti-akar/obem-rynka-marketingovyh-kommunikacij-v-2024-godu/> (дата обращения 29.10.2025).
4. Коммерсантъ. Рекламный рынок в 2024 году вырос на 24 %, до 904 млрд рублей. – Текст: непосредственный // Коммерсантъ. – 2025. – (Электронный ресурс). – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7605776> (дата обращения 03.11.2025).
5. Mediascope. Telegram Audience Report 2024. – Текст: непосредственный // Mediascope.net. – 2024. – (Электронный ресурс). – URL: <https://mediascope.net/> (дата обращения 04.11.2025).
6. PPC.World / eLama. В Telegram стало в два раза больше рекламодателей за 2024 год. – Текст: непосредственный // PPC.World. – 2025. – (Электронный ресурс). – URL: <https://ppc.world/news/v-telegram-stalo-v-dva-raza-bolshe-reklamodateley-za-2024-god/> (дата обращения 31.10.2025).
7. Роскомнадзор. Порядок загрузки сведений в Единый реестр интернет-рекламы (ЕРИР). – Текст: непосредственный // Роскомнадзор. – 2025. – (Электронный ресурс). – URL: <https://rkn.gov.ru/treatments/chasto-zadavaemye-voprosy/p1575/> (дата обращения 03.11.2025).
8. ТАСС. По оценкам экспертов АБА, объем рынка рекламы у блогеров в РФ в 2024 году составил 44 млрд рублей. – Текст: непосредственный // ТАСС. – 2025. – (Электронный ресурс). – URL: <https://tass.ru/ekonomika/23341079> (дата обращения 28.10.2025).
9. The Verge. Pinterest is finally doing something about its AI infestation. – Текст: непосредственный // The Verge. – 2025. – (Электронный ресурс). – URL: <https://www.theverge.com/news/659485/pinterest-ai-image-label-filter-features> (дата обращения 04.11.2025).
10. Федеральный закон № 38-ФЗ. О рекламе: федер. закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ (ред. от 01.09.2024). – Текст: непосредственный // КонсультантПлюс. – (Электронный ресурс). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (дата обращения 25.10.2025).
11. VK Реклама. Обновление инструмента поиска похожей аудитории (Look-a-like). – Текст: непосредственный // Sostav.ru. – 2025. – (Электронный ресурс). – URL: <https://www.sostav.ru/publication/vk-reklama-poisk-potentsialnykh-klientov-73321.html> (дата обращения 04.11.2025).

УДК 338.48

ББК 65.05

Гущина В.Д.

студентка 2 курса, направление 42.03.01, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет технологий управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством Татариновой А.В.

кандидат исторических наук, доцент кафедры связей с общественностью и рекламных технологий, МГТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАСКОТОВ В ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА БРЕНДА

Аннотация. В статье рассматривается роль маскотов как инструмента формирования имиджа бренда. На основе историко-этимологического анализа термина «маскот», обзора научной литературы и результатов собственного эмпирического исследования (опрос 200 респондентов) автор показывает, что маскоты значительно усиливают эмоциональную связь потребителя с брендом, повышают его узнаваемость и лояльность аудитории. Полученные данные подтверждают высокую эффективность маскотов в современном брендинге.

Ключевые слова: маскот, имидж бренда, талисман, эмоциональная связь, маркетинг, антропоморфный персонаж, опрос потребителей.

THE USE OF MASCOTS IN SHAPING A BRAND'S IMAGE

Abstract. The article examines the role of mascots as a tool for shaping brand image. Based on a historical and etymological analysis of the term “mascot”, a review of scientific literature, and the results of the author’s own empirical study (a survey of 200 respondents), it is shown that mascots significantly strengthen the emotional bond between the consumer and the brand, increase brand recognition and audience loyalty. The data obtained confirm the high effectiveness of mascots in modern branding.

Keywords: mascot, brand image, talisman, emotional connection, marketing, anthropomorphic character, consumer survey.

Введение.

Современный рынок характеризуется высокой конкуренцией, в которой функциональные преимущества товаров и услуг перестают быть единственным фактором успеха. Потребитель всё чаще делает выбор на основе эмоциональных предпочтений и ассоциаций, связанных с брендом. Одним из наиболее эффективных инструментов формирования положительного имиджа является маскот – антропоморфный персонаж, животное или объект, выступающий в роли «лица» бренда.

Термин «маскот» (англ. mascot) имеет французское происхождение. Слово вошло в широкий обиход после премьеры комической оперы Э. Оденрана и А. Дюрю «Lamascotte» в 1880 году в Париже, где героиня приносила удачу окружающим [2]. Первоначально французское «mascotte» (от провансальского masco –

«ведьма») означало «талисман», «амулет» или «человек, приносящий удачу». К началу XX века слово закрепилось в английском языке, а затем распространилось по всему миру [3].

В маркетинге маскоты начали активно использоваться с середины XX века. Сегодня они являются важным элементом визуальной идентичности бренда и помогают создавать устойчивую эмоциональную связь с целевой аудиторией.

Цель настоящей статьи – проанализировать роль маскотов в формировании имиджа бренда на основе исторических данных, теоретического обзора и результатов эмпирического исследования.

Обзор литературы

Этимология и историческое развитие понятия «маскот» освещены в ряде источников. Согласно материалам статьи на Nabr, после успеха оперы «Lamascotte» слово быстро вошло во французский, а затем в английский язык в значении «талисман, приносящий удачу» [2]. В спортивной среде маскоты появились уже в 1880-х годах: первые упоминания в прессе касаются детей и животных, которых команды считали своими талисманами (Chick – 1883, маленький Ник – 1886, бульдог Handsome Dan Йельского университета – 1892) [4].

Имидж бренда определяется как совокупность ощущений, убеждений, идей, ассоциаций и эмоций, связанных с брендом в сознании потребителей [5]. Маскот выступает мощным визуальным и эмоциональным якорем, способствующим формированию положительного образа.

Методы исследования

Эмпирическая часть исследования проводилась в октябре 2025 года. Метод – онлайн-опрос с помощью GoogleForms. Выборка составила 200 респондентов всех возрастов. Гендерное распределение: 73,4% женщин, 26,6% мужчин.

Анкета состояла из 8 вопросов, включая шкалу Ликерта, множественный выбор и открытые вопросы. Основные блоки:

- знание и отношение к маскотам брендов;
- восприятие маскотов как элемента имиджа бренда;
- влияние маскотов на покупательское поведение;
- предпочтения по типу маскотов (животные, антропоморфные персонажи, объекты).

Для визуализации использовались круговые и столбчатые диаграммы (8 графиков, представленных в приложении к статье).

Результаты исследования

На вопрос «Как часто Вы замечаете маскотов в рекламе/повседневной жизни?» 46,7% респондентов ответили, что обращают на них внимание часто и 26%, что постоянно. Это говорит о том, что маскот делает бренд более запоминающимся. (Рисунок 1)

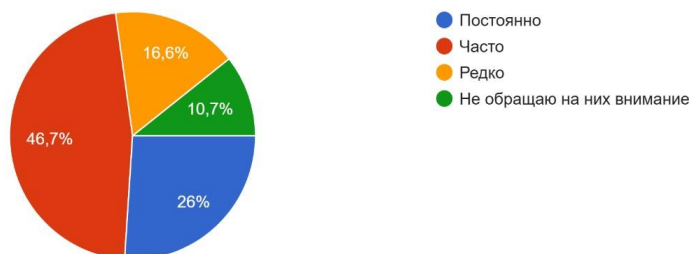

Рисунок 1. Результаты ответов на первый вопрос

К их использованию 54,4% респондентов относятся очень положительно, что свидетельствует о позитивном формировании имиджа бренда, используя компанией маскота. (Рисунок 2)

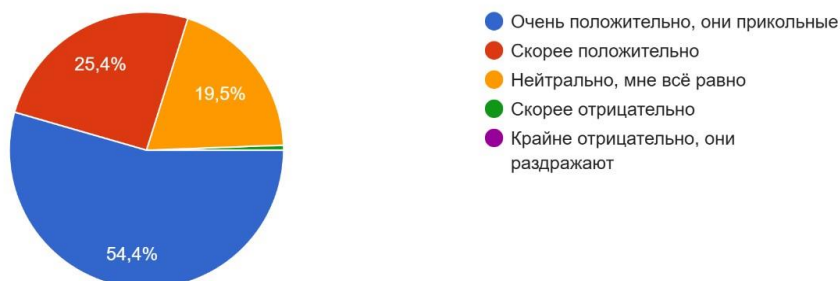

Рисунок 2. Результаты ответов на второй вопрос

В вопросе «Какой делают кампанию маскот?», где можно было выбрать несколько вариантов ответа, 76,3% респондентов проголосовали за ответ «Запоминающийся», почти равный процент опрошенных (43,8% и 46,2%) отметили, что талисман бренда делает его дружелюбным и креативным. Из чего можно сделать вывод, что маскот в большей мере формирует благоприятное мнение о компании, становясь «другом» для потребителей. (Рисунок 3)

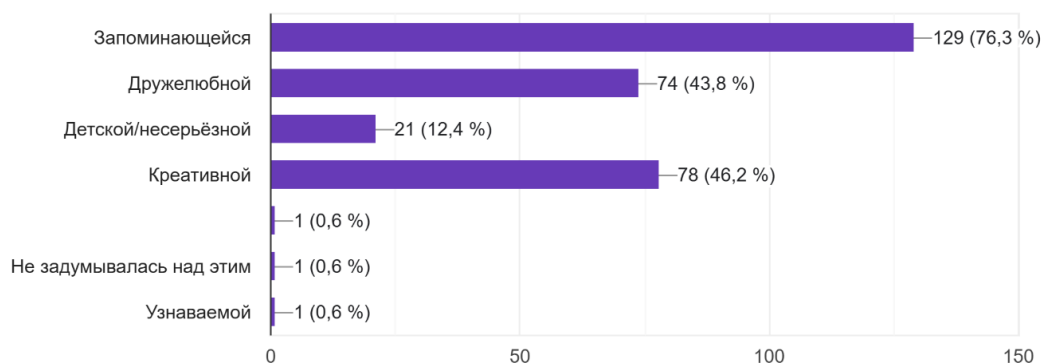

Рисунок 3. Результаты ответов на третий вопрос

Чтобы добиться узнаваемости бренда у потребителей, следует использовать маскота, ведь 62,7% опрошенных ответили, что персонаж запоминается лучше, чем логотип. (Рисунок 4)

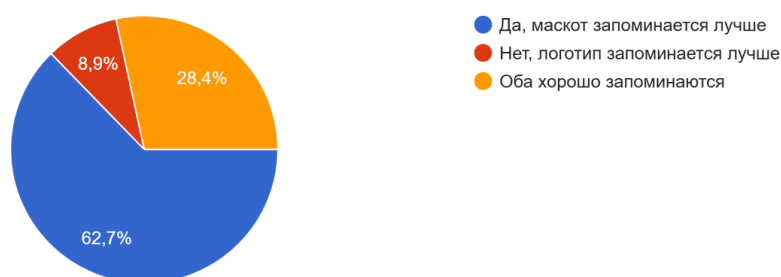

Рисунок 4. Результаты ответов на четвертый вопрос

Несмотря на то, что для большей части респондентов (49,1%) более важным аргументом для покупки являются цена или качество, также есть участники (28,4%), которых привлекательный маскот сподвиг бы на приобретение товара или услуги. (Рисунок 5)

Рисунок 5. Результаты ответов на пятый вопрос

Наиболее привлекательными опрошенные признают маскотов изображенных в виде животного (42,6%) и абстрактного персонажа или ожившего предмета (32,5%), но также важно отметить, что для большей части респондентов важнее его харизма, чем внешний вид (48,5%). (Рисунок 6)

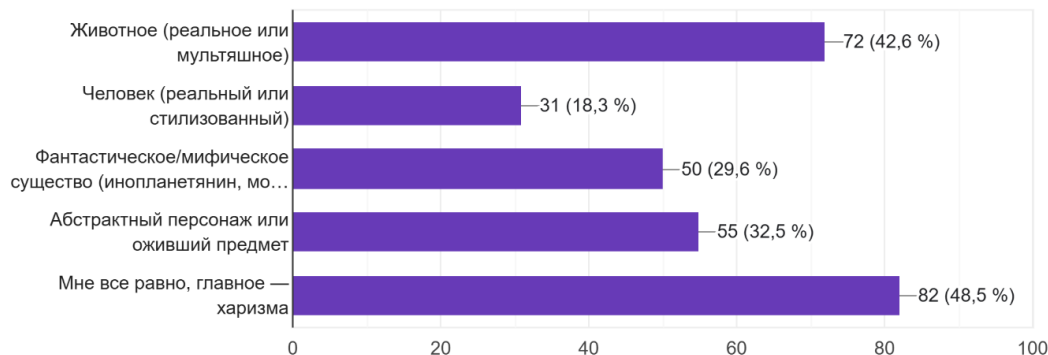

Рисунок 6. Результаты ответов на шестой вопрос

Таким образом, гипотеза о том, что маскоты являются эффективным инструментом формирования положительного имиджа бренда, полностью подтвердилась.

Заключение

Маскоты прошли путь от суеверных талисманов спортивных команд XIX века до одного из ключевых элементов современного брендинга. Их главное преимущество – способность создавать эмоциональную связь между брендом и потребителем, делать компанию «человечной» и запоминающейся.

Проведённое исследование показало, что более 2/3 потребителей в России позитивно воспринимают бренды с маскотами и склонны проявлять к ним большую лояльность. Это подтверждает целесообразность включения маскотов в стратегии формирования и поддержания имиджа бренда.

В перспективе рекомендуется дальнейшее изучение кросс-культурных особенностей восприятия маскотов, а также эффективности их использования в цифровых каналах (соцсети, метавселенные, мобильные приложения).

Список использованных источников:

1. Аспекты средств массовой информации: история и современность Емцева О.В., Афанасьев А.С. Учебное пособие / Москва, 2025.
2. Как мы придумали маскота и подружили экзотического зверя с ценностями бренда технологической ИТ-компании // ХабрURL: <https://habr.com/ru/articles/847080/> (дата обращения: 01.10.2025).
3. История «маскотов»: откуда взялись талисманы у спортивных команд // Дзен URL: https://dzen.ru/a/aN5_nXdtz0TJ4nwA (дата обращения: 01.10.2025).
4. Имидж бренда // рувикиURL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Имидж_бренда (дата обращения: 01.10.2025).
5. Маскоты в спорте появились еще в XIX веке // спортс" URL: <https://www.sports.ru/football/blogs/2842995.html> (дата обращения: 01.10.2025).

УДК 338.48

ББК 65.05

Ковалева А.И.

магистрант 2 курса, направление 42.04.01, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством Положенцевой И.В.

кандидат экономических наук, доцент кафедры связей с общественностью и рекламных технологий, МГУТУ им. К. Г. Разумовского (Первый казачий университет), Россия, Москва

АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ПРОДВИЖЕНИЮ БРЕНДА КОСМЕТИКИ НА ПРИМЕРЕ БРЕНДА «BISOU»

Аннотация. Косметическая индустрия является одним из наиболее развивающихся секторов экономики. Непрерывный рост производства и постоянные инновации в этой области мотивируют к поиску способов повышения узнаваемости брендов и укрепления доверия потребителей. Реклама играет ключевую роль в продвижении косметических торговых марок, и ее роль возрастает с каждым годом. Она позволяет эффективно решать задачи представления продукции или услуг и повышения узнаваемости бренда. Ключевым элементом любой рекламной стратегии является глубокое понимание целевой аудитории, определение конкретных целей и задач, выбор эффективных рекламных инструментов.

В рекламном процессе участвуют различные стороны, включая рекламодателей, медиаканалы, рекламные агентства и конечных потребителей товаров и услуг. С учетом появления новых форматов рекламы, особенно в косметической сфере, становится актуальным проведение SWOT-анализа рекламных инструментов продвижения косметических брендов. Также необходим сравнительный анализ стратегий продвижения молодежной российской косметики, основанной на натуральных компонентах, для выявления наиболее эффективных подходов к продвижению бренда.

Ключевые слова: продвижение, реклама, бренды косметики.

ANALYSIS OF APPROACHES TO COSMETICS BRAND PROMOTION USING THE EXAMPLE OF THE BRAND «BISOU»

Abstract. According to research, the cosmetics industry is one of the fastest-growing sectors of the economy. Continuous growth and innovation in this field prompt consideration of ways to increase brand awareness and build consumer trust. Advertising plays a key role in promoting cosmetic brands, and its importance is growing every year. Advertising effectively addresses the challenges of presenting products or services and increasing brand awareness. A key element of any advertising strategy is a thorough understanding of the target audience, defining specific goals and objectives, and selecting appropriate advertising tools.

The advertising process involves various parties, including advertisers, media channels, advertising agencies, and end consumers of goods and services. Given the emergence of new advertising formats, particularly in the cosmetics industry, conducting a SWOT analysis of advertising tools used to promote cosmetic brands is becoming increasingly important. A comparative analysis of promotion strategies for Russian youth cosmetics based on natural ingredients is also essential to identify the most effective approaches.

Keywords: promotion, advertising, cosmetics brands.

Понятие «продвижение» обладает различными интерпретациями. С одной стороны, продвижение можно рассматривать как распространение определенных концепций, с другой стороны – как процесс информирования о ключевых характеристиках продукции и побуждение покупателей к её приобретению [1].

Следовательно, продвижение – это целенаправленная деятельность, призванная увеличить осведомленность потребителей о продукте. Кроме того, продвижение товара является неотъемлемой частью маркетинговой стратегии [3]. Главная цель заключается в том, чтобы правильно донести информацию о продукте до конкретной аудитории лояльных потребителей.

В настоящее время косметическая индустрия активно развивается в связи с чем задача популяризации косметических брендов является крайне актуальной. В свете того, что социальные платформы становятся наиболее популярным средством для общения и развлечений, этот канал коммуникации становится и наиболее

результативным для продвижения самых различных видов продукции. Лидирующие позиции в социальных сетях занимает таргетированная реклама, которая позволяет донести информацию о конкретном продукте или услуге до потенциально заинтересованных лиц [4; 5].

Отметим несколько ключевых тенденций в продвижении продукции, которые наблюдаются в последние годы.

1. Вертикальные видео становятся особенно популярными в видеоконтенте.

2. Прямые трансляции мероприятий в социальных сетях также востребованы, позволяют рекламировать различную продукцию.

3. Продвижение с помощью инфлюенсеров широко используют многие бренды косметики.

4. В настоящее время VK и Telegram достигают наивысшей популярности.

Чтобы лучше разобраться в специфике продвижения, рассмотрим SWOT-анализ, сравнительный анализ брендов и их подходов к продвижению косметики.

SWOT-анализ выступает неким рычагом предотвращения негативных последствий, с которыми может столкнуться компания, если вовремя не исправит ошибки и не выберет правильную стратегию развития своей деятельности. [5; 6].

Таблица 1 – SWOT-анализ. Источник: составлено автором.

Сильные стороны	Слабые стороны
1. Непрерывное развитие рекламы. 2. Развитие новых социальных медиа. 3. Появление новых платформ для запуска рекламы.	1. Большая конкуренция. 2. Специфика продукта. 3. У некоторых людей вызывает недоверие. 4. Трудно найти эффективный формат рекламы косметики.
Возможности	Угрозы
1. Расширение целевой аудитории. 2. Способность быстро привлечь внимание с помощью интригующих роликов. 3. Использование новых платформ для запуска рекламы бренда косметики. 4. Повышенный спрос у разных возрастных категорий.	1. Риск неправильного выбора канала для продвижения бренда косметики. 2. Ошибка при выборе формата рекламы для продвижения бренда косметики. 3. Недовольство целевой аудитории навязчивой рекламой и формирование негативного отношения к бренду косметики.

По результатам SWOT– анализа (табл. 1) выявлена цель практической части исследования.

Следующим этапом нашего исследования стало проведение сравнительного анализа подходов брендов к продвижению российской косметики на натуральной основе.

«BISOU» – отечественный бренд натуральной косметики, основная целевая аудитория бренда «BISOU» – это молодые девушки, которые стремятся заботиться о себе.¹² Для анализа подходов были выбраны бренды натуральной косметики и натуральной косметики на минеральной основе.

Сравнительный анализ включал три этапа.

1. Первый этап – обработка информации, то есть данные проверяются на соответствие критериям валидности, релевантности и репрезентативности.

2. Второй шаг – это систематизация информации, то есть приведение данных к структурированному виду.

3. Третий шаг – это сопоставление и анализ данных, интерпретация результатов анализа и формулирование выводов о свойствах объектов.

Для анализа использовались следующие критерии сравнения – сайт, социальные сети, маркетплейсы, коллаборации, розыгрыши, реклама в социальных сетях [5].

Таблица 2 – сравнительный анализ брендов

	BISOU	Organic Shop	Ecomake
Сайт	https://bisou-cosmetics.ru/?ysclid=mg3kk6gfca652829076 Информация о бренде и статьи, посвященные уходу за собой.	https://bio.site/organic_shop Информации на сайте нет, перенаправляет на мессенджеры	https://ecomake.ru/ Информация о блогерах и правильном уходе за кожей лица и тела.
Социальные сети	https://vk.com/bisou_cosmetics?ysclid=mg3koulv4d325080977 Интересные публикации, клипы с оригинальным визуальным оформлением, обзоры продукции.	m.vk.com/organicsshop_ru?from=profile Большое количество публикаций в социальной сети Вконтакте с красивым визуальным оформлением	https://vk.com/ecomake Достаточное количество публикаций в социальной сети Вконтакте с примерами использования косметики, красивое визуальное оформление.

¹²<https://www.bing.com/ck/a?!&p=8bf639cdf2447879d08d17f77514fdd00ab3462070484e5819fc02da600defe4JmltdHM9MTc2MjEyODAwMA&ptn=3&ver=2&hsh=4&fclid=2aef6812-8e2c-662d-0e2b-7e488f04674f&psq=BISOU&u=a1aHR0cHM6Ly9iaXNvdS1jb3NtZXRpY3MucnUv> (дата обращения: 22.10.2025)

Маркет-плейсы	Бренд предлагает широкий ассортимент своей продукции на Ozon и Wildberries.	Бренд предлагает широкий ассортимент своей продукции на Ozon.	Бренд предлагает широкий ассортимент своей продукции на Ozon.
Коллаборации	Коллаборации с блогерами развиты.	Коллаборации с блогерами хорошо развиты.	Коллаборации с блогерами отсутствуют.
Розыгрыши	Розыгрыши косметики отсутствуют на данный момент.	Розыгрыши косметики проводятся в социальной сети ВКонтакте	Розыгрыши в социальных сетях отсутствуют, на сайте компании представлено колесо удачи, после прокрутки колеса можно выиграть какой-то продукт в подарок за покупку.

Чтобы лучше разобраться в специфике продвижения брендов в социальной сети ВКонтакте, обратимся к следующим рисункам.

На рисунке 1 мы видим примеры публикации брендов косметики, соответственно, а) «OrganicShop», б) «Ecomake»; в) BISOU.

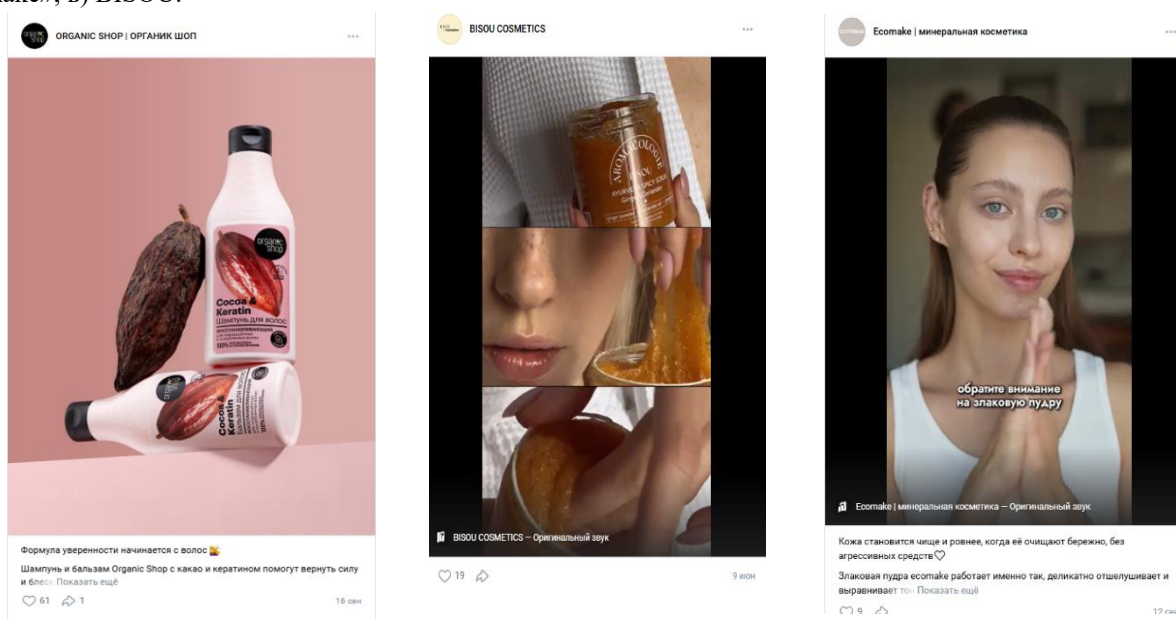

Рисунок 1 – Примеры публикации ВКонтакте косметических брендов

а) «Organic Shop»

б) «Ecomake»

в) BISOU

По данным таблицы 2 сайты сравниваемых брендов используются в основном для размещения статей об уходе за кожей. Практически все торговые марки публикуют в группах ВКонтакте обзоры, где детально раскрывается философия бренда косметики. Однако не хватает оригинального рекламного ролика, способного привлечь большее внимание целевой аудитории и повысить узнаваемость бренда. В связи с чем для продвижения бренда косметики «BISOU» предлагается использовать рекламный ролик в социальных сетях, чтобы сформировать доверительное отношение к торговой марке.

Основная идея ролика состоит в том, чтобы показать, как бренд «BISOU» помогает улучшить самочувствие, поднять самооценку, справиться с ежедневным стрессом после расставания с парнем, добавить удовольствие и позитивные ощущения от бьюти-рутины.

Проведенное исследование показывает, что продвижение косметических продуктов представляет собой значимую и весьма актуальную составляющую в деятельности компании. Продвижение косметики особенно востребованно на данный момент и очень важно найти интересные и оригинальные способы продвижения, которые подчеркнут уникальность торговой марки и сделают ее узнаваемой на других.

Список использованных источников:

1. Аакер Д.А. Создание сильных брендов. М.: Гребенников, 2003. – 439 с.
2. Макашова З. М., Макашова М. О. Брендинг: Учебное пособие. СПб.: Питер. 2021. 288 с.
3. Кузнецова Л. В. Digital-коммуникации и имидж бренда в условиях медиатизации общества. // Вестник РГГУ. Серия: Коммуникации. – 2021. – № 2. – С. 119–127.
4. Филатов В.В., Моисеева О.А., Полянская О.А., Ксенофонтова Х.З. Стратегии достижения конкурентных преимуществ на основе инновационных технологий в VUCA-мире современной бизнес-реальности // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2024. № 2. С. 59-73.

УДК 316
ББК 60.08

Ньоне Р.Ф.

студентка 3 курса, направление 42.03.01, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством Емцевой О.В.

кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью и рекламных технологий, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

РОЛЬ СТОРИТЕЛЛИНГА В PR-КОММУНИКАЦИЯХ

Аннотация. Статья рассматривает значение сторителлинга как одного из ключевых инструментов в современных PR-коммуникациях. Раскрывается его влияние на формирование имиджа организации, установление эмоциональной связи с целевой аудиторией и повышение.

Ключевые слова: сторителлинг, коммуникация, PR, история, эмоциональное воздействие, нарратив, бренд.

THE ROLE OF STORYTELLING IN PR COMMUNICATIONS

Abstract. The article examines the importance of storytelling as one of the key tools in modern PR communications. It reveals its influence on the formation of the organization's image, establishing an emotional connection with the target audience and increasing the level of trust in the brand. The basic principles of building effective stories, their structure, functions and forms of implementation in various communication channels are analyzed. Special attention is paid to the practical application of storytelling in the promotion process, anti-crisis communications and the development of long-term public relations.

Keywords: storytelling, communication, PR, history, emotional impact, narrative, brand.

Введение. Современное информационное общество характеризуется высокой плотностью сообщений, их фрагментарностью и конкурентностью. Человек ежедневно сталкивается с огромным количеством информации, большая часть которой остается незамеченной и не усваивается. В связи с этим перед специалистами в области связей с общественностью и PR-коммуникаций возникает задача не только донести сообщение до целевой аудитории, но и сделать его значимым, понятным и эмоционально запоминающимся.

Одним из инструментов, позволяющих эффективно решать эту задачу, является сторителлинг – искусство рассказывания историй. Этот метод всё чаще применяется в PR-коммуникациях как способ формирования эмоциональной связи между брендом и аудиторией, создания доверия и укрепления репутации. Несмотря на древние культурные корни, в современных коммуникационных практиках сторителлинг приобретает стратегическую роль.

Цель данной статьи – анализ роли сторителлинга в PR-коммуникациях, выявление его функций, преимуществ и определение перспектив развития данного подхода.

Теоретические основы сторителлинга

Сторителлинг представляет собой процесс структурированной передачи информации в повествовательной форме, включающей героя, сюжет, конфликт и развязку. Подобный формат был присущ человеческой культуре с древнейших времён и использовался для передачи опыта, ценностей и знаний из поколения в поколение [3].

С психологической точки зрения сторителлинг является одним из наиболее эффективных методов коммуникации, поскольку истории активизируют как рациональное, так и эмоциональное восприятие. Человек легче идентифицирует себя с персонажем, переживает и сопереживает вместе с ним, что способствует более глубокому усвоению информации [4].

В PR-коммуникациях сторителлинг используется для формирования устойчивого эмоционального образа компании и её ценностей в сознании общественности. Он позволяет выстраивать не только информационную, но и ценностно-смысловую связь с аудиторией [5].

Связи с общественностью направлены на установление доверительных отношений между организацией и аудиторией. В отличие от рекламы, нацеленной на прямое стимулирование продаж, PR ориентирован на формирование положительной репутации и долгосрочного имиджа [7].

Сторителлинг как инструмент PR-коммуникаций.

Сторителлинг выполняет несколько ключевых функций: формирование эмоциональной вовлечённости, укрепление доверия, упрощение восприятия сложной информации и гуманизация образа компании [8]. Через истории PR-специалисты передают не только факты, но и смысловые ценности. Это может быть рассказ о пути компании, об общественно значимых инициативах, о сотрудниках или клиентах, чьи судьбы демонстрируют ценности бренда.

Особую роль сторителлинг играет в бренд-коммуникациях, внутренних коммуникациях, антикризисных стратегиях, социальных и репутационных проектах [9].

Такие истории помогают не только повысить узнаваемость, но и сформировать прочную эмоциональную связь, что является одним из ключевых факторов лояльности.

Преимущества сторителлинга в PR.

Сторителлинг обладает рядом значительных преимуществ. Прежде всего, он способствует повышению запоминаемости информации: истории, построенные на последовательности событий, наполненные смыслом и образами, более прочно закрепляются в памяти аудитории [10].

Кроме того, сторителлинг усиливает доверие к бренду, поскольку правдоподобные истории создают ощущение открытости и честности [11].

Истории оказывают сильное эмоциональное воздействие, вызывают эмпатию, формируют эмоциональный отклик и усиливают влияние коммуникационного сообщения [4].

Сторителлинг также способствует персонализации бренда: представление компании через людей, их опыт и жизненные ситуации делает её ближе аудитории [8].

Важным преимуществом является повышение вовлечённости: пользователи охотнее читают, комментируют и распространяют истории, чем традиционные рекламные материалы [12].

Таким образом, сторителлинг становится мощным инструментом стратегического PR, способным значительно повысить эффективность коммуникаций.

Сторителлинг в цифровой среде

Цифровые технологии расширяют возможности сторителлинга: теперь это интерактивные публикации, видеоконтент, сторис, подкасты, документальные проекты, трансмедийные истории. Социальные сети и стриминговые сервисы позволяют брендам использовать разнообразные платформы и форматы [13].

Однако современная аудитория отличается критичностью. Искусственность или манипулятивность способны привести к потере доверия, поэтому ключевыми принципами становятся аутентичность, искренность, социальная ответственность и соответствие реальности [14].

Сегодня сторителлинг превращается не просто в форму подачи информации, а в инструмент формирования ценностной и культурной идентичности бренда.

Заключение

Сторителлинг является одним из наиболее перспективных инструментов современной PR-коммуникации. Он помогает не только информировать, но и формировать ценности, эмоциональное отношение и долговременную лояльность аудитории.

В условиях информационной перегруженности именно истории становятся ключом к вниманию. Сторителлинг помогает выстраивать долгосрочные отношения с общественностью и укреплять репутацию [15]. Его роль будет расти по мере интеграции с цифровыми технологиями, однако центром успешной истории остаётся её человечность и смысловая наполненность.

В перспективе роль сторителлинга будет только расти за счёт интеграции с новыми цифровыми технологиями, однако главной составляющей успешной истории по-прежнему останется её человечность и смысловая наполненность.

Список использованных источников:

1. Borges S. Storytelling in the Digital Era. – New York: Routledge, 2019.
2. Bentley J. Психология влияния через истории. – М.: Эксмо, 2020.
3. Campbell J. Герой с тысячей лицами. – СПб.: Питер, 2019.
4. Gottschall J. Животное-рассказчик. – М.: Альпина нон-фикшн, 2017.
5. Heath R. Seducing the Subconscious: Storytelling in Branding. – London: Wiley, 2018.
6. Аспекты средств массовой информации: история и современность: учебное пособие / О.В. Емцева, А.С. Афанасьев. – М.: Издательство Московского университета 2025 г. – 39 с. – ISBN 978-5-19-012276-3
7. Иванова К.Р. Коммуникационные стратегии в PR и брендинге. – М.: Юрайт, 2020.
8. Катлип С., Сентер А., Брум Г. Паблик рилейшнз. Теория и практика. – М.: Вильямс, 2016.
9. Кемпбелл Дж. Герой с тысячей лицами. – СПб.: Питер, 2019.
10. Котлер Ф., Картаджайя Х., Сетиаван И. Маркетинг 4.0. – М.: Альпина Паблишер, 2017.
11. Леви Д. Эмоциональный маркетинг и сторителлинг. – СПб.: Питер, 2018.
12. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. – М.: Канон, 2018.
13. Почепцов Г.Г. Паблик рилейшнз для профессионалов. – Киев: Ваклер, 2018.
14. Солдатов А.А. Digital-коммуникации: теория и практика. – М.: Юрайт, 2021.
15. Шарков Ф.И. Основы теории коммуникации. – М.: Дашков и К, 2019.

Матюшов Н.А.

студент 4 курса, направление 42.03.01, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством **Емцевой О.В**

к.ф.н., доцент кафедры связей с общественностью и рекламных технологий; МГУТУ им. К.Г.Разумовского (ПКУ)

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ В СФЕРЕ РЕКЛАМЫ И СВЯЗЕЙ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

Аннотация. Исследование посвящено анализу процессов реструктурирования коммуникационной парадигмы на российском рынке рекламы и связей с общественностью в период 2020-2025 годов. Работа концентрируется на выявлении механизмов адаптации маркетинговых стратегий к современным вызовам: цифровой трансформации экономики, ужесточению нормативно-правовой базы в области защиты данных и миграции медиааудитории на отечественные платформы.

В исследовании демонстрируется, что перемены в рекламной коммуникации не представляют собой радикальный разрыв с предшествующими принципами. Напротив, наблюдается глубокая интеграция классических концепций маркетинга с современными инструментами искусственного интеллекта, микротаргетирования и омниканального взаимодействия. Анализ статистических данных, полученных от аналитических организаций в 2023-2025 годах, позволяет выявить устойчивые тренды в развитии инфлюенс-маркетинга, медийной рекламы на маркетплейсах и этико-правового регулирования.

Материалы исследования могут быть полезны специалистам в области рекламы и связей с общественностью, маркетинга, преподавателям вузов, занимающимся изучением коммуникационных наук, а также исследователям, ориентированным на понимание трансформационных процессов в экономике коммуникаций.

Ключевые слова: реклама, связи с общественностью, маркетинговая коммуникация; платформенная экономика; персонализированный контент; искусственный интеллект; российский рынок; инфлюенсеры; регулирование данных; омниканальность; этика маркетинга; микротаргетирование.

CURRENT TRENDS IN THEORETICAL APPROACHES IN THE SPHERE OF ADVERTISING AND PUBLIC RELATIONS

Abstract. This study analyzes the restructuring of the communications paradigm in the Russian advertising and public relations market from 2020 to 2025. It focuses on identifying mechanisms for adapting marketing strategies to modern challenges: the digital transformation of the economy, tightening data protection regulations, and the migration of media audiences to domestic platforms.

The study demonstrates that changes in advertising communications do not represent a radical break with previous principles. On the contrary, there is a deep integration of classic marketing concepts with modern tools of artificial intelligence, microtargeting, and omnichannel engagement. An analysis of statistical data obtained from research organizations for 2023-2025 reveals sustainable trends in the development of influencer marketing, media advertising on marketplaces, and ethical and legal regulation.

The research materials may be useful to marketing specialists, university professors studying communication sciences, and researchers focused on understanding transformation processes in the communications economy.

Keywords: Advertising, public relations, marketing communications; platform economy; personalized content; artificial intelligence; Russian market; influencers; data regulation; omnichannel; marketing ethics; microtargeting.

Введение

Актуальность исследования. За прошедшее десятилетие рынок рекламных коммуникаций в Российской Федерации претерпел коренные трансформации. Если в период 2010-2015 годов доминирующей моделью оставались классические медиа (телевидение, радио, печать), а цифровые каналы функционировали как вспомогательные инструменты, то к 2025 году произошло инверсия этой иерархии. По данным аналитических отчетов, цифровой сегмент составляет на данный момент более 75% от общего объема рекламных инвестиций на национальном рынке. Этот переход не является простым смещением бюджетов между каналами – это переоценка самих основ коммуникационного воздействия.

Параллельно с технологическими трансформациями происходили значительные геополитические события. Блокировка крупнейших международных платформ (в частности, сервисов Meta, признанной в России экстремистской организацией) привела к перераспределению аудитории на национальные сервисы. ВКонтакте, Яндекс и новые игроки в e-commerce (Ozon, Wildberries, Avito) стали не просто конкурирующими площадками, а формирующимися центрами цифровой экосистемы. Каждая из этих платформ развивала собственные алгоритмы, стандарты взаимодействия с рекламодателями и принципы работы с пользовательскими данными.

Одновременно происходило ужесточение правового регулирования. С начала 2025 года вступили в силу расширенные требования к обработке персональных данных, социальной рекламе, маркировке коммерческого контента. Федеральный закон от 13 декабря 2016 года № 152-ФЗ получил существенные дополнения, касающиеся локализации данных на российских серверах, обработки биометрической информации, требований к информированию пользователей.

Совокупность этих факторов создала уникальный контекст для развития маркетинговых практик, принципиально отличающихся от глобальных тенденций. Компании столкнулись с необходимостью разработки

локализованных стратегий, адаптированных к российским платформам, российскому законодательству и ожиданиям российской аудитории. Именно этот контекст делает исследование актуальным.

Проблемное поле исследования: Существует видимый конфликт между требованиями повышения эффективности рекламной коммуникации и возрастающими ограничениями в области приватности и этики. Компании, желающие масштабировать свою деятельность через персонализацию и таргетирование, сталкиваются с потребителями, которые становятся всё более настороженными в отношении сбора и использования их данных. Этот парадокс не имеет однозначного решения, и практики разных компаний демонстрируют весьма разнообразные подходы.

Кроме того, внедрение систем искусственного интеллекта в процессы создания контента и оптимизации кампаний происходит в условиях отсутствия единых стандартов качества и эффективности. Многие компании используют AI для масштабирования, но это часто ведёт к деградации качества контента. Потребители начинают распознавать автоматически сгенерированные тексты, видео и предложения, что провоцирует падение доверия.

Третьей проблемой является недостаток исследований, специфичных именно для российского контекста. Большинство академических работ по маркетингу опираются на примеры из США, ЕС или глобальных платформ, которые в России либо недоступны, либо существенно модифицированы.

Объект исследования: Система маркетинговых коммуникаций, функционирующих на российском рынке в период 2023-2025 годов, включающая рекламные, PR-стратегии, инфлюенс-маркетинг и корпоративные коммуникации.

Предмет исследования: Трансформационные процессы, происходящие в содержании, методах и инструментах маркетинговых коммуникаций под влиянием цифровизации, нормативно-правового регулирования и платформенной концентрации.

Цель: Провести системный анализ актуальных трансформаций в маркетинговых подходах на российском рынке, выявить ключевые тренды и определить механизмы их влияния на коммерческую практику.

Задачи:

1. Описать историческую эволюцию рекламной коммуникации как контекст для понимания современных изменений.

2. Выявить и проанализировать основные тренды развития рекламы и PR в России (2023-2025).

3. Провести кейс-анализ практик ведущих российских платформ и компаний.

4. Описать регулятивный ландшафт и его влияние на коммуникационные стратегии.

5. Сформулировать рекомендации для маркетологов, PR-специалистов и исследователей.

Методология: Исследование опирается на анализ публикуемых отчётов аналитических организаций, работающих на российском рынке (РБК, SOSTAV.ru, eLama, Mediascope, AdPass, CNews). Дополнительно используются данные открытых источников о российском законодательстве, статистика платформ, новостные материалы. Применяется метод компаративного анализа для сопоставления трендов различных сегментов (социальные сети, маркетплейсы, инфлюенс-маркетинг, диджитал-реклама).

1. Исторический контекст.

Понимание современных тенденций невозможно без исторического взгляда. Реклама, в том виде, в котором она существует сегодня, прошла несколько этапов эволюции.

В XIX веке реклама была функционально простой – это была информация о товаре, его цене и месте продажи. Появление в начале XX века радио, а затем телевидения радикально расширило возможности рекламодателей. Вместо объявления в газете компания могла доставить свое сообщение в дома миллионов людей. Это был переломный момент: реклама перестала быть просто информированием и превратилась в инструмент формирования предпочтений и образа жизни.

Середина XX века ознаменовалась возникновением индустрии маркетинга как систематической деятельности. Появились теории, объясняющие поведение потребителя, методики сегментирования рынка, концепции позиционирования товаров. Рекламные кампании становились всё более сложными, координированными, ориентированными на конкретные аудиторные сегменты.

С появлением интернета (1990-2000-е годы) произошёл новый сдвиг. Реклама получила возможность быть адресной, измеримой, интерактивной. Поисковые системы и социальные сети создали новое пространство для контакта между брендом и потребителем. Начала формироваться концепция «digital-first» маркетинга.

Однако каждый из этих переходов не отменял полностью предыдущие подходы – они скорее добавлялись к ним. Телевидение не исчезло с появлением интернета, оно изменилось, адаптировалось. Традиционные методы сегментирования и позиционирования остаются актуальны в эпоху BigData. Это важный момент: трансформации в рекламе – это не революции, а эволюции.

2. Современное состояние

2.1. Персонализация: Персонализация контента уже давно перестала быть конкурентным преимуществом отдельных компаний. Она стала ожиданием потребителей. Когда человек открывает Яндекс.Маркет, он предполагает, что рекомендации будут основаны на его истории просмотров и покупок. Когда он листает ленту во ВКонтакте, он ожидает, что контент будет отобран в соответствии с его интересами.

Масштабирование персонализации произошло благодаря развитию алгоритмических систем. Если ещё 10 лет назад персонализация требовала серьёзных инвестиций в аналитику и была доступна лишь крупным

компаниям, то сегодня даже средние компании могут использовать готовые инструменты для A/B-тестирования, автоматической оптимизации кампаний, рекомендательные системы.

Однако с расширением персонализации возникают новые проблемы. Потребители, получающие гиперперсонализированный контент, могут оказаться в так называемых «фильтр-пузырях» – среде, где им показывается в основном контент, совпадающий с их существующими убеждениями. Это может привести к радикализации взглядов и ослаблению социальной связности.

Вторая проблема – парадокс выбора. Чем больше вариантов предлагается, тем сложнее человеку принять решение. Избыток персонализированных предложений может привести не к росту конверсии, а к отсутствию выбора.

Третья проблема – цена в смысле данных. Для осуществления персонализации компании собирают огромные объёмы информации о пользователях. Это порождает вопросы приватности, безопасности, этики.

2.2. Искусственный интеллект: Появление больших языковых моделей (типа GPT, Yandex.GPT, Claude и т.д.) в конце 2022 – начале 2023 года вызвало волну оптимизма и опасений в индустрии маркетинга. С одной стороны, AI открыл невиданные возможности: можно автоматически генерировать рекламные тексты, креативные концепции, варианты объявлений для A/B-тестов. Копирайтер, который раньше тратил день на написание 10 вариантов текста, теперь может сгенерировать 100 вариантов за час.

С другой стороны, произошла некоторая дегенерация качества. AI-генерированный контент часто узнаваем по определённым лингвистическим признакам – излишней структурированности, отсутствию подлинного чувства, иногда ошибкам в контексте. Потребители, которые становятся всё более искушенными в распознавании AI-контента, начинают его избегать.

На практике компании нашли компромиссное решение: AI используется не для полной замены человеческого творчества, а для ускорения процесса. AI генерирует первичные варианты, человек редактирует, добавляет фирменный стиль, эмоциональное содержание. Это гибридный подход оказался наиболее эффективным.

Интересно, что развитие AI не привело к массовому сокращению рабочих мест в копирайтинге и дизайне. Вместо этого произошла трансформация: на место сугубо исполнительской работы пришла кураторская, редакторская, творческая функция. Спрос на хороших копирайтеров остался, но требования к ним изменились.

2.3. Платформенная концентрация и локализация: Ограничения на использование западных платформ привели к ускоренному развитию отечественных сервисов. ВКонтакте, первоначально копирующая Facebook, развилась в полнофункциональную экосистему, конкурирующую по функциям с западными аналогами. Яндекс интегрировал в своей платформе сервисы маркетплейса, карт, видео, музыки, создав комплексный инструмент для взаимодействия с потребителями.

Эта локализация имеет интересные следствия. Во-первых, алгоритмы развиваются с учётом специфики русскоязычной аудитории, её культурных особенностей, поведенческих паттернов. Во-вторых, компании получают большую свободу в экспериментировании с форматами и подходами. В-третьих, возникает возможность лучшего контроля над контентом со стороны государства.

Рост маркетплейсов (Ozon, Wildberries, Avito) создал новый формат маркетинговой коммуникации. Реклама на маркетплейсе – это не просто баннер; это встроенность рекламного предложения в процесс коммерческой транзакции. Потребитель находится в покупательском настроении, и реклама улавливает этот момент.

2.4. Инфлюенс-маркетинг: от звёзд к микро-создателям: Рынок инфлюенс-маркетинга растёт быстро. По оценкам, в 2024 году он составлял 44 млрд рублей, а к 2025 году прогнозируется рост до 55-57 млрд рублей. Это один из самых динамичных сегментов рекламы.

Интересно наблюдать эволюцию модели. На начальном этапе (2015-2020) на рынке доминировали макро-инфлюенсеры – люди с несколькими миллионами подписчиков, знаменитости. Они имели высокий охват, но относительно низкий уровень вовлечения (engagement).

Затем произошёл сдвиг к микро-инфлюенсерам (10-100 тысяч подписчиков), которые имеют более тесную связь с аудиторией, и потребители воспринимают их рекомендации как более подлинные.

Сейчас происходит эволюция и стандартизация обеих моделей: крупные инфлюенсеры учатся создавать более интимный контент, микро-инфлюенсеры стремятся расти и привлекать больше внимания – таким образом, обе ниши становятся более однородными. Параллельно развивается явление «nano-influencers» – обычные люди с тысячами подписчиков, которые выбирают компании-партнёры.

Важное изменение – модель оплаты. Если раньше компании платили инфлюенсерам за охват (фиксированная сумма за пост), то теперь всё чаще используются модели Performance-based, где оплата зависит от количества кликов, подписок, покупок.

2.5. Регулирование и этическая сторона: С начала 2025 года произошли значительные изменения в нормативной базе. Требования к маркировке рекламы усилены. Даже нативная реклама (контент, который выглядит как редакционный материал, но является рекламой) должна быть явно обозначена. Пороги для социальной рекламы повышены: компании с определённым уровнем трафика должны выделять не менее 5% от годового объёма рекламы под социально значимый контент.

Параллельно произошли изменения в законодательстве о защите данных. Требования по локализации данных стали более строгими. Компании, обрабатывающие данные граждан России, должны хранить сервера

на территории России. Это существенно повысило издержки для международных компаний и создало преимущества для отечественных игроков.

Ужесточение регулирования, которое многие воспринимали как сужение возможностей, на деле создало условия для развития более этичного маркетинга. Компании, которые честно работают с данными и соблюдают прозрачность, получают конкурентное преимущество в виде лучшего уровня доверия аудитории.

2.6. Омниканальность: Омниканальность – концепция, согласно которой компания предоставляет единый опыт взаимодействия независимо от канала, – теперь перестала быть опцией и превратилась в практическую необходимость.

Потребитель может увидеть рекламу в Telegram, перейти в мобильное приложение и добавить товар в корзину, получить email-напоминание, завершить покупку через веб-сайт. На каждом из этих этапов система должна узнавать потребителя, помнить контекст его действий, предоставлять согласованную информацию.

Технически это требует создания единого хранилища данных о клиентах (Customer Data Platform), что, в свою очередь, создаёт новые вызовы для приватности и безопасности.

3. Практические проявления: кейсы и примеры

Кейс 1: ВКонтакте

После блокировки Facebook и Instagram (запрещены в РФ) ВКонтакте перешла из позиции вторичной платформы в позицию стратегического ресурса для компаний. Сегодня ВКонтакте используется не только для органического контента, но и как платформа для рекламы и прямых продаж. Компания разработала собственную биржу рекламы, систему рекомендательного контента, инструменты для e-commerce.

Интересно, что алгоритмы ВКонтакте развиваются с учётом русскоязычной культуры. Контент, который был бы успешен на Facebook (запрещена в РФ), не всегда будет успешен в ВКонтакте, и наоборот. Это создаёт возможность для компаний экспериментировать с локализованными подходами.

Кейс 2: Маркетплейсы

Ozon, Wildberries, Яндекс.Маркет и Avito развили собственные платформы для рекламы товаров. Особенность – реклама на маркетплейсе не просто соседствует с товарами, она встроена в процесс покупки.

Компания, продающая товары на Ozon, может купить рекламное место на главной странице, где товары просматриваются миллионы раз в день. CTR (click-throughrate) на такие рекламные позиции составляет 0,25-0,3%, что значительно выше, чем на традиционные баннеры (0,05-0,1%).

Рынок рекламы на маркетплейсах растёт быстро, становясь одним из основных источников дохода для самих маркетплейсов.

4. Выводы и перспективы

Рынок рекламы и PR в России переживает трансформацию, которая одновременно является и адаптацией к глобальным трендам, и разработкой собственного пути в условиях локальных ограничений.

Классические принципы маркетинга – понимание потребителя, четкое позиционирование, эффективное использование доступных каналов – остаются актуальными. Они дополняются новыми инструментами и подходами: AI для масштабирования, таргетирование, омниканальная интеграция.

Изменение этической стороны рекламы и маркетинга – не признак ослабления индустрии, а результат её эволюции. Компании, которые научились зарабатывать доверие, а не манипулировать, получают конкурентное преимущество.

Будущее маркетинга на российском рынке будет определяться тем, как компании смогут балансировать между тремя требованиями: эффективностью (результативностью кампаний), этичностью (соблюдением прав и достоинства потребителей) и адаптивностью (готовностью к постоянным изменениям в нормативной и технологической среде).

Список использованных источников:

1. Акулич М. Скрытый маркетинг. Сарафанное радио. Нативная реклама. М., Издательские решения. 2018.
2. Антипов, К.В. Основы рекламы: учебник / К.В. Антипов. – 4-е изд., стер. – Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2020.
3. Аспекты средств массовой информации: история и современность Емцева О.В., Афанасьев А.С. Учебное пособие / Москва, 2025.
4. Ивантер, З. Продающие тексты в Instagram: как привлечь клиентов и развивать личный бренд на глобальной вечеринке: практическое руководство / З. Ивантер. – Москва: Интеллектуальная Литература, 2021.
5. Ильяхов, М. Ясно, понятно: как доносить мысли и убеждать людей с помощью слов: практическое руководство / М. Ильяхов. – Москва: Альпина Паблишер, 2021.
6. Исаев, И. Техники зомбо-продаж: как заставить клиентов покупать, а сотрудников продавать: практическое руководство / И.Исаев. – М.: Интеллектуальная Литература, 2021.
7. Котлер Ф. Основы маркетинга: М.: «Прогресс», 2010.
8. Кузнецов, П.А. Public Relations. Связи с общественностью для бизнеса: практические приемы и технологии / П.А. Кузнецов. – Москва: Дашков и К, 2021.
9. Маркетинговый анализ: инструментарий и кейсы: учебное пособие / под ред. Л.С. Латышовой. – 3-е изд. – Москва :Дашков и К, 2021.
10. Шестаков, Ю.А. История рекламы: учебное пособие / Ю.А. Шестаков. – Москва: РИОР: ИНФРА-М, 2021.
11. SOSTAV.ru. 16 трендов в диджитал-маркетинге, которые определяют 2025 год. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sostav.ru/blogs/100270/57760> (дата обращения: март 2025).
12. eLama / Ассоциация блогеров (АБА). Инфлюенс-маркетинг в России: рынок, структура, прогнозы на 2025 год. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.moneytimes.ru/news/influens-marketing/38306/> (дата обращения: март 2025).

13. CNewsMarket. Омниканальность в рознице: практические результаты и вызовы. – [Электронный ресурс]. – URL: https://market.cnews.ru/articles/2024-11-25_omnikanalnost_nashe_vse (дата обращения: ноябрь 2024).
14. CalliBri. Медийная реклама на маркетплейсах: форматы, аудитория, стратегии. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://callibri.ru/blog/trendy-dlya-marketpleisov> (дата обращения: апрель 2025).
15. MarTechNews.ru. Приватность, этика и регулирование в маркетинге 2025: новый ландшафт. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://martechnews.ru/articles/privatnost-i-etika-v-marketinge-rossii/> (дата обращение: октябрь 2025).
16. INTELLECTPro. Закон о рекламе и изменения в нормативной базе 2025 года: что нужно знать маркетологам. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.intellectpro.ru/press/works/zakon_o_reklame_novovvedeniya_s_2025_goda/ (дата обращения: январь 2025).
17. ADPASS. TikTok, YouTube и другие платформы в России в 2025: юридический статус и возможности для рекламы. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://adpass.ru/tiktok-ads-v-rossii-2025-start-reklamy-pervye-strategii-i-riski/> (дата обращения: июль 2025).
18. RocketData. Тренды digital-маркетинга 2025: от аналитики к стратегии. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://rocketdata.ru/blog/marketing-trends-2025> (дата обращения: март 2025).
19. OkoCRM. Персонализированный маркетинг: современные подходы, инструменты, результаты. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://okocrm.com/blog/personalizirovannyj-marketing/> (дата обращения: октябрь 2025).
20. ProMarketing.tech. Комплексный маркетинг 2025: персонализация, данные и искусственный интеллект. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://promarketing.tech/trendy-kompleksnogo-marketinga-2025-personalizacziya-dannye-i-novyye-tehnologii/> (дата обращения: апрель 2025).
21. РБК. Тренды интернет-рекламы 2025 года: ИИ, персонализация и новые форматы. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://companies.rbc.ru/news/trendyi-2025-goda-v-internet-reklame/> (дата обращения: ноябрь 2025).

УДК 502/504

ББК 60.0

Морозова Е.А.

студентка 4 курса, направление 42.03.01, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

*Работа выполнена под научным руководством **Емцевой О.В.***

кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью и рекламных технологий, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ КАМПАНИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ НА ОТНОШЕНИЕ ЛЮДЕЙ К ЭКОЛОГИИ

Аннотация. В статье анализируется влияние информационных кампаний государственных органов на формирование экологически ответственного поведения населения. Рассматриваются механизмы воздействия таких кампаний, их роль в экологическом просвещении, а также факторы, определяющие их эффективность. Особое внимание уделено формам и инструментам коммуникации, включая социальную рекламу, образовательные программы, общественные акции и цифровые платформы. На основе анализа международного и российского опыта выделяются ключевые проблемы и ограничения государственных инициатив в сфере экологической коммуникации. Делается вывод о необходимости комплексного подхода, включающего сочетание информационных, инфраструктурных и регуляторных мер.

Ключевые слова: экологическая культура, информационная кампания, государственные органы, экологическое сознание, социальная реклама, просвещение, раздельный сбор отходов, устойчивое развитие.

THE IMPACT OF GOVERNMENT INFORMATION CAMPAIGNS ON PEOPLE'S ATTITUDES TOWARDS THE ENVIRONMENT

Abstract. The article examines the impact of governmental information campaigns on the formation of environmentally responsible behavior among the population. It analyzes the mechanisms of influence, the role of public authorities in environmental education, and the factors that determine the effectiveness of such initiatives. Particular attention is paid to communication tools such as social advertising, educational programs, public environmental actions, and digital platforms. Based on international and Russian experience, the paper outlines key challenges and limitations associated with governmental environmental communication. The study concludes that a comprehensive approach combining informational, infrastructural, and regulatory measures is essential for sustainable behavioral change.

Keywords: environmental awareness, information campaign, government communication, ecological behavior, social advertising, environmental education, waste sorting, sustainable development.

Важной темой современного экологического дискурса становится трансформация общественного сознания под влиянием цифровизации и роста значимости и популярности социальных сетей и мессенджеров как ключевых, а также наиболее эффективных каналов коммуникации. В этих условиях государственные органы сталкиваются с необходимостью адаптировать подачу информации, делая ее где-то визуальной и эмоционально воздействующей, а где-то наиболее доступной и персонализированной. Традиционные способы распространения информации, такие как печатные материалы, официальные документы и отчеты, телевизионная реклама, постепенно уступают место интерактивным и вовлекающим форматам, в том числе мультимедийным кампаниям, рассчитанным на кратковременное восприятие. Таким образом, государственная экологическая коммуникация становится частью широкого медиапространства и, как следствие, вынуждена конкурировать с коммерческим контентом, брендами и блогами за внимание аудитории.

Кроме того, формирование экологической ответственности сегодня рассматривается не только как вопрос информирования, но и как социально-психологический процесс, связанный с изменением личных ценностей, мотиваций и привычек поведения каждого человека и общества в целом во благо страны и планеты [3, 5].

Помимо институциональных усилий по развитию образовательных стандартов, достаточно важную роль играют государственные инициативы, направленные на формирование устойчивых коммуникационных платформ, обеспечивающих непрерывное экологическое образование. В последние годы активно развиваются государственные курсы, массовые открытые образовательные программы и мероприятия, на которых человек самостоятельно может соприкоснуться с природными ресурсами, а также набирают популярность интерактивные образовательные сервисы, позволяющие школьникам и взрослым получать актуальные экологические знания в удобном формате. Такие программы повышают доступность просвещения, расширяют кругозор населения, моделируют новые ценности у общества и расширяют аудиторию экологически ориентированных проектов.

Особое значение приобретает межведомственное взаимодействие, так как программы экологического просвещения реализуются не только в образовательных учреждениях, но и в сферах культуры, здравоохранения или транспорта. Например, популярная практика интеграции экологических сообщений в работу парков позволяет формировать экологическую культуру в повседневной социальной среде, выходя за рамки формального образования.

С точки зрения коммуникативных стратегий важным направлением становится использование эмоционального воздействия. Экологическая тематика часто связана с отдаленными последствиями и абстрактными угрозами, поэтому государственные кампании должны как можно сильнее усиливать эмоциональную составляющую, показывать реальные примеры ухудшения окружающей среды, раскрывать реальные истории людей, которые столкнулись с экологическими проблемами, а также позитивные истории, демонстрирующие эффект от экологически ответственного поведения людей [4, 5]. Такой подход поможет преодолеть психологический барьер, делая экологические проблемы более личными и волнующими.

Также важно учитывать влияние социальных норм и трендов. Кампании, которые подчеркивают то, что экологически ответственное поведение становится актуальной темой для большинства, считаются более эффективными. Государственные программы все чаще используют данную стратегию в сочетании с визуальной статистикой, что делает их более убедительными и запоминающимися.

Одним из самых значимых факторов является доверие к источнику информации. Как правило, население более активно воспринимает экологические сообщения, когда они исходят от авторитетных или даже независимых лиц. Поэтому государственные структуры достаточно часто привлекают экспертов из научных организаций либо известных экологов. Такая стратегия повышает лояльность и доверия к данным сообщениям и снижает риск их игнорирования.

Важным остается временной фактор. Эффективность кампаний возрастает, когда информационные сообщения распространяются в периоды особой чувствительности аудитории, например, во время мероприятий, связанных с окружающей средой, когда люди взаимодействуют с животными, сажают деревья, моют золото, вешают кормушки для птиц, облагораживают общественные места, предназначенные для отдыха на свежем воздухе. Именно в такие моменты люди наиболее расположены к потреблению информации о бережном отношении к природным ресурсам.

Проблемой является необходимость оценки эффективности кампаний. Несмотря на разнообразие инструментов воздействия, государственные органы часто сталкиваются с затруднениями при измерении реальных изменений в поведении граждан. Нехватка долгосрочного мониторинга, низкая доступность данных или ее отсутствие, а также сложность осуществления влияния именно информационных кампаний затрудняют оценку их результативности. В связи с этим возрастает потребность в развитии различных социологических исследований, позволяющих отслеживать динамику развития экологических ценностей и нужных моделей поведения у населения.

Кроме того, стоит отметить проблему разрыва между информационным воздействием и реальными условиями жизни. Даже при высокой информированности население может сталкиваться с ограничениями, например, отсутствием доступной инфраструктуры для раздельного сбора отходов или нехваткой парков и других зон [1]. В таких условиях информационные кампании могут вызывать непонимание и критику, что снижает их эффективность.

Еще одна проблема эффективности работы информационных кампаний связана с большим количеством информации в социальных сетях и мессенджерах, где сообщения об экологических вопросах могут теряться среди развлекательного или коммерческого контента.

Важным направлением для формирования экологического сознания является исследование социальных эффектов, возникающих в результате действия государственных коммуникационных кампаний. К числу значимых эффектов можно отнести формирование экологической солидарности, то есть чувства принадлежности к сообществу, разделяющему общие ценности, принципы и цели. Подобные кампании способствуют не только изменению поведения людей, но и созданию, а также укреплению социальных связей, так как они стимулируют совместное участие в различных массовых мероприятиях.

Кроме того, граждане, усвоив информацию из официальных источников, становятся носителями экологических знаний в своих семьях, компаниях, коллективах и социальных сетях. Такие эффекты

увеличивают охват аудитории и повышают устойчивость экологической культуры, благодаря доверию близким людям.

Не менее важным является формирование долгосрочных изменений в структуре бытового поведения. Под воздействием повторяющихся информационных сообщений население постепенно привыкает к постоянным действиям, например, люди начинают систематически сортировать отходы, выбирать товары с более экологичной упаковкой и убирать за собой после отдыха в общественных местах. Такие изменения в поведении закрепляются благодаря регулярным напоминаниям, визуальному контенту и созданию новых социальных норм и трендов.

Государственные кампании нередко ориентируются на молодёжь, так как это наиболее восприимчивая и активная аудитория, однако устойчивые и долгосрочные изменения требуют вовлечения всех без исключений возрастных групп. Старшие поколения зачастую показывают низкий уровень доверия к новым цифровым инструментам, зато высокий уровень вовлеченности в массовые мероприятия, лекции и слова, сказанные представителями власти по новостям. В свою очередь, молодые люди чаще опираются на информацию, полученную в социальных сетях и лучше реагируют на визуальный контент. Сложность заключается еще и в том, что экологические ценности передаются не только через обучение, но и через перенимание поведения других членов семьи. Следовательно, если родители ответственно подходят к вопросам экологического характера, то вероятность вовлеченности их детей возрастает. Поэтому государственные кампании, ориентированные на всю семью, оказываются более эффективными, так как создают единое информационное пространство и стимулируют совместное участие в экологических инициативах.

В ходе написания статьи был проведен социологический опрос, который показывает значимость и эффективность информационных кампаний государственных органов на отношение людей к экологии. В опросе участвовало 1224 человека и были получены следующие результаты в процентном соотношении: наиболее эффективные формы получения информации (социальная реклама-29%; тематические акции-34%; образовательные программы в школах и вузах-11%; работа блогеров-26%), влияние экологических кампаний на поведение (стал (а) бережно относиться к природе, экономить ресурсы-45%; иногда задумываюсь, но не всегда действую-29%; не повлияли-26%), что мешает эффективности таких кампаний (недостаток действий со стороны государства-9%; низкий уровень информирования граждан-27%; отсутствие мотивации у людей-24%; недостаток финансирования-12%; перегрузка информационного пространства-28%).

Из этого следует, что риски все же существуют. Они связаны с несоответствием лозунгов и реальности, например, когда мусор всё равно свозят на один полигон, люди перестают верить в эффективность кампаний. Кроме того, многие регионы остаются вне внимания, а качественная реклама и образовательные программы и массовые мероприятия требуют ресурсов. В современном медиапространстве экологические сообщения могут теряться среди политических, развлекательных и коммерческих новостей.

Информационные экологические кампании меняют модели поведения, создавая новую культуру взаимодействия человека с природой и экологией. Эффективность таких кампаний зависит от системности, достоверности, вовлечения граждан и реальных действий со стороны государства и общества.

Список использованных источников:

1. Абанина Е. Н. Тенденции развития государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности (региональный уровень). – 2021. (Электронный ресурс) – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-gosudarstvennoy-politiki-v-sfere-obespecheniya-ekologicheskoy-bezopasnosti-regionalnyy-uroven> (дата обращения 17.11.2025)
2. Аспекты средств массовой информации: история и современность: учебное пособие / О.В. Емцева, А.С. Афанасьев. – М.: Издательство Московского университета 2025 г. – 39 с. ISBN 978-5-19-012276-3
3. Беркунова Л.А. Экологическая культура в аспекте становления ценностей современного общества. – 2004. (Электронный ресурс) – URL: <https://www.dissercat.com/content/ekologicheskaya-kultura-v-aspekte-stanovleniya-tsennostei-sovremennogo-obshchestva> (дата обращения 19.11.2025)
4. Рудаков Я.Е. Возможности социальной рекламы в развитии экологического сознания у населения. – 2021. (Электронный ресурс) – URL: <https://www.dissercat.com/content/ekologicheskaya-kultura-v-aspekte-stanovleniya-tsennostei-sovremennogo-obshchestva> (дата обращения 20.11.2025)
5. Федеральная служба по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор). Доклад о состоянии окружающей среды Российской Федерации. – М., 2022. (Электронный ресурс) – URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/gosudarstvennyy_doklad_o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii_v_2022/ (дата обращения 23.11.2025)

Очкур В.А.

студентка 3 курса, направление подготовки 42.03.01, Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет), Россия, Москва

Работа выполнена под научным руководством **Пономарева В.Г.**

старший преподаватель кафедры связей с общественностью и рекламных технологий, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ), Россия, Москва;

ГЕЙМИФИКАЦИЯ PR: КАК ВОВЛЕКАТЬ АУДИТОРИЮ ЧЕРЕЗ ИГРЫ И ИНТЕРАКТИВНЫЕ ФОРМАТЫ

Аннотация. Данная статья представляет собой исследование потенциала геймификации в сфере продвижения продуктов и услуг. В работе анализируется, как внедрение игровых механик в неигровые контексты (маркетинг, образование, бизнес-процессы) способствует повышению вовлечённости аудитории, укреплению лояльности и, в конечном итоге, росту ключевых бизнес-показателей.

Ключевые слова: геймификация, аудитория, компания, пиар.

GAMIFICATION OF PR: HOW TO ENGAGE THE AUDIENCE THROUGH GAMES AND INTERACTIVE FORMAT

Abstract. This article is an in-depth study of the potential of gamification in the field of product and service promotion. The paper analyzes how the implementation of game mechanics in non-gaming contexts (marketing, education, business processes) contributes to increased audience engagement, strengthened loyalty, and ultimately, growth of key business indicators.

Keywords: gamification, audience, company, PR.

Введение

В эпоху перенасыщения информацией классические рекламные форматы теряют эффективность. Аудитория всё чаще игнорирует прямые призывы к действию, предпочитая контент, который вовлекает, развлекает и даёт ценность. На этом фоне **геймификация** становится одним из самых мощных инструментов PR-коммуникаций.

Геймификация в PR – это применение игровых механик и принципов (очков, уровней, квестов, рейтингов, наград) в неигровых процессах для повышения вовлечённости, мотивации и лояльности аудитории. Иными словами, это превращение рутинных действий в игру, чтобы люди охотнее выполняли нужные задачи.

Цель данной работы – проанализировать потенциал геймификации как инструмента PR, продемонстрировать её эффективность на реальных кейсах и сформулировать рекомендации по внедрению.

Методы и теоретическая основа

В процессе работы над исследованием мы анализировали информацию на официальных сайтах различных компаний, которые задействовали систему геймификации. Использование статистических данных для анализа связи между **системой геймификации** и показателями продвижения (продажи, оценки в магазинах приложений, упоминания в СМИ, активность в социальных сетях).

Основные механизмы геймификации

Ключевые игровые механики, применяемые в PR:

– **Награды и достижения** – баллы, медали или сертификаты за выполнение действий или достижение целей.

– **Уровни и прогрессия** – система уровней, где пользователи продвигаются, выполняя задачи.

– **Рейтинговые таблицы** – сравнение достижений участников для создания духа соревнования.

– **Челленджи и задания** – конкретные задачи с вознаграждением для мотивации.

– **Интерактивные элементы** – возможность влиять на результаты (например, через голосование).

Преимущества геймификации для PR

Использование игровых механик позволяет:

– повысить узнаваемость бренда;

– поддержать вовлечённость клиентов;

– увеличить продажи через ненавязчивое продвижение;

– продвигать продукт в игровой форме, не вызывающей раздражения у аудитории.

Результаты исследования

Примеры успешной геймификации в PR-кампаниях в России

1. **«Бургер Кинг» в Roblox («Бургерленд»).** В 2024 г. бренд запустил метавселенную в Roblox, где пользователи могли работать поварами, курьерами, строить рестораны и зарабатывать внутриигровую валюту (обмениваемую на бонусы в офлайн-сети).

Результаты:

– 1 млн визитов за 9 дней;

– полная распродажа акционных детских боксов.

2. **«ВкусВилл» и «Мангомир» в Roblox.** Совместно с DvorMetamarketing Agency создана метавселенная с мини-играми, «манго бонусами» и кастомизацией аватаров.

Результат: более 4 700 посетителей за первые два дня.

3. «Ашан» и Auchan City. В метавселенной гипермаркета пользователи участвовали в активностях (прятки, гонки, хоррор-квесты, роли кассира и мерчандайзера), зарабатывали виртуальную валюту («ашбэки»), покупали цифровые товары и взаимодействовали с блогерами. Результаты к февралю 2025 г.:

- активная аудитория - свыше 7 млн человек;
- среднее время взаимодействия - около 30 минут за сессию.

4. «Пятёрочка» и «Магазин сокровищ». В 2023 г. Запущена мобильная игра «3 в ряд» с призами, скидками, промокодами и бонусными баллами. В магазинах раздавались стилизованные монеты каждые 600 Р в чеке. Результаты за 5 недель:

- 1,9 млн игроков;
- 20,6 млн сессий;
- 150 млн списанных баллов.

5. «ЯндексПлюс» и «ПлюсСити». Мобильная игра, где игроки создают виртуальный город, выполняя квесты и участвуя в мини-играх. Для подписчиков «ЯндексПлюс» предусмотрены дополнительные бонусы – баллы для использования на платформах Яндекса.

Обсуждение

Как геймификация привлекает аудиторию

– **Повышает вовлечённость.** Игровые элементы делают взаимодействие с брендом более интересным и запоминающимся.

– **Стимулирует действия.** Награды, бонусы и соревнования мотивируют пользователей выполнять целевые действия (покупки, регистрации, распространение контента).

– **Создаёт сообщество.** Совместные активности и соревнования укрепляют связь между брендом и аудиторией, формируют лояльность.

– **Использует иммерсивные форматы.** Метавселенные и виртуальные миры позволяют создать уникальный опыт, особенно привлекательный для молодёжной аудитории.

Ключевые факторы успеха

Успех геймификационных кампаний зависит от:

- понимания целевой аудитории;
- интеграции игровых механик в общую PR-стратегию;
- анализа результатов для оптимизации.

Геймификация привлекает аудиторию за счёт нескольких важных механизмов. Прежде всего, она заметно повышает вовлечённость: игровые элементы – такие как задания, уровни и награды – превращают обычное взаимодействие с брендом в интересный и запоминающийся процесс. Пользователь становится не просто любопытно, а по-настоящему увлекательно участвовать в «игре», и он проводит с брендом больше времени.

Кроме того, геймификация эффективно стимулирует конкретные действия. Благодаря системе наград, бонусов и соревнований люди охотнее совершают покупки, регистрируются на платформе, делятся контентом в соцсетях. Простая логика «сделал – получил награду» работает как надёжный мотиватор и помогает формировать устойчивые привычки взаимодействия с брендом.

Ещё один важный эффект – создание сообщества. Когда пользователи участвуют в совместных активностях и соревнованиях, между ними и брендом возникает более прочная связь. Люди сравнивают свои достижения, обсуждают стратегии, поддерживают друг друга, и в результате формируется лояльное сообщество, где каждый чувствует свою причастность к общему делу.

Особую привлекательность для молодой аудитории имеют иммерсивные форматы: метавселенные и виртуальные миры. Они дают уникальный опыт полного погружения: пользователь не просто смотрит на продукт, а буквально «живёт» в брендированной среде, взаимодействует с ней в нестандартном контексте и получает впечатления, которые невозможно повторить в обычной жизни.

Чтобы геймификационная кампания оказалась успешной, важно учитывать три ключевых фактора. Во-первых, необходимо хорошо понимать целевую аудиторию: знать её интересы и привычки, выбирать подходящие игровые механики и правильные платформы для взаимодействия. Во-вторых, игровые элементы должны органично вписываться в общую PR-стратегию бренда, работать на достижение его маркетинговых целей и сочетаться с другими инструментами продвижения. В-третьих, нужно постоянно анализировать результаты – отслеживать показатели вовлечённости, конверсии и удержания, чтобы вовремя вносить коррективы и повышать эффективность кампании.

Заключение

Геймификация прочно утвердилась как эффективный инструмент PR-коммуникаций в условиях информационной перегрузки. Её сила в способности превращать рутинное взаимодействие с брендом в увлекательный игровой опыт, который не вызывает отторжения, а напротив, мотивирует аудиторию к активным действиям.

Ключевые выводы:

1. **Игровые механики работают.** Награды, уровни, рейтинги, челленджи и интерактивные форматы повышают вовлечённость, укрепляют лояльность и стимулируют целевые действия (покупки, регистрации, распространение контента).

2. Метавселенные и мобильные игры – перспективные форматы. Примеры «Бургер Кинга», «ВкусВилла», «Ашана», «Яндекса» показывают, что виртуальные миры и приложения создают иммерсивный опыт, особенно привлекательный для молодой аудитории.

3. Геймификация усиливает бизнес-показатели. Кейсы «Пятёрочки», «Ленты», «Самоката» демонстрируют, что игровые форматы способны:

- наращивать продажи;
- увеличивать охват и вовлечённость;
- стимулировать повторные покупки;
- формировать сообщества вокруг бренда.

4. Успех зависит от стратегии. Для результативной геймификации важно:

- чётко понимать целевую аудиторию и её интересы;
- интегрировать игровые механики в общую PR-стратегию;
- использовать мультиканальные подходы (онлайн + офлайн);
- отслеживать метрики (вовлечённость, конверсия, удержание) для оптимизации кампаний.

Таким образом, геймификация – не просто тренд, а устойчивый инструмент PR, позволяющий брендам выделиться в информационном шуме, выстроить эмоциональную связь с аудиторией и достичь бизнес-целей через игру. Её потенциал особенно актуален в эпоху цифровых технологий, где внимание потребителя становится самым ценным ресурсом. Для долгосрочного успеха ключевым остаётся баланс между развлекательной составляющей и стратегическими задачами бренда.

Список использованных источников:

1. Аспекты средств массовой информации: история и современность: учебное пособие / О.В. Емцева, А.С. Афанасьев. – М.: Издательство Московского университета 2025 г. – 39 с. – ISBN 978-5-19-012276-3
2. Интерактивный маркетинг: 4 способа вовлечь аудиторию в контент\ [Электронный ресурс]: <https://news.pressfeed.ru/interaktivnyj-marketing-4-sposoba-vovlech-auditoriyu-v-kontent/> (дата обращения 03.11.2025)
3. Зотова А.С., Моисеева О.А., Филиппова О.А. Коммуникации в новых медиа: Учебное пособие. В.: Калейдоскоп, 2023, 89 с.
4. Зотова А.С., Моисеева О.А., Филиппова О.А., Емцева О.В. Технологии новых медиа и массовой коммуникации: Учебное пособие. М.: Три квадрата, 2023, 200 с. EDN: OOVFRС
5. Официальный сайт БУРГЕР КИНГ \ [Электронный ресурс]: <https://burgerkingrus.ru/> (дата обращения 29.10.2025)
6. Официальный сайт Пятёрочка \ [Электронный ресурс]: <https://5ka.ru/> (дата обращения 30.10.2025)
7. Официальный сайт Яндекса \ Плюс сити \ [Электронный ресурс]: https://sp.yandex.ru/city_game?referrer=appmetrica_tracking_id%3D605011914958837899%26ym_tracking_id%3D3869050978932446305 (дата обращения 02.11.2025)
8. Официальный аккаунт АШАН Ритейл в России в Telegram\ [Электронный ресурс]: <https://t.me/auchanrus> (дата обращения 03.11.2025)
9. Официальный сайт ВкусВилл\ [Электронный ресурс]: <https://vkusvill.ru/> (дата обращения 02.11.2025)
10. Пономарев, В.Г. Формирование у студентов-педагогов компетенций в области создания и использования интерактивных моделей объектов историко-культурного наследия России / В.Г. Пономарев // Гуманизация образования. – 2025. – Т. 1. – № 3.

УДК 316
ББК 60.08

Павленко А.

студентка 4 курса, направление 42.03.01, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством Емцевой О.В.

кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью и рекламных технологий, МГУТУ им. К.Г.Разумовского (ПКУ)

ИЗМЕНЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ОТНОШЕНИЯ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ НЕЙРОСЕТЕЙ В РЕКЛАМЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию внедрения искусственного интеллекта и нейросетевых технологий в рекламную индустрию и анализу изменения общественного восприятия этих технологий. Рассматриваются масштабы применения нейросетей в профессиональной практике, включая генерацию визуальных и текстовых материалов, анализ целевой аудитории и разработку рекламных кампаний. Приведены результаты опросов экспертов и данные о частоте использования нейросетей, а также примеры успешных рекламных проектов с использованием ИИ. Особое внимание уделено этическим и правовым аспектам применения технологий, включая прозрачность контента, маркировку и авторские права. Сделан вывод, что нейросети выступают как инструмент, дополняющий деятельность человека, повышая эффективность и персонализацию рекламных коммуникаций, при этом важна их корректная интеграция и соблюдение этических стандартов.

Ключевые слова: Искусственный интеллект, нейросети, рекламная индустрия, цифровые технологии, маркировка ИИ-контента, персонализация рекламы.

CHANGING PUBLIC ATTITUDE TOWARDS THE USE OF NEURAL NETWORKS IN ADVERTISING

Abstract. This article explores artificial intelligence and neural network technologies in the advertising industry and analyzes changing public perceptions of these technologies. It examines the scope of neural network application in professional practice, including the generation of visual and textual materials, analysis of advertising opportunities, and the development of advertising strategies. It presents the results of expert surveys and data on the frequency of neural network use, as well as successful advertising projects using AI. Particular attention is paid to the ethical and legal aspects of technology application, including content transparency, labeling, and copyright. It is concluded that neural networks act as a tool that complements human activity, increasing the effectiveness and personalization of advertising communications, while their proper integration and adherence to ethical standards are essential.

Keywords: artificial intelligence, neural networks, advertising industry, digital technologies, AI content labeling, advertising personalization.

Современные цифровые технологии способствовали быстрому внедрению искусственного интеллекта и нейросетевых алгоритмов в разные сферы деятельности человека. Одной из таких сфер стала рекламная индустрия. Если еще несколько лет назад искусственный интеллект воспринимался обществом как феномен научной фантастики, ассоциирующийся с автоматизацией и вытеснением человека из трудовых процессов, то сегодня искусственный интеллект стал частью обыденной профессиональной практики. Особенно активно он используется в рекламе – сфере, где ценятся скорость, адаптивность и креативность.

На ранних этапах развития искусственного интеллекта общественное восприятие к технологии было настороженным. В массовом сознании преобладал страх потери человеческого контроля над творческими процессами. Однако в последние годы нейросети всё чаще воспринимаются как инструмент, а не как угроза. Они рассматриваются как вспомогательный инструмент, упрощающий выполнение рутинных задач, таких как анализ целевой аудитории, генерация текстовых и визуальных материалов, а также разработка концепций рекламных кампаний.

В исследовании «Итоги 2023 года на ИИ-рынке России на основании рейтинга 100 крупнейших компаний» было указано, что в 2023 году инвестиции в развитие мирового искусственного интеллекта стали рекордными [4].

По данным Информзащита от 26 сентября 2024, к 2025 году 80 % организаций финсектора планируют использовать искусственный интеллект в своих системах информационной безопасности [3].

Согласно исследованию, Ассоциация ФинТех, более 95% российских финансовых компаний уже используют технологии искусственного интеллекта – выше, чем в среднем по миру (85%) [3; с.466].

Эти данные показывают, что отношение к нейросетям изменилось: они воспринимаются не как конкуренты человека, а как помощники в работе.

Согласно проведённому опросу экспертов в области рекламы, использование нейросетей в профессиональной деятельности имеет как активных сторонников, так и критиков. Большинство респондентов применяют искусственный интеллект для отдельных задач, таких как генерация идей или создание визуальных материалов, однако полное внедрение нейросетей в рекламные процессы вызывает неоднозначное отношение. Некоторые специалисты отмечают, что чрезмерное использование технологий снижает креативность и оригинальность рекламных материалов.

Отношение общества к использованию нейросетей в рекламе оценивается преимущественно критически: 66,7% респондентов считают его отрицательным, тогда как положительное восприятие отмечают лишь 33,3%. При этом все опрошенные эксперты согласны с необходимостью маркировки рекламы, созданной с использованием искусственного интеллекта, что подчеркивает важность прозрачности и этичности применения технологий.

Влияние нейросетей на креативность рекламы оценивается как неоднозначное: треть участников отмечает отсутствие влияния, треть – снижение креативности, и треть утверждает, что эффект зависит от конкретной задачи. Данные свидетельствуют о том, что нейросети наиболее полезны для аналитических и вспомогательных функций, а их влияние на креативность напрямую зависит от корректного применения.

Что касается частоты использования нейросетей в профессиональной деятельности, 66% респондентов используют нейросети регулярно, а 34% – лишь время от времени. Следовательно, нейросети интегрируются в рекламную деятельность, но для эффективного использования необходим профессиональный контроль.

Исследования последних лет демонстрируют, что уровень доверия к рекламе, созданной с применением нейросетей, зависит от контекста её восприятия и степени прозрачности бренда. Согласно исследованию Нюрнбергского института маркетинга, информирование аудитории о том, что реклама создана при участии нейросети, может вызывать умеренное снижение доверия, но при этом повышает ощущение прозрачности и честности коммуникации [6].

Вопросы этики и ответственности занимают ключевое место в обсуждении применения искусственного интеллекта в маркетинговых коммуникациях. В научной литературе подчеркивается, что использование искусственного интеллекта должно сопровождаться соблюдением принципов прозрачности, недопущения дискриминации и защиты прав личности [5].

В России правовое регулирование в данной сфере находится на стадии формирования. Согласно статье от 7 июля 2025 года, Минцифры РФ совместно с Роскомнадзором и заинтересованными ведомствами разрабатывает предложения по установлению требований к маркировке контента, включая материалы, созданные с использованием технологий искусственного интеллекта и цифровой подмены фото- и

видеоизображений человека. На момент подготовки данной публикации в России отсутствует единый правовой акт, обязывающий маркировать рекламный контент, созданный с помощью нейросетей.

Кроме того, открытым остаётся вопрос об авторских правах на ИИ-созданные материалы. Юридическая неопределённость в отношении принадлежности таких произведений требует дальнейшего теоретического и нормативного осмысления.

В последние годы наблюдается тенденция к использованию нейросетевых технологий для создания персонализированной рекламы. Так, в 2021 году российский застройщик ГК «Третий Трест» совместно с агентством MartenMarketing реализовал первую в стране outdoor-кампанию, в рамках которой с помощью нейросетей были сгенерированы визуальные образы животных, «мечтающих» переехать в экогорода. В том же году торговая сеть «Пятёрочка» выпустила рекламный видеоролик с применением технологии дипфейка с участием актрисы Ольги Медынич. Использование ИИ позволило существенно сократить сроки и затраты на производство, при этом показатели вовлечённости аудитории превысили прогнозные значения более чем в два раза.

Данные примеры иллюстрируют эффективность применения нейросетей в рекламной деятельности: алгоритмы анализируют данные, предлагают варианты креативных решений, а конечный выбор остаётся за человеком. Такой подход способствует более точному учёту интересов аудитории и повышает уровень доверия потребителей к бренду.

С точки зрения профессиональной практики нейросети выполняют функцию интеллектуального ассистента, способного ускорять креативный процесс, повысить точность анализа и сокращать издержки. При этом они не заменяют человека, а лишь дополняют его деятельность.

Анализ текущих тенденций позволяет выделить несколько направлений дальнейшего развития. Во-первых, общественное отношение к нейросетям становится более рациональным: искусственный интеллект воспринимается не как угроза, а как естественный инструмент профессиональной деятельности. Во-вторых, возрастает запрос на прозрачность и этичность технологий, что требует внедрения стандартов саморегулирования и маркировки ИИ-контента. В-третьих, усиливается междисциплинарная интеграция – реклама, дизайн, IT и аналитика всё чаще рассматриваются как взаимосвязанные области.

Для образовательных программ по рекламе и связям с общественностью актуальным становится формирование навыков работы с нейросетями, анализа данных и оценки этических последствий их применения. Это подтверждается данными исследования РШУ через CNews: «78 % управляющих относятся положительно к тому, что их сотрудники используют ИИ-инструменты» [6].

Изменение общественного отношения к использованию нейросетей в рекламе отражает общие процессы цифровой трансформации и адаптации общества к новым технологиям. Если ранее искусственный интеллект воспринимался как потенциальная угроза креативности, то сегодня он рассматривается как ресурс повышения эффективности и персонализации коммуникаций.

Позитивное восприятие во многом зависит от степени открытости брендов, уровня цифровой грамотности аудитории и этических стандартов применения технологий. В ближайшие годы можно ожидать дальнейшего роста доверия к рекламе, созданной при участии нейросетей, при условии её прозрачности и соблюдения норм ответственности.

Искусственный интеллект становится не заменой человека, а инструментом, расширяющим его профессиональные возможности. Таким образом, ключевым направлением развития рекламной индустрии становится не противопоставление человека и технологии, а их синергия, основанная на принципах доверия, этичности и инноваций.

Список использованных источников:

1. Аналитика информационной безопасности // CNews. – 26.09.2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://banks.cnews.ru/news/line/2024-09-26_analitika_informzashchity (дата обращения: 05.11.2025).
2. Аспекты средств массовой информации: история и современность: учебное пособие / О.В. Емцева, А.С. Афанасьев. – М.: Издательство Московского университета 2025 г. – 39 с. – ISBN 978-5-19-012276-3
3. Больше половины работодателей внедряют искусственный интеллект в работу // CNews. – 04.07.2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ai.cnews.ru/news/line/2024-07-04_bolshe_poloviny_rabotodatelej (дата обращения: 05.11.2025).
4. Отчёт о состоянии и развитии информационной безопасности в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/3QCGQg> (дата обращения: 05.11.2025).
5. Россия стала мировым лидером по внедрению искусственного интеллекта в финтехе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://investfuture.ru/articles/rossiya-stala-mirovym-liderom-po-vnedreniyu-iskusstvennogo-intellekta-v-fintekhe> (дата обращения: 05.11.2025).
6. Управленческий учёт: научный журнал. – 2024. – № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://upravuchet.ru/index.php/journal/article/view/4976> (дата обращения: 05.11.2025).
7. Transparency without Trust // Nuremberg Institute for Market Decisions (NIM) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nim.org/en/research/projects-overview/detail-research-project/transparency-without-trust> (дата обращения: 05.11.2025).

Пронин А.А.

магистрант 2 курса, направление 42.04.01, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия;

Работа выполнена под научным руководством Монсеевой О.А.

кандидат педагогических наук, доцент кафедры связей с общественностью рекламных технологий, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ), Россия, Москва;

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И АКТИВИЗАЦИЮ ЖИТЕЛЕЙ

Аннотация. В условиях цифровой трансформации городской среды социальные сети становятся ключевым элементом системы взаимодействия между жителями и органами местного самоуправления. В статье представлен комплексный анализ роли цифровых платформ в формировании общественного мнения, мобилизации граждан и реализации принципов «открытого управления» на примере одного из крупнейших районов Москвы – Марьино. Рассматриваются исторические предпосылки, текущие практики, выявленные вызовы и стратегические рекомендации по развитию конструктивного цифрового диалога. Особое внимание уделено локальным кейсам, статистическим данным и роли пресс-службы в обеспечении информационной прозрачности.

Ключевые слова: социальные сети, цифровые платформы, органы местного самоуправления, общественное мнение, мобилизация граждан.

THE INFLUENCE OF SOCIAL NETWORKS ON THE FORMATION OF PUBLIC OPINION ABOUT THE ACTIVITIES OF LOCAL GOVERNMENTS AND THE ACTIVATION OF RESIDENTS

Abstract. In the context of the digital transformation of the urban environment, social networks are becoming a key element of the system of interaction between residents and local governments. The article presents a comprehensive analysis of the role of digital platforms in shaping public opinion, mobilizing citizens and implementing the principles of "open governance" using the example of Marino, one of the largest districts of Moscow. The historical background, current practices, identified challenges and strategic recommendations for the development of a constructive digital dialogue are considered. Special attention is paid to local cases, statistical data and the role of the press service in ensuring information transparency.

Keywords: social networks, digital platforms, local governments, public opinion, citizen mobilization.

Введение

Район Марьино, расположенный в Юго-Восточном административном округе города Москвы, является одним из самых густонаселённых районов столицы: по данным Мосгорстата (2024), его население превышает 253 тысячи человек¹³. Высокая плотность застройки, разнообразие возрастных и социальных групп, а также динамичное развитие городской инфраструктуры создают сложный и многогранный контекст для управления территорией [5].

В последние годы наблюдается устойчивый рост гражданской активности жителей, значительная часть которой реализуется в цифровом пространстве. Социальные сети – «ВКонтакте», Telegram, Instagram – превратились из инструментов личного общения в полноценные площадки для обсуждения городских проблем, формирования общественного мнения и координации коллективных действий. В этих условиях органы местного самоуправления сталкиваются с необходимостью не просто присутствовать в онлайн-среде, но выстраивать системную, прозрачную и вовлекающую коммуникационную политику [1; 4].

Цель настоящей статьи – проанализировать влияние социальных сетей на общественные процессы в районе Марьино, выявить эффективные практики и предложить рекомендации по укреплению доверия между властью и населением в условиях цифровой среды.

Основная часть

Исторический контекст: от районной газеты – к цифровому диалогу

Ещё десять лет назад основным каналом информирования жителей Марьино о жизни района была районная газета «Марьинский парк», информационные стенды и собрания по месту жительства. Такая модель предполагала вертикальную коммуникацию: власть информировала – жители воспринимали. Возможности для обратной связи были ограничены и зачастую формальны.

С развитием интернета и массовым распространением смартфонов ситуация изменилась кардинально. Уже к 2018 году в районе начали активно формироваться неофициальные паблики во «ВКонтакте», где жители делились новостями, жаловались на коммунальные проблемы и обсуждали планы застройки. К 2022 году такие сообщества, как «Марьино. Онлайн» и «Наш район Марьино», насчитывали десятки тысяч подписчиков.

В ответ на этот тренд управа района Марьино в 2020 году запустила официальный аккаунт во «ВКонтакте», а в 2022 году – Telegram-канал. Это стало важным шагом к переходу от монолога к диалогу и заложило основу для современной модели цифрового взаимодействия.

Социальные сети как инструмент формирования общественного мнения

¹³ Население Москвы по округам и районам: Восточного БАО, Западного ЗАО, Северного САО, Южного ЮАО, Центрального ЦАО, ЮВАО, ЮЗАО и др. округов – statdata.ru (дата обращения: 22.10.2025)

Согласно теории Элизабет Нозль-Нойман, общественное мнение формируется под влиянием восприятия доминирующей позиции в обществе [2]. В цифровую эпоху эта «доминирующая позиция» всё чаще определяется не традиционными СМИ, а трендами в социальных сетях. Алгоритмы платформ продвигают эмоционально насыщенный контент, что усиливает эффект «спирали молчания»: пользователи, чьи взгляды не совпадают с доминирующими в ленте, чаще предпочитают не высказываться.

В районе Марьино это проявляется, например, в обсуждении проектов реновации или строительства новых объектов. В случае, если первые комментарии в паблике носят негативный характер, последующие участники дискуссии склонны присоединяться к критике, даже не имея полной информации. Это создаёт искажённую картину общественного мнения, которая может влиять на решения как граждан, так и чиновников [2; 5].

В то же время социальные сети позволяют быстро выявлять реальные болевые точки. По данным пресс-службы управы (2024), 78% обращений, поступивших через официальные каналы в соцсетях, касались конкретных и оперативно решаемых вопросов: уборка мусора, освещение дворов, ремонт тротуаров.¹⁴ Это свидетельствует о том, что цифровые платформы становятся эффективным инструментом «цифрового патрулирования» территории.

Гражданская активизация: от онлайн-обсуждений – к реальным результатам

Одним из наиболее ярких примеров влияния социальных сетей на управленческие решения в районе Марьино стало обсуждение благоустройства территории вдоль Люблинской улицы в 2023 году. Изначальный проект, представленный Департаментом градостроительной политики Москвы, не предусматривал сохранения части зелёных насаждений. После публикации планов в локальных пабликах развернулась широкая дискуссия, в которой участвовали сотни жителей. Была создана онлайн-петиция, подписанная более чем 3 000 человек.

Управа района оперативно отреагировала: были организованы встречи с представителями департамента, инициированы дополнительные общественные слушания. В итоге проект был скорректирован с учётом мнения жителей – зелёные зоны были сохранены, а вместо асфальтированной площадки запланирована прогулочная аллея с малыми архитектурными формами [4].

Подобные кейсы подтверждают тезис ЗейнепТуфекчи: социальные сети не просто позволяют «говорить», но и «действовать» – при условии, что власти готовы слушать [6].

Роль пресс-службы и официальных каналов управы

Пресс-служба управы района Марьино играет ключевую роль в обеспечении информационной прозрачности и предотвращении дезинформации. Официальные страницы (@marino_official во «ВКонтакте» и в Telegram) используются для:

- публикации оперативных новостей (отключения коммуникаций, дорожные работы, изменения в транспорте);
- размещения фото- и видеоотчётов о ходе благоустройства;
- разъяснения причин управленческих решений;
- проведения опросов и голосований (например, выбор газонов, скамеек, цветового решения фасадов);
- ответов на вопросы жителей в комментариях и личных сообщениях.

В 2024 году среднее время реакции на обращение в соцсетях составило менее 4 часов, а доля решённых вопросов – 89%. Это соответствует лучшим практикам цифрового взаимодействия в московских районах (Департамент информационных технологий Москвы, 2024).¹⁵

Однако остаётся вызов – вовлечение социально уязвимых групп, в первую очередь пожилых жителей, которые реже используют социальные сети. Для решения этой задачи управа продолжает использовать гибридную модель коммуникации: дублирование ключевой информации в печатных изданиях, на стендах и через старост домов.¹⁶

Вызовы цифровой коммуникации и пути их преодоления

Несмотря на успехи, цифровое взаимодействие в районе Марьино сталкивается с рядом вызовов.

1. Распространение недостоверной информации. В 2023–2024 гг. в неофициальных пабликах неоднократно появлялись сообщения о «тайных планах сноса парка у метро «Марьино роща»» или «закрытии поликлиники № 87», не имевшие под собой оснований. Для оперативного реагирования управа внедрила практику «инфо-блицов» – кратких разъяснительных постов с ссылками на официальные документы.

2. Цифровое неравенство. По данным ВЦИОМ (2023), только 42% москвичей старше 65 лет регулярно пользуются социальными сетями. Это требует сохранения и развития офлайн-каналов коммуникации.

3. Эмоциональная поляризация дискуссий. В условиях анонимности и скорости общения конструктивный диалог часто сменяется конфронтацией. Для снижения напряжённости пресс-служба придерживается принципа «хладнокровного ответа»: даже на резкую критику следует отвечать фактами, а не эмоциями.

Стратегические рекомендации

¹⁴Официальная страница Управы района Марьино в социальной сети «ВКонтакте»: https://vk.com/marino_official (дата обращения: 22.10.2025)

¹⁵Цифровое развитие Москвы: итоги 2024 года. – <https://d-russia.ru/cifrovoe-razvitiye-moskovy-itogi-2024-goda.html> (дата обращения: 22.10.2025)

¹⁶ВЦИОМ. Цифровое поведение пожилых граждан в России. 2023. – <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoi-detoks-2023-o-polzovanii-internetom-i-otdykhe-ot-nego> (дата обращения: 22.10.2025)

Для дальнейшего развития цифрового диалога в районе Марьино целесообразно организовать следующие мероприятия.

1. Внедрить программу медиаграмотности для жителей: цикл лекций в библиотеках, мастер-классы в школах и центрах «Активного долголетия».
2. Создать совет по цифровой коммуникации с участием представителей локальных сообществ, блогеров и активистов.
3. Развивать формат «цифрового патрулирования» – привлекать жителей к фиксации нарушений через мобильные приложения (например, «Добродел») с последующей публикацией результатов в соцсетях.
4. Проводить ежеквартальные «дни открытых дверей» в онлайн-формате с участием главы управы и профильных специалистов.

Заключение

Социальные сети в районе Марьино перестали быть просто инструментом информирования – они стали пространством совместного управления, гражданской ответственности и общественного контроля. Успешные кейсы взаимодействия показывают, что при условии прозрачности, оперативности и уважения к мнению жителей цифровая среда способна укреплять доверие и повышать качество городской среды.

Будущее эффективного управления территорией – за синергией цифровых и традиционных каналов, за диалогом, а не монологом, за вовлечением, а не контролем. Район Марьино, обладающий высоким потенциалом гражданской активности и развитой инфраструктурой коммуникации, имеет все возможности для того, чтобы стать примером успешной цифровой трансформации на уровне муниципалитета.

Список использованных источников:

1. Горшков, М. К., Петров, Н. В. Цифровая активность и локальная демократия: опыт российских городов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. № 25(3), с. 45-62.
2. Ноэль-Нойман Э., Петерсен Т. Все, но не каждый. Введение в методы демоскопии / пер. с нем. Л.Н. Рыбаковой и Е.В. Невмержицкой. – М.: МГУКИ, 2007. – 616 с.
3. Филатов В.В., Положенцева И.В., Полянская О.А., Петросян А.Д. Цифровая трансформация рекламной индустрии: социальная ответственность и этические нормы, персонализация и учет потребительского опыта // Прикладные экономические исследования. 2025. № 5. С. 81-92. – DOI: 10.47576/2949-1908.2025.5.5.009
4. Чернавский М.Ю., Моисеева О.А., Кожемякина Т.В. Роль официальных электронных порталов в формировании имиджа руководителей города Москвы и Санкт-Петербурга / В сборнике: Актуальные проблемы гуманитарных и правовых знаний в контексте инновационных практик. Сборник статей. Образовательное частное учреждение высшего образования "Гуманитарно-социальный институт". Москва, 2016. С. 52-57.
5. Moiseeva O.A., Filippova O.A., Polozhentseva I.V., Ponomarev V.G., Rabadanova R.S. Employee image in social media as a promotion tool. 2021.
6. Tufekci, Z. Twitter and Tear Gas: The Power and Fragility of Networked Protest. Yale University Press. 2017.

УДК 316
ББК 60.08

Роскошная Н.С.

студентка 3 курса, направление 42.03.01, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством Филипповой О.А.

старший преподаватель кафедры связей с общественностью и рекламных технологий, МГУТУ им. К.Г.Разумовского (ПКУ)

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА В РЕКЛАМЕ РОССИИ, США И ЯПОНИИ

Аннотация. В статье рассматривается восприятие рекламы разными народами, имеющими свои культурные особенности. Кроме таких характеристик как пол, возраст (отношение к конкретному поколению), интересы и тому подобное, на это влияет множество других внешних факторов. Изучить их – означает подготовиться к выходу на рынок государства. Для более глубокого ознакомления следует рассмотреть отражение черт менталитета в рекламе страны.

Ключевые слова: менталитет, восприятие, разнообразие, социализация, глобализация, характерность.

REPRESENTATION OF NATIONAL MENTALITY IN ADVERTISING IN RUSSIA, THE USA, AND JAPAN

Abstract. The article examines the perception of advertising by different peoples who have their own cultural characteristics. In addition to characteristics such as gender, age (relating to a specific generation), interests, and so on, there are many other external factors that influence this. Studying these factors is essential for preparing to enter the market of a particular country. To gain a deeper understanding, it is important to examine how the country's cultural traits are reflected in its advertising.

Keywords: mentality, perception, diversity, socialization, globalization, and character.

Рекламные сообщения созданы для того, чтобы призывать людей к покупке какого-либо товара или услуги. По данным исследовательского холдинга РОМИР «64% россиян при выборе товаров или услуг ориентируются на рекламу», следовательно, для производителя крайне важна ее эффективность, поэтому стоит учитывать особенности каждой страны, в которой выходишь на рынок [8]. Влияние глобализации не может всецело стереть грань, создав универсальные условия. Тренды и тенденции, привлекающие внимание одного

народа, могут быть безразличны другому, а в худшем случае – окажутся оскорбительными. Это связано с рядом причин:

1. Восприятие зачастую зависит от процесса социализации. Ценности и принципы, которые человек приобретает в кругу семьи, часто связаны с нормами и правилами, что диктует государство.
2. Трансляция социально-экономической системы государства в рекламе (например, социалистические ценности).
3. Особенности мышления, связанные с историческими событиями.
4. Мифология и суеверия страны.
5. Восприятие юмора, цвета и символов в культуре страны.
6. Религиозные и этические нормы.
7. Особенности языка и т.д.

Разберем подробнее каждую причину, приведенную выше:

В процессе социализации человек (неосознанно или осознанно) перенимает определенные ценности, например, патриотизм и любовь к собственной стране. Любая информация, которая будет противоречить этому принципу или возвышать другое государство, особенно если там противоположные ценности, будет автоматически восприниматься негативно. Таким образом, реклама, нацеленная на единение и чувство сплоченности одной страны, может оказаться унижительной для другой. Подобная ситуация возникла в 2003 году с японской компанией Toyota. По мнению китайских потребителей, рекламная кампания этого бренда являлась оскорблением и унижением их страны. Суть кампании заключалась в том, что каменные львы (традиционные символы китайской власти) отдают честь и преклоняются перед японским внедорожником [9].

Каждое государство продвигает в рекламе свою социально-экономическую систему. К примеру, Китай транслирует социалистические принципы в рекламе с помощью опоры на традиционные формы народного искусства. Кроме того, в 2022 году власти КНР обязали знаменитостей продвигать в рекламе социалистические и традиционные ценности, установив ряд правил: запрет на использование слов, которые оскорбляют национальное достоинство или интересы, подрывают социальную стабильность и порядок [3].

История государства неразрывно связана с народом: веками исторические события оставляли отпечатки на менталитете, что каждая из стран имеет сегодня. Яркий пример, подтверждающий суждение, – сакоку, то есть политика самоизоляции Японии от внешнего мира, из-за которой глобализация не затрагивала эту страну более двух веков [5]. У японцев сложилось совершенно иное представление о мире, они мыслят иначе, нежели остальные народы, поэтому, зачастую, их реклама кажется странной.

Мифологию и суеверия страны очень важно учитывать при создании рекламы: во-первых, это повышает лояльность потенциальных потребителей, во-вторых, незнание каких-либо важных фактов может обернуть рекламу в антирекламу. Также большую роль играют знание символов, значение цветов и восприятие юмора страны. Если в Европе белый обозначает невинность, нежность и воздушность, то в странах Азии это цвет траура и смерти [2]. Использование одних и тех же рекламных материалов в разных странах может привести к подобному противоречию.

С темой этики и религии стоит быть особенно осторожным, чтобы не вызвать общественный резонанс, сопровождающийся порицанием. Оскорбление чьего-то мировоззрения и веры не только аморально, но и наказуемо законом.

При выходе на рынок в любую точку мира следует изучить языковые особенности, ведь даже название может оказаться неблагозвучным для иностранных покупателей. К примеру, бренд детского питания Gerber, принадлежащий компании Nestle: их название с французского языка означает «тошнит», что явно осложняет выход на рынок в франкоговорящих государствах. Также у Gerber есть кейс с провалом в области этики: компания вышла на рынок в Африке с питанием, на упаковке которого был нарисован ребенок. Местные жители опасались покупать их товар, так как верили, что изображенное на упаковке и является составляющей продукта, что они предоставляют [8].

Для более глубокого и подробного разбора данной темы были выбраны три страны: США, Россия и Япония. Рассмотрим особенности менталитета каждого из государств и проведем взаимосвязь с восприятием рекламы.

Менталитет Соединенных Штатов Америки:

1. Индивидуализм. «Американцы живут своим умом, имеют свое мнение и убеждения, стремятся выделяться из общей массы, развиваться самостоятельно и быть свободными... они умеют продавать себя и демонстрировать сильные стороны» [11].
2. Толерантность. У американцев высокая терпимость к тем, кто отличается от них.
3. Дружелюбие, оптимистичность. «В Штатах развита культура smalltalk – непринужденной беседы», кроме того, они очень открыты миру и общительны [12].

Менталитет России:

1. Великодушие, открытость, искренность. Российскому народу не свойственны фальшивые улыбки ради вежливости, напротив, больше всего ценятся настоящие эмоции.
2. Приоритет духовных ценностей. Государство делает большой упор на нематериальные ценности, такие как институт семьи, патриотизм, историческая память, взаимоуважение и единство [1].
3. Противоречивость. Обобщение русского народа, довольно большого по численности, породило такую черту. Например, можно назвать русский народ щедрым и расточительным, но одновременно с этим скупым и

бережливым: первая характеристика проявляется в желании «жить на полную», второе же обусловлено историческими аспектами, заставляющими относиться к деньгам с осторожностью.

Менталитет Японии:

1. Скрытность, непрямолнейность. С раннего возраста японцев приучают, что порядочный человек должен прятать свои мысли и желания, чтобы не причинять беспокойства другим [4].

2. Преданность работе и государству, усердие. Работа для японцев воспринимается как вторая семья, ключевое дело их жизни, поэтому они прикладывают все свои силы для достижения лучшего результата. Также японцы очень привержены послушанию, законы для них священны. Им не свойствен обход правил.

3. Сложный этикет. На это повлияло множество факторов: саоку, конфуцианство и буддизм, стремление к гармонии (например, принцип «ва о тамоцу» - сохранение гармонии).

Каждую из этих характеристик менталитета можно заметить в рекламе. Разберем, как они взаимосвязаны:

Черты рекламы в Соединенных Штатах Америки:

1. Культ героя. Часто в американских рекламных текстах используется архетип героя, который привлекает американцев, вдохновляет их на подвиги такие же, как совершает он сам [8].

2. Акцент на молодости. Молодость для американцев считается особенной ступенью в развитии личности, поэтому они чаще добавляют в рекламу образы молодых людей, полных энергии и амбиций. Рассмотрим, как пример рисунок 1, где также демонстрируется оптимистичность народа.

3. Разделение личной жизни и работы. Эта черта особенно отчетливо отражается в рекламе: если реклама начинается в домашней обстановке, она никогда не завершится кадрами с работы. Это уже сильно отличается от принципов японцев, воспринимающих работу как «второй дом».

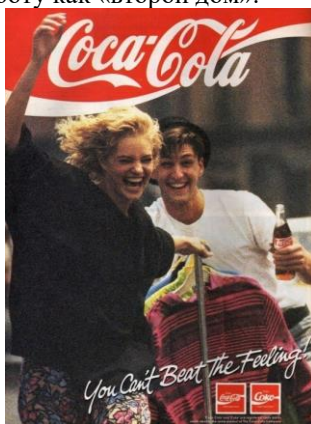

Рисунок 1. Пример американской рекламы

Черты рекламы в России:

1. Акцент на традиционные ценности. Возвращаемся к особенностям российского менталитета. Чаще всего для рекламы используется образ семьи, где по несколько детей, их родители и бабушка с дедушкой [6]. Например, как на рисунке 2.

2. Ориентация на лучшее будущее.

3. Душевность. Для россиян искренность является одним из важнейших требований к рекламе: скрытые намерения чувствуются сразу и отталкивают покупателей от бренда, поэтому зачастую рекламщики используют как инструмент душевность, чтобы покупатели прониклись доверием при просмотре.

Рисунок 2. Пример российской рекламы

Черты рекламы в Японии:

1. Упор на развлекательность рекламы, а не на ее информативность. Японцы отличаются тем, что используют менее жесткие методы в рекламе, стараясь внушить преимущество товара за счет красочности и необычности рекламы, а также использования суггестивных техник [10]. Обратимся к рисунку 3, чтобы рассмотреть это на примере.

2. Символизм. Несмотря на то, что реклама должна быть направлена на массового потребителя, японцы интегрируют в рекламу символы, усложняющие понимание рекламы. Это можно объяснить другим складом ума, отличающимся от нашего, ведь японцам наоборот такой подход облегчает понимание сути.

3. Миловидность. Милые образы, знаменитости, использование аниме-героев – базовые черты рекламной продукции в Японии [4].

Рисунок 3. Пример японской рекламы

На основании всего вышеперечисленного можно сделать несколько выводов:

1. Перед выходом на рынок другой страны важно изучить особенности её менталитета и активно использовать положительные тенденции на практике.

2. Менталитет тесно связан с восприятием рекламы, поэтому получает свое отражение в ней.

3. Самые «жесткие» методы рекламы используются в России, так как народ ценит честность и открытость по отношению к ним. В США все немного иначе: там используется собирательный образ, который может понравиться потребителю и вдохновить его, а в Японии реклама строится на «мягкой» продаже, в первую очередь продавая идею и способ ее продвижения в медиа.

4. Самые яркие способы рекламы из рассмотренных стран у Японии: их менталитет далек от представлений европейского человека, а потому сценарии рекламы могут казаться странными, однако они однозначно привлекают внимание потребителей, и это становится преимуществом.

5. Изучив менталитет чужой страны, можно воспользоваться эффективными методами привлечения внимания, которые там используются в рекламе, если это не противоречит принципам компании и государств, на рынок к которым фирма выходит.

Список использованных источников:

1. Есюнина, А.А. Особенности менталитета русской нации – Студенческий научный форум // сайт rae.ru – 2012 (электронный ресурс) – URL: <https://scienceforum.ru/2012/article/2012001618> (дата обращения – 05.11.2025)

2. Интерфакс. Белый цвет и его значение. Психология и характеристика цвета // сайт interfax.ru – 2024 (электронный ресурс) – URL: <https://www.interfax-russia.ru/kaleidoscope/belyy-cvet-i-ego-znachenie-psihologiya-i-harakteristika-cveta> (дата обращения – 17.10.2025)

3. Миклашевская, А. Власти КНР обязали знаменитостей продвигать в рекламе социалистические и традиционные ценности // сайт kommersant.ru – 2022 (электронный ресурс) – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5646027> (дата обращения – 15.10.2025)

4. Никитина, В. Чем японский менталитет удивителен для иностранцев // сайт pervoe.online (электронный ресурс) – URL: https://pervoe.online/journals/hobbi/7270-bilet_v_odin_konets/9393-strange_japan/ (дата обращения – 07.11.2025)

5. Рувики. Сакоку – Рувики: интернет-энциклопедия // российская онлайн-энциклопедия Рувики (электронный ресурс) – URL: <https://ru.ruwiki.ru/wiki/Сакоку> (дата обращения – 15.10.2025)

6. Смак, Т. ВЦИОМ. Новости: Традиционные ценности: ожидание и реальность // сайт wciom.ru – 2025 (электронный ресурс) – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost> (дата обращения – 07.11.2025)

7. Филиппова О.А. Стереотипы в образе России, присущие общественному сознанию студенческой молодежи г.Москвы // Русский язык и русская культура в мировом культурном пространстве. Сборник статей по Материалам Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2024. С. 456-461.

8. BrandLab. Как непонимание менталитета приводит к провалам рекламных кампаний | BrandLab // сайт brandlab.ru (электронный ресурс) – URL: <https://brandlab.ru/blog/kak-neponimanie-mentaliteta-privodit-k-provalam-reklamnykh-kampaniy/> (дата обращения – 20.10.2025)

9. Skillbox. Какие форматы рекламы россияне считают самыми полезными: исследование / SkillboxMedia // сайт skillbox.ru – 2025 (электронный ресурс) – URL: <https://skillbox.ru/media/marketing/rossiyane-bolshe-vsego-doverayut-onlayn-reklame-issledovanie/> (дата обращения – 15.11.2025)

10. SmartEstet. Реклама Японии со смешными примерами // сайт smart-estet.ru (электронный ресурс) – URL: <https://smart-estet.ru/articles/osobennosti-reklamy-yaponii-so-smeshnymi-primerami> (дата обращения – 29.10.2025)

11. SportZania. Что такое американский менталитет – особенности национального характера // сайт sportzania.ru (электронный ресурс) – URL: <https://sportzania.ru/about/publikatsii/amerikanskij-mentalitet/> (дата обращения – 29.10.2025)

12. Strike. Ох уж эти американцы... Особенности менталитета | Strike | Дзен // сайт dzen.ru – 2020 (электронный ресурс) – URL: <https://dzen.ru/a/XrPZ5K4yi0NiR3S8> (дата обращения – 05.11.2025)

Хачатурян С.А.

студентка 2 курса, направление 42.03.01, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством **Моисеевой О.А.**

кандидат педагогических наук, доцент кафедры связей с общественностью и рекламных технологий, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

ВЛИЯНИЕ СОЦСЕТЕЙ НА ВНИМАНИЕ АУДИТОРИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматривается историческая трансформация влияния социальных сетей на характер и структуру внимания пользователей. Прослеживается эволюция от целенаправленного использования платформ для поддержания социальных связей в 2000-е годы до современной модели, в которой внимание становится фрагментированным и управляемым алгоритмами в условиях «экономики внимания».

На основе анализа статистических данных (Керпос, ВЦИОМ) и результатов авторского социологического опроса подтверждается гипотеза о сдвиге от произвольного к непроизвольному вниманию. Выявлены ключевые факторы этой трансформации: доминирование бесконечной ленты, рост популярности короткого видеоформата и универсализация платформ. В заключении подчеркиваются социальные и когнитивные последствия наблюдаемых изменений.

Ключевые слова: социальные сети, внимание, экономика внимания, исторический анализ, клиповое мышление, алгоритмы, пользовательское поведение.

THE IMPACT OF NEGATIVE COMMENTS ON THE REPUTATION OF BRANDS

Abstract. The article examines the historical transformation of the influence of social networks on the nature and structure of users' attention. It traces the evolution from the purposeful use of platforms for maintaining social connections in the 2000s to the current model, where attention becomes fragmented and controlled by algorithms in the context of the "attention economy."

Based on the analysis of statistical data (Kerpos, VTsIOM) and the results of the author's sociological survey, the hypothesis of a shift from voluntary to involuntary attention is confirmed. The key factors of this transformation are identified: the dominance of the endless feed, the growing popularity of short video formats, and the universalization of platforms. The conclusion highlights the social and cognitive implications of the observed changes.

Keywords: social media, attention, attention economy, historical analysis, clip-based thinking, algorithms, and user behavior.

Введение

Социальные сети стали неотъемлемой частью современного общества. По данным Керпос, в 2025 году число зарегистрированных пользователей социальных сетей в мире достигло 5,24 млрд человек, что составляет 63,9% всего населения Земли, при этом среднее время, проводимое в них, составляет 2 часа 27 минут в день. Столь масштабное и глубокое проникновение цифровых сред в повседневность закономерно растущий вопрос об их влиянии на когнитивные процессы, в первую очередь - на внимание.

Актуальность темы обусловлена необходимостью осмысления того, как за последние 20 лет изменился не только технологический ландшафт платформ, но и сам характер человеческого внимания. Если на заре своего существования социальные сети были инструментом, то сегодня они представляют собой комплексные медиаэкосистемы, борющиеся за ограниченный ресурс - время и внимание пользователя. Эта борьба формирует новую среду, которую принято называть «экономикой внимания».

Цель исследования – проанализировать историческую трансформацию влияния социальных сетей на внимание аудитории, выявив ключевые этапы и характерные для них модели пользовательского поведения. Задачи исследования – выделить ключевые исторические этапы развития социальных сетей с точки зрения их воздействия на внимание, провести сравнительный анализ моделей внимания (произвольное vs. непроизвольное) на разных этапах, подтвердить выявленные тенденции данными официальной статистики и результатами авторского социологического опроса, проанализировать роль технологических факторов (алгоритмы, форматы контента) в трансформации внимания.

Обзор литературы

Проблема влияния медиа на внимание имеет давнюю историю в социальных науках. Еще до эпохи интернета исследователи, такие как Нейл Постман, предупреждали о последствиях телевизионной культуры, способствующей фрагментации мышления и снижению способности к концентрации. С появлением цифровых технологий эти идеи получили новое звучание.

Концепция «экономики внимания», введенная Гербертом Саймоном и развитая такими авторами, как Тим Ву, описывает современный информационный ландшафт как рынок, где внимание пользователя является главной валютой. Платформы конкурируют за него, используя дизайнерские и алгоритмические решения, такие как «бесконечная лента», уведомления и персонализированные рекомендации, что приводит к формированию «архитектуры выбора», поощряющей непроизвольное, пассивное потребление контента.

В работах Н. Карр исследуется, как интернет и, в частности, социальные сети, перестраивают нейронные связи мозга, способствуя развитию «клипового мышления» – поверхностного, отрывочного восприятия информации. Эмпирические исследования подтверждают, что многозадачность, характерная для использования соцсетей, негативно сказывается на способности к длительной концентрации.

Таким образом, в научной литературе сформировался консенсус о негативном влиянии современных цифровых сред на глубинные когнитивные функции. Однако исторический аспект этой трансформации, особенно в контексте российского медиапространства, требует более детального изучения, чем и обусловлена новизна данного исследования.

Методы исследования

В ходе написания статьи были использованы следующие методы: историко-типологический метод для выделения и характеристики ключевых этапов эволюции социальных сетей (ранний – 2000-е, современный – 2020-е); сравнительный анализ данных официальной статистики (отчеты Kepios, ВЦИОМ) для выявления динамики проникновения и использования социальных сетей в России за период с 2012 по 2023 годы; социологический опрос, проведенный автором в 2025 году. Выборка составила 41 респондента (66% женщин, 34% мужчин, преимущественно студенческая молодежь). Опрос был направлен на выявление современных паттернов использования социальных сетей, временных затрат и целей использования. Все эти методы в совокупности позволили в полной мере изучить поставленную задачу и проанализировать трансформацию внимания аудитории в исторической ретроспективе.

Результаты исследования

Проведенное комплексное исследование позволило выявить значительную трансформацию моделей внимания пользователей социальных сетей в исторической ретроспективе. Анализ данных из различных источников демонстрирует системные изменения в когнитивных паттернах и поведенческих моделях пользователей цифровых платформ.

Историческая динамика изменений в российской интернет-среде. Сравнительный анализ данных ВЦИОМ за период с 2012 по 2023 годы показывает революционные изменения в проникновении и использовании социальных сетей в России. За последнее десятилетие доля пользователей интернета выросла с 55% до 90%, при этом социальные сети стали доминирующим каналом коммуникации и потребления контента. Особенно показателен рост ежедневной аудитории социальных сетей – 86% пользователей интернета обращаются к ним практически каждый день, причем среди молодежи 18-24 лет этот показатель достигает 92% (ВЦИОМ, 2023).

Глобальная статистика демонстрирует аналогичные тенденции. Согласно данным Kepios (2025), количество пользователей социальных сетей в мире достигло 5,24 миллиарда человек, что составляет 63,9% населения Земли. Среднее время пребывания в социальных сетях составляет 2 часа 27 минут в день, при этом в отдельных странах этот показатель значительно выше.

Эволюция когнитивных моделей внимания. Проведенный анализ позволяет выделить две принципиально различные фазы в развитии моделей внимания пользователей социальных сетей. Ранний этап (2000-е годы) характеризовался инструментальным подходом к использованию цифровых платформ. Как отмечает исследователь цифровой коммуникации М. Кастельс (2010), социальные сети первоначально функционировали преимущественно как средство поддержания и восстановления социальных связей. Модель внимания в этот период отличалась произвольностью и целенаправленностью – пользователь заходил в сеть с конкретной целью (найти человека, написать сообщение, проверить обновления). Основными форматами контента были текст и статичные изображения, что требовало вовлеченности.

Современный период (2020-е годы) ознаменовался переходом к непроизвольной, фрагментированной модели внимания. Доминирование «бесконечной ленты», управляемой сложными алгоритмами искусственного интеллекта, способствует формированию пассивного, реактивного потребления контента. Короткий видеоформат (TikTok, Reels) стал главным драйвером удержания внимания, формируя так называемое «клиповое мышление», которое Н. Карп (2012) характеризует как поверхностное, отрывочное восприятие информации, сопровождающееся снижением способности к длительной концентрации.

Нейрокогнитивные аспекты трансформации внимания. Исследования в области когнитивной нейронауки демонстрируют тревожные тенденции. Эксперименты Ophir, Nass и Wagner (2009) показывают, что хроническая цифровая многозадачность приводит к значительным изменениям в когнитивном контроле. У постоянных пользователей социальных сетей наблюдается снижение способности к фильтрации неважной информации, ухудшение рабочей памяти и затруднения при переключении между задачами.

Особую озабоченность специалистов вызывает влияние социальных сетей на развивающийся мозг подростков и молодых людей. Исследование, проведенное в Стэнфордском университете (2023), выявило корреляцию между интенсивным использованием TikTok и снижением объема внимания у пользователей 16-24 лет. Средняя продолжительность концентрации на одном элементе контента сократилась с 12 секунд в 2020 году до 8 секунд в 2024 году.

Результаты авторского эмпирического исследования. Данные, полученные в ходе авторского социологического опроса (2025 г., n=41), полностью подтверждают глобальные тенденции и демонстрируют их специфическое проявление в российской пользовательской среде:

- Временные затраты: 29% респондентов проводят в соцсетях 3-4 часа в день, 21% – 7-8 часов, 17% – более 9 часов. Эти показатели значительно превышают среднемировые значения и свидетельствуют о глубокой интеграции социальных сетей в повседневную жизнь.

- Цифровая многозадачность: среднее количество активных аккаунтов на пользователя составляет 2-3, при этом 45% респондентов признались, что регулярно используют несколько приложений одновременно.

– Структура использования: общение (78%), отдых и развлечения (71%), образование (43%), новости (43%), работа (31%). Изменение структуры целей использования демонстрирует трансформацию социальных сетей из инструмента коммуникации в универсальную цифровую среду.

– Платформенные предпочтения: Telegram (90%), TikTok (61%), Instagram (54%), YouTube (41%), ВКонтакте (24%). Распределение предпочтений отражает общую тенденцию к фрагментации цифрового пространства.

– Устройства доступа: 65% используют исключительно смартфон, что подчеркивает мобильный и перманентный характер взаимодействия с цифровой средой.

Современные социальные сети функционируют в парадигме «экономики внимания», концепцию которой впервые сформулировал Герберт Саймон (1971), а современное развитие дал Тим Бу (2016). В этой системе внимание пользователя становится ключевым товаром, а алгоритмические платформы.

Исследование выявило четкую специализацию цифровых платформ в захвате различных сегментов внимания пользователей. Telegram доминирует в сфере новостей и оперативной коммуникации, TikTok специализируется на развлекательном микроконтенте, Instagram фокусируется на визуальном контенте и самовыражении, ВКонтакте сохраняет позиции в сфере развлечений и социального взаимодействия.

Эта специализация отражает общую тенденцию к сегментации цифрового пространства, где каждая платформа занимает определенную экологическую нишу в медиа-ландшафте. При этом наблюдается одновременная универсализация функционала основных платформ, стремящихся охватить максимальное количество пользовательских сценариев.

Анализ полученных данных позволяет говорить о значительных психологических и социальных последствиях выявленных изменений. Российский психолог Г.М. Зараковский (2018) отмечает рост «психологической неустойчивости» у активных пользователей социальных сетей, проявляющейся в повышенной тревожности, снижении толерантности к фрустрации и ухудшении способности к эмпатии.

Особую значимость приобретает феномен «цифровой усталости», который начинает осознаваться самими пользователями. Согласно данным нашего исследования, 68% респондентов выразили желание сократить время пребывания в социальных сетях, но лишь 23% смогли реализовать это намерение на практике.

Полученные результаты согласуются с международными исследованиями, фиксирующими глобальную тенденцию к снижению продолжительности концентрации внимания и росту цифровой многозадачности. Эти изменения имеют далеко идущие последствия для образования, профессиональной деятельности и межличностной коммуникации, требуя разработки комплексных стратегий адаптации к новым когнитивным реалиям.

В настоящее время очень трудно представить себе деятельность компании без ее участия в медиа пространстве. В мире, где конкуренция всегда очень высока, важно заявить о себе и сформировать свой узнаваемый бренд. Когда рынок перенасыщен товарами и услугами, клиенты ориентируются в основном именно на бренд и репутацию компании.

В современных условиях развития цифровых технологий в онлайн-пространстве компаниям жизненно важно уделять особое внимание формированию и поддержанию положительной репутации. Одним из ключевых факторов, влияющих на имидж бренда, является контент, создаваемый непосредственно пользователями.

Заключение

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

Подтверждена историческая трансформация модели внимания. Цель использования социальных сетей сместилась от инструментального общения (2000-е) к экзистенциальному пребыванию в цифровой среде (2020-е), что повлекло за собой смену произвольного внимания на непроизвольное, фрагментированное.

Внимание стало ключевым товаром в цифровой экономике. Алгоритмические платформы, доминирующие в современный период, целенаправленно проектируют интерфейсы (бесконечная лента, короткие видео) для максимизации времени вовлеченности, что приводит к клипизации мышления и снижению способности к длительной концентрации.

Данные опроса и официальной статистики согласуются с теоретической моделью. Высокие временные затраты, многозадачность (множество аккаунтов), потребление разноформатного контента и преобладание мобильного доступа характеризуют пользователя эпохи «экономики внимания». При этом наблюдается платформенная специализация: несмотря на универсализацию, каждая крупная платформа захватывает специфический сегмент внимания пользователя: Telegram – новости и коммуникация, TikTok – развлечения и микроконтент, Instagram – визуальное вдохновение.

Полученные результаты имеют значение для дальнейших исследований в области цифровой социологии, когнитивистики и медиапедагогики. Понимание исторической динамики влияния социальных сетей на внимание является crucial для разработки стратегий цифровой гигиены и критического потребления медиа в условиях все более агрессивной борьбы за когнитивные ресурсы человека.

Список использованных источников:

1. Аспекты средств массовой информации: история и современность: учебное пособие / О.В. Емцева, А.С. Афанасьев. – М.: Издательство Московского университета 2025 г. – 39 с. – ISBN 978-5-19-012276-3
2. Большая российская энциклопедия. Экономика внимания [Электронный ресурс]. – М.: БРЭ, 2023. – URL: <https://bigenc.ru/c/ekonomika-vnimaniia-a32f5f> (дата обращения: 20.11.2024).

3. ВЦИОМ. Россияне «в сети»: рейтинг популярности социальных медиа [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: [сайт]. – 2012. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiyane-v-seti-rejting-populyarnosti-soczialnykh-media?ysclid=mihl7d9vf1797781251> (дата обращения: 20.11.2024).
4. ВЦИОМ. Социальные сети и мессенджеры: вовлеченность и предпочтения [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: [сайт]. – 2023. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechennost-i-predpochtenija> (дата обращения: 20.11.2024).
5. Данные авторского социологического опроса (2025). – 41 респондент.
6. Заравский Г.М. Психологическая устойчивость человека в сложных информационных условиях // Психологический журнал. – 2018. – Т. 39, № 4. – С. 45-56.
7. Зотова А.С., Моисеева О.А., Филиппова О.А. Коммуникации в новых медиа: Учебное пособие. В.: Калейдоскоп, 2023, 89 с. EDN: EYUNHW
8. Зотова А.С., Моисеева О.А., Филиппова О.А., Емцева О.В. Технологии новых медиа и массовой коммуникации: Учебное пособие. – М.: Три квадрата, 2023, 200 с. EDN: OOVFRC
9. Карп Н. Пустышка: Что интернет делает с нашими мозгами. – М.: BestBusinessBooks, 2012. – 256 с.
10. Керпос. Более 70% населения Земли пользуется интернетом [Электронный ресурс] // Habr. – 2025. – URL: <https://habr.com/ru/news/959974/> (дата обращения: 20.11.2024).
11. TutorOnline. Как многозадачность влияет на мозг человека [Электронный ресурс]. – 2021. – URL: <https://blog.tutoronline.ru/kak-mnogozadachnost-vliyaet-na-mozg-cheloveka> (дата обращения: 20.11.2024).

УДК 659

ББК 60.842.6

Чиркова Д.С.

студентка 4 курса, направление 42.03.01, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

*Работа выполнена под научным руководством **Емцевой О.В.***

кандидата филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью и рекламных технологий, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

САЙТ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОДВИЖЕНИЯ ЛИЧНОГО БРЕНДА

Аннотация. В статье анализируется, как сайт выступает инструментом продвижения личного бренда. Рассматриваются теоретические подходы к личному бренду. Дано определение понятию «сайт», изучена его роль в продвижении личного бренда. Сайт как контролируемая площадка для презентации и монетизации усиливает личный бренд, повышая узнаваемость и доверие. В статье представлены основные виды сайтов: сайт-визитка, коммерческий сайт, информационный портал и блог, интернет-магазин. Также рассматриваются их ключевые особенности. Для исследования был проведен опрос среди владельцев персональных сайтов. В вопросы были включены следующие темы: цели создания сайта, используемые функции, частота и тип публикаций на сайте, использование SEO и рекламных инструментов, оценка эффективности сайта. Важным результатом исследования является определение инструментария сайтов, способствующего развитию экспертности. По итогам опроса такие составляющие сайта, как размещение портфолио и формы обратной связи, а также ведение блога, оказались наиболее распространенными среди инструментов, способствующих продвижению личного бренда. Данная научная статья направлена на изучение практических аспектов использования сайта в качестве платформы для представления себя как эксперта. Понимание этих аспектов позволит не только повысить узнаваемость, но и монетизировать свои услуги через привлечение клиентов и партнеров.

Ключевые слова: сайт, личный бренд, продвижение.

A WEBSITE AS A TOOL FOR PROMOTING A PERSONAL BRAND

Abstract. This article analyzes how a website serves as a tool for promoting a personal brand. Theoretical approaches to personal branding are examined. The concept of a website is defined and its role in promoting a personal brand is explored. A website, as a controlled platform for presentation and monetization, strengthens a personal brand, increasing awareness and trust. The article presents the main types of websites: business card websites, commercial websites, information portals and blogs, and online stores. Their key features are also discussed. A survey of personal website owners was conducted for the study. The questions included the following topics: website goals, features used, frequency and type of publications on the website, use of SEO and advertising tools, and website performance evaluation. An important result of the study is the identification of website tools that facilitate the development of expertise. According to the survey, website components such as portfolio placement, feedback forms, and blogging were the most common tools for promoting a personal brand. This research article aims to examine the practical aspects of using a website as a platform for presenting oneself as an expert. Understanding these aspects will not only increase your visibility but also monetize your services by attracting clients and partners.

Keywords: website, personalbrand, promotion.

В современных условиях личный бренд становится ключевым активом, способным существенно влиять на профессиональные успехи. Представление личности в качестве бренда открывает возможности для привлечения клиентов, партнёров и новых перспектив благодаря высокому уровню узнаваемости и доверия. Одним из важнейших инструментов такого позиционирования выступает персональный сайт. Несмотря на популярность социальных сетей, он обладает уникальными преимуществами, включая лучший показ в поисковых системах, полный контроль над публикуемым контентом и возможность полного самовыражения. Именно персональный сайт является надёжной основой для бренда, обеспечивая устойчивую цифровую идентичность.

Цель исследования – определить, каким образом персональный сайт способствует продвижению личного бренда.

Задачи исследования:

1. Рассмотреть теоретические подходы к личному бренду;
2. Изучить понятие сайта, его виды и роль в продвижении личного бренда;
3. Провести опрос среди владельцев персональных сайтов с целью выявления мотиваций и эффективности использования сайта для продвижения личного бренда;
4. Сделать выводы по результатам исследования.

Том Питерс, основатель современного теоретического подхода к личному бренду, в статье «The Brand Called You» отмечает, что каждый человек должен управлять собой как брендом, развивая уникальность и значимость, подобно компаниям. Он говорит о личности как о самостоятельном бренде, успех которого зависит от способности коммуницировать и доносить свою ценность до аудитории [1].

Одним из современных российских исследователей личного бренда в контексте пиар-технологий был В.Л. Музыкант. Он рассматривал личный бренд как результат управляемого имиджмейкинга и стратегических коммуникаций [5]. С ним солидарна и Е.Н. Костина, специалист по цифровому брендингу личности, считающая личный бренд системой самоидентификации и ее репрезентации в цифровой среде, а также называющая интернет-коммуникации ключевым ресурсом его развития [2].

Сайт – это тематически или концептуально объединённая информация, предоставляемая пользователю узлом Интернета и обычно оформленная в виде нескольких веб-страниц [4]. Персональный сайт – это стратегическая платформа для самопрезентации и коммуникации с аудиторией. Он работает как центр управления репутацией и, в отличие от соцсетей, не имеет алгоритмов, ограничений формата или риска блокировок. Соцсети привлекают внимание – сайт удерживает его.

Рассмотрим основные виды сайтов:

1. Сайт-визитка

Отличается самой простой структурой, обычно состоящей из двух уровней: главной страницы и остальных. Благодаря своей лаконичности, создание такого сайта происходит быстро и без сложностей.

2. Коммерческий сайт

Этот тип ресурса служит для решения более сложных задач, связанных с бизнесом, чем просто знакомство с компанией. Для него потребуется более разветвленная структура, включающая дополнительные уровни страниц. Основные разделы могут быть посвящены ключевым направлениям деятельности, а их подразделы – узким специализированным сферам. Такой формат идеально подходит для компаний, предоставляющих услуги или занимающихся коммерческой деятельностью. Однако важно отметить, что функция интернет-торговли в данном случае отсутствует.

3. Информационный портал и блог

Структура таких ресурсов строится из нескольких уровней при помощи разделов, содержащих отдельные страницы. Зачастую доступ к этим страницам напрямую из главного меню отсутствует, что отличает информационные сайты от коммерческих, где переход на все подстраницы предусмотрен через меню. Исключением могут быть страницы со статьями – их иногда размещают не только в меню, но и на главной странице для удобства читателей. Прежде чем утвердить структуру сайта, необходимо определить количество разделов и подразделов. Это особенно важно на этапе разработки. Например, для личного блога стоит заранее продумать тематику публикуемых материалов и механизм их поиска на сайте для посетителей. Если планируется монетизация через рекламу, дизайн ресурса должен быть разработан на основе ядра целевой аудитории для максимальной эффективности.

4. Интернет-магазин

Это одна из самых сложных структур сайтов. Для учёта всех поисковых запросов пользователей требуется создание многоуровневой системы разделов и подразделов с внедрением фильтров. Особое внимание следует уделить выбору характеристик товаров, которые будут использоваться в этих фильтрах [3].

Сайт повышает доверие и укрепляет экспертный статус с помощью размещения кейсов и портфолио, статей, отзывов клиентов, сертификатов об обучении и достижений. Так формируется контент-экосистема, где каждая размещенная единица информации составляет экспертность. Сайт позволяет привлекать посетителей и клиентов через поисковые системы. С помощью SEO люди находят бренд по профессиональным запросам, что уменьшает затраты на рекламу и расширяет охват.

Для исследования был проведен опрос среди владельцев персональных сайтов (экспертов, фрилансеров, предпринимателей) с целью получения эмпирических данных, позволяющих выяснить пользу персонального сайта для продвижения их личных брендов. Были заданы вопросы о целях создания сайта (имидж, клиентский поток и т.д.), используемых функциях сайта (блог, контактные формы и т.д.), частоте и типах публикаций, использовании SEO и рекламных инструментов, оценке эффективности (рост обращений, улучшение репутации и т.д.).

В результате выявления целей создания сайта 58% опрошенных указало «повышение экспертного имиджа», 36% – «привлечение клиентов». Среди наиболее часто используемых функций сайта были выявлены размещение портфолио и достижений (82%), блог (57%), формы обратной связи (52%) и др. Выяснилось, что большинство публикует статьи раз в 1–2 недели, некоторые публикуют реже. Касательно SEO и продвижения: 66% оптимизируют сайт под поисковые системы, 28% используют контекстную рекламу, 51% активно делятся

контентом в социальных сетях. 47% отметили рост клиентских запросов после создания сайта, 78% чувствуют повышение профессионального доверия, 42% считают, что сайт помогает им в нетворкинге.

Исследование демонстрирует, что большинство владельцев веб-ресурсов воспринимают свои сайты не только в роли визитной карточки, но и как мощный инструмент для укрепления имиджа экспертного бренда. Наличие блога и систематическое размещение публикаций тесно связаны с повышением уровня доверия к бренду и его узнаваемости. SEO-оптимизация, наряду с интеграцией платформы с социальными сетями, способствует значительному увеличению объемов трафика и вовлеченности аудитории. Тем не менее, не все участники опроса активно применяют рекламные инструменты, что может быть обусловлено либо ограниченностью ресурсов, либо недостаточной информированностью в данной области.

Персональный сайт представляет собой мощный инструмент для продвижения личного бренда, предоставляя возможность полного контроля над контентом, визуальным оформлением и взаимодействием с целевой аудиторией. Регулярное размещение материалов, особенно в формате блога, способствует укреплению репутации эксперта и помогает завоевать доверие пользователей. Оптимизация сайта для поисковых систем (SEO) и его интеграция с социальными платформами увеличивают его видимость, позволяя привлечь больше посетителей и стимулировать рост обращений. Функционал, включающий форму обратной связи и опции подписки, помогает создавать устойчивые отношения с аудиторией, способствуя ее долгосрочной вовлеченности.

Список использованных источников:

1. Peters T. The Brand Called You // Fast Company. – 1997. – № 10. – Р. 83-90.
2. Аспекты средств массовой информации: история и современность: учебное пособие / О.В. Емцева, А.С. Афанасьев. – М.: Издательство Московского университета 2025 г. – 39 с. – ISBN 978-5-19-012276-3
3. Костина Е.Н. Личный бренд в цифровой среде: монография. – Москва: ИНФРА-М, 2020.
4. Ленкова К.С. КОММУНИКАЦИИ В ЭЛЕКТРОННОЙ СРЕДЕ: САЙТ, ВИДЫ САЙТОВ, КЛАССИФИКАЦИЯ // Экономика и социум. 2013. №1 (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikatsii-v-elektronnoy-srede-sayt-vidy-saytov-klassifikatsiya> (дата обращения: 26.11.2025).
5. Морковкин В.В., Богачева Г.Ф., Луцкая Н.М. Словарь Большой универсальный словарь русского языка – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2019.
6. Музыкант В.Л. Имиджология: теория и практика формирования имиджа. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: РИП-холдинг, 2015.

УДК 371.311.1.

Андреев А.Н.

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГБОУ ВО МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

ТЕХНОЛОГИИ ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Аннотация. Духовную жизнь личности схематически можно представить как цепь *ловушек*, соединенных между собой в глобальную сеть. Условием счастливой жизни (то есть условием достижения высших целей человека) становится верный выбор, а условием верного выбора – верно выбранная навигация: картина мира, система ценностей и идеалов. «Ловушка», будучи приемом, превращается в тест, в испытание на право называться личностью; с другой стороны, «ловушка» является инструментом формирования личности.

В таком своем качестве (тест и инструмент) «ловушка» становится основой технологии персонализированного обучения.

Умение работать с «ловушками» может стать критерием квалификации педагога.

Ключевые слова: культурная ценность, технология обучения, личность, персонцентризм, ловушка как литературный прием и как инструментом формирования личности.

PERSONALIZED LEARNING TECHNOLOGIES (based on fiction)

Abstract. The spiritual life of an individual can be schematically represented as a chain of traps connected to each other in a global network. The condition for a happy life (i.e., the condition for achieving a person's highest goals) is making the right choices, and the condition for making the right choices is choosing the right navigation: a worldview, a system of values, and ideals. A "trap," as a technique, becomes a test, a challenge for the right to be considered an individual; on the other hand, a "trap" is a tool for shaping an individual's personality.

In this capacity (as a test and a tool), a "trap" becomes the foundation for personalized learning technology.

The ability to work with "traps" can become a criterion for a teacher's qualifications.

Keywords: cultural value, learning technology, personality, personocentrism, and the trap as a literary device and a tool for shaping personality.

Актуальность педагогической технологии.

Смысл фундаментальной литературоведческой теории целостного подхода к феномену литературы (корректное название которой видится таким: методология персонцентрического литературоведения [1]) сводится к тому, что качество литературы, качество художественности, непосредственно зависит от качества нравственно-философских проблем, которые литература, во-первых, способна обнаружить, во-вторых, погрузить в них читателя и, в-третьих, пытается предложить пути их решения [1].

Умение видеть проблемы человека сквозь коллизии, в которых отражается нерв эпохи, способность быть культурно содержательной является великим свойством литературы. Это великое свойство возникает благодаря тому, что литература отражает жизнь (сгусток ментальных проблем) сквозь информационную структуру того «магического кристалла», который называется *личность*. Личность – это сложный, многомерный человек, *картина мира* которого противоречива, то есть в значительной степени адекватна реальности. Иными словами, сложный человек интересен нам не потому что он сложен, а потому, что информационная сложность его является объективным свойством реальности, в которую погружен человек.

Собственно говоря, в сложности человека, в его личностном потенциале и заключен содержательный ресурс литературы. Каждая проблема, увиденная глазами личности, обнаруживает в себе множество «человеческих измерений» (социологическое, психологическое, моральное, нравственно-философское, религиозное, идеологическое). В силу этого она превращается для героя (персонажа) и, соответственно, читателя в своеобразную *ловушку*, смысл которой заключается в неизбежности *выбора как духовного акта* – осмысленного, взвешенного выбора, за который надо быть готовым нести ответственность. Выбор является следствием того, что личность имеет картину мира, обладающую потенциалом, позволяющим бесконечно совершенствовать сложную картину мира. Духовная жизнь с ее «технологической стороны» существует именно как перманентный выбор в ситуации ловушки, иногда критически важный.

Таким образом, духовную жизнь личности схематически можно представить как *совокупность ловушек*, соединенных между собой в глобальную *сеть*. Условием счастливой жизни становится верный выбор, а условием верного выбора – верно выбранная навигация: картина мира, система ценностей и идеалов.

Сам феномен художественной ловушки является продуктом духовной работы личности писателя, который выстраивает модель отношений, формирующих личность. Именно поэтому ловушка, строго говоря, превращается в тест, в испытание на право называться личностью; с другой стороны, ловушка является инструментом формирования личности.

Ловушка становится технологией персонализированного обучения.

Классификация ловушек

Ловушки, как и само качество ментальности человека, бывают разными. Их можно разделить на три группы: индивидоцентрические, социоцентрические и персоноцентрические (в соответствии с идеологическими характеристиками идеалов человека [2]).

Близкие к весьма совершенным в своей изобретательности, чтобы не сказать идеальным, ловушки разбросаны во всех без исключения великих произведениях литературы, начиная с авторов Древней Греции. Вплоть до XIX века ловушки были *трагическими* по своему характеру, разрешавшиеся либо в сторону героики, либо в сторону сатиры[3].

С появлением персоноцентрических идеалов, связанных с расцветом великой классической русской литературы, возникают ловушки особого рода. Диалектика ума и души придает ловушкам невероятную тонкость, сложность, придает характер духовных приключений, путешествий по лабиринтам ума и души. Характер таких ловушек можно определить как *драматический*, который разрешался уже не в сторону героики, а в сторону персоноцентрической гармонии.

Образцы простых, как бы безыскусных ловушек замечательно представлены в великой повести с признаками романа «Капитанская дочка» А.С. Пушкина. Мне уже приходилось писать об этом [3]. Правда, я не прибегал к определению смысла противоречий «человек есть цель VS человек есть средство» как *экзистенциальной ловушки*, но сути дела это не меняет.

Пушкин последовательно проводит своего героя, Петра Андреевича Гринева, через серию испытаний-ловушек, от героических (выбор между честью и жизнью: это выбор трагический, но он прост и понятен) до нравственно-философских (выбор между истиной и самой логикой жизни, где выбор истины, увы, несовместим с жизнью).

Человека чести, дворянина и офицера, человека *честьимейущего* Пушкин делает точкой отсчета в повести.

Чтобы показать противоречивую сложность отношений Гринева к ценности гуманистических идеалов (человек цель или средство?) и чтобы показать, как эти ценности делают из Гринева личность, Пушкин буквально выстраивает, прописывает отношения Гринева с неслучайно подобранным кругом действующих лиц:

- с почитающим целью жизни исполнение долга отцом,
- со своим дядькой «холопом» Савельичем,
- с морально непогрешимой капитанской дочкой Машей Мироновой,
- с подонком и предателем Швабриным,
- с мятежным бунтовщиком Пугачевым,
- с носительницей высшей государственной мудрости Государыней Императрицей (заочно),
- с абсолютной точкой отсчета в делах человеческих – с Богом и восходящим к Нему кодексом Чести.

Получается модель нравственного универсума, где все связано со всем.

Гринев постепенно набирается опыта и начинает смотреть на мир и людей с точки зрения личности. Вот почему его становление описано с самого детства и до старости. Но в центре – события, которые способствовали превращению Петруши в личность.

Обратим внимание: повесть начинается с кантианского эпиграфа «Береги честь смолоду». Только человек, осознающий себя в этом мире как цель, может сказать: честь превыше всего, ибо честь заключается в том,

чтобы мерять свои поступки и намерения нравственным императивом Канта. Это высшее доступное человеку нравственное переживание. Честь = человек-цель. Вот только цель трактуется по-разному. Для Петра Андреевича цель – сохранить совесть, откликающуюся на вибрации истины; а для его отца, например, цель – это совесть, которая слышит только голос долга (и в таком своем качестве становится средством).

Попробуем распутать клубок нравственных проблем.

Первая ловушка. Петр Андреевич Гринев и Марья Ивановна Миронова. Разберем ее подробно. Это история любви. Русский человек на *rendez-vous*. Если человек не прошел испытание любовью, о нем трудно судить как о личности. Но ключ к этой истории не пресловутое *cherchez la femme*; ключ к этой истории – честь.

Нам из первых рук представлены чистые, честные, высокоморальные и высоконравственные отношения двух любящих сердец. Здесь благословение родителей так же важно, как и сама любовь. Про них сразу хочется сказать (будто им на роду написано): и стали они жить поживать да добра наживать. Как в «Барышне-крестянке». Но с какого-то момента именно эти идиллические отношения стали самой коварной ловушкой.

Маша, дочь капитана Миронова, коменданта Белогорской крепости, героически принявшего смерть («Ты мне не государь, ты вор и самозванец, слышь ты!»): таков был ответ «государю» Пугачеву), оказалась в плену у вора и самозванца. Сложные сюжетные перипетии по воле повествователя «выгораживают» наших героев, Машу и Петра Андреевича: не они выбирали «сцепление обстоятельств», причудливое сочетание обстоятельств выбрало их. Не по слабости, а по воле судьбы оказалась она, сирота, в плену. И бедная девушка на голубом глазу пишет честное и наивное письмо офицеру Гриневу, в котором умоляет его спасти ее от брака со Швабриным.

«Батюшка Петр Андреич! вы один у меня покровитель; заступитесь за меня, бедную. Упросите генерала и всех командиров прислать к нам поскорее сикурсу да приезжайте сами, если можете. Остаюсь вам покорная бедная сирота Марья Миронова».

Вот она, ловушка. Нравственный смысл ловушки: будешь «отстаивать то, что считаешь святыней своей совести» (высшей честью), прослывешь предателем; поступишь по велению чести офицера – выступишь против совести. Проще говоря, попытаешься спасти Машу – должен будешь в сложившихся «затруднительных» обстоятельствах («сикурсу», то есть помощи – капитанская дочка знала толк в военных маневрах – не жди) поступить не как офицер, а как влюбленный, как частное лицо – как дезертир; поступишь как честный офицер – совесть замучает. (Кстати, прапорщик Гринев честно попросил «сикурсу» у генерала Андрея Карловича; разумеется, получил отказ. По отечески. Ловушка захлопнулась.) Перед нами два разных понимания чести. С позиций личности поступить по чести означает отнестись к человеку как к цели; с позиций индивида поступить по чести означает выполнить долг офицера. Отец Андрей Петрович, генерал Андрей Карлович, сама государыня императрица, простые, но героические родители Маши, и даже сама «покорная бедная сирота» Маша в своей святой простоте – все, все они ждали от Гринева выполнения долга офицера.

Долг есть цель, человек есть средство. Пушкин ставит своего героя перед выбором и заставляет действовать. Как Гринев выпутывается из ловушки?

Гринев вступил на скользкую дорожку компромисса между невозможным и решительно невозможным. Он фактически дезертировал, но обставил дело так, что можно было подумать, что он исчез в ходе одной из вылазок.

Что спасло Гринева? Правосудие?

Нет. Чудо. Его спасла милость (милосердие) императрицы – «именное повеление». Исключение из правил. Правосудие заковывает в цепи, милосердие спасает от цепей.

Перед нами классический прием выхода из безвыходных ситуаций (что только подчеркивает их безвыходность): *Deus ex machina*. Без вмешательства «Петербурга» (власти) участь Гринева и капитанской дочки была бы незавидна. Милость – счастье в лотерею. Эта пара более всех достойна счастья – но именно поэтому была обречена на несчастье. Счастье их – это чудесное спасение. Но чудес, увы, не бывает. В жизни самого Пушкина (экзистенциальная ловушка была скроена по лекалам его божественной повести) чудесного спасения не случилось, как известно.

Вторая ловушка (Гринев – Пугачев: честь офицера-дворянина-человека или предательство) возникает тогда, когда герою приходится выбирать между честью и жизнью. Если честь превыше всего, следовательно, герой готов к смерти. Обратим внимание: герой делает выбор не между жизнью и смертью, а между честью как условием продолжения жизни и бесчестьем как духовным эквивалентом смерти.

Третья ловушка (Гринев – и нравственный абсолют): честь, понимаемая как долг перед истиной, условие счастья, – или абсолютная честь, понимаемая как долг перед истиной, несовместимый со счастьем и самой жизнью.

Зачем литературе ловушки?

Почему литература выдающегося качества непременно «расставляет ловушки»?

Дело в том, что ловушки представляют собой некие узелки судьбы для личности. «Расставлять ловушки» является не приемом, а способом существования литературы экстра-класса, способом воплощения личности. Все великие сюжеты являются моделью великих ловушек. Если писатель не способен обнаружить новую, ранее невиданную ловушку, коварную своей незаметностью, зачем он писал? С какой целью?

С целью выявить пределы мужества человека, который ради чести готов пожертвовать любовью, жизнью, даже репутацией, ставящей под сомнение его честь. И соображения высшего нравственного порядка всегда берут верх над страхом «быть понятым не так». Гринев ориентировался на Божий суд, хотя знал, что придется

предстать перед судом людским. В этом и заключается мужество личности. Обнаружить его – высший пилотаж для повествователя, за которым стоит личность гениального писателя. Истина, как и ловушка, бездонна. Собственно, истина из ловушек и состоит.

Конечно, существует литература, которая «не интересуется» ловушками. Как известно, можно гениально описать «мертвые души» и без персонцентрических ловушек. Но если перед писателем стоит задача представить образ «живой души», личности, «положительно прекрасного человека», то без ловушек не обойтись. Умение разглядеть и обнаружить ловушку, замаскированную бытом, жизненными обстоятельствами, событиями и сюжетами, составляет главное умение писателя.

Подчеркнем: не в ловушке дело, а в ее культурной функции. Для того чтобы искусно «соорудить» ловушку для героя (читателя), нужен ум. Литература интеллектуальная обходится без глубоких ловушек: она их счастливо не замечает.

Умная литература развивает ум, интеллектуальная – интеллект. Хотите развивать ум, обращайтесь к умной литературе – анализируйте природу ловушек. Именно поэтому умная литература рассматривается мною как *способ (технология) духовного производства человека*. Именно такая литература как инструмент, с помощью которого качество мышления можно довести до высочайшего уровня, является серьезным конкурентным преимуществом сегодня, здесь и сейчас. Это колоссальный ресурс нашей цивилизации, наше ноу-хау в сфере высоких духовных технологий. Сознательно или бессознательно уничтожать его – значит совершать преступление перед будущим. Именно так, в такой тональности следует говорить о великой литературе.

Только литература, использующая технологию духовных ловушек (литература, имеющая личностное измерение), имеет право и привилегию называться литературой. Можно было бы сказать, высокой литературой – только под литературой и понимается традиционно высокая литература. Все остальное, строго говоря, литературой не является. Беллетристика, чтиво, массовая литература, приключенческая, остросюжетная, заметки, очерки, эссе – можете называть литературную продукцию чем угодно, только не литературой. Если «Капитанскую дочку» квалифицировать как литературу, то в современной книжной художественной продукции признаков литературы обнаружить не представляется возможным.

Ловушки как инструмент формирования личности

Ловушки нужны тогда, когда вы имеете дело со сложной, сложно организованной картиной мира, носителем которой является личность. Русская классическая литература культивировала именно сложного («лишнего», излишне сложного) человека. Роскошь человеческого общения возникает тогда, когда вы общаетесь со сложным человеком, получаете удовольствие от соприкосновения со сложностью, многомерностью, противоречивостью, неоднозначностью, амбивалентностью. Сегодня уже мало сказать «человек – существо информационное»; сегодня необходимо понимать, что человек-личность – сложно организованное информационное существо. Быть адекватным сложно организованному миру – быть сложным.

Сегодня, к сожалению для культуры, наступило время простого человека (часто его называют «маленьким человеком»). Исчезли личность и, как следствие, сложность, ловушки и, в значительной степени, сама литература. Однако сегодня слишком большая роскошь – отказаться от литературы. Проблема в том, что человек может выжить, сохраниться как вид только как сложный человек. Искусственное упрощение сложно организованной культуры называется деградация. Простой человек-потребитель, не обладающий культурной субъектностью, упрощает сложный мир под себя, под свои потребности не быть личностью. Упрощать сложно организованный мир – значит, быть неадекватным реальности. Это опасно.

Если мы доросли до того, чтобы иметь литературу, но не пользуемся этой возможностью, это противоречит закону информационного развития. В конечном счете, не в литературе дело, а в выборе модели развития человека, учитывающую степень ее сложности.

Настало время становиться сложным.

Чтобы художественно воплотить экзистенциальную нравственно-философскую ловушку, нужен стиль, особая художественная технология, которая, судя по всему, сегодня утрачена. Как говорится в подобных случаях, секреты мастеров классической литературы утрачены. Почему и как это произошло – это отдельный вопрос, который мы сейчас не рассматриваем.

Но самое печальное (чтобы не сказать страшное), мало кто понимает, что происходит. Ведь «Капитанскую дочку» читают, «проходят» в школе. Но ловушек в ней не видят, не замечают – попадая тем самым в ловушку невежества. По себе, по своим потребностям судят о литературе. Ты читаешь «Капитанскую дочку», а она читает тебя. Этот трагический культурный диалог немого-слепого с немим-глухим, по сути, уже не замечают, не слышат, не внимают ему.

Человек-потребитель, то есть человек, попавший в интеллектуальную ловушку, расставленную «желудком в панаме», не нуждается в ловушках чести. Ловушка потребителя – деньги (сила) или отсутствие денег (силы). Если признать, что сегодняшняя литература, обслуживающая потребности индивида, существует (или то, что существует, признать литературой), следует сказать, что такая литература изменила свой культурно-духовный ДНК. Она настроена на иные идеалы. Не на истину, добро, красоту. На что-то иное.

Самая страшная ловушка для литературы – не замечать гибельных, роковых ловушек. Нет ловушек – приходит пустота. Уже пришла.

Надо хотя бы это осознать. Сейчас любой шаг в прошлое, в сторону Пушкина, будет первым шагом в будущее. Но пока таких намерений не просматривается.

Вывод. Масштаб литературы определяется масштабом присутствия личности в ней: этот, на первый взгляд, простой постулат приводит к серьезным культурно-цивилизационным последствиям.

А воплотить личность можно только через ловушки как способ существования и сосуществования противоречий. Иного способа нет

Умение работать с ловушками может стать основой технологии персонализированного обучения.

Мировые достижения русской литературы, как представляется, связаны прежде всего с противоречивым культом личности – то есть с культом *лишнего*, то есть крайне необходимого культуре персонажа. *Диалектика души* неотделима от *диалектики сознания*, а то и другое – способы существования личности, вечно лишней, с точки зрения социума.

Более того, следует сказать прямо и недвусмысленно: мировые достижения любой литературы связаны с гуманитарным законом персонцентризма: персонцентрическая валентность передовых литератур оказывается выше, нежели персонцентрическая валентность породившей их эпохи. Именно разница потенциалов двух систем идеалов – гуманистических (персонцентрических) и индивидуцентрических (социцентрических) – обеспечивает литературе необходимую художественную пассионарность, которая замешана на экзистенциальном веществе, а именно: воле к истине. Культурный взрыв – это всегда прорыв в сфере персонцентризма.

И напротив: уклонение с персонцентрического пути, ослабление персонцентрической валентности или непонимание культурной ценности персонцентризма – причина кризиса всех национальных литератур мира без исключения.

Очевидно, что в предлагаемой работе мы исходим из некой аксиоматической данности: персонцентризм является высшей культурной ценностью, культурной перспективой и вектором художественной эволюции. Обоснованием этого глубокого в своей культурной значимости тезиса мы сейчас заниматься не станем, поскольку это сделано в наших ранее опубликованных работах [1, 2].

Таким образом, культурный код классической русской литературы можно определить как курс на отчетливую персонцентрическую ориентацию.

Под личностью в целостно-антропологическом литературоведении понимается совокупность отношений биопсихосоциодуховных – сложный духовно-психофизиологический симбиоз, комплекс (информационная целостность), в котором определяющей способностью является способность к духовному, разумно-рациональному управлению всем информационным комплексом. Целостность личности обеспечивается единством ее сознания и психики. При этом целостна сущность личности, ее отражение и восприятие.

Именно в таком ключе понимаемая личность и является *предметом исследования в художественной литературе* (сама художественная литература, в свою очередь, является предметом исследования в литературоведении). *Объектом изучения в художественной литературе* (в контексте возможностей персонцентрического литературоведения) становится *тип управления информацией*, то есть *приспособительно-познавательные отношения*.

А выстроить такие отношения можно только через модели, которые мы называем ловушками.

Анализировать природу ловушек, предлагать свои варианты спасения из коварных ловушек есть не что иное, как методика преподавания литературы. В отношении педагогическом методика преподавания литературы становится методикой воспитания личности.

Таким образом, именно «культ личности» определяет персонцентрический характер литературы и литературоведения. Что касается культурного кода любой литературы мира, то его определяет отношение к личности (персонцентрическая валентность).

Список использованных источников:

1. Школа персонцентрического литературоведения / А.Н. Андреев – М.: Вече, 2025 – 320 с. – (Служба понимания). <https://disk.yandex.ru/i/zajyz5dKPJucFw>
2. Философия литературы. А.С. Пушкин. Пособие / А.Н. Андреев. – Минск, БГУ, 2018. – 215 с.
3. Прапорщик Гринев vs комбат, или В литературе всегда побеждает жертва // <https://www.rospisatel.ru/andreev-dn7.html>

Калиева А.М.

*старший менеджер филиала Центр образовательных программ АОО «Назарбаев Интеллектуальные школы»,
магистрант Северо-Казахстанского университета имени М. Козыбаева*

Маженова Р.Б.

*ассоц. профессор, заведующая кафедры «Дошкольной и психолого-педагогической подготовки», НАО «КарНИУ
имени академика Е.А. Букетова»*

Кантарбаева Ж.Е.

*филиал АО «Национальный центр повышения квалификации «Өрлеу», «Институт профессионального
развития по Карагандинской области», старший преподаватель*

МЕКТЕП МҰҒАЛІМДЕРІНІҢ ЭМОЦИОНАЛДЫ ҚАЖУЫ: ТЕОРИЯЛЫҚ-ӘДІСТЕМЕЛІК НЕГІЗДЕРІ

Аннотация. Мақалада мектеп мұғалімдерінің эмоционалды қажуының теориялық және әдіснамалық негіздері қарастырылған. Эмоционалды қажу ұғымының ғылыми айналымға енуі мен зерттелу тарихы Г.Фрейденбергер, К.Маслач, Э.Деси, Р.Райан, С.Хобфолл еңбектері негізінде сипатталған. Эмоционалды қажудың негізгі теориялық модельдері Маслачтың үшкомпонентті моделі, жұмыс талаптары мен ресурстары моделі, ресурстарды сақтау теориясы және өзін-өзі анықтау теориясы тұрғысынан талданған. Назарбаев Зияткерлік мектептері жағдайында мұғалімдердің кәсіби жүктемесі, психоэмоционалды тұрақтылығы мен ұжымдық қолдау деңгейі арасындағы байланыс анықталған.

Кілт сөздер: мұғалім, мектеп, эмоционалды қажу, модель.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ УТОМЛЯЕМОСТЬ УЧИТЕЛЕЙ ШКОЛЫ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретико-методологические основы эмоционального истощения школьных учителей. Описана история введения в научный оборот понятия эмоционального выгорания и его изучения на основе трудов Г. Фрейденбергера, К. Маслаха, Э. Дези, Р. Райана, С. Хобфолла. Проанализированы основные теоретические модели эмоционального выгорания с точки зрения трехкомпонентной модели Маслаха, модели требований и ресурсов работы, теории сохранения ресурсов и теории самодетерминации. На примере Назарбаев Интеллектуальных школ выявлена взаимосвязь между профессиональной нагрузкой учителей, психоэмоциональной устойчивостью и уровнем коллективной поддержки.

Ключевые слова: учитель, школа, эмоциональное истощение, модель.

EMOTIONAL FATIGUE OF SCHOOL TEACHERS: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS

Abstract. This article examines the theoretical and methodological foundations of school teacher burnout. It describes the introduction of the concept of emotional exhaustion into scientific circulation and its study, drawing on the works of G. Freudenberger, K. Maslach, E. Desi, R. Ryan, and S. Hobfoll. Key theoretical models of emotional burnout are analyzed, including Maslach's three-component model, the job demands-resources model, conservation of resources theory, and self-determination theory. Using the example of Nazarbayev Intellectual Schools, the relationship between teachers' professional workload, psychoemotional stability, and the level of collective support is revealed.

Keywords: teacher, school, emotional exhaustion, model.

1. Кіріспе

Қазіргі білім беру жүйесі мұғалімдерден жоғары кәсіби дайындықпен қатар эмоционалды тұрақтылық пен психологиялық төзімділікті талап етеді. Оқыту процесіндегі үздіксіз өзгерістер, жаңа бағдарламалар мен инновациялық технологияларды енгізу, бағалау жүйесіндегі жаңалықтар, ата-аналар мен қоғам тарапынан күтілетін жоғары талаптар мұғалімдердің психоэмоционалды жүктемесін күшейтеді.

Мұғалім оқушылармен, әріптестермен, ата-аналармен қарқынды және тығыз қарым-қатынаста, кәсіби қызметтерді жүзеге асыру кезінде эмоционалды қанық атмосферада жұмыс істейді. Бұл ретте эмоциялар спектрі әртүрлі: бұл сәтті өткізілген сабақтың қанағаттануы және әріптестерінің мақтауларынан алатын ләззат және өз қамқорлығындағы немесе әріптестерінің табыстарынан қуаныш, бұзылған сабақтан реніш, содай-ақ оқушының сабаққа дайындалмауына байланысты өкініш, таңдаған мамандығының мақтанышы немесе оған деген реніш және т.б. болуы мүмкін [1]. Бұл жағдай **эмоционалды қажу (burnout)** феноменінің дамуына себеп болады.

Эмоционалды қажу ұғымын ғылымға алғаш енгізген Г. Фрейденбергер [2] оны кәсіби қызмет барысында адамның энергиясы мен эмоционалды ресурстарының сарқылуы ретінде сипаттады. Кейін К. Маслач [3] бұл феноменді көпөлшемді психологиялық құбылыс ретінде түсіндіріп, оның үш құрамдас бөлігін анықтады: эмоционалды сарқылу, деперсонализация және кәсіби жетістік сезімінің төмендеуі. Маслач пен Джексон әзірлеген Maslach Burnout Inventory (MBI) сауалнамасы осы құбылысты зерттеудің классикалық құралына айналды.

Кейінгі жылдары эмоционалды қажу мәселесіне қызығушылық айтарлықтай өсті және тек әлеуметтік бағытталған қызметпен айналысатын кәсіби топтарға ғана емес, сонымен қатар басқа мамандықтарға да таралды. Нәтижесінде эмпирикалық түрде эмпирикалық түрде эмпирикалық түрде эмпирикалық түрде анықталды, бірақ эмпирикалық күйіп қалу синдромы барлық әлеуметтік және кәсіби топтарда әртүрлі ауқымда және қарқындылықта көрінеді [4].

2. Эмоционалды қажудың теориялық модельдері

2.1. Маслачтың үшкомпонентті моделі

Бұл модельге сәйкес эмоционалды қажу – ұзақ уақыт бойы психологиялық және әлеуметтік қысым жағдайында өмір сүретін адамдардың кәсіби және эмоционалды сарқылу күйі [Maslach & Jackson, 1981]. Мұғалімдер контексінде бұл феномен көбінесе оқушылармен, ата-аналармен және әріптестермен қарым-қатынас жасау кезінде байқалады.

2.2. Жұмыс талаптары мен ресурстары моделі

Демерути және Баккер [5] ұсынған JD-R моделі эмоционалды қажуды екі негізгі фактордың өзара әрекеттестігі арқылы түсіндіреді:

– *жұмыс талаптары (job demands)* – мұғалімнің эмоционалды, когнитивті және физикалық күшін талап ететін аспектілер (уақыт тапшылығы, сабақ саны, бағалау, есеп беру, ата-аналармен байланыс);

– *жұмыс ресурстары (job resources)* – кәсіби дамуға, мотивация мен саулықты сақтауға көмектесетін факторлар (әкімшілік қолдау, әріптестік орта, автономия, әділ бағалау).

Бұл модель Назарбаев Зияткерлік мектептері контексінде ерекше мәнге ие, себебі мұнда мұғалімдер жоғары академиялық талаптар мен көпқырлы инновациялық процестерге бейімделіп жұмыс істейді.

2.3. Ресурстарды сақтау теориясы

Хобфолл [6] ресурстарды сақтау теориясы бойынша, адам өз ресурстарын (уақыт, энергия, әлеуметтік байланыстар) сақтап, көбейтуге тырысады. Ресурстардың жоғалуы немесе оларды қалпына келтіре алмау эмоционалды қажуға әкеледі. НЗМ жағдайында бұл теория мұғалімнің кәсіби жүктемесін, ата-аналар мен оқушылардың жоғары күтулерін және ұйымдық қолдау деңгейін талдау үшін тиімді.

2.4. Өзін-өзі анықтау теориясы

Деси және Райан [7] адамның базалық психологиялық қажеттіліктері (автономия, құзырлылық, байланыстыстық) қанағаттандырылмаса, оның кәсіби мотивациясы төмендеп, эмоционалды қажу дамитынын айтады. Назарбаев Зияткерлік мектептері сияқты жоғары стандартты ортада автономия мен әділетті кері байланыстың маңызы ерекше.

Зерттеудің әдіснамалық және теориялық негізі ретінде ресейлік психологиядағы зерттеулерді де алып қарастыруға болады. Эмоционалды қажу құбылысын келесі зерттеушілердің психологиялық зерттеу нәтижелерінен көруге болады (Х.А. Аминов, Н.В. Андрущенко, В.В. Бойко, С. Иевлева, К. Кондо, О.В. Крапивина, К. Маслач, И.Н. Моховиков, А. Пайнс, М.М. Скугаревская, Т.В. Форманж, Х.Ж. Фройденберг және т.б.). Эмоционалды қажу бұл адам психикасы әзірлеген нақты психологиялық қорғаныс түрінде кәсіби қарым-қатынаста ұзаққа созылған стресске жауап ретінде қалыптасқан, эмоционалды реакциялардың толық (ішінара) алынып тасталуына әкелетін тұлғалық деформацияның бір түрі екенін көрсетеді (В.В. Бойко, Н.Е. Водопьянова және т.б.) [8].

3. Мұғалімдердің эмоционалды қажуына әсер ететін факторлар

3.1. Ұжымдық факторлар

- Оқыту бағдарламаларының күрделілігі мен көптігі;
- Білім сапасына қойылатын жоғары талаптар;
- Әкімшілік есептіліктің шамадан тыс болуы;
- Уақыт тапшылығы және кәсіби даму тренингтерінің жиілігі.

3.2. Психологиялық факторлар

- Эмоционалды интеллект пен өзіндік тиімділік деңгейі;
- Резилиенттік және стресс-менеджмент дағдылары;
- Эмоционалды еңбек (оқушылар алдында өз сезімін басқару қабілеті).

3.3. Әлеуметтік факторлар

- Әріптестік және әкімшілік қолдау деңгейі;
- Мектеп ішіндегі коммуникация мәдениеті;
- Ата-аналар мен оқушылар тарапынан түсіністік деңгейі.

4. Назарбаев Зияткерлік мектептері контекстіндегі ерекшеліктер

Зияткерлік мектептер жүйесі – педагогикалық инновацияның алдыңғы қатарлы үлгісі. Мұғалімдер халықаралық бағдарламалармен жұмыс істейді: CLIL, IB, және критериалды бағалау жүйесін қолданады. Мұндай орта кәсіби өсуге мүмкіндік берумен қатар, жоғары жауапкершілік пен үздіксіз эмоционалды шиеленіс тудырады.

Инновациялық ортада мұғалімге қойылатын талаптар жоғары, сондықтан қажу тәуекелі де ұлғаяды;

Кері байланыс пен қолдау мәдениеті бар болғанымен, жұмыс қарқыны мен академиялық стандарттар кейде эмоционалды ресурстарды сарқып жібереді;

Психологиялық қолдау бағдарламалары мен коучинг жүйесі бар, бірақ олардың тиімділігі мен қамтылуы әр мектепте әртүрлі.

5. Эмоционалды қажудың салдары

Жеке деңгейде: психикалық шаршау, күйзеліс, ұйқының бұзылуы, кәсіби қызығушылықтың төмендеуі;

Кәсіби деңгейде: оқыту сапасының төмендеуі, мотивацияның азаюы, шығармашылық белсенділіктің бәсеңдеуі;

Ұжымдық деңгейде: кадр тұрақсыздығы, кәсіби қажудың ұжымдық әсері, мектеп климатының әлсіреуі.

6. Қорытынды

Эмоционалды қажу – Назарбаев Зияткерлік мектептері мұғалімдерінің кәсіби әл-ауқатына әсер ететін маңызды психологиялық феномен. Ол кәсіби талаптар мен қолдау жүйесінің теңгеріміне, сонымен қатар мұғалімнің жеке тұлғалық ресурстарына байланысты.

НЗМ контексіндегі зерттеулер бұл феноменді тек стресс немесе шаршау ретінде емес, институционалды мәдениет, педагогикалық инновация және психологиялық резиленттік арасындағы өзара әрекет жүйесі ретінде қарастыру қажеттігін көрсетеді.

Мұғалімдердің эмоционалды қажуын төмендету үшін келесідей бағыттар өзекті:

1. Әкімшілік қолдау мен кәсіби автономияны арттыру;
2. Резиленттік және эмоционалды интеллект тренингтерін жүйелі түрде енгізу;
3. Коучинг пен психологиялық кеңес беру бағдарламаларының тиімділігін күшейту;
4. Жұмыс пен өмір теңгерімін сақтау мәдениетін қалыптастыру.

Пайдаланылған дереккөздер тізімі:

1. Сатова А.К., және басқалары. Қазіргі заман педагогтарының іс-әрекетіне психологиялық талдау. Абай ат. ҚазҰПУ-нің хабаршысы, «Психология» сериясы №1(62) 2020 ж.
2. Freudenberger, H. J. (1974). *Staff Burn-Out*. Journal of Social Issues.
3. Maslach, C., & Jackson, S. E. (1981). *The measurement of experienced burnout*. Journal of Occupational Behavior.
4. Егорышев С.В. Эмоциональное выгорание учителей как фактор снижения эффективности их профессиональной деятельности. Вестник РУДН. Серия: Социология. №1, 2023 г.
5. Bakker, A. B., & Demerouti, E. (2007). *The Job Demands–Resources model: State of the art*. Journal of Managerial Psychology.
6. Hobfoll, S. E. (1989). *Conservation of resources: A new attempt at conceptualizing stress*. American Psychologist.
7. Deci, E. L., & Ryan, R. M. (2000). *Self-determination theory*. Psychological Inquiry.
8. Коновальчук А.Н. Синдром эмоционального выгорания и его профилактика в профессиональной деятельности городских и сельских учителей. Автореферат. Нижний Новгород, 2009 г.

УДК 376

Шибеева А.Н.

студент, направление подготовки 44.04.02, Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет), Россия, Москва.

Работа выполнена под научным руководством Шишова С.Е.

доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования; ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

КОРРЕКЦИОННО-РАЗВИВАЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИГРОВОЙ ТЕАТРАЛИЗОВАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЛЯ ДЕТЕЙ И МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на апробацию авторской психолого-педагогической программы, основанной на игровой театрализованной деятельности. Исследование охватило две репрезентативные группы: детей с синдромом Дауна и молодых людей с умственной отсталостью разной степени тяжести и сопутствующими нарушениями. Для диагностики использовался оригинальный комплекс методик, реализующий принцип диагностического обучающего эксперимента в процессе театрализованной игры. Сравнительный анализ результатов констатирующего и контрольного этапов выявил статистически значимую положительную динамику по всем оцениваемым параметрам: память и внимание, исполнительные функции, эмоциональный интеллект, коммуникативные навыки. Наиболее выраженный прогресс наблюдается в коммуникативной и социально-эмоциональной сферах. Результаты доказывают высокую эффективность театрализованной деятельности как интегративного метода коррекционно-развивающей работы с рассматриваемой категорией лиц.

Ключевые слова: интеллектуальные нарушения, синдром Дауна, умственная отсталость, театрализованная деятельность, игровые методики, когнитивное развитие, коммуникативные навыки, социально-эмоциональное развитие, диагностический обучающий эксперимент, квазиэксперимент.

CORRECTIONAL AND DEVELOPMENTAL POTENTIAL OF THEATRICAL PLAY ACTIVITIES FOR CHILDREN AND YOUNG PEOPLE WITH INTELLECTUAL DISABILITIES

Abstract. The article presents the results of an empirical study aimed at testing the author's psychological and pedagogical program based on theatrical play activities. The study included two representative groups: children with Down syndrome and young people with intellectual disability of varying severity and concomitant disorders. For the diagnosis, an original set of techniques was used that implements the principle of a diagnostic learning experiment in the process of theatrical play. A comparative analysis of the results of the ascertaining and control stages revealed statistically significant positive dynamics in all assessed parameters: memory and attention, executive functions, emotional intelligence, and communication skills. The most pronounced progress is observed in the communicative and socio-emotional spheres. The results prove the high effectiveness of theatrical activities as an integrative method of correctional and developmental work with the category of persons in question.

Keywords: intellectual disabilities, Down syndrome, mental retardation, theatrical activities, game techniques, cognitive development, communication skills, socio-emotional development, diagnostic learning experiment, quasi-experiment.

Введение

Актуальность проблемы развития детей и молодых людей с интеллектуальными нарушениями обусловлена необходимостью их максимальной социальной интеграции и адаптации.

Несмотря на признанный в специальной психологии и педагогике потенциал игровых и творческих методов, эмпирических исследований, посвященных системному изучению влияния театрализованной деятельности на данную категорию лиц, остается недостаточно.

Системное включение театрализованных игр и упражнений в коррекционно-развивающий процесс будет обеспечивать [3]:

- развитие основных когнитивных функций (памяти, внимания, мышления) через запоминание ролей, сюжетных линий и импровизацию;
- формирование коммуникативных навыков посредством отработки диалогов, невербальной коммуникации и сценического взаимодействия;
- обогащение эмоционального опыта через проживание различных ролевых состояний и рефлексии.

Участие в коллективных театральных постановках и совместных игровых ситуациях будет формировать [5]:

- навыки социального взаимодействия и сотрудничества;
- способность к эмпатии и пониманию эмоциональных состояний других;
- умение адаптироваться к изменяющимся социальным ситуациям.

Данная гипотеза основана на теоретических положениях культурно-исторической психологии Л.С. Выготского о значении игровой деятельности в создании «зоны ближайшего развития» и концепции Д.Б. Эльконина о «социальной природе детской игры» [2, 12].

Цель исследования: теоретически обосновать, разработать и апробировать психолого-педагогическую программу развития **когнитивных, коммуникативных и социально-эмоциональных** навыков у детей и молодых людей с интеллектуальными нарушениями средствами игровой театрализованной деятельности.

Основная часть

Организация и этапы исследования

В соответствии с целью и задачами работа была построена в формате квазиэксперимента. Данный формат был избран в связи с естественным характером формирования групп в условиях реального образовательно-реабилитационного учреждения, что исключало возможность их рандомизации. Исследование проводилось в естественных для участников условиях, что повышает экологическую валидность полученных результатов, но накладывает определенные ограничения на их интерпретацию.

Квазиэксперимент был организован в три последовательных этапа:

1. Констатирующий этап: проведение первичной диагностики для оценки исходного уровня развития когнитивных, коммуникативных и социально-эмоциональных навыков.
2. Формирующий этап: реализация авторской психолого-педагогической программы продолжительностью 12 недель (2 занятия в неделю по 45 минут).
3. Контрольный этап: повторная диагностика по тем же методикам для оценки динамики и эффективности программы.

В исследовании приняли участие две естественно сложившиеся группы, сформированные по принципу сплошной выборки, что было обусловлено репрезентативностью в рамках учреждения, особенностями контингента и этическим аспектом обеспечения равного доступа к программе:

- Группа 1: 5 подростков с синдромом Дауна (3 девочки, 2 мальчика) в возрасте 11–14 лет.
- Группа 2: 11 молодых людей с умственной отсталостью разной степени тяжести и сопутствующими нарушениями в возрасте 18–40 лет.

Отсутствие контрольной группы, не получавшей воздействия, компенсировалось проведением сравнительного анализа динамики внутри каждой группы на разных этапах (сравнение с самими собой), а также сравнительным анализом результатов между двумя разнородными группами.

Методы диагностики:

Традиционные стандартизированные методы диагностики зачастую малоприменимы ввиду особенностей эмоционально-волевой и когнитивной сфер испытуемых, что порождает потребность в разработке адекватного диагностического инструментария.

В качестве основного метода выступил диагностический обучающий эксперимент (ДОЭ), теоретико-методологической основой которого являются концепция зоны ближайшего развития Л.С. Выготского и разработки научной школы А.В. Запорожца [2]. В рамках ДОЭ был разработан и апробирован оригинальный диагностический комплекс, представляющий собой синтез диагностических и коррекционно-развивающих возможностей. Комплекс включал четыре методики, проводимые в форме театрализованной игры, что обеспечивало мотивационную включенность и эмоциональное благополучие участников:

1. Методика «Запомни и повтори роль». Направлена на оценку объема кратковременной памяти, способности к удержанию и воспроизведению вербальных и двигательных инструкций. Участнику предлагалась роль «Садовника» с последовательностью из 4 действий и вербальной реплики. Оценка проводилась по специально разработанной шкале, учитывающей точность воспроизведения действий и речевого компонента.

2. Методика «Импровизация по правилам». Направлена на оценку исполнительных функций (когнитивная гибкость, переключение, контроль, рабочая память). В рамках роли «Почтальон» последовательно вводились изменения в исходный алгоритм действий (закрытый ящик, появление собаки, срочное письмо). Реакция участника оценивалась по трем критериям: скорость реакции на изменения, способность удерживать первоначальную задачу и креативность в решении.

3. Методика «Эмоциональные загадки». Направлена на оценку эмоционального интеллекта. Включала три этапа: распознавание базовых эмоций по фотографиям, понимание причин эмоций на основе сюжетных картинок и выбор адекватной реакции на эмоцию другого человека с использованием кукол-перчаток. Каждый этап оценивался по уровню сформированности соответствующего навыка.

4. Методика «Рольевой диалог». Направлена на оценку речевого развития и коммуникативных навыков в смоделированной ситуации «Покупатель-Продавец». Оценивались четыре компонента: инициация контакта, формулирование запроса, ответы на вопросы и завершение коммуникации. Для каждого компонента была разработана уровневая оценка.

Методологической базой указанных методик выступили элементы психогимнастики М.И. Чистяковой, техники психодрамы Дж. Морено, принципы игрового тренинга Л.А. Петровской и разработки в области тренинга сензитивности В.В. Петрусинского [10, 4].

Методы коррекционно-развивающего воздействия:

На формирующем этапе реализовывалась авторская психолого-педагогическая программа, основным методом которой являлась игровая театрализованная деятельность. В программе были задействованы следующие методы и приемы:

- Театрализованные игры и драматизация (основной метод).
- Социальные истории и сценарии для отработки типовых ситуаций.
- Визуальная поддержка (PECS, карточки, алгоритмы действий).
- Метод поэтапного усложнения ролевых задач.
- Упражнения на эмоциональное моделирование.
- Импровизационные техники.
- Тактильно-кинестетические методы активизации.

Программа состояла из четырех тематических блоков, реализуемых в течение 12 недель: «Театр памяти», «Гибкое мышление», «Эмоциональный интеллект», «Искусство общения». Ведущим принципом являлся дифференцированный и индивидуальный подход.

Методы обработки данных:

Проводился качественный и количественный анализ данных. Результаты балльной оценки переводились в проценты и распределялись по уровням (высокий, средний, низкий). Для наглядного представления динамики использовался метод сравнительного анализа и графической визуализации. Ввиду малой численности выборки и ее клинической неоднородности применение методов параметрической статистики было нецелесообразно; акцент был сделан на качественном анализе и описательной статистике.

Результаты исследования:

Сравнительный анализ данных констатирующего и контрольного этапов квазиэксперимента показал устойчивую положительную динамику в обеих группах, хотя ее характер и выраженность имели определенные особенности.

Динамика в группе 1 (дети с синдромом Дауна):

- Память и внимание: Наиболее значительный прогресс. Доля детей с высоким уровнем развития увеличилась с 20% до 80%. Низкий уровень был полностью преодолен.
- Исполнительные функции: Доля участников с высоким уровнем увеличилась с 20% до 40%, а со средним – с 20% до 60%. Низкий уровень также был полностью нивелирован.
- Эмоциональный интеллект: Доля детей с высоким уровнем удвоилась (с 20% до 40%), а средний уровень показал трехкратный прирост (с 20% до 60%) за счет преодоления низкого уровня.
- Коммуникативные навыки: При сохранении показателей высокого уровня (20%) зафиксирован двукратный рост средних показателей (с 40% до 80%). Низкий уровень речевых навыков был преодолен.

Качественный анализ выявил, что участники, изначально демонстрировавшие низкие результаты, совершили значительный прорыв, хотя их результаты остаются менее устойчивыми по сравнению с лидерами группы.

Динамика в группе 2 (молодые люди с умственной отсталостью):

- Память и внимание: Количество участников с высоким уровнем увеличилось с 36% до 73%, а с низким – сократилось с 45% до 9%.
- Исполнительные функции: Наименее выраженная, но значимая динамика. Доля высокого уровня выросла с 9% до 36%, а низкого уровня – сократилась с 55% до 27%.
- Эмоциональный интеллект: Наибольший прогресс. Количество молодых людей с высоким уровнем увеличилось с 27% до 64%, а доля низкого уровня сократилась с 45% до 9%.
- Коммуникативные навыки: Доля лиц с высоким уровнем возросла с 36% до 64%, а с низким уровнем – сократилась с 27% до 9%.

Полученные в ходе квазиэксперимента результаты подтверждают выдвинутую гипотезу и свидетельствуют о высокой эффективности разработанной программы. Наиболее значимая динамика

наблюдалась в развитии коммуникативных навыков и эмоционального интеллекта, что объясняется самой природой театрализованной деятельности, которая по своей сути является социально-коммуникативной практикой.

Несколько менее выраженный, но статистически значимый прогресс в сфере исполнительных функций, особенно в группе 2, вероятно, связан с органической природой этих нарушений, требующей более длительного и специализированного воздействия.

Важным результатом является также успешная экспериментальная проверка диагностического комплекса, который позволил оценить исходный уровень и динамику развития у лиц, для которых стандартизированные тесты часто оказываются неприменимы. Принцип диагностического обучающего наблюдения позволил не только констатировать актуальный уровень, но и выявить потенциальные возможности участников.

Ограничения исследования, обусловленные его квазиэкспериментальным дизайном, включают: отсутствие контрольной группы, что не позволяет в полной мере исключить влияние внешних факторов, малую и клинически гетерогенную выборку, что ограничивает возможности широкой генерализации выводов. Несмотря на это, выраженная положительная динамика, наблюдавшаяся в двух различных по составу группах, позволяет с уверенностью говорить о действенности примененного подхода.

Выводы

1. В рамках проведенного квазиэксперимента разработанная и апробированная психолого-педагогическая программа на основе игровой театрализованной деятельности доказала свою высокую эффективность для комплексного развития когнитивных, коммуникативных и социально-эмоциональных навыков у детей и молодых людей с интеллектуальными нарушениями.

2. Наиболее релевантными для применения театрализованной деятельности являются задачи развития коммуникативной компетенции и эмоционального интеллекта.

3. Предложенный диагностический комплекс на основе метода диагностического обучающего наблюдения является адекватным инструментом для оценки развития лиц с интеллектуальными нарушениями.

4. Эффективность коррекционно-развивающего воздействия напрямую зависит от учета индивидуально-типологических особенностей и структуры дефекта, что требует дифференцированного и индивидуального подхода.

Перспективы дальнейших исследований видятся в организации рандомизированного контролируемого исследования на более крупной выборке, адаптации программы для других категорий обучающихся с ООП, изучении долгосрочных эффектов вмешательства и разработке цифровых методических ресурсов на ее основе.

Список использованных источников:

1. Авдулова, Т.П. Психология игры: учебник для вузов / Т.П. Авдулова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 227 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-19298-8. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/556263> (дата обращения: 06.11.2025).

2. Выготский, Л.С. Психология развития. Избранные работы / Л.С. Выготский. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 281 с. – (Антология мысли). – ISBN 978-5-534-07290-7. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/562567> (дата обращения: 07.11.2025).

3. Гаманович В.Э., Буценко М.А. Театрализованная деятельность как инструмент развития социального взаимодействия детей с особыми образовательными потребностями // Коррекционно-развивающая среда и инклюзивная практика помощи детям с ограниченными возможностями здоровья: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Новосибирск, 30 октября 2021 г.) / отв. ред. Н.А. Одинокова – Новосибирск: Изд-во АНО ДПО «СИППИСПР», 2021. – С. 27-31. Текст: электронный // URL: <https://uploads.sispp.ru/universal.landing/uploads/documents/common/publications/88/-ovz-9-itogovaya-posle-udaleniya-ot-17-11.pdf> (дата обращения: 28.07.2025).

4. Годовникова, Л.В. Психолого-педагогическое сопровождение обучающихся с ОВЗ: учебник для вузов / Л.В. Годовникова. – 2-е изд. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 218 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-12039-4. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/566503> (дата обращения: 24.09.2025).

5. Дубочинская, И.И. Театральная терапия как технология социокультурной реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья / И.И. Дубочинская, М.Е. Поленова // Научные результаты в социальной работе. – 2023. – Т. 2, № 3. – С. 133–142. DOI: 10.18413/2949-267X-2023-2-3-3 – Текст: электронный // Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU [сайт]. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54891206> (дата обращения: 28.07.2025).

6. Карпеченко В.В. Роль инклюзивной театральной студии в социокультурном развитии детей (на примере спектакля «С.О.Л.Б» во Владивостоке) // Общество. Среда. Развитие. – 2021, № 2. – С. 24-26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-inklyuzivnoy-teatralnoy-studii-v-sotsiokulturnom-razvitii-detey-na-primere-spektaklya-s-o-l-vo-vladivostoke> (дата обращения: 28.07.2025).

7. Смирнова, Е.О. Психология и педагогика игры: учебник и практикум для вузов / Е.О. Смирнова, И.А. Рябкова. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 223 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-00219-5. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/560756> (дата обращения: 06.11.2025).

8. Социализация подростков с умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями) / Мартынова И.И., Стребелева Е.А., Закрепина А.В., Бутусова Т.Ю., Шилова Е.А., Кинаш Е.А. [электронный ресурс]. Электрон.текстовые дан. (95,5 Кб). М.: ИКП, 2023. – URL: https://ikp-rao.ru/wp-content/uploads/2024/02/Socializaciya_podrostkov_s_umstvennoj_otstalostju_intellektualnymi.pdf

9. Степанова, О.А. Теория и методика игры: учебник и практикум для вузов / О.А. Степанова, М.Э. Вайнер, Н.Я. Чутко; под редакцией Г.Ф. Кумариной, О.А. Степановой. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 265

с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-06397-4. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/561138> (дата обращения: 06.11.2025).

10. Театрализованные игры-занятия с детьми с проблемами в интеллектуальном развитии / Л. Баряева, И. Вечканова, Е. Загребаяева, А. Зарин. – СПб.: Союз, 2001. – 308, [1] с. ил.; 20. – (Коррекционная педагогика); ISBN 5-94033-091-6.

11. Шибаева А.Н., Шишов С.Е. Психолого-педагогические основы работы с детьми с особыми образовательными потребностями // Журнал прикладных исследований. – 2025. – №. 5. – С. 184-196. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskie-osnovy-raboty-s-detmi-s-osobymi-obrazovatelnyimi-potrebnostyami> (дата обращения: 26.06.2025).

12. Эльконин, Даниил Борисович. Психология игры / Д.Б. Эльконин. – Москва: Советские учебники, 2025. – 384 с. – ISBN 978-5-907844-70-4.

УДК 376.1-056.26:793.3

Головкина Н.Е.

студентка 1 курса, направление 44.04.01, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (ПКУ)», Москва, Россия

Научный руководитель: **Шишов С.Е.**

д.п.н., профессор, зав.кафедрой педагогики и психологии профессионального образования МГУТУ им. К.Г.Разумовского (ПКУ)

АКТУАЛЬНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДИК ТАНЦЕВАЛЬНОЙ ИМПРОВИЗАЦИИ И АКТЁРСКИХ ТРЕНИНГОВ В ИНКЛЮЗИВНОМ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОМ КОЛЛЕКТИВЕ

Аннотация. В статье рассматривается актуальность интеграции методик танцевальной импровизации и актёрских тренингов в работу инклюзивного хореографического коллектива. Обоснован реабилитационный, социальный и художественный потенциал данного синтеза для участников с инвалидностью и без неё. Теоретическая часть раскрывает роль танцевальной импровизации в создании «кинестетического чувства общности» и развитии коллективного агентства, а также значение актёрских тренингов для развития эмоционального интеллекта и преодоления психологических барьеров. Делается вывод о том, что предложенный комплексный подход способствует не только социокультурной реабилитации и интеграции, но и созданию условий для полноценного художественного творчества, формируя жизненную устойчивость личности.

Цель исследования – проанализировать эффективность комплексного применения методик танцевальной импровизации и актёрских тренингов для достижения результата в инклюзивном хореографическом коллективе.

Методология проведения работы включает комплексный подход. Теоретическая часть строится на анализе научной литературы по инклюзивному творчеству, хореографии и психологии.

Результаты исследования подтвердили гипотезу о высокой эффективности предложенного подхода.

Область применения результатов: Выводы и методические рекомендации, представленные в статье, имеют практическую ценность и могут быть применены в различных сферах для развития эмоционального интеллекта и преодоления психологических барьеров.

Ключевые слова: инклюзивный танец, танцевальная импровизация, актёрский тренинг, социокультурная анимация, инклюзивный хореографический коллектив, реабилитация, коммуникация, жизненная устойчивость.

THE RELEVANCE OF USING DANCE IMPROVISATION METHODS AND ACTING TRAINING IN AN INCLUSIVE CHOREOGRAPHIC COMPANY

Abstract. This article examines the relevance of integrating dance improvisation and acting training into the work of an inclusive dance group. The rehabilitation, social, and artistic potential of this synthesis for participants with and without disabilities is substantiated. The theoretical section explores the role of dance improvisation in creating a "kinesthetic sense of community" and developing collective agency, as well as the importance of acting training for developing emotional intelligence and overcoming psychological barriers. It is concluded that the proposed integrated approach not only promotes socio-cultural rehabilitation and integration but also creates conditions for full-fledged artistic creativity, fostering personal resilience.

The purpose of the study is to analyze the effectiveness of the integrated use of dance improvisation and acting training to achieve results in an inclusive dance group.

The methodology of the study includes a comprehensive approach. The theoretical part is based on an analysis of scientific literature on inclusive creativity, choreography, and psychology.

The study results confirmed the hypothesis of the high effectiveness of the proposed approach.

Practical implications: The conclusions and methodological recommendations presented in the article have practical value and can be applied in various fields.

Keywords: inclusive dance, dance improvisation, acting training, socio-cultural animation, inclusive choreographic group, rehabilitation, communication, life resilience.

Введение

Современная парадигма социокультурного пространства характеризуется усилением внимания к инклюзивным практикам, направленным на полноценную интеграцию людей с ограниченными возможностями здоровья [3]. В этом контексте особую актуальность приобретает сфера инклюзивного хореографического творчества, которая выходит за рамки простого совместного времяпрепровождения и ставит задачу создания высокохудожественного продукта, где человек с инвалидностью выступает не как объект для сострадания, а как полноправный и самобытный творец [5]. Однако достижение этой цели требует разработки и внедрения

специализированных педагогических методик, отвечающих как реабилитационным, так и художественным потребностям участников [1].

Степень разработанности темы носит фрагментарный характер. В международной практике активно развивается концепция Inclusive Creative Movement and Dance, рассматривающая танец как универсальное средство самовыражения и коммуникации для людей с любыми физическими и ментальными особенностями [15, 16]. В отечественной науке проблема формирования жизненной устойчивости у лиц с инвалидностью через механизмы социо-культурной анимации получила освещение в трудах Л.В. Тарасова [11]. В практической плоскости значительный вклад в развитие инклюзивного танца вносит проект «Преодолейка» под руководством Евгения Ёлкина, который интегрирует хореографию, психологию и методы реабилитации в единый процесс.

Целью настоящей статьи является теоретическое обоснование и практическая демонстрация эффективности комплексного применения методик танцевальной импровизации и актёрских тренингов для социально-психологической реабилитации, групповой сплочённости и художественного развития участников инклюзивного хореографического коллектива.

Теоретическое обоснование методик

Сущность танцевальной импровизации заключается в спонтанном создании движения, освобождении от привычных двигательных паттернов и фокусировке на текущем моменте [4]. В контексте инклюзивной практики данный подход приобретает особое значение, поскольку позволяет участникам с различными нозологиями найти индивидуальный пластический язык, соответствующий их физическим возможностям и внутренним ощущениям [8].

Ключевым аспектом импровизации в инклюзивном коллективе становится формирование кинестетического чувства общности, которое проявляется не в простой синхронности движений, а в глубокой взаимной настройке и гармонии совместного движения [14]. Это порождает феномен коллективного агентства, то есть способности группы к совместному действию и решению творческих задач в процессе движения, что имеет особую ценность для участников с ограниченными возможностями здоровья, часто испытывающих социальную изоляцию.

Психологический аспект импровизации раскрывается через возможность исследования скрытых мыслей и чувств, способствуя аутентичному самовыражению и эмоциональному раскрепощению [1]. Для лиц с инвалидностью это становится мощным инструментом преодоления психологических барьеров и формирования позитивного образа тела.

Особую значимость актёрские тренинги приобретают в аспекте фокусировки зрительского внимания. Как показывает практика, перенос акцента с физических ограничений исполнителя на его актёрское мастерство и создаваемый художественный образ позволяет преодолеть стереотипное восприятие инвалидности. Это способствует формированию новой парадигмы восприятия – от жалости к эстетическому переживанию художественной ценности выступления.

Синтез танцевальной импровизации и актёрских тренингов создаёт целостную систему, направленную не только на развитие технических навыков, но и на формирование жизненной устойчивости личности, что соответствует концепции социокультурной анимации [10]. Такой подход позволяет рассматривать инклюзивный хореографический коллектив как реабилитационное пространство, где совместное творчество становится ресурсом для преодоления жизненных трудностей и социальной эксклюзии [1].

Методы и организация исследования

Методы исследования в данной работе основаны на комплексном подходе к изучению воздействия методик танцевальной импровизации и актёрских тренингов в инклюзивных хореографических коллективах.

Основную часть эмпирической базы составляет анализ реализации практических занятий на примерах российских инклюзивных танцевальных школ и коллективов. В частности, методика танцевальной импровизации рассматривается как ключевая для формирования у участников навыков свободного творческого самовыражения, взаимодействия и телесной коммуникации без ограничений, что подтверждается в учебных программах и открытых занятиях [6].

Важным инструментом является внедрение актёрских тренингов, которые дополняют импровизацию элементами эмоциональной и поведенческой саморегуляции, развития эмпатии и командного взаимодействия, что выявлено в методических программах [9]. Также используются сравнительные методы анализа, сопоставляющие адаптацию хореографических элементов под конкретные физические и психические особенности участников с ОВЗ, а также измерения изменений в навыках координации, эмоциональном состоянии и социальной адаптации [4].

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты исследования подтверждают высокую актуальность и эффективность применения методик танцевальной импровизации и актёрских тренингов в инклюзивных хореографических коллективах. Анализ занятий в школах «Танцующий дом» и «Преодолейка» выявил, что импровизация способствует раскрепощению тела у участников с ОВЗ, развивая креативное мышление, импульс движения и технические навыки без стилистических рамок, что приводит к созданию уникальных хореографических образов [7].

В смешанных группах актёрские тренинги усилили эмоциональную выразительность и эмпатию, снизив социальную изоляцию, особенно у детей с умственной отсталостью, где совместная деятельность формирует навыки партнёрства и принятия [7, 13].

В отличие от традиционной хореографии, импровизация адаптируется под разнообразные возможности участников, развивая внимание, отзывчивость на партнёра и пространство, что особенно актуально для преодоления моторных и эмоциональных барьеров у лиц с ОВЗ, как показано в исследованиях по детскому креативному танцу [4]. Актёрские тренинги дополняют этот процесс, интегрируя этюды на координацию, внимание и эмпатию, формируя навыки командного взаимодействия и эмоциональной выразительности в смешанных группах [6].

В инклюзивных коллективах такая комбинация обоснована необходимостью равноправного партнёрства, где методики способствуют не только физическому развитию, но и культурно-исторической практике самореализации, подтверждённой анализом современных танцевальных программ [16]. Сравнение подходов к танцевальной импровизации и актёрским тренингам приведено в таблице 1.

Таблица 1. Сравнение подходов к танцевальной импровизации и актёрским тренингам

Автор	Танцевальная импровизация	Актёрские тренинги	Актуальность в инклюзивных коллективах
Фурсов С.А.	Использует в музыкально-двигательных тренингах и арт-терапии для самовыражения детей с особыми нуждами	Подразумевается через постановки номеров, развивая исполнительское мастерство в интегрированных группах	Повышает шансы на проявление талантов, способствует социализации
Тарасов Л.В.	Применяет как основу контактной техники и партнёрства, помогая преодолевать страхи и интегрировать участников в творчество	Интегрирует смежные практики в мастер-классах и конкурсах для самовыражения и командной работы	Обеспечивает переход от изоляции к партнёрству, развивая уверенность
Ёлкин Е.А.	Развивает через биомеханику и двигательный интеллект в реабилитационных программах	Акцент на актёрском мастерстве как искусстве, фокусируя внимание зрителей на талантах, а не ограничениях	Создаёт искусство и субкультуру инклюзии, готовя к выступлениям на крупных сценах
Общие методики	Этапы: создание образа, инструменты самовыражения, взаимодействие; осваивается в группах для эмоциональной разгрузки	Разминки на внимание/координацию, этюды для базовых навыков актёрства в инклюзивных театральных тренингах	Формирует индивидуальность, улучшает исполнительское мастерство и взаимодействие

Анализ таблицы 1 демонстрирует их взаимодополняемость и высокую актуальность для реабилитации и социализации. Подход Фурсова С.А. акцентирует импровизацию в арт-терапии для творчества без барьеров, с актёрскими элементами в постановках, что усиливает социализацию на фестивалях [12]. Тарасов Л.В. интегрирует импровизацию в контактные техники для партнёрства, дополняя психологическими тренингами для командной эмпатии [10]. Работа [9] фокусируется на биомеханике импровизации с актёрским акцентом на таланты, формируя субкультуру инклюзии. Общие методики подтверждают превосходство синтеза: импровизация развивает вовлечение, а актёрские тренинги эмоциональность и креативность, снижая изоляцию и повышая реабилитационный эффект [2, 4]. В итоге, комбинация методик обосновывает их как основу инклюзивного искусства, требуя дальнейшего внедрения в образовательные программы.

Синтезированные данные из исследований о влиянии танцевальной импровизации и актёрских тренингов на участников инклюзивных хореографических коллективов приведены на рисунке 1. Проценты отражают долю участников, достигших положительных эффектов: преодоление зажимов, развитие навыков и инновации.

Рисунок 1. Влияние танцевальной импровизации и актёрских тренингов на участников инклюзивных хореографических коллективов

Анализ рисунка 1 подчёркивает актуальность методик для реабилитации, социализации и творческого роста в инклюзивных коллективах, где импровизация усиливает свободу движения, а актёрские упражнения развивают эмпатию и взаимодействие.

Результаты исследования подтверждают, что методика способствует одновременному достижению реабилитационных, социальных и художественных целей, создавая условия для полноценной творческой самореализации людей с инвалидностью в составе инклюзивного коллектива.

Заключение

Таким образом, синтез танцевальной импровизации и актёрских тренингов создаёт комплексный реабилитационный эффект, способствуя одновременному развитию физических, психологических и социальных навыков участников с инвалидностью. Формирование «кинестетического чувства общности» через импровизационную практику обеспечивает условия для инклюзии, преобразуя группу в единый творческий организм.

Методика способствует формированию жизненной устойчивости личности, что соответствует концепции социокультурной анимации и проявляется в повышении самооценки, уверенности в себе и социальной компетентности участников. Достижимый эффект «возвращения к родным ощущениям своего тела» имеет существенное значение для реабилитации лиц с нарушением опорно-двигательного аппарата, способствуя преодолению психологических барьеров и принятию новых физических возможностей.

Список использованных источников:

1. Бабич С.С., Никитина Е.Ю. Применение адаптивных методик обучения хореографии в условиях инклюзивной среды // Наука в жизни человека. – 2025. – № 2. – С. 85-93.
2. Барташова Е.Ю. Инновационные методы и технологии в хореографии // Инновационная наука. – 2024. – № 9-1. – С. 72-74.
3. Воронина О.А., Потягова М.А. Возможности инклюзивного танца в социальной реабилитации детей с умственной отсталостью // Гуманитарные науки. – 2017. – № 2 (38). – С. 120-124.
4. Гонек А.О., Ёлкин Е.А. Системная хореография при системных нарушениях опорно-двигательного аппарата и работа с инклюзивным коллективом: метод. пособие. – URL: <https://preodoleyka.org/sist-horeogrifiya.pdf> (дата обращения: 02.12.2025).
5. Девятловский Д.Н., Гудовский И.В., Дундуа С.В. Особенности социально-психологической адаптации людей с ограниченными возможностями здоровья через танец // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2024. – № 1 (53). – С. 127-132.
6. Дмитриева Ж.В. Студия танца «Бродвей-инклюзив» – инклюзивная площадка социализации и ресоциализации людей в современном обществе // Инклюзивные практики в социо-культурном пространстве: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. О.В. Солодянкиной. – Ижевск: Удмуртский университет, 2022. – С. 89-94.
7. Ёлкин Е.А. От эксперимента – к новому направлению в искусстве: инклюзивная хореография. – URL: <https://preodoleyka.org/component/k2/elkin-inter-preod> (дата обращения: 02.12.2025).
8. Паршутина С.В., Топорова М.Е., Васильева Е.С. Методические аспекты применения различных технологий на занятиях по хореографии для детей с ограниченными возможностями здоровья // Педагогическое мастерство: материалы X Междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2017 г.). – Москва: Буки-Веди, 2017. – С. 104-107.
9. Сова М.А., Денежная С.А. Развитие творческой самореализации личности в процессе танцевальной импровизации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2020. – Т. 6 (72), № 1. – С. 48-66.
10. Тарасов Л.В. Инклюзивный танец и танцевальная реабилитация: социальные технологии. – URL: <http://oduhotvorenje.com/medialib/izdania/nauchno-prakticheskie/788-inkluz-tanez-i-tanz-reabilitacija-sots-tekhnologiya> (дата обращения: 02.12.2025).
11. Тарасов Л.В. Формирование жизненной устойчивости инвалидов в процессе социокультурной анимации в учреждении культуры: автореферат дис. ... канд. пед. наук: 13.00.05. – М., 2005. – 24 с.
12. Фурсов С.А. «Танцующий дом» онлайн. Опыт организации занятий через интернет. – URL: <https://downsideup.org/elektronnaya-biblioteka/tantsuyushchiy-dom-onlayn-opyt-organizatsii-zanyatii-cherez-internet/> (дата обращения: 02.12.2025).
13. Фурсов С.А. Я танцую! Танцевально-двигательные тренинги и всестороннее развитие особого ребенка. Пособие для специалистов и родителей – М.: Благотворительный фонд «Даунсайд Ап», 2022. – 160 с.
14. Эйдельман Л.Н. Инклюзивный танец как средство социокультурной реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья // Здоровьесберегающие и коррекционные технологии в современном образовательном пространстве: сб. науч. тр. по результатам Междунар. науч.-практ. конф., Магнитогорск, 16–17 мая 2023 г. / Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова. – Магнитогорск, 2023. – С. 18-21.
15. Himberg T., Laroche J., Bigé R., Buchkowski M., Bachrach A. Coordinated Interpersonal Behaviour in Collective Dance Improvisation: The Aesthetics of Kinaesthetic Togetherness // Behavioral Sciences. – 2018. – Vol. 8, № 2. – P. 1-23.
16. Notér M. Who can dance? // Diva-portal. – 2020. – URL: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1617294/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 02.12.2025).

Кураев А.Н.

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики непрерывного казачьего образования Московского государственного университета технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый Казачий Университет)

РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИЗУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Аннотация. Статья посвящена применению цифровых технологий в процессе изучения социально-гуманитарных наук. Рассматриваются сущность и особенности данных наук. Говорится о значении цифровых технологий в образовании: сущности цифровизации образования, причинах применения в нем цифровых технологий, преимуществах этих технологий. Рассматриваются конкретные примеры применения цифровых технологий: квесты; кибердружины; видео презентации. Сделан вывод, что использование цифровых технологий играет важную позитивную роль и имеет хорошие перспективы в изучении социально-гуманитарных наук.

Ключевые слова: социально-гуманитарные науки, история, история России, история казачества, цифровые технологии, цифровизация образования, квесты, кибердружины, видео презентации.

THE ROLE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE STUDY OF SOCIAL AND HUMANITARIAN SCIENCES

Abstract. The article is devoted to the application of digital technologies in the process of studying social and humanitarian sciences. The essence and features of these sciences are considered. It talks about the importance of digital technologies in education: the essence of the digitalization of education, the reasons for the use of digital technologies in it, and the advantages of these technologies. Specific examples of the use of digital technologies are considered: quests; cyber friends; video presentations. It is concluded that the use of digital technologies plays an important positive role and has good prospects in the study of social and humanitarian sciences.

Keywords: social and humanitarian sciences, history, the history of Russia, the history of the Cossacks, digital technologies, digitalization of education, quests, cyber friends, video presentations.

I. Введение

1. Сущность и особенности социально-гуманитарных наук

Социально-гуманитарные науки, как видно из их названия – это науки о самых разнообразных сторонах человеческого общества: его истории (всемирная история, в т.ч. история России, история казачества и другие исторические дисциплины); его политическом (политология) и социальном (социология) устройстве; его культуре (культурология); его педагогики и психологии (одноименные науки).

Социально-гуманитарные науки имеют ряд особенностей. Во-первых, их интеграционный характер, т.е. тесная взаимосвязь друг с другом, т.к. все они исследуют различные стороны человеческого общества. Во-вторых, субъективизм в восприятии данных наук. Так, история как наука имеет две сущности. А) Онтологическая – сам процесс развития человеческого общества. Он вполне объективен: что было, то было. Б) Гносеологическая, т.е. познавательная – система наук, изучающих прошлое и настоящее человеческого общества. А понимание истории уже сугубо субъективно. Например, в истории казачества наиболее дискуссионными вопросами являются: происхождение казачества; оценка крестьянско-казачьих войн и восстаний (прежде всего, под руководством И. Болотникова, Ст. Разина, К. Булавина, Ем. Пугачева); роль казачества в Февральской и Октябрьской революциях и Гражданской войне; казачество в современной России. В- третьих, связь социально-гуманитарных наук с современностью. Так, один из хронологических этапов истории – новейшая история, т.е. история XX-XXI веков. В-четвертых, при изучении социально-гуманитарных дисциплин необходимо делать особый упор на патриотизм. Так, при изучении истории казачества следует обратить особое внимание на его уникальность: казаки одновременно и защищали Русскую Землю, и занимались хозяйственной деятельностью. Т.е. они вносили двойной вклад в благополучие и процветание России на всём протяжении её истории.

II. Значение цифровых технологий в образовании

II.1. Сущность цифровизации образования

Сейчас происходит активное вторжение современных цифровых технологий в образовательный процесс, в т.ч. и в изучение социально-гуманитарных дисциплин. Данные технологии кардинальным образом меняют образование, предлагая принципиально новые методы и подходы и к работе преподавателей, и к учебе студентов. Цифровые технологии обозначены как важный инструмент в учебно-методической, научно-исследовательской и управленческой деятельности вузов. А эта деятельность основывается на утвержденной Президентом РФ государственной «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [5].

Цифровизация образования – это процесс, направленный на повышение качества содержания образования, проведение исследований и разработок, их внедрение, сопровождение и развитие, замену традиционных технологий на более эффективные во всех видах деятельности в системе образования.

II. 2. Причины применения цифровых технологий

Главных – две. Первая – экономическая: возможность существенно оптимизировать людские, финансовые, материальные, временные и другие ресурсы при максимизации результата. Вторая причина –

учебно-методическая. Цифровизация позволяет преодолеть традиционное для образовательного процесса противоречие между индивидуальным темпом обучения и необходимостью учета интересов всех участников образовательных отношений, а также между объемом изучаемого материала и нехваткой времени для его усвоения. Новые возможности цифровых ресурсов создают условия для успешного самообучения и подключения к информационной базе данных с возможностью учета разнообразных интересов и возможностей обучающихся. При этом частично сохраняются и традиционные методы и формы обучения. Создаются предпосылки к созданию «индивидуальной картины мира», где каждый обучающийся будет получать нужную ему информацию в удобном для него месте и времени. В данной среде будет существовать подлинно индивидуальное образовательное пространство, превращая стандартный курс в уникальное сочетание вариативных и инвариантных технологий.

II. 3. Преимущества цифровых технологий

Современные цифровые технологии создают также условия для оптимизации использования информационно-развивающей среды и электронного обучения. Данные подходы лежат на стыке традиционных методов и информационных технологий, расширяя возможности педагогов и обучающихся. Электронное обучение – это организация образовательной деятельности с применением электронной информации и обеспечивающих её обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации. Электронное обучение обладает рядом серьезных преимуществ: расширение границ обучения; снижение затрат на него; ускорение обучения; гибкость, повышенную адаптивность к реалиям; в меньшей степени зависит от индивидуальных навыков и особенностей педагогов и обучающихся; есть четкие объективные минимальные и максимальные границы оценки результатов обучения и их градация; позволяет учиться людям с ограниченными возможностями по здоровью.

Цифровая стратегия обучения – это систематическое использование, расширение и внедрение разнообразных информационных технологий для стабильного предоставления необходимого обществу и людям образования высокого качества. Для этого нужны гибкие образовательные программы, адекватная политика на рынке труда, социальная адаптация граждан к вызовам электронной эпохи. Поэтому необходима адекватная трансформация всей системы образования. На электронный образовательный процесс влияют: возникновение новых рынков, товаров, работ и услуг; ввод новых способов управления; новые нормативных акты, стандарты и регламенты информационно-коммуникационной цифровой среды; роботизация; применение искусственного интеллекта, «облачных» хранилищ данных и др.

Информационно-цифровую эпоху нельзя воспринимать однозначно с позиции «хорошая или плохая». Это – другая реальность. Цифровизация привлекает многих людей, так как показывает следующие преимущества: невероятно возросшие возможности информационно-телекоммуникационных средств (их скорость, качество, огромный охват разнообразных тем и аудиторий); доступность мобильных устройств; дистанционное управление техникой. На коммуникационно-цифровом уровне обучения искусственный интеллект и онлайн-курсы находятся в тесной взаимосвязи с творческими способностями и силой разума каждого человека. Многофакторная электронная информационно-образовательная система (ЭИОС) требует использования совокупного знания, накопленного разными науками. В ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый Казачий Университет)» успешно функционирует ЭИОС «РАЗУМ». Он содержит все элементы, необходимые для успешной учебы студентов на дистанционном уровне: методические указания по работе с курсом; рабочие программы дисциплин; формируемые компетенции и результаты обучения; форум по курсу; направления обучения; тексты лекций, видеопрезентации; задания для подготовки к практическим работам; контрольные вопросы для повтора и самоконтроля; вопросы к зачетам и экзаменам; тематика докладов, самостоятельных и контрольных работ; разнообразные тесты; списки источников и литературы, ссылки на интернет-ресурсы; глоссарии.

Цифровые технологии особенно важны в разрешении дискуссионных вопросов в социально-гуманитарных науках. Данные технологии (особенно видео презентации) позволяют ознакомиться сразу с несколькими точками зрения, выявить их сильные и слабые стороны и сделать вывод по обсуждаемой проблеме.

III. Информационные технологии в изучении социально-гуманитарных наук.

III. 1. Квесты

Квест (англ. quest - «поиск, предмет поисков») – это приключенческая игра. Важнейшими элементами игры в жанре квеста являются повествование и исследование мира. В игровом процессе основную роль играет решение головоломок и задач, требующих от игрока умственных усилий.

Термин квест имеет несколько значений:

1) В мифологии и литературе квест – это один из способов построения сюжета в фольклорных произведениях, путешествие персонажей к определённой цели через преодоление трудностей. Так как данный жанр тесно связан с ролевыми играми, то термин переключался в игры, немного изменив свой смысл.

2) Квест (приключенческая игра) – это компьютерная игра-повествование, в которой управляемый игроком герой продвигается по сюжету и взаимодействует с игровым миром посредством применения предметов, общения с другими персонажами и решения логических задач.

3) Квест – это задание в настольных и компьютерных ролевых играх, которое требуется выполнить персонажу для достижения игровой цели. После выполнения персонажи получают опыт, деньги, репутацию, и

т.п. Чаще всего квесты представляют собой задание пойти куда-то в определённое место (не всегда указанное) и что-то там найти.

4) Квест – вид салонных детективных игр, предназначенных для широкой аудитории и проходящих в городских кафе.

5) Квест (поиск выхода из комнаты) – интеллектуальная игра, в которой игроков запирают в помещении, из которого они должны выбраться за время, ища предметы и решая головоломки. Некоторые представители жанра также включают в себя детективный или иной сюжет, чтобы погрузить игроков в уникальную атмосферу. В России жанр получил название «квесты в реальности» и пользуется растущей популярностью.

6) Квест (городское ориентирование) – это интеллектуально-экстремальный вид игр на улицах города и за его пределами.

Как видно, квесты условно можно подразделить на виртуальные (компьютерные) (№№ 1), 2), 3), 4)) и реальные (№№ 5), 6)). Все они неразрывно связаны между собой. [4].

Важная роль в изучении социально-гуманитарных наук принадлежит игровой деятельности, в том числе и квестам.

Например, в рамках дисциплины история казачества создан общероссийский историко-патриотический квест «Места казачьей славы». Для учащихся общеобразовательных организаций г.Москвы это – «Казачий щит Москвы в Отечественных войнах России». Разработан сценарий квеста. Квест носит универсальный характер. В рамках квеста запланировано 10 маршрутов, в соответствии с округами города Москвы. Маршруты соотносятся с историческими местами казачьей славы Москвы. Весь маршрут – 10 пунктов; но не более 2 км из-за юного возраста участников. Тематика внутри каждого маршрута квеста: Отчество, Патриотизм, казачество и Вера Православная.

Рассмотрим некоторые маршруты квеста.

«ВДНХ»: 1. Павильон «Народное образование». О казачьем воспитании. 2. Павильон «Казахстан». О семицеренских казаках. 3. Павильон «Карелия». Атаман Корела. 4. Павильон «Культура». Вклад казачества в культуру России. 5. Павильон «Азербайджан». Участие казаков в истории Азербайджана. 6. Павильон «Беларусь». Белорусское казачество. 7. Павильон «Земледелие». Казаки-земледельцы. 8. Дворец бракосочетания. Казачьи брачные традиции. 9. Река Каменка. Роль рек (воды) в жизни казаков. 10. Павильон «Коневодство». Казачий конь. Как видим, данный маршрут находится на стыке двух направлений: показ истории нашей страны на ВДНХ и история самого казачества. При этом изучение казачества подразделяется на несколько тем: в региональном аспекте; культура и быт казачества; казачья экономика. Подобная методика позволяет лучше осветить всю многогранную и очень непростую историю казачества.

Другие маршруты являются более узкими в территориальном, тематическом и хронологическом планах. В маршруте «Коломенское» всё внимание концентрируется лишь на архитектуре и церквях этого места: Все пункты маршрута «Смутное время» связаны с трагическими событиями в российской истории в конце XVI – начале XVII вв. Маршрут «1812» связан с Отечественной войной против Наполеона. В маршруте «Великая Отечественная Война» тоже 10 пунктов: 1. Музей Юрия Никулина. 2. Площадь революции. 3. Красная площадь (Мавзолей). 4. Памятник Г.К. Жукову. 5. Могила Неизвестного Солдата. 6. Города воинской славы. 7. Библиотека В.И. Ленина. 8. Стена в честь российских полководцев. 9. Памятник М.В. Фрунзе. 10. Кабинет – музей Г.К. Жукова.

Прохождение квестов развивает у школьников и студентов теоретические знания и практические навыки. Всё это помогает им лучше понять историю России, в том числе историю казачества в различные временные периоды, в разных сферах жизни и в различных регионах. [4].

III. 2. Кибердружины

Интересным примером использования современных цифровых технологий является создание и деятельность студенческих кибердружин.

Развитие сети Интернет привело к появлению новых и более агрессивных методов ведения информационных войн, в том числе в области социально-гуманитарных наук, особенно по вопросам современности. Значительной угрозой становится появление в социальных сетях и мессенджерах групп, воздействующих на психику детей и молодежи с целью вовлечения в работу экстремистских организаций, склонения к противоправным действиям, самоубийству, разжигания межнациональной вражды, очернения Отечественной истории. Подобные группы и их кураторы обычно действуют на основе анализа информации на странице пользователя в социальных сетях. В условиях усиления борьбы со стороны Роскомнадзора и угрозы уголовного преследования, кураторы этих групп меняют свою тактику, используя, например, программы-боты [3], подставные телефонные номера, звонки якобы от правоохранительных органов, начальников с работы, вузовских деканатов и проч.

В последние несколько лет очень сильно активизировались телефонные мошенники. Жертвами их становятся люди самого разного возраста и социального положения, которые теряют деньги и недвижимость. Ущерб от их деятельности составляет уже сотни млрд. рублей, которые зачастую идут на поддержку украинской агрессии. Страдают также родственники жертв телефонных мошенников и люди, которые контактируют с жертвами (покупают у них квартиры, являются их сослуживцами и др.).

Казачество всегда стояло на страже границ России [1]. А сейчас такими границами становятся в том числе и информационные рубежи. Поэтому одним из ответов на эти новые угрозы стало создание казачьих

студенческих кибердружин. Так, в МГУТУ имени К.Г. Разумовского (ПКУ) казачья кибердружина функционирует с ноября 2016 г.

Основные задачи кибердружин:

- поиск противоправного Интернет-контента, в том числе в области социально-гуманитарных наук, и отправка информации о нем в Роскомнадзор и в правоохранительные органы;
- создание образовательного интернет-контента, способствующего формированию в детской и молодежной среде культуры безопасного поведения в сети «Интернет»;
- обучение правилам борьбы против телефонных мошенников;
- разработка позитивного интернет-контента, в том числе по социально-гуманитарным наукам и развитие у обучающихся навыков для этого. Позитивный контент – это интернет-контент образовательной и просветительской направленности, рассчитанный на детскую и молодежную аудиторию (школьников и студентов). Учитывая особенности данной аудитории, позитивный контент представляется в основном в видеоформате (например, публикации постов и роликов патриотической направленности в тематических сообществах социальных сетей). На базе кибердружин возможно создание молодежных медиacentров [3].

Деятельность кибердружин важна и потому, что, как уже отмечалось нами выше, происходят острые споры по очень многим вопросам в социально-гуманитарных науках, в том числе и в виртуальном пространстве. Кибердружины учат противодействовать кибератакам и формировать свою позитивную точку зрения.

III. 3. Видео презентации

Важная роль в изучении социально-гуманитарных наук принадлежит видео презентациям. Они могут быть как по всему курсу данных дисциплин, так и по их отдельным разделам. Так, в курсе истории России видео презентации можно делать по следующим хронологическим периодам: Восточные славяне и Киевская (Древняя) Русь (V – XIII века); Московское царство и Допетровская Россия (XIV – XVII века); Императорская (Санкт-Петербургская) Россия (XVIII век – 1917 год); Советская Россия и СССР (1917 – 1991 годы); современная Россия – Российская Федерация (с декабря 1991 года по настоящее время). А в курсе истории казачества для видео презентаций выделяется хронология: XV (зарождение казачества) – XVIII (последний бунтарский век в истории казачества) века; XIX век – 1917 год (казачество полностью стало частью регулярной армии и государственного аппарата Российской империи); 1917 – 1991 годы (казачество в советский период); с декабря 1991 года по настоящее время (казачество в современной России).

Составление видео презентации включает в себя три основных этапа: А. Разработка концепции (составление плана; подбор материала); Б. Создание черновика (раскадровка; внесение информации в слайды; анимация; удаление ненужной информации); В. Отшлифовка (работа с дизайном презентации; проговаривание по слайдам). При работе над видео презентацией важно избежать типичных ошибок: перегрузка слайдов информацией и рисунками; расфокусировка. Видеопрезентации позволяют усилить эмоциональную составляющую, чтобы студенты и школьники не только слушали текст, но и видели материал. Это позволяет решать множество вопросов наглядности и привлекательности, способствует улучшению процесса запоминания материалов. А по реакции на всё это студентов и школьников можно установить с ними «обратную связь», чтобы определить, насколько им понятен и интересен излагаемый преподавателем материал [2, с.42], в том числе и дискуссионные точки зрения.

IV. Вывод

Использование цифровых технологий несёт неоспоримые преимущества и играет огромную позитивную роль в изучении социально-гуманитарных наук. Применение современных цифровых технологий и процессов имеет хорошие перспективы и будет играть всё большую роль в исследовании и изучении данных наук.

Список использованных источников:

1. Казачество на службе Отечества: учебное пособие (2-е издание, доработанное и дополненное). – М.:МГУТУ им. К.Г. Разумовского, 2021. – 223 с.
2. Кураев А.Н. Значение использования информационных технологий в изучении исторических дисциплин// Информатизация образования и науки. – М., 2023. – №2(58). С. 35-42.
3. Кураев А.Н. Казачья кибердружина// Современные информационные технологии в образовании, науке и промышленности: XXV Международная конференция: Сборник трудов. – М.:Издательство «Экон-Информ», 2023. С. 73-76.
4. Кураев А.Н. Квесты по истории казачества// Современные информационные технологии в образовании, науке и промышленности: VIII Международная конференция: Сборник трудов. – М.:Издательство «Спутник+», 2017. – С. 51-55.
5. «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. №203 // [электронный ресурс] (<http://garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/>) (дата обращения 25.10.2025 г.).

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОБРАЗОВАНИЮ: КТО ВАЖНЕЕ – ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ИЛИ ИИ?

Аннотация. Статья посвящена изучению актуальной проблемы современного образовательного процесса: возможности полностью заменить учителя на использование персонализированного обучения посредством искусственного интеллекта. Авторы рассматривают некоторые преимущества применения искусственного интеллекта в системе высшего образования и уделяют значительное внимание описанию сопутствующих рисков. Вывод, на котором настаивают авторы, заключается в поиске разумного компромисса между процессом обучения, традиционно базирующимся на уникальном опыте человека-творца и искусственного интеллекта, ограниченного алгоритмами действий, прописанными извне.

Ключевые слова: образовательный процесс, роль искусственного интеллекта, трансформация образования, преподаватель, технологически-ориентированное обучение.

MODERN APPROACHES TO EDUCATION: WHO IS MORE IMPORTANT – THE TEACHER OR AI?

Abstract. The article is devoted to the study of the acute problem of the modern educational process: the ability to completely substitute teachers by the use of personalized learning through artificial intelligence. The authors consider the possible benefits of artificial intelligence use in the higher education system and pay considerable attention to the description of the associated risks. The conclusion that the authors insist on is to find a reasonable compromise between the learning process, traditionally based on the unique experience of a human-creator and artificial intelligence, limited by action algorithms prescribed from the outside.

Keywords: educational process, role of artificial intelligence, transformation of education, teacher, technology-oriented learning.

В Российской Федерации утверждены стратегические направления в области цифровой трансформации высшего, среднего профессионального (СПО) и общего образования на период 2022–2030 гг. для достижения высокого уровня «цифровой зрелости» указанных отраслей [3, 4]. В сфере высшего образования цифровая трансформация в образовании оценивается преимущественно технологическими параметрами, охватывая пять основных блоков: цифровые сервисы, информационные системы, управление данными, инфраструктуру, кадры.

Развитие технологий вообще и технологий искусственного интеллекта в частности привело к изменению не только роли преподавателя в образовательном процессе (смена парадигмы «учитель-источник знаний и опора всего» на «учитель-ассистент» очевидна). Однако вызовы педагогическому сообществу сменяются столь быстро, что осознание возможных перспектив и рисков иногда невозможно провести качественно и своевременно. Уже разработаны и опубликованы стратегические направления в области цифровой трансформации науки и высшего образования [2]. Согласно направлениям цифровой трансформации образования существенные изменения коснутся информационных систем, цифровых сервисов, управления инфраструктурой и кадров [1, с.485]. Настоящая статья является попыткой осмысления взаимоотношений искусственного интеллекта (далее ИИ), как образовательного ресурса и преподавателей высшей школы, традиционно выполняющими основные функции в системе высшего образования.

Рассмотрим наиболее очевидные преимущества использования ИИ в процессе обучения в высшей школе. Первый и самый очевидный – это сокращение расходов в условиях ограниченного бюджета и времени [3, с.1053]. Относительно сокращения расходов можно сказать, что это и недостаток, поскольку касается расходов на заработную плату прежде всего, по крайней мере в краткосрочной перспективе, а значит возможно либо сокращение размера заработной платы, либо сокращение количества преподавателей, занятых в образовательном процессе.

Управление временем – это наиболее привлекательная и очевидная сторона использования ИИ. Выставление оценок, ведение документации, и даже индивидуальное, персонифицированное консультирование студентов. Все это высвобождает время, которое преподаватель может использовать на свою исследовательскую деятельность (публикацию научных статей в престижных международных журналах, участие в грантах, и т.п.), которая приносит им больше престижа, чем преподавание. Ведь в системе высшего образования в больше возможностей продвижения по карьерной лестнице дает не преподавание, а исследовательская деятельность [7, с.14] (L.Rowan, P.Grootenboer). В данном случае, если ИИ может взять на себя часть рутины, то преподавателям следует воспринимать это как преимущество и обучаться «встраиванию» ИИ в учебный процесс, а не сопротивляться этим изменениям.

Важно понимать основные преимущества, которые помогут преподавателю высшей школы привести свой стиль преподавания в соответствие с новыми требованиями. Рассмотрим основные функции: 1) прежде всего это упрощение административных задач, включая оформление документов; 2) ИИ может добавить интеллектуальный контент (или смарт-контент от «smartcontent») и сделать учебники более понятными; 3) ИИ обеспечивает персонализацию обучения через формулирование персонализированных задач для каждого студента и предоставление обратной связи; 4) ИИ способствует «глобализации» обучения поскольку приложения с поддержкой ИИ находятся в гаджетах студентов, то обучение может происходить в любом месте (наличие аудитории не обязательно, что тоже снижает нагрузку на бюджет образовательной организации) и в

любое удобное для студента время (и это тоже важно, так как многие студенты параллельно с обучением имеют возможность раньше приступить к практической деятельности); 5) ИИ обеспечивает новый уровень эффективности образовательного процесса, предоставляя быстрый доступ к большим объемам данных. Все это говорит о том, что ИИ очевидно лучше, чем люди справляется с выполнением конкретных задач, с навигацией по большим объемам данных и делает это быстрее [6] (А. Johnson, 2019).

В связи с этим можно представить несколько сценариев взаимодействия преподавателей и ИИ в будущем, достойных пристального внимания. Прежде всего – это роль преподавателя высшей школы. Преподаватель ВУЗа читает лекции, ведет дискуссии на семинарских занятиях, а современный ИИ этого пока не умеет и может выступать только в качестве вспомогательного, иллюстративного средства. Но можно представить и несколько других сценариев: 1) в будущем ИИ научится «читать» лекции; 2) ИИ будет развиваться в таком направлении, что традиционная лекция потеряет свое значение для учебного процесса и будет считаться устаревшей формой обучения. В настоящий момент лекция как форма обучения – это живое взаимодействие не только преподавателя со студентами, но и студентов между собой. Ведь, если студент задает провокационный вопрос лектору, бросая тем самым вызов его компетентности, важно не только реагирование преподавателя, но и реакция других студентов на эту ситуацию. В таких случаях можно говорить о доказанном факте воспитательной функции таких моментов, обучающиеся учатся отражать поведение своих преподавателей и сверстников, даже когда создается впечатление, что они не «делают», а только «наблюдают». Скрытые реакции на возникающие в рамках лекции/семинарского занятия ситуации общения преподавателя со студентом оказывают прямое воздействие на всех участников учебного процесса и отпечатываются в виде эмоционального опыта, который иногда важнее знаний [4, с.31].

Относительно психологических эффектов взаимодействия с ИИ технологиями известно пока слишком мало. Отметим тенденцию придерживаться достаточно наивной точки зрения о том, что ИИ нейтрален и свободен от человеческой предвзятости. Однако не следует забывать, что ИИ управляем алгоритмами, созданными людьми. Отсюда следует, что предвзятость ИИ может быть даже более разрушительной, поскольку есть общепризнанное убеждение, что ИИ объективен. А ведь ИИ становится все более похожим на человека, что дает повод думать что по мере своего развития он будет формировать собственные предубеждения, и это еще одна проблема, которую предстоит решить в будущем.

Одна из важнейших ролей учителя состоит в том, чтобы помочь обучающимся осознать пробелы в знаниях, рассуждениях, выстраивании ценностных норм. Воспитательная часть образовательного процесса в настоящий момент не менее важна, чем собственно обучение. Отсюда следует, что возможность не только правильно ответить на поставленный вопрос, но и обосновать свой выбор, осознать моральные аспекты и социальные ценности появляется только в непосредственном общении с преподавателем, а не ИИ, который дает только иллюзию общения, поскольку алгоритмы реагирования предопределены кем-то извне и часто не отражают реальной ситуации (поскольку алгоритм ИИ предписывает реагировать только в рамках определенного контекста, без учета многообразия мнений и оценок) [5, с.127]. Ученье многообразие оценочных суждений можно при общении в аудитории, когда в непосредственном контакте со студентами преподаватель имеет возможность оказывать воспитательное воздействие на обучающихся и формировать их систему ценностей. И здесь необходимо упомянуть и о важной проблеме, с которой столкнулось современное общество: люди все меньше общаются друг с другом и все больше общаются с гаджетами (даже если находятся в одной аудитории перед занятием – многие студенты погружены в свои телефоны и не общаются друг с другом напрямую), что отражается в растущем осознании себя как изолированных, отрезанных от общества. Такое «технологическое» одиночество будет только усугубляться с введением ИИ [8, с.34]. Следует помнить, что ИИ не способен позаботиться о человеке, поскольку в его функции вообще не входит забота о чем-либо.

Выводы. Таким образом, отличительная черта ИИ – это наличие алгоритмов, которые им управляют. Однако можно утверждать, что и люди способны действовать по алгоритмам, пусть и не так быстро. Но у них есть значительное преимущество, люди способны проявлять творчество, выходить за рамки предписанных алгоритмов, если это диктует необходимость, и, что очень важно, их способность к обучению и самоосознанию не имеет границ, в отличие от ИИ, который действует в строго обозначенных извне рамках.

Следовательно, несмотря на общую привлекательность ИИ, он не способен полностью заместить преподавателя в учебном процессе. Представляется чрезвычайно необходимым найти компромисс между мощным инструментом персонализации обучения, расширяющем возможности преподавателей и способствующем снижению нагрузки на них, и сопротивлением преподавательского сообщества этому новшеству, меняющему философские основы процесса обучения. Отметим, что сопротивление это вполне закономерно и может быть объяснено наличием достаточного количества несовершенств инструментов ИИ, а также тем фактом, что эти инструменты опираются на бихевиористскую модель обучения, не характерную для системы образования России.

Список использованных источников:

1. Лукичев, П.М., Чекмарев, О.П. Применение искусственного интеллекта в системе высшего образования // Вопросы инновационной экономики. 2023. Т 13, № 1. С. 485–502.
2. Правительство РФ (2021b) Распоряжение Правительства РФ от 21.12.2021 № 3759-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации науки и высшего образования». Garant.ru. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403203308/> (дата обращения: 21.09.2025).
3. Фомина, А.Н. Проблемы и перспективы развития рынка искусственного интеллекта в России // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12, № 2. С. 1051–1068. DOI: 10.18334/vinec. 12.2.114607.

4. Bates, T., Cobo, C., Mariño, O., Wheeler, S. Can artificial intelligence transform higher education? // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2020. № 42. doi: 10.1186/s41239-020-00218-x.
5. Holmes, W., Bialik, M., Fadel, C. Artificial intelligence in education: Promises and implications for teaching and learning. 2019. Boston. MA: Center for Curriculum Redesign. 242 p.
6. Johnson, A. 5 ways AI is changing the education industry, 2019 eLearningIndustry. Retrieved from <https://elearningindustry.com/ai-is-changing-the-education-industry-5-ways>. (date of request: September 19, 2025).
7. Rowan, L., & Grootenboer, P. Student engagement and rapport in higher education: The case for relationship-centred pedagogies. In L. Rowan & P. Grootenboer (Eds.), 2016. Student engagement and rapport in higher education (pp. 1-24). Cham: Springer.
8. Remian D. Augmenting education: ethical considerations for incorporating artificial intelligence in education. Boston: University of Massachusetts, 2019. 57 p.

УДК 378.016.2: 004

Богатырева О.В.

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры Истории
МГУТУ им. К. Г. Разумовского (ПКУ); Москва, Российская Федерация.*

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ИСТОРИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Аннотация. Современное общество переживает масштабную цифровую трансформацию, оказывая существенное воздействие на систему образования, включая дисциплину Методику обучения истории. Традиционные способы передачи исторических знаний сталкиваются с необходимостью изменений, вызванных глобализацией, доступностью информационных технологий и изменениями требований к уровню подготовки обучающихся. В статье исследуются особенности внедрения современных цифровых инструментов в процесс обучения истории, рассматриваются возникающие при этом вызовы и угрозы, предлагаются рекомендации по повышению эффективности методики преподавания истории в новых условиях.

Ключевые слова: история, цифровые технологии, цифровое образование, геймификация, цифровизация, цифровая трансформация, методика преподавания, трансформация образования.

METHODS OF TEACHING HISTORY IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY

Abstract. Modern society is undergoing a massive digital transformation, significantly impacting the education system, including the discipline of "History Teaching Methods." Traditional methods of imparting historical knowledge are facing the need for change due to globalization, the availability of information technology, and changing student training requirements. This article examines the implementation of modern digital tools in history education, examines the challenges and threats this entails, and offers recommendations for improving the effectiveness of history teaching methods in this new environment.

Keywords: history, digital technologies, digital education, gamification, digitalization, digital transformation, teaching methods, education transformation.

История как наука и дисциплина обладает особым значением в образовательной системе любого государства. Она формирует мировоззрение молодого поколения, развивает способность мыслить критически, помогает осознать свою принадлежность к определенной культуре и обществу. Современная реальность характеризуется активным проникновением информационных технологий практически во все сферы человеческой деятельности, включая образование. Это открывает новые возможности для развития инновационных подходов к преподаванию истории, но также порождает ряд серьезных вызовов и рисков.

В частности, повсеместное внедрение цифровых технологий существенно меняет привычные формы подачи материала, способ взаимодействия преподавателя и студента, структуру учебной программы и даже саму сущность понимания исторических процессов. Как следствие, возникает потребность переосмысления классических педагогических практик, поиска эффективных решений, позволяющих сохранить качество исторического образования и повысить его привлекательность среди молодых поколений.

Цель настоящей статьи заключается в анализе влияния цифровой трансформации на традиционную методику преподавания истории, определении наиболее значимых вызовов и угроз, возникающих в связи с использованием цифровых технологий, а также разработке рекомендаций по улучшению существующей практики.

Переход от традиционного подхода к образованию к модели, основанной на цифровых технологиях, сопровождается существенными изменениями в восприятии, обработке и передаче знаний. Эти изменения затрагивают всех участников образовательного процесса: преподавателей, студентов и администрацию учебных заведений.

Сегодня цифровые технологии стали неотъемлемой частью повседневной жизни большинства населения планеты. Доступность мобильных устройств, широкое распространение высокоскоростного интернета и развитие облачных сервисов делают возможным получение информации практически мгновенно и повсеместно. Благодаря этому учебные заведения получают уникальную возможность интегрировать новейшие достижения науки и техники непосредственно в учебный процесс, делая занятия интересными, динамичными и информативными.

Применение цифровых технологий расширяет границы возможностей преподавателей и студентов. Сегодня есть возможность организовать дистанционное обучение, создать электронные библиотеки, проводить интерактивные уроки с применением мультимедиа, развивать навыки самостоятельной работы и самоконтроля. Например, виртуальные музеи и архивы становятся доступным источником первичной информации, позволяя студентам самостоятельно изучать подлинные артефакты и документальные свидетельства эпохи.

Тем не менее, эта тенденция несет в себе и потенциальные опасности. Возникает риск упрощенного отношения к материалу, поверхностного знакомства с источниками, неспособности оценивать сложность исторических явлений и правильно интерпретировать полученные факты. Следовательно, одной из главных задач современного преподавателя становится разработка эффективной стратегии интеграции цифровых технологий в исторический образовательный процесс таким образом, чтобы избежать негативных последствий и обеспечить сохранение глубоких знаний и развитого критического мышления.

При всей очевидной пользе цифровых технологий важно учитывать и возможные негативные последствия их массового внедрения в учебный процесс. Рассмотрим подробнее некоторые ключевые вызовы и угрозы, характерные для современного этапа цифровой трансформации.

Одним из важнейших аспектов перехода к цифровому образованию является стремительный рост объемов доступной информации. Сегодня каждый студент имеет неограниченный доступ к материалам библиотек, архивов, базам данных и другим ресурсам. Этот фактор требует значительных усилий от преподавателя, поскольку далеко не вся информация, представленная в сети Интернет, соответствует критериям достоверности и надежности.

Преподаватель вынужден тратить дополнительное время на отбор качественного материала, проверяя его происхождение и степень соответствия стандартам академического письма. Таким образом, возрастает нагрузка на преподавателя, снижается эффективность урока и уменьшается объем свободного времени, необходимого для глубокого погружения в изучение конкретной темы.

Кроме того, студенты сами начинают сталкиваться с проблемами отбора и систематизации полученной информации. Они вынуждены ориентироваться в большом объеме данных, выбирать приоритетные направления исследований и грамотно формулировать собственные мысли. Многие исследователи отмечают снижение уровня концентрации внимания у учащихся вследствие постоянного переключения между различными ресурсами и частых отвлечений на постороннюю деятельность.

Традиционный подход к проведению занятий предполагал непосредственное взаимодействие преподавателя и студентов в рамках классной комнаты. Такое общение обеспечивало постоянный контроль над процессом усвоения материала, позволяло оперативно реагировать на запросы аудитории и регулировать темп подачи информации.

С приходом дистанционного обучения ситуация кардинально изменилась. Студенты теперь чаще взаимодействуют друг с другом и преподавателем посредством социальных сетей, мессенджеров и специализированных платформ для онлайн-образования. Подобная форма коммуникации отличается большей асинхронностью и фрагментарностью, что осложняет построение полноценной дискуссии и полноценное восприятие сложных вопросов исторического характера.

Также изменение формата обучения влечет за собой возникновение технических препятствий, препятствующих эффективному обмену информацией. Частые сбои оборудования, ограниченность пропускной способности каналов связи и недостаточная подготовка пользователей к грамотному использованию сетевых инструментов оказывают негативное влияние на качество уроков и конечный результат обучения.

Классическая система преподавания строилась вокруг живого общения между учителем и учениками. Такой контакт позволял лучше понимать индивидуальные потребности каждого ребенка, определять зоны роста и корректировать программу в зависимости от потребностей конкретного класса. Переход к электронному формату обучения зачастую лишает учащихся подобного индивидуального подхода, создавая ощущение отчужденности и анонимности.

Это явление усугубляется отсутствием зрительного контакта, эмоциональной близости и взаимной ответственности. Молодежь сталкивается с чувством одиночества и социальной изоляции, что может привести к снижению интереса к учебе и ухудшению успеваемости. Поэтому важной задачей является восстановление утраченных элементов межличностного взаимодействия в условиях электронного пространства.

Еще одним серьезным вызовом для школьного образования стало резкое сокращение числа читателей бумажных книг. Электронные носители информации заменяют классический текстовый контент, формируя новое поколение потребителей информации, привыкших воспринимать знания преимущественно визуально или аудиально. Читатели теряют навык длительной сосредоточенности, терпеливости и глубины анализа текста, предпочитая быстрое потребление ярких картинок и коротких сообщений.

Особенно ярко этот тренд проявляется именно в изучении гуманитарных наук, где основной формой познания остается чтение текстов. Без умения читать внимательно и глубоко невозможно полноценно освоить исторические дисциплины, ведь именно письменные источники служат главным материалом для построения выводов и аргументации научных тезисов.

Рассмотрев основные тенденции и проблемы, возникающие в ходе цифровой трансформации образования, перейдем к рекомендациям, направленным на повышение эффективности преподавания истории в новом формате.

Одной из перспективных форм организации учебного процесса в условиях цифровизации является проектная деятельность. Такая форма позволяет включить элементы исследовательской работы, формировать навыки самостоятельного сбора и обработки информации, развивать умение критически оценивать доступные источники и формулировать аргументированные выводы.

Например, можно предложить студентам разработать собственный веб-сайт, посвященный какому-то важному историческому событию или персонажу. В процессе работы ученики смогут ознакомиться с разнообразием точек зрения, научиться искать необходимую информацию в Интернете, сопоставлять разные версии событий и предлагать собственную интерпретацию.

Подобный подход обеспечивает интеграцию теории и практики, активизирует познавательную активность, способствует развитию самостоятельности и креативности мышления.

Эффективным инструментом вовлечения студентов в учебный процесс является геймификация – внедрение игровых элементов в образовательную среду. Эта стратегия широко применяется в разных сферах бизнеса и образования, доказала свою успешность и популярность среди подростков и взрослых.

Применение геймифицированного подхода в преподавании истории предполагает организацию тематических квестов, ролевых игр, викторин и соревнований. Такие мероприятия помогают заинтересовать аудиторию, мотивируют к изучению дополнительного материала, формируют позитивное отношение к предмету и способствуют лучшему запоминанию изучаемого материала.

Важно отметить, что игры не должны восприниматься как замена основному курсу, а лишь служить дополнением, усиливающим внимание и повышающим заинтересованность студентов.

Известно, что большая часть информации усваивается человеком через зрение. Именно поэтому целесообразно активно применять визуальные средства в преподавании истории. Фотографии, иллюстрации, карты, схемы и графики способны наглядно представить сложные процессы и явления, облегчить понимание абстрактных понятий и вызвать положительные эмоции у учащихся.

Сегодня существует широкий спектр программ и приложений, позволяющих создавать качественные визуальные продукты прямо в классе. Например, школьники могут совместно разрабатывать презентации, плакаты, комиксы или видеоролики, отражающие изучаемые темы. Подобные задания развивают творческие способности, стимулируют воображение и повышают вовлеченность в образовательный процесс.

Обучение истории подразумевает работу с первоисточниками и вторичными материалами. Важнейшей задачей является научить детей отличать надежные источники от недостоверных, адекватно обрабатывать информацию и правильно интерпретировать полученные данные.

Педагогам рекомендуется уделять особое внимание формированию соответствующих навыков, предлагая разнообразные практические упражнения и развивающие задания. Примером может служить задание, связанное с поиском информации о каком-либо событии в разных источниках и последующим сравнительным анализом полученных результатов. Или же организуется дискуссия на тему этических аспектов цитирования чужих работ и плагиата.

Стремительное развитие цифровых технологий ведет к изменению принципов оценки знаний. Стандартные тесты и экзамены постепенно уступают место автоматизированным средствам контроля и диагностики достижений учащихся. Применение компьютерных тестов, автоматизированных систем проверки знаний и самообследований позволяет экономить время преподавателей и получать объективные показатели уровня подготовки студентов.

Однако нельзя забывать, что традиционный устный экзамен сохраняет свое значение, так как помогает оценить глубину осознания материала, коммуникативные навыки и умение выстраивать аргументы. Оптимальным решением представляется сочетание обоих подходов: компьютеризированные системы используются для промежуточного контроля и мониторинга прогресса, тогда как итоговая аттестация проводится традиционным способом.

Цифровая трансформация оказывает глубокое влияние на современную систему образования, меняя подход к обучению и подготовке будущих специалистов. Несмотря на несомненные преимущества, сопровождающие этот процесс, возникают серьезные вызовы и угрозы, способные снизить качество исторического образования.

Чтобы минимизировать отрицательные эффекты и максимизировать пользу от новых технологий, преподаватель обязан владеть соответствующими инструментами и методами, уметь эффективно управлять потоком информации, поддерживать высокий уровень личной компетентности и обеспечивать условия для всестороннего развития личности учащихся.

Только при условии комплексного подхода, учета специфики каждой возрастной группы и осознанного введения новшеств возможно добиться успеха в модернизации исторического образования и подготовить выпускников, готовых успешно конкурировать на рынке труда будущего.

Список использованных источников:

1. Дзюбан В.В. Проблема внедрения цифровых технологий в систему образования в XX-XXI в. // Архонт. – 2021. – № 6 (27). – С. 34-39.
2. Осипова Н.Г. Цифровизация социальной реальности: ключевые дискуссии // Вестник Московского университета. Серия 18: социология и политология. – 2022. – Т. 28. № 3. – С. 7-27.
3. Разбеглова Т.П. Цифровизация образовательной среды и судьбы гуманистической культуры в XXI веке // Архонт. – 2022. – № 6 (33). – С. 60-71.

Ерасова Е.А.

*студентка 3 курса, направление 44.03.01 – педагогическое образование,
МГУТУ им. К. Г. Разумовского (ПКУ); Москва, Российская Федерация.*

Н. рук., Богатырева О.В.,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории
МГУТУ им. К. Г. Разумовского (ПКУ)*

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ТЕМЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ОГРАНИЧЕНИЙ ФГОС ВТОРОГО И ТРЕТЬЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Аннотация. Данная работа посвящена исследованию методического потенциала Федеральных государственных образовательных стандартов второго и третьего поколения в контексте преподавания темы Великой Отечественной войны в старшей школе. На основе сравнительного анализа целевых установок, содержательных компонентов и методических подходов определяются ключевые возможности и ограничения каждого стандарта. Исследование охватывает разработку практических рекомендаций по интеграции сильных сторон обоих стандартов в современный образовательный процесс, анализирует педагогические риски и оценивает перспективы формирования исторического мышления и гражданской идентичности учащихся. Работа представляет собой комплексный анализ, учитывающий нормативные, содержательные и методические аспекты преподавания истории.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, историческое образование, ФГОС второго поколения, ФГОС третьего поколения, методика преподавания истории, историко-культурный стандарт, гражданская идентичность, историческое мышление.

METHODOLOGICAL ASPECTS OF TEACHING THE TOPIC OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: COMPARATIVE ANALYSIS OF THE POSSIBILITIES AND LIMITATIONS OF THE SECOND AND THIRD GENERATION FGOS

Abstract. This work is devoted to the study of the methodological potential of the second- and third-generation Federal State Educational Standards in the context of teaching the Great Patriotic War in high school. Based on a comparative analysis of the objectives, content components, and methodological approaches, the key features and limitations of each standard are identified. The study covers the development of practical recommendations for integrating the strengths of both standards into the modern educational process, analyzes pedagogical risks, and evaluates the prospects for developing students' historical thinking and civic identity. The work is a comprehensive analysis that takes into account the normative, content-related, and methodological aspects of teaching history.

Keywords: The Great Patriotic War, historical education, second-generation Federal Educational Standard, third-generation Federal Educational Standard, history teaching methods, historical and cultural standard, civic identity, and historical thinking.

Введение. Современное историческое образование в российской школе находится в процессе постоянного совершенствования, что находит отражение в эволюции Федеральных государственных образовательных стандартов. Преподавание темы Великой Отечественной войны как ключевого события отечественной истории требует особого методического внимания в условиях цифровой трансформации, изменения ценностных ориентиров молодежи и необходимости сохранения исторической памяти. Формирование исторического мышления невозможно без системной работы с содержанием военной истории [1]. Однако на практике учителя сталкиваются с необходимостью адаптации методического инструментария к требованиям новых образовательных стандартов.

В этом контексте сравнительный анализ методического потенциала ФГОС второго и третьего поколения при изучении темы Великой Отечественной войны представляется особенно актуальным. Таким образом, возникает научная потребность в систематическом анализе возможностей и ограничений каждого из стандартов для разработки эффективных подходов к преподаванию военной истории. Гипотеза нашего исследования заключается в том, что ФГОС третьего поколения предлагает более широкий арсенал методических возможностей для глубокого изучения темы ВОВ, однако содержит новые риски, связанные с изменчивостью и недостаточной проработанностью учебных программ, а также высокими требованиями к профессиональным компетенциям учителя.

Методы. Для решения поставленных задач в работе использовался сравнительный анализ нормативной документации и научной литературы по методике преподавания истории. Основным методом выступило сравнительное моделирование, позволившее выявить методические особенности каждого стандарта. Также применялся метод критического анализа для оценки потенциала и ограничений ФГОС второго и третьего поколения.

Цель работы: провести сравнительный анализ методического потенциала ФГОС второго и третьего поколения для выявления эффективных подходов к преподаванию темы Великой Отечественной войны в старшей школе.

В работе ставятся следующие задачи:

1. Выявить и охарактеризовать ключевые методологические установки ФГОС второго и третьего поколения применительно к историческому образованию.
2. Определить перечень методических возможностей для преподавания темы ВОВ в рамках каждого стандарта.

3. Выявить системные ограничения и методические риски в изучении темы Великой Отечественной войны, обусловленные особенностями каждого ФГОС.

4. Разработать практические рекомендации для учителей по интеграции сильных сторон обоих стандартов в современный урок.

Анализ. Ключевой особенностью ФГОС второго поколения является ориентация на формирование универсальных учебных действий. В контексте изучения Великой Отечественной войны это предполагало развитие у школьников навыков анализа, сравнения, работы с информацией на материале военной истории. Деятельностный подход, положенный в основу стандарта, ориентировал педагога на организацию самостоятельной работы учащихся с разнообразными источниками, развитие критического мышления при сопоставлении разных точек зрения. Значительный методический потенциал был заложен в акценте на проектную деятельность, которая позволяла школьникам глубоко погружаться в локальные аспекты войны, изучать историю своей семьи или региона.

ФГОС третьего поколения, сохранив преемственность в части деятельностного подхода, существенно сместил акценты в сторону воспитательного компонента. Ключевой инновацией стала четкая опора на Историко-культурный стандарт (ИКС) [2], что унифицировало содержательное ядро темы и снизило риски идеологических разночтений, характерные для предыдущего периода. Как справедливо отмечает А.А. Попов, «ИКС призван обеспечить единство образовательного пространства на территории всей страны, создавая общее поле исторических представлений» [4]. Важнейшим отличием нового стандарта является явный акцент на достижение личностных результатов: воспитание патриотизма, уважения к подвигу народа, формирование позитивной гражданской идентичности.

Методический потенциал ФГОС-3 расширяется за счет интеграции современных тем и междисциплинарных связей. Акцент на роли СССР в освобождении Европы, детализация ключевых сражений, анализ экономики тыла через призму финансовой грамотности – все это открывает новые возможности для построения интегрированных уроков. Значительный простор для творчества педагога предоставляет ориентация на использование цифровых ресурсов в качестве основы для учебно-исследовательской деятельности.

Акцент ФГОС третьего поколения на формирование гражданской идентичности и патриотизма находит свое глубокое обоснование в аксиологическом подходе к гуманитарному образованию. В эпоху глобализации особую актуальность приобретает задача сохранения уникального национального наследия и духовных традиций отечественной культуры [7]. Изучение темы Великой Отечественной войны в этой парадигме выходит за рамки усвоения фактологии и становится ключевым элементом духовно-нравственного воспитания. Подвиг народа, рассмотренный через призму традиционных ценностей жертвенности, соборности и любви к Отечеству, позволяет наполнить абстрактное понятие «гражданская идентичность» конкретным историко-культурным и эмоциональным содержанием. Таким образом, ФГОС-3 призван не просто вернуть в школу воспитание, а целенаправленно формировать у учащихся систему традиционных ценностей. Как отмечают исследователи, эта система служит «нравственным щитом», защищающим молодое поколение от деструктивных вызовов современности [4].

Однако каждый из анализируемых стандартов содержит определенные ограничения и методические риски. ФГОС второго поколения критиковался за размытость содержательного ядра, поскольку отсутствие жесткой привязки к единому концептуальному документу могло приводить к значительным разночтениям в учебниках и авторских программах [5]. Существовал риск формализации проектной и деятельностной составляющей, когда сложные формы работы применялись без реального углубления в предмет.

ФГОС третьего поколения, при всех своих содержательных преимуществах, порождает новые вызовы для педагогического сообщества. Наиболее существенным риском представляется потенциальная возможность излишней идеологизации и возвращения к монологичному изложению «правильной» версии истории, что может подавить развитие критического мышления у учащихся. Жесткая привязка к ИКС, обеспечивая единство образовательного пространства, одновременно ограничивает вариативность и может сужать поле для методического маневра.

Еще одним вызовом являются повышенные требования к профессиональным компетенциям учителя. Педагог должен не только организовать эффективную учебную деятельность, но и обеспечить достижение четко сформулированных личностных результатов, диагностика которых представляет значительную методологическую сложность. Как отмечает С.Е. Мансурова, «обновленные ФГОС предъявляют высокие требования не только к предметной, но и к методической, психолого-педагогической подготовке учителя» [3].

Практическая реализация стандартов может быть проиллюстрирована на примере изучения темы «Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны». В парадигме ФГОС второго поколения акцент делался на организацию самостоятельной исследовательской деятельности через сравнение Сталинградской и Курской битв [6]. В рамках ФГОС третьего поколения методический аспект включает те же деятельностные формы, но с обязательной коррекцией содержательных акцентов в соответствии с ИКС и воспитательными задачами.

Важно отметить, что эффективность реализации любого стандарта напрямую зависит от профессионального мастерства педагога, его способности органично интегрировать воспитательные задачи в ткань урока. Использование методов развития критического мышления в сочетании с четкой опорой на

фактологическую базу ИКС позволяет избежать риска сведения патриотического воспитания к назидательно-монологичной форме и преодолеть его формальный характер.

Перспективным направлением методического синтеза представляется интеграция сильных сторон обоих стандартов – деятельностного подхода и развития критического мышления из ФГОС второго поколения и ценностно-смысловой определенности, структурной четкости и воспитательной направленности ФГОС третьего поколения. Такой синтез позволяет создать образовательную среду, в которой изучение Великой Отечественной войны становится процессом личностного становления и осознанного формирования гражданской идентичности.

Результаты. Проведенное исследование позволило проанализировать методический потенциал ФГОС второго и третьего поколения в контексте преподавания темы Великой Отечественной войны. На основании проведенного анализа сформулированы следующие выводы, соответствующие поставленным задачам:

1. Выявлены ключевые методологические различия между стандартами: ориентация на формирование универсальных учебных действий в ФГОС-2 и акцент на личностные результаты и гражданскую идентичность в ФГОС-3.

2. Определен перечень методических возможностей каждого стандарта, включая развитие критического мышления (ФГОС-2) и системное патриотическое воспитание (ФГОС-3).

3. Установлены системные ограничения: размытость содержательного ядра (ФГОС-2) и риск излишней идеологизации (ФГОС-3).

4. Разработаны практические рекомендации по интеграции деятельностных форм работы в воспитательный контекст нового стандарта.

В целом, исследование подтверждает целесообразность синтеза методических подходов обоих стандартов для создания эффективной системы преподавания темы Великой Отечественной войны в современной школе.

Список использованных источников:

1. Алексашкина, Л.Н. Деятельностный подход в изучении истории в школе / Л.Н. Алексашкина // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2005. – № 9. – С. 11-20. – EDN YPBSIR.

2. Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории, основанная на историко-культурном стандарте (ИКС) от 30 октября 2013 г.

3. Мансурова, С.Е. Содержательный анализ обновленных ФГОС и проблема реализации их требований в работе учителя / С.Е. Мансурова // Педагогика и просвещение. – 2023. – № 2. – С. 85-93. – DOI 10.7256/2454-0676.2023.2.40608. – EDN HIGQVB.

4. Попов А.А. Историко-культурный стандарт и преподавание истории // Вестник СПбГИК. 2018. №2 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-kulturnyy-standart-i-prepodavanie-istorii> (дата обращения: 27.09.2025).

5. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (утвержден приказом Минпросвещения России от 31 мая 2021 г. № 287).

6. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (утвержден приказом Минобрнауки России от 17 декабря 2010 г. № 1897)

7. Шафажинская, Н.Е. Ценностные основания гуманитарного образования в эпоху глобализации / Н.Е. Шафажинская, Г.Н. Юлина // Глобальные вызовы международного сотрудничества: Сборник статей Международной научной ассамблеи, Москва, 16–17 ноября 2021 года / Под редакцией И.В. Ильина. – МОСКВА: Межрегиональная общественная организация содействия изучению, пропаганде научного наследия Н.Д. Кондратьева, 2022. – С. 209-215. – DOI 10.46865/978-5-901640-38-8-2022-209-215. – EDN XAQFYF

УДК 372.893

Жукова Л.А.

студентка 3 курса, направление 44.03.01 – педагогическое образование, форма обучения: очная; МГУТУ им. К. Г. Разумовского (ПКУ); Москва, Российская Федерация.

Н. рук., Богатырева О.В.,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории МГУТУ им. К. Г. Разумовского (ПКУ); Москва, Российская Федерация.

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ И ИММЕРСИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ИЗУЧЕНИЕ И ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ

Аннотация. Данная статья исследует вопрос влияния различных современных технологий на трансформацию исторической науки и её методов изучения, а также влияние этих изменений на образовательный процесс в целом. В рамках исследования были проанализированы методологические основы создания цифровых реконструкций, адаптация технологий виртуальной реальности под конкретные задачи исторической науки, потенциал иммерсивных сред, а также возможные вызовы, с которыми могут столкнуться будущие специалисты в области Истории в своей профессиональной деятельности. Собранные информация в статье основана на российских исследованиях. Также в статье используются личные наблюдения автора. В работе раскрыты методологические аспекты виртуальной реконструкции как научного метода, проанализирован педагогический потенциал и трансформация нарратива под влиянием иммерсивных технологий, были выявлены и систематизированы основные вызовы и ограничения, связанные с внедрением этих технологий. Данное исследование ценно тем, что оно рассматривает современное положение исторического сообщества и его трансформации под влиянием новых тенденций технического мира.

Ключевые слова: современные технологии, виртуальная реальность, иммерсивные технологии, реконструкция, историческое образование, исторический нарратив, VR/AR, цифровизация.

VIRTUAL RECONSTRUCTION AND IMMERSIVE TECHNOLOGIES: THE IMPACT OF MODERN TECHNOLOGIES ON THE STUDY AND TEACHING OF HISTORY

Abstract. This article explores the impact of various modern technologies on the transformation of historical science and its methods of study, as well as the impact of these changes on the educational process. The research analyzed the methodological foundations of creating digital reconstructions, the adaptation of virtual reality technologies to specific tasks of historical science, the potential of immersive environments, as well as possible challenges that future specialists in the field of History may face in their professional activities. The information collected in the article is based on Russian research. The article also uses the author's personal observations. The paper reveals the methodological aspects of virtual reconstruction as a scientific method, analyzes the pedagogical potential and transformation of narrative under the influence of immersive technologies, identifies and systematizes the main challenges and limitations associated with the introduction of these technologies. This research is valuable because it examines the current situation of the historical community and its transformation under the influence of new trends in the technical world.

Keywords: modern technologies, virtual reality, immersive technologies, reconstruction, historical education, historical narrative, VR/AR, digitalization.

Анализ. Развитие технологий и цифровизация – новая реальность жизни современного человеческого общества. Цифровая трансформация затрагивает почти все области жизни и научной деятельности: от бытовых задач до новых научных открытий. Исторические науки технологический процесс тоже не обошёл стороной: в последние десятилетия произошёл качественный скачок в методах изучения и презентации прошлого. Это обусловлено это развитием технологий виртуальной реальности (VR/AR), инструменты которого позволяют помимо 3-D визуализации проверять какие-либо научные гипотезы, что также трансформирует методы преподавания истории, позволяя из набора абстрактных фактов получить осязаемый, а также эмоционально переживаемый опыт.

Целью данной статьи является комплексный анализ влияния виртуальной реконструкции и иммерсивных технологий на исследовательскую и образовательную деятельность в области истории. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи:

1. Изучить аспекты виртуальной реконструкции с точки зрения использования в научных и в образовательных сферах.
2. Проанализировать возможности современных технологий для педагогики и трансформацию исторического нарратива под их влиянием.
3. Выявить и систематизировать основные вызовы, с которыми может столкнуться современный педагог-историк.
4. Разобрать реальные проекты, где используются вышеуказанные технологии.

Для начала разберёмся с тем, что из себя представляет виртуальная реконструкция. Сама по себе она является сложным междисциплинарным процессом, который основан на интеграции данных различных видов исторических источников, архитектурных раскопок и данных лазерного сканирования. Данный научный метод позволяет проводить пространственный анализ и проверять гипотезы о внешнем облике и структуре утраченных объектов [1]. Есть варианты как полной реконструкции объектов с помощью программ для 3D моделирования, так и варианты, когда используется техника создания «панорам». Их использование зависит от целей и представленных возможностей для оцифровки того или иного объекта.

На сегодняшний день при создании виртуального исторического пространства используются различные программные среды, к примеру, SketchUp, Twinmotion, Bigscreen, 3D Vista Virtual Tour Pro и др. [2]. Технологический процесс включает в себя несколько этапов: сбор и анализ информации исторических данных, создание самой 3-D модели того или иного объекта при помощи выбранного программного обеспечения, а после её интеграция в иммерсивные среды с помощью игровых движков для создания динамичного и интерактивного пространства для исследования. Благодаря данной технологии у людей, интересующиеся историей, есть возможность «посетить» различные древние исторические объекты, которые были разрушены веками назад.

Во время эпидемии ковида, когда был объявлен карантин и большинство музеев были вынуждены закрыть посетителям доступ к посещению, произошел стремительный рост появления виртуальных музеев. Теперь у современного человека появилась возможность «посещать» музейные экспозиции, даже находясь дома. Например, даже в ночное время находясь в условной Уфе мы можем посетить 3D-тур по Эрмитажу, Третьяковской галерее, Тульскому музею оружия, Лувру, Лондонский Британский музей и др. На портале «Культура. РФ» есть даже отдельный раздел с обширной коллекцией виртуальных туров.

Если говорить о деятельности по виртуальной реконструкции в нашей стране, то стоит отметить, что в России сформировались влиятельные научные коллективы, которые аффилированы с МГУ, Сибирским федеральным университетом и другими ведущими вузами [5]. В качестве примера можно привести проект кафедры исторической информатики исторического факультета Московского государственного университета им. Ломоносова, в котором они сделали виртуальное восстановление Страстного монастыря и прилегавшей к нему исторической застройки конца XVII- начала XX вв. [3]. Можно сделать вывод, что наша страна не остаётся в стороне от этой темы и также активно работает с технологиями для создания иммерсивных сред с важными историческими объектами для Российской Федерации.

Стоит уточнить, что же понимается под понятием «иммерсивные среды». К ним относят виртуальную (VR), дополненную (AR) и смешанную реальность (MR). Они переносят виртуальные реконструкции из области чистого исследования в образовательное поле. При интеграции этих технологий в образовательный

процесс мы наблюдаем следующую ситуацию: так, если обучающийся раньше был пассивным слушателем, то при использовании технологий иммерсивной среды он становится активным участником исторических событий. Так учащийся может «пройтись» по улицам древнего Рима, «зайти» в ремесленную мастерскую или «увидеть» собор до его разрушения, что недостижимо при традиционных методах обучения. В одной из своих работ Шишов С. Е. отмечает, что такой вид обучения требует от обучающихся полного включения мыслительной деятельности. [6] В принципе сама по себе эта технология является средой, где сочетается практическая и физическая деятельность.

Сущностью VR является полное погружение в цифровую среду. К такому виду среды относятся виртуальные 3D туры. AR же является средой, где на реальное окружение пользователя накладывается цифровые объекты, как правило, при помощи специальных приложений. Смешанная цифровая среда является же синтезом этих двух технологий. Благодаря данным технологиям получается достигнуть эффекта «присутствия», что способствует и лучшему запоминанию информации, и глубокому пониманию материала, так как история «оживает» перед глазами зрителя.

Несмотря на вышеперечисленные преимущества, у новых технологий есть свои вызовы, которые должно преодолеть современное историческое и педагогическое сообщество. Так, одной из основных проблем являются технические и экономические барьеры. Стоимость оборудования и разработки проектов иммерсивной реальности остаются высокими, из-за чего до сих пор есть проблемы разрыва уровня цифровой обеспеченности различных учебных заведений, что делает пока создание этой технологии ещё не особо доступной. Из этого же факта вытекает ещё и проблема совместимости оборудования и высоких требований к производительности компьютеров.

Также может возникнуть момент, когда историческое событие может быть исковеркано из-за стремления к зрелищному отражению того или иного аспекта в истории. Убедительность 3D-модели может маскировать научные допущения, формируя у пользователя искажённое представление о прошлом как об абсолютной истине. Для недопущения этого стоит вынести определённые критерии и ограничения того, как должно создаваться виртуальная реконструкция без упрощённых, идеализированных и недостоверных образов прошлого, где не остается места для сложности, противоречий и «неудобных» деталей.

Ещё одним из вызовов являются психологические и этические аспекты. Погружение в травматичные исторические события (войны, катастрофы) требует особого педагогического сопровождения. Важно не допустить искажения исторической памяти, и при этом необходимо найти способ передать эти же знания без нанесения какой-либо психологической травмы. Также остро стоит вопрос о корректности реконструкции объектов, имеющих сакральное значение для определенных культур, и о конфликте между правом общества на знание и правом личности на забвение. Как отмечают Никифорова и Воронова, избыточная иммерсивность может приводить к психоэмоциональному перегоранию, а яркость виртуального мира – к потере интереса к обыденной реальности [4].

Тем не менее, вышеуказанные вызовы преодолимы, и нет сомнения в том, что в будущем иммерсивное обучение при помощи VR/AR технологий станут повсеместными. В итоге выходит, что историки и педагоги будущего помимо знаний в области их специальности должны будут владеть ещё знаниями и навыками реализации обучения при помощи технологий виртуальной реальности. И конечно же для этого нужно будет потратить годы для разработки новых учебных программ для подготовки кадров будущего, которые будут соответствовать вызовам исторических наук в будущем, а также годы обучения этих будущих специалистов. Но как эти технологии можно интегрировать в учебный процесс уже сегодня?

Вот один из вариантов того, как можно использовать эти технологии в педагогическом процессе. Сейчас повсеместно в каждой школе Российской Федерации по понедельникам проводят внеклассный урок «Разговоры о важном», который направлен на обсуждение тем для всестороннего развития граждан. По моим наблюдениям то же посещение тех же 3-D туров экскурсий в рамках заданной темы урока будет благоприятно способствовать вовлечённости детей в изучаемый материал и будет способствовать лучшему запоминанию знаний. В принципе эти же «экскурсии» также можно применять и для обычных уроков истории. Для этой технологии понадобится интерактивная доска с доступом в интернет, но в случае отсутствия этого оборудования можно дать обучающимся возможность воспользоваться обычным сенсорным телефоном, так как большинство современных устройств в наше время имеют доступ к этой технологии.

С VR технологиями и технологиями мультимедиа уже сложнее, ибо тут уже оборудование может быть недоступно по цене для некоторых образовательных организаций. Зато эти технологии уже активно используют в музейных экспозициях. Например, Свинцова Т.И. в своей работе упоминает о проекте мультимедийных парков «Россия – моя история», где учащиеся могут посетить интерактивные выставки и «прикоснуться к истории» [6]. Эти выставки расположены в 26 городах России, что делает историю доступной и близкой для широкого круга лиц. В рамках этого проекта на выставках используются технологии 3d-моделирования и различные интерактивные элементы: аудио - записей, оцифрованные исторические источники и др.

Таким образом видно, что современные технологии уже внедрились в сферу Истории, и в ближайшем будущем что для педагогической, что музейной деятельности использование VR-технологий станет обыденностью.

Результаты. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что виртуальная реконструкция и иммерсивные технологии являются мощным инструментом, трансформирующим парадигму исторического знания. Они открывают новые возможности для научных исследований, позволяя проводить пространственный

анализ и визуализировать сложные гипотезы. В образовании эти технологии способствуют формированию глубокого эмоционального и личностного отношения к истории, повышая мотивацию и эффективность обучения.

Тем не менее, этот инструмент требует ответственного и взвешенного подхода. Будущее виртуальной истории видится в тесном союзе технологий и строгой научной методологии, где историк выступает не только как исследователь, но и как «защитник» исторической правды. Преодоление технических, экономических и этических вызовов станет ключевой задачей для дальнейшей интеграции этих перспективных технологий в исследовательскую и образовательную практику.

В рамках исследования были также рассмотрены реальные реализованные проекты, а также были рассмотрены возможности для трансформации историка как специалиста будущего. Можно сделать вывод, что будущему профессионалу помимо освоения базы знаний по истории и освоению навыков педагогического мастерства необходимо будет также полноценно овладеть знаниями в области использования виртуальной реальности в педагогической и в музейной деятельности. Таким образом, будущий историк будет обеспечивать пространство, чтобы цифровое прошлое оставалось не просто красивым, но и правдивым. Для этого необходимо вводить отдельные курсы по изучению использования VR/AR в учебных планах будущих историков и педагогов для подготовки специалистов будущего, а для этого нужно начать разрабатывать программу дисциплины и план того, как передать необходимые навыки и какую информацию нужно знать по этому разделу будущим специалистам.

Общим итогом исследования стало то, что иммерсивное обучение и виртуальные реконструкции уже стали частью исторических наук. Да, пока это не обыденно, но видна тенденция того, что всё идет к этому.

Список использованных источников:

1. Бородкин Л.И. Цифровые технологии в задачах виртуальной реконструкции исторического городского ландшафта // Вестник Пермского университета. Серия История. 2019. – № 3. С. 109 – 117.
2. Морозов В.В. Модели и алгоритмы для системы виртуальной реконструкции культурно исторических объектов. Сборник: Виртуальное моделирование, прототипирование и промышленный дизайн. Материалы X Международной научно-практической конференции. – Тамбов, 2024. – С. 32-38.
3. Мироненко М.С. Современные подходы к 3d-реконструкции объектов культурного наследия: проблемы визуализации и восприятия (на примере Московского Страстного монастыря и Чудова монастыря Московского Кремля) // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2015. Т.6. Выпуск 8 (41).
4. Никифорова А.А., Воронова Н.И. Иммерсивные практики в современном культурном пространстве (мировой и отечественный опыт) // Философия и культура. – 2023. № 5. – С. 60-73. DOI: 10.7256/2454-0757.2023.5.40731 EDN: ZCRKPU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40731
5. Павлов К.В. Виртуальные реконструкции объектов историко-культурного наследия как научное направление (1996-2020): структура научной коммуникации в контексте анализа цитирований // Историческая информатика. 2021. № 3.
6. Свинцова Т.И. Использование геймификации и виртуальной реальности на уроках истории // Вестник науки. 2025. №6 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-geymifikatsii-i-virtualnoy-realnosti-na-urokah-istorii> (дата обращения: 28.10.2025).
7. Шишов С.Е., Кальней В.А., Ряхимова Е.Г. Теоретические основания иммерсивного смешанного обучения в рамках развития «педагогика 4.0» // Вестник РМАТ. 2023. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovaniya-immersivnogo-smeshannogo-obucheniya-v-ramkah-razvitiya-pedagogiki-4-0> (дата обращения: 27.10.2025).

УДК: 930. 2

Шатохина А.А.,

студентка 3 курса, направления подготовки 440301 – ИСОБ – 23/1, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского» (Первый казачий университет). Россия, Москва;

Научный руководитель: Богатырева О.В.,

доцент СГТ, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского» (Первый казачий университет). Россия, Москва;

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ МЕТОДОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации исследовательских методов в исторической науке под влиянием цифровых технологий. Рассматриваются примеры использования технологий, их преимущества и ограничения, а также влияние на методы сбора, анализа и интерпретации исторических данных.

Основные результаты исследования включают описание того, как цифровые технологии ускорили доступ к историческим источникам, улучшили визуализацию данных и способствовали международному сотрудничеству историков. Среди преимуществ цифровых технологий выделяются ускорение обработки данных, расширение доступа к архивам и стимулирование развития новых методов исследования.

Однако статья также обращает внимание на риски и ограничения, связанные с использованием цифровых технологий в исторической науке. Среди них – необходимость проверки качества данных, возможность манипуляций с историческими фактами и ограниченный доступ к интернету в некоторых регионах.

Научная работа будет полезна историкам, исследователям и всем, кто интересуется цифровой трансформацией исторической науки. Результаты исследования могут быть использованы для разработки новых подходов и повышения эффективности исторических исследований.

Ключевые слова: цифровые технологии, историческая наука, исследовательские методы, трансформация, исторический анализ, исторические данные.

TRANSFORMATION OF RESEARCH METHODS IN HISTORICAL SCIENCE UNDER THE INFLUENCE OF DIGITAL TECHNOLOGIES

Abstract. The article is devoted to the analysis of the transformation of research methods in historical science under the influence of digital technologies. Examples of the use of technologies, their advantages and limitations, as well as the impact on methods of collecting, analyzing and interpreting historical data are considered.

The main results of the study include a description of how digital technologies have accelerated access to historical sources, improved data visualization, and facilitated international collaboration among historians. Among the advantages of digital technologies are acceleration of data processing, expansion of access to archives and stimulation of the development of new research methods.

However, the article also draws attention to the risks and limitations associated with the use of digital technologies in historical scholarship. Among them are the need to check the quality of data, the possibility of manipulating historical facts, and limited Internet access in some regions.

The scientific work will be useful to historians, researchers and anyone interested in the digital transformation of historical science. The research results can be used to develop new approaches and improve the effectiveness of historical research.

Keywords: digital technologies, historical science, research methods, transformation, historical analysis, historical data.

Введение

В современном мире цифровые технологии проникают во все сферы жизни, включая историческую науку. Они открывают новые возможности для исследователей, позволяя им по-новому взглянуть на исторические процессы и явления. Трансформация исследовательских методов под влиянием цифровых технологий становится одним из ключевых направлений развития исторической науки.

Историческая наука традиционно опиралась на анализ письменных источников, археологических находок и других материальных свидетельств прошлого. Однако с развитием цифровых технологий появляются новые инструменты и методы, которые позволяют расширить горизонты исторических исследований.

Актуальность темы трансформации исследовательских методов в исторической науке под влиянием цифровых технологий обусловлена несколькими факторами. Цифровые технологии расширяют доступ к информации в архивах, библиотеках и базах данных, улучшая анализ данных и выявление закономерностей. Они также способствуют междисциплинарным исследованиям, объединяя историков с математиками, статистиками и информатиками, и изменяют способы визуализации данных через интерактивные карты и графики, делая исторические исследования более понятными для широкой аудитории [1].

Целью данной статьи является анализ трансформации исследовательских методов в исторической науке под влиянием цифровых технологий. В статье будут рассмотрены основные направления развития цифровых технологий в исторической науке, их влияние на методы исследования, а также перспективы и вызовы, связанные с их использованием.

Для достижения поставленной цели будут использованы методы анализа научной литературы, сравнительного анализа, синтеза и обобщения. В статье будут рассмотрены примеры использования цифровых технологий в исторических исследованиях, а также обсуждены их преимущества и ограничения.

Статья адресована историкам, исследователям, преподавателям и всем, кто интересуется вопросами трансформации исследовательских методов в исторической науке под влиянием цифровых технологий. Результаты исследования могут быть полезны для разработки новых подходов к изучению истории, а также для повышения эффективности исторических исследований.

Результаты исследования:

В последние десятилетия цифровые технологии оказали значительное влияние на многие научные дисциплины, включая историческую науку. Они изменили подходы к сбору, анализу и интерпретации исторических данных, а также способы представления результатов исследований [3]. Мы рассмотрим, как под влиянием цифровых технологий изменились такие исторические методы, как: анализ больших данных, визуализация исторических данных, оцифровка исторических данных, использование социальных сетей и онлайн-платформ и др.

1. Оцифровка исторических источников

Одним из наиболее заметных изменений стало появление огромного количества оцифрованных исторических источников, доступных для исследователей онлайн. Это включает в себя рукописи, архивные документы, карты, фотографии, фильмы и другие материалы. Оцифровка позволила историкам получить доступ к источникам, которые ранее были труднодоступны или находились в отдалённых архивах.

Кроме того, оцифровка источников открыла новые возможности для их анализа. К примеру, с помощью алгоритмов машинного обучения можно автоматически извлекать информацию из текстовых документов, классифицировать их по темам или авторам. Это может значительно ускорить процесс исследования и сделать его более эффективным.

2. Визуализация исторических данных

Цифровые технологии также изменили способы визуализации исторических данных. Вместо традиционных таблиц и графиков историки могут использовать интерактивные карты, временные шкалы, диаграммы и другие визуальные инструменты для представления информации.

Например, исторические карты могут быть представлены в виде интерактивных карт с возможностью масштабирования и изменения параметров. Временные шкалы могут быть дополнены графиками, показывающими изменения ключевых показателей во времени. Это позволяет историкам более наглядно представить динамику исторических процессов и сделать выводы, которые были бы менее очевидны при использовании традиционных методов визуализации.

3. Анализ больших данных

С развитием технологий обработки больших данных историки получили возможность анализировать огромные массивы исторических данных, которые ранее были недоступны из-за сложности их обработки. Это включает в себя данные о демографии, экономике, культуре, политике и других аспектах истории [2].

Анализ больших данных позволяет историкам выявлять закономерности и тенденции, которые могут быть скрыты в небольших выборках данных. Так, анализ данных о миграции способствует пониманию влияния миграционных процессов на формирование культур и обществ в прошлом.

4. Моделирование исторических процессов

Появление цифровых технологий также позволило историкам создавать модели исторических процессов, которые могут быть использованы для прогнозирования или объяснения исторических событий.

Моделирование исторических процессов может помочь историкам лучше понять причинно-следственные связи и сделать более обоснованные выводы. К примеру, модель распространения идей может показать, как определённые идеи влияли на формирование общественного мнения и культурные изменения в прошлом.

5. Использование социальных сетей и онлайн-платформ

Социальные сети и онлайн-платформы стали важными инструментами для историков, изучающих современные исторические процессы и явления. Они позволяют историкам получать доступ к информации о социальных движениях, политических событиях, культурных тенденциях и других аспектах современности.

Анализ контента в социальных сетях может помочь историкам понять, как определённые события или идеи влияют на общественное мнение и поведение людей. Это может быть особенно полезно при изучении современных исторических процессов, таких как протестные движения или политические кампании.

6. Новые методы анализа текстов

Цифровые технологии привели к появлению новых методов анализа текстов, которые могут быть использованы для изучения исторических документов, литературных произведений, писем и других текстовых источников. Так, методы машинного обучения могут быть использованы для классификации текстов по темам, авторам или стилям.

Это позволяет историкам более эффективно анализировать большие объёмы текстовых данных и выявлять закономерности, которые могут быть скрыты при ручном анализе. Например, анализ текстов может помочь историкам понять, как определённые идеи или концепции развивались во времени или как они влияли на формирование исторических нарративов [4].

7. Интерактивные исторические ресурсы

Цифровые технологии также привели к созданию интерактивных исторических ресурсов, таких как виртуальные музеи, интерактивные учебники и образовательные платформы. Эти ресурсы позволяют пользователям взаимодействовать с историческими данными и получать более глубокое понимание исторических процессов.

Если рассматривать виртуальные музеи в этом контексте, то они могут позволить пользователям исследовать экспонаты, читать описания и получать дополнительную информацию о них. Интерактивные учебники могут включать в себя тесты, задания и другие интерактивные элементы, которые делают процесс обучения более увлекательным и эффективным.

8. Интеграция данных из разных источников

Цифровые технологии позволили историкам интегрировать данные из разных источников, таких как архивы, библиотеки, музеи и другие учреждения. Это может включать в себя интеграцию данных о географических картах, статистических данных, текстах и других источниках.

Интеграция данных позволяет историкам получить более полное представление об исторических процессах и явлениях. К примеру, интеграция данных о демографии, экономике и культуре может помочь историкам понять, как эти факторы взаимодействовали и влияли на формирование обществ в прошлом.

9. Новые подходы к преподаванию истории

Цифровые технологии также изменили подходы к преподаванию истории. Онлайн-курсы, образовательные платформы и другие цифровые ресурсы позволяют студентам получить доступ к историческим знаниям и исследованиям из любой точки мира.

Кроме того, цифровые технологии позволяют преподавателям создавать интерактивные учебные материалы, которые делают процесс обучения более увлекательным и эффективным. Например, преподаватели могут использовать интерактивные карты и временные шкалы для объяснения исторических событий или создавать интерактивные задания для проверки знаний студентов.

10. Развитие междисциплинарных исследований

Наконец, цифровые технологии способствовали развитию междисциплинарных исследований в исторической науке. Они позволили историкам сотрудничать с учёными из других областей, таких как компьютерные науки, статистика, искусственный интеллект и другие дисциплины. Это может привести к появлению новых подходов к историческим исследованиям и созданию новых междисциплинарных

направлений в исторической науке. Так, историки могут сотрудничать с компьютерными учёными для разработки алгоритмов анализа исторических текстов или с экономистами для изучения экономических аспектов истории.

Исходя из вышесказанного, можно выявить плюсы трансформаций исследовательских методов в исторической науке под влиянием цифровых технологий:

Цифровые технологии значительно ускоряют обработку и анализ больших объёмов данных, включая тексты, изображения, аудио- и видеоматериалы. Это сокращает время на проведение исследований и позволяет учёным сосредоточиться на их интерпретации. Кроме того, цифровые технологии расширяют горизонты исследований, предоставляя доступ к ранее недоступным источникам, таким как архивные документы, газеты и журналы, хранящиеся в электронных базах данных. Таким образом, историки получают возможность увидеть более полную картину прошлого [5].

Ещё одно преимущество цифровых технологий – возможность визуализации данных. Исторические процессы и явления можно представить в виде карт, графиков, диаграмм и схем, что помогает лучше понять их сложность. Кроме того, цифровые платформы и инструменты для совместной работы позволяют историкам из разных стран обмениваться идеями в режиме реального времени, способствуя более глубокому пониманию исторических процессов.

Цифровые технологии также стимулируют развитие новых методов исследования, таких как сетевой анализ, анализ больших данных и визуализация исторических событий, открывая новые возможности для научных исследований и способствуя появлению новых направлений.

Однако, несмотря на все преимущества, цифровые технологии также несут в себе определённые риски. Один из них – потеря глубины и контекста исторических событий при работе с большими объёмами данных и использовании автоматизированных методов анализа. Цифровые технологии помогают обнаруживать закономерности, но не всегда способны заменить тщательный анализ и интерпретацию источников.

Также для эффективного использования цифровых технологий историкам необходимо осваивать новые инструменты и методы работы, что требует времени и усилий, особенно для учёных старшего поколения. Проблема качества и достоверности данных также остаётся актуальной: не все цифровые источники надёжны, и историкам необходимо тщательно проверять и верифицировать информацию, особенно при работе с онлайн-ресурсами и социальными сетями.

Цифровые технологии могут быть использованы и для манипуляции историческими данными, что может привести к распространению недостоверной информации и искажению исторического наследия. Наконец, ограниченность доступа к некоторым цифровым ресурсам, особенно в развивающихся странах или регионах с ограниченным доступом к интернету, также является существенным минусом.

Заключение:

В заключение можно сказать, что цифровые технологии оказали значительное влияние на историческую науку, изменив подходы к исследованиям и способы представления результатов. Они расширили доступ к историческим источникам, ускорили процесс анализа данных и способствовали междисциплинарным подходам в исследованиях.

Преимущества использования цифровых технологий в исторической науке очевидны: ускорение обработки и анализа данных, расширение доступа к архивам, возможность визуализации исторических процессов и стимулирование международной научной кооперации. Однако важно помнить, что цифровые технологии не заменяют глубокого анализа источников и критического мышления.

Историкам необходимо осваивать новые инструменты и методы работы с данными, что требует времени и усилий. Кроме того, качество данных не всегда высоко, поэтому их необходимо проверять. Также существует риск использования технологий для манипуляций с историческими фактами.

Несмотря на эти вызовы, цифровые технологии открывают новые возможности для исторических исследований. Они способствуют появлению новых подходов и междисциплинарных направлений в исторической науке, позволяя историкам сотрудничать с учёными из других областей. Таким образом, благодаря появлению цифровых технологий мы получаем более глубокое понимание исторических процессов и явлений.

Список использованных источников:

1. Батырбаева, Ш.Д. (2019), Цифровой поворот и историческая наука. Историческая информатика. №3. С. 6-13
2. Бородин Л.И., Историк и мир (больших) данных: вызовы цифрового поворота // Историческая информатика. 2019. №3 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istorik-i-mir-bolshih-dannyh-vyzovy-tsifrovogo-povorota> (дата обращения: 26.10.2025).
3. Владимиров, В.Н. (2021), И все-таки – что такое цифровая история? Историческая информатика. №1. С. 168–173.
4. Гарскова И.М. (2018), Историческая информатика: эволюция междисциплинарного направления. СПб.: Алетей. 408 с.
5. Дыдров А.А. (2023), Исторические источники цифровой эпохи. Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Т. 9. № 1. С. 13–21.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЦИФРОВОГО СЛЕДА «АРХИВНОЙ ПЫЛИ»: ПРИВАТНОСТЬ КАК ЖЕРТВА ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ БУДУЩЕГО

Аннотация. Статья посвящена анализу фундаментального вызова, который цифровая эпоха бросает исторической науке. Онтологический сдвиг от целенаправленно сохраненных документов к пассивно фиксируемым данным радикально меняет природу исторического источника. Это порождает комплекс методологических, этических и эпистемологических проблем. С методологической точки зрения историк сталкивается с дилеммой «шума» и «сигнала» и рискует утонуть в информационной перегрузке и подменить глубокую герменевтику поверхностным анализом больших данных. Этический вызов заключается в конфликте права общества на память с правом индивида на приватность. Эпистемологическая проблема состоит в том, что алгоритмы платформ выступают как соавторы прошлого, предлагая для изучения не сырую реальность, а её предварительно отфильтрованную и искаженную версию. В качестве ответа на эти вызовы статья предлагает переход от «права на память» к «праву на забвение» как этическому императиву, трансформация роли историка в критика источников цифровой эры, способного к «археологии интерфейсов» и деконструкции алгоритмов, а также необходимость ведения открытого диалога с обществом в рамках публичной истории для выработки коллективных решений о будущем нашего цифрового наследия.

Ключевые слова: цифровой след, архивная пыль, историческая наука, цифровая трансформация, большие данные, приватность, публичная история, цифровая этика, исторические источники, методология истории, цифровое наследие.

CONFRONTING THE DIGITAL FOOTPRINT OF «ARCHIVE DUST»: PRIVACY AS A VICTIM OF HISTORICAL EXPLORATION OF THE FUTURE

Abstract. The article is devoted to the analysis of the fundamental challenge that the digital age poses to historical science. The ontological shift from purposefully preserved documents to passively recorded data radically changes the nature of the historical source. This creates a set of methodological, ethical and epistemological problems. From a methodological point of view, the historian is faced with the dilemma of «noise» and «signal» and risks drowning in information overload and replacing deep hermeneutics with a superficial analysis of big data. The ethical challenge lies in the conflict between society's right to memory and the individual's right to privacy. The epistemological problem is that the algorithms of the platforms act as co-authors of the past, offering to study not the raw reality, but its pre-filtered and distorted version. As a response to these challenges, the article suggests a transition from the «right to memory» to the «right to be forgotten» as an ethical imperative, the transformation of the role of the historian into a critic of digital age sources capable of «interface archaeology» and deconstruction of algorithms, as well as the need for an open dialogue with society within the framework of public history to develop collective solutions. about the future of our digital heritage.

Keywords: digital footprint, archival dust, historical science, digital transformation, big data, privacy, public history, digital ethics, historical sources, methodology of history, digital heritage.

Традиционный исторический источник представляет собой не просто физический артефакт; это материальное воплощение особой культуры сохранения, основанной на целенаправленном отборе и осмысленной передаче информации во времени. Эта культура зиждется на принципе интернациональности, согласно которому документ создавался и, что важно, сохранялся с расчетом на потенциального зрителя, будь тот потомком, современником или историком. Как отмечает французский историк Арлетт Фарж, в мире архивных документов исследователь сталкивается не с хаотичным нагромождением бумаг, а со следами осознанных человеческих поступков, с «плодом труда руки, решающей, что именно заслуживает быть записанным» [1].

Каждый архивный документ (письмо, отчет, дневник, пр.) проходил незримый ценз значимости, который определялся личными, институциональными или идеологическими соображениями эпохи. Иными словами, архив, в классическом его понимании, – это продукт селекции. И этот отбор неизбежно придает ему репрезентативный характер. В его фондах находят голоса тех, кто, в первую очередь, обладал властью, ресурсами или хорошим социальным статусом – привилегиями, которые позволяют считать твою мысль достойной «увековечивания». Как отмечает российский историк Андрей Владимирович Попов, «архив – это не просто склад документов, а система, отражающая ценностные ориентиры эпохи и ее представления о значимости тех или иных событий» [2]. Таким образом, феномен «архивной пыли», метафорически уподобленного традиционному историческому источнику, является неким активным агентом в формировании исторического нарратива, который способен фильтровать одни данные и легитимизировать другие.

Наконец, неотъемлемым свойством «архивной пыли» является ее материальная природа и неразрывная связь с физическим контекстом. Документ существует не сам по себе; его смысл рождается из его места в определенном фонде, соседства с другими делами, пометок на полях, качества бумаги, почерка – в общем, всего того, что создает уникальный и неповторимый ореол. Работа с архивами – это всегда диалог не только с текстом, но и с вещью, погруженной в строго детерминированный контекст – молчаливое и весомое историческое свидетельство.

В радикальном противопоставлении «архивной пыли» цифровой след возникает не как продукт целенаправленной культуры сохранения. Он фиксирует все без разбора. Каждое нажатие клавиши, геолокационная метка, лайк в социальной сети – все это становится частью перманентного цифрового массива. В отличие от классического архива, где отбор осуществляется осознанно, цифровая фиксация носит автоматический характер. Это создает принципиально иную эпистемологическую ситуацию: историк будущего будет иметь дело не с тем, что общество или индивид решили оставить в наследство, а с тем, что было автоматически зафиксировано в качестве побочного продукта их существования.

Автоматическая фиксация порождает три фундаментальных свойства цифрового следа: тотальность, пассивность и структурную аморфность. Тотальность проявляется в документировании практически всего – от стратегических решений в форме электронных писем до мимолетных эмоциональных реакций, выраженных через лайки и время просмотра контента. Пассивность означает, что человек оставляет эти следы не всегда осознанно, как, например, при ведении дневника, а по факту использования цифровых устройств – его геолокация, социальные связи и потребительские привычки регистрируются сами собой. Как отмечает философ и социолог Зигмунт Бауман, «мы живем в эпоху «исповеди без исповедника», когда самые сокровенные аспекты жизни добровольно-принудительно выкладываются на всеобщее обозрение, даже без четкого понимания последствий» [3]. Согласно этой концепции, современное «текущее» общество пережило фундаментальный сдвиг. На смену «эре исповедника», когда существовал авторитетный арбитр – будь то священник, психоаналитик или идеолог, – пришла эпоха «исповеди без исповедника». Раньше эта фигура не только выслушивала признание, но и выносила вердикт, даруя прощение, назначая наказание или путь к исправлению, тем самым интерпретируя наши поступки в рамках большой системы ценностей, будь то религия, мораль или идеология. Сегодня же, оставаясь одержимыми самовыражением и исповедью, мы лишились этого наделенного властью слушателя. Мы добровольно выкладываем самые сокровенные детали нашей жизни в публичное пространство – от СМИ и блогов до социальных сетей, – однако больше не получаем в ответ ни авторитетного суждения, ни прощения, ни наделения смыслом.

Цифровой след имеет опосредованный и хрупкий характер. Историк будущего будет иметь доступ не к «сырой» реальности напрямую, а к той ее версии, которая была предварительно обработана, отсортирована и представлена алгоритмами. Исследовательница из Голландии Йосе ван Дейк в своей теории «платформизма» указывает, что «платформы действуют как кураторы социальной реальности, чьи архитектурные решения и бизнес-модели невидимо, но властно формируют то, что подлежит фиксации и как эти данные структурируются» [4]. Проще говоря, цифровой след – это хорошо отфильтрованные интерпретированные данные. Однако, в отличие от автономного физического документа, цифровой след виртуален и существует в условиях постоянной угрозы «цифрового забвения» [5] – его существование зависит от жизненного цикла технологий, политик платформ и экономической целесообразности их хранения, что делает его наследие куда более эфемерным, чем это может показаться на первый взгляд.

Фундаментальная проблема, с которой сталкивается историк будущего при работе с цифровыми следами, – есть ключевой методологический вызов, который заключается в разделении «шума» и «сигнала» в цифровых массивах данных. Если в классическом архиве документ проходит двойную селекцию – сначала создателем, решившим его сохранить, а затем архивистом, определившим его ценность, – то в океане цифровых следов любая попытка отделения релевантного для исследователя материала от нерелевантного ложится исключительно на плечи историка. Этот массив данных характеризуется далеко не структурированностью, которая обычно относится к каталогизированным фондам. Он представляет собой непрерывный поток, где сообщение, личная переписка, рекламный баннер или автоматически сгенерированный системный отчет существует в одной неделимой среде. Советский и российский математик Альберт Николаевич Ширяев в своем труде «Вероятностно-статистические методы в теории принятия решений» указывает, что для обнаружения «осмысленного паттерна» в случайном потоке данных необходимы сложные математические инструменты, так как «момент разладки» – точка изменения характера процесса – заранее не известен наблюдателю, и его выделение требует специальных методов, минимизирующих как вероятность ложной тревоги, так и время запаздывания верного обнаружения [6]. Переноса эту логику в поле исторической науки, можно утверждать, что историк оказывается в роли такого наблюдателя, который в потоке цифрового «шума» должен безошибочно идентифицировать «сигнал» – тот самый «осмысленный паттерн».

Но, конечно, не без рисков. Исследователь, который имеет доступ к архиву социальных сетей, например, может с высочайшей точностью реконструировать повседневные практики, потребительские привычки и маршруты передвижения большого количества людей. Колоссальный объем этой информации, ее атомизированность и «сырость» создают угрозу: уникальные кейсы могут быть приняты за репрезентативную тенденцию, а общая картина общественного развития оказаться размытой и фрагментированной.

Этический вызов, который бросает исторической науке эпоха цифрового следа, заключается в подрыве доктрины информированного согласия. В контексте исторических исследований будущего происходит кризис понимания, причиной которого становится лишение принципа добровольного согласия – уважения к автономии и достоинству человека, который сознательно и свободно разрешает использовать свою личность в исследовательских целях. И в результате, наши современники, чьи цифровые следы (переписка, геолокация, история покупок, запросы в браузере) станут основным источником для анализа, не только не давали на это своего согласия, но и не могли этого сделать в принципе, так как у них не было понимания, что их повседневная жизнь превратится в исторический документ.

Это порождает ситуацию, которую можно охарактеризовать как масштабный ретроспективный этический конфликт. Историк будущего, роаясь в терабайтах наших личных данных, по сути, будет совершать вторжение в частную жизнь, которое не было санкционировано и о возможности которого мы даже не подозревали. Проблема усугубляется тем, что в современном цифровом обществе, как показывает практика, даже формальное информированное согласие зачастую является фикцией. Например, самая частая ситуация, когда пациенту подают на подпись бланк информированного добровольного согласия вместе с пачкой других документов (на госпитализацию, на обработку персональных данных) и просят «поставить галочки» без объяснения сути процедуры, целей рисков и альтернатив. Но в нашем случае пациенты – это все пользователи цифровых сервисов, которые подписывают сложные документы, не читая их, или доверяя системе. Это в полной мере относится к пользовательским соглашениям, которые мы принимаем, регистрируясь в социальных сетях или используя поисковые системы.

Эпистемологический вызов заключается в том, что историк будущего утрачивает прямую связь с «сырой» реальностью, оказывается перед лицом уже предварительно отфильтрованной, структурированной и интерпретированной алгоритмами реальности. Это порождает сомнения по поводу самой возможности объективного познания, переводя вопрос о достоверности источника из традиционной плоскости критики текста в неведомую ранее плоскость критики алгоритмического кода. Алгоритм, как безличный архивист, наделяется одновременно двумя функциями: функцией надзора и функцией соавтора. Первый по умолчанию определяет, что именно из цифрового следа подлежит сохранению и легкому извлечению, а что будет «похоронено» в небытии; второй формирует сам объект исследования, создавая устойчивые паттерны и связи из хаотичного массива данных. Российский философ, академик РАН Владислав Александрович Лекторский, анализируя вызовы современной эпистемологии в условиях цифровой трансформации, указывает, что «новые когнитивные и информационные технологии взрывают привычные жизненные миры» [7]. Он подчеркивает, что человечество стоит на пороге фундаментального перехода к «электронному обществу» и «электронному человеку», где ключевой становится проблема взаимоотношения ««найденного» и «сделанного», реальности мира вне человека и человеческой виртуальной реальности» [8]. В этом контексте цифровой архив предстает не как нейтральное хранилище «найденного», а как активный продукт «сделанного» – результат творчества алгоритмов, чьи внутренние логика и ценности впечатываются в ткань исторического источника. Такого же мнения придерживается исследовательница в области искусственного интеллекта, соосновательница исследовательского института AI Now Кейт Кроуфорд. Она отмечает, что «алгоритм не нейтрален – он отражает ценности и предубеждения своих создателей, становясь невидимым редактором исторической памяти» [9]. То есть, фильтруя и ранжируя информацию (например, результаты поиска по какому-нибудь определенному историческому событию), алгоритм становится мощным, но невидимым редактором, который формирует то, что общество в итоге считает «правдой» и «памятью».

В своей цензурской ипостаси алгоритм действует куда более тонко и эффективно [10]. Его работа основана не на прямом запрете, а на принципах ранжирования, рекомендации и архивации. Лента новостей, алгоритмы поиска, персонализированные рекомендации – все эти механизмы формируют достаточно большой слепок эпохи. Они сохраняют и выдвигают на первый план то, что соответствует правилам виральности, коммерческим интересам платформы или политике контент-модернизации. Историк будущего вынужден будет изучать не подлинный срез цифровой общественной сферы, а ее «кривое зеркало», настроенное алгоритмами. В свою очередь, исходные коды алгоритмов могут стать недоступными для анализа вследствие коммерческой тайны.

Как соавтор, алгоритм трансформирует саму методологию исторического познания. Он приносит с собой собственную онтологию, основанную на статистических вероятностях, а не на казуальных связях или понимании смыслов. История рискует превратиться в дисциплину, изучающую не мотивы и поступки людей, а абстрактные тренды и аномалии, выявленные «черным ящиком» нейросети, логику работы которой не может до конца объяснить даже ее создатель. Это требует от историка принципиально новой компетенции – эпистемологической рефлексии, направленной не только на источник, но и на инструментарий, на способ его создания, обучения и применения.

В рамках осмысления этических вызовов цифровой эпохи ключевым представляется анализ концептуального перехода от безусловного «права на память» общества к нарождающемуся индивидуальному «праву на забвение». Этот переход знаменует собой глубокий ценностный сдвиг, затрагивающий основы исторического познания. Если традиционная парадигма была основана на презумпции тотальной сохранности и последующего изучения всех доступных свидетельств прошлого, то цифровая среда породила обратную реакцию – требование ограничить коллективную память во имя приватности и автономии личности. Как отмечают российские исследователи Ирина Юрьевна Алексеева и Александр Петрович Алексеев, историческая память становится полем напряженного взаимодействия, а зачастую и столкновения «стилей мышления и ценностно-нормативных систем разных научных дисциплин и трансдисциплинарных практик» [11]. В этом контексте историк оказывается не просто интерпретатором прошлого, но и арбитром в сложном диалоге между публичным интересом и личной тайной.

С методологической точки зрения это противоречие проявляется в фундаментальном пересмотре принципа «информированного согласия» применительно к историческому исследованию. Субъекты цифровой эпохи, чьи следы в виде личной переписки, поисковых запросов, геолокации и иных поведенческих данных становятся объектом изучения, не давали и не могли дать осознанного разрешения на их использование

будущими историками. Это порождает уникальную для исторической науки этическую дилемму, которую отечественные специалисты характеризуют как проблему «альянсов “власти и памяти”, “власти и забвения”» [12]. Историк, сам того не желая, превращается в агента, осуществляющего «политическое использование прошлого», даже если его мотивация сугубо научна. Профессиональное сообщество вынуждено признать, что в новой реальности сама процедура отбора источников уже является этически нагруженным действием, требующим выработки четких критериев и процедур, которые позволили бы уравновесить познавательный импульс с уважением к частной жизни людей недавнего прошлого.

Решение этого конфликта видится в разработке и внедрении в научный обиход специализированного этического кодекса для «цифровых историков». Такой кодекс должен регламентировать доступ и использование личных данных, предлагая, в частности, механизмы анонимизации, установление временных мораториев на изучение особо чувствительных категорий данных (например, медицинских, или личной переписки). При этом, как подчеркивается в ряде исследований, важной составляющей этого процесса является «историческая дистанция как обязательного в «объективном» историческом исследовании разрыва между прошлым и настоящим» [13]. В цифровую эпоху этот классический принцип обретает новое звучание: он становится не только условием объективности, но и инструментом этической защиты, позволяющим оградить приватность недавно живших людей от преждевременного и потенциально травмирующего вторжения.

Движение от «права на память» к «праву на забвение» не означает отказа от принципов исторического познания, но представляет собой их сложную адаптацию к вызовам тотальной документированности. Это движение требует от исторического сообщества не только методологической гибкости, но и активной гражданской позиции, направленной на участие в публичном диалоге о границах памяти и забвения в современном обществе. Перспектива развития исторической науки в этом ключе видится не в отвержении цифрового наследия, а в выработке подлинно гуманистического подхода к работе с ним, при котором мощь аналитических инструментов будет сбалансирована этической рефлексией и ответственностью перед людьми, чьи жизни стали частью изучаемого прошлого.

В условиях тотальной алгоритмизации прошлого профессиональная идентичность историка претерпевает фундаментальную трансформацию, требуя становления новой ипостаси – критики источников цифровой эры. Если ранее историк-критик работал с намеренной риторикой автора и контекстом создания документа, то теперь он должен научиться подвергать рефлексии саму технологическую среду, породившую источник, и математическую логику, отфильтровавшую его. Это предполагает вскрытие исследователем не только того, что сказано, но и того, что сказано именно здесь, показано именно этим людям и сохранено в таком, а не ином виде. Теоретик новых медиа Лев Манович настаивает на том, что в цифровую эпоху интерфейс и база данных становятся символическими формами, определяющими саму возможность того, что может быть выражено [14]. Следовательно, историк должен анализировать цифровой след не как прозрачное окно в прошлое, а как сложный медийный продукт, чья форма и содержание неразрывно сплетены с политикой платформы, архитектурой ее API и паттернами пользовательского взаимодействия, которые она поощряет или подавляет.

Эта новая критика требует от историка приобретения цифровой грамотности, выходящей далеко за рамки филологической подготовки. Он должен понимать базовые принципы работы больших данных, машинного обучения и сетевого анализа, чтобы реконструировать условия формирования своего источника. Уже известная нам исследовательница Йосе ван Дейк, развивая концепцию платформизации, указывает, что платформы создают не просто инструменты, а целые экосистемы, которые активно формируют социальные практики. Историк-критик обязан изучать эти экосистемы ретроспективно: какие данные платформа собирала по умолчанию? Как ее алгоритмы рекомендаций формировали информационные пузыри, которые сегодня мы воспринимаем как «естественную» среду прошлого? Как политика модерации удаляла или маркировала определенный контент, тем самым влияя на его будущую видимость для исследователей? Ответы на эти вопросы превращаются в обязательный пропедевтический этап любого исследования, основанного на цифровых следах.

В условиях же методологических и этических вызовов, порожденных цифровой средой, публичная история предлагает конструктивный путь их преодоления, выступая не просто как набор практик популяризации, а как принципиально новая модель взаимодействия между академическим сообществом и обществом, основанная на идее диалога и «разделенной власти» над историческим знанием. Эта модель предполагает отказ от монологической позиции историка как единоличного хранителя и интерпретатора истины в пользу совместного с заинтересованной публикой производства смыслов о прошлом. Как отмечают российские исследователи из Лаборатории публичной истории, публичная история по определению должна избегать однозначного разделения субъектно-объектных ролей: «не только вышедшие из академической среды историки должны учить чему-то, но и они сами обязаны учиться у заинтересованной публики» [15]. Такой подход трансформирует классическую герменевтическую ситуацию, где историк пассивно истолковывает текст, в живую, динамичную коммуникацию, в которой цифровой след становится не объектом одностороннего анализа, а поводом для коллективной рефлексии о взаимосвязи прошлого и настоящего.

В российском контексте, где развитие публичной истории совпало по времени со стремлением государства к монополизации исторического нарратива, диалогическая природа этой дисциплины приобретает особое значение, становясь формой интеллектуального сопротивления тотальной инструментализации прошлого. По мнению историка Алексея Миллера, если «публичной истории необходимо пространство для диалога, то историческая политика, напротив, его уничтожает» [16]. В этом смысле публичная история

выступает как сила, отстаивающая плюрализм интерпретаций и сложность исторического процесса против упрощенных и зачастую мифологизированных официальных версий. Она создает альтернативные площадки, где профессиональные историки, активисты, представители локальных сообществ и просто граждане, не равнодушные к своему прошлому, могут совместно обсуждать травматические и спорные страницы истории, будь то память о войнах, репрессиях или советском наследии. Именно через такой диалог может быть преодолена «растущая пропасть между академической историей и публикой» и удовлетворен «общественный запрос на историю».

Проведенный анализ позволяет констатировать, что противостояние цифрового следа и «архивной пыли» представляет собой не просто техническую смену носителей информации, но фундаментальный переворот в онтологии исторического источника, влекущий за собой глубокую трансформацию самой эпистемологии исторической науки. Цифровая среда, порождающая тотальный и пассивный след, радикально отличается от культуры целенаправленного сохранения, воплощенной в традиционном архиве. Это порождает триаду взаимосвязанных вызовов: методологический, заключающийся в необходимости отделения «сигнала» от «шума» в беспрецедентном объеме данных; этический, ставящий под сомнение саму возможность информированного согласия и выводящий право на забвение в центр исследовательской этики; и, наконец, эпистемологический, при котором алгоритм платформ становится невидимым цензором и соавтором любого будущего исторического нарратива.

Разрешение этого системного кризиса лежит не в попытке вернуться к утраченной парадигме, а в активном формировании новой исследовательской культуры. Ее контуры видятся в синтезе критической рефлексии о природе цифрового источника и диалогических практик публичной истории. Историк будущего обречен на роль «критика источников цифровой эры», чья задача – не просто интерпретировать текст, но и реконструировать архитектуру и политику платформ, этот текст породивших. При этом открытый диалог с обществом о пределах памяти и правах личности становится не просто этическим императивом, но необходимым условием производства легитимного знания. Таким образом, приватность, оказавшись на острие этого конфликта, становится не только его жертвой, но и мощным катализатором, заставляющим историческое сообщество заново осмыслить свои цели и ответственность в эпоху, когда прошлое тотально документировано помимо воли его творцов.

Список использованных источников:

1. Crawford K. The atlas of AI: Power, politics, and the planetary costs of artificial intelligence. – Yale University Press, 2021.
2. Farge A. The allure of the archives. – Yale University Press, 2013.
3. Van Dijck J., Poell T., De Waal M. The platform society: Public values in a connective world. – Oxford university press, 2018.
4. Алексеев А.П., Алексеева И.Ю. Философия исторической памяти // Вопросы философии. – 2018. – №. 10. – С. 67-76.
5. Бауман З. Текучая современность. – Питер, 2008.
6. Завадский А.И. и др. Публичная история: между академическим исследованием и практикой // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2017. – №. 2. – С. 22-34.
7. Кулаков И.Н., Шейкин В.В., Якунин А.И. Обзор некоторых мировых подходов к проблематике цифрового забвения // Образование и право. – 2024. – №. 9. – С. 380-386.
8. Лекторский В.А. Современные тенденции развития эпистемологии / Н.С. Автономова., Д.И. Дубровский, Ж.К. Загидуллин [и др.]–Текст: непосредственный // Вопросы философии: материалы круглого стола. – 2018. – №. 10. – С. 31-66.
9. Манович Л. Язык новых медиа. – Ad Marginem, 2018.
10. Миллер А. Историческая политика в Восточной Европе // Ист. политика в XXI в.: сб. ст. / под ред. А. Миллера и М. Липман. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 7-32.
11. Осташевский А.А. Цензурные уставы XIX века и их влияние на формирование системы российской прессы: дис. – Кубанский государственный университет, 2009.
12. Попов А.В. Архивоведение. Зарубежная россика. – Общество с ограниченной ответственностью Издательство ЮРАЙТ, 2019.
13. Репина Л.П. и др. Международная научная конференция «история, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики» “History, Memory, Identity Theoretical Foundations and Research Practices” (international conference) //Диалог со временем. – 2017. – №. 59. – С. 382.
14. Ширяев А.Н. Вероятностно-статистические методы в теории принятия решений. – Litres, 2020.

УДК 316.77:331.1

Паникова Е.С.

студент, Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского

Богатырева О.В.

к.пед.н, Доцент кафедры Истории ФСГТ, Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского

ПРОТИВОРЕЧИЕ СОВРЕМЕННОЙ СФЕРЫ ТРУДА, КАК ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. Стремительная цифровизация общества охватывает всё больше сфер человеческой жизни, стремительно проникает в различные отрасли. Сфера труда не считается исключением, что в свою очередь очень серьезно влияет на выбор профессии у подрастающего поколения, что соответственно порождает множество различных противоречий в данной сфере. В данной статье рассматриваются четыре ключевых противоречия, выраженных в искажении ожиданий у работников;

противостоянии цифровой идентичности и реальных компетенций у работников; парадокс экономии времени; потерю приватности жизни человека и как следствие – дефицит живого общения. В статье также отмечено, что социальные сети имеют не только отрицательные последствия развития подрастающей личности, но и положительные аспекты процессов развития в профессиональной сфере.

Ключевые слова: интернет, трудоустройство, онлайн-образование, профориентация, социальные сети, интернет-пространство, удаленная работа, молодежь, подрастающее поколение.

THE CONTRADICTION IN THE MODERN LABOR SPHERE CONCERNING THE INFLUENCE OF SOCIAL MEDIA ON YOUTH BEHAVIOR

Abstract. The rapid digitalization of society is encompassing more and more areas of human life and rapidly penetrating various industries. The world of work is no exception, which, in turn, has a profound impact on the career choices of the younger generation. This, accordingly, generates numerous contradictions in this sphere. This article examines four key contradictions: distorted expectations among workers; the clash between digital identity and real competencies; the time-saving paradox; and the loss of personal privacy, leading to a deficit of live communication. The article also notes that social media has not only negative consequences for the development of the emerging personality but also positive aspects for growth in the professional field.

Keywords: Internet, employment, online education, career guidance, social media, digital space, remote work, youth, younger generation.

Введение

Современная сфера труда стремительно развивается, в период глобализации и цифровизации современные технологии уже считаются чем-то обыденным, и вовсе не удивительным, они стремительно ворвались во все сферы человеческой жизни, но к каким последствиям это может привести?

Влияние социальных сетей на поведение молодежи является одним из ключевых драйверов этих изменений. Это влияние многогранно, и создает целый ряд острых противоречий. Работа в онлайн пространстве определённо имеет множество различных плюсов, но действительно ли все эти плюсы не идут в разрез с минусами в данной сфере, например - самореализацией молодежи и отсутствием мотивации и рабочего потенциала трудящегося. Можно ли считать, что социальные сети и жизненный период цифровизации общества, способствует выбору профессии современных подростков? В связи с чем связано распространение мнения, у современной молодежи, что работа на фрилансе* в современном обществе становится всё более популярной? Можно ли предположить, что в общество спустя определенное время и вовсе откажется от стабильных профессий, требующих за собой соблюдение различных правил, уйдут на второй план, а то и вовсе выйдут из обихода? Быстро и однозначно ответить на данный вопрос нельзя, в данной статье мы рассмотрим возможные причины возникновения подобного выбора.

Анализ

Социальные сети, как катализатор новых возможностей в сфере труда

Социальные сети в современном обществе уже очень плотно вошли в наши классические будни, именно они сейчас являются ведущей действующей силой при выборе профессии, у подрастающего поколения, и именно они являются ключевым рычагом при поиске вакансий у более взрослого поколения. С одной стороны, социальные сети открыли новые возможности для молодежи, с другой стороны это несет за собой различные последствия.

1.1 Анализ позитивных воздействий социальных сетей на реализацию рабочего потенциала молодежи:

– Демократизация доступа и нетворкинга

Социальные сети стёрли географические барьеры, что в свою очередь привело к таким последствиям:

1. Различные стажировки в зарубежных компаниях, которые в свою очередь дают возможность работы и развития на международной арене, из своего собственного дома. Возможность обмена опытом и знаниями с коллегами за рубежом.

2. Глобальный рынок труда: поиск вакансий, предложений о сотрудничестве перестал быть локализованным. Именно социальные сети формируют сообщества удаленных работников, которые в свою очередь очень сильно упростили множество аспектов поиска работы граждан.

3. Снижение транзакционных издержек: процесс поиска работы стал в разы быстрее, стало куда легче найти работу на различных интернет сайтах, нежели используя более старые модели поиска, которые ещё буквально 20-25 лет назад были актуальны - объявления в журналах, газетах и т.д.

1.2 Образовательная функция и профориентация

– онлайн-курсы: онлайн обучение сейчас набирает всё большую популярность, так как экономит время на дорогу; личные средства, затраченные на то, чтобы добраться до места обучения; доступ к различным информационным источникам, в большей мере, а также данный процесс поиска информации в разы быстрее – различные интернет-курсы, обучающие видео. Фактически современный школьник/студент, при желании, может найти абсолютно любую информацию в интернете, которая может быть ему актуальна для учёбы.

– профориентация – благодаря социальным сетям появляются различные профессии, которые всё больше привлекают молодёжь. К таким профессиям можно отнести: SMM-менеджер, контент-мейкер, таргетолог и многие другие. Также любой желающий может в любой момент пройти различные тесты на профориентацию, что в разы упрощает выбор будущей проблемы у подрастающего поколения.

1.3. Стимулирование предпринимательской активности:

Интернет сети стали мощным источником различной рекламы, как следствие, предпринимателем легче найти свои покупателей через целевую аудиторию различных блогеров. Для этого стоит просто проанализировать предлагаемый контент. Также социальные в целом стали стартовой площадкой для многих предпринимателей. Различные возможности для продвижения товаров и услуг открывают возможности полностью уйти во фриланс, как следствие постройка собственного бизнеса.

Противоречия в формировании ожиданий и ценностей.

Перед тем, как начать разговор о всевозможных противоречиях, стоит вообще понять, что такое социальные сети?

СЕТИ СОЦИАЛЬНЫЕ, совокупность множественных устойчивых однородных связей в обществе, выделяемых из разносторонних отношений между акторами (индивидами, группами, организациями, др. общностями), выступающими в качестве узлов. Термин введён брит. и австрал. социальным антропологом Дж.Барнсом (1918–2010) в 1954. [1]

При условии, что социальные сети используются почти при всех социальных сферах жизни человека, в частности подростков, таких как: коммуникация, информация, развлечения, бизнес, образование, общественная деятельность, межличностные отношения, отдых и многие другие. Многообразие использования социальных сетей поражает, но в данном контексте нам интересен именно отдых. Ни для кого не секрет, что в современном мире, люди с стремительной прогрессией переходят на онлайн общение - отправить смс друзьям, «запостить» фото в социальные сети.

1. Социальные сети создают **искаженное представление о мире**, но за счет чего это происходит? Выкладывая фото в социальные сети, человек стремится показать свою жизнь с наиболее красочной, радужной и просто более лучшей стороны, чем она есть на самом деле, что в свою очередь приводит к конфликту между ожиданием и реальностью.

Как следствие, молодой специалист ожидает быстрого карьерного роста, легкого старта и беззаботной деятельности в своей рабочей жизни, нетерпимостью к рутине.

2. Еще одним противоречием будет являться «Цифровая идентичность против реальной компетенции»

Данный пункт, напрямую связан с предыдущим, в социальных сетях люди всё чаще могут приукрашивать не только свою жизнь в целом, но и свои профессиональные навыки. Происходит это за счёт того, что в цифровом пространстве гораздо сложнее оценивать реальные компетенции людей, как следствие, возникает противоречие между умением подавать себя в онлайн-пространстве и реальными навыками, в некотором случае даже наличие профессионального образования. Возникает проблема, которая обуславливается обесцениванием реальных знаний на фоне красивой картинки, которая в последствии приведет к разрыву между обещаниями и реальной производительностью.

1. «Время-?»

Невозможно не отметить, что работа в онлайн пространстве очень сильно экономит время людей. Не нужно тратить время на дорогу до рабочего места, как следствие больше свободного времени у людей. С одной стороны, кажется одни сплошные плюсы, но это только на первый взгляд.

В связи с тем, что человек работает удаленно, используя социальные сети, работник даже не понимает, как начинает работать почти круглосуточно. Работа из офиса/кабинета на рабочей локации превращается почти в непрерывную работу, будучи вечно на связи.

2. Коммуникация

Человек – биосоциальное существо, которое нуждается в общении на постоянной основе, человек нуждается в социализации. Данный пункт может привести к тому, что люди снизят свои коммуникативные связи в реальной жизни, переходя в онлайн общение в связи с тем, что банально будет меньше выходить из дома, а даже если человеку удастся побороться с этим недостатком, различные звонки, смс и т.д. не оставят работника online пространства в покое. Что в свою очередь приведет к потере приватности жизни.

3. Граница между работой и личной жизнью отсутствует

Работа через мессенджеры и постоянное нахождение в онлайн пространстве, приводит к хроническому стрессу, невозможности полноценно восстановиться после рабочего дня, как следствие очень быстрое выгорание от работы в будущем могут быть проблемы со здоровьем на фоне постоянного стресса.

Вывод

В заключении хочется отметить, что интернет пространство в современном мире уже очень масштабно вошло в различные сферы жизни общества, сфера труда считается вовсе не исключением. Хочется отметить, что в сфере труда, существует множество противоречий, но прийти к единому мнению о пользе или вреде интернет-технологий невозможно, также и о их влияниях на выбор профессий у подрастающего поколения. Мир стремительно развивается и работа в онлайн пространстве становится всё более востребованной, что в свою очередь и приводит к повышению спроса у молодежи. Социальные сети в значительной мере упрощают работу современному человеку, но и сулят различными последствиями, которые в свою очередь нужно грамотно использовать.

Список использованных источников:

1. Социальные сети – большая Российская энциклопедия [электронный ресурс] <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/3659470> [дата обращения – 27.10.2025]
2. Влияние социальных сетей на формирование молодежной жизни [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sotsialnyh-setey-na-formirovanie-molodezhnoy-zhizni> – [дата обращения – 23.10.2025]

3. Влияние социальных сетей на поведение молодёжи [Электронный ресурс] <https://infourok.ru/statyavliyanie-socialnih-setey-na-povedenie-molodezhi-825768.html> – [дата обращения – 22.10.2025]
4. Роль социальных сетей в жизни молодежи [Электронный ресурс] <https://moluch.ru/archive/241/55766> – [дата обращения – 24.10.2025]
5. Социальные сети и их влияние на психику подростков [Электронный ресурс] <https://media.foxford.ru/articles/vliyanie-soczialnykh-setej-> – [дата обращения – 23.10.2025]
6. Влияние цифровой реальности на регулирование трудовых отношений [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovoy-realnosti-na-regulirovanie-trudovyh-otnosheniy> [дата обращения – 22.10.2025]

УДК 371.388.3+004.853

Львова, Е.С.

студентка 3 курса, направление 44.03.01 – педагогическое образование, МГУТУ им. К. Г. Разумовского (ПКУ); Москва, Российская Федерация.

Н. рук.: Богатырева О.В.,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории профессионального образования МГУТУ им. К. Г. Разумовского (ПКУ); Москва, Российская Федерация.

УЧЕНИЕ БЕЗ ПРИНУЖДЕНИЯ: VR КАК СПОСОБ ВЕРНУТЬ ЕСТЕСТВЕННУЮ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Аннотация. В статье рассматривается философско-педагогическая концепция «учения без принуждения», уходящая корнями в античную традицию, и анализируется ее актуальность в контексте современного образования. Исследуется потенциал технологии виртуальной реальности (VR) как инструмента для реализации данной концепции через пробуждение и поддержку естественной любознательности учащихся.

Ключевые слова: учение без принуждения, естественная любознательность, виртуальная реальность (VR), педагогика сотрудничества, само направленное образование, античная педагогика.

LEARNING WITHOUT FORCE: VR AS A WAY TO RESTORE NATURAL CURIOSITY

Abstract. The article examines the philosophical and pedagogical concept of "learning without coercion," which has its roots in the ancient tradition, and analyzes its relevance in the context of modern education. It explores the potential of virtual reality (VR) technology as a tool for implementing this concept through the awakening and support of students' natural curiosity.

Keywords: learning without coercion, natural curiosity, virtual reality (VR), cooperative pedagogy, self-directed education, ancient pedagogy.

Введение

Современное историческое образование зачастую сталкивается с парадоксом: изучая самые драматичные и насыщенные события эпохи, оно нередко превращает их в сухие схемы, даты и имена, которые необходимо заучить под давлением экзаменационных требований. Естественная любознательность учащегося, его врожденный интерес к прошлому, к мотивам поступков людей и ходу событий, подавляется необходимостью следования строгим учебным планам и ориентацией на стандартизированную оценку. В результате история, которая по своей сути является захватывающей реконструкцией человеческого опыта, воспринимается как скучный и обязательный предмет. Выход из этой ситуации видится в обращении к альтернативной педагогической парадигме, провозглашающей отказ от принуждения в пользу внутренней мотивации и сотрудничества. Как отмечается в трудах по педагогике, проблемой такого подхода является «исключение из методов принуждения к учению».

Данная статья призвана показать, что технология виртуальной реальности (VR) является не просто техническим новшеством, а мощным педагогическим инструментом, способным вернуть истории ее изначальный, увлекательный смысл, реализуя на практике идеи «учения без принуждения» через полное погружение и личный опыт.

Методы. Для решения поставленных задач в работе использовался теоретический анализ педагогической и психологической литературы по проблемам мотивации в историческом образовании. Основным методом выступило моделирование образовательной среды, позволившее разработать конкретные форматы интеграции VR-технологий в учебный процесс. Также применялся сравнительный метод для сопоставления эффективности традиционных и иммерсивных подходов к изучению истории на основе данных эмпирических исследований.

Цель работы: теоретическое обоснование и практическая разработка модели применения технологии виртуальной реальности как средства реализации принципов «учения без принуждения» для формирования целостного исторического мышления и личностного отношения к прошлому у учащихся основной школы.

В работе ставятся следующие задачи:

1. Выявить ключевые противоречия и системные проблемы в современном историческом образовании, препятствующие формированию устойчивой познавательной мотивации.
2. Определить дидактический потенциал технологии VR через анализ ее иммерсивных, интерактивных и визуализационных характеристик.
3. Разработать и описать конкретные форматы интеграции VR-технологий в образовательный процесс (исторические "песочницы", виртуальные экскурсии, проектная деятельность).

4. Проанализировать преимущества и системные барьеры массового внедрения VR в образовательную практику (стоимостные, технические, методические).

Анализ. Ключевой проблемой современного исторического образования является не только формализация учебного процесса, но и фундаментальный разрыв между абстрактным характером исторических знаний и потребностью учащихся в личностно значимом опыте. Как отмечает В.И. Лещинский, «попытки принуждать детей без силы и возможности принуждать изматывают педагога» [1, с.112], что свидетельствует о системном кризисе традиционной педагогической модели. Особую остроту эта проблема приобретает в контексте изучения истории, где эмоциональное восприятие и эмпатическое понимание являются необходимыми условиями подлинного освоения материала.

Идея обучения, основанного на добровольном интересе и личной вовлеченности, уходит корнями в античную философско-педагогическую традицию. Для Сократа процесс познания был не передачей информации, а диалогом, побуждающим ученика к самостоятельному «рождению» истины через осознание собственного незнания. Данный метод, известный как майевтика, был направлен на пробуждение внутренней мотивации к поиску, когда ученик, движимый любопытством и интеллектуальным вызовом, начинает активно конструировать знание. В контексте истории это напрямую перекликается с возможностью не получать готовые ответы, а самостоятельно задавать вопросы прошлому, выдвигать гипотезы и проверять их в ходе виртуального исследования.

Данные античные идеи находят свое развитие в современных педагогических концепциях, которые становятся методологическим фундаментом для применения VR. Педагогика сотрудничества делает работу учителя радостной и творческой, освобождая его от изматывающей роли контролера. Более радикальный подход предлагает концепция Самонаправляемого образования (Self-Directed Education), которая представляет собой полный разрыв с традиционной системой. Ее сторонники считают, что образование – это целиком ответственность ученика, а роль взрослого заключается в создании обогащенной среды, позволяющей естественным образовательным инстинктам ребенка работать эффективно. Именно VR-технологии позволяют создать такую «обогащенную среду» для изучения истории – открытый виртуальный мир, где ученик сам становится главным действующим лицом в процессе познания.

Технология виртуальной реальности обладает уникальным набором характеристик, которые делают ее идеальным инструментом для реализации принципов «учения без принуждения» в историческом образовании.

Погружение и «эффект присутствия» как основа эмпатического понимания. VR переносит ученика из пассивной роли слушателя или читателя в активную роль исследователя и современника исторических событий. Вместо чтения о Средневековье он может «прогуляться» по воссозданной улице средневекового города, рассмотреть быт его жителей, услышать звуки ремесленных кварталов. Этот эффект присутствия создает мощный эмоциональный отклик, который является ключевым для глубокого, эмпатического понимания истории. Исследования, проведенные в Пекине, показали, что группа студентов, изучавшая дисциплину с использованием VR, показала не только более высокие результаты немедленного тестирования (93% против 73%), но и лучше закрепила знания по прошествии времени [1].

Интерактивность и «учение через действие». Виртуальная реальность позволяет не просто наблюдать, но и взаимодействовать с исторической средой. Ученик может «прикоснуться» к артефактам, осмотреть архитектурные сооружения со всех сторон, провести виртуальные археологические раскопки. Это есть прямая реализация принципа *learning by doing* (учение через действие), который высоко ценится в современной педагогике. Активные действия в виртуальной среде способствуют более прочному запоминанию и формированию сложных нейронных связей, что делает знания не отчужденными, а личностно значимыми.

Безопасная среда для исторического моделирования и «проживания» ошибок. Один из страхов, убивающих любознательность, – боязнь дать неправильный ответ. VR создает безопасное пространство, где можно пробовать, ошибаться и снова пробовать. Например, ученик может принять участие в виртуальной реконструкции исторического сражения, оценить последствия своих тактических решений, не опасаясь негативной оценки. Это снимает принуждение, основанное на страхе, и позволяет знанию возникать в процессе свободного исследования и эксперимента, что полностью соответствует античному идеалу добровольного учения.

Визуализация абстрактных понятий и формирование целостной исторической картины. VR позволяет визуализировать сложные исторические процессы и абстрактные понятия (такие как «феодализм», «торговые пути», «урбанизация») в конкретных, осязаемых образах. История становится не набором разрозненных фактов, а целостной, динамичной системой, где можно проследить причинно-следственные связи. Проекты вроде «Виртуального Помпеи» или реконструкции средневекового Любека студентами Саратовского университета наглядно демонстрируют, как технология оживляет прошлое, делая его доступным для прямого восприятия.

Внедрение VR в образовательный процесс для поддержки концепции «учения без принуждения» может реализовываться через несколько ключевых форматов.

Создание открытых исторических миров-«песочниц». Вместо линейных сценариев необходимо разрабатывать открытые виртуальные среды, где ученик сам выбирает направление и объект исследования. Это прямое воплощение принципов Самонаправляемого образования. Платформы, подобные Varwin Education, позволяют создавать такие миры, где построение виртуального пространства напоминает популярные игры-песочницы (Minecraft, Roblox), предоставляя ученикам свободу творчества и исследования. Учащийся может не

просто посетить Древний Рим, а самостоятельно построить виллу, проследив за технологиями и материалами эпохи, что дает глубокое, контекстуальное понимание.

Виртуальные экскурсии и реконструкции утраченных объектов. Технология VR позволяет совершать виртуальные путешествия по историческим местам, музеям и памятникам архитектуры, которые невозможно посетить физически из-за географических, финансовых или временных ограничений. Такие проекты, как виртуальный тур по Версальскому дворцу, созданный на основе 132 000 фотографий, или «Летописи ВОВ», воссоздающие битвы Великой Отечественной войны, предоставляют уникальный образовательный опыт, не выходя из класса. Главной особенностью таких экскурсий является полное погружение в окружающее пространство без обязательных заданий, что пробуждает естественный интерес.

Роль педагога-фасилитатора в новой образовательной среде. Учитель в модели с использованием VR перестает быть контролером и единственным источником знания. Он становится наставником-фасилитатором, который организует виртуальную среду, задает направляющие вопросы, помогает интерпретировать полученный опыт, направляя любознательность в продуктивное русло по аналогии с сократовским методом. Этот подход перекликается с пониманием метода обучения как совместной деятельности, поскольку, по словам В.С. Селиванова, метод – это «конкретный способ совместной взаимосвязанной деятельности воспитателей и воспитанников, направленный на решение воспитательной задачи» [2]. Его задача – «быть уверенным, что ребенок обеспечен средой» и быть готовым «ответить на вопросы или попытаться ответить на них». При этом технология не заменяет педагога, а расширяет его возможности, делая его роль центральной в организации и осмыслении образовательного процесса.

VR может стать инструментом для групповых проектов, развивая не только любознательность, но и навыки сотрудничества. Ученики могут совместно работать над созданием своих виртуальных музеев, реконструкций исторических событий или квестов, основанных на реальных исторических фактах. Элементы геймификации, такие как баллы, награды и уровни, естественным образом интегрированные в образовательный VR-контент, повышают вовлеченность и формируют устойчивую внутреннюю мотивацию, превращая изучение истории в увлекательное приключение. Несмотря на очевидный потенциал, массовое внедрение VR-технологий в историческое образование сталкивается с рядом вызовов.

Высокая стоимость и проблемы доступности. Качественное VR-оборудование и разработка образовательного контента требуют значительных финансовых вложений, что создает цифровое неравенство между учебными заведениями. Это может привести к ситуации, когда передовые технологии будут доступны лишь ученикам элитных школ, углубляя социальное расслоение.

Технические и физиологические ограничения. Современные VR-устройства могут вызывать у части пользователей дискомфорт, головокружение и тошноту (так называемый «синдром укачивания»), что связано с индивидуальными особенностями вестибулярного аппарата. Кроме того, для комфортной работы необходима мощная компьютерная техника и стабильное интернет-соединение, что не всегда достижимо в регионах.

Одна из главных проблем при создании VR-контента по истории – обеспечение научной точности. Разработчики должны работать в тесном сотрудничестве с профессиональными историками, археологами и культурологами, чтобы избежать искажений и навязывания пользователю упрощенных или ошибочных трактовок прошлого. Недостаток или противоречивость исторических источников делает эту задачу особенно сложной.

Что касается кадрового вопроса, то, по мнению С.М. Мальцевой, «эффективное использование технологий виртуальной реальности в образовательном процессе требует специалистов, обладающих соответствующими навыками и знаниями» [3]. Успешное использование VR в классе требует от учителя не только технической грамотности, но и совершенно новых компетенций в области фасилитации и управления иммерсивной образовательной средой. Существующие системы повышения квалификации педагогов пока не готовы к массовому решению этой задачи.

Результаты исследования. Идея «учения без принуждения», сформулированная еще античными мыслителями и развитая в современных гуманистических педагогических концепциях, сегодня обретает мощный инструмент для своей реализации в области исторического образования. Технология виртуальной реальности, правильно примененная, выступает в роли катализатора естественной любознательности, позволяя вернуть истории ее изначальный смысл – драматичное и увлекательное повествование о человеческом опыте. Преодолевая барьеры, связанные со стоимостью, доступностью и необходимостью подготовки педагогов, VR открывает путь к образовательной модели, где внешнее принуждение уступает место внутреннему побуждению к знанию. Задача современной педагогики – не заставить ученика заучить даты и события, а, используя достижения технологий, создать такие условия, в которых он, следуя заветам Сократа, самостоятельно и с радостью откроет для себя многогранный и сложный мир прошлого, просто не в силах устоять перед свойственной ему от рождения любознательности.

Список использованных источников:

1. Виртуальная реальность в образовании // HSBI.HSE. – 2020. – 09 июня. – URL: <https://hsbi.hse.ru/articles/virtualnaya-realnost-v-obrazovanii/> (дата обращения: 30.10.2025).
2. Селиванов, В.В. Виртуальная реальность как метод и средство обучения / В.В. Селиванов. – Текст: электронный // cyberleninka.ru: [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnaya-realnost-kak-metod-i-sredstvo-obucheniya> (дата обращения: 20.10.2025).

3. Иммерсивное обучение: перспективы и вызовы внедрения vr/ar/mr технологий в образовательный процесс / С.М. Мальцева. – Текст: электронный // cyberleninka.ru: [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/immersivnoe-obuchenie-perspektivy-i-vyzovy-vnedreniya-vr-ar-mr-tehnologiy-v-obrazovatelnyy-protsess> (дата обращения: 20.10.2025).

4. Gray P. Differences Between Self-Directed and Progressive Education // Psychology Today. – 2017. – 27 June. – URL: <https://www.psychologytoday.com/us/blog/freedom-learn/201706/differences-between-self-directed-and-progressive-education> (дата обращения: 08.10.2025).

5. Virtual Pompeii [Electronic resource]. – URL: <https://www.virtualpompeii.it> (дата обращения: 08.10.2025).

6. Crawford, P. J. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works / P. J. Crawford, T. P. Barrett // The Reference Librarian. – 1997. – Vol. 3, № 58. – P. 75–85. (дата обращения: 20.10.2025).

УДК 004.853+37.022

Львова. Е.С.

студентка 3 курса, направление 44.03.01 – педагогическое образование, МГУТУ им. К. Г. Разумовского (ПКУ); Москва, Российская Федерация.

Н. рук.: **Богатырева О.В.,**

кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории профессионального образования МГУТУ им. К. Г. Разумовского (ПКУ); Москва, Российская Федерация.

ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ЧЕРЕЗ 3D-МОДЕЛИ МУЗЕЕВ И АРТЕФАКТОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ AI И VR

Аннотация. В статье рассматривается концепция персонализированного образовательного путешествия для студентов-историков на основе интеграции технологий искусственного интеллекта (AI) и виртуальной реальности (VR). Анализируются теоретические предпосылки, технологический фундамент, включая опыт российских музеев, и механизмы адаптации обучения. Оцениваются образовательные результаты и этические вызовы внедрения.

Ключевые слова: цифровая педагогика, виртуальная реальность, искусственный интеллект, историческое образование, цифровые музеи, персонализация обучения, российские музеи.

A PERSONALIZED EDUCATIONAL JOURNEY THROUGH 3D MODELS OF MUSEUMS AND ARTIFACTS USING AI AND VR

Abstract. The article explores the concept of a personalized learning journey for history students based on the integration of artificial intelligence (AI) and virtual reality (VR) technologies. It analyzes the theoretical foundations, the technological infrastructure, including the experience of Russian museums, and the mechanisms for adapting instruction. The educational outcomes and ethical challenges of implementation are assessed.

Keywords: digital pedagogy, virtual reality, artificial intelligence, history education, digital museums, learning personalization, Russian museums.

Введение

Современное историческое образование стоит перед необходимостью цифровой трансформации, вызванной физической недоступностью многих артефактов и растущим запросом на индивидуальные траектории обучения. Традиционные методы, основанные на работе с текстами и статичными изображениями, зачастую не способны передать материальность и контекст исторических эпох. Преодоление этого разрыва становится возможным благодаря синергии технологий виртуальной реальности (VR) и искусственного интеллекта (AI), которые открывают путь к созданию принципиально нового формата – персонализированного образовательного путешествия.

Методы. В основе исследования лежит анализ современного опыта российских музеев (таких как ГМИИ им. А.С. Пушкина, Государственный Исторический музей, Дарвиновский музей) и образовательных проектов по созданию иммерсивных сред. Используются методы теоретического анализа для выявления теоретико-методологических предпосылок концепции, а также практический анализ технологий (3D-моделирование, фотограмметрия, лазерное сканирование, VR, AI) для раскрытия их образовательного потенциала. Оценка эффективности и вызовов проводится на основе обобщения существующих кейсов и данных о внедрении.

Цель работы. Целью данной статьи является разработка концепции персонализированного образовательного путешествия по истории на основе интеграции 3D-моделирования, AI и VR с учетом российского опыта.

В работе ставятся следующие задачи:

1. Проанализировать теоретико-методологические предпосылки концепции.
2. Раскрыть ее технологический фундамент (VR, AI, 3D-моделирование).
3. Описать механизмы персонализации и иммерсии.
4. Оценить образовательную эффективность и этические вызовы данной модели.

Анализ. Современное историческое образование переживает цифровую трансформацию, движимую необходимостью преодоления физической недоступности артефактов и растущим спросом на индивидуальные траектории обучения. Традиционные методы, основанные на текстах и статичных изображениях, часто не способны передать материальность и контекст исторических эпох. Преодоление этого разрыва становится возможным благодаря синергии технологий виртуальной реальности (VR) и искусственного интеллекта (AI),

что открывает путь к созданию принципиально нового формата – персонализированного образовательного путешествия.

В основе этого формата лежит концепция иммерсивности, обеспечиваемая VR-технологиями. В отличие от пассивного просмотра, современные решения позволяют создавать детализированные 3D-модели музеев и артефактов, в которые пользователь может «погрузиться». Это превращает пассивного наблюдателя в активного исследователя, что кардинально меняет образовательную парадигму. Российские музеи активно включились в этот процесс, разрабатывая как виртуальные туры, так и полноценные VR-приложения для глубокого погружения в исторический контекст.

Идея виртуального музея претерпела значительную эволюцию – от простых цифровых каталогов до сложных иммерсивных сред. Изначально такие проекты представляли собой оцифрованные коллекции фотографий с минимальными аннотациями. Следующим этапом стало создание панорамных туров, симулирующих перемещение по залам реальных музеев. Современный виртуальный музей – это целостное историко-культурное пространство, которое не просто дублирует физический аналог, а предлагает собственную нарративную структуру и возможности для интерактивного исследования, часто включая реконструкции утраченных объектов. Как подчеркивают авторы Гурьев С.А., Лаптева А.В., «обучение с использованием виртуальной реальности основано на иммерсивных технологиях, которые расширяют виртуальное представление реальности, позволяя лучше воспринимать и понимать окружающий мир» [2].

Внедрение искусственного интеллекта в гуманитарные науки трансформировало его роль от инструмента для анализа больших данных до интеллектуального тьютора. Алгоритмы машинного обучения способны анализировать индивидуальный профиль студента: его знания, интересы и предпочтительный стиль обучения. На основе этого анализа система может адаптировать сложность и последовательность подачи материала, создавая тем самым уникальную образовательную траекторию для каждого пользователя.

Концепция персонализированного образовательного путешествия. Данная концепция возникает на стыке иммерсивных технологий и адаптивного обучения, представляя собой синтез глубокого погружения и педагогического дизайна. «Путешествие» здесь понимается как нелинейный нарратив, выстраиваемый вокруг студента, где он самостоятельно принимает решения, влияющие на ход исследования. Это смещает фокус с запоминания фактов на развитие исторического мышления, критического анализа и эмпатии через прямое взаимодействие с виртуальной средой. Технологической основой для такого подхода, по мнению исследователей Атаян А.М и её коллег, является то, что «большие надежды для развития этого направления возлагаются на применение искусственного интеллекта и когнитивного анализа цифрового следа обучающихся» [3].

Создание цифровых двойников артефактов в российских музеях. Основой для иммерсивного опыта являются точные 3D-модели артефактов. Российские музеи активно осваивают технологии фотограмметрии и лазерного сканирования для создания цифровых двойников. Ярким примером является проект «Smart Museum 3D» в ГМИИ им. А.С. Пушкина, который представляет собой платформу для 3D-проектирования выставочных пространств и размещения оцифрованных экспонатов. Дарвиновский музей в Москве также приступил к оцифровке своих коллекций с помощью 3D-сканера Artec Eva, что позволяет не только сохранять хрупкие оригиналы, но и создавать интерактивный контент.

Для обеспечения доступности используются как мощные стационарные VR-системы, так и автономные гарнитуры. В России, несмотря на существующие вызовы, связанные с оснащением учебных заведений, более тысячи школ уже имеют VR-оборудование, полученное в рамках создания «Точек роста» и детских «Кванториумов». Это создает инфраструктурную основу для внедрения образовательных VR-решений в учебный процесс.

Персонализация начинается со сбора и анализа данных о пользователе. AI-система формирует динамический профиль, который включает в себя не только явно указанные цели, но и данные метрики: время, проведенное у определенной витрины, последовательность изучения объектов, успешность выполнения интерактивных заданий. Этот многофакторный анализ позволяет выявить пробелы в знаниях и скрытые интересы студента.

На основе данных профиля AI в реальном времени корректирует «путешествие». Студенту, увлеченному военной историей, система может предложить детальный осмотр оружия и доспехов в виртуальном туре по Тульскому музею оружия. В то же время студенту, интересующемуся повседневной жизнью, будет показан маршрут, раскрывающий аспекты быта в архитектурно-этнографическом музее «Семёново». AI выступает в роли сценариста и гида, создающего уникальную историю для каждого пользователя.

VR предоставляет уникальную возможность «воссоздать» объекты, разрушенные временем. В России эта технология используется не только для реконструкции, но и для оживления исторических контекстов. Например, в Государственном Историческом музее разрабатывается VR-приложение, где пользователь может не только рассмотреть атрибуты жизни казаков, но и применить интерактивные механики, например: разрубить чучело шашкой или стрелять из винтовки, что обеспечивает глубокое эмоциональное вовлечение.

Ключевое преимущество VR перед другими медиа, это возможность тактильного взаимодействия. В российском образовании уже появляются VR-решения, использующие этот потенциал. Например, компания Modum Lab разрабатывает образовательные приложения с виртуальными помощниками и симуляциями, которые позволяют студентам в интерактивной форме осваивать сложные понятия и алгоритмы, что применимо и к историческим дисциплинам.

Исследования демонстрируют, что иммерсивные среды на базе VR и AI способствуют более глубокому усвоению материала и долгосрочному запоминанию за счет одновременной загрузки нескольких каналов восприятия и формирования устойчивых эмоциональных связей с контентом. Персонализация позволяет удерживать высокий уровень мотивации, так как студент постоянно получает контент, релевантный его запросам.

Внедрение таких систем сопряжено с рядом вызовов. К практическим проблемам в России относится высокая стоимость разработки и необходимость наличия специального оборудования, что усугубляет «цифровой разрыв» между вузами. Среди этических рисков существуют вопросы приватности данных, собираемых AI о студенте, а также риск искажения истории из-за неизбежных допущений, делаемых при научной реконструкции. Необходима разработка четких методических и этических стандартов для создания подобного контента.

Результаты исследования. Проведенное исследование подтверждает, что интеграция 3D-моделирования, AI и VR открывает новые горизонты для исторического образования в России. Предложенная концепция персонализированного образовательного путешествия позволяет преодолеть пространственные и содержательные ограничения традиционных методов обучения. Опыт российских музеев, таких как Государственный Исторический музей и ГМИИ им. А.С. Пушкина, демонстрирует готовность институций к внедрению передовых цифровых решений.

Перспективы дальнейших исследований видятся в разработке стандартов для обеспечения исторической достоверности реконструкций, а также в интеграции генеративного AI для создания динамических диалогов с виртуальными историческими персонажами на основе изучения материальной культуры. Это позволит не только показывать артефакты, но и моделировать социальные и культурные контексты ушедших эпох, выводя историческое образование на качественно новый уровень.

Список использованных источников:

1. Бахлова Н.А., Машонский С.Д., Сорокин М.В., 3D-моделирование в образовательном пространстве как готовность школьных педагогов к внедрению инноваций / Наталья, Анатольевна, Машонский, Сергей, Дмитриевич, Сорокин, Максим Бахлова. – Текст: электронный // cyberleninka.ru: [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/3d-modelirovanie-v-obrazovatelnom-prostranstve-kak-gotovnost-shkolnyh-pedagogov-k-vnedreniyu-innovatsiy> (дата обращения: 18.10.2025).
2. Гурьев С.А., Лаптева А.В., Использование виртуальной и дополненной реальности в образовании и IT-разработке / С.А. Лаптева, А Гурьев., – Текст: электронный // cyberleninka.ru: [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-virtualnoy-i-dopolnennoy-realnosti-v-obrazovanii-i-it-razrabotke> // (дата обращения: 20.10.2025).
3. Цифровая трансформация высшего образования: мировые тренды и опыт России /Атаян А.М., Гурьева Т.Н., Шарабаева Л.Ю., – Текст: электронный // cyberleninka.ru: [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-vysshego-obrazovaniya-problemy-vozmozhnosti-perspektivy-i-riski> (дата обращения: 20.10.2025).
4. Виртуальный музей современной истории России [Электронный ресурс] // Государственный центральный музей современной истории России. – URL: <https://www.sovrhstory.ru/museum/online/index.php> (дата обращения: 18.10.2025).
5. Виртуальный Русский музей [Электронный ресурс]. – URL: <https://rusmuseumvrm.ru/> (дата обращения: 18.10.2025).
6. Мировые тренды образования в российском контексте — 2025 [Электронный ресурс] / НИУ ВШЭ. – URL: https://ioc.hse.ru/edu_global_trends/2025/ (дата обращения: 18.10.2025).
7. Инновации в школах в 2025 году: 3D-модели, БПЛА, роботы и VR [Электронный ресурс] // Softline. – URL: <https://softline.ru/about/blog/innovatsii-v-shkolakh-v-2025-godu-3d-modeli-bpla-roboty-i-vr> (дата обращения: 18.10.2025).
8. Передача трехмерной модели города Пальмиры Сирийской Арабской Республике [Электронный ресурс] // Государственный Эрмитаж. – URL: https://www.hermitagemuseum.org/news/news_335_17?lng=en (дата обращения: 18.10.2025).

УДК: 37.062.1

Коняев А.В.,

студент 3 курса, направление 44.03.01 – педагогическое образование, ФГБОУ ВО «МГУТУ им.

К.Г.Разумовского (ПКУ)», г. Москва, РФ

Н. рук.: **Богатырева О.В.,**

кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ); Москва, Российская Федерация.

ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РЕШЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ С ПОМОЩЬЮ ИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу проблемы распределения ответственности за решения, принимаемые с применением технологий искусственного интеллекта (ИИ) в сфере образования. Автор исследует правовой и этический вакуум, возникающий в ситуациях, когда алгоритмические системы участвуют в оценивании, рекомендации и других действиях, влияющих на академические траектории обучающихся. В центре внимания находится триада субъектов ответственности: разработчик алгоритма, преподаватель и образовательное учреждение, чьи зоны ответственности тесно переплетены и взаимозависимы. На основе исторического анализа технологических революций в образовании демонстрируется, что проблема перераспределения ответственности при внедрении новых технологий не является уникальной, а подчиняется определенным закономерностям.

Ключевые слова: искусственный интеллект в образовании, ответственность за решения ИИ, распределённая ответственность, этика искусственного интеллекта, правовое регулирование ИИ, образовательный процесс, алгоритмическая предвзятость, учитель и ИИ.

THE PROBLEM OF RESPONSIBILITY FOR DECISIONS MADE WITH THE HELP OF AI IN THE EDUCATIONAL PROCESS

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the problem of distributing responsibility for decisions made using artificial intelligence (AI) technologies in education. The author investigates the legal and ethical vacuum that arises in situations where algorithmic systems are involved in assessment, recommendation, and other actions affecting the academic trajectories of students. The focus is on the triad of responsible subjects: the algorithm developer, the teacher, and the educational institution, whose areas of responsibility are closely intertwined and interdependent. A historical analysis of technological revolutions in education demonstrates that the problem of redistributing responsibility when introducing new technologies is not unique but follows certain patterns.

Keywords: artificial intelligence in education, AI accountability, distributed responsibility, AI ethics, legal regulation of AI, educational process, algorithmic bias, teacher and AI.

Введение. Стремительное внедрение систем искусственного интеллекта (ИИ) в образовательный процесс порождает комплекс этических и правовых вызовов, центральным из которых является проблема распределения ответственности. Когда алгоритмическая система участвует в принятии решений, влияющих на академические траектории студентов, будь то оценивание, рекомендация по переводу или отчислению, - возникает правовой вакуум. Традиционные нормы права возлагают ответственность на физических или юридических лиц, однако статус ИИ как субъекта права не определен, что делает размытыми границы ответственности разработчика, образовательного учреждения и преподавателя, выступающего конечным пользователем технологии.

Целью данного исследования является анализ структуры проблемы ответственности за решения, принимаемые с помощью технологий искусственного интеллекта в сфере образования, и разработка на его основе модели распределения этой ответственности. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: выявить ключевых субъектов ответственности, формирующих так называемую «триаду ответственности»; проанализировать правовые и этические риски, связанные с автоматизацией принятия решений в образовании; а также на основе анализа существующих подходов предложить концептуальную модель распределенной ответственности, обеспечивающую защиту прав всех участников образовательного процесса.

Материалы и методы: Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы. В их числе: анализ для изучения составных элементов проблемы, синтез для формирования целостного представления о механизмах распределения ответственности, а также сравнительно-правовой метод, позволивший сопоставить различные подходы к регулированию деятельности ИИ. Теоретической базой послужили научные публикации по цифровой этике, образовательному праву и исследованиям искусственного интеллекта, включая работы отечественных и зарубежных авторов.

Анализ. Внедрение систем искусственного интеллекта в образование порождает сложную архитектуру ответственности, где обязанности распределяются между разработчиками технологий, преподавателями и образовательными организациями. Эти три субъекта формируют взаимосвязанную «триаду ответственности», от слаженности действий которой зависит этичность, безопасность и эффективность использования ИИ в учебном процессе.

Разработчики искусственного интеллекта несут первоочередную ответственность за создание надежных и этичных систем. Их задача выходит за рамки простого программирования и включает обеспечение прозрачности, справедливости и безопасности алгоритма. Ключевым вызовом является проблема «черного ящика», когда внутренняя логика принятия решений системой ИИ остается непонятной для конечных пользователей, а именно учителей и учащихся. Это создает серьезные трудности, особенно в контексте оценивания и персонализированных рекомендаций, так как непрозрачность подрывает доверие и затрудняет апелляцию решений ИИ [4]. Для минимизации этих рисков разработчики должны активно внедрять методы интерпретируемого машинного обучения и создавать понятные интерфейсы, объясняющие логику работы системы.

Другим критически важным аспектом является борьба с предвзятостью алгоритмов. Поскольку модели ИИ обучаются на данных, созданных людьми, они могут унаследовать и даже усилить существующие в обществе стереотипы. Европейский профсоюзный комитет по образованию (ETUCE) [2] указывает на риск возникновения предвзятости в связи с недостаточной представленностью женщин и этнических меньшинств в сфере технологий. Ответственные практики разработки включают тщательную оценку тренировочных данных, использование методов факторного анализа для выявления причинно-следственных связей и постоянную работу по обеспечению справедливости в машинном обучении. Кроме того, разработчик обязан внедрять строгие протоколы защиты персональных данных учащихся, собирая только ту информацию, которая необходима для функционирования системы, и обеспечивая ее надежное хранение.

В условиях цифровой трансформации образования роль преподавателя не уменьшается, а трансформируется, смещаясь в сторону управления технологиями и сохранения человеческого фактора. Преподаватель выступает ключевым звеном, которое интегрирует инструменты ИИ в живой учебный процесс. Окончательное решение, особенно в чувствительных вопросах оценивания или перевода учащихся, должно оставаться за педагогом. ИИ должен служить помощником, предоставляющим аналитику и рекомендации, но не подменять собой профессиональное суждение учителя. Это особенно важно при оценке творческих работ, где алгоритмы могут не улавливать нюансы, оригинальность и контекст.

Профсоюз ETUCE решительно требует запретить использование инструментов ИИ, предназначенных для замены или депрофессионализации преподавателей. Чтобы эффективно исполнять свою роль, педагог должен обладать высокой цифровой грамотностью, включая понимание принципов работы ИИ, его сильных и слабых сторон. Это позволяет учителю не слепо доверять системе, а критически оценивать ее выводы, интерпретировать их для учащихся и родителей и вносить необходимые коррективы. Таким образом, ответственность преподавателя заключается в том, чтобы стать «цифровым наставником», который использует технологии для расширения образовательных возможностей, но при этом сохраняет за собой функцию эмоциональной поддержки, развития критического мышления и воспитания у учащихся.

Образовательное учреждение (школа, вуз) выступает организатором и интегратором, на котором лежит ответственность за создание целостной системы для ответственного использования ИИ. Это включает разработку четких внутренних регламентов и политик, которые определяют зоны ответственности каждого участника процесса, устанавливают процедуры использования ИИ и механизмы обжалования его решений. Данные ЮНЕСКО показывают, что лишь 10% учебных заведений придерживаются официальных регламентов по использованию ИИ, что свидетельствует о значительном правовом вакууме. Ликвидация этого вакуума может считаться прямой обязанностью администрации учреждения.

Важнейшей функцией образовательного учреждения является обеспечение необходимых ресурсов. Сюда относится не только приобретение лицензий на программное обеспечение, но и инвестиции в непрерывное профессиональное развитие педагогов, организация тренингов по повышению ИИ-грамотности, а также создание технической инфраструктуры. При этом, как подчеркивает ЮНЕСКО, ресурсы, выделяемые на развитие ИИ, не должны предоставляться в ущерб базовым потребностям образования, таким как квалифицированные учителя и хорошо оборудованные школы. Наконец, учреждение должно гарантировать равный доступ к технологиям для всех учащихся, не допуская усугубления цифрового неравенства, и защищать образовательный процесс от чрезмерного влияния коммерческих интересов частных IT-компаний, отстаивая общественную ценность образования.

Исторический анализ наглядно демонстрирует, что технологические революции представляют собой не просто периоды появления новых инструментов, но являются эпохами кардинального перераспределения ответственности между ключевыми субъектами образовательного процесса. Каждый качественный скачок в развитии технологий бросал вызов сложившимся практикам, заставляя по-новому определять роли учителя, образовательного учреждения и создателей технологий.

С исторической точки зрения, технологическая революция является периодом интенсивного и взаимообусловленного развития, когда внедрение принципиально новых технологий приводит к резкому и всеобъемлющему изменению общества [5]. Как отмечают исследователи, такие революции характеризуются сильной взаимосвязанностью участвующих технологических систем и их потенциалом оказать глубокое воздействие на всю экономику и социальные институты, к числу которых, безусловно, относится и образование. Эти преобразования носят универсальный и всеохватный характер, затрагивая все отрасли и сферы человеческой деятельности, и сопровождаются постоянным ускорением научно-технических преобразований [6].

Революция книгопечатания в XV веке ознаменовала первый масштабный сдвиг ответственности за знания. До нее ответственность за сохранение и трансляцию знания лежала почти исключительно на учителе (мастере, наставнике) и ограниченном круге переписчиков манускриптов. С изобретением печатного станка знание стало объективированным и массовым. Ответственность за его аутентичность и распространение сместилась в сторону создателя технологии (печатника) и автора текста. Учитель же превратился из единственного хранителя сакрального знания в интерпретатора и проводника информации, доступной теперь в печатном виде.

Научно-техническая революция середины XX века стала следующим рубежом. Ее характерной чертой стало резкое увеличение наукоемкости производства и, как следствие, требований к квалификации трудовых ресурсов. Это возложило на государство и образовательные учреждения новый уровень ответственности. Не просто обучать грамоте, а массово готовить кадры, способные работать со сложной техникой. Вузы и школы стали восприниматься как «кузницы кадров» для народного хозяйства, а ответственность за содержание образования, его стандартизацию и соответствие запросам промышленности легла на плечи институций.

Информационная революция, связанная с появлением интернета и цифровых технологий, радикально демократизировала доступ к информации. Ответственность за ее достоверность и актуальность оказалась размыта между миллионами источников в сети. В этот период происходит масштабная децентрализация ответственности: она частично переходит к самому обучающемуся, который теперь должен критически оценивать информацию и выстраивать собственную образовательную траекторию. Одновременно возникает новый фактор – частные компании, которые берут на себя ответственность за создание образовательного контента и платформ, бросая вызов традиционным университетам.

Современный этап в рамках которого происходит стремительное развитие искусственного интеллекта, является логическим продолжением этой исторической последовательности. Образование вновь сталкивается с фундаментальным перераспределением ролей. Как и во времена внедрения книгопечатания, ИИ бросает вызов монополии учителя на знание, но делает это на качественно новом уровне. Историческая ретроспектива позволяет утверждать, что нынешние дебаты о «черном ящике» алгоритмов и смещении ответственности на

разработчиков – это современное звучание вечного вопроса о доверии к новому технологическому посреднику между человеком и знанием.

Создание устойчивой модели ответственности за решения, принимаемые с помощью ИИ в образовании, требует комплексного подхода, сочетающего четкое правовое поле и глубокие этические принципы. Эта модель основывается на распределении ответственности между всеми участниками процесса и подкрепляется конкретными нормативными актами и этическими кодексами.

Ключевым элементом правового поля является риск-ориентированный подход, который уже реализован в международной практике, например, в Законе ЕС об искусственном интеллекте [3]. Данный подход предполагает классификацию систем ИИ по уровням риска: от запрещенных и высокорисковых до систем с минимальным риском. В образовательном контексте алгоритмы, влияющие на судьбу учащихся, справедливо относятся к высокорисковым и должны подлежать строгому регулированию, включая требования к прозрачности, сертификации и человеческому надзору. В России правовая база продолжает формироваться в рамках Национальной стратегии развития ИИ до 2030 года, и актуальной задачей является адаптация именно риск-ориентированной модели для сферы образования, что поможет ликвидировать существующие правовые пробелы.

В условиях, когда решение принимается автономной системой, традиционное возложение ответственности на одного субъекта не работает. На смену ему приходит модель распределенной ответственности, учитывающая роль каждого участника жизненного цикла ИИ. Ответственность разработчика заключается в создании этических и технологически исправных алгоритмов. Они несут ответственность за дефекты, заложенные на этапе проектирования, и за предвзятость, вызванную нерепрезентативными или дискриминационными данными, использованными для обучения модели. Ответственность образовательного учреждения включает обеспечение корректной эксплуатации системы, ее регулярный аудит и соблюдение стандартов безопасности. Ответственность педагога состоит в критической оценке рекомендаций ИИ, осуществлении итогового человеческого контроля и принятии окончательного решения, особенно в чувствительных вопросах, затрагивающих интересы учащихся.

Правовые нормы задают обязательный минимум, тогда как этические кодексы определяют высокие стандарты ответственного поведения. В России этический кодекс использования ИИ в образовании, разработанный НИУ ВШЭ [1], задает именно такие ориентиры. Его ключевые принципы включают: приоритет человеческого общения, информированное и ответственное использование, прозрачность и достоверность, а также защиту данных и интеллектуальной собственности. Эти принципы означают, что ИИ не должен заменять межличностное взаимодействие, а лишь укреплять его; участники образовательного процесса должны понимать, как и для чего применяется ИИ; любые результаты работы ИИ должны проверяться на достоверность; а персональные данные учащихся и материалы, используемые для работы алгоритмов, должны быть надежно защищены.

Правовое поле и этический кодекс не противоречат, а взаимно дополняют друг друга, создавая устойчивую систему сдержек и противовесов. В то время как законодательство устанавливает жесткие рамки и последствия за их нарушение, этический кодекс выполняет воспитательную и ориентирующую функцию, формируя культуру ответственного отношения к технологии. На практике это означает, что образовательное учреждение, внедряющее ИИ, должно не только выполнять требования закона, но и активно внедрять принципы кодекса в свою повседневную работу: обучать сотрудников, разрабатывать внутренние регламенты и проводить пилотные проекты.

Результаты. Проведенное исследование позволяет констатировать, что проблема ответственности за решения, принимаемые с помощью технологий искусственного интеллекта в образовании, не имеет единственного и простого решения. Сложность и многоаспектность данной проблемы требуют отказа от поиска единственного «виновного» в пользу разработки комплексной модели распределенной ответственности. Как показывает анализ, такая модель должна структурно объединять три ключевых субъекта: разработчика алгоритма, педагогического работника и образовательную организацию, чьи зоны ответственности взаимодополняют и компенсируют друг друга.

Ключевым условием реализации модели распределенной ответственности является формирование четкого правового поля, устанавливающего конкретные обязательства для каждого участника. На международном уровне актуальным ориентиром служит риск-ориентированный подход, закрепленный в регламентирующих документах, таких как «Акт об искусственном интеллекте» Европейского союза, который предполагает особо строгий контроль за системами высокой степени риска, к которым, несомненно, относятся и образовательные ИИ. На национальном уровне это требует развития соответствующей законодательной базы, которая бы регламентировала вопросы проверки алгоритмов на предвзятость, защиты персональных данных учащихся и определения юридического статуса решений, вынесенных с помощью ИИ.

Параллельно с правовым регулированием необходимо активное развитие и внедрение этических кодексов, задающих более высокие стандарты поведения, чем того требует закон. Этические принципы, такие как приоритет человеческого контроля, прозрачность, справедливость и уважение к автономии обучающегося, должны стать основой для формирования корпоративной культуры в образовательных организациях и компаниях-разработчиках. Подобные кодексы не только минимизируют репутационные и правовые риски, но и способствуют построению доверительных отношений между всеми участниками образовательного процесса, что является залогом успешной цифровой трансформации.

Таким образом, устойчивое и безопасное внедрение искусственного интеллекта в образование возможно лишь при сочетании трех элементов: распределенной ответственности между основными акторами, проработанного правового поля и системы этических ориентиров. Перспективой дальнейших исследований может стать детальная разработка механизмов страхования ответственности за решения ИИ, а также анализ эффективности конкретных инструментов аудита алгоритмов в условиях реального образовательного процесса. Только комплексный подход позволит превратить искусственный интеллект из источника рисков в надежного партнера, расширяющего возможности каждого учащегося.

Список использованных источников:

1. В РФ впервые разработали кодекс этики использования ИИ в образовательном процессе. – Текст: электронный // ТАСС: [сайт]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/21222795> (дата обращения: 21.10.2025).
2. Искусственный интеллект в образовании не должен подрывать профессиональную роль учителей. – Текст: электронный // Европейский комитет профсоюзов образования: [сайт]. – URL: <https://www.csee-etu.org/ru/novosti/zakonodatelstva-v-oblasti-obrazovaniya/4483-iskusstvennyj-intellekt-v-obrazovanii-ne-dolzhen-podryvat-professionalnuyu-rol-uchitelej> (дата обращения: 21.10.2025).
3. Применение ИИ в сфере образования: правовые аспекты и регулирование. – Текст: электронный // Юриспруденция, право, Закон: [сайт]. – URL: <https://legalei.ru/primenenie-ii-v-sfere-obrazovaniya-pravovye-aspekty-i-regulirovanie> (дата обращения: 21.10.2025).
4. Рекомендации по ответственному и этичному внедрению ИИ в образование. – Текст: электронный // Сбер Университет: [сайт]. – URL: <https://courses.sberuniversity.ru/ai-education/2/2> (дата обращения: 21.10.2025).
5. Klein, Maury (2008): The Technological Revolution, in The Newsletter of Foreign Policy Research Institute, Vol.13, No. 18.
6. Perez, Carlota (2009): Technological revolutions and techno-economic paradigms., in Working Papers in Technology Governance and Economic Dynamics, Working Paper No. 20, (Norway and Tallinn University of Technology, Tallinn)

УДК: 37.062.1

Коняев А.В.,

студент 3 курса, направление 44.03.01 – педагогическое образование, ФГБОУ ВО «МГТУ им.

К.Г.Разумовского (ПКУ)», г. Москва, РФ

Н. рук.: Богатырева О.В.,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории МГТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ); Москва, Российская Федерация.

«ЦИФРОВОЙ СОКРАТ»: НАВЫКИ ДИАЛОГА С ИИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ НА УРОКАХ ИСТОРИИ

Аннотация. Статья посвящена инновационной педагогической методике «Цифровой Сократ», направленной на развитие критического мышления у учеников, изучающих историю, через диалог с искусственным интеллектом. В работе анализируется потенциал языковых моделей для создания проблемных ситуаций на уроках истории, где ИИ выступает не источником готовых ответов, а инструментом для их верификации и деконструкции. Автор доказывает, что данный подход позволяет трансформировать цифровые вызовы в образовательные возможности, формируя у учащихся устойчивые навыки аналитической работы с информацией. Рассматриваются ключевые компетенции, необходимые для эффективного взаимодействия с ИИ. Делается вывод о том, что метод «Цифровой Сократ» способствует преодолению пассивной модели обучения, переводя студента в позицию исследователя.

Ключевые слова: цифровой Сократ, искусственный интеллект в образовании, критическое мышление, преподавание истории, диалоговые модели ИИ, верификация информации, историческое образование.

"DIGITAL SOCRATES": AI DIALOGUE SKILLS FOR DEVELOPING CRITICAL THINKING IN HISTORY LESSONS

Abstract. The article is devoted to the innovative pedagogical method of the "Digital Socrates", aimed at developing critical thinking among history students through dialogue with artificial intelligence. The work analyzes the potential of language models for creating problem-based learning situations in history lessons, where AI acts not as a source of ready-made answers, but as a tool for their verification and deconstruction. The author argues that this approach makes it possible to transform digital challenges into educational opportunities, fostering students' sustainable skills in analytical work with information. The key competencies required for effective interaction with AI. The conclusion is drawn that the "Digital Socrates" method helps to overcome the passive learning model, shifting the student into the role of a researcher.

Keywords: digital Socrates, Artificial Intelligence in Education, Critical Thinking, History Teaching, AI Dialogue Models, Information Verification, History Education.

Введение. В условиях цифровой трансформации образования, характеризующейся лавинообразным ростом информации и распространением генеративных моделей искусственного интеллекта, формирование навыков критического мышления у студентов становится не просто педагогической задачей, но и насущной необходимостью. Современные ученики, активно использующие ИИ для решения учебных задач, зачастую сталкиваются с искушением пассивного потребления готовых ответов, что может приводить к эрозии аналитических способностей и самостоятельности суждения. В этой связи перед преподавателями истории встает сложный вызов: не запретить технологии, а превратить их из инструмента для «списывания» в помощника для интеллектуального развития. Преодоление этого противоречия требует переосмысления

методологического аппарата и поиска инновационных подходов, способных гармонично интегрировать цифровые инструменты в образовательный процесс, ориентированный на развитие личности.

Одним из наиболее продуктивных путей решения данной проблемы представляется адаптация для цифровой среды принципов «сократического метода», разработанного античным философом Сократом. Его учение, основанное на диалоге и искусстве задавания вопросов, совершило поворот в древнегреческой философии, перенеся фокус с изучения природы на внутренний мир человека и этические категории. Ключевыми элементами его метода были майевтика («повивальное искусство»), помогающая собеседнику «родить» знание, и эленхос – техника опровержения через выявление противоречий, которая вела собеседника к осознанию границ собственного знания. Таким образом, Сократ видел своей задачей не передачу готовых истин, а пробуждение в ученике самостоятельной мыслительной деятельности и стремления к истине.

В современном образовательном контексте диалоговые языковые модели, такие как ChatGPT, способны выступить в роли «Цифрового Сократа». Это не просто метафора, а конкретная педагогическая стратегия, которая предполагает коренной пересмотр взаимодействия «студент–ИИ». Речь идет о переходе от модели, в которой ИИ используется как «Исполнитель» для получения готовых рефератов или ответов, к модели, где он становится «Интеллектуальным противником» или «Вдохновителем». В таком формате система, следуя сократической традиции, не дает конечных ответов, а задает уточняющие и наводящие вопросы, предлагает рассмотреть альтернативные точки зрения, подвергает сомнению первоначальные гипотезы студента и помогает ему самостоятельно выстроить логическую цепочку рассуждений. Такой диалог позволяет преодолеть «страх чистого листа» и превращает изучение истории в активный, исследовательский процесс.

Целью данной статьи является теоретическое обоснование и разработка практических приемов методики «Цифровой Сократ», направленной на развитие критического мышления у студентов-историков через организацию специфического диалога с системами искусственного интеллекта. В задачи работы входит: анализ потенциала сократического метода применительно к вызовам цифровой педагогики; определение ключевых навыков верификации и анализа ответов ИИ, необходимых историку; а также разработка конкретных дидактических кейсов для уроков истории, основанных на технологиях «персонализации» и «режима обучения», которые закладываются в современные ИИ-платформы. Практическая значимость исследования заключается в предложении инструментария, позволяющего преподавателю истории эффективно использовать технологии не в ущерб, а во благо развития аналитических и критических способностей учащихся.

Анализ: фундаментом предлагаемой методики служит классический сократический диалог, представляющий собой не просто форму беседы, а целостную философско-педагогическую систему. Её суть заключается не в трансляции готового знания от учителя к ученику, а в индукции интеллектуального открытия через систему наводящих и провокационных вопросов. Ключевыми инструментами Сократа были майевтика («повивальное искусство»), помогающая собеседнику «родить» знание, и эленхос – техника логической проверки и опровержения утверждений, приводящая к осознанию собственного неведения. Этот метод был направлен на разрушение иллюзии знания и формирование устойчивой познавательной мотивации, что является прямой предтечей современного критического мышления. В контексте исторического образования данный подход актуален для деконструкции упрощенных исторических мифов и формирования многомерного понимания прошлого.

В современной цифровой среде функцию «собеседника-провокатора» с успехом могут выполнять генеративные языковые модели. Они являются идеальным инструментом для реализации сократического метода в его адаптированном виде, поскольку их основная функция - генерация текстовых ответов на основе вероятностных моделей, а не доступ к абсолютной истине. «Цифровой Сократ» оказывается не энциклопедией, а симулятором дискуссии, который может целенаправленно создавать для студента интеллектуальные проблемы: формулировать противоречивые трактовки исторического события, генерировать аргументы «за» и «против», предлагать гипотетические сценарии («Что, если бы?...») и ставить под сомнение поверхностные выводы. Таким образом, ИИ перенимает у своего античного прототипа ключевую роль катализатора самостоятельной мыслительной деятельности, а не её подмены.

Принципиальное отличие предлагаемого подхода от наивного восприятия ИИ как источника готовых ответов заключается в коренном пересмотре его статуса. Если традиционно студент может воспринимать ИИ как «оракула», чьи утверждения не подлежат сомнению, то в модели «Цифрового Сократа» выводы системы рассматриваются не как истина, а как исходный материал для критического анализа. Ответ ИИ всегда будет гипотезой, требующей верификации, интерпретация, нуждающаяся в проверке на основе авторитетных источников, и нарратив, содержащий потенциальные ошибки, смещения или упрощения. Задача ученика не конспектировать этот ответ, а подвергнуть его всестороннему «допросу»: проверить факты, выявить логические неувязки, определить, на какой школе исторической мысли основана приведенная версия. Это преобразует взаимодействие с технологией из пассивного потребления информации в активную исследовательскую деятельность, где ошибка ИИ становится не недостатком, а дидактическим ресурсом [2].

Эффективное взаимодействие с искусственным интеллектом в образовательных целях требует от ученика выработки специфических компетенций. Эти навыки трансформируют ИИ из простого генератора текста в инструмент для исследовательской работы.

Первым и фундаментальным навыком является умение точно формулировать задачу для ИИ, то есть навык написания промптов. Качество ответа нейросети напрямую зависит от качества входного запроса. Для историка это означает необходимость выходить за рамки простых вопросов и создавать сложные,

структурированные промпты, которые определяют роль ИИ, контекст и конкретные цели задания. Вместо расплывчатого «Расскажи о причинах Первой мировой войны» эффективный промпт может звучать так: «Выступая в роли эксперта-историка, сгенерируй три альтернативные точки зрения на причины Первой мировой войны, каждая из которых должна быть основана на разных школах исторической мысли (политической, экономической, социокультурной). К каждой точке зрения приведи по 2 аргумента и укажи, какие историки их поддерживают». Такой подход позволяет студенту использовать ИИ не для получения готового ответа, а для моделирования научной дискуссии и генерации материала для последующего сравнительного анализа.

Важнейшим навыком является понимание, что ответы ИИ не являются абсолютной истиной и требуют обязательной проверки. Языковые модели могут генерировать правдоподобные, но фактически неверные утверждения, включая несуществующие исторические личности, ошибочные даты и неверные причинно-следственные связи. Задача ученика подвергать каждый ответ ИИ «перекрестному допросу». Это подразумевает проверку всех приведённых фактов, цитат и трактовок по авторитетным историческим источникам: академическим монографиям, научным статьям, опубликованным документам и мемуарам. Например, после получения от ИИ текста о коллективизации в СССР студент должен выполнить задание по анализу предоставленного текста, найти утверждения, требующие проверки, и составить план их верификации с указанием конкретных архивов, научных работ или сборников документов, которые следует изучить. Этот навык формирует основу академической добросовестности и критического отношения к любой информации.

Современные языковые модели часто генерируют тексты, воспроизводящие устоявшиеся, зачастую упрощённые исторические нарративы. Навык деконструкции позволяет студенту критически анализировать ИИ тексты, выявляя скрытые в них ценностные установки, умолчания и идеологические предпочтения. Нарратив понимается как история, которая не просто описывает реальность, но и активно формирует её, будучи порождённой определёнными культурными и социальными дискурсами. Практическое задание может заключаться в том, чтобы попросить ИИ написать короткий текст об «эпохе Великих географических открытий» сначала с европоцентристской точки зрения, а затем с точки зрения коренного населения Америки, с последующим сравнительным анализом двух текстов. Подобная работа позволяет осознать, что история не является монолитной истиной, а оказывается полем конкурирующих интерпретаций, и научиться видеть за текстом его культурный и идеологический контекст.

Практические кейсы для урока истории: реализация метода «Цифровой Сократ». Теоретические принципы метода «Цифровой Сократ» находят свое практическое воплощение в серии дидактических кейсов, предназначенных для интеграции в учебный процесс по истории.

Кейс «Суд истории» направлен на формирование у учеников умения строить и критиковать аргументы, а также рассматривать исторические события с разных точек зрения. В рамках задания «Суд над Иваном Грозным: реформатор или тиран?» ИИ назначается на роль либо адвоката, либо обвинителя. Учащиеся получают от системы подготовленный текст с конкретными аргументами: адвокат акцентирует внимание на централизации государства, расширении территорий и развитии культуры, в то время как обвинитель приводит доводы о жестокости опричнины, политических репрессиях и последствиях Ливонской войны. Задача группы, выступающей в противоположной роли, заключается не в простом отрицании, а в подготовке контраргументов на основе работы с авторитетными историческими источниками. Этот формат учит верифицировать утверждения, порожденные ИИ, и помещать их в более широкий историографический контекст, оттачивая мастерство полемики [1].

Кейс «Анализ сфабрикованного источника» нацелен на развитие настороженности к фальсификациям и формирование навыков внешней и внутренней критики источника. Преподаватель использует ИИ для генерации «дневника солдата Наполеоновской армии 1812 года», предварительно задав системе включить в текст ряд анахронизмов, терминологических и фактических ошибок. Ученики, работая индивидуально или в группах, должны выступить в роли экспертов-криминалистов и идентифицировать все подозрительные элементы. Для этого они обращаются к эталонным источникам – мемуарам реальных участников кампании, работам по истории материальной культуры и военного дела. Успешное выполнение этого кейса демонстрирует, что даже убедительно выглядящий нарратив, созданный ИИ, может быть деконструирован с помощью строгой методики исторического анализа [3].

Кейс «Диалог с очевидцем» позволяет преодолеть абстрактность исторического знания и погрузить студентов в изучение повседневности через технологию иммерсивного интервью. Учащиеся получают задание вступить в диалог с ИИ, который выполняет роль жителя древнего Новгорода XIII века. Ученики должны подготовить серию вопросов, которые раскрывают бытовые, экономические и социальные аспекты жизни. Качество ответов ИИ, их соответствие историческим реалиям становится предметом коллективного обсуждения. Группа учится не только формулировать исследовательские вопросы, но и критически оценивать правдоподобие ответов, сверяя их с данными археологии и летописными свидетельствами. Этот кейс развивает эмпатию к людям прошлого и наглядно показывает, как большая история проявляется в жизни обычного человека.

Результаты. Проведенное исследование позволяет утверждать, что методика «Цифровой Сократ» представляет собой эффективный ответ на вызовы, стоящие перед историческим образованием в цифровую эпоху. Трансформация искусственного интеллекта из потенциального источника академических рисков в педагогический инструмент возможна при условии целенаправленного формирования у учащихся

специфических компетенций от точного написания промптов до критической верификации и деконструкции получаемых от ИИ нарративов. Таким образом, предлагаемый подход позволяет не только нивелировать риски, связанные с некритичным использованием технологий, но и вывести развитие аналитического мышления и работы с историческими источниками на качественно новый уровень.

Практическая значимость метода подтверждается разработанными дидактическими кейсами, которые интегрируют ИИ в учебный процесс в роли интеллектуального оппонента, генератора проблемных ситуаций и симулятора исторических перспектив. Моделирование «Суда истории», анализ сфабрикованных источников и диалог с «очевидцем» событий переводят студента из пассивной позиции потребителя информации в активную позицию исследователя, следователя и критика. Это способствует глубокому усвоению материала через его проблематизацию и создает прочные навыки работы с информацией, востребованные далеко за пределами аудитории.

В заключение следует подчеркнуть, что успешная реализация концепции «Цифрового Сократа» принципиально зависит от руководящей роли преподавателя. Именно педагог выступает архитектором образовательной среды, который ставит цели, разрабатывает критерии оценки и направляет критический анализ студентов. Будущее исторического образования видится не в противопоставлении традиционных методов и цифровых инноваций, а в их синтезе, где технология усиливает, а не подменяет фундаментальные педагогические принципы, заложенные еще в античности [4].

Список использованных источников:

1. Вяземский Е.Е., Стрелова О.Ю. «Теория и методика преподавания истории», 2019, с. 156
2. Иванов, К.Л. «Методология критического мышления в цифровую эпоху», 2022, с. 78
3. Коровкин Ф.П. «Методика преподавания истории в средней школе: Пособие для учителей», 2020, с. 203
4. Смирнов С.Р. «Педагогика сотрудничества с искусственным интеллектом», 2024, с. 112

УДК 261.7

Климова В.А.

студентка 3 курса, направления подготовки 440301-ИОЭКо-23/1, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского» (Первый казачий университет), Россия, Москва

Научный руководитель: Богатырева О.В.

кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории факультета СГТ, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского» (Первый казачий университет) Россия, Москва

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФУНДАМЕНТ СИНОДАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ 1721 ГОДА

Аннотация. В статье рассматривается идеологический фундамент Синодальной реформы 1721 года, одного из ключевых событий эпохи Петра I. Акцент делается на анализе концепций и идей, которые легли в основу упразднения патриаршества и создания Святейшего Синода как высшего органа церковного управления. Особое внимание уделяется роли Феофана Прокоповича, одного из ведущих духовных и политических мыслителей того времени, который обосновал идею государственного контроля над церковью. В работе исследуются труды и реформаторская деятельность Прокоповича, направленные на интеграцию церковного института в систему государственного управления, что отражало стремление Петра I к централизации и модернизации России по европейскому образцу. Также анализируется влияние римской церковно-политической мысли, в частности сочетания роли правителя и главы церкви, на формирование нового церковного устройства в России. Статья подчеркивает, что идеологическая база реформы строилась на синтезе традиционных религиозных представлений и государственной идеологии самодержавия, что окончательно закрепило подчинение церкви светской власти и преобразовало религиозную сферу в инструмент укрепления государственной власти.

Ключевые слова: Пётр Великий, церковная реформа, Синод, Феофан Прокопович, идеология, Иван Грозный, Римская Империя, патриаршество, европеизация.

THE IDEOLOGICAL FOUNDATION OF THE SYNODAL REFORM OF 1721

Abstract. This article examines the ideological foundation of the Synodal Reform of 1721, one of the key events of the reign of Peter the Great. It focuses on the concepts and ideas that underpinned the abolition of the patriarchate and the creation of the Holy Synod as the highest body of church governance. Particular attention is paid to the role of Feofan Prokopovich, one of the leading spiritual and political thinkers of the time, who substantiated the idea of state control over the church. The paper examines Prokopovich's works and reform efforts aimed at integrating church institutions into the system of state governance, reflecting Peter the Great's desire to centralize and modernize Russia along European lines. It also analyzes the influence of Roman ecclesiastical and political thought, particularly the combination of the roles of ruler and head of the church, on the formation of the new church structure in Russia. The article emphasizes that the ideological foundation of the reform was built on a synthesis of traditional religious beliefs and the state ideology of autocracy, which ultimately cemented the church's subordination to secular authority and transformed the religious sphere into an instrument for strengthening state power.

Keywords: Peter the Great, church reform, Synod, Feofan Prokopovich, ideology, Ivan the Terrible, Roman Empire, patriarchate, Europeanization.

Введение

25 января 1721 года государь Петр Великий учредил новый высший церковный орган – Святейший правительствующий Синод и ликвидировал должность Патриарха. Как же случилось что такая реформа смогла состояться? Каким образом император обосновал возможность таких преобразований?

Целью данного исследования будет логичный и последовательный ответ на проблемные вопросы. Исходя из чего, актуальными являются следующие **задачи**:

- Рассмотреть исторические предпосылки реформы;
- Проанализировать идеологическую преемственность, позволяющую правителю встать во главе церкви;
- Ознакомиться со взглядами и деятельностью Феофана Прокоповича;
- Сделать комплексный вывод обо всех аспектах, повлиявших на события 1721 года.

Результаты исследования

Пётр Алексеевич взошёл на престол в 1689 году как самостоятельный правитель. В тот период взгляд на взаимодействие государя и церкви был достаточно прозрачным: власть монарха, хоть и дана Богом, сосредотачивалась преимущественно на светских делах государства, в то время как церковь обладала определённой автономией и не являлась частью государственного аппарата.

Пересмотр этой парадигмы начался ещё при Иване Грозном, который сформулировал теорию «православного христианского самодержавия». В ней провозглашался принцип полной ответственности государя за всё происходящее в стране, где правитель выступал в роли «отца», а подданные – в роли «детей». Этот подход нашёл отражение во внутренней политике, ставшей всеобъемлющей и централизованной. При этом царский титул предполагал лишь абсолютную волю в принятии решений и возможность никому не отчитываться за них, в то время как императорский титул стал ключевым элементом в переориентации самодержавия: смещалась с Византийского образца на традиции Древнего Рима [3]. Из этого вытекало идеологическое обоснование для подчинения церкви императору. Пётр I был хорошо осведомлён о подобных полномочиях императоров и, издавая «Духовный регламент» в 1721 году, ссылаясь на древние традиции, согласно которым правитель выполнял не только светские, но и религиозные функции, имел право «исправлять духовный чин» [4]. В результате на протяжении всей истории России православная церковь, изначально обладавшая автономией, становилась частью государственного аппарата, утратив самостоятельность и подчиняясь воле монарха.

Ещё одной важной причиной проведения данной реформы стала европеизация российского общества и государственной системы. Духовенство, в целом характеризующееся консерватизмом и приверженностью традиционным устоям, с низкой степенью вероятности могло бы поддержать реформаторские взгляды Петра I. Это обусловило необходимость вмешательства государя и усиления контроля над церковью с целью реализации европейских моделей управления и модернизации государства [1].

Также немаловажным фактором являлось само положение патриаршества в российской церковной структуре. Учреждённое в 1589 году, патриаршество ещё не успело полностью сформироваться и закрепиться в сознании общества как ключевой и неотъемлемый элемент духовной жизни народа. Вследствие этого упразднение патриаршего чина не вызвало серьёзного общественного сопротивления или кризиса, что позволило перейти к новому административному устройству Русской православной церкви без значительных потрясений для империи. Такая относительная слабость данного института способствовала укреплению государственной власти и реализации петровских реформ в церковной сфере [2].

Таким образом, учреждение Святейшего правительствующего Синода и ликвидация должности Патриарха состоялась по целому ряду причин. Во-первых, европейская направленность государственной политики, заложенная ещё во времена царевны Софьи, достигла своего апогея при Петре Великом, что способствовало интеграции церкви в государственный аппарат и усилению контроля над духовной сферой. Во-вторых, идеологическая преемственность, восходящая к мыслям Ивана Грозного, обеспечила всесторонний характер реформаторской деятельности и оправдание государственного вмешательства в церковные дела. В-третьих, глубоко укоренённое в общественном сознании представление о божественной легитимизации власти наделяло монарха полномочиями для широкого регулирования различных сфер жизни общества, включая религиозную сферу. Наконец, получение Петром I титула императора придало самодержавию римский статус, что позволило соотносить власть русского монарха с властью римских императоров и обосновать более жёсткий контроль над церковью.

Феофан Прокопович, разделяя идеи Петра I, обосновывал преимущество абсолютной монархии как наиболее эффективной формы управления Россией [2]. В «Духовном регламенте» он акцентировал божественное происхождение власти, опираясь на библейские сюжеты, что должно было легитимизировать верховенство монарха над церковью. Также в тексте документа чётко прослеживается критика патриаршей власти: «Понеже в единой персоне не без страсти бывает; к тому ж не наследственная власть, того ради вящше не брегут...» [4]. Это говорит о том, что патриарх как глава церкви подвержен человеческим слабостям и эмоциям, а отсутствие наследственного принципа в его выборе снижает стабильность и авторитет его должности.

Ещё одним фактором, усугубляющим эту ситуацию, была практическая невозможность патриарха лично контролировать обширные территории Российской империи из-за масштабов государства. Ограниченная мобильность и невозможность эффективно управлять церковными делами создавали вопросы о реальной полезности и необходимости данной должности в системе государственной власти.

Следовательно, возникает закономерный вопрос: если патриарх лишён как эффективных административных ресурсов, так и устойчивого статуса, **в чем тогда заключается его функция и значимость в новой системе управления? Именно данная точка зрения и обоснование неэффективности патриаршества смогли дать идеологический фундамент для реформы 1721 года, к тому же прибавлялись и аспекты мировоззрения и политики самого Петра Великого.**

Таким образом, была представлена убедительная аргументация в пользу учреждения Святейшего правительствующего Синода во главе с императором, что дало возможность интеграции церковного управления в систему государственной власти. В то же время упразднение патриаршества рассматривалось как необходимая мера, направленная на устранение устаревшего и неэффективного титула, утратившего своё существенное значение в условиях нового идеологического фундамента.

Заключение

Итак, отвечая на вопросы данного исследования, можно констатировать, что учреждение Святейшего правительствующего Синода и ликвидация должности Патриарха стали возможны благодаря совокупности факторов. Среди них ключевую роль сыграло укоренившееся в общественном сознании представление о божественном происхождении власти, а также внедрение концепций, связанных с преемственностью от Римской империи, что обоснованно легитимизировало верховенство светской власти над церковной.

В работе были детально рассмотрены исторические предпосылки реформы 1721 года, выявлена идеологическая база, которая акцентировала главенство правителя как высшей инстанции как в государственном, так и в церковном управлении. Были проанализированы особенности деятельности и политические взгляды Феофана Прокоповича, чьи труды и голос способствовали формированию теоретических основ для радикальной трансформации церковной структуры. Обобщение всех этих аспектов позволяет сделать комплексный вывод: события 1721 года были результатом последовательной политики централизации власти, подкреплённой соответствующей идеологической базой, что значительно изменило облик церковного управления в Российской империи.

Список использованных источников:

1. Живов В. Из церковной истории времен Петра Великого: исследования и материалы / В. Живов. – М.: НЛЮ, 2004. – С. 34-68.
2. Золотухина Н.М. История политических и правовых учений: Учебник для вузов / Под общ. ред. акад. РАН, д.ю.н., проф. В. С. Нерсисянца. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2004 - 944 с.
3. Томсинов В.А. История политических и правовых учений. Учебник для вузов / Под редакцией докт. юрид. наук, профессора О. Э. Лейста. М.: Издательство "Зерцало", 2006 – 568 с. – (Серия "Классический университетский учебник"). ISBN 5-8078-0113-X
4. Устав Святейшего правительствующего Синода 1721 года / Российская империя. – 25 янв. 1721. – Режим доступа: <https://k.rotov.info/acts/18/1/1721regl.html> (дата обращения: 27.04.2024).

УДК 930.2

Иванова А.Ш.

студентка 3 курса, направления подготовки - 44.03.01 ИСОбо-23/1 ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского» (Первый казачий университет); Россия, Москва;

Научный руководитель: Богатырева О.В.

заместитель заведующего кафедрой истории, к.п.н., доцент, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)»

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ И ОНЛАЙН-ПЛАТФОРМ НА ПОПУЛЯРИЗАЦИЮ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

Аннотация. В статье рассматривается роль социальных сетей и онлайн-платформ в популяризации исторических знаний. Автор анализирует, как социальные сети способствуют повышению осведомленности о прошлом, формированию более глубокого понимания исторических процессов, изменению восприятия исторических событий и формированию новых подходов к изучению прошлого.

Основные аспекты, которые освещаются в статье: социальные сети как инструмент для распространения информации об исторических событиях и повышения осведомленности пользователей, влияние социальных сетей на восприятие исторических событий, включая распространение недостоверной информации и мифов, новые подходы к изучению истории, которые могут быть реализованы с помощью социальных сетей, такие как создание интерактивных карт и таймлайнов, вызовы, связанные с популяризацией исторических знаний в социальных сетях, включая проблему фейковых новостей и дезинформации.

Автор подчеркивает важность развития критического мышления у пользователей социальных сетей и обучения их навыкам работы с историческими источниками для более глубокого и точного понимания исторических процессов. Статья представляет интерес для историков, педагогов и всех, кто интересуется вопросами популяризации исторических знаний в современном информационном пространстве.

Ключевые слова: социальные сети, онлайн-платформы, популяризация знаний, история, дезинформация.

THE INFLUENCE OF SOCIAL MEDIA AND ONLINE PLATFORMS ON THE POPULARIZATION OF HISTORICAL KNOWLEDGE

Abstract. The article examines the role of social networks and online platforms in the popularization of historical knowledge. The author analyzes how social networks contribute to raising awareness of the past, forming a deeper understanding of historical processes, changing the perception of historical events and forming new approaches to the study of the past.

The main aspects covered in the article are: social networks as a tool for disseminating information about historical events and raising user awareness, the impact of social networks on the perception of historical events, including the dissemination of false information and myths, new approaches to the study of history that can be implemented using social networks, such as the creation of interactive maps and timelines, challenges related to the popularization of historical knowledge on social media, including the problem of fake news and disinformation.

The author emphasizes the importance of developing critical thinking among users of social networks and teaching them how to work with historical sources for a deeper and more accurate understanding of historical processes. The article is of interest to historians, educators and anyone who is interested in the issues of popularization of historical knowledge in the modern information space.

Keywords: social networks, online platforms, popularization of knowledge, history, disinformation.

Введение

В современном мире социальные сети и онлайн-платформы стали неотъемлемой частью жизни многих людей. Они предоставляют возможность получать информацию, обмениваться мнениями и участвовать в дискуссиях на различные темы, включая историю. В данной статье мы рассмотрим, как социальные сети и онлайн-платформы влияют на популяризацию исторических знаний, какие возможности они предоставляют для изучения истории и какие вызовы они представляют.

Актуальность темы обусловлена стремительным развитием цифровых технологий и их влиянием на общественные процессы, в том числе на формирование исторического сознания. Социальные сети становятся важным инструментом для распространения исторической информации, однако они также могут способствовать распространению недостоверных данных и мифов о прошлом [1].

Целью данной статьи является анализ влияния социальных сетей на популяризацию истории, выявление их потенциала и ограничений в контексте изучения исторических процессов. Мы рассмотрим, как социальные сети способствуют повышению осведомленности о прошлом, формированию более глубокого понимания исторических событий и взаимодействию между историками и любителями истории. Также мы обсудим проблемы, связанные с распространением недостоверной информации в историческом контексте, и предложим пути их решения.

Результаты исследования

Социальные сети предоставляют возможность широкому кругу пользователей делиться информацией и обсуждать исторические события. Это способствует повышению осведомленности о прошлом и формированию более глубокого понимания исторических процессов [2].

Благодаря алгоритмам рекомендаций и хэштегам, исторические посты могут достигать широкой аудитории. Пользователи могут находить интересные исторические факты, события и личности через ленту новостей или специализированные сообщества.

Кроме того, социальные сети позволяют историкам и любителям истории взаимодействовать друг с другом. Это способствует обмену знаниями и опытом, а также формированию сообществ, посвященных изучению истории. Таким образом социальные сети выступают как инструмент популяризации истории.

Также социальные сети и онлайн-платформы могут влиять на восприятие исторических событий, формируя определенные нарративы и образы прошлого. Это может быть, как положительным, так и отрицательным фактором.

С одной стороны, социальные сети могут способствовать более глубокому пониманию исторических событий, предоставляя доступ к различным точкам зрения и источникам информации. С другой стороны, они также могут способствовать распространению недостоверной информации и мифов о прошлом [3].

Например, исторические события могут быть представлены в упрощенной или искаженной форме, что может привести к формированию неправильных представлений о прошлом. Поэтому важно развивать критическое мышление у пользователей социальных сетей и обучать их навыкам работы с историческими источниками [4].

Социальные сети и онлайн-платформы также способствуют формированию новых подходов к изучению истории. Например, они могут использоваться для создания интерактивных карт, таймлайнов и других визуальных инструментов, которые помогают лучше понять исторические процессы.

Кроме того, социальные сети могут использоваться для организации онлайн-лекций, вебинаров и других образовательных мероприятий, посвященных истории. Это может сделать исторические знания более доступными для широкой аудитории.

Несмотря на все преимущества, социальные сети и онлайн-платформы также представляют определенные вызовы для популяризации исторических знаний. Например, проблема фейковых новостей и дезинформации в историческом контексте требует активного противодействия и критического подхода к информации.

Перспективы развития социальных сетей и онлайн-платформ в контексте популяризации истории связаны с разработкой новых форматов и методов представления исторических знаний, а также с созданием более эффективных инструментов для проверки достоверности информации [5].

Заключение

Социальные сети и онлайн-платформы представляют собой мощный инструмент для популяризации исторических знаний и формирования более глубокого понимания исторических процессов. Они способствуют обмену информацией, взаимодействию между историками и любителями истории, а также созданию сообществ, посвященных изучению прошлого.

Однако вместе с преимуществами приходят и вызовы, такие как распространение недостоверной информации и упрощение исторических событий. Поэтому важно развивать критическое мышление у пользователей и обучать их навыкам работы с историческими источниками [6].

Перспективы развития социальных сетей и онлайн-платформ в контексте популяризации истории связаны с разработкой новых форматов и методов представления исторических знаний, а также с созданием более эффективных инструментов для проверки достоверности информации. Это позволит не только сделать исторические знания более доступными, но и повысить качество их восприятия и понимания.

Список использованных источников:

1. Громова Т.К. «Виртуальные сообщества и взаимодействие с историей: роль социальных сетей». Томск: Томский государственный университет, 2018.
2. Дубровский И.А. «Социальные сети и их влияние на историческую память». Москва: Научный мир, 2018.
3. Жуков Д.В., Мухамадеева И.А. ВЛИЯНИЕ МЕДИА РЕСУРСА НА ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ // НИР/S&R. 2025. №1 (21). [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-media-resursa-na-izuchenie-istorii> (дата обращения: 05.10.2025).
4. Кузнецова Е.В. «Цифровая история и социальные медиа: новые подходы». Санкт-Петербург: Издательство Политехнического университета, 2020.
5. Смирнов Р.Ю. «Влияние социальных сетей на формирование общественной исторической памяти». Екатеринбург: Уральское издательство, 2021.
6. Тарумова Наталья Тимофеевна Популяризация культурно-исторических знаний в сети Internet // Ярославский педагогический вестник. 2015. №4. [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/populyarizatsiya-kulturno-istoricheskikh-znaniy-v-seti-internet> (дата обращения: 05.10.2025).

УДК 159.9.01
ББК 88.3

Кондратьев С.В.

доктор философии, профессор кафедры психологии Академии государственной и казачьей службы (Россия, Москва-Екатеринбург)

ИНТЕГРАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО И ЕСТЕСТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОМ РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ (ХРИСТИАНСКАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА)

Аннотация. Рассматриваются проблемы интеграции искусственного и естественного интеллекта в духовно-нравственном развитии личности в образовательной среде. Дается понятие нравственности с позиции христианской психологической парадигмы. Определяется либеранство как следствие интеграции искусственного и естественного интеллекта

Ключевые слова: искусственный и естественный интеллект, духовность, нравственность, христианская парадигма, либерализм.

INTEGRATION OF ARTIFICIAL AND NATURAL INTELLIGENCE IN THE SPIRITUAL AND MORAL DEVELOPMENT OF THE PERSONALITY (HUMANITARIAN CHRISTIAN PSYCHOLOGICAL PARADIGM)

Abstract. The article examines the integration of artificial and natural intelligence in the spiritual and moral development of individuals in an educational environment. It explores the concept of morality from the perspective of the Christian psychological paradigm. Libermanism is defined as a consequence of the integration of artificial and natural intelligence.

Keywords: artificial and natural intelligence, spirituality, morality, Christian paradigm, liberalism.

Интеграция искусственного и естественного интеллекта в системах обучения и воспитания представлена в цифровизации образования.

Искусственный интеллект – есть отображение, «проекция нейронов в голове человека». Сигналы передаются от «нейрона к нейрону и, наконец, получается числовой, категориальный или генеративный результат. Последнее нашло отражение в исследованиях интеграции компьютерных программа, цифровых технологий с процессами деятельности мозга человека [3, с.57-68]. Следовательно, речь идет об интеграции искусственного и естественного интеллекта.

Естественный интеллект человека есть ментальный опыт с позиции когнитивной психологии [6]. С точки зрения христианской психологии интеллект трактуется как интегративное душевное качество, в котором проецируются духовные атрибуты: разум, творчество, духовная сила, духовная свобода, воля [7, р.212-223]. Именно с позиции христианской психологии возникает вопрос как духовность человека реализуется в интеграции искусственного и естественного интеллекта

Опираясь на Авромические вероучения (ветхозаветный и современный иудаизм, христианство, ислам) человек существует в двух системах отношений «Человек-Бог» и «Человек-Мир». Если в иудаизме и исламе данные системы интегрированы, мораль и нравственность тождественны, то в христианстве они различны. Если мораль имеет место в системе «Человек-Мир», то нравственность в системе «Человек-Бог». В христианстве эти две системы дифференцированы («Царство Моё не от мира сего» [Ин. 18:36])

Таким образом, возникает вопрос, как интеграция естественного и искусственного интеллекта обеспечивает духовно-нравственное развитие личности в условиях цифровизации образования.

Обращает на себя внимание высказывания некоторых отечественных психологов, идущих в разрез с марксистской психологией Л.С.Выготского (В.В.Зеньковский, Д.Н.Узнадзе, С.Н.Шпильрейн и др.). П.В.Симонов в своей работе «Мотивированный мозг» говорит о том, что животные отличаются от человека только тем, что у животных нет религии [4]. Религиозные воззрения определяют стремление человека к Творцу, определяют его подобие Богу. Так, например, летом 1921 года в Ташкенте проходил судебный процесс над группой медиков. Общественным обвинителем на суде выступал начальник Ташкентской ЧК Якоб Петерс: «Как это Вы верите в Бога, поп и профессор Ясенецкий-Войно? Разве Вы его видели, своего Бога?» Батюшка и врач дал ответ: «Бога я действительно не видел, гражданин общественный обвинитель. Но я много оперировал на мозге и, открывая черепную коробку, никогда не видел там также и ума. И совести тоже не находил» [8]. Также ответил знаменитый хирург, профессор, лауреат Сталинской премии, **архиепископ Лука, когда ему сказали**, что Гагарин в космос летал, а Бога не видел: «Я много раз делал трансплантацию черепа во время операции, но ума там тоже не обнаружил» [9].

Другими словами, нравственность определяет человеческую сущность отличную от других животных как духовное существо. Она есть интегративное качество личности, в ней имеют место противоречия между социальной ситуацией существования и объективными духовными законами самобытия. В том случае, когда духовные законы подстраиваются под исходную социальную ситуацию существования человека, имеет смысл говорить о нравственной и личностной деградации. Только тогда можно говорить о нравственном и личностном развитии, когда человек изменяет социальную ситуацию таким образом, что позволяет ему реализовать в своем поведении духовные законы. В христианском вероучении данные законы прописаны в Нагорной Проповеди Иисуса Христа [Мф.5].

Эти духовные законы реализуют себя в таких нравственных качествах личности, как доброжелательность, терпимость, ответственность, щедрость, отзывчивость, сочувствие, заботливость. Все эти качества представлены в Вершинном Духовном Любви.

Любовь – это духовное состояние человека, проявляющееся в самопожертвовании; это «основная жизненная сила» (В.В.Зеньковский), «дар Божий» (Г.П.Федотов), «путь к Богу» (Г.В.Флоренский). Согласно Э.Фромму, любовь «есть связь, предполагающая сохранение целостности личности, ее индивидуальности». Она есть «действенная сила в человеке, сила разрушающая преграду между человеком и его собратьями, сила, которая объединяет его с другими; любовь помогает человеку преодолеть чувство одиночества и отчуждения и вместе с тем позволяет ему оставаться самим собой, сохранять свою целостность». К сущностным характеристикам любви Фромм относит готовность «давать, а не получать»; проявлять заботу; нести ответственность; уважение к человеку; «знание» другого [5, с.122-126]. Любовь всегда связана с осознанием чужого внутреннего мира. Следствием этого становится великодушные, готовность прощать и т.д.

Нравственное развитие есть развитие рефлексии, как способности человеческой души оборачиваться на саму себя, на внутренний мир человека и его место во взаимоотношениях с другими [2, с.85]. Вершинным уровнем рефлексии является трансцендентная это не только выход за пределы самого себя, но и своих отношений. Следовательно, трансцендентная рефлексия есть «расширяющееся сознание», принципиально не приуроченное к своим явлениям и не редуцируемое к ним.

Интеграция искусственного и естественного интеллекта в рамках духовно-нравственного развития личности сопряжено с волной преступлений, совершаемых несовершеннолетними, вызванной деструктивным информационным влиянием интернет-мессенджеров в социальных сетях. Пользуясь личностной и психологической незрелостью ребенка и подростка, так называемые «доброжелатели» интернет-сообщества предлагают несовершеннолетнему деструктивные способы решения проблем и самореализации: аккумулировать в себе агрессию. Именно так подросток рассматривает сегодня возможность проявить свою взрослость, доказать окружающим, что состоялся как личность. Сложный процесс нравственного становления подменяется формами «шокирования» общества. Особенно опасно то, что теперь «доброжелателями» детей являются деструктивные самообучающиеся интеллектуальные программы-боты.

Интеграция искусственного и естественного интеллекта также поддерживается либеральной идеологией.

Как известно, либеральная идеология декларирует «культ личности», доминирование ценностей и интересов «меньшинств», стирание национальных культурных особенностей и т.д. В либеральном обществе человек становится программируемым компонентом системы, в которой нет места таким категориям, как духовность, нравственность, гражданственность, патриотизм. Таким образом, между христианской нравственностью и либеральной идеологией имеют место противоречия, которое проецируются в формировании национального менталитета в образовательном пространстве. ЛГБТ, сексуальные и прочеегендерные, национальные меньшинства противоречат российскому менталитету.

Сформированное в 90 годов прошлого века в системе образования личностная ориентация нарушает статью конституции РФ статьи №38 и Федерального закона от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 29.09.2025) «Об образовании в Российской Федерации», статья № 44. Родители, так же как и образовательные организации ответственные за детей. Многие родители не способны нравственно воспитывать своих детей, и вовлекают их в свои супружеские разборки, приводят детей в суд, что является психотравмирующей ситуацией

Таким образом, не какой искусственный интеллект не может заметить воспитателя, «Только личность может воспитать личность», как пишет К.Д. Ушинский» [10].

Список использованных источников:

1. Новый Завет. Псалтырь. М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2013. – 472 с.
2. Кондратьев С.В Интегративная субъектность и обучение. – М., 2010. С.85.
3. Разумов В.И., Сизиков В.П. Новая эпоха и философия. Т. 1, № 4 (26). С. 57-68.
4. Симонов П.В. Мотивированный мозг. – СПб: ПИТЕР, 2023 – 288 с.
5. Фромм Э. Душа человека. – М., 1992. С.122-126.
6. Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. – Томск: ТГУ, М.: Баск, – 1997. – 392 с.
7. Kondrat'ev S.V. Spiritual-moral and intellectual development of the individual in the transition from apost-industrial society to a humanitarian//Problems of Psychology XI century (themagazine).2012. №4. – P.212-223
8. <https://proza.ru/>
9. doksia-cr.livejournal.com
10. <https://www.maam.ru/detskijasad/pedagogicheskoe-yese-na-temu-tolko-lichnost-mozhet-vospitat-lichnost.html>

УДК 37.0
ББК 74.1

Мадешова А.А.

ТӘРБИЕШІНІҢ ИНКЛЮЗИВТІ БІЛІМ БЕРУДЕГІ КӘСІБИ ҚҰЗЫРЕТТІЛІГІН ДАМУ ЖОЛДАРЫ

Аннотация. Бұл мақалада тәрбиешінің инклюзивті білім берудегі кәсіби құзыреттілігін дамыту жолдары қарастырылады. Инклюзивті білім беру жағдайында педагогтің кәсіби даярлығы, тұлғалық-бағдарланған көзқарасы мен гуманистік құндылықтары басты назарға алынады. Мақалада тәрбиешінің кәсіби құзыреттілігін арттырудың тиімді әдістері – үздіксіз кәсіби даму, инновациялық педагогикалық технологияларды пайдалану, командалық өзара әрекет пен рефлексиялық тәжірибе талданады.

Кілт сөздер: инклюзивті білім беру, кәсіби құзыреттілік, тәрбиеші, педагогикалық шеберлік, үздіксіз даму.

ПУТИ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ВОСПИТАТЕЛЯ В ИНКЛЮЗИВНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Аннотация. В статье рассматриваются пути развития профессиональной компетентности воспитателя в условиях инклюзивного образования. Особое внимание уделяется профессиональной подготовке педагога, личностно-ориентированному подходу и гуманистическим ценностям. Анализируются эффективные методы повышения профессиональной компетентности воспитателя: непрерывное профессиональное развитие, использование инновационных педагогических технологий, командное взаимодействие и рефлексивная практика.

Ключевые слова: инклюзивное образование, профессиональная компетентность, воспитатель, педагогическое мастерство, непрерывное развитие.

WAYS TO DEVELOP THE PROFESSIONAL COMPETENCE OF A PRESCHOOL TEACHER IN INCLUSIVE EDUCATION

Abstract. This article examines the ways to develop the professional competence of a preschool teacher within the context of inclusive education. The study emphasizes the importance of teacher training, a learner-centered approach, and humanistic values. Effective strategies for improving professional competence are discussed, including continuous professional development, the use of innovative pedagogical technologies, teamwork, and reflective practice.

Keywords: inclusive education, professional competence, preschool teacher, pedagogical skills, lifelong learning.

Қазіргі уақытта Қазақстан Республикасында білім беруді дамытудың басты бағыты – әр балаға тең мүмкіндік жасау және инклюзивті білім беруді жүзеге асыру. Инклюзивті білім беру қағидасы – «Бәріне арналған мектеп» принципіне сүйенеді және ерекше білім беру қажеттіліктері бар балаларды қоғам өміріне белсенді араластыруды көздейді.

Мектепке дейінгі ұйымдар – инклюзивті білім берудің алғашқы сатысы. Сондықтан мұнда жұмыс істейтін тәрбиешінің кәсіби құзыреттілігі, баланың ерекшелігін түсінуі мен оны дамытуға бағытталған жұмысы ерекше маңызға ие.

Инклюзивті білім беруді тиімді жүзеге асыру үшін тәрбиеші тек педагогикалық біліммен ғана емес, сонымен қатар психологиялық, коммуникативтік және этикалық құзыреттілікке ие болуы тиіс.

Кәсіби құзыреттілік – педагогтың өз қызметінде теориялық білімін, практикалық дағдысын және жеке тұлғалық қасиеттерін тиімді пайдалана білу қабілеті. Инклюзивті білім беру жағдайында тәрбиешінің кәсіби құзыреттілігі келесі құрамдастардан тұрады:

- Педагогикалық құзыреттілік: балалардың жас және психофизиологиялық ерекшеліктерін ескере отырып, оқу-тәрбие процесін ұйымдастыру;

- Психологиялық құзыреттілік: ерекше білім беру қажеттіліктері бар балалардың мінез-құлқы мен эмоциялық жағдайына бейімделе алу;

- Коммуникативтік құзыреттілік: ата-аналармен, мамандармен және әріптестермен тиімді қарым-қатынас орната білу;

- Этикалық құзыреттілік: толеранттылық пен мейірімді қарым-қатынас мәдениетін сақтау;

- Инновациялық құзыреттілік: инклюзивті оқытуға арналған жаңа әдістер мен технологияларды қолдану.

Инклюзивті білім беру жүйесі тәрбиешіден жаңа кәсіби рөлдерді атқаруды талап етеді. Ол – баланың дамуын бағыттаушы, қолдаушы және түзетуші маман. Кәсіби құзыреттілікті дамыту қажеттілігі келесі факторлармен анықталады:

- ерекше білім беру қажеттіліктері бар балалар санының көбеюі;

- педагогтарға қойылатын жаңа стандарттық талаптар (МЖМБС, ҚР «Білім туралы» заңы);

- ата-аналардың педагогтан кәсіби көмек пен түсіністік күтуі;

- педагогикалық технологиялардың өзгеруі.

Тәрбиеші инклюзивті ортада тек білім беруші ғана емес, психологиялық қолдау көрсетуші тұлға болуы керек. Бұл үшін кәсіби өзін-өзі жетілдіру үздіксіз процесс ретінде жүруі қажет.

Сондай-ақ, мектепке дейінгі ұйымдағы тәрбиешінің инклюзивті білім берудегі кәсіби құзыреттілікті арттыру жолдарына төмендегідей әрекет түрлерін жатқызуға болады:

- Білім жетілдіру курстары мен тренингтер: Тәрбиешілерге арналған арнайы инклюзивті педагогика, дефектология, логопедия және арт-терапия бойынша курстар ұйымдастыру педагогтың теориялық және әдістемелік деңгейін көтереді.

- Психологиялық-педагогикалық кеңестер: Педагогикалық ұжымда психолог, логопед, дефектолог, әлеуметтік педагогпен бірлескен кеңес өткізу кәсіби өзара қолдауды күшейтеді.

- Тәжірибе алмасу және кәсіби қауымдастықтар: Тәрбиешілердің кәсіби қоғамдастықтарға қатысуы, тәжірибе бөлісу семинарлары мен конференциялары педагогикалық шеберлікті арттырады.

- Рефлексия және өзін-өзі талдау: Педагогтың өз іс-әрекетін талдап, табысы мен қиындықтарын саралауы кәсіби өсуге мүмкіндік береді.

- Цифрлық технологияларды пайдалану: Инклюзивті оқытуда арнайы цифрлық ресурстар (сурет, дыбыс, ойын, бейне) арқылы балалардың танымдық белсенділігін арттыру тиімді.

Мен өзімнің тәжірибемде студенттердің инклюзивті білім беруге психологиялық және кәсіби дайындығын арттырып, болашақта кәсіби маман болып шығуы үшін, тәрбиешінің инклюзивті ортада балалармен, ата-

аналармен және әріптестермен қарым-қатынас дағдыларын дамыту, педагогикалық жағдаяттарды шешуде кәсіби және этикалық шешім қабылдау дағдысын молайту, тәрбиешінің гуманистік көзқарасын, толеранттылық пен эмпатиясын қалыптастыру, инклюзивті орта құруға арналған шығармашылық және ұйымдастырушылық қабілеттерін арттыру, өзін-өзі талдау және болашақ тәрбиеші ретіндегі кәсіби көзқарасты қалыптастыру мақсатында «Барлығына бірдей мүмкіндік» рөлдік ойынын, «Менің инклюзивті дайындығым» диагностикалық тестін, «Инклюзивті жағдайдағы шешім» кейс-талдауын, «Инклюзивті құндылықтар әлемі» тренингін, «Инклюзивті балабақша моделі» жеке жобасын, «Менің кәсіби дамуым» рефлексиясын т.б. қолданамын.

Сабақта жүргізілген тиімді әдістер мен тәсілдер, және стратегиялар нәтижесінде студенттер өздерінің кәсіби дайындық деңгейін түсінеді, эмпатия, толеранттылық, жауапкершілік сияқты тұлғалық қасиеттері дамиды, инклюзивті ортаға бейімделу дағдылары қалыптасады.

Зерттеу көрсеткендей, инклюзивті білім беру жағдайында кәсіби құзыреттілігі жоғары тәрбиеші:

- әр баланың әлеуетін ашуға жағдай жасайды;
- инклюзивті ортада қолайлы психологиялық климат қалыптастырады;
- ата-аналармен және мамандармен нәтижелі серіктестік орнатады;
- қоғамда толеранттылық пен мейірімділік мәдениетін қалыптастыруға үлес қосады.

Осылайша, тәрбиешінің кәсіби дамуы – инклюзивті білім берудің табысты жүзеге асуының басты шарты.

Инклюзивті білім беру – заманауи қоғамның гуманистік құндылықтарын айқындайтын бағыт. Мектепке дейінгі ұйымдардағы тәрбиеші баланың ерекшелігіне бейімделіп, оның тұлғалық дамуын қамтамасыз ететін кәсіби маман болуы тиіс. Сондықтан тәрбиешінің кәсіби құзыреттілігін дамыту – үздіксіз процесс, ол білімді жетілдірумен қатар, педагогтың өзін-өзі тануы мен рефлексиясына негізделеді. Бүгінгі күннің тәрбиешісі – тек оқытушы емес, әр баланың жүрегіне жол таба білетін тұлға.

Пайдаланылған дереккөздер тізімі:

1. Қазақстан Республикасының «Білім туралы» Заңы. – Астана, 2023.
2. Әбдіғаббарова У.Ш. Мектепке дейінгі педагогика. – Алматы: Ұлағат, 2020.
3. Мухамбетжанова С.Т. Инклюзивті білім беру негіздері. – Нұр-Сұлтан: Фолиант, 2021.
4. UNESCO. Inclusive Early Childhood Education: Guidelines. – Paris, 2022.
5. Сейсенбаева А. Педагогтің кәсіби құзыреттілігін дамыту жолдары. – Алматы, 2021.

УДК: 1.091

Макарьев И.В.

*кандидат философских наук, доцент кафедры философии Института социально-гуманитарного образования
ФГБОУ ВО «Московский Педагогический Государственный Университет»*

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД И СОЦИОГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье делается попытка показать, как в современном отечественном социогуманитарном знании оказывается возможно применение цивилизационного подхода. Актуальность исследования связана с современной политической ситуацией, в которой на повестке дня встал вопрос о суверенитете России и выработке его теоретических оснований. Одним из таких оснований и предлагается сегодня цивилизационный подход. В статье показываются различные варианты цивилизационного подхода, разбираются их концептуальные установки. Методологической базой исследования являются общенаучные методы: анализ и синтез, генерализация, категоризация и абстрагирование, а также методы гуманитарных наук: понимание и интерпретация. Делается вывод о необходимости осторожного применения цивилизационного подхода к современному отечественному социогуманитарному знанию.

Ключевые слова: цивилизация, цивилизационный подход, формационный подход, социогуманитарное знание.

CIVILIZATIONAL APPROACH AND SOCIO-HUMANITARIAN KNOWLEDGE: PROBLEMS AND PROSPECTS

Abstract. This article attempts to demonstrate how a civilizational approach can be applied in contemporary Russian social and humanitarian scholarship. The relevance of this research is linked to the current political situation, in which the question of Russia's sovereignty and the development of its theoretical foundations has become a pressing issue. One such foundation is the civilizational approach proposed today. This article presents various variants of the civilizational approach and examines their conceptual tenets. The methodological basis of the study is general scientific methods: analysis and synthesis, generalization, categorization, and abstraction, as well as methods of the humanities: understanding and interpretation. The conclusion is made about the need for a cautious application of the civilizational approach to modern domestic social and humanitarian knowledge.

Keywords: civilization, civilizational approach, formational approach, socio-humanitarian knowledge.

Введение

В последние десятилетия одним из самых дискуссионных вопросов в отечественных гуманитарных науках является вопрос о цивилизационном подходе к описанию исторических явлений и процессов. С одной стороны, он давно занял свою нишу в отечественной гуманитарии, вошел в философский и научно-гуманитарный обиход, но, с другой, продолжает вызывать жаростные дискуссии, полемики и даже сомнения в своей применимости в отечественном культурном поле. Другая сложность заключается в том, что статус самого социогуманитарного знания остается проблематичным. И сегодня представляется, пусть и с небольшими изменениями и дополнениями, актуальным опасение основателя гуманитарных наук выдающегося немецкого

философа Вильгельма Дильтея, который писал в своем программном труде «Введение в науки о духе» (1883), что гуманитарные науки остаются зажатыми между своеобразными Сциллой и Харибдой: философией (метафизикой) и «нарастающей мощью естествознания» [1, с.271]. Проблематичностью здесь является наличие или отсутствие научности у социогуманитарного знания. Поэтому в данной статье мы попробуем продумать возможное соединение цивилизационного подхода и социогуманитарного знания в попытке ответить на ряд проблемных вопросов: как вписать цивилизационный подход в современное отечественное социогуманитарное знание? Насколько он подходит к отечественной философской традиции? Плюсы и минусы цивилизационного подхода? Что такое цивилизационный подход как таковой? Вслед за известным британским историком науки Роджером Смитом мы можем сказать, что цель данной работы скорее «создать почву для обсуждения, а не выдвинуть ряд категорических обсуждений» [6, с.15].

Методы исследования

В данной статье для исследования возможности использования цивилизационного подхода в социогуманитарном знании использовались традиционные научно-философские методы: анализ и синтез, генерализация, категоризация и абстрагирование. Также использовались методы гуманитарных наук, такие как: понимание и интерпретация, которые позволяют более глубоко и полно концентрироваться на личностном аспекте социогуманитарного знания.

Теоретическая база исследования

Исследование цивилизационного подхода в контексте социогуманитарного знания представляет собой, преимущественно, историко-философское исследование, что позволяет включить анализ степени разработанности проблемы в текст самой работы. Здесь же просто обратим внимание, что научно-исследовательский разговор о цивилизационном подходе естественно предполагает анализ концептуального каркаса теорий основателей данного подхода: Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера и А. Тойнби. Также автор разбирает концепции более современных вариантов данного подхода: К. Ясперса, С. Хантингтона и Ш. Эйзенштадта.

Результаты исследования

Как представляется, цивилизационный подход пережил в России два витка популярности, точнее, продолжает переживаться, потому что второй виток приходится на наши дни. Первый пик популярности цивилизационного подхода в нашей стране пережил в конце 1980-х – начале 1990-х, когда, на волне либерализации экономики, политики и культуры, делались лихорадочные попытки чем-то заменить до того безраздельно господствующий формационный (марксистский) подход, который, как утверждал Н.Е. Копосов, обладал «крайне ущербной концепцией личности» [2, с.51], не соответствовавшей новым веяниям. Цель при этом была масштабной: при помощи цивилизационного подхода «включить» Россию «в цивилизованный мир», понимаемый, как считала В.И. Уколова, «прежде всего как мир Западный, индустриальный и благоденствующий в бытовом отношении» [7, с.5]. Второй пик популярности этот подход переживает в наши дни. Это связано со Специальной военной операцией и происходящему благодаря этому событию так называемому «повороту на Восток», с одной стороны, а с другой, с попытками обосновать уникальность российской цивилизации, принципиальной отличающейся от цивилизации западно-европейской или просто западной. Любопытно, что эти две разные цели (вписать российскую цивилизацию в цивилизацию западную и показать принципиальное отличие первой от второй) происходят при посредничестве именно цивилизационного подхода.

В чем же здесь заключается проблематичность, о которой говорилось в начале статьи? Как представляется, она кроется в самом цивилизационном подходе. Чтобы лучше себе ее представить, обратимся к словарной статье А.В. Лубского «Цивилизационный подход в историческом познании». Автор отмечает двойственность в самом определении или понимании цивилизационного подхода. Его можно понимать, с одной стороны, как «совокупность методологических принципов», а с другой, как «макрообъяснительную модель исторического процесса» [3, с.497]. Данный подход можно изучать и понимать как со стороны методологии истории, так и со стороны философии истории, т.е. и как попытку «пробиться» к изучению самой реальности, и как осмысление или рефлексию этой попытки. Этот разброс связан с неопределенностью ключевого термина данного подхода – «цивилизация». Как отмечает О.Н. Мухин в статье «Цивилизация», опубликованной в том же словаре, само это понятие можно понимать как минимум в тех различных смыслах. Во-первых, под цивилизацией понимается стадия развития человечества, следующая за периодом варварства. При этом, данная стадия характеризуется положительной динамикой, по сравнению со стадией варварства или дикости: общество все дальше дистанцируется от природы, подчиняя ее себе; появляются письменность и развитые (мировые) религии, появляется и оформляется разделение труда, которое поначалу можно охарактеризовать как процесс прогрессивного развития; все больше и больше проявляет себя процесс урбанизации, что, в конечном, счете приводит к «рационализации различных сфер жизни общества» [5, с.499]. Из таких характеристик вытекает деление цивилизаций на традиционные и техногенные. Такое понимание цивилизации было развито в трудах А. Фергюссона, Л. Моргана и Ф. Энгельса, через поздние работы которого транзитом перешло и в работы советских философов. Во-вторых, цивилизацию можно понимать, в развитие первого подхода, не столько как результат, сколько как процесс формирования всех тех прогрессивных качеств, о которых шла речь выше. Тогда такой процесс носит стадийный характер, может отличаться большой длительностью и неравномерностью, т.к. различные общества переживают разные стадии развития и прогрессивные тенденции в них могут соседствовать с тенденциями регрессивными. Такой подход разрабатывался Норбертом Элиасом в

его знаменитой работе «О процессе цивилизации». Наконец, третий вариант понимания цивилизации как культурно-исторических типов, оказался связан с именами Н.Я. Данилевского, О Шпенглера и А. Тойнби. Поскольку, как представляется, именно этот вариант концептуального осмысления цивилизационной проблематики оказался в центре внимания в нашей стране после конца советского века, стоит уделить ему более пристальное внимание.

Начало данного подхода, который можно назвать теорией локальных цивилизаций, связан с именем русского философа неославянофильского направления Николая Яковлевича Данилевского (1822-1885), который в своей работе «Россия и Европы» (1869) предложил, как считается, первый вариант данного подхода. Цель русского философа – обосновать славянский культурно-исторический тип и показать его отличие от западного культурно-исторического типа. Поскольку книга «наполнена большим количеством исторических сведений» [4, с.70], то и данная цель реализуется через обращение к конкретному материалу: если Западная Европа образовывалась путем насильственной колонизации, то Россия – путем естественного, добровольного расселения. В контексте нашей темы нам важно подчеркнуть, что у Данилевского нет никакой универсальной схемы мировой истории, которая напоминала бы Гегеля, а историческое развитие происходит путем становления отдельных культурно-исторических типов. Сходную позицию в своей знаменитой книге «Закат Европы» (1918-1922) демонстрирует немецкий философ Освальд Шпенглер (1880-1936). Пытаясь обосновать «мир как историю» [8, с.169], Шпенглер отвергает единство этого мира, который существует только в виде локальных культурных образований, которые существуют по образцу образований органических. Каждое из этих образований переживает свои этапы развития, похожие на этапы развития природных организмов: юность, развитие, расцвет, увядание и гибель. Такие культуры представляют из себя «законченный феномен» [Там же, с.170], а цивилизация, как раз, представляет из себя естественный этап деградации любой культуры, являясь ее «неизбежным концом» [Там же, с.176]. Наконец, выдающийся английский историк и теоретик истории Арнольд Джозеф Тойнби (1889-1975) в своем многотомном труде «Постижение истории» (1934-1961) представил свою версию теории локальных цивилизаций. Количество цивилизаций в разных вариантах своей концепции у Тойнби разнится, но неизменной оставалась сама логика их развития – логика «Вопроса и Ответа». Так же, как и в теории Шпенглера, у Тойнби развитие цивилизаций проходит ряд этапов (каждая цивилизация переживает рост, надлом и распад), но жизнедеятельность и жизнеспособность каждой цивилизации зависит от ее способности или неспособности дать ответ (ответы) на тот вызов (вызовы), которые в ходе ее существования бросает ей судьба. Эти вызовы могут быть самыми разнообразными (от неблагоприятных природных условий до постоянных внешних завоеваний), но именно способность давать на них ответы является для любой цивилизации решающим моментом в ее истории. Конечно, у нас нет возможности сейчас вникать в детали этих интереснейших концепций, но еще раз отметим одну важную общую особенность: все они представляют собой теорию локальных цивилизаций, отрицая (особенно это касается Шпенглера) общую судьбу человечества как такового.

Здесь напрашивается сравнение формационного и цивилизационного подходов. Такое сравнение может помочь в понимании той критики (в кантовском смысле этого слова), которая позволяет увидеть плюсы и минусы цивилизационного подхода. Его плюсы можно охарактеризовать следующим образом. Данный подход, концентрируясь на истории отдельных цивилизаций, позволяет раскрыть их своеобразие и уникальную неповторимость, что подход формационный, давая всесторонний охват мировой истории, сделать не позволяет. Мышление «глобалками», которое утверждает теория формаций, не дает возможность подойти к конкретной истории конкретных народов и цивилизаций, скользя по поверхности и давая слишком общий, часто поверхностный срез мировой истории. И, наоборот, отсутствие такого глобального подхода и внимание к деталям привлекает внимание исследователей к подходу цивилизационному, который позволяет увидеть то, что так ценится сегодня – самобытность отдельных стран и культур. Отсюда вытекает еще один важный плюс цивилизационной концепции – попытка показать историю человечества (в виде развития отдельных культурных образований) как многовариантный, многолинейный, многовекторный процесс, учитывающий специфику развития отдельных регионов и культур. Это также укладывается в современную тенденцию критики европоцентризма, характерного как для великих философов прошлого, так и политического истеблишмента некоторых стран в настоящем. Еще Освальд Шпенглер, оценивая европоцентризм негативно, пытался показать крайний схематизм и упрощенность известной схемы исторического развития «древний мир – средние века – Новое время» [8, с. 161]. Все это делает цивилизационный подход более гибким, соответственно, более привлекательным для познания исторической реальности, чем подход марксистский или формационный. Но, как непарадоксально, эти плюсы одновременно могут быть поняты как минусы или проблемы. Дело в том, что формационный подход часто и не обоснованно упрекают в некоторой размытости самого концептуального ядра, на котором строится вся его теория, что, в свою очередь, приводит к размытости критериев выделения тех или иных цивилизаций. Именно поэтому у разных авторов мы можем встретить разное количество таких цивилизаций. Это различие внутри цивилизационного подхода связано с отсутствием, в отличие от формационного подхода, в котором присутствует единое концептуальное ядро в текстах К. Маркса и Ф. Энгельса, одного автора, который бы в своих трудах выработал такое ядро для всей концепции. В цивилизационной теории таких авторов несколько, и основания их концепций могут быть различны. Различными также являются и контекстуальные их основания: в случае Н.Я. Данилевского – это сложные отношения между Россией и Европой после катастрофы Крымской войны, в случае О. Шпенглера – европейская катастрофа в результате Первой Мировой войны. Наконец, еще одним критическим фактором,

направленным против данной концепции, является следующий проблемный вопрос: а возможно ли вообще говорить о культурах или цивилизациях, как о неких отдельных друг от друга и отдельных от некоторого единого целого образования? Этот вопрос особым образом становится актуальным в современном мире, где глобализационные процессы (нравится нам это или нет) все больше связывают друг с другом различные страны, культуры и цивилизации. Все это дает основания некоторым исследователям ставить под вопрос применимость цивилизационного подхода к современному социогуманитарному знанию в России.

Заключение

Подводя итоги, нельзя не признать, что существуют определенные проблемы с применением цивилизационного подхода в конкретном исследовании. Однако, отметим одну важную деталь. Те варианты цивилизационного подхода, которые являются популярными или даже само собой разумеющимися, не являются единственными. Обратим внимание на три цивилизационные концепции, которые, как представляется, позволяют сгладить или даже устранить недостатки тех версий, которые были представлены выше. Первая из них была представлена Карлом Ясперсом (1883-1969) в его послевоенной работе «Истоки истории и ее цель» (1948), в которой немецкий философ пытается представить возникновение и развитие истории через понятие «осевое время». Осевое время – это решающее событие в мировой истории, произошедшее в 800-200 гг. до н.э., когда в трех цивилизациях (Индия, Китай, Запад) начался постепенный переход от религиозно-мифологического к научно-философскому осмыслению мира и места человека в нем. Именно наличие этой поворотной точки мировой истории позволяет говорить о едином возникновении и едином пути развития мировой цивилизации, из которого исходят потом все отдельные, конкретные цивилизационные образования. Второй вариант современной версии цивилизационного подхода был представлен американским социологом и политологом Самуэлем Хантингтоном (1927-2008) в его книге «Столкновение цивилизаций» (1993). В этой работе, критикуя известную концепцию Френсиса Фукуямы о «конце истории», автор пытается показать дальнейший ход развития исторического процесса в виде конфликта различных цивилизаций, прежде всего, между исламской и западной цивилизациями. Важно, что данная концепция, не отрицая столкновение цивилизаций, также обращает внимание на необходимость и возможность их взаимодействия друг с другом, что противостоит идее об абсолютной различности и независимости цивилизационных образований. Наконец, третьей концепцией является концепция американского и израильского социолога Шмуэля Ноя Эйзенштадта (1923-2010). В своих многочисленных работах, Эйзенштадт и его школа, опираясь на идею Ясперса об осевом времени, пытаются разрабатывать свою цивилизационную концепцию, встраивая теорию цивилизаций в теорию модернизации. Цивилизация и модернизация – два ключевых понятия современной социологической теории, разработка которых позволяет показать, как каждая конкретная цивилизация переходит к современной эпохе, с одной стороны, на основе собственных традиций, а, с другой, опираясь на более широкий опыт мировой цивилизации в целом. Эти (и не только) цивилизационные концепции позволяют, как представляется, соединить цивилизационную самобытность с необходимостью видеть то целое, внутри которого эта цивилизационная самобытность возникла и развивалась. Такое понимание теории цивилизации, возможно, способно дать новую жизнь цивилизационному подходу в условиях современного социогуманитарного образования в России.

Список использованных источников:

1. Дильтей В. Введение в науки о духе. Опыт полагания основ для изучения общества и истории // Он же. Собр. соч. Т.1. / Пер. с нем. под ред. В.С. Малахова. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 267-727.
2. Копосов Н.Е. Советская историография, марксизм и тоталитаризм (К анализу ментальных основ историографии) // Одиссей. Человек в истории. 1992. М.: Круг, 1994. С. 51-68.
3. Лубский А.В. Цивилизационный подход в историческом познании // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аквилон, 2016. С. 497-499.
4. Малинов А.В., Прохоренко А.В. Философия истории в России. Материалы к лекционному курсу. СПб.: «Европейский Дом», 2010.
5. Мухин О.Н. Цивилизация // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аквилон, 2016. С. 499-500.
6. Смит Р. История гуманитарных наук / Пер. с англ. под научн. ред. Л.М. Носова. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 392 с.
7. Уколова В.И. «Старомоден» ли профессор Тойнби? // Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. Сборник / Пер. с англ. И.Е. Киселевой, М.Ф. Носовой. М.: Изд. группа «Прогресс», «Культура»; СПб.: «Ювента», 1995. С. 5-18.
8. Шпенглер О. Закат Европы // Философия истории: Антология: учеб. пособие для студентов гуманитар. вузов / Сост., ред. и вступ. ст. Ю.А. Кимелева. М.: Аспект Пресс, 1995. С. 158-186.

УДК 37.02

Авдеева П.П.

студентка 2 курса, направление 44.03.02, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством **Барановой Е.А.**

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

СОВРЕМЕННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. В статье рассмотрено влияние цифровых технологий на когнитивное развитие и учебную мотивацию учащихся, а также поднимем проблемы, связанные с цифровой зависимостью и кибербуллингом. Актуальность исследования состоит в том, что запросы общества к качеству и содержанию образования меняются, что обусловлено широким внедрением новых образовательных технологий, важным элементом которых является использование информационно-коммуникационных технологий. Цель: провести анализ психологических аспектов современных образовательных технологий в условиях цифровизации образовательной среды, в частности образовательной среды высшей школы. Задачи: выявить основные характеристики современных образовательных технологий в контексте цифровизации образовательного пространства; разобрать и описать психологические аспекты современных образовательных технологий.

Ключевые слова: цифровая трансформация образования, современные образовательные технологии, цифровая зависимость, учебная мотивация, кибербуллинг.

MODERN EDUCATIONAL TECHNOLOGIES AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF THEIR APPLICATION

Abstract. This article examines the impact of digital technologies on the cognitive development and learning motivation of students, as well as the problems associated with digital addiction and cyberbullying. The relevance of the study lies in the fact that society's demands for the quality and content of education are changing due to the widespread adoption of new educational technologies, an important element of which is the use of information and communication technologies. The purpose of this article is to analyze the psychological aspects of modern educational technologies in the context of the digitalization of the educational environment, particularly in higher education. Objectives: to identify the main characteristics of modern educational technologies in the context of the digitalization of the educational space; to analyze and describe the psychological aspects of modern educational technologies.

Keywords: digital transformation of education, modern educational technologies, digital addiction, educational motivation, cyberbullying.

Цифровые технологии стремительно проникают во все сферы жизни общества, включая образование. Они меняют подходы к обучению, расширяют возможности для учащихся и преподавателей, а также создают новые вызовы для них [1; 5]. Инновационный опыт отечественных учебных заведений наметил стратегическое направление в решении таких сложных задач, как: обновление программно-технологического обеспечения образовательного процесса на основе переосмысления всего арсенала применяемых технологий с опорой на современные возможности и популяризацию информационно-компьютерных технологий (современные образовательные технологии); внедрение новых социальных технологий.

Почему же образовательное пространство так нуждается в новых технологиях? Во-первых, глобализация, проявляющаяся в информатизации всего общества, и образовательное пространство не является исключением. Во-вторых, массовая социальная и межкультурная коммуникация. Подобная открытость современного общества обязывает к созданию новых технологий образования, оптимизации системы образования в целом. В-третьих, неопределенность постиндустриального общества: весьма быстрый темп жизни и повсеместная цифровизация требуют от современного человека умения оперативно приспосабливаться к изменяющимся условиям жизни общества, и образование здесь становится одним из ключевых факторов изменения социума и отдельного человека, обеспечивающим его высокую социальную мобильность и, как следствие, интеграцию в различные социальные группы [2].

Информатизация образовательного процесса для российской образовательной системы уже не является новшеством. Поэтому, с одной стороны, происходит обновление форм образовательного процесса, с другой – понимание студентом тех требований, которые к нему предъявляет преподаватель, сталкивается с определенными трудностями [6]. На современном этапе отправной точкой технологического подхода можно считать технологию программированного обучения. Предпосылками его возникновения были: повсеместное внедрение компьютеров, в том числе и в школе; попытки повысить качество обучения, а именно – сделать результат обучения независимым от качества работы учителя [4].

Цифровые технологии оказывают значительное влияние на когнитивное развитие учащихся. С одной стороны, они предоставляют доступ к огромному количеству информации, что способствует расширению кругозора и развитию критического мышления, это способствует научению студентов работе с информацией. Однако частое и чрезмерное использование гаджетов может снизить концентрацию внимания и привести к ухудшению памяти [3]. Кроме того, цифровые технологии могут существенно повысить учебную мотивацию.

Интерактивные образовательные платформы и приложения делают процесс обучения более увлекательным и персонализированным. Учащиеся могут выбирать темы и форматы обучения, которые им наиболее интересны, что способствует повышению их вовлеченности в учебный процесс [7].

Одной из основных проблем, связанных с использованием цифровых технологий в образовании, является цифровая зависимость. Учащиеся могут проводить слишком много времени за экранами гаджетов, что негативно сказывается на их здоровье и успеваемости, а именно – провоцировать снижение концентрации внимания и ухудшение памяти.

Для выявления наличия цифровой зависимости у студентов 1-4 курсов (236 чел.) факультета социально-гуманитарных технологий ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)» мы провели опрос, в котором было предложено дать ответ на вопрос: «Замечали ли вы у себя ухудшение памяти и снижение концентрации внимания вследствие долгого использования гаджетов?».

Исходя из результатов опроса, мы выяснили, что большая часть опрошенных нашла у себя признаки цифровой зависимости. В этой связи мы разработали и предложили ряд мер профилактики зависимости от гаджетов: информационно-просветительская работа (проведение тематических кураторских часов, например «Мой день без интернета» с последующим обсуждением: какие чувства испытывались, какие альтернативные занятия были выбраны, рефлексия), внедрение элементов цифровой педагогики (проведение дебатов на тему «Преимущества и недостатки внедрения цифровых технологий в учебный процесс»), развитие социального интеллекта (тренинг на коммуникацию в группе) и др.

В результате исследования мы выяснили, что цифровые технологии оказывают как положительное влияние на процесс обучения, так и негативное. Позитивное проявляется в удобстве организации учебного процесса и в расширении возможностей учащихся и педагогов. Негативное влияние состоит в том, что чрезмерное использование цифровых технологий, включая гаджеты и ИКТ, приводит к снижению концентрации внимания и ухудшению памяти. Также мы выяснили, что кибербуллинг – это открытая проблема, от которой страдают многие учащиеся. Необходимо соблюдать баланс между традиционными методами обучения и использованием гаджетов и ИКТ в обучении. Разработка мер профилактики цифровой зависимости и кибербуллинга являются ключевыми аспектами для обеспечения качественного и безопасного образования в эпоху цифровизации.

Список использованных источников:

1. Ахметшина И.А. Этические аспекты использования цифровых технологий, искусственного интеллекта и нейросетей в обучении студентов университета // Проблемы и перспективы развития образования: сборник материалов XI Международной научно-практической конференции, Орехово-Зуево, 24 октября 2024 года. – Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2024. – С. 49-57.
2. Баланов А.Н. Цифровизация в образовательной сфере: учебное пособие. – СПб.: Лань, 2024. – 400 с.
3. Галкова А.А. Формирование коммуникативной компетентности у подростков: методология исследования / А.А. Галкова, И.А. Ахметшина // Проблемы и перспективы развития образования: сборник материалов X Международной научно-практической конференции, Орехово-Зуево, 08 декабря 2023 года. – Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2024. – С. 37-39.
4. Савенков А.И. Педагогическая психология: учебник. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 595 с.
5. Психолого-педагогические технологии обучения в эпоху цифровизации: учебник / С.Е. Шишов, Г.Н. Юлина, П.Ш. Алиева [и др.]. – М.: Ваш Формат, 2025. – 517 с.
6. Фархитдинова О.М. Психология и педагогика: учебное пособие. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 68 с.
7. Юлина Г.Н. Образовательные технологии в информационных системах / Г.Н. Юлина, Е.А. Дзюнзик, Н.А. Савицкий // Детерминанты развития экономики и общества в условиях глобальных изменений: сборник статей II международной научно-практической конференции, Москва, 25-26 апреля 2024 года. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2024. – С. 416-422.

УДК 37.1

Алексеева А.А.

студентка 4 курса, направление 44.03.02, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством Денисенко Е.Г.

кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СЕМЬИ, ВОСПИТЫВАЮЩЕЙ ДЕТЕЙ С ОВЗ

Аннотация. В статье рассматриваются психологические проблемы, с которыми сталкиваются семьи, воспитывающие детей с ограниченными возможностями здоровья. Анализируются ключевые аспекты семейного функционирования, включая психологические, социальные и экономические трудности, возникающие в процессе воспитания и развития ребёнка с особыми потребностями. Особое внимание уделяется исследованию влияния данных проблем на психологическое и эмоциональное состояние, как родителей, так и детей.

Ключевые слова: семья, ограниченные возможности здоровья, психологические проблемы, детско-родительские отношения.

PSYCHOLOGICAL PROBLEMS OF FAMILIES RAISING CHILDREN WITH DISABILITIES

Abstract. The article discusses the psychological problems faced by families raising children with disabilities. It analyzes the key aspects of family functioning, including the psychological, social, and economic difficulties that arise during the process of raising and developing a child with special needs. Special attention is paid to the impact of these problems on the psychological and emotional well-being of both parents and children.

Keywords: family, disabilities, psychological problems, parent-child relationships.

Воспитание детей с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ) представляет собой значительный вызов для семей, которые в ходе взаимодействия с детьми сталкиваются не только с медицинскими и образовательными трудностями, но и с комплексом психологических проблем. Семья – это первичная социальная среда, где формируется личность ребёнка, и именно от психологического климата в семье во многом зависит успешность адаптации ребёнка с ОВЗ в обществе.

Определение понятия «дети с ограниченными возможностями здоровья» с точки зрения отечественных учёных – это «дети, имеющие различные отклонения психического или физического плана, которые обуславливают нарушения общего развития, не позволяющие детям вести полноценную жизнь» [2].

Проблемы психологической адаптации и межличностных отношений в семьях с детьми с ОВЗ остаются недостаточно изученными, особенно в контексте воздействия на эмоциональное состояние родителей и других членов семьи [3]. Понимание этих проблем чрезвычайно важно в современном обществе, в ходе сопровождения данного типа семей, для разработки эффективных программ поддержки таких семей.

Статистика показывает, что детей с ограниченными возможностями здоровья в России становится больше с каждым годом. В 2018 году их было 651 тысяча, а в 2023 году стало уже 722 тысячи [15]. Соответственно, увеличивается и количество семей, где растут такие дети. Семья, воспитывающая ребенка с ограниченными возможностями здоровья, является семьей с особым психологическим статусом, испытывающая многочисленные повседневные заботы и трудности, которые редко встречаются в жизни других семей.

Основные психологические проблемы и трудности родителей в семьях, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья, принято разделять на три группы: проблемы личности (проблемы родителей как взрослых людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации), проблемы супружества (проблемы родителей как супругов, связанных семейными узами), проблемы особого родительства (проблемы и трудности родителей детей с ограниченными возможностями здоровья) [10].

Воспитание и развитие ребенка с особенностями оказывает сильное влияние на всех членов семьи, родители в частности сталкиваются с сильными переживаниями, нервными состояниями, что способствует их выгоранию и усталости. Важно понимать их состояние и оказывать всестороннюю поддержку и помощь родителям такого типа. Как говорит Е.А.Савина, со временем родители могут начать хуже думать о будущем своего ребенка, и им становится еще тяжелее [11].

Важно понимать, как родители реагируют на диагноз ребенка, как они приспосабливаются и принимают ситуацию. Исследования показывают, что у таких семей много проблем: трудности в учебе и воспитании, проблемы в отношениях между супругами и одиночество. От этого зависит, будет ли семья счастлива и как будет развиваться ребенок. Все вышеперечисленное подчеркивает важность изучения психологических проблем семей, где растут дети с особенностями. Данным проблемам посвящаются многие исследования педагогов и психологов.

В исследованиях подчеркивается, что в таких семьях родители часто либо слишком отстраняются от ребенка, либо слишком его опекают. Это мешает ребенку развиваться и оказывает влияние на всю семью. Поэтому необходим комплексный подход в решении, возникающих психологических проблем в таких семьях.

В качестве причин возникновения психологических проблем в семьях с детьми с ОВЗ принято выделять: стрессовое воздействие (длительный и постоянный стресс от рождения ребенка «не такого, как у всех»), личностные особенности (неготовность родителей принять ситуацию), социальное давление. Неадекватная оценка обществом усилий родителей), информационный дефицит (недостаток знаний об особенностях развития детей с ОВЗ), финансовые трудности (проблемы с финансированием и лечением) и др. [1; 9].

Многие исследователи сходятся во мнении, что существуют основные виды психологических проблем в семьях данного вида:

1. Психологические реакции родителей (чувство вины и стыда, эмоциональное отвержение ребенка, гиперопека, гипоопека, депрессивные состояния, тревожность и неуверенность в будущем).
2. Семейные дисфункции (нарушение внутрисемейных отношений, снижение социального статуса семьи, сужение круга общения, конфликты между супругами, возможный распад семьи (до 32% случаев)).
3. Соматические проявления (астенические расстройства, вегетативные нарушения, соматические заболевания) [5; 16].

В качестве последствий, имеющих психологических проблем в семьях с детьми с ОВЗ ученые выделяют следующие:

1. Для родителей: эмоциональное выгорание, хроническая усталость, депрессивные состояния, соматические заболевания и др.
2. Для ребенка: нарушение самооценки, дезадаптивное поведение, тревожность, агрессивность, сложности в социализации и др.

3. Для семьи в целом: нарушение коммуникации, социальная изоляция, материальные трудности, снижение качества жизни и др. [4].

Вклад психолога В.В.Ткачевой в изучение проблематики невозможно переоценить. Её исследования влияния интеллектуальных нарушений ребенка на психологическое состояние родителей позволили разработать эффективные методики психологической диагностики и консультативной помощи семьям [14]. Концепция дефектолога И.Ю.Левченко представляет собой комплексный подход к психологической помощи семьям с детьми с ОВЗ. Её исследования особенностей внутрисемейных отношений и разработанные методы их коррекции получили широкое признание в профессиональном сообществе [6]. Научные достижения детского невролога и психолога Е.М.Мастюковой в области семейного воспитания детей с ОВЗ позволили разработать практические рекомендации для родителей, существенно улучшающие отношения внутри таких семей [8].

Работы психолога А.С.Спиваковской в области семейного воспитания и детско-родительских отношений внесли существенный вклад в понимание психологических аспектов воспитания детей с особыми потребностями [13]. Исследования клинического психолога И.И.Мамайчук в области психологических особенностей семей с детьми с ОВЗ способствовали разработке эффективных методов психологической коррекции [7]. Научные труды клинического психолога М.М.Семаго и Н.Я.Семаго в сфере коррекционной работы с семьей ребенка с ОВЗ значительно расширили практику специалистов новыми подходами и методиками [12].

Все эти исследования создали прочную теоретическую базу для современных исследований психологических проблем семей, воспитывающих детей с ОВЗ.

В рамках данной работы было проведено исследование, направленное на выявление наличия психологических проблем у семей, воспитывающих детей с ОВЗ. Цель исследования: выявление и оценка психологических проблем семей, воспитывающих детей с ОВЗ (для разработки эффективных мер помощи и сопровождения семей).

Результаты опросника свидетельствуют, что большинство родителей (45,2%) испытывает тревожность за будущее своего ребенка и чувствуют эмоциональное напряжение в процессе воспитания. Родители стараются справиться с трудностями в воспитании детей сами, а не обращаться к специалистам. Также, в опроснике были открытые вопросы, многие родители написали о недостаточности профессиональной психологической помощи и поддержки.

Таким образом, было выявлено, что у семей, воспитывающих детей с ОВЗ, часто появляются психологические проблемы из-за нехватки профессиональной помощи со стороны узких специалистов. Психологическую помощь и поддержку оказывают только детям, это создает дисбаланс в системе поддержки и ухудшает эмоциональное состояние родителей. Существующая система психологической помощи и поддержки требует значительного изменения и расширения. Важно обеспечить профессиональную, комплексную помощь, как для детей, так и для родителей, так как благополучие ребенка напрямую зависит от психологического состояния семьи. При условии системного подхода и объединении усилий заинтересованных сторон возможно создание эффективной программы психологической помощи и поддержки семей, воспитывающих детей с ОВЗ.

Список использованных источников:

1. Акатов Л.И. Социальная реабилитация детей с ограниченными возможностями здоровья. Психологические основы: учебное пособие. – М.: ВЛАДОС, 2018. – 283 с.
2. Аксёнова Л.И. Специальная педагогика / Л.И. Аксёнова, Б.А. Архип, Л.И. Белякова; под ред. Н.М. Назаровой. – М.: Академия, 2008. – 400 с.
3. Ахметшина И.А. Взаимосвязь представлений женщины о ребенке младенческого возраста и материнстве с характером супружеских взаимоотношений / И.А. Ахметшина, Н.А. Балакирева, Х.Г. Юсупова // Учёный XXI века: сборник статей II Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 30 апреля 2022 года. – Пенза: Наука и Просвещение, 2022. – С. 119-121.
4. Баенская Е.Р. Помощь в воспитании детей с особым эмоциональным развитием: младший дошкольный возраст. – М.: Образование и здоровье, 2019. – 104 с.
5. Демина Л.Д. Психологическое сопровождение семьи ребенка с ограниченными возможностями здоровья. – СПб.: Речь, 2019. – 288 с.
6. Левченко И.Ю. Психологическая помощь семье, воспитывающей ребенка с отклонениями в развитии: методическое пособие / И.Ю. Левченко, В.В. Ткачева. – М.: Просвещение, 2008. – 239 с.
7. Мамайчук И.И. Психологическая помощь детям с проблемами в развитии. – СПб.: Речь, 2001. – 220 с.
8. Мастюкова Е.М. Семейное воспитание детей с отклонениями в развитии. – М.: ВЛАДОС, 2018. – 408 с.
9. Мыльникова В.Д. Психолого-педагогическое сопровождение родителей учащихся с ОВЗ в условиях общеобразовательной школы / В.Д. Мыльникова, У.А. Уварова, И.А. Ахметшина // Лучшая студенческая статья 2025: сборник статей XVII Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 25 января 2025 года. – Пенза: Наука и Просвещение, 2025. – С. 211-213.
10. Педагогика: семья-школа-общество / Е.Н. Абузарова, О.Н. Апанасенко, Л.Ю. Беленкова [и др.]; под общей редакцией доктора философских наук, профессора О.И. Кирикова. Том 17. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2009. – 475 с.
11. Савина Е.А. Психологическая помощь семье, воспитывающей ребенка с отклонениями в развитии. – М.: Просвещение, 2019. – 239 с.
12. Семаго Н.Я. Материалы курса «Психологические особенности проблемных детей»: лекции 1-4 / Н.Я. Семаго, М.М. Семаго. – М.: Педагогический университет «Первое сентября», 2008. – 60 с.
13. Спиваковская А.С. Психотерапия: игра, детство, семья. – М.: Апрель Пресс, 1999. Т. 1. – 304 с.

14. Ткачева В.В. Психологическая помощь семье, воспитывающей ребенка с отклонениями в развитии. – М.: Национальный книжный центр, 2019. – 176 с.
15. Федеральная служба государственной статистики. Демографический ежегодник России 2023. – М.: Росстат, 2023. – 400 с.
16. Юдина Е.В. Психолого-педагогическое сопровождение семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья // Коррекционная педагогика. – 2020. – №2. – С. 56-62.

УДК 374.1

Барышева Е.В.

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления факультета управления человеческими ресурсами, ОАНО ВО «Московский психолого-социальный университет», г. Москва, Россия

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ НЕЙРОСЕТЕЙ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Статья содержит научный обзор сервисов по использованию искусственного интеллекта при формировании языковых компетенций в обучении школьников и студентов. Отдельный аспект работы посвящен расширенным возможностям функционально-методического инструмента нейросетей в практике использования педагогов для повышения мотивации обучения и тренировке отдельным языковым видам деятельности.

Ключевые слова: геймификация, интернет-сервисы, искусственный интеллект, обучающие языковые платформы.

ON THE USE OF NEURAL NETWORKS IN ENGLISH LESSONS

Abstract. The article provides a scientific review of services for using artificial intelligence in the formation of language competencies in the education of schoolchildren and students. A separate aspect of the work focuses on the expanded capabilities of the functional and methodological tool of neural networks in the practice of using teachers to increase the motivation of learning and training in specific language activities.

Keywords: gamification, internet services, artificial intelligence, language learning platforms.

Использование нейросетей для обучения иностранному языку в разных вариантах геймификации и на разных этапах урока становится необходимостью для детей поколения «альфа». В методику геймификации прочно входит использование языковых тренажеров с игровыми заданиями-квизами, автоматизированных игровых тренировочных программ, которые можно регулировать под свой уровень и темп изучения иностранного языка.

В психолого-педагогическом научном сообществе в настоящее время принято констатировать преимущества и недостатки при использовании искусственного интеллекта (далее – ИИ) в обучении школьников и студентов, однако несмотря на противоречия и обсуждаемые риски популярность данной темы провожает быть предметом обсуждения в преподавательской и ученической среде. К основным цифровым противоречиям ИИ принято относить: клиповость мыслительной деятельности при выполнении задания по шаблону и без критической оценки предъявляемого ответа, т.е. быстрота и экономия времени в выполнении заданий в ущерб осмыслению достоверности фактов; отсутствие творческого и эмоционально-личностного контента в выполнении задания, ресурсы самой личности широки и многогранны по сравнению с шаблон-алгоритмом ИИ; отсутствие прозрачности в работе ИИ, вопросы с конфиденциальностью и этикой в выполнении заданий; несовершенство цифровых компетенций учителей и учащихся в постоянно обновляющихся возможностях и практике нейросетей; наличие угроз зависимости и психических расстройств при чрезмерном увлечении нейроконтентами [1; 2]. Тем не менее, эксперты сходятся в неизбежности эры нейросетей в современном обучении для повышения мотивации и персонализации процесса образования.

Среди недавних работ, отмечающих широкие возможности использования ИИ в оптимизации лингвистического образования, можно выделить исследование Н.Ю.Корнеевой [5], которое описывает способы развития критического мышления у студентов через применение нейросетей, работу Д.Г.Вашенко и М.М.Куулар [4], где рассматриваются способы развития языковых компетенций студентов через нейросети в техническом вузе. В исследовании Е.С.Павловой [7] делается обзор нейросетей (сервисов) с кратким анализом, позволяющих вариативно их применять в обучении школьников и студентов, исследование Г.А.Кузнецовой [6] раскрывает использование готовых промптов по формулировке заданий обучения английскому языку с помощью ChatGPT (Open AI), делается вывод о руководстве ИИ в методической подготовке к урокам, что расширяет методический функционал педагога.

Целью статьи является изучение отдельных интернет-сервисов, раскрытие их функционала при разноуровневой языковой подготовке учащихся.

Разнообразие контентов нейросети постоянно обновляются и трансформируются, например, на сайте-обзоре Neiroset.com представлено 358 лучших нейросетей для разных задач: от создания музыки, графики, дизайна, презентаций, игр, «оживления фотографий», арт-контентов, видеороликов до модификации бизнес-задач, выстраивания логистики и управления персоналом (такие как Asana, Lindy, Nyota, Looka, Andi и т.д.) отдельно представлены платные и бесплатные сервисы по психофизиологическому сопровождению (Sonar Mental Health, Ada Health, MealPractice и т.д.), пользуясь данным каталогом можно найти нужную платформу под свои задачи, например, нейросеть.

Перейдем к анализу обучающих дидактических игровых нейросетей, которые можно использовать, подстраивая под вариативные задачи учебного языкового процесса.

Интернет-сервис Duolingo содержит бесплатные мобильную и компьютерную версии обучения иностранным языкам, в настоящее время представлено 9 языков, но создатели постоянно обновляют свой контент, и он успешно функционирует с 2011 года, разработчики Луис фон Ан и Северин Хакер (частный Университет Э.Карнеги-Меллона в Питтсбурге). Интересным, на наш взгляд, является то, что отдельно запущена платформа для обучения русскому языку, которая содержит свыше 6500 слов и более 8500 предложений, входящих в 100 разноуровневых уроков. Обучение иностранным языкам осуществляется поэтапно, можно «прокачать» отдельные темы и отдельные аспекты (фонетику, лексику, говорение, письмо), а можно начать с самого легкого варианта и идти к вершинам, покоряя все этапы, которые выстроены в виде уровней на игровом дереве.

Одним из главных преимуществ данной платформы является применение важного элемента в геймификации в виде постоянного стимулирования баллами-монетами; использование тренажеров на время в зависимости от темпа и уровня обучения; чат-бот, улавливающий речь студента и стимулирующий его успехи; хронометраж, устанавливающий задачи на регулярность занятий. Кроме того, разработчики создали уникальную версию профессионального языкового теста The Duolingo Test online, который активно используется наряду с IELTS и TOEFL, напротив, сдаются оффлайн; продолжительностью тестирования разная: от 60 минут Duolingo до 164 минут IELTS и 180 минут при сдаче TOEFL.

Сделаем обзор для школьников и студентов с более высоким уровнем языковой грамотности. Интересная платформа для освоения грамматики английского языка English Grammer, где представлен бесплатный доступ тестов-тренажеров для закрепления тем, словарь-справочник английской грамматики, возможность проверить эссе, составленное письмо, тематические словари по лексике, алгоритмы написания разных видов заданий (от сочинения до резюме) однако к минусам данной платформы относится отсутствие видео и аудиоконтентов с аутентичными записями.

Подобная уровневая платформа, но уже с озвученными девайсами ESOL Courses позволяет осваивать языковые аспекты как с помощью языковых тренажеров, так и известных песен, широкие возможности геймификации, кроме того стоит отдельно указать достаточно продвинутой современной языковую платформу TED, которая полностью представлена на английском языке и содержит массу видео, подкастов, тестов, блогов и игр на самые разнообразные темы, также функции AI могут помочь в подборе роликов как с субтитрами, так и без них.

Интернет-сервис Memrise действует с 2009 года и включает возможность обучения по 11 языкам с видеоконтентом от носителей бесплатно, а в платной версии представлено 25 языков. Разработчики платформы Эд Кук, британский предприниматель, имеющий звание The Grand Master of Memory, создатель своей системы мнемотехнических упражнений, и нейробиолог Грег Детре, преподаватель частного университета (Princeton University).

Студент с помощью данной платформы может самостоятельно выбрать свою языковую цель от путешествий и коммуникации до делового навыка переписки и серьезного обучения. Данный сервис имеет широкий бесплатный контент, например, при изучении английского языка, бесплатно предоставляется доступ к 6 модулям программы, а это более 3500 слов по 6 заявленным темам.

Студент может самостоятельно выбрать языковую тему, видео и диалоги к ней, пообщаться с MemBot на базе ИИ, интересно, что новые слова вводятся через видео-контенты с носителями (дети, подростки и взрослые разного пола произносят слова урока) обучающийся имеет возможность слышать, повторять, видеть написание, выбирать ответы в зависимости от предъявления видео и получать баллы.

Таким образом, можно отметить, что возможности функционала нейросетей способны достаточно подробно решать вариативные задачи при освоении студентами и школьниками иностранных языков. В исследованиях многих методистов даются рекомендации по урочному и внеурочному использованию языковых платформ, отмечается интерес детей к такому разнообразию в процессе языкового образования. Например, в работе С.М.Богатовой, О.В.Фрезы [3] отмечается широкий потенциал нейросетей в дополнении к школьному учебнику Starlight, авторы предлагают ресурсы нейросети Twee.com, ChatGPT, а также ресурс Perplexity для составления тестов на выбор с ответами верно/неверно по тексту учебника, генерирование новых заданий – сказки с использованием лексики и ее озвучка ботом-носителем, преобразование текста в диалог, продолжение истории с помощью нейросетей и самостоятельно.

Список использованных источников:

1. Барышева Е.В. Использование цифровой образовательной среды и искусственного интеллекта для обучения студентов // Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право: сборник научных трудов: материалы III Ежегодной Международной научно-практической конференции, Всероссийского круглого стола и Всероссийских научно-практических конференций, Москва, 16 мая 2024 года. – М.: Московский психолого-социальный университет, 2024. – С. 424-429.
2. Барышева Е.В. Применение искусственного интеллекта в практике высшего образования и профилактика интернет-зависимости студентов: взгляд на проблему / Е.В. Барышева, А.Б. Павлова // Био-психо-социо-духовная модель в современном мире: медицина и психология: материалы I всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Саранск, 23 ноября 2024 года. – Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, 2025. – С. 25-32.
3. Богатова С.М. Дидактические возможности нейросетей в обучении иностранным языкам / С.М. Богатова, О.В. Фреза // Современное педагогическое образование. – 2024. – №3. – С. 187-192.

4. Ващенко Д.Г. Применение нейросетей в практике обучения английскому языку в техническом вузе / Д.Г. Ващенко, М.М. Куулар // Лингвистические и лингводидактические проблемы высшей школы: сборник статей AI всероссийской научно-методической конференции, Санкт-Петербург, Петергоф, 25 апреля 2025 года. – СПб.: Военный институт (железнодорожных войск и военных сообщений), 2025. – С. 171-175.

5. Корнеева Н.Ю. Применение технологий искусственного интеллекта и нейросетей в предметной подготовке будущих педагогов профессионального обучения // Педагогическое образование. – 2024. – Т. 5, №4. – С. 214-220.

6. Кузнецова Г.А. Использование нейросетей при обучении иностранному языку в вузе // Международный научно-исследовательский журнал. – 2025. – №1 (151). – С.1-4.

7. Павлова Е.С. Применение нейросетей при обучении лексики и грамматики на уроках английского языка школьников среднего звена // Фундаментальные научные исследования: теоретические и практические аспекты: сборник научных трудов по материалам VIII Международной научно-практической конференции, Анапа, 15 июля 2025 года. – Анапа: ООО «Научно-исследовательский центр экономических и социальных процессов» в Южном Федеральном округе, 2025. – С. 46-51.

УДК 37.1

Бескорвайная Л.В.

магистр 2 курса, направление 44.04.02, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством Юлиной Г.Н.

кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета социально-гуманитарных технологий, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

РАЗВИТИЕ МАТЕМАТИЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА ПОСРЕДСТВОМ ЛОГИЧЕСКИХ ИГР

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные вопросы развития математических способностей у детей старшего дошкольного возраста посредством использования логических игр. Представлены теоретические основы, психолого-педагогические аспекты и результаты внедрения игровой методики. Логические игры стимулируют развитие воображения, мышления и комбинаторных навыков, что способствует успешной подготовке к школьному обучению.

Ключевые слова: дошкольное образование, математические способности, логические игры, развитие мышления, подготовка к школе.

DEVELOPMENT OF MATHEMATICAL ABILITIES IN OLDER PRESCHOOL CHILDREN THROUGH LOGICAL GAMES

Abstract. The article discusses the current issues of developing mathematical abilities in older preschool children through the use of logical games. It presents the theoretical foundations, psychological and pedagogical aspects, and the results of implementing the game methodology. Logical games stimulate the development of imagination, thinking, and combinatorial skills, which contributes to successful preparation for schooling.

Keywords: preschool education, mathematical abilities, logical games, thinking development, preparation for school.

Современное общество требует владения базовыми математическими знаниями с раннего возраста. Математика развивает логическое мышление и умение анализировать, что необходимо для успешной учебы и жизни. В дошкольном возрасте происходит формирование основ математического мышления, аналитико-синтетических способностей и умения абстрагировать [4]. Особую роль для развития этих навыков играет игровая деятельность, особенно логические игры, обеспечивающие познавательный интерес и активное мышление у детей старшей группы дошкольного возраста.

Математические способности принято рассматривать как некую совокупность специальных и общих умений, включающих память, внимание, воображение и аналитическое мышление [2]. Исследования показывают, что для успешного формирования математических знаний необходимо учитывать индивидуально-типологические особенности ребенка – темперамент, задатки, уровень подготовки. Важным моментом является стимулирование умственной активности через доступные и интересные игровые формы, которые формируют умение классифицировать, соотносить, анализировать информацию [1].

Логические игры способствуют развитию внимания, памяти, творческого мышления и способности к самостоятельному решению задач. В ходе игры дети учатся не только счёту и работе с геометрическими фигурами, но и постоянному усложнению умственной нагрузки, развитию координации умственных процессов. Игры подбираются с учетом индивидуальных особенностей и помогают формировать устойчивое желание познавать и достигать результата [3].

Для диагностики математических способностей использовалась методика с заданиями на комбинаторные умения, аналитико-синтетическое восприятие и абстрагирование. Исследования показали высокий уровень развития у многих детей, особенно в сферах аналитики и комбинаторики. Применение более 40 логических игр в индивидуальной и групповой форме позволило добиться положительной динамики в развитии математических умений. Игры формировали умение самостоятельного выбора, творческого поиска решений и взаимодействия в группе.

Таким образом, логические игры представляют собой весьма эффективный и доступный метод развития математических способностей у старших дошкольников. Они формируют у детей базовые когнитивные навыки,

повышают интерес и мотивацию к обучению, обеспечивают плавный переход к школьной математике без стрессов. Для педагогов важно использовать систему игр с учетом индивидуальных особенностей и создавать условия для активной познавательной деятельности.

Список использованных источников:

1. Белошистая А.В. Развитие математических способностей дошкольников: вопросы теории и практики: монография. – М.; Воронеж: Изд-во Моск. психол.-социал. ин-та, 2004. – 348 с.
2. Михалева О.И. Математическое развитие детей дошкольного возраста: учебное пособие. – Якутск: Саха гос. пед. акад., 2010. – 127 с.
3. Михайлова З.А. Логико-математическое развитие дошкольников: игры с логическими блоками Дьенеша и цветными палочками Кюизенера / З.А. Михайлова, Е.А. Носова. – СПб.: Детство-Пресс, 2013. – 127 с.
4. Педагогика и психология в схемах и таблицах: учебное пособие / И.А. Ахметшина, Е.А. Баранова, Н.В. Белякова [и др.]. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2025. – 275 с.

УДК 37.1

Гарифуллина М.А.

студентка 4 курса, направление 44.03.02, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством Барановой Е.А.

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ ДЕТСКОГО ОЗДОРОВИТЕЛЬНОГО ЛАГЕРЯ

Аннотация. В исследовании рассматриваются подходы к оценке цифровой компетентности подростков как интегративного показателя их готовности к безопасной и ответственной онлайн-коммуникации. Анализируется структура цифровой грамотности. Раскрываются механизмы цифровой социализации и их влияние на формирование норм онлайн-поведения. Представлены педагогические средства профилактики кибербуллинга в детском оздоровительном лагере как контролируемой образовательной среде, обеспечивающей развитие ответственного отношения к цифровому взаимодействию.

Ключевые слова: цифровая компетентность, цифровая грамотность, подростки, онлайн-поведение, цифровая социализация, кибербуллинг, профилактика, детский оздоровительный лагерь.

PEDAGOGICAL MODELING OF DIGITAL SOCIALIZATION OF ADOLESCENTS IN A CHILDREN'S HEALTH CAMP

Abstract. The study examines approaches to assessing adolescents' digital competence as an integrative indicator of their readiness for safe and responsible online communication. The structure of digital literacy is analyzed as encompassing cognitive, ethical, and communicative components. The mechanisms of digital socialization and their influence on the formation of online behavioral norms are explored. The article presents pedagogical tools for the prevention of cyberbullying in a children's recreational camp as a controlled educational environment that fosters the development of responsible attitudes toward digital interaction.

Keywords: digital competence, digital literacy, adolescents, online behavior, digital socialization, cyberbullying, prevention, children's recreational camp.

Развитие цифровых технологий трансформировало структуру подростковой социализации, создав новую среду, в которой формируются коммуникативные и этические ориентиры. Подростки как наиболее активные участники онлайн-взаимодействий демонстрируют высокий уровень вовлеченности, однако не всегда обладают сформированной системой цифровых компетенций, позволяющей безопасно и ответственно использовать цифровые ресурсы [7, с.48].

Понятие цифровой компетентности объединяет когнитивные, этические и коммуникативные компоненты, обеспечивающие способность к критическому восприятию информации и осознанному взаимодействию в онлайн-среде [8, с.77]. В контексте подросткового возраста цифровая компетентность формируется через процессы цифровой социализации – усвоение норм и ценностей, определяющих поведение в онлайн-среде [2, с.40-41]. Характер взаимодействия подростков в цифровом пространстве отражает уровень их социальной зрелости, эмпатии, толерантности и готовности к конструктивному диалогу, что делает цифровую грамотность показателем не только технологической, но и нравственно-коммуникативной подготовки личности [5].

Одним из наиболее актуальных вызовов цифровой среды выступает кибербуллинг – систематическое агрессивное поведение с использованием цифровых каналов связи, направленное на причинение психологического вреда. Проблема приобретает особую значимость из-за роста количества подростков, сталкивающихся с агрессией в социальных сетях, мессенджерах и игровых сервисах [6, с.141].

В январе 2025 года было опубликовано исследование «Российские школьники: о карьере, патриотизме, буллинге и кибербезопасности», подготовленное агентством «Михайлов и Партнеры. Аналитика» при участии группы компаний «Солар» – архитектора комплексной кибербезопасности. В работе приводится следующая статистика кибербуллинга в подростковой среде. Каждый пятый (19%) опрошенный школьник сообщил, что подвергался кибербуллингу. В 54% случаев агрессия проявлялась в виде троллинга и оскорблений. 40%

столкнулись с угрозами, треть (31%) подверглись клевете, каждый четвертый сталкивался с вымогательством (26%) или публикацией «отфотошопленных» фото в соцсетях (23%) [4].

Педагогическая профилактика кибербуллинга требует не изолированных мер контроля, а целостных образовательных программ, интегрирующих формирование цифровой компетентности в процессы воспитания. В контексте детского оздоровительного лагеря такая задача решается в условиях временного коллектива, где можно моделировать социально значимые формы онлайн-взаимодействия, использовать игровые методы и наблюдение как инструмент диагностики цифрового поведения. Опыт апробации профилактических программ в подростковой среде показывает эффективность комплексных подходов: обучение цифровой грамотности, развитие эмпатии и навыков позитивной коммуникации [3, с.326-334].

Детский лагерь представляет собой управляемую среду с чёткими педагогическими структурами, где возможно целенаправленное формирование ответственного отношения к цифровому пространству. Сочетание игровой модели общения и образовательных задач позволяет формировать у подростков осознанное восприятие онлайн-рисков, развивать критическое мышление и готовность к конструктивным стратегиям поведения. Такая работа становится эффективной при системной оценке цифровой компетентности, основанной на наблюдении, самооценке и анализе онлайн-взаимодействий, что делает диагностику одним из ключевых этапов формирования безопасной цифровой культуры.

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью разработки практических подходов к оценке цифровой компетентности подростков в условиях регулируемой образовательной среды и интеграции профилактических модулей кибербезопасности в воспитательные программы детских оздоровительных лагерей.

Проблематика цифровой компетентности подростков представляет собой междисциплинарное направление, объединяющее педагогические, психологические и социокультурные подходы. В современных исследованиях цифровая компетентность трактуется как интегративное образование, включающее знания, умения и ценностные установки, обеспечивающие эффективное, безопасное и ответственное взаимодействие человека с цифровой средой [7, с.48]. Компетентность выступает индикатором уровня освоения цифровых технологий и одновременно отражает готовность личности к соблюдению этических норм коммуникации и правовых регламентов сетевого взаимодействия.

Развитие цифровой компетентности у подростков происходит в процессе цифровой социализации – усвоения норм, моделей поведения и ролей, формирующихся в сетевых сообществах [1]. Цифровая социализация характеризуется высокой скоростью и неравномерностью формирования умений, что связано с отсутствием единых педагогических механизмов сопровождения. Для подросткового возраста типично сочетание уверенности в технических навыках с низкой осведомлённостью об этических и правовых аспектах онлайн-взаимодействия. Такая диспропорция создаёт риски девиантного поведения в сети, включая кибербуллинг, агрессивные коммуникации и некритическое восприятие информации.

Исследования Vissenberg J., D'haenens L., Livingstone S. показывают, что цифровая грамотность тесно связана с феноменом онлайн-устойчивости (online resilience), определяющим способность подростков противостоять негативным воздействиям цифровой среды [8, с.76-85]. Авторы подчёркивают необходимость формирования у молодёжи не только технических умений, но и эмоционально-когнитивных механизмов защиты – осознания личных границ, распознавания манипуляций, эмпатии и умения корректно реагировать на агрессию.

Российская педагогическая традиция акцентирует роль воспитательных систем в управляемом формировании цифровых компетенций. Е.А.Дегтярев и Е.И.Санина рассматривают профилактику кибербуллинга как стратегическую цель социализации подростков, в которой педагогическое воздействие направлено на выработку этических установок, эмоциональной устойчивости и ответственности за цифровые действия [6, с.141-142]. По мнению авторов, формирование компетентности возможно только при условии системного включения цифровых норм и правил в воспитательные программы, а не в форме разовых просветительских мероприятий.

Современные программы профилактики буллинга и кибербуллинга всё чаще рассматриваются как элементы цифрового воспитания. К.Р.Кирушин и Д.С.Нагапетян в аналитическом обзоре отечественных практик выделяют три уровня профилактики: образовательный (развитие цифровой грамотности), психологический (формирование эмпатии, развитие навыков саморегуляции) и социальный (создание поддерживающего микроклимата) [3, с.336-324]. Эффективность программ обеспечивается при интеграции всех уровней и наличии системы оценки, включающей наблюдение, самоотчёты и анализ цифрового поведения участников.

Педагогическое моделирование цифровой социализации подростков в условиях детского оздоровительного лагеря представляет особый интерес. Временный коллектив, игровая форма взаимодействия и режиссированная деятельность создают возможность контролируемого формирования норм онлайн-поведения. При этом лагерь становится моделью микросоциума, где можно наблюдать и корректировать проявления цифровой агрессии, обучать правилам сетевой этики и формировать устойчивые установки на ответственное цифровое участие.

Методологическая основа исследования цифровой компетентности включает использование междисциплинарных подходов – педагогического, психологического, социокультурного и аксиологического. Педагогический подход обеспечивает структурирование компетентности как результата образовательного

процесса; психологический раскрывает механизмы восприятия и регуляции поведения в цифровой среде; социокультурный анализирует влияние онлайн-сообществ и цифровых практик на идентичность подростков; аксиологический определяет ценностные ориентиры и моральные критерии поведения.

Системное понимание цифровой компетентности позволяет рассматривать её как результат взаимодействия когнитивных, этических и коммуникативных компонентов. Когнитивный компонент отражает знание цифровых инструментов и способность критически оценивать информацию; этический – усвоение норм сетевой этики и ответственности; коммуникативный – владение стратегиями позитивного и безопасного общения в цифровых средах. В совокупности они формируют основу для профилактики кибербуллинга и развития устойчивых моделей цифрового поведения.

Профилактика кибербуллинга в детском оздоровительном лагере требует не эпизодических бесед, а целостной педагогической системы, в которой каждый элемент воспитательной программы направлен на развитие цифровой компетентности, критического мышления и эмпатии. Контролируемая среда лагеря, насыщенная живым общением и совместными проектами, создаёт благоприятные условия для формирования ответственного онлайн-поведения через специально организованные формы деятельности. В рамках воспитательного цикла можно выделить четыре типа мероприятий, адаптированных к возрастным особенностям подростков и задачам цифровой социализации.

Проект «Цифровой код дружбы» строится в формате квеста, где подростки проходят игровые станции, моделирующие типичные ситуации общения в сети – публикация личных фотографий, реакция на комментарии, обсуждение спорных сообщений. Каждая станция обращает внимание на конкретный аспект цифрового взаимодействия: границы личного пространства, уважение к собеседнику, следы цифровых действий. Итоговое обсуждение помогает осознать последствия собственных поступков.

Тренинг «Киберэмпатия» представляет собой практикум с элементами ролевых игр, в ходе которого участники анализируют модели поведения жертвы, наблюдателя и инициатора буллинга. Подростки обсуждают эмоциональные состояния участников, способы поддержки и безопасные формы вмешательства. Такая форма работы формирует способность распознавать скрытые проявления агрессии, развивает эмоциональную отзывчивость и укрепляет навыки конструктивного реагирования на конфликтные ситуации в сети.

Медиалаборатория «Безопасный интернет» организуется как творческое объединение, где подростки создают визуальные и текстовые материалы, направленные на пропаганду позитивного онлайн-поведения. Плакаты, короткие видеоролики и медиасообщения становятся результатом коллективной рефлексии и одновременно инструментом просвещения сверстников. В процессе подготовки участники анализируют примеры агрессивного контента, обсуждают способы его замещения позитивными формами коммуникации.

Дискуссионная площадка «Сеть без маски» строится в формате открытого разговора, где обсуждаются нравственные и коммуникативные дилеммы цифрового мира. Подростки высказывают аргументированные позиции по вопросам онлайн-ответственности, границ свободы слова и допустимых форм шуток в виртуальном общении. Такая форма способствует развитию критического мышления, умения вести диалог без конфронтации и понимания социальной значимости цифровых норм.

Перечисленные мероприятия взаимно дополняют друг друга, формируя у подростков систему знаний, установок и коммуникативных навыков, необходимых для профилактики агрессии в цифровом пространстве. Воспитательная среда лагеря становится пространством безопасного эксперимента, где участники не только усваивают нормы сетевой этики, но и переводят их в реальные модели поведения.

По результатам анализа содержания цифровой социализации и практик профилактики кибербуллинга можно утверждать, что формирование цифровой компетентности подростков требует комплексного подхода, объединяющего когнитивные, этические и коммуникативные элементы. Цифровая грамотность выступает не только технологическим навыком, но и показателем социальной зрелости личности, отражающим способность к безопасному и ответственному участию в онлайн-взаимодействиях. Системное развитие этой компетентности возможно лишь при включении соответствующих образовательных и воспитательных модулей в педагогические программы, адаптированные к условиям детского оздоровительного лагеря.

Профилактика кибербуллинга в лагере эффективна тогда, когда она встроена в общую модель социализации и реализуется посредством живого общения, групповой деятельности и творческих форм самовыражения. Проведённые в рамках смены мероприятия – квест «Цифровой код дружбы», тренинг «Киберэмпатия», медиалаборатория «Безопасный интернет» и дискуссионная площадка «Сеть без маски» – создают педагогическую основу для формирования личной ответственности за цифровое поведение, развития эмпатии и критического мышления. С помощью игровых форм подростки осваивают принципы сетевой этики, учатся распознавать и предупреждать агрессию, осознают последствия цифровых действий.

Лагерь как регулируемая образовательная среда обладает уникальным потенциалом для моделирования ситуаций цифрового взаимодействия, где педагог может наблюдать реальные проявления онлайн-коммуникации и осуществлять адресное сопровождение участников. Интеграция таких тем в воспитательные программы позволяет перенести навыки безопасного общения в повседневную жизнь подростков и создать устойчивую культуру цифрового гражданства.

Список использованных источников:

1. Журавлева Р.В. Методологические аспекты психолого-педагогической профилактики кибербуллинга среди подростков в условиях образовательной организации / Р.В. Журавлева, И.А. Ахметшина // Проблемы и перспективы

развития образования: сборник материалов X Международной научно-практической конференции, Орехово-Зуево, 08 декабря 2023 года. – Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2024. – С. 59-61.

2. Каргапольцева Н.А. Цифровая социализация подростка как актуальный феномен научно-педагогического исследования / Н.А. Каргапольцева, Е.Е. Капкова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2022. – №4 (236). – С. 40-46.

3. Кирушин К.Р., Нагапетян Д.С. О состоянии программ профилактики буллинга (кибербуллинга) среди детей подросткового возраста // Российский девianтологический журнал. – 2025. – №2. – С. 326-334.

4. Новое исследование МП Аналитики – «Российские школьники: о карьере, патриотизме, буллинге и кибербезопасности» [Электронный ресурс]. – URL: <https://m-p.ru/media/novoe-issledovanie-mp-analitiki-rossijskie-shkolniki-o-karere-patriotizme-bullinge-i-kiberbezopasnosti/> (дата обращения: 31.10.2025).

5. Павлова А.Б. Девиантное поведение детей и подростков: учебное пособие в схемах и таблицах / А.Б. Павлова И.А. Ахметшина. – Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2025. – 178 с.

6. Санина Е.И. Профилактика кибербуллинга как цель социализации подростков в условиях цифровой среды / Е.И. Санина, Е.А. Дегтярев // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – №68-4. – С. 141-143.

7. Kreuder A., Frick U., Rakoczy K. Digital competence in adolescents and young adults: a critical analysis of concomitant variables, methodologies and intervention strategies. Humanities and Social Sciences Communications. 2024. Vol. 11. P. 48.

8. Vissenberg J., D'haenens L., Livingstone S. Digital Literacy and Online Resilience as Facilitators of Young People's Well-Being? European Psychologist. 2022. Vol. 27, No.2. P. 76-85.

УДК 37. 159

Говоров О.Е.

студент 4 курса, направление 44.03.02, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством Денисенко Е.Г.

кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. В статье рассматривается проблема изменения ценностного нарратива молодых людей в возрасте 18-25 лет в эпоху цифровизации. Исследование опирается на сравнительный анализ данных о ценностях молодежи и их корреляции с праздниками, отмечаемыми ими. В статье описаны данные, полученные в результате проведения опроса молодых людей, обучающихся в МГУТУ имени К.Г.Разумовского (ПКУ) на факультетах социально-гуманитарных и цифровых технологий. Автор на основе полученных данных предлагает определить наиболее значимые праздники для молодежи и их взаимосвязь с ценностными ориентирами.

Ключевые слова: ценности, социальные институты, праздники, молодёжь, ценностные ориентиры, опрос.

TRADITIONAL VALUES OF YOUTH IN THE DIGITAL AGE

Abstract. This article addresses the issue of shifting value narratives among young people aged 18-25 in the context of digitalization. The study relies on a comparative analysis of data concerning youth values and their correlation with the holidays celebrated by this demographic. The paper describes data obtained from a survey of students at the Moscow State University of Technology and Management named after K.G.Razumovsky (First Cossack University) in the Faculties of Social Sciences and Humanities and Digital Technologies. Based on the findings, the author proposes a framework for identifying the most significant holidays for young people and explores their interrelation with core value orientations.

Keywords: values, social institutions, holidays, youth, value orientations, survey.

В контексте изменения современного общества в цифровую эпоху претерпевают изменения как нормы социума, так и ценности, что отчетливо видно в проявлении ценностных ориентаций молодежи. Выявить ценностные ориентиры поколения возможно разными способами, одним из них является определение значимых для него праздников, что потенциально позволяет получить разноплановые и практикоприменимые данные. Праздник, как пример неперенного регулирующего социального института, проходит процесс трансформации наряду со взглядами и ценностными ориентациями современной молодежи. В данном исследовании мы попытаемся отследить изменения ценностей внутри группы молодежи в возрасте от 18 до 23 лет, основываясь на предположение о том, что выбор отмечаемых группой лиц праздников может выступать в качестве явления, отражающего их ценностные ориентиры и изменения.

Определение праздника в качестве социального института наиболее полно описывается в работе Б.Ерасова «Социальная культурология», в которой утверждается, что «Во всяком обществе праздники существуют как неперенный институт, как общественное событие торжественного характера, изъятое из повседневности и проводимое в свободное от работы время» [1]. Данное утверждение, наряду с определением этого социального института, представленным в Стэнфордской философской энциклопедии как «сложившийся формы организации совместной жизнедеятельности людей», позволяет нам выделить определенный ряд черт праздника как социального института.

В первую очередь на социальную институциональность праздника указывает его регулирующий тип, выделяемый как один из трех основных типов социальных институтов в «организмической теории» Г.Спенсера [4]. В классификации П.Блау выделяет три группы социальных институтов: интерактивную, дистрибутивную и

организационную. Интегративная группа включает в себя институты, направленные на поддержку солидарности и существующих частных ценностей в обществе. Дистрибутивная группа представлена институтами, которые воплощают в себе универсальные ценности и выступают средством их «сохранения». Третья группа включает в себя организационные институты, используемые для мобилизации ресурсов и координации коллективных усилий в достижении социальных целей [5].

Праздник представляет собой отрезок времени, который выделяется в честь чего-либо или кого-либо, имеет сакральное (небытовое, мифическое) значение и связан с культурной или религиозной традицией [2].

Таким образом, мы можем говорить о том, что праздник как социальный институт – это состоящая из предсказуемых форм поведения и регулируемых другим институтом, либо же социальным принуждением, череда повторяющихся, привязанных к конкретному времени действий. Он возникает в тот период, когда личные взаимоотношения группы людей не способны удовлетворить их целям, является результатом действий одного индивида (либо группы людей) по отношению к другой группе, и что является самым главным – он повторяется, выступает долгосрочно и обезличено, абстрагировано от конкретной ситуации и зачастую имеет источники (носителей) институциональных правил.

Процесс институализации праздника можно разделить на ряд ключевых этапов, начинающихся с возникновения потребности (так как если потребность в институализации действия уходит, то и праздничная дата перестает существовать, как это произошло, например, с празднованием дня Великой октябрьской социалистической революции), продолжающихся в формировании общих целей и обосновывающих их идеологии, выработки социальных норм, правил, процедур и системы санкций для их поддержания. Заключительным этапом является создание системы статусов и ролей, охватывающей всех без исключения членов института.

Большая часть исторически сложившихся праздников обладают сопровождающим ритуалом, предписывающим ролевые и поведенческие установки, в основе которых лежат формальные и неформальные, чаще устные кодексы поведения. Эти кодексы являются основой для поведения индивидов во время всего праздничного отрезка времени, подразумевают соблюдение ролевых норм и правил, традиционных действий, соответствующих ролевым ожиданиям и образу действий. По факту их соблюдения мы и можем судить, принимает ли участие отдельный индивид в праздничных событиях.

В основе любого праздника заложена система идей, зиждущихся на основе институциональных норм и функций, которые праздник должен выполнять. Многие исследователи склоняются к тому, что среди ключевых функций праздника можно выделить воспитательные, функции физической и психической реабилитации и релаксации человека и рекреативные (восстановительные) функции. Реализации функции физической и психической реабилитации и релаксации способствуют принятые в обществе социальные нормы и формы культурно-досуговой деятельности, осуществляемые в системе институтов организованного досуга, системы выходных дней и отпусков, а культурно-досуговая деятельность оказывается возможной благодаря вовлечению членов социума в художественно-зрелищную сторону праздника. Разноуровневые праздники, сопровождаемые карнавалами и массовых гуляний, ритуалами и обрядами, способствуют развитию духовной и культурной сферы общества, искусства и формирования на его основе мировоззрения, цикличного воспитания нового поколения.

В современную эпоху цифровых технологий в связи с глобализацией и ослаблением роли семьи под значительным давлением оказался циклический характер праздников, способствующий межпоколенческой трансляции и усвоению ролевых моделей, кодексов поведения и ценностей. В ходе опроса, проведенного на базе ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», оказалось возможным оценить ценностные ориентиры молодежи, заставшей как празднования исторически традиционных для нашего социума памятных дат, так и трансформировавшиеся в современный период праздники, для чего была выбрана возрастная группа студентов 18-23 лет, обучающихся на факультетах социально-гуманитарных и цифровых технологий.

При этом 78 студентам был предложен список из 8 праздников, являющихся государственными на момент проведения исследования и общие группы праздников, обобщенные по типовым группам на: дни воинской славы, профессиональные праздники, национальные праздники народов Российской Федерации, местные праздники по территориальному признаку, религиозные праздники, внутрисемейные праздники и личные праздничные даты. Для оценки ценностей в данном исследовании был использован уточненный Портретный ценностный опросник (PVQ-RR) Шварца Шалома.

В основе опросника теория Ш.Шалома лежит теория о том, что ценности – есть мотивационные цели и их возникновение лежит в плоскости удовлетворения основных потребностей человека. Последние, делятся на четыре группы. Ценности открытости изменениям, отражающие готовность к новым или преобразующим действиям и идеям. Ценности сохранения акцентированы на избегании изменений, самоограничении и поддержании порядка. Ценности самоутверждения выражают потребность в удовлетворении собственных интересов. Ценности самоопределения, отражающие ориентацию на преодолении личных интересов ради других.

Данные группы основываются на 19 базовых ценностях, измеряемых путем оценки ряда утверждений по шкале от 1 до 6, где 1 это «Совсем не похож на меня», а 6 это «Очень похож на меня». Базовые ценности включают в себя: сохранение, открытость к изменениям, самоутверждение и выход за пределы своего «Я». А также сами ценности: скромность, власть/ресурсы, стимуляция, универсализм/природа, гедонизм,

власть/доминирование, репутация, благожелательность/забота, универсализм/забота, конформность/межличностная, традиция, скромность, благожелательность/долг, благожелательность/забота, универсализм/забота, универсализм/природа и универсализм/толерантность [3].

По итогам проведенного исследования установлено, что наиболее значительное влияние на ценности студентов оказывает возраст и пол. В том числе девушки продемонстрировали более выраженные проявления ценностей высшего порядка во всех категориях. Наиболее часто отмечаемыми праздниками оказались Международный женский день (65% респондентов), Новый год (94% респондентов), День победы (65% респондентов), Личные праздничные даты (78% респондентов) и Внутрисемейные праздники (73% респондентов). Наибольшая взаимосвязь между ценностями респондентов и праздниками, которые они отмечают прослеживается в случае с Днями воинской славы, в которых происходит снижение уровня ценностей «самоопределения» со среднего значения в 4,2 до значения в 3,6 и «открытости изменениям» с среднего 4,4 до 4,1, при этом наблюдается повышение уровня ценности «самоутверждения» со среднего значения в 4,0 до значения 4,2.

На основании проведенного опроса можно наблюдать факт взаимосвязи отдельных групп праздников и ценностей, отмечающих их молодых людей. Так же была подтверждена важность и выявлен консолидирующий фактор таких общенациональных праздников, как Новый год, Международный женский день и День победы, которые являются традиционными для отечественной молодежи. Исходя из вышеизложенного можно утверждать, что праздник, как неперенный регулирующий социальный институт остается актуальным для значительной части молодежи, включает в себя как значимые личные, так и традиционные для общества праздничные даты. Кроме того, в данном исследовании, был объективно измерен ценностный портрет студентов факультетов социально-гуманитарных технологий и цифровых технологий, показавший достаточно высокий уровень ценностных установок молодежи.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что традиционные нашему обществу праздники не теряют своей актуальности для молодежи, оказывают на нее сплачивающее воздействие, помогают сохранять семейные и общенациональные традиции, что особенно важно в эпоху цифровых технологий. Особое внимание стоит уделить наиболее популярным праздникам, таким как Новый год, День Победы и внутрисемейные праздники, составляющие основу консолидации молодежи, а также традиционным ценностям – благожелательности, долга, заботе о природе и толерантности, которые являются преобладающими у современной молодежи.

Список использованных источников:

1. Ерасов Б.С. Социальная культурология. – М.: Аспект-Пресс, 2000. – 304 с.
2. Культурология. XX век: энциклопедия: в 2-х т. / сост. С.Я. Левит. – СПб.: Университетская книга, 1998. – 447 с.
3. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении / перевод с англ. В.М. Карзинкина и Ю.В. Семенова. – М.: Изд-во иностр. лит., 1961. – 895 с.
4. Социологический словарь / пер. с англ. под ред. С.А. Ерофеева. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1997. – 405 с.
5. Шварц Ш. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России / Ш. Шварц, Т.П. Бутенко, Д.С. Седова, А.С. Липатова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2012. – Т. 9, №1. С. 43-70.

УДК 37.031

Гришин А.А.

магистр 1 курса, направление 44.04.02, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством Ахметшиной И.А.

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

РАЗВИТИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Аннотация. В статье анализируется проблема развития эмоционального интеллекта у младших школьников в условиях цифровизации образования. Определяются психологические особенности младшего школьного возраста, влияющие на формирование эмоциональной сферы. Описываются педагогические условия, обеспечивающие развитие эмоционального интеллекта в цифровой образовательной среде. Представлены методы, позволяющие использовать цифровые технологии как инструмент эмоционального воспитания. Сделан вывод о необходимости интеграции традиционных и цифровых средств обучения для формирования эмоциональной грамотности и социальной компетентности детей.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, младшие школьники, цифровая образовательная среда, педагогическое сопровождение, эмоциональное развитие.

DEVELOPMENT OF EMOTIONAL INTELLIGENCE IN PRIMARY SCHOOL STUDENTS IN A DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Abstract. The article analyzes the problem of developing emotional intelligence in primary school students in the context of digitalization of education. It identifies the psychological characteristics of primary school age that influence the formation of the emotional sphere. The article describes the pedagogical conditions that ensure the development of emotional intelligence in a digital

educational environment. It presents methods that allow the use of digital technologies as a tool for emotional education. The article concludes that it is necessary to integrate traditional and digital learning tools to develop emotional literacy and social competence in children.

Keywords: emotional intelligence, primary school students, digital educational environment, pedagogical support, emotional development.

Современная школа функционирует в условиях активной цифровизации, что изменяет не только формы и методы обучения, но и характер межличностных взаимодействий. Ребёнок всё чаще осваивает мир через экран, что сказывается на его эмоциональной сфере и способности к эмпатии.

Эмоциональный интеллект, согласно определению П.Саловея и Дж.Майера, – это способность распознавать, понимать и управлять эмоциями, как собственными, так и других людей [8]. Д.Гоулман выделяет его как ключевой фактор личностного и социального успеха [3]. Для младшего школьного возраста развитие эмоционального интеллекта особенно важно, так как именно в этот период формируются базовые эмоционально-коммуникативные навыки, необходимые для успешной социализации [1; 2; 4; 7].

Цель исследования – определить педагогические условия развития эмоционального интеллекта у младших школьников в цифровой образовательной среде. Задачи исследования включают анализ теоретических подходов к изучению эмоционального интеллекта; определение влияния цифровых технологий на эмоциональное развитие детей; выявление психолого-педагогических условий, способствующих развитию эмоционального интеллекта.

В исследовании использовались теоретические методы: анализ, синтез и обобщение психолого-педагогической литературы. Применялся метод сравнительного анализа отечественных и зарубежных подходов к развитию эмоционального интеллекта. Также были проанализированы цифровые образовательные ресурсы (электронные курсы, интерактивные игры, платформы дистанционного обучения), направленные на развитие эмоционально-коммуникативных умений.

Результаты анализа показали, что формирование эмоционального интеллекта у младших школьников в цифровой образовательной среде возможно при сочетании педагогических и технологических инструментов. При этом к ключевым условиям относятся:

- эмоционально безопасная атмосфера взаимодействия между педагогом и учеником;
- интерактивные формы обучения, стимулирующие проявление эмоций (игровые и проектные задания);
- диалоговые цифровые среды, в которых дети могут обмениваться впечатлениями, выражать эмоции в творческих формах (рисунок, видео, рассказ);
- введение рефлексивных практик, таких как «дневник эмоций», обсуждение эмоциональных состояний персонажей мультфильмов или литературных героев.

Положительное влияние оказывают образовательные платформы, где предусмотрена обратная связь и визуализация эмоций (например, с помощью эмодзи или цветовых индикаторов). Однако выявлены и риски: сокращение живого общения, снижение эмпатийных реакций, трудности в распознавании невербальных сигналов. Полученные результаты согласуются с выводами исследователей, утверждающих, что эмоциональное развитие неразрывно связано с деятельностью и общением [1; 6]. Цифровая среда, будучи новым социальным контекстом, трансформирует формы этого взаимодействия.

Главная педагогическая задача – не исключать цифровые технологии из обучения, а использовать их осознанно, интегрируя в воспитательный процесс. Цифровые инструменты могут стать ресурсом для развития эмоционального интеллекта, если педагог направляет их на формирование эмпатии, рефлексии и осознания собственных чувств.

Таким образом, эффективность цифрового обучения во многом зависит от профессиональной компетентности педагога, его умения сочетать когнитивные и эмоциональные аспекты обучения, а также поддерживать «живую» коммуникацию даже в онлайн-формате. Развитие эмоционального интеллекта у младших школьников в условиях цифровой образовательной среды является одной из приоритетных задач современного образования. Осознанное использование цифровых технологий в сочетании с личностно ориентированным подходом способствует формированию у ребёнка эмпатии, эмоциональной устойчивости и социальных навыков [5]. Педагогам важно создавать условия для эмоционального общения, развивать у детей способность понимать себя и других, использовать цифровые ресурсы как средство воспитания эмоциональной культуры. Эмоционально развитый ребёнок лучше адаптируется к информационной среде и успешнее реализует себя в обществе.

Список использованных источников:

1. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. – СПб.: Питер, 2008. – 398 с.
2. Выготский Л.С. Психология развития. Избранные работы. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 281 с.
3. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2025. – 544 с.
4. Педагогика и психология в схемах и таблицах: учебное пособие / И.А. Ахметшина, Е.А. Баранова, Н.В. Белякова [и др.]. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2025. – 275 с.
5. Психолого-педагогические технологии обучения в эпоху цифровизации: учебник / С.Е. Шишов, Г.Н. Юлина, П.Ш. Алиева [и др.]. – М.: Ваш Формат, 2025. – 517 с.
6. Чеснова Е. Диагностика социального интеллекта у студентов университета / Е. Чеснова, А.П. Каюда, И.А. Ахметшина // Проблемы и перспективы развития образования: сборник материалов XI Международной научно-

практической конференции, Орехово-Зуево, 24 октября 2024 года. – Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2024. – С. 674-680.

7. Эльконин Д.Б. Психология обучения младшего школьника // Психическое развитие в детских возрастах: Избранные психологические труды / под редакцией Д.И. Фельдштейна. – М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. – С. 239-284.

8. Mayer J.D., Salovey, P. What is Emotional Intelligence? In P. Salovey and D. Sluyter (Eds.), *Emotional Development and Emotional Intelligence*. New York, 1997: pp. 3-31.

УДК 378.016

Давлетханов М.Т.

студент 3 курса, направление 44.03.02, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством Ахметшиной И.А.

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В РОЛИ ПЕДАГОГА-ПСИХОЛОГА: ВОЗМОЖНОСТИ И ГРАНИЦЫ

Аннотация. В статье рассматривается проблема интеграции искусственного интеллекта в деятельность психолога-педагога в условиях современной школы. Анализируются ключевые возможности искусственного интеллекта как инструмента поддержки психолого-педагогического сопровождения, включая диагностику и мониторинг эмоционального состояния учащихся, персонализацию обучения и профориентации, а также автоматизацию рутинных задач. Особое внимание уделяется границам применения искусственного интеллекта, обусловленным отсутствием у него эмпатии, способности к контекстуальному пониманию ситуаций и креативному решению нестандартных задач, а также этическим дилеммам, связанным с конфиденциальностью данных и профессиональной ответственностью. Доказывается, что искусственный интеллект не может заменить живого специалиста, но способен стать его эффективным помощником при условии грамотного выстраивания их сотрудничества. В заключении обосновывается модель продуктивного симбиоза, в которой технология расширяет возможности психолога-педагога, позволяя ему сосредоточиться на прямой работе с детьми.

Ключевые слова: искусственный интеллект, психолог-педагог, цифровизация образования, психолого-педагогическое сопровождение, эмпатия, персонализация обучения, этика, симбиоз человека и технологии.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A TEACHER-PSYCHOLOGIST: OPPORTUNITIES AND BOUNDARIES

Abstract. The article discusses the problem of integrating artificial intelligence into the work of a psychologist-educator in a modern school. It analyzes the key capabilities of artificial intelligence as a tool for supporting psychological and pedagogical support, including diagnostics and monitoring of students' emotional state, personalization of education and career guidance, as well as automation of routine tasks. Special attention is paid to the limitations of artificial intelligence due to its lack of empathy, contextual understanding, and creative problem-solving abilities, as well as ethical dilemmas related to data privacy and professional responsibility. It is proved that artificial intelligence cannot replace a human specialist, but it can become an effective assistant to a human specialist, provided that their cooperation is properly organized. In conclusion, a model of productive symbiosis is substantiated, in which technology expands the capabilities of a psychologist-educator, allowing them to focus on direct work with children.

Keywords: artificial intelligence, psychologist-educator, digitalization of education, psychological and pedagogical support, empathy, personalization of education, ethics, symbiosis of humans and technology.

«Настоящая проблема не в том, злы ли роботы, а в том, что они компетентны. Мы должны быть уверены, что их цели совпадают с нашими» [6]. Эта мысль принадлежит Стюарту Расселу – ведущему ученому в сфере искусственного интеллекта и профессору информатики, соавтору книги «Искусственный интеллект: современный подход». Такова фундаментальная суть взаимоотношений с искусственным интеллектом (далее – ИИ). Речь пойдет о том, как направить мощь алгоритмов на благо человека?

ИИ прочно вошел в обиход людей, его активно используют глобальные компании: поисковики Yandex и Google, видеохостинги YouTube и VK, банковские системы «СБЕР» и «Т-банк» и другие. Но также люди по всему миру используют ИИ для решения базовых задач: что приготовить, куда сходить, что посмотреть, дать совет и т.д. Фактически, ИИ стал универсальным советчиком по любым вопросам [4; 5]. Но сейчас мы можем наблюдать новый тренд: люди обращаются к ИИ для решения сложных психологических задач. Алгоритмам люди начинают доверять самые сокровенные тайны жизни, взаимоотношений как своих, так и близких или окружающих, а также мучительные внутренние конфликты.

Почему же это изменение происходит и в системе образования? Ответ кроется в возросшей нагрузке в медиапространстве, в школе, на работе и в мире. Новые поколения воспринимают быструю информацию за доли секунд и способны обрабатывать их с высокой скоростью из-за чего возрастает ментальная нагрузка. Общая психологическая нагрузка на детей, подростков и взрослых достигла критических масштабов. Современные школьники, особенно в начальных классах, вынуждены усваивать огромные объемы информации в следствии увеличения образовательных программ. Однако с точки зрения возрастной психофизиологии, дети 7-10 лет не способны выдерживать интенсивный темп. Ситуацию не делают лучше родители, которые, стремясь

к всестороннему развитию личности ребенка, нагружают детей дополнительными кружками, секциями и факультативами [3; 7].

Для того чтобы сэкономить оставшуюся энергию психика ищет способы упростить деятельность. Дети (как и взрослые) стремятся к упрощению выполнения работы, снижению мозговой активности и сокращению поиска решений. Быстрый, доступный и всегда готовый помочь ИИ воспринимается как субъект имеющий бесконечный ресурс и готовый облегчить жизнь.

Усложнение школьной программы, повсеместное появление дополнительных кружков, секций, факультативов и студий, изменение ведущей деятельности по Д.Б. Эльконину – все это кладется слоем на бурные психофизиологические изменения, происходящие в организме подростков [9]. В этом хаосе ИИ становится не просто инструментом, а цифровым убежищем и другом. Он предлагает ряд простых решений, которые помогут: разрешить душевную дилемму, подскажет идею для подарка, отыскать быстрый ответ на вопрос учителя или составить целое сочинение с учетом вводных данных, которые, безусловно, предоставляет подросток.

Что может способствовать длительному взаимодействию с ИИ?

1. Эффективность – для подробного решения необходимо подождать от нескольких секунд до пары минут, что экономит как время пользователя, так и психическую энергию.

2. Анонимность – современные школьники могут излагать самые сокровенные мысли, страхи и слабости не боясь быть отвергнутым, непонятым или высмеянным.

3. Безопасность – с учетом изменения близкого круга общения, у школьников появляется уверенность в том, что ИИ не предаст, никуда не уйдет, всегда будет рядом и не расскажет ничего родителям или реальным друзьям (если таковые имеются) [2; 8; 10].

Теперь обратимся к рассмотрению возможностей ИИ, в частности, осуществлять деятельность психолого-педагога, хотя он не обладает эмпатией, но наделен высочайшими аналитическими навыками и ресурсными возможностями:

1. Глубокий анализ данных для раннего выявления рисков, на основе тестирований. Он автоматически в режиме реального времени собирает и обрабатывает анонимную информацию об ученике: его успеваемость, активность в медиапространстве, паттерны поведения. Это поможет выявлять изменения в личности ребенка – внезапное снижение оценок, нарастания пассивности или агрессивная коммуникация. Система может выстраивать профилактическую программу и сигнализировать администрацию и психолога-педагога о потенциальных проблемах.

2. Конфиденциальный дневник и анализ эмоционального состояния. Возможность в формате чат-бота ИИ может выполнять роль анонимного и безопасного слушателя или активного участника общения. Алгоритм может анализировать написанный текст (то какие слова используются, эмоциональные обороты и конструкции) и выявлять паттерны характерные для тревожности, депрессивных состояний или суицидальных мыслей. Это направит специалиста на помощь ученику, нуждающегося в первоочередном внимании.

3. Персонализированная профориентация. На основе интересов, способностей, навыков, личных качеств и свойств характера, выявленные через тесты. ИИ через доступ к разным источникам и платформам сопоставляет данные о разных направлениях и траекториях развития, которые будут сформированы на основе актуальных данных рынка труда.

4. Адаптация образовательной структуры и процесса. Алгоритм может адаптировать и ассимилировать учебные материалы исходя из темпа когнитивных способностей и восприятия каждого ученика. Он может составлять рекомендации по дополнительным заданиям, активностям, курсам для развития сильных сторон и коррекция слабых.

5. Тренажер социальных навыков. Редактирует сложную информацию, которые помогут ребенку в коммуникации с обществом. Исправление выступлений на публику, решение кейсов и конфликтов, тренировка высших психических функций и др.

6. Формирование запроса. Многие дети, подростки, да и в целом взрослые испытывают трудности при вербализации переживаний. ИИ структурирует все полученные данные и выделяет ключевые темы или проблема и формулирует краткую выжимку. Это помогает ученику четко осознать проблему и более грамотно формулировать запрос к психологу или психологу-педагогу, что сделает консультацию продуктивнее.

Несмотря на внушительные возможности ИИ, он все равно не может заменить живого специалиста. Как уже отмечалось – отсутствие эмпатии и истинного сопереживания. Он всего лишь подстраивается под ситуации здесь и сейчас. Отвечает, так как этого требуется, поэтому ИИ симулирует понимание, использует шаблоны для ответов и неспособен прочувствовать эмоции собеседника: радость, боль, переживание, волнение и страх. Это способствует выстраиванию искусственной коммуникации [1].

Более того ИИ работает только с теми данными, которые он получает из письменного взаимодействия. Зачастую люди не договаривают детали всех ситуаций воспринимая каждую под призмой своего мировоззрения. Из-за чего ИИ не способен увидеть целостную картину с учетом нюансов детско-родительских отношений, невербальные сигналы (дрожание, заминка, изменение тембра голоса, нервозность, язык тела и эмоции), также скрытые конфликты личности и класса. ИИ работает только с теми данными, которые он получил непосредственно от ученика [11].

Если мы говорим про анонимность и конфиденциальность, то это палка о двух концах. Любая информация должна где-то храниться, исходя из этого возникает критически важный вопрос: кто имеет доступ к

данным, которые собирает ИИ? Как быть уверенным в том, что данные не будут использоваться для шантажа или травли. Как ИИ будет передавать информацию к психологу-педагогу? Что должно послужить основанием для нарушения анонимности и конфиденциальности, где грань превращения помощи в тотальный контроль и слежку?

Креативность и способность действовать в моменте. Важнейшее ограничение ИИ – это неспособность креативно мыслить и реагировать в уникальных ситуациях. В психолого-педагогической практике нет единого шаблона проблем, с которыми обращаются за помощью к специалистам, каждый кейс рассматривается отдельно, индивидуально и с учетом особенностей, как ребенка, так и ситуаций в целом. Все это требует высокого профессионализма в решении нестандартных проблем.

Возлагать ответственность за предупреждение девиантного или делинквентного на ИИ не только несурово, но и опасно. Алгоритм может ошибиться – ведь, как говорилось выше, он получает данные от самого ученика. Не распознать крик о помощи или проявить гипербдительность, натолкнуть на суицидальные мысли, оправдывать агрессию – небольшой список ошибок, которые может совершить ИИ. Ведь ситуации, когда жизнь и психическое здоровье ребенка стоит на кону, основное и первое решение стоит за дипломированным психологом-педагогом.

Вместо того чтобы воспринимать ИИ как на угрозу человечеству или угрозу профессии, современный психолог-педагог может превратить его в универсального помощника и союзника, с конкретными способами интегрироваться в профессиональную деятельность:

1. Диагностирование и мониторинг:

– способность ИИ обрабатывать и стандартизировать результаты тестов (на тревожность, стресс, травлю и др.) по классу или школе, тем самым формируя группу риска, что позволит сэкономить время специалиста на выявление отклонений и поможет сфокусироваться на коррекции детей;

– отслеживание информационного следа (посещаемость, активность, социализация и успеваемость – это ключевые критерии, благодаря которым психолог-педагог сможет отслеживать изменения (но также должны учитываться принципы анонимность и соблюдения этических норм);

– использование «дневника настроения» (механическая запись ручкой претерпевает изменения, благодаря активному внедрению современных технологий, поэтому можно использовать чат-бота для контекстуального отслеживания состояния одного ученика или всего класса).

2. Персонализированное обучение и разработка индивидуальных программ. На основе данных, получаемых от самого ученика через диагностические методики, психолог-педагог и ИИ могут составить психологический портрет для развития полезных и необходимых навыков и качеств. Также ИИ может подобрать конкретную методику, упражнение и задание на проявление и развитие социализации, адаптации, коммуникации и прочее.

3. Ведение документации. ИИ может автоматизировать процесс ведения отчетов, диагностик и характеристик, создавая черновики на основе закрепленных законодательством шаблонов. Он может формировать сводку по задачам и целям необходимые перед ведением индивидуальных или групповых консультаций.

Поэтому главная задача системы образования – не запретить, а грамотно и аккуратно подходить к реализации интеграции ИИ в жизнь школы. Ведь понимание, что заменимость психолога-педагога невозможна с учетом человеческих качеств: эмпатии и использование пяти чувств для восприятия и осознания. Использование ИИ как инструмента не просто облегчит работу педагога-психолога, но и оптимизирует деятельность. Освобождение специалиста от рутинных задач, позволит сконцентрироваться на главном – помощь детям. ИИ снабжен технической стороной, а психолог-педагог принимает решения исходя из ситуаций и апеллирует всеми данными для действенной помощи. Анализ, синтез, мониторинг, скрининг и хранение – вот основные задачи ИИ.

Таким образом, история учит нас: когда появилась телефоны и интернет, мы быстро научились использовать их для общения и досуга; промышленные станки изменили производство, сделав его серийным; изобретение бумаги помогло передавать знания через столетия и тысячелетия. Так и новый инструмент в качестве ИИ – это новый и мощный способ улучшить работу психолога в школе. Но он не отменяет необходимость развития профессиональных компетенций, напротив, требует их. Это не источник всех знаний, на него нельзя всецело полагаться – это инструмент. Будущее психолога-педагога не противостояние машине, это симбиоз, расширяющий возможности специалиста.

Список использованных источников:

1. Архипов П.А. Искусственный интеллект в образовании – конкурент или помощник учителя? / П.А. Архипов, Н.Д. Десяева // *Nomium*. – 2024. – №1 (13). – С. 16-33.

2. Ахметшина И.А. Этические аспекты использования цифровых технологий, искусственного интеллекта и нейросетей в обучении студентов университета // *Проблемы и перспективы развития образования: сборник материалов XI Международной научно-практической конференции*, Орехово-Зуево, 24 октября 2024 года. – Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2024. – С. 49-57.

3. Зимин Ю.С. Искусственный интеллект в образовании: поиск сбалансированной модели использования / Ю.С. Зимин, И.В. Каспаров, Д.А. Строганов // *Russian Journal of Education and Psychology*. – 2024. – Т. 15. – №1-2. – С. 418-423.

4. Кэмпбелл Т. ИИ-революция: как искусственный интеллект меняет наш мир и нашу жизнь. – СПб.: Питер, 2023. – 336 с.

5. Люсин Д.В. Искусственный интеллект в задачах социального взаимодействия / Д.В. Люсин, А.А. Котов. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2022. – 420 с.
6. Рассел С. Искусственный интеллект: современный подход / С. Рассел, П. Норвиг; пер. с английского. – 4-е изд. – М.: Диалектика; СПб.: Диалектика, 2021. Т. 1: Решение проблем: знания и рассуждения. – 2021. – 704 с.
7. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. – 2018. – Т. 9. – №3. – С. 71-80.
8. Цифровая парадигма развития общества: взгляд из будущего: сборник научных трудов по итогам студенческой научно-практической конференции, Саратов, 26 апреля 2019 года / редколл.: Н.С. Яшин [и др.]. – Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», 2019. – 248 с.
9. Эльконин Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Хрестоматия по детской психологии: от младенца до подростка: учебно-методическое пособие / ред.-сост. Г.В. Бурменская. – М.: Москов. психолого-социальный ин-т, 2005. – С. 215-228.
10. Aliqulov A. Sun'iy intellekt texnologiyalarining oliy ta'lim baholash tizimiga integratsiyalashuvi. Iqtisodiy Taraqqiyot va Tahlil. 2025. Vol. 3, No6. P. 25-32. DOI 10.60078/2992-877X-2025-vol3-iss6-pp25-32.
11. Luxton D.D. (Ed.) Artificial Intelligence in Behavioral and Mental Health Care. AcademicPress, 2015. 300 p.

УДК 37.015.31

Живаева К.И.

магистр 2 курса, направление 44.03.02, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством Шишова С.Е.

доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики и психологии профессионального образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

РАЗВИТИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПЕДАГОГОВ С ЦЕЛЬЮ ПОВЫШЕНИЯ АДАПТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО КУРСА К УЧЕБНОЙ ГРУППЕ И УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье исследуется значение и развитие эмоционального интеллекта педагогов в вузе как ключевого фактора, способствующего успешной адаптации студентов первого курса к учебной группе и образовательному процессу. Рассматриваются теоретические основы эмоционального интеллекта, особенности адаптации студентов и роль педагогов в этом процессе. На основе анализа результатов проведенного в 2024 году исследования среди первокурсников ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)» подчеркивается необходимость развития эмоциональных компетенций преподавателей для формирования комфортной учебной среды и повышения мотивации обучающихся.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект педагогов, адаптивность студентов к учебной деятельности, адаптивность студентов к учебной группе.

DEVELOPMENT OF TEACHERS' EMOTIONAL INTELLIGENCE TO INCREASE THE ADAPTABILITY OF FIRST-YEAR STUDENTS TO THE CLASS AND LEARNING ACTIVITIES

Abstract. This article explores the significance and development of emotional intelligence of teachers at the university as a key factor contributing to the successful adaptation of first-year students to the study group and the educational process. The theoretical foundations of emotional intelligence, the features of adaptation of students and the role of teachers in this process are considered. Based on the analysis of the results of the study conducted in 2024 among first-year students of the Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «K.G.Razumovsky Moscow State University of technologies and management (the First Cossack University)», the need to develop emotional competencies of teachers for the formation of a comfortable learning environment and increasing the motivation of students is emphasized.

Keywords: teachers' emotional intelligence, students' adaptability to educational activities, and students' adaptability to the educational group.

В последние десятилетия эмоциональный интеллект признан одним из важнейших факторов, определяющих успешность личности в различных сферах жизни, включая образовательную. Особенно это актуально для педагогов высших учебных заведений, которые оказывают значительное влияние на формирование адаптивности студентов, особенно первокурсников, сталкивающихся с новыми социальными и образовательными условиями. Вступая в университет, студенты испытывают повышенный уровень стресса, связанного с освоением новых методов обучения, интеграцией в коллектив и изменением собственной социальной роли [5]. В этой связи эмоциональная компетентность педагогов становится критически важным ресурсом, способным смягчить стрессовые реакции и повлиять на успешность адаптационного процесса [1].

Понятие «эмоциональный интеллект» за последние десятилетия прошло этапы от психологической гипотезы до признанного научного феномена. Термин был введен Джоном Мейером и Питером Саловеем в 1990 году, которые определили его как способность воспринимать, понимать, регулировать и использовать эмоции для решения задач и успешного взаимодействия с окружающими. Однако, до сих пор существует несколько подходов к этому понятию.

Одни исследователи рассматривают эмоциональный интеллект как личностную черту, отражающую совокупность некогнитивных способностей, в том числе эмоциональных компетенций, влияющих на успешность человека в социальной и профессиональной сферах. Другие трактуют эмоциональный интеллект как особый вид интеллекта – совокупность когнитивных и аффективных способностей, призванных улучшить адаптацию к социальной среде. Ещё одна трактовка рассматривает эмоциональный интеллект как сочетание способностей, компетенций и личностных черт, которые обеспечивают эффективное эмоциональное взаимодействие и управление эмоциями [2; 4; 5].

Современная зарубежная психология обладает развитым методологическим и категориальным аппаратом для изучения эмоционального интеллекта, а также имеет в своем арсенале эффективные методы обучения и диагностики результатов освоения этой компетенции. Это подтверждается многолетними исследованиями и разработками ученых, которые сформировали базу для понимания и практического применения концепции эмоционального интеллекта в педагогике и смежных областях [10; 11].

В педагогическом контексте термин «эмоциональная компетентность» часто используется для обозначения конкретных навыков взаимодействия, включающих способность к эмпатии, эмоциональному самоконтролю и конструктивному разрешению конфликтов. Для педагогов эмоциональный интеллект имеет ключевое значение, так как он позволяет распознавать эмоциональные состояния студентов, управлять собственными эмоциональными реакциями и строить поддерживающие отношения, создавая оптимальные условия для обучения. Высокий уровень эмоционального интеллекта помогает педагогам справляться со стрессом, повышает качество коммуникативного взаимодействия и снижает конфликтность в учебной группе.

Поступление в вуз и обучение в нем являют собой процесс вхождения вчерашних выпускников школ в новую культурно-образовательную среду, запускающий механизм их успешной адаптации [6; 9]. Успешная адаптация подразумевает мобилизацию резервных ресурсов студентов и их готовность справляться с разнообразными трудностями учебного процесса. В психологической адаптации студентов выделяют несколько ключевых видов: адаптация к условиям учебной деятельности, студенческой группе, будущей профессиональной деятельности.

Адаптация к будущей профессии в основном происходит на старших курсах и продолжается даже после начала трудовой деятельности. Однако адаптация к учебной деятельности и в студенческой группе должна пройти максимально быстро. Если этого не случится, студент может столкнуться с трудностями при актуализации необходимых для успешного обучения и профессионального роста познавательных и личностных ресурсов. Неспособность быстро освоить требования вуза, а также установить хорошие взаимоотношения с однокурсниками и преподавателями негативно скажется на успеваемости и мотивации к обучению. В итоге это может привести к чувству отчуждения от образовательной среды и даже к решению о досрочном уходе из вуза [8].

Результатом процесса адаптации является состояние, которое называют адаптированностью. Некоторые учёные, такие как А.А.Баранов, А.Р.Кудашев и А.А.Рван используют термины «адаптация» и «адаптированность» как взаимозаменяемые. Они определяют адаптацию как «процесс и результат внутренних изменений, активного внешнего приспособления и самоизменения индивида в ответ на новые условия существования» [7]. В контексте данной статьи «адаптированность» означает именно результативную сторону этого процесса, то есть успешное приспособление индивида к новым социальным и учебным условиям.

В рамках исследования, проведенного в 2024 году среди студентов первого курса ФГБОУ ВО «МГУТУ им. К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», использовалась методика «Адаптированность студентов в вузе», разработанная Т.Д.Дубовицкой и А.В.Крыловым. Цель исследования заключалась в анализе уровня адаптированности студентов к учебному процессу в университете, с особым вниманием к двум аспектам: адаптации к учебной группе и адаптации к учебной деятельности. Исследование стремилось выявить, насколько студенты успешно включаются в коллектив однокурсников и эффективно осваивают учебные дисциплины в условиях вуза.

В исследовании участвовали 122 первокурсника, из которых 97 девушки и 25 юноши. Методика включала 16 утверждений, к каждому из которых студентам предлагается выразить степень согласия. Обработка результатов проводилась путем перевода числовых ответов участников исследования в балльную систему согласно установленному ключу. Затем полученные баллы суммировались отдельно по каждой из шкал, а также подводился общий итог по всей методике.

В результате исследования адаптированности к учебной группе выявилось, что большая часть (80%) участников опроса демонстрируют высокий уровень адаптированности. Однако 20% студентов испытывают определённые трудности в общении с однокурсниками, проявляют сдержанность, с трудом находят общий язык, не всегда принимают правила группы и могут не ощущать поддержки от других.

По результатам исследования показателей адаптированности к учебной деятельности 68% студентов показали высокий уровень адаптированности, то есть они легко осваивают учебные дисциплины, своевременно выполняют задания, при необходимости обращаются за помощью к преподавателям, уверенно выражают свои мысли и проявляют индивидуальность во время занятий. Однако 32% опрошенных имеют средние или низкие показатели адаптации: у них возникают трудности с овладением учебными предметами и выполнением заданий, затруднения в выражении мыслей и выступлениях на занятиях, им необходимы дополнительные консультации, но они не всегда умеют просить о помощи и редко проявляют свои способности и индивидуальность в учебном процессе.

Эмоциональный интеллект педагогов является ключевым ресурсом, повышающим адаптивность студентов первого курса и эффективность учебной деятельности. Результаты проведенного исследования подтверждают взаимосвязь между уровнем развития эмоциональных компетенций обучающихся и успешностью их интеграции в учебную группу и образовательный процесс. Научно обоснованные и практически реализуемые подходы к развитию эмоционального интеллекта преподавателей представляют собой важный элемент инновационной педагогики, направленной на создание условия для успешной социализации и профессионального становления студентов.

Список использованных источников:

1. Андреева И.Н. Структура и типология эмоционального интеллекта: автореферат дисс. докт. психол. наук: 19.00.01. – Мн.: БГУ, 2017. – 46 с.
2. Ахметшина И.А. Этические аспекты использования цифровых технологий, искусственного интеллекта и нейросетей в обучении студентов университета // Проблемы и перспективы развития образования: сборник материалов XI Международной научно-практической конференции, Орехово-Зуево, 24 октября 2024 года. – Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2024. – С. 49-57.
3. Дубовицкая Т.Д. Методика исследования адаптированности студентов в вузе / Т.Д. Дубовицкая, А.В. Крылова // Психологическая наука и образование. – 2010. – №2. – С. 1-12.
4. Качалова А.Д. Инновационное развитие российского образования как фактор становления личности педагога / А.Д. Качалова, И.А. Ахметшина // Инновации в образовании: теория и практика: сборник научных статей III Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 21 января 2021 года / Чувацкий государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева. Том Выпуск 3. – Чебоксары: Чувацкий государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2021. – С. 13-18.
5. Мелекесов Г.А. Адаптационный процесс студентов педагогического вуза и его трудности / Г.А. Мелекесов, И.А. Сыромицкая // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2004. – №2 (27). – С. 57-62.
6. Психолого-педагогические технологии обучения в эпоху цифровизации: учебник / С.Е. Шишов, Г.Н. Юлина, П.Ш. Алиева [и др.]. – М.: Ваш Формат, 2025. – 517 с.
7. Реан А.А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика / А.А. Реан, А.Р. Кудашев, А.А. Баранов. – М.: Московский педагогический государственный университет, 2022. – 524 с.
8. Сыромицкая И.А. Социальное партнерство как фактор профессиональной адаптации студента педагогического вуза: дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.08. – Оренбург, 2006. – 214 с.
9. Шишов С.Е. Воспитание традиционных ценностей в цифровой среде: вызовы и возможности для современного образования / С.Е. Шишов, В.А. Кальней // Агроинженерия. – 2025. – Т. 27, № 4. – С. 85-93.
10. Bar-On R., Parker J. Emotional and social intelligence: Insights from the Emotional Quotient Inventory // Handbook of emotional intelligence. San Francisco: Jossey-Bass, 2000. P. 363-388.
11. Emotional Intelligence. New ability or eclectic traits? / J.D. Mayer, P. Salovey, D. Caruso // American Psychologist. 2008. September. P. 503-517.

УДК 159.9.072.43

Казаков А.В.

магистр2 курса, направление 44.04.02, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством Рабадановой Р.С.

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

ВЛИЯНИЕ ОГРАНИЧЕННОГО ПРОСТРАНСТВА НА СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ СРЕДИ УЧАСТНИКОВ ДЛИТЕЛЬНЫХ МОРСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ

Аннотация. Данная статья включает исследование динамики внутригрупповых и индивидуальных критериев, влияющих на социокультурные коммуникации среди участников длительных морских экспедиций. Проблема исследовательской работы заключается в поиске подтверждения влияния измененных условий окружающей среды, в первую очередь, таких как ограниченное пространство, на взаимоотношения внутри трудового коллектива на корабле. Результаты исследования являются доказательством изменения уровня психологического климата в рабочем коллективе на корабле по завершению морской экспедиции.

Ключевые слова: ограниченное пространство; психологический климат; социокультурные коммуникации; психологическая адаптация; морская экспедиция; условия измененной окружающей среды.

THE IMPACT OF LIMITED SPACE ON SOCIO-CULTURAL COMMUNICATION AMONG PARTICIPANTS OF LONG-TERM SEA EXPEDITIONS

Abstract. This article includes a study of the dynamics of intra-group and individual criteria affecting socio-cultural communication among participants in long-term sea expeditions. The problem of research work is to find evidence of the impact of changed environmental conditions, primarily such as limited space, on the relationships within the workforce on the ship. The results of the study are evidence of a change in the level of the psychological climate in the working group on the ship after the completion of the marine expedition.

Keywords: limited space; psychological climate; socio-cultural communication; psychological adaptation; marine expedition; environmental conditions.

В связи с развитием научного и экономического интереса к проведению разведывательных мероприятий в акватории Российской Федерации с целью добычи топливных полезных ископаемых возникает потребность в изучении влияния ограниченного пространства на судне на работоспособность и психоэмоциональное состояние участников длительных морских рейсов. Данное исследование проводится в целях выявления взаимосвязи между характером внутригрупповых социокультурных коммуникаций членов морского экипажа и степенью влияния на них ограниченного пространства на корабле во время длительных морских рейсов. Причиной этому служит то, что все участники арктических рейсов имеют разный адаптационный потенциал для обеспечения успешности деятельности и поддержания адекватного нагрузкам состояния на психоэмоциональном и физиологическом уровне [5].

Актуальность исследовательской работы объясняется необходимостью учитывания характера складывающихся рабочих отношений среди участников длительных морских экспедиций с целью предупреждения возникновения чрезвычайных ситуаций на судне и повышения эффективности общей работоспособности коллектива. Влияние ограниченного пространства на корабле и ухудшение группового рабочего климата способны негативно отразиться на внутренних взаимоотношениях членов экипажа при распределении труда и обязанностей во время плавания. Среди микросоциальных факторов риска нарушений психосоматического здоровья человека в контексте социальных сетей ведущая роль принадлежит социальной интеграции и социальной поддержке человека [1; 3].

В связи с этим, гипотезой проводимого исследования выступает ожидаемое нарушение социокультурных коммуникаций среди участников длительных морских экспедиций к концу рейса, а основной задачей исследовательской работы – выявление данного нарушения при помощи опросника. Для проведения исследовательской работы был составлен уникальный опросник, выявляющий состояние членов экипажа на судне и оценивающий их взаимодействие в условиях ограниченного пространства. Опросник состоит из девяти вопросов, условно разбитых на три категории, заполняется в три этапа.

Предложенный респондентам опросник применялся в рамках исследовательской экспедиции в Каспийском море с целью проведения экологического мониторинга и инженерных изысканий в составе научной группы Центра морских исследований МГУ им. М.В.Ломоносова. Плавание проходило на морском буксире-кантовщике «Рубин» в течение двух недель без высадки на сушу в условиях постоянного пребывания в открытом море. Варианты ответов на данные вопросы включали следующие позиции: «Очень плохо», «Плохо», «Средне», «Хорошо» и «Очень хорошо». Интерпретация проведена по пятибалльной психометрической шкале Ликерта.

Экспедиционная и вахтовая формы трудовой деятельности сопряжены с групповой изоляцией, ограничением личного пространства, однообразностью обстановки, что приводит к дополнительным нагрузкам на самочувствие членов экипажа [6]. Исследования по применению методов психологической диагностики состояния профессионально значимых качеств моряков подтверждают гипотезу о взаимосвязи мотивационных инструментов и адаптивных механизмов в условиях морских экспедиций [2]. Поэтому к первой категории отнесены вопросы об адаптации участников экспедиции к новым для них условиям: как вы себя ощущаете в условиях измененной окружающей среды (на корабле, в открытом море, в условиях ограниченного пространства)? Как вы себя ощущаете в общении с членами экипажа? Как вы оцениваете свою способность справляться с непредвиденными обстоятельствами на борту корабля и в открытом море?

Во вторую категорию включены субъектно-оценочные вопросы о внутреннем состоянии участников морского рейса, так как экстремальные условия оказывают влияние на эмоциональный фон развития внутригрупповых отношений [4]. К ним отнесены: как вы оцениваете свое общее самочувствие на данный момент? Как вы оцениваете свою активность в течение дня? Как вы оцениваете свое настроение на данный момент?

Третья категория содержит следующие вопросы, направленные на оценку таких коллективных параметров, как сплоченность и конфликтность: как вы оцениваете взаимоотношения, сложившиеся в коллективе? Как вы оцениваете способность коллектива к преодолению конфликтов? Как вы оцениваете уровень сплоченности коллектива?

В начале рейса среди ответов респондентов очень много «Хорошо» и «Очень хорошо». Уже на визуальном этапе анализа данных таблицы можно сделать вывод о том, что в начале экспедиции показатели у членов экипажа высокие. В середине рейса в ответах респондентов превалирует «Хорошо», но уже меньше вариантов «Очень хорошо», вместо них участники экспедиции чаще отвечали «Средне». В конце экспедиции среди вариантов ответов уже практически нет «Очень хорошо», появляются ответы «Плохо» и превалирует «Средне» и «Хорошо».

По завершению проведения исследования можно сделать вывод об изменении общего состояния трудового коллектива и отношений внутри него к концу экспедиции. Анализ данных указывает на ухудшение общего самочувствия участников рейса и внутригрупповых взаимоотношений среди них. К концу экспедиции на значения ответов влияют условия ограниченного пространства, климатические особенности региона, непрерывность трудовой деятельности и нахождение в открытом море и вдали от суши. На существенное изменение ответов влияют косвенные факторы при заполнении опросника: настроение респондента непосредственно в момент заполнения бланка, конфликтные и чрезвычайные ситуации, произошедшие в коллективе и непосредственно с ним самим на корабле, ощущение конца рейса и приближения прибытия домой.

Поэтому можно заключить, что такие условия измененной окружающей среды, как условия ограниченного пространства, открытое море, постоянство в общении с членами экипажа, качка и климатические особенности региона пребывания, оказывают влияние на психологическое состояние, взаимоотношения и доверие между членами морской экспедиции.

Список использованных источников:

1. Лифинцева А.А. Социальная поддержка как фактор преодоления негативных последствий стресса // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2012. – №5. – С. 56-61.
2. Панков И.И. Применение методов психологической диагностики для определения текущего состояния профессионально важных качеств моряков / И.И. Панков, А.П. Смягликова, В.Н. Окунев // Вестник государственного университета морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова. – 2015. – №4 (32). – С. 235-237.
3. Педагогика и психология в схемах и таблицах: учебное пособие / И.А. Ахметшина, Е.А. Баранова, Н.В. Белякова [и др.]. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2025. – 275 с.
4. Порохина И.А. Изменение социально-психологического климата, настроения коллектива и функциональных состояний участников экспедиции в динамике арктического рейса / И.А. Порохина, Т.С. Войтехович, Н.Н. Симонова // Экология человека. – 2015. – №10. – С. 37-46.
5. Симонова Н.Н. Адаптивность как предиктор изменений функциональных состояний участников морской научной экспедиции в Арктику / Н.Н. Симонова, М.А. Тункина, Я.А. Корнеева, А.А. Трофимова // Национальный психологический журнал. – 2022. – №4 (48). – С. 65-78.
6. Тункина М.А. Взаимосвязь индивидуально-личностных качеств и динамики функциональных состояний участников морской арктической экспедиции / М.А. Тункина, Я.А. Корнеева, Н.Н. Симонова, А.А. Трофимова // Acta Biomedica Scientifica. – 2022. – №7 (5-1). – С. 22-241.

УДК 376.37

Колесникова П.А.

студентка 4 курса, направление 44.03.02, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством Барановой Е.А.

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

КОРРЕКЦИОННО-РАЗВИВАЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ СКАЗКОТЕРАПИИ В ФОРМИРОВАНИИ САМОРЕГУЛЯЦИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ (НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛА СКАЗКИ ЕВГЕНИЯ ШВАРЦА «ДВА БРАТА»)

Аннотация. В статье раскрывается коррекционно-развивающий потенциал сказкотерапии в формировании саморегуляции у детей младшего школьного возраста. Теоретическая часть статьи рассматривает психолого-педагогические механизмы воздействия сказки на личностное развитие ребёнка, особенности метафорического мышления и символической интерпретации нравственных категорий. Практическая часть посвящена анализу и возможностям педагогического использования сказки Евгения Шварца «Два брата» в образовательной среде. Рассмотрены формы работы с текстом, направленные на развитие эмпатии, воображения, способности к осознанию эмоций и контролю поведения. Предполагается, что применение сказкотерапевтических методик на основе сложных художественных произведений повышает эффективность воспитательной работы и способствует формированию эмоционально зрелой, социально ответственной личности младшего школьника.

Ключевые слова: сказкотерапия, младший школьный возраст, эмоционально-волевая сфера, саморегуляция, социальная компетентность, педагогическая психология, Евгений Шварц, «Два брата», развитие эмпатии, нравственное воспитание.

THE CORRECTIONAL AND DEVELOPMENTAL POTENTIAL OF FAIRY-TALE THERAPY IN FOSTERING SELF-REGULATION IN PRIMARY SCHOOL CHILDREN (BASED ON YEVEGENY SCHWARTZ'S FAIRY TALE «TWO BROTHERS»)

Abstract. The article explores the correctional and developmental potential of fairy-tale therapy in shaping social competence and self-regulation among primary school children. The theoretical part examines the psychological and pedagogical mechanisms of symbolic influence and metaphorical thinking in the process of moral development. The practical section focuses on the application of Yevgeny Schwartz's fairy tale «Two Brothers» in educational settings. The analysis demonstrates how structured interaction with the text can enhance empathy, moral imagination, emotional awareness, and behavioral control. The study concludes that using fairy-tale therapy based on complex literary narratives increases the effectiveness of educational and preventive work and supports the formation of an emotionally stable and socially responsible child.

Keywords: fairy-tale therapy, primary school age, emotional and volitional development, self-regulation, social competence, pedagogical psychology, Yevgeny Schwartz, Two Brothers, empathy development, moral education.

Период младшего школьного возраста является этапом интенсивного социального и личностного становления ребёнка. Освоение школьных норм, построение системы отношений со сверстниками и взрослыми требует не только когнитивной готовности, но и развитых навыков общения, сотрудничества и самоконтроля [5]. На данном этапе педагог сталкивается с задачей формирования социальной компетентности – способности понимать других, регулировать собственное поведение, принимать социально одобряемые решения. Для эффективного решения этой задачи особое значение приобретают методы, опирающиеся на эмоционально-

ценностный опыт ребёнка и создающие условия для личностного самооткрытия. Одним из таких методов выступает сказкотерапия – направление, объединяющее педагогические и психологические подходы, где сказка используется как инструмент коррекции и развития личности [2].

Метод сказкотерапии восходит к идеям культурно-исторической психологии, где развитие личности связывается с освоением культурных символов [3]. Сказка, как культурный текст, моделирует систему ценностей, передаваемых от поколения к поколению. Через архетипические образы герой, помощник, испытание ребёнок осваивает нравственные ориентиры и социальные модели поведения.

Как отмечают О.В.Хухлаева и О.Е.Хухлаев, законы организации метафоры лежат не в понятийной классификации, а в образном представлении мира [7]. Метафора, по её словам, представляет собой «обобщение образов на основе пересечения их внешних характеристик. Причём характеристики эти могут быть как наблюдаемые (я знаком с хитрым человеком), так и культурные: «лиса – хитрость, заяц – трусость». Поэтому то, что возникает на пересечении этих образов, «погибает» при попытке высказаться напрямую: образ принципиально не является понятием. Передать можно только саму схему, путь этого образного обобщения, которое будет делать сам человек, услышав фразу: «Этот человек – лиса!».

В психолого-педагогической литературе сказкотерапия рассматривается как способ мягкого, ненасильственного воздействия, активизирующий воображение и стимулирующий внутренние механизмы самопознания [2]. Сказочные образы обеспечивают переход от эмоционального переживания к осознанному пониманию поступков, что способствует формированию нравственной позиции.

В методологических работах, например, в работе Е.Ю.Барабаш подчеркивается, что сказкотерапия сочетает диагностическую, воспитательную и коррекционную функции [1]. Диагностический аспект проявляется в наблюдении за выбором ребёнком героев и сюжетных линий, воспитательный – в обсуждении поступков персонажей и их мотивов, а коррекционный – в проигрывании ситуаций, требующих преодоления трудностей. Через эти формы взаимодействия педагог получает возможность направлять развитие эмоциональной и социальной сферы младшего школьника.

Сказка создаёт безопасное пространство, где ребёнок может наблюдать и анализировать социальные ситуации в символической форме. В.А.Сухомлинский рассматривал сказку как важнейший инструмент развития мышления, эмоционального опыта и духовного мира ребёнка. Он подчеркивал, что именно через сказку ребёнок познаёт окружающий мир не только разумом, но и сердцем, учится различать добро и зло, справедливость и несправедливость, формирует эмоциональную отзывчивость и способность к сопереживанию. Педагог связывал сказку с понятием красоты, считая, что она способствует воспитанию гармоничной личности, способной к нравственным чувствам и творческому самовыражению [6].

Саморегуляция в младшем школьном возрасте выражается в умении осознавать собственные эмоции и управлять поведением в соответствии с требованиями ситуации. Дети этого возраста часто испытывают трудности в контроле импульсивных реакций, проявлениях раздражения или обиды. Сказкотерапевтические занятия позволяют переработать подобные состояния в символической форме.

По мнению Т.В.Ковтун, обсуждение эмоциональных состояний персонажей помогает детям распознавать и называть чувства, осознавать причины поступков [4, с.172-173]. Ребёнок, сопереживая героям, учится выражать эмоции в социально приемлемой форме.

В образовательной среде сказкотерапия реализуется через интеграцию в учебные и внеурочные формы: чтение, обсуждение, творческие задания, театрализацию. Наиболее эффективными считаются мини-цикл сказкотерапевтических занятий, направленных на определённые аспекты развития – эмпатию, сотрудничество, уверенность в себе. Применение авторских сказок в коррекционной практике (например, в программе А.Ю.Капской и Т.Л.Мирончик «Планета чудес») позволяет создавать безопасное эмоциональное пространство, где ребёнок проявляет инициативу и уверенность [3].

Одним из показательных примеров является сказка Евгения Шварца «Два брата» [8]. Сюжет построен на мотиве выбора: один брат идёт по лёгкой дороге, другой – по трудной, полной испытаний. В ходе обсуждения с детьми можно предложить вопросы: «Почему один герой выбрал трудный путь?», «Что он чувствовал, когда шёл один?», «Почему важно доводить начатое до конца?». Такая работа формирует умение рассуждать о причинах поступков, развивает способность соотносить действия героев с собственными выборами, а также укрепляет волевую саморегуляцию – осознание необходимости преодолевать трудности ради цели. При драматизации сказки каждый участник может попробовать обе роли, что способствует развитию эмпатии и гибкости мышления.

После обсуждения сюжета важно перейти от внешнего поведения к внутренним мотивам. Старший брат изначально руководствуется раздражением и самолюбием, но через испытание проходит путь к ответственности и раскаянию. Здесь можно задать детям вопросы:

- Почему Старший сначала не открыл дверь?
- Когда он понял, что поступил неправильно?
- Что помогло ему измениться?

Такие вопросы не требуют «правильных» ответов, они направлены на развитие саморефлексии и нравственного выбора.

Для развития саморегуляции можно провести игру «Остановись и подумай»: детям предлагаются карточки с ситуациями (например, «Ты злишься на друга», «Ты хочешь первым схватить игрушку»), и они

должны придумать, что можно сделать, чтобы не обидеть другого. Параллель с поведением Старшего брата позволяет закрепить идею сознательного выбора и контроля эмоций.

После анализа возможно предложение творческого задания. Например, упражнение «Продолжи историю»: «Как бы ты поступил, если бы оказался на месте Старшего после возвращения домой?» или «Какая сказка могла бы начаться после этого?». Можно также провести коллективное рисование «Тёплого и холодного мира»: один лист дети закрашивают холодными цветами (ледяной дворец, Прадедушка Мороз), другой – тёплыми (живой лес, весна, братья). В обсуждении педагог помогает детям увидеть, что «тёплый мир» связан с добротой и любовью, а «холодный» – с равнодушием. Такое визуальное различие способствует осознанию внутренней динамики эмоциональных состояний.

Сказка «Два брата» Евгения Шварца – уникальный материал для формирования у младших школьников социальных и эмоциональных компетенций. С помощью метафоры холода и тепла, вины и прощения, утраты и возвращения ребёнок осваивает основы нравственного выбора. Работа с произведением формирует эмпатию, умение соотносить действия с последствиями, навыки контроля эмоций, готовность к сотрудничеству и взаимопомощи.

Таким образом, применение сказкотерапии может способствовать профилактике школьной дезадаптации, укреплению эмоциональной устойчивости и формированию гармоничной личности. Перспективным направлением дальнейших исследований можно считать разработку дифференцированных сказкотерапевтических программ для разных возрастных и психологических групп младших школьников.

Список использованных источников:

1. Барабаш Е.Ю. Методика сказкотерапии. – Ставрополь: «Ставропольская краевая общественная детская организация «Союз детей Ставрополья», 2022. – 25 с.
2. Вачков И.В. Сказочный потенциал // Школьный психолог. – 2001. – №39. – С. 18-21.
3. Капская А.Ю. Планета чудес. Развивающая сказкотерапия для детей / А.Ю. Капская, Т.Л. Мирончик. – СПб.: Речь, 2006. – 226 с.
4. Ковтун Т.В. Влияние сказок на формирование личности младшего школьника на уроках чтения // Инновационные педагогические технологии: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2014 г.). – Казань: Бук, 2014. – С. 171-174.
5. Пантелеева А.-А.Р. Сказка как средство литературного развития и духовно-нравственного потенциала младших школьников / А.-А.Р. Пантелеева, У.А. Уварова, И.А. Ахметшина // Лучшая научная статья 2024: сборник статей VIII Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 15 апреля 2024 года. – Пенза: Наука и Просвещение, 2024. – С. 44-48.
6. Угринчук О.Н. Использование потенциала сказки в педагогике В.А. Сухомлинского. // Молодой ученый. – 2018. – №26 (212). – С. 179-181.
7. Хухлаева О.В. Лабиринт души. Терапевтические сказки. / О.В. Хухлаева, О.Е. Хухлаев. – М.: Академический проект, 2022. – 208 с.
8. Шварц Е. Два брата. – Л.: Детская литература, 1987. – 52 с.

УДК 781.9

Коновалова А.А.

магистр 3 курса, направление 44.04.02, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством Юлиной Г.Н.

кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета социально-гуманитарных технологий, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

ВОКАЛОТЕРАПИЯ КАК НАПРАВЛЕНИЕ МУЗЫКАЛЬНОЙ ТЕРАПИИ В ПРОФИЛАКТИКЕ СТРЕССА

Аннотация. В статье представлен междисциплинарный анализ вокалотерапии как самостоятельного направления музыкальной терапии в профилактике стресса. Рассмотрены теоретико-методологические основания метода, историко-научные предпосылки его становления, вклад российской школы музыкотерапии С.В.Шушарджана в научное обоснование вокалотерапевтического воздействия. Раскрыты физиологические механизмы и психологические эффекты вокалотерапии. Обоснован междисциплинарный характер метода, интегрирующего знания восстановительной медицины, психофизиологии, педагогики и музыковедения. Определены перспективные области применения в клинической, педагогической и профилактической практике.

Ключевые слова: вокалотерапия, музыкотерапия, профилактика стресса, психологическое здоровье, резонансная акустическая стимуляция, психоэмоциональная регуляция, междисциплинарный подход.

VOCAL THERAPY AS A DIRECTION OF MUSICAL THERAPY IN STRESS PREVENTION

Abstract. The article presents an interdisciplinary analysis of vocal therapy as an independent direction of music therapy in stress prevention. Theoretical and methodological foundations of the method, historical-scientific prerequisites of its formation, and the contribution of S.V.Shushardzhan's Russian school of music therapy to the scientific substantiation of vocal-therapeutic impact are examined. Physiological mechanisms and psychological effects of vocal therapy are revealed. The interdisciplinary nature of the method, integrating knowledge from restorative medicine, psychophysiology, pedagogy, and musicology, is substantiated. Promising areas of application in clinical, pedagogical, and preventive practice are identified.

Keywords: vocal therapy, music therapy, stress prevention, psychological health, resonant acoustic stimulation, psychoemotional regulation, interdisciplinary approach.

Современная парадигма охраны психологического здоровья характеризуется возрастающим интересом к неинвазивным, холистическим методам психокоррекции и психопрофилактики. В контексте стремительно меняющихся социальных условий, интенсификации психоэмоциональных нагрузок и роста распространённости стресс-индуцированных расстройств особую актуальность приобретают инновационные подходы к поддержанию психологического благополучия личности. Одним из перспективных направлений в этой области выступает вокалотерапия как специализированный метод музыкальной терапии, основанный на использовании голосовых ресурсов человека в целях оздоровления, гармонизации психоэмоционального состояния и профилактики дезадаптивных реакций на стрессовые воздействия.

В современной научной литературе представлено несколько определений вокалотерапии, подчёркивающих различные аспекты данного феномена. Медико-физиологическое определение, предложенное С.В.Шушарджаном и развитое в работах его последователей, трактует вокалотерапию как один из лечебно-оздоровительных методов музыкотерапии, использующий принципы пения и специальную систему вокальных упражнений, направленных на резонансную акустическую стимуляцию деятельности жизненно важных органов, оптимизацию высшей нервной деятельности и повышение защитных сил организма [11]. Данное определение акцентирует физиологические механизмы воздействия вокалотерапии, подчёркивая роль резонансных явлений и вибрационных процессов в организме.

Психолого-педагогическое определение, представленное в работе А.А.Гайнановой и С.В.Юдичева, рассматривает вокалотерапию как терапию пением, подразумевающую творческие аспекты восприятия музыки и активное участие субъекта в процессе голосового самовыражения [4]. Авторы отмечают, что вокалотерапия представляет собой второй способ лечения музыкой (в противовес пассивному слушанию), характеризующийся активным вовлечением личности в процесс звукоизвлечения. Это определение подчёркивает субъектную позицию индивида, его творческую активность и экспрессивные возможности в вокалотерапевтическом процессе.

Социально-педагогический подход базируется на признании значимости образовательных технологий в процессе становления и формирования личности. Как отмечают Ю.А.Репкина и Г.Н.Юлина, образовательные технологии играют ключевую роль в личностном и профессиональном развитии, создавая условия для раскрытия потенциала обучающихся [12].

Прежде чем обратиться к рассмотрению вокалотерапии как частного направления, необходимо определить её родовую категорию – музыкотерапию. В современной научной литературе музыкотерапия определяется как психотерапевтический метод, использующий музыку в качестве лечебного средства, с целью коррекции физических, психологических, когнитивных и социальных функций [13]. Музыкальная терапия представляет собой не просто прикладную технику, но целостную систему знаний о закономерностях влияния музыкальных воздействий на организм и психику человека, опирающуюся на фундаментальные научные данные из области нейронаук, психофизиологии, психологии искусства и других дисциплин.

Механизмы лечебного действия музыки, согласно современным представлениям, включают катарсис, эмоциональную разрядку, облегчение от осознания собственных переживаний, психоэмоциональное регулирование, противостояние жизненным проблемам, повышение социальной активности, продуктивную эмоциональную экспрессию, формирование новых установок [0]. На физиологическом уровне музыкальные воздействия влияют на дыхательную, сердечно-сосудистую, двигательную и нервную системы, вызывая определённые биохимические и гормональные изменения в организме [0]. Музыкальные звуки создают энергетические поля, заставляющие вибрировать каждую клетку организма, что приводит к изменению ритма дыхания, кровяного давления, частоты сердечных сокращений [0].

Важным аспектом понимания музыкотерапии является признание её не вспомогательным, а самостоятельным методом психологического и физиологического воздействия, имеющим собственную теоретическую базу, методологию и доказанную эффективность. В настоящее время музыкотерапия является разделом арт-терапии и представляет собой передовое лечебно-профилактическое направление, которое отличается от традиционных эмпирических методов благодаря научному обоснованию, инновационным технологиям, разнообразию и клинической эффективности [0].

Особое место в истории развития музыкотерапии как научной дисциплины занимает российская школа, основоположником которой является доктор медицинских наук, профессор Сергей Ваганович Шушарджан. Именно в его работах музыкотерапия получила фундаментальное научное обоснование и была поставлена на подлинно научную основу. Его монография «Музыкотерапия и резервы человеческого организма» (1998) стала первым трудом подобного масштаба в истории изучения музыкальной терапии, представив руководство для профессионального изучения данной области [0].

В рамках российской школы музыкотерапии было создано более 350 научных работ, включая кандидатские и докторские диссертации, книги, учебники и монографии. Сегодня научная музыкотерапия представляет собой направление, включающее более 50 различных музыкально-акустических методов и технологий, направленных на улучшение психического и физического здоровья, профилактику заболеваний, социальную реабилитацию и творческое развитие личности [0]. В 2002 году после написания авторского

пособия для врачей «Методы музыкальной терапии», утверждённого Минздравом Российской Федерации, музыкальная терапия стала официальным направлением восстановительной медицины в России.

В современной музыкотерапии сложилась устоявшаяся классификация форм терапевтического воздействия. Традиционно выделяют две основные формы музыкотерапии: рецептивную (пассивную) и активную. Рецептивная (пассивная) музыкотерапия отличается тем, что пациент в процессе музыкотерапевтического сеанса не принимает в нём активного участия, занимая позицию простого слушателя [0]. Активная музыкотерапия, напротив, предусматривает высокую вовлечённость пациента в процесс и основана на активной работе с музыкальным материалом [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

В современной научной литературе выделяют несколько вокалотерапевтических практик и подходов, различающихся по акцентам, технологиям и теоретическим основаниям: акустическая передача эмоций (Р. Ostwald; направление, фокусирующееся на экспрессивных возможностях голоса как инструмента эмоциональной коммуникации и катарсиса); мелодико-интонационная терапия (E. Spares; подход, использующий мелодические и интонационные характеристики речи и пения для коррекции речевых и эмоциональных нарушений); физвокализ (метод, основанный на исследовании физических параметров голоса и их коррекции через специальные упражнения); терапия звуком (С.П. Попов, С.В. Шушарджан; система, базирующаяся на рефлексивно-резонансной теории и использующая определённые звуковые частоты для воздействия на органы и системы организма); трансперсональная голосовая терапия (В.В. Никитин; направление, интегрирующее голосовые практики с трансперсональной психологией и работой с изменёнными состояниями сознания). Каждое из этих направлений акцентирует различные механизмы терапевтического воздействия пения: от физиологической вибрации и резонанса до символической экспрессии и трансперсональных переживаний. Это свидетельствует о многомерности вокалотерапевтического воздействия и необходимости комплексного подхода к его изучению и применению.

Терапевтический эффект пения обусловлен несколькими взаимосвязанными физиологическими механизмами. Прежде всего, пение является лучшим дыхательным упражнением, развивающим лёгкие и увеличивающим их жизненную ёмкость, в связи с чем вокалотерапию назначают при бронхиальной астме и других заболеваниях дыхательных путей. Недавние исследования западных учёных, проведённые среди оперных певцов, показали, что регулярное пение не только развивает грудную мускулатуру, но также укрепляет сердечную мышцу [0].

Помимо физиологических механизмов, вокалотерапия характеризуется мощным психологическим воздействием. Пение является формой экспрессивной деятельности, позволяющей индивиду выразить свои эмоциональные состояния, что способствует эмоциональной разрядке и катарсису. Вокальная активность может рассматриваться как форма невербальной коммуникации, в которой индивид транслирует своё внутреннее состояние вовне, делая его доступным для осознания и проработки.

Вокалотерапия как научно-практическое направление характеризуется выраженным междисциплинарным характером, интегрируя знания и методы из различных областей. Современная вокалотерапия как совокупность различных методов и технологий является синтетическим продуктом нескольких наук и направлений: восстановительной медицины, акустики, нейрофизиологии, основ музыковедения, классического пения, психологии, традиционной китайской медицины, современной клинической диагностики и фониатрии.

Проведённый анализ позволяет заключить, что вокалотерапия представляет собой самостоятельное, научно обоснованное направление музыкальной терапии, характеризующееся использованием голосовых возможностей человека в целях оздоровления, психологической гармонизации и профилактики дезадаптивных состояний. Специфика вокалотерапии определяется её активным характером, интегративным воздействием на физиологические, психологические и социальные процессы, доступностью применения и высоким потенциалом в контексте профилактики стресса.

Список использованных источников:

1. Аожань Ян. Становление музыкотерапии на Востоке и Западе в исторической перспективе // Вестник музыкальной науки. – 2015. – №3. – С. 89-96.
2. Брехова Т.В. Вокалотерапия как метод здоровьесберегающих технологий / Т.В. Брехова, И.С. Самылова, А.М. Егорова // Молодой ученый. – 2019. – №43 (281). – С. 227-229.
3. Брусиловский Л.С. Музыкотерапия // Руководство по психотерапии / под ред. В.Е. Рожнова. – Ташкент: Медицина, 1979. – С. 256-275.
4. Гайнанова А.А. Музыкотерапия, вокалотерапия: новые горизонты / А.А. Гайнанова, С.В. Юдичев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – №12-3. – С. 257-260.
5. Завьялов В.Ю. Музыкальная релаксационная терапия. – Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 1995. – 79 с.
6. Карвасарский Б.Д. Психотерапевтическая энциклопедия. – СПб.: Питер, 2000.
7. Ключев А.С. Музыкотерапия как метод музыкальной педагогики // Искусство и образование. – 2012. – №4 (78). – С. 106-108.
8. Лусточкина А.П. Концепция музыкальной терапии // Инновации в профессиональном и профессионально-педагогическом образовании: материалы 25-й Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 07-08 апреля 2020 года / под научной редакцией Е.М. Дорожкина, В.А. Федорова. Том II. – Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2020. – С. 233-238.
9. Петрушин В.И. Музыкальная психотерапия: Теория и практика. – М.: ВЛАДОС, 2000. – 176 с.
10. Тумагаян А.Т. Вокалотерапия и ее применение в ДОУ // Вопросы дошкольной педагогики. – 2017. – №2 (8). – С. 153-155.

11. Шушарджан С.В. Музыкотерапия и резервы человеческого организма. – М.: Антидор, 1998. – 364 с.
12. Юлина Г.Н. Педагогические аспекты становления молодого специалиста: роль образовательных технологий в формировании личности / Г.Н. Юлина, Ю.А. Репкина // Экономика и предпринимательство. – 2019. – №8 (109). – С. 1245-1248.
13. Fancourt D., Finn S. What is the evidence on the role of the arts in improving health and well-being? A scoping review. – Copenhagen: WHO Regional Office for Europe, 2019. – 133 p.
14. Heiderscheit A., Madson A. Clinical applications of the iso principle in music therapy // Music Therapy Perspectives. 2015. T. 33, №1. P. 54-62. DOI 10.1093/mt/pmiu009.
15. Schwabe Ch. Musiktherapie bei Neurosen und funktionellen Störungen / Von Dr. phil. Christoph Schwabe – 2, überarb. und erg. Aufl. – Jena: Fischer, 1972. – 216 p.

УДК 37.1

Коптева Е.А., Серенкова К.М.

студентки 4 курса, направление 44.03.02, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством Денисенко Е.Г.

кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

АНАЛИЗ НЕЯЗЫКОВЫХ СПОСОБОВ ОБЩЕНИЯ В ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЕ И ИХ ВЛИЯНИЯ НА ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Аннотация. Статья посвящена специфике влияния неязыковых форм общения на эмоциональную сферу личности. Цифровая среда общения, лишённая привычных невербальных сигналов, активно порождает замещающие формы экспрессии. Эмодзи и гифки, намеренное дублирование знаков препинания, игра с регистром письма, аватарки и даже уменьшительно-ласкательные обращения – все это работает на эмоциональную насыщенность виртуального диалога, превращаясь в его неотъемлемый семиотический ресурс. Воздействие цифровой коммуникации на формирование эмоционального интеллекта амбивалентно. Виртуальное взаимодействие служит своего рода полигоном для отработки эмпатии и навыков самоконтроля, что особенно значимо в подростковой среде. Однако обратной стороной становится растущая зависимость от визуальных подсказок, упрощающая восприятие эмоций и питающая эгоцентрические установки. В условиях цифровой эпохи остро встаёт вопрос о развитии эмоциональной компетентности в виртуальной среде, что становится неотъемлемым элементом сохранения ментального здоровья в пространстве современной медийной культуры.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, неязыковые средства общения, цифровая культура, эмодзи, Gif-анимация, аватарка, эмоциональная насыщенность, самоконтроль, эмпатия, виртуальное общение.

ANALYSIS OF NON-LINGUISTIC COMMUNICATION METHODS IN DIGITAL CULTURE AND THEIR IMPACT ON EMOTIONAL INTELLIGENCE

Abstract. The article is devoted to a topic relevant at the present stage of society's development – the specifics of the influence of non-linguistic forms of communication on the emotional sphere of a person. The digital communication environment, devoid of familiar nonverbal cues, actively generates substitute forms of expression. Emojis and GIFs, intentional duplication of punctuation marks, play with letter case, avatars, and even diminutive terms of endearment – all contribute to the emotional richness of virtual dialogue, becoming an integral semiotic resource. The impact of digital communication on the development of emotional intelligence is ambivalent. Virtual interaction serves as a testing ground for empathy and self-control skills, which is especially important among adolescents. However, the downside is a growing dependence on visual cues, which flattens emotional perception and fosters egocentric attitudes. In the digital age, the development of emotional competence in the virtual environment is becoming increasingly important, becoming an integral element of maintaining mental health in the modern media culture.

Keywords: emotional intelligence, non-linguistic tools, digital culture, emojis, GIF animations, avatars, emotional richness, self-control, empathy, virtual communication.

Современное общество переживает стремительную цифровую трансформацию, в ходе которой классические межличностные контакты систематически вытесняются или, как минимум, обогащаются онлайн-форматами общения [3]. В наибольшей степени эта тенденция затрагивает подростков и представителей молодого поколения, составляющих ядро аудитории цифровых сервисов. Для них взаимодействие в виртуальном пространстве постепенно превращается в фундаментальный элемент процесса интеграции в социум [1; 6]. Тем не менее, цифровое пространство, исключая возможность непосредственного зрительного и осязательного взаимодействия, порождает настоятельную потребность в разработке альтернативных способов передачи эмоциональных реакций. Поскольку цифровое взаимодействие лишено привычных невербальных маркеров – мимики, интонационных нюансов, языка тела, – пользователям приходится искать иные, внеязыковые формы для передачи эмоциональных состояний. Несмотря на опосредованный характер, данные методы оказывают определяющее влияние на эмоциональную насыщенность коммуникации, одновременно выступая фактором становления и актуализации эмоционального интеллекта (далее – ЭИ).

В цифровом пространстве общение выходит за рамки вербального кода. Эмоциональная окраска сообщений формируется через визуальные и графические элементы: смайлы, эмодзи, Gif-анимации, аватары, сленг и метафоры. Эти инструменты восполняют отсутствие невербальных сигналов, неизбежное в письменной

коммуникации. Они служат не только для передачи эмоциональных реакций на контент, но и для целенаправленного конструирования цифрового имиджа [4].

Наиболее тесная корреляция наблюдается со способностью к саморегуляции, то есть контролю собственных аффективных состояний, и с развитостью эмпатии как умения считывать и декодировать эмоции собеседников. Люди с развитым эмоциональным интеллектом применяют более тонкие и вариативные подходы к передаче чувств в цифровой среде. Вместо шаблонного употребления смайлов они соотносят выбор графических символов с силой испытываемой эмоции, экспериментируют с комбинациями эмодзи и GIF-изображений, а также чутко подстраивают манеру изложения под конкретную коммуникативную ситуацию и внутренний мир адресата. Подобное поведение демонстрирует сформированную эмоциональную децентрацию, т.е. навык абстрагироваться от личных чувств и принимать во внимание внутренний мир собеседника.

Неразвитый эмоциональный интеллект проявляется в скудном наборе эмоциональных маркеров и неспособности верно расшифровать чувства собеседника. Подобные коммуниканты склонны отсекают эмоциональный подтекст, фокусируясь лишь на фактической стороне высказывания. Результат предсказуем: нарастающее непонимание, конфликтные ситуации и эмоциональный эгоцентризм, при котором человек оказывается не в состоянии проникнуться переживаниями другого и дать на них созвучный отклик [5; 7].

В рамках цифровой культуры эмодзи и смайлы, вопреки их внешней элементарности, формируют целостную семиотическую структуру. Их функциональный диапазон простирается далеко за рамки передачи базовых эмоций: эти визуальные маркеры тонко калибруют интонацию диалога, нивелируют резкость высказываний, акцентируют позитивные оттенки, а порой целиком замещают словесные формулы [3]. Любопытно, что индивиды, обладающие развитым эмоциональным интеллектом, демонстрируют повышенную чувствительность к смысловым градациям эмодзи и умело оперируют ими в коммуникативных практиках. Напротив, люди с низким ЭИ склонны к примитивному, буквальному прочтению этих символов, упуская контекстуальные оттенки – подобное упрощение неизбежно ведёт к семантическим искажениям.

Gif-изображения и прочие визуальные форматы сегодня активно задействуются в качестве инструментов для передачи эмоциональных нюансов. С их помощью удаётся визуализировать сложные душевные состояния, практически не поддающиеся вербальному описанию или примитивным эмодзи. Однако работа с подобными медиа предполагает не только владение цифровыми технологиями, но и наличие особой эмоциональной чуткости – умения выбрать визуальный контент, который точно транслирует внутреннее состояние автора и одновременно учитывает вероятный эмоциональный отклик реципиента.

Роль аватара и виртуального оформления профиля представляет собой любопытный феномен. Внешне это кажется лишь вопросом эстетики, однако визуальный образ служит подлинным маркером эмоционального фона. Смена аватаров, тематические цитаты или экспрессивные изображения зачастую транслируют актуальные переживания пользователя. Парадоксально, но, согласно исследовательским данным, индивиды с развитым эмоциональным интеллектом склонны минимизировать использование аватаров, демонстрируя более прямое самовыражение. Подобная стратегия отражает ориентацию на подлинность в коммуникации и сниженную потребность в конструировании идеализированного цифрового двойника.

Следует признать, что невербальные элементы цифрового общения отнюдь не сводятся к пассивной замене живых жестов и интонаций. Они мобилизуют когнитивные ресурсы и эмоциональную вовлечённость: от пользователя требуется осмысленный отбор, комбинация и расшифровка этих символов. В этом смысле виртуальный диалог превращается в уникальный полигон для оттачивания эмоционального восприятия. Данный процесс особенно значим в подростковом возрасте, где онлайн-среда становится лабораторией для апробации эмоциональных масок, конструирования идентичности и усвоения негласных общественных правил.

Тем не менее, воздействие цифровой среды на эмоциональную сферу человека демонстрирует двойственный характер [5]. Интенсивная эксплуатация паралингвистических элементов – эмодзи, стикеров, мемов – действительно тренирует способность к эмпатии, облегчает эмоциональную адаптацию и самоконтроль. Парадоксально, но эта же визуализация аффектов чревата редукцией эмоционального восприятия, обедняя палитру переживаний и затрудняя распознавание тонких, амбивалентных чувств. Усугубляет ситуацию феномен «цифрового эмоционального эгоцентризма»: индивид начинает проецировать собственную интерпретацию эмоциональных сигналов, не учитывая уникальный психологический склад партнера по коммуникации.

Научные изыскания подтверждают зависимость паралингвистических практик от возрастного фактора [1; 2]. Молодое поколение демонстрирует тяготение к экспрессивным способам передачи чувств: в их цифровом лексиконе доминируют анимированные GIF-файлы, каскады эмодзи, жаргонизмы и обценная лексика. В зрелом возрасте коммуникативные паттерны претерпевают существенную трансформацию – эмоциональные маркеры становятся лаконичными и унифицированными. Сформировавшаяся аудитория тяготеет к каноническим смайлам и вербальной аскезе. Подобная эволюция объясняется не только сменой коммуникативных приоритетов (от эмоционального резонанса к инструментальной эффективности), но и дивергенцией в уровне цифровых компетенций и эмоционального репертуара.

В рамках цифровой культуры невербальные коммуникативные практики складываются в подвижную и многоуровневую структуру. Эта система не просто восполняет недостаток привычных невербальных сигналов, но и генерирует оригинальные форматы эмоционального обмена. Воздействие таких практик на эмоциональный интеллект амбивалентно: они могут, как развивать эмоциональную компетенцию, так и провоцировать обеднение эмоционального восприятия, затрудняя глубокое взаимопонимание. В данном

контексте особую актуальность приобретает целенаправленное развитие цифровой эмоциональной грамотности – умения осмысленно и ответственно применять неязыковые инструменты для выстраивания продуктивных и сбалансированных отношений в виртуальной среде.

Вектор будущих изысканий лежит в плоскости концептуализации «цифрового эмоционального интеллекта» – сложного комплекса когнитивных, аффективных и поведенческих компетенций, без которых немыслима эффективная коммуникация в виртуальном пространстве. Не менее актуальной представляется задача анализа образовательных и семейных детерминант, формирующих эти способности, вкупе с созданием диагностического инструментария и развивающих методик для разных поколений. По мере тотального проникновения цифровых технологий в быт, расшифровка паралингвистических компонентов общения и их воздействия на эмоциональный интеллект перерастает из сугубо академической проблемы в фундаментальный вопрос психического здоровья социума.

Список использованных источников:

1. Батенова Ю.В. Развитие эмоционального интеллекта детей в условиях цифровизации информационной среды / Ю.В. Батенова, А.Ю. Герасимова // Экопсихологические исследования: экология детства и психология устойчивого развития: сб. науч. ст. / отв. ред. В.И. Панов. – М.: Психологический ин-т РАО; Курск: Университетская книга, 2020. – С. 422-426.
2. Безносюк Е.В. Развитие эмоционального интеллекта у обучающихся начальной школы в эпоху цифровой реальности / Е.В. Безносюк, К.В. Ломакина // Мир, открытый детству: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 23 мая 2022 г.) / науч. ред. Е.В. Коротаева, отв. ред. Л.В. Воронина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2022. – С. 30-34.
3. Неизвестный С.И. Проблемы отрыва «цифровой тени» от человека в эпоху цифровой трансформации // Цифровая трансформация управления: проблемы и решения – 2021: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 14 мая 2021 г.) / под ред. А.В. Троицкого, О.М. Писаревой, М.Н. Белоусовой. – М.: Изд-во Гос. ун-та управления, 2021. – С. 78-81.
4. Нозикова Н.В. Взаимосвязь развития эмоционального интеллекта с активностью пользования социальными сетями в юношеском возрасте / Н.В. Нозикова, Г.Г. Баденкова // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. – 2020. – Т. 33. – С. 43-58.
5. Родионова Е.В. Эмоциональный интеллект студентов цифрового поколения: опыт инженерного вуза / Е.В. Родионова, Т.В. Конюхова, Н.А. Лукьянова, Е.Т. Конюхова // Образование и саморазвитие. – 2022. – Т. 17, №4. – С. 126-138.
6. Руммо А.А. Влияние современных цифровых ресурсов на эмоциональное развитие подростков // Постулат. – 2022. – №1 (75). – С. 47-55.
7. Чеснова Е. Диагностика социального интеллекта у студентов университета / Е. Чеснова, А.П. Каюда, И.А. Ахметшина // Проблемы и перспективы развития образования: сборник материалов XI Международной научно-практической конференции, Орехово-Зуево, 24 октября 2024 года. – Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2024. – С. 674-680.

УДК 616

Кузнецов И.А.

студент 2 курса, Высшая школа транспортного строительства, геодезии и землеустройства, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», Хабаровск, Россия

Свиягина Е.В.

доцент департамента физического воспитания Института физической культуры и спорта, ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет», Владивосток, Россия

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОФИЛАКТИКИ И КОРРЕКЦИИ МИОПИИ У СТУДЕНТОВ

Аннотация. Миопия является одним из наиболее распространенных офтальмологических заболеваний среди студентов, оказывающих негативное влияние на их учебную и трудовую деятельность. Возможность развития различных осложнений ставит миопию на третье место в структуре инвалидности по зрению. Среди студентов 2-х курсов, обучающихся по специальности «Строительство» (n=54), наличие миопии выявлено у 38,5%. Социологический опрос показал, что все студенты с миопией активно использовали различные информационные гаджеты в среднем до 8-9 часов в день. Использование комплексных оздоровительных методик на занятиях по дисциплине «Физическая культура» способствует профилактике и поддержанию здоровья глаз студентов.

Ключевые слова: студенческая молодежь, здоровье, миопия, физическая культура, оздоровительные методики.

PHYSICAL EDUCATION AS A TOOL FOR THE PREVENTION AND CORRECTION OF MYOPIA IN STUDENTS

Abstract. Myopia is one of the most common ophthalmological conditions among students, negatively impacting their academic and professional performance. The potential for various complications makes myopia the third leading cause of visual impairment. Among second-year students majoring in Construction (n=54), myopia was detected in 38.5%. A sociological survey revealed that all students with myopia actively used various information devices for an average of 8-9 hours per day. The use of comprehensive health-improving methods in Physical Education classes helps prevent and maintain students' eye health.

Key words: student youth, health, myopia, physical education, health methods.

В настоящее время наблюдается тенденция к ухудшению состояния здоровья молодого поколения. В частности, сегодня довольно остро стоит проблема, связанная с ухудшением зрения у данного контингента. По утверждению С.А.Обрубова, доктора медицинских наук, профессора кафедры офтальмологии педиатрического

факультета ФГАОУ ВО «РНИМУ имени Н.И.Пирогова» Минздрава России, прогнозируется, что в ближайшие десятилетия заболеваемость органов зрения станет серьезной глобальной проблемой общественного здравоохранения, поскольку затронет все большее число людей [11]. Так, согласно данным Росстата, среди молодежи в возрасте 15-17 лет в 2022 году было впервые зарегистрировано 254,2 тыс. случаев болезней глаза и его придаточного аппарата, что почти на 20% превышает показатель 2020 года (210,9 тыс. случаев) [3]. Данные говорят о том, что частота глазных патологий среди молодежи неуклонно растет.

Среди студенческой молодежи врачами также гораздо чаще стали диагностироваться зрительные расстройства, связанные с нарушением рефракции, такие как близорукость, дальнозоркость и астигматизм. Наибольшую распространенность, по утверждению специалистов-медиков, имеет миопия (близорукость). Возможность развития различных осложнений ставит миопию на третье место в структуре инвалидности по зрению [12; 15].

Согласно данным исследований, почти 44% студентов имеют зрительные нарушения, причем это показатель имеет тенденцию к ежегодному увеличению от 3% до 7%. При этом, по мере перехода от курса к курсу, количество студентов с более высокими степенями близорукости увеличивается на 5-8% [8].

В частности, исследование распространенности миопии среди студентов первого курса, проведенное А.М.Каповой в Санкт-Петербургском государственном педиатрическом медицинском университете выявило что, из 82 обследованных студентов данное заболевание было выявлено у 69 человек. Распределение по степеням тяжести было следующим: легкая степень диагностирована у 36 человек, средняя – у 22, тяжелая – у 9 опрошенных [4].

Результаты исследований, проведенных в некоторых российских медицинских вузах, также показывают высокую распространенность миопии среди студенческой молодежи. К примеру, высокие показатели были зафиксированы в Тюменском государственном медицинском университете, где при обследовании 108 студентов, миопия была диагностирована у 63,6% [13].

Изучение специалистами причин развития миопии среди учащейся молодежи показало, что к патологическим изменениям зрительного аппарата, изменению фокуса зрения, напряжению зрительного анализатора чаще всего приводит длительная работа на близком расстоянии при ослабленной аккомодационной способности особенно на фоне несоблюдения санитарных норм, установленных для работы на близких и средних расстояниях, а также стресс и наследственность. Дополнительными факторами риска являются нерациональный режим труда и отдыха, низкая физическая активность [1].

Таким образом, эксперты в области медицины, социологии и педагогики актуализируют проблему ухудшения зрения студенческой молодежи, подчеркивая при этом значимость разработки и внедрения мер, направленных на его сохранение, а также профилактику офтальмологических заболеваний и укрепление здоровья в целом. Сотрудники Московского научно-исследовательского института глазных болезней имени Гельмгольца отмечают, что для поддержания и улучшения зрительных функций у студентов, огромный потенциал есть у дисциплины «Физическая культура» [9]. Так, для профилактики развития близорукости врачи рекомендуют выполнять специальные упражнения гимнастики для глаз, которые способствуют улучшению кровоснабжения в тканях глаз, укреплению глазодвигательных мышц, помогают снять утомление глаз.

Также для улучшения остроты зрения специалисты рекомендуют и другие средства, например, использовать на занятиях по дисциплине «Физическая культура» дыхательную гимнастику, которая улучшает эластичность стенок кровеносных сосудов, находящихся в глазном яблоке, способствует усилению работы всех глазных мышц. Тем самым снимается напряжение глаз при чрезмерных зрительных нагрузках и на длительный срок приостанавливаются дистрофические изменения в тканях глаза.

Согласно исследованиям, спортивные игры, особенно те, элементы которых могут включать использование мяча или снаряда, в частности, игровые упражнения с элементами настольного тенниса, бильярда, дартса, также обладают высокой эффективностью в развитии зрительно-моторной координации. Виды такой активности характеризуются, например, динамической сменой положений тела участника и необходимостью оперативного реагирования на различные движения и действия соперника. Такая активность, стимулирует работу зрительной и двигательных систем, способствуя улучшению, как координации движений, так и повышению способности к восприятию визуальной информации посредством игры [7].

Кроме того, как, показали исследования Е.В.Лукьяновой с соавторами, регулярные занятия бадминтоном не только способствуют совершенствованию контроля над мышечными усилиями, но и могут оказывать крайне положительное влияние на зрительную функции. Кроме общеукрепляющего эффекта, игра улучшает тренирует глазодвигательные мышцы. Постоянное изменение расстояния снаряда в пространстве во время игры практически точно имитирует упражнения, которые рекомендуют офтальмологи для профилактики миопии и других заболеваний глаз [6].

Между тем, исследование, проводившееся в Бурятском государственном университете (БГУ) показало, что программы, которые включают только специальные упражнения для глазных мышц без общеукрепляющих упражнений малоэффективны, не дают положительной динамики улучшения остроты зрения. По мнению авторов, необходимы комплексные программы – сочетание общеукрепляющих упражнений со специальными для глазного аппарата [5].

Так, в рамках эксперимента, для студентов Северо-Восточного федерального университета им. М.К.Аммосова, имеющих нарушение зрения, О.А.Максимова предложила включить в программу занятий по дисциплине «Физическая культура» следующие виды физической активности: скандинавская ходьба, йога,

занятия на национальном инструменте хомус, а также освоение движений якутского танца «осухай» и гимнастику для глаз [7].

В Чувашском государственном университете имени И.Н.Ульянова, Н.Н.Пьянзиной с соавторами была дополнена физкультурная программа такими элементами, как точечный массаж с рефлекторным воздействием, а также комплекс корригирующей гимнастики для глаз и элементы йоги. Авторы делают вывод, что данный комплекс мер благоприятно влияет на организм студентов и целесообразен для профилактики офтальмологических нарушений. Исследователи связывают улучшение общего состояния с потенциальной пользой для зрения, так как здоровье глаз зависит от кровоснабжения и общего состояния функциональных систем организма [10].

Ситуация в Приморском и Хабаровском крае по количеству молодых людей, имеющих заболевания глазного аппарата, в последние годы выглядит более благоприятной, если сравнивать с усредненными общероссийскими показателями. Если по России, по данным статистики, в 2022 году среди лиц в возрасте 15-17 лет было зарегистрировано примерно 50,8 на 1000 человек новых случаев болезней глаза и его придаточного аппарата, то в Хабаровском крае за аналогичный период этот показатель составил 28,1, а в Приморском 33,6 на 1000 человек населения. Возможными причинами такой положительной динамики, к примеру могут являться региональные особенности, такие как более благоприятная экологическая обстановка в отдельных районах края или реализуемые на местном уровне программы популяризации активного отдыха на природе среди молодежи.

С целью профилактики и коррекции миопии студентов ДФВУ и ТОГУ, обучающихся по направлениям «Строительство» была разработана и внедрена в учебный процесс по дисциплине «Физическая культура» специальная комплексная программа, в которой, помимо общеукрепляющих физических упражнений, дополнительными составляющими элементами стали гимнастика для глаз, а также упражнения дыхательной гимнастики.

Гимнастика для глаз – офальмотренинг (методика Г.Г.Демирчоглына с соавт.) способствует циркуляции внутриглазной жидкости, укреплению мышц глаз горизонтального действия и совершенствованию их координации. Применяется в целях улучшения и сохранения зрения студентов в заключительной части занятий [2]. Дыхательная гимнастика по А.Н.Стрельниковой способствует резкому приливу крови к главному яблоку, что улучшает эластичность его стенок и находящихся в нем кровеносных сосудов. Усиливается микроциркуляция и лимфатический дренаж в тканях глаза, происходит активный массаж слезных желез и их выводящих каналов, а также усиления работы всех глазных мышц. Тем самым снимается напряжение глаз при чрезмерных зрительных нагрузках, приостанавливаются дистрофические изменения в тканях глаза [14]. Данные средства, по мнению исследователей, могут не только помочь студентам поддерживать уровень здоровья во время учебы, сопряженной с длительной, и большой нагрузкой на зрительный аппарат, но в определенной мере улучшить здоровье органов зрения.

Таким образом, обобщая все вышесказанное можно сделать вывод, что наиболее эффективными для профилактики и коррекции зрения являются продолжительные и комплексные методики, а не точечные однократные занятия. Такие методики позволят не только развить, но и закрепить полученный результат, будут способствовать торможению развития патологических сдвигов в зрительной системе студентов, имеющих ослабленное зрение, а также помогут профилактировать осложнения и другие заболевания глаза и его придаточного аппарата.

Список использованных источников:

1. Апрелев А.Е. Оценка распространённости миопии и качества жизни больных с миопией / А.Е. Апрелев, Р.В. Пашина, Е.С. Караулова // Медицинский вестник Башкортостана – 2015. – №2. – С. 169-171.
2. Демирчоглян Г.Г. Специальная физическая культура для слабовидящих школьников / Г.Г. Демирчоглян, А.Г. Демирчоглян. – М.: Советский спорт, 2000. – 160 с.
3. Здравоохранение в России. 2023: Стат. сб. / Росстат. – М., 2023. – С. 179.
4. Капова А.М. Частота встречаемости миопии у студентов 1 курса СПбГПМУ // Forcipe. – 2020. – №3. – С. 422-423.
5. Локтионова Ю.И. Обзор научных публикаций о пользе занятий физической культурой при заболеваниях зрительного аппарата / Ю.И. Локтионова, Н.В. Савкина // Наука-2020. – 2019. – №7 (32). – С. 112-118.
6. Лукьянова Е.В. Бадминтон как средство профилактики и коррекции миопии у детей младшего школьного возраста / Е.В. Лукьянова, А.Г. Аболишин // Lesgafta. – 2021. – №7 (185). – С. 414-421.
7. Максимова О.А. Разработка модели реализации содержания дисциплины физическая культура студентов специальной медицинской группы // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2021. – №12. – С. 219-222.
8. Марчук В.А. Миопия – медико-социальная проблема студенческой молодежи / В.А. Марчук, С.А. Марчук // Вестник УГТУ-УПИ. – 2025. – №4. – С. 164-169.
9. Наследкова М.А. Оценка здоровья студентов медицинского вуза / М.А. Наследкова, Н.И. Кашапова, Д.А. Толмачев // Синергия Наук. – 2018. – №21. – С. 273-276.
10. Пьянзина Н.Н. Физические упражнения и гимнастика для глаз как средства коррекции зрения студентов вуза / Н.Н. Пьянзина, О.Б. Колесникова, С.А. Эриванова // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт – 2021. – №7. – С. 31-38.
11. Рогожина И.В. Анализ показателей заболеваемости близорукостью у прикрепленного контингента детей / И.В. Рогожина, С.А. Обрубов // Российская детская офтальмология. – 2024. – №4 [Электронный ресурс]. DOI: <https://doi.org/10.25276/2307-6658-2024-4-5-11>
12. Турманидзе А.В. Активация проприорецепторных механизмов, способствующих коррекции и профилактике зрения студентов / А.В. Турманидзе, И.В. Меркулова // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт – 2022. – №7. – С. 23-29.

13. Харченко Д.Д. Частотный анализ случаев прогрессирующей миопии у студентов 1-2 курсов Тюменского государственного медицинского университета // Вестник медицинского института «Реавиз»: реабилитация, врач и здоровье – 2022. – №2 – С. 350-352.

14. Щетинин М.Н. Дыхательная гимнастика А.Н. Стрельниковой. – М.: Метафора, 2004. – 128 с.

15. Akhmetshina I.A. Humanistic model of education of frequently ill students / I.A. Akhmetshina, I.V. Mikityuk // Современные здоровьесберегающие технологии. – 2025. – №1. – С. 76-85.

УДК 159.9

Кулбужева Д.М.

студентка 3 курса, направление 44.03.02, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством **Орловой И.К.**

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕННОГО ДОСТУПА К ЦИФРОВЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ

Аннотация. Статья посвящена анализу уровня сформированности цифровой компетентности старших классов в контексте современных вызовов цифровизации обучения. На материале сравнительного изучения практик использования цифровых технологий учащимися из Москвы и Ингушетии раскрываются особенности формирования цифровых навыков в различных социально-географических условиях. В работе рассматривается применение цифровых инструментов для организации учебной деятельности. Особое внимание уделяется анализу самооценки уровня владения цифровыми технологиями по различным компетенциям.

Ключевые слова: цифровая компетентность, цифровое неравенство, цифровизация образования, цифровые навыки.

FEATURES OF FORMING DIGITAL COMPETENCE IN CONDITIONS OF LIMITED ACCESS TO DIGITAL TECHNOLOGIES

Abstract. The article is devoted to the analysis of the level of digital competence development in high school students in the context of modern challenges of digitalization of education. Based on the comparative study of the practices of using digital technologies by students from Moscow and Ingushetia, the article reveals the features of the formation of digital skills in different socio-geographical conditions. The article examines the use of digital tools for organizing educational activities. Special attention is paid to the analysis of self-assessment of the level of digital technology proficiency in various competencies.

Keywords: digital competence, digital inequality, digitalization of education, digital skills.

В условиях повсеместного внедрения цифровых технологий в сферу образования особую важность приобретает системное формирование цифровой компетентности обучающихся в образовательных организациях. Однако, несмотря на прогресс, до сих пор значительная часть учащихся сталкивается с ограниченным доступом к техническим устройствам, онлайн-ресурсам и стабильному интернет-соединению. Идея цифрового разрыва служит важной отправной точкой для анализа того, как недостаток доступа к цифровым технологиям воспроизводит и усиливает неравенство в условиях информационного общества, напрямую влияя на уровень цифровой грамотности отдельных людей и групп.

В рамках исследования мы предположили, что недостаток равных возможностей в доступе к цифровым ресурсам может привести к формированию новых форм социального и образовательного неравенства, что ставит под угрозу принципы инклюзивного и равноправного образования.

Доступ к качественному образованию является важным фактором социального и экономического прогресса, в центральных регионах обычно предлагается более разнообразный спектр программ, способствующих развитию цифровой грамотности учащихся, их успешной адаптации к современному миру и профессиональному росту. В регионах с менее развитой образовательной инфраструктурой возможности для получения подобных навыков могут быть ограничены.

Для всестороннего понимания феномена цифрового разрыва необходимо глубокое и систематизированное изучение цифровой компетентности как ключевого компонент, обеспечивающего равные возможности в условиях современного цифрового общества.

Цифровая компетентность – это уверенное, критическое и ответственное использование цифровых технологий и взаимодействие с ними в процессе обучения, на работе и для участия в жизни общества [3, с.152]. То есть некий комплекс практических навыков, позволяющих использовать цифровые технологии и интернет-ресурсы с максимальной эффективностью и безопасностью [1, с.48].

В рамках современной научной парадигмы Е.И.Рассказовой и Г.У.Солдатовой, цифровая компетентность учащихся рассматривается как комплексная характеристика, структурируемая по нескольким ключевым направлениям:

– компетентность в работе с информацией и медиа (информационная компетентность) как интегративное качество личности, включающее систему знаний, практических навыков, устойчивую мотивацию и установку на ответственное поведение в цифровой среде;

- компетентность в цифровой коммуникации – как готовность и способность к построению продуктивного и этичного взаимодействия в онлайн-пространстве;
- потребительская компетентность – как способность человека использовать компьютер и программы для решения обычных жизненных задач;
- техническая компетентность определяется как базовая готовность личности к эффективному, безопасному и осознанному применению программных средств для достижения поставленных учебных и практических целей [3, с.154].

В рамках данного исследования представляет интерес точка зрения Ян Ван Дейк, относительно идей цифрового разрыва. По мнению автора цифровое неравенство возникает не только из-за отсутствия техники или интернета, но также в результате неравномерного распределения ресурсов, необходимых для полноценного освоения цифровых технологий. Теоретический фундамент исследования составляет представление о цифровом неравенстве как о многоуровневой иерархии:

- первичный уровень раскола связан с доступом к интернет-инфраструктуре и техническим средствам;
- преодоление этого барьера выявляет следующий – дифференциацию по уровню цифровых навыков и грамотности;
- наиболее сложным уровнем является неравенство результатов, то есть несоразмерность в приобретении социальных возможностей, которые открываются благодаря полноценному использованию цифровых технологий в учебе, карьере и личной жизни [5, с.23].

Целью данного исследования является выявление различий в уровне освоения цифровых технологий и степени сформированности цифровой компетентности у учащихся двух школ, расположенных в различных социально-географических условиях: В Москве и в Республике Ингушетия. Выбор субъектов обусловлен их различиями по ряду структурных параметров, включая уровень развития цифровой инфраструктуры и социально-культурные особенности образовательной среды.

Исходя из теоретической модели Яна Ван Дейка, предполагалось, что различия между группами будут проявляться не столько в формальном доступе к устройствам и интернету (первый уровень цифрового неравенства), сколько в глубине освоения технологий – в уровне цифровых навыков, разнообразии практик использования и способности извлекать из цифровой среды социальные, образовательные и повседневные преимущества (второй и третий уровни неравенства).

В качестве гипотезы исследования было выдвинуто предположение о том, что различия в условиях доступа к цифровым технологиям и особенностях образовательной среды в Москве и Республике Ингушетия будут сопровождаться значительными различиями в уровне цифровой компетентности школьников. Ожидается, что обучающиеся из Москвы, имеющие более стабильный и разнообразный доступ к цифровым устройствам, высокоскоростному интернету и цифровым образовательным ресурсам как в школе, так и дома, продемонстрируют более высокий уровень сформированности базовых цифровых компетентности.

В исследовании приняли участие обучающиеся 10-11 классов из Москвы и Ингушетии. Возраст респондентов составил от 16 до 17 лет. В качестве основных инструментов были собраны данные с помощью онлайн-анкет двух типов: Первая анкета была охватывала разные виды цифровых инструментов, а вторая-помогала оценить, насколько уверенно респонденты владеют цифровыми технологиями: участники оценивали свои навыки по 5-балльной шкале Лейкарта.

Для обработки полученных данных был применен следующий статистический аппарат:

- сравнительный анализ (сравнение средних баллов между группами школьников из Москвы и Ингушетии для выявления значимых различий в уровне компетентности);
- корреляционный анализ (расчет коэффициента корреляции Пирсона для выявления взаимосвязей между различными цифровыми компетенциями внутри каждой региональной группы).

По большинству параметров, непосредственно связанных с формальной учебной деятельностью и организацией обучения, московские школьники демонстрируют статистически значимое превосходство. Наиболее выраженный разрыв наблюдается в ряде компетенцией (участие в видеоконференциях, создание стандартных презентаций, проверка уникальности работ, поиск информации в научных базах данных, использование инструментов тайм-менеджмента).

Результаты отражены на рисунке 1.

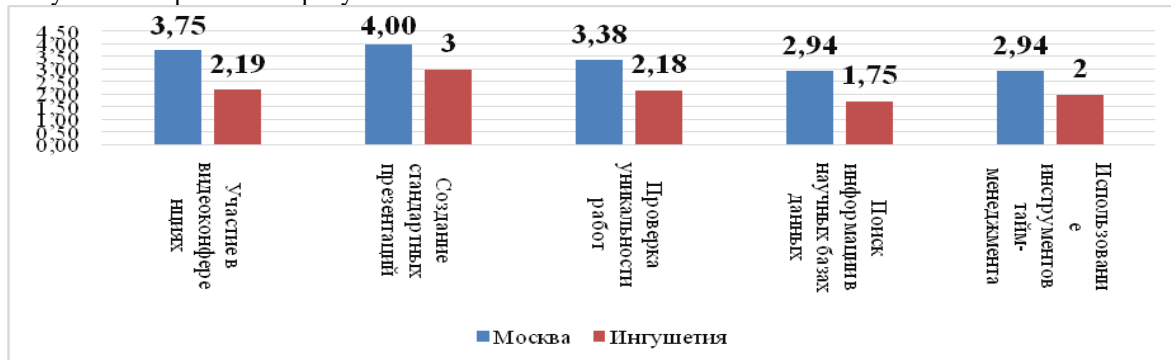

Рисунок 1. Сравнение основных цифровых компетенций у обучающихся

Несмотря на отставание по академическим компетенциям, учащиеся из Ингушетии формируют конкурентоспособный, а в некоторых аспектах превосходящий, профиль навыков, связанных с созданием визуального контента. Например, монтаж видео: средний балл в этой области у школьников Ингушетии (3.81) превышает результат московских сверстников (3.25); создание креативных презентаций и инфографики: учащиеся из Ингушетии (2.44) также демонстрируют более высокую самооценку в использовании современных визуальных инструментов по сравнению с московскими школьниками (1.94).

Вторая анкета была разработана для выявления цифровых практик учащихся старших классов в контексте учебной деятельности. Основная цель – понять, какие цифровые инструменты подростки используют для организации учёбы, поиска информации, выполнения творческих заданий, саморазвития и взаимодействия с медиа.

Ключевые различия между учащимися из Москвы и Ингушетии представлены на рисунках 2 и 3.

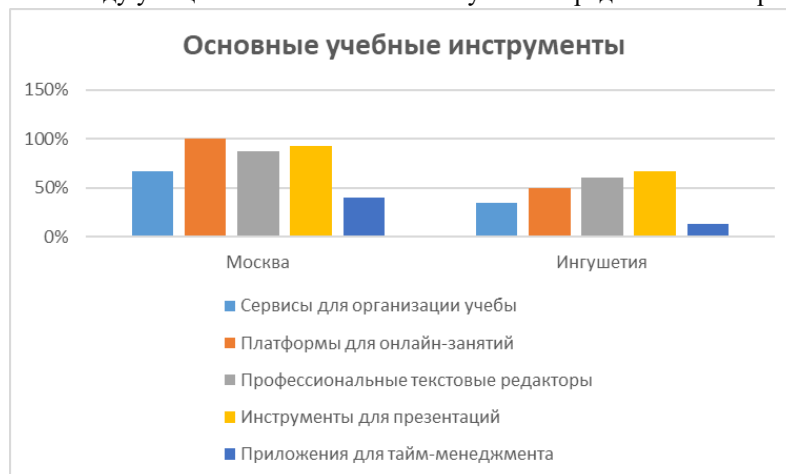

Рисунок 1. Сравнение использования основных учебных инструментов

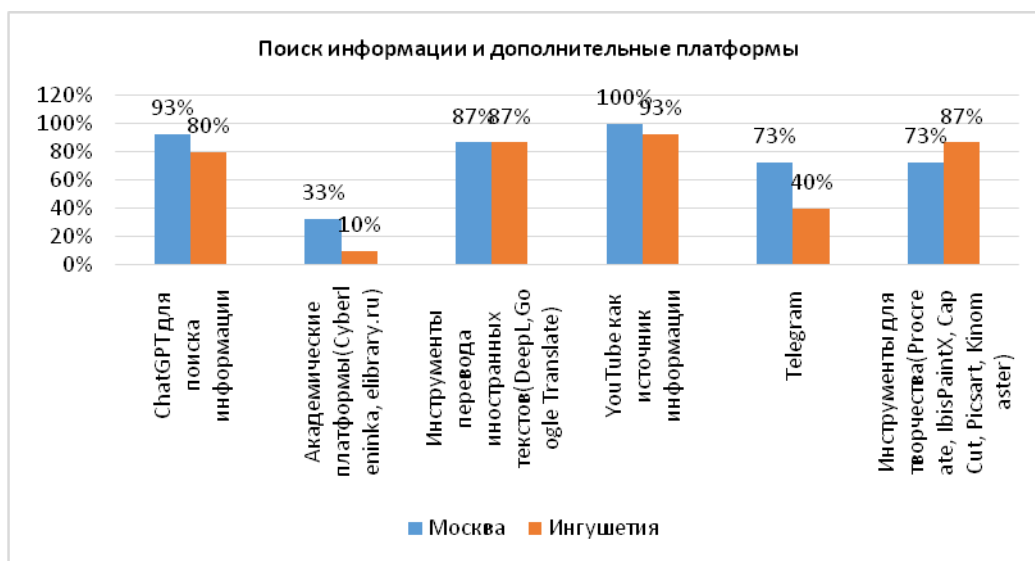

Рисунок 2. Поиск информации и дополнительные платформы

Таким образом, удалось выявить различия в структуре цифровых компетенций и практик между школьниками разных регионов. Обучающиеся из Москвы демонстрируют более высокий уровень владения академическими цифровыми навыками, такими как организация учебной деятельности с помощью специализированных сервисов, использование научных баз данных и проверка уникальности текстом. В то же время школьники из Ингушетии проявляют выраженную ориентацию на визуальные и медийные технологии, демонстрируя более высокие результаты в создании видео-контента и использовании инструментов для креативных презентаций. Также обучающихся Московской выборки более сформированная культура комплексного использования цифровых сред, в то же время в ингушской выборке наблюдается достаточно фрагментарная картина применения технологий.

На основании проведенного сравнительного исследования можно заключить, что цифровая компетентность школьников имеет выраженную региональную специфику. Выявленные различия в структуре цифровых навыков и практик между обучающимися Москвы и Ингушетии свидетельствуют о существовании многоуровневого цифрового разрыва, который проявляется не только в доступе к технологиям, но и в характере их использования для образовательных целей.

Проведенное исследование демонстрирует необходимость разработки целенаправленной образовательной политики, направленной на преодоление выявленного цифрового разрыва.

Список использованных источников:

1. Босова Л.Л. О подходах к формированию цифровых навыков обучающихся на уровне общего образования // Международный конгресс по информатике: информационные системы и технологии (в образовании): материалы международного научного конгресса, Минск, 22-23 октября 2020 года. – Минск: Белорусский государственный университет, 2020. – С. 47-58.
2. Добринская Д.Е. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва / Д.Е. Добринская, Т.С. Мартыненко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2019. – Т. 19. – №1. – С. 108-120.
3. Солдатова Г.У. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность / Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова Т.А., Нестик. – М.: Смысл, 2017. – 375 с.
4. Digital Divide: The internet and social inequality in international perspective / ed. by M. Ragnedda, G. W. Muschert. L.: Routledge, 2013. 340 p.
5. Van Dijk J. The digital divide. Cambridge -Journal of the Association for Information Science and Technology. 2020. 208 p.

УДК 371

Курицын В.Р.

аспирант ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет», учитель МОУ «Средняя общеобразовательная школа №6», г. Орехово-Зуево, Россия

Тимохина Т.В.

доктор педагогических наук, профессор ЧОУ ВО «Московский университет имени С.Ю. Витте», г. Москва, Россия

РЕАЛИЗАЦИЯ ТЕХНОЛОГИИ VR И AI НА ВНЕУРОЧНЫХ ЗАНЯТИЯХ ПО «ЭКОЛОГИИ»

Аннотация. Статья представляет опыт в реализации внедрения технологии AI и VR на внеурочных занятиях по экологии в общеобразовательном учреждении. Рассматривается потенциал и эффективность данных технологий для создания персонализированной образовательной среды, выходящей за рамки устоявшийся методик преподавания. В работе представлены конкретные примеры реализации и выводы по их использованию. В выводах можно отметить положительный эффект от использования данных технологий, который включает формирование крепких экологических знаний и развитие системного мышления. Материалы данной статьи могут представлять практическую значимость для педагогов, методистов, организаторов дополнительного образования и исследователей в области внедрения новейших цифровых технологий в образовательный процесс.

Ключевые слова: экологическое образование, AI в образовании, VR в образовании, внеурочная деятельность, персонализированное обучение.

IMPLEMENTATION OF VR AND AI TECHNOLOGIES IN EXTRACURRICULAR 'ECOLOGY' CLASSES

Abstract. This article presents the experience of implementing AI and VR technologies in extracurricular ecology classes at a general education institution. It examines the potential and effectiveness of these technologies for creating a personalized educational environment that goes beyond established teaching methods. The paper provides specific examples of implementation and conclusions on their use. The findings indicate a positive effect from using these technologies, which includes the formation of solid environmental knowledge and the development of systems thinking. The materials of this article may be of practical significance for teachers, methodologists, organizers of additional education, and researchers in the field of implementing the latest digital technologies in the educational process.

Keywords: environmental education, AI in education, VR in education, extracurricular activities, personalized learning.

Вызовы дня сегодня плотно переплетены с темой изменения климата, загрязнениями окружающей среды, потерей нашей планетой биоразнообразия со одной стороны, с другой – мир сейчас становится цифрами в экранах наших гаджетов, поиск информации проходит не в библиотечных залах, и даже не с помощью поисковой строки, а становится простым вопросом к нейросетям. Традиционные методы обучения при этом ограничены учебником, контролировать использование искусственного интеллекта (далее – ИИ) становится все более затруднительно.

Для решения данных вызовов нами предлагается интегрированное обучение, в котором сплетаются экологическое обучение, в среде которого акцентным вопросом ставится обучение общению с нейросетями. Так AI сможет быть для обучающихся персональным гидом и вторым наставником, помогая адаптировать материал под индивидуальные запросы, возможности и темп каждого. Реализацию данного метода предлагается проводить в гибком формате внеурочной деятельности, где возможны эксперименты в обучении и программах деятельности.

В рамках нашего эксперимента нами были проанализированы несколько уже существующих работ на данной тематику. Первой из них является статья Ю.К.Кинжера в которой предлагается обзорный материал, связанный с применением искусственного интеллекта в образовании. Она говорит о том, что «Грамотное внедрение технологий искусственного интеллекта в образовательный процесс может существенно повысить его качество и доступность» [4]. Основное внимание уделяется персонализация обучения, прогнозирование успеваемости и возможности использования в дистанционном образовании. Приводятся примеры существующих ИИ помощников на данный момент: чат-бот «Кеша» способный обрабатывать и выстраивать

диалоги, профориентационный сервис «Edwards» и система прогнозирования успеваемости в МГПУ. Ценность статьи в её главном послые – учащиеся видят в искусственном интеллекте помощника, но не замену преподавателя.

Если рассматривать обучение экологии с применением ИИ стоит рассмотреть работу Э.А.Блиновой и И.М.Твороговой, в которой авторы предлагают конкретную методику использования искусственного интеллекта для генерации обучающих экологических сказок и проработку промптов (запросов). Авторы добились получения структурированного алгоритма, который включает задачу, её контекст и формат. Ценность работе придает практическая составляющая, методика апробирована в рамках школьного проекта «Эколята-дошколята», а результатом является заключение о том, что «интеграция экологических тем в сказки для дошкольников является эффективным методом воспитания, позволяющим сочетать эмоциональное и познавательное развитие» [5].

Еще одной работой является статья Н.В.Городновой [2], которая посвящена применению искусственного интеллекта в рамках концепции «Умный город». Здесь раскрываются практические аспекты охраны окружающей среды и управления городской инфраструктурой, для нас же важным практическим опытом является включение ИИ в реализацию методики эксперимента. Автор представляет как генеративный интеллект и его алгоритмы может участвовать в реализации проектов и помогать исследователям достигать необходимых результатов.

В нашей работе мы собираемся использовать так же технологию виртуальной реальности, для нашей работы опорой выступала статья А.А.Егоркина, в которой автор предлагает изучение прототипов экосистем, отбор проб, анализ причин загрязнений и погружение в роль животных с помощью VR. Ценность данной статьи заключается в подробном описании процесса разработки контента для данной технологии и служит практическим руководством по созданию образовательных VR решений в обучении экологии. Автор так же отмечает, что это «позволяет создать реалистичный обучающий контент для подготовки специалистов в области обеспечения экологической безопасности на основе цифровых технологий» [3].

Анализ приведенных статей демонстрирует нам многоуровневое применение ИИ в сфере образования и обучения экологии, среди ключевых тенденций которых можно отметить: персонализацию обучения и воспитания, автоматизацию рутинных процессов, визуализацию и геймификацию как инструментов обучения, подход дополнения педагога, а не его замену, важность контроля и коррекцию результатов, полученных с помощью ИИ [1].

Исходя из вышеописанных источников нами была предложена следующая реализация интеграции AI, VR и обучения экологии. Ученик входит в систему, и его индивидуальные параметры (интересы, текущий уровень знаний, темп обучения) считываются AI. На основе этих данных AI управляет VR-средой, подготавливая персонализированный сценарий. Ученик взаимодействует с виртуальным миром, а AI в реальном времени анализирует его действия, адаптируя сложность и содержание и обеспечивая непрерывную обратную связь.

Для реализации данной технологии нами был успешно пройден курс подготовки «ИИ в работе педагога». Помощь в материально-техническом обеспечении была предоставлена педагогом дополнительного образования. Для эксперимента нами была отобрана группа из 12 человек, посещающая экологический кружок на базе МОУ «Средняя общеобразовательная школа №6» г. Орехово-Зуево. В ходе эксперимента ученикам были рассказаны основные методики работы с искусственным интеллектом. Далее на основе их предпочтений и уровня обучения в процессе «общения» с нейросетью в одном диалоговом окне DeepSeek ими были получены следующие образовательные проекты.

«Виртуальный эко-детектив», где учащиеся проектировали и развивали свой виртуальный город, стремясь к максимальной экологичности. В данный проект нейросеть рекомендовала учеников с невысокими экологическими знаниями, ей так же были предложены варианты конкретных вызовов и советов для каждого ученика исходя из их стиля работа. С точки зрения VR в данной технологии была реализована программа генерации развития города в результате конкретных решений учащихся. По результатам данного проекта учащиеся научились прогнозировать последствия своего выбора, грамотно описывать влияние конкретных промышленных на экологию и социальную среду города и стали лучше понимать данные о загрязнении воздуха.

Для визуалов нейросетью был предложен проект «Виртуальный эко-детектив», где учащиеся в виртуальной реальности должны были расследовать экологические преступления. В данном проекте основными полученными навыками были: освоение этапов исследования, знакомство и понимание основных законодательных статей Российской Федерации в области охраны окружающей среды.

По интересу наблюдения за экосистемой был предложен вариант проекта «Цифровой полевой эколог», в которой учащиеся посещали конкретную экосистему, воссозданную с помощью технологии VR, внутри они могли не только наблюдать за ней, но и самое важно для этого дела – перематывать время и смотреть глобальные изменения с его течением. Ученики научились вести полевой дневник и подмечать сезонные изменения, не выходя за пределы одного кабинета. С помощью данного проекта и диалога с нейросетью в его процессе учениками были освоены базовые экологические графики и методики их построения. Многие из учеников так же осознали для себя их главный интерес в наблюдении за экосистемами, будь то зоологическая или ботаническая направленность.

Последним предложенным проектом стал квест «Спаси вид от вымирания», который был предложен нейросетью ученикам с выявленным интересом к зоотехнике, ветеринарии и генной инженерии. Данный проект

потребовал от нас создания программы, в которой учащимся предстояло не только наблюдать за животным в его естественной среде, но и почувствовать каково быть этим животным и что значит эволюционный выбор. В его результате учащиеся научились правильно выбирать стратегии при ограниченности ресурсов, обучились основным стратегиям сохранения вида, частично усвоили основы управления особо охраняемыми природными территориями и научились решать конфликты между интересами внутри одного вида.

Подводя итоги, можно отметить, что интеграция технологий AI и VR в экологическое образования – не просто требование современного времени, это способ и ответ на требования самого образования: эффективность, значимость, доступность, индивидуальность. Технологии помогают учащимся решить проблему дистанций и образного мышления, позволяю в более полной мере прожить и поучаствовать в экологических проблемах. Интеграция позволяет: перейти от знаний о природе к формированию экологического мировоззрения; развивать навыки критического и системного мышления через решение смоделированных, но реалистичных проблем; осуществить персонализированное обучение, когда каждый ребенок получает уникальную образовательную траекторию, соответствующую его интересам, темпу и когнитивному стилю.

Внедрение такого эксперимента на внеурочных занятиях лучший и перспективный путь. Он не требует нарушения образовательных программ, но открывает перед учащимися новые возможности в будущее экологии нашей планеты.

Список использованных источников:

1. Ахметшина И.А. Этические аспекты использования цифровых технологий, искусственного интеллекта и нейросетей в обучении студентов университета // Проблемы и перспективы развития образования: Сборник материалов XI Международной научно-практической конференции, Орехово-Зуево, 24 октября 2024 года. – Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2024. – С. 49-57.
2. Городнова Н.В. Применение искусственного интеллекта в проектах «Smart-экология» // Дискуссия. – 2021. – №2-3 (105-106). – С. 34-48.
3. Егоркин А.А. Применение цифровых технологий для подготовки специалистов в области обеспечения экологической безопасности // Россия: Тенденции и перспективы развития: ежегодник: материалы XX Национальной научной конференции с международным участием, Москва, 14-15 декабря 2020 года. Том Выпуск 16. Часть 1. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2021. – С. 794-796.
4. Кижнер Ю.К. Искусственный интеллект в образовании: новые горизонты для педагогики // Мир науки, культуры, образования. – 2025. – №2 (111). – С. 327-329.
5. Творогов И.М. Использование искусственного интеллекта в экологическом воспитании детей дошкольного и младшего школьного возраста / И.М. Творогов, Э.А. Блинова // Проблемы региональной экологии. – 2025. – №3. – С. 84-88.

УДК 316.624

Лебедева С.В.

студентка 4 курса, направление 44.03.02, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

*Работа выполнена под научным руководством **Орловой И.К.***

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

ПОСТКРИЗИСНЫЕ СОСТОЯНИЯ КАК ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Аннотация. В статье рассматривается феномен посткризисных состояний у детей и подростков в контексте психолого-педагогического и социального знания. Анализируются различные подходы к определению понятий «кризис» и «посткризисное состояние» в психологии и педагогике. На примере ситуации, сложившейся в приграничных территориях в условиях Специальной Военной Операции, раскрывается актуальность проблемы и обосновывается необходимость разработки целенаправленных программ психолого-педагогического сопровождения и реабилитации несовершеннолетних.

Ключевые слова: посткризисное состояние, психологическая травма, дети, подростки, психолого-педагогическое сопровождение, социальная проблема, Специальная Военная Операция, тревожность, реабилитация.

POST-CRISIS STATES AS A PSYCHOLOGICAL, PEDAGOGICAL AND SOCIAL PROBLEM

Abstract. The article examines the phenomenon of post-crisis states in children and adolescents in the context of psychological, pedagogical, and social knowledge. It analyzes various approaches to defining the concepts of «crisis» and «post-crisis state» in psychology and pedagogy. Using the example of the situation in the border territories during the Special Military Operation, the article highlights the relevance of the problem and justifies the need for targeted programs of psychological and pedagogical support and rehabilitation for minors.

Keywords: post-crisis state, psychological trauma, children, adolescents, psychological and pedagogical support, social problem, Special Military Operation, anxiety, rehabilitation.

Современная реальность характеризуется повышенной стрессогенностью, где локальные военные конфликты, техногенные катастрофы и иные чрезвычайные ситуации становятся, частью жизненного опыта многих людей, включая детей. Анализ статистических данных показывает, что у 9% лиц, переживших войну или иные конфликты, развивается психическое расстройство тяжелой или среднетяжелой степени, а у 15%

после тяжелых психических травм могут возникать отдельные симптомы посттравматического стрессового расстройства (далее – ПТСР) [13].

В условиях Специальной Военной Операции (далее – СВО) в российском обществе отмечается рост общего уровня тревожности, особенно среди гражданского населения приграничных территорий [9]. По оценкам экспертов, постстрессовое расстройство развивается у 3-11% участников боевых действий, а среди получивших ранения – у 30% [4]. Эти данные актуализируют проблему оказания системной психолого-педагогической помощи, в том числе несовершеннолетним, оказавшимся в эпицентре кризисных событий.

Несмотря на существующие государственные меры поддержки участников СВО и их семей, фокус зачастую смещен в сторону финансового, медицинского и общего социального обеспечения, в то время как сфера специализированной психологической помощи детям остается недостаточно сформированной [1]. Дети, проживающие в условиях постоянной опасности, сталкивающиеся с угрозой жизни, материальными и психологическими потерями, испытывают комплекс травматических симптомов, которые без квалифицированного вмешательства могут привести к значительным трудностям в дальнейшем психоэмоциональном развитии и социальной адаптации [8].

Цель данной статьи – проанализировать посткризисные состояния у детей и подростков как многогранную психолого-педагогическую и социальную проблему, требующую комплексного подхода к ее решению.

Подход к определению понятия «посткризисное состояние» обусловлен пониманием сущности термина «кризис». Согласно Ф.Е.Васильюку, кризис представляет собой «критический момент и поворотный пункт на жизненном пути», когда нарушается привычное течение жизни и реализация внутреннего замысла [2].

В психологии кризис трактуется неоднозначно: в психодинамическом подходе его связывают с «психологической травмой» [7], в когнитивно-бихевиоральном – с воздействием макрострессоров (войны, катастрофы) [6], а гуманистическое направление видит в нём потенциал для личностного роста. В рамках системно-деятельностного подхода ключевым является понятие «переживания»: Л.С.Выготский рассматривал его как механизм возрастных кризисов [3], а Ф.Е.Васильюк разработал типологию переживания экстремальных ситуаций в зависимости от доминирующего «жизненного мира» личности (избегание, решение задач, изменение отношения, творческий поиск) [2]. Таким образом, кризис понимается как сложная жизненная ситуация, которую личность не может разрешить привычными ресурсами. Преодолевая ее, человек либо обретает новые качества, либо сталкивается с дезадаптацией.

Посткризисное состояние логично вытекает из данного понимания и может быть определено как состояние человека после перенесенного кризиса, характеризующееся комплексом психологических, эмоциональных и поведенческих реакций. В научной литературе для описания сходных феноменов используются термины «травматический стресс», «психологическая травма», «посттравматическое стрессовое расстройство». Так, Н.Г.Осухова рассматривает ПТСР как стресс, являющийся итогом перенесенной травмы [11].

Важно отметить, что реакции на кризис могут быть отсроченными, а число реальных случаев посткризисных состояний часто превышает количество зарегистрированных из-за недоверия к психологической помощи, недостатка специалистов и формального подхода в кризисных центрах.

Тяжесть и динамика посткризисного периода зависят от совокупности факторов, среди которых можно выделить две крупные группы: индивидуально-личностные и социальные (таблица 1).

Таблица 1. Факторы посткризисного периода личности

Факторы посткризисного периода личности	
Индивидуально-личностные	Социальные
Возрастные особенности	Качество социальных связей
Свойства характера и темперамента	Социально-экономический статус
Жизненный опыт	Наличие социальной поддержки
Уровень самооценки	Качество семейных отношений
Сформированность адаптивных стратегий	Доступность психологической помощи

Психологическая травма у несовершеннолетних имеет возрастную специфику. Чем младше ребенок, тем менее совершенны его адаптивные механизмы и выше зависимость от состояния значимых взрослых.

Исследования 2024 года среди школьников Белгородской области (возраст 10-15 лет) показали, что половина подростков имеют неблагоприятное самочувствие, низкую активность и повышенную тревожность; у трети отмечаются негативное настроение, фрустрация, агрессивность и ригидность [5]. Эти данные свидетельствуют о масштабе негативных психоэмоциональных переживаний среди подростков в приграничных зонах.

На подростков кризисные ситуации напрямую влияют на формирование характера, самооценку и поведение. Могут наблюдаться как протестные и агрессивные формы поведения, так и уход в себя, депрессивные состояния.

Наложение нескольких травмирующих событий и длительность их воздействия многократно увеличивают риск возникновения стойких кризисных состояний.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что посткризисное состояние представляет собой сложный психолого-педагогический и социальный феномен. Его возникновение и течение детерминировано не только индивидуальными особенностями ребенка (возраст, характер, здоровье), но и широким социальным

контекстом, включающим уровень социальной поддержки, экономическое благополучие семьи и общую психологическую атмосферу в обществе.

В условиях современных вызовов, таких как СВО, проблема психологического сопровождения детей из кризисных зон становится особенно острой. Существующие меры государственной поддержки нуждаются в дополнении разветвленной системой квалифицированной психолого-педагогической помощи, направленной на своевременное выявление, коррекцию и реабилитацию посткризисных состояний у несовершеннолетних. Разработка и внедрение специализированных программ в условиях отдыха и оздоровления, создание безопасной и поддерживающей среды, работа не только с детьми, но и с их семьями являются необходимыми условиями для нивелирования последствий психологических травм и обеспечения здорового будущего для подрастающего поколения.

Список использованных источников:

1. Бобков В.Н. О социальных гарантиях участников специальной военной операции и членов их семей / В.Н. Бобков, Е.В. Одинцова, Т.В. Чащина // Социально-трудовые исследования. – 2024. – №54 (1). – С. 138-146.
2. Василюк Ф.Е. Психология переживания. – М.: Питер, 2024. – 286 с.
3. Выготский Л.С. Психология развития ребенка. – М.: Смысл: Эксмо, 2005. – 512 с.
4. Истомина С.В. Соотношение показателей психоэмоционального состояния у подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации / С.В. Истомина, Е.А. Быкова // Проблемы современного педагогического образования. – 2024. – №2. – С. 45-52.
5. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 53 этап социологического мониторинга, июнь 2023 года [бюллетень] / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова [и др.]. – М.: ФНИСЦ РАН, 2023. – 91 с.
6. Клиническая психология и психотерапия / под ред. М. Перре, У. Бауманна; пер. с нем. Н. Залуцкого, Н. Паутова, А. Пономарева; под ред. В.А. Абабкова. – СПб.: Питер, 2012. – 944 с.
7. Кривяков В.М. Психиатрия развития. Теоретический и философский аспекты. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 148 с.
8. Мировая статистика здравоохранения 2013 год // Всемирная организация здравоохранения, 2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/ru/publications/i/item/9789241564588> (дата обращения: 06.11.2025).
9. Москвитина М.А. Организационно-методические аспекты психологического сопровождения комбатантов и членов их семей / М.А. Москвитина, П.Н. Москвитин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – №5. – С. 61-64.
10. Нестик Т.А. Социальный оптимизм россиян в условиях кризиса: результаты лонгитюдного исследования // Психологический журнал. – 2023. – Т. 44, №3. – С. 5-17.
11. Осухова Н.Г. Между поддержкой и доращиванием: психологическое сопровождение подростков, переживших насилие // Развитие личности. – 2004. – №1. – С. 176-189.
12. Пережогин Л.О. Алгоритм оказания психолого-психиатрической помощи детям, возвращаемым из зон боевых действий, на этапах, предшествующих передаче в семью / Л.О. Пережогин, Н.М. Захарова // Психическое здоровье. – 2023. – Т. 18, №6. – С. 18-20.
13. Психология кризисных и экстремальных ситуаций. Индивидуальные жизненные кризисы; агрессия и экстремизм: коллективная монография / под общ. ред. Э.Б. Карповой. – СПб.: Скифия-принт, 2013. – 596 с.
14. Shalev A.Y. Оценка риска развития ПТСР (ICPP) у выживших после недавней травмы: результаты Международного консорциума по прогнозированию ПТСР (ICPP) / A.Y. Shalev, M. Gevonden, A. Ratanatharathorn [и др.]; пер. Д.А. Шуненкова // World Psychiatry. – 2019. – Vol. 18, №1. – P. 77-87.

УДК 37.062

Лопухова А.Е.

студентка 1 курса, направление 44.03.02, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г.Москва, Россия

*Работа выполнена под научным руководством **Орловой И.К.***

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

УЧЕБНАЯ МОТИВАЦИЯ У СТАРШЕКЛАССНИКОВ: КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена анализу проблемы отсутствия учебной мотивации у старшеклассников, рассматриваются современные особенности мотивации подростков. Исследование опирается на сравнительный анализ данных о мотивации в различные исторические периоды и эмпирическое анкетирование учащихся 11 класса. В статье описаны как внешние, так и внутренние факторы, влияющие на снижение учебной мотивации. Автор на основе полученных данных предлагает комплекс мероприятий, направленных на повышение вовлечённости старшеклассников в учебный процесс.

Ключевые слова: учебная мотивация, старшеклассники, внешняя мотивация, внутренняя мотивация, образовательная среда, профориентация, креативное обучение, анкетирование.

LACK OF ACADEMIC MOTIVATION AMONG HIGH SCHOOL STUDENTS: WAYS TO INCREASE MOTIVATION TO STUDY

Abstract. The article is devoted to the analysis of the problem of lack of educational motivation among high school students, modern features of adolescent motivation are considered. The study is based on a comparative analysis of motivation data from

various historical periods and an empirical survey of 11th grade students. The article describes both external and internal factors that affect a decrease in learning motivation. Based on the data obtained, the authors propose a set of events, including career guidance fairs, educational quests and creative projects aimed at increasing the involvement of high school students in the educational process.

Keywords: learning motivation, high school students, external motivation, internal motivation, educational environment, career guidance, creative learning, questionnaire.

Учебная мотивация – это внутреннее побуждение, которое направляет и поддерживает активность человека в процессе обучения. Это комплекс факторов, определяющих, почему человек хочет учиться, насколько он вовлечен в учебный процесс, какие цели он преследует, как он преодолевает трудности в учебе [4, с.3-4]. Согласно исследованиям А.Д.Андреевой, на данный момент отмечается значительная динамика снижения учебной мотивации у подростков [1, с.4-7].

Проблема отсутствия или снижения мотивации к обучению у учеников старшей школы является одной из наиболее острых и актуальных в современной системе образования. В педагогической теории и практике вопросы, касающиеся мотивации в учебной деятельности, занимают важное место на протяжении многих лет. Различные аспекты этого явления становились предметом исследований Г.С.Абрамовой, Л.И.Божович, В.В.Давыдова, А.К.Марковой, М.В.Матюхиной, Г.И.Щукиной, Д.Б.Эльконина, П.М.Якобсона и других исследователей. Работы этих ученых демонстрируют, что мотивация является ключевым фактором, определяющим успешность образовательного процесса.

Недостаточная мотивация к обучению проявляется в различных формах: снижение успеваемости, пропуски занятий, отказ от выполнения заданий, нарушение дисциплины на уроках и общее негативное отношение к школе. Причины этого явления многообразны и включают как внутренние факторы, так и внешние факторы [7].

Цель исследования – изучить проблему отсутствия учебной мотивации у учащихся старшей школы, выявить причины и разработать комплекс мер, направленных на ее повышение.

Формирование мотивации представляет собой процесс, тесно связанный с расширением и усложнением взаимоотношений человека с внешним миром и другими людьми. Ключевым аспектом является гармоничное сочетание факторов, влияющих на мотивацию.

В современной науке есть несколько способов категоризации мотивов учения, они представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Категоризация мотивов учения

Классификация	Основная идея	Виды мотивов
Достижение и неудача	Рассматривает мотивацию через два ключевых стремления	Стремление к успеху. Стремление избежать неудачи
Внутренняя и внешняя мотивация (Л.И.Божович)	Классификация основана на связи мотивов с процессом обучения	Внутренние: связаны с учебным процессом. Внешние: не имеют прямой связи с учебной
Содержательная направленность	Разделение мотивов на познавательные и социальные	Познавательные: возникают из учебной деятельности. Социальные: взаимоотношения с обществом
Детализация (А.К.Маркова)	Более детальное разделение на основе классификации Л.И.Божович	Познавательные: широкое, учебно-познавательные, самообразования. Социальные: широкие, узкие

Согласно исследованиям, причины отсутствия учебной мотивации делятся на внешние и внутренние. К внешним относятся неинтересное преподавание, некачественные учебники, переполненные классы, буллинг, некорректное поведение учителей, отсутствие поощрения, давление со стороны родителей и учителей, а также перегруженность внешкольными занятиями. Внутренние причины связаны с индивидуальными трудностями ребенка в усвоении материала, что приводит к потере веры в себя, тревожности и снижению интереса к учебе [2; 6].

В рамках данного исследования было проведено анкетирование среди учащихся 11 класса ГБОУ школа 2083, ОП «Остафьево» г.Москва. В опросе приняли участие 42 человека. Целью исследования является выявление общего уровня мотивации старшеклассников к обучению.

На основании ответов опрошенных учеников 11 класса можно сделать следующие выводы. Общая картина демонстрирует преимущественно низкий уровень учебной мотивации у большинства опрошенных учеников. Преобладает внешняя мотивация. Большинство учеников мотивированы внешними факторами, такими как оценки и похвала, а не внутренним интересом к знаниям и процессу обучения. Значительная часть опрошенных учеников не испытывает интереса к учебе и не воспринимает ее как увлекательное занятие. Многие ученики не имеют ясного представления о том, зачем они учатся и как учеба связана с их будущим. Большинство учеников сомневаются в том, что учеба поможет им добиться успеха в жизни. Большинство опрошенных не любят учиться в школе.

Результаты указывают на необходимость принятия мер по повышению учебной мотивации старшеклассников (рисунок 1).

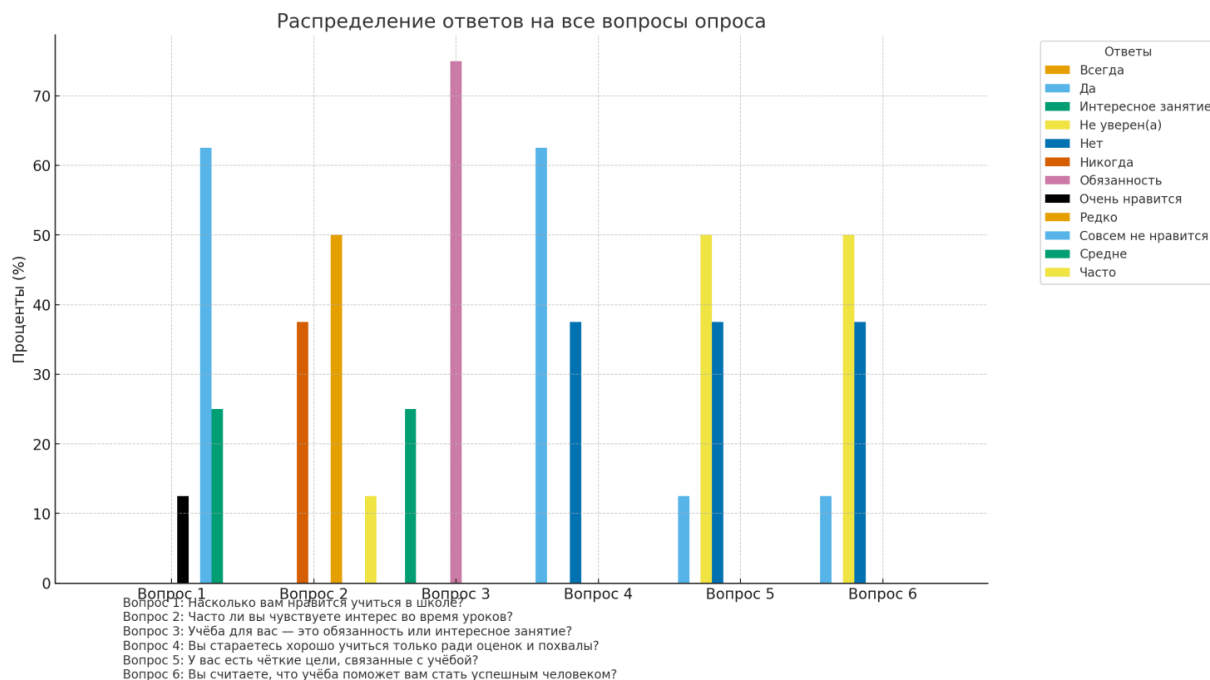

Рисунок 1. Результаты первичного опроса

Результаты нашего исследования и эмпирические данные в исследованиях других авторов показывают необходимость принятия мер по повышению учебной мотивации старшеклассников. Это подтолкнуло нас к разработке программы для повышения уровня мотивации старшеклассников.

Программа деятельности по повышению уровня мотивации учащихся включает в себя ряд мероприятий разной направленности. В числе наиболее интересных такие как «Профессия будущего: Твой ключ к успеху» – интерактивная выставка, мастер-классы, консультации и беседа с экспертами; «Образовательный квест: В поисках знаний» – прохождение станций и выполнение заданий, связанных с разными профессиями; «Креативный проект: От идеи до реализации» – мастер-классы и тренинги от специалистов, разработка участниками идей проектов и их реализация.

По завершению серии мероприятий было проведено повторное анкетирование, результаты которого показали положительную динамику (рисунок 2).

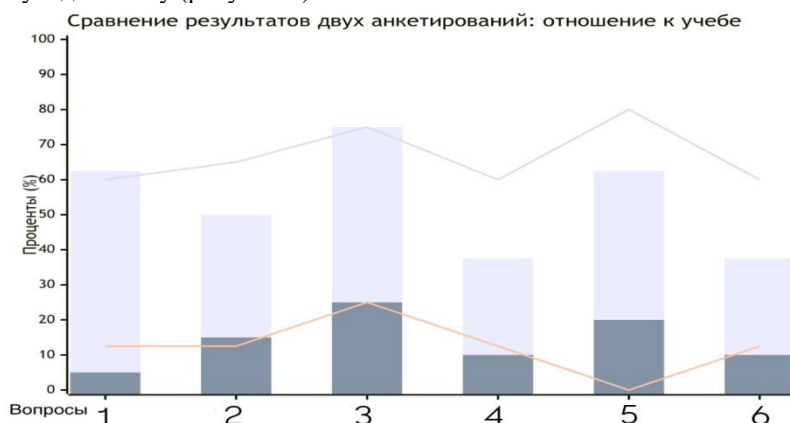

Рисунок 2. Результаты исследования по выявлению уровня мотивации обучающихся

Таким образом, проведенное исследование проблемы отсутствия мотивации к учебе у учеников старших классов позволило выявить комплекс взаимосвязанных факторов, влияющих на снижение интереса к образовательному процессу. Анализ теоретических источников и эмпирические данные, полученные в ходе опроса, подтверждают, что преобладание внешней мотивации, отсутствие четких учебных целей, сомнения в ценности знаний и негативное восприятие школы являются ключевыми проблемами, требующими пристального внимания.

Особого внимания заслуживает тот факт, что значительная часть старшеклассников воспринимает учебу как обязанность, а не как источник развития и роста. Это свидетельствует о необходимости пересмотра существующих методов обучения. Традиционные формы, ориентированные на пассивное восприятие информации и механическое заучивание материала, не способны заинтересовать современных учеников.

Полученные результаты демонстрируют, что повышение учебной мотивации возможно лишь при условии смещения акцента с репродуктивного обучения на проблемно-ориентированное и проектное обучение. Создание условий для творческой деятельности, поддержка инициативы и самостоятельности, обеспечение позитивной психологической атмосферы на уроках – все это способствует формированию внутренней мотивации и устойчивого интереса к учебе.

Следует отметить, что решение проблемы отсутствия мотивации к учебе у учащихся старших классов требует комплексного подхода, включающего изменение методов обучения, индивидуализацию образовательного процесса, профориентацию и создание благоприятной образовательной среды. Только в этом случае можно будет сформировать у выпускников школ устойчивый интерес к знаниям и потребность в непрерывном самообразовании. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку и апробацию конкретных методик и технологий, способствующих повышению учебной мотивации старшеклассников с учетом их индивидуальных особенностей и потребностей.

Список использованных источников:

1. Андреева А.Д. Отношение к учению в разные периоды развития российского школьного образования // Культурно-историческая психология. – 2021. – Том 17, №1. – С. 84-92.
2. Вережагина Е.С. Причины низкой школьной мотивации у подростка // Сайт психологов B17.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.b17.ru/article/440824/> (дата обращения 20.10.2025).
3. Божович Л.И. Проблема развития мотивационной сферы ребенка // Изучение мотивации поведения детей и подростков. – М.: Педагогика, 1972. – С. 7-44.
4. Глухова Н.П. Проблемы мотивации к учебной деятельности у современных детей // Научный аспект. – 2019. – Т. 7, №1. – С. 735-747.
5. Григорьева М.Н. Отсутствие мотивации учащихся в среднем звене общеобразовательной школы // Молодой ученый. – 2020. - №52 (342). – С. 383-385.
6. Дергачева О.Е. Автономия и самодетерминация в психологии мотивации: теория Э. Деси и Р. Райана / под ред. Д.А. Леонтьева // Современная психология мотивации. – М.: Смысл, 2002. – С. 103-121.
7. Маркова А.К. Формирование мотивации учения в школьном возрасте: пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1983. – 96 с.
8. Токмасова П.С. Формы и методы повышения мотивации учащихся к обучению // Урок.рф [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://infourok.ru/formy-i-metody-povysheniya-motivacii-uchashihsya-k-obucheniyu4422665.html?ysclid=m8hqokegwt496630946> (дата обращения 20.10.2025).

УДК 377.6

Лунова И.В.

кандидат биологических наук, доцент, преподаватель ГАПОУ «Педагогический колледж», г.Орск, Россия

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ И ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ БИОЛОГИИ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ КОЛЛЕДЖЕ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практико-ориентированные аспекты использования цифровых и информационных технологий при обучении студентов биологии в педагогическом колледже. Проанализированы современные информационно-образовательные ресурсы и методические подходы по их включению в учебный процесс. Обозначено влияние цифровых и информационных технологий на формирование учебно-профессиональных компетенций будущих учителей. Предложен алгоритм использования цифровых и информационных технологий при обучении студентов биологии в педагогическом колледже.

Ключевые слова: педагогический колледж, студент, методика преподавания биология, цифровые технологии, информационные технологии, мультимедийные средства, электронные образовательные ресурсы.

THE USE OF DIGITAL AND INFORMATION TECHNOLOGIES IN BIOLOGY TEACHING AT A TEACHING COLLEGE

Abstract. The article discusses theoretical and practice-oriented aspects of using digital and information technologies in teaching biology to students at a pedagogical college. It analyzes modern information and educational resources and methodological approaches for incorporating them into the educational process. The article highlights the impact of digital and information technologies on the formation of educational and professional competencies of future teachers. An algorithm for using digital and information technologies in teaching biology to students at a pedagogical college has been proposed.

Keywords: pedagogical college, student, teaching methods, biology, digital technologies, information technologies, multimedia tools, electronic educational resources.

На мировом уровне тотальное внедрение стремительными темпами цифровых и информационных технологий оказывает весьма значительное влияние на образовательный процесс, изменяя традиционные формы, методы и средства обучения. Для педагогического колледжа внедрение цифровых и информационных технологий предоставляет широкие возможности повышения качества подготовки, развития профессиональных компетенций, формирования цифровой грамотности и адаптации будущих педагогов к условиям образовательной среды XXI века – глобализации, высоких технологий, интернета.

Научные исследования последних лет, посвященные инноватике и образовательных технологиям, показывают, что в естественнонаучном образовании происходит активное применение именно цифровых и информационных технологий [1]. Элементарно этот процесс начинался с использования на занятиях по

биологии мультимедийных презентаций. Сегодня уже функционируют тренажёры и симуляции, виртуальные лаборатории, создаются электронные образовательные ресурсы (ЭОР), внедряются системы дистанционного, смешанного обучения (Blended Learning), мобильного обучения (m-learning), используются коллективные облачные сервисы для совместной работы студентов на занятиях, даже из разных регионов нашей страны. При этом авторы отмечают не только положительное влияние мультимедиа и симуляций на развитие пространственного мышления, представлений о динамических биологических процессах и метапредметных компетенций у студентов, но и обращают внимание на проблемы, обусловленные недостаточной подготовкой педагогов, слабой технической базой колледжей и методическим сопровождением учебного процесса.

В своей научной статье О.С.Индеекина отразила опыт использования педагогами современных цифровых технологий обучения на уроках биологии. Автор подчёркивает, что подобные технологии позволяют повысить познавательную активность обучающихся на занятиях по биологии [3]. К примеру, Т.А.Корчагина указывает, что «за последние годы методика преподавания в области биологии претерпела значительные преобразования, и одним из наиболее заметных изменений является включение цифровых и информационных технологий в обучение» [4, с.342]. В свою очередь А.Джумаев отмечает, что «развивая интерес на уроках биологии, учитель с помощью цифровых технологий прививает обучающимся свое отношение не только к предмету, но и к формирует у них экологическое мировоззрение» [2, с.425]. При этом М.В.Протасова и А.Д.Терехова подчёркивают тот факт, что «в соответствии с требованиями информатизации, внедряемые изменения затрагивают не только компоненты учебного процесса, но и профессиональную компетентность педагога – его знания и навыки работы с цифровыми образовательными ресурсами» [7, с.19].

В исследовании приняли участие преподаватели биологии и студенты 1 курса ГАПОУ «Педагогический колледж» г.Орска Оренбургской области и Филиала государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет» в городе Зарайске – Зарайский педагогический колледж в количестве 78 человек.

Опытно-экспериментальная работа была ориентирована на использование инструментов цифровых и информационных технологий в учебные модули по анатомии, физиологии растений и экологии [5; 6]. Оценка эффективности определялась по следующим критериям: уровню предметных знаний, сформированности профессиональных умений, мотивации к изучению дисциплины, цифровой компетентности.

В качестве примера приведём возможность использования цифровых и информационных технологий на занятиях по биологии в ГАПОУ «Педагогический колледж» г.Орска Оренбургской области. При изучении темы «Клетка и обмен веществ» мы применяли следующие инструменты: для моделирования и ознакомления со структурой и содержанием курса, закрепления знаний посредством прохождения тестов – Moodle; симуляции по фотосинтезу и дыханию были возможны при работе с виртуальными лабораториями: Labster, BioInteractive; анализа микроскопических изображений был доступен при использовании ImageJ/Fiji на базе виртуальных микроскопов Virtual Microscope и др.

В Зарайском педагогическом колледже на занятиях по биологии по теме «Энергетический обмен: клеточное дыхание» были использованы мини-видеолекции, протокол эксперимента и отчет по симуляции на платформе электронного образовательного ресурса, виртуальная лаборатория PraxiLabs, виртуальный микроскоп Cell Image Library, создание портфолио по учебной дисциплине на базе Mahara и Notion, тестирование на платформе или Google Classroom, а также интерактивные опросы Mentimeter.

Полученные нами результаты определили следующие положения.

Во-первых, цифровые и информационные технологии оказывают влияние на усвоение студентами-первокурсниками предметного содержания курса биологии. Использование мультимедийных симуляций в ГАПОУ «Педагогический колледж» г.Орска и виртуальных лабораторий в Зарайском педагогическом колледже стимулируют познавательную активность студентов, способствуют усвоению учебного материала, уменьшению типичных ошибок при решении задач.

Во-вторых, студентам было интересно использование облачных сервисов и систем управления обучением при разработке и защите проектов, планировании содержания урока и др. Проведение практических занятий с виртуальными микроскопами повысили уровень учебного интереса к изучаемым темам на занятиях по биологии.

В-третьих, применяемые нами на занятиях интерактивные задания, технологии геймификации способствовали повышению учебной мотивации и активности у студентов.

В-четвёртых, преподаватели биологии отметили разный базис в технической оснащённости учебных кабинетов, недостаток скорости интернета, риски обеспечения информационной безопасности, поверхностного усвоения материала при некритичном использовании студентами технологий искусственного интеллекта при подготовке к устному ответу и выполнению заданий для самостоятельной работы.

На основе анализа научной и учебно-методической литературы нами был разработан алгоритм внедрения цифровых и информационных технологий в обучение студентов на занятиях биологии. Алгоритм состоит из нескольких структурных блоков:

- целевой блок (чёткое обозначение учебной цели и формируемых компетенций);
- содержательно-методический блок (учебные разделы или модули, цифровые ресурсы, план-конспект занятия);
- организационно-технологический блок (особенности организации учебного занятия, техническая оснащённость, оборудование, доступность локальной сети, опыт и мастерство преподавателя);

– оценочный блок (критерии и средства оценки учебных достижений студентов, ведение электронного портфолио);

– развивающий блок (повышение квалификации преподавателей, методические объединения, участие в вебинарах, научно-практических конференциях, методических семинарах).

Построение учебного занятия по биологии на основании предложенного нами алгоритма предполагает осознанное и детально продуманное использование цифровых ресурсов с учётом учебной цели, содержания изучаемого материала, его сложности, уровня подготовки обучающихся. Цифровые ресурсы не являются заменой традиционной формы обучения в колледже, а являются вспомогательным средством для организации учебного занятия. Например, использование на занятии базы виртуальной лаборатории, интерактивных карт и 3D-моделей для изучения морфологических процессов. Подобные технологии позволяют организовать различные направления проектной деятельности студентов и проведение исследований на занятиях по биологии, стимулировать интерес к предмету, развивать критическое мышление, способствовать самостоятельности и познавательной активности.

Стоит учесть, что подобного рода работа требует от преподавателя дополнительной нагрузки при подготовке к учебным занятиям, обогащения знаний, практических навыков. Считаем необходимым повышение квалификации преподавателей по программам методики обучения биологии, безопасного использования информационных технологий и цифровых ресурсов.

Таким образом, проблема использования цифровых и информационных технологий является на сегодняшний день одной из актуальных, ибо грамотное введение новаций позволит повысить качество обучения студентов педагогического колледжа на занятиях биологии. Цифровые технологии позволяют сделать процесс обучения интересным, увлекательным на основе доступной визуализации и моделирования биологических процессов, что формирует научную картину мира у студентов и развивает научное мышление.

Список использованных источников:

1. Ахметшина И.А. Этические аспекты использования цифровых технологий, искусственного интеллекта и нейросетей в обучении студентов университета // Проблемы и перспективы развития образования: Сборник материалов XI Международной научно-практической конференции, Орехово-Зуево, 24 октября 2024 года. – Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2024. – С. 49-57.

2. Джумаев А. Возможности применения цифровых технологий на уроках биологии в современной школе // Актуальные проблемы школьного образования: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Благовещенск, 21 февраля 2024 года. – Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2024. – С. 424-425.

3. Индейкина О.С. Цифровые технологии в обучении биологии в школе и вузе // Цифровые технологии и инновации в развитии науки и образования: сборник научных статей, Чебоксары, 08 апреля 2022 года. – Чебоксары: ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева», 2022. – С. 65-68.

4. Корчагина Т.А. Использование цифровых и информационных технологий в обучении биологии // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – №81-2. – С. 342-347.

5. Лупова И.В. Значение регионального аспекта экологии в активизации познавательной деятельности учащихся СПО // Наука и образование: актуальные проблемы естествознания и экономики: Сборник статей, Оренбург, 24 марта 2023 года. – Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 2023. – С. 71-76.

6. Лупова И.В. Флористические исследования территории города Орска // Актуальные проблемы изучения биоты Южного Урала и сопредельных территорий: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Орск, 15 ноября 2010 года / Редактор: Н.Ю. Вельц. – Орск: Орский гуманитарно-технологический институт, 2010. – С. 12-16.

7. Протасова М.В. Цифровые образовательные ресурсы в обучении биологии / М.В. Протасова, А.Д. Терехова // Педагогический поиск. – 2022. – №2. – С. 19-22.

УДК 159.9

Мичугина Е.Е., Журавлева О.М.

студентки 3 курса, направление 44.03.02, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством Орловой И.К.

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОФИЛЕЙ ЦИФРОВОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ РАЗЛИЧНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема создания психологического профиля личности. В рамках исследования был проведен опрос обучающихся, на основе результатов которого была предложена типология психологических портретов цифрового поведения студентов российских вузов. Также даны педагогические рекомендации, направленные на гармоничное использование цифровых инструментов и повышения эффективности образовательного процесса.

Ключевые слова: психологический портрет, профили цифрового поведения, цифровые инструменты.

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF PSYCHOLOGICAL PROFILES OF DIGITAL BEHAVIOR OF STUDENTS IN VARIOUS FIELDS OF STUDY

Abstract. The article discusses the problem of creating a psychological profile of a personality. As part of the study, a survey of students was conducted, based on the results of which a typology of psychological portraits of digital behavior of Russian university students was proposed. Pedagogical recommendations aimed at the harmonious use of digital tools and improving the effectiveness of the educational process are also given.

Keywords: psychological profile, digital behavior profiles, digital tools.

В условиях стремительной цифровизации образования использование цифровых инструментов является неотъемлемой частью учебного процесса. Особый спрос на их использование возник после массового перехода на дистанционное обучение в период пандемии Ковид-19. Однако если в период карантина использование цифровых технологий было скорее вынужденной мерой, то сейчас оно переросло в устойчивую траекторию обучения. Высшие учебные заведения активно внедряют цифровые инструменты в образовательный процесс: используют системы LMS, разрабатывают собственные онлайн-платформы, объединяющие в себе личный кабинет, зачётную книжку, расписание и задания. Студенты, в свою очередь, активно осваивают цифровые инструменты, используя программы для планирования, оформления рефератов и презентаций, запоминания информации и подготовки к экзаменам.

При этом стоит отметить, что эффективность использования цифровых ресурсов не зависит только от их новизны или удобства, но и от самого взаимодействия студента с предоставленными возможностями. Современные студенты – это поколение, которое «живёт» в цифровой среде, и она является частью их повседневной жизни. Длительное использование цифровых технологий влияет на их когнитивные привычки, способы восприятия информации и на другие аспекты личности. Таким образом цифровизация выступает не только как инструмент, упрощающий жизнь, но и как фактор, играющий немаловажную роль в формировании психологического портрета студента.

Психологический портрет личности представляет собой целостный, структурный комплекс, включающий в себя не только индивидуально-психологические особенности и поведенческие стратегии, как, например, сила воли или отношение к людям, но также и внешний вид человека, в том числе и его телосложения [3; 4]. С помощью данного метода возможно осуществлять интеграцию данных о личности в единую систему, что позволяет нам не только предоставлять подробное описание её элементов, но и объяснять поведение человека в различных физиологических и социальных ситуациях.

Система личности имеет свою иерархию. Согласно В.А.Жмурову, у каждой личности существует биологический, индивидуально-психологический, социально-психологический и духовный уровни, которые имеют свою характеристику и критерии анализа [2]. Стоит отметить, что отдельные черты и параметры личности не могут быть поняты без взаимодействия друг с другом и с окружающим миром, что указывает на ключевой принцип ее целостности. Именно поэтому при создании психологического портрета в качестве методологической основы важно использовать системный подход, который учитывает все возможные элементы внутреннего мира индивида [5, с.156].

Составление психологического портрета, как правило, является предметом изучения психологии, однако владение данным методом является существенно важным и для педагогики. Этот метод позволяет составлять не только подробные профили изучаемого субъекта, но и заниматься прогнозированием его успешности в обучении и разрабатывать индивидуальные рекомендации к последующему профессиональному росту. Учитывая тенденцию цифровизации всех областей жизни в современном мире, особенно образования, в настоящий момент актуальным становится моделирование психологического портрета на основе цифровых поведенческих индикаторов, отражающих особенности поведения человека через взаимодействие с цифровыми инструментами, онлайн-платформами и интернет-ресурсами [6].

Для составления психологического портрета, который будет учитывать всё разнообразие исследуемой личности, необходимо учитывать обоснованный отбор критериев, имеющих теоретическую значимость, эмпирическую измеримость и релевантность для исследовательской задачи. Согласно А.А.Гайворонской в современной практике эмпирического воздействия существуют следующие основные критерии: тип высшей нервной деятельности, волевые, интеллектуальные качества, коммуникативные способности, нервно-психическая устойчивость, эмоциональные характеристики [1].

Мы также считаем, что необходимо выделить отдельную категорию, соответствующую актуальному развитию общества, цифровых поведенческих индикаторов, к которым относятся: частота и цели использования цифровых устройств, предпочтение определенных типов ресурсов, уровень цифровой грамотности.

Целью нашего исследования является составление психологического портрета студента на основе использования цифровых инструментов и разработка рекомендации для его использования, чтобы повысить эффективность образовательного процесса. Опрос проводился в период с 15 по 22 сентября 2025 года. Ссылка на опрос распространялась через социальные сети. В качестве гипотезы исследования выдвигается предположение о наличии существенных отличий в психологических портретах студентов различных направлений подготовки, что обусловлено спецификой акцентуации профессиональных навыков и умений.

Для реализации цели исследования был разработан и проведен онлайн-опрос студентов платформы Google Forms и включал в себя:

1. Инструкцию для студентов. В начале опроса всем участникам была предоставлена небольшая инструкция, где были указаны правила прохождения опроса.

2. Анкетные данные рецензированных, где надо было указать свой пол, наименование учреждения, специальность опрашиваемого, его форму обучения и курс.

3. Вопросы, которые охватывали разные виды цифровых инструментов.

Каждая группа включала в себя от пяти до одиннадцати инструментов. Группы были представлены в виде вопросов закрытого типа с возможностью выбора нескольких вариантов ответа.

4. «Свободный микрофон» - раздел опроса, куда рецензенты могли вписать необходимую информацию по своему выбору.

Собранные данные были обработаны с помощью программы Microsoft Excel.

Эмпирическое исследование было проведено на основе ответов 103 студентов 16 российских высших учебных заведений (МГПУ, РГГУ, СВФУ, РГХПУ им. Строганова, РУДН, МГУ, Ставропольский аграрный университет, МГУТУ им. К.Г.Разумовского, РЭУ им. Плеханова, Росбиотех, ГУУ, МАИ, МПЭК, ВАВТ, МКИК и МТКИ). Подавляющее большинство респондентов являются девушки (92,4%), обучающиеся очно (89%). Все опрошенные представляли четыре направления подготовки: педагогические специальности (36,4%, преимущественно педагоги английского языка); гуманитарные и социально-коммуникативные направления (21,2%, включая рекламу, PR, журналистику); юридические специальности (7,6%); технические, прикладные и художественные направления (34,7%, включая кадастр, биотехнологии, полиграфию и художественный металл). Распределение по курсам включало 1 курс (27,1%), 2 курс (21,2%), 3 курс (10,2%), 4 курс (29,7%), 5 курс (11,9%). Такое разнообразие помогает установить возможные различия качественного использования цифровых технологий в зависимости от времени пребывания в образовательной среде в рамках своего профиля подготовки.

Для того, чтобы создать психологический портрет студентов на основе цифрового поведения был применен смешанный подход, сочетающий в своей работе качественный контент-анализ и количественное сопоставление частоты использования определенных цифровых инструментов. Анализ охватывает ключевые сферы учебной деятельности, включающие организацию деятельности, коммуникацию, работу с информацией, продуктивность и творчество.

На первом этапе все цифровые инструменты, используемые респондентами, были классифицированы по функциональным категориям, которые соотносились с блоками опросника (например, «инструменты для поиска информации» или «инструменты для организации учебной деятельности»). Затем мы рассчитали для каждой категории частоту упоминаний внутри каждой группы студентов по направлениям подготовки.

На втором этапе были выделены ключевые критерии, позволяющие дифференцировать студентов по типам цифрового поведения:

1. Функциональная направленность цифрового инструмента – преобладание инструментов академического (CyberLeninka, eLibrary), профессионального (КонсультантПлюс) или креативного (Procreate, inshot) характера.

2. Степень сложности цифрового инструмента – от базовых (Word, Ibis Paint), до продвинутых, требующих специальных навыков и знаний для эффективного профессионального использования (Voyant Tools, Reverso Context) Данная градация помогает увидеть сформированную цифровую компетенцию и готовность освоить новые технологии.

3. Разнообразие целей использования – применение одного и того же цифрового инструмента в нескольких функциональных контекстах, что отражает гибкость когнитивных стратегий и высокий уровень цифровой автономии.

4. Специфика направления подготовки как детерминанта цифрового поведения – наличие или отсутствие влияния на выбор использования цифровых инструментов, обусловленного профилем подготовки. Например, студенты художественного направления подготовки вынуждены использовать цифровые технологии визуального редактора (SAI 2, Procreate) в силу требований учебной программы подготовки, тогда как использование тех же инструментов отличного направления, например, юридического или экономического, является добровольным и инициативным, что может интерпретироваться как проявление междисциплинарного интереса и креативности.

5. Тип когнитивной стратегии – превалирование использования вербально-аналитических (с помощью текстовых редакторов или научных источников) или визуально-образных (Pinterest, видеоредакторы) форматов работы с информацией.

На основе выведенных критериев были типологизированы ответы респондентов различных направлений подготовки, чтобы выявить определенные устойчивые поведенческие паттерны, что позволило выработать соответствующие психологические профили:

1. Цифровой экосистемный пользователь. Данный профиль можно охарактеризовать, как определенный тип людей, которые могут использовать разнородные цифровые инструменты. Такие студенты создают персонализированную цифровую экосистему и могут сочетать инструменты для планирования (Notion, Googlecalendar), организации знаний (Quizlet, Anki), анализа информации (eLibrary, CyberLeninka), продуктивности (Pomodoro-таймеры, Forest) и коммуникации совместно. Данный портрет обладает высокой цифровой автономностью и саморегуляцией, что помогает подходить рефлексивно к выбору и адаптации цифровых инструментов. Такие люди могут использовать один и тот же ресурс для исполнения разнообразных

целей. Например, Notion будет не только обычным блокнотом для записи информации, но также и трекером задач или базой знаний. С психологической точки зрения, такой профиль отражает развитую волевую регуляцию, ориентацию на процесс обучения и аналитико-организационный когнитивный стиль.

Портрет цифрового экосистемного пользователя можно причислить к студентам МГПУ, которые обучаются по направлениям «Перевод и переводоведение», «Преподавание английского языка: проектирование образовательных программ» и «Педагогическое образование», профили подготовки «Английский язык» и «Европейские языки». Будучи на 2 курсе, они уже демонстрируют многопрофильное использование цифровых инструментов для организации, продуктивности, анализа текстов, поиска информации и языковой работы. К 4-5 курсам у таких студентов постепенно формируется цифровая экосистема, где инструменты используются взаимосвязано как единое целое. Такое многофункциональное использование инструментов показывает высокую цифровую автономность и рефлексивность, что подходит для выполнения профессиональных требований как педагогам-лингвистам.

2. Креативный медиапотребитель. Студенты данного профиля демонстрируют склонность к потреблению и созданию контента визуального и мультимедийного формата, имеющий эмоциональную, эстетическую и коммуникативную ценность. Они пользуются инструментами для редактирования изображений и видео, а также медиаплатформами, которые являются для них не только источником информации, но и пространством для самовыражения. Здесь ключевым моментом является доминирование образно-ассоциативного мышления и низкая вовлеченность в вербально-аналитические структуры, по типу научных баз и текстовых анализаторов. Все цифровые инструменты ценятся на основе применения их к медиа и проектной деятельности. Для подобных людей очень важно поделиться своей идеей и получить ответную реакцию от публики, то есть они движимы внешней мотивацией. Но при этом сохраняется креативность мышления и высокая сенсорная чувствительность.

Согласно критериям данного психологического портрета, отлично подходят студенты РГГУ и МГУТУ им. К.Г.Разумовского (ПКУ) факультета ФСГТ по направлениям «Реклама и связи с общественностью», «Современные коммуникации», «История международных отношений» и «Индустрия рекламы и PR-отношений». Они демонстрируют ярко выраженную ориентацию на визуальный и мультимедийный формат, потому что активно используют такие цифровые инструменты, как Canva, Figma, CapCut, inshot, Picsart, а также медиаплатформы, как например, YouTube, Telegram и TikTok в качестве источников информации и инструментов самовыражения. При этом научные базы используются довольно редко в сочетании с активным использованием ИИ-ассистентов, что позволяет сделать предположение присутствия инструментального отношения к академическому знанию.

3. Стандартизированный профессионал. Этот профиль отличается от всех остальных строгостью к учебным требованиям и минимальностью необходимого набора инструментов. Такие студенты более прагматичны, их задача состоит в прямой достижении цели, которая опирается на официальные, стандартизированные и авторитетные ресурсы (Word, Excel и профильные базы данных). Стоит также отметить отсутствие интереса к креативности и экспериментальным платформам. Они воспринимают цифровые инструменты исключительно как средство достижения конкретного результата. Если говорить о психологическом характере представителей данной группы, то они демонстрируют логико-дедуктивный когнитивный стиль и ориентацию на нормативные рамки профессиональной деятельности.

Студенты МГУ, РУДН, ВВАТ по направлению «Юриспруденция» демонстрируют прагматичный и стандартизированный подход к использованию цифровых инструментов. Вне зависимости от курса они последовательно используют КонсультантПлюс, Гарант, Кодекс, Microsoft Word и Excel. Стоит отметить, что они практически не используют творческие и продуктивные инструменты. Отсутствие в экспериментальной активности и строгая приверженность официальным средствам обучения могут отражать потребность в достоверности используемой информации, контроле и нормативной определенности, что так важна для юристов.

4. Креативный интуитивист. В отличие от всех остальных профилей, подобного портрета личности проявляют спонтанность и интуитивность в организации собственной деятельности. Они используют преимущественно визуальные и художественные инструменты, которые являются продолжением творческого дела, а не академическими, аналитическими или организационными цифровыми практиками. У таких студентов доминирует пространственно-образное мышление и отсутствие в потребности структуризации знаний. Цифровые инструменты выступают не в качестве средств обучения, а самовыражения. Это говорит о внутренней мотивации, связанное с творчеством и потребностью выплеснуть свои эмоции на вещественный объект, однако цифровое поведение подобных личностей не склонно к системному подходу организации деятельности.

Студенты РГХПУ им С.Г.Строганова по специальности «Художественный металл» – отличный пример представленного психологического профиля. Даже первокурсники активно используют Procreate, IbisPaintX, Figma, CapCut, однако они предпочитают не опираться на научные базы, анализаторы текстов или инструменты саморегуляции. Стоит отметить, что некоторые из респондентов этого направления используют Statistica, Tableau, Power BI, что может указывать на междисциплинарные интересы, однако их цифровое поведение можно охарактеризовать как интуитивное, спонтанное и ориентированное на визуальное представление, что еще раз подчеркивает доминирование образного мышления. Цифровые технологии воспринимаются не как инструмент обучения, а как средство продолжения художественного процесса.

Для эффективного использования разработанной типологии психологических профилей следует учитывать определенные методические рекомендации, что позволит повысить успешность образовательной траектории студентов изученных профилей подготовки.

Для каждого представленного профиля характерен определенный дисбаланс использования цифровых инструментов, который оказывает взаимное влияние как на гармоничное психологическое развитие личности, так и образовательные результаты. В связи с этим были разработаны рекомендации для каждого из профилей:

Цифровой экосистемный пользователь имеет довольно высокую гибкость в работе с цифровыми инструментами, однако их использование в таком большом объеме образует риск когнитивной перегрузки, а также поверхностной интеграции в работе с информацией. Студентам с таким профилем необходимы программы, выявляющие «цифровой шум», то есть приложения, которые похожи по своему функционалу и фактически являются идентичными. Также рекомендуется использовать инструменты для более глубокого анализа и обобщения информации.

Сильной стороной креативного медиапотребителя является креативность и визуальное мышление, однако данный профиль имеет проблемы с работой с академическими научными источниками, а также инструментальным отношением к знанию. Поэтому в работе с таким типом студентов рекомендуется использовать современные цифровые инструменты, позволяющие работать с научными базами данных.

Стандартизированные профессионалы дисциплинированы и делают акцент на достоверности и верификации используемых программ, что делает их довольно негибкими и неадаптированными в цифровом мире. Стоит внедрить в свою работу программы, совместимые с проверенными, но при этом помогающие в создании рабочих пространств как для индивидуального, так и для совместного использования. Для планирования лучше использовать инструменты, схематизирующие пункты в плане.

У креативных интуитивистов за счёт спонтанности отсутствует навык структурирования и саморегуляции, поэтому мы рекомендуем сделать акцент на этом. Чтобы это подкорректировать необходимо использовать программы для повышения мотивации. Также важно развивать планирование и структурирование информации.

Наши рекомендации будут полезны не только для студентов, которые могут определить свой психологический профиль и добавить новые инструменты для ликвидации вышеобозначенного дисбаланса, но и для преподавателей, которые на основе этих данных могут корректировать рабочие и учебные программы по внедрению дополнительных цифровых технологий для студентов определённых профилей подготовки.

Таким образом, разработка психологических портретов позволяет построить мост между технологиями и личностью, что помогает превратить цифровизацию из обязательного требования прогресса в внутренний ресурс развития человека с учетом его индивидуальных особенностей. В современных условиях, когда цифровые инструменты становятся не просто дополнением к образовательному процессу, а полностью интегрируются в его естественную среду, психологические портреты помогают всем субъектам в обучении увидеть за поведением личность – её когнитивные стратегии, мотивационные особенности и уровень саморегуляции.

Список использованных источников:

1. Гайворонская А.А. Портрет личности и его исследование психосемантикой // Психолог. – 2023. – №5. – С. 138-145.
2. Жмуров В.А. Психопатология: в 2 ч. Психопатологические синдромы. Ч. 2. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1994. – 304 с.
3. Кречмер Э. Строение тела и характер. – М.: Эксмо, 2003. – 416 с.
4. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Смысл; Академия, 2004. – 352 с.
5. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1999. – 349 с.
6. Нефедьева А.А. Психологический портрет современного студента в образовательном процессе // Вестник науки и образования. – 2015. – №10 (20). – С. 84-86.

УДК 37.03

Павлова А.Б.

кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры общей и социальной педагогики, ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет», г. Орехово-Зуево, Россия

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Статья представляет собой исследование актуальной проблемы трансформации современного образования. Рассмотрен ряд ключевых проблем и тенденций, включающих цифровизацию образовательного процесса, достоинства и риски внедрения цифровых технологий в систему образования, необходимость формирования новых цифровых компетенций педагогического состава, а также адаптацию содержания образования к новым условиям. Показано, что трансформация образования позволяет каждому обучающемуся развиваться согласно интересам, способностям, поскольку индивидуальные образовательные траектории становятся приоритетом современного образования.

Ключевые слова: трансформация образования, цифровизация образовательного процесса, цифровые технологии, электронные ресурсы.

MODERN CHALLENGES OF DIGITAL TRANSFORMATION IN EDUCATION

Abstract. The article is a study of the current problem of transformation of modern education. A number of key issues and trends are considered, including the digitalization of the educational process, the advantages and risks of introducing digital technologies into the education system, the need to develop new digital competencies for teaching staff, and the adaptation of educational content to new conditions. It is shown that the transformation of education allows each student to develop according to their interests and abilities, since individual educational trajectories are becoming a priority in modern education.

Keywords: transformation of education, digitalization of the educational process, digital technologies, electronic resources.

Современное образование находится на пороге значительных преобразований, которые заключаются в цифровизации системы образования и переходу на новый уровень цифрового обучения. Система современного образования переживает значительные трансформации, благодаря развитию новых технологий: от интеграции цифровых ресурсов до новых требований к подготовке кадров.

Внедрение виртуальной реальности и искусственного интеллекта в образование выступает новым вектором «цифровой революции». В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 гг. выделены основные принципы цифровизации образования: сохранение национального цифрового суверенитета, свободный и равный доступ субъектов к цифровым ресурсам, преимущество национальных цифровых технологий, создание единого цифрового пространства, формирование единой сферы информационных технологий [4].

Безусловно, цифровые ресурсы сегодня становятся неотъемлемой частью образовательного процесса. Цифровизация затрагивает всю систему образования. Открываются виртуальные лаборатории, интерактивные платформы, онлайн-курсы, в учебный процесс внедряются электронные учебники. Эти механизмы цифровой среды оказывают большую помощь в организации инновационного образовательного пространства. Такие изменения влекут за собой и изменения всех субъектов образовательных отношений. Педагоги, обучающиеся, родители и другие субъекты должны обладать компетенциями, обеспечивающими эффективность учебного процесса в цифровом образовании. Адаптация к инновационному процессу становится одной из характеристик всех участников образовательного пространства.

Процесс социализации подрастающего поколения сложно представить без виртуальной среды, без социальных сетей, без общения на информационных платформах и цифровых ресурсах. Интернет-коммуникация стала просто жизненно необходимой для современной молодежи. Дети и подростки быстро адаптируются в мультикультурном цифровом пространстве, поскольку Интернет сегодня выступает как агент социализации.

Возможности цифровых сетей должны использоваться в учебном процессе, но главное требование к такому применению, чтобы это использование было разумным и безопасным. Новый вид обучения через цифровые ресурсы был применен во время пандемии, что позволило расширить возможности дистанционного обучения. Дистанционные технологии стали отличной платформой для получения образования каждым желающим. Свободный доступ к информации открывает большие возможности для обучения лиц с особыми образовательными потребностями. А это, в свою очередь, помогает интеграции в общество и улучшает процесс социализации.

Достоинства цифровых ресурсов очевидны: обучение становится доступным каждому, независимо от его географического местоположения; каждый обучающийся может выбрать подходящий именно ему уровень образования и темп обучения; возможности интерактивного обучения привлекают современную молодежь, которой уже не достаточно учиться по бумажным учебникам.

По утверждению В.В.Путина, искусственный интеллект содержит в себе и «колоссальные возможности, и трудно прогнозируемые угрозы» [1]. Но следует указать на имеющиеся недостатки всеобщей цифровизации образовательного процесса. С развитием цифровой среды возрастает риск утечки персональных данных или интеллектуальной собственности. Пользователи виртуальной среды сталкиваются с кибербуллингом, который активизируется, благодаря анонимности контентов. Для предотвращения таких рисков необходимо внедрение системы кибербезопасности.

В образовательных организациях к педагогическим кадрам предъявляют требования к умениям эффективного использования цифровых технологий. Сегодня педагоги должны не только обладать качественными педагогическими знаниями, но и иметь высокий уровень владения компьютерными технологиями [3]. Современный педагог должен владеть интерактивными технологиями и методиками обучения предмету при помощи цифровых ресурсов. Педагогический состав образовательных организаций должен мотивировать и вовлекать обучающихся в инновационный учебный процесс. Инновационные педагоги создают новаторские методики применения ИКТ-технологий в учебном процессе.

Подготовка педагогических кадров для цифрового образования должна начинаться еще в общеобразовательных учреждениях, поскольку именно там закладываются основы безопасного и эффективного использования цифрового пространства. Использование инновационных методов обучения способствует формированию цифровых навыков у обучающихся. В системе профессионального образования полученные навыки будут только совершенствоваться и расширяться.

Цифровая трансформация образования невозможна без формирования цифровых компетенций будущих педагогов. В учреждениях среднего и высшего профессионального педагогического образования организовывается обучение, предусматривающее формирование готовности педагога к использованию

электронных педагогических технологий, выработку умений адаптировать новые цифровые технологии в образовательный процесс, использование «облачных» технологий в деятельности обучающихся, реализацию дистанционных курсов, формирование новой виртуальной реальности и индивидуального образовательного маршрута в цифровом пространстве [5].

Сущность цифровой трансформации образования заключается в достижении каждым обучающимся необходимых образовательных результатов посредством использования потенциала цифровых технологий, средств виртуальной реальности и искусственного интеллекта, обеспечении общедоступного интернет-пространства [7]. Быстроразвивающиеся цифровые технологии позволяют внедрять новые модели организации образовательного процесса.

Цифровая трансформация образования предполагает изменения и в содержании образования, предусматривающее появление новых цифровых образовательных материалов [6]. Основным условием проектирования новой цифровой системы образования должны выступать принципы доступности, достоверности, актуальности, целостности информации, обеспечивающие взаимодействие межведомственных информационных систем [2].

Обновление образовательных ресурсов и содержания образования способствует усовершенствованию цифровых технологий и инструментов в работе педагогов. Существенно расширяется спектр методов и средств обучения и воспитания подрастающего поколения. Наряду с традиционной организацией образовательного процесса, сегодня активно внедрены дифференциация и индивидуализация обучения, персонализированное обучение расширяет свои возможности. Все эти позитивные изменения направлены на дальнейшее развитие системы образования, формирование цифровой образовательной среды, преобразование учебно-воспитательного пространства и совершенствование ролей всех субъектов образовательного процесса.

Трансформация образования открывает новые возможности для повышения качества образования, подготовки специалистов нового уровня, способных решать задачи будущего поколения, и раскрывает перспективы дальнейшего развития российского образования.

Список использованных источников:

1. Барышева Е.В. Применение искусственного интеллекта в практике высшего образования и профилактика интернет-зависимости студентов: взгляд на проблему / Е.В. Барышева, А.Б. Павлова // Био-психо-социо-духовная модель в современном мире: медицина и психология: материалы I всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Саранск, 23 ноября 2024 года. – Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, 2025. – С. 25-32.
2. Гордашникова О.Ю. Разработка концептуальной модели доступности общего образования в условиях цифровой трансформации образования // Информатизация образования и науки. – 2023. – №4 (60). – С. 3-13.
3. Ли Яцзюань Профессиональное развитие педагога в условиях цифровизации образования // Профессиональное образование и общество. – 2021. – №39. – С. 208-212.
4. Мирошниченко М.А. Цифровая трансформация: российские приоритеты формирования цифровой экономики: монография. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. – 224 с.
5. Мухидинов М.Г. Цифровая образовательная среда как условие формирования предметных компетенций будущих бакалавров педагогического образования в условиях трансформации образования / М.Г. Мухидинов, Р.Д. Гаджиев, А.Д. Амиралиев, Х.М. Инусова // Известия дагестанского гос. пед. ун-та. Психолого-педагогические науки. – 2023. – Т. 17. – №1. – С. 61-67.
6. Несмашная И.В., Судакова Н.Е. Международный опыт: инновации в образовании, цифровизация в странах Азии и Европы // SPIRIT TIME. Берлинский университет им. Гумбольдта, Херсонский филиал Национального университета кораблестроения имени Адмирала Макарова. – 2021. – №1-1 (37). – С. 13-15.
7. Уваров А.Ю. Вызовы цифровой экономики и цифровая трансформация образования (по материалам II Российско-китайской конференции исследователей образования «Цифровая трансформация образования и искусственный интеллект») // Образовательные технологии. – 2021. – №3. – С. 3-21.

УДК: 37.013.42

Просветова Я.А.

магистр 2 курса, направление 44.04.02, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством Ахметшиной И.А.

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

ПРОГРАММЫ ПРОФИЛАКТИКИ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ У ПОДРОСТКОВ

Аннотация. В последние годы приобретает актуальность проблема интернет-зависимости подростков, которая влечет за собой деструктивное развитие личности. Значимое влияние на исследуемую проблему оказывает кибербуллинг, определяющий целесообразность разработки программ профилактики интернет-зависимости обучающихся, как основы повышения психического здоровья и развития учебной мотивации. Специалисты уделяют особое внимание построению профилактических мероприятий в целях развития у подростков коммуникативных способностей, социализации обучающихся, решения проблемы одиночества.

Ключевые слова: интернет-зависимость, кибербуллинг, обучающиеся, подростки, профилактика.

INTERNET ADDICTION PREVENTION PROGRAMS FOR TEENAGERS

Abstract. In recent years, the problem of adolescent internet addiction has become increasingly relevant, as it can lead to destructive personality development. Cyberbullying has a significant impact on this issue, making it necessary to develop programs to prevent internet addiction among students as a means of improving mental health and developing academic motivation. Specialists are focusing on implementing preventive measures to enhance communication skills, socialization, and loneliness among adolescents.

Keywords: Internet addiction, cyberbullying, students, teenagers, prevention.

В последние годы в научной литературе уделяется внимание изучению организационных основ профилактики интернет-зависимости у подростков. В рамках научной статьи систематизированы теоретические подходы выстраивания процесса профилактики, что позволит определить перспективные направления и внедрить их в педагогическую практику современной образовательной организации. Необходимо учесть, что профилактика девиантного поведения подростков представляет собой комплексную социальную и психолого-педагогическую проблему, которая требует незамедлительного решения на основе системного подхода посредством консолидации усилий семьи, образовательных учреждений, органов власти и всего гражданского общества [1; 5]. Актуальность проблемы интернет-зависимости подростков обусловлена ее масштабом, многоаспектностью и значительными социальными последствиями для всего мирового сообщества.

К примеру, Д.И.Воронов определяет перспективность и значимость физкультурно-оздоровительного направления профилактики интернет-зависимости у подростков [3, с.6]. В.Н.Друзин обращает внимание на раскрытие направленности осуществления профилактических мероприятий в сфере интернет-зависимости у подростков – обучающиеся на уровне образовательной организации; родители, как основы совершенствования семейного воспитания и предупреждения развитию негативного явления; социальное окружение, являющееся основой для совершенствования коммуникативных способностей и социализации ребенка. К основным составляющим программы профилактики по мнению автора относятся тренинг, трудотерапия, игровое проектирование, решение сложных социальных проблем и ситуаций, консультации, спортивно-туристические мероприятия [4].

В свою очередь О.С.Матюхина актуализирует внимание на внедрение в образовательный процесс специальных курсов, например: «Игры разума», «Мои приоритеты и шкала ценностей» как основы профилактики интернет-зависимости у подростков [9]. Автором доказано, что в основе профилактической работы должны быть положены следующие инструменты: web-квесты, восстановительная медиация, дайджест-обсуждение, коворкинг, что позволит создать продуктивные условия по активизации социального взаимодействия и налаживанию социального контакта, по формированию устойчивого, волевого и ответственного поведения, по развитию и совершенствованию способностей и умений дифференцировать реальную и виртуальную действительность.

Е.С.Игнатенко в научной статье определяет направленность профилактики интернет-зависимости у подростков: первичная диагностика в целях установления деструктивного развития личности обучающегося и выявления признаков девиантного поведения; внедрение первичной профилактики, основанной на удовлетворение потребностей обучающихся в социальном контакте в рамках образовательной среды и социума; оказание помощи обучающимся в развитии умений и способностей в сфере самоопределения и самоактуализации в условиях образовательной среды; координационное взаимодействие педагогов, социальных психологов и родителей в целях выработки направлений совершенствования семейного воспитания, основанного на ограничении использования интернет-технологий подростками и на внедрение физкультурно-туристических мероприятий, как основы повышения физического и психического здоровья ребенка; совершенствование процесса организации внеурочной и воспитательной деятельности в целях повышения занятости обучающихся и приобщения к здоровому образу жизни [6, с.9].

Отметим, что А.Р.Дроздикова-Зарипова и А.Р.Ишалина систематизируют основные составляющие профилактики кибербуллинга, в частности: тренинги, мастер-классы, конкурсы, обеспечивающие формирование и развитие знаний в сфере разрешения конфликтов на уровне образовательной организации и социума, повышения самооценки и стрессоустойчивости, правил поведения в ситуации, связанной с кибербуллингом [7, с.67]. Авторы акцентируют внимание на необходимости развития системы педагогической и психологической поддержки обучающихся, как основы предупреждения деструктивного формирования личности подростка.

С.В.Коваленко, А.Д.Маковецкая, Г.Г.Тюстина доказали эффективность использования тренингов как формы профилактики интернет-зависимости, что является оправданным, т.к. они создают основу для дифференциации реальной и виртуальной действительности, для снижения уровня агрессивности, повышения самооценки и стрессоустойчивости [8, с.11]. По мнению авторов, основными целями профилактики являются: формирование ценностного отношения к здоровью и здоровому образу жизни; повышение информационной грамотности, основанной на рационализации использования в учебной и повседневной жизни информационных и цифровых технологий; развитие и совершенствование коммуникативных способностей; повышение эффективности социального контакта и взаимодействия в рамках образовательной среды и социума.

Таким образом, в рамках разработки программы профилактики интернет-зависимости у подростков необходимо уделить внимание сочетанию игровых форм занятий с медиауроками, что создаст основу для повышения вовлеченности обучающихся в процесс, мотивации по активизации социального взаимодействия и развития коммуникативных способностей. Профилактические мероприятия следует выстраивать по трем

направлениям – обучающиеся на уровне образовательной организации; родители, как основа совершенствования семейного воспитания; социальная среда (одноклассники и обучающиеся) в рамках организации общешкольных мероприятий.

Список использованных источников:

1. Ахметшина И.А. Девиантное поведение детей и подростков: учебное пособие в схемах и таблицах / И.А. Ахметшина, А.Б. Павлова. – Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2025. – 178 с.
2. Васюк А.А. Организация профилактической и коррекционной работы с интернет-зависимыми подростками // Ценностные приоритеты образования в XXI веке: Образование как социокультурный феномен. Художественно-эстетическое образование и воспитание в XXI веке: материалы Международной научно-практической конференции. – Луганск, 2022. – С. 83-94.
3. Воронов Д.И. Социально-психологические детерминанты компьютерной зависимости и ее профилактика средствами физической рекреации и психокоррекции: автореферат дисс. ... канд. псих. наук: 13.00.04. – СПб., 2016. – 23 с.
4. Друзин В.Н. Педагогическая профилактика игровой компьютерной аддикции подростков: автореферат дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – Ярославль, 2011. – 23 с.
5. Журавлева Р.В. Методологические аспекты психолого-педагогической профилактики кибербуллинга среди подростков в условиях образовательной организации / Р.В. Журавлева, И.А. Ахметшина // Проблемы и перспективы развития образования: сборник материалов X Международной научно-практической конференции, Орехово-Зуево, 08 декабря 2023 года. – Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2024. – С. 59-61.
6. Игнатенко Е.С. Интернет-зависимость как форма девиантного поведения в старшем подростковом возрасте // Современные научные исследования и инновации. – 2023. – №3 (143). – С. 6-10.
7. Ишалина А.Р. Профилактика кибербуллинга в общеобразовательной среде / А.Р. Ишалина, А.Р. Дроздикова-Зарипова // Проблемы и перспективы развития образования: сборник материалов X Международной научно-практической конференции / отв. ред. И.А. Ахметшина. – Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2024. – С. 65-67.
8. Коваленко С.В., Маковецкая А.Д., Тюстина Г.Г. Исследование интернет-зависимости подростков в условиях образовательной среды как фактора психологической безопасности личности / С.В. Коваленко, А.Д. Маковецкая, Г.Г. Тюстина // Мир науки. Педагогика и психология. – 2022. – Т. 10. – №5. – С. 10-15.
9. Матюхина О.С. Педагогическая профилактика виртуальных аддикций у подростков старшего возраста в общеобразовательной организации: автореферат дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – Белгород, 2020. – 26 с.

УДК 37.022

Разуваева А.В.

студентка 3 курса, направление 44.03.02, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством Ахметшиной И.А.

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПОЗНАВАТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация. Современное общество характеризуется развитием цифровых инструментов, без которых мы уже не видим свою жизнь. Информационные ресурсы непосредственно охватывают сферу образования, всё больше появляется учебных пособий с переходом на электронные задания. В статье рассматривается проблема влияния новых технологий на процессы усвоения и формирования знаний, умений и навыков в образовательной среде. Представлен анализ современных цифровых инструментов и учебных пособий.

Ключевые слова: цифровые технологии, учебная мотивация, когнитивное развитие, педагогика, возрастные особенности.

THE INFLUENCE OF INFORMATION TECHNOLOGIES ON THE COGNITIVE ACTIVITY OF PRIMARY SCHOOL STUDENTS

Abstract. Modern society is characterized by the development of digital tools, without which we can no longer imagine our lives. Information resources directly cover the field of education, and more and more textbooks are being developed with the transition to electronic assignments. The article examines the impact of new technologies on the processes of acquiring and developing knowledge, skills, and abilities in the educational environment. It provides an analysis of modern digital tools and textbooks.

Keywords: digital technologies, educational motivation, cognitive development, pedagogy, age-related characteristics.

На сегодняшний момент наш мир развивается и изменяется с большой скоростью во всех сферах жизни. Система образования претерпевает наибольшее изменение в связи с интенсивно развивающимися информационными технологиями. В современном мире необходимо как пользоваться, так и знать цифровые инструменты [1]. Такие инструменты не были созданы для использования в образовательной среде, однако она постоянно развивается. В образовательной среде такие инструменты помогают детям младшего школьного возраста не только проще воспринимать и понимать учебный процесс, но и повышать уровень мотивации к учебной деятельности [2; 3; 5].

В периоде младшего школьного возраста ведущей деятельностью является учебная. По периодизации Д.Б.Эльконина она предъявляет ребёнку высокие требования и отличается от предыдущей вида деятельности – игровой. Младший школьник уже начинает познавать мир по-другому, не как дошкольник, он начинает мыслить, размышлять и пробует делать выводы. Но дети в начальной школе ещё остаются детьми и им важно получать должную заботу, внимание, а также у них высока потребность в двигательной активности. С помощью новейших технологий есть огромные возможности для создания более интересного, динамичного и универсального образовательного процесса в школе.

Современные информационные технологии – это совокупность всех способов и средств, с помощью которых люди могут работать с информацией (собирать, хранить, обрабатывать, анализировать, передавать). К ним можно отнести: мультимедийные презентации, электронные доски, цифровые библиотеки, электронные учебные пособия. Например, «Английский язык на «отлично» с QR-кодами; «Правила чтения и грамматики. 3 класс. К.Э.Ачасова» (пособие содержит в себе правила, упражнения и тексты для обучения грамматики и почти к каждому заданию есть QR-код для перехода на обучающий урок (например, Unit1. Урок 2. Задание 7, 8, 12).

Особенностями образовательной деятельности при использовании информационных инструментов являются: возможность активизировать познавательную деятельность, обучение в дистанционном режиме, расширение доступа к знаниям, индивидуализация и персонализация обучения и др.

Помимо достоинств в использовании цифровых ресурсов также присутствуют значимые недостатки в такой системе образования: ухудшение состояния здоровья (ухудшение зрения, атрофия мышц, искривление позвоночника, психоэмоциональные отклонения и пр.), неравный доступ к информационным ресурсам (не все семьи и школы имеют необходимое оборудование, доступ к сети Интернет), социальная изоляция, ухудшение навыков общения и живой коммуникации [4].

Итак, мы рассмотрели влияние информационных технологий на познавательную деятельность младших школьников. Для организации безопасной информационной среды в учебной деятельности нужно правильно использовать цифровые ресурсы, соблюдая технику безопасности и санитарные нормы с учетом возрастных особенностей и возможностей детей.

Список использованных источников:

1. Аксенова К.С. Развитие креативности у обучающихся средних классов с помощью средств искусственного интеллекта / К.С. Аксенова, И.А. Ахметшина // Научный дебют 2025: сборник статей VII Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 30 сентября 2025 года. – Пенза: Наука и Просвещение, 2025. – С. 38-40.
2. Ахметшина И.А. Современные подходы и проблемы к пониманию особенностей адаптации первоклассников к школе // Проблемы современного педагогического образования. – 2024. – №85-4. – С. 51-54.
3. Диденко И.В. Современные образовательные технологии и их роль в развитии когнитивных навыков младших школьников // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. – 2025. – №1. – С. 358-362.
4. Миловидова А.С. Значение информационных технологий в развитии познавательного интереса у учащихся начальной школы // Актуальные проблемы начального, дошкольного и специального образования (в рамках года семьи): материалы XII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, Коломна, 14–15 ноября 2024 года. – Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2024. – С. 201-202.
5. Никитина О.Э. Применение информационных технологий при работе с младшими школьниками // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – №96-2. – С. 71-73.

УДК 37

Романова Н.Д.

магистр 1 курса, направление подготовки 37.04.01, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством Денисенко Е.Г.

кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

ГОТОВНОСТЬ СТУДЕНТОВ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В данной статье обозреваются исследования, отображающие насколько активно студенты на современном этапе используют искусственный интеллект для учебных целей. Несмотря на удобство применения студентам, однако приходится сталкиваться с недостатком критических навыков и этической осознанности. Важной задачей является подготовка как студентов, так и педагогов к эффективному и ответственному применению ИИ-технологий, что требует развития цифровых, метапредметных и профессиональных компетенций. Формирование готовности к использованию искусственного интеллекта предполагает комплексный подход, включающий мотивационную, когнитивную и операционально-деятельностную компоненты, а также системную поддержку со стороны образовательных учреждений. Внедрение практико-ориентированных методов в педагогическую деятельность способствует повышению уровня компетентности и ответственности будущих специалистов в условиях цифровой трансформации образования.

Ключевые слова: искусственный интеллект, студенты, образовательная среда, готовность, ИИ-технологии, внедрение

STUDENTS' WILLINGNESS TO USE ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN THE EDUCATIONAL PROCESS

Abstract. This article reviews the research. It shows how actively students currently use artificial intelligence (AI) for educational purposes. Despite the convenience of the application, students, however, have to deal with a lack of critical skills and ethical awareness. An important task is to prepare both students and teachers for the effective and responsible use of AI technologies, which requires the development of digital, meta-subject and professional competencies. The formation of readiness to use AI involves an integrated approach, including motivational, cognitive, and operational-activity components, as well as systematic support from educational institutions. The introduction of practice-oriented methods in teaching activities helps to increase the level of competence and responsibility of future specialists in the context of the digital transformation of education.

Keywords: artificial intelligence, students, educational environment, readiness, AI technologies, implementation.

В последние годы технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ) становятся неотъемлемой частью всех сфер общественной жизни, включая образование. В российском образовательном пространстве наблюдается активное внедрение решений на основе ИИ – от интеллектуальных обучающих систем до инструментов автоматизированной аналитики образовательных данных.

В стратегическом документе «Федеральная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 года» подчёркивается необходимость формирования готовности обучающихся и педагогов к использованию ИИ-технологий, развития цифровой грамотности, критического мышления и способности к взаимодействию с интеллектуальными системами [5]. Начиная с 2022 года, интерес к нейросетям вырос почти в 15 раз. Люди разного возраста заинтересованы и пробуют использовать нейросети для решения различных задач. У молодёжи они чаще, чем у других групп, связаны с учёбой, у людей 25-45 лет – с работой. Люди постарше чаще среднего ищут нейросети для обработки фотографий, создания изображений.

Темпы роста аудитории ИИ-сервисов продолжают оставаться высокими. Крупные технологические компании постоянно регистрируют прирост пользователей, причем прирост этот прогрессивный. В последние время исследования также фиксируют интенсивный рост интереса к ИИ среди обучающихся.

Согласно опросам ВЦИОМ, студенты чаще всего используют ИИ-сервисы (например, ChatGPT, YandexGPT, Midjourney) для решения учебных задач, но при этом не обладают достаточными навыками критической оценки и этичного использования подобных технологий. Представленные данные на конференции DataFusion сообщают, что 63% респондентов отмечают, что применяли технологии ИИ в жизни, лишь 7% опрошенных считают допустимым применение ИИ школьниками и студентами без ограничений, а 69% – что нужно соблюдать определённые правила [1].

Кроме того, согласно представленным Data Fusion данным, 87% из опрошенных студентов используют искусственный интеллект в процессе обучения, при этом основная часть этих студентов подчеркивает существенную экономию времени благодаря их использованию. Данные онлайн-опроса Ассоциации организаторов студенческих олимпиад России указывают на тот факт, что 85% из опрошенных использует ИИ-сервисы в учебе или повседневной жизни. Чаще всего студенты применяют нейросети для поиска информации (77%), написания учебных работ (43%), генерации изображений (36%) и создания презентаций (24%). В другом исследовании отмечается, что большинство студентов (79%), считают приемлемым использование нейросетей при подготовке экзаменационных работ [2; 9].

Среди основных барьеров использования ИИ в образовательной среде выделяются: технические ограничения: отсутствие доступа к технологиям, включая платные подписки и использование VPN; недоверие к результатам ИИ и необходимость дополнительной проверки; опасения по поводу утраты авторства и снижения самостоятельности мышления; дефицит знаний и опыта.

Формирование готовности студентов к использованию технологий искусственного интеллекта требует комплексного подхода, включающего развитие не только цифровых, но и метапредметных компетенций – критического мышления, ответственности, этической рефлексии.

Согласно исследованию, успешное освоение ИИ-инструментов студентами напрямую зависит от педагогической поддержки: методического сопровождения, проектных форм работы и внедрения элементов адаптивного обучения. Это создаёт необходимость не только технологической, но и психолого-педагогической готовности студентов к применению ИИ в образовательной деятельности [6].

Следует подчеркнуть, что «готовность к использованию ИИ-технологий» можно рассматривать как интегративное качество личности, включающее мотивационный, когнитивный и операционально-деятельностный компоненты, обеспечивающее успешное взаимодействие с интеллектуальными системами в процессе обучения.

Рассмотрим более подробно: мотивационный компонент (интерес к технологиям ИИ, осознание их значимости в будущей профессиональной деятельности, положительное отношение к инновациям), когнитивный компонент (знания о принципах работы ИИ, понимание его возможностей и ограничений, представления об этических аспектах использования), операционально-деятельностный компонент (практические навыки применения ИИ-инструментов в учебном процессе – использование интеллектуальных помощников, анализ данных, автоматизация обработки информации).

Ряд исследований подтверждают, что положительная готовность коррелирует с уровнем понимания ИИ: чем лучше студенты обучены основам ИИ, тем более позитивно и конструктивно они относятся к его использованию в обучении [9]. Кроме того, важным фактором является мотивационная среда вуза. Когда студенты видят примеры эффективного использования ИИ преподавателями (например, для оценки

письменных работ или моделирования кейсов), уровень доверия и интереса к технологиям значительно повышается [7].

Анализ исследований также подчеркивает, что готовность студентов к использованию ИИ – не только вопрос индивидуальных навыков, но и системное явление, зависящее от политики вуза, подготовки преподавателей и доступности инфраструктуры. Международные инициативы (UNESCO, OECD) уже дают структуру и рекомендации, но реализация на уровне отдельных вузов остаётся фрагментарной [8].

Таким образом, формирование готовности студентов к применению ИИ-технологий – это не только индивидуальный, но и системный процесс, требующий интеграции цифровых инструментов в образовательную экосистему вуза. Подводя итог, важно ответить, что: внедрение ИИ в образовательную сферу России активно развивается, что требует системной подготовки студентов и педагогов к его использованию. Большинство студентов уже используют ИИ-инструменты в учебных и повседневных задачах, однако сталкиваются с недостатком критического и этического понимания технологий. Формирование готовности к использованию ИИ включает развитие мотивационных, когнитивных и практических компетенций, а также создание поддержки со стороны образовательных учреждений.

Также необходимо отметить, что внедрение технологий искусственного интеллекта в образовательный процесс также открывает новые горизонты для взаимодействия между обучающимися и их окружением. Например, создание интерактивных моделей и виртуальных помощников обеспечивает возможность обучающимся с особыми образовательными потребностями получать доступ к образовательным ресурсам в удобном для них формате. Эта инновация не только снижает барьеры доступа к знаниям, но и способствует социализации детей с ограниченными возможностями, расширяя их горизонты общения.

В условиях цифровой трансформации образования формирование готовности студентов к использованию технологий искусственного интеллекта становится важнейшей задачей вузов. Эффективность этого процесса зависит от сочетания когнитивной осведомлённости, практических умений и осознанного, этически ответственного отношения к ИИ. Развитие данных компонентов возможно через внедрение практико-ориентированных курсов, проектных заданий и педагогических моделей, направленных на формирование критического и рефлексивного мышления.

Список использованных источников:

1. В МГПУ узнали, что три четверти школьников используют нейросети для учебы // NakedScience: 12.11.2024 [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://naked-science.ru/article/column/shkolnikov-ispolzuyut-nej> (дата обращения: 20.10.2025).
2. ИИ в образовании: как преодолеть соблазн готовых решений // ВШЭ: 22.04.2025 [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.hse.ru/news/edu/1038459152.html> (дата обращения: 20.10.2025).
3. Попова К.Ю. Организационно-педагогические условия подготовки педагогических кадров к применению инструментов искусственного интеллекта в образовательном процессе // Вестник науки. – 2025. – №6 (87). Том 2. – С. 1059-1066.
4. Руст А.М. Технологии искусственного интеллекта в системе высшего образования России / А.М. Руст, Е.Ю. Платунова // Вестник Поволжского института управления. – 2024. – Т. 24. – №6. – С. 105-111.
5. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. №490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72738946/> (дата обращения: 20.10.2025).
6. Ясин М.И. Отношение к искусственному интеллекту, тревога и открытость опыту // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2022. – Т. 22, №4. – С. 449-453.
7. Bećirović S., Polz E., Tinkel I. Exploring students' AI literacy and its effects on their AI output quality, self-efficacy, and academic performance. Smart Learn. Environ. 2025. Vol. 12. DOI 10.1186/s40561-025-00384-3.
8. Cengiz S., Peker A. Acceptance of Generative Artificial Intelligence and Fear of Artificial Intelligence among University Students: The Sequential Mediating Role of Attitude Towards Artificial Intelligence and Literacy. Curr Psychol. 2025. Vol. 44. P. 7991-8000. DOI 10.1007/s12144-025-07433-7.
9. Weale S. UK universities warned to 'stress-test' assessments as 92% of students use AI. Theguardian. Wed 26 Feb 2025. <https://www.theguardian.com/education/2025/feb/26/uk-universities-warned-to-stress-test-assessments-as-92-of-students-use-ai> (дата обращения: 20.10.2025).

УДК 37.015

Саруханян Е.О.

студентка 2 курса, направление 44.03.01, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством Ахметшиной И.А.

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

КОМПЬЮТЕРНЫЕ СИМУЛЯЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ОТКЛИКА: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ИЗУЧЕНИЕ ПСИХОЛОГИИ ТРУДА И ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГОВ БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ

Аннотация. Статья посвящена исследованию возможностей использования компьютерных симуляций эмоционального отклика в профессиональной подготовке педагогов. Рассматриваются современные подходы к эмоциональному интеллекту и методы моделирования эмоциональных сценариев в виртуальной среде. Представлен анализ

эффективности существующих методик и обоснована необходимость разработки новых тренинговых сред, направленных на развитие эмоциональной компетентности педагогов. Автор предлагает концептуальную модель интеграции симуляций в программы подготовки, подчеркивая их значение для снижения профессионального выгорания и повышения качества образовательного процесса.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, педагогическая деятельность, виртуальная реальность, компьютерные симуляции, эмоциональная компетентность, профессиональный рост, профилактика выгорания.

COMPUTER SIMULATIONS OF EMOTIONAL RESPONSE: A NEW APPROACH TO STUDYING LABOR PSYCHOLOGY AND TRAINING FUTURE GENERATIONS OF TEACHERS

Abstract. The article is devoted to the study of the possibilities of using computer simulations of emotional response in the professional training of teachers. It examines modern approaches to emotional intelligence and methods of simulating emotional scenarios in a virtual environment. The article presents an analysis of the effectiveness of existing methods and substantiates the need to develop new training environments aimed at developing the emotional competence of teachers. The author proposes a conceptual model for integrating simulations into training programs, emphasizing their importance for reducing professional burnout and improving the quality of the educational process.

Keywords: emotional intelligence, pedagogical activities, virtual reality, computer simulations, emotional competence, professional growth, and burnout prevention.

В современных условиях педагогическая профессия характеризуется усилением психоэмоциональных нагрузок, что обусловлено возрастающими требованиями к качеству образования и необходимостью адаптации к индивидуальным траекториям обучающихся [1; 5]. Это создает потребность в научно обоснованных инструментах для изучения и развития эмоционального интеллекта педагогов [3]. Компьютерные симуляции эмоционального отклика представляют собой перспективный ресурс для исследования сложных психологических процессов в безопасной контролируемой среде. Их применение открывает новые возможности для оптимизации профессиональной деятельности и подготовки будущих поколений специалистов.

Существующие традиционные методы подготовки педагогов демонстрируют ограниченную эффективность в формировании устойчивых навыков управления эмоционально напряженными ситуациями, такими как конфликты, стресс и проявление эмпатии [6]. Недостаточная развитость этих компетенций ведет к росту случаев профессионального выгорания и снижению качества образовательного процесса [2; 4]. В связи с этим возникает необходимость в разработке инновационных тренинговых сред, способных обеспечить глубокую проработку эмоциональных сценариев без рисков реальных последствий.

Целью данного исследования является разработка концептуальной модели интеграции компьютерных симуляций эмоционального отклика в программы профессиональной подготовки педагогов. Предлагаемая модель направлена на создание безопасной среды для диагностики и развития эмоциональной компетентности специалистов. Она предусматривает моделирование типичных и критических ситуаций трудовой деятельности, что позволяет формировать практические навыки управления эмоциями в профессиональном контексте.

Для достижения поставленной цели в работе решаются три ключевые задачи. Во-первых, проводится системный анализ современных подходов к моделированию эмоционального отклика в компьютерных симуляциях и их применения в психологии труда и педагогическом образовании. Во-вторых, разрабатывается структура интеграции симуляционных технологий в образовательные программы. В-третьих, формулируются методические рекомендации по использованию данных инструментов для оценки и развития эмоциональных навыков педагогов на различных этапах их карьеры.

Настоящая работа посвящена разработке и обоснованию концепции интеграции компьютерных симуляций эмоционального отклика в программы профессиональной подготовки педагогов. Основой исследования стал глубокий теоретический анализ современных подходов к эмоциональному интеллекту, психологии труда и методам обучения педагогов, дополненный обзором передового опыта применения технологий виртуальной реальности.

Материалами исследования послужили: современная отечественная и зарубежная литература по проблемам эмоционального интеллекта, эмоциональной регуляции и использованию технологий виртуальной реальности в образовательной сфере; научные статьи и монографии, рассматривающие теорию и практику применения симуляций эмоционального отклика в психологии труда и педагогике; практические рекомендации и инструкции по применению симуляционных технологий в образовательных учреждениях.

Основными методами исследования выступили: теоретический анализ публикаций и пособий, позволяющий выявить существующие подходы к моделированию эмоционального отклика и определить возможные пути их усовершенствования; систематизация и классификация существующих видов симуляций, используемых в педагогическом образовании, с целью выявления лучших практик и выявления недостатков текущих подходов; концептуальное проектирование интегративной модели, предусматривающей включение симуляций эмоционального отклика в структуру программ подготовки педагогов.

Структура работы основана на последовательности изложения материала: сначала представлены теоретические основы эмоционального отклика в педагогической деятельности, далее описан обзор существующих симуляций и предлагается оригинальная модель их интеграции в учебный процесс. После этого формируются конкретные методические рекомендации по внедрению и применению данных технологий в повседневной педагогической практике.

Использование указанных материалов и методов позволило сформировать целостную картину современного состояния вопроса и предложить действенное решение для повышения эмоциональной компетентности педагогов, необходимой для успешной профессиональной деятельности.

Исследования показали, что традиционное обучение педагогов неэффективно справляется с развитием навыков управления эмоционально напряжёнными ситуациями, такими как конфликты, стрессы и проявления эмпатии. Отсутствие соответствующих компетенций повышает риск профессионального выгорания и ухудшает качество образовательного процесса. Современные требования к качеству образования и индивидуальному подходу усиливают нагрузку на педагогов, делая необходимым поиск инновационных решений.

Предложенная в исследовании концептуальная модель интеграции компьютерных симуляций эмоционального отклика доказала свою эффективность в решении этой проблемы. Создание безопасных виртуальных сценариев, имитирующих реальные рабочие ситуации, позволяет будущим специалистам осваивать необходимые навыки эмоциональной регуляции и адаптироваться к различным трудным ситуациям, встречающимся в профессиональной деятельности.

В результате проведённого анализа установлено следующее: традиционные методы подготовки неспособны должным образом развить устойчивость педагогов к эмоциональным нагрузкам, что приводит к профессиональному выгоранию и ухудшению образовательного результата; симуляции эмоционального отклика выступают перспективным ресурсом для глубокого изучения психологических процессов в безопасной среде, позволяя развивать важные навыки, необходимые в реальной педагогической практике; компьютерные симуляции способствуют лучшему пониманию и контролю собственных эмоциональных реакций, повышают стрессоустойчивость и формируют стратегии эффективного взаимодействия с учащимися.

Главные выводы исследования заключаются в следующем: разработанная модель интеграции симуляций помогает повысить эмоциональную компетентность педагогов, что позитивно влияет на продуктивность их профессиональной деятельности; прогрессивные технологии виртуальной реальности вносят вклад в развитие педагогической сферы, повышая профессионализм и снижая риски профвыгорания; возможность регулярного использования симуляций для диагностики и поддержания высокого уровня эмоциональной готовности позволит существенно улучшить общее состояние здоровья и удовлетворённость трудом среди педагогов.

Таким образом, результаты исследования подтвердили ключевое предположение о необходимости включения современных технологий, таких как компьютерные симуляции эмоционального отклика, в программы подготовки и переподготовки педагогов. Дальнейшие перспективы включают расширение тематик симуляций и углубленное изучение их влияния на разные категории работников образовательной сферы.

Список использованных источников:

1. Ахметшина И.А. Этические аспекты использования цифровых технологий, искусственного интеллекта и нейросетей в обучении студентов университета // Проблемы и перспективы развития образования: сборник материалов XI Международной научно-практической конференции, Орехово-Зуево, 24 октября 2024 года. – Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2024. – С. 49-57.
2. Банарцева А.В. Компьютерные технологии в образовании // Альманах современной науки и образования. – 2012. – №1. – С. 108-109.
3. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ / пер. с англ. А. Исаевой. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 536 с.
4. Захарова И.Г. Информационные технологии в образовании. – М.: Издательский центр «Академия», 2013. – 208 с.
5. Клементьева М.В. Виртуальная среда как жизненное пространство современного человека // Гуманитарные науки. Вестник Финансового Университета. – 2022. – №12 (5). – С. 63–69.
6. Ковалёв А.И. Технологии виртуальной реальности в моделировании и управлении стрессовой реакцией человека / А.И. Ковалёв, Е.Е. Нефельд // Сибирский психологический журнал. – 2024. – №92. – С. 165-180.

УДК 316.624.2

Селютина Е.В.

магистр 3 курса, направление подготовки 44.04.02, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

*Работа выполнена под научным руководством **Орловой И.К.***

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

ОСНОВНЫЕ КОРРЕКЦИОННЫЕ РАБОТЫ С ПОДРОСТКАМИ, СКЛОННЫМИ К САМОРАЗРУШИТЕЛЬНОМУ ПОВЕДЕНИЮ

Аннотация. В данной статье исследуется проблема саморазрушительного поведения среди подростков, с акцентом на взаимосвязь между чувством вины, низкой самооценкой, эмоциональным неблагополучием и склонностью к самоповреждению. На основе эмпирического исследования, выявившего «группу риска», была разработана и апробирована интегративная коррекционная программа «Перезагрузка: инструкция к себе». Программа, сочетающая когнитивно-поведенческий подход с арт-терапевтическими и нарративными методиками, продемонстрировала высокую эффективность, подтверждённую статистически значимым снижением уровня аутоагрессии, нормализацией самооценки, улучшением психоэмоционального состояния и уменьшением интенсивности деструктивного чувства вины.

Ключевые слова: селфхарм, чувство вины, самооценка, саморазрушительное поведение, подростковый возраст, психологическое благополучие, межличностные конфликты, стрессоустойчивость, эмоциональная регуляция, профилактика самоповреждений, социальная поддержка.

BASIC CORRECTIVE WORK WITH ADOLESCENTS PRONE TO SELF-DESTRUCTIVE BEHAVIOR

Abstract. This article explores the problem of self-destructive behavior among adolescents, with a focus on the relationship between guilt, low self-esteem, emotional distress, and self-harm tendencies. Based on an empirical study that identified a «risk group» an integrative correction program «Reboot: instructions to yourself» was developed and tested. The program, combining a cognitive-behavioral approach with art-therapeutic and narrative methods, demonstrated high efficiency, confirmed by a statistically significant decrease in the level of auto-aggression, normalization of self-esteem, improvement in the psycho-emotional state and a decrease in the intensity of destructive guilt.

Key words: selfharm, guilt, self-esteem, self-destructive behavior, adolescence, psychological well-being, interpersonal conflicts, stress resistance, emotional regulation, prevention of self-harm, social support.

В современном обществе наблюдается устойчивая тенденция к росту разнообразных форм деструктивного поведения среди подростков, таких как самоповреждение (селфхарм), суицидальные тенденции, пищевые расстройства, рискованное поведение и аддикции. Эти проявления не только наносят прямой ущерб физическому и психическому здоровью подрастающего поколения, но и создают серьезные вызовы для системы образования, здравоохранения и социальной защиты.

Ранее мы уже затрагивали проблему сложности подросткового возраста и связанного с ним риска развития самоповреждающего поведения [5]. Проведенное нами исследование и изучение теоретического и практического опыта показали, что подростковый возраст представляет собой один из наиболее сложных этапов становления личности, успешное прохождение которого сопряжено со значительными трудностями. В современном обществе наблюдаемой тревожной тенденцией роста суицидальной активности и распространения самоповреждающего поведения (селфхарма) среди подростков.

Селфхарм является сложным и многогранным феноменом, выступающим не как изолированный поведенческий акт, а как симптом глубинных психологических проблем: низкой самооценки, межличностных конфликтов и эмоциональных расстройств. Актуальность изучения данной проблемы остается чрезвычайно высокой в связи с продолжающимся ростом распространенности селфхарма, что вызывает обеспокоенность как у родителей, так и у специалистов в сфере образования и психического здоровья.

Анализ практической деятельности показал, что реализация работы по профилактике саморазрушающего поведения детей и подростков, в образовательных организациях, осуществляется в соответствии с соответствующими нормативно-правовыми документами, действующими на территории Российской Федерации и Московской области [6; 7; 9; 10-14].

В последние годы исследователи и практики констатируют устойчивый рост распространенности самоповреждающего поведения (селфхарма) среди несовершеннолетних, что позволяет говорить о его переходе в категорию одной из наиболее значимых проблем в области подросткового психического здоровья и психолого-педагогического сопровождения. Многочисленные исследования фиксируют широкий разброс показателей вовлеченности подростков в самоповреждения – от 7,5% до 46,5% в различных выборках по всему миру, что подчеркивает глобальный характер данной деструктивной тенденции [4; 8].

Парадоксальным образом, столь значимая по своим масштабам и последствиям проблема не получает адекватного системного ответа. На сегодняшний день в научно-практическом дискурсе отсутствует консенсус относительно единой, целостной программы профилактики и коррекции, пригодной для широкого внедрения в образовательных учреждениях. Как справедливо отмечается рядом авторов, этому препятствует «недостаточная согласованность в концептуализации данного феномена». Анализ существующих коррекционных моделей (например, программ, реализуемых И.А.Бобковой, Н.Г.Линейцевой, Т.В.Честновой) выявляет их локальность, региональную специфику и ограниченность в связи с трудностями организационно-методического характера. Несмотря на их безусловную ценность, эти модели не формируют интегрированного подхода, способного стать универсальным инструментом.

Следовательно, ключевое противоречие современной ситуации заключается в резком увеличении распространенности аутоагрессивных форм поведения среди подростков и одновременном дефиците целостной, системной и общедоступной программы коррекции, что детерминирует необходимость целенаправленной разработки и апробации такого комплексного инструментария.

В рамках нашего исследования был проведён сравнительный анализ ситуации у подростков в ГКУ СО МО Семейный центр помощи семье и детям «Непоседы» в г.Балашиха Московской области. В исследовании принимали участие 20 воспитанников (12-17 лет).

Проведенное исследование позволило получить следующие результаты.

Структура мотивации самоповреждений (по методике Н.А.Польской). Диагностика выявила контрастные профили мотивационной сферы: в контрольной группе (далее – КГ) низкий уровень мотивации к самоповреждению был идентифицирован у 70% испытуемых. В экспериментальной группе (далее – ЭГ) преобладали средний (60%) и высокий (30%) уровни, с доминированием таких функций, как аффективная регуляция и компенсация субъективного чувства утраты контроля.

Склонность к девиантному поведению (по методике Э.В.Леус). Распределение показателей в КГ характеризовалось доминированием низкого уровня аутоагрессии (70%). В ЭГ наблюдалась инверсная картина:

у 70% подростков был диагностирован высокий уровень склонности к самоповреждающему поведению, что подтвердило их принадлежность к «группе риска».

Уровень самооценки (по методике Г.Н.Казанцевой). В КГ адекватная и высокая самооценка была свойственна 70% участников. В ЭГ, напротив, у половины респондентов (50%) была выявлена критически низкая самооценка, что свидетельствует о наличии устойчивых дезадаптивных когнитивных схем негативного самовосприятия.

Психоземotionalное состояние (по шкале DASS-21). В обеих группах на момент констатирующего среза преобладали средние уровни переживания стресса и тревоги.

Однако высокий уровень депрессивной симптоматики был зафиксирован исключительно в ЭГ (10% респондентов), что указывает на более глубокий эмоциональный дистресс в данной группе.

Интенсивность чувства вины (по методике PGI). Результаты диагностики показали, что 30% подростков в ЭГ изначально демонстрировали высокие показатели как по шкале вины-состояния (ситуативное переживание), так и по шкале вины-черты (устойчивая личностная характеристика).

Результаты диагностики подтвердили исходную гипотезу, выявив у подростков экспериментальной группы симптомокомплекс, детерминирующий саморазрушительное поведение: выраженное эмоциональное неблагополучие, низкую самооценку, высокий уровень депрессии, интенсивное чувство вины и склонность к аутоагрессии. Данные результаты обосновали необходимость применения целенаправленной коррекционной программы, сфокусированной на снижении вины и развитии адаптивной саморегуляции.

В рамках исследования была разработана и апробирована интегративная коррекционная программа «Перезагрузка: инструкция к себе», нацеленная на снижение саморазрушительного поведения подростков через механизм снижения интенсивности деструктивного чувства вины. Программа, основанная на принципах когнитивно-поведенческого подхода и синтезированная с арт-терапевтическими и нарративными методиками, реализовывалась в экспериментальной группе в течение 3 месяцев.

Результаты контрольного этапа зафиксировали статистически значимую положительную динамику по всем ключевым показателям: снижение аутоагрессии (доля подростков с высоким уровнем склонности к самоповреждению сократилась с 70% до 20%), нормализация самооценки (количество респондентов с критически низкой самооценкой уменьшилось с 50% до 10%), улучшение эмоционального состояния (значительно снизились показатели депрессии, тревоги и стресса по шкале DASS-21), снижение интенсивности вины (наблюдалась редукция переживания вины как ситуативного состояния (с 30% до 10% с высоким уровнем), так и как личностной черты).

Проведенное исследование подтвердило высокую распространенность и социальную значимость проблемы саморазрушительного поведения среди подростков. Диагностика выявила у данной категории подростков специфический симптомокомплекс, включающий выраженное эмоциональное неблагополучие, низкую самооценку, высокий уровень депрессии, интенсивное чувство вины и склонность к аутоагрессии.

Разработанная и апробированная интегративная коррекционная программа «Перезагрузка: инструкция к себе», основанная на когнитивно-поведенческом подходе в синтезе с арт-терапевтическими и нарративными методиками, продемонстрировала высокую эффективность. Результаты контрольного этапа показали статистически значимую положительную динамику по всем ключевым параметрам: существенное снижение уровня аутоагрессии, нормализация самооценки, улучшение психоземotionalного состояния и снижение интенсивности деструктивного чувства вины.

Таким образом, программа «Перезагрузка: инструкция к себе» представляет собой научно обоснованный и практико-ориентированный инструмент для системы образования и психолого-педагогического сопровождения, эффективность которого доказана эмпирически. Её внедрение способствует разрешению ключевого противоречия между растущей распространенностью самоповреждающего поведения среди подростков и дефицитом целостных, системных и доступных коррекционных программ.

Список использованных источников:

1. Диагностика отклоняющегося поведения. Выпуск 1. Психологическая диагностика самоповреждающего и суицидального поведения: учебно-методическое пособие для обучающихся факультета педагогики и психологии, направлений подготовки «Психолого-педагогическое образование», «Психология», «Педагогика», практикующих психологов, социальных работников / Н.А. Добровидова, М.Ю. Горохова, И.Л. Матасова, Е.Н. Устюжанинова, М.А. Шаталина. – Электрон. текстовые данные (932 КБ). – Самара: СФ ГАОУ ВО МГПУ, 2022. – 50 с.
2. Закон Московской области от 11.07.2025 №145/2025-ОЗ «О внесении изменения в Закон Московской области «О мерах по предупреждению причинения вреда здоровью и развитию несовершеннолетних в Московской области» [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://mosreg.ru/dokumenty/normotvorchestvo/zakony/zakon-moskovskoi-oblasti-1452025-oz-o-vnesenii-izmenenii-v-zakon-moskovskoi-oblasti-o-merax-po-preduprezhdeniiu-pricineniiu-vreda-zdoroviu-i-razvitiuu-nesoversennoletnix-v-moskovskoi-oblasti> (дата обращения: 14.10.2025).
3. Золотарева А.А. Систематический обзор психометрических свойств Шкалы депрессии, тревоги и стресса (DASS-21) // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. – 2020. – №2. – С. 26-37.
4. Любов Е.Б. Несуицидальные самоповреждения подростков: общее и особенное. Часть 1 / Е.Б. Любов, П.Б. Зотов // Суицидология. – 2020. – Т. 11, №3 (40). – С. 44-71.
5. Орлова И.К. Подростковый селфхарм и чувство вины: исследование влияния самооценки / И.К. Орлова, Е.В. Селюткина // Научные исследования разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. – 2025. – №3. – С. 41-46.
6. Письмо Минпросвещения России от 24.07.2025 №АБ-2700/07 «О направлении методического письма» (вместе с «Методическим письмом «Профилактика суицидального поведения несовершеннолетних в образовательных организациях:

формирование позитивного мышления и ответственного поведения») [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_511526/96c60c11ee5b73882df84a7de3c4fb18f1a01961/ (дата обращения: 14.10.2025).

7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 26.04.2021 №1058-р (ред. от 04.04.2025) «Об утверждении комплекса мер до 2030 года по совершенствованию системы профилактики суицида среди несовершеннолетних» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_383385/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 14.10.2025).

8. Руженков В.А. К вопросу об уточнении содержания понятия «аутоагрессивное поведение» / В.А. Руженков, Г.А. Лобов, А.В. Боева // Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья. – 2008. – №32. – С. 20-24.

9. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 №223-ФЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 14.10.2025).

10. Федеральный закон от 21.12.1996 №159-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12778/ (дата обращения: 14.10.2025).

11. Федеральный закон от 24.06.1999 №120-ФЗ (ред. от 01.04.2025) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/ (дата обращения: 14.10.2025).

12. Федеральный закон от 24.07.1998 №124-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/ (дата обращения: 14.10.2025).

13. Федеральный закон от 29.12.2010 №436-ФЗ (ред. от 30.11.2024) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/ (дата обращения: 14.10.2025).

14. Федеральный закон от 29.12.2012 №273-ФЗ (ред. от 29.09.2025) «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 14.10.2025).

УДК 37.013

Смирных А.Н.

студентка 2 курса, направление 44.03.02, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством Ахметшиной И.А.

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

РОЛЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Настоящая статья рассматривает роль эмоционального интеллекта в образовании и его важность в развитии личности студента. Современное образование ориентировано не только на передачу знаний, но и на разностороннее развитие личности обучающегося. Развитие эмоционального интеллекта в учебной деятельности учит понимать, управлять своими и чужими эмоциями, что является основой взаимодействия между людьми. Представлены результаты опроса студентов университета. Большинство опрошенных студентов обладают низким уровнем эмоционального интеллекта вне зависимости от академической успеваемости. Обозначена необходимость развития эмоционального интеллекта у студентов университета.

Ключевые слова: студенты, эмоциональный интеллект, обучение, мотивация к успеху, стрессоустойчивость, развитие.

THE ROLE OF EMOTIONAL INTELLIGENCE IN EDUCATIONAL ACTIVITIES

Abstract. This article examines the role of emotional intelligence in education and its importance in the development of a student's personality. Modern education focuses not only on the transfer of knowledge but also on the comprehensive development of the student's personality. The development of emotional intelligence in educational activities teaches students to understand and manage their own and others' emotions, which is the foundation of human interaction. The article presents the results of a survey conducted among university students. The majority of the surveyed students have a low level of emotional intelligence, regardless of their academic performance. The article highlights the need for the development of emotional intelligence among university students.

Keywords: students, emotional intelligence, learning, motivation for success, stress resistance, and development.

В настоящее время большое внимание в науке уделяется такому понятию как эмоциональный интеллект. Под эмоциональным интеллектом подразумевается способность индивида распознавать, понимать свои эмоции и эмоции других. Это весьма важно для улучшения сплоченности коллектива и эффективности работы.

Впервые о данном термине заговорили за рубежом в конце XX века. Среди наиболее значимых исследователей теории эмоционального интеллекта можно отметить авторов моделей Д.Карузо, Дж.Майера, П.Сэловея (четырёхкомпонентная, иерархичная модель эмоционального интеллекта) [6]; Д.Гоуман (смешанная, иерархичная модель эмоционального интеллекта) и др. [1]. Впервые расшифровкой настоящего понятия «эмоциональный интеллект занялся» Д.Векслер. Следующим этапом развития данной темы послужила ранее упомянутая четырёхкомпонентная модель, где авторы трактовали данный навык как когнитивную способность. При этом каждый компонент касается как собственных эмоций личности, так и чужих [4].

В научной терминологии под эмоциональным интеллектом подразумевается навык обработки информации в эмоциях, а именно: распознавание значения и функций эмоций, их взаимосвязи для последующего использования в принятии решений [3].

Соотношение слов «эмоциональный» и «интеллект» на начальном этапе его становление как научного термина вызывало споры и противоречия у специалистов. Считалось, что неуместно использовать понятие «интеллект», предлагалось использование термина «компетенции» [2]. Тем не менее, сейчас данное соотношение не вызывает никаких споров.

Стоит отметить возможный потенциал развития эмоционального интеллекта для улучшения академической успеваемости студентов. Как известно эмоции и мышление тесно связаны. Эмоции могут влиять на мышление. Развитый эмоциональный интеллект позволяет личности не только преуспеть в саморазвитии, но и способствует повышению интеллектуального роста, а также обеспечивает увеличение уровня адаптивности к изменяющимся условиям. Потенциально улучшение эмоционального интеллекта у студентов поможет стимулировать повышение академической успеваемости через следующие компоненты: повышение мотивации; эффективность взаимодействия; управление стрессом; развитие критического мышления и навыка саморефлексии.

Студенты, которые имеют высокий уровень эмоционального интеллекта лучше понимают свои чувства и эмоции, что позволяет им поддерживать интерес к учебе и избежать выгорания. Для них также характерна развитая эмпатия, которая помогает студентам в развитии межличностных отношений, через распознавание эмоций и настроения окружающих. Такая особенность позволит улучшить коммуникацию с преподавателями и сверстниками, что не может не отразиться на отношении к учебе. Студент, который не боится проявить себя в социуме, имеет больше возможностей для развития. Например, студент с высоким уровнем коммуникации не будет бояться задавать вопросы преподавателю по поводу материала, активнее станет проявлять себя на практических занятиях и исчерпает страх публичных выступлений.

Обучение зачастую это стрессовые ситуации и некоторые неудачи владение навыком эмоционального управления и регуляции позволит сохранить эмоциональное равновесие, спокойствие и обеспечит стабильное эмоциональное состояние, что исключает угнетение когнитивных функций, а это повышает эффективность усвоения материала [5]. В целом понимание своих эмоций помогает обучающемуся более осознанно подходить к учебной деятельности.

Для проведения исследования использовались данные об уровне эмоционального интеллекта, мотивации, стрессоустойчивости и академической успеваемости студентов факультета социально-гуманитарных технологий ФГБОУ «МГУТУ им. К.Г.Разумовского (ПКУ)». В опросе приняли участие 20 студентов 1 курса в возрастном диапазоне 18-20 лет, направление подготовки Психолого-педагогическое образование. Для определения уровня эмоционального интеллекта использовался тест-опросник Холла. Ответы респондентов обработаны по 6-балльной шкале Ликкерта, при этом пять пунктов шкалы не пересекаются: эмоциональная осведомленность, управление эмоциями, самомотивация, эмпатия и распознавание эмоций других людей.

Для определения уровня мотивации студентов использовалась методика мотивации к успеху (Т.Элерса), которая предназначена для диагностики мотивационной направленности личности на достижение успеха. Стимульный материал представляет собой 41 утверждение, на которые испытуемому необходимо дать один из двух вариантов ответов «да» или «нет». Также в рамках работы было проведено исследование стрессоустойчивости студентов по тесту С.Коухена и Г.Виллиансона. Результаты исследовательской работы представлены в таблице 1.

Таблица 1. Результаты диагностики студентов первого курса

Участник	Уровень академической успеваемости	Мотивация к успеху	Эмоциональный интеллект	Стрессоустойчивость
1	Хорошо	Умеренный уровень	Низкий уровень	Удовлетворительно
2	Хорошо	Средний уровень	Низкий уровень	Удовлетворительно
3	Отлично	Средний уровень	Средний уровень	Удовлетворительно
4	Отлично	Умеренный уровень	Средний уровень	Удовлетворительно
5	Отлично	Слишком высокий уровень	Средний уровень	Плохо
6	Хорошо	Умеренный уровень	Низкий уровень	Удовлетворительно
7	Хорошо	Средний уровень	Средний уровень	Удовлетворительно
8	Хорошо	Средний уровень	Низкий уровень	Удовлетворительно
9	Отлично	Средний уровень	Средний уровень	Удовлетворительно
10	Отлично	Средний уровень	Средний уровень	Удовлетворительно
11	Хорошо	Слишком высокий уровень	Низкий уровень	Удовлетворительно
12	Отлично	Средний уровень	Низкий уровень	Удовлетворительно
13	Хорошо	Умеренный уровень	Средний уровень	Удовлетворительно
14	Хорошо	Средний уровень	Средний уровень	Плохо
15	Хорошо	Умеренный уровень	Низкий уровень	Удовлетворительно
16	Хорошо	Средний уровень	Низкий уровень	Удовлетворительно
17	Хорошо	Умеренный уровень	Низкий уровень	Удовлетворительно
18	Удовлетворительно	Средний уровень	Низкий уровень	Удовлетворительно
19	Хорошо	Слишком высокий уровень	Низкий уровень	Удовлетворительно
20	Хорошо	Средний уровень	Средний уровень	Удовлетворительно

Полученные нами результаты не выявили никакой закономерности между уровнем академической успеваемости и уровнем эмоционального интеллекта, при этом большинство опрошенных студентов обладают низким уровнем эмоционального интеллекта вне зависимости от академической успеваемости. При этом результаты по пяти шкалам теста следующие: эмоциональная осведомленность – преимущественно низкие показатели; управление своими эмоциями – низкие показатели у большинства; самомотивация – низкий уровень; эмпатия – средний уровень у большинства; распознавание эмоций других людей – равное количество как высоких, так и низких показателей. Уровень мотивации к успеху среди опрошенных преимущественно равен среднему значению, стрессоустойчивость большинства удовлетворительна, но встречаются участники с результатом «плохо» по данному критерию.

Таким образом, полученные результаты говорят о необходимости внедрения в образовательных процесс методик и программ по развитию эмоционального интеллекта как качества, которое поможет студентам как в обучении, так и при создании успешной карьеры. Не исключено, что высокий уровень эмоционального интеллекта поможет улучшить показатели по уровню мотивации к успеху и стрессоустойчивости.

Список использованных источников:

1. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект / пер. с англ. А.П. Исаевой. – М.: АСТ, 2009. – 478 с.
2. Дегтярев А.В. «Эмоциональный интеллект»: становление понятия в психологии // Психологическая наука и образование www.psyedu.ru. – 2012. – №2. – С. 170-180.
3. Конаш О.В. Содержание понятия эмоционального интеллекта в психологической науке // Проблемы современного образования. – 2022. – №5. – С. 31-38.
4. Наймушина Л.М. История становления понятия «эмоциональный интеллект» в психологической науке // Педагогика: история, перспективы. – 2020. – Том 3. №4. – С. 63-70.
5. Педагогика и психология в схемах и таблицах: учебное пособие / И.А. Ахметшина, Е.А. Баранова, Н.В. Белякова [и др.]. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2025. – 275 с.
6. Mayer J.D., Caruso D.R., Salovey P. The Ability Model of Emotional Intelligence: Principles and Updates. Special Section: Emotional Intelligence. Vol. 8, No. 4 (October 2016). P: 290-300. DOI: 10.1177/1754073916639667.

УДК 37.1

Соломина Е.И.

студентка 1 курса, направление 44.03.01, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством Вакуленко А.Н.

кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания и допризывной подготовки, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

ВЛИЯНИЕ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ НА ОБУЧЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТУ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ЭФФЕКТИВНОГО ОБУЧАЮЩЕГОСЯ ПРОЦЕССА

Аннотация. В статье представлены особенности виртуальной реальности как современной технологии в разных областях, включая образование и спорт. Она позволяет погрузиться в цифровые миры, создавая ощущение присутствия и взаимодействия. Благодаря этому, виртуальная реальность значительно улучшает процесс обучения и тренировок, делая его более эффективным и интересным. Особенно ценна виртуальная реальность в спорте, где традиционные методы обучения не всегда идеальны. Она предлагает революционные возможности для создания более эффективных, увлекательных и доступных тренировок, меняет подход к обучению, позволяя спортсменам лучше осваивать навыки, улучшать понимание спортивных дисциплин и повышать результативность.

Ключевые слова: образование, студент, физическая культура, спорт, виртуальная реальность.

THE IMPACT OF VIRTUAL REALITY ON PHYSICAL CULTURE AND SPORTS TEACHING: NEW OPPORTUNITIES FOR AN EFFECTIVE LEARNING PROCESS

Abstract. The article presents the features of virtual reality as a modern technology in various fields, including education and sports. It allows users to immerse themselves in digital worlds, creating a sense of presence and interaction. This significantly enhances the learning and training process, making it more effective and engaging. Virtual reality is particularly valuable in sports, where traditional training methods may not always be ideal. It offers revolutionary opportunities for creating more efficient, fun, and accessible training sessions, revolutionizing the way athletes learn and improve their skills, understanding, and performance.

Keywords: education, student, physical education, sports, virtual reality.

Актуальность изучения влияния виртуальной реальности (далее – VR) на физическую культуру и спорт обусловлена необходимостью поиска новых способов повышения физической активности обучающихся. Она предоставляет уникальные возможности: создание реалистичных спортивных сценариев, эффективное обучение технике и повышение вовлеченности в процесс за счёт интерактивного взаимодействия [1; 2; 6]. Настоящая работа ставит своей целью выяснить, как виртуальные технологии сказываются на результатах спортивной подготовки студентов, и определить, насколько они превосходят или уступают традиционным методам обучения.

Теоретически, VR в образовании опирается на технологию, включающую пять модулей: тестирование, обратную связь, сенсоры, контроллер и 3D-модели. С точки зрения психологии и педагогики, виртуальная реальность эффективна в обучении благодаря нескольким факторам: она мотивирует и вовлекает учащихся

через сенсорные ощущения, предлагает возможности для индивидуальной и групповой работы, и, как следствие, повышает эффективность тренировок [4]. Использование VR в тренировочном процессе по физической культуре и спорту предоставляет значительные преимущества. Тренеры могут всесторонне оценивать действия спортсменов, получая уникальные перспективы для анализа их поведения. Спортсмены же получают ценную возможность самоанализа, наблюдая за своими выступлениями в реалистичной виртуальной среде, что способствует улучшению результатов.

Виртуальная реальность стремительно проникает в спорт и образование, предлагая иммерсивный опыт, максимально приближенный к реальным условиям [3; 6]. Это способствует более эффективному обучению, повышает вовлеченность и мотивацию. В сфере физической культуры и спорта VR находит применение в совершенствовании подготовки спортсменов (тренеры получают возможность детально анализировать действия своих подопечных с разных ракурсов, а сами спортсмены могут изучать свои выступления в матчах и на тренировках), развитии моторики (виртуальная среда позволяет гибко моделировать тренировочные сценарии, обеспечивая неограниченное количество повторений упражнений и симуляцию редких или сложных ситуаций), повышении интереса к обучению (VR делает образовательный процесс более наглядным и захватывающим), расширении возможностей для людей с ограниченными физическими возможностями (VR открывает им доступ к активному передвижению и участию в виртуальных активностях без физических барьеров).

Современные технологии виртуальной реальности находят применение в фитнесе и спорте, предлагая новые способы тренировок и улучшения навыков, в частности VR-шлемы для погружения (например, Oculus Rift, HTC Vive) и VR-тренировки (BoxVR, STRIVR, HomeCourt, VR Motion Learning, ICAROS, Rezzil).

Преимущества и возможности виртуальной реальности для обучения спорту и физической культуре:

- повышенная безопасность (VR снижает риск травм, что особенно важно в образовательных учреждениях; студенты могут практиковаться в опасных видах спорта в безопасной виртуальной среде, минимизируя вероятность получения повреждений из-за неправильной техники);
- возможность к разнообразным видам спорта (VR открывает доступ к занятиям спортом, которые могут быть ограничены погодными условиями, необходимой экипировкой или местоположением);
- развитие когнитивных навыков (VR способствует развитию мышления, включая творческое и креативное, что помогает учащимся лучше усваивать материал и углублять понимание спортивных дисциплин);
- вовлечение и мотивация (VR превращает занятия физической культурой в увлекательную игру, что повышает интерес и мотивацию студентов любого возраста и пола);
- персонализированный мониторинг (VR позволяет отслеживать физиологические показатели спортсмена во время тренировок, предоставляя ценную информацию для улучшения результатов и обеспечения безопасности) [1; 5].

Оценка эффективности виртуальной реальности подтверждает, что технология способствует улучшению физических навыков у студентов, повышению вовлеченности в занятия физической культуры и спортом, снижению вероятности травм и доступу к сложным видам спорта.

Таким образом, эпоха виртуальной реальности кардинально меняет подход к преподаванию физкультуры и спорта, предоставляет уникальные инструменты для улучшения качества обучения студентов университета, снижения рисков и повышения их интереса к занятиям. VR-технологии расширяют границы, делая спорт и физическую активность более доступными, интересными и адаптированными к индивидуальным потребностям. Это способствует формированию здоровых привычек и помогает достигать выдающихся спортивных результатов. Вложение средств в VR для спорта и физической культуры – это вклад в будущее образования и спорта.

Список использованных источников:

1. Алексина А.О. Использование инновационных технологий в обучении физической культуре и спорту: влияние виртуальной реальности и симуляторов на обучающий процесс / А.О. Алексина, А.В. Левченко, К.Ю. Ефимов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2024. – №5. – С. 146-159.
2. Ахметшина И.А. Этические аспекты использования цифровых технологий, искусственного интеллекта и нейросетей в обучении студентов университета // Проблемы и перспективы развития образования: сборник материалов XI Международной научно-практической конференции, Орехово-Зуево, 24 октября 2024 года. – Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2024. – С. 49-57.
3. Воронова Е.С. Виртуальная реальность в образовании: влияние на мотивацию и усвоение материала // Наука и образование в XXI веке: интеграция и инновации: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 12 ноября 2024 г. / под общ. ред. Е.П. Ткачевой. – Белгород: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2024. – С. 73-76.
4. Иванова Л.А. IT-технологии и программное обеспечение образовательного процесса по физической культуре и спорту в вузах / Л.А. Иванова, О.А. Казакова, А.А. Решетин // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2024. – №4. – С. 87-98.
5. Леонов С.В. Особенности использования виртуальной реальности в спортивной практике / С.В. Леонов, И.С. Поликанова, Н.И. Булаева, В.А. Клименко // Национальный психологический журнал. – 2019. – №4 (36). – С. 18-30.
6. Психолого-педагогические технологии обучения в эпоху цифровизации: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по укрупненной группе специальностей 44.00.00 – «Образование и педагогические науки» / С.Е. Шишов, Г.Н. Юлина, П.И. Алиева [и др.]. – М.: Ваш Формат, 2025. – 517 с.

студент 2 курса, направление 44.03.02, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством Юлиной Г.Н.

кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета социально-гуманитарных технологий, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МУЗЫКИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ

Аннотация. Восприятие детьми информации в ходе школьных уроков является острой темой. Часто младшие школьники бывают чрезмерно активными и неусидчивыми, не могут воспринимать информацию и часто переключают внимания на более занимательные явления. Учеников сложно мотивировать на запоминание информации и прилежному обучению. Однако в данной научной статье детально будет рассмотрен только один способ – музыкальное воздействие. Предлагается рассмотреть метод музыкального воздействия на продуктивность восприятия информации школьниками.

Ключевые слова: цифровые технологии, обучение, ученик, внимание, восприятие, концентрация, музыкальное сопровождение, продуктивность, музыка.

DIGITAL TECHNOLOGIES AND THE USE OF MUSIC IN THE LEARNING PROCESS

Abstract. Children's perception of information during school lessons is a pressing issue. Often, younger students are overly active and restless, unable to process information and frequently shifting their attention to more engaging phenomena. Motivating students to memorize information and engage in diligent learning can be challenging. However, this scientific article will focus on a specific method: musical influence. It proposes exploring the impact of music on the effectiveness of information perception in schoolchildren.

Keywords: digital technologies, learning, student, attention, perception, concentration, musical accompaniment, productivity, music.

Проблема вовлечения учеников в процесс обучения всегда будет оставаться актуальной. Каждый ребёнок имеет уникальные особенности в строении органов, которые влияют на восприятие информации. Психические и психофизиологические процессы имеют значительные различия у каждого индивида. Развитие у каждого ребёнка движется в собственном ритме и отображается на способности концентрироваться.

Достаточно часто дети дошкольного возраста преследуют эгоцентричные цели. Такого рода цели могут стать важными для детей младшего школьного возраста. В первые годы школьной жизни ребёнок может не отдавать отчет в своих действиях, опираясь на свои личные переживания и чувства. Так, Л.С.Выготский в своих работах пишет о том, что в 7 лет ребёнок начинает понимать и признавать свои эмоции. Школьник начинает отдавать отчёт своим действиям и соотносить их со своим состоянием. Он оценивает выбор на эмоциональном уровне. Эгоцентризм переходит в состояние осознанности и ребёнок принимает решение на основе имеющегося опыта и эмоциональных ощущений [2].

Следовательно, чувства для младшего школьника становятся наиболее важным критерием выбора своей деятельности. Внимание напрямую связано с интересом и эмоциональной окраской. Ребёнок выбирает объект наблюдения чаще всего руководствуясь личной заинтересованностью от наиболее яркой эмоциональной окраски. Чем больше позитивных эмоций вызывает объект, тем больше вероятность того, что будет привлечены внимание и интерес ребёнка [5].

Однако, ребёнок младшего школьного возраста уже имеет способность к концентрации и усидчивости. Базовое развитие психики позволяет ему воспринимать школьный материал вне зависимости от уровня интереса. Особенности такого рода приводят к нужде поиска наиболее универсальных способов привлечения внимания и стимулирования интереса к получению нового учебного материала. Благодаря усидчивости ребёнок способен воспринимать информацию, но её последующее запоминание напрямую зависит от его заинтересованности. Необходим способ, который охватывает большинство особенностей в независимости от возраста, пола и незначительных отклонений развития психоэмоциональных структур.

Музыка часто используется в лечении различных болезней, связанных с психическим здоровьем. Терапия такого рода способна успокаивать, создавать для человека поле, в котором его моральное состояние улучшается или не подвергается ухудшению. Звуки часто привлекают к себе внимание и обладают эмоциональной окраской, которая активизирует психические процессы и помогает сконцентрироваться. Существует и тот факт, что музыка способна отвлекать внимание, заставляя индивида концентрироваться исключительно на своём моральном состоянии. Детское внимание выборочно и избирает то, что имеет наибольшую увлекательность.

В критерии увлекательности для детей чаще всего входят следующие структурные компоненты:

- подвижность (чаще всего внимание детей может привлечь движущийся объект, так как он имеет динамичность и не отличается пассивностью, такая изменчивость позволяет переключиться на более непредсказуемое явление);
- яркость (детям свойственен выбор наиболее ярких предметов и явлений, их интерес привлечёт явление, выделяющееся цветом на фоне остальных предметов);
- громкость звуков (если предмет издаёт необычные или достаточно громкие, но не слишком пугающие, звуки, то интерес ребёнка возрастает) [7].

Такие критерии являются наиболее распространёнными и под один из таких критериев подходит музыка. Музыка не имеет материальной оболочки, но благодаря звуковому воздействию способно завладеть вниманием ребёнка. Музыка способна отвлечь внимание и от основного объекта изучения, что может стать проблемой для восприятия школьного материала. Однако, некоторые учёные уже изучали данный вопрос. Изучением пользы и особенностей внедрения музыки в образовательный процесс занимались такие ученые как: В.В.Алеев, Б.В.Асафьев, Н.Я.Брюсова, В.Г.Каратыгин, Н.М.Ковин, Н.Н.Палтышев, А.А.Шеншин и др.

Использование музыки в процессе образования может увеличить продуктивность учеников. Музыкальное сопровождение позволяет удовлетворить эмоционально-психические потребности детей и окружить их позитивной средой. Музыка помогает школьникам сбросить напряжение, благодаря чему когнитивные способности учеников активируются в оптимальном режиме [6].

Внимание младших школьников может оставаться рассеянным и произвольным. Такие ученики будут выхватывать в основном явления, подходящие под критерии выделенные ранее. Процесс обучения таких школьников является тяжёлым, так как запоминаются только те явления, которые представляют собой для ученика наибольший интерес. С этими процессами связана усидчивость. Если внимание ребёнка часто переключается на различные предметы, то и его концентрация значительно уменьшается. Это приводит к нарушению усвоения школьного материала.

Однако, для младших школьников эта ситуация не является редкой, так как их внимание связано с эмоциональной составляющей. Именно поэтому в процессе образования необходимы элементы, которые позволят ребенку удовлетворить его эмоционально-психические потребности. Сброс напряжения и явление, на которое можно переключить своё внимание, благоприятно повлияет на внимательность и усидчивость учеников. Учёные, исследовавшие физиологию и психофизиологию младших школьников, пришли к выводу, что их психика находится в стадии развития, данная особенность не позволяет ученикам усваивать материал в сухой форме длительное время [1; 4].

Для продуктивности и концентрации внимания младшим школьникам необходим сброс напряжения и периодическое переключение внимания, чтобы их эмоциональное и психологическое состояние оставалось в пределах нормы. В противоположном случае, дети самостоятельно ищут более интересные предметы или занятия для того, чтобы напряжение не дошло до критической точки. Именно поэтому важно контролировать процесс переключения внимания и для данной цели подходит музыкальное сопровождение.

Перед тем, чтобы перейти к выделению достоинств и недостатков, предлагаемого способа улучшения продуктивности школьников в ходе изучения материала, необходимо выбрать наиболее оптимальную форму музыкального сопровождения.

Слушание музыки можно поделить на два основных вида:

- активное (внимание человека направленно исключительно на музыку и её смысл. При таком варианте дети смогут удовлетворить эмоциональные и психологические потребности, напряжение будет сброшено, вероятнее всего, такой способ создаст спокойную и дружескую атмосферу в классе. Однако, так как все внимание уделяется музыке материал не будет воспринят. Следовательно такой способ подойти для школьных уроков подойти не может);

- пассивное (в этом случае музыка является фоном и не отвлекает внимание человека на смысл и содержание. Данная музыка может быть спокойной, размеренной и ритмичной, но не должна быть громкой и слишком быстрой. Такой способ будет подсознательно расслаблять физическое и эмоциональное состояние учеников, позволяя воспринимать информацию без затруднений. Фоновая музыка позволяет снять нагрузку и создать атмосферу, позволяющую воспринимать новую информацию концентрируясь на ней. Кроме того, музыкальное сопровождение снижает желание учеников отвлекаться на разговоры. Если такое происходит, то музыка приглушает чужие разговоры, позволяя остальным не отвлекаться).

Наиболее подходящим методом музыкального воздействия может стать пассивное воспроизведение музыки. Исходя из этого и информации, полученной ранее, можно прийти к выводу, что данный способ увеличения продуктивности имеет преимущества и недостатки.

Можно выделить следующие недостатки музыкального сопровождения в ходе школьного урока:

- при избыточном использовании данного способа улучшения продуктивности может начаться спад. Так как ученики начнут привыкать к музыкальному сопровождению эмоциональная разгрузка может происходить с меньшей эффективностью;

- для самого преподавателя/учителя музыкальное сопровождение может стать помехой, которая прерывает мысль. Данная проблема решается только привыканием самого учителя к такой особенности;

- музыкальный вкус каждого ученика не может быть учтен. Данная проблема может решиться двумя способами. Первый из них музыку можно менять и позволить подбирать ученикам выбирать самостоятельно, после тщательной проверки учителем она может быть воспроизведена. Второй способ заключается в том, что музыка не должна иметь слов, голоса.

Можно выделить следующие преимущества музыкального сопровождения в ходе школьного урока. Во-первых, эмоциональное напряжение учеников заметно снижается. Благодаря этому, продуктивность и усидчивость детей увеличивается, что помогает им без особых затрат энергии активно участвовать во всех уроках, которые идут после урока с музыкальным сопровождением. Во-вторых, благодаря акцентуации с помощью музыки большая вероятность, что дети запомнят содержание урока, благодаря эмоциональному

окрасу. В-третьих, стоит отметить, что дисциплина так же может улучшиться. Дети будут оценивать музыку как благо, которое запрещено прерывать.

Обобщая все полученные данные, можно прийти к выводу, что музыкальное сопровождение будет иметь наибольший эффект, если использовать не часто, а применимо к определенным темам, чтобы дополнить атмосферу урока, например использование тематической музыки на различных уроках. Дополнение изложения материала учителем музыкой тематики, подходящей под урок, что повысит эффективность восприятия школьников. Наиболее логичным представляется использование музыкального сопровождения в предметах Окружающий мир, география, история, так как в данных дисциплинах существует разделение на блоки, эпохи, страны и многие другие деления, которые эффективнее запомнятся с помощью музыкального сопровождения.

Подводя итоги, необходимо сказать о том, что у любого метода повышения эффективности восприятия информации учениками существуют недостатки, метод музыкального сопровождения не является исключением. Существуют особенности, которые необходимо учитывать при применении данного метода. Данный метод в большой мере имеет успокаивающий и расслабляющий эффект для учеников, данная особенность является важным условием для работоспособности детей, из-за большой переутомляемости. Данный метод влияет на эмоциональный и моральный компонент детской психики, сохраняя психическое здоровье, однако не повышает когнитивные способности, а мобилизует имеющиеся способности. Для более эффективного воздействия на школьников рекомендуется использовать несколько методов одновременно, так же не стоит забывать о методе музыкального сопровождения с его недостатками и преимуществами.

Список использованных источников:

1. Айзман Р.И. Возрастная физиология и психофизиология: учебное пособие / Р.И. Айзман, Н.Ф. Лысова. – М.: ИНФРА-М., 2014. – 352 с.
2. Выготский Л.С. Психология развития. Избранные работы. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 281 с.
3. Глазунова Л.И. Экспериментальное обоснование использования музыки в образовательном процессе вуза / Л.И. Глазунова, Л.А. Зубарева, Т.Р. Арзуманова // Интеграция образования. – 2011. – №4 (65). – С. 30.
4. Купцова А.М. Физиологические основы внимания. Развитие внимания у детей и подростков: учебно-методическое пособие для студентов / А.М. Купцова, Н.И. Зиятдинова, Р.И. Зарипова, Т.Л. Зефирова. – Казань: Вестфалика, 2017. – 35 с.
5. Ловягина И.А. Проблема развития интереса дошкольников в психолого-педагогической литературе // Форум молодых ученых. – 2017. – №4 (8). – С. 347-350.
6. Посохова С.Т. Музыкальное воздействие в практике коррекционной психологии: эмоциональный аспект / С.Т. Посохова, М.Х. Изотова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. – 2017. – Т. 7, № 4. – С. 395-408.
7. Сидорина Е.В. Особенности развития внимания в младшем школьном возрасте / Е.В. Сидорина, О.А. Катушенко, С.А. Фалина // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – №60-4. – С. 460-462.

УДК 378.17

Табасва А.С.

старший преподаватель департамента физического воспитания Института физической культуры и спорта, ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет», г. Владивосток, Россия

Сухомлинов М.Д.

старший преподаватель департамента физического воспитания Института физической культуры и спорта, ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет», г. Владивосток, Россия

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ДИСЦИПЛИНЕ «ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА»: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ ДЛЯ СТУДЕНТОВ

Аннотация. В статье исследуется влияние искусственного интеллекта на учебную дисциплину «Физическая культура» в вузах. Рассматриваются ключевые возможности искусственного интеллекта для оптимизации тренировочного процесса, контроля физического состояния студентов и персонализации питания. Особое внимание уделено рискам, связанным с утечкой биометрических данных, мошенничеством и некорректными рекомендациями. На основе анализа законодательства и практического опыта вузов предложены рекомендации по безопасному использованию ИИ-технологий в рамках учебного курса.

Ключевые слова: искусственный интеллект, физическая культура, студенты, информационная безопасность, биометрические данные, цифровая гигиена, GDPR, HIPAA.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE DISCIPLINE «PHYSICAL EDUCATION»: OPPORTUNITIES AND RISKS FOR STUDENTS

Abstract. This article examines the impact of artificial intelligence on the physical education curriculum at universities. It explores key AI capabilities for optimizing training, monitoring students' physical fitness, and personalizing nutrition. Particular attention is paid to the risks associated with biometric data leakage, fraud, and inappropriate recommendations. Based on an analysis of legislation and the practical experience of universities, recommendations are proposed for the safe use of AI technologies within the curriculum.

Keywords: artificial intelligence, physical education, students, information security, biometric data, digital hygiene, GDPR, HIPAA.

С развитием технологий в сфере образования нейросети приобретают все большее значение. Современные технологии, включая искусственный интеллект (далее – ИИ), активно внедряются в образовательный процесс,

предполагая трансформацию учебного процесса через персонализацию обучения, автоматизацию оценки и расширение возможностей для анализа образовательных данных [4].

Анализ научной литературы показывает, что цифровые продукты – это процесс создания нового в рамках различных институтов и сфер социальной жизнедеятельности, и институт физической культуры и спорта – не исключение. По утверждению специалистов, для поддержания установочного интереса и глубокой мотивации к занятиям физической культурой и спортом среди молодежи, необходимо также идти в ногу со временем, используя все новейшие достижения науки и техники [8]. Использование современных технологий в образовательном процессе на базе вузов позволит повысить качество обучения и мотивацию студентов к занятиям физической культурой и спортом, увеличить эффективность как командных, так и индивидуальных тренировок, снизить риски возникновения травм [3].

Так, в частности, о реальном влиянии смарт-технологий на повышение вовлеченности учащихся в занятия спортом отметили В.А.Литвинов и И.Е.Пономарев. Авторы рассматривают современные продукты на базе искусственного интеллекта, которые могут применяться в рамках образовательных программ по дисциплинам физической культуры и отмечают их эффективность [7].

А.Н.Петров также отмечает, что при использовании фитнес-трекеров и мобильных приложений для контроля активности, студентам открываются новые возможности для повышения эффективности занятий. Однако вместе с этим возникают риски, связанные с безопасностью данных и достоверностью рекомендаций [5]. Текущая деятельность университета порождает большое количество самых различных видов данных, в том числе, слабоструктурированных. Раскрытие информации в открытом формате данных означает, что предоставляется информация в структурированном виде, что позволяет любому лицу получать доступ к этой информации, использовать ее и обмениваться ею. Эти данные могут публиковаться на веб-сайте организации и/или предоставляться через открытые протоколы взаимодействия с использованием программных интерфейсов [2].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью интеграции цифровых технологий в учебный процесс при сохранении безопасности и эффективности. Проблема заключается в противоречии между полезным потенциалом ИИ и рисками для конфиденциальности данных студентов [9; 10].

Цель работы – систематизировать возможности и угрозы ИИ в контексте физической культуры и разработать практические рекомендации.

Рассмотрим возможности, которые предоставляет ИИ при внедрении в обучение. Анализ литературы по данной тематике А.А.Померанцевым с соавторами показывает, что основными направлениями внедрения ИИ в сферу физической культуры и спорта, являются: совершенствование учебно-тренировочных программ; прогнозирование спортивного результата; создание компьютерных приложений для контроля здоровья; принятие решений по спортивной тактике и трансферной политике; принятие судебных решений; появление новых форм физкультурно-оздоровительной активности; распространение «носимых технологий» и прочих сенсоров для сбора данных.

Тенденцией нескольких последних лет является появление приложений, в том числе и мобильных, основанных на ИИ, позволяющих планировать тренировочный процесс [6].

Искусственный интеллект позволяет персонализировать тренировочные программы, анализируя данные студентов о пульсе, уровне подготовки и восстановлении [14]. Так, к примеру, в ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» изучают применение ИИ для адаптивных тренировочных программ, где алгоритмы анализируют показатели студентов и корректируют нагрузку. Это особенно ценно в условиях массовых занятий, где преподаватель физической культуры не может индивидуально контролировать каждого учащегося. Также технологии мониторинга физического состояния помогают отслеживать показатели восстановления и стресса. Это позволяет корректировать нагрузку в периоды повышенной учебной активности, например, перед экзаменами. Геймификация тренировочного процесса через системы челленджей и виртуальных наград повышает мотивацию студентов к регулярным занятиям.

Программа от мирового спортивного бренда Nike Training Club, получившая в нашей стране высшую оценку Роскачества, включает в себя 150 занятий по таким направлениям, как силовые и кардиотренировки, тренировки на силу, ловкость, выносливость. Достоинством является то, что программа может составить план с имеющимся спортивным инвентарем (гантели, бодибары, эспандеры и др.). Такой комплекс можно применять на занятиях физической культурой среди студентов с целью сокращения времени на составление программы упражнений, а видео- и аудиоподдержка поможет каждому учащемуся выполнять упражнения правильно, избегая падений и травм [1].

В принципе, большая часть приложений работает совместно с внешними датчиками или отдельными устройствами, снимающими показания. Это и электронные скакалки, контролирующие количество прыжков, калории и время, и корректоры осанки, проводящие слежение за правильной осанкой человека и подсчитывающие, сколько времени пользователь провел не сутулясь и т.д.

При этом, основную опасность представляет утечка биометрических данных, которые собирают фитнес-приложения. Геолокация маршрутов пробежек, медицинские показатели и физические параметры могут быть использованы третьими лицами в коммерческих или даже противоправных целях. Мошеннические схемы с использованием ИИ включают поддельные тренировочные программы и опасные рекомендации по питанию. Сейчас в ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

рассматривают возможность ИИ-алгоритмов для составления планов питания с учетом аллергий, целей студентов, следовательно, безопасность надо учитывать. Чрезмерное увлечение цифровым мониторингом может привести к развитию тревожных состояний и навязчивой фиксации на показателях. Это противоречит основной цели физической культуры – гармоничному развитию организма.

Именно поэтому с учетом активного внедрения ИИ в спорт и образования важно знать, что следует учитывать, где себя обезопасить или, что можно предпринять прежде, чем внедрять их. Как пример в ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» студентов учат выявлять «галлюцинации» ИИ, проводят практические занятия по проверке достоверности рекомендаций.

Рекомендации, представленные авторами в статье, сформированы на основе: Международных стандартов защиты биометрических данных [10], исследований уязвимостей фитнес-приложений [14], опыта ЮУрГУ по внедрению ИИ-решений [5], Методик РИНХ по работе с ИИ-рекомендациями [11], Международных конференций по безопасности и приватности [12; 13].

Для безопасного использования ИИ-технологий в рамках дисциплины «Физическая культура» следует: проверять научную основу рекомендаций, избегать сервисов с нереалистичными обещаниями («похудеть за неделю»), искать независимые обзоры, ИИ-инструмент, а не истина в последней инстанции; прислушиваться к своему телу – если рекомендация вызывает дискомфорт, стоит остановиться; ограничивать доступ приложений к геолокации и личным данным, и псевдонимы при регистрации в фитнес-сервисах, избегать регистрации через социальные сети; не допускать слепого следования цифровым показателям в ущерб самочувствию.

Профессорско-преподавательскому составу по дисциплине «Физическая культура» рекомендуется включать в учебный процесс элементы цифровой гигиены, а также обучать студентов осознанному использованию технологий. Вузам стоит отдавать предпочтение проверенным ИИ-решениям с прозрачной политикой обработки данных. Вузы (ЮУрГУ, НИУ ВШЭ, ДВФУ) проводят семинары по защите данных, обсуждая риски фитнес-трекеров и чат-ботов, возможно стоит ввести это в практику и других вузов

Таким образом, искусственный интеллект в спорте и фитнесе – мощный инструмент, доступный каждому студенту для поддержания здоровья, повышения энергии и продуктивности в учебе. Интеграция искусственного интеллекта в дисциплину «Физическая культура» открывает новые перспективы для персонализации обучения и повышения его эффективности. Однако успешное внедрение технологий требует решения вопросов безопасности данных и формирования у студентов критического отношения к цифровым сервисам. Грамотное сочетание инновационных подходов с традиционными методами физического воспитания позволит максимально реализовать потенциал ИИ в образовательном процессе.

Технологии развиваются стремительно. Способность разумно и безопасно интегрировать ИИ-инструменты в свою жизнь для поддержания физического и ментального здоровья станет неотъемлемой частью успешной и сбалансированной студенческой жизни. Практическая значимость исследования заключается в разработке конкретных мер по безопасному использованию технологий, которые могут быть непосредственно применены в учебном процессе по физической культуре в высших учебных заведениях.

Список использованных источников:

1. Васильева Н.И. Использование мобильных приложений в аспекте повышения мотивации обучающихся к занятиям физической культуры и ведению здорового образа жизни // Мир педагогики и психологии. – 2019. – №12 (41). – С. 59-67.
2. Креймер А.С. Открытые данные: использование в контексте концепции образовательного учреждения и защиты персональных данных его работников / А.С. Креймер, А.А. Сафирова // Научный журнал КубГАУ. – 2021. – №172. – С. 1-10.
3. Лигостаева Н.Д. Использование искусственного интеллекта в создании персонализированных планов занятий физической культурой и спортом со студентами специальной медицинской группы / Н.Д. Лигостаева, А.О. Алексина, М.В. Кулешова // Концепт. – 2025. – №5. – С. 303-318.
4. Петренко Т.Ф. Искусственный интеллект в образовании: проблемы и перспективы / Т.Ф. Петренко, Н.Н. Левина // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2024. – №17-1. – С. 67-73.
5. Петров А.Н. Исследование утечек данных в фитнес-приложениях / А.Н. Петров, Е.В. Сидорова // Вопросы кибербезопасности. – 2022. – №4. – С. 45-52.
6. Померанцев А.А. Искусственный интеллект в спорте и физической культуре: тренды, угрозы и адаптация к новой реальности / А.А. Померанцев, А.А. Уполовнева // Человек. Спорт. Медицина. – 2024. – №S2. – С. 137-144.
7. Пономарев И.Е. Инновационные смарт-технологии в институте физической культуры и спорта как фактор мотивации к физическому развитию и самосовершенствованию молодежи / И.Е. Пономарев, В.А. Литвинов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – №11 (1). – С. 88-91.
8. Путилина В.Ю. Основные направления цифровой трансформации физической культуры и спорта в России / В.Ю. Путилина, М.В. Шилова, М.А. Петров, Л.Ю. Петрова // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. – 2021. – №9. – С. 100-106.
9. Румянцева А.А. Формирование физической культуры студентов вуза в условиях современной цифровой образовательной среды / А.А. Румянцева, И.А. Ахметшина // Форум инноваций и передовых исследований: сборник статей II Международной научно-практической конференции, Пенза, 30 сентября 2025 года. – Пенза: Наука и Просвещение, 2025. – С. 121-123.
10. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 г. №152-ФЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 20.10.2025).
11. GDPR и медицинские данные: практическое руководство. Брюссель: EU Publications, 2019. – 156 с.
12. Chen L., Wang H. Privacy Issues in Health and Fitness Applications // Proceedings of the 15th International Conference on Security and Privacy. 2021. P. 112-125.

13. Johnson M.K. Legal Aspects of Biometric Data Collection // International Privacy Law Review. 2020. Vol. 8. No 2. P. 78-91.
14. Smith J.H. Fitness App Security: Risks and Solutions // Journal of Cybersecurity. 2021. Vol. 12. No 3. P. 102-115.

УДК 378.1

Талдонова Е.Л.

студентка 4 курса, направление 44.03.02, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством **Орловой И.К.**

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

ОСОБЕННОСТИ ПРОТЕКАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ В УСЛОВИЯХ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В данной статье рассматриваются ключевые особенности и трудности социальной адаптации студентов в юношеском возрасте в условиях профессиональной образовательной организации. Предложены практические рекомендации по оптимизации этого процесса для успешного личностного и профессионального становления будущих специалистов.

Ключевые слова: адаптация, социализация, студенчество, мотивация, социальная адаптация, адаптированность, профессиональная подготовка, юношеский возраст.

FEATURES OF THE COURSE OF SOCIAL ADAPTATION IN ADOLESCENCE IN THE CONTEXT OF THE ORGANIZATION OF VOCATIONAL EDUCATION

Abstract. This article discusses the key features and difficulties of social adaptation of students in their youth in a professional educational organization. It offers practical recommendations for optimizing this process in order to ensure the successful personal and professional development of future specialists.

Keywords: adaptation, socialization, students, motivation, social adaptation, adaptability, professional training, youth.

Процесс социальной адаптации студентов-первокурсников является обязательным элементом их успешного вхождения в новую образовательную и социальную среду. В юношеском возрасте, который хронологически совпадает с периодом обучения в вузе или колледже, этот процесс приобретает особую значимость, определяя не только академические результаты, но и дальнейшее профессиональное и личностное становление молодых людей.

В современном и динамичном мире, характеризующемся высокой скоростью социальных и технологических изменений, способность к быстрой и эффективной адаптации становится особенно актуальной. Для системы профессионального образования это означает необходимость целенаправленного формирования у студентов устойчивости к множественным вызовам: от академической нагрузки и новой социальной среды до неопределённости будущего рынка труда. Успешная социальная адаптация напрямую влияет на конкурентоспособность будущих специалистов, снижает риски девиантного поведения и отчисления, способствуя тем самым достижению целей развития студента как личности в университете.

Важность создания условий для успешной адаптации обучающихся закреплена на государственном уровне. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» №273-ФЗ (ст. 28) возлагает на образовательные организации ответственность за создание необходимых условий для охраны и укрепления здоровья, организации качественного питания, а также для психолого-педагогического сопровождения обучающихся [5]. Кроме того, Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) среднего профессионального и высшего образования в рамках общих компетенций предполагают формирование у студентов способности к коммуникации, работе в команде и самоорганизации, что является прямым следствием успешной социальной адаптации.

На современном этапе проблемами социальной адаптации занимались и продолжают заниматься ряд исследователей. Так, А.В.Петровский рассматривал адаптацию как первую фазу вхождения личности в коллектив, за которой должны следовать индивидуализация и интеграция [4]. И.А.Зимняя выделяла три основных аспекта адаптации студента: к учебной деятельности, к общению в группе и к будущей профессии, подчеркивая их взаимосвязь [3]. Л.В.Байбородова акцентирует внимание на роли педагогического сопровождения и создания воспитывающей среды для преодоления дезадаптации [1]. Таким образом, в научной литературе социальная адаптация признается комплексным, динамичным процессом, успешность которого зависит как от личностных ресурсов студента, так и от целенаправленных усилий образовательной организации.

Социальная адаптация в юношеском возрасте понимается нами как активный процесс интеграции личности в новую социальную среду образовательной организации, предполагающий усвоение норм, ценностей, образцов поведения и овладение профессиональными компетенциями. Этот процесс носит многокомпонентный характер и включает академическую адаптацию (приспособление к новой системе обучения, формам контроля и академическим требованиям), социально-психологическую (построение

конструктивных отношений с одноклассниками, преподавателями, администрацией), профессиональную (принятие роли студента и формирование первоначального представления о будущей профессии).

Особенности протекания данного процесса в юношеском возрасте обусловлены его тесной связью с фундаментальным психосоциальным кризисом, который Э.Эриксон обозначил как «Идентичность vs Ролевое смешение». Этот кризис является центральным для периода юности (примерно 16-20 лет) и напрямую накладывает отпечаток на все аспекты адаптации студента-первокурсника [6]. Студент оказывается в ситуации, когда старые, школьные идентичности уже не актуальны, а новые, взрослые еще не сформированы. Поступление в вуз – это сознательный или вынужденный выбор одного из возможных жизненных путей. В этом контексте процесс адаптации становится практическим полем для поиска ответа на этот ключевой вопрос. Студент пробует себя в разных социальных ролях (активист, ученый, друг, профессионал), чтобы найти те, которые наиболее полно соответствуют его «Я».

Для выявления уровня адаптированности студентов разных направлений и факультетов ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)» было проведено исследование. Наше исследование показало, что более 30% опрошенных первокурсников уверены, что студенческое самоуправление помогает им преодолевать проблемы, связанные с их социальной адаптацией в вузе. Многие отмечают, что им помогает чувство принадлежности к какому-либо сообществу и команде, например, ССК «Казак» или Хор «Казачья Станица». Остальные 70% обучающихся либо стараются самостоятельно справиться с социальной адаптацией, либо не испытывают особых трудностей.

На основании результатов исследования можно выделить несколько критериев адаптированности студента: активное участие в студенческих объединениях (самоуправление, спортивные клубы, творческие коллективы), наличие устойчивых социальных связей внутри учебной группы и за ее пределами, субъективное ощущение принадлежности к университетскому сообществу, успешное совмещение учебной нагрузки с внеучебной активностью.

Наше исследование позволяет предположить, что включение студентов в управленческую деятельность университета, даже в блоке внеучебной деятельности, может стать одним из ключей на пути к решению проблем социальной адаптации у студентов, так как студенческое самоуправление способствует развитию самостоятельности учащихся [2]. Это тот случай, когда бывший несамостоятельный школьник, пробуя себя в студенческом самоуправлении, становится самостоятельным взрослым, что положительно сказывается на его адаптации, соответственно и на его профессиональном обучении в целом.

Таким образом, чтобы успешно преодолеть социальную адаптацию студентам в юношеском возрасте потребуются комплексный подход, в который войдут: системное и целенаправленное управление со стороны образовательной организации, а также внутренние ценностные ориентиры студентов. Также хотим отметить, что выявление специфических проблем адаптации через инструменты мониторинга (такие как анкетирование) является первым и критически важным шагом для разработки эффективной программы сопровождения. На основании полученных данных станет возможна разработка и апробация комплекса психолого-педагогических условий, направленных на оптимизацию процесса адаптации. Вопросу разработки, внедрения и оценки эффективности данного комплекса будет посвящена наша следующая статья, в фокусе которой окажется модель психолого-педагогического сопровождения студентов первого курса.

Список использованных источников:

1. Байбородова Л.В. Теория обучения и воспитания, педагогические технологии: учебник и практикум / Л.В. Байбородова, И.Г. Харисова, М.И. Рожков, А.П. Чернявская; отв. редактор Л.В. Байбородова. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 223 с.
2. Жуков Г.Н. Основы профессиональной педагогики: учебное пособие. – Кемерово: Изд-во КемГППК, 2004. – 174 с.
3. Зимняя И.А. Педагогическая психология: учебник. – М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2010. – 447 с.
4. Петровский А.В. Личность. Деятельность. Коллектив. – М.: Политиздат, 1982. – 255 с.
5. Федеральный закон от 29.12.2012 №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 01.11.2025).
6. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: учебное пособие / общ. ред. и предисл. А.В. Толстых; пер. с англ. А.Д. Андреева и др. – М.: Флинта, 2006. – 341 с.

Топорина А.А.

студентка 2 курса Высшей школы социальных и политических наук, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», г. Хабаровск Россия

Конобейская А.В.

аспирант высшей школы социальных и политических наук, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», г. Хабаровск Россия

СПОРТИВНЫЕ ТРАДИЦИИ КАК ФАКТОР МОТИВАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ЗАНЯТИЯМ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ

Аннотация. В статье рассматривается проблема увеличения числа молодых людей, имеющих различные отклонения в состоянии здоровья, вызванных низкой двигательной активностью. На основе анализа научной литературы предложены методы повышения мотивации к занятиям физической культурой и спортом в вузах через внедрение традиционных народных спортивных и подвижных игр, праздников, требующих физических усилий.

Ключевые слова: студенческая молодежь, физическая активность, спорт, мотивация, традиционные народные игры.

SPORTS TRADITIONS AS A FACTOR OF MOTIVATION OF STUDENTS TO PARTICIPATE IN PHYSICAL EDUCATION

Abstract. This article examines the increasing number of young people with various health problems caused by low physical activity. Based on an analysis of scientific literature, methods are proposed for increasing motivation for physical education and sports in universities through the introduction of traditional folk sports and outdoor games, as well as holidays that require physical effort.

Key words: student youth, physical activity, sports, motivation, traditional folk games.

Здоровье молодого поколения является в настоящее время одной из глобальных проблем. Анализ научной литературы свидетельствует о том, что в последние годы отмечается рост количества студентов, имеющих серьезные отклонения в состоянии здоровья [12]. По данным Росстата, среди подростков и молодежи в возрасте от 15 до 17 лет наблюдается ежегодное увеличение числа различных заболеваний. Например, диагноз ожирение в 2010 году составлял 21,4 тысячи случаев, а в 2022 показатель поднялся до 40,2 тысяч. Также увеличилось количество молодых людей, имеющих такие диагнозы, как сахарный диабет (на 800 случаев), болезни органов дыхания (на 541,2), появления новообразований (на 6,6) и других болезней, мешающих нормальной и продуктивной жизнедеятельности [3].

По данным исследователей, существует множество различных факторов, влияющих на ухудшение состояния здоровья студенческой молодежи. Например, большие интеллектуальные нагрузки; нарушение режима дня и режима питания; наличие вредных привычек и другие. Одним из распространённых и значимых факторов является недостаток двигательной активности, который отмечается почти у 70% студентов [11].

По утверждению специалистов, для снижения вышеупомянутых отклонений в состоянии здоровья, а также увеличения двигательной активности, повышения уровня физической подготовленности студентов, необходимо в вузах организовывать разнообразные массовые оздоровительные, физкультурно-спортивные мероприятия, ориентированные на широкое вовлечение студенческой молодежи в регулярные занятия физической культурой и спортом.

В своей научной работе В.Д.Иванов отмечает, что к числу основных причин, которые ограничивают возможность студентов вести активный образ жизни, относятся нехватка свободного времени, обусловленная постоянной учебной загруженностью, а также усталость и склонность уделять свободное время развлечениям и отдыху. Это создает барьеры для поддержания мотивации к занятиям физическими активностями. Мотивация является одним из ключевых факторов, определяющих выбор стиля жизни и активность индивида, в связи с чем, она играет значительную роль в сохранении здоровья, как физического, так и психического. Следовательно, для стимулирования интереса студентов к занятиям физической культурой и спортом необходимо учитывать и развивать такие спортивные виды и направления, которые могут вызывать интерес у студентов, тем самым решая проблему низкой двигательной активности среди молодежи [4].

В настоящее время актуальны исследования проблем возрождения, совершенствования и сохранения физического воспитания посредством народной культуры, традиционных самобытных физических упражнений, народных игр, праздников и т.д. Занятия физической культурой с применением таких разнообразных форм активности позволит сделать их более интересными, увлекательными и менее предсказуемыми, что, в свою очередь, может помочь избежать рутины и повысить интерес студентов к физкультурно-спортивной деятельности.

Применение на практических занятиях по дисциплине «Физическая культура» элементов народных национальных игр, по утверждению Е.А.Зайцевой, способствует развитию физических качеств, повышению физической подготовленности, укреплению здоровья молодых людей, а также развитию интеллектуальных и морально-волевых качеств. Введение в практику занятий большего числа командных игр, и широкая практика соревнований по национальным играм, к примеру, таким как «Народный мяч», «Травяной хоккей», «Захват противника», «Городки», «Метание диска» и другим, могут способствовать укреплению социальных связей между студентами, созданию командного духа и взаимопомощи [2]. Подвижные игры способствуют закреплению и совершенствованию технических навыков и умений, полученных на занятиях по физической

культуре, также помогают развитию коммуникабельности при взаимодействии с группой, кроме того, игры повышают эмоциональный фон, что дополнительно стимулирует у студентов интерес к спортивной деятельности [4].

В некоторых учебных заведениях страны уже применяются народные игры, как средство повышения мотивации к физкультурно-спортивной деятельности среди молодежи. Например, на занятиях по дисциплине «Физическая культура и спорт» для студентов-юношей 1-2-х курсов ОмГТУ применяется традиционная русская народная командная игра «Лапта», с мячом и битой, сочетающая в себе элементы силы, ловкости и стратегического мышления. Также в программу включены подвижная игра «Вышибалы» и «русский жим». Проведенное исследование показало, что в настоящее время данные национальные виды спорта актуальны среди студентов. Они мотивируют их к активной двигательной деятельности, способствуют воспитанию у них социальных, физических, психических качеств, являются альтернативой массовой культуры в сохранении национальных традиций [7].

В Российском государственном университете имени Г.В.Плеханова специалистами была разработана и экспериментально апробирована программа использования техники состязательно-игрового характера в физическом воспитании обучающихся вузов. Комплекс упражнений, используемый на занятиях по физической культуре со студентами 1 курсов в первом полугодии, когда занятия проводились в основном, в закрытом помещении – спортивном зале, включал различные виды русской народной борьбы: «стенка на стенку», борьба «за вороток» и «русская гимнастика». Во втором семестре занятия проходили преимущественно на открытом воздухе. Используемый комплекс упражнений включал такие упражнения, как «фехтование на палках», «стрельба из лука», «взбирание на высокие объекты», «кулачный и вольный виды боя», а также «бой на бревне». Главными целями данного комплекса упражнений, по утверждению С.Ю.Татариновой, являлись совершенствование навыков борьбы, сформированных в первом семестре, формирование навыков профессионально-прикладного характера, повышение уровня физической подготовленности, а также профилактика простудных заболеваний, поддержание эмоционального состояния [10].

Л.Ф.Исмагиловой с соавторами была разработана экспериментальная программа применения татарских народных игр на занятиях по физической культуре в Елабужском институте КФУ. Татарские народные подвижные игры, по утверждению авторов, несут в себе национальную культуру своего народа, именно они являются средствами укрепления здоровья, физического, нравственного, трудового и эстетического воспитания молодежи. Была представлена классификация народных подвижных игр с учетом того, на какие физические качества они влияют и какие физические качества помогают развивать, учитывая, при этом, их интенсивность [6].

Ежегодно проводится спартакиада по национальным видам спорта «Игры Манчаары» в Якутии, подготовку и обучение, по которым, в республике осуществляют кафедра национальных видов спорта и настольных игр Института физической культуры и спорта Северо-восточного федерального университета им. М.Аммосова, кафедра спортивных единоборств, традиционных игр и состязаний ФГБОУ ВПО «Чурапчинский государственный институт физической культуры и спорта». Национальные виды спорта в Республике Саха (Якутия) становятся эффективным инструментом решения стратегических задач в области физической культуры и спорта, а также сохранения и укрепления здоровья студенческой молодежи [9].

Увеличивать физическую активность важно не только во время учебного процесса, но и во второй половине дня, включая занятия в секциях, участия в праздниках и проектах. В качестве примера можно рассмотреть программу физкультурно-оздоровительного комплекса, которая принимает во внимание этнорегиональные особенности физического воспитания в Татарстане и интегрирована в систему Всероссийского праздника плуга тюркских народов – Сабантуй. В рамках данного мероприятия традиционно представляется богатая спортивно-соревновательная программа, включающая такие дисциплины, как бег в мешках, бои мешками, поднятие гири и перетягивание каната [8]. Важным аспектом является также национальная борьба «курэш», которая внедряется в образовательные программы вузов, способствуя физическому развитию и формированию командного духа среди студентов [9].

Важную роль в развитии национальных видов спорта в нашей стране играет поддержка со стороны политических лидеров. Так, в частности, на пресс-конференции в РИА Новости трехкратный олимпийский чемпион по греко-римской борьбе, депутат Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации Александр Карелин заявил: «Развитие национальных и традиционных видов спорта является важной частью пропаганды здорового образа жизни россиян». Этот вопрос затрагивал и Президент Российской Федерации В.В.Путин на заседании Совета по спорту при президенте РФ, где в своем обращении призвал федерации развивать национальные и неолимпийские виды спорта [5].

С целью изучения отношения студентов к применению средств народных игр в образовательном процессе, среди студентов 1-2 курсов (n=27) Высшей школы социальных и политических наук Тихоокеанского государственного университета (ТОГУ), обучающихся по направлению «Социология», был проведен анкетный опрос.

Результаты исследования показывают, что большинство студентов (77,4%) положительно относятся к народным играм, видя в них потенциал для развития физических качеств (84,4%), укрепления здоровья (53,8%), воспитания (38,2%). Также студенты ожидают, что народные игры могут помочь в развитии коммуникативных навыков (20,1%), творческих способностей (17,0%), и командной работы (15,8%).

Хочется отметить, что молодые люди выразили заинтересованность в возможности применения средств народных игр в образовательных целях (24,4%), а также своей будущей профессиональной деятельности (22,0%), особенно в сфере социальной работы. При этом студенты отмечают, что им не хватает знаний (34,2%) и информации (20,1%), практических навыков (31,8%) для использования народных игр в учебной и предстоящей профессиональной деятельности. Отвечая на вопрос «Какие традиционные народные спортивные и подвижные игры вам знакомы?» респонденты смогли перечислить не более десяти наименований игр.

Таким образом, молодежь должна подходить к своему состоянию здоровья и самочувствию более ответственно и замотивировано, ведь они – это будущий ресурс человечества, и их здоровье является источником благополучного будущего [4]. Традиционные народные спортивные и подвижные игры способствуют укреплению и сохранению здоровья, профилактике заболеваний, повышению функциональной деятельности организма, а также оказывают положительное воздействие на формирование общей культуры личности. Использование в вузах традиционных народных физкультурных активностей будут способствовать поднятию мотивации у обучающихся к занятиям физкультурно-спортивной деятельностью, что в последствии благоприятно повлияет на их здоровье [8].

Проведенный опрос выявил высокий потенциал народных игр как образовательного и оздоровительного средства среди студентов-социологов. Несмотря на положительное отношение, студенты нуждаются в дополнительном обучении и практической подготовке для эффективного использования народных игр в предстоящей трудовой деятельности. Реализация средств народных игр требует дальнейшей проработки, включая разработку учебных программ и методик, которые помогут студентам освоить этот инструмент.

Список использованных источников:

1. Аксакова А.Р. Национальная борьба курэш: рассуждение на тему развития и актуальности / А.Р. Аксакова, Д.М. Панягин // Вестник науки. – 2024. – №10 (79). – С. 788-793.
2. Зайцева Е.А., Нуждин А.В. Возможности использования национальных игр в школе / Е.А. Зайцева, А.В. Нуждин // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2021. – №78. – С. 23-27.
3. Здравоохранение в России. 2023: Стат. сб. / Росстат. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2023. – 179 с.
4. Иванов В.Д. Проблемы мотивации студентов к физкультурно-спортивной деятельности / В.Д. Иванов, Ю.П. Кондакова // Актуальные проблемы педагогики и психологии. – 2022. – №11. – С. 32-39.
5. Имангулов Р.Ш. Национальные виды спорта как средство адаптации в вузе студенческой молодежи из сельской местности / Р.Ш. Имангулов, Э.Р. Мугаттарова, К.И. Хуснетдинова // Известия ТулГУ. Физическая культура. Спорт. – 2019. – №11. – С. 23-29.
6. Исмагилова Л.Ф. Теоретические и практические аспекты применения народных игр, как педагогического средства, формирования физического потенциала студентов / Л.Ф. Исмагилова, И.Ш. Мутаева, З.М. Кузнецова // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. – 2021. – №16 (2). – С. 113-121.
7. Павлютина Л.Ю. Модель внедрения национальных видов спорта в физкультурно-спортивную деятельность технического вуза / Л.Ю. Павлютина, М.С. Эммерт, О.О. Фаина // Человек. Спорт. Медицина. – 2024. – Т. 24, №3. – С. 94-100.
8. Пайгунова Ю.В. Этнорегиональный подход к физическому воспитанию / Ю.В. Пайгунова, К.Р. Нигматуллин, В.А. Чистяков // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – №80-4. – С. 330-333.
9. Собакин П.И. Состояние и перспективы развития национальных видов спорта в Республике Саха (Якутия) // Современные проблемы физической культуры и спорта: Материалы XVII Всероссийской научной конференции, Хабаровск, 21 ноября 2013 года. – Хабаровск: Дальневосточная государственная академия физической культуры, 2013. – С. 243-247.
10. Татарова С.Ю. Возобновление использования народных упражнений состязательно-игрового характера в физическом воспитании обучающихся вуза / С.Ю. Татарова, А.Н. Сафонов, В.Б. Татаров, Е.Ю. Кудрявцев // Известия ТулГУ. Физическая культура. Спорт. – 2023. – №6. – С. 52-59.
11. Шакунова К.С. Причины ухудшения здоровья студенческой молодежи / К.С. Шакунова, В.В. Вольский // Вестник науки. – 2022. – №11 (56). – С. 215-220.
12. Akhmetshina I.A. Humanistic model of education of frequently ill students / I.A.Akhmetshina, I.V.Mikityuk // Современные здоровьесберегающие технологии. – 2025. – №1. – С. 76-85.

УДК 371.321

Мыльникова В.Д., Уварова У.А.

студентки 4 курса, направление 44.03.02, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством Ахметшиной И.А.

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

ПОДГОТОВКА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ ДЛЯ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ: НОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема подготовки педагогических кадров в условиях цифровизации, когда технологии стремительно меняют требования к педагогическим компетенциям и профессиональным стандартам. Анализируются новые компетенции, необходимые современным преподавателям для успешной работы с

образовательными платформами и цифровыми инструментами. Также в статье представлены результаты опроса 620 педагогов из различных городов нашей страны, помогающий понять, насколько педагоги уверенно используют цифровые инструменты, их отношение к этим изменениям и степень готовности к дальнейшему развитию в цифровой среде.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые технологии, профессиональные стандарты.

TEACHER TRAINING FOR THE DIGITAL AGE: NEW COMPETENCIES AND PROFESSIONAL STANDARDS

Abstract. The article examines the current problem of teacher training in the context of digitalization, when technology is rapidly changing the requirements for pedagogical competencies and professional standards. The new competencies necessary for modern teachers to successfully work with educational platforms and digital tools are analyzed. The article also presents the results of a survey of 620 teachers from different cities of our country, which helps to understand how teachers confidently use digital tools, their attitude to these changes and the degree of readiness for further development in the digital environment.

Key words: digitalization, digital technologies, professional standards.

Современный мир переживает масштабную цифровую трансформацию, затрагивающую все сферы человеческой жизни, начиная от экономики и заканчивая образованием. Цифровизация представляет собой процесс использования цифровых технологий для улучшения и достижения большей эффективности в различных сферах жизни, в том числе и в профессиональной деятельности [1, с.30].

Цифровизация в образовании нацелена на то, чтобы с помощью современных технологий усовершенствовать образовательный процесс, расширить возможности получения знаний для различных категорий обучающихся и внедрить инновационные методы преподавания [5]. Внедрение цифровых технологий меняет образовательную систему. Формируются новые форматы обучения, появляются инновационные педагогические инструменты и переосмысливается сама роль педагога в образовательном процессе.

Одновременно с этим, на рынке труда появляются новые профессии. Среди них наиболее востребованы специалисты, отвечающие за координацию и мониторинг образовательных онлайн-платформ, разработчики индивидуальных образовательных маршрутов в рамках дистанционной формы образования, а также сотрудники, способные обеспечить адаптацию других кадров к новым требованиям [2, с.91]. В этих условиях подготовка педагогических кадров становится ключевым фактором успешной цифровизации образования [4]. Традиционные модели профессиональной подготовки учителей уже не в полной мере отвечают запросам цифровой эпохи. Возникает необходимость в пересмотре методов обучения будущих педагогов, системы оценки профессиональной компетентности и профессиональных стандартов педагогической деятельности.

Цифровизация образования трансформирует рынок труда педагогов, требует от них новых компетенций и адаптации к меняющимся профессиональным стандартам. Существенное влияние на трансформацию рынка труда оказала пандемия COVID-19. В условиях ограничений в стране значительно вырос спрос на онлайн-сервисы. Многие образовательные организации и учреждения вынуждены были быстро внедрять цифровые платформы для проведения занятий, тестирований и взаимодействия в целом. Это, в свою очередь, привело к расширению и созданию новых форматов обучения.

Важно отметить, что, несмотря на возникшие первоначальные трудности у педагогов: недостаток навыков работы с цифровыми инструментами, технические проблемы и необходимость перестроить свои методики и формы преподавания, – большинство из них успешно прошли этот этап и адаптировались. Они научились эффективно использовать видеоконференции, интерактивные платформы, электронные ресурсы и системы дистанционного контроля знаний.

В цифровую эпоху педагог становится для обучающихся не просто источником знаний, а наставником, передающим информацию, обучающим критическому мышлению, самостоятельному поиску и анализу данных. На сегодняшний день к ключевым компетенциям педагога относятся:

- цифровая грамотность, подразумевающая умение эффективно использовать цифровые технологии и оценивать достоверность информации;
- разработка интерактивных учебных материалов с помощью специализированных программ;
- онлайн-коммуникация с обучающимися через онлайн-уроки и взаимодействие с обучающимися и их родителями через цифровые каналы;
- анализ полученных данных, используя инструменты для мониторинга успеваемости и адаптации под потребности учащихся [3, с.37].

Соответственно, современные профессиональные стандарты педагога теперь включают умение применять цифровые технологии для решения образовательных программ, навыки работы с электронными образовательными ресурсами и готовность к непрерывному профессиональному развитию в условиях быстроменяющихся технологий. Подобные изменения направлены на интеграцию цифровых технологий в образовательный процесс. В обновленных стандартах акцентируется внимание на владении педагогом цифровыми инструментами для обучения и взаимодействия с учениками.

Важным аспектом является не только освоение новых технологий педагогами, но и их отношение к этим изменениям, а также степень адаптации к новым профессиональным стандартам. Для оценки уровня восприятия и освоения новых форм обучения в связи с цифровизацией нами был проведен опрос, который поможет понять, насколько педагоги уверенно используют цифровые инструменты, их отношение к этим изменениям и степень готовности к дальнейшему развитию в цифровой среде.

В рамках проведения исследования в сентябре – октябре 2025 года нами было опрошено 620 педагогов, представляющих 9 городов России: Москва, Оренбург, Орск, Хабаровск, Владивосток, Казань, Орехово-Зуево, Павловский Посад и Покров. Одним из параметров, который мы проанализировали, стал стаж работы педагогов в сфере образования:

- 33,9% более 20 лет. Это самая многочисленная категория, демонстрирующая, что значительная часть педагогов имеет богатый опыт работы в образовании. Такие специалисты, как правило, обладают устойчивыми методиками преподавания, однако могут сталкиваться с определёнными сложностями при внедрении цифровых технологий.

- 29% до 5 лет. Относительно молодая группа педагогов, которая, скорее всего, легче адаптируется к новым цифровым инструментам благодаря свежему опыту работы с современными технологиями.

- 21% 5-10 лет. Педагоги со средним стажем, которые уже накопили определённый опыт, но остаются достаточно гибкими для освоения новых методик и цифровых платформ.

- 16,1% 10-20 лет. Эта категория представляет собой «золотую середину» – педагоги с достаточным опытом, которые могут сочетать традиционные подходы с инновационными цифровыми решениями.

Кроме того, мы проанализировали, на каком уровне образования педагоги осуществляют свою деятельность. Полученные данные распределились следующим образом:

- СПО – 25,8%;

- высшее образование – 24,2%;

- начальное общее образование – 22,5%;

- основное общее образование – 14,5%;

- среднее общее образование – 6,5%;

- дополнительное образование и профессиональная подготовка – 6,5%.

Педагоги оценили свой уровень владения современными информационными технологиями (далее – ИТ). Большинство респондентов (56,5%) чувствуют себя в основном уверенно, что говорит о высокой степени интеграции цифровых технологий в практику педагогов. При этом они отмечают наличие областей для роста, например, освоение новых сервисов или аналитических инструментов. Еще 32,2% – очень уверенные пользователи, активно экспериментирующие и внедряющие инновации. Малочисленная группа респондентов (11,3%) не очень уверены и нуждаются в поддержке и обучающих программах для повышения компетентности. Отсутствие респондентов (0%), заявивших о полном незнании ИТ, говорит о базовом уровне цифровой грамотности у большинства педагогов. В целом, уровень владения ИТ можно назвать высоким, и в будущем он, скорее всего, будет расти за счет развития профессиональных навыков и внедрения новых технологий.

Опрос также показал, какие цифровые инструменты наиболее популярны среди педагогов:

1. Электронные образовательные платформы (Moodle, Canvas и др.) указали 87,1% респондентов. Это лидер среди инструментов, что подтверждает востребованность LMS-систем (Learning Management System) для организации обучения: размещения материалов, проведения тестов, отслеживания успеваемости. Такие платформы позволяют автоматизировать рутинные задачи и персонализировать обучение.

2. Видеоконференции (Zoom, MS Teams и др.) указали 79% респондентов. Высокий показатель отражает важность удалённого взаимодействия – как для дистанционных уроков, так и для гибридного формата. Инструменты видеосвязи стали неотъемлемой частью современной педагогики.

3. Облачные сервисы (Google Drive, OneDrive и др.) отметили 53,2% респондентов. Использование облачных хранилищ упрощает совместную работу, обмен материалами, хранение документов. Это базовый инструмент для цифровизации документооборота.

4. Виртуальные лаборатории и симуляторы указали 37,1% респондентов.

Результаты по вопросу «В какой степени современные стандарты профессиональной подготовки соответствуют требованиям цифровой трансформации образования?» отражают следующую аналитическую картину: 61,3% респондентов считают, что стандарты не соответствуют требованиям цифровой трансформации; 32,3% полагают, что стандарты частично соответствуют; доля ответов «Полностью соответствуют» и «Затрудняюсь ответить» оказалась незначительной.

Исследование выборов участников в опросе об опасениях, связанных с цифровизацией образования, позволило обозначить ведущие сферы опасений и проанализировать их возможное влияние на образовательный процесс. Основные опасения участников опроса сосредоточены в следующих сферах:

1. Техническая безопасность и надежность инфраструктуры указали 96,8% респондентов. Высокий уровень обеспокоенности свидетельствует о необходимости усиления мер по обеспечению стабильной работы ИТ-систем, защиты данных и предотвращения сбоев.

2. Усиление нагрузки на педагогов отметили 91,9% респондентов. Значительная часть респондентов отмечает, что цифровая трансформация ведет к увеличению объема работы педагогов, требуя освоения новых инструментов, подготовки электронных материалов и постоянного контроля в онлайн-среде. Такой рост нагрузки способен привести к профессиональному выгоранию, ухудшению условий труда и снижению качества преподавания. Следовательно, необходимы меры по профессиональной поддержке и обучению педагогов, а также оптимизации рабочих процессов.

3. Неравенство доступа к технологиям подчеркнули 50% респондентов. Половина участников опроса выражает обеспокоенность по поводу «цифрового разрыва», связанного с неравномерностью доступа к современным образовательным ресурсам и интернету.

4. Потеря личного контакта отметили 41,9% респондентов. Многие педагоги считают, что снижение уровня личного взаимодействия отрицательно скажется на эмоциональном вовлечении, мотивации и индивидуальной поддержке обучающихся. В связи с этим важно искать баланс между онлайн и офлайн форматами, внедрять методы поддержания личного контакта и эмоциональной связи.

На вопрос о готовности к постоянному обучению и повышению квалификации в области цифровых технологий 17,7% респондентов указали, что они полностью готовы к этому. Еще 16,1% опрошенных отметили, что они уже готовы, и их желание обучаться присутствует. В то же время, значительная часть участников опроса (43,5%) не чувствуют себя полностью подготовленными, хотя и не исключают необходимости обучения. Самых критичных, по мнению опрошенных, составляет доля тех, кто не готов к таким изменениям – 22,6% респондентов.

Что касается общего отношения к процессу цифровой трансформации образования, то большинство участников опроса выражают нейтральное или скорее позитивное восприятие. Так, 22,6% респондентов считают его очень положительным, а 14,5% – скорее положительным. В то же время, 30,6% респондентов относятся к происходящим изменениям скорее отрицательно, и 14,5% – очень отрицательно. Среди участников есть и те, кто выражает нейтральное отношение – 17,7%.

Говоря про анализ мнений педагогов на открытый вопрос об оптимизации цифровой трансформации образовательного процесса, позволяет выявить ряд существенных тенденций и преобладающих настроений. Множество участников выражают сильное негативное отношение к цифровым технологиям, считая их вредными или ненужными. Например, встречаются такие высказывания: «Нет», «Только отмена», «Удалить и не вспоминать», «Долой цифровизацию из системы образования!», «Это просто дикий ужас. Зачем это в школе??», «Отменить её в колледжах» и «Можно отменить этот бред?». Представленные комментарии ярко свидетельствуют о глубоком скепсисе и опасениях педагогов, что цифровизация разрушает традиционные ценности образования и ведет к деградации.

Однако некоторые респонденты предлагают более умеренные меры, такие как поиск баланса между цифровыми технологиями и личным контактом: «Поиск баланса между цифровыми технологиями и личным контактом субъектов образования», «Использовать как инструмент, но не заменять традиционную методику обучения». Также встречаются рекомендации по снижению нагрузки на педагогов – «Уменьшить нагрузку» и «Снизить нагрузку на педагога», что указывает на необходимость более эффективного внедрения технологий без увеличения их рабочей нагрузки.

Есть среди респондентов и предложения по нормативно-правовой базе – «Четко прописать в законе, актах нормы использования ИИ», «Отработать нормативные акты, критерии использования технологий и ИИ в школе». Эти замечания подчеркивают важность регулирования и прозрачности в вопросах внедрения новых технологий.

Многие из опрошенных педагогов выступают за строгие ограничения или полное запрещение использования цифровых технологий в школе, особенно в начальной. Высказывания по типу «Запретить!!!», «Ввести во все ФГОС обязательное требование высокого уровня подготовки учителя, ИКТ-компетенций» и «Долой цифровизацию из системы образования!» демонстрируют опасения по поводу негативных последствий цифровизации, таких как: «Тотальное отупление», «Потеря смысла образования» и «Развал системы». Некоторые же напротив считают, что цифровые технологии могут быть полезными, если их правильно использовать. Например, «Цифровые технологии позволяют сделать урок лёгким, увлекательным» и «Новые технологии – огромный плюс для проведения уроков, демонстрации опытов, выполнения проектов».

В целом, большинство комментариев респондентов выражают тревогу и недоверие к быстрому и массовому внедрению цифровых технологий без должной подготовки, регулирования и учета мнения педагогов и родителей. Есть также призывы к более осознанному подходу, уважению к личному контакту и сохранению традиционных методов обучения.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что цифровая трансформация образования в России демонстрирует противоречивую картину. Несомненно, цифровая трансформация является неотъемлемой частью современного развития образования открывая новые возможности для повышения эффективности учебного процесса, расширения доступа к знаниям и внедрения инновационных педагогических методов. Однако, анализ мнений педагогов и экспертов показывает, что внедрение цифровых технологий вызывает неоднозначную реакцию.

Значительная часть специалистов выражает опасения по поводу потери личного контакта, увеличения нагрузки, неравенства доступа и негативных последствий для психического здоровья учащихся. В условиях недостаточной нормативной базы и отсутствия единого стандарта использования цифровых ресурсов в образовании, важно обеспечить сбалансированный и осознанный подход к цифровизации, учитывающий интересы педагогов, учащихся и общества в целом. Тем не менее, ключевой принцип, которого стоит придерживаться – «технологии для педагога», а не «педагог для технологий».

Список использованных источников:

1. Борисенков В.П. Развитие системы подготовки педагогических кадров в Китае в эпоху цифровой трансформации образования / В.П. Борисенков, Т.А. Тореева, У. Линь // Высшее образование сегодня. – 2023. – №6. – С. 30-36.
2. Ларионова Н.И. Рынок труда в условиях цифровой трансформации экономики / Н.И. Ларионова, О.В. Юрьева, Л.А. Бурганова // Вестник экономики, права и социологии. – 2022. – №4. – С. 90-97.

3. Трегубова Т.М. Профессиональное развитие педагога в условиях цифровизации образования / Т.М. Трегубова, А.С. Кац, Л.А. Шибанкова // Высшая школа: научные исследования. Материалы Межвузовского научного конгресса. – 2020. – №1. – С. 31-37.

4. Тимохина Т.В. Анализ результатов научно-исследовательской работы в контексте профессиональной подготовки педагога / Т.В. Тимохина, И.А. Ахметшина // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2024. – №1 (102). – С. 350-355.

5. Цифровизация – Энциклопедия MBA ThinkTank [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://wiki.mbalib.com/wiki/%E6%95%B0%E5%AD%97%E5%8C%96> (дата обращения 01.11.2025).

УДК 378

Уткина Т.И.

доктор педагогических наук, профессор, Орский гуманитарно-технологический институт (филиал), ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», г.Орск, Россия

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ МАТЕМАТИКИ К ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ

Аннотация. В статье предложен методологический подход к совершенствованию учебного процесса в системе подготовки будущего учителя математики относительно формирования компетенций, нацеленных на организацию проектной деятельности учащихся на основе принципа сопряжения изучения математических дисциплин и основ проектной деятельности. Процесс подготовки будущего учителя математики к организации проектной деятельности обучающихся рассматривается как последовательная смена этапов: этапа проблематизации, этапа моделирования проекта, этапа методического обеспечения проекта и рефлексивного этапа. Представлены выводы о сформированности исследуемых компетенций, обеспечивающих успешную реализацию профессиональной деятельности будущего учителя математики.

Ключевые слова: подготовка учителя математики, организация проектной деятельности учащихся, принцип сопряжения.

METHODOLOGICAL APPROACH TO FORMING THE COMPETENCE OF A FUTURE MATHEMATICS TEACHER IN ORGANIZING STUDENTS' PROJECT ACTIVITIES

Abstract. The article proposes a methodological approach of improving the educational process in the system of training future mathematics teachers regarding the formation of competencies aimed at organizing students' project activities based on the principle of combining the study of mathematical disciplines and the basics of project activities. The process of preparing a future mathematics teacher for the organization of students' project activities is considered as a sequential change of stages: the problematization stage, the project modeling stage, the methodological support stage of the project and the reflexive stage. The article presents conclusions about the formation of the studied competencies that ensure the successful implementation of the professional activities of a future mathematics teacher.

Keywords: mathematics teacher training, organization of students' project activities, the principle of interface.

Проблема подготовки будущего учителя математики к организации проектной деятельности учащихся в современных условиях – одна из наиболее острых тем и обусловлена процессами цифровизации, интеграции науки и образования, вниманием правительства к развитию математического образования, повышению качества подготовки будущих педагогов математики [1-4]. Целью статьи является теоретическое обоснование и разработка методологических основ формирования компетентности будущих учителей математики к реализации проектного обучения. В работе были использованы результаты, полученные в рамках реализуемой инновационной программы «Сопряжение основных и дополнительных образовательных программ общего и профессионального образования в условиях цифровизации общества» (номер государственного учета НИОКТР: 121061500085-3, основной государственный регистрационный номер 1025601802698) [5].

Подготовка будущего учителя математики к организации проектной деятельности учащихся определяется совокупностью специальных профессиональных компетенций, отвечающих возрастающим требованиям современного общества, формируемых в процессе обучения. В содержании понятия «подготовка учителя математики к организации проектной деятельности учащихся» выделяется четыре аспекта – подготовка как ценность в профессиональной деятельности, как система, процесс, результат.

Проведенное исследование позволило выявить, что подготовка учителя математики к этому виду профессиональной деятельности основана на принципе сопряжения изучения математических дисциплин, основ проектной деятельности. Она носит процессный и четырехэтапный характер: этап проблематизации, моделирования проекта, методического обеспечения проекта и рефлексивного этапа.

Принцип «сопряжение изучения математических дисциплин и основ проектной деятельности» в проводимом исследовании определяется как выстраивание единой (интегрированной) образовательной траектории, обеспечивающей развитие компетенций у будущего учителя математики, ориентированных на организацию проектной деятельности учащихся на основе учета междисциплинарной связи, преемственной гармонизации с требованиями, предъявляемыми федеральными государственными стандартами [5; 7].

В основе разработки методологического подхода лежат следующие принципы: ориентация на развитие проектной деятельности учащихся на примере исследования геометрических задач и формирование готовности к составлению «новых» геометрических задач на основе решенной; признание решающей роли способов организации образовательной деятельности учащихся и учебного сотрудничества по поиску методов решения

геометрических задач и их исследования; учет индивидуальных, психологических и физиологических особенностей обучающихся при построении процесса исследования геометрических задач и определении существенных характеристик найденного решения геометрической задачи и путей их достижения; сопряжение основного курса геометрии, проявляющееся во взаимосвязи и согласованности его с основами проектной деятельности в целях обеспечения формирования готовности учащихся к осуществлению проектной деятельности; принцип единства учебной и проектной деятельности, предполагающий направленность учебного процесса по геометрии на достижение личностных результатов по конструированию проектов. На этом этапе решение указанной проблемы в рамках рассматриваемого подхода состоит в использовании в качестве средства реализации проектного обучения в проведении исследования решенной геометрической задачи. Формулируя цель и проблему проекта, будущий учитель должен обратить внимание обучающихся на те математические утверждения, которые могут быть уточнены и конкретизированы через частные случаи или, напротив, в отношении которых имеется большой простор обобщения, применения различных методов решения. Учитель должен настроить учащихся на получение, пусть даже субъективно нового результата, необходимо уметь переформулировать задачу, проводить аналогии и обобщения, формулировать обратные утверждения, рассматривать варианты различных способов решения задачи.

Возможны различные методические приемы по проведению исследования решенной задачи, которые включают учащихся в процесс составления «новых» задач. Первым приемом является переформулирование заключения задачи при сохранении ее условия. Второй прием состоит в изменении заключения задачи и частичном изменении ее условия. Третий прием представляет собой сохранение заключения решенной задачи при частичном изменении ее условия [6]. Организация проектной деятельности учащихся на основе исследования задач по геометрии и рассмотрения геометрических преобразований плоскости как порождаемых в инвариантной плоскости в конкретном движении или подобии пространства ориентирована на формирование трех аспектов готовности обучающихся: конструирования, оформления (учебного документирования).

Этап проблематизации ориентирован на овладение будущими учителями математики методологическими знаниями по: конструированию и оформлению различных видов учебных проектов на составление «новых» задач в условиях проведения исследования решений математических задач; формированию опыта формулирования цели и задач проекта, определению этапов выполнения проекта и способов его представления на защиту; созданию методической документации по обеспечению создаваемого проекта; использованию нормативных требований в разработке и реализации проектов.

Реализация первого этапа осуществляется через выполнение студентами теоретического микро-исследования по следующей тематике: зарождение проектного метода обучения; развитие проектного обучения в математическом образовании, основы проектного обучения в современном российском образовании; документационное сопровождение учебных проектов; разработка рабочих учебных программ по математике в условиях проектного обучения; содержание понятия проектной деятельности; типология проектной деятельности учащихся; организация проектной деятельности обучающихся по математике; способы вовлечения учащихся в проектную деятельность; формулирование замысла проекта; планирование проектной деятельности; управление выполнением проекта, проверка и оценка результатов проектной деятельности учащихся; организация процесса защиты проектов; роль учителя в организации проектной деятельности учащихся по математике; влияние проектной деятельности на развитие функциональной математической грамотности учащихся [7].

Этап моделирования проекта в данной статье рассматривается как педагогическая модель организации проектной деятельности учащихся на основе исследования задач по геометрии и рассмотрения движений и подобий плоскости как порождаемых в инвариантной плоскости в конкретном движении или подобии пространства [6; 7].

В основе разработки модели лежат следующие принципы и подходы: системно-деятельностный подход, предполагающий ориентацию на развитие проектной деятельности учащихся на основе освоения методологических знаний на примере исследования геометрических задач, формирование готовности к составлению «новых» геометрических задач на основе решенной; признание решающей роли способов организации образовательной деятельности учащихся и учебного сотрудничества по поиску методов решения защиты проекта. Первый аспект готовности включает знание классической структуры проекта, способов представления проекта, целей и задач проекта, структурирования этапов процесса конструирования проекта, планирования и оценки рисков для выбора оптимальной стратегии развития и обоснования достижения цели проекта, использования требований в разработке и реализации проектов, своей роли в команде исполнителей проекта. Второй аспект готовности генерирует ключевую идею проекта, выбирает направление развития ее в проекте с учетом видовых характеристик и осуществляет социальное взаимодействие посредством распределения проектных ролей в команде исполнителей, способен формировать у обучающихся на основе учета их индивидуальных особенностей конкретные знания, умения и навыки в области математики в реализации проекта. Третий аспект готовности ориентирован на защиту проекта.

Реализация этапа моделирования осуществляется через создание индивидуальных учебных проектов будущими учителями математики. При этом, каждый студент, без исключений, участвует в проектировании учебного проекта по математике, характеризует и формулирует тип проекта, цель проекта, задания проекта, ключевую идею проекта (анализ ситуации, формулирование замысла, цели проекта через формулирование серии задач), ход проекта, обсуждение возможных средств решения поставленных задач, выполнение

(реализация проекта), подготовка итогового продукта проекта, компоненты математической деятельности учащихся).

Этап методического обеспечения проекта определяется следующими требованиями: ключевая задача проекта и ее решение; анализ решения ключевой задачи по математике и формулирование проекта по созданию «новых задач» на основе проведенного анализа; выполнение решений, созданных «новых задач»; проверка и оценка проекта; формулирование текста защиты проекта; презентация защиты проекта; защита проекта; награждение (итоги защиты проекта).

Рефлексивный этап состоит в подготовке каждым студентом научного текста (статьи) созданного учебного проекта по математике к публикации. Так, только в 2024 и 2025 годах опубликованы статьи, в которых будущие учителя математики представили созданные проекты по математике для учащихся в международных научных конференциях «Форум молодых ученых: мир без границ». Приведем лишь некоторые из них: «Исследование задач по геометрии как фактор вовлечения учащихся в проектную деятельность», «Поворот пространства и его связь с поворотом на плоскости», «Классификация движений плоскости и пространства. Исследование по реализации разработанного методологического подхода позволяет преодолеть трудности, которые испытывают учителя математики в организации проектного обучения с учащимися.

Список использованных источников:

1. О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования / Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2023 №343 [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.pravmir.ru/kak-izmenitsya-vysshee-obrazovanie-v-2023-godu-glavnoe3> (дата обращения 10.10.2025).
2. Комплексный план мероприятий по развитию математического и естественно-научного образования на период до 2030 года / Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19.11.2024 №3333-р [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411230014/> (дата обращения 10.10.2025).
3. Об утверждении Концепции подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года / Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.06.2022 №1688-р [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://government.ru/docs/all/141781/> (дата обращения 10.10.2025).
4. Концепция развития математического образования в Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://www.firo.ru/wp-content/uploads/2014/12/Concept_mathematika.pdf (дата обращения 10.10.2025).
5. Сопряжение основных и дополнительных образовательных программ общего и профессионального образования в условиях цифровизации общества: форма направления сведений о начинаемой научно-исследовательской, опытно-конструкторской и технологической работе гражданского назначения: Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Оренбургский государственный университет» /рук. Т.И. Уткина. – М., 2021. Номер государственного учета НИОКТР: 121061500085-3.
6. Уткина Т.И. Обучение учащихся составлению геометрических задач как средство развития их творческих способностей // Развитие учащихся в процессе обучения математике: Межвузовский сборник научных трудов. – Н. Новгород: НГПИ им. Горького, 1992. – С.48-54.
7. Уткина Т.И. Формирование готовности будущего учителя математики и физики к организации проектной деятельности обучающихся // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: материалы Всероссийской научно-методической конференции. – Оренбург: ОГУ, 2021. – С. 3523-3527.

УДК 37.047

Фаловская А.С.

магистр 2 курса, направление 44.04.02, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством Положенцевой И.В.

кандидат экономических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

ПРОФЕССИЯ НЕ ПО ШАБЛОНУ – ТЕХНОЛОГИИ КОУЧИНГА В ПРОФОРИЕНТАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация. Статья адресована педагогам, работающим со старшеклассниками, и направлена на помощь в доступном объяснении сути и пользы коучинга как современного метода сопровождения профессионального самоопределения. В предложенном материале раскрывается, что такое коучинг, зачем он нужен подросткам и как может помочь лучше понять себя, свои интересы и цели. Обоснована актуальность использования коучингового подхода в школе как ресурсоориентированной практики, способствующей развитию самостоятельности, осознанности и уверенности в выборе профессионального пути. Приводятся основные принципы коучингового взаимодействия, а также рекомендации по внедрению метода в образовательную среду. Статья может использоваться педагогами как информационный и методический ресурс в рамках профориентационной работы.

Ключевые слова: коучинг, профессиональное самоопределение, старшеклассники, личностное развитие, образовательная среда, методики коучинга, психологическая поддержка, профориентация.

A NON-TRADITIONAL PROFESSION: COACHING TECHNOLOGY IN SCHOOL STUDENTS' PROFESSIONAL GUIDANCE

Abstract. This article is intended for educators working with high school students and aims to help them clearly and simply explain what coaching is and why it is important for teenagers. Written in accessible language, the article reveals the essence of coaching as a modern method of supporting professional self-determination. It highlights the benefits of coaching for students in

understanding themselves, identifying their interests and goals, and building confidence in their career choices. The relevance of integrating coaching into the school system is justified, particularly as a resource-oriented approach that fosters independence, self-awareness, and motivation among adolescents. The article outlines the core principles of coaching and provides practical recommendations for teachers seeking to apply this method in career guidance. It serves as both an informational and methodological tool for educators.

Keywords: coaching, career guidance, professional self-determination, high school students, teacher, personal development, motivation, education, awareness, teenagers.

Сегодняшние школьники живут в мире, где изменения происходят быстро, профессии исчезают и появляются, а выбор «кем быть» нужно делать уже в 15-17 лет. Это вызывает стресс, растерянность и даже страх [1]. Кто-то мечтает быть дизайнером, но не знает, с чего начать. Кто-то хочет помогать людям, но сомневается, что у него получится. А кто-то просто идёт туда, куда идут все – «чтобы не остаться ни с чем». Проблема в том, что нас не учат делать выбор осознанно. Нас учат математике, литературе, физике, но не учат понимать свои сильные стороны, ценности, интересы и желания. А ведь это – основа для выбора профессии и вообще жизненного пути.

Именно здесь появляется то, что может помочь – коучинг. Это не тест и не лекция. Это способ научиться задавать себе правильные вопросы и находить на них честные ответы. Без давления. Без шаблонов. Без страха ошибиться. Коучинг помогает школьникам остановиться, прислушаться к себе и понять, в каком направлении двигаться. Это особенно важно в старших классах – когда впереди экзамены, выбор вуза и, по сути, первые шаги в самостоятельную жизнь [3].

Коучинг – чтобы лучше понять себя: зачем это нужно школьникам? Каждый старшеклассник хоть раз задумывался: «Кем быть? Куда поступать? А если я ошибусь?». Это нормально. Мир меняется, профессий становится всё больше, а времени – всё меньше. В такой ситуации легко растеряться. Кто-то слушает родителей. Кто-то – друзей. А кто-то просто идёт «куда возьмут».

Сегодня от старшеклассника требуют принять взрослое и важное решение – выбрать профессию. Никто толком не объясняет, как это сделать правильно [4]. Тесты по профориентации дают шаблонные ответы. Учителя часто говорят: «Смотри по предметам, что лучше получается». Родители могут говорить: «Иди туда, где стабильность» или «Главное – чтобы зарплата была». А ты чувствуешь: всё это не совсем про тебя. Тебе нужно что-то другое. Что-то, что поможет понять: кто ты есть, что тебе действительно важно и куда ты хочешь идти. И вот тут появляется коучинг.

Что такое коучинг простыми словами? Коучинг – это не когда тебе говорят, «куда надо поступать». Это когда тебе помогают понять, чего хочешь именно ты. Это как разговор с человеком, который умеет слушать и задавать такие вопросы, после которых ты сам находишь ответы [2].

Зачем это нужно? Вот честно – никто, кроме тебя, не знает, кем тебе быть. Только ты можешь понять, что тебе важно: деньги, творчество, стабильность, свобода, помощь людям, командная работа или что-то другое. Но чтобы это понять, нужно остановиться и подумать о себе. Не о том, что ждут другие, а о себе. И вот здесь на помощь приходит коучинг. Он помогает разобраться в своих интересах и сильных сторонах; научиться ставить цели (реальные и важные именно для тебя); не бояться неопределённости; почувствовать уверенность в себе; понять, что выбор профессии – это не приговор, а путь, и ты можешь его менять.

Он не говорит: «Стань юристом». Он спрашивает: что тебе интересно в учёбе? Где ты чувствуешь себя уверенно? Какие темы тебя вдохновляют? Какие у тебя есть таланты? Какую жизнь ты хочешь строить? Эти вопросы помогают увидеть себя с новой стороны. А главное – понять, что у тебя уже есть всё, чтобы сделать первый шаг. Пример: старшеклассница Даша думала, что станет экономистом – родители советовали. Но на коуч-сессии поняла, что всю жизнь увлекалась написанием историй, вела блог, мечтала о журналистике. В итоге она смогла объяснить родителям свой выбор – и пошла учиться в медиасферу. Она не просто «пошла против», она поняла, чего хочет, и пошла по своему пути.

Как проходят коуч-сессии? Коуч-сессия – это не урок, не лекция и не психологическая консультация. Это разговор, в центре которого – ты. Коуч не оценивает, не учит и не даёт советов. Он помогает тебе разобраться в себе с помощью вопросов, упражнений и искреннего внимания [6].

Вот как это происходит:

1. Уютная атмосфера и доверие. Сначала коуч создаёт спокойную, безопасную обстановку, чтобы ты мог открыто говорить. Тут никто не скажет: «неправильно думаешь» или «это не получится». Всё, что ты говоришь, важно и принимается без критики.

2. Вопросы, которые заставляют задуматься. Коуч задаёт тебе необычные, но простые вопросы. Например: о чём ты мечтаешь? Что для тебя важно в жизни? Какая профессия вызывает у тебя интерес – и почему? Где ты чувствуешь себя «на своём месте»? Каким ты видишь себя через 5 лет? Иногда такие вопросы звучат неожиданно, но именно они запускают процесс самопонимания.

3. Поиск целей. Коуч помогает сформулировать личную цель. Например, «понять, какие профессии мне подходят» или «научиться больше верить в себя при выборе вуза». Затем эта цель превращается в конкретные шаги. Ты сам выбираешь, что будешь делать: узнать больше о профессиях, пообщаться с кем-то из сферы, попробовать новое хобби, пройти профпробу и т.д.

4. Используются специальные инструменты. Коуч может предложить следующие инструменты. «Колесо баланса» – круг, где ты оцениваешь разные сферы жизни (учёба, хобби, здоровье, отношения и др.), чтобы понять, что требует внимания. SMART-цели – постановка целей, которые чёткие, измеримые и реальные.

Упражнения на визуализацию – представь день из своей будущей жизни в профессии мечты. Что ты делаешь? Как себя чувствуешь? Ментальные карты – чтобы увидеть связи между интересами, навыками и возможными профессиями.

5. Сессии проходят регулярно. Обычно бывает от 3 до 8 встреч, раз в неделю или две. Это помогает отслеживать свой путь, делать выводы, корректировать цели. На каждой новой встрече ты глубже понимаешь себя, увереннее формулируешь желания и решения [7]. Пример: на первой сессии Никита сказал: «Я вообще не знаю, чего хочу». На второй – уже уверенно рассказывал, что его тянет в спорт и работу с людьми. К четвертой он составил список вузов и план на лето: устроиться помощником тренера в спортшколу. Всё это – его решение, которое он нашёл сам, благодаря коучингу.

Коучинг – это не волшебная палочка, которая «выдаст» тебе идеальную профессию. Это инструмент, который поможет тебе услышать самого себя. Он не навязывает, направляет, не даёт готовых ответов, учит находить свои собственные. В мире, где всё быстро меняется – профессии исчезают, появляются новые, образование становится гибким – особенно важно уметь думать о себе, понимать свои сильные стороны и принимать решения осознанно. Именно этому и учит коучинг. Если ты ещё не знаешь, кем хочешь быть – это не страшно. Главное – начать искать. А коучинг может стать твоим надёжным компасом в этом поиске.

Список использованных источников:

1. Педагогика и психология в схемах и таблицах: учебное пособие / И.А. Ахметшина, Е.А. Баранова, Н.В. Белякова [и др.]. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2025. – 275 с.
2. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ. – М.: Бомбора, 2021. – 464 с.
3. Грант А. Коучинг как метод развития личности и организации. – М.: Эксмо, 2022. – 288 с.
4. Зеер Э.Ф. Психология профессионального самоопределения. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2018. – 312 с.
5. Психолого-педагогические технологии обучения в эпоху цифровизации: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по укрупненной группе специальностей 44.00.00 – «Образование и педагогические науки» / С.Е. Шишов, Г.Н. Юлина, П.Ш. Алиева [и др.]. – М.: Ваш Формат, 2025. – 517 с.
6. Уитмор Дж. Коучинг высокой эффективности: как раскрыть потенциал человека. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 256 с.
7. Филиппова Т.В. Коучинг в образовании: теория и практика. – СПб.: Питер, 2021. – 224 с.

УДК 376.68

Эрматова Д.К.

студентка 4 курса, направление 44.03.02, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством Юлиной Г.Н.

кандидат педагогических наук, доцента, декан факультета социально-гуманитарных технологий, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

ПУТИ И СРЕДСТВА ПОВЫШЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ДОСТИЖЕНИЙ ДЕТЕЙ-МИГРАНТОВ

Аннотация. Проблема качества обучения детей-мигрантов в России выходит за рамки «узкой социальной повестки» и напрямую связана с устойчивостью школы, справедливостью доступа и будущими экономическими шансами целых семей. Исследования последних лет показывают устойчивый разрыв в результатах между учащимися с миграционной историей и их сверстниками, значительная часть которого объясняется языковыми и социально-экономическими факторами. В России с 2025 года введено обязательное тестирование по русскому языку для приема в школу; это повысило требования к базовой языковой готовности и одновременно высветило дефицит доступной подготовки детей. Проанализированы существующие подходы, которые увеличивают учебный прогресс детей-мигрантов в языковых и предметных областях. Предложена практическая «дорожная карта» для школы по работе с детьми-мигрантами.

Ключевые слова: дети-мигранты, учебные результаты, русский как иностранный, тьюторство, формирующее оценивание.

WAYS AND MEANS OF IMPROVING THE EDUCATIONAL ACHIEVEMENTS OF MIGRANT CHILDREN

Abstract. The problem of the quality of education for migrant children in Russia goes beyond the «narrow social agenda» and is directly related to the sustainability of schools, the fairness of access, and the future economic opportunities for entire families. Recent studies have shown a persistent gap in outcomes between students with a migration history and their peers, with a significant portion of this gap attributed to language and socioeconomic factors. Since 2025, Russia has introduced mandatory Russian language testing for school admissions, which has increased the requirements for basic language proficiency and highlighted the lack of available pre-school education. This article analyzes existing approaches that enhance the academic progress of migrant children in language and subject areas. It also proposes a practical «roadmap» for schools to work with migrant children.

Key words: migrant children, educational outcomes, Russian as a foreign language, tutoring, formative assessment.

Международные мониторинговые замеры фиксируют разрыв между учениками без миграционной истории и теми, кто учится на языке страны приема как на неродном. В России обсуждение резко усилилось после новой нормы о языковом тестировании с апреля 2025 года. У школы сегодня два вопроса: как не потерять ребенка на входе и как обеспечить наращивание академических навыков уже в классе [3].

О чём же свидетельствуют результаты мониторингов последних лет?

Во-первых, по результатам PISA-2022 учащиеся без миграционной истории в среднем показывают более высокие баллы по чтению, математике и естествознанию, при этом значительная доля разницы связана с языком обучения и социально-экономическим статусом.

Во-вторых, с апреля 2025 года зачисление детей-иностранцев возможно при подтверждении уровня владения русским языком. Росособназор публикует агрегированные данные о доле допущенных и успешно прошедших тестирование. Очевидно, что без ранней языковой поддержки ребенок банально «не дотягивает» до порога.

В-третьих, по оценкам международных организаций, число детей-мигрантов в мире к 2020 году достигло десятков миллионов. Это не «редкий кейс», а постоянная задача для школ крупных городов.

Обратимся к рассмотрению основных барьеров и трудностей, с которыми приходится сталкиваться ребёнку-мигранту при обучении в русской школе: языковой (недостаточный словарь академического русского языка, трудности чтения предметных текстов); учебный опыт (различия в содержании и требованиях учебных программ, методах обучения, пробелы знаний по математике, естествознанию и др.); организация работы школы с детьми-мигрантами (отсутствуют подготовительные модули, не хватает занятий по блоку «русский язык как неродной» (РКН) и пр.); психологический фон (переезды, стресс, переживание военных действий, страх, неуверенность, агрессия, отсутствие контроля со стороны родителей); правовой барьер (новая процедура тестирования по русскому языку как условие зачисления в школу, которая без доступной подготовки превращается в реальную проблему).

Так же Р.А.Андрианова и О.С.Ушакова указывают, что языковой барьер не только препятствует общению и совместной деятельности со сверстниками и педагогами, но и сказывается на психоэмоциональном состоянии ребенка [4, с.145]. При этом М.Н.Харабаджа отмечает, что «отсутствие у детей навыков общения и взаимопонимания связаны с неудовлетворительным владением языком принимающей стороны, а недостаточная дошкольная подготовка препятствует освоению программы начальной школы» [5, с.390]. Л.В. Оринина подчёркивает, что «одним из факторов, влияющих на повышение уровня социокультурной адаптации, является эффективное развитие билингвизма как психолингвистического феномена у детей мигрантов, проживающих на территории России» [3, с.369].

Как же решить остро стоящую проблему в работе с детьми-мигрантами? Мы предлагаем организовать планомерную работу учителя начальных классов по следующим направлениям:

1. Организация интенсивной языковой поддержки (РКИ / РКН) детей-мигрантов. Систематическое освоение фонемно-графемных соответствий, словаря учебных предметов, «языка заданий» и речевых функций урока. Для начальной и основной школы работают структуры «от устной речи – к чтению и письму», регулярная автоматизация навыков. Для организации подобной работы необходимо использовать входную диагностику для определения уровня знания русского языка у детей и распределить их на 2-3 подгруппы; ввести 3-5 дополнительных часов в неделю в первые 12 недель обучения для занятий по курсу «русский язык как неродной»; отрабатывать лексические «ядра» по предметам: математика (термины «процент», «дробь», «разность» и др.), естествознание («клетка», «раствор», «давление» и др.), обществознание («права», «обязанности», «вывод» и др.); вводить учебные материалы с обязательной опорой на визуализацию, устные модели, использовать короткие тексты с контролем лексики и грамматики.

В таблице 1 представим примерный недельный план работы учителя с детьми-мигрантами.

Таблица 1. Примерный недельный план работы учителя с детьми-мигрантами (5-7 классы)

День недели	Направление работы	Изучаемый материал	Содержание работы
Понедельник	Фонетика/лексика	Автоматизация звуко-буквенных связей. Словарь темы «Дроби»	Чтение короткого текста с подстановками
Среда	Грамматика урока	«Что сделать? Объясни ...» Реплики и синтаксические конструкции для ответа	Ролевая мини-задача
Пятница	Чтение/письмо	Аннотирование абзаца по естествознанию	8-10 ключевых слов из 3 тезиса

На основе обзора научной литературы последних лет мы пришли к выводу, что весьма устойчивый эффект в работе с детьми-мигрантами дают программы с явным обучением чтению и систематической фонетикой («structured literacy») и нарастанием сложности текстов.

2. Интеграция языка и предмета (CLIL/SIOP). Ученик-мигрант осваивает тему по предмету через язык обучения, где языковые цели зашиты в план урока (лексика, конструкции, речевые задачи). Опыт работы российских учителей показывает положительный эффект CLIL по языковым показателям. При этом успешность связана с подготовкой учителя и явной постановкой языковых целей на занятиях с детьми-мигрантами.

Приведём пример приёмов работы по технологии CLIL на уроке биологии в 7 классе: использование языковых целей: «Опиши строение клетки, используя 5 терминов»; «В ответе на поставленный вопрос используй конструкции «состоит из ...», «отвечает за ...»; ввод нового термина через приём изображение (картинка) и «словесное лото»; мини-лекция с опорным конспектом; парная работа, например: «Объясни соседу, что делает митохондрия?»; заполни чек-лист для слушателя; формирующий контроль: 6 утверждений «верно / неверно» и мини-письмо текста из учебника на 60-80 слов.

3. Тьюторская и персонализированная поддержка при работе в малых группах.

4. Привлечение родителей к участию в обучении и воспитании детей. От учителя требуется дополнительные контакты с родителями, с использованием перевода сообщений и понятными «шагами» выполнения учебных заданий дома. К примеру, это могут быть двуязычные памятки об учебных целях на неделю; «родительские пятиминутки» в мессенджере с шаблонами домашних обсуждений; культурные посредники (старшие ученики-наставники, выпускники, НКО) и пр.

С учётом выше сказанного мы предлагаем «Дорожную карту» запуска обучения ребенка-мигранта (90 дней):

Недели №1-2: команда, положение о программе адаптации, график занятий малых групп, диагностика, группировка детей по уровню владения русским языком, календарь тьюторства, старт коммуникации с родителями (шаблоны двуязычных сообщений).

Недели №3-6: модули РКН 3-5 часов в неделю, малые группы по математике и чтению, первый цикл формирующего оценивания, подготовка к тестированию.

Недели №7-10: CLIL-уроки с явными языковыми целями в каждом предмете, точечные консультации, промежуточный срез, корректировка планов.

Недели №11-13: повторная диагностика, работа с пробелами знаний, совместные проекты.

Таким образом, школа получает ясную схему: короткая диагностика, понятные модули, регулярная персональная поддержка, постоянная обратная связь и нормальная коммуникация с семьями. Ребенок – шанс начать обучение в этом же учебном году. Образовательные достижения ребёнка можно повысить именно посредством внедрения специальных мер и программ поддержки, направленных на развитие их языковых навыков и социализации [1].

Как видим, в силу особенностей миграционной политики в России, одной из задач школы становится создание благоприятных условий для успешной социализации и интеграции детей-мигрантов в образовательную среду. Поэтому проблема повышения образовательных достижений детей-мигрантов требует комплексного подхода на основе адаптации к образовательной среде и активного участия всех участников образовательного процесса. Только в этом случае будет возможна успешная интеграция этих детей в общество.

Список использованных источников:

1. Ефремова В.Е. Социально-педагогическая работа с детьми мигрантов в условиях сельской школы / В.Е. Ефремова, И.А. Ахметшина // Лучшая студенческая работа 2024: сборник статей XI Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 10 марта 2024 года. – Пенза: Наука и Просвещение, 2024. – С. 98-101.

2. Железнякова Е.А. Языковая адаптация детей из семей мигрантов в российской школе // Вестник Вятского государственного университета. – 2023. – №3 (149). – С. 107-115.

3. Оринина Л.В. Дети-билингвы: условия эффективной социальной и языковой адаптации детей мигрантов в образовательных учреждениях России // Горизонты образования: Материалы IV Международной научно-практической конференции, Омск, 20-21 апреля 2023 года / Отв. редактор Н.В. Чекалева. – Омск: Омский государственный педагогический университет, 2023. – С. 369-371.

4. Ушакова О.С. Актуальные вопросы языковой адаптации детей из семей мигрантов / О.С. Ушакова, Р.А. Андрианова // Педагогическое образование и наука. – 2022. – №4. – С. 145-152.

5. Харабаджах М.Н. Развитие языковой компетентности для успешной социальной адаптации детей мигрантов младшего школьного возраста // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – №77-2. – С. 390-392.

УДК 371.7

Юматова А.А.

студентка 3 курса, направление 44.03.02, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством Ахметшиной И.А.

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

РИСКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ: ЦИФРОВОЕ ВЫГОРАНИЕ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема цифрового выгорания школьников как одного из ключевых рисков цифровизации образования. На основе анализа данных современных исследований выявлены специфические симптомы цифрового выгорания у учащихся: эмоциональное истощение, хроническая усталость, повышенная тревожность и снижение учебной мотивации. В работе проанализированы факторы образовательной цифровой среды, способствующие развитию выгорания: многозадачность, постоянный коммуникационный прессинг, фрагментация цифрового пространства и размывание границ между учебой и отдыхом. На основе полученных данных предложены направления профилактики и минимизации последствий цифрового выгорания через формирование цифровой гигиены и пересмотр организации образовательного процесса. Статья представляет интерес для педагогов, психологов и специалистов в области образования.

Ключевые слова: цифровое выгорание, школьники, цифровизация образования, когнитивная нагрузка, многозадачность, цифровая гигиена, профилактика.

RISKS OF DIGITALIZATION IN EDUCATION: DIGITAL BURST IN SCHOOLS

Abstract. The article discusses the current problem of digital burnout among students as one of the key risks of digitalization in education. Based on the analysis of modern research data, specific symptoms of digital burnout among students have been identified, including emotional exhaustion, chronic fatigue, increased anxiety, and decreased academic motivation. The article also analyzes the factors in the educational digital environment that contribute to the development of burnout, such as multitasking, constant communication pressure, fragmentation of the digital space, and blurred boundaries between learning and leisure activities. Based on the data obtained, the article suggests ways to prevent and minimize the consequences of digital burnout through the development of digital hygiene and the revision of the educational process. This article is of interest to teachers, psychologists, and education specialists.

Keywords: digital burnout, schoolchildren, digitalization of education, cognitive load, multitasking, digital hygiene, prevention, educational risks.

В современном обществе, строящимся на стремительном и необратимом фокусе цифровизации образования, школьник получает полный доступ к знаниям и инструментам для самореализации. Школьнику предоставляется уникальная возможность раскрыть свой потенциал, развить когнитивную гибкость в цифровом пространстве, и подготовиться к жизни в высокотехнологическом мире. Во время ограничений периода COVID-19, в системе образования производились значительные изменения в структуре обучения: метод непрерывной оценки, ускоренное внедрение инновационных инструментов, переход на образовательные платформы: ЯКласс, Учи.ру, Российская Электронная Школа и другие. Несмотря на снятие ограничений пандемии, цифровые технологии и инструменты не только продолжают функционировать, но и активно модернизируются, повышая эффективность и вместе с этим количество учебных заданий. Однако по мере углубления цифровизации образование сталкивается с растущим числом рисков [1]. Одним из наиболее значимых является цифровое выгорание школьников, которое из потенциальной угрозы превратилось в диагностируемую реальность.

Для всестороннего понимания феномена цифрового выгорания необходимо глубокое и систематизированное изучение рисков современного образования, влияющих на готовность школьников к эффективному обучению [4]. Целью данного исследования является повышение внимания к проблеме феномена цифрового выгорания школьников как к диагностируемой реальности.

На сегодняшний день обучающиеся не только сталкиваются с академическими требованиями, но и вынуждены активно взаимодействовать в цифровом пространстве. Их повседневная жизнь включает общение с друзьями и способы развлечения, которые также происходят в онлайне [5]. В таком многофункциональном цифровом мире современный ученик оказывается в ситуации постоянного коммуникационного прессинга, где ему необходимо самостоятельно искать, анализировать и систематизировать информацию из десятков ресурсов, одновременно используя несколько цифровых платформ, в том числе образовательных. В режиме тотальной многозадачности, постоянного ожидания сообщений и уведомлений, развитость Синдрома FOMO (Fear of Missing Out) и клипового мышления, размываются границы между учёбой и отдыхом. Понятие «цифровой усталости» появилось еще в 1996 году, его ввел в обиход американский нейрофизиолог Дэвид Льюс. По его мнению, синдром информационной усталости начинает развиваться у человека в тех случаях, когда объемы потребляемой информации настолько огромны, что мозг с ними не справляется и перестает выполнять познавательную функцию. Оказалось, что чем больше мы узнаем, читаем и смотрим, тем хуже это усваиваем и осознаем. Отсюда появляется рассеянность, заторможенность, неспособность критически мыслить и принимать взвешенные решения. А все потому, что уставший от постоянной работы мозг входит в состояние ступора: он функционирует, но на сильную нагрузку или концентрированную деятельность не способен [7].

Согласно результатам опроса ВЦИОМ, проведенному в 2022 году, из 852 школьников 80% опрошенных указали, что мессенджеры для них – это основной канал информации по школьным вопросам. Ими ежедневно пользуются 71% обучающихся. В силу цифровизации образования, домашние задания стали переходить в онлайн формат, выполнение которого можно производить везде: в транспорте, дома, на улице, в общественных местах; что постоянно привязывает ребенка к гаджету, что не позволяет психике полноценно восстановиться.

Эмпирические исследования подтверждают, что негативные эффекты цифровизации проявляются очень быстро – жалобы на утомление и дискомфорт возникают у школьников уже через 30 минут непрерывного использования гаджетов, а при работе с ними более 2 часов жалобы предъявляют 35,2% школьников [6]. Это зачастую оборачивается непосильной психологической нагрузкой, ведущей к состоянию хронической усталости, апатии и снижению учебной мотивации, что является симптомами «цифрового выгорания». Данный синдром возникает не от времени, проведенного за экраном, а от тотальной перегруженности и многозадачности в пребывании постоянной готовности.

В сентябре 2020 года опрос исследователи НИУ ВШЭ напрямую спросили школьников об их усталости в начале, в конце, в середине дня. В среднем не менее 72% респондентов говорили, что устают. По их словам, усталость проявляется еще днем (71% детей), и в целом накапливается к концу четверти и в течение года. Лишь 7% сказали, что бодры весь день. Чем старше ребенок, тем сильнее он устает, среди одиннадцатиклассников эта цифра составляет 85%. Среди причин усталости лидирует учебная нагрузка.

Согласно исследованию «Подростки 360» в 2022 году, 45% старшеклассников связывают снижение интереса к учебе с переизбытком цифровых задач, а 61% отмечают возросшую сложность обучения из-за необходимости постоянного освоения и переключения между множеством цифровых платформ и мессенджеров. Почти четверть подростков (23%) проводили в интернете более семи часов в день, а 80%

ежедневно от трёх часов. У 91,5% подростков бывали случаи, когда они отвлекались на развлечения в интернете во время дела, 70% могли откладывать дела, чтобы провести там больше времени.

С учетом всех этих факторов, нарастающая нагрузка и отсутствие необходимой поддержки могут привести к снижению мотивации и возникновению чувств эмоционального истощения. Это подчеркивает важность не только распознавания проблемы цифрового выгорания, но и разработки эффективных методов для его предотвращения и поддержки эмоционального благополучия учащихся [2; 3].

Проведенный анализ научной литературы позволяет нам констатировать, что цифровизация образования, при всех своих неоспоримых преимуществах, вызвала системную проблему – феномен цифрового выгорания школьников. Это состояние является закономерным следствием постоянной многозадачности, коммуникационного прессинга и отсутствия четких границ между учебной и личной жизнью в цифровом пространстве. Эмпирические данные убедительно свидетельствуют о широком распространении среди учащихся симптомов эмоционального истощения, хронической усталости и снижения академической мотивации.

Проблема усугубляется тем, что цифровое выгорание возникает не столько от времени у экрана, сколько от тотальной перегруженности и необходимости постоянной готовности к взаимодействию. В этой связи традиционные подходы к организации учебного процесса требуют пересмотра. Предложенные в статье меры профилактики цифровой усталости представляют собой практический инструмент для снижения нагрузки современных школьников. Их реализация позволит создать более здоровую и сбалансированную образовательную среду.

Список использованных источников:

1. Ахметшина И.А. Девиантное поведение детей и подростков: учебное пособие в схемах и таблицах / И.А. Ахметшина, А.Б. Павлова. – Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2025. – 178 с.
2. Власова Л.В. Поддержка эмоционального благополучия учеников в школе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – №6-3 (81). – С. 23-27.
3. Попова О.А. Теоретические аспекты проблемы психолого-педагогической профилактики агрессивного поведения студентов колледжа / О.А. Попова, И.А. Ахметшина // Научное обозрение: актуальные вопросы теории и практики: сборник статей XV Международной научно-практической конференции, Пенза, 10 января 2025 года. – Пенза: Наука и Просвещение, 2025. – С. 181-183.
4. Психолого-педагогические технологии обучения в эпоху цифровизации: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по укрупненной группе специальностей 44.00.00 – «Образование и педагогические науки» / С.Е. Шишов, Г.Н. Юлина, П.Ш. Алиева [и др.]. – М.: Ваш Формат, 2025. – 517 с.
5. Скоблина Н.А. Место гаджетов в образе жизни современных школьников и студентов / Н.А. Скоблина, О.Ю. Милушкина, А.А. Татаринчик, Д.М. Федотов // Здоровье населения и среда обитания – ЗНиСО. – 2017. – №7 (292). – С. 41-43.
6. Стомба Е.В. Цифровая трансформация сферы образования региона в условиях новых вызовов / Е.В. Стомба, А.В. Стомба // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (ДНТЕ 2023): сб. статей IV Международной научно-практической конференции. 16-17 ноября 2023 г. / под ред. В.В. Рубцова, М.Г. Сороковой, Н.П. Радчиковой. – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2023. – С. 232-242.
7. Эдмонд Г. Цифровая трансформация школьного образования. Международный опыт, тренды, глобальные рекомендации // Современная аналитика образования. – 2019. – №2 (23). – С. 12-102.

УДК 371.7

Ящук В.Д.

студентка 3 курса, направление 44.03.02, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

Работа выполнена под научным руководством Ахметшиной И.А.

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет)», г. Москва, Россия

ВЛИЯНИЕ ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЫ НА КОГНИТИВНОЕ РАЗВИТИЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Аннотация. В статье рассматривается влияние виртуальной среды на когнитивное развитие обучающихся в условиях стремительной цифровизации современного общества. Анализируются теоретические подходы к пониманию виртуальной реальности и её роли в образовательном процессе, приводятся взгляды зарубежных и отечественных исследователей. Отмечаются положительные и отрицательные аспекты влияния VR-технологий на когнитивные процессы: с одной стороны, развитие творческого и аналитического мышления, усиление мотивации и индивидуализации обучения, с другой – риск зависимости, потери границы между реальным и виртуальным, снижения коммуникативных навыков.

Ключевые слова: обучение, когнитивное развитие, познавательные процессы, цифровизация, виртуальная среда, VR-технологии.

THE IMPACT OF THE VIRTUAL ENVIRONMENT ON THE COGNITIVE DEVELOPMENT OF STUDENTS

Abstract. The article examines the impact of the virtual environment on the cognitive development of students in the context of the rapid digitalization of modern society. It analyzes theoretical approaches to understanding virtual reality and its role in the educational process, and presents the views of foreign and domestic researchers. The article highlights both positive and negative

aspects of the impact of VR technologies on cognitive processes: on the one hand, the development of creative and analytical thinking, increased motivation, and individualization of learning, and on the other hand, the risk of addiction, the loss of the boundary between the real and the virtual, and a decrease in communication skills.

Keywords: learning, cognitive development, cognitive processes, digitalization, virtual environment, VR technologies.

В современном обществе все активнее развиваются виртуальные технологии и искусственный интеллект, которыми все чаще общество: школьники, студенты, работники, преподаватели и т.д. стали применять в своей повседневной и профессиональной жизни. Однако как использование современных технологий влияет на когнитивное развитие обучающихся? Когнитивное развитие занимает главенствующее место в развитии личности обучающегося, так как отвечает за все процессы, связанные с познанием и мышлением [2; 6]. При развитии когнитивных процессов у обучающихся большую роль занимают речь, социум и культура. Именно они помогают получить необходимую информацию, выйти за пределы простого восприятия и расширить интеллект. Человеку, а в особенности ребенку, необходим социум для когнитивного развития, так как благодаря ему он сформирует адекватную оценку о мире и себя в целом [3].

Активную роль в происходящих изменениях играет Интернет, поскольку является самой распространённой наиболее внедряемой технологией в историю человечества [4]. Более чем за три последние десятилетия он полностью изменил традиционные подходы к поиску информации, взаимодействию со СМИ и индустрией развлечений, люди научились по-новому управлять социальными связями и отношениями. Виртуальная среда способна моделировать сложные ситуации, предоставлять безопасные тренировки и усиливать мотивацию учащихся через погружение и взаимодействие. В то же время вопрос о том, каким образом и в какой степени VR влияет на когнитивное развитие обучающихся, остаётся предметом научных исследований и обсуждений.

«Человек нуждается в фиктивном удвоении мира. В этом смысле телевидение и компьютерные средства визуализации помогают прояснить природу человека. Потребность в иллюзорной жизни, когда мир раскрывается как приключение, есть антропологическое свойство» [5, с.204]. С этим высказыванием можно согласиться, так как сейчас у нас есть явный пример развития цифровизации, в том числе и виртуальных технологиях, которые активно используют в повседневной жизни (игры и развлечения), а также в профессиональной деятельности (кино, IT компании, реклама и т.д.). Благодаря чему у человека непосредственно развивается критическое мышление, при котором моделируются новые образы, процессы и инновации. Через непосредственную визуализацию люди могут познать свой внутренний мир, выявить страхи и зажимы, а также найти свою уникальность.

XXI век наполнен различными переменами, которые отчасти имеют и негативные последствия. Через виртуальную среду, у людей появляется возможность уйти в другую реальность, физически выдохнуть и осознать, что не все бывает так ужасно. Однако, необходимо сказать, что данная ситуация пагубно влияет на психологическое сознание личности, так как искусственная реальность может спровоцировать отторжение от реального мира, из-за чего будут развиваться определённые девиации [1].

В психологических работах, имеющих прямое либо косвенное касательство к проблематике виртуальных реальностей, рассматриваются вопросы экзистенции, воображения, рефлексии, измененных состояний сознания, сенсорного опыта, мотивов (самореализации, самоутверждения и др.) применения «паутины» или игровых сервисов (напр., мотивы роста, достижений, замещения, познавательный), функций сновидений и их интерпретаций, различий между сном и явью, «эффекта присутствия», виртуальной зависимости, ориентационного, инструментального или рефлексивного типа взаимодействия с артефактами, «якорей» для маркировки выхода из виртуальных состояний и др. [5].

В настоящее время выделяют следующие типы виртуальных сред: совместные виртуальные среды (поддерживают взаимодействие в реальном времени между несколькими пользователями, часто представленными в виде аватаров; способствуют командной работе, имитируя общие пространства для общения и совместного использования ресурсов. Среди популярных платформ – Second Life, Slack и Zoom, которые используются для совместной работы в сфере образования и удалённой работы), иммерсивные виртуальные среды (IVEs используют гарнитуры виртуальной реальности и отслеживание движения для создания высокореалистичных сред и применяются для подготовки хирургов, военных, психотерапевтов для обучения на основе симуляций с помощью виртуальной экспозиционной терапии), дополненные виртуальные среды (сочетают в себе элементы виртуальной (VR) и дополненной (AR) реальности, позволяя пользователям видеть виртуальные объекты, наложенные на реальный мир, взаимодействовать с ними. Такие устройства, как Microsoft HoloLens и Google Glass, являются примерами ДВС и находят применение в промышленном обучении, удалённой помощи и совместном проектировании).

Современное общество вступило в эпоху активного взаимодействия человека с цифровыми и виртуальными технологиями, которые не только изменяют характер труда и общения, но и влияют на фундаментальные когнитивные процессы. Виртуальная среда, выступая в качестве искусственно созданного пространства познания, оказывает двойственное воздействие на развитие обучающихся. С одной стороны, она способствует активизации познавательной деятельности, развитию критического и творческого мышления, позволяет моделировать недостижимые в реальности процессы, стимулирует рефлекссию и осознание себя через цифровые образы. С другой стороны, чрезмерное погружение в виртуальное пространство способно вызывать

зависимость, снижать мотивацию к реальной деятельности, ослаблять социальные связи и искажать представления о реальности [7].

Таким образом, влияние виртуальной среды на когнитивное развитие обучающихся определяется не столько самим фактом применения технологий, сколько культурно-психологическими условиями их использования. В образовательной практике важно формировать у обучающихся навыки осознанного взаимодействия с цифровой средой, развивать способность к критическому восприятию информации и поддерживать баланс между виртуальным и реальным опытом. Рациональное применение VR-технологий в обучении способно не только повысить эффективность образовательного процесса, но и стать ресурсом личностного и профессионального роста.

Список использованных источников:

1. Ахметшина И.А. Этические аспекты использования цифровых технологий, искусственного интеллекта и нейросетей в обучении студентов университета // Проблемы и перспективы развития образования: сборник материалов XI Международной научно-практической конференции, Орехово-Зуево, 24 октября 2024 года. – Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2024. – С. 49-57.
2. Выготский Л.С. Лекции по психологии. Мышление и речь. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 432 с.
3. Денисенкова Н.С. Развитие дошкольников в эпоху цифровой социализации / Н.С. Денисенкова, Т.А. Красило // Современное дошкольное образование. – 2019. – №6 (96). – С. 50-57.
4. Коул М. Культурно-историческая психология: Наука будущего / пер. с англ.; авт. предисл. Ш.Г. Уайт. – М.: Когито-центр: Ин-т психологии, 1997. – 431 с.
5. Микешина Л.А. Новые образы познания и реальности / Л.А. Микешина, М.Ю. Опенков. – М.: Росспэн, 1997. – 238 с.
6. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка / сост., новая ред. пер. с фр., коммент. Вал. А. Лукова, Вл. А. Лукова. – М.: Педагогика-пресс, 1994. – 526 с.
7. Blascovich J. Social Influence within Immersive Virtual Environments. In: Schroeder R. (eds). The Social Life of Avatars. Computer Supported Cooperative Work. Springer, London. DOI: 10.1007/978-1-4471-0277-9_8.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕКЦИЯ 1. ИННОВАЦИОННЫЕ ВЕКТОРЫ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ И КУЛЬТУРАМ В ВУЗЕ: TEACHING FOREIGN LANGUAGES AND CULTURES: VECTORS AND EDUCATIONAL CHANGES

<i>Андреева Д.А., Рябова М.Э.</i>	3
Дидактический потенциал коротких вертикальных видео (VK видео) в обучении аудированию на английском языке	
<i>Анисимов А.В., Рябова М.Э.</i>	5
Персонализация обучения деловой письменной речи на иностранном языке с использованием мини-проектов и цифровых инструментов	
<i>Воробьёва А.А., Рубанникова И.А.</i>	8
Использование интерактивных нарративных текстов в различных образовательных контекстах: (применимость в школах, вузах, онлайн-образовании и самообразовании)	
<i>Козловская А.С., Зотова О.В.</i>	11
Искусственный интеллект, как виртуальный собеседник в обучении иностранным языкам: психологические аспекты и риски	
<i>Колычев Д.С., Богатырева С.Н.</i>	13
Интерактивные технологии как средство реализации коммуникативного метода обучения	
<i>Миронова М.А., Богатырева С.Н.</i>	17
Хореотерапия (танцетерапия) как инновационная педагогическая технология в обучении иностранным языкам	
<i>Модина А.А., Рябова М.Э.</i>	23
Формирование умений связного и логичного высказывания на основе сюжетных картинок	
<i>Морозова А.А., Рубанникова И.А.</i>	26
Коммуникативные стратегии успешных менеджеров в англоязычной бизнес-среде	
<i>Свирина Н.Н., Богатырева С.Н.</i>	30
Отражение научных открытий и технологических инноваций в языке	
<i>Степанов М.А., Зотова О.В.</i>	35
Примеры успешной реализации персонализированного обучения с использованием AI и VR.	
<i>Тихомирова Я.К., Зотова О.В.</i>	37
Интеграция искусственного интеллекта в процесс оценки языковых компетенций: современные тенденции и перспективы	
<i>Щербатых Л.Н.</i>	40
Роль самостоятельной подготовки студентов в процессе формирования цифровой компетенции	

СЕКЦИЯ 2. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

<i>Абсадықова Ж.Қ., Карманова Ж.А.</i>	43
Семейно – ориентированная персонализация речевого развития дошкольников на основе ии – технологий	
<i>Алимова М.Б., Маженова Р.Б., Айтымов А.К.</i>	46
Цифрлық технологиялардың пайдаланудың психологиялық аспектілері	
<i>Бельгибаева Г.К., Тиленбаева Н.Б.</i>	47
Мектепке дейінгі инклюзивті білім беруде болашақ тәрбиешілердің кәсіби әрекетті ұйымдастырудағы рөлі: стратегиялар мен тәсілдер	
<i>Ахметова А.Е., Шкутина Л.А., Полупан К.С.</i>	50
Психологические аспекты цифровизации образования: влияние цифровой среды на эмоциональный интеллект будущих педагогов	
<i>Маженова Р.Б., Мектепбаева А.Н., Ившина Н.В.</i>	52
Әдеби мәтіндерді пайдалана отырып студенттердің коммуникативтік құзыреттілігін дамыту	
<i>Аналбекова К.Т., Тусупбекова К.К., Ежбебаева К.С.</i>	54
Влияние искусственного интеллекта на педагогическую деятельность и развитие детей дошкольного возраста	
<i>Темешова З.Н., Мирза Н.В.</i>	56
Искусственный интеллект и казахская анимация: как технологии помогают формировать национальные ценности у дошкольников	
<i>Сейілхан Г.Х., Маженова Р.Б., Джабаева Г.Н.</i>	58
Цифрлық технологиялардың білім беру ұйымдары менеджерлерінің әлеуметтік құзыреттілігін дамытудағы психологиялық аспектілері	
<i>Тоқтыбаева Г.С., Макишиева Г.К., Маженова Р.Б., Санхаева А.Н.</i>	61
Болашақ педагогтардың ойлау дизайны – жаңадан бастаушының санасы	
<i>Алексашкина Д.В., Калита В.В.</i>	63
Методическое обеспечение задач диагностики показателей когнитивного контроля и подверженности манипулятивному влиянию: сравнительный анализ	

<i>Антонов С.А., Шафажинская Н.Е.</i>	66
Музыкальный образ как предмет психологического анализа	
<i>Ахмедов Р.М., Калита В.В.</i>	69
Проблема профессионального самоопределения студентов вуза в эпоху нестабильности рынка труда	
<i>Бабарыкина А.О., Юлина Г.Н.</i>	71
Связь активных архетипов и показателей мотивации достижения успеха у студентов	
<i>Галкин А.В., Дубровинская Е.И.</i>	73
Мотивы профессионального выбора и характеристики учебного стресса у студентов	
<i>Горай Н.А., Калита В.В.</i>	76
Педагогические условия эффективного применения цифровых технологий в дошкольном образовании	
<i>Горбачук А.М., Калита В.В.</i>	78
Проблема развития личности медицинских работников и задачи их психологического сопровождения	
<i>Губанова Д.М., Шафажинская Н.Е.</i>	81
Самосострадание как фактор устойчивости при профессиональном стрессе	
<i>Денисенко Е.Г., Ребро О.В.</i>	84
Психологический портрет преподавателя высшей школы в эпоху цифровизации	
<i>Донских Д.А., Калита В.В.</i>	86
Сравнительный анализ существующих типологий мотивации студентов к занятию спортом в вузе	
<i>Емелина К.Р., Денисенко Е.Г.</i>	89
Особенности конфликтов в студенческой среде в цифровом обществе	
<i>Игнатъев Д.С., Калита В.В.</i>	91
Экосистемный подход как эффективная модель управления в условиях демассификации социальноэкономического пространства	
<i>Инкина К.А., Алябьева С.Д., Калита В.В.</i>	94
Исследование взаимосвязи детского фольклора и доминирующего вида юмора среди подростков	
<i>Калягина Т.М., Калита В.В.</i>	99
Субъективное ощущение одиночества у студентов мегаполиса	
<i>Квасялис И.А., Ахметишина И.А.</i>	102
Телесно-ориентированная терапия в работе педагога-хореографа	
<i>Киселева М.А., Калита В.В.</i>	104
Связь между качеством ночного сна и показателями рабочей памяти у студентов	
<i>Коновалова А.А., Юлина Г.Н.</i>	108
Психологические основы конфликтологической компетентности руководителя: саморегуляция, рефлексия и коммуникативная культура	
<i>Коруков Д.А., Белякова Н.В.</i>	114
Компоненты психологической культуры личности	
<i>Кузнецова А.А., Калита В.В.</i>	117
Особенности развития невербального интеллекта у обучающихся при обучении письму: китайской иероглифике	
<i>Маммадов О.Р., Юлина Г.Н.</i>	120
Психолого-педагогические детерминанты профессиональной деформации педагога высшей школы	
<i>Мигучина Е.Е., Калита В.В.</i>	123
Проблема социализации учащихся в инклюзивном образовании (на примере лиц с нарушением слуха)	
<i>Мусатова О.А.</i>	126
Медиативная грамотность как необходимое условие профилактики конфликтов в современном вузе	
<i>Огурцова А.И., Калита В.В.</i>	128
Задачи психологического сопровождения женщин в последоровом периоде	
<i>Камышева М.К., Омельченко Е.А., Калита В.В.</i>	130
Влияние фоновой музыки на концентрацию внимания при выполнении заданий	
<i>Пахомова Д.И., Калита В.В.</i>	132
Когнитивные аспекты восприятия product placement в видео контенте	
<i>Петрова А.А., Терехова Е.П., Калита В.В.</i>	135
Сравнение ведущих типов характера по методике Карла Густава Юнга у студентов разных направлений	
<i>Почивалов А.Д., Ковалёва М.А.</i>	136
Феномен самозванца: личностные и социально-психологические детерминанты проявления	
<i>Разгуляева В.С., Калита В.В.</i>	142
Психологические технологии снижения конфликтности при работе с обращениями граждан в системе городских парковок опыт разработки и внедрения	
<i>Романова Н.Д., Денисенко Е.Г.</i>	144
Особенности переживания субъективного одиночества и эмоционального интеллекта у молодежи	
<i>Русинова Ю.А., Дубровинская Е.И.</i>	147
Организация профилактических мероприятий, направленных на снижение аутоагрессивного поведения среди студентов	

<i>Рябчиков В.С., Шафажинская Н.Е.</i>	150
Характеристика взаимосвязи самооценки и учебной мотивации у старших школьников	
<i>Смирных А.Н., Калита В.В.</i>	153
Особенности клипового мышления современных студентов младших и старших курсов	
<i>Спасов К.А., Горева В.В., Калита В.В.</i>	155
Взаимосвязь ведущего типа темперамента и акцентуаций	
<i>Трушина К.С., Даргевич Д.М., Калита В.В.</i>	159
Склонность к манипулированию и конфликтность личности студентов	
<i>Ульянова В.А., Калита В.В.</i>	162
Синдром эмоционального выгорания у продавцов-консультантов	
<i>Фамильнова А.А., Калита В.В.</i>	164
Краткая профессиограмма работников научного центра ведомственной организации по методике Е.М. Ивановой	
<i>Цветкова К.А., Положенцева И.В.</i>	167
Психологические аспекты постинтернатной адаптации детей-сирот	
<i>Чеснова Е., Положенцева И.В.</i>	171
Психопрофилактика тревожности у иностранных студентов в условиях межкультурной коммуникации	
<i>Шишкова С.Ю., Кураמיшина Е.В.</i>	175
Специфика формирования soft skills у подростков в процессе профессиональной ориентации	
<i>Шпагина Е.М.</i>	180
Интерактивные технологии в преподавании психологии и педагогики студентам технического профиля	
<i>Щербакова А.С., Рабаданова Р.С.</i>	184
Влияние социальных сетей на формирование личностной уверенности и самооценки подростков	
<i>Щербакова А.С., Рабаданова Р.С.</i>	186
Цифровая образовательная среда как фактор формирования самооценки подростков в современном обучении	
СЕКЦИЯ 3. ТРАНСФОРМАЦИЯ КОММУНИКАЦИЙ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: К 15-ТИЛЕТИЮ КАФЕДРЫ СВЯЗЕЙ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ И РЕКЛАМНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	
<i>Ахундов К.Т., Никульцева В.В.</i>	190
Современные нейросетевые сервисы в рекламе	
<i>Каиштанова А.А., Никульцева В.В.</i>	192
Локализация рекламных реалий: межкультурный перевод и бренд-коммуникация	
<i>Терехова А.И., Никульцева В.В.</i>	194
«Русалочка» Х.-К.Андерсана: рецепция всевременной медиа сфере	
СЕКЦИЯ 4. ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ: ЦИФРОВЫЕ РЕСУРСЫ, КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ И ПОДГОТОВКА КАДРОВ	
<i>Аллахвердиева Л.М., Власов Ю.Н. Ковалев П.А.</i>	196
Использование информационных технологий при подготовке вожатых для работы в детском оздоровительном лагере ориентированных на формирование культуры безопасности жизнедеятельности среди детей и подростков	
<i>Гомзякова Н.Ю.</i>	199
Профессиональная подготовка и переподготовка преподавателей предмета «основы безопасности и защиты родины» из числа ветеранов специальной военной операции: вопросы формирования цифровых компетенций	
<i>Джумадельдинова А.А.</i>	201
Цифрлық трансформация дәуіріндегі білім беру жүйесінің дамуы мен кадрлық әлеуетті нығайту мәселелері	
<i>Кузьменко Р., Манашова А.Р., Мирза Н.В.</i>	204
Адаптивные алгоритмы персонализации обучения на основе анализа когнитивных паттернов учащихся с использованием технологий искусственного интеллекта	
<i>Нұрсұлтанқызы А., Mehmet Taşpınar</i>	207
Білім берудің цифрлық трансформациясы: жаңа мүмкіндіктер мен сын-қатерлер	
<i>Ачкасова Л.А., Зотова А.С.</i>	209
Влияние негативных комментариев на репутацию брендов	
<i>Веклич А.Е., Емцева О.В.</i>	212
Государственное регулирование рекламной деятельности в условиях ограничений	
<i>Гущина В.Д., Татаринова А.В.</i>	216
Использование маскотов в формировании имиджа бренда	
<i>Ковалева А.И., Положенцева И.В.</i>	219
Анализ подходов к продвижению бренда косметики на примере бренда «Bisou»	
<i>Ньоне Р.Ф., Емцева О.В.</i>	222
Роль сторителлинга в RP-коммуникациях	224

<i>Матюшов Н.А., Емцева О.В.</i>	
Актуальные тенденции теоретических подходов в сфере рекламы и связей с общественностью	228
<i>Морозова Е.А., Емцева О.В.</i>	
Влияние информационных кампаний государственных органов на отношение людей к экологии	231
<i>Очкур В.А., Пономарев В.Г.</i>	
Геймификация PR: как вовлекать аудиторию через игры и интерактивные форматы	233
<i>Павленко А., Емцева О.В.</i>	
Изменение общественного отношения к использованию нейросетей в рекламе	236
<i>Пронин А.А., Моисеева О.А.</i>	
Влияние социальных сетей на формирование общественного мнения о деятельности органов местного самоуправления и активизацию жителей	238
<i>Роскошная Н.С., Филиппова О.А.</i>	
Отражение национального менталитета в рекламе России, США и Японии	242
<i>Хачатурян С.А., Моисеева О.А.</i>	
Влияние соцсетей на внимание аудитории: исторический аспект	245
<i>Чиркова Д.С., Емцева О.В.</i>	
Сайт как инструмент продвижения личного бренда	247
<i>Андреев А.Н.</i>	
Технологии персонализированного обучения (на материале художественной литературы)	252
<i>Калиева А.М., Маженова Р.Б., Кантарбаева Ж.Е.</i>	
Мектеп мұғалімдерінің эмоционалды қажуы: теориялық-әдістемелік негіздері	254
<i>Шиббаева А.Н., Шишов С.Е.</i>	
Коррекционно-развивающий потенциал игровой театрализованной деятельности для детей и молодых людей с интеллектуальными нарушениями	258
<i>Головкина Н.Е., Шишов С.Е.</i>	
Актуальность применения методик танцевальной импровизации и актёрских тренингов в инклюзивном хореографическом коллективе	
СЕКЦИЯ 5. ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ОБЩЕСТВА: ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ	
<i>Кураев А.Н.</i>	262
Роль цифровых технологий в изучении социально-гуманитарных наук	266
<i>Макс Донал Камачо Чаваррия, Приказчикова Е.В.</i>	
Современные подходы к образованию: кто важнее – преподаватель или ИИ?	268
<i>Богатырева О.В.</i>	
Методика обучения истории в условиях цифровой трансформации общества	271
<i>Ерасова Е.А., Богатырева О.В.</i>	
Методические аспекты преподавания темы великой отечественной войны: сравнительный анализ возможностей и ограничений ФГОС второго и третьего поколения	273
<i>Жукова Л.А., Богатырева О.В.</i>	
Виртуальная реконструкция и иммерсивные технологии: влияние современных технологий на изучение и преподавание истории	276
<i>Шатохина А.А., Богатырева О.В.</i>	
Трансформация исследовательских методов в исторической науке под влиянием цифровых технологий	280
<i>Цеханович С.В., Богатырева О.В.</i>	
Противостояние цифрового следа «архивной пыли»: приватность как жертва исторического исследования будущего	284
<i>Паникова Е.С., Богатырева О.В.</i>	
Противоречие современной сферы труда, как влияние социальных сетей на поведение молодежи	287
<i>Львова Е.С., Богатырева О.В.</i>	
Учение без принуждения: VR как способ вернуть естественную любознательность	290
<i>Львова Е.С., Богатырева О.В.</i>	
Персонализированное образовательное путешествие через 3D-модели музеев и артефактов с использованием AI и VR	292
<i>Коняев А.В., Богатырева О.В.</i>	
Проблема ответственности за решения, принятые с помощью ИИ в образовательном процессе	296
<i>Коняев А.В., Богатырева О.В.</i>	
«Цифровой Сократ»: навыки диалога с ИИ для развития критического мышления на уроках истории	299
<i>Климова В.А., Богатырева О.В.</i>	
Идеологический фундамент синодальной реформы 1721 года	301
<i>Иванова А.Ш., Богатырева О.В.</i>	
Влияние социальных сетей и онлайн-платформ на популяризацию исторических знаний	

СЕКЦИЯ 6. СОВРЕМЕННОЕ СОЦИОГУМАНИТАРНОЕ ПОЗНАНИЕ: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД И СУВЕРЕНИЗАЦИЯ

<i>Кондратьев С.В.</i>	304
Интеграция искусственного и естественного интеллекта в духовно-нравственном развитии личности (христианская психологическая парадигма)	
<i>Мадешова А.А.</i>	305
Тәрбиешінің инклюзивті білім берудегі кәсіби құзыреттілігін дамыту жолдары	
<i>Макарьев И.В.</i>	307
Цивилизационный подход и социогуманитарное знание: проблемы и перспективы	
СЕКЦИЯ 7. ПЕДАГОГИКА	
<i>Авдеева П.П., Баранова Е.А.</i>	311
Современные образовательные технологии и психологические аспекты их применения	
<i>Алексеева А.А., Денисенко Е.Г.</i>	312
Психологические проблемы семьи, воспитывающей детей с ОВЗ	
<i>Барышева Е.В.</i>	315
К вопросу об использовании нейросетей на уроках английского языка	
<i>Бескоровайная Л.В., Юлина Г.Н.</i>	317
Развитие математических способностей детей старшего дошкольного возраста посредством логических игр	
<i>Гарифуллина М.А., Баранова Е.А.</i>	318
Педагогическое моделирование цифровой социализации подростков в условиях детского оздоровительного лагеря	
<i>Говоров О.Е., Денисенко Е.Г.</i>	321
Традиционные ценности молодежи в эпоху цифровых технологий	
<i>Гришин А.А., Ахметшина И.А.</i>	323
Развитие эмоционального интеллекта у младших школьников в условиях цифровой образовательной среды	
<i>Давлетханов М.Т., Ахметшина И.А.</i>	325
Искусственный интеллект в роли педагога-психолога: возможности и границы	
<i>Живаева К.И., Шишов С.Е.</i>	328
Развитие эмоционального интеллекта педагогов с целью повышения адаптивности студентов первого курса к учебной группе и учебной деятельности	
<i>Казаков А.В., Рабаданова Р.С.</i>	330
Влияние ограниченного пространства на социокультурные коммуникации среди участников длительных морских экспедиций	
<i>Колесникова П.А., Баранова Е.А.</i>	332
Коррекционно-развивающий потенциал сказкотерапии в формировании саморегуляции младших школьников (на основе материала сказки Евгения Шварца «Два брата»)	
<i>Коновалова А.А., Юлина Г.Н.</i>	334
Вокалотерапия как направление музыкальной терапии в профилактике стресса	
<i>Коптева Е.А., Серенкова К.М., Денисенко Е.Г.</i>	337
Анализ неязыковых способов общения в цифровой культуре и их влияния на эмоциональный интеллект	
<i>Кузнецов И.А., Свягина Е.В.</i>	339
Физическая культура как инструмент профилактики и коррекции моипии у студентов	
<i>Кулбужева Д.М., Орлова И.К.</i>	342
Особенности формирования цифровой компетентности в условиях ограниченного доступа к цифровым технологиям	
<i>Курицын В.Р., Тимохина Т.В.</i>	345
Реализация технологии VR и AI на внеурочных занятиях по «Экологии»	
<i>Лебедева С.В., Орлова И.К.</i>	347
Посткризисные состояния как психолого-педагогическая и социальная проблема	
<i>Лопухова А.Е., Орлова И.К.</i>	349
Учебная мотивация у старшеклассников: ключевые проблемы и способы решения	
<i>Лупова И.В.</i>	352
Использование цифровых и информационных технологий при обучении биологии в педагогическом колледже	
<i>Мичугина Е.Е., Журавлева О.М., Орлова И.К.</i>	354
Сравнительная характеристика психологических профилей цифрового поведения студентов различных направлений подготовки	
<i>Павлова А.Б.</i>	358
Современные вызовы цифровой трансформации образования	
<i>Просветова Я.А., Ахметшина И.А.</i>	360
Программы профилактики интернет-зависимости у подростков	

<i>Разуваева А.В., Ахметшина И.А.</i>	362
Влияние информационных технологий на познавательную деятельность младших школьников	
<i>Романова Н.Д., Денисенко Е.Г.</i>	363
Готовность студентов к использованию технологий искусственного интеллекта в учебном процессе	
<i>Саруханян Е.О., Ахметшина И.А.</i>	365
Компьютерные симуляции эмоционального отклика: новый взгляд на изучение психологии труда и подготовки педагогов будущих поколений	
<i>Селютин Е.В., Орлова И.К.</i>	367
Основные коррекционные работы с подростками, склонными к саморазрушительному поведению	
<i>Смирных А.Н., Ахметшина И.А.</i>	370
Роль эмоционального интеллекта в учебной деятельности	
<i>Соломина Е.И., Вакуленко А.Н.</i>	372
Влияние виртуальной реальности на обучение физической культуре и спорту: новые возможности для эффективного обучающегося процесса	
<i>Спасов К.А., Юлина Г.Н.</i>	374
Цифровые технологии и использование музыки в процессе обучения	
<i>Табаева А.С., Сухомлинов М.Д.</i>	376
Искусственный интеллект в дисциплине «Физическая культура»: возможности и риски для студентов	
<i>Талдонова Е.Л., Орлова И.К.</i>	379
Особенности протекания социальной адаптации в юношеском возрасте в условиях организации профессионального образования	
<i>Топорина А.А., Конобейская А.В.</i>	381
Спортивные традиции как фактор мотивации студенческой молодежи к занятиям физической культурой	
<i>Мыльникова В.Д., Уварова У.А., Ахметшина И.А.</i>	383
Подготовка педагогических кадров для цифровой эпохи: новые компетенции и профессиональные стандарты	
<i>Уткина Т.И.</i>	387
Методологический подход формирования компетентности будущего учителя математики к организации проектной деятельности учащихся	
<i>Фаловская А.С., Положенцева И.В.</i>	389
Профессия не по шаблону – технологии коучинга в профориентации школьников	
<i>Эрматова Д.К., Юлина Г.Н.</i>	391
Пути и средства повышения образовательных достижений детей-мигрантов	
<i>Юматова А.А., Ахметшина И.А.</i>	393
Риски цифровизации образования: цифровое выгорание школьников	
<i>Яцук В.д., Ахметшина И.А.</i>	395
Влияние виртуальной среды на когнитивное развитие обучающихся	